Годъ семнадцатый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина
1879.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать:

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Цѣна первыхъ двухъ томовъ по 2 р., остальныхъ по 3 р.; пересылка каждаго тома 40 копѣекъ.

Томъ I. Рескрипты и письма им. Екатерины II къ графу А. Г. Орлову.—Бумаги о самозванкѣ Таракановой. — Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ и къ г-жѣ Жоффренъ. Цѣна 2 р.

Томъ II. Сношенія Россіи съ Швеціею при Александрѣ I.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Автобіографическая записка графа Поццо ди Борго.—Депеши графа Литты.—Изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова.—Записка Димсделя о пребываніи его въ Россіи. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Автобіографія графа I. Каподистріи.—Инструкція Екатерины II-й фонъ-Ібинедеру.—Письма им. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Цѣна 3 р.

Томъ IV. Екатерининская Комиссія для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I къ Ф. Ц. Лагарпу.—Бумаги князя Н. В. Репнина. Документы изъ дѣлъ Саксонскаго архива.—Письма гр. Н. И. Панина къ сыну его. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ.—Записка князя А. А. Чарторыйскаго им. Александру I.—Документы изъ Саксонскаго архива. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II-й. 1744—1764 г. Часть I. Ц. 3 р.

Томъ VIII. Екатерининская Комиссія. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Переписка о бракѣ Густава IV съ Александрою Павловною.—Письма кн. А. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцеву. Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги Екатерины II-й. 1765—1771. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го. Цѣна 3 р.

Томъ XII. Переписка Англійскихъ пословъ при Русскомъ дворѣ 1762 — 1769. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги Екатерины II. 1771—1774. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Екатерининская Комиссія. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Донесенія барона Мардефельда.—Бумаги князя Репнина. Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги князя Н. В. Репнина за время управленія его Литвою. Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка Екатерины II-й съ Фальконетомъ. Цѣна 3 р.

(См. на оборотѣ)

Библиотека "Руниверс"

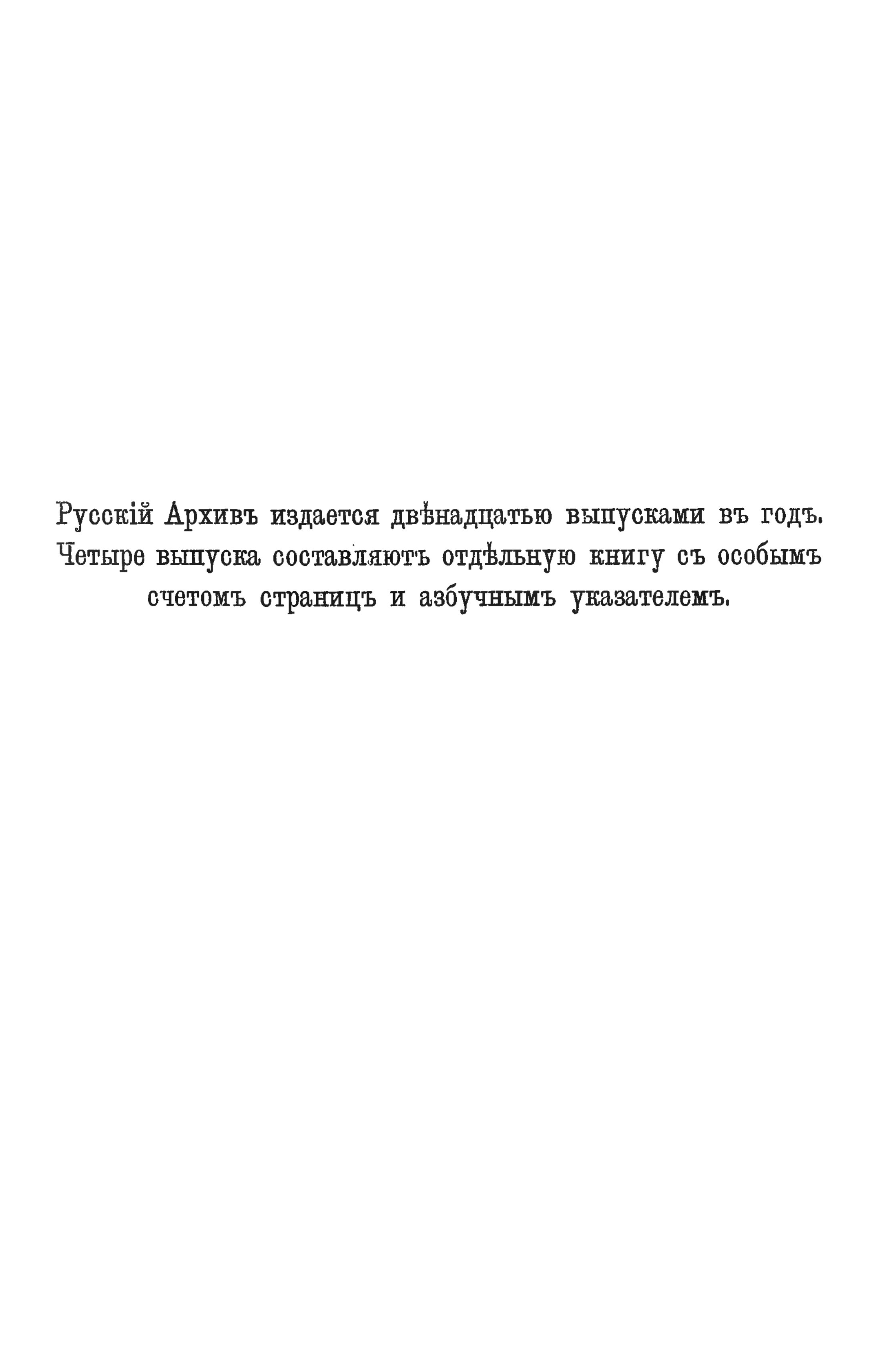
РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1879.

2

Библиотека "Руниверс"

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1879.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ, домъ Корзинкина.
1879.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Первыя Русскія поселенія на Сибирскомъ Востокѣ.

Русскіе перевалили черезъ Уралъ въ концѣ XVI столѣтія. Въ 1584 г. присланы были изъ Москвы воеводы Василій Сукинъ и Иванъ Мясновъ и поставили городъ Тюмень, бывшій Чингій; въ 1587 году, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, воевода Данило Чулковъ основалъ Тобольскъ, откуда Русскіе съ удивительною быстротою разсыпались по всей Сибири. Въ 1604 г. заложенъ Томскъ, въ 1619 Енисейскъ; въ 1632 Якутскъ; въ 1638 Охотскъ и въ 1661 году Иркутскъ.

О рѣкѣ Амурѣ услыхали Русскіе въ первый разъ отъ казачьихъ партій, посланныхъ въ 1636 году изъ Томска на р. Алданъ объясачить тамошнихъ Тунгусовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, подъ предводительствомъ Ивана Москвитина, подвигаясь постепенно къ Востоку, пришли въ 1639 г. къ берегамъ Охотскаго моря, гдѣ построили зимовье на р. Ульѣ для сбору ясака. Тутъ они встрѣтили Тунгусовъ съ р. Уди, которые разсказали имъ о племенахъ, живущихъ по рр. Зеѣ и Шилкару, что племена эти занимаются земледѣліемъ и промѣниваютъ Тунгусамъ хлѣбъ на пушнину (мѣха). Другое племя на устьѣ Амура называлось Натки; эти Натки промѣнивали бисеръ, мѣдь, посуду, серебряныя украшенія, шелковыя и бумажныя ткани, которыя они получали изъ Японіи и Китая.

Въ 1648 г. Енисейцы отправили сына боярскаго Ивана Галкина наложить ясакъ на Прибайкальскихъ народовъ. Изъ Баргузинскаго острога послалъ онъ съ этою же цѣлію нѣсколько казаковъ на р. Шилку, которые, вернувшись въ Енисейскъ, разсказали воеводѣ Аѳанасію Пашкову, что изъ Баргузинскаго острога можно поспѣть верхомъ къ озеру Иргену въ шесть дней, или водою по Байкалу и по рѣкамъ Селенгѣ и Хилоку; что въ 300 саженяхъ отъ Иргеня есть еще другое озеро Арахлей, гдѣ также множество живетъ Тунгусовъ; отъ этихъ озеръ недалеко сухимъ путемъ до р. Ингоды, впадающей въ Шилку; вообще отъ Иргена до устья Ингоды считается четыре дня пути; оттуда остается еще около 50 верстъ до впадающей въ Шилку р. Нерчи, гдѣ тоже Тунгусовъ очень много. Казаки объявили притомъ, что для «обхвата» Тунгусовъ необходимо построить у Иргена и у Нерчи остроги, на что нужно было не болѣе ста казаковъ.

Обо всемъ этомъ Пашковъ писалъ въ Москву; но, не дожидаясь отвѣта, немедленно отправилъ въ Іюнѣ 1652 года сына боярскаго Петра Бекетова со сотнею казаковъ для приведенія этого дѣла въ исполненіе. Доѣхавъ до Братскаго острога, онъ послалъ пятидесят-

Библиотека "Руниверс"

ника Ивана Максимова впередъ на озеро Иргенъ, гдѣ ему велѣно зимовать, собрать ясакъ и идти слѣдующимъ лѣтомъ на встрѣчу Бекетову. Самъ Пашковъ зимовалъ на устьѣ Селенги. Въ Іюнѣ 1653 г. партія поплыла на дощаникахъ вверхъ по Селенгѣ и на 27-й день встрѣтила Максимова на р. Хилокъ. Они пересѣли на легкія лодки и доплыли до озера Иргена, которое въ то время имѣло сообщеніе съ рѣкою. Тутъ построили они острогъ и собрали ясаку 19 сороковъ соболей, которые тогда въ Енисейскѣ цѣнились, по высокой своей добротѣ, до четырехъ тысячъ рублей.

Путь отъ Иргена къ Шилкѣ лежалъ черезъ Яблонный хребетъ, на р. Ингоду. Бекетовъ выѣхалъ 19 Октября 1653 года; но едва проѣхалъ 10 верстъ на плотахъ своихъ, какъ увидѣлъ, что рѣка замерзла. Онъ послалъ десятника Максима Урасова сухимъ путемъ искать на устьѣ Нерчи мѣста, гдѣ бы острогъ заложить и рекомендовалъ его Даурскому князю Гантимуру, который выселился въ эти мѣста съ рѣки Науна и оказывалъ Русскимъ расположеніе. Самъ Бекетовъ вернулся въ Иргенскій острогъ, оставя въ зимовьѣ 20 человѣкъ беречь провіантъ и военную аммуницію.

Урасовъ писалъ къ Бекетову, что на южномъ берегу Шилки, на устьѣ Нерчи (Нипчу) заложилъ небольшой острогъ, что тамошніе Тунгусы ему ни въ чемъ не препятствовали и охотно согласились платить ясакъ; что земля тамъ способна къ хлѣбопашеству, а Шилка изобилуетъ рыбою.

Все шло сначала удачно, но счастіе вдругъ оставило Бекетова. Гантимуръ, бывшій на Наунѣ самовластнымъ княземъ, при возрастаніи силы Маньчжуровъ, предъ покореніемъ ими Китая, не пожелалъ принять чужую власть надъ собою и выбрался изъ земли своей на р. Шилку. Какъ пріятель, онъ готовъ былъ оказывать всякія услуги и долгое время выражалъ Русскимъ свою благосклонность, пока не примѣтилъ, что ему хотятъ накинуть веревку на шею и поступить съ нимъ какъ съ другими Тунгусами. Не долго думая, онъ ушелъ со всѣми людьми на р. Аргунь. Урасовъ посылалъ за нимъ людей до рѣкъ Гана и Хайлара; люди эти принесли отъ него нѣсколько ничтожныхъ подарковъ, которые называли ясакомъ.

Бекетовъ, по прибытіи своемъ, хотѣлъ покуситься снова его заманить или обольстить ласковыми словами къ возвращенію и съ этою цѣлію послалъ къ нему пятидесятника Ивана Котельникова съ однимъ казакомъ, но они не возвращались, и о нихъ не было даже слуху.

Тунгусы, которые сначала добровольно согласились платить ясакъ, начали бунтоваться. Въ 1654 г. они осадили Бекетова въ небольшомъ его острогѣ; но сдѣлать ничего не могли; захватили только нѣсколько лошадей и потоптали на полѣ хлѣбъ, первый опытъ земледѣлія, заведеннаго по приказанію Бекетова. Но и этотъ вредъ и убытокъ былъ довольно великъ. Казаки начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; они знали, что по близости должны быть Русскіе, объ успѣхахъ которыхъ на Амурѣ разнеслась слава по всей Русской землѣ, и воображали себѣ, что у этихъ земляковъ

Библиотека "Руниверс"

всего есть въ избыткѣ; а потому и рѣшились оставить острогъ. Сначала ушло 30 казаковъ, а Бекетовъ, очутившись съ 20 только казаками, хотя сначала и противился ихъ злому умыслу; но, стѣсненный нуждою, и самъ рѣшился, наконецъ, бросить острогъ, вышелъ на Амуръ и наравнѣ съ находившимися тамъ казаками отправлялъ казацкую службу. Въ 1660 г. онъ черезъ Якутскъ вернулся въ Енисейскъ, гдѣ ожидалъ суда за то, что покинулъ острогъ; но добрые соболи его защитили и спасли отъ наказанія.

Прослѣдимъ съ самаго начала похожденія Русскихъ удальцовъ на дальнемъ Сибирскомъ Востокѣ.

Въ 1636 году Томскій воевода, слыша о богатствѣ Приленскихъ земель, отправилъ въ Якутскъ 50 человѣкъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Дмитрія Копылова, который по приходѣ, своемъ на Лену въ 1637 году, пошелъ на р. Алданъ, поплылъ вверхъ, заложилъ на этой рѣкѣ зимовье или небольшой острогъ и ограбилъ Якутовъ на р. Амгѣ, впадающей въ Алданъ.

Сынъ боярскій Парфенъ Ходыревъ посланъ былъ изъ Енисейска въ Якутскъ для управленія тамъ дѣлами. Онъ узналъ о насиліяхъ, произведенныхъ Копыловымъ, и напалъ на него въ самое то время, какъ Копыловъ возвращался съ захваченными лошадьми и рогатымъ скотомъ. Томскіе казаки были побѣждены и лишились 500 лошадей и такаго же числа быковъ.

Ходыревъ велѣлъ порубить 30 человѣкъ Якутовъ изъ партіи Копылова и вмѣсто того, чтобъ отнятый скотъ возвратить несчастнымъ хозяевамъ, удержалъ его для себя и своихъ казаковъ. Одинъ грабитель приходилъ за другимъ, и кто бы ни одержалъ верхъ, бѣднымъ Якутамъ было отъ того не легче.

Впрочемъ атаманъ Копыловъ оказалъ услугу тѣмъ, что первый положилъ основаніе распространенію Россійскихъ владѣній до Камчатскаго моря. Онъ въ 1639 году отправилъ для новыхъ обысканій казака Ивана Москвитина съ двадцатью человѣками изъ своихъ людей и для лучшаго успѣха присоединилъ къ нимъ еще одинадцать человѣкъ Красноярскихъ казаковъ. Казаки эти плыли Маею вверхъ, пока дошли до рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море. Во время пути они объясачили Тунгусовъ. Путь ихъ шелъ отъ Якутскаго острога до Алдана въ сутки, и пять недѣль до устья р. Маи. Вдоль по Маѣ шесть недѣль ходу до р. Ньюдмы, текущей въ первую съ лѣвой стороны, и шесть недѣль по р. Ньюдмѣ на стругахъ до горъ. Для прохода черезъ горы надо было употребить полдня до источниковъ р. Ульи, вдоль которой надо было еще день путешествовать до самаго соединенія ея съ другою, гдѣ собственно начинается имя Ульи, и тогда требовалось не болѣе пяти дней, чтобы дойти до ея устья. У этого устья Томскіе казаки построили зимовье и оттуда шли на Сѣверъ и на Югъ подлѣ морскихъ береговъ до рѣкъ Тауи и Уди. Отъ Удскихъ Тунгусовъ слышали они, что у рѣки Чи (Зеи) и Шилкара живетъ земледѣльческій народъ, съ которымъ они ведутъ торги и мѣняютъ на хлѣбъ соболей. Чи впадаетъ въ Шилкаръ, а сія послѣдняя въ Амуръ, котораго устье идетъ къ великому озеру. Эти

Библиотека "Руниверс"

же Тунгусы сказывали имъ о р. Омутѣ, что на ней также живутъ Тунгусы, которые ведутъ торги съ народомъ Натки; этотъ народъ живетъ близъ озера и говоритъ своимъ языкомъ. Омутскіе Тунгусы приносили къ нимъ соболей, а за нихъ получали серебро и большіе мѣдные котлы, употребляемые ими для варенія пищи; также бисеръ, шелковыя и шерстяныя матеріи, привозимыя изъ другихъ мѣстъ. Сказывали еще о р. Мамурѣ, что на ней живутъ люди, которые держатъ скотъ и пашутъ землю, садятъ вино въ мѣдныхъ котлахъ съ трубами, держатъ куръ и свиней и привозятъ по Амуру муку къ Натканцамъ.

Томскіе казаки хотѣли перейти съ Уди на Зею, но Тунгусы не хотѣли дать имъ проводниковъ, такъ какъ у нихъ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и они вынуждены были идти назадъ.

Между тѣмъ Енисейскій атаманъ Максимъ Перфильевъ тоже не мало способствовалъ къ распространенію Русскаго владычества въ Сибири. Онъ былъ посланъ въ 1638 году изъ Енисейска для «новыхъ обысканій у р. Витима». Онъ зимовалъ въ Олекминскомъ острогѣ и весною 1639 года пошелъ далѣе съ 36-ю человѣками отчасти казаковъ, а отчасти вольныхъ, зимовалъ, въ слѣдующемъ 1640 году поплылъ Витимомъ далѣе вверхъ и въ восемь дней пришелъ къ рѣкѣ Цыпиру, которую Русскіе назвали Ципа и при которой, какъ сказывали ему, жило много Тунгусовъ. Девять дней шелъ онъ вверхъ этою рѣкою до большаго порога, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Припасовъ оказалось недостаточно, товарищи не хотѣли идти далѣе; онъ вернулся съ двумя сороками соболей, которые собралъ по дорогѣ съ Тунгусовъ.

Путешествіе это не столько важно, сколько полученныя отъ Витимскихъ Тунгусовъ извѣстія. Они сказали, что съ устьевъ р. Кутомалы, впадающей въ р. Витимъ, надобно плыть еще цѣлый мѣсяцъ по послѣдней вверхъ, прежде нежели можно дойти до р. Карги, гдѣ живетъ Даурскій князецъ Ботога, который имѣетъ соболей, серебро и шелковыя матеріи, получаемыя у рѣки Шилки отъ князца Лавкая на обмѣнъ соболей; далѣе вверхъ у Витима до озера Еравны обитаютъ тоже Дауры, которые держатъ много скота; что отъ жилищъ князца Ботоги считается три или четыре дни ходу сухимъ путемъ до р. Шилки, вдоль которой живутъ до устья ея Дауры, имѣющіе у себя пашни и сѣющіе всякій хлѣбъ. Князецъ Лавкай живетъ при устьѣ р. Ура (порусски Урка) и неподалеку отъ него добываютъ серебряную руду (у р. Аргуни), которую Дауры плавятъ и мѣняютъ на соболей, сбывая ихъ Китайцамъ, а получаютъ отъ нихъ шелковыя матеріи и разные другіе товары; что тамъ же копаютъ мѣдную и свинцовую руду. Отъ мѣдныхъ рудниковъ надо ѣхать еще пять или шесть дней до устья Аргуни, а устье это простирается до великаго океана, который они называютъ Ламъ: тамъ живетъ народъ Килоры (Гиляки), который ведетъ торгъ съ Китайцами, приходящими къ нему моремъ. Китайцы на устьѣ Шилки (т. е. Амура) имѣютъ капища. Языкъ Килоровъ разнится отъ языковъ всѣхъ другихъ народовъ. Князь Лавкай и другіе Даурскіе начальники владѣютъ запасами хлѣ-

Библиотека "Руниверс"

ба, который князецъ Ботога покупаетъ у нихъ на соболей; жители у р. Шилки, занимаясь земледѣліемъ, не имѣютъ никакаго понятія о военныхъ дѣлахъ; рѣка Гиль (Гилюй) впадаетъ въ Шилку съ лѣвой стороны [1]); при ней живутъ Якуты и Тунгусы и проч.

Въ настоящее время трудно объяснить, откуда могли получить всѣ эти свѣдѣнія Витимскіе Тунгусы, такъ далеко отстоявшіе отъ жилыхъ Даурскихъ мѣстъ, не говоря о томъ, что свѣдѣнія эти весьма недостаточны и отчасти невѣрны. Вѣроятно Перфильевъ собралъ вмѣстѣ все, что̀ слышалъ отъ Тунгусовъ и Бурятъ, или узналъ это отъ плѣнныхъ людей, взятыхъ имъ у князца Ботоги.

Всѣ эти слухи скоро пронеслись по Сибири, особенно въ возраставшемъ тогда Якутскѣ, какъ центрѣ мѣховой торговли. Якутскіе воеводы старались развѣдать о незнакомыхъ мѣстахъ, лежащихъ далѣе къ Югу у р. Амура и покорить ихъ Русской державѣ.

Петръ Головинъ, первый Якутскій воевода, зналъ о походѣ Перфильева на Витимъ. Головинъ отправилъ туда 70 человѣкъ съ приказаніемъ, чтобъ они такъ далеко шли, сколько возможно. Но экспедиція эта была неудачна, и казаки возвратились, ничего не сдѣлавъ.

Послѣ этого обратили вниманіе на Алданъ. Изъ разсказовъ Тунгусовъ знали, что рѣки, впадающія въ него въ вершинахъ, недалеко отстоятъ отъ рѣкъ, впадающихъ въ Зею; надо только перевалить хребетъ, служащій водораздѣломъ для рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое и Пенжинское моря; а по приходѣ на Зею имѣется уже свободный ходъ на Амуръ.

Письменный голова Василій Поярковъ выбранъ былъ въ эту экспедицію. Ему дано было подъ команду 130 человѣкъ, по большей части промышленныхъ, которые обязаны были нести казацкую службу; сверхъ того отпущены съ нимъ полуфунтовая чугунная пушка и достаточное количество съѣстныхъ и военныхъ запасовъ. Онъ выступилъ въ путь въ Іюлѣ 1643 года и въ два дня достигъ до устья Алдана. Оттуда плылъ онъ вверхъ по рѣкѣ, въ четыре недѣли дошелъ до р. Учура, вошелъ въ нее, и послѣ десятидневнаго по ней путешествія достигъ до р. Гономы, на которой пробылъ долѣе, чѣмъ на двухъ первыхъ, не смотря на то, что она ихъ меньше. Въ пять недѣль онъ едва проѣхалъ половину Гономы по причинѣ пороговъ, которыхъ Поярковъ насчиталъ на этой рѣкѣ 64, большихъ и малыхъ. Въ послѣднихъ числахъ Сентября рѣки уже стали, и Поярковъ принужденъ былъ построить зимовье, гдѣ суда его замерзли.

Съ десятью человѣками, которые тащили провизію на нартахъ, пошелъ Поярковъ впередъ и слѣдовалъ все еще вдоль Гономы; черезъ шесть дней дошелъ до рѣчки Нуемки, послѣдней изо всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Алданъ съ Сѣвера и вытекающей изъ Становаго хребта. Поярковъ перевалилъ черезъ этотъ горный хребетъ со своими людьми, нашелъ р. Верхнюю Брянду [2]), которая довела его

---

[1]) Гилюй впадаетъ въ Зею, а Зея въ Амуръ.

[2]) Двѣ рѣки Брянды впадаютъ съ Запада въ Зею. У другой Брянды и при Урѣ жили Улагиры и Баягиры, два рода лѣсныхъ и степныхъ Тунгусовъ.

Библиотека "Руниверс"

до Зеи. По Зеѣ плылъ онъ мимо устьевъ Ура и Гилюя, впадающихъ въ Зею съ Запада и на пути своемъ не видалъ нигдѣ жилищъ, пока не дошелъ до устья р. Умлекана, гдѣ нашелъ Даурскую деревню, жители которой пахали землю. Это побудило его тутъ остановиться.

Поярковъ захватилъ старшину этой деревни Доптіула, и нѣсколько дней спустя послѣ того, пришелъ къ нему добровольно другой Дауръ Бебра и принесъ ясакъ. Кромѣ того принесли ему ясакъ нѣсколько Дучеровъ и Тунгусовъ, явившихся изъ дальнихъ мѣстъ. Всѣ эти люди служили Пояркову аманатами; отъ нихъ онъ получалъ свѣдѣнія о сосѣдственныхъ земляхъ. Бебра разсказалъ Пояркову о Даурскомъ острогѣ Мольдикичидѣ, на устьѣ р. Селимбы, гдѣ было много съѣстныхъ припасовъ. Поярковъ поѣхалъ такъ поспѣшно съ р. Гономы и припасовъ съ собою взялъ такъ мало, въ надеждѣ найти у Дауровъ, что ихъ недостало для его людей до привоза оставленнаго на Гономѣ провіанта. Да и у Дауровъ у р. Умлека ничего не осталось, такъ что ему Мольдикичидъ оставался единственнымъ ресурсомъ. Онъ отправилъ туда 50 человѣкъ, приказавъ имъ хитростію выманить старшинъ и захвативъ ихъ, засѣсть въ сосѣднемъ лѣсу и окопаться шанцами. Но предосторожности эти оказались напрасны. За версту до острожка встрѣтили казаковъ старшины народа, Дози и Колпа съ сыномъ Бебры, Деварою, оказали имъ почтеніе, предлагали свои услуги и отдались добровольно аманатами. Гостямъ очистили три юрты для житья и для содержанія ихъ пригнали 10 быковъ и доставили сорокъ коробовъ овсяныхъ крупъ. Юшко Петровъ, предводитель партіи, не былъ доволенъ, какъ пишетъ Фишеръ, «симъ пріятнымъ видомъ счастія»: онъ думалъ, что если жители добровольно оказываютъ вниманіе, то требованіями можно ихъ склонить на все.

На другой день по приходѣ пошелъ онъ со всѣми своими людьми въ острогъ, приказавъ нести передъ собою знамя, и осматривалъ крѣпостное строеніе. Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобъ его туда пустили; но жители отвѣчали, что тамъ много народа, который не знаетъ Русскихъ, а потому легко могутъ выйти худыя послѣдствія. Петровъ слышать не хотѣлъ и сталъ угрожать аманатамъ. Узнавъ объ этомъ, жители вышли изъ острога, много народу наѣхало изъ окрестныхъ селеній и напали на казаковъ. Десять казаковъ были смертельно ранены и остались въ рукахъ Дауровъ. Колпу, по несчастію, застрѣлили свои. Дози, убивъ приставленнаго къ нему казака, ушелъ въ острогъ. Остальные 40 человѣкъ Русскихъ пошли въ свои юрты, гдѣ три дня оправлялись, чтобъ приготовиться къ возвратному походу. Но опасность еще не миновала. Дауры заперли всѣ проходы къ юртамъ и непремѣнно погубили бы ихъ, еслибъ не наскучило имъ ждать: только это обстоятельство дало казакамъ случай на четвертый день уйти изъ подъ караула къ своимъ.

Можно себѣ представить, что товарищи встрѣтили ихъ непривѣтливо. Поярковъ не принялъ ихъ въ свою юрту, не хотѣлъ отпускать имъ съѣстныхъ припасовъ за то, что сами не умѣли промыслить, и предоставилъ имъ идти куда хотятъ добывать себѣ пропитаніе. Къ этому вынудило Пояркова то, что у него самого ѣсть

Библиотека "Руниверс"

почти было нечего, и люди его питались толченою древесною корою съ небольшою примѣсью муки. Дауры у Умлекана возстали на Пояркова, старшина ихъ успѣлъ бѣжать отъ него изъ-подъ караула, и надежда получить отъ туземцевъ припасы совершенно исчезла. Партія Юшки Петрова должна была ѣсть свѣжіе тулупы непріятелей или мертвыя тѣла своихъ товарищей, которые, отказавшись отъ этой пищи, умерли голодною смертію. Короче сказать, пока оставленные у Гономы 40 казаковъ съ провизіею подошли, изъ Поярковскихъ людей болѣе 40 человѣкъ умерло съ голоду.

Поярковъ, собравъ опять своихъ людей, поѣхалъ въ 1644 году Зеею внизъ на Амуръ. По наказу, ему должно было поворотить на право и идти рѣкою вверхъ къ князю Лавкаю искать серебряной руды въ его сосѣдствѣ. Неизвѣстно почему онъ повернулъ налѣво и въ три недѣли дошелъ до устья р. Шингала (Сунгари), вездѣ встрѣчая жилища Дучеровъ. Ему желательно было узнать, далеко ли до устья Амура; а потому онъ и послалъ 25 человѣкъ впередъ. Всѣхъ ихъ убили Дучеры, кромѣ двухъ человѣкъ, явившихся съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Пояркова это не остановило: онъ двинулся далѣе и въ шесть дней доплылъ до устья р. Усури. И тутъ, и еще на четыре дни пути ниже Усури, Поярковъ встрѣчалъ Дучеровъ. За нимъ слѣдовалъ народъ Натки и, наконецъ, пришелъ онъ къ Гилякамъ, которые занимали низовья Амура до моря. Гиляки владѣли еще лежащимъ передъ устьемъ Амура великимъ островомъ Шантаромъ и питались рыбною ловлею. Китайцы называютъ ихъ Ю-пи-та-цзи, т. е. одѣвающихся въ рыбьи кожи.

Когда Поярковъ достигъ до устья Амура, казаковъ его убыло больше половины, и зима уже наступала. Идти назадъ вверхъ рѣкою было продолжительно, трудно и опасно, и онъ бы непремѣнно замерзъ; пуститься въ такое время года въ море на небольшихъ судахъ значило подвергать себя вѣрной гибели; еслибы его даже и выбросило на берегъ, то онъ долженъ былъ погибнуть съ людьми своими отъ жестокой стужи. Лучше всего было остаться зимовать у Гиляковъ, а между тѣмъ готовиться къ будущему пути. Быть можетъ, къ этому его побудило желаніе собрать побольше ясаку.

Слѣдующею весною 1644 г. началось путешествіе моремъ; въ двѣнадцать недѣль достигъ Поярковъ устья Ульи. Этотъ долговременный путь задержалъ его еще зиму; а какъ Тунгусы этихъ странъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были уже объясачены партіею атамана Копылова, то Поярковъ полагалъ, что и на нихъ онъ имѣетъ основательное право. Для этого оставилъ онъ въ зимовьѣ, на устьѣ р. Ульи, двадцать человѣкъ изъ своей команды, которые должны были продолжать завоеваніе тамошнихъ мѣстъ и ждать себѣ смѣны изъ Якутска. Съ остальными людьми, въ концѣ зимы, поѣхалъ онъ на нартахъ чрезъ волокъ къ вершинамъ Маи; тамъ построилъ судно, на которомъ плылъ по этой рѣкѣ и Алдану внизъ до Лены; оттуда поднялся вверхъ до Якутска, куда благополучно прибылъ въ 1646 году, послѣ трехлѣтней отлучки. Здѣсь нелишнее будетъ замѣтить, что рѣка, по которой Поярковъ ѣхалъ въ Тунгускос море и которую

Библиотека "Руниверс"

мы называли Амуръ, въ донесеніяхъ его имѣетъ три наименованія: отъ устья Зеи до Сунгари называетъ онъ ее Шилкою; Шилка эта, по описанію его, впадаетъ въ Сунгари (Шингалъ), и идетъ далѣе подъ именемъ Шингала до соединенія съ Усури, которую Поярковъ называетъ Амуромъ. Оттуда по словамъ его, имя Амуръ продолжается до самаго моря.

Путь къ Амуру по Алдану и чрезъ хребетъ на Зею послѣ Пояркова никогда никѣмъ болѣе пройденъ не былъ.

Люди, оставленные Поярковымъ на Ульѣ, должно быть, недолго тамъ оставались. Иванъ Нагиба, проходившій по тѣмъ мѣстамъ въ 1652 году, не нашелъ ихъ и слѣдовъ.

Какъ ни велика заслуга Пояркова, но его вѣроломное и жестокое обращеніе съ туземцами, принявшими его такъ дружелюбно, не извинительно. Но если нуженъ былъ удалецъ, который бы пошелъ въ неизвѣстныя страны очертя голову, въ зимнее время, безъ достаточныхъ запасовъ: то удальцомъ этимъ былъ именно Поярковъ. Извѣстія, привезенныя имъ, обратили еще болѣе вниманіе на Амуръ. Промышленники, охотившіеся по Олекмѣ, еще въ 1647 году услыхали, что есть путь туда короче и удобнѣе. Ходили Олекмою, потомъ рѣкою Тугиромъ вверхъ, потомъ черезъ хребетъ, отдѣляющій Лену отъ Амура, на р. Урку, и ею вышли на Амуръ, на полдня хода отъ ея устья. Здѣсь увидали они на рѣкѣ плотъ и отъ Тунгуса-вожака узнали, что земляки его каждую осень спускались по Шилкѣ съ лошадьми для покупки хлѣба у князя Лавкая, возвращаясь домой первымъ зимнимъ путемъ. По словамъ вожака, до Лавкая было всего сутки ходу внизъ по рѣкѣ. Казаки, видя, что ихъ мало, разсудили вернуться на Олекму, сдѣлавъ на деревьяхъ затесы.

Въ это время жилъ въ Илимскѣ зажиточный Ленскій промышленникъ Ероѳей Хабаровъ. Онъ былъ Сольвычегодскій уроженецъ и первый занялся землѣделіемъ у Енисея, близъ устья Тиса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ селеніе Назимовское; въ 1639 г. онъ заложилъ соляную варницу въ Усть-Кутскомъ острогѣ и снабжалъ солью Якутскъ. Кромѣ того въ острогѣ этомъ и на устьѣ рѣки Киренги были у него землепахатныя заимки. Заводъ его въ 1641 г. отобранъ первыми воеводами въ казну безъ всякаго вознагражденія.

Хабаровъ слыхалъ о новомъ пути на Амуръ и, какъ человѣкъ рѣшительный, вздумалъ оказать услугу отечеству смѣлымъ предпріятіемъ. Въ 1647 г. явился онъ къ новому Якутскому воеводѣ Дмитрію Андрееву Франсбекову, зимовавшему тогда въ Илимскѣ, и просилъ у него дозволенія идти этимъ путемъ на Амуръ, обнадеживая покорить тамошнія мѣста Русской державѣ и не требовалъ ни жалованья, ни провіанта, но обѣщался содержать на собственномъ своемъ иждивеніи 150 человѣкъ, промыслить лодки со всѣми принадлежностями и доставить въ Якутскъ собранный ясакъ. Воевода согласился, далъ ему «наказную память» (открытое предписаніе), небольшое число казаковъ, а прочихъ, которые всѣ состояли изъ промышленниковъ, набралъ Хабаровъ самъ; но противъ того, сколько онъ намѣренъ былъ набрать, онъ набралъ едва половину.

Библиотека "Руниверс"

Позднею осенью вышелъ Хабаровъ съ 70 человѣками изъ Илимска, дошелъ до устья р. Тугира и, пробывъ тамъ до 19 Января 1648 г., выступилъ въ путь далѣе вверхъ по Тугиру; а оттуда пѣшкомъ перевалилъ черезъ хребетъ на нартахъ на Амуръ.

Главное намѣреніе Хабарова было найти Лавкая и узнать, гдѣ его серебряные рудники. Но слухи о звѣрскихъ поступкахъ Пояркова распространились по всѣмъ Пріамурскимъ селеніямъ, такъ что съ приближеніемъ Хабарова жители изъ деревень бѣжали, и онъ находилъ одни пустыя жилища Лавкая и его братьевъ. Тутъ было пять небольшихъ крѣпостей [3]), отстоявшихъ одна отъ другой на полтора дни пути. Крѣпостное строеніе было деревянное съ башнями и глубокими рвами; подъ башнями былъ ходъ для вылазки и потайные проходы къ водѣ. Внутри находились большіе дома съ бумажными оконницами, въ одну комнату, въ которой могло помѣститься до 60 человѣкъ. Крѣпостцы эти въ военное время служили убѣжищемъ для простаго народа, который обыкновенно жилъ въ чистомъ полѣ.

Хабаровъ проплылъ мимо первой и второй крѣпостцы. Приближаясь къ третьей, онъ увидѣлъ пять человѣкъ ѣдущихъ къ нему верхомъ. Это былъ князь Лавкай съ двумя братьями, съ зятемъ и съ служителемъ. Они остановились на разговорную дистанцію и стали объясняться чрезъ Тунгускаго толмача. Лавкай желалъ знать причину посѣщенія его владѣній и когда ему объяснили, что пришли для торговли, то онъ этому не хотѣлъ повѣрить, прибавивъ, что слышалъ отъ одного казака, будто Русскіе намѣрены покорить страну и взять жителей въ неволю. Хабаровъ отвѣчалъ, что онъ удовлетворится умѣреннымъ ясакомъ, за что они могутъ ожидать отъ его царскаго величества защиты и всякой великой милости. Братья Лавкая стали колебаться; но самъ князь, поворотивъ коня, быстро ускакалъ, а за нимъ и другіе. Догонять ихъ было невозможно.

Въ четвертомъ острожкѣ тоже никого не нашли; въ пятомъ оказалась одна только старуха, называвшая себя сестрою Лавкая. Она была однажды въ плѣну у Маньчжурскаго губернатора и съ восхищеніемъ разсказывала о дорогихъ товарахъ и огнестрѣльномъ оружіи, которые она видѣла въ его резиденціи на Нонни-Улѣ.

Хабаровъ увидѣлъ, что о приходѣ его Дауры узнали, что малымъ числомъ людей ему этихъ крѣпостей не взять; тѣмъ болѣе, что по видимому приготовлялись къ сильной оборонѣ. Онъ повелъ людей своихъ назадъ въ первую Лавкаеву крѣпость. Она была укрѣплена лучше другихъ и предоставляла ту выгоду, что черезъ волокъ стояла всѣхъ ближе къ Тугиру, оставляя тылъ Русскихъ, въ случаѣ нужды, свободнымъ. Здѣсь найдены были ямы, въ которыхъ вѣроятно было множество хлѣба. Въ Амурѣ было очень много рыбы, осетровъ и калугъ, изъ которыхъ послѣднія бывали до трехъ саженъ длиною и толщиною съ дороднаго человѣка. Для земледѣлія нельзя было желать страны выгоднѣе и плодороднѣе. Въ разныхъ мѣстахъ

---

[3]) Первая изъ нихъ называлась Албазинъ. Русскіе удержали это имя, когда поселились на этомъ мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

росли густые лѣса, въ которыхъ водились лучшіе соболи и разные цѣнные звѣри.

Желая покорить эту благодатную страну Россійской державѣ и принабрать для этой цѣли людей, Хабаровъ съ небольшимъ числомъ спутниковъ перевалилъ черезъ хребетъ на Тугиръ и неожиданно явился 26 Мая 1650 года въ Якутскъ, куда привезъ отрадныя вѣсти и чертежъ рѣкѣ Амуру и положенію пяти Лавкаевыхъ крѣпостей.

Услыхавъ объ успѣхахъ Хабарова, промышленные приходили къ нему толпами. Онъ собственнымъ иждивеніемъ набралъ 117 человѣкъ и съ приданными ему воеводою еще 21 казакомъ пошелъ назадъ на Амуръ и зимовалъ въ Албазинѣ.

Оттуда поѣхалъ онъ въ 1651 году со всѣми своими людьми внизъ по Амуру, и черезъ нѣсколько дней прибылъ къ тремъ, одна подлѣ другой стоящимъ, Даурскимъ крѣпостямъ. Между Даурами было 50 человѣкъ Маньчжуровъ, прибывшихъ за сборомъ ясака. Маньчжуры хотѣли предупредить высадку Русскихъ, сдѣлали вылазку; но первымъ выстрѣломъ Русскіе убили 20 человѣкъ. Дауры бѣжали въ крѣпость; а Маньчжуры, удалившись въ поле, хладнокровно смотрѣли издали на происходившее.

Русскіе потребовали сдачи крѣпости, но князь Гогударъ [4]) отказалъ имъ въ этомъ. Дауры стрѣляли съ крѣпостныхъ башень безпрестанно, такъ что поле было усыпано стрѣлами; но промышленные сдѣлали ночью подъ одною башнею проломъ и при восходѣ солнца ворвались въ крѣпость. Въ полдень и другая крѣпость оставлена непріятелемъ. Третья оказала упорное сопротивленіе, но принуждена была сдаться.

Въ первыхъ двухъ крѣпостяхъ найдено 214 непріятельскихъ труповъ, а въ послѣдней 427. Въ вырытыхъ ямахъ внутри крѣпостей найдено было спрятанныхъ женщинъ и дѣвицъ 243, дѣтей 218; 231 лошадь и 113 головъ рогатаго скота. Русскихъ убито только четверо и ранено 45 человѣкъ.

Одну изъ взятыхъ крѣпостей Хабаровъ назвалъ Гогударовымъ городкомъ. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ были посланы къ сосѣднимъ князьямъ Дазаулу, Банбулаю, Шилганею и Албазѣ съ требованіями, чтобъ они вступили въ подданство Россіи, но посланные не вернулись. Проживъ тутъ шесть недѣль, 20 Іюня 1651 года Хабаровъ выступилъ опять въ походъ. Онъ плылъ по рѣкѣ внизъ, встрѣчая вездѣ оставленныя жителями селенія. Отъ захваченныхъ Дауровъ Хабаровъ узналъ, что отъ устья Зеи, далѣе внизъ на день ѣзды, есть новопостроенный городъ и сильная крѣпость, въ которой живутъ три князя, Турунча, Толга и Омутей. Онъ отправилъ впередъ легко вооруженную партію для внезапнаго нападенія на Дауровъ, которая и взяла крѣпость, такъ какъ Дауры, не ожидая непріятеля, пировали въ какомъ-то улусѣ ниже; защищать крѣпость было поздно, и ихъ множество погибло. Три князя сдались. Они приведены были

[4]) Въ остальныхъ двухъ крѣпостяхъ находились князья Олгамза и Лотодимъ.

Библиотека "Руниверс"

въ крѣпость со ста человѣками изъ знатнѣйшихъ Дауръ, присягнули на вѣрность Россіи и обѣщали ежегодно платить дань съ тысячи человѣкъ, состоявшихъ подъ ихъ властью. Хабаровъ, по просьбѣ князей, которые предложили себя аманатами, выпустилъ изъ крѣпости женъ ихъ и дѣтей со всѣмъ прочимъ народомъ подъ предводительствомъ князя Омутея, полагаясь на ихъ вѣрность. Взаимныя отношенія были повидимому самыя дружественныя; народъ, перешедшій въ прежнія свои жилища, свободно приходилъ въ крѣпость и снабжалъ Русскихъ съѣстными припасами; аманатовъ ни въ чемъ не стѣсняли, и безпечность эта кончилась тѣмъ, что 3-го Сентября простой народъ въ деревняхъ и многіе изъ аманатовъ, въ крѣпости находившихся, всѣ въ одинъ день скрылись. Оставшіеся должны были за вину ушедшихъ претерпѣть всякія жестокости.

Хабаровъ, имѣвшій сначала намѣреніе тутъ зимовать, вынужденъ былъ оставить это мѣсто. 7 Сентября онъ поплылъ на судахъ далѣе, давъ крѣпости названіе Толзинъ городъ и приказавъ ее впрочемъ, по выходѣ своемъ оттуда, зажечь.

Еще при первомъ отправленіи, Хабарову приказано было употреблять противъ язычниковъ всякую умѣренность и не принимать непріятельскихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока никакихъ другихъ средствъ не останется; но Хабаровъ, какъ мы видѣли, не задумывался проливать человѣческую кровь и, какъ дикій звѣрь, нападалъ на беззащитныя населенія нижняго Амура, и его донесенія постоянно твердятъ: «много людей мы побили и порубили». Безсмысленный грабежъ, хищничество, звѣрства и убійства возстановили туземцевъ противъ Хабарова, и когда, послѣ трехнедѣльнаго плаванія, за позднимъ временемъ года, онъ не могъ идти далѣе и построилъ деревянную крѣпость, названную Ачанскимъ городкомъ, то вскорѣ послѣ того тысяча человѣкъ Дучеровъ и Ачанцевъ атаковали его, пользуясь отсутствіемъ ста человѣкъ, посланныхъ Хабаровымъ вверхъ по Амуру искать съѣстныхъ припасовъ. У Хабарова осталось 106 человѣкъ. Изъ нихъ оставилъ онъ 36 человѣкъ въ крѣпости при пушкахъ, а съ остальными сдѣлалъ такую отважную вылазку на непріятелей, что ихъ въ короткое время легло на мѣстѣ 117 человѣкъ, а прочіе обратились въ бѣгство. Два дня спустя, посланная партія возвратилась съ нагруженными судами.

Слѣдующая зима прошла тихо, и съ Ачанцовъ собрано довольно ясака. Но 26 Марта, 1652 года, неожиданно явилась передъ Ачанскимъ городкомъ тысяча человѣкъ Маньчжурской арміи, которые начали стрѣлять изъ пушекъ и винтовокъ прежде, чѣмъ осажденные проснулись. Дучеры и Ачанцы, видя, что ихъ силъ не хватаетъ, обратились съ просьбою о помощи къ намѣстнику Маньчжуріи Учурвѣ, который поручилъ Нингутскому губернатору Ижинею набрать какъ можно больше войска, стараться захватить Русскихъ живыхъ и вооруженныхъ и ему представить.

Русскіе услыхали выстрѣлы и не знали, что̀ думать: они побѣжали въ однихъ рубахахъ смотрѣть, что̀ такое случилось и, увидавъ непріятеля, тотчасъ стали вооружаться. Перестрѣлка продолжалась

Библиотека "Руниверс"

весь день. У Маньчжуровъ было между артилеріей огнестрѣльное стѣноломное орудіе изъ гончарной глины [5]), въ которое клали до 40 фунтовъ пороху; они сдѣлали имъ проломъ и начали уже продираться въ крѣпостъ. Но желаніе ихъ захватить непріятеля живаго испортило все дѣло. Русскіе успѣли подвинуть большую мѣдную пушку къ пролому и вмѣстѣ съ другими большими и малыми орудіями открыли такой огонь, что Маньчжуры обратились въ бѣгство. Послѣ этого 150 Русскихъ сдѣлали вылазку и взяли двѣ чугунныя пушки, которыя были поставлены слишкомъ близко къ укрѣпленію. Тридцать Маньчжуръ отстрѣливались фитильными винтовками о четырехъ стволахъ; но большую часть ихъ Русскіе побили; прочее, дурно вооруженное войско стояло недолго. Со стороны Русскихъ убито 10 человѣкъ и 78 ранено. Непріятельскихъ труповъ насчитали 676; отбито 2 пушки, 17 винтовокъ, 8 знаменъ и 830 лошадей.

Хабаровъ не хотѣлъ долѣе медлить въ нижнихъ пустыхъ мѣстахъ Амура. Мяса и хлѣба у него не было; рыбою питаться онъ не хотѣлъ, сверхъ того боялся вторичнаго нападенія отъ Маньчжуровъ, и 22 Апрѣля 1652 года первою полою водою поднялся онъ вверхъ по рѣкѣ и по счастію быстро пробѣжалъ на парусахъ устье Сунгари, гдѣ его ждали 6000 человѣкъ Маньчжуровъ. Въ верхнемъ концѣ Хинганскихъ Щекъ встрѣтилась съ нимъ станица казаковъ и промышленныхъ, посланныхъ въ минувшемъ году изъ Якутска съ порохомъ и свинцомъ ему на помощь. Ихъ было 144 человѣка подъ предводительствомъ казаковъ Третьяка Ермолаева Чечигина и Артемія Филипова. Чечигинъ шелъ знакомымъ путемъ по рѣкамъ Олекмѣ и Тугиру, оставивъ въ горахъ припасы съ семью человѣками, приказавъ перевести ихъ въ концѣ зимы на нартахъ чрезъ волокъ и слѣдовать съ ними внизъ по Амуру. Самъ онъ, не останавливаясь нигдѣ, продолжалъ съ казаками путь свой, въ пять дней пришелъ черезъ волокъ къ Уркѣ и въ шесть дней достигъ Амура. Тамъ построилъ онъ на-скоро нѣсколько небольшихъ дощаниковъ, на которыхъ пошелъ внизъ по Амуру.

Главная забота Чечигина была найти Хабарова. Вездѣ, гдѣ онъ ни проходилъ, слышалъ только то, что Хабаровъ спустился по Амуру и вездѣ оставилъ печальную по себѣ память. У сгорѣвшаго Банбулаева городка, на два дни пути выше устья Зеи, захватили его морозы, и онъ долженъ былъ тутъ зимовать, не смотря, что мѣсто это было разорено и опустошено; а о Хабаровѣ не было ни слуху, ни духу.

Чечигинъ опасался, не пошелъ ли онъ далѣе внизъ по Амуру, и тогда сыскать его было бы еще труднѣе. Тотчасъ по вскрытіи рѣки, послалъ онъ особенную команду розыскивать его, подъ предводительствомъ Ивана Нагибы.

Немного дней спустя пришли запасы съ Тугирскаго волока, и Чечигинъ со всѣми людьми поднялся. На дорогѣ нашли они Дучерскій улусъ князя Тоенчи и взяли въ плѣнъ его женъ и дѣтей. Тоенча пришелъ самъ и отдался аманатомъ, присягнувъ за себя и за сто

---

5) Пинартенъ.

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ своихъ подданныхъ. Ясака тогда онъ дать былъ не въ состояніи, а внесъ его при возвращеніи Чечигина вмѣстѣ съ Хабаровымъ.

Нагиба пустился изъ Банбулаева городка въ первыхъ числахъ Мая 1652 года. Четыре недѣли плылъ онъ по Амуру, а о Хабаровѣ ничего не было слышно. Должно быть, Нагиба съ нимъ разъѣхался въ острогахъ выше устья Сунгари. Едва миновалъ онъ, въ шестой день, устье Зеи, какъ былъ окруженъ Даурскими лодками, но счастливо пробился. Потихоньку спускался онъ по рѣкѣ, оставляя, гдѣ могъ, письменныя о себѣ извѣстія, и послѣ четырехнедѣльнаго плаванія и неудачныхъ поисковъ встрѣтилъ онъ одного Натка, который сказалъ ему, что Хабаровъ еще далѣе внизу на Амурѣ. Но онъ обманулъ ихъ, и когда они взяли его проводникомъ, то черезъ три недѣли привелъ онъ ихъ къ множеству Гиляцкихъ лодокъ, которыя до того ихъ окружили, что они не могли подвинуться ни взадъ, ни впередъ; такъ, что Чечигинъ долженъ былъ выстоять полторы недѣли середи рѣки на якоряхъ. Но голодъ и отчаяніе заставили пробиться силою и выйти на берегъ. Русскіе захватили весь рыбный запасъ, повѣшанный для провяливанія у амбаровъ и убили тридцать Гиляковъ, оказавшихъ сопротивленіе.

Послѣ этого пошли они еще далѣе внизъ по Амуру и, плывя три дни безъ остановки, въ послѣднихъ числахъ Іюля достигли до его устья. Назадъ идти было опасно, такъ какъ самое способное время года для плаванія прошло; бичевою тащить вверхъ суда было трудно по причинѣ иловатости берега, и хотя при благополучномъ вѣтрѣ и можно было бы идти на парусахъ, но далеко пройти такимъ образомъ нельзя было: на половинѣ пути ихъ захватили бы морозы, туземцы конечно напали бы на нихъ, къ мореплаванію суда казачьи не годились. Но другаго средства не оставалось, и они починили одно судно, на которое надѣялись болѣе другихъ. Между тѣмъ множество Гиляцкихъ судовъ окружило ихъ; но одно изъ нихъ дорого заплатило за свою отвагу: Русскіе ворвались въ него и безъ милосердія побили 40 человѣкъ Гиляковъ, бывшихъ на суднѣ.

Потомъ пустился Чечигинъ съ командою въ море, но въ третій день поднялась сильная буря, судно бросало въ разныя стороны въ теченіи десяти дней и наконецъ разбило его о камни. Люди хотя по счастію и выплыли на берегъ, но провіантъ, порохъ и свинецъ большею частію при томъ пропали. Они вынуждены были идти пѣшкомъ вдоль морскаго берега, покорившись судьбѣ своей; питались они травами и кореньями, а также дохлыми тюленями и моржами, которыхъ выбрасывало на берегъ. Въ пятый день пришли они къ рѣчкѣ, гдѣ построили другое судно, на что употребили двѣ недѣли; за тѣмъ другія двѣ недѣли плыли возлѣ берега, а потомъ пріѣхали къ рѣчкѣ Учалдѣ, на которой жили Гиляки и Тунгусы. Но люди эти, увидя Русскихъ, разбѣжались, оставивъ большіе запасы сушеной рыбы, что̀ и побудило Русскихъ остаться тамъ на нѣкоторое время. Они построили зимовье, гдѣ прожили до 15 Декабря 1652 года.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ этого пошли наши путники на р. Тугуръ (Тухуру), которая впадаетъ въ море, и напали на слѣдъ Тунгусовъ, который ихъ вывелъ черезъ 4 дня къ Тунгусскимъ жилищамъ. Нигдѣ не встрѣчалось до сихъ поръ такъ много лѣсныхъ Тунгусовъ, жившихъ вмѣстѣ; юртъ было до ста пятидесяти. Несмотря на это, Русскіе съ ними скоро управились, взяли у нихъ двухъ аманатовъ и столько съѣстныхъ припасовъ, что имъ довольно было на полгода. Они пробыли тамъ до начала лѣта 1653 года и послѣ пошли на плотахъ внизъ по Тугуру. Тутъ Нагиба сдалъ команду казаку Ивану Уварову, оставя ему 20 человѣкъ продолжать начатое дѣло покоренія Тунгусовъ у р. Тугура. Онъ приказалъ ему идти еще рѣкою вверхъ и гдѣ нибудь въ удобномъ мѣстѣ построить для сбора ясака хижину; а самъ съ пятью казаками опять пустился въ море и плылъ подлѣ берега четыре недѣли до р. Нангтáры и по ней подымался четыре дня до горъ, раздѣляющихъ рѣки Ленскія отъ впадающихъ въ море. Переваливъ черезъ хребетъ, пришелъ онъ къ рѣчкѣ Вагану, гдѣ построилъ новую лодку и на ней сплылъ рѣкою внизъ въ Маю, а изъ Маи въ Алданъ до соединенія его съ Леною. Отсюда ему оставалось идти четыре дня вверхъ до Якутска, куда онъ и прибылъ 15 Сентября, совершивъ путешествіе, достойное удивленія.

Между тѣмъ Русскіе, оставленные на Тугурѣ, построили на устьѣ этой рѣки зимовье, которое послѣ, по приходѣ свѣжаго войска изъ Якутска, названо Тугурскимъ острогомъ, но впослѣдствіи разорено Маньчжурами въ 1683 году.

Возвратимся къ Хабарову.

Соединясь съ свѣжимъ войскомъ, посланнымъ изъ Якутска, какъ мы сказали выше, у р. Бурси, при началѣ Хинганскихъ Щекъ, онъ думалъ, что былъ въ состояніи силою защищать завоеванія на Амурѣ противъ всякаго непріятеля. Но наглость его людей и безпорядочность распоряженій вредили этому дѣлу. Онъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ, собралъ съ Дучеровъ ясакъ и только что собирался строить острогъ противъ устья Зеи, какъ въ дружинѣ его произошли несогласія, обратившіяся въ явное возмущеніе. Изъ 348 человѣкъ 136, подъ предводительствомъ Полякова, Иванова и Васильева, бѣжали 1-е Августа на трехъ дощаникахъ внизъ по Амуру. Участь ихъ неизвѣстна.

Посольство, которое хотѣлъ отправить Хабаровъ изъ селенія Толги въ Пекинъ, не состоялось по неимѣнію вожака; предположеніе его построить укрѣпленіе противъ устья Зеи у селенія Кокорей, не исполнилось за недостаткомъ силы. Онъ послалъ въ Якутскъ четырехъ казаковъ съ извѣстіями о своихъ приключеніяхъ и далъ имъ провожатыми до Урки 36 человѣкъ, такъ какъ Дауры слѣдили по обоимъ берегамъ за всѣми движеніями Русскихъ. Посланные три раза имѣли стычки съ ними и шли до Урки только ночами, и едва въ пять недѣль дошли до Якутска. Хабаровъ писалъ, что шести тысячъ человѣкъ достаточно для отраженія сорокатысячной Маньчжурской арміи. Но гдѣ было тогда набрать такую силу? Воевода

Библиотека "Руниверс"

послалъ гонцовъ въ Москву, гдѣ о завоеваніи Амура уже подумывали съ нѣкотораго времени.

Хабаровъ не зналъ чтò ему предпринять. Мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, казалось ему небезопаснымъ отъ нападенія Маньчжуръ. Онъ въ томъ же 1652 году поднялся еще вверхъ до устья р. Кумары, впадающей въ Амуръ съ Юга, и на острову противъ устья рѣки построилъ Кумарскій острогъ, бывшій впослѣдствіи главнымъ жилищемъ Русскихъ у Амура.

Послѣ этого нѣтъ никакихъ письменныхъ свѣдѣній о подвигахъ Хабарова на этой рѣкѣ.

Взглянувъ безпристрастно на все, чтò творилось на Амурѣ въ первыя девять лѣтъ, мы должны жалѣть, что подобныя предпріятія отдавались въ руки перваго встрѣчнаго искателя приключеній, для котораго быстрое личное обогащеніе было конечно важнѣе упроченія государственныхъ доходовъ. Туземцы были ограблены, не было никакой основательной осѣдлости, и средства страны быстро истощились отъ безпрестанныхъ насилій Русской вольницы. При первомъ появленіи нашихъ на Амурѣ, у туземцевъ было и скотоводство, и хлѣбопашество. Черезъ 10 лѣтъ поля стояли запущенныя, и страна, прежде продававшая избытокъ хлѣба, едва могла кормить порѣдѣлое народонаселеніе. Безъ сомнѣнія, будь эти экспедиціи руководимы благоразумнымъ направленіемъ, то Россія двѣсти лѣтъ раньше пользовалась бы уже всѣми выгодами Амурской страны.

На Амуръ ходило изъ Сибири 532 человѣка. Изъ нихъ 210 остались съ Хабаровымъ; 20 человѣкъ сидѣли въ небольшомъ острогѣ на Тугурѣ, близъ Охотскаго моря; 233 погибли въ сраженіи съ туземцами и Маньчжурами, умерли съ голоду и бѣжали. Потеря со стороны туземцевъ и Маньчжуръ, сколько извѣстно, простирается до 1600 человѣкъ.

Любостяжаніе, какъ видно, было главнѣйшею причиною завоеваній на Амурѣ; завоеватели же были люди вольные и отважные, которые, имѣя въ виду корысть, презирали всѣ тягости и трудности. Предпріятіямъ ихъ немало способствовали и ихъ учрежденія: они не зависѣли отъ произвола начальства, но жили въ совершенной вольности и ни къ чему не были обязаны, какъ только въ чемъ сами обязались. Совѣщанія у нихъ происходили при всѣхъ, и каждый могъ свободно выражать свое мнѣніе; начальники выбирались изъ нихъ же, ими самими; и они ихъ слушались, понимая, что приказанія клонились къ пользѣ общей; каждый былъ самъ себѣ и господинъ, и слуга, и вся добыча дѣлилась поровну.

Для подобныхъ людей при счастіи легки бываютъ предпріятія и завоеванія; но тѣмъ для нихъ труднѣе удержать пріобрѣтенное. Неограниченная свобода и общее равенство не допускаютъ порядка и подчиненности, необходимыхъ въ каждомъ благоустроенномъ дѣлѣ.

Дворъ царскій въ Москвѣ давно уже зналъ о безпорядкахъ на Амурѣ и опасался, что все доброе, сдѣланное промышленниками, рушится вслѣдствіе ихъ же насилій. Чтобъ отвратить это, опредѣлено было собрать 3000 человѣкъ войска изъ Сибирскихъ и Россійскихъ при-

Библиотека "Руниверс"

морскихъ [6]) городовъ и отправить съ ними на Амуръ окольничаго [7]) князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго. Но напередъ, въ Мартѣ 1652 г., посланъ былъ Московскій дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ съ командою для исправленія дороги и другихъ необходимыхъ приготовленій. По наказу, ему слѣдовало еще до зимы дойти до Амура; но онъ того года дошелъ только до Лены, неподалеку отъ Чечуйскаго волоку [8]), гдѣ захватили его морозы. Весною 1653 г. пустился онъ далѣе, и оставя на устьѣ Олекмы свою команду, пошелъ съ небольшимъ числомъ людей въ Якутскъ. Прочіе, по приказанію его, поѣхали напередъ Олекмою и Тугиромъ вверхъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ начался Тугирскій волокъ [9]), построили острогъ. Они окончили уже строеніе, когда Зиновьевъ прибылъ и не теряя времени продолжалъ путь свой черезъ волокъ.

Въ то время, какъ Зиновьевъ зимовалъ у Чечуйскаго волока, поѣхали отправленные Хабаровымъ два казака черезъ Илимскъ въ Москву съ донесеніемъ о счастливомъ успѣхѣ Русскаго оружія на Амурѣ, и дорогою разсказывали чудеса объ этой рѣкѣ и ея богатствахъ; увѣряли, что тамъ всѣ ходятъ въ шелку и парчахъ и показывали въ доказательство истины своихъ словъ богатые наряды; они говорили, что на Амурѣ бездна серебра, золота и соболей, множество скота, необозримыя пашни и прекрасные древесные плоды. Весь Илимскій уѣздъ пришелъ въ движеніе, и слухъ скоро распространился о томъ до Верхоленска. Каждый хотѣлъ имѣть участіе въ такомъ богатствѣ; ни домъ, ни жена, ни дѣти, ни божескіе, ни человѣческіе законы не могли отвратить людей отъ ихъ намѣренія ѣхать жить въ благословенную Даурію. Начало сдѣлали нѣсколько человѣкъ Верхоленскихъ казаковъ. За ними пошли плотники, которые должны были строить суда на Илимскомъ волокѣ на устьѣ рѣки Муки [10]) и въ Усть-Кутѣ для похода князя Лобанова-Ростовскаго. Съ ними соединилось много промышленныхъ и крестьянъ изъ Приленскихъ деревень; туда же бѣжало и много преступниковъ. Якутскій уѣздъ тоже зараженъ былъ этою язвою. Напрасно посылали казаковъ воротить ушедшихъ; они храбро дрались съ ними, да и нѣкоторые казаки сами передавались на ихъ сторону. Наглость переселенцевъ доходила при томъ до того, что ни святыня, ни частное, ни казенное имущество не были пощажены; но вся рѣка Лена до устья Олекмы была разграблена, и деньги, провіантъ, мягкая рухлядь, оружіе, порохъ, свинецъ и все, что только попадалось, было расхищено, и самые обыватели были скованы и уведены. Побѣгъ этотъ продолжался до

6) Такъ назывались города, лежащіе на Двинѣ и впадающихъ въ нее рѣкахъ.

7) Равнялся нынѣшнему званію генералъ-адъютанта.

8) Чечуйскій волокъ есть узкая часть земли между вершинами Нижней Тунгузки и острогомъ Чечуйскимъ, на Ленѣ.

9) Между рѣками Тугиромъ и Уркою. Волокъ этотъ есть часть горъ, отдѣляющихъ Лену отъ Амура.

10) Впадаетъ въ Купу; эта въ Куту, а Кута въ Лену.

Библиотека "Руниверс"

1655 года. Два брата Михайло и Яковъ Сорокины склонили на свою сторону 300 человѣкъ и встревожили всю страну грабежами и насиліями. По царскому указу поставлена была на устьѣ Олекмы застава изъ пятидесяти человѣкъ, гдѣ приказано было задерживать всѣхъ безпаспортныхъ, отправлявшихся на Амуръ.

По возвращеніи своемъ изъ Якутска, Зиновьевъ на устьѣ Олекмы встрѣтилъ болѣе ста человѣкъ бродягъ. Онъ уговаривалъ ихъ вернуться, но они его не послушали, напротивъ того пошли за нимъ слѣдомъ. Съ Зиновьевымъ было всего тридцать человѣкъ. Онъ спѣшилъ увидаться съ Хабаровымъ и везъ ему и всѣмъ его товарищамъ отъ государева имени золотыя медали за храбрость. Онъ засталъ Хабарова въ Августѣ 1653 г. на устьѣ Зеи и приступилъ тотчасъ же къ исполненію содержащихся въ наказѣ его статей: приказалъ Третьяку Чечигину ѣхать съ четырьмя человѣками въ посольство въ Китай и далъ ему провожатыми братьевъ Дучерскаго князя Тоенчи; взялъ къ себѣ Ерофея Хабарова съ цѣлію послать его въ Москву съ извѣстіями объ Амурѣ; на мѣсто его опредѣлилъ казака Онуфрія Степанова начальникомъ; приказалъ построить три новые острога на устьѣ Зеи, на устьѣ Урки, а третій въ серединѣ, на томъ же почти мѣстѣ, гдѣ стоялъ Албазинъ. Къ нему явились на Амурѣ 48 человѣкъ промышленныхъ съ предложеніемъ услугъ; онъ послалъ ихъ вверхъ для сбору ясака. На р. Уркѣ они выстроили острогъ, гдѣ и зимовали, но по недостатку запасовъ рѣшились спуститься внизъ за Степановымъ.

Зиновьевъ приказалъ завести пашни и заготовить для пяти или шести тысячъ человѣкъ войска годовую пропорцію провіанта. Но такъ какъ эти всѣ приказанія отданы были бродягамъ и промышленнымъ, у которыхъ постоянныхъ жилищъ не было, а грабежъ и насилія были ихъ единственнымъ ремесломъ, то и неудивительно, что большая часть распоряженій Зиновьева осталась неисполненною.

Вообще въ распоряженіяхъ Зиновьева видны безпечность и слабость. Князя Лавкая, котораго незадолго передъ тѣмъ Хабаровъ взялъ аманатомъ, онъ освободилъ; изъ Тобольска было ему отпущено для Амура 50 пудъ пороху и столько же свинцу, а онъ этотъ необходимый запасъ приказалъ въ Тугирскомъ острогѣ зарыть въ землю вмѣстѣ съ земледѣльческими орудіями, назначенными для Дауріи, тогда какъ Степановъ на Амурѣ страшно нуждался въ порохѣ.

По пріѣздѣ своемъ съ Хабаровымъ въ Москву Зиновьевъ представилъ царю Алексѣю Михайловичу нѣсколько Даурскихъ, Дучерскихъ и Гилякскихъ плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ; но царь велѣлъ въ 1655 г. отослать ихъ къ Онуфрію Степанову для возвращенія сродникамъ и *отнюдь не принуждать Амурскихъ народовъ къ крещенію*.

Хабаровъ за услуги свои пожалованъ сыномъ боярскимъ и управителемъ Приленскихъ деревень отъ Усть-Кута до Чечуйскаго волока. Память его живетъ въ имени деревни Хабаровой, которая лежитъ выше Киренска, гдѣ было его судейское мѣсто, и близъ устья Усури основана станица Хабаровка.

Библиотека "Руниверс"

Со смѣною Хабарова перемѣнилось и счастіе Русскаго оружія на Амурѣ. Вскорѣ послѣ его отозванія богдоханъ приказалъ изо всѣхъ верхнихъ мѣстъ Амура всѣхъ Даурскихъ жителей вывести на Сунгари и Нонни (Наунъ), отчего у Русскихъ вдругъ пресѣклось продовольствіе, а безъ припасовъ оставаться на Амурѣ было невозможно. Степановъ терпѣлъ во всемъ большую нужду. Одна надежда была на Сунгари. Тотчасъ послѣ отъѣзда Зиновьева онъ приказалъ поднять якори и пошелъ на Сунгари, гдѣ столько нашелъ хлѣба, что могъ имъ нагрузить всѣ свои суда. Спустившись далѣе по Амуру, онъ зимовалъ у Дучеровъ. Съ награбленнымъ запасомъ обращались небережливо, такъ что при наступленіи весны 1654 г. Степановъ былъ принужденъ идти опять на Сунгари. Но это путешествіе было ему не такъ удачно, какъ прежнее: на четвертый день плаванія по этой рѣкѣ, встрѣтилъ онъ Маньчжуровъ, Китайцевъ, Дауровъ и Дучеровъ, которые въ числѣ 3000 человѣкъ напали на него и на водѣ и съ суши. Непріятельскія лодки были атакованы и обращены въ бѣгство, но съ сухопутною силою Степанову сладить было трудно, потому что у него по милости Зиновьева недоставало пороху и свинцу. На Сунгари оставаться ему нельзя было; онъ пришелъ къ одному Дучерскому улусу, напалъ на него; но вмѣсто хлѣба взялъ только нѣсколько плѣнныхъ, отъ которыхъ узналъ, что посланные Зиновьевымъ въ Китай Чечигинъ и казакъ убиты братьями Тоенчи, ихъ проводниками.

Степановъ поднялся опять вверхъ по Амуру и встрѣтился съ 30 Енисейскими казаками, искавшими службы. Они служили на Шилкѣ при сотникѣ Бекетовѣ и за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ оставили свой постъ. Они были приняты безъ всякаго затрудненія, а вслѣдъ за тѣмъ пришелъ и самъ Бекетовъ, сдѣлавшись, какъ мы уже видѣли, изъ сотника рядовымъ казакомъ.

Долгое время разъѣзжая по Амуру, Степановъ рѣшился зимовать въ Кумарскомъ острогѣ, гдѣ нашелъ постройки Хабарова разоренными и принужденъ былъ строить острогъ вновь и укрѣпить наилучшимъ образомъ на случай нападенія со стороны Китайцевъ.

Въ началѣ весны 1655 года непріятель дѣйствительно пришелъ съ 10,000 человѣкъ. Такъ какъ событіе это одно изъ достопамятнѣйшихъ въ исторіи Амура, то надо разсказать его пространнѣе.

Острогъ состоялъ изъ землянаго вала, сдѣланнаго четвероугольникомъ съ четырьмя больверками или быками. Какихъ трудовъ стоило сдѣлать этотъ валъ, можно судить потому, что земля уже была мерзлая, и копали ее желѣзными кирками. На валѣ стоялъ двойной палисадникъ, промежутки котораго были засыпаны пескомъ. Около палисадника былъ выкопанъ ровъ глубиною въ сажень и шириною въ двѣ, а передъ нимъ поле кругомъ усыпано было деревянными, въ землю вколоченными сваями и желѣзными крючьями. Сваи плотно были вколочены въ землю и заострены; крючья были покрыты рыхлою землею или хворостомъ.

У Русскихъ было только три пушки; въ серединѣ острога сдѣланъ былъ широкій раскатъ, на которомъ онѣ были поставлены и

Библиотека "Руниверс"

могли поварачиваться во всѣ стороны. Въ крѣпости былъ вырытъ колодезь, и отъ него на всѣ четыре стороны были проведены трубы, чтобы гасить огонь въ случаѣ, еслибы непріятелю удалось зажечь острогъ. И все это было сдѣлано съ Октября по Мартъ! Въ острогѣ была церковь Спаса съ чудотворною иконою. Двое Китайцевъ были окрещены въ этой церкви и посланы въ Якутскъ. Русскій гарнизонъ состоялъ изъ 500 человѣкъ. Зима прошла благополучно. Съ наступленіемъ весны Китайцы подступили подъ Кумарскій острогъ. У нихъ было 15 пушекъ и множество пищалей съ замками и безъ замковъ (съ жаграми и безъ жагръ); чтобы подвигаться къ самой крѣпости, Китайцы привезли съ собою двухколесныя телѣжки, на которыхъ поставлены были большіе деревянные щиты, покрытые кожами и войлоками для защиты людей отъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Двадцать человѣкъ Русскихъ, высланные изъ острога на рубку лѣса для судовъ, были захвачены Китайцами и погибли.

Первая вылазка тоже была неудачна: охотники слишкомъ далеко зашли, были отрѣзаны отъ острога и такъ какъ сдаться не хотѣли, то всѣ были изрублены. Китайцы стрѣляли съ трехъ батарей день и ночь; но видя, что пушки ихъ не наносятъ особаго вреда, подступили вдругъ со всѣхъ четырехъ сторонъ подъ острогъ. Горячая битва продолжалась съ перваго часу ночи до самаго утра 25 Марта. Русскіе дѣятельно отстрѣливались и сдѣлали вылазку съ такимъ успѣхомъ, что непріятель принужденъ былъ отступить.

Послѣ этого Китайцы не смѣли близко подходить къ острогу; только изрѣдка стрѣляли изъ своего лагеря на разстояніи 350 саженъ отъ острога. Напослѣдокъ, оставя осаду, они отступили послѣ трехнедѣльныхъ усилій взять укрѣпленіе.

Самый большой вредъ нанесли они Русскимъ тѣмъ, что изрубили стоявшія на берегу суда. Наши собрали послѣ осады 730 пушечныхъ ядеръ, но, самыя большія изъ нихъ не тянули и двухъ фунтовъ. Во все время осады Русскіе постились и служили молебны.

Вслѣдъ за тѣмъ послалъ Степановъ собранный ясакъ прямо въ Москву, помимо Якутскаго воеводы. Обстоятельство это, повидимому неважное, имѣло послѣдствіемъ то, что Амуръ отчислили отъ Якутскаго уѣзда, и воеводы отказались вступаться въ Амурское дѣло.

Степановъ писалъ въ Якутскъ, чтобы ему прислали свинцу и пороху, для дальнѣйшаго сопротивленія нападеніямъ Китайцевъ, и послалъ своихъ людей, прося какъ можно скорѣе снабдить его этимъ, но ему на это даже ничего и не отвѣчали, а людей его на устьѣ Олекмы осмотрѣли и описали у нихъ всю ихъ собственность.

Между тѣмъ временемъ, въ 1654 году, Якутскіе воеводы послали сына боярскаго Ѳедора Пущина съ 50 казаками на р. Аргунь, чтобъ объясачить тамошнихъ Тунгусовъ. Онъ дошелъ до Тугирскаго острога, зимовалъ тамъ, на слѣдующее лѣто пошелъ волокомъ на Амуръ; но по несчастію потерялъ на р. Уркѣ почти весь провіантъ, порохъ, свинецъ и оружіе. Не смотря на то, онъ поплылъ далѣе и на устьѣ Аргуни построилъ зимовье. За недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ ему нельзя было тамъ оставаться: Тунгусы всѣ изъ тѣхъ мѣстъ разбѣ-

Библиотека "Руниверс"

жались. Три недѣли подымался онъ вверхъ по Аргуни и, не встрѣтивъ ни души, спустился на Амуръ искать помощи у Степанова. Онъ нашелъ его у устья Сунгари тоже въ крайнемъ положеніи. Вмѣстѣ поѣхали они вверхъ по этой рѣкѣ; по счастію, было время жатвы, и они достали столько хлѣба, что надѣялись прожить имъ цѣлый годъ. Потомъ они спустились въ Гиляцкую землю, гдѣ построили на откосѣ острогъ, назвали его Косогорскимъ и въ немъ зимовали.

Слѣдующею весною 1656 года они вновь поднялись по Амуру и Дучеровъ на рѣкѣ этой уже не нашли. Они увидали остатки сожженныхъ и изрубленныхъ Русскихъ судовъ и услыхали, что тутъ было 30 казаковъ, пришедшихъ сухимъ путемъ съ Сѣвера съ Аникою Логиновымъ, изъ станицы братьевъ Сорокиныхъ, и что казаки эти всѣ убиты. Остальныхъ изъ этой несчастной партіи нашелъ Пущинъ далѣе вверху на берегу Амура мертвыхъ и истощалыхъ съ голода. На легкой лодкѣ поѣхалъ Степановъ на Сунгари; но и тамъ все было пусто и даже не сдѣлано никакаго приготовленія къ посѣвамъ. Кое-гдѣ встрѣчалъ онъ нѣсколько человѣкъ, которые ему сообщили, что Дучеры и Дауры, по именному повелѣнію богдохана, разбѣжались; что юрты Дучеровъ приказано было сжечь, а самимъ имъ перейти вверхъ по Сунгари на р. Кургу.

Положеніе казаковъ на Амурѣ было печальное; провіантъ вышелъ, взять его негдѣ; въ порохѣ и свинцѣ большой былъ недостатокъ, и Степановъ нѣсколько разъ думалъ уже оставить Амуръ вовсе, но не осмѣлился этого сдѣлать, потому что былъ присланъ туда по царскому повелѣнію. 15 Марта 1655 г. послана была ему милостивая грамота, съ приказаніемъ принимать противъ туземцевъ мѣры кротости, не брать излишняго ясака и избѣгать ненужныхъ столкновеній съ Китайцами.

Чтобы кое-какъ облегчить себя, онъ въ Іюлѣ 1656 года послалъ 50 человѣкъ съ ясачною казною, приказавъ имъ не возвращаться. Къ нимъ присоединился Пущинъ съ 20 человѣками своей команды, да сотникъ Петръ Бекетовъ. Вмѣсто того, чтобъ идти волокомъ между Уркою и Тугиромъ, они выбрали какой-то кратчайшій путь, который навелъ на долгій, и они до того голодали, что лишились 41 человѣка. По приходѣ въ Тугирскій острогъ, гдѣ тогда жилъ сынъ боярскій Курбатъ Ивановъ для сбора ясака, они и тамъ не нашли запасовъ; тоже самое случилось съ ними и на всѣхъ зимовьяхъ промышленыхъ. Наконецъ узнали они, что по Олекмѣ везутъ множество провизіи, назначенной на Амуръ для команды воеводы Пашкова. Это избавило ихъ отъ смерти; они поспѣшили на показанное мѣсто, напрашивались сами у хозяевъ въ гости и чего имъ не хотѣли давать добровольно, то брали у нихъ силою.

При всѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, ясачной казны привезено съ однихъ только Гиляковъ и пограничныхъ Дучеровъ больше 120 сорсковъ соболей, кромѣ другихъ мѣховъ.

Пущинъ отзывался о землѣ Гиляковъ, какъ о единственной, оставшейся на Амурѣ, гдѣ можно было собирать ясакъ. По мнѣнію его надо было ежегодно посылать туда черезъ Охотскъ казаковъ, которые бы

Библиотека "Руниверс"

попеременно смѣнялись; и такъ какъ въ то время Китайцы не присвоивали себѣ власти надъ Гиляками, то весьма легко можно было держать этотъ народъ въ повиновеніи.

Въ Москвѣ давно уже думали о томъ, какъ бы Амурскія земли утвердить за собою и извлекать изъ нихъ больше пользы; хотѣли, чтобы онѣ зависѣли не отъ Сибирскаго воеводства, а отъ Сибирскаго Приказа въ Москвѣ и управлялись собственными своими воеводами.

Выше сказано, что князю Лобанову-Ростовскому приказано было туда идти съ 3000 человѣкъ; но поѣздка его не состоялась, и дѣло Амурское поручено Енисейскому воеводѣ Аѳанасію Пашкову.

Пашковъ въ 1654 году донесъ Сибирскому Приказу, что, прежде всего должно утвердиться у Шилки и учредить тамъ главный пунктъ, откуда бы управлять окольными землями, а со временемъ привесть и Амуръ въ подданство. На предложеніе его согласились, и ему же поручено было привести это въ исполненіе. Давъ ему главную власть надъ всѣми казаками и промышленными на Амурѣ, разрѣшено ему еще набрать болѣе 300 человѣкъ свѣжаго войска изъ Сибирскихъ городовъ; посланъ былъ указъ въ Тобольскъ, чтобы его снабдить всѣми военными потребностями, и Илимскому воеводѣ приказано было послать напередъ потребное количество провіанта въ Тугирскій острогъ. Правительство не упустило ничего, чѣмъ только могло споспѣшествовать этому полезному намѣренію. Но выполнителямъ эти приготовленія не нравились; своекорыстіе и небрежность чиновниковъ, необузданность и дерзость казаковъ ставили все на свой ладъ. Не заботились о будущемъ. Енисейскіе воеводы, пріемники Аѳанасія Пашкова, изъ зависти интриговали противъ него, научая мѣстныхъ управителей его не слушаться. Отправленные въ 1656 году съ провіантомъ въ Тугирскій острогъ казаки, хотя тѣмъ же лѣтомъ могли придти на Амуръ, но по небрежности зимовали на Олекмѣ; а начальники ихъ такъ между собою перессорились, что слѣдующею весною, оставя команду, отправились въ Якутскъ другъ на друга просить.

Въ это-то время подошли голодные Степановскіе казаки съ ясачною казною съ Амура и помогли уничтожить весь запасъ, приготовленный для Пашкова.

Еслибы Пашковъ сталъ ожидать, пока все будетъ въ готовности, то ему пришлось бы навсегда отложить свое путешествіе. Но энергическій воевода выступилъ изъ Енисейска на судахъ въ томъ же году и, будучи уже недалеко отъ устья Илима, вдругъ измѣнилъ свой маршрутъ и вмѣсто того, чтобы войти въ Илимъ, оттуда волокомъ на Лену и такъ далѣе по Олекмѣ на Тугиръ, онъ поднялся Ангарою, переѣхалъ черезъ Байкалъ и вдоль Хилока направился къ Иргенскому острогу, гдѣ, прекративъ разные безпорядки, въ 1658 году продолжалъ путь на Шилку и на устьѣ Нерчи положилъ основаніе Нерчинску.

Отстраивая Нерчинскій, называвшійся сначала Нелюдской острогъ, онъ взялся и за Амурскія дѣла и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Албa-

Библиотека "Руниверс"

зинъ, приказалъ заложить острогъ. Указомъ царскимъ повелѣно было, чтобы всѣ казаки на Амурѣ, соединясь съ нимъ, исполняли его распоряженія. Для этого отправилъ онъ пятидесятника Андрея Потапова съ тридцатью человѣками искать ихъ предводителя Степанова и объявить ему и его подчиненнымъ вышеупомянутый царскій указъ, приказавъ Степанову со 100 человѣками придти въ Нерчинскъ, прочимъ же ожидать его прибытія.

Степановъ, зимовавшій съ 1657 на 1658 г. въ Кумарскомъ острогѣ, въ началѣ лѣта, хотѣлъ, по обыкновенію своему, идти Амуромъ внизъ попытать счастія; ниже Сунгари сошелся съ нимъ Китайскій флотъ изъ 47 судовъ съ пушками и разнымъ оружіемъ. Русскихъ было 500 человѣкъ, но не всѣ они упорно стояли: нѣкоторые еще до сраженія отдѣлились отъ прочихъ, а другіе сдались Китайцамъ добровольно. Степановъ долго оборонялся, сколько могъ; но превосходство силъ непріятельскихъ его одолѣло, и онъ погибъ съ 270 человѣками своихъ товарищей, которые были убиты, или попались въ плѣнъ къ Китайцамъ. Спаслось всего 47 человѣкъ. Пятьдесятъ сороковъ соболей досталось въ руки побѣдителямъ. Сто восемдесятъ человѣкъ, бѣжавшихъ съ боя, сошлись съ Потаповымъ, посланнымъ изъ Нерчинска розыскивать Степанова, отняли у него провіантъ и окончательно отказались подчиниться Пашкову. Обобравъ Потапова, они спустились къ устьямъ Амура и слѣдующею весною 1659 года возвратились въ Кумарскій острогъ съ 18 сороками соболей, силою взятыхъ у Гиляковъ. На пути присоединились къ нимъ 47-мь казаковъ, спасшихся во время битвы близъ Сунгари. Въ Кумарскомъ удальцы раздѣлились на двѣ партіи: одни перебрались въ числѣ 120 человѣкъ на Зею; а другіе 107 человѣкъ, имѣя также при себѣ ясачную казну, пошли черезъ Тугирскій острогъ на Лену, гдѣ такъ разсѣялись, что вмѣстѣ едва осталось шесть человѣкъ, которые дотащили ясакъ до Енисейска и были посланы въ Москву. Послѣ этого съ Амура ясака не приходило; тѣ, которые пошли на Зею, мало по малу разбѣжались, и большая часть изъ нихъ пришла въ Якутскъ въ 1660 году.

Такимъ образомъ слава Амура исчезла, и Пашковъ принужденъ былъ обращать особое вниманіе на сохраненіе западныхъ земель и новопостроеннаго Нерчинскаго острога. Но и тутъ вездѣ и во всемъ былъ недостатокъ: небольшой запасъ провіанта, который онъ съ собою привезъ, скоро весь вышелъ; земледѣліе, о которомъ онъ заботился, сулило плоды лишь въ будущемъ, между тѣмъ голодъ такъ усилился, что Пашковъ и его казаки принуждены были ѣсть лошадей, собакъ, волковъ, лисицъ и всякихъ звѣрей, убитыхъ на промыслѣ.

Съ военными припасами, которые надо было доставить Пашкову изъ Тобольска, произошло еще хуже. Сначала для его похода назначено было пятьдесятъ пудовъ пороха, сто пудовъ свинца и множество огнестрѣльнаго оружія. Потомъ вспомнили о запасномъ порохѣ, закопанномъ Зиновьевымъ въ Тугирскомъ острогѣ и думали, что съ Пашкова будетъ довольно. Къ Хабарову, которому дѣло это было из-

Библиотека "Руниверс"

вѣстно, посланъ былъ указъ, въ силу котораго онъ долженъ былъ указать мѣсто, гдѣ порохъ зарытъ; а сынъ боярскій Ѳедоръ Пущинъ посланъ былъ изъ Якутска съ 30 человѣками порохъ этотъ принять и доставить въ Нерчинскъ. Но оказалось, что Михайло Сорокинъ, проходя въ 1655 году со своею шайкою на Амуръ, порохъ вырылъ и поставилъ на томъ мѣстѣ крестъ, вырѣзавъ на немъ для памяти и самое дѣло. Хабаровъ и Пущинъ послали нарочныхъ съ этимъ извѣстіемъ къ Пашкову; но нарочные не возвращались. Послѣ того отправлены были другіе гонцы, которые нашли на Амурѣ нѣсколько казаковъ изъ Пашковской команды убитыхъ или умершихъ съ голода и похоронили ихъ. Это удержало ихъ идти далѣе, и они, взявъ нѣсколько ружей, находившихся при умершихъ, вернулись въ Тугирскій острогъ.

Всѣ эти безпрестанныя неудачи и бѣдствія могли бы, кажется, отнять бодрость у самаго храбраго; но энергическій Пашковъ оставался непоколебимъ и дѣлалъ, сколько было можно. Услышавъ, что Тунгусы у Ингоды взбунтовались, онъ поспѣшилъ въ Иргенскій острогъ для прекращенія бунта. Тамъ въ 1661 г. явились къ нему съ Амура 17 оставшихся еще казаковъ, которые просились въ службу. Пашковъ хотѣлъ тогда посылать сына своего Еремея съ партіею казаковъ противъ ослушниковъ, то отправилъ и ихъ вмѣстѣ съ ними. Только что партія перебралась черезъ Ингоду, Амурцы обокрали предводителя своего и товарищей и въ туманную ночь ушли отъ нихъ. Они плыли на плотахъ до Нерчинска, гдѣ взяли нѣсколько судовъ, дѣлая угрозы управителю, который по неволѣ долженъ былъ повиноваться этимъ разбойникамъ, такъ какъ большая часть гарнизона отпущена была на рыбный промыслъ. Послѣ того они плыли до Урки, а затѣмъ пошли извѣстнымъ путемъ черезъ волокъ на Тугиръ, гдѣ ихъ встрѣтилъ ѣхавшій на смѣну воеводѣ Пашкову Тобольскій сынъ боярскій Ларіонъ Толбузинъ; онъ взялъ ихъ съ собою назадъ на Амуръ. Болѣе не слышно было ни объ этихъ, ни о другихъ казакахъ на Амурѣ, пока нѣсколько лѣтъ спустя новый случай на Ленѣ не подалъ повода опять къ населенію жителями верхнихъ мѣстъ Амура.

*

Неудачная экспедиція Бекетова на Шилку не обезкуражила Пашкова. Онъ предложилъ Московскому правительству основать городъ на этой рѣкѣ, что̀ много могло способствовать покоренію окрестныхъ земель. Предложеніе его одобрено, и самъ онъ назначенъ Амурскимъ воеводою.

Съ 1661 года Русскіе оставили Амуръ, и съ Никифора Черниговскаго начинается новая эпоха предпріятій. Онъ былъ Полякъ, сосланый въ Сибирь въ 1638 году. Въ 1650 онъ былъ прикащикомъ деревень на Чечуйскомъ волокѣ и вскорѣ потомъ управлялъ Усть-Кутскою варницею. Въ 1665 пріѣхалъ въ Киренскъ, на Лену, Илимскій воевода Лавръ Авдѣевъ Обуховъ. Черниговскій его убилъ «за его озорничество», какъ сказано въ лѣтописи Черепанова, а имен-

Библиотека "Руниверс"

но за сестру. Черниговскій и его сообщники бѣжали на Амуръ, силою захвативъ съ собою Киренскаго іеромонаха Гермогена. На Тугиръ пришло всѣхъ 84 человѣка, изъ нихъ 15 убиты Тунгусами во время грабежа, остальные перевалили черезъ хребетъ и поселились въ разоренномъ Албазинѣ, бывшемъ Лавкаевомъ укрѣпленіи. Мѣсто было выбрано удачно: съ Сѣвера горы защищали отъ холода, и вообще мѣстность соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе для поселенія, какъ удобный пунктъ для сношеній съ Маньчжурами и Тунгусами и по богатству производительныхъ силъ природы.

Укрѣпленіе было деревянное въ видѣ четырехъугольника, 180 шаговъ по рѣкѣ и 200 шаговъ съ боку. Къ фасу выходили 2 башни и къ нагорной сторонѣ одна; близъ башни этой вели въ крѣпость ворота, надъ которыми были приказная изба и караульня. Все было обнесено валомъ и полями и обведено частоколомъ и ямами. Амбары съ припасами находились внутри острога, а жилье и казармы были внѣ крѣпости. Гермогенъ построилъ церковь во имя Воскресенія Христова. Новыя партіи выходили въ Албазинъ; Черниговскій акуратно высылалъ въ Нерчинскъ ясакъ, доходившій, какъ видно изъ документовъ, до 4-хъ сороковъ соболей. Въ 1671 году посланъ туда правителемъ Иванъ Охолковъ. По его настоянію Гермогенъ выстроилъ монастырь во имя Спаса Всемилостиваго, немного выше Албазина, на мѣстѣ, называемомъ Брусяной Камень. Предполагали построить соборъ Архангела Михаила и часовню Владимірской Божіей Матери, но предположенія эти не осуществились.

Въ этомъ же и слѣдующемъ году прибыли хлѣбопашцы; они построили нѣсколько селеній и заимокъ, изъ которыхъ самая значительная была Покровская слобода. Другія деревни были: Монастырщина, Озерная, Панова, Солдатова, Ондрюшкина. Послѣдняя при устьѣ Буринды.

Москва, втянутая въ войну съ Турціей и Польшей, мало обращала вниманія на Амурскія дѣла, точно также, какъ теперь Петербургъ. Казаки придумали обратить на себя вниманіе правительства тѣмъ, что въ 1671 году послали въ Москву ложное донесеніе о томъ, что собрались большія силы Китайцевъ, построившихъ уже, будто бы, крѣпость на Тугирѣ. Въ Якутскѣ было тогда всего на все двѣ плохія пушки. Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ послана была къ царю челобитная, подписанная 101 Албазинцемъ, которою испрашивалось помилованіе Черниговскому во вниманіе его великихъ заслугъ. За два дня до полученія этой просьбы дѣло его уже было рѣшено: онъ, сынъ его и нѣкоторые другіе были приговорены къ смертной казни и 47 человѣкъ къ различнымъ наказаніямъ; но рѣшеніе отмѣнено, и посланные вернулись въ Албазинъ съ 2000 рубл. въ подарокъ гарнизону. Множество Тунгусовъ обложены были вновь ясакомъ.

Въ 1676 г. на устьѣ Гилюя поставлено было ясачное зимовье, откуда партіи ходили пѣшкомъ на Верхнюю Зею за сборомъ ясака. Но ходить пѣшкомъ такую даль было трудно, поэтому рѣшено было отдѣлить отрядъ изъ 71 казака и промышленныхъ людей, подъ начальствомъ Ѳедьки Остафьева, для постройки укрѣпленія въ верши-

Библиотека "Руниверс"

нахъ Зеи. На устьѣ Нумиши (Амумышъ) заложенъ въ 1678 г. Верхозейскій острогъ; въ этомъ же году покорены многія Тунгусскія племена, и послано въ Албазинъ 180 соболей. Князекъ Магирскаго племени дозволилъ имъ построить острогъ на Селимбѣ (1679) и другое укрѣпленіе—Долонскій острогъ, на устьѣ р. Долонцы.

Въ 1681 г. Нерчинскій воевода Ѳедоръ Дементьевъ Воейковъ поручилъ сыну боярскому Игнатію Милованову съѣздить на Зею и Селимбу въ видахъ заселенія этихъ мѣстъ. Миловановъ нашелъ земли около Долонска чрезвычайно плодородными; по Зеѣ встрѣчалъ онъ богатыя пастбища. Старое Верхозейское укрѣпленіе было смыто водою и по просьбѣ Улагирскихъ Тунгусовъ построено Новозейское, немного ниже р. Брянды. На устьѣ Зеи стояло небольшое селеніе Кая, а верстахъ въ тридцати ниже по Амуру на лѣвомъ берегу небольшой укрѣпленный Китайскій городокъ Айгунъ, слѣды котораго и теперь еще видны. Окрестности были весьма плодородны, и торговля съ Маньчжурами значительна. Жители городка не могли объяснить своего происхожденія и времени постройки городка. Изъ Долонска вела на устье Зеи конная дорога, которую можно было пройти въ 4 дня; съ устья Зеи выходили пѣшкомъ въ Албазинъ въ три недѣли.

Миловановъ послалъ донесеніе съ картою мѣстности и предположеніемъ построить городъ или на устьѣ Зеи, или въ сосѣдствѣ Айгуна, какъ мѣстности весьма выгодной для торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Правительство на это не соглашалось, рѣшившись поддерживать прежнія поселенія. Милованову приказано было поселиться въ Селимбинскѣ для сбора на царя ясака, и было послано къ нему подкрѣпленіе изъ Албазина. Торговать пушниною ему было запрещено, но въ знакъ особой милости дозволено продавать водку, пиво, хлѣбъ и табакъ. Поселенія на Зеѣ не зависѣли отъ Албазина, и Милованову предоставлено было сноситься непосредственно съ Нерчинскомъ.

Предполагавшаяся экспедиція къ Гилякамъ, которую велѣно снарядить Нерчинскому воеводѣ Сѣнотрусову, не состоялась по случаю раздоровъ въ Албазинѣ, куда Воейковъ послалъ сына своего Андрея начальникомъ, весною 1682 года. Въ казнѣ не было денегъ, 200 человѣкъ гарнизона требовали жалованья или продажи соболей для удовлетворенія ихъ. Воейковъ-отецъ самъ пріѣхалъ разбирать дѣло. Между тѣмъ Гаврило Фроловъ просилъ дозволенія идти съ партіею казаковъ и промышленныхъ людей на рѣки Бурею и Амгунь: былъ слухъ, что племена, живущія на этихъ рѣкахъ, не состоятъ ни въ чьемъ подданствѣ. Воевода сначала позволилъ, но вернувшись въ Нерчинскъ, раздумалъ, опасаясь ссоры съ Китаемъ, и послалъ въ Албазинъ запретительную грамоту; но почему-то она не была принята въ уваженіе, и Фроловъ, съ 61 человѣкомъ отправился на Амгунь и построилъ на устьѣ Дукичана ясачное зимовье. Незадолго до него пришла изъ Тугурска шайка казаковъ и промышленныхъ и построила зимовье на устьѣ Немилена. Обѣ партіи соединились, взяли у туземцевъ заложниковъ и съ небольшою потерею отбили 300 человѣкъ Натки и Гиляковъ, которые пришли къ Тугурску съ цѣлію уничтожить Русское укрѣпленіе.

Библиотека "Руниверс"

Къ концу 1682 года Русскія поселенія на Амурѣ были слѣдующія: Албазинъ съ деревнями по Амуру; Новозейскій, Селембинскій и Долонскій остроги по Зеѣ; Дукичанскій, по Аргунѣ; Тугурскій и Удской, по рѣкамъ, впадающимъ въ Охотское море.

Въ 1683 году значительное Китайское войско засѣло въ Айгунѣ. Изъ Албазина посланъ былъ казакъ Григорій Мыльниковъ съ 67 человѣками на смѣну бывшимъ на рѣкѣ Амгунѣ. Близъ Айгуна 6000 Китайцевъ на 300 судахъ (бусахъ) окружили его. Многіе изъ Русскихъ взяты въ плѣнъ, иные разбѣжались, оставшіеся вернулись въ Албазинъ съ извѣстіемъ объ этомъ несчастіи.

Въ 1684 году два Русскихъ плѣнника, казаки Якимъ Ивановъ и Гришка Ѳоминъ были посланы изъ Пекина съ листомъ къ Албазинскому начальнику. Грамота эта была на Манчьжурскомъ и Монгольскомъ языкѣ и переведена въ Айгунѣ нашими Русскими перебѣжчиками. Она гласила: «Богдойской славной и великой земли великій и сильный богдо-ханъ указъ свой послалъ въ Албазинъ приказному управителю, лѣта своего великаго царствованія луннаго двадцать второе. Я по всей вселенной славенъ и великъ, до всѣхъ людей добръ и милостивъ, какъ отецъ къ дѣтямъ; на своей землѣ живу смирно и не трогаю ни кого; но вы, пришедши на сію землю, сгоняете моихъ ясачныхъ людей, отнимаете у промышленныхъ соболей и запасы; приняли Кентимура съ товарищи и на моемъ рубежѣ дѣлаете худо; и потому я, богдо-ханъ, посылаю противъ васъ большое войско мое. Погубить васъ жалѣю, но только чтобы вы дурныя дѣла оставили, вышли изъ моего владѣнія и возвратили моего Кентимура, который къ вамъ сдался, о чемъ я къ вамъ писалъ въ разныя времена, и подтвердительно Николаю [11]) приказывалъ, чтобы всѣхъ людей, къ вамъ пришедшихъ, назадъ отдали. Вы, не внимая тому, хуже прежняго стали поступать: въ прошломъ году моихъ ясачныхъ народовъ, Тунгусовъ и Дауровъ, на соболиномъ промыслѣ Одиргія съ товарищи коварно заманили въ избу свою и оную съ ними сожгли. Какъ вы не унимаетесь, то я послалъ своего воеводу съ великимъ числомъ войска, состоящаго изъ ратныхъ людей, и повелѣлъ по рѣкамъ Амуру, Зеѣ и другимъ, въ нихъ втекающимъ, строить города, дабы не давать вамъ по прежнему по Амуру и по Зеѣ вольничать, и гдѣ васъ найдутъ, тутъ бить и брать. Но прежде призываю васъ добрымъ порядкомъ подъ мою державу».

«Ваши Русскіе люди въ прошломъ году, по Амуру рѣкѣ внизъ перешедшіе на Быструю, встрѣтясь съ моимъ войскомъ, подъ державу мою сдалися 36 человѣкъ, изъ которыхъ многіе пожалованы, и ни одинъ человѣкъ не наказанъ. Изъ сихъ людей двухъ, Михайла и Ивана, наградилъ, пожаловалъ и назадъ къ вамъ для врученія сего моего указа на Маньчжурскомъ и Монгольскомъ языкѣ съ Россійскимъ переводомъ теперь послалъ, да будетъ вамъ про то извѣстно. Письменный отвѣтъ на оный указъ вы нынѣ же съ сими людьми пошлите и явитесь сами, или изберите посла, котораго содер-

[11]) Спафарію.

Библиотека "Руниверс"

жать будутъ и довольствовать. Не бойтеся ничего. Да будетъ вѣдомо Албазинскому приказному управителю. Царствія моего 22 года (т. е. богдохана Канхи, а отъ Рождества Христова 1684)». Къ грамотѣ этой прибавлено было помонгольски: «Будьте здоровы и благополучны. Золотаго царя письменное повелѣніе большому воеводѣ отдать. Великому Бѣлому Царю отправить ли пословъ и сколько? По полученіи согласія приказано двумъ посланникамъ провожатымъ возвратиться, давать подводы и благополучно доставить. Состоять съ тобою въ мирѣ и совѣтѣ. Двѣнадцати человѣкамъ давать подводы съ проводниками».

Обѣщанія и угрозы богдо-хана оказались недѣйствительны. Бывшій тогда начальникомъ изъ простыхъ казаковъ Иванъ Войлочниковъ собралъ команду и прочиталъ листъ. Всѣ единогласно рѣшили защищаться и просить помощи людьми и военными припасами изъ Сибири и писать въ Нерчинскъ, Енисейскъ и Тобольскъ о присылкѣ войскъ, оружія и воеводъ; но дальнее разстояніе и тогдашнее малолюдство этихъ городовъ не позволили выполнить справедливаго требованія Албазинцевъ.

Въ 1684 году въ Албазинѣ учреждено воеводство, и городу пожалованы гербъ и печать. Гербъ изображалъ двуглаваго орла, держащаго въ когтяхъ лукъ и стрѣлу. Воеводою сдѣланъ Алексѣй Ларіоновичъ Толбузинъ, прибывшій въ Албазинъ въ Іюнѣ.

Въ 1685 году Маньчжуры двинулись къ Албазину. Толбузинъ велѣлъ очистить сосѣднія заимки и деревни, собрать всѣхъ жителей въ крѣпость; а 40 дворовъ, построенныхъ за стѣнами города, сжечь. Гарнизонъ, считая казаковъ, купцовъ, промышленныхъ и крестьянъ, состоялъ изъ 450 человѣкъ; оружія было 3 пушки и 300 мушкетовъ. Подкрѣпленія ждали со дня на день. Извѣстно было, что много оружія и всякаго военнаго запаса отправлено изъ Енисейска съ Аѳанасьемъ Бейтономъ [12]), набравшимъ въ Тобольскѣ дружину въ 600 человѣкъ. Его ожидали съ нетерпѣніемъ: средства Толбузина были видимо недостаточны для выдержки осады.

Китайцы поднялись по Амуру на 100 большихъ лодкахъ. Сухопутное войско ихъ состояло изъ 15000 чел., вооруженныхъ луками и саблями. Съ ними было 15 пушекъ отъ 8 до 15 фунтовыхъ Европейскаго литья. Миллеръ упоминаетъ о 100 будто бы полевыхъ и 50 осадныхъ орудіяхъ.

4 Іюня передовой Маньчжурскій отрядъ захватилъ нашъ скотъ. Первыя лодки показались у ближняго къ Албазину селенія 10 числа. На другой день Китайскій главнокомандующій послалъ листъ на Маньчжурскомъ, Польскомъ и Русскомъ языкахъ, требуя сдачи; но предложеніе его было отвергнуто. Осада началась 12 числа. Въ первые дни осады Русскіе потеряли 100 человѣкъ. Игуменъ Спасской обители Гермогенъ, съ Распятіемъ въ рукахъ, ободрялъ осажденныхъ [13]).

---

[12]) А. Бейтонъ, Прусскій дворянинъ, служившій въ Польской службѣ, былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и сосланъ въ Сибирь.

[13]) По разореніи Албазина онъ удалился въ Киренскъ и погребенъ въ основанной имъ Троицкой обители.

Библиотека "Руниверс"

Деревянныя стѣны острога были сильно повреждены, и недостатокъ въ припасахъ оказался чувствителенъ. Гермогенъ и священникъ Воскресенской церкви, старецъ изъ Соловецкой обители, Тихонъ, стали убѣждать Толбузина прекратить военныя дѣйствія, выговоривъ у непріятеля свободное отступленіе въ Нерчинскъ. Воевода вынужденъ былъ рѣшиться на эту мѣру и послалъ въ непріятельскій станъ вести переговоры. Маньчжуры согласились отпустить гарнизонъ съ оружіемъ, только напередъ пригласили въ лагерь свой воеводу и жителей и тамъ предложили имъ передаться Китайцамъ, обѣщая важныя выгоды. Только 25 человѣкъ приняли предложеніе и увлекли съ собой священника Максима Леонтьева, который потомъ основалъ въ Пекинѣ первую Русскую церковь. Остальные отправились въ Нерчинскъ. Маньчжуры слѣдовали за Русскими издали, пока они не прошли послѣднія свои деревни, а потомъ сожгли всѣ наши поселенія и Албазинъ.

Мы вторично потеряли рѣку Амуръ.

Только что Толбузинъ донесъ Нерчинскому воеводѣ Власову о сдачѣ Албазина и о томъ, что онъ идетъ въ Нерчинскій острогъ съ великою нужею, питаясь кореньями и травою, какъ встрѣтилъ посланныхъ ему на помощь 100 челов. съ двумя мѣдными и тремя чугунными пушками, 300 ружьями и всякимъ запасомъ. Они вышли изъ Нерчинска 23 Іюня; многіе изъ нихъ были изъ прибывшей въ тотъ день въ Нерчинскъ дружины Бейтона, которому было предписано идти «съ новоприборными людьми въ Албазинъ на помощь Албазинскому воеводѣ Алексѣю Толбузину и быть у него въ послушаніи ратномъ».

Дружина Бейтона состояла изъ Тобольскихъ, Туринскихъ и Верхотурскихъ служилыхъ людей, набранныхъ изъ сосланныхъ стрѣльцовъ, раскольниковъ и другихъ важныхъ преступниковъ; дорогою буйная ватага эта неистовствовала, ограбила ѣхавшаго изъ Нерчинска въ Москву воеводу Ѳедора Воейкова съ сыномъ и отпустила его еле живаго. Бейтонъ съ трудомъ довелъ эту вольницу до Удинскаго острога. Отсюда слѣдовало бы ему идти немедля черезъ Нерчинскъ на помощь погибшему въ осадѣ Албазину; но Буряты, кочевавшіе въ Селенгинскихъ степяхъ, отогнали казачьихъ лошадей, и Бейтонъ долженъ былъ свернуть въ Селенгинскій острогъ, который тоже немало потерпѣлъ отъ инородцевъ. Изъ Селенгинска онъ настигъ Монголовъ на равнинѣ у Гусинаго озера, отнялъ своихъ лошадей, а хищниковъ прогналъ въ Монгольскіе предѣлы. Приди онъ сутками двумя ранѣе, Албазинъ еще, можетъ быть, подержался бы.

Толбузинъ, соединившись съ Бейтономъ, пошелъ въ Нерчинскъ. Китайцы слѣдовали до Аргуни за отступавшими Русскими. Албазинъ они сожгли, но полей не тронули. Спустясь по Амуру, они перевели жителей Айгуна на правый берегъ, окруживъ новый городъ двойнымъ частоколомъ и оставили въ немъ 2000 человѣкъ гарнизона при 30 орудіяхъ и 500 человѣкахъ хлѣбопашцевъ. Главныя силы ихъ поднялись по Сунгари.

Въ 1684 году назначенъ въ Нерчинскъ воеводою Иванъ Власовъ. Албазинская неудача его не обезкуражила. Черезъ пять дней по воз-

Библиотека "Руниверс"

вращеніи Толбузина, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, послалъ онъ 70 человѣкъ на рекогносцировку къ разоренному Албазину. На пепелищѣ нашли они какаго-то злополучнаго Китайца, вынужденнаго бѣжать отъ своихъ. Посланные вернулись черезъ 17 дней въ Нерчинскъ и донесли, что все сожжено кромѣ хлѣба на пашняхъ, которыхъ насчитывали до 1000 десятинъ. Власовъ тутъ же командировалъ Бейтона съ 200 человѣкъ, а за ними пошли и Албазинскіе жители. Толбузинъ избранъ единогласно воеводою.

Прежде всего приступили къ уборкѣ хлѣба на сколько могли, потому что руки нужны были на постройку укрѣпленія и зимнихъ жилищъ. Зима мѣшала работамъ, но съ весною принялись за дѣло съ энергіей. Вмѣсто острога сдѣлали земляной валъ въ 4 сажени толщиною въ основаніи, высотою въ 3 сажени, скрѣпили его кореньями и дерномъ, и внутри построили домъ для воеводы. Въ матеріалахъ былъ недостатокъ, заготовлять ихъ было некогда; осенью и весною посѣяли хлѣбъ на пашняхъ, и все пошло бы по старому, еслибы шайки Маньчжуровъ, бродившія около острога, не тревожили Русскихъ своими появленіями. Тунгусы, приносившіе ясакъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ шпіонами Китайскаго правительства. Ни одинъ Маньчжуръ не попадался въ руки и, чтобы развѣдать о непріятелѣ, Толбузинъ послалъ Бейтона на р. Кумару съ 300 человѣкъ. Онъ прибылъ туда 12 Марта 1686 г. Черезъ нѣсколько дней онъ выслѣдилъ Маньчжурскихъ всадниковъ, направлявшихъ путь свой къ Цицикару; догналъ ихъ, потерялъ въ перестрѣлкѣ 7 человѣкъ, положилъ на мѣстѣ 30 непріятельскихъ тѣлъ и взялъ въ плѣнъ Маньчжура Кекутея, или Гавойдеку. Отъ него онъ узналъ, что Цицикарскому губернатору возобновленіе Албазина стало извѣстно черезъ одного крестьянина, захваченнаго Маньчжурами. Въ тоже время непріятель двинулся къ Албазину.

«Селенгинскій дворянинъ и голова ратныхъ людей» Бейтонъ вернулся въ крѣпость, приведенную въ оборонительное положеніе. Толбузинъ приказалъ сжечь дома, стоявшіе внѣ крѣпости; обыватели ихъ перешли въ городъ и выкопали себѣ для жилья землянки.

Въ Іюлѣ 1686 г. Маньчжуры, въ числѣ 8000 чел., при 40 пушкахъ, подвигались водою и сухимъ путемъ къ Албазину. Въ непріятельскомъ лагерѣ было 20 Европейцевъ, одѣтыхъ Китайцами, и множество Тунгусовъ присоединились къ нему же. Зная хорошо мѣстность, непріятель подкрался врасплохъ, уничтожилъ пашни и окружилъ укрѣпленіе, овладѣвъ сперва Русскими лодками. Маньчжуры прикрылись деревянною стѣною изъ срубленныхъ деревъ; но Русскіе уничтожили ее частію калеными ядрами, частію взрывомъ. Послѣ того непріятель окружилъ городъ валомъ и поставилъ на немъ пушки. 1-го Сентября Маньчжуры рѣшились взять городъ приступомъ, но были отбиты съ жестокою потерею.

Несчастные Албазинцы [14]) претерпѣвали всевозможныя лишенія, голодъ и болѣзни; непріятель страдалъ еще болѣе: холодъ и ненастье

[14]) По Миллеру ихъ было всего 736 человѣкъ, а по Черепанову до 900 ратныхъ и до 1000 работниковъ.

Библиотека "Руниверс"

развили повальную цынгу. Въ Ноябрѣ, въ одной изъ вылазокъ, Русскіе оставили на мѣстѣ 150 человѣкъ; Толбузинъ былъ раненъ ядромъ въ ногу и умеръ въ больницѣ. Бейтонъ принялъ послѣ него начальство. Это было въ началѣ 1687 года.

Маньчжуры, сознавая всю трудность взять городъ, поднимались на разныя хитрости: привязывали къ стрѣламъ записки и пускали въ городъ, уговаривая Албазинцевъ сдаться, за что обѣщали имъ важныя выгоды. Но всѣ мѣры эти не имѣли успѣха.

Непріятель наступалъ все сильнѣе и сильнѣе; бѣдствіе Албазинцевъ дошло до крайней степени: хлѣба не было, и осажденные ѣли сосновую кору и коренья, которыя добывали съ опасностію жизни; голодъ и сырость родили цынгу, которая взяла болѣе жертвъ, чѣмъ непріятель, потерявшій тоже большую часть своихъ людей. Съ Ноября 1686 по Май 1687 г. Маньчжуры держали Албазинъ въ осадѣ, а потомъ отступили отъ города на 4 версты.

Албазинскій острогъ былъ заваленъ трупами до того, что некому было зарывать ихъ. Узнавъ о свирѣпствовавшей въ городѣ цынгѣ, Маньчжуры предложили своихъ лекарей; но Бейтонъ отвѣчалъ, что не нуждается въ ихъ помощи; а для доказательства избытка въ съѣстныхъ припасахъ послалъ Маньчжурскому полководцу въ подарокъ пирогъ вѣсомъ въ пудъ.

Бейтону стоило немалаго труда удержать буйныхъ защитниковъ Албазина отъ бѣгства въ Нерчинскъ. Израненный и больной, онъ выходилъ на костыляхъ командовать оставшимися въ живыхъ 82 человѣками [15]). 4 Мая непріятель отступилъ; 24 Августа 100 человѣкъ Китайцевъ явились съ требованіемъ прислать къ нимъ Русскихъ для переговоровъ. Бейтонъ отправилъ къ нимъ пятидесятника Василія Смиренникова съ Анцыферомъ Кондратьевымъ и Артеміемъ Мунгаломъ. Имъ было объявлено, что изъ Москвы присланъ листъ [16]) объ утвержденіи вѣчнаго мира между обоими государствами; что по указу богдохана слѣдовало бы имъ оставить Албазинъ еще прошлою зимою, но такъ какъ суда ихъ и весь снарядъ подъ городомъ были заморожены, то они и не могли этого исполнить.

Въ Августѣ Маньчжуры окончательно отступили отъ Албазина, а Русскіе опять принялись строить дома.

Какъ шли переговоры и чѣмъ они кончились въ Нерчинскѣ, описано подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ Сентябрѣ 1689 года Албазинъ очищенъ; Бейтонъ вышелъ съ гарнизономъ въ Нерчинскъ, и Китайцы срыли крѣпость. Нѣсколько лѣтъ послѣ того росла еще рожь на поляхъ Абазинскихъ, и до сихъ поръ видны слѣды нашихъ и непріятельскихъ укрѣпленій.

Заслуги Бейтона, какъ видно, не были оцѣнены по достоинству. Въ просьбѣ его, посланной изъ Албазина въ самую критическую

---

[15]) Китайцевъ побито болѣе 2000 человѣкъ. Неудачу свою они свалили на Русскаго перебѣжчика Ивана Распутина, который и былъ казненъ въ Пекинѣ.

[16]) Съ Венюковымъ.

Библиотека "Руниверс"

минуту осады, онъ пишетъ: «Служу вамъ, великимъ государямъ, холопъ вашъ, въ дальней вашей заочной Даурской украйнѣ, въ Албазинѣ, въ томной, голодной, смертной осадѣ сидѣлъ, и отъ прежнихъ ранъ и осаднаго многотерпѣнія холопъ вашъ захворалъ, и устарѣлъ, и помираю томною, голодною смертію, питаться нечѣмъ. Цари-государы, смилуйтеся!»

Послѣдніе дни жизни Бейтонъ служилъ прикащикомъ въ Верхоленскомъ острогѣ и умеръ въ началѣ семисотыхъ годовъ.

Обдуманныя предначертанія всѣхъ работъ и дѣйствій Маньчжурскаго войска при осадѣ Албазина, большое количество ихъ войскъ и пушекъ и знаніе инженернаго искусства,—еще болѣе должны возвысить въ глазахъ потомства геройскую стойкость покинутыхъ всѣми на произволъ судьбы защитниковъ Албазина; особенно, если мы вспомнимъ, что Албазинъ былъ отрѣзанъ со всѣхъ сторонъ, лишенъ былъ не только что возможности, но и надежды получить какое либо подкрѣпленіе извнѣ, былъ окруженъ войскомъ, которое въ нѣсколько разъ превосходило его числительностію, вооруженіемъ и вовсе не лишено было храбрости и познаній въ военномъ дѣлѣ. Число защитниковъ его заключалось въ 736 человѣкахъ, изъ которыхъ самъ предводитель и значительная часть пали въ первые дни осады. Цынга, свирѣпствовавшая въ послѣдствіи, убавила это число значительно, и эта ничтожная горсть героевъ десять мѣсяцевъ отстаивала клочекъ земли въ 40 саж. въ поперечникѣ, и на этомъ клочкѣ 10 мѣсяцевъ разыгрывалась драма со всѣми ея ужасами, болѣзнями и голодомъ.

Не смотря на два столѣтія, истекшія со времени основанія Албазина, имя это до сихъ поръ живетъ въ памяти жителей береговъ Шилки и Аргуни. Защитники Албазина, выйдя съ Амура, разошлись по разнымъ деревнямъ Нерчинскаго округа и передавали изъ рода въ родъ сказанія о походахъ ихъ предковъ на Амуръ, о ихъ богатырскихъ подвигахъ въ кровопролитныхъ битвахъ съ обитавшими тамъ народами и геройскомъ самоотверженіи при десятимѣсячной оборонѣ Албазинскаго острога.

Бывъ вынуждены оставить Амуръ, жители Албазина продолжали ходить на эту рѣку для промысла рыбы, звѣря и торговли съ дикарями; ихъ внуки и правнуки безпрепятственно доходили до Албазина и до другихъ мѣстъ на Амурѣ, окрещенныхъ Русскими названіями, гдѣ видны и понынѣ слѣды бывшихъ Русскихъ деревень.

Петръ Шумахеръ.

*

Въ походѣ воеводы Аѳанасія Филиповича Пашкова (прямаго предка нынѣшнихъ Пашковыхъ), предпринятомъ для утвержденія Русскаго господства въ «Даурской украйнѣ», принималъ участіе знаменитый протопопъ Аввакумъ, оставившій намъ живое описаніе тамошней природы и бѣдствій, которыя были испытаны Русскими людьми въ отысканіи новыхъ пашенныхъ мѣстъ и въ постройкѣ первыхъ укрѣпленій или острожковъ.

«О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимы, утесъ каменный яко стѣна стоитъ, и поглядѣть, заломя голову. Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великія; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы—періе красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты, и курята Ин-

Библиотека "Руниверс"

дійскія, и бабы, и лебеди, и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе: во очію нашу, а взять нельзя!»

«Егда пріѣхали къ порогу самому большому падуну [1]), рѣка въ томъ мѣстѣ шириною съ версту. Три заливка через всю рѣку зѣло круты: не воротами кто поплыветъ, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинутъ кафтанишко простъ; льетъ вода по брюху и по спинѣ,—нужно было гораздо!»

«Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами чрезъ волоки волочилися. На той же Шилкѣ въ третій разъ тонулъ: барку отъ берега оторвало водою; людскія барки стоятъ, а мою ухватило, да и понесло. Жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчало. Вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице, помози! Упованіе, не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное ползу наверхъ; гнало съ версту и больше, да люди переняли; все размыло до крохи».

«Весною на плотахъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ, четвертое лѣто отъ Тобольска плаванью моему. Лѣсъ гнали хоромный и городовой. Стало нечего ѣсть, люди стали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни; рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокія,—огонь да встряска, люди голодные: лишь станутъ мучить, ано и умретъ. Ахъ, времени тому! У протопопицы моей однорядка Московская была, не изгнила; порусскому рубли съ полтретьядцать [2]) и больше, по тамошнему далъ намъ 4 мѣшка ржи за нее, и мы годъ-другой тянулися, на Нерчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебиваючися: всѣ люди съ голоду переморилъ [3]), никуда не отпускалъ промышлять; осталось небольшое мѣсто, по степямъ скитающеся, и по полямъ траву и коренья копали, и мы съ ними же. А зимой сосну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей, и что̀ волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ; а иное и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ, и что̀ получатъ, всякую скверну. Кобыла жеребенка родитъ, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылы съѣдятъ».

«У моря (у Байкальскаго) Русскихъ людей наѣхало: станица соболиная рыбу промышляетъ. Рады миленькіе намъ и, съ карбасомъ насъ съ моря ухватя, далеко на гору несли. Терентьюшко съ товарищи плачутъ миленькіе глядя на насъ, а мы на нихъ. Надавали пищи, осетровъ съ 40 свѣжихъ передъ меня привезли, а сами говорятъ: «Вотъ, батюшка, тебѣ на часть Богъ въ запоръ намъ далъ, возьми себѣ всю». Погостя у нихъ, изъ нужды запасцу взялъ. Лодку починя и парусъ скропавъ, черезъ море пошли. Погода окинула на морѣ, и мы гребли перегреблись. Егда къ берегу пристали, возстала буря вѣтреная, и на берегу насилу и мѣсто обрѣли отъ волнъ. Около его горы высокія: 20 тысячъ верстъ и больше волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ. На верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и дворы, все богодѣленно. Лукъ на немъ и чеснокъ, больше Романовскаго [4]) луковицы, и сладокъ зѣло. Тамъ же ростутъ и конопли богорасленныя [5]), а во дворахъ травы красныя и цвѣты, и благовонны гораздо. Птицъ зѣло много: гусей, лебедей, по морю яко снѣгъ плаваютъ. Рыба въ немъ: осетры и таймени, стерляди и амули, и сиги, и прочихъ родовъ много».

---

[1]) Т. е. водопаду.

[2]) Т. е. съ 25 рублей.

[3]) Говорится про воеводу Пашкова.

[4]) Ярославской губерніи.

[5]) Т. е. никѣмъ не саженныя.

Библиотека "Руниверс"

Zorich

Генералъ Лейтенантъ
Семенъ Гавриловичъ
ЗОРИЧЪ.

Лит. В Бахманъ въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

Статья М. И. Мещерскаго.

I.

Много людей, знаменитыхъ отмѣнными дарованіями, явилось при Екатеринѣ Великой. Царствованіе ея было особенно счастливо въ этомъ отношеніи или, лучше сказать, геній ея умѣлъ угадывать такихъ людей, умѣлъ извлекать ихъ изъ неизвѣстности и, украсивъ всѣмъ блескомъ величія, котораго они были достойны, открывалъ для нихъ то поприще, на которомъ они могли быть полезны Россіи. Въ числѣ этихъ юныхъ и красивыхъ любимцевъ счастія, появлявшихся у престола Государыни, мы встрѣчаемъ генералъ-лейтенанта Семена Гавриловича Зорича [1]. Но многіе ли знаютъ о Зоричѣ, какъ о человѣкѣ, занимающемъ непослѣднее мѣсто въ исторіи просвѣщенія Россіи? Многимъ ли извѣстно, что этотъ достопамятный дѣятель первый созналъ необходимость устройства военно-учебнаго заведенія на одной изъ окраинъ Россіи и на собственныя средства учредилъ Шкловское благородное училище для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и руководилъ имъ въ продолженіи 20 лѣтъ? Изъ Шкловскаго благороднаго училища впослѣдствіи образовался 1-й Московскій кадетскій корпусъ, нынѣ 1-я Московская военная гимназія. Въ этомъ учебномъ заведеніи образовалось немало людей, поставившихъ военную науку въ Россіи на ту высокую степень, плодами которой пользуются современные намъ дѣятели и долго еще будутъ пользоваться грядущія поколѣнія.

Вполнѣ сознавая важность заслугъ Зорича и желая сохранить отъ забвенія его благородную дѣятельность, мы сочли нужнымъ прочитать все, что̀ извѣстно о немъ до сего времени и что̀ разбросано въ разныхъ книгахъ, а за тѣмъ обратились, для повѣрки прочитаннаго, къ бумагамъ, хранящимся въ архивахъ. Сообщаемъ добытыя нами свѣдѣнія.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, въ то время, когда Австрія боролась съ Пруссіею, которую Фридрихъ II выводилъ въ рядъ великихъ державъ, а Польша доживала свой вѣкъ, совершилось пере-

---

[1]) Въ пріемной залѣ 1-й Московской военной гимназіи находится грудной портретъ Зорича, какъ основателя этого заведенія. Портретъ этотъ подаренъ заведенію племянникомъ Зорича Степаномъ Максимовичемъ Райковичемъ, который былъ учителемъ Шкловскаго благороднаго училища, а потомъ ротнымъ командиромъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса.

Библиотека "Руниверс"

селеніе Сербовъ въ Россію. Возстаніе Текели, дѣла Ракочи и неудачная война Австріи съ Портою были причиною того, что жители Венгріи и Славянскихъ областей Германской имперіи, особенно жители Греко-россійскаго исповѣданія, терпѣли разныя притѣсненія. Во время этихъ смутъ всѣ Австрійскіе подданные не-католики были болѣе или менѣе гонимы за вѣру и не находили въ мѣстной службѣ тѣхъ выгодъ, какія предоставлялись католикамъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ побудила въ 1750 году полковника Хорвата, изъ Куртицъ, со многими соотечественниками, явиться къ Русскому послу въ Вѣнѣ, графу М. П. Бестужеву-Рюмину съ предложеніемъ переѣхать на вѣчныя времена въ Россію. Посолъ донесъ о томъ Государынѣ и въ 1751 году получилъ приказаніе объявить полковнику Хорвату, что «не только онъ и другіе офицеры, но и сколько бы изъ ихъ Сербскаго народа въ Россійскую службу перейти похотѣло, всѣ оные, яко единовѣрные, въ службу и подданство приняты будутъ». Въ этомъ же году Хорватъ со многими своими единовѣрцами и семействомъ переселился въ Россію [2]). Въ 1752 и 1753 годахъ явились новые переселенцы. Это были Сербскіе полковники Иванъ Шевичъ и Райко изъ Прерадовичъ, служившіе въ войскахъ Маріи Терезіи. Такъ какъ они переѣхали въ Россію со множествомъ своихъ соотечественниковъ, то имъ отведены земли, по лѣвой сторонѣ Днѣпровской степи, между рѣчками Луганью и Бахмутомъ, по правому берегу Сѣвернаго Донца. Съ тѣхъ поръ мѣстность эта стала называться Славяносербіею [3]).

Въ числѣ переселившихся въ Россію съ полковникомъ Иваномъ Шевичемъ были: премьеръ-маіоръ Максимъ Ѳеодоровичъ Зоричъ и поручикъ Василій Ѳедоровичъ Зоричъ.

Максимъ Ѳедоровичъ Зоричъ, состоя на службѣ Венгро-богемской королевы, командовалъ однимъ изъ пѣхотныхъ полковъ; по прибытіи въ Кіевъ, онъ заявилъ желаніе состоять на службѣ Елисаветы Петровны и былъ зачисленъ въ команду генералъ-маіора Ивана Шевича, но потомъ, по желанію своему и по опредѣленію Военной Коллегіи отъ 16 Сентября 1753 года, былъ переведенъ подполковникомъ въ команду генералъ-маіора Прерадовича [4]). При этомъ подполковникъ Зоричъ принялъ присягу на вѣрноподданство со всѣмъ своимъ

[2]) Переселеніе Сербовъ въ Россію. Журн. Военно-учебн. завед., кн. XXVI, стр. 72 и 152.

[3]) Дѣла Правительствующаго Сената №№ 249 (2732), 250 (2733) и Государственной Военной Коллегіи, гусарскаго повытья, опись 109, кн. 36, № 153.

[4]) Максимъ Ѳедоровичъ Зоричъ впослѣдствіи былъ генералъ-поручикомъ. Въ награду за свою усердную службу онъ получилъ отъ Екатерины II, въ 1774 году, Сентября 9 дня, въ Псковской губерніи, въ Невельскомъ ключѣ, части Рышкинскую и Казиловскую, состоящія изъ 416 душъ крестьянъ. (Дѣла Прав. Сената 168 (5607) и по Шклов. Ком. вязка 31). Поручикъ В. Ѳ. Зоричъ оставался подъ начальствомъ г. м. Шевича и постоянно былъ въ командировкахъ.

Библиотека "Руниверс"

семействомъ, которое состояло изъ дочери Юліаны и усыновленнаго двоюроднаго племянника Семена Гавриловича, урожденнаго Неранчича [5]).

Объ усыновленіи Зорича въ дѣлахъ Шкловской Коммисіи мы читаемъ слѣдующее: «Максимъ Ѳедоровичъ Зоричъ, происходившій отъ отца Ѳедора и дѣда Ивана, родомъ изъ Сербовъ, не имѣя наслѣдниковъ мужескаго пола, кромѣ одной дочери Юліаны, усмотря ее быть слабою здоровьемъ, заключилъ изъ сего, что фамилія Зоричей на немъ должна была кончиться, паче что дядя его Иванъ Зоричъ, равно не имѣя мужескаго пола потомства, оставивъ только отъ дочери Стефаниды (урожденной Зоричевой, по замужству Неранчичевой) двухъ сыновей, Семена и Давида Неранчичевъ, рожденныхъ отъ двоюродной сестры его, для того дабы фамилія Зоричей, на немъ пресѣкающаяся, возстановлена была изъ его-жъ крови, по обыкновенію и существующимъ и равно употребляющимся въ Европейскихъ государствахъ законамъ, принявъ за родного сына племянника своего Семена Гаврилова сына Неранчича, рожденнаго отъ двоюродной его сестры Стефаниды Зоричевой, позволилъ ему пользоваться именемъ фамиліи своей и всѣми правами и привилегіями, фамиліи Зоричей принадлежащими». . . [6]).

Мы сочли нужнымъ сдѣлать эту выписку потому, что до сихъ поръ о происхожденіи Зорича имѣлись разныя и даже превратныя извѣстія. Такъ Ламартинъ въ Histoire de la Russie [7]) утверждалъ, что Зоричъ происходилъ изъ простаго Сербскаго народа и еще въ дѣтствѣ былъ взятъ въ плѣнъ Турками въ одно изъ многочисленныхъ возстаній его родичей противъ безуправныхъ пашей. Брошенный съ другими плѣнниками въ тюрьму, онъ будто распилилъ въ ней окно и на Греческомъ суднѣ бѣжалъ въ Россію. Статный юноша явился въ Азовъ къ генералу князю Голицыну и былъ имъ опредѣленъ на службу въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Въ книгѣ La cour de Russie [8]), Зоричъ названъ Венгерскимъ офицеромъ, состоявшимъ на Русской службѣ. Покойный М. Д. Хмыровъ, къ удивленію своему (и нашему) находилъ личность Зорича двойственною и говорилъ, что онъ отчасти самозванецъ [9]). Не сказалъ бы онъ этого, если бы могъ читать вышеприведенное нами дѣло объ усыновленіи Зорича.

По Сенатскому указу, генералъ-маіорамъ Прерадовичу и Шевичу велѣно учредить по одному гусарскому полку въ д в у т ы с я ч а х ъ ч е л о в ѣ к ъ съ положеннымъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ одинъ изъ этихъ полковъ, Мая 1 дня 1754 года, былъ зачисленъ на службу, гусаромъ, Зоричъ, которому въ то время было отъ роду одинадцать лѣтъ. Отсюда видно, что Зоричъ, въ дѣтствѣ лишив-

---

[5]) Дѣла гусарскаго повытья 1752—1754 г. Опись 109, кн. 73 (стр. 51). Это дѣло хранится въ Московск. Отд. Общаго Архива Главнаго Штаба.

[6]) Дѣла Шкловской Коммисіи, вязка 31, № 448, дѣло 3-е.

[7]) Стр. 202, Paris 1855.

[8]) Стр. 304 и 305.

[9]) Русскій Архивъ, 1875, II, 169.

Библиотека "Руниверс"

шійся отца [10]), прибылъ въ Россію, съ усыновившимъ его дядею, лѣтъ девяти или десяти.

Будучи пріемнымъ сыномъ подполковника, мальчикъ Зоричъ номинально считался на службѣ и проходилъ должности гусара (съ 1 Мая 1754), капрала (съ 18 Декабря 1757), квартермистра (съ 1758 Января 1-го) и вахмистра (съ 1 Февраля 1758) и, живя дома, подъ руководствомъ своего дяди, изучалъ науки и искусства, но особенно страстно любилъ верховую ѣзду, стрѣльбу въ цѣль и фехтованіе. Зоричъ съ юныхъ лѣтъ проходилъ практическую школу офицера, былъ хорошимъ наѣздникомъ и стрѣлкомъ.

Съ 1760 года началась настоящая его служба. Въ этомъ году онъ принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и Марта 1 дня былъ взятъ Прусаками въ плѣнъ, но въ томъ же году былъ освобожденъ изъ плѣна или, какъ тогда говорили, отпущенъ на пароль. 16 Декабря 1760 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты и въ тотъ же день въ подпоручики. Послѣ сего Семенъ Гавриловичъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ до самаго окончанія Семилѣтней войны и, въ одномъ изъ сраженій, былъ раненъ саблею. По окончаніи войны, за храбрость и другія оказанныя имъ отличія, произвели его въ поручики.

Въ 1764 г. совершилось избраніе въ Польскіе короли Литовскаго стольника Станислава Августа Понятовскаго. При избирательномъ обрядѣ С. Г. Зоричъ находился въ конвоѣ Русскаго посланника, графа Кейзерлинга [11]). Послѣ этого онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи Польскихъ мятежниковъ и неоднократно бывалъ въ сраженіяхъ, то подъ командою князя Дашкова, то графа Браницкаго.

28 Іюля 1765 г. состоялся высочайшій манифестъ [12]) о преобразованіи слободскихъ (Харьковскаго, Сумскаго и Ахтырскаго) полковъ въ регулярные гусарскіе, чтò поручено, въ числѣ другихъ, С. Г. Зоричу и за чтò 1 Января 1767 г. онъ былъ произведенъ въ ротмистры. Въ слѣдующемъ году онъ отправленъ въ Воронежскую губернію для усмиренія нѣсколько лѣтъ бунтовавшихъ крестьянъ. И это порученіе Семенъ Гавриловичъ исполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Тогда началась первая Турецкая война, во все продолженіе которой Зоричъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ значительные передовые отряды и за свою личную храбрость произведенъ въ секундъ-маіоры. Состоя подъ командою генералъ-поручика фонъ-Штофельна, Зоричъ получалъ неоднократныя приказанія развѣдывать о движеніи Турокъ чрезъ рѣку Дунай. Въ одномъ изъ донесеній Государынѣ графъ Румянцовъ пишетъ: «Секундъ-маіоръ Зоричъ, получа извѣстіе отъ Цесарскаго форпоста о движеніи непріятельскомъ къ Чугуру и о забраніи въ плѣнъ, противъ Люценскаго поста, нѣсколько человѣкъ жителей со скотомъ, 12 числа сего Апрѣля мѣся-

[10]) Мать Зорича, Стефанида Нерaнчичъ, по смерти перваго мужа, вступила въ замужство съ Выдоевичемъ. Отъ этого брака родилась дочь Софія (по замужству Черноевичъ).

[11]) Такимъ образомъ оба друга Екатерины были тутъ на лицо.

[12]) П. С. Законовъ, т. XVII, № 12440.

Библиотека "Руниверс"

ца, изъ Рябой Могилы, переправился на ту сторону рѣки Прута, чрезъ Гогельникъ, по дорогѣ къ Каушанамъ, съ своею командою, состоящею изъ 1509 человѣкъ и съ пятью полковыми орудіями, въ намѣреніи, привлекши на себя непріятеля, разбить его» [13]). Это порученіе Зоричъ исполнилъ съ блестящимъ успѣхомъ, какъ это видно изъ рапорта Штофельна, представленнаго Государынѣ графомъ Румянцовымъ.

Мая 13 дня 1770 г. Штофельнъ снова командировалъ Зорича воспрепятствовать Туркамъ переправиться чрезъ Прутъ и на другой день рапортовалъ графу Румянцову, что упомянутый секундъ-маіоръ Зоричъ дѣйствительно засталъ непріятеля переправляющагося чрезъ рѣку, который въ тотъ же день, какъ чрезъ оную рѣку, такъ и чрезъ два широкіе залива въ бродъ и вплавь перешелъ, въ 4 тысячахъ пѣхоты и конницы, производя стрѣльбу изъ трехъ пушекъ, которыя уставилъ онъ на берегу Прута. «Приступая къ третьему заливу, гдѣ самое было узкое мѣсто, занятое капитанами Ахтырскаго гусарскаго полка Требуховичемъ съ 300 легкихъ войскъ и Архангело-городскаго пѣхотнаго, Вельяминовымъ, съ 200 человѣкъ пѣхоты и съ двумя пушками, съ великою отвагою сей непріятель стремился достигнуть до нашихъ командъ и, не взирая на сильную пальбу по немъ изъ пушекъ и мелкаго ружья, съ обыкновеннымъ крикомъ бросился въ воду; но какъ сей заливъ до четырехъ саженей ширины и весьма глубокъ былъ, такожъ берегъ, на которомъ команда Требуховича состояла, крутъ и высокъ, то до половины въ воду вбѣжавъ, непріятельская пѣхота и конница, далѣе за глубиною и крутостію берега продолжать нападеніе не могла и, видѣвъ тутъ себя изъ ружья и отъ казаковъ копіями побиваемыхъ, обратилась въ бѣгъ, подвергаясь пушечнымъ и картечнымъ выстрѣламъ. Маіоръ Зоричъ, подоспѣвъ туда же съ нѣсколькими единорогами, приказалъ тотчасъ по непріятелю стрѣлять и гранаты метать, чѣмъ не токмо къ отступленію, но и къ обратной переправѣ чрезъ Прутъ въ прежній свой лагерь принудилъ». Оказалось, что это былъ Турецкій корпусъ, состоявшій изъ 12 тысячъ человѣкъ, и что бо̀льшая часть этого корпуса была изъ Татаръ, подъ командою паши Али-бея.

«Дальнѣйшія предпріятія отъ сего появившагося непріятеля на Молдавскій берегъ рѣки Прута», писалъ графъ Румянцовъ къ Императрицѣ, «больше уже не наводятъ опасности; потому что с. м. Зоричъ, противустоящій непріятелю, имѣетъ уже до 700 человѣкъ пѣхоты, семь пушекъ и до двухъ тысячъ легкихъ войскъ» 27 Мая того же года, Зоричъ съ своею командою, сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, не допустилъ непріятеля сдѣлать мостъ на рѣкѣ Прутѣ и принудилъ его отступить въ лагерь противъ Подолянъ.

Во все время семимѣсячнаго командованія Зорича непріятель не имѣлъ возможности ворваться внутрь кордона, а если и врывался,

---

[13]) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865 г. кн. 2. Реляціи графа П. А. Румянцова-Задунайскаго отъ 23 Апрѣля и 6 Мая 1770 года.

Библиотека "Руниверс"

то былъ прогоняемъ съ большимъ урономъ; такъ былъ прогнанъ Крымскій ханъ, съ тремя бунчужными пашами, съ 9000 янычаръ и множествомъ спаговъ, съ большою артиллеріею, съ Буджацкою и другими ордами. 3-го Іюля 1770 г. Зоричъ, быстрымъ движеніемъ, погналъ Турокъ изъ подъ Рябой Могилы. Преслѣдованіе бѣжавшаго врага было полное. Но здѣсь случилось несчастіе: Зоричъ, какъ всегда, былъ впереди своей команды, бился какъ простой рядовой, при чемъ получилъ три раны, двѣ копьемъ и одну саблею, а въ заключеніе всего былъ взятъ въ плѣнъ. Турки отправили Зорича въ предмѣстіе Константинополя и заключили въ Семибашенный за̀мокъ, или такъ называемую Эди-кулу [17]). Въ этомъ замкѣ, подъ строгою стражею, претерпѣвая разнаго рода лишенія, прожилъ Зоричъ 4 года и 3 мѣсяца; за тѣмъ былъ отправленъ въ самый Константинополь, гдѣ еще прожилъ въ плѣну 8 мѣсяцевъ, пока не кончилась война и не воспослѣдовалъ размѣнъ плѣнныхъ [15]).

Въ брошюрѣ: «Сто-семилѣтній старецъ въ Петербургѣ» [16]) разсказывается слѣдующее: «Храбрый маіоръ Зоричъ былъ окруженъ Турками, защищался мужественно и рѣшился дорого продать свою жизнь. Многіе пали отъ руки его; наконецъ, видя необходимость уступить и поднятыя надъ собою сабли, онъ закричалъ, указавъ на грудь свою: «Я капитанъ-паша». Это слово спасло ему жизнь. Капитанъ паша у Турокъ—полный генералъ, почему и отвели Зорича въ Константинополь, гдѣ онъ былъ представленъ султану, какъ Русскій генералъ. Его умъ, важный видъ, осанка, разсказы о его мужествѣ—все побуждало султана отличить его и даже предложить перейти въ Турецкую службу, съ тѣмъ, чтобы онъ перемѣнилъ вѣру. Обѣщаны были почести, награды. Зоричъ отвергъ ихъ. Султанъ, твердый въ волѣ своей, приступилъ къ угрозамъ и строгимъ мѣрамъ; но ничто не могло поколебать Зорича. Наконецъ, политическія обстоятельства перемѣнились; султанъ, желая склонить Императрицу къ миру, согласился на размѣнъ плѣнныхъ и въ письмѣ своемъ поздравлялъ Императрицу, что она имѣетъ столь вѣрныхъ подданныхъ, какъ храбрый Русскій генералъ Зоричъ, который отвергъ всѣ его предложенія. Государыня велѣла справиться, какой Русскій генералъ Зоричъ былъ въ плѣну у Турокъ. Ей донесли, что взятъ въ плѣнъ маіоръ Зоричъ, а генерала Зорича ни въ службѣ, ни въ спискахъ не значится. Наконецъ, Зоричъ, возвращенный въ Петербургъ, былъ представленъ Императрицѣ. «Вы маіоръ Зоричъ?» спросила его Государыня.—«Я, Ваше Величество», отвѣчалъ онъ, не запинаясь. «Съ чего же», продолжала Императрица, «вы назвались Русскимъ капитанъ-пашею? Вѣдь это полный генералъ!»—«Виноватъ, Ваше Величество: для спасенія жизни своей и чтобы еще имѣть счастіе слу-

[14]) Эди-кула служитъ входомъ въ Константинополь съ Юго-запада; предъ этимъ за̀мкомъ, за городской чертой, расположено селеніе Эди-кулесси-кей, на самомъ берегу Мраморнаго моря.

[15]) Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ г. л. С. Г. Зорича.

[16]) Записки о жизни В. Р. Щегловскаго. С.П.Б. 1844 г.

Библиотека "Руниверс"

жить Вашему Величеству и отечеству, я назвалъ себя полнымъ генераломъ».—«Будьте же вы генераломъ», продолжала Императрица; «Турецкій султанъ хвалитъ васъ, и я не сниму съ васъ чина, который вы себѣ дали и заслужили». Маіоръ былъ произведенъ въ генералы» [17]).

На сколько тутъ правды, опредѣлить не беремся; замѣтимъ только, что разсказщикъ очевидно хотѣлъ представить Зорича, своего бывшаго ратнаго товарища, окруженнаго ореоломъ счастія, славы и могущества, но самъ не замѣчая, приписалъ ему такія черты, какъ малодущіе и самозванство. Кромѣ того, старикъ Щегловскій, разсказывая о Зоричѣ, перемѣшиваетъ даже самыя событія: такъ напр. онъ говоритъ, что Зоричъ и онъ служили во второй арміи, а извѣстно, что Зоричъ служилъ въ первой арміи, у графа Румянцова. Изъ дальнѣйшаго нашего разсказа будетъ видно, что не такъ легко и скоро Зоричъ дослужился до генеральскаго чина и удостоился чести быть принятымъ въ короткое общество Екатерины.

Въ 1775 году Зоричъ по освобожденіи изъ плѣна, прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь ему было поручено дѣло по дипломатической части: онъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ съ важными депешами и секретными порученіями. Зоричъ возвратился оттуда съ новыми надеждами на повышеніе и не ошибся: онъ обратилъ на себя вниманіе князя Потемкина. Вниманіемъ этимъ усилилась благосклонность Государыни и довершились успѣхи его на томъ поприщѣ, которое такъ неожиданно открылось предъ нимъ. За свою отмѣнную храбрость во время бывшей Турецкой войны, Зоричъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени и сдѣлался однимъ изъ первыхъ Георгіевскихъ кавалеровъ.

Вскорѣ послѣ празднованія Кучукъ-Кайнарджискаго мира, являются новые кандидаты на придворные успѣхи: Завадовскій и Безбородко, оба находившіеся при фельдмаршалѣ Румянцовѣ. Враги Потемкина, Орловы и Панины, торжествовали. Они предлагали Императрицѣ удалить Потемкина и замѣнить его Завадовскимъ. Предложеніе это Государыня приняла съ большою осторожностію, и Завадовскій явился въ открытой милости только тогда, когда Потемкинъ на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжалъ въ Новгородъ [18]). Это было въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1776 года. Удалившись отъ двора, Потемкинъ вовсе не имѣлъ въ виду отказаться отъ пріобрѣтеннаго имъ могущества и устранить себя отъ вліянія на дѣла. Завадовскій могъ бы

---

[17]) Въ дѣлахъ Шклов. Коммисіи (связка 11) сохранился документъ, опровергающій самозванство Зорича. Это билетъ, выданный Зоричемъ Метаксѣ. «Оказатель сего, Венеціанскій купецъ Димитрій Метакса, который находится при мнѣ въ услуженіи и отправленъ отъ меня для моихъ нуждъ въ г. Азовъ до Черкаска, коему покорнѣйше прошу, какъ туда, такъ и обратно свободный пропускъ чинить. Данъ въ г. Константинополѣ, Октября 29 дня 1774 года. Секундъ-маіоръ Семенъ Зоричъ». Отсюда ясно, что Зоричъ не называлъ себя прежде времени не только генералъ-маіоромъ, но даже преміеръ-маіоромъ.

[18]) Записки Державина, стр. 112.

Библиотека "Руниверс"

еще больше пользоваться своими успѣхами, если бы умѣлъ скрыть свою приверженность къ Орловымъ. Потемкину приходилось опасаться его, какъ орудія своихъ враговъ, тѣмъ болѣе, что Завадовскій былъ уменъ, образованъ и привыченъ къ дѣламъ, завѣдуя передъ тѣмъ секретною канцеляріею графа Румянцова по управленію Малороссіею и во время войны; а потому Потемкинъ сталъ искать такаго человѣка, которымъ могъ бы замѣнить Завадовскаго при дворѣ. На взглядъ Потемкина Зоричъ имѣлъ тѣ самыя качества, какія нужны были для задуманнаго имъ предпріятія [19]). По отзыву современниковъ, Зоричъ имѣлъ всѣ данныя для успѣха: онъ былъ писаный красавецъ, беззавѣтный храбрецъ, и отъ роду ему было съ немногимъ 30 лѣтъ [20]). Первое время по пріѣздѣ Зорича изъ Стокгольма, Потемкинъ оставилъ его при себѣ въ должности адъютанта. За тѣмъ, 26 Мая 1777 г. онъ написалъ къ Императрицѣ слѣдующее:

«Всемилостивѣйшая Государыня! По высочайшей Вашего Императорскаго Величества волѣ командуя всѣми легкими войсками, состою я шефомъ Вашего Императорскаго Величества лейбъ-гусаръ и лейбъ-казаковъ, о содержаніи которыхъ въ надлежащей устройности и въ видѣ, соотвѣтственномъ знаменитой ихъ службѣ, прилагаю я всѣ старанія; но, бывъ занятъ многими по званію моему дѣлами, не нахожу иногда времени входить во всѣ подробности, для чего и предоставлялъ я себѣ припасть къ освященнымъ стопамъ В. Императорскаго Величества со всеподданнѣйшимъ моимъ представленіемъ, въ случаѣ какъ усмотрю достойнаго штабъ-офицера къ командованію подъ моимъ начальствомъ лейбъ-гусарскимъ эскадрономъ и лейбъ-казацкими ротами. Теперь, усмотря способность и достоинство состоящаго въ гусарскихъ полкахъ премьеръ-маіора и кавалера Зорича, всеподданнѣйше прошу объ опредѣленіи его къ упомянутой должности пожаловать ему таковую степень, какую Ваше Императорское Величество за благо признать изволите. Вашего Императорскаго Величества вѣрно всеподданнѣйшій рабъ князь Потемкинъ» [21]).

На подлинномъ подписано собственноручно: «опредѣлить съ чиномъ подполковника. Екатерина».

Вскорѣ послѣ назначенія командиромъ лейбъ-гусарскаго эскадрона и лейбъ-казацкихъ ротъ, Зоричъ былъ лично представленъ Императрицѣ. На первыхъ порахъ при дворѣ восхищались любезностію

---

[19]) Журналъ «Заря» 1871 г., Январь, стр. 331. Статья А. П. Барсукова.

[20]) Изъ переписки одного путешественника съ Каронъ-де-Бомарше мы узнаемъ слѣдующее: «Я», говоритъ онъ, «не прочь былъ взглянуть на того человѣка, котораго во время его силы звали красавцемъ-Зоричемъ. На мой взглядъ онъ дѣйствительно заслуживалъ этого прозвища; то былъ писаный красавецъ, ростомъ въ пять футъ и шесть дюймовъ; я думаю, что ему около 50 лѣтъ, но глаза его до сихъ поръ прекрасны, а манеры самыя изящныя». Русская Старина, Іюнь 1878 г.

[21]) Это письмо Потемкина извлечено изъ дѣла Правительствующаго Сената, 3-го департамента, по экспедиціи Лифляндской и Эстляндской, вязка 256 (5694), № 2, стр. 63 и 64.

Библиотека "Руниверс"

Зорича и тѣмъ выраженіемъ счастія, которое, казалось, дышало на лицѣ его. Вскорѣ онъ произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ [22]), что̀ подтверждается слѣдующею замѣткою, въ автобіографіи графа С. П. Румянцова, подъ 1777 годомъ: «Возвратясь въ Петербургъ, мы нашли Завадовскаго теряющаго фавёръ, и безъ того недолговременный. Зоричъ заступалъ его мѣсто».

II.

Успѣхи Зорича при дворѣ продолжались всего одинадцать мѣсяцевъ, но ни одинъ изъ любимцевъ того времени не получилъ въ такой короткій срокъ такъ много монаршихъ милостей, какъ Зоричъ.

Въ день коронаціи, 22 Сентября 1777 г., онъ произведенъ въ генералъ-маіоры и корнеты кавалергардскаго корпуса [23]). Въ этотъ же день Зоричъ получилъ въ подарокъ отъ Императрицы слѣдующія, украшенныя бриліантами, вещи: звѣзду, эксельбанты, саблю, плюмажъ, пряжки къ башмакамъ, перстень и запонки [24]). Чрезъ нѣсколько дней Зоричу было дозволено носить присланный ему Мальтійскій орденъ Св. Іоанна [25]). Сентября 30-го того же года послѣдовалъ именной указъ Сенату: «Всемилостивѣйше жалуемъ мы въ вѣчное и потомственное владѣніе нашему генералъ-маіору Семену Зоричу проданныя въ казну наслѣдниками графа Бутурлина находящіяся въ Лифляндіи, въ Венденскомъ крейсѣ, въ Сесвегенскомъ кирхшпилѣ, всѣ Сесвегенскія мызы съ ихъ принадлежностями» [26]). Сесвегенскія мызы стоили въ то время 200,000, а доходъ съ нихъ за десять послѣднихъ лѣтъ, со времени поступленія ихъ въ казну, равнялся 80,000 рублямъ. Вслѣдъ за этимъ Зоричу былъ подаренъ великолѣпный домъ въ С.-Петербургѣ, неподалеку отъ Зимняго дворца [27]). По свидѣтельству Гельбига, Зоричъ, въ разное время, получилъ деньгами около 300,000 рублей.

Иностранные государи, уважая Зорича за его личныя достоинства и за высокую довѣренность, которою онъ пользовался при Екатеринѣ Великой, старались показывать ему свое милостивое расположеніе. Король Польскій пожаловалъ ему ордена Бѣлаго Орла и св.

---

[22]) Одновременно почти съ С. Г. Зоричемъ былъ назначенъ флигель-адъютантъ братъ его Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ. Моск. Вѣд. 1777 г. № 85.

[23]) Московск. вѣд. 1777 года № 81.

[24]) Чт. Общ. Исторіи и Древ. Р. 1866 г. кн. 1 часть III, стр. 261. Здѣсь помѣщено письмо графа П. А. Румянцова, въ которомъ, поздравляя Зорича съ полученными наградами, онъ говоритъ: «Правосудіе васъ награждаетъ за добротвореніе ежедневное къ ищущимъ вашего пособія. Продолжайте поступать сходственно вашему добродѣтельному расположенію»....

[25]) Москов. Вѣд. 1777 г., № 81.

[26]) Реестры рѣшен. дѣламъ Правительствующ. Сената 1778 г. №№ 604 (4175) и 607 (4178). См. «Осмнадцатый Вѣкъ» IV, 37.

[27]) La cour de Russie, стр. 307.

Библиотека "Руниверс"

Станислава. По просьбѣ короля Польскаго (который нѣкогда мечталъ самъ жениться на Екатеринѣ) Государыня, 26 Ноября 1777 г., собственноручно возложила присланные ордена на своего любимца.

По поводу этого событія неизвѣстнымъ піитою были составлены слѣдующіе стихи:

Орелъ, въ сопутствіи имѣя Станислава,
Котораго своимъ чтитъ ангеломъ Варшава,
Въ Георгіевскій день въ Петрополь притекли
И на геройскія вдругъ рамена взошли.
Одинъ крылѣ, другой простря священны руки,
Сугубятъ твоея, о Зоричъ, славы звуки,
Производимые отъ златострунныхъ лиръ,
Которые гласятъ твой плѣнъ, и брань, и миръ,
И добродѣтели души твоей отмѣнны
Извѣстными творятъ въ окружности вселенной [28]).

18 Апрѣля 1778 г. Государыня повелѣть соизволила справить и отказать за генералъ-маіора Зорича, безъ взятья пошлинъ, въ сходственность третьяго артикула, постановленнаго съ Польшею въ 1773 году трактата, купленное у Польскаго генералъ-поручика князя Августа-Александра Чарторыйскаго, состоящее въ Могилевской губерніи, мѣстечко Шкловъ съ селами и деревнями, на 12 войтовствъ раздѣленными, и со всякими къ тому принадлежностями [29]).

Въ Шкловскомъ имѣніи числилось 16 тысячъ душъ крестьянъ, и оно, въ описываемое нами время, стоило полмилліона рублей.

25 Апрѣля того же года, Екатерина подарила Семену Гавриловичу состоящіе въ Полоцкой губерніи, въ Витебской провинціи изъ Велижскаго староства, тридцать частей: Глазамицкую, Огрызовскую, Граблинскую, Кочагаровскую, Халинскую, Дворецкую, Велищанскую, Пчелинскую, Барановскую, Пухновскую, Прихабскую, Тхаринскую и Смоленскаго Брода, принадлежавшіе прежде князю Адаму Чарторыйскому.

Но этимъ не ограничивалось богатство Зорича. Подаренные ему въ разное время бриліанты оцѣнивались знатоками свыше 200,000 р. Особенно замѣчательны были: табакерка, поясъ и перстень. Въ дѣлахъ Шкловской Комиссіи сохранилось описаніе этихъ вещей. Большая золотая табакерка была сдѣлана квадратомъ, крышка ея была украшена крупными и мелкими бриліантами, въ срединѣ помѣщалась сдѣланная изъ бриліантовъ литера Е и драгоцѣнная императорская корона. Низъ и четыре угла снаружи также были выложены бриліантами. Поясъ, заключавшій въ себѣ фунтъ золота и украшенный 1875 бриліантами и 239 смарагдами, стоилъ 18 тысячъ. Золотой перстень отличался особеннымъ изяществомъ и величиною вдѣланнаго въ него солитера [30]).

---

[28]) Москов. Вѣд. 1777 г., № 103, письмо изъ С.-Петербурга отъ 12 Декабря.

[29]) Реестры рѣшеннымъ дѣламъ Правительств. Сената 1778 г. № 606 (4177) и 361 (2844).

[30]) Табакерка и перстень впослѣдствіи заложены Рижскому купцу Генриху Теодору Шредеру, который подъ залогъ перстня далъ 1200 рейхсталеровъ

Библиотека "Руниверс"

Изъ сказаннаго видно, что Зоричъ, съ Августа 1777 г. по 30 Іюня 1778 г., получилъ подарковъ слишкомъ на два милліона рублей. Такія громадныя средства давали Зоричу возможность жить съ роскошью, которая немало удивляла его современниковъ.

Въ 1777 г. мы видимъ Зорича президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества (учрежденнаго въ 1765 г.) при содѣйствіи князя Орлова, который для членовъ-учредителей этого общества предложилъ даже свой домъ. Хотя въ жизнеописаніи князя Орлова [31]) и говорится, что экономическое общество было обязано Орлову тѣмъ, «что на первыхъ же порахъ Императрица взяла его подъ свое покровительство»; на самомъ же дѣлѣ это случилось нѣсколько позже, а именно во время президентства Зорича и по всему вѣроятію не безъ его участія. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1777 г. (№ 92 и 96) читаемъ:

«Вольное Экономическое Общество для торжествованія въ семъ году дня учрежденія своего назначило 28 Октября полное собраніе членовъ его. Чего ради президентъ сего общества, его пр—во, г-нъ г. м. и разныхъ орденовъ кавалеръ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ благоволилъ, по усердію своему, всѣхъ въ С.-Петербургѣ находящихся господъ членовъ онаго общества къ торжественному собранію пригласить письменно. Вслѣдствіе чего, собравшись они въ зимній Ея Императорскаго Величества дворецъ, въ компаты къ его пр-ву, вышеозначеннаго числа, предъ полуднемъ, въ 12 часу открыли засѣданіе, и вскорѣ потомъ, вставъ со вниманіемъ, слушали читанное Ея Императорскаго Величества письмо о припятіи Вольнаго Экономическаго Общества въ высочайшее покровительство. Послѣ того собраніемъ, по докладу члена и секретаря с. с. Нартова, были присуждены за рѣшеніе заданныхъ обществомъ задачъ награды: архитектору Адольфу Вигерту золотой медали, а Іогану Христіану Виттиху и Карлу Іогану Клипингу—серебряныхъ. За тѣмъ Вольное Экономическое Общество предложило членамъ темы для 7 сочиненій по сельскому хозяйству, при чемъ были обѣщаны преміи: за сочиненіе на первую тему фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышевымъ, 25 червонцевъ.

На вторую—г.-маіоромъ С. Г. Зоричемъ, 50 червонцевъ.

На третью—Зоричемъ же, 50 червонцевъ.

На четвертую—графомъ И. Г. Чернышевымъ, 50 червонцевъ.

На пятую—фельдмаршаломъ З. Г. Чернышовымъ, 25 червонцевъ.

На шестую—фельдмаршаломъ З. Г. Чернышевымъ 25 червонцевъ.

На седьмую—княземъ Г. Г. Орловымъ—медаль въ 50 червонцевъ.

Послѣ сего засѣданія его пр-во г. президентъ просилъ гг. членовъ къ приготовленному въ залѣ обѣденному столу, во время котораго они великолѣпно подчиваны были. По окончаніи стола члены общества, засвидѣтельствовавъ свою благодарность его пр-ву, за отмѣнное его угощеніе, разъѣхались.

Служившіе при столѣ придворные официанты награждены были его п-вомъ подарками. Всѣмъ официантамъ дано по золотой табакеркѣ, нѣкоторымъ же

Албертовыхъ; какова же была настоящая цѣна этого перстня? Поясъ былъ заложенъ Еврею Орлику Абрамовичу Лури.

[31]) «Р. Архивъ» 1873, I, 50, въ статьѣ А. П. Барсукова.

Библиотека "Руниверс"

по золотымъ часамъ, а прочимъ ливрейнымъ служителямъ учинена дача деньгами, коихъ всѣхъ, считая съ вещами, составило болѣе 2,000 рублей.

Въ бывшее Ноября 15 дня собраніе, сего общества президентъ С. Г. Зоричъ сообщилъ членамъ онаго присланныя отъ Ея Императорскаго Величества слѣдующія книги: Vollständiger Lehrbuch von der practischen Feldwirtschaft, von John Mills, въ пяти томахъ, т. е. Джона Мильса совершенное учебное понятіе о практическомъ хозяйствѣ; да еще Arthur Jung's sechsmonatliche Reise durch die nordischen Provinzen von England, т. е. Артура Юнга шестимѣсячное путешествіе по сѣвернымъ провинціямъ въ Англіи, въ четырехъ томахъ, и объявилъ высочайшее Ея Величества соизволеніе, чтобы оныя книги переведены были на Россійскій языкъ, въ пользу Россійскаго сельскаго домостроительства.

Живучи при дворѣ, С. Г. Зоричъ былъ веселъ, неистощимо остроуменъ и добродушенъ. Въ тоже время трудно было опредѣлить границы его тщеславію и расточительности. Но все это искупалось тѣмъ, что онъ никогда не отказывался помогать ближнимъ и свое вліяніе употреблялъ на добрыя дѣла и на услуги такимъ людямъ, которыхъ почему-либо считалъ обиженными [32]).

Насколько Зоричъ имѣлъ, въ то время, вліяніе на дѣла, видно изъ записокъ кн. Голицына, племянника оберъ-камергера Шувалова. Сей послѣдній просилъ Государыню объ опредѣленіи племянника къ иностраннымъ дѣламъ; но Государыня почему-то велѣла заниматься ему въ 1-мъ департаментѣ Сената. Князь Голицынъ былъ огорченъ этимъ. «Еслибы, говорилъ онъ, я попросилъ бывшаго у двора генерала Зорича, все-бы сдѣлано было безъ всякой перемѣны» [33]).

Графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій, подъ начальствомъ котораго нѣкогда служилъ Зоричъ, зная его доброту, неоднократно обращался къ нему съ просьбами и ходатайствомъ за нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему лицъ. Въ его письмахъ Зоричу, писанныхъ изъ Малороссіи, читаемъ слѣдующія выраженія: «Ваше похвальное расположеніе къ добродѣянію заслуживаетъ мое признаніе», «благодѣянія ваши стали уже извѣстны и въ семъ мѣстѣ (въ Малороссіи), и вы сдѣлались, какъ бы опекуномъ добро творить», или: «вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ....» [34]).

Добродушный и безпечный Зоричъ не могъ долго оставаться въ своемъ положеніи. Князь Таврическій считалъ его слишкомъ слабымъ и безвреднымъ для себя по уму и по связямъ и потому совершенно безразлично смотрѣлъ на его придворные успѣхи, но только до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ въ немъ желанія дѣйствовать самостоятельно. По свидѣтельству Гельбига, онъ будто бы предлагалъ Императрицѣ выбрать себѣ другаго болѣе достойнаго адъютанта, чѣмъ

[32]) Депеша Англійскаго посланника Гарриса отъ 13 Февраля 1778 г. La cour de Russie, стр. 308.

[33]) «Р. Архивъ» 1874 г., стр. 1277.

[34]) Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцова-Задунайскаго. Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ 1866 г. кн. I.

Библиотека "Руниверс"

Зоричъ. Вслѣдствіе ли этого объясненія, или по другимъ какимъ причинамъ, Императрица стала обходиться съ Зоричемъ довольно сухо. Это было въ Царскомъ Селѣ, въ Маѣ 1778 г. Зоричъ отнесъ это охлажденіе къ проискамъ князя, и между ними произошла размолвка, которая окончилась тѣмъ, что Зоричъ вызвалъ князя Потемкина на поединокъ, но тотъ отказался. Тогда Зоричъ отправился къ Императрицѣ, бросился ей въ ноги и признался въ своемъ поступкѣ, сказавъ, что, какъ ни велики почести и богатства, которыми она его осыпала, онъ равнодушенъ ко всему кромѣ ея милостей и расположенія. Это произвело впечатлѣніе на Императрицу. Зоричъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, повидимому, былъ опять въ милости, а соперникъ его, обиженный дурнымъ оборотомъ дѣла, уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Императрица, не любившая подобныхъ размолвокъ, отправила Зорича звать Потемкина къ ужину, «de racommoder l'affaire, puisqu'elle n'aimait pas les tracasseries [35]). Они ужинали вмѣстѣ и казались друзьями, но на самомъ дѣлѣ участь Зорича была рѣшена: вскорѣ послѣ описаннаго случая, въ одинъ Майскій вечеръ, Зоричъ получилъ приказъ немедленно оставить дворъ. Англійскій посланникъ Гаррисъ [36]) разсказываетъ, что Зоричъ тотчасъ же бросился къ Императрицѣ, и она въ самыхъ мягкихъ и милостивыхъ выраженіяхъ объявила ему причину его удаленія отъ двора; но это было принято Зоричемъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Зоричъ будто бы забылся до того, что позволилъ себѣ дѣлать Императрицѣ упреки и яркими красками описалъ несчастныя послѣдствія своего удаленія. Изъ письма Гарриса къ герцогу Суффольку мы узнаемъ, что при отставкѣ Зоричъ будто бы получилъ большую прибавку къ пенсіи, огромную сумму денегъ и еще 7000 душъ крестьянъ. Но о какой отставкѣ говоритъ Гаррисъ, намъ неизвѣстно и изъ формулярнаго списка Зорича не видно.

Въ тотъ же вечеръ Семенъ Гавриловичъ оставилъ Петербургъ и уѣхалъ за границу. Онъ отправился прямо въ Парижъ, гдѣ и прогостилъ нѣкоторое время у нашего министра Симолина [37]).

Въ Сентябрѣ 1778 г. Зоричъ прибылъ въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи Шкловѣ.

III.

Мѣстечко Шкловъ лежитъ весьма живописно на правомъ, нагорномъ берегу Днѣпра, въ 32 верстахъ отъ губернскаго города Могилева. Нынѣ это Еврейское гнѣздо. Отсюда, какъ изъ разсадника, разъѣзжаются Евреи по Бѣлоруссіи и всюду разносятъ славу о своей богатой синагогѣ и своихъ торговыхъ оборотахъ. Дѣйствительно, не во всякомъ губернскомъ городѣ можно найти такое разнообразіе товаровъ, особенно дамскихъ, какъ въ этомъ простомъ мѣстечкѣ. Ко-

[35]) Поправить дѣло, такъ какъ она не любитъ ссоръ. «Р. Арх.» 1866, стр. 594.

[36]) Письмо Гарриса къ герцогу Суффольку отъ 22 Мая 1778 г. «Русск. Архивъ» 1874 г., стр. 1494.

[37]) Castèra, Histoire de Cathérine II. Paris, an VIII, t. III, pag. 64.

Библиотека "Руниверс"

роче сказать, Шкловъ, съ своею пристанью и богатыми магазинами, играетъ въ Бѣлоруссіи такую же роль, какъ Бердичевъ на Украйнѣ. Въ старину онъ былъ раскинутъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, и подъ именемъ городка, принадлежалъ Хоткевичамъ, потомъ поступилъ во владѣніе князей Чарторыйскихъ, проданъ въ казну, а за тѣмъ, какъ мы видѣли, былъ подаренъ Зоричу. Въ описываемое время, Шкловъ только что отстроился на новомъ мѣстѣ, послѣ пожара 1769 года, обратившаго въ пепелъ 300 домовъ [38]). Украшеніемъ Шклова была огромная, квадратная площадь, посреди которой красовалось каменное зданіе гостинаго двора съ двумя башнями; въ одной изъ нихъ помѣщалась ратуша, а въ другой кладовая. Здѣсь же находился почтовый домъ, Греческая церковь, каменный дѣвичій монастырь, каменный магазинъ и каменная Жидовская школа. Надъ двумя воротами, ведущими въ городъ, также возведены были башни; по угламъ поставлены пирамиды, подъ коими выкопаны колодцы; во всѣ стороны, по прорѣзу угловъ, проведены планированныя улицы, домà деревянные и на одинъ образецъ построенные. Въ концѣ площади расходились двѣ липовыя аллеи, одна (правая) вела къ губернскому городу Могилеву, а другая къ старинному замку, въ которомъ и уединился отъ большаго свѣта Зоричъ [39]).

Здѣсь-то ему пришла счастливая мысль начать благое дѣло, устроить благородное училище для дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Зоричъ осуществилъ свою мысль въ самомъ непродолжительномъ времени. Шкловское благородное училище было учреждено имъ 1778 года, Ноября 24 дня, въ день имянинъ Государыни.

Современники Зорича разсказываютъ [40]), что онъ жилъ въ Шкловѣ настоящимъ магнатомъ, какъ немногіе изъ нашихъ бояръ того времени. Его домъ былъ всегда открытъ для всѣхъ. Съ пріѣзда Зорича, въ Шкловѣ водворились люди всякаго рода, званія и народности. Вмѣстѣ съ многочисленными родственниками и бывшими сослуживцами Зорича, здѣсь нашли себѣ спокойный и веселый пріютъ разные проходимцы и игроки; тутъ были Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване и даже Турки. По добродушію Зорича, большая часть этихъ выходцевъ располагалась, какъ дòма, въ обширныхъ флигеляхъ и содержалась на его счетъ. Зоричъ постоянно держалъ театральную труппу и музыкантовъ, которые были составлены изъ его крѣпостныхъ людей. Обѣдалъ онъ всегда въ большомъ обществѣ, съ людьми зваными и незваными. Съ первыхъ же дней своего прибытія въ Шкловъ, онъ съумѣлъ поставить себя въ добрыя отношенія къ окружающимъ лицамъ. Снисходя на просьбы Еврейскаго закона обывателей, онъ подтвердилъ данныя имъ отъ предшественниковъ его льготы. Не забылъ онъ и тѣхъ, кому былъ чѣмъ либо обязанъ. Въ дѣлахъ Шкловской Коммисіи сохранилось извѣстіе,

---

[38]) Во время Шведской войны, 1708 г. Іюля 6 дня, въ Шкловѣ происходилъ военный совѣтъ. Русск. Арх. 1875 г. кн. III, стр. 60.

[39]) Географич. словарь Щекатова, часть 6-я. Журналъ «Заря» 1871 г. кн. I.

[40]) Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 29 и 30.

Библиотека "Руниверс"

что жена надворнаго совѣтника Анна Лесовицкая, помогавшая Зоричу во время его плѣна въ Турціи, по смерти мужа, была вызвана имъ въ Шкловъ, и Зоричъ положилъ ей пенсію въ 730 рублей [41]). Грекъ Дмитрій Николаевъ Метакса, который, какъ видно, оказывалъ услуги Зоричу, былъ имъ взысканъ и по прибытіи въ Шкловъ получалъ отъ него жалованье въ размѣрѣ 400 рублей. Всѣ родные Зорича получали оклады или доходы съ разныхъ фольварковъ, которыми они управляли, по порученію Зорича. Доктору Шлегелю, который состоялъ на службѣ при Шкловскомъ благородномъ училищѣ, подарена земля вмѣстѣ съ лѣсомъ, находящимся у Оршанскихъ воротъ. По случаю бракосочетанія Зоричева камердинера Игнатія Живокини [42]), ему было обѣщано 200 душъ крестьянъ, и только за смертію Зорича это не было исполнено. Зоричъ не переставалъ благодѣтельствовать окружающимъ его лицамъ до самой кончины. Считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь одно изъ писемъ его къ племяннику, генералъ-маіору Маркову.

«Любезный племянникъ Ѳедоръ Ивановичъ! Пріятность мнѣ принесетъ, когда увижу васъ, послѣ убытковъ, понесенныхъ въ войнѣ противъ мятежниковъ Польскихъ, и для того на первый случай дарю васъ вотчиною изъ ключа Рышкинскаго и Касилевскаго, въ Невельскомъ уѣздѣ лежащею, въ которой двѣсти двадцать душъ по послѣдней ревизіи находится со всѣми къ той выгодами; и для полученія, на какомъ основаніи вамъ таковую на вѣчность имѣть, пришлите къ 1 Іюня сего 1795 г. повѣреннаго для принятія утвержденія, поелику тогда кончится арендный срокъ, начинаются всѣ доходы. Къ тому времени я изготовлю, на какихъ кондиціяхъ сей даръ основанъ будетъ. Увѣренъ, что въ точности все вами выполнится безъ малѣйшаго упущенія. Прося вѣрить о всегдашней и нелицемѣрной моей къ вамъ привязанности, пребуду, любезный племянникъ, вашимъ вѣрнѣйшимъ слугою, Семенъ Зоричъ. P. S. Здоровье берегите и любите вѣрнаго вашего друга Екатерину Семеновну [43]), которой столько же добра желаю, какъ и вамъ».

Зоричъ продолжалъ поддерживать добрыя отношенія и съ прежними своими знакомыми. Въ дѣлахъ Шкловской Коммисіи сохранились извѣстія, что онъ неоднократно посылалъ подарки въ Петербургъ своимъ знакомымъ — княгинѣ Е. Р. Дашковой, адмиральшѣ

[41]) См. дѣло Шклов. Ком. вяз. 41, о лицахъ, получавшихъ пенсіи отъ Зорича.

[42]) Существуетъ преданіе, что камердинеръ Зорича Игнатій Живокини прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ архитекторомъ Растрелли, и настоящая его фамилія была Джіовакино делла-Момма, которую Русскіе передѣлали въ Живокини. Онъ былъ женатъ на одной изъ танцовщицъ Зорича. Сынъ его, недавно умершій любимецъ Москвы Василій Игнатьевичъ Живокини былъ однимъ изъ замѣчательныхъ Русскихъ комиковъ.

[43]) Жена генералъ-маіора Маркова была дочь адмирала Семена Ивановича Мордвинова, извѣстнаго своими государственными мнѣніями и важными услугами по флоту. Дворъ и замѣч. люди въ Россіи, А. Вейдемейера, стр. 11.

Библиотека "Руниверс"

Евдокіи Ильиничнѣ Голенищевой - Кутузовой, Дарьѣ Михайловнѣ Корсаковой, Г. Р. Державину и другимъ. Подарки эти посылались съ камердинеромъ Живокини и состояли изъ кусковъ шелковой матеріи, лино-батиста, кисеи, замши и кожъ. Княгинѣ Дашковой, приславшей Зоричу изъ Петербурга видъ Царскаго Села, были посланы прекрасно сдѣланныя кресла. Извѣстно также, что Зоричъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ католическимъ митрополитомъ Ясономъ Смогоржевскимъ, котораго часто ссужалъ деньгами и въ свою очередь бралъ у него. По смерти Смогоржевскаго Зоричъ остался ему долженъ и по поводу этого долга писалъ своему повѣренному М. А. Амантову: «По займу его высокопреосвященствомъ, достойныя памяти митрополитомъ Смогоржевскимъ изъ скарбу моего денежной суммы, естьли по справедливому расчету найдется, что за уплатою таковой останется мой скарбъ должнымъ, то не защищайтесь десятилѣтнею давностію и не довольно при семъ расчетѣ, но ни съ кѣмъ, гдѣ точно деньги были занимаемы и справедливыя доказательства за апробаціею подписаніемъ моимъ окажутся». Изъ этихъ строкъ видно, какъ Зоричъ честно относился къ своимъ кредиторамъ и заботился о томъ, чтобы долги его были уплачиваемы сполна.

У Зорича, въ Шкловѣ, кромѣ того дòма, въ которомъ онъ помѣщался самъ, и училищнаго дома, устроеннаго окончательно въ 1793 году, было семнадцать домовъ каменныхъ и деревянныхъ. Въ этихъ домахъ помѣщались мѣдный и винокуренный заводы, фабрики: кожевенная, канатная, парусинная и корабельная. Сія послѣдняя была устроена въ 1780, какъ нужно думать, по совѣту Потемкина; этою фабрикою завѣдывалъ Грекъ Юрій Константиновъ Дерсакли [44]), и на ней строились разныя мореходныя суда: байдаки, галеры, струги, карла̀нгичи и даже фрегаты. Суда Зорича ходили въ Херсонъ, Кра̀ковъ и Николаевъ и привозили въ Шкловъ изюмъ, финики, лимоны, винныя ягоды, апельсины, виноградное вино и уксусъ. Какъ во вторую Турецкую войну, такъ и въ послѣдующее время, всѣ изготовляемыя на фабрикѣ Зорича мореходныя суда поставлялись въ казну. На кожевенной фабрикѣ Зорича, подъ управленіемъ Шведскаго мастера Ериха Гольца, кромѣ кожъ, вырабатывалась замша и выдѣлывалась лайка. Канатною фабрикою управляли Англичане Давидъ и Георгъ Фразеры (отецъ и сынъ). Винокуреннымъ заводомъ завѣдывалъ дворянинъ Ѳедоръ Степановъ Лучневскій. Горячее вино тоже поставлялось для арміи. Отсюда видно, что хозяйство Зорича было весьма обширное и при полномъ ходу требовало неусыпнаго и бди-

[44]) Въ дѣлахъ Шкловской Коммисіи (вязка 12) читаемъ слѣдующій приказъ Зорича корабельному мастеру: «Господинъ Дерсакли! Вамъ въ силѣ приказа конторы графства (?) Шкловскаго, позволяю оштрафовать писаря, также рабочихъ людей, въ вѣдомствѣ вашемъ находящихся, за пьянство, къ работѣ нерадѣніе, и тогда чтó вами сдѣлано, прикажите вписывать въ медоду (sic) и при началѣ перваго числа мѣсяца доставить ко мнѣ вѣдомость, также и сколько расходу и въ какіе дни и приходу было и чтò таковой стоилъ, записать по изданной формѣ; увидите, что сверхъ положеннаго получитъ награду».

Библиотека "Руниверс"

тельнаго надзора; но Зоричъ не могъ самъ лично слѣдить за всѣмъ и по своему добродушію довѣрялся другимъ лицамъ [45]), а они во зло употребляли его довѣріе. Изъ письма Давида Гавриловича Неранчича къ Г. Р. Державину видно, что Зоричъ былъ окруженъ разными прожектерами и, по совѣту ихъ, часто выдавалъ такіе векселя, по которымъ денегъ вовсе не бралъ [46]). Комерческія дѣла Зорича, по большей части, страдали отъ того, что велись чрезъ Евреевъ, ловко умѣвшихъ обдѣлывать свои дѣлишки. Всё это, взятое въ совокупности, мало по малу, приводило Зорича къ разоренію и преждевременно разстроивало его здоровье.

Каждый годъ, въ Шкловскій замокъ, къ Екатеринину дню, къ имянинамъ Зорича (1 Сентября) и на время Шкловскихъ ярмарокъ [47]), со всѣхъ сторонъ, съѣзжались гости. Гости праздновали и веселились въ Шкловѣ недѣли по двѣ и болѣе. Въ это время бывали балы, маскарады, карусели, спектакли любителей, фейерверки, катанье на шлюпкахъ по Днѣпру и тому подобныя увеселенія.

Л. Н. Энгельгардтъ, въ Запискахъ своихъ, разсказываетъ, что однажды въ Шкловѣ были трехъ родовъ благородные спактакли, въ которыхъ принимали участіе многіе изъ пріѣзжихъ гостей [48]). Французскія оперы играли княгиня Екатерина Александровна Долгорукая [49]), жена генералъ-поручика, графиня Мелина и другія дамы и кавалеры. Русскія трагедіи и комедіи игралъ князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій съ своею женою и другіе пріѣзжіе изъ Петербурга и Москвы. Балетъ танцовалъ Дмитрій Ивановичъ Хорватъ съ воспитанниками Шкловскаго училища и другими [50]). Словомъ, въ Шкловѣ было множество забавъ, которыми Зоричъ привлекалъ къ себѣ гостей съ разныхъ концевъ Россіи. Всѣ они съѣзжались къ нему единственно для веселья и находили его въ избыткѣ.

Наступилъ 1780 годъ. По Бѣлоруссіи пронесся слухъ, что Екатерина Великая намѣрена предпринять путешествіе въ новопріобрѣтенный край съ цѣлію осмотрѣть, какъ Бѣлоруссію, такъ и тѣ пять губерній (Псковскую, Полоцкую, Могилевскую, Смоленскую и Новгородъ-Сѣверскую), которыя были уже устроены по новому образу

---

[45]) Въ дѣлахъ Шкловской Комиссіи сохраняется множество контрактовъ, условій и обязательствъ, которые Зоричъ заключалъ съ разными лицами, а также инструкцій и приказовъ, которые онъ давалъ своимъ повѣреннымъ.

[46]) Письмо Д. Г. Неранчича къ Державину находится въ вязкѣ 7-й по Шкловской комиссіи.

[47]) Въ Шкловѣ въ теченіи года бывало двѣ ярмарки: первая на девятой недѣлѣ по Пасхѣ, вторая на второй недѣлѣ великаго поста. Каждая изъ нихъ продолжалась двѣ недѣли. На эти ярмарки съѣзжались купцы изъ разныхъ концевъ Россіи. Записки В. Севергина, стр. 104.

[48]) Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 29 и 30.

[49]) Дочь фельдмаршала, графа Бутурлина, была замужемъ за княземъ Ю. Долгорукимъ. Графиня Мелина (урожд. Грабовская) была жена генералъ-поручика, Бориса Петровича Мелина.

[50]) Д. И. Хорватъ былъ сынъ г.-м. Хорвата, перваго Сербскаго переселенца.

Библиотека "Руниверс"

правленія. Всѣ желали видѣть Государыню, слава о которой тогда гремѣла по всему свѣту. Поѣздка имѣла и политическую цѣль: въ Могилевѣ было назначено свиданіе съ Іосифомъ II-мъ.

Намѣстникъ края, графъ З. Г. Чернышевъ не щадилъ трудовъ и средствъ, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить и угостить высокихъ путешественниковъ. Онъ выписалъ изъ Петербурга придворную Итальянскую оперу, построилъ на свой счетъ театръ и огромную большую залу. Къ городу были стянуты для маневровъ лучшія войска. Отовсюду съѣзжались иностранцы и богатые Польскіе магнаты.

Могъ ли въ это время оставаться спокойнымъ Зоричъ? Путь Государыни лежалъ чрезъ его помѣстье, и онъ заранѣе позаботился, чтобы блестящимъ образомъ принять Монархиню. Четыре тысячи червонцевъ онъ употребилъ на передѣлку своего дома и безъ того весьма роскошнаго, выписалъ изъ Саксоніи, чрезъ Шкловскаго купца, Еврея Нотку [51]) на шестьдесятъ тысячъ рублей обѣденныхъ и чайныхъ фарфоровыхъ сервизовъ, устроилъ при въѣздѣ въ Шкловъ тріумфальные ворота и сдѣлалъ другія необходимыя приготовленія [52]).

Въ тихій Майскій вечеръ (23 числа) роскошно вызолоченная карета съ опущенными стеклами примчалась въ Шкловъ. Впереди скакали верхами, по два въ рядъ, на богато убранныхъ лошадяхъ знатные дворяне; ихъ нагонялъ почтмейстеръ съ 12 почтальонами въ красныхъ кафтанахъ, а за ними доброю рысью неслись въ великолѣпныхъ нарядахъ пикинеры Зорича.

Семенъ Гавриловичъ встрѣтилъ Государыню у тріумфальныхъ воротъ и препроводилъ ее въ свой домъ. Онъ ѣхалъ съ правой стороны кареты, рядомъ съ графомъ Чернышевымъ. При въѣздѣ на Шкловскую площадь Императрица подняла стекла и съ привѣтливою улыбкою начала̀ кланяться жителямъ. Поѣздъ замыкался лейбъ-кирасирами и длинною вереницею придворныхъ каретъ, запряженныхъ шестерикомъ. Когда поѣздъ приблизился къ липовымъ алеямъ, Зоричъ быстро обогналъ его и встрѣтилъ высокую гостью на крыльцѣ своего дома, гдѣ ея прибытія ожидали Могилевскаго уѣзда предводитель съ дворянствомъ, уѣздный судья съ засѣдателями, земскій капитанъ-исправникъ съ засѣдателями и штатная команда.

---

[51]) Шкловскій купецъ, Еврей Нотка былъ посланъ отъ Зорича въ Дрезденъ для покупки фарфора. За провозъ его чрезъ Пруссію, какъ при въѣздѣ, такъ и при выѣздѣ, была взята съ него пошлина. Нотка письменно жаловался королю. Король далъ отвѣтъ на его жалобу въ такихъ выраженіяхъ: «Господинъ Шкловскій купецъ Нотка! Справедливо взята съ васъ за товаръ пошлина, положенная законами; ибо если бы вы не захотѣли платить пошлину два раза, то могли бы купить фарфоръ на моей Берлинской фабрикѣ». Записки Л. Н. Энгельгардта. Изъ дѣлъ Шклов. Коммисіи видно, что Нотка былъ впослѣдствіи въ чинѣ надворнаго совѣтника Ноткина.

[52]) Есть извѣстіе, что при этомъ спальню для Государыни устроили точно въ такомъ видѣ, какую имѣла она у себя въ Зимнемъ дворцѣ.

Библиотека "Руниверс"

Екатерина со всѣми прибывшими съ нею остановилась въ домѣ Зорича [53]). Вечеромъ она играла въ карты и смотрѣла Нѣмецкую комическую оперу. За тѣмъ открылся балъ, по окончаніи котораго для свиты былъ данъ великолѣпный ужинъ. За ужиномъ было получено извѣстіе, что императоръ Іосифъ II прибылъ въ Могилевъ. Императрица назначила выѣхать изъ Шклова на другой день утромъ и обѣщала Зоричу на обратномъ пути остановиться у него на цѣлые сутки.

30 Мая, въ 6-мъ часу вечера, Екатерина прибыла обратно въ помѣстье Зорича, уже съ своимъ гостемъ Іосифомъ II-мъ [54]) Семенъ Гавриловичъ, какъ и въ первый разъ, встрѣтилъ ихъ величества за тріумфальными воротами. Послѣ Могилевскихъ празднествъ, владѣльцу Шклова, казалось, трудно было бы составить программу увеселеній для двухъ вѣнценосцевъ, но Зоричъ былъ слишкомъ опытенъ въ этихъ дѣлахъ и устроилъ небывалый праздникъ. При въѣздѣ на Шкловскую площадь взорамъ путешественниковъ представилась слѣдующая картина: площадь пестрѣла народомъ, была уставлена разнаго рода качелями и другими забавами; виднѣлись: быкъ, фонтаны съ виномъ и столы, уставленные хлѣбами и разными кушаньями. Шкловскіе жители, въ нарядныхъ одеждахъ, громко привѣтствовали царственныхъ гостей, препровождая ихъ до дома Зорича, гдѣ вскорѣ по своемъ прибытіи были приглашены на домашній театръ. Здѣсь дворянами-любителями была представлена пантомина съ чрезвычайными декораціями, которыхъ было до семидесяти. Устройствомъ пантоминъ, музыкою, костюмами и декораціями занимался отставной ротмистръ Австрійской службы, баронъ Ванджура; послѣ пантоминъ начался маскарадъ, отличавшійся богатствомъ костюмовъ и искусствомъ танцоровъ. Едва гости вышли изъ-за ужина, какъ начался великолѣпный фейерверкъ. Домъ Зорича, гостинный дворъ, площади, церкви и всѣ дома были илюминованы. На площади, предъ домомъ горѣли смоляныя бочки, а въ саду пущено 50,000 ракетъ, стоившихъ баснословно дорого. Приготовленіемъ илюминаціи и фейерверковъ нѣсколько мѣсяцевъ занимался извѣстный ученый артиллеристъ, чрезъ три года потомъ назначенный директоромъ 2-го кадетскаго корпуса, Петръ Ивановичъ Мелисино.

На другой день, Императрица, по выслушаніи литургіи, для дня воскреснаго, въ дѣвичьемъ Шкловскомъ монастырѣ, изволила от-

---

[53]) Въ свитѣ были слѣдующія лица: камеръ-фрейлина А. В. Энгельгардтъ; фрейлины: Е. В. Энгельгардтъ, Варвара Петровна Пассекъ, Елисавета Дмитріевна Ланская, князь Потемкинъ, графъ И. Г. Чернышевъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ Я. А. Брюсъ, графъ А. С. Строгановъ, князь Ѳ. С. Барятинскій, В. М. Ребиндеръ, А. Д. Ланской, А. А. Безбородко, П. И. Турчаниновъ, князь М. В. Долгоруковъ, князь С. С. Гагаринъ, В. И. Левашовъ; камеръ-юнкеры А. И. Дивовъ и А. Л. Нарышкинъ. (Сборн. Русск. Истор. общества, т. I).

[54]) Сборникъ Русск. Истор. общ. т. I, стр. 409.

Библиотека "Руниверс"

правиться чрезъ Смоленскъ и Новгородъ въ Петербургъ; Іосифъ II-й поѣхалъ туда же, но чрезъ Москву.

IV.

Въ концѣ 1780 г. Зоричъ отправился въ Петербургъ, какъ нужно думать съ тѣмъ, чтобы благодарить Государыню за милостивое къ нему вниманіе. Но у него была и другая забота: онъ искалъ способнаго и опытнаго человѣка, который бы могъ быть руководителемъ основаннаго имъ Шкловскаго благороднаго училища, составъ котораго съ каждымъ годомъ увеличивался, и Зоричъ желалъ дать ему прочное основаніе.

Въ началѣ 1781 г. съ тою же цѣлію онъ ѣздилъ и въ Москву, отыскивая дѣльнаго директора для Шкловскаго училища. Здѣсь выборъ его палъ на Француза Тимолеона-Альфонса-Гамѐна-де-Сальморана, переселившагося изъ Франціи въ Россію въ 1772 г. Его вывезла оттуда Александра Евтихіевна Демидова, путешествовавшая съ супругомъ своимъ Никитою Акинѳіевичемъ для поправленія здоровья.

Между тѣмъ въ отсутствіе Зорича, въ Шкловъ пріѣхали изъ заграницы три новыхъ лица: родной его братъ Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ и два брата графы Маркъ и Аннибалъ Зановичи. О первомъ изъ нихъ Фонъ-Визинъ въ своемъ письмѣ изъ Ахена, отъ 18 (29) Сентября 1778 г. къ графу Панину, отзывается: «Неранчичъ человѣкъ честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ» [55]). Графы Маркъ и Аннибалъ Зановичи были родомъ Далматы [56]), получившіе образованіе въ разныхъ коллегіумахъ и имѣвшіе большія познанія. Зановичи своими знаніями или не хотѣли, или не могли воспользоваться; они скоро прожили все свое состояніе, доставшееся имъ отъ отца и въ это время занимались какими-то темными оборотами и промышляли карточною игрою. Они познакомились съ Неранчичемъ въ бытность его въ Парижѣ, откуда и рѣшились вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Шкловъ. Неранчичъ и Зановичи помѣстились въ домѣ Зорича и съ перваго же дня начали безумно сорить деньгами, устроили большую банковую игру и вели себя, какъ очень богатые люди, на самомъ же дѣлѣ были ни болѣе, ни менѣе, какъ проходимцы. Чрезъ три мѣсяца послѣ сего прибылъ въ Шкловъ учитель Сальморанъ и очень скоро сошелся съ Зановичами.

Вслѣдъ почти за Сальмораномъ возвратился и Зоричъ. Давидъ Гавриловичъ представилъ брату своихъ знакомыхъ графовъ Зановичей, а такъ какъ Зоричъ былъ большой любитель карточной и биліардной игры, то между нимъ и Зановичами скоро завязалась нѣкотораго рода дружба. Отъ времени до времени карточная игра была главнымъ занятіемъ обитателей Шкловскаго зàмка. Зоричъ по цѣлымъ суткамъ просиживалъ за картами и весьма часто проигрывалъ боль-

[55]) Сочиненія Фонъ-Визина, стр. 343.

[56]) Записки Энгельгардта, стр. 32.

Библиотека "Руниверс"

шія суммы. Такъ однажды, понтируя и меча банкъ вмѣстѣ съ Аннибаломъ Зановичемъ, онъ проигралъ полковнику князю Волконскому 50,000 р. Въ другой разъ Зоричъ проигралъ одному заѣзжему артиллерійскому офицеру, въ самое короткое время, 10 тысячъ р. Онъ игралъ не только дома, но и въ другихъ мѣстахъ, а особенно въ мѣстечкѣ Забродьѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. Здѣсь въ одинъ вечеръ онъ проигралъ на биліардѣ Корсакову 2200 р., а въ карты Матвѣю Михайловичу Челищеву 1500 р. [57]).

Отъ такой неправильной жизни дѣла Зорича сильно пошатнулись. Пользуясь огромнымъ кредитомъ, онъ держался только займами. Сроки займовъ, за рѣдкими исключеніями, не наблюдались, и долги выростали съ изумительною быстротою. При 100 тысячахъ годоваго дохода, Зоричъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Въ дѣлахъ Шкловской Коммиссіи сохранились извѣстія, что многія цѣнныя вещи и имѣнія Зорича уже были заложены, или въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, или у частныхъ лицъ [58]).

19 Сентября 1781 г., великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою отправился путешествовать за границу.

Изъ письма графа Черноевича къ Зоричу мы узнаемъ, что они удостоили Зорича своимъ посѣщеніемъ, кушали у Зорича, и онъ предъ обѣдомъ представлялъ наслѣднику графовъ Зановичей, которые и оставались за обѣдомъ. Изъ того же письма видно, что Давидъ Гавриловичъ предлагалъ Зановичамъ получить мѣста капитановъ гвардіи Ея Императорскаго Величества, но они отказались. Далѣе мы читаемъ, что въ Петербургѣ уже извѣстно было о продѣлкахъ Зановичей за границей, при чемъ графъ Черноевичъ и совѣтовалъ Зоричу быть осторожнѣе по отношенію къ Зановичамъ; но, какъ нужно думать, Зоричъ не воспользовался пріятельскимъ совѣтомъ и продолжалъ вести съ ними карточную игру.

Наступилъ 1782 годъ. Изобрѣтательные графы Зановичи, пріѣхавшіе въ Шкловъ съ цѣлью поживиться, наконецъ придумали способъ выдти изъ наскучившаго имъ затруднительнаго положенія. Они скоро увидали, что Зоричъ, не имѣя большихъ наличныхъ денегъ и дѣлая долги, даетъ только векселя и росписки. Зановичи, при посредствѣ учителя Сальморана, предложили Зоричу слѣдующую комбина-

[57]) Счеты Корсакова, по Шкловской Коммиссіи, вязка 2-я.

[58]) Знаменитыя Сесвегенскія мызы впервыя были заложены въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, но когда за долгъ они имѣли быть секвестрованы, то Зоричъ перезаложилъ ихъ коллежскому совѣтнику Рихтеру за 300 т. р., на 11 лѣтъ, считая отъ 15 Марта 1796 г. по 15 Марта 1806. Въ срокъ деньги не были отданы; это случилось уже по смерти Зорича, и заимодавцемъ была заключена на нихъ купчая крѣпость (Дѣло Шклов. Ком., вязка 18). Гусарская сабля, 36 большихъ золотыхъ пуговицъ, осыпанныхъ 72 бриліантами, перстень съ большимъ камнемъ краснаго яхонта, Мальтійскій крестъ съ бантомъ, натуральная трость съ набалдашникомъ на синей финифтѣ, все это съ бриліантами, были заложены за 8556 р. флота капитану Семену Аѳанасьевичу Пустошкину. (Дѣло Шкл. Ком., вязка 16).

Библиотека "Руниверс"

цію: передать имъ на время управленіе Шкловомъ съ принадлежащимъ ему имѣніемъ, они же съ своей стороны обязывались уплатить всѣ долги Зорича и кромѣ того платить ему по 100 тыс. р. ежегодно [59]).

Вскорѣ послѣ того, какъ состоялось это соглашеніе, младшій Зановичъ, графъ Аннибалъ, подъ предлогомъ продажи своего имѣнія, уѣхалъ за границу. Въ Февралѣ 1783 г. онъ возвратился въ Шкловъ и къ общему недоумѣнію остановился не у Зорича, а въ домѣ Еврея Нотки. Съ перваго дня пріѣзда онъ накрѣпко запирался въ своей комнатѣ и не впускалъ туда даже прислуги, а если куда выходилъ, то оставлялъ въ комнатѣ своего брата.

Въ это самое время, въ Шкловѣ, стали ходить слухи о какихъ-то подозрительныхъ сторублевыхъ ассигнаціяхъ. Торговцы Евреи съ этого времени особенно тщательно стали разсматривать получаемыя ими бумажки. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1783, князь Потемкинъ, по пути въ Могилевъ, заѣхалъ въ Шкловъ и прогостилъ у Зорича цѣлые сутки. Этимъ посѣщеніемъ, какъ нужно полагать, князь Потемкинъ желалъ доказать Зоричу, что онъ не имѣетъ ничего противъ него и забылъ прежнюю ссору. Зоричъ угостилъ его на славу и показалъ ему все достопримѣчательное въ своемъ имѣніи, свои фабрики и заводы и между прочимъ основанное имъ училище. Когда наступилъ вечеръ, гость удалился въ отведенное ему помѣщеніе. Въ это-то время, одинъ Шкловскій житель, Еврей Давидъ Мовша, явился въ занятое княземъ Потемкинымъ помѣщеніе и неотступно просилъ позволенія говорить наединѣ. Князь велѣлъ допустить его. Оставшись вдвоемъ, Мовша подалъ князю сторублевую ассигнацію. Князь долго и внимательно разсматривалъ ее и, не найдя въ ней ничего особеннаго, съ досадой спросилъ Мовшу: «ну что же тутъ, покажи!» Тогда Еврей униженно показалъ, что вмѣсто ассигнація написано ассишація [60]). «Гдѣ ты ее взялъ?» спросилъ князь Мовшу. «Если ва-

---

[59]) Записки Энгельгардта, стр. 31.

[60]) Въ дѣлахъ князя Потемкина сохранилось описаніе такой фальшивой ассигнаціи, отобранной у одного изъ адъютантовъ Зорича. Описаніе ея слѣдующее: 1) Бумага оной (ассигнаціи) нѣсколько противъ настоящей рябѣе и синевата. 2) Квадратъ, изображающій чернилами ея видъ, въ пропорціи поперекъ уже. 3) Номера отпечатаны слѣпо. 4) Гербъ означенный стемпелемъ гораздо глубже, нежели въ настоящей ассигнаціи, какъ то примѣтить можно изъ цыровки, на орлиномъ крилѣ, перьевъ, также подъ тѣмъ орломъ означенной арматуры, а особливо изъ пропорціи въ той арматурѣ пушки, которая отъ настоящаго стемпеля различна и тѣмъ, что на настоящей ассигнаціи оной пушки жерло означено пропорціонально и овалисто, а на сей подозрительной или фальшивой сдѣлано оное жерло или дуло не кругло, а продолговато, а сверхъ того 5) что всѣхъ особъ чины, имена и фамиліи написаны одними чернилами (въ настоящей разными). 6) Въ самой бумагѣ вокругъ борта, по угламъ четыре герба означены косо и совсѣмъ не съ такимъ выраженіемъ, какъ на настоящей, а притомъ и литеры между тѣхъ гербовъ въ кружевѣ кругомъ изображенномъ разметаны не по слогу настоящихъ рѣчей, а порознь безъ всякаго складу и по нижнему борту; иныя литеры означены не съ той сто-

Библиотека "Руниверс"

шей свѣтлости угодно, я вамъ чрезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ».—«Кто же ихъ дѣлаетъ»? — «Камердинеръ графа Зановича и карлы Зоричевы», отвѣчалъ Мовша. Потемкинъ далъ Мовшѣ 1000 р., приказалъ промѣнять ихъ на фальшивыя ассигнація и доставить ему въ мѣстечко Дубровну [61]). На другой день, подъ предлогомъ болѣзни, свѣтлѣйшій, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Могилевъ, отправился въ свое помѣстье, мѣстечко Дубровну. На слѣдующій день въ Могилевъ прискакалъ курьеръ съ секретнымъ письмомъ въ Намѣстническое Правленіе и съ приказаніемъ губернатору Энгельгардту и предсѣдателю Уголовной Палаты Малѣеву немедленно явиться въ Дубровну.

Когда губернаторъ Энгельгардтъ явился, то Потемкинъ сей часъ же показалъ ему пукъ ассигнацій и сказалъ: «Видишь-ли, Николай Богдановичъ, у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты этого не знаешь!» Потомъ князь позвалъ Малѣева и поручилъ ему произвести строжайшее слѣдствіе, не щадя самого Зорича, если будетъ какое либо подозрѣніе.

Малѣевъ немедленно приступилъ къ дѣлу. Съ земскою полиціею и губернскими драгунами онъ отправился въ Шкловъ, куда и прибылъ ночью. Марка Зановича онъ засталъ въ постели и тотчасъ же арестовалъ; въ тоже время были арестованы и карлы Зорича. Съ Семена Гавриловича была взята подписка не выѣзжать изъ дому, пока не дастъ отвѣта на запросные пункты. Между тѣмъ младшій Зановичъ и Сальморанъ въ эту ночь (на 25 Апрѣля) успѣли выѣхать изъ Шклова въ Оршу. Могилевское Намѣстническое Правленіе немедленно разослало эстафеты въ Москву, Петербургъ, и т. п. съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и примѣтъ лицъ, участвующихъ въ немъ. 2-го Мая Аннибалъ Зановичъ и Сальморанъ были задержаны полиціей уже въ Москвѣ, близъ заставы.

На допросѣ въ Тайной Экспедиціи графъ Аннибалъ Зановичъ давалъ крайне сбивчивыя показанія, удивляясь тому, что его задержали. Сальморанъ же на предложенные ему вопросы отвѣчалъ, что онъ выѣхалъ изъ Шклова для покупки лексиконовъ и другихъ вещей, нужныхъ училищу. Вскорѣ послѣ сего одинъ изъ адъютантовъ Зорича Егоръ Мейнерсъ, будучи посланъ въ Петербургъ, къ Д. Г. Неранчичу, 8 Мая, на Оболецкой почтовой станціи размѣнялъ для своей надобности сторублевую ассигнацію. По прибытіи въ Петербургъ, онъ былъ потребованъ въ Губернское Правленіе и при допросѣ показалъ, что размѣненную имъ ассигнацію, въ числѣ другихъ денегъ, онъ получилъ отъ Зорича. Всего этого было достаточно къ обвиненію. Поводомъ къ подозрѣнію Зорича въ дѣлѣ графовъ

роны, какъ въ настоящей, а напротивъ; да и въ самой ассигнаціонной прописи, гдѣ въ настоящей напечатано, тамъ въ сей изображена оная рѣчь *ассигнація*, и такъ при сей рѣчи вмѣсто *Н* поставлено *И*, а потому и всему вышеписанному оная ассигнація и примѣчается точно фальшивая.

[61]) Это мѣстечко не задолго предъ симъ было куплено княземъ Потемкинымъ; оно находилось въ 70 верстахъ отъ Шклова.

Библиотека "Руниверс"

Зановичей, кромѣ того, было слѣдующее обстоятельство: послѣ уговора о передачѣ Зановичамъ въ управленіе своего имѣнія, Зоричъ часто говаривалъ, что онъ скоро будетъ богатъ и скоро заплатитъ свои долги. Другое обстоятельство, набросившее темную тѣнь на честность Зорича, было то, что его карлы, которые держали карты, получая отъ Зановичей за нихъ сторублевыми ассигнаціями, весьма часто мѣняли ихъ на золото.

Екатерина внимательно слѣдила за ходомъ дѣла и для полнаго уясненія его пожелала имѣть подробныя свѣдѣнія о лицахъ, живущихъ въ Шкловѣ. По возникшему, такимъ образомъ, уголовному дѣлу графовъ Зановичей, Зоричу были предложены запросные пункты, на которые онъ и далъ требуемые отвѣты. Съ тѣхъ поръ Зорича болѣе уже не безпокоили, и онъ 28 Мая 1783 года отправился въ Петербургъ.

Вслѣдъ за его отъѣздомъ, намѣстникъ края П. Б. Пассекъ получилъ 2-го Іюня отъ князя Потемкина письмо, въ которомъ передавалось приказаніе Императрицы удерживать Зорича отъ поѣздки въ Петербургъ и почаще присылать курьеровъ съ увѣдомленіемъ о ходѣ дѣла Зановичей. Но Зорича, какъ мы сказали, уже не было въ Шкловѣ. По поводу его отъѣзда Пассекъ писалъ къ князю Потемкину, 6-го Іюня, «что когда Зоричъ требовалъ подорожной для проѣзда въ Петербургъ, то онъ не осмѣлился воспретить дать ему оную, дабы не понесть какаго неудовольствія». Далѣе прибавлено: «Я помышлялъ самъ посовѣтывать Зоричу не ѣздить въ Петербургъ; но, увѣренъ будучи, что онъ не послушаетъ, то сей совѣтъ оставилъ. Если Зоричъ по тремъ указамъ изъ Правительствующаго Сената не отдалъ диплома [62]), то могъ ли бы онъ принять совѣтъ съ уваженіемъ? А напротивъ бы, сталъ всѣмъ разсказывать, что онъ совѣтъ отъ меня слышалъ, но, не уважая, ѣдетъ въ Петербургъ»....

Наконецъ, по строжайшему слѣдствію, произведенному Малѣевымъ, оказалось, что Зоричъ не былъ участникомъ въ дѣлѣ графовъ Зановичей и потому былъ совершенно оправданъ [63]).

Между тѣмъ дѣло графовъ Зановичей поступило въ Сенатъ и было рѣшено не въ ихъ пользу. По сенатскому докладу, графъ Аннибалъ Зановичъ обвинялся въ привозѣ изъ за границы завѣдомо фальшивыхъ ассигнацій, а графъ Маркъ въ сокрытіи преступленія брата. Кромѣ того, оба графа были заподозрѣны въ самомъ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Другіе же подсудимые, въ томъ числѣ и Сальморавъ, оправданы и освобождены изъ подъ ареста съ обязательствомъ не дѣлать ни малѣйшаго разглашенія объ извѣстномъ дѣлѣ. Обязательство было взято съ подсудимыхъ по приказанію Императрицы, какъ это она дѣлала и всегда въ подобныхъ случаяхъ.

---

[62]) Подъ дипломомъ здѣсь нужно разумѣть жалованную грамоту на Сесвегенскія мызы, которую Зоричъ возвратилъ только послѣ троекратнаго требованія изъ Сената. Дѣла Правительствующаго Сената, по Бѣлорус. экспед. №№ 256 (5694) 14 Авг. и 2 Апр. 511 (5949) л. 128 и 293.

[63]) Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 34.

Библиотека "Руниверс"

На основаніи Сенатскаго доклада 25 Октября, состоялся высочайшій указъ, по которому Зановичи были заключены въ Нейшлотскую крѣпость на пять лѣтъ, а по прошествіи этого времени были отправлены въ Архангельскъ для высылки за границу [64]).

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло графовъ Зановичей сокрушало Зорича, хотя онъ, по поводу его, и не обнаруживалъ своихъ чувствъ предъ другими. Посреди веселія и шума нетрудно было замѣтить, что Зоричъ только пируетъ, а не веселится. 25 Іюля 1784 г., по именному высочайшему указу, данному Военной Коллегіи, Зоричъ былъ уволенъ отъ службы [65]). По собственному ли желанію совершилась эта отставка и имѣла ли она какую-либо связь съ дѣломъ Зановичей, намъ неизвѣстно.

По выходѣ въ отставку, Семенъ Гавриловичъ весь свой досугъ посвятилъ дѣлу воспитанія ввѣренныхъ ему дѣтей. Онъ хорошо сознавалъ, что связанъ съ ними нравственными узами, а потому смотрѣлъ на нихъ не какъ на школьниковъ, обязанныхъ ему своимъ воспитаніемъ, а какъ на родную семью. Въ Шкловскомъ училищѣ, въ это время, находилось уже около ста человѣкъ. Въ слѣдующемъ году (1785) предстоялъ первый выпускъ воспитанниковъ.

Годъ отъ году дѣла Зорича становились хуже и хуже [66]). Къ большему разстройству и упадку дѣлъ послужило то обстоятельство, что онъ сталъ брать казенные подряды и по нимъ обязывался доставлять въ разныя мѣста Екатеринославскаго намѣстничества и Черноморскаго адмиралтейства: пшеницу, ячмень, овесъ, пеньку и горячее вино, а также мореходныя суда. Нѣтъ сомнѣнія, что эти обязательства исполнялись не всегда точно, не по личной винѣ Зорича, но по небрежности его повѣренныхъ, и Зоричъ отъ этого терпѣлъ большіе убытки. Долги Зорича день ото дня увеличивались, и дѣло дошло до того, что послѣднее имѣніе Зорича—Шкловъ было назначено къ публичной продажѣ. Видя себя въ безвыходномъ положеніи, Зоричъ неоднократно прибѣгалъ къ милосердію Императрицы и только при ея содѣйствіи избавился отъ окончательнаго разоренія. Такъ, по приказу Императрицы, Трощинскій 14 Іюня 1795 года писалъ къ генералъ-прокурору А. Н. Самойлову, чтобы продажа имѣнія Зорича до постановленнаго срока была остановлена. Между тѣмъ, въ это же самое время (15 Іюля 1795) состоялся слѣдующій рескриптъ.

Графъ Александръ Николаевичъ! Препровождая при семъ записку, содержащую мнѣніе нашего генералъ-фельдцейхмейстера Екатеринославскаго, Таврическаго и Вознесенскаго генерала-губернатора, графа Зубова, учиненное по

---

[64]) Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 34. Журналъ Заря 1871 года.

[65]) Моск. Отдѣленіе общаго архива Главнаго Штаба. Дѣло армейской экспед., опись 35, связка 29, № 337.

[66]) Не смотря на разстроенное положеніе своихъ дѣлъ, Зоричъ продолжалъ жить въ Шкловѣ съ прежнею роскошью и давалъ блестящіе праздники. Особенно замѣчателенъ праздникъ, данный 22 Сентября 1793 по случаю перемѣщенія Шкловскаго училища въ новый домъ. Описаніе этого праздника см. въ «Истор. очеркѣ Шкловскаго благороднаго училища».

Библиотека "Руниверс"

соображенiи разныхъ собранныхъ имъ свѣдѣнiй вслѣдствiе прошенiя генералъ-маiора Зорича, касательно претензiй сего послѣдняго на казну; повелѣваемъ: Первое, за поставленные помянутымъ генералъ-маiоромъ Зоричемъ для армiи нашей въ 1788 г., пшеницу, ячмень, овесъ и горячее вино доплатить ему Зоричу 7022 р. 17½ к.; второе, за отданные имъ на казенную суконную фабрику въ Дубровнѣ тиски выдать ему 10737 р.; третiе, за мореходные три карлангича отъ него генералъ-маiора Зорича заплатить ему по 10 т. р. за каждый, итого 30 т. р.; четвертое, поставленную отъ него въ 1792 г. къ Херсонскому порту пеньку принять въ Черноморское адмиралтейство по той цѣнѣ, во что она ему Зоричу обошлась, каждый пудъ 4 р. 29½ к., выдавъ слѣдующiя за оную пеньку деньги, сколько по подряднымъ адмиралтейскимъ цѣнамъ причтется, изъ суммъ Черноморскаго адмиралтейскаго правленiя, а недостающее число изъ здѣшняго казначейства; пятое, всѣ вышеписанныя деньги, въ пользу генералъ-маiора Зорича назначаемыя, обратить въ уплату долговъ его, или въ Государственный Заемный Банкъ, или въ Опекунскiй Воспитательнаго Дома Совѣтъ, по сношенiю вашему съ сими мѣстами и по мѣрѣ того въ которое изъ нихъ ближайшiе сроки къ платежу того долга наступили. Пребываемъ и пр. Екатерина.

И такъ Екатерина продолжала благодѣтельствовать Зоричу до конца своей жизни.

При вступленiи на престолъ Павла Петровича Семенъ Гавриловичъ не былъ забытъ. Государь вызвалъ его въ Петербургъ и не далѣе, какъ чрезъ три недѣли по смерти Императрицы, назначилъ шефомъ Изюмскаго гусарскаго полка, названнаго «гусарскимъ Зорича полкомъ» [67]). Это новое назначенiе убѣждаетъ насъ еще болѣе въ томъ, что Зоричъ не участвовалъ въ замыслахъ графовъ Зановичей и окончательно былъ оправданъ во мнѣнiи Павла I. 2-го Генваря 1797 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

По своему новому назначенiю Семенъ Гавриловичъ почти постоянно находился при своемъ полку, не имѣя ни времени, ни возможности поправить дѣла свои. Услышавъ, что Шкловское благородное училище, содержимое на средства Зорича, отъ разстройства его дѣлъ, терпитъ большiя лишенiя и недостатки, Павелъ повелѣлъ перечислить его въ казенное вѣдомство, предоставляя впрочемъ главную надъ онымъ дирекцiю Зоричу. Это было въ Мартѣ 1797 г. Отсюда видно, что Зоричъ продолжалъ пользоваться довѣрiемъ Государя, строгаго, но милостиваго. Изъ рескрипта, присланнаго въ томъ же году (1797 г. Iюня 14) легко видѣть, какъ высоко цѣнилъ Государь заслуги Зорича и его неусыпные труды по училищу [68]).

Нѣтъ сомнѣнiя, что переводъ Шкловскаго училища въ казенное вѣдомство нѣсколько опечалилъ Зорича; но его ждали другiя, новыя огорченiя. Тѣ люди, которые нѣкогда раболѣпно унижались предъ нимъ, при разстройствѣ его дѣлъ, подняли свои головы и заговорили иначе. Евреи Ицка Гиршановичъ, Израиль Бенгашовичъ и

---

[67]) Хроника войскъ, 1 часть, ежегодникъ Россiйс. армiи 1870 года.

[68]) Этотъ рескриптъ сохраняется въ первой Московской военной гимназiи и находится подъ портретомъ Зорича, въ прiемной залѣ.

Библиотека "Руниверс"

другіе, за отнятіе содержанной на арендѣ (въ деревняхъ Магеровкѣ и Турлаяхъ) питейной продажи и за побои, якобы сдѣланные имъ Зоричемъ, довели свои жалобы до Государя. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1797 г., по Высочайшему указу для разслѣдованія поступковъ Зорича и принесенныхъ на него жалобъ, посланъ въ Шкловъ Г. Р. Державинъ.

Какъ видно изъ его Записокъ, сколько ни старался онъ отыскивать уважительныхъ причинъ къ обвиненію Зорича, однако таковыхъ не оказалось, о чемъ онъ и писалъ къ Государю [69]), а также къ Бѣлорусскому гражданскому губернатору Петру Ивановичу Северину [70]). За неимѣніемъ данныхъ, Державинъ долженъ былъ прекратить начавшееся по этому дѣлу слѣдствіе и по повелѣнію Императора возвратился въ Петербургъ.

Вскорѣ Зоричъ подалъ въ отставку, которая состоялась 15 Сентября 1797 г. Въ концѣ этого года Зоричъ выѣхалъ изъ Шклова за границу, какъ нужно думать съ тѣмъ, чтобы нѣсколько развлечься, успокоиться отъ непріятностей и поправить ослабѣвающее здоровье. Гдѣ и долгое ли время прожилъ Зоричъ за границей, намъ неизвѣстно.

Между тѣмъ Шкловское имѣніе Зорича, оставаясь безъ надзора, приходило въ полное разстройство. Въ 1798 г. Государь приказалъ Державину принять это имѣніе въ свое попечительство. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Державинъ отправился въ Шкловъ и принялъ его въ свое вѣдѣніе отъ опекуновъ графа Толстаго и помѣщика Чаплица [71]). Сдѣлавъ нужныя распоряженія, Державинъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ обратно прибылъ въ Петербургъ. Многіе изъ приближенныхъ Государя, узнавъ, что Державинъ сдѣлался попечителемъ Шкловскаго имѣнія, стали домогаться получить его за безцѣнокъ, но Гавріилъ Романовичъ не поступилъ противъ совѣсти и Зорича не продалъ.

22 Мая 1799 г. случился пожаръ, истребившій зданіе, въ которомъ помѣщалось Шкловское благородное училище и часть мѣстечка Шклова. Пожаръ начался въ кухнѣ, отъ кухонной трубы, а такъ какъ она имѣла сообщеніе съ главнымъ зданіемъ училища, то огонь проникъ и туда; горящія головни наполнили воздухъ и осыпали искрами дома и людей; пламя разрушительнымъ потокомъ лилось на окружающія зданія и весьма скоро отняло возможность спасать вещи. Всѣ заботы Зорича были направлены въ это время къ спасенію воспитанниковъ, и изъ нихъ никто не пострадалъ. Пожаръ въ Шкловскомъ училищѣ сильно опечалилъ Зорича; грусть не сходила съ его лица: у него отнималась возможность правильно вести начатое имъ дѣло воспитанія ввѣренныхъ ему дѣтей. Изъ письма учителя Богоявленскаго къ попечителю Державину [72]) видно, что Зоричъ послѣ

---

[69]) Записки Державина, стр. 405.

[70]) Копія съ письма Державина къ П. И. Северину, дѣла Шкловской ком., связка 17.

[71]) Записки Державина, стр. 409.

[72]) Дѣло Шкловск. Комм., вязка 21.

Библиотека "Руниверс"

пожара началъ строить новый деревянный домъ, большихъ размѣровъ, но не успѣлъ окончить этой постройки и впалъ въ тяжкую болѣзнь. Родственники и знакомые спѣшили развлекать его, но ничто не помогало. Зоричъ слегъ въ постель. Во всё продолженіе болѣзни, при Зоричѣ находился неотлучно лекарь И. Гебель. Положеніе Зорича становилось безнадежнымъ, и родные начали уже спорить о наслѣдствѣ. Бывшій опекунъ имѣнія графъ Толстой и племянникъ Зорича генералъ-маіоръ Марковъ, желая прекратить начавшіеся споры и пререканія, въ присутствіи всѣхъ родныхъ, подошли къ умирающему и предложили ему сдѣлать духовное завѣщаніе; но Зоричъ на это отвѣчалъ, что Богъ и Государь мой все сдѣлаютъ. Наконецъ, ровно чрезъ три года по смерти Екатерины, 6 Ноября 1799 г., въ 4 часа по полуночи не стало Зорича [73]).

Послѣ полудня тѣло усопшаго было перенесено въ траурную комнату, положено на столъ и покрыто богатымъ парчевымъ покрываломъ, обшитымъ золотымъ галуномъ. Родственники покойнаго и воспитанники Шкловскаго благороднаго училища окружили тѣло его и не могли удержаться отъ рыданій, видя своего отца и благодѣтеля бездыханнымъ.

Блестящая погребальная процессія, при большомъ стеченіи Шкловскихъ жителей и пріѣзжихъ, длинною вереницею потянулась къ Шкловской Успенской церкви; воспитанники несли гробъ покойнаго. Послѣ надгробнаго слова, сказаннаго настоятелемъ церкви, протоіереемъ Старынкевичемъ, тѣло Зорича было погребено въ Шкловѣ, близъ церкви. Впослѣдствіи на могилѣ былъ поставленъ мраморный памятникъ съ приличною надписью [74]).

Со смертію Зорича, родственники его не лишились той помощи, которую онъ оказывалъ имъ во все продолженіе своей жизни. Императрица Марія Ѳеодоровна, съ соизволенія супруга своего, благоволила принять опеку надъ имѣніемъ Шкловскимъ и указала, чтобы пенсіи и выгоды родственникамъ покойнаго Зорича производились точно также, какъ и при его жизни [75]). Вслѣдствіе этого имѣніе Зорича не было допущено до публичной продажи, и наслѣдникомъ Шкловскаго имѣнія сдѣлался братъ его Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ [76]) Попечителемъ надъ имѣніемъ по прежнему оставался Держа-

---

[73]) Рапортъ Могилевскаго Нижняго Земскаго суда засѣдателя Станкевича губернатору Северину. Дѣла Шкловск. Ком. вязка 215.

[74]) Уцѣлѣлъ ли этотъ надгробный памятникъ на могилѣ Зорича, намъ неизвѣстно.

[75]) См. 7 пунктъ конфирмаціи, данной Императрицею въ 21 день Февраля 1800 года.

[76]) Съ согласія Неранчича, по требованію Петербургской театральной дирекціи, съ балетмейстеромъ Валберхомъ были отправлены въ Петербургъ 22 Марта 1800 г. крѣпостные его люди-танцоры: Кирилло Скоробогатый, Ѳома Шамборскій, Семенъ Кусаковъ, Герасимъ Бекеровъ, Евсей Политика, Крестьянъ Бушкевичъ, Романъ Бекеръ, Ефремъ Чутиковъ, танцорки: Екатерина Азаревичева, Анна Ласимовичева, Марья Бушинская, Елисавета Соворова, Елена Янкевичева и Наталія Сонина. Дѣла Шкловск. Ком., вязка 25.

Библиотека "Руниверс"

винъ, и когда онъ сложилъ съ себя попечительство, то по высочайшему указу (въ Мартѣ 1804) вступилъ въ полное распоряженіе Д. Г. Неранчичъ-Зоричъ. По смерти Давида Гавриловича наслѣдство перешло къ его племяннику Семену Павловичу Черноевичу. 13 Сентября 1811 г., высочайшимъ указомъ Черноевичу предоставлено было право самому разсчесться съ кредиторами.

По смерти Черноевича была учреждена коммиссія (29 Фев. 1816) для разсматриванія и уплаты долговъ бывшихъ владѣльцевъ Шкловскаго имѣнія (Зорича, Неранчича-Зорича и Черноевича). Коммиссія эта прекратила свои занятія 10 Августа 1821 года, и прекрасное Шкловское имѣніе было распродано по частямъ разнымъ лицамъ.

Высочайшимъ указомъ, отъ 15 Іюля 1802 г. Дав. Гавр. Неранчичу дозволено было присоединить гербъ и фамилію умершаго его брата, г. лейт. Зорича. (Бумаги Шкловск. Комиссіи, вязка 31).

Статья А. Н. Корсакова.

Статья эта была доставлена въ Р. Архивъ уже по отпечатаніи предъидущей. Обѣ онѣ написаны къ столѣтнему юбилею Первой Московской Военной Гимназіи. П. Б.

Имя Зорича не громко въ нашей Исторіи. Онъ извѣстенъ болѣе по случайному и кратковременному значенію своему при дворѣ Екатерины, нежели заслугами на государственномъ поприщѣ; но и при отсутствіи такаго рода заслугъ, даже при всѣхъ его слабостяхъ, дѣло благотворенія, предпринятое имъ на пользу цѣлаго края, ставитъ его въ разрядъ людей, которые имѣютъ несомнѣнное право на добрую память и признательность потомства. Кто изъ бывшихъ въ одинаковомъ положеніи съ Зоричемъ такъ честно расплатился съ Отечествомъ за нажитыя ими въ Петербургѣ богатства? На что употребили ихъ Корсаковъ, Ланской, Мамоновъ, Ермоловъ, Зубовъ? Не таковъ былъ Зоричъ: онъ искалъ случая дѣлать добро и творилъ его безъ всякихъ расчетовъ, единственно по влеченію сердца. «Благодѣянія ваши стали извѣстны уже и въ семъ мѣстѣ», писалъ къ нему графъ П. А. Румянцовъ изъ Малороссіи. Не свѣтское приличіе и учтивость, а тѣмъ менѣе искательство заставляли героя Задунайскаго говорить такъ, но естественное сочувствіе къ Зоричу. Графъ Рибопьеръ называетъ Зорича добрѣйшимъ изъ смертныхъ [1]. Но вотъ еще свидѣтель, котораго конечно нельзя заподозрить въ неискренности, а между тѣмъ, онъ говоритъ тоже, что и гр. Румянцовъ. Джемсъ Гаррисъ, Англійскій посолъ при дворѣ Екатерины, упоминая о Зоричѣ въ депешѣ къ герцогу Суффольку отъ 2 Фев-

[1]) Русскій Архивъ 1877 г. № 4, Записки графа А. И. Рибопьера.

Библиотека "Руниверс"

раля 1778 года, говоритъ: «Зоричъ получилъ и растратилъ огромное состояніе, но что̀ весьма похвально въ лицѣ столь высокопоставленномъ, это то, что онъ употреблялъ свое вліяніе только на добро, выдвигая всѣхъ тѣхъ, кого считалъ забытымъ» [2]). Таково свидѣтельство человѣка, который, вслѣдствіе неуспѣха дипломатической миссіи своей при нашемъ дворѣ, былъ крайне раздраженъ и потому не щадилъ никого—ни Государыни, ни ея придворныхъ. Но не одна доброта была отличительною чертою въ характерѣ Зорича. Это былъ смѣлый, отважный и храбрый офицеръ, оказавшій большія услуги въ первую Турецкую войну. Съ открытымъ, довѣрчивымъ сердцемъ, онъ соединялъ неистощимую веселость, добродушіе и, какъ говорятъ, остроуміе. Не получивъ въ дѣтствѣ ни воспитанія, ни образованія [3]), проведя годы ранней молодости въ дѣйствующихъ войскахъ—въ средѣ, которая ни въ какомъ уже случаѣ не могла оказать на него благотворнаго, образовательнаго вліянія, что̀ могъ онъ вынести изъ знакомства своего съ дворомъ, куда, сверхъ всякаго ожиданія, привела его судьба, кромѣ того, что̀ составляло лишь дурную сторону придворной жизни? Узнавъ довольство, Зоричъ полюбилъ роскошь и праздныя забавы, между которыми картежная игра занимала первое мѣсто и впослѣдствіи разорила его. Обвиняютъ его въ тщеславіи и расточительности, но едва ли справедливо. Желаніе поддержать свое исключительное положеніе могло казаться тщеславіемъ, щедрость расточительностью? Добро и зло, положительное и отрицательное, такъ тѣсно слиты въ порядкѣ вещей, что не знаешь, гдѣ найти начало и конецъ того и другаго. Однажды Зоричъ, давая въ своихъ дворцовыхъ залахъ обѣдъ членамъ Вольнаго Экономическаго Общества, котораго онъ былъ президентомъ, роздалъ въ награду придворнымъ оффиціантамъ, которые прислуживали гостямъ, нѣсколько золотыхъ табакерокъ, часовъ и денегъ, всего съ вещами на 2000 р. Что̀ это—тщеславіе, или естественное желаніе поддержать свое значеніе; расточительность, или щедрость? Но если бы это было и такъ, то все-таки эти слабости были привиты къ нему пустотою придворной жизни. Надо еще удивляться, какъ Зоричъ, лишенный, вслѣдствіе недостаточнаго воспитанія, силы воли, могъ, въ окружавшей его средѣ, уберечь лучшее достояніе своей души—наклонность къ добру и способность находить услажденіе въ благѣ ближнихъ, какъ онъ не сдѣлался эгоистомъ въ родѣ «великолѣпнаго князя Тавриды». Мы сдѣлали бы значительный пробѣлъ въ характеристикѣ Зорича, если бы не упомянули еще объ одномъ недостаткѣ, въ которомъ сказывалась его природа, его южное происхожденіе. Въ минуты гнѣва пылкость его нрава выражалась въ такихъ пріемахъ, которые нисколько не соотвѣтствовали заламъ дворца и доходили до грубости и дерзости.

---

[2]) Русск. Арх. 1874 г. № 6.

[3]) Графъ Рибопьеръ говоритъ, что Зоричъ былъ весьма ограниченъ и безъ всякаго воспитанія.

Библиотека "Руниверс"

Таковъ былъ Зоричъ. Наше мнѣніе о немъ мы сочли необходимымъ предпослать біографическимъ подробностямъ.

Зоричъ родился въ Сербіи. Объ его происхожденіи и первоначальной судьбѣ долго ходили темные слухи. Гельбигъ, напримѣръ, говоритъ, что Зоричъ былъ сынъ маіора и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ (Russ. Günstlinge, 414). Масонъ называетъ его Сербомъ, бѣжавшимъ съ каторги изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ въ плѣну (Mémoires secrets sur la Russie, I, 154). Ламартинъ (Histoire de la Russie) разсказываетъ, что будто онъ еще крестьянскимъ мальчикомъ былъ взятъ въ плѣнъ Турками во время одного изъ Сербскихъ возстаній и что онъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками былъ заключенъ въ темницу, откуда, распиливъ окна, бѣжалъ и на Греческомъ суднѣ прибылъ въ Россію. Статный юноша, говоритъ Ламартинъ, явился въ Азовъ къ генералу кн. Голицыну и сейчасъ же былъ опредѣленъ на службу въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ [4]). Объ этихъ разсказахъ не стоило бы и упоминать, еслибы не было людей, которые, черпая свѣдѣнія объ отечественной исторіи исключительно изъ иностранныхъ источниковъ, не имѣютъ привычки повѣрять ихъ достовѣрность.

Появленіе Зорича въ Россіи находится въ связи съ тѣмъ движеніемъ Сербовъ въ наши предѣлы, которое случилось въ половинѣ XVIII ст., когда они толпами переходили къ намъ и селились въ Новороссіи. Предводители выходцевъ, полковники Хорватъ изъ Куртицъ, Райко изъ Прерадовицъ и Шевичъ, сформировали изъ своихъ земляковъ нѣсколько Сербскихъ гусарскихъ полковъ, и такимъ образомъ положили основаніе первымъ нашимъ военно-земледѣльческимъ поселеніямъ въ южной Россіи.

Около этого же времени выселились въ Россію и два родныхъ брата—Зоричи, а съ ними 11 лѣтній мальчикъ, Семенъ Зоричъ, будущій фаворитъ Екатерины. Братья Зоричи, по примѣру своихъ родичей, поступили на службу въ гусарскіе полки. Въ первую Турецкую войну, въ числѣ генераловъ второй арміи, находившейся подъ начальствомъ графа П. И. Панина, находимъ одного Зорича [5]).

Гдѣ и какъ проводилъ юношескіе годы Семенъ Гавриловичъ Зоричъ—неизвѣстно. По всей вѣроятности онъ рано вступилъ на дѣйствительную службу, ибо въ 1769 г. онъ былъ уже капитаномъ Острогожскаго гусарскаго полка и находился въ отдѣльномъ корпусѣ первой арміи, бывшей подъ начальствомъ генералъ-поручика Штофельна.

Употребляемый при первой арміи въ качествѣ партизана, Зоричъ пріобрѣлъ себѣ славу храбраго и искуснаго наѣздника. Между прочимъ онъ отличилъ себя въ Декабрѣ мѣсяцѣ пораженіемъ разныхъ

---

[4]) А. П. Барсуковъ: Шкловскіе авантюристы. «Заря», 1870 г. № 1.

[5]) Въ одномъ изъ писемъ къ гр. П. А. Румянцову Екатерина пишетъ: «Еслибъ нынѣшняя осень намъ доставила Бендеры, то половина кажется уже бы сдѣлана была. Вамъ, кажется, уже извѣстно, что гр. Панинъ послалъ туда генералъ-маіора Зорича требовать сдачи» (Соч. Имп. Екатерины ч. III, 204, изд. Смирдина).

Библиотека "Руниверс"

Татарскихъ скопищъ въ Бессарабіи и разореніемъ ихъ селеній, при чемъ набѣги и поиски, начинавшіеся отъ Фокшанъ, простирались за рѣку Прутъ до озера Ялпуха. Въ Февралѣ 1770 г. онъ вновь отличился пораженіемъ значительнаго въ силахъ Турецкаго отряда, находившагося близъ Фальчи. Въ началѣ весны замѣчено было сосредоточеніе большихъ силъ Турецкихъ и Татарскихъ въ окрестностяхъ Фальчи и въ Кушанахъ. Нужно было разогнать эти скопища, и генералъ-поручикъ Штофельнъ поручилъ это дѣло Зоричу, бывшему въ то время уже маіоромъ. Подобно всѣмъ Сербамъ, нося въ сердцѣ своемъ непримиримую ненависть къ Туркамъ, Зоричъ съ радостію услыхалъ о порученіи и спѣшилъ исполнить его. Получивъ въ командованіе отдѣльный отрядъ, состоявшій изъ 200 человѣкъ легкой кавалеріи, 700 чел. пѣхоты и 7 орудій, онъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, пошелъ на непріятеля, разбилъ его и принудилъ 12000 Турокъ переправиться обратно черезъ Прутъ. Восемьдесять плѣнныхъ Татаръ, болѣе 3000 головъ рогатаго скота и болѣе 3000 христіанскихъ семействъ, освобожденныхъ изъ плѣна, были трофеями Зорича въ этомъ дѣлѣ. Награжденный за этотъ блестящій подвигъ орденомъ св. Георгія 4 ст., онъ безпрерывно продолжалъ тревожить Турокъ и Татаръ своими смѣлыми нападеніями; но одинъ разъ, именно 3 Іюля, за отважность поплатился свободою. Въ этотъ день, когда онъ, по приказанію гр. Румянцова, обозрѣвалъ непріятельскій лагерь у Рябой-Могилы, подъ нимъ пала лошадь, и Турки, наскакавъ, мгновенно окружили его. Зоричъ долго оборонялся, но былъ раненъ и отведенъ въ плѣнъ.

Извѣстенъ разсказъ Щегловскаго о Турецкомъ плѣнѣ Зорича, вѣрный, можетъ быть, въ главномъ, но не въ подробностяхъ. Изъ него видно, какими слухами въ арміи и въ тогдашнемъ обществѣ сопровождалось внезапное возвышеніе Зорича. Замѣчательно, что разсказъ этотъ мы, кадеты 1-го Московскаго Корпуса, слышали еще за три или четыре года до появленія его въ печати, отъ учителя фехтованія Севенарда, бывшаго воспитанника Шкловскаго Благороднаго Училища—доказательство, что въ свое время онъ былъ распространенъ въ обществѣ, что съ Зоричемъ дѣйствительно случилось нѣчто подобное, о чемъ разсказывали, и что случай этотъ былъ извѣстенъ и въ Шкловѣ. Оставивъ Зорича въ плѣну, обратимся къ тогдашнему положенію дѣлъ въ Россіи и при дворѣ.

Первая Турецкая война окончилась въ 1774 г. Кучукъ-Канарджійскимъ миромъ. Екатерина, до крайности озабоченная мятежемъ Пугачова, приняла извѣстіе о подписаніи мира (10 Іюля) съ восторгомъ. «Поздравляю съ счастливымъ и славнымъ миромъ», писала она въ Москву къ кн. М. Н. Волконскому: «этотъ день, когда Имперіи доставленъ столь нужный ей покой, я почитаю однимъ изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни». Въ тотъ же день Императрица писала къ Платону: «Готовилась я отвѣчать на два письма в. преосвященства, когда получила благополучное извѣстіе о заключеніи мира славнаго для Имперіи, съ чѣмъ васъ отъ всего сердца поздравляю». Черезъ десять дней опять къ кн. Волконскому: «Завтра, дастъ Богъ здоровья, бу-

Библиотека "Руниверс"

демъ предварительно праздновать миръ молебствіемъ. Большое празднество сдѣлаемъ по взаимной обсылкѣ посольствъ и размѣнѣ ратификацій». Мѣсяца черезъ полтора новая радость. «Съ послѣдними курьерами отъ графа П. И. Панина изъ Пензы получила я вѣсть, что Яицкіе казаки Пугачова связали и везутъ въ Яицкій городокъ».

Легко стало на душѣ у Екатерины. Она стала собираться въ Москву и обѣщалась быть «кой часъ узнаетъ, что дворецъ отстроился и судъ надъ Пугачовымъ конченъ». Наконецъ, 16 Января 1775 г., черезъ шесть дней послѣ казни Пугачова и его товарищей, она выѣхала изъ Царскаго Села въ Москву, гдѣ должно было совершиться «большое празднество мира». Въ честь ея Москвичи воздвигнули тріумфальные ворота; главнѣйшіе сановники, дворяне, купцы—привѣтствовали ее по обыкновенію съ хлѣбомъ-солью; народъ и его славное «ура» сопровождали поѣздъ Императрицы вплоть до Пречистенскаго дворца.

Екатерина хотѣла, чтобы и графъ Румянцовъ, виновникъ славнаго мира, раздѣлялъ съ нею эти торжественныя минуты, этотъ восторгъ народа. Она желала, чтобы побѣдитель вступилъ въ столицу, подобно Римскимъ героямъ, на колесницѣ, чрезъ богато убранную арку; но скромный и серьезный Румянцовъ просилъ уволить его отъ этихъ почестей и, въ ожиданіи на то разрѣшенія, оставался за̀ городомъ. Пошли переговоры: адъютанты и посланцы летали изъ дворца къ Румянцову и отъ него къ Императрицѣ, но графъ остался непреклоненъ, и Екатерина уступила. Вмѣсто предположеннаго тріумфа дано было повелѣніе знатнѣйшимъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ явиться къ графу съ привѣтствіями и поздравленіями. Празднованіе мира было отложено до дня его годовщины—10 Іюля. Въ этотъ день торжество началось молебствіемъ въ Успенскомъ соборѣ, и съ нѣкоторыми перерывами продолжалось до 23 Іюля. Колокольный звонъ, громъ пушекъ и музыка не умолкали. Чины, кресты, ленты, алмазныя украшенія, серебряные сервизы, почетныя шпаги, деньги—все это въ первый же день торжества щедро посыпалось на участниковъ войны; войску и всѣмъ сословіямъ народа были также оказаны милости и разныя льготы; словомъ сказать, награды вполнѣ соотвѣтствовали тому радостному и восторженному состоянію Екатерины, какое ощущала она при мысли, что уже ни внѣшняя война, ни внутренняя смута не нарушали болѣе ея спокойствія. Передъ святками дворъ оставилъ Москву и отправился въ Петербургъ, и тутъ въ свитѣ Императрицы оказались два новыхъ лица: Безбородко и Завадовскій. Оба они, Малороссіяне родомъ, состояли при военно-походной канцеляріи графа Румянцова и, отличаясь превосходными способностями ума, слыли замѣчательными дѣльцами.

Еще во время послѣдней войны Екатерина замѣтила, что реляціи гр. Румянцова отличались бо̀льшимъ толкомъ, чѣмъ тѣ, которыя ей случалось читать во время Семилѣтней войны. Теперь, когда изъ числа находившихся при ней кабинетъ-секретарей, бывшихъ «у принятія челобитенъ», два выбыли, получивъ другое назначеніе, Екатерина просила гр. Румянцова отрекомендовать ей людей, способ-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ занять эти должности. Графъ назвалъ Безбородку и Завадовскаго.

Впрочемъ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, появленіе новыхъ лицъ не только при дворѣ, но даже во дворцѣ, при особѣ Государыни, стало не рѣдкостью. Имъ придано имя людей случайныхъ или временщиковъ. Находимъ нужнымъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Со вступленія Екатерины на престолъ первымъ такимъ лицемъ является Григорій Григорьевичъ Орловъ, котораго она приблизила къ себѣ, когда еще была великой княгиней. Въ памятный для Россіи день 28 Іюня 1762 г. Орловъ былъ не болѣе какъ капитанъ артиллеріи, но тогда же произведенъ въ генералъ-маіоры, пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго; въ томъ же году, во время коронаціи—генералъ-адъютантомъ и графомъ; въ слѣдующемъ получилъ онъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; въ 1764 назначенъ шефомъ кавалергардовъ, подполковникомъ л. гв. Коннаго полка и генералъ-аншефомъ, а въ 1765 г., по смерти Вильбоа, генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Его братья, въ одно съ нимъ время, получили графскій титулъ и заняли высокое положеніе въ Петербургскомъ обществѣ. Само собой разумѣется, что съ возвышеніемъ Орловыхъ, у нихъ тотчасъ же явились и враги. Впереди всѣхъ ихъ стоялъ графъ Никита Панинъ. Въ то время, которое насъ занимаетъ, онъ особенно раздражался тѣмъ, что его питомецъ, уже совершеннолѣтній и женатый, все еще не на престолѣ. На первыхъ порахъ онъ не могъ однакожъ вредить Орлову, ибо личныя свойства сего послѣдняго и услуга, оказанная имъ Екатеринѣ при возведеніи ея на престолъ, до такой степени скрѣпили дружбу его съ Императрицею, что одно время, именно въ Маѣ 1763 года, разнеслась молва о намѣреніи Екатерины вступить въ бракъ съ Орловымъ. Говорятъ даже, что слухи эти были пущены не безъ вѣдома самой Императрицы, желавшей знать — какое впечатлѣніе они произведутъ въ народѣ [6]; но такъ какъ они не только не вызвали никакаго сочувствія, но даже порицались, по крайней мѣрѣ въ партіи, враждебной Орлову, то Екатерина, придавъ этой молвѣ видъ сплетни, наказала тѣхъ, которые громче всѣхъ кричали, высказывая свое неудовольствіе, и тѣмъ дѣло кончилось. Орловъ продолжалъ жить во дворцѣ и пользоваться благоволеніемъ Императрицы.

Между тѣмъ, почти одновременно съ возвышеніемъ Орлова, близъ Государыни стали иногда примѣчать одного молодаго конно-гвардейскаго офицера, который, говорятъ, восторженными глазами засматривался на свою повелительницу и не только не скрывалъ своихъ чувствъ, но даже старался выказать ихъ. Государыня снисходительно смотрѣла на его выходки, доходившія иногда до сумасбродства [7]. Это былъ Потемкинъ, котораго ко двору представилъ самъ Орловъ. Вотъ какъ это случилось.

---

[6]) Гельбигъ Russ. Günstl., стр. 268, см. Русск. Арх. 1873 г. стр. 33—34.

[7]) Русская Старина 1872 г. Т. V. Фамильныя извѣстія о князѣ Потемкинѣ, стр. 465.

Библиотека "Руниверс"

Задумавъ произвести переворотъ въ пользу Екатерины, Григорій Орловъ, съ братомъ своимъ Алексѣемъ, старался между тогдашнею молодежью распространить сочувствіе къ своему намѣренію. Въ числѣ людей, примкнувшихъ къ кружку его единомышленниковъ, былъ и Потемкинъ, принявшій на себя роль агитатора въ средѣ нижнихъ чиновъ своего полка. Тутъ-то Орловъ и узналъ Потемкина. Ловкій, статный и красивый, съ веселымъ нравомъ, съ умной головой и острымъ словомъ, Потемкинъ являлъ въ себѣ образецъ того мужества и молодечества, которыя такъ плѣняли Орлова. Въ 1762 г. Императрицѣ былъ представленъ списокъ шести вахмистровъ л. гв. Коннаго полка для производства ихъ въ корнеты. Екатерина противъ имени Потемкина собственноручно написала: «быть подпоручикомъ». Очень можетъ быть, что Потемкинъ былъ обязанъ этимъ Орлову, разсказавшему Императрицѣ о его дѣйствіяхъ въ полку, который оказалъ такое воодушевленіе въ день 28 Іюня [8]).

Потемкинъ сталъ бывать у Орлова. Митрополитъ Платонъ, называвшій Потемкина своимъ другомъ, разсказывалъ про него, что онъ «умѣлъ языкъ ломать, поддѣлываться подъ чужой голосъ и выговоръ [9]) и тѣмъ забавлялъ Орлова. Императрица хотѣла взглянуть на забавника». Будучи представленъ Екатеринѣ, онъ такъ удачно и смѣло отвѣчалъ на вопросъ ея порусски, ея же голосомъ и выговоромъ, что она до слезъ расхохоталась [10]).

Но Потемкину этого было мало: честолюбіе манило его дальше. Онъ старается еще ближе стать къ Орлову, заискиваетъ въ немъ; но одинъ случай раскрылъ глаза любимцу счастія и охладилъ въ немъ пріязнь къ Потемкину.

Однажды Екатерина играла съ Орловымъ въ карты. Потемкинъ былъ тутъ же. Подойдя къ столу и ставъ близъ Императрицы, онъ положилъ руку на столъ. «Орловъ тихомолкомъ хотѣлъ замѣтить

---

[8]) Впослѣдствіи Екатерина писала Потемкину: «Только одно прошу: не дѣлать, не вредить и не стараться вредить Орлову въ моихъ мысляхъ, ибо я сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны. Нѣтъ человѣка, котораго онъ мнѣ болѣе хвалилъ, болѣе любилъ и въ прежнее время, и нынѣ съ самаго пріѣзда твоего—какъ тебя; а если онъ свои пороки имѣетъ, то не тебѣ и не мнѣ ихъ разцѣнивать и разславить. Онъ тебя любилъ, а мнѣ они (т. е. Орловы) друзья, и я съ ними не разстанусь.

[9]) Объ этой способности Потемкина упоминаетъ и Гаррисъ въ письмѣ отъ 16 Ноября 1781 г. См. Русск. Арх. 1874 г. № 11, стр. 819.

[10]) Можно поэтому догадываться, что въ Русской рѣчи Екатерины слышалось не-Русское ея происхожденіе. Извѣстенъ разсказъ о темлякѣ, будто бы поданномъ вахмистромъ Потемкинымъ Екатеринѣ, когда она утромъ 28 Іюня ѣхала съ войсками. Племянникъ Потемкина гр. Самойловъ (Русск. Арх. 1867 г. № 4, стр. 597) называетъ разсказъ этотъ невѣрнымъ и неосновательнымъ. Вѣримъ: не такой былъ день 28 Іюня, чтобы Екатерина стала тратить дорогія минуты на ободреніе смущеннаго вахмистра; не до темляковъ и не до вахмистровъ тогда ей было.

Библиотека "Руниверс"

ему неприличіе такой вольности, но Императрица сказала: «Оставьте его—онъ вамъ не мѣшаетъ...[11]) Орловъ оставилъ Потемкина, но слова Екатерины проникли далѣе его слуха: такія предостереженія при дворѣ не забываются, и вотъ Орловъ и Потемкинъ—тайные соперники.... Кратковременная пріязнь ихъ кончилась размолвкою, послѣ чего ожидали удаленія Потемкина отъ двора; но тогда этого не случилось, а случилось нѣсколько позднѣе, при чемъ причина отъѣзда Потемкина изъ Петербурга была такъ искусно замаскирована, что о ней знали только при дворѣ, да и то не всѣ....

Потемкинъ былъ уже камеръ-юнкеромъ, присутствовалъ въ Св. Синодѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, посѣщалъ дворцовыя собранія и пользовался благоволеніемъ Императрицы; но чѣмъ виднѣе становились его успѣхи во дворцѣ, тѣмъ зорче наблюдали за его положеніемъ братья Орловы и гр. Никита Панинъ, ревниво сторожившій людей не-своей партіи.

Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, открыто ничего не предпринимали противъ Потемкина, но втайнѣ интриговали, и не безъ успѣха. Такъ Панину удалось придумать какую-то надобность въ посылкѣ съ порученіемъ въ Стокгольмъ, и порученіе это было возложено на Потемкина. «По возвращеніи его изъ Швеціи», замѣчаетъ гр. Самойловъ, «онъ не имѣлъ у двора той пріятности, какою пользовался до отбытія своего. Привязанность его къ военной службѣ при семъ случаѣ не была болѣе развлеченною: онъ не пропускалъ ни одного полковаго строя, чтобы наономъ не быть»; проще сказать, Потемкина успѣли оттереть отъ двора и поставить въ положеніе простаго строеваго офицера: произведенный въ поручики, онъ исправлялъ должность полковаго казначея, наблюдалъ за постройкою мундировъ, потомъ командовалъ ротою, и такъ прошло три года. Наконецъ, Екатерина вспомнила о немъ: въ 1768 году онъ былъ произведенъ въ секундъ-ротмистры, вслѣдъ затѣмъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ и, въ этомъ послѣднемъ званіи, по волѣ Императрицы, какъ состоявшій при дворѣ, былъ отчисленъ отъ полка.

Несмотря на эти отличія, Потемкинъ не считалъ своего положенія прочнымъ. Прогулка въ Стокгольмъ осталась у него въ памяти, а размолвка съ Орловымъ ничего не обѣщала хорошаго. И дѣйствительно, лишь только было замѣчено вниманіе къ нему Императрицы, какъ тотчасъ же пробудилась и бдительность его враговъ, устремившихъ всѣ помыслы на удаленіе его отъ двора. Вступить въ открытую борьбу, пойти, такъ сказать, на проломъ, Потемкину казалось рискованнымъ, и вотъ онъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, уступаетъ своимъ недоброжелателямъ: онъ проситъ Государыню дозволить ему, въ качествѣ волонтера, принять участіе въ открывшейся съ Турціею войнѣ, получаетъ разрѣшеніе и съ тайной тревогой уѣзжаетъ въ армію. Носились слухи, что это добровольное удаленіе отъ двора было устроено Орловымъ [12]).

---

[11]) Такъ разсказывалъ митрополитъ Платонъ. См. Русск. Арх. 1872 г. стр. 459.

[12]) Депеша гр. Сольмса 4 Марта 1774 г. см. Русск. Арх. 1873 г., стр. 123.

Библиотека "Руниверс"

Поступивъ въ первую армію и участвуя въ дѣлахъ 19 Іюня, 2 Іюля и 29 Августа 1769 г., онъ былъ рекомендованъ кн Голицынымъ въ числѣ наиболѣе отличившихся, почему и былъ произведенъ въ генералъ-маіоры «за храбрость и опытность въ военныхъ дѣйствіяхъ». По взятіи Хотина главныя силы первой арміи отправились на кантониръ-квартиры; но такъ какъ и въ теченіи зимы (1769—1770) въ Молдавіи предвидѣлись военныя дѣйствія, то гр. Румянцовъ, смѣнившій кн. Голицына, оставилъ тамъ отдѣльный корпусъ, поручивъ его генералу Штофельну. Въ этотъ-то корпусъ, въ которомъ служилъ въ то время и храбрый гусаръ-партизанъ Зоричъ, поступилъ Потемкинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь, въ корпусѣ Штофельна, Потемкинъ въ первый разъ услыхалъ имя Зорича, какъ отличнаго офицера, а Зоричъ узналъ Потемкина, какъ молодаго, но отважнаго генерала; но ни тому, ни другому не приходило, конечно, на мысль, что не въ далекомъ будущемъ имъ суждено короче узнать другъ друга и сойтись на поприщѣ болѣе опасномъ, нежели подъ Турецкими пулями. И какъ различна была судьба этихъ людей въ кампанію 1770 года! Зоричъ, рекогносцируя 3 Іюля непріятельскую позицію у Рябой-Могилы, попадается въ плѣнъ и отвозится въ Турцію, а Потемкинъ, черезъ двѣ недѣли послѣ того, участвуетъ въ общей атакѣ этой позиціи, раздѣляетъ славу побѣдителей и остается въ арміи для новыхъ отличій. Онъ принимаетъ участіе въ сраженіяхъ при Кагулѣ и Ларгѣ, получаетъ ордена Анны 1 ст. и Георгія 3 класса и, въ концѣ кампаніи, посылается Румянцовымъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о взятіи Браилова. Между тѣмъ, какъ пылкій Зоричъ, оторванный отъ боевой жизни, скучалъ въ неволѣ, Потемкинъ возвращается къ Румянцову съ рекомендательнымъ письмомъ Екатерины и прокладываетъ себѣ дальнѣйшій путь. «Вручителя сего, господина генералъ-маіора Потемкина, я вамъ рекомендую какъ человѣка, исполненнаго охотою отличить себя. Также ревность его ко мнѣ извѣстна. Я надѣюсь, что вы не оставите молодость его безъ полезныхъ совѣтовъ, а его самого безъ употребленія; ибо онъ рожденъ съ качествами, кои отечеству могутъ пользу принести».

По возвращеніи изъ Петербурга Потемкинъ получилъ въ командованіе 11 батальоновъ пѣхоты и 4 полка кавалеріи и поступилъ въ корпусъ Олица. Благодаря рекомендаціи Екатерины, онъ, въ теченіи кампаніи 1771 г , имѣлъ нѣсколько случаевъ выказать свое усердіе и личную храбрость; но въ слѣдующемъ году заговорили о мирѣ, и военныя дѣйствія прекратились. Въ Маѣ 1772 г. для переговоровъ съ Турками прибылъ изъ Петербурга въ дѣйствующую армію Г. Г. Орловъ. Переговоры тянулись нѣсколько мѣсяцевъ, но не приводили къ желанной цѣли. Во все это время Потемкинъ оставался въ бездѣйствіи, при чемъ замѣчали, что нерѣдко впадалъ онъ въ глубокую задумчивость. Въ самомъ дѣлѣ, было о чемъ подумать; потому что не могла не дойти до него новость, о которой говорилъ весь Петербургъ и о которой Прусскій посланникъ графъ Сольмсъ писалъ къ своему королю слѣдующее: «Не могу болѣе воздержаться и не сообщить вашему величеству объ интересномъ событіи, кото-

Библиотека "Руниверс"

рое только что случилось при этомъ дворѣ и которое, конечно, привлечетъ вниманіе, какъ Россіи, такъ и другихъ государствъ. Отсутствіе графа Орлова обнаружило весьма естественное, но тѣмъ не менѣе неожиданное обстоятельство: найдено возможнымъ обойтись безъ него, измѣнить чувства къ нему и перенести расположеніе на другой предметъ. Конногвардейскій поручикъ Васильчиковъ, случайно отправленный въ Царское Село для командованія небольшимъ отрядомъ, содержавшимъ караулы во время пребыванія тамъ двора, привлекъ вниманіе Государыни... На переѣздѣ двора изъ Царскаго Села въ Петергофъ, Ея Величество въ первый разъ показала ему знакъ своего расположенія, подаривъ золотую табакерку «за исправное содержаніе карауловъ». Этому случаю не придали никакаго значенія и смотрѣли на него, какъ на примѣръ обычной щедрости Императрицы. Однако частыя посѣщенія Васильчиковымъ Петергофа, заботливость, съ которою спѣшили отличить его отъ другихъ, болѣе спокойное и веселое расположеніе духа со времени удаленія Орлова, неудовольствіе родныхъ и друзей сего послѣдняго, наконецъ тысячи другихъ мелкихъ обстоятельствъ уже открыли глаза царедворцамъ. Хотя до сихъ поръ все держится въ тайнѣ, но никто изъ приближенныхъ не сомнѣвается, что Васильчиковъ находится уже въ полной милости у Императрицы: въ этомъ убѣдились особенно съ того дня, когда онъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ... Охлажденіе къ Орлову началось мало по малу со времени отъѣзда его на конгрессъ» [13]).

И такъ, вотъ причина сокровенныхъ думъ Потемкина. Орловъ, казавшійся несокрушимымъ, падаетъ; но не онъ заступаетъ мѣсто его, не на него обращено благоволеніе Государыни. За послѣднюю кампанію онъ даже не получилъ никакой награды, ибо въ генералъ-поручики былъ произведенъ по старшинству. Съ возобновленіемъ въ 1773 г. военныхъ дѣйствій, участіе его въ сраженіи 7 Іюня подъ Силистріей, гдѣ разбитъ Османъ-паша и взятъ его лагерь, осталось также незамѣченнымъ, по крайней мѣрѣ не награжденнымъ. Мало того: изъ генераловъ Румянцовской арміи, въ 1773 г., двое — генералъ-маіоры Вейсманъ и Суворовъ, оба младшіе по чину, получили Георгіевскіе кресты 2 класса, а генералъ-поручикъ Унгернъ—Александровскую ленту. Что же это, неужели онъ забытъ?

Нѣтъ, о немъ помнили въ Петербургѣ. Въ Декабрѣ 1773 года онъ получилъ оттуда слѣдующее письмо:

«Господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ! Вы, я чаю, столь упражнены глазѣньемъ на Силистрію, что вамъ некогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предуспѣла ли ваша бомбардирада [14]), но тѣмъ не меньше я увѣрена, что все то, чтò вы сами предпріемлете, ничему иному приписать не должно, какъ горячему

[13]) Депеша отъ 3 Августа 1772 г. см. Русск. Арх. 1873 г., въ Жизнеописаніи князя Григорія Григорьевича Орлова.

[14]) Потемкину было дано Румянцовымъ порученіе утвердиться на островѣ противъ Силистріи и, устроивъ тамъ баттареи, дѣйствовать противъ крѣпости.

Библиотека "Руниверс"

вашему усердію ко мнѣ персонально и вообще къ любезному Отечеству, котораго службу вы любите. Но какъ съ моей стороны я желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то васъ прошу по пустому не вдаваться въ опасности. Вы, читавъ сіе письмо, можетъ статься сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобъ вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей о васъ; ибо я всегда къ вамъ доброжелательная Екатерина».

Это письмо давало Потемкину надежду, что дѣло еще не потеряно. Но Орловъ уже въ Петербургѣ, Васильчиковъ въ дворцовыхъ покояхъ: благоразумно ли въ такое время оставаться ему въ арміи?..

Вслѣдъ за полученіемъ письма Екатерины онъ поспѣшно испрашиваетъ у главнокомандующаго отпускъ въ Петербургъ и пріѣзжаетъ туда въ началѣ Января 1774 года. Милостиво принятый Императрицей, Потемкинъ получаетъ приглашеніе посѣщать комнатныя и эрмитажныя собранія. Занявъ позицію, онъ осматриваетъ поле битвы, и опытный глазъ его открываетъ положеніе враговъ: обезсиленные Орловы уже оставляютъ арену, но впереди Васильчикова стоятъ гр. Никита Панинъ, Захаръ и Иванъ Чернышевы, кн. Ѳедоръ Барятинскій. Надо быть осторожнымъ: нельзя ли, не привлекая на себя вниманіе непріятеля, сдѣлать движеніе противъ него обходомъ?

Потемкинъ такъ и сдѣлалъ. 27 Февраля 1774 г. онъ пишетъ Императрицѣ: «Всемилостивѣйшая Государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для службы Вашей, не щадилъ ее отнюдь, гдѣ только былъ случай къ прославленію высочайшаго имени. Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ никогда о своемъ состояніи, и если видѣлъ, что мое усердіе соотвѣтствовало Вашего Императорскаго Величества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ. Находясь почти съ самаго вступленія въ армію командиромъ отдѣльныхъ и къ непріятелю всегда близкихъ войскъ, не упускалъ я наносить оному всевозможнаго вреда, въ чемъ ссылаюсь на командующаго арміею и на самихъ Турковъ. Отнюдь не побуждаемъ я завистью къ тѣмъ, кои моложе меня, но получили лишніе знаки высочайшей милости, а тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь ли я въ мысляхъ Вашего Величества меньше прочихъ достоинъ? Симъ будучи терзаемъ, принялъ дерзновеніе, павъ ко священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, просить, ежели служба моя достойна Вашего благоволенія и когда щедрота и высокомонаршая милость ко мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня въ генералъ-адъютанты Вашего Императорскаго Величества. Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что, находясь подъ особливымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, удостоюсь принимать премудрыя Ваши повелѣнія и, вникая въ оныя, сдѣлаюсь вяще способнымъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества и Отечества».

И такъ, Потемкинъ высказалъ свою задушевную скорбь: не о наградахъ онъ заботится, а его сокрушаетъ мысль—не измѣнилось ли

Библиотека "Руниверс"

къ нему благоволеніе Императрицы, которое онъ когда-то замѣчалъ къ себѣ; какъ особой милости проситъ онъ разрѣшить его сомнѣніе пожалованіемъ въ генералъ адъютанты, прибавляя, что сіе не будетъ никому въ обиду. Словомъ, Потемкинъ желалъ постоянно находиться близъ Императрицы, зная напередъ, что все остальное приложится, что почести и награды придутъ сами собой.

Отвѣтъ не замедлился. Императрица отвѣчала: «Господинъ генералъ-поручикъ! Письмо ваше г. Стрекаловъ мнѣ сего утра вручилъ, и я просьбу вашу нашла столь умѣренною въ разсужденіи заслугъ вашихъ, мнѣ и Отечеству учиненныхъ, что я приказала изготовить указъ о пожалованіи васъ генералъ-адъютантомъ. Признаюсь, что и сіе мнѣ было весьма пріятно, что довѣренность ваша ко мнѣ была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо ко мнѣ, а не искали побочными дорогами».

Черезъ нѣсколько дней Екатерина, извѣщая А. И. Бибикова о новости, т. е. о пожалованіи Потемкина генералъ-адъютантомъ, пишетъ: «Кажется мнѣ, что по его ко мнѣ вѣрности и заслугамъ, немного для него сдѣлала, но его о томъ удовольствіе трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу» [15].

Не прошло еще мѣсяца съ того времени, какъ Потемкинъ послалъ Екатеринѣ свое вѣрноподданическое письмо, а графъ Сольмсъ опять писалъ въ Берлинъ: «При дворѣ начинаетъ разыгрываться новая сцена интригъ и заговоровъ. Императрица назначила генерала Потемкина, недавно вернувшагося изъ арміи, своимъ генералъ-адъютантомъ, а это необыкновенное отличіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ величайшей благосклонности, которую онъ долженъ наслѣдовать отъ Орлова и Васильчикова.... Ея Величество всегда была расположена къ Потемкину, такъ какъ онъ былъ изъ числа тѣхъ конногвардейцевъ, которые способствовали ея восшествію на престолъ, а нѣсколько лѣтъ тому замѣтили даже въ ней нѣкоторую склонность приблизить его къ себѣ; но, какъ говорятъ, Орловъ поспѣшилъ въ то время удалить его изъ Петербурга» [16].

15 Марта Потемкинъ получилъ новое отличіе: онъ былъ назначенъ подполковникомъ Преображенскаго полка. Черезъ десять дней графъ Сольмсъ писалъ къ королю: «Камергеръ Васильчиковъ очистилъ свое помѣщеніе во дворцѣ, и теперь тамъ по прежнему будетъ собираться Совѣтъ. Князь Орловъ также очищаетъ свои покои во дворцѣ, куда переселится новый любимецъ, помѣщавшійся до сихъ поръ въ дежурной генералъ-адъютантской комнатѣ» [17].

[15]) Русская Старина 1875 г. стр. 502. Припомнимъ, что именно въ это время разгорѣлась Пугачевщина, и такой человѣкъ какъ Потемкинъ былъ особенно нуженъ Екатеринѣ. П. Б.

[16]) Депеша отъ 4 Марта 1774 г. см. Русск. Арх. 1873 г. стр. 123.

[17]) Депеша отъ 25 Марта—тамже, стр. 127. Васильчиковъ былъ уволенъ отъ двора около 20 Марта 1774.

Библиотека "Руниверс"

Желанія Потемкина исполнились: онъ безотлучно находится при Государынѣ. Награды, о которыхъ онъ, какъ будто мимоходомъ, упоминалъ въ письмѣ къ Императрицѣ, посыпались на него съ щедростью, безпримѣрною въ нашей Имперіи. Ко дню Пасхи (19 Апрѣля) король Польскій прислалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, а черезъ два дня, Екатерина, въ день своего рожденія, пожаловала ему Александровскую ленту. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы, назначенъ вице-президентомъ Военной Коллегіи и въ день Рождества—получилъ орденъ св. Андрея. Въ слѣдующемъ 1775 г., празднованіе Кучукъ-Канарджійскаго мира послужило поводомъ къ новымъ наградамъ. Потемкинъ возведенъ въ графское достоинство «за споспѣшествованіе миру добрыми совѣтами»; получилъ золотую шпагу, осыпанную алмазами «за храбрые и неутомимые труды»; портретъ Императрицы, украшенный бриллiантами «въ знакъ монаршаго благоволенія» и орденъ св. Георгія 2 класса. Въ 1776 году Императрица пожаловала ему 14000 душъ въ Бѣлоруссіи, подарила Аничковскій дворецъ и сто тысячъ на его поправку и меблировку; исходатайствовала ему княжеское достоинство Римской Имперіи съ титуломъ свѣтлѣйшаго, удостоила званія статсъ-дамы его родительницу, приблизила ко двору его сестеръ и племянницъ. Иностранные дворы прислали ордена: Прусскій — Краснаго Орла, Датскій—Слона, Шведскій—Серафима.

Высокое положеніе Потемкина, въ которое поставили его дружба Императрицы и уваженіе къ его уму, не усыпили въ немъ необходимую въ такихъ случаяхъ осторожность. Отношенія къ нему гр. Панина и кн. Орлова, еще не совсѣмъ покинувшаго дворъ, не допускали никакой двусмысленности: и тотъ, и другой были недовольны возвышеніемъ Потемкина и выжидали только случая, чтобы свести его съ пьедестала. Потемкинъ все это видѣлъ, все зналъ и былъ постоянно на сторожѣ.

Теперь мы возвратились къ тому мѣсту разсказа, откуда сдѣлали такое длинное отступленіе, т. е. къ тому времени, когда дворъ, отпраздновавъ миръ въ Москвѣ, возвратился въ Петербургъ съ двумя новыми лицами въ свитѣ—Безбородкою и Завадовскимъ.

Появленіе ихъ не нравилось Потемкину. Покровительство, которое оказывали молодымъ людямъ Румянцовъ и Разумовскій, расположеніе къ нимъ князя Орлова — вселяло въ него предчувствіе чего-то не добраго, и онъ не ошибся. Въ первое время Императрица въ равной степени награждала ихъ усердіе, но весною 1776 г. начали замѣчать, что благосклонность ея особенно стала обращаться къ Завадовскому. Панинъ и Орловъ торжествовали. Свѣтлѣйшій надулся и подалъ Императрицѣ прошеніе объ увольненіи его въ Новгородъ для осмотра войскъ. Екатерина не удерживала.... Въ Апрѣлѣ Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга, и Завадовскій, награжденный четырьмя т. душъ въ Бѣлоруссіи, явился на первомъ планѣ. Желая упрочить свое положеніе, новый любимецъ присталъ къ партіи, враждебной Потемкину, но тѣмъ только испортилъ свое дѣло: въ союзѣ съ Панинымъ и Орловымъ онъ казался Потемкину уже опаснымъ. Но такъ какъ,

Библиотека "Руниверс"

отъѣзжая изъ Петербурга, онъ отнюдь не думалъ отказаться отъ высокаго своего положенія, то сообразилъ, что капризничать и дуться теперь не время и не кстати, медлить тоже нечего—и вотъ онъ опять въ покояхъ Зимняго дворца.

Въ такомъ положеніи находились дѣла свѣтлѣйшаго, когда къ нему явился возвратившійся изъ плѣна Зоричъ, чтобы попросить соратника своего о покровительствѣ. Глядя на красавца-гусара, Потемкинъ возымѣлъ мысль обратить его въ свое орудіе. Онъ оставилъ Зорича при себѣ въ званіи адъютанта, произвелъ въ подполковники и представилъ Императрицѣ.

Эта-то аудіенція и была та самая, о которой разсказываетъ старикъ Щегловскій [18]), при чемъ будто-бы Зоричъ былъ оставленъ Императрицею въ генеральскомъ чинѣ, который «самъ себѣ далъ». Для спасенія своей жизни Зоричъ могъ назваться генераломъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ дѣйствующей арміи дѣйствительно былъ генераломъ носившій эту фамилію; но генералъ Зоричъ былъ извѣстенъ Императрицѣ, а потому и не могли ей доносить, что генерала Зорича ни на службѣ, ни въ спискахъ не значилось. Извѣстно также, что Семенъ Гавриловичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры позднѣе и при другихъ обстоятельствахъ. Затѣмъ остается признать, что случай, спасшій Зорича отъ Турецкихъ сабель и извѣстная его храбрость, помимо всякаго письма султана, послужили Потемкину удобнымъ предлогомъ представить своего адъютанта ко двору. Императрица выслушала разсказъ о Зоричѣ и милостиво приняла его.

Намѣренія Потемкина сбылись. Въ автобіографіи С. П. Румянцова, подъ 1777 г., мы уже читаемъ: «Возвратясь въ Петербургъ, мы нашли Завадовскаго теряющаго фаверъ и безъ того недолговременный. Зоричъ заступалъ его мѣсто».

8 Іюня 1777 года Завадовскій, щедро награжденный, уѣхалъ въ Малороссію, а Зоричъ былъ произведенъ въ полковники и пожалованъ въ флигель-адъютанты. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-казачьяго эскадрона и корнетомъ кавалергардскаго корпуса. Почести, награды, богатство посыпались на Зорича. Бывшій въ то время въ Петербургѣ Шведскій король пожаловалъ ему орденъ Меча и выслалъ изъ Гельсингфорса большую желтую ленту.

Ничто такъ не измѣняетъ нравственную природу человѣка, какъ внезапный переходъ отъ незначительности къ возвышенію, отъ бѣдности къ богатству. Эгоизмъ и скупость являются первыми симптомами нравственной порчи и, мало по малу, овладѣвая душею «счастливца», приводятъ ее къ такому мраку, среди котораго не разглядишь въ ней ни одной черты образа и подобія Божія. Въ такомъ положеніи рѣдко высокій умъ приходитъ на помощь человѣку; одна лишь любовь, глубоко внѣдренная въ сердцѣ, спасаетъ его отъ нрав-

[18]) Сто-семи лѣтній старецъ въ Петербургѣ. Записки В. Р. Щегловскаго. Спб. 1844.

Библиотека "Руниверс"

ственной гибели. Казалось, ничего не могло быть естественнѣе видѣть такую перемѣну въ Зоричѣ, къ которой могли привести его и недостатокъ воспитанія, и ограниченный размѣръ умственныхъ силъ. Но именно въ любви-то, въ этомъ высшемъ стимулѣ, направляющемъ человѣка къ добру, онъ и нашелъ опору, чтобы не упасть въ бездну эгоизма.

Зоричъ не понималъ своего положенія, не понималъ того, что въ рукахъ Потемкина онъ сталъ только орудіемъ его, чтобы заслонить Завадовскаго, и имѣлъ несчастіе навязанную ему роль принять за чистую монету. Онъ искренно, безкорыстно предался своей покровительницѣ, не связывая съ чувствомъ своей преданности никакихъ честолюбивыхъ видовъ; щедрость Императрицы выказывала на этотъ разъ и съ ея стороны не совсѣмъ обыкновенное расположеніе къ Зоричу, но это-то и испугало завистливаго Потемкина. Говорятъ, «Потемкинъ совершенно безразлично смотрѣлъ на придворные успѣхи Зорича, но только до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ въ немъ желанія играть самостоятельную роль—тутъ онъ поспѣшилъ остановить его»[19]; но не объясняютъ, въ чемъ же высказалось это желаніе со стороны Зорича? Не въ томъ ли, что онъ все вліяніе свое употреблялъ на добро другимъ и тѣмъ пріобрѣталъ общую любовь? Потемкинъ не могъ не знать, что ни умъ, ни образованіе Зорича не были способны умалить его вліяніе на дѣла; но его гордость не примирялась съ тѣмъ, чтобы кто нибудь при дворѣ могъ оказывать покровительство, кромѣ его самого, и вотъ онъ становится между Императрицей и Зоричемъ и, указывая на необразованность послѣдняго, предлагаетъ ей замѣнить другимъ. Что̀ это, если не таже зависть, которая заставляла Потемкина наговаривать на Орлова, а потомъ устроила извѣстную интригу противъ кн. П. М. Голицына? Даже тѣми чувствами, которыя хранились въ сердцѣ Зорича, не могъ прикрываться и оправдываться Потемкинъ, такъ какъ извѣстно, что всѣ симпатіи его души устремлялись въ это время къ Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ[20]).

Однажды, въ Маѣ 1778 г., въ Царскомъ Селѣ, Екатерина, вслѣдствіе ли настояній Потемкина, или по другимъ какимъ причинамъ, обошлась съ Зоричемъ довольно холодно. Перемѣну эту Зоричъ отнесъ къ интригамъ Потемкина и, тотчасъ же, по удаленіи Императрицы, обратился къ нему съ объясненіями, наговорилъ ему дерзостей и вызвалъ на дуэль. Потемкинъ вызова не принялъ. Зоричъ же отправился къ Императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и съ отчаяніемъ объявилъ, что онъ равнодушенъ ко всему, кромѣ ея милостей и расположенія. Это изъясненіе произвело впечатлѣніе на Екатерину. Зоричъ въ продолженіи двухъ дней казался опять въ милости, а Потемкинъ, обиженный дурнымъ пріемомъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Императрица, не любившая подобныхъ размолвокъ, отправила Зорича звать Потемкина къ ужину. Они ужинали вмѣстѣ и казались друзья-

---

[19]) А. П. Барсуковъ: Шкловскіе авантюристы.

[20]) Русск. Старина 1875 г., стр. 512—520.

Библиотека "Руниверс"

ми, но участь Зорича была уже рѣшена. Надменный Потемкинъ не прощалъ дерзостей. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ описаннаго случая, въ одинъ Іюньскій вечеръ, Зоричъ получилъ повелѣніе немедленно оставить дворъ. Онъ умолялъ позволить ему, по крайней мѣрѣ, проститься съ своей благодѣтельницей, но ему отказали и въ этомъ. Такъ разсказываетъ Гельбигъ. Гаррисъ говоритъ объ этомъ подробнѣе. Изъ переписки его видимъ, что интриги противъ Зорича начались еще въ началѣ 1778 г., если не ранѣе, т. е. именно въ то время, когда Императрица, осыпая любимца своего необыкновенными наградами, показывала ему особенное благоволеніе. Въ депешѣ къ герцогу Суффольку отъ 2 Февраля 1778 г. Гаррисъ пишетъ: «Настоящій любимецъ Зоричъ, кажется, впадаетъ въ немилость. Онъ получилъ и растратилъ огромное состояніе, но что весьма похвально въ лицѣ столь высокопоставленномъ, такъ это то, что онъ употреблялъ свое вліяніе лишь на добро, выдвигая только тѣхъ, кого считалъ забытымъ. Вѣроятно Потемкинъ будетъ посланъ для отысканія новаго любимца, и я слышалъ (хотя не могу ручаться за достовѣрность этого слуха), что у него есть уже на примѣтѣ нѣкто Архаровъ, начальникъ Московской полиціи» [21]). Въ тотъ же день писалъ онъ къ Вильяму Эдену: «Зоричъ приготовленъ къ своей отставкѣ, но я слышалъ, что онъ намѣревается потребовать отчета отъ своего преемника. «Знаю, что мнѣ придется взлетѣть на воздухъ, но клянусь, я отрѣжу уши тому, кто займетъ мое мѣсто». Это были слова его на дняхъ въ разговорѣ объ этомъ предметѣ» [22]). Отъ 22 Мая Гаррисъ писалъ къ герцогу Суффольку: «Вамъ уже извѣстно столкновеніе, происшедшее въ Царскомъ Селѣ между кн. Потемкинымъ и генераломъ Зоричемъ. Удачная сцена, разыгранная симъ послѣднимъ, подѣйствовала только на нѣсколько дней; уступчивая и полезная роль Потемкина одержала верхъ надъ всѣми остальными соображеніями и, нѣсколько дней спустя, Зоричъ получилъ окончательную отставку. Императрица сама сообщила ему о ней въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ; но принялъ онъ ее совершенно иначе: забывая, съ кѣмъ онъ говоритъ, онъ разразился въ самыхъ горькихъ упрекахъ и предсказывалъ самыя печальныя послѣдствія» [23]). Изъ послѣднихъ словъ Гарриса надо заключать, что разсказъ Гельбига, будто Зоричу, послѣ минутнаго его успѣха, не удалось вторично объясниться съ Екатериной—невѣрно; но это второе объясненіе, какъ видимъ, было совсѣмъ инаго характера, нежели первое. Далѣе Гаррисъ разсказываетъ, что Зоричъ, получивъ прибавку пенсіона, огромную сумму денегъ и еще 7000 крестьянъ въ прибавленіе къ его имѣніямъ, отправляется путешествовать, что преемникъ его, по фамиліи Корсакъ, не будетъ объявленъ до его отъѣзда, такъ какъ вслѣдствіе горячаго характера Зорича было бы не безопасно другому лицу занять его мѣсто. Отставка Зорича подала было надежду партіи, враждебной Потемки-

[21]) Русск. Арх. 1874, № 6.
[22]) Тамъ же.
[23]) Тамъ же.

Библиотека "Руниверс"

ну, возвратить ко двору Завадовскаго. Гаррисъ говоритъ, что послѣ одного разговора съ Орловымъ, Императрица велѣла было вызвать его въ Петербургъ, намѣреваясь возстановить этого спокойнаго человѣка, но Потемкинъ не допустилъ до того. Мѣсто Зорича занялъ Корсаковъ, этотъ Пирръ, царь Эпирскій, какъ его называетъ Екатерина въ письмѣ къ Гримму [24]).

*

Въ первый годъ жизни въ Шкловѣ Зоричъ ознаменовалъ празднованіе Екатерининыхъ имянинъ благотворительнымъ дѣломъ: 24 Ноября 1778 года были имъ приняты на воспитаніе два бѣдныхъ мальчика, изъ которыхъ одинъ былъ его родственникъ. Можно думать, что тогда же Зоричемъ была предложена и другимъ бѣднѣйшимъ дворянамъ помощь въ воспитаніи дѣтей ихъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были приняты имъ еще пять человѣкъ, а затѣмъ число ихъ съ каждымъ годомъ становилось все болѣе и болѣе, такъ что потомъ оказалось необходимымъ образовать изъ нихъ правильно организованную школу, что̀ Зоричемъ постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и было сдѣлано. Заведеніе это было названо имъ Шкловскимъ Благороднымъ Училищемъ [25]). Впослѣдствіи Зоричъ отстроилъ для него прекрасное каменное зданіе съ больницею и открытымъ манежемъ для обученія верховой ѣздѣ, выписалъ надзирателей и учителей, завелъ библіотеку, физическій кабинетъ, зоологическій музеумъ и картинную галерею. Въ немъ предполагалось имѣть 300 воспитанниковъ, изъ которыхъ половинное число должно было находиться на полномъ содержаніи Зорича, а остальные получать отъ родителей только одежду и обувь. На учрежденіе было употреблено до 80 т., а ежегодное содержаніе, при увеличившемся числѣ воспитанниковъ, стоило до 50 т. рублей.

Въ концѣ 1780 года Зоричъ по дѣламъ своимъ ѣздилъ въ Петербургъ и Москву. Въ Петербургѣ онъ купилъ у Самойлова для Училища библіотеку, заплативъ за нее 8 т. рублей. Между прочимъ онъ былъ озабоченъ въ это время пріисканіемъ способнаго и опытнаго человѣка, который могъ бы съ успѣхомъ занять должность директора Училища. Въ Москвѣ ему указали на иностранца Сальморана, одного изъ тѣхъ проходимцевъ-Французовъ, которые въ прошломъ столѣтіи, благодаря невѣжеству нашего барства, находили въ Русскихъ домахъ теплый пріютъ подъ видомъ воспитателей, учителей, гувернеровъ [26]).

Капитанъ Польскихъ войскъ, Французъ родомъ, Тимолеонъ-Альфонсъ-Гальенъ де Сальморанъ, пріѣхалъ изъ Франціи въ Россію въ Ноябрѣ 1772 года вмѣстѣ съ Александрой Евтихіевной Демидовой, которая узнала его въ чужихъ краяхъ и до самой смерти своей оказывала ему свое покровительство. Въ Россіи, кромѣ того, онъ пользо-

---

[24]) Р. Архивъ 1878, III, 55.

[25]) Экстрактъ Шкловскаго Благороднаго Училища — рукопись.

[26]) Шкловскіе авантюристы. «Заря» 1871 г., № I.

Библиотека "Руниверс"

вался еще благодѣяніями кн. Анны Егоровны Голицыной и кн. Варвары Александровны Долгоруковой. Пользуясь протекціей такихъ особъ, онъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, безъ особеннаго труда, получилъ доступъ въ наши дворянскіе дома. Прежде всего поступилъ онъ гувернеромъ въ домъ генералъ-поручика Ржевскаго и въ началѣ 1773 г. переѣхалъ съ нимъ въ Москву. Черезъ два года, когда дворъ, послѣ торжественнаго празднованія Турецкаго мира, возвратился изъ Москвы въ Петербургъ, прибылъ туда и Сальморанъ въ качествѣ учителя въ домѣ камергера Александра Ѳедоровича Талызина. Черезъ полгода Сальморанъ опять уѣхалъ въ Москву и поступилъ на прежнее мѣсто къ Ржевскому. Въ 1776 г. онъ опредѣлился гувернеромъ же къ полковнику кн. Василію Никитичу Трубецкому, а годъ спустя, перешелъ въ домъ генералъ-маіора князя Алексѣя Никитича Волконскаго.

Въ Россіи онъ хвасталъ своею ученостью и всѣмъ разсказывалъ, что «три года находился подъ присмотромъ Волтера». Вѣроятно, благодаря этимъ разсказамъ о себѣ, онъ и успѣлъ заслужить благоволеніе знатныхъ Россійскихъ дамъ и кавалеровъ. У кн. Волконскаго эта знаменитость жила не долго. Переходя изъ дома въ домъ, Сальморанъ, по всей вѣроятности, успѣлъ скопить себѣ деньжонки, на которыя и сталъ жить въ Москвѣ уже самъ по себѣ, ни отъ кого не завися. Объ этомъ времени самъ Сальморанъ разсказывалъ такъ: «Я велъ себя незазорно во все время, какъ живу въ Россіи; я не говорю, чтобъ я жилъ, какъ святой, до этого весьма далеко; могу сказать еще, что я жилъ довольно развратнымъ образомъ; наконецъ, скучая родомъ такой жизни, которая ни къ чему не ведетъ, принялъ намѣреніе сдѣлать ей конецъ».

Въ 1779 г. Сальморанъ встрѣтился гдѣ-то съ сестрою придворной актрисы Сажъ, дѣвицею Сажъ, которая сперва жила «для компаніи» у кн. Орловой, потомъ переѣхала въ Москву и стала заниматься уроками пѣнія и игры на клавикордахъ. Сальморанъ, какъ говорится, предложилъ ей свое сердце и руку. «Весь свѣтъ удивился послѣдовавшей со мною перемѣнѣ, говорилъ Сальморанъ, ибо я изъ расточителя и гуляки сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ, охотникомъ до наукъ и бережливымъ. Симъ счастливымъ превращеніемъ я обязанъ добродѣтелямъ и хорошимъ качествамъ дарованной мнѣ Небомъ супруги». Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ свадьбы молодые поселились въ домѣ Петра Ѳедоровича Нащокина. «Мы не имѣли инаго богатства, говорилъ о себѣ Сальморанъ, кромѣ нашихъ дарованій, то и вознамѣрились употребить ихъ въ нашу пользу». И дѣйствительно, госпожа Сальморанъ давала уроки пѣнія и музыки 14 молодымъ дворянскимъ дочерямъ, въ томъ числѣ и дочери самого Нащокина, а Сальморану Московскій Университетъ предложилъ «сочиненіе первыхъ въ Россіи Французскихъ вѣдомостей». Ему была обѣщана за это третья часть подписныхъ денегъ, и сверхъ того по 200 р. ежегоднаго жалованья.

Въ такомъ положеніи были дѣла Сальморана, когда въ началѣ 1781 г. пріѣхалъ въ Москву Зоричъ. Отъ своихъ Московскихъ знакомыхъ Зоричъ вѣроятно слышалъ много хорошаго о Французѣ. Сальморанъ,

Библиотека "Руниверс"

выслушавъ предложеніе Зорича принять на себя управленіе Училищемъ и взвѣшивая важность этой должности, для которой, по его мнѣнію, нужно было имѣть «великія качества», долго не могъ дать рѣшительнаго отвѣта, но наконецъ объявилъ, что если его превосходительству нуженъ «для этой академіи ученый человѣкъ», то онъ согласенъ принять предлагаемое мѣсто, но не иначе, какъ за хорошее вознагражденіе. Зоричъ обѣщалъ ему готовый столъ, квартиру, четырехъ служителей, карету и 1000 р. жалованья. Дѣйствительно ли Зоричъ назначилъ Сальморану такое жалованье, или «ученый человѣкъ» прихвастнулъ—не знаемъ; но мы останавливаемся на этомъ пунктѣ условія собственно потому, что, по вѣдомости расходовъ на служащихъ, директору опредѣлялось жалованья не 1000, а 600 р., всего же съ квартирою, отопленіемъ, освѣщеніемъ, столомъ, экипажемъ и прислугою 1598 р. Какъ бы то ни было, Сальморанъ согласился на предложеніе и тотчасъ же написалъ контрактъ, послѣ чего Зоричъ сталъ торопить его отъѣздомъ въ Шкловъ. Сальморанъ сталъ просить впередъ за полгода; Зоричъ уклонялся, говоря, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и имѣетъ деньги только на дорогу и что черезъ недѣлю онъ ихъ вышлетъ къ нему. Сальморанъ прикинулся оскорбленнымъ. Ему извѣстно было, какъ онъ говорилъ, что Зоричъ, живя въ Москвѣ, проигралъ въ карты 44,000 р. и нашелъ же чѣмъ заплатить ихъ, а тутъ отказываетъ «въ малой вещи человѣку, находящемуся у него въ услуженіи». Но дѣлать было нѐчего. Въ ожиданіи обѣщанныхъ денегъ, Сальморанъ сталъ собираться въ дорогу. Зоричъ дѣйствительно не скоро выслалъ обѣщанную сумму, но наконецъ таки выслалъ, и Сальморанъ отправился въ Шкловъ. Зоричъ остался въ Петербургѣ.

Какъ видимъ, Зоричъ, не смотря на большіе доходы съ своихъ имѣній, начиналъ уже нуждаться въ деньгахъ, проживъ всего только три года въ Шкловѣ, что̀ впрочемъ и не должно казаться удивительнымъ, если вспомнимъ, съ какою быстротою и по какому широкому руслу неслась эта жизнь въ Шкловскомъ замкѣ. Казалось, ничто не могло удержать этого потока щедрости, благотворительности, безрасчетливости и ужасающаго мотовства. Понятно и безъ дальнихъ объясненій, что такой образъ жизни не могъ не отражаться и на Училищѣ, которое съ возрастаніемъ числа воспитанниковъ требовало все бо̀льшихъ средствъ. По словамъ Сальморана, онъ засталъ Училище въ бѣдственномъ положеніи. Нужда будто бы доходила до такой степени, что даже затруднялись иногда, чѣмъ накормить воспитанниковъ и учителей. Онъ разсказываетъ, будто бы экономъ вынужденъ былъ однажды прибѣгнуть къ слѣдующему отчаянному средству: «отнявъ у одной женщины, среди улицы, корову, онъ привелъ её на кухню, велѣлъ убить и сдѣлать для кадетъ обѣдъ и ужинъ». Далѣе онъ говоритъ, что въ 1783 г., въ проѣздъ черезъ Шкловъ князя Потемкина, Зоричъ, не зная чѣмъ развлечь причудливаго гостя, показалъ ему свое Училище, но могъ вывести въ парадъ только 12 кадетъ, по той будто бы причинѣ, что 16 кадетъ лежали въ больницѣ, а у 32-хъ не было нижняго платья.

Библиотека "Руниверс"

Какъ ни мало расположены мы вѣрить каждому слову Сальморана, однакожъ, принявъ въ соображеніе сказанное о жизни Зорича, ничего не найдемъ въ этихъ разсказахъ невѣроятнаго. Притомъ, что за люди окружали тогда Зорича? Эльвикъ, домашній секретарь его, по всей вѣроятности, немалое участіе принимавшій въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и дѣлахъ своего принципала, былъ удаленъ имъ, какъ «плутъ», хотя Сальморанъ и называетъ его «человѣкомъ ученымъ и честнымъ». А самъ Сальморанъ, выводившій Зоричу аптекарскіе счеты за то, что жена его «пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей, употребляя свои платья», или за то что онъ, Сальморанъ, «представлялъ комедіи и оперы, на что употреблялъ свое платье и сочинялъ тѣ комедіи», былъ конечно такой же плутъ, какъ и Эльвикъ.

Картежная игра, которую велъ тогда Зоричъ, сама по себѣ могла уже быть источникомъ затруднительности его положенія; но тутъ нашлись еще люди, которые, какъ увидимъ ниже, пользуясь его слабостію, прямо расчитывали на его состояніе и съ этой цѣлью втягивали его въ долги. Легко поэтому вѣрить, что въ началѣ восмидесятыхъ годовъ Шкловское Училище дѣйствительно находилось въ незавидномъ положеніи; но Зоричъ, питая надежду на лучшій оборотъ своихъ дѣлъ, все-таки не покидалъ призрѣнныхъ имъ дѣтей. Винить ли его въ томъ?

Сальморанъ, по пріѣздѣ въ Шкловъ, нашелъ тамъ гостившихъ въ замкѣ Зорича своднаго брата его Неранчича и двухъ Далматинцевъ братьевъ графовъ Зановичей. Неранчичъ (какъ охарактеризовалъ его фонъ Визинъ) человѣкъ былъ честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Во время «случая» Зорича, Императрица назначила его флигель-адъютантомъ. Другаго сорта люди были Зановичи. Происходя изъ знатной Далматинской фамиліи, они наслѣдовали отъ отца богатство и доброе имя. Одаренные отъ природы умомъ, они еще болѣе развили его, обучаясь въ разныхъ колегіумахъ, но развили въ томъ направленіи, которое въ результатѣ приноситъ одно лишь зло. Младшій братъ, Аннибалъ, поступилъ въ Іезуиты и, по уничтоженіи ихъ ордена, возвратился къ старшему брату Марку, который успѣлъ уже прожить свое состояніе и занимался какими-то темными оборотами. Братья отправились въ Венецію, гдѣ, какъ говорятъ, за какую-то нечистую продѣлку были приговорены къ смертной казни, но спаслись бѣгствомъ. Послѣ того они пустились странствовать по Европѣ, промышляя карточной игрою. Въ 1776 г. Маркъ Зановичъ явился въ Потсдамѣ и успѣлъ было втереться въ общество принца Прусскаго, но когда прочли въ газетахъ о прежнихъ его продѣлкахъ, то тотчасъ же выслали изъ Берлина вонъ. Фридрихъ II-й, узнавъ, что Зановичъ появился въ Бреславлѣ, отдалъ приказъ задержать его, какъ человѣка, «промышлявшаго обманомъ»; но Зановичъ бѣжалъ въ Голандію, гдѣ ухитрился обмануть банкировъ, занявъ у нихъ отъ имени Венеціанскаго посланника 300,000 гульденовъ. Спасаясь

Библиотека "Руниверс"

отъ преслѣдованій, онъ укрылся въ Парижѣ, и здѣсь нашелъ брата своего Аннибала, изгнаннаго за разныя плутни изъ Флоренціи.

Въ это самое время проживалъ въ Парижѣ Неранчичъ. Зановичи встрѣтились съ нимъ, какъ старые знакомые. Они познакомились съ нимъ еще въ Тріестѣ и уже тамъ получили отъ него приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ Шкловъ. Безконечныя преслѣдованія полиціи и кредиторовъ заставили Зановичей попробовать счастія гдѣ нибудь подальше. Въ Іюнѣ 1781 г. они вмѣстѣ съ Неранчичемъ были уже въ Шкловскомъ замкѣ. Черезъ три мѣсяца послѣ нихъ пріѣхалъ и Сальморанъ. Наконецъ, вернулся изъ своей поѣздки и Зоричъ.

Жизнь пошла прежнимъ порядкомъ: начались праздники, увеселенія, картежъ. Пріѣзжіе гости охотно принимали участіе во всѣхъ этихъ забавахъ, особенно въ послѣдней. Такимъ людямъ, какъ графы Зановичи съ ихъ тонкимъ и вкрадчивымъ умомъ, при той богатой и роскошной обстановкѣ, съ какой явились они въ Шкловскомъ замкѣ, при ихъ неистощимой изобрѣтательности на разныя новыя забавы, ничего не стоило въ самое короткое время сблизиться съ легкомысленнымъ, суетнымъ Зоричемъ и стать съ нимъ на пріятельскую ногу. Но зналъ ли добродушный хозяинъ, кому онъ оказывалъ гостепріимство? Такое соображеніе далеко было отъ Зорича: да и могъ ли онъ сомнѣваться въ репутаціи людей, введенныхъ къ нему братомъ? Видя въ Зановичахъ пріятныхъ собесѣдниковъ, съ которыми могъ весело проводить время, Зоричъ довольствовался однимъ этимъ качествомъ новыхъ своихъ знакомцевъ. Недальновидность его простиралась до того, что онъ не замѣчалъ сѣтей, разставляемыхъ ему Зановичами, даже думалъ имѣть въ нихъ друзей, готовыхъ помочь ему въ затруднительномъ положеніи и, благодаря такой довѣрчивости, едва было не поплатился репутаціей честнаго человѣка.

Въ обществѣ Зановичей и другихъ гулякъ Зоричъ цѣлые дни просиживалъ за картами и проигрывалъ большія суммы. Такъ однажды проигралъ онъ одному какому-то заѣзжему артилерійскому офицеру 10 тысячъ, въ другой разъ, понтируя и меча банкъ вмѣстѣ съ младшимъ Зановичемъ, проигралъ кн. Волконскому 50 т. Зановичъ тотчасъ же заплатилъ свою часть деньгами и брильянтами, но Зоричъ уже затруднялся въ немедленной уплатѣ и ограничился написаніемъ векселя. Дѣло было за обѣдомъ. Кн. Волконскій, принимая вексель изъ рукъ Зорича, за неимѣніемъ песку, засыпалъ его солью, что̀ дало потомъ возможность Сальморану сказать противъ своего патрона ѣдкое слово. По его замѣчанію, князь поступилъ весьма благоразумно, посоливъ на всякій случай вексель, которому придется долго пролежать въ его карманѣ.

Все это однакоже доказывало, что нужда замѣтно уже стала прокрадываться въ финансы Зорича. Онъ видимо нуждался въ деньгахъ и, какъ говорятъ, держался только безпрестанными займами у Зановичей. Долги Зорича уже вчетверо превышали его доходы, а тутъ еще, какъ нарочно, случился большой пожаръ въ его замкѣ. У Зановичей сгорѣло множество брильянтовъ, бумагъ и богатѣйшій гардеробъ, но Сальморану удалось спасти ихъ шкатулку съ алмаз-

Библиотека "Руниверс"

ными вещами и бумажникомъ, въ которомъ, по увѣренію Зановичей, однихъ векселей было больше чѣмъ на 200.000 червонцевъ. Въ день пожара Зоричъ находился въ Могилевѣ. Посланный туда курьеръ нашелъ его на балу танцующимъ минуэтъ съ дѣвицею Энгельгардтъ, дочерью губернатора. Печальное извѣстіе нисколько не смутило беззаботнаго Зорича: онъ продолжалъ танцовать, какъ ни въ чемъ не бывало. Мало того, послѣ пожара онъ не переставалъ давать великолѣпные праздники и по прежнему велъ большую игру. Думаютъ, что это спокойствіе было видимое, напускное, что онъ старался казаться равнодушнымъ только для того, чтобы не уронить высокаго положенія въ средѣ мѣстнаго общества; говорятъ, что нельзя было не замѣтить, что на праздникахъ своихъ Зоричъ хотя и пировалъ, но уже не веселился. Послѣ пожара братья Зановичи поспѣшили предложить Зоричу заплатить за него всѣ его долги, но съ тѣмъ, чтобы Шкловъ съ принадлежавшими къ нему имѣніями былъ отданъ имъ въ управленіе на столько лѣтъ, пока не получатъ своей суммы съ процентами, Зоричу же обѣщались выдавать ежегодно по сту тысячъ. Опасаясь, чтобы кто нибудь изъ близкихъ или знакомыхъ его не разстроилъ ихъ плана, они вели переговоры о томъ съ Зоричемъ секретно, по ночамъ, уединившись въ отдаленные покои замка; одинъ только Сальморанъ зналъ о нихъ, принимая въ нихъ участіе, какъ посредникъ. Предложеніе казалось выгоднымъ: доходы со Шклова въ управленіе Зорича простирались отъ 60 до 100 тысячъ; войдя въ сдѣлку съ Зановичами, онъ не только не лишался доходовъ, но еще уплачивалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ громадный долгъ, около полумилліона рублей. Могло-ли легковѣріе Зорича устоять противъ Іезуитскаго лукавства Зановичей?... Онъ согласился и, не убивъ еще медвѣдя, уже легкомысленно хвалился его шкурою: Зоричъ самоувѣренно сталъ говорить, что скоро заплатитъ свои долги и опять будетъ богатъ. Дѣло въ томъ, что Зановичи увѣрили его, что доходы со Шкловскихъ имѣній можно поднять до 180 тысячъ. Это было въ 1782 году.

Въ Маѣ мѣсяцѣ графъ Аннибалъ Зановичъ выѣхалъ въ Петербургъ, откуда намѣренъ былъ отправиться за границу, чтобы продать тамъ свое имѣніе для уплаты долговъ Зорича. Гдѣ было это имѣніе—объ этомъ, конечно, было уже прежде сказано Зоричу, который, желая оказать содѣйствіе къ скорѣйшему окончанію заключенной имъ сдѣлки, вручилъ Зановичу рекомендательныя письма къ Русскимъ посланникамъ въ Голандіи и Англіи, а въ Петербургѣ къ придворному банкиру Сутерланду. Для вящаго успѣха рекомендаціи онъ во всѣхъ этихъ письмахъ называлъ Зановича своимъ родственникомъ, такъ какъ Зановичи дѣйствительно находились въ какомъ-то свойствѣ съ Неранчичемъ. Въ Петербургѣ Зановичъ останавливался у Неранчича, жившаго въ домѣ Зорича, и отправился за границу только тогда, когда банкиръ Сутерландъ, послѣ долгихъ колебаній, выдалъ ему наконецъ вексель съ переводомъ въ Парижъ на банкирскую контору Жирардо Галлеро и К°.

Библиотека "Руниверс"

Въ Шкловъ возвратился Зановичъ въ Февралѣ слѣдующаго 1783 г., но къ общему удивленію, остановился не у Зорича, а въ домѣ Еврея Нотки. Еще болѣе казалось страннымъ, что въ первые дни своего пріѣзда, онъ нà-крѣпко запирался въ своей комнатѣ, не впускалъ туда даже прислуги, а когда нужно было выходить куда нибудь, то оставлялъ въ комнатѣ своего брата. О заграничной поѣздкѣ своей Аннибалъ Зановичъ разсказывалъ конфиденту своему Сальморану слѣдующее: въ Брюсселѣ, отъ банкира Ванскора, получилъ онъ подъ вексель на герцога Ланкастерскаго 20.000 червонцевъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Остъ-Индію, откуда было намѣревался ѣхать въ Англію, чтобы сдѣлать тамъ расчетъ по остальнымъ векселямъ, но въ ожиданіи попутнаго вѣтра, сѣлъ играть съ нѣкоторыми Англичанами въ карты и проигралъ имъ всѣ свои деньги. Англичане собрались у него и на слѣдующій день, но на этотъ разъ графъ игралъ счастливѣе: онъ не только возвратилъ весь вчерашній проигрышъ, но еще выигралъ у нихъ 50 тысячъ, которыя тотчасъ же получилъ деньгами, вещами и векселями. Тогда онъ поспѣшилъ назадъ въ Брюссель, накупилъ тамъ разныхъ вещей, нанялъ для Зорича двухъ камердинеровъ Французовъ и уѣхалъ въ Берлинъ. Здѣсь ему показалось будто бы неудобнымъ ѣхать въ Шкловъ съ большими деньгами и дорогими вещами, потому что до первыхъ былъ большой охотникъ Зоричъ, а до вторыхъ его братъ, чтò будто бы и заставило его всѣ свои деньги и вещи обмѣнять у одного Жида на векселя. Чтò онъ разсказывалъ Зоричу о продажѣ небывалаго своего имѣнія—неизвѣстно. Вскорѣ послѣ пріѣзда Зановича въ Шкловъ, отправленный имъ въ Кенигсбергъ извощикъ Еврей привезъ ему какую-то шкатулку.

Прошло нѣсколько времени, и вдругъ по Шклову пошли толки о какихъ-то подозрительныхъ ассигнаціяхъ. Съ нѣкотораго времени торговцы стали особенно внимательно присматриваться къ получаемымъ ими сторублевымъ бумажкамъ, а наконецъ и вовсе перестали принимать ихъ. Однажды Аннибалъ Зановичъ, обмѣнивая у одного Еврея деньги, далъ ему ассигнацію. Тотъ, пристально посмотрѣвъ ее къ свѣту, попросилъ позволенія сбѣгать съ нею домой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратилъ ассигнацію назадъ, увѣряя, что не нашелъ дома денегъ. Въ другой разъ къ Зановичу приходилъ еще одинъ Еврей и просилъ обмѣнять 500 р. на ассигнаціи. Зановичъ отсчиталъ ему требуемую сумму бумажками разныхъ достоинствъ: 25, 50 и 100 рублевыми. Принимая деньги, Еврей молча откладывалъ въ сторону 100 рублевыя ассигнаціи и объявилъ, наконецъ, что не приметъ сторублевокъ, «потому что не любитъ ихъ». Извѣстна дальнѣйшая исторія съ ассигнаціями, въ которую замѣшанъ былъ Зоричъ по своему легкомыслію.

Легкомысленный Зоричъ въ теченіи еще нѣсколькихъ лѣтъ продолжалъ убивать свое состояніе на пріемы многочисленныхъ гостей, на обѣды, балы, маскарады; но всѣ эти развлеченія не отвлекали его заботъ отъ Училища, въ которомъ число воспитанниковъ съ каждымъ годомъ умножалось. Послѣднее обстоятельство вѣ-

Библиотека "Руниверс"

роятно было причиною того, что въ началѣ девятидесятыхъ годовъ Зоричъ приказалъ построить для помѣщенія кадетъ новое каменное зданіе. Оно было окончено въ 1793 году и, въ день коронаціи Екатерины, 22 Сентября, было занято кадетами съ большимъ парадомъ, за которымъ послѣдовалъ длинный рядъ разнообразныхъ увеселеній.

Къ торжеству этому съѣхалось въ Шкловъ множество гостей. Въ $6^1/_2$ часовъ утра три пушечныхъ выстрѣла возвѣстили посѣтителямъ начало праздника, а воспитанникамъ послужили сигналомъ — готовиться къ выходу. Въ $7^1/_2$ часовъ кадеты построились передъ старымъ корпуснымъ домомъ; въ 8 часовъ открылось шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Впереди директоръ училища верхомъ на богато убранной лошади; 2) два квартирмейстера со значками; 3) литаврщикъ верхомъ, лошадь его вели два великолѣпно одѣтые Турка; 4) шесть трубачей; 5) восемь жокеевъ, одинаково одѣтыхъ и четыре карусельные пажа несли рыцарскія вооруженія; 6) за ними ѣхали верхомъ 16 карусельныхъ кавалеровъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтные колеты, по кадрилямъ, въ блестящихъ панцыряхъ; 7) отрядъ егерей съ офицеромъ; 8) четыре полевыя орудія съ ящиками, со всею принадлежностію и 32 человѣками прислуги; 9) другой отрядъ егерей; 10) 24 музыканта въ парадныхъ мундирахъ; 11) рота гренадеръ со знаменемъ, барабанщиками и флейтщиками. Шествіе замыкали офицеры, учители, служители и вообще всѣ лица, принадлежавшія къ Училищу. Дойдя до соборной церкви, карусельные кавалеры сошли съ лошадей и стали правѣе гренадерской роты, построившейся въ колону; лѣвѣе роты помѣстились егери, а музыканты и прочіе чины примкнули къ обоимъ флангамъ, такимъ образомъ, что составилось изъ фронта полукружіе. По принесеніи благодарственнаго молебствія послѣдовало шествіе, въ прежнемъ порядкѣ, во вновь построенный для Училища каменный трехъ-этажный домъ, расположенный на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра въ видѣ овальнаго полукружія въ 60 саж. длиною. По приходѣ въ новый домъ кадеты построились въ большой парадной галереѣ, въ которой стѣны и потолокъ украшены были эмблематическою живописью, а колоны убраны зелеными вѣтвями и цвѣточными гирляндами. На хорахъ помѣстились дамы. Когда всѣ заняли назначенныя мѣста, одинъ изъ учителей сказалъ воспитанникамъ рѣчь, по окончаніи коей вошелъ въ галерею Зоричъ, окруженный генералами и другими почетными посѣтителями. Директоръ встрѣтилъ Зорича при входѣ, а на лѣстницѣ—строившій домъ архитекторъ, который поднесъ ему ключи отъ всего зданія. Зоричъ передалъ ключи директору, отвѣчавшему ему краткимъ благодарственнымъ привѣтствіемъ. При входѣ Зорича съ гостями, въ концѣ галереи упала завѣса, скрывавшая портретъ Екатерины, во весь ростъ. Пьедесталъ, поддерживавшій портретъ, сдѣланъ былъ въ видѣ жертвенника и покрытъ малиновымъ бархатомъ, богато украшеннымъ по краямъ золотымъ шитьемъ и бахромою. Кадеты отдали портрету честь при звукѣ трубъ, литавровъ, барабановъ и всей духовой музыки, а артилерія салютовала 101 выстрѣломъ. Послѣ того совершенъ былъ обрядъ освященія дома. Затѣмъ, изъ каждой кадрили

Библиотека "Руниверс"

вышло по одному кавалеру, которые привѣтствовали изображеніе Императрицы на разныхъ языкахъ: одинъ на Русскомъ, другой на Нѣмецкомъ, третій на Французскомъ, четвертый на Польскомъ. По окончаніи рѣчей кадеты прошли рядами мимо портрета, на жертвенникъ коего каждый клалъ бумагу, въ которой было написано: время вступленія его въ училище, предметы, коимъ обучался и успѣхи въ наукахъ. Потомъ кадетъ отвели въ назначенныя для нихъ камеры, куда послѣдовалъ за ними и Зоричъ съ гостями. Показавъ гостямъ помѣщеніе и хозяйство училища, онъ повелъ ихъ въ столовую, гдѣ кадеты сидѣли уже на своихъ мѣстахъ. Столы для нихъ поставлены были покоемъ, въ серединѣ котораго находился круглый столъ для Зорича и почетнѣйшихъ посѣтителей. Вскорѣ послѣ обѣда пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о началѣ карусельныхъ приготовленій. Въ половинѣ втораго, по другому выстрѣлу, гренадерская и егерская роты заняли караулъ у амфитеатра, устроеннаго въ видѣ квадрата; барьеръ украшенъ былъ зелеными вѣтвями, военными эмблемами, трофеями и рыцарскими щитами. Каждая изъ четырехъ сторонъ квадрата имѣла ворота для въѣзда четырехъ кадрилей. По обѣимъ сторонамъ воротъ устроены были мѣста для дамъ и другихъ почетныхъ особъ. Въ центрѣ амфитеатра построенъ былъ открытый на четыре стороны павильонъ, въ которомъ помѣстились карусельные судьи: генералъ Ив. Ник. Римскій-Корсаковъ (Пирръ, царь Эпирскій), полковникъ Ѳед. Ив. Марковъ, подполковникъ Потемкинъ и секундъ-маіоръ Карлъ Яковл. Бергеръ. Въ два часа, по третьему выстрѣлу, зрители наполнили амфитеатръ, и кадрили заняли назначенные имъ ворота. По данному сигналу изъ каждой кадрили выѣхали на середину по одному кавалеру и, послѣ обыкновенной салютаціи, начались игры. Искусство, проворство, гибкость и ловкость карусельныхъ кавалеровъ не разъ вызывали рукоплесканія зрителей. Первый призъ былъ присужденъ кадету Радожицкому. Когда трубы возвѣстили окончаніе игръ, всѣ гости перешли въ оранжерею, гдѣ былъ приготовленъ для дамъ обѣденный столъ, при чемъ кавалеры имъ прислуживали. Послѣ обѣда Зоричъ пригласилъ гостей въ театръ. Кадеты сыграли небольшую Русскую комедію, а собственная балетная труппа хозяина исполнила алегорическій балетъ съ хорами. По выходѣ изъ театра сожженъ былъ фейерверкъ и, затѣмъ, въ обширной, освѣщенной галереѣ, начался балъ. Нѣсколько дамъ и дѣвицъ сдѣлали хозяину сюрпризъ, пропѣвъ въ честь его куплеты. Балъ продолжался до двухъ часовъ по полуночи. Но этимъ торжество еще не кончилось. Праздники продолжались въ Шкловѣ еще восемь дней сряду [27]).

Взглянемъ теперь на самое Училище.

Въ него принимались одни только дворяне (отъ 8 до 20 лѣтъ), которые, передъ поступленіемъ въ заведеніе, должны были представлять доказательства о дворянскомъ происхожденіи, засвидѣтельствованныя мѣстными уѣздными предводителями дворянства, а иностранцы дока-

[27]) Мельницкій, Сборникъ свѣд. о В. Уч. Заведеніяхъ, ч. I, 125—128.

Библиотека "Руниверс"

зывали эти права жалованными ихъ предкамъ граматами. Воспитанники раздѣлялись на казенныхъ и своекоштныхъ. Первые содержались на сумму, опредѣленную для Училища, а другіе должны были имѣть отъ своихъ родителей только платье и обувь [28]). Позднѣе, въ Училище стали допускаться и приходящіе или экстерны.

Первыми воспитанниками Шкловскаго Училища были: Егоръ Кисликовъ и Василій Райковичъ (родственникъ Зорича). Хотя Училище предназначалось главнымъ образомъ для бѣдныхъ дворянъ Бѣлоруссіи, однакоже это ограниченіе не было строго соблюдаемо. Въ училищныхъ спискахъ мы находимъ уроженцевъ не только Великороссійскихъ и Малороссійскихъ губерній, Польши, Лифляндіи и Курляндіи, но даже и иностранныхъ государствъ, какъ напр. Франціи, Нидерландовъ, Швеціи, Венгріи, Греціи, Турціи и пр.

Шкловское Училище, не имѣя названія военнаго, въ административномъ отношеніи носило характеръ заведенія военно-учебнаго, ибо оно управлялось военнымъ уставомъ, и во всемъ наблюдался военный порядокъ [29]).

Въ строевомъ отношеніи воспитанники заведенія составляли эскадронъ кавалеріи и три роты пѣхоты. Кавалерійскій эскадронъ составляли два взвода: кирасирскій и гусарскій. Пѣхота состояла изъ двухъ гренадерскихъ и одной егерской ротъ.

Кирасиры имѣли палевые колеты съ воротниками кофейнаго цвѣта, обложенными по борту шитьемъ, серебряные эполеты, кушаки кофейнаго цвѣта съ шитьемъ же и палевыя панталоны; смазные сапоги ихъ были со шпорами. Чепраки были различныхъ цвѣтовъ по отдѣленіямъ: изъ малиноваго сукна, пунцоваго, зеленаго, палеваго и проч., всѣ шитые серебромъ. У гусаровъ мундиры были свѣтлоголубые съ красной выпушкой.

Гренадеры имѣли парадные мундиры темноголубаго цвѣта съ малиновыми обшлагами, эксельбанты изъ желтаго гаруса и бѣлыя панталоны. Каски у нихъ были съ гербами и съ бѣлымъ плюмажемъ. Амуниція состояла изъ лакированныхъ сумъ съ гербами, на черныхъ, лакированныхъ же перевязяхъ. Офицеры гренадерскихъ ротъ носили шляпы, эксельбанты изъ золота и малиноваго шелка, шпаги съ такими темляками, какъ эксельбантъ, и сапоги съ бѣлыми отворотами.

---

[28]) Въ случаѣ упущенія въ доставкѣ платья и обуви къ назначенному сроку, Училище отпускало всѣ нужныя вещи изъ своей суммы и своекоштнымъ воспитанникамъ, но по окончаніи года дѣлался съ родителями расчетъ. (Экстрактъ Шкл. Бл. Училища).

[29]) «Въ Училищѣ наблюдается военный порядокъ по двумъ полковничьимъ инструкціямъ: пѣхотнаго и коннаго полковъ, изданнымъ Военною Коммиссіею и, сверхъ того, изъ учрежденій военныхъ училищъ, заведенныхъ въ Россіи, сочиненъ уставъ, которымъ это Училище и управляется». (Экстр. Шкловскаго Благороднаго Училища).

Библиотека "Руниверс"

Егери носили свѣтлозеленыя куртки съ пунцовыми выпушками, черезъ плечо имѣли перевязь съ сумою, а на головѣ—круглыя, лакированныя каски съ султаномъ, огибавшимъ каску отъ лѣвой стороны къ правой, гдѣ онъ придерживался кокардою; длинный, круглый козырекъ касокъ былъ обложенъ мѣдью. Офицеры егерской роты носили мундиры, камзолы и панталоны свѣтлозеленаго сукна съ пунцовыми выпушками.

Вмѣсто знаменъ воспитанники Шкловскаго Благороднаго Училища имѣли два рисованныхъ по атласу значка Шкловскаго графства, украшенные золотыми кистями и бахромою.

Всѣ чины, какъ кавалерійскаго, такъ и пѣхотнаго строевъ, носили косы.

Хотя въ составѣ Шкловскаго Училища не было артилерійской роты, но оно имѣло 4 двухъ фунтовыхъ единорога со всѣми принадлежностями, какъ орудійными, такъ и для прислуги. Артилерійская прислуга состояла изъ служителей, имѣвшихъ особенную обмундировку: они носили куртки изъ голубаго сукна, такаго же цвѣта пояса съ палевыми рубчиками и шапки голубаго сукна, съ палевыми околышами. Фурлейты имѣли куртки съ бѣлыми лацканами и шапки съ бѣлыми околышами; чепраки—синіе съ палевымъ басономъ.

Музыканты также имѣли свою особенную форму. Парадное платье пѣхотныхъ музыкантовъ состояло изъ куртокъ малиноваго цвѣта съ голубыми обшлагами, голубыхъ камзоловъ и малиноваго цвѣта панталонъ; на головѣ имѣли форменныя пѣхотныя каски. У кавалерійскихъ музыкантовъ были вицъ-мундиры изъ голубаго сукна съ серебряными галунами, камзолы палеваго цвѣта съ галунами же и панталоны голубаго цвѣта. Вмѣсто касокъ они носили шляпы съ галуномъ и прочимъ приборомъ. Въ парадные дни литаврщики выѣзжали въ Турецкихъ кафтанахъ малиноваго цвѣта съ такими же кушаками и въ чалмахъ.

Описанное обмундированіе воспитанниковъ было парадное; въ немъ выходили только въ строй. Вседневная же одежда состояла изъ сюртуковъ, камзоловъ и панталонъ бѣлаго сукна, а лѣтомъ изъ парусинныхъ куртокъ и шароваръ. Бѣлье шилось изъ Лифляндскаго полотна, манжеты изъ батиста; обувь состояла изъ нитяныхъ и бумажныхъ чулковъ и башмаковъ. Постельное бѣлье приготовлялось изъ того же матеріала, какъ и носильное. Спали воспитанники на шерстяныхъ матрацахъ съ двумя перяными подушками подъ простыми набойчатыми одѣялами [30]).

Фронтовыя занятія производились два раза въ недѣлю—въ Среду и Субботу; въ прочіе дни, не исключая и Среды, воспитанники занимались въ классахъ, которыхъ было пять.

---

[30]) Подробности обмундированія, а также и другія свѣдѣнія, ниже приводимыя о Шкловскомъ Училищѣ, при которыхъ нѣтъ указанія на источникъ, заимствованы изъ двухъ рукописей: 1) Подробное свѣдѣніе о Шкловскомъ Благородномъ Училищѣ 1797 г. и 2) Экстрактъ Шкловскаго Благороднаго Училища. Послѣдняя рукопись скрѣплена собственноручною подписью Зорича.

Библиотека "Руниверс"

Библіотека, ежегодно пополнявшаяся новыми пріобрѣтеніями, состояла изъ 178 Русскихъ, 743 Французскихъ, 70 Нѣмецкихъ, 12 Польскихъ и 27 Латинскихъ книгъ. Въ эту библіотеку воспитанники 3, 4 и 5 классовъ допускались по Средамъ, Субботамъ, Воскресеньямъ и др. праздничнымъ днямъ. Тамъ занимались они чтеніемъ, переводами и упражнялись въ сочиненіяхъ. Переводы и сочиненія воспитанниковъ посвящались Училищу.

Въ Музеумѣ, помѣщавшемся въ одномъ зданіи съ библіотекою, находились чучелы птицъ и звѣрей, различные инструменты, какъ-то: астрономическіе, физическіе, геодезическіе, а также глобусы земные и небесные [31]).

Но замѣчательнѣе всего была Картинная Галерея, въ которой были собраны оригиналы и копіи съ картинъ знаменитыхъ художниковъ Италіанской, Фламандской, Голандской и Нѣмецкой школъ. Здѣсь можно было найти произведенія Теньера, Рубенса, Брёгеля, Поля Веронеза, Карла Дольчи и др.—богатство небывалое не только въ частныхъ, но и въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ произведеній живописи находилось еще собраніе гравюръ съ картинъ и статуй знаменитой Дрезденской галереи, множество рисунковъ, чертежей и пр.

Училище помѣщалось въ особенномъ зданіи; близъ него стоялъ большой открытый манежъ, гдѣ воспитанники учились ѣздить верхомъ и упражнялись въ вольтижированіи, а кирасирскій взводъ забавлялся рыцарскими играми, какъ бывало на турнирахъ.

При Училищѣ былъ лазаретъ, находившійся подъ надзоромъ доктора (въ 1796 г. Августъ Шлегель) и лекаря (Иванъ Гебель), но лекарства покупались въ вольной аптекѣ. Собственной церкви въ заведеніи не было; воспитанники къ богослуженію ходили въ соборъ, протоіерей котораго о. Старынкевичъ былъ ихъ законоучителемъ.

Главнымъ начальникомъ училища былъ самъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, носившій званіе главнаго директора. Ближайшій помощникъ его назывался исправлявшимъ должность директора. Въ 1796 г. въ этой должности находился премьеръ-маіоръ Энакіевъ. Присмотръ за поведеніемъ воспитанниковъ поручался двумъ чиновникамъ, которые назывались надзирателями внутренняго порядка. Въ 1796 г. надзирателями были: секундъ-маіоръ Твардовскій и лейтенантъ Шведской службы Фриманъ

---

[31]) По словамъ одного изъ бывшихъ воспитанниковъ Шкловскаго училища, служившаго потомъ въ Смоленскомъ кадетскомъ корпусѣ, между предметами, находившимися въ физическомъ кабинетѣ, особенно обращали на себя вниманіе: необыкновенной величины магнитъ, электрическая машина съ батареею изъ 12 банокъ, три вогнутыя стекла по 2 арш. въ діаметрѣ, три большіе телескопа и шесть превосходныхъ микроскоповъ. Всѣ эти вещи погибли во время пожара, случившагося не задолго до кончины Зорича, когда передававшій это свѣдѣніе былъ еще въ училищѣ. (Исторія о Смоленскомъ кадетскомъ корпусѣ, соч. П. Львова, см. Сѣв. Арх. 1824 г. №№ 9 и 10).

Библиотека "Руниверс"

Первый выпускъ изъ заведенія былъ въ 1785 году въ числѣ семи человѣкъ—5 казенныхъ и 2 своекоштныхъ. Первыми «выпускными» Шкловскаго Благороднаго Училища были: Семенъ Мицкій (пост. въ 1781 г.), Семенъ Лошковъ, Василій Курошъ (оба поступили въ 1782 г.), Иванъ Христафовичъ, Василій Лашкевичъ, Вильгельмъ Людвигъ и Иванъ Сѣченовъ (всѣ четверо въ 1785 г.).

О выпускаемыхъ изъ Училища Зоричъ входилъ съ особыми представленіями къ Императрицѣ и ходатайствовалъ объ опредѣленіи ихъ на службу. Но этимъ еще не оканчивалъ онъ заботы о своихъ дѣтяхъ, какъ онъ называлъ ихъ: разставаясь съ ними, онъ дѣлалъ имъ обмундировку и выдавалъ прогоны, а нѣкоторыхъ приказывалъ снабжать прислугою, экипажемъ и лошадьми въ натурѣ. Глубоко проникала любовь въ сердце Зорича, и воспитанники цѣнили ее; оставляя Училище, они уносили съ собой вѣчную признательность къ своему благодѣтелю.

Вотъ случай, о которомъ, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, разсказывалъ очевидецъ.

По заключеніи Ясскаго мира, когда участники ея спѣшили на отдыхъ въ свои семьи, два офицера, одинъ маіоръ, другой капитанъ, оба съ Георгіевскими крестами и оба безсемейные, пріѣхали въ Шкловъ—мѣсто своего воспитанія. Зоричъ, узнавъ объ ихъ пріѣздѣ, по обыкновенію своему, посылаетъ къ нимъ узнать о здоровьѣ и просить, если имъ ничто не препятствуетъ, у него откушать. Время было утреннее, и въ положенный для съѣзда гостей часъ, къ приглашеннымъ офицерамъ была послана карета. Но тѣ не дожидались ни урочнаго для гостей часа, ни присылки экипажа. Одѣвшись въ парадную форму, они поспѣшно отправляются въ замокъ въ такую пору, когда Зоричъ, по обыкновенію, принимаетъ просителей. Маіоръ и капитанъ входятъ въ пріемную. Привѣтливый хозяинъ спѣшитъ къ нимъ на встрѣчу съ пріятнымъ взоромъ и ласковымъ словомъ, но герои предупреждаютъ его, говоря взволнованнымъ голосомъ: «Благодѣтель нашъ! У насъ никого нѣтъ въ мірѣ, кто былъ бы ближе тебя къ сердцу; наши товарищи поѣхали къ роднымъ, а мы къ тебѣ». Тутъ они назвали свои имена и фамиліи. Потомъ одинъ изъ нихъ продолжалъ: «Ты наставникъ нашъ и попечитель о нашемъ счастіи.... Прими нашу благодарность. Ты призрѣлъ наше сиротство, ты воспиталъ насъ. По твоей милости могли мы быть способными къ службѣ Отечеству. Тебѣ мы всѣмъ обязаны, ты научилъ насъ быть людьми, мы почитаемъ тебя отцемъ своимъ». Заплакалъ добрякъ Зоричъ. Обнявъ и прижавъ къ груди своей благодарныхъ питомцевъ, со взоромъ, обращеннымъ къ иконѣ, онъ сказалъ: «Боже Всемилостивый! Чѣмъ воздамъ Тебѣ за такую радость, какой я во всю жизнь мою не испытывалъ.... Мнѣ, бездѣтному, Ты даруешь дѣтей, и какихъ достойныхъ дѣтей! Да, вы дѣти мои. Чувствую, какъ пріятно быть вашимъ отцемъ и горжусь вами»... Сказавъ это, Зоричъ увелъ ихъ къ себѣ во внутреннія комнаты и оставилъ въ замкѣ на все время пребыванія ихъ въ Шкловѣ. На другой день онъ разослалъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ приглашенія—пожаловать къ

Библиотека "Руниверс"

нему на балы и маскерады, которыми онъ намѣренъ отпраздновать пріѣздъ къ нему изъ арміи дѣтей его. Нѣсколько дней сряду затѣмъ продолжались праздники, въ которыхъ приняли участіе и воспитанники Училища. Указывая на маіора и капитана, Зоричъ ставилъ воспитанникамъ въ примѣръ службу старшихъ сыновей своихъ, а ихъ братьевъ. Съ любовью глядѣлъ онъ на кадетъ, тѣснившихся около него толпою и говорилъ своимъ посѣтителямъ: «Это все дѣти мои!» При отъѣздѣ въ армію гостившихъ у него офицеровъ, Зоричъ простился съ ними съ нѣжностію истинно-родительскою, одаривъ подарками, какіе только могъ придумать, и снабдивъ, сверхъ того, деньгами на дорогу [32]).

Замѣчателенъ и другой случай, доказывающій, какую любовь сохраняли къ Зоричу бывшіе его воспитанники и какъ дорога была для нихъ память о немъ. Въ сороковыхъ годахъ, въ Полтавскомъ имѣніи, доживалъ свои годы почтенный старецъ, девять юношескихъ лѣтъ (1784—1793) проведшій подъ кровомъ Зорича. Сынъ его, служившій офицеромъ въ 1-мъ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ [33]) пріѣхавъ въ отпускъ навѣстить родителя, привезъ ему, между прочимъ, только отлитографированный въ корпусѣ портретъ Семена Гавриловича. Старикъ не могъ наглядѣться на портретъ и восторженно, со слезами на глазахъ, повторялъ сыну: «Это благодѣтель нашъ!»

Въ девятнадцать лѣтъ съ 1778 по 1797 годъ, Училище приготовило для службы 268 чел. Куда именно они назначались — свѣдѣній не имѣемъ, но по всей вѣроятности бо́льшая часть поступала въ службу военную. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, по выпускѣ изъ Училища, оставались при заведеніи, занимая должности преподавателей и чиновниковъ. Изъ числа воспитанниковъ, получившихъ образованіе въ Шкловскомъ благородномъ училищѣ, болѣе другихъ пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность Андрей Ивановичъ Маркевичъ, бывшій потомъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта директоромъ 2-го Кадетскаго корпуса [34]).

---

[32]) О пріѣздѣ въ Шкловъ бывшихъ воспитанниковъ училища и о встрѣчѣ съ ними Зорича передавалъ Львову, автору статьи о Смоленскомъ корпусѣ, Смоленскій помѣщикъ А. Е. Ушаковъ, который часто бывалъ у Зорича и былъ очевидцемъ всего здѣсь описаннаго. «Онъ сказывалъ мнѣ, прибавляетъ Львовъ, имена и фамиліи маіора и капитана, но я забылъ оныя; ибо не полагалъ, чтобы привелось когда нибудь описывать сіе происшествіе».

[33]) Генералъ-маіоръ Иванъ Николаевичъ Падловъ.

[34]) А. И. Маркевичъ род. въ 1769 г.; шестнадцати лѣтъ поступилъ въ Шкловское Училище (1785), откуда былъ выпущенъ въ 1788 году; умеръ 1832 г. въ чинѣ ген. лейт. Онъ сдѣлалъ много улучшеній по артиллеріи и по разнымъ частямъ ввѣреннаго ему корпуса, гдѣ, между прочимъ, завелъ библіотеку и музей. Изъ сочиненій его извѣстны: 1) Памятная книжка для пѣхотныхъ офицеровъ или краткое наставленіе о изображеніи и построеніи полевыхъ укрѣпленій и проч. перев. съ Нѣмецк. СПБ. 1790 г.; 2) Физико-математическія изслѣдованія артилеріи, въ коихъ составъ,

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Павелъ предложилъ Зоричу снова вступить на службу, произвелъ его въ генералъ-лейтенанты, назначилъ шефомъ Изюмскаго гусарскаго полка, а Училище принялъ на счетъ государства. Вслѣдъ затѣмъ, 28 Марта 1797 года, повелѣно: «Училище въ Шкловѣ, иждивеніемъ генералъ-лейтенанта Зорича устроенное, причислить въ казенное вѣдомство и наименовать Училищемъ Шкловскимъ [35]).

Понятно, что открытіе правильно организованнаго училища, съ цѣлями и направленіемъ существенно различными отъ тѣхъ, которыя практиковались въ школахъ католическихъ, должно было составить эпоху въ Бѣлорусскомъ краѣ. Это была первая тамъ школа, въ которой воспитаніе дѣтей и юношей повелось въ интересахъ Русскаго общества. И если эта заслуга Зорича не была въ свое время оцѣнена, какъ слѣдуетъ, то думаемъ, что теперь, когда между тѣмъ и нашимъ временемъ легло столѣтіе, не будетъ недостатка въ людяхъ, которые были бы способны понять ее.

Въ Петербургѣ кадетскіе корпуса возникали въ силу необходимой государственной потребности снабжать армію свѣдущими офицерами. Въ Шкловѣ подобнаго стимула не было: здѣсь, какъ мы могли замѣтить, учебное заведеніе было вызвано побужденіями чисто-филантропическими, хотя цѣль была одна и таже—воспитывать и образовывать дворянскихъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы они могли быть потомъ полезными на службѣ государственной, военной или гражданской, смотря по способностямъ, личному расположенію и проч. Первое достигалось при помощи тѣхъ средствъ, которыя, какъ мы видѣли, были щедро предоставлены Училищу, а послѣднее—ходатайствомъ у Императрицы о принятіи воспитанниковъ на службу. Предпочтеніе нашего дворянства къ военной карьерѣ, долго коренившееся въ Русскомъ обществѣ вслѣдствіе условій историческихъ, въ концѣ прошлаго столѣтія существовало еще въ полной силѣ. Отсюда естественная причина, почему Зоричъ далъ своему заведенію характеръ училища военнаго, взявъ за образецъ порядокъ, принятый въ Петербургскихъ кадетскихъ корпусахъ. Но военное направленіе въ общемъ ходѣ образованія не было главнымъ, исключительнымъ. Въ заведеніи соблюдался военный порядокъ, воспитанниковъ обучали

свойства и дѣйствія пороха разсматриваются и многими основательнѣйшими опытами доказываются, соч. Папацино-Антони, перев. съ Нѣм. СПБ. 1795 г. 2 части; 3) Новые легчайшіе и вѣрнѣйшіе способы ставить діоптры и мушки на артилерійскихъ орудіяхъ и наводить оныя на градусы и пр. СПБ. 1799 г.; 4) Чертежи всѣмъ полковымъ и батарейнымъ орудіямъ, ихъ лафетамъ, передкамъ, зарядному ящику съ гнѣздами разныхъ калибровъ и всей принадлежности оныхъ орудій. СПБ. 1807—1815 г. Это послѣднее издано Маркевичемъ вмѣстѣ съ барономъ Плотто; 5) Руководство къ артилерійскому искусству. СПБ. 1820—1824 г. 2 тома. Кто изъ Московскихъ кадетъ тридцатыхъ годовъ не помнитъ двухъ громаднѣйшихъ томовъ этого сочиненія и неразлучнаго съ ними въ воспоминаніяхъ преподавателя артилеріи Н. И. Ланге?

[35]) Полн. Собр. Закон. т. XXIV, 17.893.

Библиотека "Руниверс"

«военной экзерсиціи», имъ преподавали военныя науки; но военныя экзерсиціи ограничивались двумя только днями въ недѣлю, большая же часть времени посвящалась преподаванію предметовъ общаго образованія, между которыми математика занимала самое видное мѣсто, разнообразному чтенію въ библіотекѣ, практическимъ упражненіямъ въ сочиненіяхъ и переводахъ, наконецъ развитію вкуса къ музыкѣ, живописи, театру—предметамъ, имѣющимъ несомнѣнно весьма важное образовательное значеніе, какъ способствующимъ гармоническому развитію нравственныхъ и умственныхъ способностей человѣка. Искусство хорошо управлять конемъ и шпагою, также какъ и ловкость въ танцахъ, по понятіямъ тогдашняго времени, составляли неотъемлемые признаки каждаго благовоспитаннаго и образованнаго дворянина, и это требованіе современнаго общества было принято Зоричемъ во вниманіе. Упражненія воспитанниковъ въ верховой ѣздѣ, волтижировкѣ и фехтованіи, рыцарскія игры и танцы, разнообразя ежедневныя занятія ихъ въ классахъ, были полезными для нихъ развлеченіями и въ тоже время средствами къ физическому развитію.

Словомъ сказать, при начертаніи плана воспитанія юношей въ Училищѣ ни одна сторона этого дѣла не была оставлена безъ вниманія, и мы почти безошибочно можемъ предположить, что въ Шкловѣ дѣти дворянъ получали образованіе ничѣмъ не хуже того, какое получали они въ Петербургскихъ корпусахъ. Правда, Шкловское Благородное Училище не было «разсадникомъ великихъ людей», но мы не должны забывать того общеизвѣстнаго факта, что дѣтямъ небогатыхъ и незнатныхъ фамилій вообще какъ-то легче удается быть просто полезными, но не великими людьми.

Исполнителями видовъ и желаній Зорича были, какъ мы видѣли, помощникъ его, два надзирателя и преподаватели. Первымъ тремъ, вмѣстѣ съ законоучителемъ, ввѣрялась нравственность воспитанниковъ, послѣднимъ—умственное образованіе. И тѣхъ и другихъ Зоричъ старался привлечь на службу различными выгодами, заботливо разъискивая гдѣ только могъ, даже за-границей, вслѣдствіе ли существовавшаго тогда убѣжденія въ педагогическихъ способностяхъ иностранцевъ, или просто потому, что въ то время вообще ощущался недостатокъ въ учителяхъ. Какъ бы то ни было, но въ училищномъ спискѣ лицъ, служившихъ въ 1796 г. видимъ, что оба надзирателя были не Русскіе: одинъ Полякъ, другой—Шведъ; изъ 14 учителей на половину были иностранцы, изъ остальной половины большая часть Бѣлорусскіе уроженцы. Насколько этотъ недостатокъ чистаго Русскаго элемента въ составѣ воспитателей могъ вліять на нравственную сторону воспитанниковъ и вообще на характеръ заведенія, сказать трудно, такъ какъ для этого мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Что выборъ не всегда могъ быть удаченъ—это мы видимъ на Сальморанѣ, этой пустой и безнравственной личности, который однакоже пользовался въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ вниманіемъ людей болѣе образованныхъ и, по всей вѣроятности, болѣе предусмотрительныхъ, нежели Зоричъ. Но не все же были Сальмораны, и рядомъ съ фактомъ его «директорствованія», имѣемъ свидѣтельство Энгель-

Библиотека "Руниверс"

гардта, бывшаго воспитанникомъ Шкловскаго Училища, что въ немъ были «хорошіе учителя», благодаря которымъ многіе изъ кадетъ вступали въ службу «съ большими свѣдѣніями, особливо въ математикѣ». Мы указывали уже на Маркевича; укажемъ еще на другаго воспитанника училища, выпущеннаго въ 1789 году—Николая Петряева, бывшаго потомъ преподавателемъ въ училищѣ и обогатившаго литературу своего времени многими сочиненіями и переводами, преимущественно по математикѣ [36].

Перечисленіе Шкловскаго заведенія въ разрядъ государственныхъ училищъ ни въ чемъ не измѣнило бывшаго въ немъ порядка, какъ относительно системы воспитанія, такъ и вообще управленія; все осталось по прежнему, какъ было [37]; только вмѣсто помощника Зорича—премьеръ-маіора Энакіева видимъ новое лицо—подполковника Фливерка, исполнявшаго должности директора и инспектора, а надзиратели стали, кажется, называться дежурными офицерами.

22 Мая 1799 года въ Училищѣ случился пожаръ, причинившій заведенію большіе убытки и бывшій, между прочимъ, причиною перевода Училища въ Гродну. Сгорѣло то прекрасное трехъ-этажное зданіе, куда шесть лѣтъ тому назадъ съ такимъ парадомъ вступали воспитанники на новоселье [38]. При этомъ несчастномъ случаѣ «большая часть вещей пропала, а нѣкоторая, можетъ быть, сбѣгшеюся толпою народа похищена, или при переносѣ испорчена такъ, что къ

---

[36]) Вотъ труды Петряева: въ 1802 г. имъ переведены съ Французскаго: 1) Изъясненіе способа построенія неопредѣленныхъ уравненій, относящихся къ сѣченіямъ коническимъ, соч. Прони; 2) Свѣдѣнія въ полевой фортификаціи, необходимыя для офицеровъ, предложенныя Годи, пріумноженныя Беллеромъ. Въ 1803 году: 3) Начальныя основанія статики или равновѣсія твердыхъ тѣлъ, соч. Монжа. Въ 1805 году: 4) Фультонова система внутреннихъ комуникацій; 5) Опытъ теоріи быстротоковъ и рѣкъ, соч. Фабра. Въ 1806 году: 6) Новѣйшія открытія по части водоходства, собираемыя и переводимыя Николаемъ Петряевымъ; 7) Меморіалъ топографическій и военный. Въ 1808 году: 8) Описаніе таблицъ вообще полезныхъ для умноженія и дѣленія, изобрѣтенныхъ Ив. Грузономъ и проч.

[37]) «.... Отъ того времени оставалось сіе Училище, взятое на казенное содержаніе, въ совершенномъ распоряженіи Зорича, которому ни отъ какаго начальства никакихъ предписаній касательно образа управленія онымъ не воспослѣдовало, въ отпускаемыхъ деньгахъ 43,670 р. 30 к. на годовое содержаніе онаго ни откуда отчета по кончину жизни его не требовано; и для того главный директоръ Зоричъ, продолжая свои прежнія въ ономъ Училищѣ распоряженія, оставилъ оное совершенно на томъ же основаніи, которое было» (Записки Карла фонъ Бергера).

[38]) Остатки этого строенія сохранялись еще въ 1849 г. Оно находилось при въѣздѣ въ Шкловъ изъ Варшавы. Проѣзжая въ этомъ году изъ Царства Польскаго въ Москву, мы имѣли случай осмотрѣть его. Это довольно обширное зданіе, не совсѣмъ правильнаго вида, съ какими-то пристройками въ родѣ

Библиотека "Руниверс"

употребленію стала негодной. Господа офицеры, учители и прочія училищныя лица, будучи заняты спасеніемъ юныхъ воспитанниковъ, не имѣли возможности предупредить безпорядокъ; суматоха стала общею, ибо отъ Училища загорѣлись и дома Шкловскихъ обывателей. Воспитанниковъ перевели въ «партикулярный домъ» Зорича, называвшійся оранжереею; туда же свалили книги изъ библіотеки и картины изъ галереи, и все это, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ страшномъ хаосѣ и безпорядкѣ»[39]). Въ этомъ домѣ Училище оставалось до послѣднихъ дней своихъ въ Шкловѣ.

Бѣдствіе, постигшее Училище, было тѣмъ для него чувствительнѣе, что Зоричъ, по болѣзни своей, не могъ лично принять участіе въ распоряженіяхъ къ устройству заведенія, а помощникъ его—Фливеркъ, какъ видно, оставался безучастнымъ зрителемъ того, что дѣлалось вокругъ. Справедливо обвиняли его въ бездѣйствіи, когда, послѣ пожара, онъ не только не приступалъ къ приведенію въ извѣстность оставшагося училищнаго имущества, но не исполнилъ этого и тогда, когда неоднократно напоминалъ ему о томъ Зоричъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Училища, когда Зоричъ, измученный болѣзнями, доживалъ послѣдніе дни свои. Уже больной, ходатайствовалъ онъ у Государя о производствѣ въ офицеры своихъ воспитанниковъ и получилъ отъ Императора Павла слѣдующій рескриптъ [40]).

«Господинъ генералъ-лейтенантъ и Шкловскаго Благороднаго Училища главный директоръ Зоричъ!»

«Рапортъ вашъ отъ 31 Мая я получилъ и касательно воспитанниковъ Шкловскаго Благороднаго Училища, желающихъ опредѣлиться въ военную службу въ Черноморской флотъ 23 и столькожъ въ артилерію, а трехъ въ кавалерію—всѣхъ 49 человѣкъ, коихъ вы доброе поведеніе аттестуете, я опредѣлить повелѣлъ, и изъявляю вамъ здѣсь мое благоволеніе за труды и попеченіе ваши, употребляемые вами къ преподаванію имъ въ ихъ воспитаніи правилъ службы и благонравія, полезными мнѣ и государству моему содѣлать ихъ могущихъ. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ».

Городъ Павловскъ,
Іюня 14 дня 1799 г.

*

6 Ноября 1799 года Семенъ Гавриловичъ скончался.

башенъ по угламъ. На стѣнахъ видны были различныя изображенія миѳологическихъ лицъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранялись еще и краски. Изящные контуры рисунковъ показывали, что они принадлежали мастерской рукѣ.

[39]) Записки К. фонъ Бергера.

[40]) Рескриптъ этотъ хранится въ рамкѣ подъ портретомъ С. Г. Зорича, въ пріемной залѣ Первой Московской Военной Гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Павелъ, никого не назначая преемникомъ Зоричу по званію главнаго директора, рескриптомъ 28 Ноября 1799 года на имя Бѣлорусскаго губернатора тайнаго совѣтника Северина поручилъ въ его вѣдѣніе Шкловское Училище, при чемъ оно въ первый разъ Государемъ было названо Кадетскимъ корпусомъ.

17 Февраля 1800 года директоръ подполковникъ Фливеркъ получилъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія:

«Господинъ подполковникъ Фливеркъ!»

«Такъ какъ всѣ кадетскіе корпуса относятся прямо ко мнѣ съ своими представленіями о произведеніи на вакансіи, какъ о военныхъ, такъ и о гражданскихъ чинахъ и обо всемъ экстренно случающемся по Корпусу, то и вамъ повелѣваю, по примѣру сего, отъ ввѣреннаго вамъ Шкловскаго Кадетскаго корпуса, обо всемъ ономъ относиться прямо ко мнѣ. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ».

Подполковникъ Фливеркъ, пользуясь дозволеніемъ относиться съ представленіями прямо къ Государю, поспѣшилъ донести о неудобствахъ помѣщенія кадетъ въ частномъ домѣ Зорича, вовсе къ тому неприспособленномъ, и вслѣдствіе того, получилъ другой указъ отъ 16 Марта 1800 года:

«Господинъ подполковникъ Фливеркъ!»

«Получилъ донесеніе ваше отъ 6 Марта; усмотря изъ онаго неудобство быть ввѣренному вамъ Кадетскому корпусу въ Шкловѣ, по неимѣнію тамъ достаточной для него квартиры, думаю перевести его въ Гродно, гдѣ находящійся дворецъ довольно великъ, чтобы помѣстить въ немъ безъ всякой тѣсноты можно было; и для того, повелѣваю вамъ, чтобы мало по малу вамъ перевести туда ввѣренный вамъ Корпусъ, и для сего переводу какое время удобнѣе почитаете и какія распоряженія вами сдѣланы будутъ, меня увѣдомите. Пребываю вашъ благосклонный Павелъ».

Затѣмъ, собственною рукою Государя приписано: «Совѣтую однакоже послать кого-нибудь туда осмотрѣть тотъ дворецъ. Мнѣ онъ кажется довольно великъ».

Для осмотра Гродненскаго дворца былъ командированъ учитель Деконскій. По возвращеніи его изъ Гродны, Фливеркъ послалъ Государю экстренную эстафету; что доносилъ онъ—неизвѣстно, но вслѣдъ за тѣмъ, 2 Апрѣля 1800 года, онъ былъ «отставленъ отъ службы».

Вмѣсто Фливерка директоромъ или, какъ тогда называли, шефомъ Корпуса былъ назначенъ полковникъ Вильгельмъ Карловичъ Кетлеръ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову *).

Весною 1821 года князь Вяземскій покинулъ Варшаву, оставивъ службу въ законодательной комисіи при Н. Н. Новосильцовѣ. Тогда же онъ подалъ просьбу, чтобы его уволили отъ званія камеръ-юнкера. «Я просился въ отставку отъ двора и былъ уволенъ, и такимъ образомъ я просто колежскій совѣтникъ и кавалеръ», писалъ онъ, когда въ какой-то казенной бумагѣ назвали его камеръ-юнкеромъ. Во второй половинѣ 1821 года онъ поселяется въ Москвѣ, гдѣ онъ имѣлъ домъ въ Чернышевскомъ переуклѣ (противъ Англійской церкви, нынѣ принадлежитъ г-ну Пустошкину). Такимъ образомъ къ перепискѣ съ Булгаковымъ уже не было больше поводовъ, кромѣ временныхъ отлучекъ въ деревни, поѣздокъ въ Ревель на морскія купанья (1825 и 1826 гг.), и въ Саратовское помѣстье, село Мещерское принадлежавшее вотчину его супруги, г-ну Кологривову. Усиленная переписка съ пріятелемъ возобновилась во время холеры 1830 и 1831 годовъ, когда Вяземскіе проживали въ своей подмосковной Остафьевѣ, а Булгаковъ оставался въ оцѣпленной карантинами Москвѣ. *П. Б.*

1.

29 Генваря (1822).

Спасибо, мой милый, за два твои письма. Я все рыскаю по большой дорогѣ, пальцы окостенѣли отъ холода, голова отъ скуки и глупыхъ заботъ, и потому давно не писалъ къ тебѣ. Вчера я видѣлъ Сороку-воровку. Много прекраснаго; но признаюсь, кажется мнѣ, что музыка могла быть-бы раздирательнѣе. Она не довольно выражаетъ содержаніе. Мало патетическаго, а предметъ самый трогательный. Правда, что и актеры всѣ съ голоса спали. Въ роли старика Замбони много прелестныхъ арій; онъ играетъ съ большимъ чувствомъ, но поетъ съ малыми средствами, какъ тебѣ извѣстно, и слезы извлекаетъ актеръ, а не пѣвецъ. Во второмъ актѣ, въ темницѣ у Анти, три дуэта съ ряду превосходные; первый съ Перуци, другой съ Този (который съ каждымъ днемъ лучше поетъ), третій съ мадамъ Перуци, которая играетъ роль мальчика. Въ первомъ дуэтѣ много воспоминаній изъ дуэта Армиды, что̀ поется въ Дарлискѣ; во второмъ милѣе всего, что хоръ, который долженъ пѣть udite, подъ предводительствомъ нашего пріятеля Фролова, реветъ во всю мочь уйдите и руками показываетъ на двери. Третій восхитителенъ простотою, глубокимъ чувствомъ и чистымъ, до самаго

*) См. первую книгу Русскаго Архива сего года, стр. 503.

Библиотека "Руниверс"

сердца проникающимъ, голосомъ милой Перуци. Опера вообще понравилась публикѣ. Я не могу тотчасъ входить во вкусъ: мнѣ должно нѣсколько разъ переварить музыку, чтобы хорошенько раскусить ее, и потому не скажу ничего рѣшительнаго. До сей поры изъ слышанныхъ мною здѣсь оперъ Россини предпочитаю Cenerentola. Танкреда я въ Москвѣ не слыхалъ; но сколько помнится изъ Варшавской пародіи, то едва-ли не предпочту ей Сороку. Анти очень мила въ своей ролѣ; старикъ Замбони въ ролѣ стараго солдата хорошъ очень. Театръ всегда полонъ при Сорокѣ. Я, какъ сорока, разскалъ тебѣ все что̀ о Сорокѣ знаю; но о кашѣ пожарной ничего сказать не умѣю. Я былъ тогда въ деревнѣ. Отъ чего эта каша заварилась, никто, кажется, порядочно не знаетъ. Ужъ не комплотъ ли? Мнѣ сказывали, что Обрѣсковъ (который, также по слышанному мною, проспалъ благополучно всю ночь пожара) говорилъ, показывая саблю свою послѣ пожара: боюсь, чтобы мы всѣ не потеряли этой дурашки! Полиція, говорятъ, была въ большомъ уныніи и страхѣ Божіемъ. Какъ ни говори, а странно, что дали такому дому догорѣть какъ огарку. Впрочемъ въ суматоху, кажется, никакой оказіи не было. Какіе-то стихи написаны на пожаръ и лунное затмѣніе. Обрѣсковъ, проницательный знатокъ въ людяхъ и литературѣ, опять скажетъ, что они мои.

Скажи Жуковскому, что я получилъ его письмо съ Кавелинымъ, но Кавелина не видалъ. Я былъ въ деревнѣ, когда онъ заѣзжалъ ко мнѣ и не знаю, гдѣ его найти. Кто обо мнѣ навралъ въ Варшавѣ? Кланяйся Матушевичу и попроси его отписать, что сказанное обо мнѣ сущій вздоръ. Привезешь-ли съ собою записки Наполеона? Дай хоть понюхать! Это подкрѣпительный спиртъ! Нельзя ли съ помощію братца выписать мнѣ экземпляръ? То-то̀ было-бы благодѣяніе. У меня добрые люди, по милости своей ко мнѣ, отрѣзали всѣ комуникаціи съ Европою; и я сижу при одной водяной комуникаціи Московскихъ Вѣдомостей. Да и при водяной комуникаціи мнѣ жить не хорошо: вчера былъ балъ у Апухтина, а онъ меня не позвалъ!

2.

8-го Мая 1823.

Что̀ ты дѣлалъ на блинной недѣлѣ? Насъ балы и веселія добили блиномъ. Въ послѣднее Воскресенье былъ прекрасный балъ у Корсаковыхъ: домой возвратились въ 9-мъ часу утра. Юсуповъ дѣлалъ на Масляницѣ испытаніе надъ Итальянцами, заставляя ихъ каждый день играть. Что̀ за варваръ! Замбони, сказывали мнѣ, уже родила, но не знаю: Негрильоночка или ч к у. Сюда пріѣхалъ скрипачъ Boucher, живой портретъ Наполеона: въ Парижѣ запрещено ему было давать концерты à cause de sa ressemblance séditieuse [1]). У него есть письмо къ тебѣ, не помню отъ кого. Лжецъ и хвастунъ и говорунъ

[1]) По причинѣ мятежнаго сходства.

Библиотека "Руниверс"

ужасный. Въ Воскресеніе даетъ концертъ въ Собраніи. Вообрази, что Юсуфъ запретилъ Итальянцамъ пѣть въ частныхъ концертахъ и даже въ Собраніи. Они всѣ взбѣшены на него. Чтò ты такъ зажился въ Питерѣ и вѣроятно завеснуешь? На кого покидаешь насъ? Правда-ли, что въ Петербургѣ полагаютъ, что я спился съ кругу? Чего добраго пожалуютъ и въ Шульгины!

3.

Царское Село, 27 Іюня 1825.

Я видѣлъ вчера твоего сына, который долженъ былъ сегодня отправиться въ дилижансѣ въ Петербургъ на время вакансовъ. Онъ здоровъ, но по росту не по сестрамъ пошелъ. Вчера также былъ и у Мамоновой [2]); мы все говорили о ея братѣ. Чтò съ нимъ дѣлается? По моему совѣту хотѣла она сегодня писать къ нему. Въ его теперешнемъ положеніи все раздражаетъ его, все бѣситъ, и нельзя ожидать, чтобы онъ пришелъ въ себя силою штыковъ, чтò несогласно съ его необузданнымъ и надменнымъ нравомъ. Надобно испытать мѣры кротости; можетъ быть, при письмѣ отъ сестры онъ и очувствуется, скажетъ ей, чего хотѣлъ бы и чтò думаетъ дѣлать. Во всякомъ случаѣ письмо ея вреда сдѣлать не можетъ, а можетъ быть въ пользу. Я ей совѣтовалъ, чтобы она письмо къ тебѣ отправила, такъ чтобы, въ случаѣ нужды, ты могъ показать его князю [3]).

Въ Питерѣ пробылъ я только три дня. Онъ показался мнѣ очень пустъ и мертвъ, гулянія пустынныя, лица постныя, и всѣ заняты вопросомъ, кажется еще доселѣ не рѣшеннымъ, поѣдетъ-ли дворъ на зиму въ Москву? Чтò дѣлается на Тверской, не въ Чернышевскомъ переулкѣ, а въ Чернышевскомъ дворцѣ? [4]) Завидую тебѣ, счастливый.... Похоронивъ всѣхъ своихъ соперниковъ, остался ты одинъ и овладѣлъ мѣстомъ сраженія. Сегодня ожидаемъ сюда Вьельгорскаго. Прощай, мой милый. Скажи же мнѣ вѣсть про Бѣлокаменную. Чтò Лобановъ, несостоятельный должникъ? Если будешь имѣть les Mémoires de m-me Genlis, пошли къ женѣ моей въ Остафьево, чтобы утѣшить въ одиночествѣ. Я ѣду въ Ревель 2-го или 3-го.

4.

(1826).

Не можешь ли, любезный другъ, составить некрологію Италинскаго, не одинъ послужный списокъ, но съ изложеніемъ занятій его, случаевъ въ жизни и проч. Нѣтъ-ли у тебя въ домашнемъ архивѣ писемъ его? А обѣщанный портретъ г-жи Сталь, написанный Поццо? Полевой очень доволенъ твоимъ подаркомъ; только къ сожалѣнію въ типографіи нѣтъ церковныхъ буквъ, а Синодомъ запрещено свѣтскимъ типографіямъ держать ихъ.

---

[2]) Графини Маріи Александровны, сестры извѣстнаго Московскаго заключенника.

[3]) Князю Д. В. Голицыну, Московскому генералъ-губернатору.

[4]) Т. е. въ генералъ-губернаторскомъ домѣ.

Библиотека "Руниверс"

5.

Остафьево, 2-го Ноября 1830.

Въ добрый часъ сказать, а въ худой промолчать, я и самъ беру всѣ предосторожности, и моя деревня была на карантинномъ положеніи при первой вѣсти о холерѣ въ Москвѣ, гораздо прежде всѣхъ вашихъ оцѣпленій. Я рѣшительно запретилъ крестьянамъ ѣздить въ Москву. Къ тому же у меня все здѣсь окуривается, даже и письма ваши проходятъ чрезъ новое чистилище. Радуюсь вашимъ проясняющимся вѣстямъ. Въ бумагахъ Ф. Визина отыскалъ я на дняхъ два очень милыя письма отца твоего. Скажи мнѣ, пожалуй, тотъ Сальдернъ, который былъ въ Варшавѣ, тотъ ли самый, о которомъ сказано въ спискѣ кавалеровъ у Бант.-Каменскаго, Голстинскій дѣйст. тайный совѣтникъ, служившій еще при Елисаветѣ Петровнѣ? Да отъ чего же онъ Голстинскій, а не нашъ? Вотъ тебѣ вопросы и не объ одной холерѣ. Для разнообразія закинуло меня въ старину. Какъ грустны и Парижскія вѣсти! Что за лихорадка такая потрясаетъ весь свѣтъ! Одному нашему Шиллингу [5]) житье. Онъ брюхомъ своимъ беретъ у Китайцевъ. Я читалъ въ Литературной Газетѣ, въ описаніи Кяхтинскаго праздника, что Китайцы были поражены важною осанкою его.

6.

Остафьево, 6-го Ноября 1830.

Вотъ ты меня и сглазилъ. Другой разъ не расхваливай меня за письмоплодіе. Сегодня только нѣсколько строкъ благодарныхъ за письмо, перья и газеты и просительныхъ о пересылкѣ прилагаемыхъ писемъ. Видно, заваривается Европейская каша. Слава Богу, что у васъ остываетъ. Теперь прости. На будущей почтѣ за то распишусь. Твоимъ домашнимъ мой нижайшій поклонъ, а Екатеринѣ Александровнѣ [6]) поклонъ по уши. Пожалуй ты скажешь, что я въ нее по уши влюбленъ; нѣтъ, сударь, выше.

Отецъ родной, пришли мнѣ глупую книжонку: встрѣча чумы съ холерою, о которой говорятъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Я ея не знаю, а по чутью отгадываю, что она должна быть глупость; оттого-то мнѣ и хочется ея.

7.

Остафьево, 9-го Ноября 1830.

На Рязанскомъ губернаторѣ давно висѣла туча. Сенаторы Озеровъ и Салтыковъ ѣздили слѣдовать его. А не мудрено, что благопріятеля моего Лубяновскаго доѣхала холера. Во всякомъ случаѣ о немъ въ Пензѣ жалѣть не будутъ. Онъ былъ нелюбимъ за непріятное обхожденіе съ дворянами А впрочемъ, онъ человѣкъ умный и

---

[5]) Шиллингъ фонъ Канштатъ, ѣздившій въ Китай.

[6]) Дочери Булгакова, позднѣе въ замужествѣ Саломирской.

Библиотека "Руниверс"

со способностями. Ему быть бы сенаторомъ. Хорошо теперь Вьельгорскимъ, которые были съ нимъ въ тяжбѣ по Пензенской губерніи! Вотъ просись въ губернаторы въ Пензу, а я пойду къ тебѣ въ вице. Городъ очень пріятный... Басни, напечатанныя въ Furet [7]) подъ моимъ именемъ не мои, а переведенныя мною съ Польскаго изъ Красицкаго еще въ Варшавѣ. Не знаю, что вздумалось Фюрету ихъ отфюретничать. Не знаешь ли о какихъ нибудь обстоятельствахъ изъ сношеній Ф. Визина съ отцемъ твоимъ? До конца ли были они дружны? Я пишу жизнь Ф. Визина и хочу групировать около него нѣсколько изъ лицъ, которыя были въ связи съ нимъ. Дай мнѣ какія нибудь черты для портрета отца твоего. Кто былъ, то-есть, что̀ былъ Зиновьевъ, бывшій нашъ посолъ въ Мадритѣ, и Пушкинъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ? Я отыскалъ нѣсколько писемъ ихъ, и они были въ связи съ Ф. Визинымъ. Видаешься ли съ Юсуповымъ? Что̀ ни говори, а тогдашній народъ былъ крупнѣе нынѣшняго. Взять одного Панина, который, если судить о ростѣ его по росту племянника и внука, былъ вѣрно гораздо выше моего возлюбленнаго племянника, Нессельроде. А въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлаетъ Юсуповъ? Струсилъ-ли онъ и началъ-ли Богу молиться?

8.

Остафьево, 23-го Ноября 1830 г.

Если ты еще не послалъ въ Сѣверную Пчелу своего холерическаго письма, дай мнѣ его для Литературной Газеты. Хотя въ холерѣ и мало литературы, а особливо изящной, но Дельвигъ будетъ тебѣ благодаренъ. За что ты моего Рейса обижаешь? Я у него учился въ Университетѣ и жилъ, влюбленъ былъ въ жену его и крестилъ дочь; къ тому же онъ говоритъ въ книжкѣ своей, что Венгерка лучшее платье по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, а я съ появленія холеры въ Москвѣ не покидалъ Венгерки, вывезенной еще изъ Варшавы. Вотъ какое у меня сочувствіе и предчувствіе съ моимъ менторомъ! Но шутки въ сторону, въ книжкѣ его много хорошаго. Эту треклятую болѣзнь такъ еще мало знаютъ, что не бѣда брать и лишнія предосторожности. Правда, что онъ только не совѣтуетъ пудрить голову хлоромъ, а то суетъ его всюду. Жаль, что не взялъ онъ въ эпиграфъ къ своей брошюркѣ: Aimez-vous la muscade? On en a mis partout [8]). Нѣтъ-ли у тебя книжицы Іовскаго также о холерѣ? Хотѣлось бы знать, что̀ онъ говоритъ. Онъ молодой человѣкъ съ умомъ и свѣдѣніями и родъ либерала въ медицинѣ, то-есть въ опозиціи съ Московскими докторами. Вѣроятно и на холеру смотритъ онъ не ихъ глазами. Что̀ ваша зима? У насъ мало снѣга, а довольно холодно. Дай Богъ холерѣ найти скорѣе свою Березину, только надобно припасти и Чигагова, который бы выпустилъ ее. А то наши доктора, того и смотри задержатъ. То-то будетъ послѣ холеры разсказовъ отъ дѣйствующихъ лицъ! Это будетъ вторая заразительная болѣзнь. Моло-

---

[7]) Французскій журналъ, издававшійся въ Петербургѣ. Furet значитъ сыщикъ.

[8]) Любите ли вы мускатъ? Его вездѣ положили.

Библиотека "Руниверс"

дой Шварценбергъ, который былъ въ С.-Петербургѣ, говорилъ, что онъ не столько боялся наводненія 7-го Ноября, какъ послѣдовавшихъ за нимъ разговоровъ. И рѣчь о наводненіи была для него вывѣскою скучнаго человѣка: онъ по ней судилъ о людяхъ. Какая крутая каша заваривается въ Европѣ! Пускай хлѣбаетъ ее кто хочетъ, только намъ не имѣть бы въ чужомъ пиру похмѣлья. Сохрани насъ Боже отъ войны послѣ этой холерической передряги. Это нашествіе въ нѣсколько губерній чего нибудь да стоитъ.

9.

Остафьево, 27 Ноября 1830.

Я очень радъ, что надоумилъ тебя писать біографію отца твоего. Съ Богомъ! У насъ мало книгъ въ этомъ родѣ, и ты подаришь насъ занимательнымъ сочиненіемъ. Только не тѣсни себя. Пиши все что̀ знаешь объ отцѣ, объ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился, о связяхъ его, собери всѣ любопытныя письма его и къ нему; эпохи жизни его частной вноси въ эпохи жизни Россіи ему современной, придавай обозрѣнія нашихъ политическихъ сношеній, въ которыхъ онъ участвовалъ. У тебя-же Архивъ подъ рукою и подъ ключемъ. Однимъ словомъ, скажи все что̀ позволитъ сказать цензура, а не цензоръ, потому что, судя по примѣру Глинки, нашъ цензоръ не папа, qui est infaillible [9]). У насъ въ книгахъ ничего не договариваютъ, все церемонятся съ читателями, боятся утомить ихъ вниманіе, и потому наши книги такъ ужъ скромны, такъ ужъ жидки, что въ нихъ читать нечего. Я уступаю тебѣ отца твоего съ удовольствіемъ и очень радъ, что ты напишешь портретъ во весь ростъ, тогда какъ у меня было-бы мѣсто только для силуэта. Пожалуйста, выкопай что нибудь изъ Юсупова о Зиновьевѣ и Пушкинѣ, а если можно и Фонъ-Визинѣ. Мнѣ сказывали, что онъ былъ съ нимъ въ связи; нѣтъ-ли у него писемъ отъ Ф. Визина? О комъ разсказываетъ онъ, то есть Юсуповъ, анекдотъ: Chez nous mieux [10]). Какой-то Русскій въ чужихъ краяхъ, не помню гдѣ, твердилъ всегда, на что ему ни показывали, что̀ ни говорили: Chez nous mieux. Однажды идетъ онъ съ иностранцемъ по улицѣ, и находятъ они на пьянаго человѣка, валявшагося на улицѣ: Chez nous mieux? спросилъ его иностранецъ.—Я все надѣюсь, что извѣстіе о Полторацкомъ несправедливо. Въ этомъ поступкѣ нѣтъ даже горячки энтузіазма, а просто какая-то дурь полоумнаго. Ничто въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не подаетъ къ тому ни малѣйшаго повода, ничто не могло-бы изъяснить такую выходку. Хорошо было барону Клотцу во время оно, когда богиня разсудка разъѣзжала по Парижскимъ улицамъ, а богиня бѣшенства вертѣла всѣмъ головы, нарядиться депутатомъ человѣческаго рода; но теперь, слава Богу, пора этихъ дурачествъ прошла, и такой либерализмъ похожъ на тотъ, который стекла бьетъ и ораторствуетъ у Dubois.

[9]) Который непогрѣшимъ.—Цензоръ С. Н. Глинка около этого времени былъ посаженъ подъ арестъ въ Кремлевской гауптвахтѣ.

[10]) У насъ лучше.

Библиотека "Руниверс"

Сдѣлай милость, что̀ узнаешь достовѣрнаго о Полторацкомъ, сообщи мнѣ. Ужъ не пьянаго-ли завербовали его, какъ нашего поэта Ломоносова пьянаго завербовали въ Прусскіе рекруты? Да въ Полторацкомъ нѣтъ и законной мѣры: развѣ въ барабанщики записался онъ? Скажи мнѣ, какіе теперь карантины между Москвою и Петербургомъ и сколько дней должно просидѣть на нихъ? А какъ слышно, скоро-ли разцѣпятъ Москву, скоро-ли вы всѣ съ цѣпи сорветесь? Мнѣ это все нужно знать, чтобы сообразить мой отъѣздъ въ Питеръ [11]). Сдѣлай одолженіе, извѣсти меня о томъ обстоятельно и достокональню. Присылай мнѣ, если можно, и Сѣверную Пчелу. Все будетъ возвращено тебѣ въ сохранности. Правда-ли, что графиня Риччи и Авдотья Семеновна, прочитавъ книгу Рейса, стали бѣлиться и румяниться хлоромъ подкрашеннымъ?

10.

Остафьево, 30-го Ноября 1830 г.

Спасибо за все, что̀ ты прописалъ мнѣ въ ночь. Я въ ночь и прочиталъ это. Неужели правда, что̀ пишешь объ архивскомъ юношѣ Соболевскомъ? Ты мнѣ все невѣроятное разсказываешь о Парижѣ. Если Соболевской умеръ, то жалѣть о немъ уже нечего, къ тому же онъ былъ одинокъ; но Полторацкій, это другое дѣло. Очень жаль его, если это правда. Самъ виноватъ, конечно; но тутъ вдвое жаль: жаль человѣка, что попалъ въ бѣду; жаль его, что сдѣлалъ дурачество. Мнѣ разсказывали, что старику Нащокину на дняхъ пригрезилось въ Серпуховѣ, что княгиня Нат. Петр. Голицына умерла; беретъ онъ листъ почтовой бумаги, обводитъ его чернилами каймами и пишетъ траурное письмо къ князю Дмитрію Владиміровичу. Вотъ тебѣ вѣсти и изъ нашего околотка. А помнишь Нащокина на балѣ у князя, въ проѣздъ Персидскаго принца? Что̀ твоя біографія? Пришли, что̀ есть готоваго.

11.

Остафьево, 5 Декабря 1830 г.

Признаться, огорчили меня Варшавскія вѣсти. Не ожидалъ ихъ и не понимаю ихъ. И чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ менѣе понимаю. Во всякомъ случаѣ не вижу тутъ народнаго возмущенія, а буйство нѣсколькихъ головорѣзовъ, подобныхъ нашимъ 14 Декабря. Если никто не хочетъ составить временное правительство, то слѣдовательно не было заготовленнаго, обдуманнаго заговора; слѣдовательно въ мятежѣ не участвуютъ лица именитыя, даже и съ именемъ, а просто безъимянныя, безъ вѣса въ обществѣ, безъ кредита въ народѣ. Но если такъ, то къ чему же вышли изъ Варшавы вѣрныя войска и бросили столицу на добычу такихъ головорѣзовъ? Добро, Русскія, чтобы не подать предлога къ обвиненію ихъ въ зачатіи непріязнен-

---

[11]) Князь П. А. Вяземскій въ это время (съ весны 1830 г.) уже состоялъ на службѣ въ Министерствѣ Финансовъ и числился въ откомандировкѣ для устройства промышленной выставки въ Москвѣ. Холера задержала его въ Остафьевѣ.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ дѣйствій; но зачѣмъ вышла изъ города и Польская гвардія, оставшаяся вѣрною? Кому же теперь привести дѣла въ порядокъ, кому начальствовать именемъ закона, когда осталась въ городѣ изъ вооруженной силы одна мятежная часть? Прочіе жители обезоружены. Если они будутъ дѣйствовать противъ мятежниковъ, мятежники ихъ зарѣжутъ, какъ видно многихъ уже и зарѣзали; если захотятъ, для сохраненія порядка, потакать имъ, они становятся государственными предателями. Вотъ каша, и по несчастію маслили ее и умаслятъ еще кровью. Сколько знаю Поляковъ и даже тѣхъ изъ нихъ, которые были очень недовольны настоящимъ положеніемъ, мнѣ никакъ не вѣрится, чтобы могли быть тутъ замѣшаны извѣстные люди, не только явно, но даже и подъ рукою. Какъ Поляки ни безмозглы, но все нельзя вообразить, чтобы цѣлый народъ шелъ на вольную смерть, на неминуемую гибель. А чего же другаго ожидать Польшѣ, возставшей на Россію? Она и не Бельгія. Тамъ есть какая-нибудь соразмѣрность; да и Бельгійцы могли надѣяться, что дѣло ихъ сдѣлается Европейскимъ дѣломъ, что не дадутъ ихъ на расправу побѣдителей. Но какъ Полякамъ не знать, что Европа и не заикнется объ нихъ, что Россія справится съ ними, какъ съ бунтомъ въ Коломнѣ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ и волненіемъ дальнѣйшихъ вѣстей и полнѣйшихъ объясненій прежнимъ. У меня такъ много людей въ Варшавѣ, Русскихъ и Поляковъ, съ которыми я въ связи, я тамъ все и всѣхъ такъ хорошо знаю, что и по участію, и по любопытству теперь я всѣми мыслями и всѣми помышленіями моими въ Варшавѣ. Что̀ сдѣлалось съ бѣдными Русскими дамами въ Варшавѣ? Успѣли-ли онѣ выѣхать? Бѣдная княгиня Ловичъ! Вотъ двойная, тройная жертва! Эта бѣда всѣми концами лежитъ на ней. А вообрази, что въ самый день полученія почты, Богъ знаетъ изъ чего, пришло мнѣ въ голову фантазировать о Варшавѣ, что, можетъ быть, судьба и служба сведутъ меня опять съ Великимъ Княземъ (о чемъ я впрочемъ, никогда серіозно не думаю и чего даже и не могу желать), что должно мнѣ написать къ кое-кому изъ Варшавскихъ знакомыхъ, которыхъ давно потерялъ изъ виду. Съ этими фантазіями воображенія всталъ я съ постели и черезъ часъ послѣ получилъ ваше письмо. Сдѣлай милость сообщай мнѣ все, что̀ будешь узнавать, и что̀ будетъ офиціальнаго о Польскихъ дѣлахъ. Мы живемъ въ эпохѣ холеры и революцій; только въ газетахъ и искать отчетовъ Башилова и Яковлева [12]) и объявленій о новомъ возмущеніи, и все это по части исторіи больницъ и желтыхъ домовъ! И по несчастью и тамъ, и тутъ все одинъ конецъ: кровопусканіе. А нѣтъ сомнѣнія, что и въ возмущеніяхъ есть прилипчивость, заразительность, повѣтріе. Вотъ противъ этого моему Рейсу выдумать бы окурку. Что̀ за жалкое твореніе человѣкъ и за жалкое созданіе человѣческій родъ! Самъ себя и жметъ, и бьетъ, и рубитъ, и жаритъ. И добро еще, если моглибы прожить мы годовъ тысячу, то ужъ такъ и быть, можно-бы

[12]) Сенаторы А. А. Башиловъ и А. А. Яковлевъ составляли въ Москвѣ въ 1830 году отчеты о холерѣ и ея жертвахъ.

Библиотека "Руниверс"

похлопотать и потѣснить себя; но теперь каждый изъ чего хлопочетъ? Изъ нѣсколькихъ минутъ, и то невѣрныхъ. У насъ въ уѣздѣ пронесся слухъ, что Государя ожидаютъ въ Москву. Правда-ли? Пронесся слухъ, что будто и холера оживаетъ кое-гдѣ, напримѣръ, въ Хамовникахъ. Правда-ли это? Отъ меня ѣдутъ сегодня крестьяне къ заставѣ. Пишу тебѣ съ ними. Сдѣлай милость, отвѣчай также по сей оказіи, не въ счетъ абонемента. Холера холерою, а Варшава Варшавою. Vos lettres seront doublement palpitantes de l'intérêt du moment [13]). Теперь опять маленькая лихорадка будетъ бить, распечатывая твой пакетъ; а то начиналъ я уже ожидать почты съ покойными нервами. Нѣтъ, мы живемъ въ нервической эпохѣ; нервамъ растянуться не дадутъ: такъ поминутно и натягиваютъ ихъ, и то одно, то другое les pince comme les cordes d'une guitarre [14]). Ты говоришь, что не знаютъ, куда дѣвался..... А я знаю: спрятался въ винный погребъ. Вотъ ему съ компаніею придется на страшномъ судѣ отвѣчать за многіе безпорядки и несчастія въ Польшѣ. Надобно знать Варшаву, какъ я ее знаю, чтобы судить объ изнанкѣ происшествій. Дай Богъ, чтобы Новосильцова не было теперь въ Варшавѣ: къ нему не имѣютъ ни уваженія, ни довѣренности, и если ему поручили-бы возстановить порядокъ, то кромѣ раздраженія и пущаго бѣшенства ничего-бы не было. Онъ нелюбимъ и неуваженъ: есть ли же тутъ способъ править людьми? Мнѣ всѣ эти Варшавскія дѣла тѣмъ прискорбнѣе, что я увѣренъ въ совершенной удобности, какую имѣло-бы правительство наше вести всю Польшу по ниточкѣ, безъ усилій, безъ издержекъ, которыхъ она Россіи стòитъ и со всѣмъ тѣмъ держать-бы эту ниточку очень крѣпко въ рукѣ, какъ спущенный змѣй, который-бы веселился только тѣмъ, что у него есть трещотка. Ужъ если Поляками трудно управлять, то надобно отъ людей отказаться. Наполеонъ закабалилъ ихъ двумя или тремя фразами, и они лѣзли на ножи за него. Кто этотъ своякъ Великаго Князя, о которомъ ты пишешь, что онъ былъ убитъ? Гутаковскій, или Хлаповскій? Всего ихъ два. Твое письмо въ Сѣверной Пчелѣ очень хорошо. Не слишкомъ-ли ты выхвалилъ старушку - Москву? Можетъ быть, учтивые Петербургскіе журналисты не хотѣли обидѣть своихъ и выпустили твои похвалы. Весело Б-ну печатать статьи противъ своихъ одноземцевъ. Впрочемъ, онъ такая бестія, что онъ не Русскій и не Полякъ, даже и не Жидъ. Да, что же онъ? Просто изъ рода бестій, или Голандцевъ, какъ говоритъ Обрѣсковъ. Да, кстати! Теперь Обрѣскову нельзя ругаться этимъ словомъ, а то можно донести на него, что онъ за Бельгійцевъ. Прощай любезнѣйшій. Вѣстей! вѣстей! вѣстей! Если правда, что Царя ожидаютъ въ Москву, дай мнѣ тотчасъ знать. Не забывай прислать мнѣ Польской газеты; любопытно видѣть, какъ она будетъ говорить объ этихъ происшествіяхъ.

---

[13]) Ваши письма будутъ вдвойнѣ дòроги по современному животрепещущему значенію.

[14]) Натягиваетъ ихъ, какъ струны на гитарѣ.

Библиотека "Руниверс"

12.

Остафьево, 10 Декабря 1830.

Знаешь-ли, что твое вчерашнее письмо меня второй разъ огорошило Варшавою? У насъ въ уѣздѣ, не знаю по какимъ слухамъ, разнеслось было извѣстіе, что тамъ все кончено, что Викентій Красинскій вступилъ съ войсками въ Варшаву, перебралъ мятежниковъ и что вслѣдъ за этимъ возвратился Великій Князь, и тишина водворилась. Неужели все это сказки? А мы ужъ такъ было и успокоились. А я и гордился своимъ духомъ политическаго предвидѣнія, бывъ съ первой минуты увѣренъ, что тутъ нѣтъ ничего важнаго, народнаго. Теперь не знаю, чему вѣрить и что̀ думать. Буду ожидать смиренно откровеній отъ тебя и откажусь вѣрить и уѣзднымъ нашимъ вѣстовщикамъ, и собственнымъ пророчествамъ. Я ѣздилъ въ Николинъ день на большую дорогу и рѣшительно встрѣчалъ однихъ пьяныхъ. По объявленіямъ видно, что все еще человѣкъ по 15-ти ежедневно занемогаетъ отъ холеры. Когда Москву оцѣпили, зацѣпили, подцѣпили, ихъ было не болѣе. Несмотря на мою вѣру въ Рейса и покорность къ его ученію, милости просимъ: пріѣзжай къ намъ. Мы тебя сначала напудримъ хлоромъ, дадимъ выпить чарку хлориноваго настоя и закусить калачемъ, выпеченнымъ изъ хлориновой муки, а тамъ уже и допустимъ къ себѣ. А право, пріѣзжай, въ добрый часъ молвить, а въ худой промолчать; только пріѣзжай не помолчать. А мы пока составимъ записку вопросамъ, которые тебѣ зададимъ. Смотри, держись только: мы тебя такъ и выпотрошимъ. Поѣдешь отъ насъ налегкѣ, какъ бы грузно ни пріѣхалъ. Помнишь-ли, ты уже былъ у насъ однажды около этого времени съ Сѣверинымъ и Матушевичемъ?

Неужели загорится опять Европейская война? Страшно подумать. Какъ насъ вдругъ отбросило къ 90-мъ годамъ! C'est tout-à-fait la reprise d'un ancien drame [15]), только другое поколѣніе сидитъ въ партерѣ и кое-гдѣ на сценѣ, и около себя видишь театральныхъ старожиловъ, de vieux habitués [16]), какъ напримѣръ Лафаета. Хлопицкій, о коемъ упомянуто въ донесеніи Цесаревича, человѣкъ очень уваженный, твердый и съ духомъ. Онъ, сказываютъ, лучшій Польскій генералъ и былъ на хорошемъ замѣчаніи у Наполеона. Не желая продолжать службу, хотя и не имѣлъ никакой непріятности отъ Великаго Князя, но боясь возможности непріятностей, просился онъ въ отставку подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья. Около двухъ лѣтъ не отпускалъ его покойный Государь и засылалъ къ нему Новосильцова и другихъ уговаривать его остаться въ службѣ. Великій Князь также предлагалъ ему всякія выгоды, разныя акомодаціи; онъ остался твердъ въ своемъ намѣреніи и два года не выходилъ изъ дома, чтобы поддержать свой характеръ больнаго и не подать случая обвинить себя

---

[15]) Это совсѣмъ повтореніе старой драмы.

[16]) Старыхъ, привычныхъ посѣтителей зрѣлища.

Библиотека "Руниверс"

въ ложномъ рапортѣ о болѣзни. Наконецъ, дѣлать было нечего: дали ему отставку. Тогда не сталъ онъ играть роль недовольнаго; напротивъ, какъ по обыкновенію, ѣзжалъ по праздникамъ въ пріемные дни къ Великому Князю и велъ себя благородно и благоразумно. Подобное имя въ числѣ противниковъ и смирителей возмущенія доказываетъ, что въ этомъ возмущеніи нѣтъ или весьма мало народнаго. Другіе генералы, Рожнецкій, Красинскій, безо всякаго вѣса и никѣмъ не уважены. Первый, очень умный человѣкъ, но гласный трусъ по арміи и былъ тайнымъ начальникомъ шпіоновъ; ему сказано было это въ лице на одномъ изъ засѣданій сейма. Красинскій-же—фанфаронъ, пустой и пьяный человѣкъ, но очень забавный. Онъ пріѣзжалъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Петербургъ, и я жуировалъ имъ. Онъ остеръ и дерзокъ на языкъ, особливо-же, когда языкъ его подмоченъ виномъ, что̀ бываетъ нерѣдко съ ранней обѣдни. При началѣ Польскаго Царства, однажды за обѣдомъ, гдѣ сидѣли всѣ Поляки и Русскіе, Рожнецкій жаловался, что у него лупится кожа на рукѣ. Vous pourrez dire, général, que vous avez changé de peau sous le nouveau régime [17]), сказалъ ему Красинскій. Онъ же и славный лжецъ, то есть Красинскій. Однажды разсказывалъ онъ, что въ какомъ-то сраженіи, послѣ атаки, произведенной имъ, Наполеонъ прискакалъ къ нему, говоря: Krassinsky, je te dois la couronne [18]), снялъ съ себя звѣзду Почетнаго Легіона и надѣлъ на него. Кто-то изъ слушателей его съ дуру спросилъ его тутъ: Отъ-чего же не носите вы звѣзды? Но Красинскаго не озадачишь подобными вопросами; онъ продолжаетъ свои разсказы, и горя нѣтъ. Очень забавны были въ Варшавѣ ихъ фанфаронскія сшибки съ Милорадовичемъ. Онъ же говорилъ, что крышка съ какаго-то гроба слетѣла отъ того, что на покойникѣ выросла славная и густая борода. Смотри же, начни и ты отпускать себѣ бороду, чтобы готовиться къ Персидскому престолу. Сдѣлай одолженіе, когда будешь шахомъ, возьми меня въ придворные поэты: то-то буду тогда воспѣвать ушко прекрасной шахини. А знаешь-ли какъ награждаютъ Персидскихъ поэтовъ? Шахъ, выслушавъ стихи одного изъ нихъ, захватитъ горсть крупныхъ жемчуговъ и вложитъ ихъ въ ротъ поэту, говоря: изъ рта твоего высыпались такіе прекрасные перлы, что долженъ я замѣнить ихъ другими. Только прошу, уговоръ лучше денегъ: не ушку быть законною мѣрою жемчугамъ, а то ты слишкомъ дешево отдѣлаешься; нѣтъ, que le boisseau de perles [19]) было величиною съ Армянскій носъ. Отъ чего же непремѣнно хотятъ о б а р м я н и т ь Русское ушко? Ужъ гласъ народа—не гласъ-ли Божій? Я съ своей стороны даю мое благословеніе, ибо почитаю Лазарева честнымъ и добрымъ человѣкомъ [20]). А это главное: вершокъ

[17]) Вамъ можно будетъ сказать, генералъ, что при новомъ правленіи вы перемѣнили кожу.

[18]) Красинскій, я тебѣ обязанъ короною.

[19]) Мѣрка жемчугу.

[20]) Ходилъ слухъ, что Лазаревъ женится на дочери Булгакова, которая была красавицею; въ ней находили особенно прелестными ея крошечныя уши, подававшія поводъ ко многимъ шуткамъ князя Вяземскаго.

Библиотека "Руниверс"

болѣе или менѣе въ носу ничего не дѣлаетъ. Если мужъ будетъ длинноносый, за то поклонникъ ея [21]) курносъ: въ провидѣніи есть всегда уравнительное дѣйствіе. А какъ хорошо будетъ тебѣ Персидскимъ шахомъ возстановить Армянскій престолъ въ пользу зятя! Въ такомъ случаѣ, объявляю тебѣ заранѣе, что перехожу отъ Персидскаго двора къ Армянскому. Простите, ваши величества, о Персидское пучеглазое солнце и наслѣдница Армянскаго престола, которой ушко завѣшено листочкомъ Кашемирской розы.

13.

Остафьево, 18-го Декабря 1830.

Вотъ подлинно сказать: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ болѣе изъясненій Польскимъ дѣламъ, тѣмъ они менѣе объясняются. Противъ кого они бунтуютъ? Что хотятъ? За насъ-ли или противъ насъ временное правительство? Понимаю частное возмущеніе; но неужели въ самомъ дѣлѣ думаютъ они тягаться съ нами? Кто-то разсказывалъ мнѣ, что онъ проѣзжалъ по большой дорогѣ черезъ деревню и, видя, что въ будни весь народъ на улицѣ, спросилъ онъ у крестьянъ: «Развѣ у васъ здѣсь ярмарка?»—«Нѣтъ», отвѣчали они, «мы бунтуемъ». Право, Варшава похожа для меня на эту деревню. И они, какъ будто дѣло дѣлаютъ, сказали себѣ: мы бунтуемъ, да и гуляютъ по улицамъ; а на какой конецъ, и сами не знаютъ. Тутъ должно что нибудь крыться такое, чего мы не знаемъ. А между тѣмъ число знакомыхъ мнѣ актеровъ умножается, и хотя развязка ничего хорошаго не обѣщаетъ ни въ какомъ случаѣ, но интересно смотрѣть на этотъ спектакль. Безъ тебя мнѣ ничего не видать бы; но спасибо, что даешь мнѣ смотрѣть твоими глазами. Теперь такой спектакль съ одного края Европы на другой, что немного и четырехъ глазъ: подлинно сказать, что глаза разбѣгаются и рябитъ въ глазахъ. Неужели и съ Франціею у насъ война?

Чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ менѣе понимаю, съ чѣмъ можетъ ѣхать Любецкій и какой пріемъ можно ему будетъ сдѣлать въ Петербургѣ? Если онъ за насъ, то онъ пріѣдетъ эмигрантомъ; если противъ насъ, то дорога ему въ крѣпость. Мы не въ войнѣ съ Польшею: какимъ же быть парламентерамъ? Они подданные Государя, или нѣтъ? Если нѣтъ, такъ и говорить нечего, они правы; но въ первомъ случаѣ, пока они не будутъ сильнѣе, они останутся виноваты, а быть имъ сильнѣе—далеко кулику до Петрова дня. Впрочемъ станемъ держаться мудраго рѣшенія Ѳедора Петровича Уварова. Однажды на военномъ совѣтѣ главнокомандующій спрашивалъ мнѣнія генераловъ. Когда пришла очередь Уварова, онъ сказалъ: Мое мнѣніе слѣдующее: что̀ было, то мы видѣли, а что̀ будетъ, то увидимъ».

На томъ и я остаюсь, а чтобы мнѣ было что̀ видѣть, прошу и впредъ быть ко мнѣ милостивымъ. А теперь прощай, мой журналистъ, мой канцлеръ, мой Европейскій сводникъ.

---

[21]) Т. е. князь Вяземскій

Библиотека "Руниверс"

11.

Остафьево, 21 Декабря 1830 г.

Помилуй, будто я ворчу? Я жеманюсь, какъ старая дѣвка, которая нѣжными укоризнами старается поддерживать нѣжность любовника своего. А теперь я просто благодарю тебя и говорю, что ты Геркулесъ на дружескіе подвиги. Впрочемъ, если можешь присылать мнѣ Нѣмецкую газету въ подлинникѣ, то береги глаза и руку свою [22]): а я буду отсылать тебѣ газету черезъ нѣсколько часовъ. Скажи только, въ какіе дни присылать, а я устрою эстафетную почту. Рѣшительно не продержу присланнаго тобою болѣе трехъ или четырехъ часовъ. Да, кажется, пришлось сказать о Польшѣ и вѣрнѣе, чѣмъ Наполеономъ сказано было о Россіи въ 1812 году: la fatalité la mène à la perte [23]). Они уже такъ далеко зашли, или несчастныя и безумныя обстоятельства завлекли ихъ въ такую бездну, что имъ ни въ коробъ, ни изъ короба. Грустно видѣть народъ на краю гибели, а дѣлать нечего. Я полагаю, что манифестъ ничему не поможетъ. Слишкомъ много компрометированныхъ людей въ высшихъ классахъ, и слишкомъ много воспаленія въ нижнихъ. Положеніе Хлопицкаго очень затруднительно. Кажется, суждено ему повторить роль Костюшки и кончить, какъ онъ. И въ свойствахъ у нихъ много сходнаго: тотъ и другой крѣпче духомъ, чѣмъ головою, а на такомъ мѣстѣ нужна голова. Мнѣ жаль сердечно его. Бѣдняжкѣ, можетъ быть, нужно было бы умереть отъ удара до диктаторства. Онъ вышелъ бы цѣлъ и чистъ изъ этой кровавой бури, понесъ бы въ гробъ надежды согражданъ своихъ и замѣченъ былъ бы въ исторіи недоконченною, но значительною чертою. А теперь, Богъ знаетъ, чѣмъ эта черта кончится. Мнѣ такъ странно воображать, что мои Варшавскіе гости, съ которыми бывалъ я въ ежедневныхъ сношеніяхъ, кроятъ теперь исторію; ибо, какъ ни говори, toute insensée qu'elle soit, c'est de l'histoire [24]). Внуковъ нашихъ станутъ драть за уши за этотъ эпизодъ всемірныхъ дурачествъ и бѣдствій, какъ насъ въ малолѣтствѣ ставили въ уголъ, когда мы не выучивались уроку о Пуническихъ войнахъ. Видно, Русскихъ осталось въ Варшавѣ довольно. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что княгиня Ловичъ вывезла съ собою только двѣ сорочки. Великій Князь пишетъ о ней: tout ce que je puis dire de Jeannette, c'est qu'elle est encore en vie [25]). Въ самомъ дѣлѣ, какое ужасное положеніе ея! Невозможно же ей не быть въ сердцѣ Полькою, какъ ни любитъ она мужа своего? Я думаю, извѣстіе о плѣненіи Нессельроде не справедливо: въ Русскихъ донесеніяхъ не было же о немъ упомянуто. А то-то свиститъ онъ, если въ самомъ дѣлѣ сидитъ въ заперти! Вспомнишь теперь о Васинькѣ Апраксинѣ: онъ намъ послѣ пред-

---

[22]) Булгаковъ дѣлалъ для князя Вяземскаго извлеченія изъ Нѣмецкихъ газетъ.

[23]) Рокъ влечетъ ее къ гибели.

[24]) При всемъ своемъ безуміи, это все же исторія.

[25]) Все что я могу сказать о Жанетѣ, это, что она еще жива.

Библиотека "Руниверс"

ставилъ бы всю эту передрягу въ лицахъ. Твоя мысль о Карлѣ X очень хороша. Въ самомъ дѣлѣ, только бы ему папою быть: авось удержалъ бы онъ ключи царства небеснаго лучше, нежели ключи царства земнаго. Кстати о папѣ и Апраксинѣ. Однажды разнесся слухъ въ Варшавѣ, что папа умеръ, и толковали мы, кто будетъ его преемникомъ. О чемъ и думать, вскричалъ Апраксинъ, ужъ вѣрно назначатъ военнаго! Твоя шутка Французская, а это коренная Русская. Никому кромѣ Русскаго не могла она войти въ голову, а при военномъ дворѣ Цесаревича была она еще какъ то удачнѣе. У Апраксина, безъ всякаго образованія, было много ума d'à propos [26]). Какъ пѣлъ онъ самоучкою и съ наслышки, такъ былъ онъ и уменъ. Совершенно ничего не зналъ и вдругъ, вмѣшавшись въ разговоръ, пуститъ шутку прямо въ цѣль и попадетъ вѣрнѣе всякаго.

Сейчасъ получаю письмо твое вчерашнее и приложеніе. Спасибо за все. Ты видѣлъ изъ письма моего, начатаго вчера, что я пересталъ уже надѣяться, чтобы Польскія дѣла могли такъ кончиться. Я судилъ о нихъ прежде по своимъ убѣжденіямъ и по первымъ нашимъ офиціальнымъ извѣстіямъ; но твои Гамбургскія выписки открыли мнѣ глаза. Теперь вижу, что не вспышка, а взрывъ волкана, который и себя разорветъ и поглотитъ страну, на которой стоитъ. Не хорошо понимаю извѣстіе о Замойскомъ qui arme dans sa terre tous les paysans [27]). На кого вооружаетъ и гдѣ: въ царствѣ, или въ имперіи? Мнѣ сказывали, что Нащокинъ, адъютантъ Михаила Павловича, раненъ и взятъ въ плѣнъ. Развѣ были послѣ стычки между Польскими и нашими войсками? А въ первомъ донесеніи Цесаревича нѣтъ того. Мнѣ говорили, что напечатано о томъ въ Инвалидѣ. Худо понялъ я также сказанное о плѣнныхъ Русскихъ: всѣхъ ли ихъ отпускаютъ или только женщинъ и слугъ? Виноватъ, что я не только мучу тебя, заставляя разсказывать, но еще и переспрашиваю. Я неотвязнѣе холеры. Роль Любецкаго кончена: пріѣхавъ министромъ, ужъ нельзя ему быть посредникомъ; къ тому же воззваніе Государя къ Полякамъ все сказало и все рѣшило. Развѣ только объяснитъ онъ Государю ходъ дѣлъ и обстоятельствъ, рѣшившихъ возмущеніе. Но и то ни къ чему не послужитъ теперь. Le vin est tiré [28]). А этотъ Любецкій птичка невеличка, но ноготокъ остеръ. Онъ былъ въ большой враждѣ съ Новосильцовымъ. Однажды заспорили они съ нимъ по какому-то дѣлу въ Совѣтѣ. «Какъ же я обстоятельства этого не помню?» сказалъ ему Новосильцовъ.—«Да какже и помнить вамъ, отвѣчалъ онъ, когда вы продремали все засѣданіе». Прощай, мой Гамбургскій корреспондентъ. Цѣлую пальчики твои съ благодарностью. Мятлевъ говаривалъ о Бѣлосельскомъ: человѣкъ онъ преумный, прелюбезный; жаль только, что у него въ трехъ пальцахъ правой руки вѣчная горячка. А я о твоихъ пальцахъ скажу, что въ нихъ Божія благо-

---

[26]) На случай, кстати.

[27]) Который въ имѣніи своемъ вооружаетъ всѣхъ своихъ крестьянъ.

[28]) Вино откупорено.

Библиотека "Руниверс"

дать. Скажи мое почтеніе графу Арсенію Андреевичу [29]). Зачѣмъ вызываютъ его? Не послать-ли куда нибудь? Каковъ онъ здоровьемъ послѣ своего холерическаго похода? Мое нѣжнѣйшее почтеніе всѣмъ твоимъ и особенно ушку, которое, какъ ни мало въ сравненіи съ Варшавою, но не забыто мною, когда и всѣ помышленія мои на Краковскомъ предмѣстьѣ.

15.

Остафьево, 26-го Декабря 1830 г.

Какъ же Обрѣсковъ назначенъ въ Вильну губернаторомъ? Куда же нашъ Голицынъ? Теперь, видно, принимаются за Русскихъ. Пора! Ты слишкомъ строгъ къ Матушевичу. Я не посадилъ-бы его въ крѣпость, но и не ввѣрилъ-бы ему ключей дипломатической крѣпости нашей. Смѣшно сказать, что министерство внѣшнихъ дѣлъ нашихъ въ рукахъ, кому и Россія—внѣшнее дѣло, а языкъ Русскій—тарабарская грамота. Мало Русскаго и въ племянникѣ моемъ, кромѣ Саратовскихъ десятинъ, да и тѣ заселилъ онъ Шпанскими овцами. Вотъ ужъ настоящій рыцарь золотаго руна! Я думаю, что переселеніе мериносовъ въ Россію—важнѣйшее дѣйствіе всей политики его. Признаюсь, крѣпко не люблю племянника моего. Если меня выберутъ на убылое мѣсто папы, то непотизма бояться нечего.

16.

Остафьево, 27-го Декабря 1830 г.

Если мальчишки затѣяли эту кашу, зачѣмъ другіе хлебаютъ ее? Важно не начало, а продолженіе. Съ кѣмъ-же Красинскій могъ ворваться въ городъ? Нѣтъ, и это что-то непохоже на правду. Жаль мнѣ моего старичка Нѣмцевича, котораго впутали въ Русскую реляцію. Онъ и такъ уже сидѣлъ въ нашей крѣпости съ Костюшкою. Премилый старичекъ, стараго покроя. А я еще недавно воспѣлъ его въ своей «Станціи» [30]). Полиньякъ понемногу омывается отъ грязи и

---

[29]) Закревскому.

[30]) Вспоминая Варшаву, князь Вяземскій между прочимъ писалъ:

....Или день праздничный. Косцелы
Пустѣютъ. Полдень. Будто пчелы
Изъ ульевъ набожныхъ трудовъ,
Расправя крылья золотыя,
Спѣшатъ святоши молодыя.
Пестрѣютъ улицы, кипятъ.
Глазамъ раздолье и мученье!
Но средоточится волненье,
И рой за роемъ хлынулъ въ садъ...
Или въ театрѣ Народо́вомъ,
Гдѣ окриляютъ Польскимъ словомъ
Патріотическій порывъ
Стихи Нѣмцевича....

Библиотека "Руниверс"

крови. Дай Богъ! Мнѣ отъ того будетъ бутылка Шампанскаго: я еще въ Питерѣ [31]) бился объ закладъ, что министры преданы смерти не будутъ. А когда же холеру предадите вы рѣшительной смерти?

17.

Остафьево, 3-го Января 1831 г.

Если графъ Закревскій поѣдетъ въ Тулу и по причинѣ нездоровья своего располагался бы ночевать въ Подольскѣ, то, сдѣлай милость, предложи ему лучше ночевать у меня или такъ отдохнуть, или отобѣдать (равно и на возвратномъ пути), чѣмъ просидѣть или пролежать гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ, или кривомъ городѣ, каковъ Подольскъ: все же будетъ ему покойнѣе и теплѣе у меня. По крайней мѣрѣ передай ему мое усердное предложеніе. А тогда бы уже и ты пріѣхалъ съ нимъ. А то тебя не дождешься. Завтра у насъ въ церкви поютъ Окуловы [32]). Присылай мнѣ Сѣверную Пчелу. Тамъ, говорятъ, есть что-то про меня и Пушкина. Тимирязева [33]) должна теперь быть у Лодомірскихъ подъ Могилевымъ. Ихъ [34]) пришли разбудить ночью съ извѣщеніемъ, что Варшава въ возмущеніи, и Великій Князь вышелъ, оставивъ все въ домѣ и накинувъ только платье на тѣло; кое-какъ выбрались они изъ города и доплелись до Бреста.

18.

Остафьево, 6-го Января 1831 г.

Батюшка милосердый, ваше графское превосходительство, Христаради дай бѣдному газетецъ на пропитаніе! Жаль мнѣ, что ты не былъ у насъ въ Воскресеніе. У насъ былъ уголокъ Москвы, но онъ былъ бы еще краснѣе тобою. Былъ Денисъ Давыдовъ, Трубецкой, Пушкинъ, Мухановъ, Четвертинскіе; къ вечеру съѣхались сосѣдки, запиликала пьяная скрипка, и пошелъ балъ баломъ. Только мазурку я не позволилъ танцовать: c'est une danse séditieuse [35]). А, что слышно о Польскомъ балѣ? Скоро придется бѣдняжкамъ сказать: тѣмъ балъ и

---

[31]) Лѣтомъ 1830 г. князь Вяземскій ѣздилъ въ Петербургъ по случаю опредѣленія своего на службу въ вѣдомство графа Канкрина.

[32]) Почтенное семейство Окуловыхъ, сосѣдей и друзей князя Вяземскаго по Остафьеву, принадлежитъ исторіи Русскаго просвѣщенія. Изъ нихъ Матвѣй Алексѣевичъ Окуловъ оставилъ по себѣ добрую память своимъ директорствомъ въ Первой Московской Гимназіи, въ которой, за время его управленія, получили воспитаніе многіе достойнѣйшіе дѣятели. Сестра его, дѣвица Анна Алексѣевна Окулова, была воспитательницею королевы Виртембергской Ольги Николаевны; другая сестра, Елисавета Алексѣевна (въ замужествѣ Дьякова) славилась отличнымъ знаніемъ музыки.

[33]) Софья Ѳедоровна, урожд. Вадковская, въ первомъ бракѣ Безобразова, супруга одного изъ любимыхъ адъютантовъ В. К. Константина Павловича, женщина отмѣнныхъ достоинствъ. Нѣкоторыя ея воспоминанія напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1873 года.

[34]) Т. е. Тимирязевыхъ.

[35]) Это мятежный танецъ.

Библиотека "Руниверс"

кончился! Заиграли они Польскій, вытянулись, взошелъ Дибичъ въ мундирномъ сюртукѣ, музыкантовъ разогналъ, свѣчки потушилъ и потащилъ на съѣзжую танцоровъ и танцовщицъ. Вотъ тебѣ и przyjacielski bal w maskach lub bez masek. Чѣмъ болѣе думаю объ этомъ, тѣмъ менѣе понимаю. Не вѣрю я, чтобы Французы, Австрійцы или кто другой ayent payé les violons [36]. Эти политическіе пикники какъ-то уже не по сезону. Какъ ни говори, теперь все болѣе честности въ людяхъ и въ дѣлахъ, нежели въ старину. Есть-ли теперь разбойники Нѣмецкихъ драмъ? Ce n'est pas le tout que d'être assassin, il faut encore être honnête homme [37], говоритъ герой какой-то Французской мелодрамы. Впрочемъ, будто нужно людямъ платить деньги, чтобы они безумствовали! Они и даромъ рады, готовы даже сами заплатить; только позволь, только дай случай.

19.

14-го Января 1831 г.

Помилуйте батюшка, ваше превосходительство, за что изволите клепать на меня? Вчера же въ ночь писалъ я вамъ и возвратилъ газеты. Вѣрно сегодня же утромъ все было доставлено тебѣ. Теперь, что ты разлакомилъ насъ обѣщаніемъ Субботнимъ, прошу сдержать свое слово. Пускай эта Суббота будетъ для насъ Лазаревымъ Воскресеніемъ. Такъ скажи и Лазареву, отъ котораго получилъ сегодня записку и обѣщаніе побывать у насъ до отъѣзда своего въ армію: пожалуйста, пріѣзжайте. Въ деревнѣ обманутое ожиданіе дорогихъ гостей нестерпимо. Эхъ вы развеселились, съ бала на балъ, да и только. Вы такъ на веселіяхъ разгорячитесь, что полезно вамъ будетъ протрезвиться и погостить у насъ въ сельской тишинѣ. Покупайся хорошенько въ Варшавскомъ озерѣ и проѣзжай къ намъ выжать всю влагу свою . . Узнай отъ Озерова, какимъ образомъ безрукій Вылежинскій, который недавно по газетамъ былъ адъютантомъ диктатора, нынѣ попалъ въ флигель-адъютанты и опять возвратился въ Варшаву. Для меня все это такая тарабарская грамота, что толку не добьюсь. Мнѣ жаль, что въ офиціальномъ извѣстіи упомянуто съ удовольствіемъ о трехъ лицахъ, какъ пребывшихъ вѣрными и прибывшихъ въ Петербургъ. Рожнецкій былъ начальникомъ тайной полиціи и ненавидимъ своими. Вѣрностью его хвалиться нечего, потому что его неминуемо повѣсили бы, если онъ остался бы въ Варшавѣ. Яблоновскій добрый человѣкъ, но ни рыба, ни мясо и Русскій помѣщикъ. Вотъ, если жена его, красавица княгиня Тереза, пріѣхала съ нимъ, то есть чему порадоваться, и я первый порадуюсь. Красинскаго ты знаешь по моимъ описаніямъ Это также не находка и не авторитетъ. Къ чему правительству нашему показывать, что оно дорожитъ бездѣлицами? Другимъ до этого дѣла нѣтъ, и что три, четыре лица въ сравненіи съ цѣлымъ народомъ, а Поляковъ не обманешь. Они знаютъ, что Рожнецкій убѣ-

[36]) Заплатили за скрыпки.

[37]) Недовольно еще быть убійцею, надо еще быть честнымъ человѣкомъ.

Библиотека "Руниверс"

жалъ отъ нихъ со страха, а вовсе не изъ добродѣтели. Ужъ не вошелъ-ли диктаторъ въ переговоры съ нами? Никакъ не могу сообразиться съ Вылежинскимъ. Онъ долженъ быть патріотической шайки и не станетъ двуличничать. Приставъ къ двору нашему, какъ-же возвратиться ему въ Варшаву? Они почтутъ его измѣнникомъ. Воля твоя, ничего не понимаю. Авось въ Субботу растолкуешь мнѣ. Желаю тебѣ веселиться завтра, а намъ по вашей милости веселиться на третій день. Поклонись отъ меня Озерову и спроси у него о Тимирязевыхъ, Нессельроде и Фовицкомъ[38]). Какъ это выпустили его?

20.

Остафьево, Январь 1831 г.

Не тебѣ насъ благодарить, а намъ тебя за дружеское посѣщеніе. Впрочемъ, ты поступаешь истинно по-русски. Я всегда смотрю съ умиленіемъ, когда нашъ бородачъ подастъ милостыню нищему и послѣ перекрестится, благодаря Бога, что удалось ему помочь ближнему[39]). Такъ и ты подалъ милостыню бѣднымъ заключеннымъ да и благодаришь. Радуюсь, что паденіе ваше не имѣло худыхъ послѣдствій, и что Лазаревъ упалъ на колѣно, а не на носъ. Панталоны замѣнить ему другими легко, а замѣнить носъ невозможно послѣ смерти Багратіона. Спасибо за газеты. Я получилъ горестное извѣстіе о смерти нашего Дельвига. Это тяжелая потеря въ кругу пріятелей его и въ маломъ кругу честныхъ литераторовъ нашихъ. И то насъ немного было. Грустно!

---

[38]) Фовицкій, сколько намъ извѣстно, состоялъ при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ. Это былъ, надо полагать, человѣкъ замѣчательный, потому что Жуковскій имѣлъ его въ виду для преподаванія Польской исторіи нынѣ царствующему Государю Императору. Фовицкій поселился въ Крыму и оставилъ тамъ добрую по себѣ память.

[39]) Гораздо позднѣе, князь Вяземскій выразилъ это замѣчаніе свое въ прекрасныхъ стихахъ: «На церковное строеніе».

Библиотека "Руниверс"

Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева.

Помѣщаемыя ниже стихотворенія Ѳ. И. Тютчева появляются въ печати въ первый разъ. Всѣ они (за исключеніемъ стиховъ на смерть Пушкина) относятся къ первому періоду его поэтическаго творчества, отъ 1823 до 1836 г., когда онъ жилъ за границею, гдѣ состоялъ при нашей миссіи въ Мюнхенѣ. Они печатаются съ подлинниковъ, писанныхъ рукою самого поэта на разныхъ клочкахъ бумаги и сохранившихся у его товарища по заграничной службѣ, Ивана Сергѣевича Гагарина (нынѣ священника ордена Іезуитовъ). Русская литература обязана вѣчною благодарностью И. С. Гагарину: онъ не только первый умѣлъ оцѣнить поэтическій даръ Тютчева, но и обратилъ его въ дѣйствительное достояніе Россіи. Безъ его усилій, безъ его посредства, едва ли бы когда эти перлы Русской поэзіи увидѣли свѣтъ въ Русской печати; онъ первый познакомилъ съ ними князя Вяземскаго и Жуковскаго, а впослѣдствіи и Пушкина. Объ этомъ обстоятельствѣ было упомянуто мною въ біографическомъ очеркѣ Ѳ. И. Тютчева, но только по выходѣ въ свѣтъ этого очерка (въ Р. Архивѣ 1874 г.), получилъ я болѣе точныя о томъ свѣдѣнія отъ самого И. С. Гагарина: онъ съ полнымъ радушіемъ предоставилъ въ мое распоряженіе сберегавшіеся у него въ теченіи сорока лѣтъ рукописные клочки со стихами, пересланные ему Тютчевымъ, и сообщилъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми любопытными біографическими данными, копіи съ нѣкоторыхъ къ нему писемъ Тютчева и съ своихъ собственныхъ двухъ писемъ къ поэту.

И. С. Гагаринъ поступилъ на службу въ Мюнхенъ, къ своему дядѣ - посланнику (князю Григорію Ивановичу) въ 1833 году и прожилъ тамъ два года, въ теченіи которыхъ тѣсно сблизился съ Тютчевымъ. Въ концѣ 1835 года онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Имя Тютчева, къ удивленію Гагарина, было мало извѣстно въ Петербургѣ. Гагаринъ много о немъ разсказывалъ и написалъ Тютчеву въ Мюнхенъ, чтобъ онъ собралъ и прислалъ ему всѣ свои стихотворенія.

Стихотворенія были собраны и вручены баронессѣ Криднеръ (нынѣ графинѣ Адлербергъ), которая весною 1836 года отправилась изъ Мюнхена въ Петербургъ. Вотъ отрывокъ изъ письма Тютчева къ И. С. Гагарину по этому поводу, отъ 2 Мая того года.

Mon bien cher ami.

J'ose à peine espérer, qu'en revoyant mon écriture, vous n'éprouviez plutôt une impression pénible, qu'agréable. Ma conduite à votre égard est inqualifiable dans toute la vague énergie de ce mot, et quelle que soit ou quelle qu'ait été votre amitié pour moi, quelle que soit l'aptitude de votre esprit à comprendre les excentricités les plus extravagantes du caractère ou de l'esprit d'autrui, je désespère, en vérité, de vous expliquer mon silence. Sachez que depuis des mois ce maudit silence me pèse comme un cauchemar, qu'il m'étouffe,

Библиотека "Руниверс"

qu'il m'étrangle.... et bien que pour le dissiper il eût suffi d'un très-leger mouvement des doigts.... jusqu'à l'heure d'aujourd'hui je ne suis pas parvenu à effectuer ce mouvement sauveur, à rompre ce sortilège. Je suis un exemple vivant de cette fatalité si morale et si logique qui fait de chaque vice sortir le châtiment qui lui est dû. Je suis un apologue, une parabole, destinée à prouver les détestables conséquences de la paresse.... Car enfin, c'est cette maudite paresse qui est le mot de l'énigme. C'est elle, qui en grossissant de plus en plus mon silence, a fini par m'en accabler comme sous une avalanche........ Toutes vos lettres m'ont fait grand plaisir, toutes ont été lues et relues, à chacune d'entre elles j'ai fait au moins vingt réponses. Est-ce ma faute, si elles ne vous sont pas parvenues, faute d'avoir été écrites? Ah! l'écriture est un terrible mal; c'est comme une seconde chute pour la pauvre intelligence, comme un redoublement de matière.... Je sens que si je me laissais aller, je vous écrirais une bien longue lettre, tendant uniquement à vous prouver l'insuffisance, l'inutilité, l'absurdité des lettres.... Mon cher Gagarin, vous vous tromperiez beaucoup, si vous jugiez par ce commencement de lettre (que je ne suis pas sûr d'achever), de l'état habituel de mon humeur....

Ce 3 Mai.

...... Bien des remercîments pour le volume de poésies, que vous m'avez envoyé; il y a là de l'inspiration, et ce qui est d'un bon augure pour l'avenir, il y a à côté d'un élément idéal très-developpé, le goût du réel et du sensible, voire même du sensuel. Ce n'est pas un mal.... La poésie pour fleurir doit avoir ses racines en terre.... C'est une chose remarquable, que ce torrent de lyrisme qui inonde toute l'Europe, et cela tient pourtant en grande partie à une circonstance très-simple, au mécanisme perfectionné des langues et de la versification. Tout homme, à un certain âge de la vie, est poëte lyrique: il ne s'agit que de lui dénouer la langue.

Vous m'avez demandé de vous envoyer mes paperasses. Je vous ai pris au mot. J'ai saisi cette occasion pour m'en débarasser. Faites-en ce que vous voudrez. J'ai en horreur le vieux papier écrit, surtout écrit par moi. Cela sent le rance à soulever le coeur.

Переводъ.

Любезнѣйшій другъ! Едва дерзаю надѣяться, чтобы, увидавъ опять мое писаніе, вы испытали пріятное, а не тяжелое ощущеніе. Моему поведенію относительно васъ **нѣтъ имени**, во всемъ объемѣ и силѣ этого выраженія, и какъ ни велика дружба, которую вы питаете или питали ко мнѣ, какъ ни одарены вы способностью понимать самыя рѣзкія увлеченія въ характерѣ и умѣ другихъ людей, но я поистинѣ отчаеваюсь въ возможности объяснить вамъ мое молчаніе. Знайте, что цѣлые мѣсяцы это проклятое молчаніе тяготитъ меня какъ кошемаръ, что оно меня душитъ, давитъ.... Чтобы устранить его, достаточно было весьма легкаго движенія пальцевъ, но до сей минуты мнѣ не удавалось произвести это спасительное движеніе, разогнать эти чары. Я живой примѣръ того роковаго, но въ тоже время нравственнаго и логическаго явленія, по которому всякій порокъ носитъ въ себѣ подобающее ему наказаніе. Я апологъ, притча, предназначенная къ тому, чтобы выразить собою отвратительныя послѣдствія лѣни.... такъ какъ въ сущности вся разгадка въ этой проклятой лѣни. Отъ нея росло все дальше мое молчаніе, такъ что, наконецъ, я чувствовалъ себя подъ его тяготою, словно подавляемый лавиною.... Всѣ ваши письма доставляли мнѣ большое удовольствіе, всѣ были читаны и перечитаны; на каждое у меня было по меньшей мѣрѣ до двадцати отвѣтовъ. Моя ли вина, что отвѣты эти не дошли до васъ, не будучи написаны?

Библиотека "Руниверс"

Ахъ, писаніе есть страшное зло. Оно какъ будто второе грѣхопаденіе злосчастнаго разума, какъ будто усиленіе матеріи.... Чувствую, что если дать себѣ волю, я могу вамъ написать очень большое письмо для того только, чтобы доказать вамъ недостаточность, безполезность, нелѣпость писемъ.... Любезный Гагаринъ, вы очень ошибетесь, если по началу этого письма (въ окончаніи котораго я не увѣренъ) станете судить о привычномъ настроеніи моего нрава....

3-го Мая. Очень благодаренъ за присланную вами книгу со стихами. Тутъ есть вдохновеніе и въ видѣ хорошаго задатка будущности, рядомъ съ весьма развитымъ началомъ идеальнымъ, есть наклонность къ положительному, вещественному, и даже къ чувственному. Бѣды въ томъ нѣтъ. Чтобы поэзія процвѣтала, ей нужно имѣть корни въ землѣ. Замѣчательно, что вся Европа наводнена потокомъ лиризма; это происходитъ главнѣйше отъ очень простой причины: отъ усовершенствованнаго механизма языковъ и стихосложенія. Всякій человѣкъ въ извѣстномъ возрастѣ жизни есть лирическій поэтъ, стоитъ только развязать ему языкъ. Вы просили меня прислать вамъ мое бумагомаранье. Я воспользовался случаемъ отъ него избавиться и поймалъ васъ на̀ словѣ. Дѣлайте съ нимъ что̀ хотите. Меня страшитъ старая исписанная бумага, въ особенности исписанная мною. Пахнетъ гнилью, отъ которой тошнитъ.

Отъ 12 (24) Іюня 1836 г. И. С. Гагаринъ писалъ Тютчеву изъ Петербурга:

Jusqu'à présent, mon bien cher ami, je ne vous ai parlé qu'en courant du cahier que vous m'avez envoyé par les Krudener. Il m'a fait passer les heures les plus délicieuses. Outre le charme de retrouver sous une forme poétique ces sentiments communs à tout le genre humain que chacun de nous a plus ou moins überlebt, j'avais encore la jouissance toute particulière d'y retrouver à chaque page des traits qui me rappelaient bien vivement votre personne, votre âme, que nous avons si souvent et si scrupuleusement analysée à nous deux.

Une seule chose me manquait: je ne pouvais encore faire partager mon enthousiasme, je craignais de me laisser aveugler par l'amitié. L'autre jour enfin, je communique quelques pièces que j'avais soigneusement déchiffrées et copiées à Wiazemsky; quelques jours après, j'entre chez lui à l'improviste sur les minuit et je le trouve en tête-à-tête avec Joukofsky, lisant vos vers et complètement sous l'influence du sentiment poétique que respirent vos vers. J'étais ravi, enchanté, et chaque mot, chaque réflexion de Joukofsky surtout, me prouvait davantage qu'ils avaient bien saisi toutes les nuances et toutes les grâces de cette pensée simple et profonde.

Il fut décidé, dans cette séance, qu'un choix de cinq ou six morceaux serait publié dans un des cahiers du journal de Pouchkin, c'est à dire dans trois ou quatre mois d'ici, et qu'ensuite on veillerait à les publier en un petit volume séparé. Le surlendemain, Pouchkin en prit également connaissance; je l'ai vu depuis, et il m'en a parlé avec une appréciation juste et bien sentie.

Je suis heureux de pouvoir vous donner ces nouvelles. Selon moi, il y a peu de bonheurs comparables à celui d'imposer des pensées et procurer des jouissances intellectuelles à des hommes de talent et de goût.

Confiez-moi l'honorable mission d'être votre éditeur, envoyez-moi encore quelque chose et tâchez de trouver un titre convenable.

Переводъ.

До сихъ поръ, любезнѣйшій другъ, я не поговорилъ съ вами какъ слѣдуетъ о тетради, которую вы мнѣ прислали съ Крюднерами. Я провелъ надъ нею пріятнѣйшіе часы. Тутъ вновь встрѣчаешься въ поэтическомъ образѣ съ тѣми ощущеніями, которыя сродны всему

Библиотека "Руниверс"

человѣчеству и которыя болѣе или менѣе переживались каждымъ изъ насъ; но сверхъ того для меня это чтеніе соединялось съ наслажденьемъ совершенно особеннымъ: на каждой страницѣ живо припоминались мнѣ вы и ваша душа, которую бывало мы вдвоемъ такъ часто и такъ тщательно разбирали. Мнѣ недоставало одного: я не могъ ни съ кѣмъ раздѣлить моего восторга, и меня пугала мысль, что я ослѣпленъ дружбою. Наконецъ, намедни я передаю нѣкоторыя стихотворенія, тщательно разобранныя и переписанныя мною, Вяземскому и черезъ нѣсколько дней невзначай прихожу къ нему заполночь и нахожу его вдвоемъ съ Жуковскимъ за вашими стихами. Они вполнѣ увлечены были поэтическимъ чувствомъ, которое дышетъ въ вашихъ стихахъ. Я былъ въ восхищеніи, въ восторгѣ, и каждое слово, каждое замѣчаніе (въ особенности Жуковскаго) убѣждало меня, что они вѣрно поняли всѣ оттѣнки и всю прелесть этой простой и глубокой мысли. Тутъ же, не расходясь, рѣшено было, что пять или шесть стихотвореній будутъ напечатаны въ одной изъ книжекъ Пушкинскаго журнала*), т. е. появятся черезъ три или четыре мѣсяца, и что за тѣмъ приложена будетъ забота къ выпуску ихъ въ свѣтъ отдѣльною небольшою книжкою. На другой день узналъ о нихъ и Пушкинъ. Я его потомъ видѣлъ; онъ цѣнитъ ихъ какъ должно и отзывался мнѣ о нихъ весьма сочувственно. Я отмѣнно радъ, что могу передать вамъ эти извѣстія. По моему, мало что̀ можетъ сравниться со счастіемъ напечатлѣвать мысли и доставлять умственныя наслажденія людямъ съ дарованіемъ и со вкусомъ. Поручите мнѣ почетную должность быть вашимъ издателемъ. Пришлите мнѣ еще что нибудь и постарайтесь придумать соотвѣтствующее заглавіе.

Только черезъ мѣсяцъ отозвался на это письмо Тютчевъ. Изъ его отвѣта мы узнаемъ, что посланныя имъ стихотворенія составляли только меньшую часть имъ написаннаго, а большая часть сожжена имъ самимъ, по неосторожности, и въ томъ числѣ весь первый актъ второй части Фауста. Вотъ это письмо, интересное во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ по сужденію Тютчева о Пушкинѣ и о Русской литературѣ.

Munich ce 7(19) Juillet 1836.

Mon bien cher Gagarin.

Vous méritez un prix de vertu pour votre indulgente et persévérante amitié à mon égard et pour les témoignages que vous m'en donnez. J'ai reçu de vous, de compte fait dans les derniers temps, deux bonnes et belles lettres qui m'ont fait tout le plaisir que je puis recevoir par l'intermédiaire de l'écriture, et deux livres russes, que j'ai parcourus avec tout l'intérêt que je puis prendre encore à de l'imprimé. Et pour tous ces bienfaits, je ne vous ai pas exprimé ma reconnaissance, même par un simple signe de vie! C'est une indignité, j'en conviens; mais ne vous laissez pas rebuter. Que votre amitié parle plus haut que mon silence, car ce silence, vous le savez bien, est si peu moi que c'est plutôt la négation de moi. Votre dernière lettre m'a fait particulièrement plaisir, non pas un plaisir de vanité ou d'amour-propre (ces jouissances-là ont fait leur temps) mais le plaisir qu'on éprouve à s'assurer de ses idées par l'assentiment du prochain. A bien prendre les choses, du moment que l'homme sort de la sphère des sens, il n'y a peut-être pas de réalité possible pour lui qu'au prix de cet assentiment-là, de cette sympathie intellectuelle. Là est la racine de toute religion, comme de toute société, comme de toute langue. Et cependant, mon cher ami, je doute fort que les paperasses que je vous ai envoyées méritent les honneurs de l'impression, et surtout d'une impression séparée. Il se publie mainte-

*) 23 стихотворенія напечатаны въ 3 и 4 книжкахъ „Современника", которыя вышли въ свѣтъ въ Сентябрѣ и Ноябрѣ 1836 года.

Библиотека "Руниверс"

nant en Russie, tous les six mois, des choses qui valent infiniment mieux. Dernièrement encore, j'ai lu avec une véritable jouissance les trois nouvelles de Pavlof, la dernière surtout. A part le talent d'artiste, qui est là arrivé à un degré de maturité peu commun, ce qui m'a surtout frappé, c'est la pensée adulte, la puberté de la pensée russe. Aussi c'est-elle de prime abord attaquée aux entrailles mêmes de la société: la pensée libre aux prises avec la fatalité sociale, et cependant l'impartialité de l'art n'en a pas souffert... Le tableau est vrai sans être trivial ou caricature. Le sentiment poétique ne s'est pas laissé entamer par la déclamation.... J'aime à faire honneur à la nature même de l'esprit russe de cet éloignement pour la rhétorique, cette peste ou plutôt ce péché originel de l'intelligence française. C'est là ce qui met Pouchkin si fort au dessus de tous les poëtes français contemporains. Mais pour en revenir à mes rimes, puisque c'est votre bien, vous en ferez tel usage qu'il vous plaira, sans exception ou réserve quelconque.... Ce que je vous ai envoyé là, n'est qu'une parcelle minime du tas que le temps avait amassé, mais le sort ou plutôt je ne sais quoi de providentiel en a fait justice. A mon retour de la Grèce, m'étant mis entre chien et loup à trier des papiers, j'ai mis au néant la majeure partie de mes élucubrations poétiques, et ce n'est que beaucoup plus tard que je m'en suis aperçu. J'en ai été quelque peu contrarié dans le premier moment; mais je ne tardai pas à m'en consoler en pensant à l'incendie de la bibliothèque d'Alexandrie. Il y avait là entre autres tout le premier acte de la seconde partie de Faust, traduit. C'est peut-être ce qu'il y avait de mieux.

Toutefois si vous persistez dans vos idées de publication, adressez vous à Raïtch qui est à Moscou, pour qu'il vous communique tout ce que je lui ai envoyé dans le temps et dont il a inséré une partie dans un journal passablement niais qu'il faisait paraître sous le titre de Babotchka....

Переводъ.

Мюнхенъ, 7 (19) Іюля 1836. Мой любезнѣйшій Гагаринъ. Снисходительною и неизмѣнною дружбою ко мнѣ вы заслуживаете премію добродѣтели. Если вести счетъ за послѣднее время, выходитъ, что я получилъ отъ васъ два добрыхъ и прекрасныхъ письма, доставившія мнѣ все удовольствіе, какое возможно для меня сдѣлать помощію писанія, и двѣ Русскія книги, просмотръ которыхъ занялъ меня, во сколько печать еще можетъ занимать меня. И за всѣ эти благодѣянія я не выразилъ вамъ моей признательности, даже не откликнулся, какъ будто меня нѣтъ на свѣтѣ! Соглашаюсь, что это низко. Но не гнѣвайтесь. Пусть ваша дружба превзойдетъ мое молчаніе, потому что молчаніе это, какъ вамъ хорошо извѣстно, такъ мало мое я что скорѣе служитъ отрицаніемъ моего я. Въ особенности пріятно мнѣ было получить ваше послѣднее письмо. Это не есть удовольствіе суетности или самолюбія (наслажденія такаго рода уже прошли), но пріятно въ сочувствіи ближнихъ находить подтвержденіе своихъ мыслей. Собственно говоря, для человѣка, какъ только онъ выступилъ изъ области чувствъ, вся сущность опредѣляется степенью этого сочувствія, этой умственной симпатіи. На этомъ основаны всѣ религіи, всѣ общества, всѣ языки. И тѣмъ не менѣе, любезный другъ, я сильно сомнѣваюсь, чтобы бумагомаранье, которое я вамъ послалъ, заслуживало чести напечатанія, и въ особенности отдѣльною книжкою. Теперь въ Россіи, за каждое полугодіе, появляются произведенія безконечно лучшія. Еще недавно я съ истиннымъ наслажденіемъ прочиталъ три повѣсти Павлова, особенно послѣднюю. Кромѣ художественнаго таланта, достигающаго тутъ рѣдкой зрѣлости, я былъ особенно пораженъ возмужалостью, совершеннолѣтіемъ Русской мысли. Она сразу направилась къ самой сердцевинѣ общества: мысль свободная схватилась прямо съ роковыми общественными вопросами, и притомъ не утратила художественнаго безпристрастія. Картина вѣрна, но въ ней нѣтъ

Библиотека "Руниверс"

ни пошлости, ни каррикатуры. Поэтическое чувство не исказилось напыщенностью выраженій.... Мнѣ пріятно воздать честь Русскому уму: оно по самой сущности своей чуждается реторики, которая составляетъ собою язву или вѣрнѣе первородный грѣхъ произведеній ума Французскаго. Вотъ отчего Пушкинъ такъ высоко стоитъ надъ всѣми современными Французскими поэтами. Возвращаюсь къ моимъ стихамъ. Вы можете изъ нихъ сдѣлать все что̀ вамъ угодно, безъ всякаго недоумѣнія или оглядки: они—ваша собственность. Посланное мною составляетъ крошечную частицу того, что̀ накопилось отъ времени и что̀ было постигнуто судьбою или вѣрнѣе какимъ-то справедливымъ опредѣленіемъ Промысла. По возвращеніи изъ Грецiи, я принялся какъ-то въ сумерки разбирать бумаги и уничтожилъ большую часть моихъ поэтическихъ упражненій, и лишь долго спустя замѣтилъ это. Въ первую минуту мнѣ было нѣсколько досадно, но я скоро утѣшилъ себя мыслью о томъ, что сгорѣла Александрійская библіотека. Тутъ былъ между прочимъ переводъ перваго акта изъ второй части Фауста, можетъ быть лучшее изо всего. Во всякомъ случаѣ если вы непремѣнно хотите издавать, обратитесь къ Раичу въ Москву. Пусть онъ вамъ передастъ, что̀ нѣкогда я пересылалъ ему и что̀ отчасти имъ помѣщено въ довольно ничтожномъ изданіи, которое онъ печаталъ подъ названіемъ „Бабочка“.

Не знаемъ, почему не состоялось тогда же полнаго изданія поэтическихъ твореній Тютчева. Въ 1838 году князь Гагаринъ былъ снова за границею и увезъ съ собою рукописные подлинники его стиховъ. Изъ помѣщаемыхъ ниже піесъ обращаетъ на себя особенное вниманіе въ художественномъ отношеніи Весна («Зима не даромъ злится») и «Тѣни сизыя». Очень замѣчательны также «Я Лютеранъ люблю богослуженье», «На взятіе Варшавы» (уже напечатанное въ 3-ей тетради Р. Архива нынѣшняго года) да и почти во всѣхъ есть стихи, исполненные оригинальной поэтической красоты, одному Тютчеву свойственной, и глубокой мысли.

И. Аксаковъ.

I *).

На камень жизни роковой
Природою заброшенъ,
Младенецъ пылкій и живой
Игралъ неостороженъ,
Но Муза сираго взяла
Подъ свой покровъ надёжный,
Поэзія разостлала
Коверъ подъ ним роскошный.

Какъ скоро Музы подъ крыломъ
Его созрѣли годы,
Поэтъ, избыткомъ чувствъ влекомъ,
Предсталъ во храмъ свободы.
Но мрачныхъ жертвъ не приносилъ,
Служа ея кумиру,—
Онъ горсть цвѣтовъ ей посвятилъ
И пламенную лиру.

*) Стихотвореніе, судя по почерку, относится къ самому началу двадцатыхъ годовъ, и по всей вѣроятности посвящено учителю и другу Тютчева, извѣстному въ нашей литературѣ С. Е. Раичу.

Библиотека "Руниверс"

Еще другое божество
Онъ чтилъ въ младыя лѣта:
Амуръ рѣзвился вкругъ него
И дани бралъ съ поэта.
Ему на память стрѣлу далъ,—
И въ сладкіе досуги
Онъ ею повѣсть начерталъ
Орфеевой супруги.

И въ мірѣ семъ, какъ въ царствѣ сновъ,
Поэтъ живетъ мечтая:
Онъ такъ достигъ земныхъ вѣнцовъ
И такъ достигнетъ рая....
Умъ скоръ и смѣтливъ, вѣренъ глазъ,
Воображенье—быстро....
А спорилъ въ жизни только разъ—
На диспутѣ магистра.

II.

Вечеръ.

Какъ тихо вѣетъ надъ долиной
Далекій колокольный звонъ,—
Какъ шорохъ стаи журавлиной —
И въ шумѣ листьевъ замеръ онъ.

Какъ море вешнее въ разливѣ,
Свѣтлѣя, не колышетъ день,—
И торопливѣй, молчаливѣй
Ложится по долинѣ тѣнь.

1825 г.

III.

Весна.

Зима не даромъ злится:
Прошла ея пора;
Весна въ окно стучится
И гонитъ со двора.

И все засуетилось,
Все гонитъ зиму вонъ,
И жаворонки въ небѣ
Ужъ подняли трезвонъ.

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ
И пуще лишь шумитъ!

Библиотека "Руниверс"

Взбѣсилась вѣдьма злая
И, снѣгу захватя,
Пустила, убѣгая,
Въ прекрасное дитя.

Веснѣ и горя мало:
Умылася въ снѣгу,
И лишь румянѣй стала
На перекоръ врагу.

IV.

Сумерки.

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ,—
Жизнь, движенье разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальный гулъ....
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ ночномъ....
Часъ тоски невыразимой!
Все во мнѣ—и я во всемъ!...

Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства—мглой самозабвенья
Переполни черезъ край!...
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай.

V.

Какое дикое ущелье!
Ко мнѣ на встрѣчу ключъ бѣжитъ:
Онъ въ домъ спѣшитъ на новоселье,
Я лѣзу вверхъ, гдѣ ель стоитъ.

Вотъ взобрался я на вершину,
Сижу здѣсь радостенъ и тихъ...
Ты къ людямъ, ключъ, спѣшишь въ долину:
Попробуй—каково у нихъ!

Съ поляны коршунъ поднялся,
Высоко къ небу онъ взвился;
Все выше, далѣ вьется онъ
И вотъ ушелъ за небосклонъ.

Библиотека "Руниверс"

Природа-мать ему дала
Два мощныхъ, два живыхъ крыла;
А я, здѣсь въ потѣ и пыли,
Я, царь земли, приросъ къ земли!...

VI.

Люблю глаза твои, мой другъ,
Съ игрой ихъ пламенно-чудесной,
Когда ихъ приподымешь вдругъ
И словно молніей небесной
Окинешь бѣгло цѣлый кругъ...

Но есть сильнѣй очарованье:
Глаза потупленные ницъ
Въ минуты страстнаго лобзанья,
И сквозь опущенныхъ рѣсницъ
Угрюмый, тусклый огнь желанья...

VII.

И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ,
И правды нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ,
И нѣтъ души въ тебѣ.
Мужайся, сердце, до конца:
И нѣтъ въ твореніи—Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ!

VIII.

Еще земли печаленъ видъ,
А воздухъ ужъ весною дышетъ
И мертвый въ полѣ стебль колышетъ,
И елей вѣтви шевелитъ.

Еще природа не проснулась,
Но сквозь рѣдѣющаго сна
Весну прослышала она
И ей невольно улыбнулась.

Душа, душа, спала и ты...
Но что же, вдругъ, тебя волнуетъ,
Твой сонъ ласкаетъ и цѣлуетъ
И золотитъ твои мечты?

Блестятъ и таютъ глыбы снѣга,
Блеститъ лазурь, играетъ кровь...
Или весенняя то нѣга?
Или то женская любовь?

Библиотека "Руниверс"

IX.

Въ дорогѣ.

Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный
На землю тощую глядитъ,
Здѣсь, погрузившись въ сонъ желѣзный,
Усталая природа спитъ.
Лишь кой-гдѣ блѣдныя березы,
Кустарникъ мелкій, мохъ сѣдой,
Какъ лихорадочныя грезы,
Смущаютъ мертвенный покой.

X.

Странникъ.

Угоденъ Зевсу бѣдный странникъ,
Надъ нимъ святой его покровъ!
Домашнихъ очаговъ изгнанникъ,
Онъ гостемъ сталъ благихъ боговъ!

Сей дивный міръ, ихъ рукъ созданье,
Съ разнообразіемъ своимъ,
Лежитъ развитый передъ нимъ,
Въ утѣху, пользу, въ назиданье.

Чрезъ веси, грады и поля,
Свѣтлѣя, стелется дорога;
Ему отверста вся земля,
Онъ видитъ все и славитъ Бога!

XI.

Безуміе.

Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой
Слился, какъ дымъ, небесный сводъ,
Тамъ въ беззаботности веселой
Безумье жалкое живетъ.

Подъ раскаленными лучами,
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищетъ въ облакахъ.

Библиотека "Руниверс"

То вспрянетъ вдругъ и, чуткимъ ухомъ
Припавъ къ растреснувшей землѣ,
Чему-то внемлетъ жаднымъ слухомъ
Съ довольствомъ тайнымъ на челѣ,

И мнитъ, что слышитъ струй кипѣнье,
Что слышитъ токъ подземныхъ водъ,
И колыбельное ихъ пѣнье
И шумный изъ земли исходъ!...

XII.

Ты зналъ его въ кругу большаго свѣта:
То своенравно веселъ, то угрюмъ,
Разсѣянъ, дикъ иль полонъ тайныхъ думъ,
Таковъ поэтъ—и ты презрѣлъ поэта!

На мѣсяцъ взглянь: весь день, какъ облакъ тощій,
Онъ въ небесахъ едва не изнемогъ;
Настала ночь, и свѣтозарный богъ,
Сіяетъ онъ надъ усыпленной рощей!

XIII.

Въ толпѣ людей, въ нескромномъ шумѣ дня,
Порой мой взоръ, движенья, чувства, рѣчи,
Твоей не смѣютъ радоваться встрѣчѣ,
Душа моя, о не вини меня!

Смотри, какъ днемъ туманисто-бѣло
Чуть брежжетъ въ небѣ мѣсяцъ свѣтозарный:
Наступитъ ночь и въ чистое стекло
Вольетъ елей душистый и янтарный!

XIV.

Когда пробьетъ послѣдній часъ природы,
Составъ частей разрушится земныхъ:
Все зримое опять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ нихъ.

Библиотека "Руниверс"

XV.

Листья.

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и мятели
Закутавшись спятъ.
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хоть въ вѣкъ не желтѣетъ,
Но въ вѣкъ несвѣжа.

Мы жъ, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ,
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!..

Но птички отпѣли,
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры ушли.
Такъ что же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше ль за ними
И намъ улетѣть?

О буйные вѣтры,
Скорѣе, скорѣй!
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей.
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ, —
Летите, летите!
Мы съ вами летимъ!

1830 г.

Библиотека "Руниверс"

XVI.

Безсонница

Часовъ однообразный бой,
Томительная ночи повѣсть! —
Языкъ для всѣхъ равно чужой
И внятный каждому какъ совѣсть!

Кто безъ тоски внималъ изъ насъ,
Среди всемірнаго молчанья,
Глухія времени стенанья,
Пророчески прощальный гласъ?

Намъ мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ,
И мы, въ борьбѣ съ природой цѣлой,
Покинуты на насъ самихъ;

И наша жизнь стоитъ предъ нами,
Какъ призракъ на краю земли,
И съ нашимъ вѣкомъ и друзьями
Блѣднѣетъ въ сумрачной дали.

И новое, младое племя
Межъ тѣмъ на солнцѣ разцвѣло,
А насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло!

Лишь изрѣдка, обрядъ печальный
Свершая въ полуночный часъ,
Металла голосъ погребальный
Порой оплакиваетъ насъ!

XVII.

Альпы.

Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альпы снѣжные глядятъ;
Помертвѣлыя ихъ очи
Льдистымъ ужасомъ разятъ.
Властью нѣкой обаяны,
До восшествія зари
Дремлятъ грозны и туманны,
Словно падшіе цари!

Библиотека "Руниверс"

Но Востокъ лишь заалѣетъ,
Чарамъ гибельнымъ конецъ:
Первый, въ небѣ, просвѣтлѣетъ
Брата старшаго вѣнецъ.
И съ главы большаго брата
На меньшихъ бѣжитъ струя,
И блеститъ въ вѣнцахъ изъ злата
Вся воскресшая семья....

1830 г.

XVIII.

Сей день, я помню, для меня
Былъ утромъ жизненнаго дня:
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ея волною,
Алѣли щеки какъ заря,
Все жарче рдѣя и горя....
И вдругъ, какъ солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось изъ груди ея,
И новый міръ увидѣлъ я!

1830 г.

XIX.

MAL'ARIA.

Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо
Во всемъ разлитое, таинственное зло—
Въ цвѣтахъ, въ источникѣ прозрачномъ какъ стекло,
И въ радужныхъ лучахъ, и въ самомъ небѣ Рима!
Все тажъ высокая, безоблачная твердь,
Все также грудь твоя легко и сладко дышетъ,
Все тотъ же теплый вѣтръ верхи деревъ колышетъ,
Все тотъ же запахъ розъ ... и это все есть смерть!

—

Какъ вѣдать? Можетъ быть и есть въ природѣ звуки,
Благоуханія, цвѣты и голоса—
Предвѣстники для насъ послѣдняго часа́
И усладители послѣдней нашей муки.
И ими-то, судебъ посланникъ роковой,
Когда сыновъ земли изъ жизни вызываетъ,
Какъ тканью легкою свой образъ прикрываетъ,
Да утаитъ отъ нихъ приходъ ужасный свой!

1830 г.

Библиотека "Руниверс"

XX.

Сижу задумчивъ и одинъ,
На потухающій каминъ
Сквозь слезъ гляжу,
Съ тоскою мыслю о быломъ
И словъ, въ уныніи моемъ,
Не нахожу.

Былое—было ли когда?
Чтò нынѣ—будетъ ли всегда?
Оно пройдетъ,
Пройдетъ оно, какъ все прошло,
И канетъ въ темное жерло
За годомъ годъ.

За годомъ годъ, за вѣкомъ вѣкъ....
Что-жъ негодуетъ человѣкъ,
Сей злакъ земной!...
Онъ быстро, быстро вянетъ.... Такъ,
Но съ новымъ лѣтомъ новый злакъ,
И листъ иной!

И снова будетъ все чтò есть,
И снова розы будутъ цвѣсть,
И терны тожъ....
Но ты мой бѣдный, блѣдный цвѣтъ,
Тебѣ ужъ возрожденья нѣтъ:
Не разцвѣтешь!

Ты сорванъ былъ моей рукой,
Съ какимъ блаженствомъ и тоской,
То знаетъ Богъ!...
Останься-жъ на груди моей,
Пока любви не замеръ въ ней
Послѣдній вздохъ!

Библиотека "Руниверс"

XXI *).

На древѣ человѣчества высокомъ,
Ты лучшимъ былъ его листомъ,
Воспитанный его чистѣйшимъ сокомъ,
Развитъ чистѣйшимъ солнечнымъ лучомъ.

Съ его великою душою
Созвучнѣй всѣхъ, на немъ ты трепеталъ,
Пророчески бесѣдовалъ съ грозою
Иль весело съ зефирами игралъ.

Не поздній вихрь, не бурный ливень лѣтній
Тебя сорвалъ съ родимаго сучка:
Былъ многихъ краше, многихъ долголѣтнѣй
И самъ собою палъ—какъ изъ вѣнка!
(1832).

XXII.

Вчера, въ мечтахъ обвороженныхъ,
Съ послѣднимъ мѣсяца лучомъ
На вѣждахъ томно-озаренныхъ,
Ты позднимъ позабылась сномъ.

Утихло вкругъ тебя молчанье,
И тѣнь нахмурилась темнѣй,
И груди ровное дыханье
Струилось въ воздухѣ слышнѣй.

Но сквозь воздушный зàвѣсъ оконъ
Недолго лился мракъ ночной,
И твой взвѣвая сонный локонъ
Игралъ съ незримою мечтой.

Вотъ тихоструйно, тиховѣйно,
Какъ вѣтеркомъ занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдругъ что-то пòрхнуло въ окно.

Вотъ невидимкой пробѣжало
По темно-брежжущимъ коврамъ,
Вотъ, ухватясь за одѣяло,
Взбираться стало по краямъ;

---

*) Вѣроятно по поводу смерти Гёте.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ, словно змѣйка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вотъ, словно лента развѣваясь,
Межъ пологами развилось,

Вдругъ животрепетнымъ сіяньемъ
Коснувшись персей молодыхъ,
Румянымъ громкимъ восклицаньемъ
Раскрыло шелкъ рѣсницъ твоихъ!

XXIII.

Съ горы скатившись, камень легъ въ долинѣ.
Какъ онъ упалъ, никто не знаетъ нынѣ.
Сорвался-ль онъ съ вершины самъ собой,
Или низвергнутъ мыслящей рукой?
Столѣтье за столѣтьемъ пронеслося:
Никто еще не разрѣшилъ вопроса.

1833 г. Янв. 17.

XXIV.

Ночные голоса.

Какъ сладко дремлетъ садъ темнозеленый,
Объятый нѣгой ночи голубой;
Сквозь яблони, цвѣтами убѣленной,
Какъ сладко свѣтитъ мѣсяцъ золотой!

Таинственно, какъ въ первый день созданья,
Въ бездонномъ небѣ звѣздный сонмъ горитъ;
Музыки бальной слышны восклицанья,
Сосѣдній ключъ слышнѣе говоритъ.

На міръ дневной спустилася завѣса;
Изнемогло движенье, трудъ уснулъ;
Надъ спящимъ градомъ, какъ въ вершинахъ лѣса,
Проснулся чудный, еженочный гулъ...

Откуда онъ, сей гулъ непостижимый?
Иль смертныхъ думъ, освобожденныхъ сномъ,
Міръ безтѣлесный, слышный, но незримый,
Теперь роится въ хаосѣ ночномъ?...

Библиотека "Руниверс"

XXV.

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля!
Духовъ безплотныхъ сладострастья,
Твой вѣрный сынъ, не жажду я.
Что̀ предъ тобой утѣха рая,
Пора любви, пора весны,
Цвѣтущее блаженство Мая,
Румяный свѣтъ, златые сны?

Весь день, въ бездѣйствіи глубокомъ,
Весенній теплый воздухъ пить,
На небѣ чистомъ и высокомъ
Порою облака слѣдить;
Бродить безъ дѣла и безъ цѣли
И, ненарокомъ, на лету,
Набресть на свѣжій духъ синели
Или на свѣтлую мечту?

XXVI.

Я Лютеранъ люблю богослуженье,
Обрядъ ихъ строгій, важный и простой;
Сихъ голыхъ стѣнъ, сей храмины пустой
Понятно мнѣ высокое ученье.

Но видите ль? Собравшися въ дорогу,
Въ послѣдній разъ вамъ Вѣра предстоитъ.
Еще она не перешла порогу,
Но домъ ея ужъ пустъ и голъ стоитъ.

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь....
Но часъ насталъ, пробилъ..... молитесь Богу,
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь.

Тегернзе, 15 Сентября 1834.

XXVII.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ,
Судьба, какъ вихрь, людей мятетъ,
И радъ ли ты, или не радъ,
Что нужды ей?... впередъ, впередъ!

Библиотека "Руниверс"

Знакомый звукъ намъ вѣтръ принесъ:
Любви послѣднее прости...
За нами много, много слезъ,
Туманъ, безвѣстность впереди!

«О оглянися, о постой,
Куда бѣжать, зачѣмъ бѣжать?
Любовь осталась за тобой.
Гдѣ-жъ въ мірѣ лучшаго сыскать?

Любовь осталась за тобой,
Въ слезахъ, съ отчаяньемъ въ груди...
О сжалься надъ своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство столькихъ, столькихъ дней
Себѣ на память приведи....
Все милое душѣ твоей
Ты покидаешь на пути»....

—Не время выкликать тѣней,
И такъ ужъ этотъ мраченъ часъ!
Усопшихъ образъ тѣмъ страшнѣй,
Чѣмъ въ жизни былъ милѣй для насъ.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ,
Могучій вихрь людей мятетъ,
И радъ ли ты, или не радъ,
Не спроситъ онъ.... впередъ, впередъ!

XXVIII.

Конь морской.

О рьяный конь, о конь морской,
Съ блѣдно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бѣшено игривый!
Ты буйнымъ вихремъ вскормленъ былъ
Въ широкомъ Божьемъ полѣ,
Тебя онъ прядать научилъ,
Играть, скакать по волѣ!

Библиотека "Руниверс"

Люблю тебя, когда стремглавъ,
Въ своей надменной силѣ,
Густую гриву растрепавъ,
И весь въ пару и въ мылѣ,
Къ брегамъ направивъ бурный бѣгъ,
Съ веселымъ ржаньемъ мчишься,
Копыта кинешь въ звонкій брегъ
И въ брызги разлетишься!...

XXIX.

КЪ N. N.

Ты любишь, ты притворствовать умѣешь:
Когда въ толпѣ, украдкой отъ людей,
Моя нога касается твоей
Ты мнѣ отвѣтъ даешь и не краснѣешь!...

Все тотъ же видъ разсѣянный, бездушный,
Движенье персей, взоръ, улыбка тажъ...
Межъ тѣмъ твой мужъ, сей ненавистный стражъ,
Любуется твоей красой послушной!

Благодаря и людямъ, и судьбѣ,
Ты тайнымъ радостямъ узнала цѣну,
Узнала свѣтъ.... Онъ ставитъ намъ въ измѣну
Всѣ радости.... Измѣна льститъ тебѣ....

Стыдливости румянецъ невозвратный,
Онъ улетѣлъ съ младыхъ твоихъ ланитъ....
Такъ съ юныхъ розъ Авроры лучъ бѣжитъ
Съ ихъ чистою душою ароматной.

Но такъ и быть... въ палящій лѣтній зной
Лестнѣй для чувствъ, приманчивѣй для взгляда
Смотрѣть, въ тѣни, какъ въ кисти винограда
Сверкаетъ кровь сквозь зелени густой.

Библиотека "Руниверс"

XXX.

На смерть Пушкина.

(29 Января 1837).

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
На вѣкъ онъ высшею рукою
Въ «цареубійцы» заклейменъ.

А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!...
На зло людскому суесловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой:
Ты былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолилъ
И осѣненный, опочилъ,
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Богъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь....
Тебя-жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Библиотека "Руниверс"

Секретная Коммиссія въ Холмогорахъ.

Въ «Русской Старинѣ» 1879 года (кн. 3), въ статьѣ «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ», говорится между прочимъ о людяхъ, которые состояли, для службы и стражи, при несчастномъ Браунгшвейгскомъ семействѣ, сосланномъ въ Холмогоры въ 1744 г. и которые назывались «секретною» или «извѣстною Ея Императорскому Величеству коммиссіей». Когда братья и сестры бывшаго императора Іоанна отвезены были въ Данію, въ 1781 г., люди эти водворены на постоянное жительство въ Холмогорахъ, при чемъ морскіе чины, провожавшіе Браунгшвейгское семейство изъ Холмогоръ въ Ютландское мѣстечко Горзенсъ, были обращены въ особое сословіе «мореходцевъ».

Составитель статьи объ Іоаннѣ Антоновичѣ, излагая дѣло о пенсіяхъ «этимъ мореходцамъ», приводитъ именной списокъ лицъ, принадлежавшихъ въ 1795 году къ составу бывшей Секретной Коммиссіи въ Холмогорахъ: имена и фамиліи камердинеровъ, воинскихъ служителей, унтеръ - офицеровъ, солдатовъ, капраловъ, ихъ женъ и дочерей-дѣвицъ, сиротъ мореходцевъ, рядовыхъ и служителей воинской команды, подлежавшихъ увольненію за старостью лѣтъ.

Въ моихъ бумагахъ, собранныхъ мною въ разное время и послужившихъ мнѣ для знакомства съ трагической судьбою Іоанна Антоновича и его семьи, сохранились бумаги, могущія служить дополненіемъ къ вышеупомянутымъ свѣдѣніямъ о «мореходцахъ Секретной Холмогорской Коммиссіи». Бумаги эти мнѣ доставлены изъ Архангельска. По нимъ видно, что «мореходцы», въ 1783 году, по распоряженію Ярославскаго и Вологодскаго генералъ-губернатора Мельгунова, были подчинены вѣдомству Холмогорскаго городничаго, а по дѣламъ суда и расправы Холмогорскому магистрату. Изъ указа Архангельской Казенной Палаты, отъ 1 Марта 1792 г., оказывается, что еще 24 Февраля 1781 г. состоялся высочайшій указъ, по которому было велѣно водворить «мореходцевъ» на отведенной имъ пашенной и сѣнокосной землѣ, которою было завладѣли Холмогорскіе купцы, мѣщане и разночинцы, для чего предписывалось выдать этимъ «мореходцамъ» владѣнный указъ на ту землю, съ исключеніемъ ея изъ городской черты. Эта бумага свидѣтельствуетъ, что «мореходцы», вопреки предположенію автора статьи объ Іоаннѣ Антоновичѣ, жили не однимъ «Христовымъ именемъ».

Въ 1793 году, генералъ-прокуроръ Самойловъ возбудилъ вопросъ о «мореходцахъ»: «не выпустить ли ихъ изъ Холмогоръ и не слѣдуетъ ли ихъ причислить въ мѣщанство?» Губернское начальство отвѣчало одобреніемъ этого предположенія; оно, по неизвѣстной намъ причинѣ, не было высочайше утверждено.

Въ 1803 году «мореходцы» принесли жалобу на притѣсненія Холмогорскаго магистрата, по отбыванію ими разныхъ повинностей. Архангельскій губерна-

Библиотека "Руниверс"

торъ призналъ, что они должны нести одну лишь повинность,—исправленіе проѣзжей дороги, идущей мимо ихъ домовъ.

Въ 1796 году, 2 Іюня, состоялся высочайшій указъ объ увеличеніи скудныхъ пенсій «мореходцамъ».

Въ 1824 году, 4 Августа, былъ объявленъ высочайшій указъ о пенсіяхъ вдовамъ «мореходцевъ» (Подсозоновой, Песковой, Мартемьяновой, Поповой и Куршимаевой).

Наконецъ, изъ сенатскаго указа 28 Сентября 1839 г., усматривается, что высочайше-утвержденнымъ 5 Сентября 1839 года положеніемъ Комитета Министровъ было повелѣно: «Служившихъ въ бывшей Секретной въ Холмогорахъ Коммиссіи мореходцевъ и ихъ дѣтей, за исключеніемъ введенныхъ въ подушный окладъ, оставить по прежнему въ свободномъ званіи, наравнѣ съ разночинцами, показавъ ихъ по ревизіи для одного только счета».

Этотъ сенатскій указъ былъ временно затерянъ и совсѣмъ забытъ въ Архангельскѣ, гдѣ его снова нашли уже только въ 1874 году—переплетеннымъ, въ особомъ сборникѣ, съ прочими сенатскими указами.

Въ 1874 году переписка съ Архангельскомъ о бывшей за сто лѣтъ передъ тѣмъ Секретной Холмогорской Коммиссіи прекратилась сама собою, «по уничтоженію Коммиссіи и немалому истеченію времени ея несуществованія (сказано въ одной изъ оффиціальныхъ бумагъ того года), при чемъ она почти у всѣхъ потомковъ мореходцевъ могла истребиться изъ памяти» Губернское Архангельское начальство, въ 1874 году, между прочимъ, писало въ Петербургъ слѣдующее: «Такъ какъ нынѣ въ живыхъ изъ бывшихъ первыхъ мореходцевъ никого нѣтъ, и самыя событія, побудившія къ ихъ поселенію въ Холмогорахъ, болѣе не существуютъ, а дальнѣйшее воспрещеніе ихъ потомкамъ выѣзда изъ Холмогоръ не имѣетъ болѣе справедливаго основанія, а лишь служитъ къ напрасному ихъ стѣсненію: то ихъ слѣдуетъ приписать въ Холмогорскіе мѣщане, а землю, данную имъ по высочайшему указу 24 Февраля 1781 года, признать ихъ полною собственностью».

Изъ Петербурга по этому поводу сослались на забытый и найденный въ томъ году въ Архангельскѣ сенатскій указъ, по которому мореходцы давно были признаны въ «свободномъ званіи», почему и не было никакой нужды вновь ихъ перечислять въ мѣщане, или поднимать вопросъ объ ихъ поземельной собственности.

На этомъ дѣло о «мореходцахъ» и переписка Архангельска съ Петербургомъ о бывшей Секретной Коммиссіи окончательно прекратились.

Григорій Данилевскій.

25 Марта 1879 г.
С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

Поправка къ „Разсказамъ изъ недавней старины“.

Помѣщенные въ двѣнадцатомъ выпускѣ «Р. Архива» 1878 г., разсказы изъ недавней старины представляютъ весьма содержательный интересъ, живо очерчивая людей и порядки прошлаго. Но въ Разсказахъ сихъ 516 страница ужъ подлинно ложка дегтю въ бочкѣ меду. Страница эта излагаетъ исторію, возникшую изъ-за перевода Библіи съ Еврейскаго на Русскій языкъ профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, протоіереемъ Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ. Разсказъ изложенъ, какъ полученъ со словъ современнаго событію воспитанника помянутой академіи П. Г. Г. Въ передачѣ встрѣчается цѣлый рядъ неправильностей, которыя опровергаются «Исторіею перевода Библіи на Русскій языкъ» И. А. Чистовича (въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1872—1873 гг.), статьею «Мысли и чувствованія митрополита Филарета, по дѣлу отобранія литографированнаго перевода книгъ Ветхаго Завѣта» (статья эта принадлежитъ П. С. Казанскому и помѣщена въ «Православномъ Обозрѣніи» 1878 г. № 1), замѣткою «Къ исторіи доноса на Русскій переводъ Библіи» В. П. Палисадова въ XVIII выпускѣ «Церковно-Общественнаго Вѣстника» 1878 г. Въ статьѣ Казанскаго и замѣткѣ Палисадова между прочимъ весьма ярко (особенно въ послѣдней) изображено происходившее въ Московской Духовной Академіи, вслѣдствіе доноса на переводъ Библіи.

1. Въ разсказѣ говорится, что доносъ на Русскій переводъ Библіи сдѣланъ инспекторомъ Московской Духовной Академіи Агаѳангеломъ. Агаѳангелъ не былъ инспекторомъ Академіи, а только баккалавромъ (доцентомъ) по классу Священнаго Писанія (Чистовичъ, Казанскій и Палисадовъ).

2. «Замѣчанія свои на переводъ Агаѳангелъ препроводилъ кому-то въ Петербургъ», повѣствуетъ разсказъ. Не кому-то, а митрополитамъ: С.-Петербургскому Серафиму, Московскому Филарету и Кіевскому Филарету. Донесенія были отправлены безъименно не изъ Москвы и не изъ Троицкаго Посада, а изъ губ. города Владиміра. Донесенія переписывались тремя студентами Академіи (Палисадовъ).

3. «Экземпляръ Библіи былъ переданъ Агаѳангелу какою-то Московскою дамою», утверждаетъ разсказъ. Изъ статьи профессора Казанскаго видно, что въ средѣ наставниковъ и студентовъ Московской Академіи было немало лицъ, имѣвшихъ переводъ Библіи, съ которымъ никто не хоронился. Отсюда тотъ выводъ, что Агаѳангелъ скорѣе могъ добыть экземпляръ въ самой Академіи, чѣмъ при стороннемъ да еще и дамскомъ посредствѣ.

4. «Въ Академіи сдѣланъ былъ обыскъ, но нашли всего пять экземпляровъ» (Библіи). Не видно, про какую Академію идетъ рѣчь, про С.-Петербургскую или Московскую. Въ академіяхъ, той и другой, былъ не обыскъ, а производилось формальное слѣдствіе, съ допросами, показаніями и проч. Слѣдствен-

Библиотека "Руниверс"

ная коммиссія въ Московской Академіи состояла изъ двухъ членовъ Синодальной Конторы — епископа Агапита и архимандрита Өеофана и чиновника отъ Синода Балабина. Это было весною 1842 года. Процедура допросовъ — въ статьяхъ Казанскаго.

5. «Митрополитъ Серафимъ высказался въ пользу безусловнаго воспрещенія перевода. Такъ какъ это мнѣніе отвѣчало взглядамъ, т. е. вѣрнѣе сказать видамъ оберъ-прокурора, то мнѣнія Филаретовъ (Московскаго и Кіевскаго) никто не поддерживалъ».. Поддержки и быть не могло, такъ какъ мнѣніе Серафима не было проведено чрезъ Синодъ (Чистовичъ).

6. Мнѣнія Филаретовъ формулированы такъ: «Если народъ жаждетъ читать Слово Божіе на родномъ языкѣ, то задача высшаго церковнаго правительства должна состоять въ томъ, чтобы удовлетворить этой духовной потребности народа, а потому слѣдуетъ настоящимъ трудомъ (Павскаго) воспользоваться, исправивъ готовый переводъ, а что̀ еще не переведено перевести». Мнѣніе Московскаго Филарета было не таково. Будучи противъ перевода Павскаго, онъ проектировалъ издать Славянскую Библію съ параллельными мѣстами, съ замѣною или истолкованіемъ неясныхъ словъ и нѣкоторыми другими прибавленіями, въ видахъ уясненія текста. Митрополитъ же Филаретъ Кіевскій представлялъ свои соображенія противъ перевода Библіи на Русскій языкъ даже въ началѣ настоящаго царствованія, когда необходимость перевода Библіи на Русскій языкъ была признана всѣми членами Синода въ первыя засѣданія его, происходившія въ Москвѣ, во время коронаціи Государя Императора. Филаретъ Кіевскій доказывалъ, что «Русское нарѣчіе не можетъ передать Св. Писанія со всею тою силою и вѣрностью, какими отличается переводъ Славянскій», что для простой вѣры довольно одного Славянскаго текста съ нѣкоторою его темнотою, вполнѣ отвѣчающею непостижимости христіанскаго ученія (Чистовичъ).

7. Митрополиты Филаретъ Московскій и Филаретъ Кіевскій были уволены Государемъ Николаемъ Павловичемъ изъ Св. Синода на епархіи въ виду несогласія, высказаннаго ими, по поводу перевода Библіи Павскаго, съ мнѣніемъ первенствующаго члена Св. Синода, митрополита Серафима. «Строгость такой мѣры (излагается въ занимающемъ насъ разсказѣ) относительно святителей Филаретовъ сознавалъ и самъ Государь. Когда возобновляли великую церковь Кіево-печерской лавры, мѣстные художники закрыли старинныя фрески новою живописью, масляными красками. Это считалось и тогда преступленіемъ, а потому была назначена коммисія, и Синодъ постановилъ митрополиту Филарету сдѣлать выговоръ. Государь написалъ на докладѣ: «Оставить старика въ покоѣ; мы и такъ ему насолили».

Объ этомъ дѣлѣ имѣется рефератъ Кіевскаго каөедральнаго протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева, составленный имъ на основаніи архивныхъ свѣдѣній и прочитанный въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Рефератъ напечатанъ въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», издан. 1878 года, вып. XI, Отд. втор., стр. 335—345. Изъ этого реферата видно, что: а) въ Кіево-печерской лаврѣ въ 1840 году было начато и 1842 г. по высочайшему повелѣнію было пріостановлено возобновленіе не великой церкви, но стѣнной, произведенной въ 1730 и 1776 гг., живописи въ этой церкви, а отнюдь не фресковъ, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ (существуютъ онѣ въ Кіево-софійскомъ каөедральномъ соборѣ); ясно что ихъ не закрывали маслян-

Библиотека "Руниверс"

ною краскою; б) возобновленіе живописи вызвало затребованіе у митрополита объясненія. На докладѣ по этому дѣлу графа Протасова Государь написалъ не вышеприведенныя слова, а слѣдующія, совершенно имъ противуположныя: «Изъявить митрополиту мое крайнее неудовольствіе и сожалѣніе, что онъ рѣшился приступить къ подобному дѣлу безъ моего разрѣшенія, что̀ наистрожайше запретить».

8. «Говорили мнѣ въ Кіевѣ,—продолжаетъ разсказъ,—что въ первый за тѣмъ пріѣздъ Государя въ лавру, митрополитъ Филаретъ, послѣ обычнаго молебствія, указавъ на группу чернецовъ, сказалъ: «Вотъ, Ваше Величество, художники, расписывавшіе храмъ».—Кто ихъ училъ? спросилъ Государь. «Матерь Божія», отвѣчалъ простодушно владыка.—А! въ такомъ случаѣ и говорить нечего, замѣтилъ Императоръ». Разговоръ Государя съ митрополитомъ иначе передается въ воспоминаніяхъ художника Ѳ. Г. Солнцева, производившаго реставрацію фресковъ въ Кіево-софійскомъ соборѣ. Митрополитъ былъ противъ этого предпріятія и при посѣщеніи Государемъ собора сказалъ Его Величеству:

— «В. В., открытіе и возобновленіе древней живописи здѣшняго собора повлечетъ старовѣровъ къ поощренію въ ихъ лжемудріяхъ.

— «Я, владыко, не смотрю, какъ молятся,—лишь-бы молились, замѣтилъ Государь. Ты любишь старину, и я люблю. Теперь въ Европѣ дорожатъ малѣйшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можемъ ли думать, что оказываемъ предпочтеніе старовѣрамъ? Вздоръ. Не противорѣчь» (Русская Старина, томъ XVI, 289 — 290). Въ донесеніи же митрополита Св. Синоду отъ 5-го Ноября 1842 г. между прочимъ сказано: «Узнавъ изъ описаній и преданій, что стѣны сего св. храма (лаврскаго) всегда были расписываемы благоговѣйными монахами, онъ (митрополитъ) пригласилъ изъ Орловской епархіи искуснаго въ живописи іеромонаха, который изъ одного усердія, безъ всякой платы, съ послушниками, съ половины м. Іюля 1840 г. до 1-го Октября 1842 г., при помощи Божіей Матери, успѣлъ обновить стѣнное росписаніе въ соборномъ храмѣ точно въ прежнемъ видѣ, безъ всякой перемѣны». Можетъ статься, что слова митрополита породили легенду о содержаніи разговора Государя съ святителемъ.

9. Въ подстрочномъ примѣчаніи, относящемся къ Агаѳангелу, сказано, что онъ умеръ 1875 года. Ошибка и тутъ: архіепископъ Агаѳангелъ скончался 1876 года, 8-го Марта, въ 7 часовъ утра (Прибавленіе къ оффиціальному отдѣлу VI выпуска «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», отъ 16 Марта означеннаго года).

10. Другая выноска на страницѣ пріурочена къ святителю Астраханскому Аѳанасію, которому въ бытность его ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи было поручено митрополитомъ Серафимомъ написать отъ его имени мнѣніе по дѣлу перевода Библіи Павскаго. Аѳанасій въ подстрочномъ примѣчаніи названъ бывшимъ епископомъ Астраханскимъ, нынѣ на покоѣ въ Москвѣ. Ни то, ни другое не вѣрно. Аѳанасій Дроздовъ съ 23-го Марта 1858 г. состоялъ архіепископомъ Астраханскимъ; 6-го Апрѣля 1870 г. уволенъ отъ управленія на покой въ Астраханскій Покрово-болдинскій монастырь (Строевъ, «Списки іерарховъ»); въ 1874 году существовало предположеніе о назначеніи для жительства Аѳанасію Московскаго Данилова монастыря («Церковный Вѣстникъ», издан. 1875 г., часть неоффиц. вып. II,

Библиотека "Руниверс"

стр 21); но Аѳанасій остался въ старомъ мѣстоназначеніи, гдѣ и умеръ 7-го Декабря 1876 года. Воспоминанія о немъ бывшаго ученика его, протоіерея В. П. Палисадова напечатаны въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», 1877 г., вып. 18—22; эпилогъ къ воспоминаніямъ въ выпускѣ 45-мъ того же «Вѣстника». Отрывки изъ воспоминаній перепечатаны въ «Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», издан. 1877 г., часть неоффиціальн. вып. XV, стр. 6—16. Весьма интересныя свѣдѣнія про Аѳанасія находятся въ посмертномъ изслѣдованіи его сослуживца по С.-Петербургской Дух. Академіи, извѣстнаго духовнаго публициста Д. И. Ростиславова († въ Рязани 18 Февраля 1877 г.), подъ заголовкомъ «О Русскомъ ученомъ монашествѣ». Изслѣдованіе это, какъ мы знаемъ достовѣрно, будетъ печатаемо въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» 1879 года. Вещь капитальная....

Ив. Павловскій.

Декабря 13-го
1878 года.
Локощинскій погостъ
близъ Полтавы.

Ап. А. Гр.

Вы говорите, мой любезный,
Что будто стихъ у насъ желѣзный.
Желѣзо разное, цѣна ему далеко не одна:
Иное на рессоры годно,
Другое въ ружьяхъ превосходно,
Иное нужно для подковъ,
Для лошадей и для ословъ,
Чтобы они не спотыкались.
Такъ вы которымъ подковались?

М. А. Дмитріевъ.

Сообщено Антономъ Ивановичемъ Лаксомъ, подъ Ревелемъ, на дачѣ Нёмме 7 Іюля 1878 г.

ПОПРАВКА къ 1-й книгѣ Р. Архива 1879 года. (стр. 257).

Въ «Книжныхъ Вѣстяхъ» ошибкою сказано, что извѣстный Германскій философъ Гартманъ издалъ брошюру: «Славянство съ нравственной точки зрѣнія». Оказывается, что брошюра эта (какъ на ней и означено) написана пасторомъ Гандманомъ.

(Сообщено А. А. Чумиковымъ).

Библиотека "Руниверс"

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи, Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Переписка Англійскихъ пословъ Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. Переписка Екатерины II-й съ Фридрихомъ II-мъ. Письма Маріи Θеодоровны и Павла Петровича къ барону Сакену. — Записка А Н. Оленина отъ Декабря 1825 г.— Сотрудничество Екатерины II-й въ „Собесѣдникѣ". Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышева и князя А. Б. Куракина изъ Парижа (1811 и 1812 гг.). Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Депеши Прусскаго посланника Сольмса 1763—1766 г. Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма Екатерины II-й къ барону Гримму. Цѣна 3 р.

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга поступила въ продажу книга:

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ,

въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ.

СОЧИНЕНІЕ М. Θ. ДЕ-ПУЛЕ.

Цѣна 1 р. 50 коп. Складъ изданія у Л. Н. Павленкова (Петербургъ, уголъ Мучнаго пер. и Екатерин. канала, д. №1/2, кв. № 7).

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ,

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній — 10 копѣекъ.

*

Можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877 и 1878 годовъ; остальные годы распроданы.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"

Новое помѣщеніе „Рускаго Архива“: Москва, Садовая, противъ св. Ермолая, д. Баженовой.

РУСКІЙ АРХИВЪ

1879. 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1879.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Садовой, противъ церкви св. Ермолая, въ домѣ Баженовой, можно получать:

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877 И 1878 ГОДОВЪ.

Въ каждомъ году по три отдѣльныя книги съ особыми указателями. Цѣна каждой книгѣ отдѣльно по 3 рубля, полному годовому изданію 8 рублей.

Тамъ же продается

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Цѣна первыхъ двухъ томовъ по 2 р., остальныхъ по 3 р.; пересылка каждаго тома 40 копѣекъ.

Томъ I. Рескрипты и письма им. Екатерины II къ графу А. Г. Орлову.—Бумаги о самозванкѣ Таракановой. — Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ и къ г-жѣ Жоффренъ. Цѣна 2 р.

Томъ II. Сношенія Россіи съ Швеціею при Александрѣ I.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Автобіографическая записка графа Поццо ди Борго.—Депеши графа Литты.—Изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова.—Записка Димсделя о пребываніи его въ Россіи. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Автобіографія графа I. Каподистріи.—Инструкція Екатерины II-й фонъ-Ребиндеру.—Письма им. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Цѣна 3 р.

Томъ IV. Екатерининская Комиссія для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I къ Ф. Ц. Лагарпу.—Бумаги князя Н. В. Репнина.—Документы изъ дѣлъ Саксонскаго архива.—Письма гр. Н. И. Панина къ сыну его. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I.—Бумаги графа Н. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. — Записка князя А. Чарторыйскаго им. Александру.—Документы изъ Саксонскаго архива. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II-й. 1744—1764 г. Часть I. Ц. 3 р.

Томъ VIII. Екатерининская Комиссія объ Уложеніи. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Переписка о бракѣ Густава IV съ Александрою Павловною — Письма кн. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцову. Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги Екатерины II-й. 1765—1771. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го. Цѣна 3 р.

Томъ XII. Переписка Англійскихъ пословъ при Русскомъ дворѣ 1762 — 1769. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги Екатерины II 1771 - 1774. Часть III. Цѣна 3 р.

(См. на оборотѣ).

Библиотека "Руниверс"

Наши сношенія съ Китаемъ

(съ 1567 по 1805).

До завоеванія Сибири Китай не былъ извѣстенъ Русскимъ. Первое провѣдываніе Монгольскихъ и Китайскихъ земель произведено по указу Ивана Васильевича въ 1567 г., какъ видно изъ примѣчаній къ Исторіи Карамзина. Туда посланы были атаманы и казаки Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ съ товарищами. Они, на сколько могли, описали нѣкоторые города Китая и Монголіи, которые тогда составляли два различныя государства, отдѣленныя стѣною. Петровъ и Ялычевъ побывали въ Пекинѣ, но до богдохана допущены не были.

Русскіе сторожевые казаки, дошедши до Амура, познакомились съ Монголами, мѣняли мѣха на Китайскіе товары, и пограничные начальники, безъ всякаго участія правительства, стали сами заводить чрезъ Монголію сношенія съ Китайскими пограничными начальниками и посылать къ нимъ, какъ увидимъ далѣе, цѣлые караваны съ товарами, отправляя ихъ, для большей важности, отъ имени правительства.

Первое извѣстное посольство въ Китай отправлено было при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Шуйскомъ, въ 1608 году, изъ Томска, тамошнимъ воеводою Василіемъ Васильевичемъ Волынскимъ. Оно не дошло до Монголіи, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что Калмыки выгнали изъ улусовъ тамошняго Алтынъ-хана.

Русскіе, видя какую пользу имъ принесло завоеваніе Сибири, увлеклись все болѣе и болѣе открытіемъ новыхъ земель, а въ особенности старались узнать незнакомое имъ еще въ то время Китайское государство. По донесеніямъ отправленныхъ въ 1616 году къ Алтынъ-хану пословъ видно, что на Руси имѣли весьма темное понятіе объ этой землѣ.

Въ 1619 году, Тобольскій воевода, князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ отправилъ въ Монгольскія земли казаковъ: Ивашку Петлина и Пятуньку Киселева, которые доѣзжали до Алтынъ-хана. О дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи никакихъ бумагъ не осталось.

Въ 1620 году изъ Тобольска отправлены были въ Китай казачій голова Андрей Шарыгинъ и атаманъ Василій Тюменецъ, для провѣданія пути водянаго, черезъ Енисейскъ. Но тогдашнія смуты въ Китаѣ остановили всякія сношенія Китая съ Россіей.

Около 1650 года смуты эти истребили прежнюю династію Китайскихъ императоровъ, утвердивъ на престолѣ Маньчжурскую, подъ наименованіемъ Тсингъ.

Библиотека "Руниверс"

При первомъ императорѣ этой династіи, Шунь-Чжи, Русскіе стали возобновлять торговлю, и на границу въ 1649 г. отправлены были послы для торговыхъ соглашеній. Черезъ нихъ пограничный губернаторъ Маньчжуріи прислалъ къ царю зазывную грамоту съ подарками и приглашеніемъ Русскихъ купцовъ ѣздить въ Китай для торговли. Но грамоты эти до 1673 года, за неимѣніемъ переводчика Монгольскаго языка, оставались непонятными; а по словеснымъ уже пересказамъ царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился въ 1654 году отправить въ Китайскій городъ Камбалыкъ (Пекинъ), подъ именемъ гонца, посланникомъ, Тобольскаго боярскаго сына Өедора Исачова Байкова, которому велѣно было развѣдать: какіе товары въ Китайскомъ государствѣ покупать, а Россійскіе туда посылать и на какую сумму удобнѣе; какъ далекъ путь до Китайскаго государства, водяной или сухой; каковы люди и города; какой у нихъ бой, и торгъ и можно ли отъ нихъ ожидать для Россіи пользы. Байковъ былъ человѣкъ безграмотный, писцовъ съ нимъ не было и, кромѣ всего этого, онъ не успѣлъ ни въ чемъ, потому что отказался исполнить церемоніи, необходимыя при представленіи богдохану.

Съ другою грамотою отъ царя Алексѣя Михайловича посланъ былъ въ 1658 году въ Китай боярскій сынъ Тарскаго города Иванъ Перфильевъ. Царь просилъ, чтобы богдоханъ дозволилъ торговымъ своимъ людямъ пріѣзжать въ Россію со всякими товарами, обѣщая самъ отпускать Россійскіе товары, какіе подданнымъ его покажутся. Перфильевъ былъ принятъ богдоханомъ, одаренъ подарками и привезъ первые десять пудовъ чаю въ Москву.

Въ 1668 году посыланъ былъ въ Китай Бухаренинъ Сейткулъ-Албинъ, или, какъ пишетъ Бантышъ-Каменскій, Сектулъ-Аблинъ; но всѣ эти посольства не имѣли никакихъ важныхъ порученій и ограничивались соглядатайствомъ.

Въ 1670 году былъ полученъ въ Нерчинскѣ листъ, въ которомъ Китайское правительство жаловалось на скопленіе казаковъ въ Албазинѣ, не требуя, впрочемъ, его очищенія, изъ чего совершенно ясно, что въ это время со стороны Китайцевъ не было намѣренія мѣшать Русскимъ въ Албазинѣ, если бы послѣдніе оставили въ покоѣ область Сунгари. Изъ Нерчинска послѣдовалъ на это въ 1671 году отвѣтъ, и сынъ боярскій Игнатій Миловановъ отправленъ гонцомъ въ Пекинъ съ четырмя товарищами. Онъ принятъ былъ хорошо, представленъ богдохану и, богато одаренный, возвратился въ Нерчинскъ въ сопровожденіи Китайскаго чиновника, имѣвшаго при себѣ 65 человѣкъ свиты.

О границахъ не было и рѣчи. Въ Забайкальѣ у насъ существовала какая-то воображаемая пограничная черта съ Монголіей, отчего происходили частыя побоища за право владѣнія землями Забайкалья. Заселенія наши въ верховьяхъ Амура представляли едва-ли не худшее положеніе. Прежде обстановки своихъ заселеній въ извѣстныхъ пунктахъ, наши казаки и вольные люди бродили по тамошнему свѣту безъ оглядки, не имѣя ни за собою, ни впереди себя никакаго оплота, на который въ крайнихъ случаяхъ могли бы опереться. Въ

Библиотека "Руниверс"

годину бѣдъ они простирали руки къ своему началу, Енисейску или Якутску, а начальство большею частію предоставляло собственному произволу существованіе вольныхъ и гулящихъ людей земли Русской; поэтому и въ голодовку, и въ прочее время казаки начали хозяйничать въ Маньчжуріи, какъ у себя дома.

Россійскій дворъ прикрывался невѣдѣніемъ о поселеніяхъ Русскихъ на Амурѣ, и, чтобы предотвратить непріятности, въ 1675 году царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ богдохану переводчика Посольскаго Приказа Николая Гаврилова Спафарія, родомъ Молдованца, не столько въ видахъ торговли, сколько для обстоятельнаго описанія странъ, граничащихъ съ Россіей и разрѣшенія недоразумѣній, возникшихъ по поводу своевольства Русскихъ на Амурѣ.

Спафарій былъ человѣкъ ученый. Онъ скоро сошелся въ Пекинѣ съ Іезуитами и узналъ отъ нихъ, что богдоханъ имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ невыдачи бѣглеца князя Гантимура, напасть на Албазинъ и Нерчинскъ. Посольство Спафарія было вообще безуспѣшно. На возвратномъ пути писалъ онъ изъ Цицикара и съ Зеи къ Албазинцамъ, чтобъ они болѣе внизъ по Амуру и по Зеѣ не ходили и не собирали ясака съ Зейскихъ Тунгусовъ. Но, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, Албазинцы его не послушались, считали его, какъ Грека, измѣнникомъ Россіи и продолжали грабить туземцевъ, на что Москва смотрѣла безпокойными глазами.

Въ 1685 году Албазинскіе казаки Якимъ Ивановъ и Гришка Ѳоминъ привезли въ Москву 15-го Ноября печальное извѣстіе изъ Нерчинска о сдачѣ Албазина. Они отпущены плѣнные изъ Пекина съ грамотою отъ богдохана, въ которой онъ просилъ поставить рубежемъ Якутскъ.

Цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ разсудили отправить въ Пекинъ къ богдохану грамоту Посольскаго Приказа, съ подъячими Никифоромъ Венюковымъ и Иваномъ Ѳаворовымъ, въ которой, объявляя, что ихъ родитель, царь Алексѣй Михайловичъ, скончался, просили не дѣлать на Россійскіе предѣлы нападенія и разобрать миролюбиво всѣ происшедшія по границѣ ссоры. Въ Пекинъ прибыли они въ 1686 году. Венюковъ успѣлъ убѣдить богдохана послать Китайскихъ чиновниковъ съ Ѳаворовымъ въ Албазинъ и снять осаду, что и было приведено въ исполненіе въ Ноябрѣ того же 1686 года.

Съ Венюковымъ богдоханъ писалъ въ Москву грамоту, въ которой жаловался, «что Лоча (Русскіе) причиняютъ обиды его подданнымъ на Амурѣ, въ особенности звѣропромышленникамъ Дучерамъ; что Албазинцы, вооруженные пушками и ружьями, сильно обижаютъ мирныхъ охотниковъ, даютъ пріютъ Китайскимъ перебѣжчикамъ и когда ихъ требуютъ обратно, то Алексѣй, Иванъ и другіе отвѣчаютъ, что они не вправѣ этого сдѣлать безъ указа цаганъхана. Кромѣ того Русскіе, захватывая въ плѣнъ беззащитныхъ промышленниковъ, бродятъ по низовьямъ Амура. Когда Китайцы подступили къ Албазину, то на требованіе сдаться, Алексѣй отвѣчалъ выстрѣлами, такъ что Китайцы принуждены были овладѣть Албази-

Библиотека "Руниверс"

номъ силою, но не казнили ни одного изъ сдавшихся; напротивъ, отпустили плѣнныхъ въ ихъ предѣлы, исключая 40 человѣкъ, добровольно пожелавшихъ перейти къ Китайцамъ. Только-что Китайскія войска отступили, 460 человѣкъ вернулись и снова построили Албазинъ, перебили Китайскихъ звѣропромышленниковъ, разорили пашни, такъ что богдоханъ снова долженъ былъ взяться за оружіе и хотя было приступлено ко вторичной осадѣ, но между тѣмъ дано было приказаніе щадить плѣнныхъ и возвращать ихъ на родину. Богдоханъ кончаетъ грамоту тѣмъ, что Венюковъ, прибывъ съ дружественнымъ предложеніемъ о разграниченіи, убѣдилъ его снять осаду Албазина, вслѣдствіе чего и посланъ нарочный пріостановить военныя дѣйствія.

Еще до полученія этого листа, велѣно было поспѣшить готовиться на пограничный съѣздъ Русскому посольству. Важное дѣло это было поручено окольничему и намѣстнику Брянскому Ѳедору Алексѣевичу Головину, съ званіемъ великаго и полномочнаго посла.

Въ наказѣ Головину предписано: будучи на съѣздѣ съ Китайскими послами, учинить непремѣнно рубежъ по р. Амуру, давая знать, что кромѣ оной рѣки, издревле раздѣляющей оба государства, никакая граница не будетъ крѣпка.

Въ Сентябрѣ 1688 г. Головинъ получилъ изъ Москвы новый наказъ. Въ первой статьѣ сказано: домогаться, чтобъ между Россійскою и Даурскою страною и Китаемъ границею была рѣка Амуръ до устья; а буде Китайцы учинить сего не похотятъ, то сдѣлать границу рѣкою Амуромъ по р. Быструю или Зею. Вторая статья гласитъ, что, буде по нуждѣ и того учинить будетъ не можно, домогаться всячески, чтобъ быть границею Албазину и промыслъ имѣть по рѣкамъ Амуру, Быстрой или Зеѣ, наблюдая съ обѣихъ сторонъ спокойствіе; ссоры же, задоровъ и никому никакихъ обидъ и убытковъ не дѣлать подъ смертною казнію, но оставлять всякому довольствоваться промыслами. Статья третья: а буде и сего Китайскіе послы не похотятъ, тогда объявить, что великіе государи, для крѣпчайшія съ богдоханомъ дружбы и любви и по желанію его, соглашаются въ Албазинѣ ни острогу, ни поселенія не имѣть, ратныхъ людей вывесть, также чтобъ впредъ у Албазинскихъ жителей съ Китайскими подданными ссоры и нелюбви не было, а промыслы бы служилымъ и ясашнымъ Россійскимъ людямъ имѣть въ Албазинскихъ мѣстахъ безъ запрещенія и безъ ссоры. Наконецъ, въ четвертой статьѣ сказано: буде же, наконецъ, Китайцы и сего учинить не захотятъ, то договориться, чтобы сіе дѣло отложить до инаго времени, пока съ обѣихъ сторонъ въ тѣхъ мѣстахъ государи согласятся посредствомъ взаимнаго посольства оное дѣло рѣшить, не возбраняя подданнымъ обѣихъ сторонъ въ тѣхъ мѣстахъ, до совершенія договоровъ, имѣть свои промыслы.

«И о семъ всемъ должны они, послы, говорить Китайскимъ высланнымъ пространными любовными разговорами, склоняя ихъ заключить съ ними договоръ по первой статьѣ, а по нуждѣ по второй, по самой же конечной мѣрѣ по третьей. Войны же и кровопролитія,

Библиотека "Руниверс"

кромѣ самой явной отъ нихъ недружбы и наглыхъ проступковъ, не вчинать».

7 Іюля 1689 г. прискакалъ изъ Москвы гонецъ Посольскаго Приказа подъячій Иванъ Логиновъ, привезшій указъ, новыя статьи и полномочную грамоту. Въ статьяхъ, между прочимъ, сказано было, что если Китайцы и по послѣдней статьѣ указа прошедшаго года не похотятъ учинить и съ съѣзду поѣдутъ, тогда объявить имъ, что ихъ царскія величества изволяютъ быть границею Амуру-рѣкѣ. И съ сего времени Россійскіе служилые и ясашные люди ни для какихъ промысловъ за оную рѣку ходить не будутъ, а на сю Албазинскую сторону ихъ, Китайскихъ людей, не пустятъ. Ежели за тѣмъ учинятся какія ссоры и кровопролитія, и то имъ, Китайцамъ, будетъ самимъ отъ себя: ибо Даурская сторона по Амуръ-рѣку изстари великихъ Россійскихъ государей во владѣніи; съ достальными же землями по Амуру-рѣкѣ, отцу ихъ государей, царю Алексѣю Михайловичу, поддался Даурскій князецъ Гантимуръ со всѣмъ своимъ родствомъ и съ улусами и воспріялъ христіанскую вѣру. И потому своего государскаго владѣнія по Амуръ-рѣку никому они великіе государи уступать не повелѣли, а изволятъ быть съ богдоханомъ границѣ Амуру-рѣкѣ.

Въ указахъ о посольствѣ Головина между прочимъ сказано, что онъ посылается «въ дальніе Сибирскіе города, въ Селенгинскій, Нерчинскій и другіе остроги для обереганія отъ приходовъ Китайскихъ воинскихъ людей и для договору Китайскаго хана съ начальнымъ воеводою, который высланъ будетъ въ Китайскіе города, податные къ ихъ государскимъ городамъ и по славной Амуру-рѣкѣ, и для успокоенія ссоръ и унятія своевольныхъ людей. А которые городки Албазинскій и иные острожки въ прошлыхъ годѣхъ Китайцы разорили и пожгли, и тѣ паки ему въ тѣхъ мѣстахъ завесть и постройть и ратныхъ и жилецкихъ людей поселить и завести пашню и всякій хлѣбъ, чтобъ тѣми городками и сборомъ ясачнымъ по прежнему великимъ государямъ учинить прибыль многую. А буде Китайцы ему въ тѣхъ мѣстахъ городовъ и остроговъ строить не дадутъ, промышлять о томъ и радѣть ему всячески».

За тѣмъ, упоминая о переговорахъ пограничныхъ, въ указѣ вмѣнялось послу въ обязанность внушить Китайскимъ повѣреннымъ, что Даурская земля, на которой построены Нерчинскъ, Албазинъ и другіе острожки, никогда во владѣніи Китая не бывала, а жили на той землѣ ясачные, въ Россію платившіе ясакъ, люди; а хотя въ древнія лѣта тѣ Даурскіе люди и платили имъ, Китайцамъ, ясакъ, но то дѣлали они по неволѣ, бывъ въ дальнемъ разстояніи отъ Россійскихъ городовъ. По выстроеніи же вновь остроговъ, Даурскіе жители по прежнему платить ясакъ начали въ Россійскую, сторону, и въ томъ никакой обиды подданнымъ Китайскимъ не учинено; а слѣдовательно и войны за то начинать было не для чего. Объявивъ сіе, требовать за убытки и разореніе острожковъ награжденія или, въ знакъ государевой дружбы съ богдоханомъ, уступить оное безъ взысканія. Князя Гантимура съ дѣтьми, яко принявшихъ уже святое

Библиотека "Руниверс"

крещеніе, Китайцамъ отдать нельзя; прочихъ же бѣглецовъ вымѣнять на Русскихъ плѣнныхъ и т. д.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, намѣстникъ Брянскій и окольничій, выѣхалъ изъ Москвы въ Январѣ 1686 года. Въ свитѣ Головина находились стольникъ Алексѣй Сенявинъ, и пять бояръ Московскихъ; полковники—Ѳедоръ Скрыпицынъ, Павелъ Грабовъ, Антонъ Смаленбергъ, подполковникъ Сидоръ Богатыревъ, маіоръ, капитанъ, поручики, прапорщики, пять стрѣлецкихъ сотниковъ при 500 человѣкъ стрѣльцовъ, да двое подъячихъ, одинъ изъ Посольскаго Приказа, другой отъ Большой Казны. Сверхъ того при немъ же назначено быть Нерчинскому воеводѣ Ивану Власову и дьяку Семену Корницкому, а по проѣзжей грамотѣ велѣно ему брать изъ разныхъ Сибирскихъ городовъ и остроговъ служилыхъ людей со всею ратною амуниціею до 1500 человѣкъ.

Иванъ Логиновъ былъ посланъ изъ Москвы ранѣе, чтобы возвѣстить объ отправленіи посольства.

Изъ Тобольска Головинъ пустился водою на 23 дощеникахъ и по Кети доплылъ до Маковскаго острога въ первыхъ числахъ Августа, потомъ волокомъ въ 60 верстъ достигъ Енисейска, оттуда спустился по Енисею на 50 судахъ, поднявшись по Тунгускѣ и Ангарѣ, 28 Іюля 1687 г. прибылъ въ Иркутскій острогъ, 4 Сентября отправился за Байкалъ и приплылъ по Селенгѣ 28 числа въ Удинскъ. Изъ Удинска посольство выѣхало въ Нерчинскъ, но встрѣтило нарочнаго съ извѣстіемъ объ отступленіи Китайцевъ отъ Албазина и возвратилось въ Удинскъ. Оттуда Головинъ поѣхалъ на Селенгинскъ и 19 Ноября послалъ въ Пекинъ дворянина посольства Степана Коровина съ извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ и съ предложеніемъ о назначеніи мѣста переговоровъ. Войско Головина было расположено въ деревняхъ по Селенгѣ, и при немъ оставалось только 200 человѣкъ. Зимою атаковали его 15.000 Монголовъ; онъ ихъ отбилъ, и вслѣдствіе этого пораженія и нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ стычекъ, 50.000 Монголовъ приняли подданство Россіи.

Коровинъ вернулся 28 Іюня 1688 года. Селенгинскъ былъ избранъ пунктомъ для переговоровъ. Посольство Китайское выѣхало изъ Пекина 20 Мая. При немъ состояли: Іезуиты Португалецъ Перейра и Французъ Жербильонъ, въ качествѣ переводчиковъ. Въ свитѣ посла было до 70 мандариновъ, 1000 человѣкъ конницы, 8 орудій и страшное количество прислуги. Монголы не были еще тогда покорены Китайцами. Услыхавъ о замѣшательствѣ, которое возникло въ то время между Монголами и Калмыками, Китайское посольство, какъ мы увидимъ въ подробномъ описаніи, побоялось ѣхать далѣе и получило изъ Пекина приказаніе вернуться. Головину посланъ былъ съ гонцами листъ, которымъ сообщались причины неприбытія посольства. Гонцы вернулись въ Пекинъ съ отвѣтнымъ листомъ отъ Головина, писаннымъ на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, въ которомъ онъ выражалъ ревностное желаніе скорѣе привести къ концу дѣло о границѣ и увѣреніе, что онъ не можетъ тратить время на пустыя и безполезныя разбирательства; что, согласно волѣ своего

Библиотека "Руниверс"

Государя, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы заключить почетный миръ, а такъ какъ переговоры въ этомъ году едвали состоятся, то онъ намѣренъ обозрѣть зимою пограничныя мѣста.

Считаемъ не лишнимъ описать подробно весь ходъ дѣлъ относительно переговоровъ Китайскихъ уполномоченныхъ съ Головинымъ, пользуясь источниками изъ записокъ Іезуитовъ.

9-го Іюля 1688 года Китайское посольство стояло лагеремъ въ ожиданіи мандарина, посланнаго къ Калмыцкому хану на счетъ безпрепятственнаго прослѣдованія; но 10 числа два придворныхъ мандарина привезли изъ Пекина извѣстіе, что между Монголами и Калмыками вспыхнула война, и поэтому богдоханъ повелѣваетъ посольству вернуться на границы Китая, письменно извѣстивъ Московское посольство въ Селенгинскѣ о причинахъ отступленія и приглашая его для переговоровъ прибыть на Китайскую границу, или же избрать какое либо другое для этого средство.

Повелѣніе это было принято Китайскими послами съ радостію. Лошади были всѣ изнурены, въ съѣстныхъ припасахъ оказался недостатокъ. Китайцы надѣялись достать всего въ Монголіи; но жители этой страны разбѣжались по случаю военныхъ дѣйствій и угнали весь скотъ, такъ что купить было и нечего, и не у кого, и дальнѣйшее слѣдованіе посольства было бы самое бѣдственное.

Китайскіе послы, передъ возвращеніемъ, написали Головину слѣдующее письмо, которое Іезуиты перевели на Латинскій языкъ.

«Живущіе на Китайской границѣ Русскіе подданные вступили въ предѣлы Якса и Нипчу (Албазина и Нерчинска), принадлежащіе нашему государю; они совершали тамъ многія насилія, грабежи и воровства. Когда они завладѣли землею Хегуннюма и другими, писано было о томъ неоднократно въ Москву, но отвѣта не воспослѣдовало».

«Государь нашъ посылалъ въ 1686 году людей своихъ къ Русскимъ начальникамъ, чтобъ разобрать это дѣло дружелюбно; но нѣкій Алексѣй, начальствующій въ Яксѣ (Албазинѣ), не вникнувъ въ причины распри, отвѣчалъ оружіемъ на всѣ права и убѣжденія, что и вынудило одного изъ императорскихъ военно начальниковъ осадить и взять Яксу».

«Но его величество богдоханъ, бывъ убѣжденъ, что великіе князья Московскіе не одобрятъ поведенія своего губернатора, запретилъ убивать Русскихъ; напротивъ того, далъ повелѣніе снабдить всѣмъ нужнымъ тѣхъ людей изъ гарнизона, которые пожелали бы возвратиться на родину и доставить въ Пекинъ тѣхъ изъ нихъ, которые домой возвращаться не пожелаютъ, обѣщавъ, что съ ними поступлено будетъ прилично ихъ званію».

«Такимъ образомъ изъ тысячи солдатъ, находившихся въ крѣпости, ни одному не причинено ни малѣйшаго зла; напротивъ того, тѣмъ, кому не на чѣмъ было ѣхать, даны лошади, и у кого не было оружія— даны винтовки, а нуждающихся снабдили съѣстными припасами, и отпуская объявили, что государь нашъ этими непріязненными дѣйствіями недоволенъ, что онъ желаетъ, чтобы всѣ народы наслаждались миромъ, каждый въ своей землѣ».

Библиотека "Руниверс"

«Такая государева милость тронула и самого Алексѣя, такъ что онъ не могъ удержаться отъ слезъ».

«Между тѣмъ осенью того же года онъ снова вернулся въ крѣпость, которую мы срыли; мало того, что онъ ее возобновилъ, онъ нападалъ на звѣропромышленниковъ нашихъ и отнималъ у нихъ пушнину; сверхъ того онъ пришелъ съ войскомъ въ Хумару, напалъ на 40 человѣкъ, посланныхъ нашимъ правительствомъ для осмотра этихъ странъ, захватилъ въ плѣнъ Кавутея, что̀ и заставило нашихъ военачальниковъ вернуться въ Яксу и вторично подвергнуть ее осадѣ съ единственною цѣлію захватить и наказать неблагодарнаго и вѣроломнаго Алексѣя».

«Когда войска наши довели крѣпость до послѣдней крайности и готовы были уже взять ее, вы, послы Московскіе, отправили къ намъ Никифора [1]) съ извѣстіемъ, что ѣдете трактовать о мирѣ».

«Его величество былъ такъ милостивъ, что не дозволилъ проливать кровь вашихъ воиновъ; онъ тогда же послалъ состоявшаго при Никифорѣ переводчикомъ, Ивана, и нѣсколько человѣкъ изъ его свиты, въ сопровожденіи Китайскихъ чиновниковъ, которымъ было приказано скакать день и ночь, съ повелѣніемъ снять осаду Яксы, въ ожиданіи вашего прибытія».

«Затѣмъ вы прислали къ намъ Степана [2]) спросить о назначеніи мѣста для переговоровъ о мирѣ. Государь нашъ, принимая во вниманіе, что вы прибыли изъ дальней страны и претерпѣли въ пути много неудобствъ и трудностей и хваля благія намѣренія вашихъ царей, послалъ насъ прямо на рѣку, протекающую вдоль Селенгинской страны, гдѣ вы въ настоящее время пребываете и повелѣлъ сдѣлать все зависящее отъ насъ къ выполненію намѣреній вашихъ государей».

«Въ силу этого повелѣнія мы уже далеко вдались въ землю Халхасцевъ, какъ вдругъ узнали о войнѣ, загорѣвшейся между ханомъ Халхасскимъ и Калмыками; а такъ какъ путеслѣдованіе наше имѣло цѣлію не то обстоятельство, а свиданіе съ вами, то мы и взяли съ собой небольшое число войска, о чемъ просилъ насъ и посланный вашъ, Степанъ. Еслибы мы двинулись далѣе въ такомъ малочисленномъ составѣ и очутились на самомъ мѣстѣ дѣйствія враждующихъ племенъ, одно изъ нихъ не преминуло бы пристать къ намъ, и тогда мы были бы въ самомъ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что отъ императора нашего мы не имѣемъ никакихъ инструкцій на счетъ того, чтобы вмѣшиваться въ это дѣло, и неловко было бы намъ самовольно вступать въ разбирательство. Поэтому-то мы и рѣшились вернуться къ своей границѣ, гдѣ и будемъ выжидать. Между прочимъ посылаемъ вамъ дать о томъ знать съ симъ нарочнымъ съ тѣмъ, что если вы имѣете сдѣлать намъ какія-либо предложенія, или на что-либо по этому дѣлу думаете рѣшиться, то намъ о томъ напишите; если теперь ничего нельзя сдѣлать, то дайте намъ

[1]) Венюкова.
[2]) Коровина.

Библиотека "Руниверс"

знать, когда и гдѣ мы можемъ съѣхаться, и мы будемъ ожидать вашего отвѣта».

«Намъ остается только васъ увѣдомить, что когда мы послали Никифорова переводчика и нашихъ чиновниковъ съ повелѣніемъ снять осаду Яксы, военоначальникъ нашъ, отступая, далъ знать коменданту крѣпости Пайдуну [3]), что осада снимается, потому что великіе князья Московскіе послали уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его бросить всѣ пашни въ окрестностяхъ Яксы, не обижать нашихъ звѣропромышленниковъ, что̀ Пайдунъ обѣщалъ исполнить въ точности».

«Между тѣмъ одинъ изъ воинскихъ начальниковъ нашихъ былъ посланъ удостовѣриться, сдержано ли данное слово, и не послѣдовали ли примѣру вѣроломнаго Алексѣя; и если Пайдунъ и его сообщники люди незначительные, слову своему измѣнили и земли въ окрестностяхъ Яксы вспахали и засѣяли, то приказать солдатамъ нашимъ сжать хлѣбъ; но еслибы это и случилось, то не думайте, что мы перемѣнили намѣреніе о мирныхъ переговорахъ и послали войско, чтобы побить васъ».

«Вотъ по какой причинѣ мы написали это письмо, посылаемое къ вамъ съ тремя чиновниками, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ служащихъ». Подписано письмо было: «Посланные мудрѣйшаго императора, вельможи дворца его, Сонготу, капитанъ императорскихъ тѣлохранителей, государственный совѣтникъ, начальникъ императорскаго знамени и дядя его императорскаго величества; Арнхи, предсѣдатель трибунала внѣшнихъ сношеній; Ма-лаойе, великій прапорщикъ императорскаго знамени и прочіе посылаютъ сей листъ посламъ и великимъ уполномоченнымъ ихъ величествъ царей Московскихъ, окольничему намѣстнику Брянскому Ѳедору Алексѣевичу Головину съ товарищами».

Одинъ изъ мандариновъ, привезшихъ императорское повелѣніе, отправленъ былъ 11 Іюля по почтѣ съ представленіемъ богдохану донесеній, и въ тотъ же день три мандарина, въ сопровожденіи 30 человѣкъ, поѣхали къ Русскому посольству, получивъ приказаніе доставить отъ него свѣдѣнія на границу не позже какъ черезъ мѣсяцъ.

Мандаринъ Лимфайенъ, посланный къ богдохану, вскорѣ вернулся и привезъ повелѣніе, которымъ дозволялось вернуться въ Пекинъ всѣмъ мандаринамъ изъ свиты четырехъ великихъ сановниковъ; послѣднимъ же приказано было остаться на мѣстѣ до полученія отвѣта отъ Русскихъ, а также и Іезуитамъ для перевода этого отвѣта. Всѣ, кому дозволено было вернуться, очень этому обрадовались, потому что дорога всѣхъ измучила и всѣ телѣги были поломаны.

Вечеромъ 27 Августа три чиновника вернулись съ Селенги въ лагерь Китайскаго посольства и привезли отвѣтъ отъ Головина, написанный порусски съ Латинскимъ переводомъ. Письмо было сочинено хорошо и умно; видно было, что писалъ его человѣкъ ловкій и дѣльный. Коснувшись вскользь жалобъ тайгиновъ (верховныхъ сановниковъ),

[3]) Бейтону.

Библиотека "Руниверс"

Головинъ отвѣчалъ, что не слѣдуетъ забавляться пустяками и подымать прежнія ссоры, но надо заняться существеннымъ дѣломъ, а именно постановленіемъ границъ между двумя государствами и заключеніемъ вѣчнаго мира и союза между обоими народами; что онъ съ своей стороны приметъ всѣ мѣры для приведенія къ окончанію этого важнаго дѣла, и такъ какъ съѣздъ въ этомъ году не возможенъ, то онъ проведетъ зиму на пограничныхъ земляхъ, принадлежащихъ Россійскому государству. При этомъ Головинъ проситъ Китайскихъ сановниковъ немедленно извѣстить его, въ какое мѣсто и въ какое время могутъ они прибыть для совѣщаній, и чтобы точнѣе узнать ихъ намѣренія, а имъ сообщить свои собственныя, онъ полагаетъ въ скоромъ времени послать къ нимъ довѣренныхъ лицъ, прося принять ихъ и обходиться съ ними съ честію, какъ съ его товарищами и не задерживая проводить ихъ обратно до границы, снабдивъ припасами и давъ имъ повозки.

Китайскіе чиновники, которые привезли отвѣтъ Головина, сказывали, что посланникъ смотритъ знатнымъ вельможею, обошелся съ ними хорошо и съ достоинствомъ; жаловались, что онъ высказалъ имъ нѣсколько горькихъ истинъ и насмѣхались вмѣстѣ съ тайгинами надъ свитою Головина, называя Русскихъ невѣждами и грубыми въ обращеніи. Конечно и Русскіе, въ свою очередь, не упустили случая позабавиться надъ Китайцами и Маньчжурами.

11 Мая 1689 года прибыли отъ насъ въ Пекинъ изъ Селенгинска посланные съ листомъ къ императорскимъ министрамъ, въ которомъ спрашивали ихъ о назначеніи пограничнаго пункта для мирныхъ переговоровъ и о времени прибытія депутатовъ, дабы Русскіе могли съ своей стороны туда же явиться и съ такимъ же количествомъ свиты, какая будетъ состоять при Китайскомъ посольствѣ Посланные эти были тѣже лица, которыя были и въ прошедшемъ году.

Богдоханъ приказалъ отвѣчать, что онъ назначаетъ мѣстомъ переговоровъ Нипчу (Нерчу), и отправитъ повѣренныхъ 1 Іюня со всею поспѣшностью; что такъ какъ цѣль ихъ путешествія—заключеніе искренняго и прочнаго мира, то они возьмутъ съ собою столько людей, сколько необходимо для личной ихъ безопасности.

23 Іюня Русскій посланный посѣтилъ Іезуитовъ. Онъ былъ видный мужчина и въ короткое время своего пребыванія выказалъ много ума; онъ очень бѣгло читалъ и говорилъ по-французски и по-латыни; большая часть его свиты знала Монгольскій языкъ.

Отецъ Перейра долженъ былъ на другой же день отправиться во дворецъ доложить богдохану о вчерашнемъ посѣщеніи. Богдоханъ былъ очень доволенъ ихъ свиданіемъ; но отдавать визитъ Венюкову запретилъ Перейрѣ, предоставивъ это сдѣлать другимъ Іезуитамъ.

1 Іюня Китайское посольство выѣхало изъ Пекина съ 2000 кавалеріи. Вся свита состояла безъ малаго изъ 7000 человѣкъ. Дорогою посольство обогнало 200 быковъ и 3000 барановъ, назначенныхъ въ пищу для него и для его свиты; другою дорогою гнали столько же и кромѣ того 3000 лошадей и 1000 верблюдовъ, навьюченныхъ рисомъ. Все это шло къ Нерчинску.

Библиотека "Руниверс"

26 Іюня посольство вступило въ предѣлы Монголіи и было встрѣчено родственникомъ хана Халхасскаго, который былъ вынужденъ покинуть свои сѣверныя земли изъ страха къ Русскимъ, съ которыми Халхасцы были въ непріязненныхъ отношеніяхъ; но вѣрнѣе причиною этому были Калмыки, опустошавшіе въ прошедшемъ году Монголію. Они - то и заставили Халхасцевъ отступить въ предѣлы Китая.

3 - го Августа послы объявили о намѣреніи своемъ отправить нѣсколько чиновниковъ къ Русскимъ уполномоченнымъ съ привѣтствіемъ и извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ. Всѣ чиновники выразили желаніе взять на себя это порученіе; они просили на колѣняхъ этой милости и, снявъ шапки, били челомъ въ землю, что̀ у Маньчжуръ считается послѣднею степенью уничиженія. Причиною этому было честолюбіе, желаніе выказаться и сдѣлаться извѣстными богдохану.

Наконецъ, 4 Августа Китайцы пришли на рѣку Керлонъ, встрѣтивъ на правой сторонѣ Халхасскихъ тайшей, ушедшихъ за Керлонъ отъ Русскихъ.

15 числа Китайскій посланный вернулся изъ Нерчинска (Нипчу) въ станъ съ отвѣтомъ, что онъ видѣлъ начальника острога, который обошелся съ нимъ очень вѣжливо: спрашивая о здоровьѣ Китайскихъ пословъ, онъ сдѣлалъ низкій поклонъ, до земли; за тѣмъ сказалъ, что уполномоченныхъ отъ великихъ князей Московскихъ еще нѣтъ въ Нипчу, что онъ послалъ къ нимъ нарочнаго съ извѣщеніемъ о скоромъ прибытіи Китайскаго посольства и надѣется, что они сами не замедлятъ прибыть, и что Ма-лаойе съ войскомъ и лодками стоитъ въ виду Нипчу.

17 числа прибылъ Русскій посланецъ съ привѣтствіемъ къ Китайскому посольству; въ свитѣ его было 10 человѣкъ, все малорослыхъ и на видъ грубыхъ и дикихъ. Платье ихъ было изъ толстаго сукна; на самомъ же посланцѣ немного получше. Переводчикомъ у него былъ Калмыкъ, довольно глуповатый, который сильно растерялся, увидавъ себя вдругъ въ такомъ прекрасномъ обществѣ. Посланецъ сказалъ привѣтствіе стоя, и кончивъ, надѣлъ шапку и сдѣлалъ поклонъ по Русскому обычаю. Его попросили сѣсть, а также и его свиту. Онъ спрашивалъ, въ какомъ мѣстѣ посольство желаетъ остановиться, чтобы приготовить ему заблаговременно станъ; объявилъ о скоромъ прибытіи Русскихъ уполномоченныхъ и, напившись чаю, отправился въ Нерчинскъ.

18-го Августа Китайцы были близко отъ Нипчу. Они увидали Русскія деревни, пашни и загороди. Ма-лаойе, одинъ изъ повѣренныхъ богдохана при переговорахъ, тузянъ-кунъ, или военачальникъ богдохана въ Айгунѣ и во всей странѣ къ Сѣверу отъ Улы; два гусай-чина, или начальники осьми императорскихъ знаменъ и многіе другіе знатные мандарины за нѣсколько верстъ вышли на встрѣчу Китайскимъ посламъ и на колѣняхъ спросили о здоровьѣ богдохана.

Немного далѣе послы встрѣтили на дорогѣ еще толпу мандариновъ, которые были сосланы въ Улу, Айгунъ, Нингуту и другія подобныя мѣста восточной Маньчжуріи, бывъ предварительно разжа-

Библиотека "Руниверс"

лованы въ солдаты. Въ ссылкѣ ихъ употребляли на самыя тяжелыя работы, посылали рубить лѣсъ для казны, заставляли тянуть бичевою лодки и т. п. Видъ этихъ несчастныхъ былъ самый жалкій, одѣты они были бѣдно и грязно, и большею частью были старики съ бѣлыми и сѣдыми бородами.

Наконецъ, посольство увидѣло Нерчинскъ и всѣ лодки, на которыхъ прибыло войско и припасы изъ Улы и Айгуна. Лодки стояли всѣ рядомъ, вдоль берега; палатки солдатъ были разбиты въ порядкѣ, тоже вдоль берега; суда были разцвѣчены флагами и вымпелами; сто гребныхъ лодокъ меньшаго размѣра, въ родѣ галеръ, стояли также у берега.

На лодкахъ пришло 1.500 человѣкъ войска; со всѣмъ экипажемъ было на нихъ до 3000 человѣкъ народу; а если къ этому прибавить 1400 челов. войска, пришедшихъ съ посольствомъ, не считая мандариновъ, охраннаго войска посольскаго, ихъ штата и страшнаго количества прислуги, то всего на все собралось отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ. Верблюдовъ было до 4000 и лошадей по крайней мѣрѣ 15.000 головъ. У одного Сосанъ-лаойе было болѣе 300 верблюдовъ, 500 лошадей и 100 человѣкъ прислуги; у Кью-Кьеу лошадей было не менѣе 300, 130 верблюдовъ и 80 прислужниковъ.

Появленіе лодокъ съ войскомъ удивило Нерчинскаго начальника, потому что онъ объ этомъ не былъ предувѣдомленъ. Пріѣхавшимъ къ нему двумъ Китайскимъ чиновникамъ, для привѣтствія, онъ объявилъ, что онъ имѣетъ полное право жаловаться на образъ дѣйствій солдатъ: они пришли какъ будто не съ миролюбивыми намѣреніями, а съ цѣлію опустошить и разграбить страну; они окружили крѣпость и, не объявляя о причинѣ своего прибытія, на вопросъ чего они желаютъ отвѣчали, что они не обязаны давать отчета, а пойдутъ туда, куда вздумаютъ.

Воевода жаловался, что лошади, шедшія берегомъ, вытоптали наши поля; что дорогою захватывали Русскихъ крестьянъ и допрашивали ихъ, гдѣ теперь Солоны, принявшіе Русское подданство, конечно съ цѣлію отмстить имъ за это. Все это говорилось относительно Китайцевъ, приплывшихъ въ лодкахъ.

Напротивъ того, воевода очень выхвалялъ вѣжливость начальниковъ посольства, прибывшихъ сухимъ путемъ и предувѣдомившихъ его о своемъ пріѣздѣ. Они объявили, что поступки прибывшихъ на лодкахъ Китайцевъ совершенно противны намѣреніямъ богдохана; притомъ они подозрѣвали, что эти выходки могли быть причиною того, что Русское посольство или удалилось изъ Нипчу или, не доѣзжая до него, пріостановилось, желая тайно вызнать намѣренія Китайскихъ людей и число ихъ войска. Поэтому они дали знать военнымъ начальникамъ, чтобы они стали дальше отъ Нипчу и не подавали бы Русскимъ впередъ никакаго повода къ жалобамъ, что̀ и было исполнено въ точности.

19 Іюля Нерчинскій воевода прислалъ двухъ офицеровъ привѣтствовать пословъ съ благополучнымъ прибытіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Послы предложили послать на встрѣчу Венюкову своего человѣка чтобъ поторопить его, предлагали Русскимъ съ своей стороны кого нибудь послать, и обѣщали дать для того почтовыхъ лошадей. Кромѣ того положено было послать двухъ чиновниковъ съ привѣтствіемъ къ Головину, на встрѣчу, о чемъ предувѣдомили Нерчинскаго начальника. 29-го полученъ отвѣтъ отъ Русскаго уполномоченнаго. Начинался онъ поздравленіями и привѣтствіями. Головинъ благодарилъ за безпокойство и участіе, выраженное послами на счетъ его неприбытія; объяснялъ свое замедленіе тѣмъ, что они сами писали ему, что будутъ въ Августѣ, почему онъ и подвигался медленно, но что онъ теперь поспѣшитъ, чтобы избавить ихъ отъ тревожнаго состоянія и доставить кормъ ихъ лошадямъ и верблюдамъ. Далѣе Головинъ пишетъ, что Китайцамъ не можетъ быть неизвѣстно, что нигдѣ не принято, вступая въ чужую землю для мирныхъ переговоровъ, подходить вплоть къ крѣпости; а поэтому онъ ихъ проситъ отойти немного далѣе и уступить ему мѣсто, на которомъ они теперь стали, такъ какъ по всей справедливости слѣдуетъ стоять ближе къ Русской крѣпости ему, а не чужеземцамъ, и если они отодвинутся, то не будутъ нуждаться въ кормѣ для скота. Онъ обѣщалъ имъ, если не встрѣтитъ неожиданныхъ препятствій, прибыть въ Нерчинскъ 9-го Августа.

3-го Августа Нерчинскій воевода сообщилъ, что посолъ будетъ дня черезъ два, и что часть его людей и багажа пришли уже въ Нерчинскъ; а 6-го числа прибылъ самъ уполномоченный съ частію своей свиты и послалъ дворянина посольства объявить Китайскимъ уполномоченнымъ, что переговоры ранѣе трехъ дней начаться не могутъ, потому что не вся его свита прибыла въ Нерчинскъ.

Затѣмъ первое засѣданіе назначено 10 Августа; положено, что Китайскіе послы переправятся черезъ рѣку въ сопровожденіи 40 мандариновъ и 760 солдатъ, изъ коихъ 500 человѣкъ, въ полномъ вооруженіи, останутся на берегу при лодкахъ, въ равномъ разстояніи и отъ крѣпости, и отъ конференцій; что остальные 260 человѣкъ послѣдуютъ за послами до мѣста переговоровъ и станутъ сзади ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи; Русскіе тоже въ полномъ вооруженіи станутъ у крѣпости въ числѣ 500 человѣкъ, и за Русскимъ уполномоченнымъ будутъ слѣдовать 40 офицеровъ [1]) изъ его свиты и 260 солдатъ, которые выстроятся за нимъ въ такомъ же разстояніи, какъ и Китайскіе солдаты за послами; тѣ и другіе должны быть вооружены только саблями, и для устраненія всякаго обмана войскà должны произвести взаимный осмотръ. Затѣмъ уполномоченные соберутся въ своихъ палаткахъ, постановленныхъ рядомъ одна возлѣ другой, образуя какъ бы одну, и сядутъ другъ противъ друга въ совершенно-равномъ чинѣ.

Іезуитамъ немалаго труда стоило увѣрить пословъ въ искренности желанія Русскаго уполномоченнаго. Китайцамъ приходилось

[1]) Слова офицеръ тогда на Руси еще не было. Напомнимъ читателю, что все это описаніе составлено по запискамъ Китайскихъ Іезуитовъ.

Библиотека "Руниверс"

впервые вести переговоры и, по мнительности своей, они были убѣждены, что имъ ставятъ ловушку. Іезуиты объясняли имъ международное право и представили на видъ, что Русскій уполномоченный дѣлаетъ вначалѣ подобныя затрудненія потому именно, что самъ не рѣшается повѣрить, чтобы для однихъ мирныхъ переговоровъ столько было сдѣлано военныхъ приготовленій.

10 Августа на разсвѣтѣ Китайцы переправили черезъ рѣку 800 солдатъ съ офицерами; изъ нихъ 300 должны были стать близъ посольской палатки, а 500 оставлены у лодокъ, на равномъ разстояніи отъ палатокъ и отъ крѣпости. Іезуиты переправились съ квартирмейстерами, ожидая пословъ на берегу. Все было готово, какъ вдругъ одно обстоятельство чуть было не испортило всего дѣла.

Нашъ уполномоченный соглашался, чтобы 500 человѣкъ оставались при лодкахъ. Ему доложили, что они, напротивъ того, выстроены вдоль берега и гораздо ближе къ палаткамъ, чѣмъ было назначено. Онъ тотчасъ же послалъ узнать причину этого измѣненія условій. Послы, не имѣвшіе до сего никакаго понятія ни о переговорахъ, ни о международномъ правѣ, не довѣряли Русскимъ, боялись попасть въ сѣти и хотѣли обезпечить свою личную безопасность: они не понимали, что посолъ есть особа неприкосновенная и священная даже для самаго злѣйшаго врага.

Китайцы просили Іезуитовъ уладить это дѣло; тѣ объяснили Головину, что Китайцы не знаютъ правъ и обычаевъ другихъ народовъ и, во избѣжаніе прерванія переговоровъ, просили дозволить остаться войску Китайскому на мѣстѣ, на что Головинъ далъ свое согласіе съ тѣмъ, чтобы болѣе солдатъ не переправляли. За всѣмъ тѣмъ Іезуитамъ стоило немалаго труда убѣдить пословъ переправиться за рѣку. Маньчжурскій главнокомандующій, не разъ обманутый Русскими, внушалъ посламъ опасенія; но Іезуитамъ удалось, наконецъ, убѣдить ихъ, и послы переѣхали со всей своей свитою, одѣтые въ парадныя шелковыя и парчевыя одежды съ императорскими драконами. Они приготовили было свои знамена и разукрашенные дротики; но, узнавъ о великолѣпіи, какимъ окружило себя Русское посольство, рѣшились идти просто, безъ всякихъ знаковъ своего достоинства, кромѣ шелковыхъ зонтиковъ, которые несли передъ каждымъ изъ нихъ.

Двѣсти шестьдесятъ Русскихъ воиновъ выступили въ полномъ вооруженіи съ барабанами и музыкою; впереди шли офицеры. Головинъ ѣхалъ верхомъ со свитою. При немъ были трубачи, литаврщики и музыканты. Помощникомъ его былъ воевода Нерчинскій, и при немъ же находился секретарь посольства.

Головинъ былъ одѣтъ роскошно; сверхъ парчеваго золотаго камзола на немъ была такая же шуба изъ самыхъ лучшихъ черныхъ соболей, за которую, какъ увѣряетъ отецъ Перейра, въ Пекинѣ надо дать не менѣе 1000 талеровъ. Головинъ былъ толстъ и невысокаго роста, дородный и коренастый, но довольно пріятной наружности; держалъ онъ себя непринужденно. Палатка его была устроена довольно опрятно и хорошо, была выстлана и обтянута Турецкими

Библиотека "Руниверс"

коврами; передъ нимъ стояли два стола, накрытыхъ Персидскими коврами, одинъ изъ нихъ былъ затканъ золотомъ и шелками. На этомъ столѣ лежали бумаги, стояли чернилица и хорошіе столовые часы.

У Китайскихъ пословъ была простая холщевая палатка, въ которой они сидѣли на большой скамьѣ, подложивъ подъ себя подушки, которыя Маньчжуры всегда имѣютъ при себѣ и садятся на нихъ наземь.

Изъ Русскихъ сидѣли только трое, т. е. Головинъ, Нерчинскій воевода и секретарь, первые два въ креслахъ, а послѣдній на скамьѣ; остальные стояли позади. Со стороны Китайцевъ сидѣли только семь тайгиновъ, имѣвшихъ каждый титулъ посланника и право голоса, и оба Іезуита—Жербильонъ и Перейра; четыре квартирмейстера сидѣли позади посланниковъ; всѣ остальные чиновники и мандарины стояли.

Когда всѣ заняли свои мѣста, сдѣлавъ взаимное привѣтствіе, Русскіе объяснили цѣль своего посольства чрезъ дворянина, родомъ Поляка, получившаго воспитаніе въ Краковѣ, гдѣ онъ слушалъ философію и богословіе. Онъ довольно легко и ясно говорилъ по-латыни и, кончивъ свою рѣчь, просилъ Китайскихъ пословъ выразить цѣль ихъ прибытія и за тѣмъ приступить къ дѣлу; но они уклонились отъ этого, предоставивъ первое слово Русскимъ.

Послѣ многихъ взаимныхъ церемоній и учтивостей, Головинъ спросилъ тайгиновъ, имѣютъ ли они уполномоченіе трактовать о мирѣ и разграниченіи, и предложилъ имъ въ тоже время показать свои патенты. Тайгины отказались, сказавъ, что вѣрятъ на слово.

Рѣшено было не говорить о прошломъ и ни о чемъ другомъ, пока не опредѣлены будутъ границы обѣихъ имперій, что̀ составляло главнѣйшій пунктъ трактата.

Головинъ предложилъ границею Амуръ, съ тѣмъ что все, на Сѣверъ отъ него лежащее, принадлежать должно Московскому государству; а то, что̀ лежитъ на Югъ, — Китайской имперіи. На это Китайцы не согласились, отзываясь тѣмъ, что по лѣвую сторону Амура у нихъ города и селенія, а главное — соболиный промыселъ въ горахъ.

Китайцы заявили непомѣрныя требованія и запросили далеко больше того, что̀ могли получить. Они предложили, чтобы Русскіе отодвинулись за Селенгу, уступивъ имъ Селенгинскія, Нерчинскія и Албазинскія земли, какъ имъ принадлежавшія; они объясняли это тѣмъ, что, со времени царствованія Маньчжурской династіи, всѣ Маньчжуры платили дань богдохану и что Русскіе не могутъ опровергнуть правъ ихъ на эти земли.

Было уже довольно поздно, когда споръ этотъ завязался. Первая конференція кончилась; послы пожали другъ другу руки и разстались довольные съ обѣихъ сторонъ.

На другой день Головинъ послалъ освѣдомиться о здоровьѣ пословъ и пригласилъ ихъ на второе засѣданіе. Мѣста заняли какъ и наканунѣ, только немало прошло времени во взаимныхъ церемоніяхъ и предложеніяхъ начать слово.

Библиотека "Руниверс"

Головинъ выразилъ мнѣніе, что такъ какъ Китайскіе послы требовали обратной уступки земель, яко бы имъ принадлежавшихъ, то пусть они и укажутъ эти земли, хотя впрочемъ онъ, Головинъ, этого перваго пункта не допускаетъ.

Китайцы сдались немного и рѣшились назначить границей рѣку Нипчу (Нерча), оставляя Нерчинскій острогъ Русскимъ, какъ пограничный пунктъ торговли съ Китаемъ.

Русскіе на предложеніе это не согласились; они разсмѣялись и очень благодарили, что ихъ не выгоняютъ изъ Нерчинска, позволяютъ спать спокойно и просили предложить что нибудь поблагоразумнѣе, о чемъ можно было бы толковать. Китайцы настаивали на своемъ, Русскіе не уступали, и конференція окончилась холодно. Обиженные насмѣшками Русскихъ, Китайцы послали снять свои палатки, желая этимъ показать, что не хотятъ вести переговоры съ людьми, ихъ обидѣвшими и отъ которыхъ они не ожидали ничего удовлетворительнаго.

12-го весь день прошелъ въ совѣщаніяхъ. Іезуиты узнали, что Китайскіе послы предлагали Русскимъ очистить Селенгинскія и Нерчинскія земли; предложеніе это сдѣлано было черезъ Монгольскаго переводчика. Китайцы Іезуитамъ не вполнѣ довѣряли, замѣтивъ расположеніе къ нимъ Русскаго уполномоченнаго и ту неохоту, съ какой онъ велъ переговоры помонгольски, хотя при немъ были два переводчика этого языка. Да и послы легче понимали этотъ языкъ и свободнѣе на немъ объяснялись.

Жербильонъ и Перейра увѣряли пословъ богдохана, что Русскіе безъ сомнѣнія уступятъ Албазинъ и часть земель, лежащихъ между нимъ и Нерчинскомъ; это ихъ ободрило, и они снова начали свои совѣщанія и призвали на совѣтъ Іезуитовъ, которые выразили готовность отправиться къ Русскимъ подъ предлогомъ разъясненія вчерашнихъ преній. Дѣло это отложили до другаго дня, рѣшившись настаивать на послѣднемъ словѣ о границѣ, согласно повелѣнію самого богдохана.

13-го утромъ, только что хотѣли отправлять Іезуитовъ въ Нерчинскъ, пріѣхалъ Русскій посланный просить тайгиновъ, если имъ не угодно сдѣлать другія предложенія, то сообщить реляцію того, о чемъ взаимно говорено было, для представленія царю и что Русскіе, съ своей стороны, предлагаютъ имъ сообщить таковую же для донесенія богдохану.

Мысль эту подали сами Китайцы въ послѣднемъ засѣданіи. Посланному они отвѣчали, что будутъ ожидать сначала протокола отъ Русскихъ, а затѣмъ уже сообщатъ имъ свой; но посланный настаивалъ, чтобы еще было одно засѣданіе, а если и затѣмъ не порѣшатъ ничѣмъ, тогда размѣняются протоколами, приложивъ къ нимъ печати. Китайцы на это не согласились.

Посланный уѣхалъ, и Іезуиты отправились къ Русскому уполномоченному, подъ предлогомъ разъясненія, того, что происходило на послѣднемъ засѣданіи, на которомъ они не присутствовали.

Библиотека "Руниверс"

Наши, не менѣе Китайцевъ желавшіе заключенія мира, по-видимому были очень рады Іезуитамъ, которые объявили Головину: ежели онъ не намѣренъ уступить Албазинъ съ окрестными землями, то нечего напрасно и мучить себя, потому что Китайскимъ посламъ положительно приказано не иначе приступать къ переговорамъ, какъ подъ этимъ условіемъ; впрочемъ, что̀ касается земель между Албазиномъ (Якса) и Нерчинскомъ (Нипчу) и къ Сѣверу отъ Амура (Сахалянъ-Ула), то Іезуиты объявили, что они не знаютъ, на сколько могутъ уступить Китайцы, которые сами посмотрятъ, въ какомъ мѣстѣ между Албазиномъ и Нерчинскомъ постановить границу; а такъ какъ они желаютъ окончить переговоры миромъ, то Іезуиты не сомнѣвались, что они употребятъ все зависящее отъ нихъ, чтобы этого достигнуть. Головинъ просилъ, въ такомъ случаѣ, сообщить ему послѣднее рѣшеніе пословъ. Іезуиты уѣхали.

14-го прибылъ снова Русскій посланный за окончательнымъ отвѣтомъ; ему показали большую карту и границы, которыя предполагали провести. Границы эти были съ одной стороны рѣчка Кербечи (Горбица), вытекающая изъ большаго хребта горъ, который тянется до самаго Восточнаго моря, на Сѣверъ отъ Амура, куда эта рѣчка впадаетъ, приблизительно въ 200 верстахъ отъ Нерчинска, назначивъ вершину этого хребта границею между обоими государствами, такъ что всѣ земли, лежащія отъ хребта къ Югу, будутъ принадлежать Китаю; земли же на Сѣверъ отъ этого хребта, по другую его сторону, останутся во владѣніи Русскаго царства, а также и тѣ, которыя лежатъ отъ Горбицы къ Западу.

Съ южной стороны назначена была границею р. Эргонэ (Аргунь), вытекающая изъ большаго озера, находящагося къ Ю. В. отъ Нерчинска, въ 400 верстахъ отъ него и впадающая въ Сахалянъ Улу или Амуръ. Китайскіе послы хотѣли, чтобы всѣ земли, лежащія на Востокъ и на Югъ отъ Аргуни, принадлежали ихъ государству; а что̀ по другую сторону рѣки было бы въ Русскомъ владѣніи съ тѣмъ однакожъ, что Русскимъ дозволялось селиться на земляхъ между р. Амуромъ и цѣпью горъ, идущею вблизи отъ него къ Югу, а далѣе этого не вдаваться въ земли, принадлежащія Халхасцамъ, которыхъ большая часть въ недавнее время признала себя въ Китайскомъ подданствѣ.

Вскорѣ по уходѣ посланнаго, Іезуиты отправились къ Русскому уполномоченному съ объясненіемъ этого послѣдняго рѣшенія и чтобы узнать мнѣніе Русскихъ. По поводу Халхасской земли возникло затрудненіе, такъ какъ Китайскіе послы намѣрены были и тамъ провести границу, дабы Русскіе не распространяли свои населенія, такъ-какъ ханъ Халхасскій сдѣлался данникомъ Китая. Русскіе же признавали себя обиженными Халхасцами (Монголами) и не желали, чтобы Китайцы въ это дѣло вмѣшивались и ставили пограничные знаки на землѣ, имъ не принадлежащей, поставляя на видъ, что если ханъ Халхасскій и отдалъ себя подъ власть Китайскаго государства, то все же земель своихъ отдать Китаю не имѣлъ права, такъ какъ онѣ забраны были у него годъ тому назадъ ханомъ Калмыцкимъ, прину-

Библиотека "Руниверс"

дившимъ его удалиться въ Китайскія владѣнія. Іезуиты вернулись въ Китайскій станъ; послы соглашались съ тѣмъ, что имъ не поручено разбирать дѣло Халхасскаго хана, но прибавили, что если онъ заключитъ съ Калмыцкимъ ханомъ миръ, тогда обстоятельства укажутъ, какъ рѣшить дѣло.

Въ тотъ же день Іезуиты сообщили это Головину, который представилъ новое затрудненіе. Онъ сказалъ, что по ту сторону Аргуни есть Русскія селенія, которыя уступить не желаетъ, и что сами же послы требовали сначала только Албазина. Съ отвѣтомъ этимъ Іезуиты и отправились.

Цѣлый день шелъ дождь, рѣка выступила изъ береговъ и залила Китайскій лагерь.

15-го Китайскіе послы дали согласіе, чтобы Русскіе уничтожили свои постройки на восточной сторонѣ Аргуни и перевели ихъ на лѣвый берегъ рѣки. Жербильонъ и Перейра отправились съ этимъ предложеніемъ. Головинъ отвѣчалъ, что и онъ, съ своей стороны, нанесетъ на карту предполагаемыя имъ границы, что это будетъ его послѣднее рѣшеніе, отъ котораго онъ не отстанетъ и не уступитъ ни пяди земли.

Послѣ такаго вступленія, Головинъ указалъ имъ границу, немного ниже Албазина такимъ образомъ, что все лежащее отъ нея къ Западу оставалось за Россіей. Выслушавъ это, Іезуиты встали и откланялись, упрекнувъ его въ томъ, что онъ употребилъ во зло ихъ довѣрчивость; что если онъ не имѣлъ намѣренія уступить Албазинъ, то лучше было бы не вести переговоровъ, чѣмъ проводить напрасно пословъ надеждою на уступку Албазина, и что затѣмъ трудно Русскимъ довѣряться и продолжать негоціаціи.

Тайгины составили совѣтъ изъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и рѣшили на томъ, чтобы перейти черезъ рѣку, поставить войска вокругъ крѣпости, какъ бы для осады и собрать всѣхъ Маньчжуръ и Монголовъ, недовольныхъ Русскимъ правительствомъ и желающихъ свергнуть Русское иго и принять подданство Китая.

Вслѣдъ затѣмъ отданъ былъ приказъ войскамъ въ туже ночь перебраться черезъ рѣку, и со всею поспѣшностію отправлены были сто человѣкъ на лодкахъ въ Албазинъ, которымъ велѣно было соединиться съ пятью стами человѣками, оставленными близъ Албазина, сжать весь хлѣбъ и никого не пропускать въ крѣпость.

Русскіе замѣтили движеніе въ Китайскомъ лагерѣ и поняли, что уступокъ ждать нечего. Поэтому они въ тотъ же вечеръ прислали переводчика, пытаясь возобновить переговоры подъ видомъ увѣреній въ искренности ихъ желаній и просили обмѣняться письменными протоколами засѣданій. Переводчикъ далъ понять, что уполномоченный намѣренъ уступить Албазинъ, но при этомъ прибавилъ, что такъ какъ Китайцы требуютъ слишкомъ многаго, то Русскіе по этому воздерживаются отъ предложеній.

Послы отвѣчали, что не стоитъ труда писать протоколы; что они объявили послѣднее рѣшеніе свое и затѣмъ болѣе говорить нечего; впрочемъ ежели Русскій уполномоченный готовъ къ уступкамъ, то

Библиотека "Руниверс"

они тоже склоняются къ заключенію мира, но долѣе ждать не могутъ и если угодно дать отвѣтъ на ихъ ультиматумъ, то онъ долженъ послѣдовать въ эту же ночь.

Переводчикъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы на другой день прислали Іезуитовъ къ Русскому уполномоченному; но Китайцы нашли, что это безполезно, потому что они ничего новаго сказать не могутъ. Посланный обѣщалъ явиться на другой день съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

По уходѣ его Китайскіе послы снова собрали совѣтъ, на которомъ засѣдали и отцы-Іезуиты. Всѣ изъявили согласіе перейти черезъ рѣку и послать въ Албазинъ сжать хлѣбъ, такъ какъ Русскій уполномоченный отнялъ у нихъ всякую надежду на миръ; но прибытіе вышеупомянутаго переводчика, который заявилъ о намѣреніи продолжать переговоры и подалъ надежду на уступку Албазина, поставило пословъ въ нерѣшительное положеніе. Они боялись, не хитрость ли это со стороны Русскихъ, чтобъ выиграть время и предупредить ихъ намѣреніе; а съ другой стороны опасались перейти за рѣку, чтобы не возбудить тѣмъ враждебныхъ дѣйствій, которыя окончательно разрушили бы всякую надежду на миръ и возбудили бы неудовольствіе со стороны богдохана.

Въ этой нерѣшимости послы желали узнать мнѣніе Іезуитовъ и спросить совѣта у нихъ; но они отказались отъ этого, отвѣчая, что званіе ихъ не дозволяетъ мѣшаться въ подобнаго рода дѣла; что Китайцевъ въ совѣтѣ гораздо больше, что они гораздо просвѣщеннѣе Іезуитовъ и опытнѣе въ этихъ дѣлахъ, а потому имъ самимъ легче избрать благоразумнѣйшее рѣшеніе. Китайцы догадывались, что Іезуиты не отчаяваются въ мирномъ окончаніи дѣла и болѣе склонны къ мысли, что миръ дѣйствительно будетъ заключенъ; поэтому они хотя и отмѣнили приказаніе на счетъ Албазинскихъ пашень, но уже было поздно: посланныхъ догнать не могли.

Войска между тѣмъ переправлялись черезъ рѣку.

16-го явились Русскіе посланные и предложили отъ своего уполномоченнаго уступить Албазинъ Китаю съ условіемъ, чтобы крѣпость была срыта и не была возобновляема; согласились и на то, чтобы рѣка Аргунь была границею обоихъ государствъ, оставивъ во владѣніи Россіи населенія по правую сторону этой рѣки, однимъ словомъ соглашались на самыя существенныя изъ предложеній, сдѣланныхъ Китайцами. Въ заключеніе они настойчиво просили послать къ нимъ Іезуитовъ, но въ этомъ рѣшительно было отказано.

Во время этихъ переговоровъ показались на Русской сторонѣ Китайскія войска, занявшія высоты, у подошвы которыхъ были Нерчинское укрѣпленіе и слобода. Китайцы предупредили Русскихъ посланныхъ, что они рѣшились перебраться на другую сторону рѣки не съ враждебными намѣреніями, но единственно ради удобства, потому что не могли они оставаться въ станѣ, залитомъ водою и въ окрестностяхъ котораго не стало корму для скота. Они прибавили: если Русскій уполномоченный желаетъ принять ихъ условія и извѣстить ихъ объ этомъ какъ возможно поспѣшнѣе, то они часъ-

Библиотека "Руниверс"

другой перебираться за рѣку подождутъ; въ противномъ случаѣ они будутъ ожидать отвѣта подъ стѣнами Нипчу, т. е. Нерчинска.

Прошло два часа, и такъ какъ никто отъ Русскихъ не являлся, то послы сѣли съ Іезуитами въ лодки и переправились черезъ рѣку въ 15 верстахъ ниже крѣпости, гдѣ собралось почти все Китайское войско. Главная квартира назначена была у самой переправы, въ небольшой долинѣ и на скатѣ горъ; лодкамъ велѣно стать въ рядъ по обоимъ берегамъ, а войску стоять по обѣимъ сторонамъ близъ лодокъ; большая часть багажа осталась на той сторонѣ подъ достаточнымъ военнымъ прикрытіемъ. Затѣмъ войско поставили въ виду Нерчинска по-эскадронно и по-взводно, такъ что оно заняло все пространство между Сахалинъ-Ула (Шилкою) и Нипчу (Нерчею), отрѣзавъ съ этой стороны Русскимъ всякое сообщеніе.

Едва завидѣли Русскіе переправившіяся войска, тотчасъ же собрали всѣхъ жителей и стада вокругъ крѣпости и поставили пикеты для наблюденія за движеніемъ Китайцевъ.

Перебравшись черезъ рѣку, послы и Іезуиты сѣли на коней и спустились въ долину въ верстѣ отъ крѣпости; Китайскія войска были въ панцыряхъ и полномъ военномъ вооруженіи.

Въ это время подъѣхали къ нимъ посланные отъ Русскихъ и объявили рѣшеніе Головина, соглашавшагося на все, чего желали Китайскіе послы касательно границъ между обоими государствами; оставались лишь нѣкоторыя маловажныя затрудненія, для вырѣшенія которыхъ Русскіе просили прислать Іезуитовъ.

Большаго труда стоило посламъ на это рѣшиться: они подозрѣвали тутъ какой нибудь обманъ, или желаніе проволочить время, чтобы между тѣмъ принять мѣры предосторожности; они опасались даже и того, что отцевъ-Іезуитовъ задержатъ въ крѣпости. По усиленной лишь просьбѣ они отпустили одного Жербильона, не дозволивъ Перейрѣ провожать его.

Въ слободѣ было 15 полевыхъ мѣдныхъ орудій небольшаго калибра, но весьма длинныхъ; тутъ же была поставлена мортира.

Жербильонъ окончательно рѣшилъ вопросъ о границахъ и другихъ главныхъ условіяхъ мира, который такимъ образомъ совершенно уже былъ заключенъ, и отправился съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ къ посламъ, которые ожидали его со страхомъ и нетерпѣніемъ; всѣ были обрадованы, узнавъ о счастливомъ исходѣ переговоровъ.

Въ этотъ же день прислали къ Китайскимъ посламъ депутатовъ Халхасскія войска, прося принять ихъ въ подданство богдохана, такъ какъ они, по причинѣ обидъ, въ Русскомъ подданствѣ быть долѣе не желаютъ и хотятъ удалиться на земли, принадлежащія Китаю. Ихъ собралось болѣе тысячи человѣкъ съ семьями и скотомъ; на слѣдующій день число ихъ еще увеличилось. Не желая встрѣтить препятствій къ заключенію мира, Китайскіе послы ничего имъ не обѣщали, но обнадежили взять ихъ сторону, если Русскіе уполномоченные не согласятся на предложенныя имъ условія.

Библиотека "Руниверс"

Послы увидали свою ошибку, что не довѣрили въ началѣ дѣла этого Іезуитамъ и съ этого дня оказывали имъ полное довѣріе [1]).

17 числа Русскіе уполномоченные прислали депутатовъ съ нѣкоторыми вопросами на счетъ статей договора. Главнѣйшіе вопросы были слѣдующіе:

1) Въ листахъ на имя великихъ князей выписывать ли весь титулъ или сокращенный, не возвышая и не унижая въ сихъ листахъ ни одного изъ государей.

2) Въ случаѣ отправленія посольства для взаимныхъ извѣщеній о событіяхъ въ государствахъ, послы должны быть приняты съ честію и не должны быть принуждаемы ни къ какой низости; грамоты передавать въ собственныя руки государю, къ которому будутъ посланы, а въ жилищахъ ихъ и при дворѣ должна быть имъ предоставлена полная свобода.

3) Чтобы торговля съ обѣихъ сторонъ была свободная, и подданные, съ дозволенія мѣстнаго начальства. могли взаимно безпрепятственно посѣщать сосѣднюю страну для торговли и по дѣламъ своимъ.

На первый и второй вопросы послы отвѣчали, что не имѣютъ на это отъ государя своего приказаній; а такъ какъ изъ Китая никогда и никуда пословъ не отправляли, то и рѣшить они ничего не могутъ; что имъ не подобаетъ учить государя своего, какъ писать листы; но что вообще они могутъ увѣрить, что Русскіе подданные, а кольми паче послы, всегда будутъ принимаемы съ почетомъ, и безъ всякаго затрудненія согласились на третью просьбу, не соглашаясь впрочемъ, чтобы она была вписана въ мирный договоръ, говоря, что дѣло это маловажное, и мѣшать его съ пограничнымъ вопросомъ, какъ главнымъ предметомъ ихъ посольства, было бы не совсѣмъ прилично.

Русскіе просили письменно изложить статьи договора, которыя уже вырѣшены и, составивъ проектъ трактата, сообщить имъ; а они, просмотрѣвъ его, сообщатъ такой же и со своей стороны Китайскимъ посламъ, что̀ и было имъ обѣщано.

18-го цѣлый день прошелъ въ составленіи проекта трактата, и всю ночь Іезуиты переводили его на Латинскій языкъ.

19-го отцы-Іезуиты представили этотъ переводъ Головину, который попросилъ съ него копію, обѣщая не замедлить отвѣтомъ.

20-го Августа нашъ уполномоченный прислалъ спросить объясненія одной статьи, въ которую вошло обстоятельство, о которомъ говорено не было: написано, что границею обоихъ государствъ назначается цѣпь горъ, идущая отъ истоковъ рѣчки Кербечи къ С. В., до морей Восточнаго и Сѣвернаго, и кончающаяся горнымъ мысомъ, вдающимся въ море. Эта горная цѣпь называется Н о с с э, при чемъ должно замѣтить, что хребетъ, при истокѣ Горбицы, образуетъ двѣ гряды высокихъ горъ, изъ которыхъ однѣ тянутся прямо на Востокъ, и именно эту цѣпь Русскіе предполагали сдѣлать границею между

[1]) Еще разъ напомнимъ читателю, что изложеніе основано на показаніяхъ самихъ Іезуитовъ; слѣдовательно.... П. Б.

Библиотека "Руниверс"

двухъ государствъ. Другая цѣпь идетъ на С. В., ее хотѣли Китайцы назначить границею. Между этими двумя цѣпями горъ заключается большая страна и множество рѣкъ, изъ которыхъ главная называется Уди, по берегамъ которой у Русскихъ было много селеній; въ этихъ мѣстахъ водились лучшіе соболи, лисицы и другіе пушные звѣри. Между этими же двумя горными хребтами Русскіе ловили на морскомъ берегу огромныхъ рыбъ, у которыхъ зубы лучше и крѣпче слоновой кости.

Китайскіе послы отвѣчали, что они полагали сдѣлать границею цѣпь горъ Носсэ. Русскіе посланные удалились, сказавъ, что едвали уполномоченный на это будетъ согласенъ.

21-го, не получивъ отъ Русскихъ никакихъ извѣстій, Китайскіе послы пришли въ замѣшательство и поняли, что, требуя болѣе того, на сколько они уполномочены, они рисковали прервать переговоры и упустить случай заключить миръ.

Они созвали совѣтъ, пригласивъ и Іезуитовъ. Послѣдніе, отказавшись вмѣшиваться въ это дѣло и подать какой либо совѣтъ, выразили мнѣніе, что Русскіе едвали будутъ согласны на ихъ предложеніе, потому что, при соглашеніи на счетъ границъ, о горахъ Носсэ не было вовсе упоминаемо. Іезуиты прибавили, что посламъ, быть можетъ, неизвѣстно, какое пространство земель заключается между хребтомъ Носсэ и привели ихъ въ страшное удивленіе, сказавъ, что отъ Пекина по прямой линіи до этихъ горъ болѣе 5000 верстъ, что̀ совершенно вѣрно, судя по картѣ, бывшей у Русскаго уполномоченнаго, на которой этотъ хребетъ вдается въ море почти подъ 50 градусомъ сѣверной широты.

Обстоятельство это заставило пословъ просить отцовъ-Іезуитовъ отправиться къ Русскому уполномоченному и постараться снова завязать переговоры и устроить дѣло такъ, чтобы земли эти раздѣлить между обоими государствами; непріятнѣе же всего было то, что Китайцы утверждали, будто бы земли эти издревле имъ принадлежали, и говорили это тономъ убѣжденія.

Іезуиты совсѣмъ уже собрались отправляться, какъ дано было знать, что изъ Русскаго лагеря ѣдетъ всадникъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ Монголовъ и везетъ какую-то бумагу. Листъ этотъ заключалъ въ себѣ ловко и краснорѣчиво изложенную признательность за искренность, выказанную послами Китайскими въ переговорахъ и намѣреніяхъ заключить миръ съ показанными съ ихъ стороны уступками; но такъ какъ Китайцы коснулись требованія земель, на которыя до сего времени не было ни разу выражено притязанія ни въ одномъ изъ листовъ, посланныхъ въ Москву отъ богдохана, то Русскіе уполномоченные призываютъ въ свидѣтели Всевышняго, утверждая, что не имѣютъ никакой власти не только располагать этими землями, но даже и трактовать о нихъ, почему они ни подъ какимъ видомъ предложенія этого принять не могутъ; но чтобы яснѣе доказать искренность своихъ стремленій къ миру, они готовы согласиться на то, чтобы земли эти остались нейтральными, а говореніе о нихъ оставить впредъ до полученія новыхъ инструкцій и нужныхъ

Библиотека "Руниверс"

приказаній; что если Китайскіе послы будутъ упорствовать, то они свидѣтельствуютъ небомъ и землею, что они не отвѣчаютъ ни за бѣдствія войны, которой они не желали, ни за пролитую кровь; что у Русскихъ не было намѣренія напасть на Китайцевъ, если бы даже миръ и не былъ заключенъ; но, будучи атакованы, Русскіе по возможности станутъ защищаться, надѣясь на помощь Бога, Которому извѣстна правота ихъ намѣреній.

Листъ этотъ былъ написанъ полатыни. Переведенный Іезуитами, онъ произвелъ на Китайскихъ пословъ впечатлѣніе, какаго Русскіе и не ожидали. Какъ мы замѣтили выше, послы еще ранѣе были уже разстроены. Они смиренно объявили, что и они съ своей стороны имѣютъ сильнѣйшее стремленіе заключить миръ и готовы были бы на всякую снисходительность; но такъ какъ время уже позднее, то они отложили до другаго дня сообщить свои намѣренія Русскимъ уполномоченнымъ.

22-го числа отцы-Іезуиты доставили Русскому уполномоченному измѣненную статью о границахъ, которою онъ оставался доволенъ: рѣшено было на томъ, что земли, лежащія между двумя хребтами, останутся неразграниченными, о чемъ донести государямъ на ихъ благоусмотрѣніе.

Іезуиты замѣтили, что Русскіе укрѣпили Нерчинскъ рогатками изъ бревенъ отъ разобранныхъ паромовъ, на которыхъ приплыло посольство.

23-го Головинъ прислалъ проектъ мирнаго договора. Іезуиты сняли съ него копію и въ теченіи ночи занимались переводомъ, съѣздивъ предварительно въ Нерчинскъ за разъясненіемъ нѣкоторыхъ затруднительныхъ пунктовъ, которыхъ Китайцы не желали вводить; напримѣръ, объ Албазинѣ сказано, что онъ Китайцами возобновляемъ быть не долженъ: послы на это не соглашались, хотя и не имѣли подобнаго намѣренія.

24-го Іезуиты были посланы къ Русскимъ съ проектомъ договора, составленнымъ Китайцами. Вышелъ споръ на счетъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя Головинъ находилъ нужнымъ или выпустить или вставить; но такъ какъ это касалось лишь внѣшнихъ формальностей, то Китайцы на все были согласны, тѣмъ болѣе, что торопились вернуться домой, а время года было позднее.

25-го договоръ былъ составленъ, и было условлено, какъ его подписать, какъ приложить печати и какое произнести клятвенное обѣщаніе съ обѣихъ сторонъ.

26-го числа Іезуиты почти цѣлый день провели у Русскаго уполномоченнаго за перепискою двухъ Латинскихъ экземпляровъ договора, при чемъ не обошлось безъ придирокъ со стороны Русскихъ на счетъ нѣкоторыхъ мелочныхъ формальностей.

Наконецъ, оба Латинскіе экземпляра были переписаны на бѣло. Они были почти одинаковаго содержанія; вся разница была въ томъ, что въ экземплярѣ, изготовленномъ для Китайскихъ пословъ, богдохана титулъ написанъ прежде титула князей Московскихъ, и послы названы прежде Русскаго уполномоченнаго, что̀ въ экземплярѣ, назначенномъ для Русскихъ, было написано наоборотъ.

Библиотека "Руниверс"

*
* *

Въ запискахъ Жербильона приведенъ подробный Французскій переводъ съ Латинскаго экземпляра, переданнаго послами Головину. Передадимъ его по-русски.

«По указу великаго императора Сонгъ-Хоту, начальникъ надворныхъ войскъ, государственный совѣтникъ, воевода внутренней палаты Тонгъ-куэ-Кангъ, придворный вельможа, князь перваго чина, господинъ ханскаго знамени, дядя императора. Лангъ-Тангъ, господинъ ханскаго знамени. Лангъ-Тарча, господинъ ханскаго знамени. Сапсо, главнокомандующій императорскими войсками на рѣкѣ Сахалянъ-Ула и генералъ-губернаторъ Пріамурской стороны. Ма-ла, великій прапорщикъ ханскаго знамени. Вента, помощникъ предсѣдателя трибунала внѣшнихъ сношеній.

«Собрались близъ селенія Нипчу, 28 года царствованія Канъ-хи, 7 луны, вмѣстѣ съ великимъ посломъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, окольничьимъ, намѣстникомъ Брянскимъ и его сотоварищами, для обузданія наглости нѣкоихъ негодяевъ, которые, переходя за границы своего государства для звѣринаго промысла, производятъ грабежи, убійства, возбуждаютъ къ смутамъ и замѣшательствамъ, а также для болѣе яснаго и положительнаго опредѣленія границъ между Китаемъ и Московіей и для водворенія вѣчнаго мира и согласія, а вслѣдствіе сего взаимно условились въ слѣдующемъ.

1) Рѣка, именуемая Кербечи, текущая близъ рѣки Чорной, называемой поманьчжурски Уруонъ и впадающая въ Сахалянъ-Ула, будетъ границею обоихъ государствъ, и большой горный хребетъ, который идетъ отъ истока вышеупомянутой рѣки Кербечи и простирается до Восточнаго моря, также постановляется рубежемъ между обоими государствами такимъ образомъ, что всѣ рѣки и рѣчки, текущія съ южной стороны этихъ горъ и впадающія въ Сахалянъ-Ула и всѣ земли и страны, лежащія на Полдень отъ хребта вышерѣченныхъ горъ, принадлежатъ имперіи Китайской; а всѣ земли, страны, большія и малыя рѣки, по ту сторону хребта другихъ горъ, идущаго къ Сѣверу (qui sont de l'autre côté du sommet des autres montagnes s'étendant vers le Nord), остаются подъ владѣніемъ Россійскаго государства, съ тѣмъ однакожъ, что вся страна, лежащая непосредственно между вышерѣченнымъ хребтомъ горъ и рѣкою Удью, остается неразграниченною, доколѣ послы обоихъ государствъ не вернутся въ свои страны и не получатъ освѣдомленій и свѣдѣній для веденія по сему переговоровъ къ рѣшенію этого вопроса чрезъ посольство или письменными сообщеніями».

«Также рѣка, именуемая Эргонэ, впадающая тоже въ Сахалянъ-Ула, назначается границею же между обоими государствами, и всѣ земли и страны, лежащія къ Югу отъ вышерѣченной рѣки Эргонэ принадлежать будутъ Китайскому императору; а все, что лежитъ къ Сѣверу, остается за Россійскимъ государствомъ. Всѣ строенія и жилища, которыя нынѣ находятся къ Югу отъ сей рѣки Эргонэ, у устья

Библиотека "Руниверс"

рѣки Мерикэнъ, должны быть снесены на другую сторону, на сѣверный берегъ Эргонэ».

2) «Крѣпость, построенную Русскими на мѣстѣ, именуемомъ Якса, разорить до основанія и всѣхъ Русскихъ подданныхъ, живущихъ тамъ, вывести со всѣмъ ихъ имуществомъ въ Русскую землю. Звѣропромышленники обоихъ государствъ ни подъ какимъ видомъ не могутъ переходить за установленныя границы».

«Если случится, что одно или два малозначущихъ лица (une ou deux personnes de petite conséquence) перейдутъ рубежъ для звѣриной ли охоты, или для воровства и грабежа, таковыхъ брать и проводить къ пограничнымъ начальникамъ, которые по мѣрѣ преступленія должны ихъ наказывать».

«Если соберутся отъ десяти до пятнадцати человѣкъ вооруженныхъ и перейдутъ границу для охоты или грабежа, или если они убьютъ подданнаго чужаго государства, доносить о томъ государямъ обѣихъ странъ, и найденные виновными въ этомъ преступленіи должны быть казнены смертію; войны же за обиды, причиненныя отъ частныхъ лицъ, не имѣть, а того менѣе допускается самоуправное пролитіе крови».

3) «Все, до сего происшедшее, предается вѣчному забвенію».

4) «Съ того дня, когда сей вѣчный миръ между двумя государствами будетъ утвержденъ клятвою, не принимать никакихъ перебѣжчиковъ съ обѣихъ сторонъ; и если подданный одного изъ государствъ перебѣжитъ въ предѣлы другаго, то долженъ быть тотчасъ же схваченъ и выданъ».

5) «Всѣ Россійскіе подданные, находящіеся нынѣ въ Китайскомъ государствѣ, и всѣ Китайскіе подданные, пребывающіе въ настоящее время въ Россійской землѣ, останутся тамъ, гдѣ теперь находятся».

6) «Въ силу настоящаго мирнаго договора и взаимнаго союза между обоими государствами, всякаго званія люди могутъ пріѣзжать и отъѣзжать свободно изъ одного государства въ другое съ тѣмъ однако, чтобы они были снабжаемы письменными видами, свидѣтельствующими, что они пришли съ дозволенія; и имъ дозволено будетъ продавать и покупать что̀ нужно и вести торговлю».

«Такъ какъ всѣ распри, происшедшія до сего на границахъ обоихъ государствъ, покончены, и заключенъ искренній миръ и вѣчный союзъ между обоими націями, то и не можетъ быть впредъ никакихъ несогласій, если вышеупомянутыя статьи договора будутъ выполняемы въ точности. Статьи эти будутъ изложены письменно».

«Великіе послы размѣняются каждый двумя экземплярами вышерѣченнаго договора съ приложеніемъ къ нимъ своихъ печатей; и за тѣмъ сей договоръ, со всѣми статьями, имѣетъ быть вырѣзанъ на языкахъ Маньчжурскомъ, Китайскомъ, Русскомъ и Латинскомъ на камняхъ, которые будутъ поставлены на границахъ обоихъ государствъ, какъ незыблемые памятники взаимнаго добраго согласія».

Экземпляръ договора, составленнаго Русскими, былъ въ сущности почти такаго же содержанія; разница въ томъ, что они въ немъ писались первыми, означивъ подробно весь царскій титулъ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ только отцы-Іезуиты окончили переписку экземпляровъ договора, которые должны были быть утверждены подписями съ приложеніемъ печатей и того же дня размѣнены по условію, Русскіе уполномоченные пошли къ сборному мѣсту въ палатку, раскинутую вблизи селенія Нипчу.

Китайское посольство выступило въ сопровожденіи большей части кавалеріи, окруженное военными чинами и мандаринами, одѣтое въ парадныя платья изъ золотой парчи и шелковъ, украшенныя императорскими драконами; за ними слѣдовалъ конвой изъ тысячи пяти сотъ всадниковъ съ развернутыми большими и малыми знаменами.

Русскіе уполномоченные выступили съ музыкою, предшествуемые тремя стами человѣкъ пѣхоты. Они первые слѣзли съ лошадей и, какъ хозяева, сдѣлали нѣсколько шаговъ на встрѣчу Китайскимъ посламъ и просили ихъ первыхъ войти, сказавъ, что палатка принадлежитъ имъ. Помѣстились послы одни противъ другихъ на скамьяхъ, покрытыхъ Турецкими коврами; раздѣлялъ ихъ только столъ. Іезуиты сѣли тоже на скамью въ верхнемъ концѣ стола; вся остальная свита стояла.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Іезуиты начали громко читать экземпляры трактата, которые должны были быть утверждены подписями и печатями. Отецъ Жербильонъ прочиталъ экземпляръ, находившійся у Китайскихъ пословъ, передалъ его Русскому переводчику, который снова громко прочелъ его, между тѣмъ какъ Жербильонъ про себя читалъ экземпляръ, переданный ему Русскими, чтобы видѣть, соотвѣтствуетъ ли онъ во всѣхъ статьяхъ тому, о чемъ велись переговоры. Послѣ чтенія каждая сторона подписала по два экземпляра, приложивъ къ нимъ печати. Китайцы должны были дать два экземпляра Русскимъ на Маньчжурскомъ и Латинскомъ языкахъ, а Русскіе Китайцамъ на Русскомъ и Латинскомъ. Печати съ обѣихъ сторонъ приложены были только къ Латинскимъ экземплярамъ. Послѣ того послы поднялись съ своихъ мѣстъ и, держа по экземпляру договора въ рукѣ, поклялись именемъ своихъ государей вѣрно выполнять его, призывая въ свидѣтели искренности своихъ намѣреній Всемогущаго Бога. Китайскимъ посламъ приказано было отъ богдохана, при утвержденіи трактата, поклясться Богомъ христіанъ, весьма основательно полагая, что ничто не могло произвести сильнѣйшаго впечатлѣнія на Русскихъ. Послы даже составили слѣдующую форму присяги: «Война, которую вели пограничные жители Китайскаго и Россійскаго государствъ, и кровопролитныя ихъ распри, нарушая миръ и спокойствіе народовъ, противны божественной волѣ Неба, расположенной къ общественному спокойствію. Мы, великіе послы обоихъ государствъ, присланы для опредѣленія границъ между ними и утвердить вѣчный и прочный миръ между обѣими націями, что̀ нами и приведено въ исполненіе въ конференціи, бывшей въ 28-е лѣто царствованія императора Канъ-хи, 7-й луны, близъ селенія Нипчу, обозначивъ со всею ясностію, письменно, наименованія земель и мѣстностей, касающихся обоихъ государствъ, и опредѣливъ границы тому и другому, и постановивъ правила, какимъ обра-

Библиотека "Руниверс"

зомъ рѣшать имѣющія возникнуть впредъ дѣла и, получивъ другъ отъ друга подлинный актъ, заключающій въ себѣ мирный договоръ, условились вырѣзать означенный договоръ со всѣми его статьями на каменныхъ знакахъ, имѣемыхъ быть поставленными на пограничныхъ пунктахъ, дабы всѣ проходящіе этими мѣстами могли вполнѣ о томъ вѣдать и дабы миръ сей со всѣми его условіями нерушимо сохранялся во вѣки. Ежели бы кто хотя тайно помыслилъ или возымѣлъ намѣреніе нарушить эти мирныя условія, или, измѣнивъ слову и чести, преступить ихъ въ видахъ частныхъ выгодъ, или задумалъ возбудить новыя замѣшательства и возжечь пламя войны, то мы просимъ Господа Вседержителя, Сердцевѣдца, не даровать таковому долголѣтія, но наказать его преждевременною смертію».

Китайскіе послы хотѣли прочитать эту форму присяги на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, совершивъ предъ нимъ поклоненіе, а потомъ сжечь ее, сначала подписавъ и приложивъ печать императорскихъ войскъ; но Русскіе, которымъ, по просьбѣ Китайскихъ пословъ, Іезуиты сдѣлали это предложеніе, отказались отъ него, предоставивъ каждому произнести клятву по обычаю своей страны. Китайцы удовольствовались тѣмъ, что произнесли туже самую клятву, какъ и Русскіе.

Послѣ присяги произошелъ размѣнъ: начальникъ Русскаго посольства передалъ два экземпляра начальнику Китайскаго посольства, а этотъ отдалъ ему два свопхъ, послѣ чего они поцѣловались при громкихъ звукахъ музыки.

За тѣмъ главный уполномоченный велѣлъ подать Китайскимъ посламъ закуску. Она состояла изъ двухъ сортовъ сладостей: лимонныхъ корокъ въ сахарѣ, и какаго-то желе въ родѣ айвы, посыпаннаго мелкимъ сахаромъ; кромѣ того подавали вина двухъ или трехъ сортовъ. Бесѣда продолжалась до часу ночи, и время прошло во взаимныхъ учтивостяхъ и привѣтствіяхъ по случаю дружбы, возникшей между обоими государствами.

Было условлено тотчасъ же послать въ Албазинъ объявить о мирѣ и привести въ исполненіе статью договора, по которой крѣпость должна быть срыта, а жители выведены со всѣмъ имуществомъ въ земли Русскія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать знать въ селенія на восточномъ берегу Аргуни, чтобы они перенеслись на лѣвый берегъ рѣки.

Головинъ далъ свободу, по просьбѣ Іезуитовъ, двумъ плѣннымъ Солонамъ, находившимся въ Нерчинскѣ, и просилъ Китайскихъ пословъ погостить еще нѣсколько дней; они обѣщали пробыть еще сутки. За тѣмъ всѣ сѣли на лошадей и разъѣхались.

Русское посольство сопровождало Китайцевъ до конца селенія, и люди съ факелами освѣщали имъ дорогу до лодокъ. Переправившись за рѣку, Китайцамъ пришлось довольно долго дожидаться: ночь была темная, и лошадей переправляли вплавь.

Отецъ Жербильонъ увѣряетъ, что десять дней сряду ему не удалось отдохнуть; ѣлъ онъ наскоро, какъ бы украдкою, и день и ночь былъ на ногахъ, безпрестанно требуемый послами, или сидѣлъ за перепискою и переводомъ.

Библиотека "Руниверс"

Три раза переговоры прерывались; но миръ наконецъ былъ заключенъ для Китайцевъ счастливо. Отъ пословъ до послѣдняго солдата всѣ приписывали удачное окончаніе дѣла Іезуитамъ, будучи совершенно увѣрены, что безъ нихъ дѣло не состоялось бы.

И точно, взаимныя отношенія были основаны единственно на недовѣрчивости; нравы и обычаи обоихъ народовъ до того противоположны, что сойтись имъ было бы чрезвычайно трудно, если бы Іезуиты не представляли той и другой сторонѣ убѣжденій и настоятельныхъ просьбъ соглашаться на взаимныя уступки. Головинъ далъ обѣщаніе засвидѣтельствовать передъ государями своими о заслугахъ, оказанныхъ ему Іезуитами, обнадеживъ ихъ оказать свое содѣйствіе къ покровительству ихъ ордену въ Россіи.

Китайскіе послы, отправивъ бумаги къ богдохану, приказали передать ему, что безъ помощи Іезуитовъ важное дѣло, имъ порученное, не могло бы быть окончено, что послы обязаны имъ успѣхомъ и прославляютъ прозорливость государя, повелѣвшаго ихъ слушаться и вполнѣ имъ ввѣряться.

27-го Августа Головинъ прислалъ привѣтствовать Китайскихъ пословъ, и въ тоже время поднесены имъ подарки: столовые часы съ боемъ, трое карманныхъ часовъ, двѣ серебряныя позолоченыя вазы, подзорная труба, длиною въ четыре фута; зеркало немного побольше фута и нѣсколько шкуръ пушнины. Всего, какъ пишетъ Жербильонъ, по хорошей цѣнѣ, талеровъ на 500 или на 600; къ тому же подарки были распредѣлены такъ, что лучшія вещи назначены были первому изъ двухъ главныхъ пословъ; второй изъ нихъ, дядя богдохана, равный во всемъ первому, очень этимъ обидѣлся; но Іезуиты уладили это дѣло, сказавъ, что подарки присланы обоимъ имъ вообще. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій подарки были приняты; но послы рѣшили, чтобы ихъ себѣ не брать, а представить богдохану.

Головинъ пригласилъ къ себѣ Жербильона и Перейру, дружески и очень вѣжливо обошелся съ ними, сообщалъ имъ Европейскія новости и повторилъ обѣщаніе ходатайствовать у своихъ государей, чтобы за заслуги, оказанныя Русскимъ Іезуитами, какъ въ Пекинѣ, такъ и въ Нерчинскѣ, было воздано членамъ ихъ ордена, проживающимъ въ Москвѣ.

Въ то время, какъ Іезуиты были у Русскаго посольства, принесены были подарки отъ Китайцевъ, а именно: сѣдло, вышитое золотомъ, съ драконами; двѣ золотыя чашечки превосходной чеканной работы и множество кусковъ лучшихъ матерій гладкихъ, затканныхъ и парчевыхъ; подарки эти были много виднѣе и много богаче Русскихъ. Кромѣ того прислано было сто кусковъ полотна для прислуги уполномоченнаго и сто кусковъ для Монгольскихъ толмачей, десять кусковъ шелковой матеріи Латинскому переводчику и его писарю; Нерчинскому воеводѣ и секретарю посольства тоже подарили по нѣскольку кусковъ шелковой матеріи.

Библиотека "Руниверс"

Когда Іезуиты откланивались, Головинъ подарилъ имъ нѣсколько соболиныхъ и колонковыхъ шкурокъ; mais le tout était peu considérable [2]), прибавляетъ отецъ Жербильонъ. Европейскія рѣдкости, которыя онъ подарилъ Головину, стоили не меньше. Нерчинскій воевода подарилъ Іезуитамъ по два порядочныхъ соболя, и секретарь посольства силой заставилъ ихъ принять еще по одной шкуркѣ.

Въ Апрѣлѣ 1690 года прибыли къ Китайскому двору до 90 челов. Русскихъ съ листомъ отъ своихъ уполномоченныхъ, которымъ извѣщали о срытіи Албазина и распоряженіяхъ, сдѣланныхъ на счетъ перевода Русскихъ селеній съ праваго берега Аргуни на лѣвый. Уполномоченные просили, согласно договору, выслать обратно къ Нерчинскому воеводѣ Халхасцевъ, которые, бывъ данниками Русскаго государства, откочевали въ земли Китайцевъ. Императоръ замѣтилъ, что посланные съ листомъ имѣли въ виду не столько дипломатическую, сколько торговую цѣль, привезя съ собой на продажу 60 телѣжекъ пушнины.

Этимъ заканчиваются записки отца Жербильона о Нерчинскомъ трактатѣ, изъ которыхъ мы сдѣлали извлеченіе.

*

Передъ отъѣздомъ изъ Нерчинска, Головинъ сильно укрѣпилъ этотъ городъ, оставивъ въ немъ свои пушки и часть войска, а остальное распредѣливъ въ Селенгинскѣ и Удинскѣ. На возвратномъ пути онъ встрѣтилъ Скрыпицына съ благодарною грамотою отъ царей за усердное исполненіе возложеннаго на него порученія. По прибытіи въ Москву, онъ былъ возведенъ въ бояре.

Посольство Головина кончилось чувствительною для Россіи потерею всего Амура; но и въ дѣлѣ Головина, при всей его неудачѣ, заключалась та хорошая сторона, что одинъ изъ пунктовъ Нерчинскаго договора былъ, нѣкоторымъ образомъ, поводомъ къ возобновленію въ наше время вопроса объ Амурѣ.

Передъ пріѣздомъ Венюкова въ Пекинъ, въ 1685 году, императоръ Канъ-хи послалъ въ Москву два листа, въ которыхъ просилъ выдать бѣглеца Гантимура и унять Албазинцевъ въ причиняемомъ ясачнымъ Китайскимъ людямъ разореніи. Одинъ листъ посланъ былъ черезъ Батавію, Амстердамъ и Архангельскъ, а другой черезъ Испагань и Астрахань. Оба листа дошли до Москвы лишь черезъ 5 лѣтъ, въ 1690 году, когда все дѣло было кончено и Нерчинскій трактатъ уже заключенъ.

Гантимуръ, о которомъ такъ часто упоминалось въ Китайскихъ грамотахъ, былъ ближній сановникъ богдохана, получавшій ежегодно по 4200 ланъ (9 пудъ) серебра и по 4 коробки золота, владѣтель многочисленныхъ подданныхъ близъ города Науна въ Монголіи. По неудовольствію на Китайское правительство, Гантимуръ, будучи посланъ въ 1667 году съ войскомъ подъ Кумарскій острогъ, въ 600 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, вмѣсто предназначенныхъ ему непріятельскихъ дѣйствій, явясь съ дѣтьми своими, сродниками и едино-

---

[2]) Но все было не очень значительно.

Библиотека "Руниверс"

мышленниками изъ Дулигатскаго рода, въ числѣ болѣе 500 человѣкъ, въ Нерчинскъ, призналъ себя, со всѣми ими, вѣрноподданнымъ Русскаго царя и употребленъ былъ для приведенія въ ясакъ Дучаръ и Тунгусовъ. Онъ пригласилъ въ подданство Россіи родственника своего Зайсана-Бокая, оставшагося на р. Наунѣ, который вышелъ съ многочисленнымъ родомъ и занялъ мѣсто около Аргунскаго острога, гдѣ потомки его и донынѣ кочуютъ. Ни жалованье золотомъ и серебромъ, предложенное въ 1700 году богдоханомъ, ни богатое платье, воинскій поясъ и оружіе не ослѣпили Гантимура. Онъ принялъ Православіе, нареченъ во святомъ крещеніи Петромъ и, бывъ принятъ въ подданство Россіи «съ милостію государевою ежегодно платить ясакъ по 3 соболя съ человѣка», поселился со всею своею семьею во вновь заложенной крѣпостцѣ Нерчинскѣ; но впослѣдствіи, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, по неудовольствію на Русское начальство, ушелъ на правый берегъ Аргуни.

До 1692 года государи не знали, принятъ ли Нерчинскій трактатъ богдоханомъ. По этому обстоятельству посланъ былъ въ томъ году въ Китай торговавшій съ 1677 года въ Россіи Датчанинъ Елеазаръ Исбрантъ-Идесъ, которому поручено было узнать, какое намѣреніе имѣетъ Китайское правительство относительно неразмежеванныхъ земель между р. Удью и горнымъ хребтомъ.

Іезуиты сообщили Исбранту, что Нерчинскій трактатъ богдоханомъ одобренъ, что Китайцы хотятъ построить въ вершинѣ Аргуни городъ для кутухты, и другой по Амуру, близъ р. Зеи.

Въ 1720 г. былъ посланъ въ Пекинъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Левъ Измайловъ, которому Китайцы напомнили о размежеваніи; но Измайловъ отвѣчалъ, что онъ о семъ отъ Его Величества ничего не имѣетъ, а по возвращеніи своемъ о семъ донесетъ.

Китайцы, наложивъ свою руку на сосѣдственную намъ Монголію, вторично возбудили вопросъ о необходимости для Россіи разграниченія. Для этихъ чрезвычайно важныхъ негоціяцій посланъ былъ императрицею Екатериною, въ Іюлѣ 1725 года, полномочный чрезвычайный посланникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Савва Лукичъ Владиславичъ-Рагузинскій, которому даны были въ помощь коммисары Колычевъ и Власовъ, дабы въ разграниченіи земель, яко главнѣйшемъ дѣлѣ, не могло быть остановки. Ему поручалось, въ бытность его въ Сибири, развѣдать о неразграниченныхъ окольничьимъ Головинымъ мѣстахъ, описавъ оныя съ положеніемъ на карту и изъяснивъ, нужны ли они для Россіи; узнать, гдѣ точныя границы съ Китаемъ, на которыя именно земли Китайцы чинятъ домогательства; чьего оныя прежде были владѣнія, какія мѣста разграничены и всему этому имѣть ему прямую карту съ подлиннымъ описаніемъ; а до полученія оной стараться вдаль отводить оное разграниченіе, представляя, что хотя ни Китайскому, ни Россійскому двору нѣтъ пользы въ отдаленныхъ и пустыхъ мѣстахъ умножать свое владѣніе, однако для спокойнаго обоихъ государствъ подданнымъ пребыванія — нужно прежде всего обоимъ дворамъ имѣть

Библиотека "Руниверс"

предъ глазами описаніе или достовѣрнѣйшую всѣмъ неразграниченнымъ мѣстамъ карту, на которой основываясь рѣшительно учинить опредѣленіе. Ежели сіе средство Китайцы примутъ, то предписать коммисарамъ вступить въ таковое съ обѣихъ сторонъ разграниченіе, Нерчинскимъ договоромъ учиненное. Когда же и на сіе не согласятся, а будутъ требовать имяннаго описанія и рѣшительнаго о границахъ постановленія, то о неразграниченныхъ земляхъ учинить ему по своему разсмотрѣнію, не отдавая однако въ Китайскую сторону тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ имѣются Россійскіе города и крѣпости и чтобъ Іезуиты ему, посланнику, въ семъ дѣлѣ помогли, обѣщая за то не токмо пересылать письма ихъ, но и ихъ самихъ въ Китай и обратно черезъ Россію пропускать.

Китайцы привезли на съѣздъ большую карту, на которой прилѣплены были красныя бумажки, служившія знаками, куда имѣетъ быть проведена граница, увѣряя посланника, что самъ богдоханъ велѣлъ быть границѣ по тѣмъ знакамъ. Знаки эти были такъ далеко внесены въ Россійскія земли, что округа Нерчинскій, Селенгинскій, Удинскій и Тункинскій не токмо притѣснены, но болѣе половины ихъ должна бы остаться въ Китайскомъ владѣніи. Они требовали всѣхъ земель, которыми послѣ Нерчинскаго договора Россійскіе подданные отъ Монголовъ завладѣли и всячески старались сочинить пограничный трактатъ въ Пекинѣ и р. Ангару поставить границею. Посланникъ всегда отлагалъ вдаль разводъ границъ, не хотѣлъ прежде о томъ говорить, пока не приведетъ другихъ дѣлъ къ концу и, чтобъ не подать причины къ озлобленію богдохана, не уничтожалъ ихъ домогательствъ, отводилъ ихъ пристойными доводами и изъясненіями, а особенно въ разсужденіи разграниченія р. Уди, въ Камчатское море впадающей, имѣлъ сильное преніе и хотя съ большимъ трудомъ, убѣдилъ однако Китайскихъ министровъ оставить эти земли до дальнѣйшаго впредъ разграниченія.

Китайскіе министры просили посланника написать форму трактата. Трактатъ уже былъ написанъ и 19 Января 1727 г. поданъ Китайскимъ министрамъ; уже Рагузинскій утѣшалъ себя, сдѣлавъ этимъ договоромъ немалую славу Россійской имперіи и удовольствіе Монархинѣ, какъ по прошествіи двухъ дней Китайцы ото всего отказались, давъ знать, что они съ нимъ шутили, что богдоханъ ни на что не склоняется; ибо Монгольскіе владѣтели прислали къ нему просьбу, чтобы онъ Россійскому двору ихъ земель не уступалъ, а въ особенности тѣхъ, которыми Русскіе завладѣли послѣ Нерчинскаго трактата.

Въ Февралѣ министры подали Владиславичу проектъ трактата, въ силу котораго должна была отойти отъ Россіи немалая часть Сибири. Въ теченіи осьми конференцій мучили они нашего посла этимъ трактатомъ, то обнадеживая его большими подарками, то укоряя, ругая и грозя даже уморить его въ тюрьмѣ или отпустить его съ безчестіемъ, выгнавъ изъ Пекина на пустую степь, гдѣ ему придется погибнуть со всею его свитою отъ холоду и голоду.

Библиотека "Руниверс"

Чтобы еще болѣе его стѣснить, не давали ему и его свитѣ припасовъ болѣе мѣсяца, присылали соленую воду, отъ которой половина людей занемогла, такъ что посланникъ принужденъ былъ слить въ куски свой серебряный сервизъ, чтобы въ крайнемъ случаѣ прокормить себя и людей своихъ.

На всѣ угрозы и ругательства посланникъ отвѣчалъ, что, не бывъ ни измѣнникомъ, ни предателемъ своего Отечества, онъ никогда не согласится подписать постыднаго договора; а ежели бы они его и принудили къ тому, то Императрица никогда по оному исполнять не будетъ; что ежели Китайцы и погубятъ 120 человѣкъ, то для Россіи потеря эта невелика, а въ случаѣ причиненія ему безчестія или заключенія въ тюрьму поругаютъ этимъ всю Россійскую имперію, которая съумѣетъ отмстить за себя, такъ какъ силы Россіи, за благополучнымъ для нея окончаніемъ войнъ съ Шведами, Турками и Персіянами, теперь совершенно свободны.

Такіе отзывы приводили въ смущеніе Китайскихъ министровъ. Въ 29-й конференціи они предложили нашему посланнику подписать обязательство окончить сперва на границѣ дѣла согласно желанію Китайцевъ, и что за тѣмъ уже прочія дѣла будутъ вырѣшены. Онъ отвѣчалъ на это, что прежде окончанія прочихъ дѣлъ онъ о границѣ трактовать и не думаетъ, а требуетъ, чтобъ по силѣ Нерчинскаго договора Россійская имперія удовлетворена была въ нанесенныхъ ей обидахъ, о границѣ же будетъ говорить послѣ. Ежели же Китайцы не удовлетворятъ его и не обновятъ съ нимъ мира, то миръ будетъ нарушенъ со стороны ихъ. «Упрямецъ ты, а не посолъ, — закричали на него министры,—ты пріѣхалъ сюда только для поздравленія богдоханова величества и отданія подарковъ. Прими же подарки и поѣзжай ни съ чѣмъ». Наконецъ, смягчась, сказали ему: когда онъ не хочетъ заключать трактата по ихъ желанію, то далъ бы проектъ своего ультиматума, тогда они подумаютъ, донесутъ богдохану и отпустятъ его.

Представленный проектъ былъ доложенъ богдохану, который, прочитавъ его нѣсколько разъ, рѣшилъ, чтобъ въ Пекинѣ ничего не заключать, а отправить трехъ полномочныхъ министровъ на границу для окончательнаго обо всемъ постановленія, поручивъ имъ собрать подлинныя свѣдѣнія о границахъ.

Между тѣмъ графъ Владиславичъ заболѣлъ; богдоханъ послалъ къ нему своего доктора и когда онъ выздоровѣлъ, то былъ позванъ 19 Апрѣля въ загородный домъ богдохана на отпускную аудіенцію. Откланиваясь императору и выпивъ пребольшую чашу вина изъ рукъ его, посолъ сказалъ: «Ваше величество, вы вылечили меня отъ болѣзни; вылечите же и отъ печали, повелите, чтобы дѣла, мною представленныя и неоконченныя въ Пекинѣ, были окончены на границѣ». Богдоханъ отвѣчалъ ему, что посылаетъ съ нимъ на границу добрыхъ министровъ, которымъ велѣлъ все кончить и надѣется, что посолъ будетъ клонить дѣло къ обоюдному удовольствію обоихъ государствъ.

Библиотека "Руниверс"

Выѣхавъ изъ Пекина, графъ Владиславичъ отправилъ впередъ секретаря своего Глазунова въ Селенгинскъ, для увѣренія пограничныхъ жителей, а въ особенности иноземцевъ, что Монгольскіе владѣльцы напрасно ихъ устрашаютъ, будто Россійскій дворъ отступился отъ нихъ и предаетъ ихъ въ руки Китайскому государству. Ему же, Глазунову, поручено было отослать ко двору реляцію, въ которой онъ, подробно описывая все происходившее съ нимъ до того времени въ Пекинѣ, заключилъ тѣмъ, что государство Китайское не въ такой силѣ, какъ объ немъ думаютъ и какъ многіе историки оное возвышаютъ; что богдоханомъ никто недоволенъ, ибо пуще Римскаго Нерона государство свое притѣсняетъ и уже нѣсколько тысячъ людей уморилъ и нѣсколько миліоновъ ограбилъ и въ конецъ разорилъ; многихъ Іезуитовъ убилъ и срылъ ихъ церкви; народъ помираетъ съ голоду, и не видно въ немъ ни силы, ни храбрости, ни разума; непостоянство, гордость, лукавство и трусость занимаютъ все ихъ упражненіе и, будь у насъ на границѣ сила, можно бы все сдѣлать по своему. Но къ несчастію Китайцы видятъ, что вся Сибирь для нихъ отворена, что къ нимъ безпрестанно ѣздятъ посольства, все болѣе и болѣе гордятся и если на что и соглашаются, то вовсе не изъ миролюбивыхъ намѣреній, а скорѣе отъ страха, боясь войны.

Іюня 14 прибылъ графъ Владиславичъ на рѣчку Буру, отъ Селегинска въ ста верстахъ, и нашелъ тутъ опредѣленныхъ отъ Китайскаго двора министровъ. Около двухъ мѣсяцевъ происходили споры; наконецъ, Китайцы, видя приходъ Тобольскаго гарнизоннаго полка на границу, закрытіе нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ палисадами, построеніе крѣпости Петропавловской на рѣчкѣ Чикой, вѣрность подданныхъ ясачныхъ инородцевъ, стоявшихъ ополченіемъ на границѣ и неусыпное бдѣніе посланника, согласились, 20 Августа 1727 года, постановить и подписать договоръ о границѣ.

Донося двору о посылкѣ для опредѣленія границъ Колычева и Глазунова, графъ Владиславичъ между прочимъ сообщилъ, что посольства наши и потому теряли цѣну въ глазахъ Китайскаго двора, что пограничные начальники, изъ своекорыстныхъ видовъ и собственныхъ своихъ прихотей, посылали экспедиціи въ Китай подъ видомъ посольства, такъ что въ Пекинскомъ архивѣ записано послѣ Нерчинскаго трактата болѣе пятидесяти пословъ и посланниковъ, тогда какъ ихъ было въ сущности всего четверо: Спафарій, Исбрантъ, Измайловъ и онъ Владиславичъ.

Тогда же было выговорено объ учрежденіи двухъ торговыхъ пограничныхъ слободъ, одной при рѣчкѣ Кяхтѣ, другой въ Нерчинскомъ уѣздѣ, на р. Аргуни, въ Цурухайту.

Проживъ въ Селегинскѣ нѣкоторое время, графъ Савва Владиславичъ 9 Октября снова отправился къ рѣчкѣ Бурѣ, гдѣ узналъ о конченномъ разграниченіи посланными отъ него коммисарами. Стольникъ Степанъ Андреевъ Колычевъ производилъ постановку пограничныхъ знаковъ отъ рѣчки Кяхты къ Западу. Съ Китайской стороны былъ амбань Безига, а къ Востоку, до вершинъ рѣки Аргуни, секретари

Библиотека "Руниверс"

посольства Иванъ Глазуновъ и Семенъ Кирѣевъ съ Китайскимъ государственнымъ совѣтникомъ Хубиту.

Комисары эти, въ письменныхъ постановленіяхъ своихъ, означили всѣ рѣчки, озера, долины и степи, гдѣ должно быть пограничнымъ знакамъ.

Знаки эти были сдѣланы для прочности изъ камня и имѣли въ вышину по 2 сажени и поставлены съ обѣихъ сторонъ, Россійской и Китайской, одинъ противъ другаго, съ высѣченною на каждомъ Русскою и Монгольскою надписью, нумеромъ и названіемъ урочища, чтобы нельзя было ихъ тайно переносить съ мѣста на мѣсто. На Востокъ отъ Кяхты до средняго устья Хайлара поставлено 63, а на Западъ до Кузнецкаго уѣзда 24 знака.

Но все-таки точнаго опредѣленія границы далѣе на Востокъ не было сдѣлано, и Китайское правительство не разъ изъявляло неудовольствіе, что Русскіе переходятъ въ ихъ владѣнія.

По просьбѣ Китайскихъ министровъ, посолъ нашъ жилъ болѣе трехъ мѣсяцевъ со всею свитою на р. Бурѣ, на голой степи, въ стужѣ и въ снѣгу подъ палатками, ожидая ихъ возвращенія изъ Пекина съ главнымъ трактатомъ, который они привезли лишь 13 Ноября, утвержденный печатью богдохана.

Сличая поданный въ Пекинѣ свой проектъ съ присланнымъ трактатомъ, Владиславичъ, къ крайнему своему прискорбію и немалому удивленію самихъ Китайцевъ, нашелъ, что всѣ почти статьи были искажены, чести Россіи предосудительны, убыточны, написаны тономъ надменнымъ и презрительнымъ.

Такъ какъ Владиславичъ не хотѣлъ принять этого трактата, то его послали обратно въ Пекинъ, и наконецъ, 3 Апрѣля 1728 г., прибылъ курьеръ изъ Пекина съ новымъ генеральнымъ трактатомъ, который графъ Владиславичъ принять согласился и размѣнялся на р. Кяхтѣ 14 Іюня.

Въ 7-мъ пунктѣ этого трактата сказано, что «восточныя около Уди и каменныхъ горъ мѣста да останутся еще не разграничены до будущаго впредъ времени».

Трактатомъ этимъ опредѣлена граница между Аргунью и конечнымъ пунктомъ на Западѣ, Шабинъ Дабагомъ. Послѣ положенныхъ граничныхъ предѣловъ перебѣги Монголовъ къ намъ прекратились, и водворилось спокойствіе въ Забайкальѣ.

Владиславичъ составилъ съ помощію геодезистовъ генеральную ландкарту, изъ разныхъ чертежей, всей Сибири, Камчаткѣ и р. Амуру.

Вынесши во время переговоровъ такъ много униженій отъ гордыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжественныхъ Китайцевъ, Владиславичъ перенесъ все съ величайшимъ терпѣніемъ, послѣ трехлѣтнихъ сношеній и томительныхъ 58 конференцій.

Въ 1735 году присланъ былъ въ Сенатъ отъ Трибунала листъ, въ которомъ говорилось, что поелику отъ восточной стороны, о рѣкѣ Уди съ принадлежащими къ ней мѣстами, ни окольничій Головинъ,

Библиотека "Руниверс"

ни графъ Владиславичъ во время своего посольства ничего рѣшительнаго не учинили, то нужно, дабы по силѣ мирныхъ договоровъ, нѣкоторыя особы, знающія тѣ мѣста, при рѣкѣ Уди границу учинили.

На это въ предписаніи бывшему Иркутскому вице-губернатору Бибикову, въ Іюнѣ 1736 г. сказано, что мѣста, лежащія въ сторонѣ р. Амура и Уди, по трактатамъ оставлены неразграниченными; достовѣрнаго о нихъ описанія и исправной карты и понынѣ не получено; а какъ Китайцы о разграниченіи тѣхъ мѣстъ отнеслись листомъ отъ Трибунала въ Сенатъ, то имъ отвѣчено, что разграниченіе это отложено за неимѣніемъ объ этихъ земляхъ подлиннаго извѣстія; что для этого надо послать специальныхъ людей къ составленію карты, о чемъ Сенатъ снесется съ Тобольскимъ губернаторомъ и капитанъ-командиромъ Берингомъ, о представленіи этой карты предварительно въ Колегію. Сверхъ того Китайцы объявили, будто бы въ вершинѣ рѣки Хинкунъ (т. е. Уди), на границѣ съ ихъ стороны, поставленъ былъ столбъ, который тому лѣтъ восемь упалъ, и въ тѣхъ мѣстахъ Русскіе переходятъ въ Китайскіе предѣлы для звѣринаго промысла; но о подобномъ знакѣ ни въ какихъ документахъ и описяхъ не упоминается; да къ чему бы его и ставить, когда р. Удь, по Нерчинскому трактату, отъ вершины до впаденія въ море со всѣми въ нее текущими отъ горъ рѣками, оставлена Россіи, а потому никакимъ образомъ границею считаться не можетъ? Все таки Бибикову велѣно было справиться, былъ-ли такой знакъ и съ чьей стороны, когда, для чего и въ какомъ именно мѣстѣ поставленъ, есть-ли слѣды его или совершенно уничтоженъ? А Трибуналу 31 Мая 1736 года Сенатъ написалъ, что касательно неразграниченныхъ мѣстъ, такъ какъ о положеніи оныхъ за великимъ отдаленіемъ никакаго вѣрнаго доселѣ не имѣется извѣстія и не знавъ объ оныхъ, невозможно никого туда посылать для учрежденія тамъ границъ до того, пока не будутъ вѣрно описаны тѣ мѣста; до тѣхъ же поръ нужно онымъ остаться такъ, какъ въ мирномъ договорѣ объ оныхъ сказано.

На это Трибуналъ отвѣчалъ Сенату, что о неразграниченныхъ при р. Уди мѣстахъ донесено богдохану, который, соглашаясь на просьбу Сената, дозволилъ мѣстамъ неразграниченными остаться еще по прежнему, до присылки для сего дѣла Россійскихъ на границу людей.

Въ теченіи 50 лѣтъ послѣ Буринскаго трактата, сношенія наши съ Китаемъ ограничивались перепискою, состоявшею только изъ однихъ споровъ, замѣчательныхъ по отсутствію всякаго приличія въ выраженіяхъ, которымъ въ особенности всегда отличался Китайскій Трибуналъ внѣшнихъ сношеній, понимавшій насъ не иначе, какъ своихъ вассаловъ. Наконецъ, указомъ Екатерины II-й повелѣно было полковнику Кропотову ѣхать на Китайскую границу для окончанія всѣхъ споровъ и недоразумѣній, продолжавшихся съ Китайцами въ теченіи многихъ лѣтъ.

Послѣ многократныхъ совѣщаній, уполномоченные обѣихъ сторонъ 18 Октября 1768 г. заключили между собою новый трактатъ, содержащій въ себѣ дополненіе и поясненіе договора графа Рагу-

Библиотека "Руниверс"

зинскаго. Во время бывшихъ переговоровъ полковникъ Кропотовъ, подобно своимъ предшественникамъ, былъ выведенъ изъ всякаго терпѣнія, какъ наглыми поступками Китайцевъ, такъ и замедленіями, съ ихъ стороны, дѣла. Его слабая физическая натура была окончательно разстроена унизительными продѣлками Китайцевъ; онъ постепенно изнемогалъ и, наконецъ, умеръ на Китайской границѣ. Въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ Кропотовъ, какъ бы пророчески, многозначительно выразился: «Рано или поздно, я предвижу, что Китай раскается въ своихъ продерзостныхъ поступкахъ противъ Россіи и будетъ уважать насъ, какъ своихъ добрыхъ и вѣрныхъ сосѣдей».

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда въ царствованіе Александра I-го обратили болѣе вниманія на Восточный Океанъ, въ 1804 г. былъ посланъ въ Пекинъ съ уполномочіями графъ Головкинъ, на котораго между прочимъ возложены были особенныя работы о свободномъ судоходствѣ по Амуру.

Отъ посольства графа Головкина ожидали важныхъ послѣдствій и полнаго удовлетворенія за невыносимое самоуправство нашихъ дерзкихъ сосѣдей, какъ по дѣламъ пограничнымъ, такъ и по другимъ отношеніямъ, политическимъ и торговымъ. Но это Гомерическое посольство, стоившее Россіи такъ дорого, достигло только до Урги и здѣсь, при стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, покончило тѣмъ, что рѣшилось ѣхать обратно, не сдѣлавъ ничего: планы Россіи рушились, и мы по старому оставались въ томъ же безвыходномъ положеніи, въ которомъ находились прежде.

И такъ результаты всѣхъ нашихъ сношеній съ Китаемъ въ прошедшемъ столѣтіи были тѣ, что Нерчинскимъ трактатомъ Китайцы закрыли намъ Амуръ для плаванія; граница же между Россіей и Китаемъ хотя, повидимому, и была опредѣлена, но въ сущности пограничные знаки были поставлены наобумъ, свидѣтельствуя или о полномъ незнаніи этой обширной пустынной мѣстности, или о небрежности чиновниковъ, которымъ дѣло это было поручено. До сихъ поръ неразгаданная двухсмысленность въ Нерчинскомъ трактатѣ состояла въ томъ, что, по смыслу его, граница въ верховьяхъ Амура начиналась отъ р. Кербечи (Горбицы), возлѣ рѣки Черной. Оказалось, что одна Кербечи (Горбица) впадаетъ въ Шилку, а другая (Амазаръ) въ Амуръ, ниже сліянія Шилки съ Аргунью. Первая Черная вливается въ Шилку въ 12 верстахъ выше первой Горбицы; а другая Черная, называемая Тунгусами Уръ, а Русскими Урка, впадаетъ въ Амуръ верстахъ въ 25 ниже другой Горбицы, или Амазара. Надо думать, что въ трактатѣ предполагалась послѣдняя Горбица. На картѣ Іезуитовъ, бывшихъ при заключеніи трактата, именно она показана Горбицею, отмѣченная красною краской На этой картѣ, приложенной къ описанію Китая Іезуита Дю-Гальда, ясно означены рѣка Шилка, впадающая въ нее верхняя Горбица (Амба-Кербечи-Пира), за тѣмъ Усть-Стрѣлка при сліяніи Шилки съ Аргунью,

Библиотека "Руниверс"

и потомъ Амазаръ (Эге-Кербечи), у которой и проведена красною чертою граница съ надписью: Aigué-Kerbetchi-Pira qui sépare la Tartarie Chinoise de la Russienne.

Есть нѣкоторыя данныя, что Китайцы перенесли столбы на верхнюю Горбицу. Въ 1703 г., при Нерчинскомъ воеводѣ Пушкинѣ, одинъ Китайскій перебѣжчикъ Тунгусскаго племени, бѣжавшій прежде къ Русскимъ въ Албазинъ, но оттуда выданный, бѣжалъ вторично на верхнюю Горбицу и проживалъ тамъ свободно между Русскими. Китайцы узнали о его мѣстопребываніи и потребовали его выдачи. Пушкинъ приказалъ казакамъ схватить его; но онъ при допросѣ показалъ, что онъ и не думалъ бѣгать, потому что Горбица составляетъ границу Китая съ Россіей. Китайцы воспользовались соимянностью рѣкъ, и въ слѣдующемъ году прибыли ихъ чиновники въ первый разъ на верхнюю Горбицу, гдѣ и поставили столбъ.

Не въ пользу Китайцевъ говоритъ и то обстоятельство, что въ 1721 году правительство ихъ просило дозволенія поставить идолъ Тамерлана на р. Окѣ, за Байкаломъ.

Іезуиты предупредили Русскихъ, что цѣлію посланныхъ мандариновъ была постановка земляныхъ или каменныхъ знаковъ, дабы, если дѣло дойдетъ до размежеванія границъ, Китайцы могли утверждать по тѣмъ знакамъ, будто они поставлены съ давнихъ временъ.

Въ 1756 г. въ Китай былъ отправленъ кабинетъ-курьеромъ Братищевъ; съ нимъ послана была въ Трибуналъ грамота, которою просили дозволенія плавать по Амуру. Китайцы отказали, сказавъ, что въ трактатѣ объ этомъ не упомянуто и что при такомъ проѣздѣ легко можетъ «отъ непотребныхъ людей повредиться мирное согласіе».

Межевщики Скобельцынъ и Шатиловъ, по просьбѣ академика Миллера и по распоряженію Беринга, составляли для Миллера карту Китайскихъ владѣній. Они отправились въ 1735 г. по Горбицѣ, но отрядъ ихъ разбѣжался, и они вышли въ Якутскъ. Въ 1737 году они отправились снова вверхъ по Горбицѣ, перешли рѣку Гилюй, шли сю до Зеи, но истощали до того, что не могли продолжать своего слѣдованія на Востокъ, рѣшились воспользоваться болѣе доступными странами, пошли на Югъ и прибыли въ Албазинъ, гдѣ встрѣтили нѣсколько Нерчинскихъ жителей, которые тутъ промышляли соболей. Отсюда вверхъ по Амуру возвратились они въ Забайкалье, лишась 14-ти человѣкъ изъ своихъ проводниковъ, которыхъ большая часть разбѣжалась.

Въ 1767 году, какъ видно изъ Удскаго архива, былъ посланъ изъ Якутской Воеводской Канцеляріи въ Удской острогъ боярскій сынъ Бурнашевъ «для отбиранія отъ старожиловъ сказокъ о Китайской границѣ».

Въ 1804 году, по случаю посольства графа Головкина въ Китай, предполагали отправить академиковъ Адамса и Богдановича «вдоль сѣвернаго склона хребта отъ Горбицы до Охотскаго моря», въ видѣ подготовки къ установленію границъ, и хотя это предпріятіе, равно какъ и порученіе полковнику генеральнаго штаба д'Оврэ осмотрѣть

Библиотека "Руниверс"

Амуръ, было высочайше утверждено, но все-таки, по неизвѣстнымъ причинамъ, осталось неисполненнымъ.

Затѣмъ въ 1832 году, бывшій приставъ миссіи въ Пекинѣ, полковникъ Ладыженскій спускался по Амуру до Амазара для отысканія настоящаго пограничнаго столба, который былъ тамъ поставленъ Китайцами, но не могъ его найти, вѣроятно потому, что, при перенесеніи Китайцами границы на верхнюю Горбицу, столбъ былъ ими уничтоженъ.

Со времени заключенія для Россіи невыгоднаго Нерчинскаго трактата, правительство наше старалось всѣми способами укрѣпиться по крайней мѣрѣ въ Забайкальѣ. Для сохраненія мира подтверждено было строжайше соблюдать опредѣленную пограничную черту. По трактату Головина нарушители границъ должны были быть выдаваемы взаимно начальникамъ пограничныхъ городовъ и наказываемы строжайшимъ образомъ, даже съ лишеніемъ жизни въ томъ случаѣ, если они произвели грабежъ или убійство. Въ 1728 году это соглашеніе, по Буринскому договору, заключенному графомъ Рагузинскимъ, было значительно еще усилено тѣмъ, что условились каждаго нарушителя границы, смотря по обстоятельствамъ, казнить или вѣшать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ пойманъ. Пойманный воръ въ первый разъ подвергался штрафу въ десять разъ больше противу стоимости украденнаго; во второй разъ штрафъ удвоивался, а третье воровство наказывалось смертію. Кромѣ того перебѣжчикъ подвергался съ одной стороны необузданной мести инородцевъ, которые были возстановлены противъ насъ прежнимъ самоуправствомъ Русскихъ, а съ другой видѣлъ опасность и у себя въ тылу.

При такой строгости постановленій на случай нарушенія пограничной черты, пограничная наша стража была слишкомъ недостаточна. Отъ Горбицы до Тункинскаго поста пограничная стража, на протяженіи 2836 верстъ, въ 1832 году состояла изъ 900 Русскихъ, 400 Бурятъ и 398 Тунгусовъ. Далѣе Горбицы все пространство на Сѣверъ и Востокъ оставалось свободнымъ.

Изъ Нерчинскаго округа бывали попытки пробраться за границу, но пограничные Китайскіе кочевые инородцы, чтобъ избѣгнуть хлопотъ съ начальствомъ, безъ дальнихъ околичностей, убивали Русскихъ перебѣжчиковъ, и это вошло у нихъ до того въ обычай, что опасеніе лишиться жизни въ Китайскихъ владѣніяхъ было вѣрнѣйшею преградою побѣгу тѣхъ, которые чувствовали себя въ невыносимомъ стѣсненіи. Убійство топографа Ваганова, которому поручено было сдѣлать нѣкоторыя съемки въ Китайской Маньчжуріи, можетъ служить отчасти оправданіемъ господствовавшаго тогда между горнозаводскими крестьянами мнѣнія.

Въ 80 верстахъ отъ Усть-Стрѣлочнаго караула, встрѣтилъ г. Миддендорфъ въ Китайскихъ владѣніяхъ отрядъ Сибирскихъ пограничныхъ казаковъ подъ предводительствомъ своего непосредственнаго начальника, который явился туда собирать дань мѣхами съ инородцевъ и вымѣнивать пушнину на водку.

Библиотека "Руниверс"

Естественныя условія края повлекли за собою то, что Усть-Стрѣлочные казаки скупали мѣха въ Китайскихъ владѣніяхъ, косили сѣно въ Китайской землѣ, ловили рыбу близъ Албазина, и немалое число Забайкальскихъ крестьянъ, отправляясь на охоту за звѣрями, проникали какъ по лѣвому, такъ и по правому берегу Амура на далекое разстояніе въ Китайскія владѣнія, не смотря на постоянныя напоминанія о границахъ, установленныхъ договоромъ.

Со стороны Китайскаго правительства дѣлался ежегодно осмотръ границамъ. Изъ Айгуна посылался въ Маѣ мѣсяцѣ чиновникъ, въ чинѣ полковника, съ 80 человѣками на 7 лодкахъ вверхъ по Амуру. У караула Усть-Стрѣлочнаго дѣлали надпись на стоявшемъ на Китайскомъ берегу пограничномъ знакѣ, свидѣтельствовавшую о повѣркѣ границы, затѣмъ отправлялись далѣе вверхъ по Шилкѣ до Горбицы. Между тѣмъ сверху Аргуни спускалась большая лодка съ 12 человѣками пограничной стражи. Отрядъ этотъ у казаковъ нашихъ назывался Марганцы *), а первый—Богдои. Отряда Марганцевъ, съ которымъ пріѣзжалъ высшій чиновникъ, Богдои всегда дожидались, а по соединеніи—оба отряда отправлялись внизъ по Амуру до Айгуна, или правильнѣе Сахалянъ Ула-Хотона. До отъѣзда дѣлался, подъ именемъ взаимныхъ подарковъ, небольшой обмѣнъ товарами. Вслѣдъ за обмѣномъ, казаки тотчасъ пускались внизъ по Амуру для покосовъ и рыбной ловли, опасаясь больше своего начальства, чѣмъ чужаго.

Чиновники Сибирскихъ присутственныхъ мѣстъ остерегались приближаться къ Китайской границѣ и письменно спорили въ Якутскѣ о томъ, какъ великъ Удскій округъ: въ 10 или въ 5-ть тысячъ квадратныхъ верстъ?

Крузенштернъ долженъ былъ отказаться отъ своего желаніи изслѣдовать южные берега Охотскаго моря, потому что ему запрещено было приближаться къ Китайскимъ берегамъ.

Академикъ Миддендорфъ заявилъ въ своихъ запискахъ, что перемѣна въ нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ Китаю произошла лишь вслѣдствіе того, что путешествіе его доставило болѣе вѣрныя понятія объ Амурскихъ странахъ и ихъ жителяхъ и что Академіи Наукъ принадлежитъ честь перваго повода къ тому преобразованію, которое совершилось въ Амурскомъ краѣ. Быть можетъ, академикъ Миддендорфъ не зналъ сочиненія Іезуита Дю-Гальда, и его бѣглый очеркъ Амура на столько же могъ подвинуть наше правительство къ настойчивому пріобрѣтенію лѣваго берега этой рѣки и восточнаго приморья, насколько разсказъ бѣглаго Гурья Васильева.

Петръ Шумахеръ.

*) Пріѣзжающіе изъ Мергеня.

Библиотека "Руниверс"

Братья Потемкины.

Михаилъ и Павелъ Потемкины были сыновья секундъ-маіора Потемкина, который приходился двоюроднымъ дядею свѣтлѣйшему князю Потемкину Отецъ ихъ, Сергѣй Дмитріевичъ, по свидѣтельству П. Ѳ. Карабанова, желая воспользоваться имѣніемъ своего двоюроднаго брата Александра Васильевича Потемкина, клеветалъ на молодую жену его и этимъ умножалъ страданія и безъ того несчастной женщины. Старшій братъ, Петръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ безпутный. Онъ промоталъ все имѣніе своей матери, значительную часть отцовскаго и надѣлалъ множество долговъ. Михаилу Сергѣевичу пришлось, по смерти отца, умершаго въ 1772 г., заняться устройствомъ хозяйства. Онъ былъ способнѣе къ этому дѣлу, чѣмъ Павелъ Сергѣевичъ, хотя и уступалъ ему въ образованности. Сей послѣдній, какъ извѣстно, былъ въ Московскомъ Университетѣ и занимался литературою (можно собрать цѣлую книгу стихотворческихъ его упражненій); Михаилъ же Сергѣевичъ, судя по его письмамъ, былъ лишенъ книжнаго образованія. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ орѳографіи и выражается иногда такъ, что, видимо, письменное изложеніе мыслей для него дѣло непривычное. Ни матерьяльными средствами, ни образованіемъ Михаилъ Сергѣевичъ не выдавался изъ массы провинціальнаго дворянства, но впослѣдствіи достигъ и богатства, и «степеней извѣстныхъ»: онъ былъ шталмейстеромъ, дѣйствит. камергеромъ, генералъ кригсъ-комисаромъ и кавалеромъ разныхъ орденовъ, имѣлъ дома въ Петербургѣ и Москвѣ, дачу въ Царскомъ Селѣ и считался, даже въ придворномъ кругу, за человѣка богатаго. Всѣмъ этимъ онъ обязанъ своему всемогущему родственнику. «Михайло Сергѣевичъ, писалъ князь С. Ѳ. Голицынъ, былъ въ ровномъ со мною положеніи; но соизволеніе князя Григорія Александровича измѣнило состояніе его» (Русск. Старина, XII, 521). Нечего и говорить, что Михаилъ Сергѣевичъ платилъ за это князю нелнѣйшею покорностію и преданностію. Въ придворной сферѣ онъ былъ виднымъ представителемъ Потемкинской партіи. Гарновскій записалъ слѣдующій случай, происшедшій 30 Іюля 1788 г.: «Приступалъ графъ Чесменскій къ Государынѣ съ новыми доказательствами о безпорядкахъ, въ государствѣ нашемъ существующихъ, а особливо сей разъ критиковалъ болѣе прочихъ часть воинскую, и доносилъ, между прочимъ, что солдаты наши ни ходить, ни стрѣлять не умѣютъ, ружья имѣютъ негодныя, и вообще войски наши въ одеждѣ и во всемъ никогда такъ дурны не были, какъ теперь. Весь сей доносъ расположенъ былъ тако, чтобъ внушить Государынѣ, что всему сему причиною его свѣтлость. Случившіеся тутъ графъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) и Михаилъ Сергѣевичъ принялись горячо оспаривать таковой несправедливый доносъ и умѣли дать оному такой толкъ, что Государыня, почтя себя доносомъ Чесменскаго лично оскорбленною,

Библиотека "Руниверс"

дала съ негодованіемъ чувствовать, что, царствуя 25 лѣтъ, никогда она по своей должности упущенія не сдѣлала и что съ сожалѣніемъ взираетъ на заблужденія, въ которыхъ графъ Чесменскій находится» (Р. Стар. XVI, 207). Враги князя Г. А. Потемкина были, естественно, врагами и Михаила Сергѣевича и старались ему повредить во мнѣніи Екатерины, но Государыня цѣнила его и выражала сожалѣніе о его смерти (Р. Арх. 1878, III, 244).

Вращаясь при дворѣ, М. С. Потемкинъ въ письмахъ къ брату своему (большею частію на Кавказъ, гдѣ тотъ начальствовалъ) сообщаетъ столичныя новости, слухи, придворныя сплетни, особенно касающіяся князя Потемкина; много говорится въ этихъ письмахъ и о семейныхъ дѣлахъ, что̀ интересно для знакомства съ бытомъ дворянъ того времени. Желая сохранить свои секреты отъ посторонняго любопытства, Потемкины употребляли тайнописаніе. У нихъ было двѣ разныя азбуки: одною писана значительная часть писемъ Михаила Сергѣевича, другая встрѣчается въ письмахъ его жены, Татьяны Васильевны, урожденной Энгельгардъ (родной племянницы князя Потемкина), впослѣдствіи княгини Юсуповой. Намъ удалось подобрать ключъ къ этому тайнописанію; прочтенное такимъ образомъ означено ниже вносными знаками.

Алексѣй Круглый.

ПИСЬМА М. С. ПОТЕМКИНА КЪ ЕГО БРАТУ.

1.

1785 года, Октября 26, въ Москвѣ.

Батюшка братецъ Павелъ Сергѣевичъ! *).

Послѣднее письмо я отъ васъ получилъ отъ 6 Октября короткое, по коему видно, что вы заняты много дѣломъ, и жду ежечасно отъ васъ извѣстія о дѣйствіяхъ вашихъ предпріятіевъ, которыя меня интересуютъ по дѣлу для отечества и по вашей персонѣ. Пиши, пожалуй, обстоятельнѣе.

Я заготовляю отчетъ и ассигнацію, чтобъ, получа отвѣтъ на мое князю съ нарочнымъ курьеромъ представленіе, быть готову къ отъѣзду въ Петербургъ. Оное жъ состоитъ въ томъ, что росписаніе о войскахъ, сколько вамъ извѣстно, по коему недостаетъ Комисаріату положеннаго дохода на содержаніе арміи болѣе двухъ милліоновъ, если ассигновать деньги, какъ быть арміи должно; а потому требую добавки, а ежели ассигновать, какъ нынѣ армія, то недостанетъ до 700 тысячъ, по прочихъ обстоятельствахъ сказавъ, что я буду дожидаться его разрѣшенія, и до полученія отвѣта буду дожидаться въ Москвѣ.

Что̀ по росписанію моему я назначилъ въ Кавказскую Комисію Данилевскаго, то вы не почтите, чтобъ я сдѣлалъ безъ согласія вашего. Я его назначилъ въ томъ смыслѣ, что онъ къ вамъ не будетъ; потому онъ писалъ ко мнѣ, что г. А. А. Безбородко обѣщалъ

*) Это обращеніе, равно какъ и заключительное, повторяется въ остальныхъ письмахъ и потому дальше опускается.

Библиотека "Руниверс"

ему мѣсто и просилъ, пока не выйдетъ, чтобъ я ему дозволилъ въ Петербургѣ. Я и послалъ къ нему ордеръ, чтобъ до прибытія моего въ Петербургъ ему дожидаться. И такъ, Анучинъ остается управлять вашею Комисіею; а для свѣдѣнія, мною учиненное вновь о комисаріатскихъ чинахъ росписаніе при семъ прилагаю. «По городу говорятъ, что изъ Синодской Конторы Брюсу [1]) сообщено, чтобъ ученыя собранія осмотрѣть, для того, что вкрадывается другая си«стема, противъ коей надлежитъ взять свои мѣры, а къ тому о «господахъ Мартинистахъ разные происходятъ толки. О Ермоловѣ [2]) «много слуховъ, только не самовѣрны, будто его женятъ». Я теперь не знаю, Дмитревской Комисіи какія прописать войски довольствовать, потому что Кубанскаго корпуса въ росписаніи нѣтъ и въ Кубани подъ вашею командою будутъ, или у князя въ дивизіи. Ежели у васъ, пожалуй, съ первымъ случаемъ увѣдомь, сколько способно какихъ именно войскъ ей отдѣлить довольствовать. Прасковьѣ Андреевнѣ [3]) отъ меня кланяйся и увѣрь, что и я ее люблю сердечно. На вѣкъ пребуду вашъ вѣрный братъ и искренній другъ Михаилъ Потемкинъ.

2.

1787 года, 18 Февраля, въ Москвѣ.

Здѣсь слухи разные городскіе идутъ; инымъ нечего вѣрить, а сказывали мнѣ, что Ея Величество писать изволитъ къ Петру Дмитр. Еропкину [4]) изъ Кіева, что пятую часть кончить изволила своего вояжу, а надѣется на Бога, что и все совершитъ; что изволила наѣхать многихъ пріѣзжихъ изъ за границъ, а кто такіе, затѣмъ не изволитъ писать; что кромѣ г. Браницкаго никого не изволитъ знать, а имѣла сомнѣніе, какъ переѣхать Днѣпръ, но въ то время былъ великъ морозъ 20 градусовъ; но къ примѣчанію служитъ то, что воздухъ холодный не такъ пронзителенъ, что у встрѣчающаго ее народу цѣлы уши и лица.

Я теперь мучусь, спѣша домъ отдѣлывать послѣ пожару: кромѣ убытку и трудовъ, я живу съ великою скукою въ домѣ Петра Амплеича [5]). Вопервыхъ, далеко, никто сюда не ѣздитъ; вовторыхъ, всѣхъ помѣстить здѣсь нельзя, всѣ живутъ на томъ дворѣ. Чего ни схватишься—ничего нѣтъ; 3) канцелярія моя тамъ и тамъ,

---

[1]) Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, генералъ-аншефъ, р. 1732 г., у. 1791 г. главнокомандующій въ Москвѣ съ 4 Сент. 1784 г. по 28 Іюня 1786 г.

[2]) Александръ Петровичъ Ермоловъ р. 1754, у. 1836 г., фаворитъ Екатерины съ 1785 по Іюнь 1786 г.

[3]) Жена П. С. Потемкина, урожденная Закревская, р. 1763, у. 1816 г.

[4]) Московскій главнокомандующій. Екатерина посылала ему журналъ своего путешествія, который печатался въ Московскихъ Вѣдомостяхъ того времени.

[5]) Вѣроятно Шепелевъ, дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 29 Іюня 1737 г., у. 8 Ноября 1828 г. Съ 1783 г. былъ женатъ на Надеждѣ Васильевнѣ Энгельгардъ, слѣдоват. родственникъ М. С. Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

многія дѣла затѣмъ не могу окончить. Чрезъ мѣсяцъ обѣщаютъ кончить, а кажется, не дождаться того времени.

Кн. Варвара Васильевна [6]) обѣдаетъ и проситъ объ этомъ капитанѣ Кернѣ. Его просьба быть городничимъ [7]).

Поздравляю, голубчикъ мой, съ наступающимъ днемъ рожденія Григорія Павловича Потемкина [8]).

Матушка невѣстушка Прасковья Андреевна! Пожалуй, матушка увѣдомь, каковы вы въ своемъ здоровьѣ. Я сердечно сожалѣю, что вы такъ отъ меня далеки и въ такой случай, что должно дожидаться сюда прибытія Государыни, или и туда ѣхать; а еслибъ не то, я бы, конечно, самъ у васъ побывалъ: такъ хочется васъ видѣть. Гришеньку прошу поцѣловать. Прощай, моя голубушка.

3.

1787 года, Іюля 5 числа, въ Москвѣ.

Такъ давно не получая отъ васъ писемъ, много я обрадовался, что съ присланнымъ отъ васъ къ князю курьеромъ получилъ; а какъ князь воротился изъ Харькова въ Кременчугъ, а тотъ день случился курьеръ ѣдетъ къ нему изъ Петербурга, я и отослалъ съ нимъ ваши депеши, кои на имя княжое есть у вашего курьера, о чемъ и г. А. А. Безбородкѣ сказалъ. Послѣ того еще Турчаниновъ привезъ письма отъ 21 Апрѣля, на кои зачну отвѣтствовать, какъ они прежде вами были писаны.

Вы считали меня въ то время, 21 Апрѣля, въ дорогѣ; но я въ отвѣтъ отъ князя получилъ письмо, въ коемъ онъ пишетъ, что онъ меня звалъ въ Кременчугъ, считая, что на сіе будетъ мое желаніе; а какъ нужды мои требуютъ быть въ Москвѣ, то и желаетъ меня видѣть здоровымъ въ Москвѣ, по возвращеніи настоящаго пути, почему я туда и не ѣздилъ.

Третье письмо получилъ съ курьеромъ, присланнымъ отъ князя изъ Кременчуга отъ 17 Мая. Вы, считая меня въ Херсонѣ, туда посылали. О Синицынѣ, что̀ схватили Татары, сожалѣю. Въ Кіевѣ произвожденіе было, кое отъ меня къ вамъ давно послано, а Іюня 28 никакого произвожденія не было, кромѣ, что двѣ сестры А. М. Мамонова [9]) взяты во фрейлины. Въ 29, въ соборѣ, у обѣдни, г. А. А. Безбородку изволила Государыня послать въ алтарь. Никто не зналъ,

---

[6]) Знаменитая «улыбочка» князя Потемкина, его родная племянница, ур. Энгельгардъ, р. 12 Марта 1757 г., у. 2 Мая 1815 г. За мужемъ съ 1779 г. за кн. Серг. Ѳед. Голицынымъ.

[7]) Просьба эта была исполнена; въ Мѣсяцословѣ на 1789 г. значится: въ Петровскѣ (Саратовск. губ.) городничій капитанъ Ѳедоръ Кернъ.

[8]) Сынъ Павла Сергѣевича Потемкина, убитый подъ Бородинымъ.

[9]) Сестры фаворита, графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова (р. 1758, у. 1803): Прасковья Матв. (р. 1750, у. 19 Февр. 1823) и Анастасія Матв. (р. 10 Окт. 1759, у. 29 Авг. 1803).

Библиотека "Руниверс"

за чѣмъ. Дьяконъ предъ «Достойной» возгласилъ архіепископа Платона митрополитомъ. Сей сюрпризъ былъ для него пріятенъ; да гр. А. Гр. Орлова маленькаго сына [10]) пожаловали гвардіи капитаномъ. Дворъ въ Коломенскомъ пробылъ трое сутокъ. 27, то есть въ день вашего рожденія, прибылъ въ Москву съ церемоніею. 28, изъ собору, въ Грановитой Палатѣ, объявленъ былъ манифестъ милостивый, съ коего прилагаю копію. Обѣдъ былъ въ домѣ главнокомандующаго, въ коемъ жительство имѣетъ. Въ вечеру, въ Грановитой Палатѣ, былъ балъ. Такъ было тѣсно, что великимъ князьямъ не было способу танцовать. Въ день вашихъ именинъ изъ собора къ обѣду, а послѣ вечеромъ былъ маскарадъ въ Клоповомъ домѣ [11]), гдѣ изъ дому императорскаго быть не изволили. 30 числа Ея Величество быть изволила въ Кусковѣ, у г. П. Б. Шереметева [12]). Былъ спектакль тотъ самый, только переведенъ по-русски, который въ Парижѣ былъ данъ, какъ Ихъ Высочества [13]) быть изволили, и ужинъ былъ поздно, что въ два часа по полуночи возвратилися. 1 Іюля Государыня изволила быть въ саду и во дворцѣ Головинскомъ и проѣхать во дворецъ Петровскій, а оттуда изволила отправиться въ Петербургъ 4 числа, а Ихъ Высочества [14]) 6-го числа.

Графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ [15]) отъ васъ кланялся, а г. Александра Васильевна [16]) изъ Полтавы возвратилась въ Бѣлую Церковь.

Въ письмѣ вашемъ отъ 7 Іюня пишете, чтобъ отправить сего вашего курьера въ Петербургъ: 1) что онъ имѣетъ многія представленія въ Сенатъ; 2) что съ нимъ посылаете письма къ Андрею Осиповичу [17]) съ деньгами на сосуды, а притомъ хотите, чтобъ послѣ

---

[10]) Въ Зап. Храповицкаго (Спб. 1874 г.) подъ 30 Іюня 1787 г. записано: «Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій кланялся въ ноги за пожалованіе сына въ капитаны Преображенскіе».

[11]) Вѣроятно въ «клобовомъ» домѣ. Въ Моск. Вѣд. 1787 г., № 53: «Ввечеру въ Дворянскомъ Клобѣ для всего дворянства былъ маскарадъ».

[12]) Подробное описаніе посѣщенія Екатериною Кускова было напечатано въ Московск. Вѣдомостяхъ того времени, оттуда перепечатано Полторацкимъ въ Сѣв. Пчелѣ 1858 г., № 203 и отдѣльно брошюркою: «Театральное представленіе въ селѣ Кусковѣ, подмосковной графа Петра Борисовича Шереметева въ присутствіи Имп. Екатерины II, 30 Іюня 1787 года». Спб. 1858 г. въ тип. Греча. Названіе оперы приведено Полтарацкимъ по каталогамъ такъ: «Браки Самнитянъ, героическая опера съ пѣніемъ, въ 3 дѣйств., слова Г. Розіера, музыка Г. Гретри. Перев. съ Франц. Москва, 1785 г.» Между тѣмъ въ Dictionnaire lyrique Клемана и Ларусса (Paris, 1877) значится: Les Mariages Samnites, opéra-comique en trois actes, paroles de Rosoy, musique de Grétry.

[13]) Т. е. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна.

[14]) Т. е. великіе князья Александръ и Константинъ.

[15]) Племянница князя Потемкина, графиня Е. В. Скавронская, во второмъ бракѣ Литта, ур. Энгельгардъ, р. 1761, у. 1829 г.

[16]) Старшая сестра предыдущей, р. 1754 г. Вышла замужъ за графа Ксав. Петр. Браницкаго въ 1781 г., умерла 1838 г.

[17]) Закревскій, отецъ П. А. Потемкиной, племянникъ графовъ Разумовскихъ.

Библиотека "Руниверс"

праздника отправить его обратно къ вамъ нарочно на вашъ счетъ. Для того, я представленія въ Сенатъ и письма къ Закревскому отъ него взявъ, отдалъ Пестелю [18]), для вѣрнаго доставленія, а сего курьера къ вамъ съ симъ доставляю, давъ ему изъ вашихъ денегъ на прогоны. О присылкѣ къ вамъ денегъ стараться мнѣ невозможно, какъ изъ сего письма вамъ видно, что князя здѣсь нѣтъ; а присланный курьеръ сказывалъ, что онъ уже возвратился изъ новыхъ Польскихъ своихъ деревень въ Кременчугъ; а г. А. А Безбородко мнѣ сказывалъ, что къ нему пишетъ, что онъ въ тоже время отправляется въ Таврію, оттуда проѣдетъ въ Таганрогъ; а когда будетъ сюда, еще неизвѣстно. «Можетъ быть и къ вамъ не вздумаетъ ли заѣхать». Такожъ стараться объ отпускѣ вашемъ не могу, да и по другому вашему письму, какъ князь ваше донесеніе приметъ не можетъ быть мнѣ извѣстно, что князя здѣсь нѣтъ. О Текелли [19]) ничего здѣсь не слышно. Я думаю, еслибъ что̀ происходило, конечно бъ кто нибудь бы сказалъ изъ свитскихъ мнѣ.

Кн. Цицiановъ ко мнѣ хотѣлъ быть на сихъ дняхъ. Я рѣшительно ему не скажу, до тѣхъ поръ, какъ отъ васъ получу извѣстіе, что деревню осмотрѣли и повѣренное письмо, чтобъ купчую совершить на ваше имя.

О деньгахъ посылаю при семъ особую записку; камеи я уже къ вамъ послалъ съ курьеромъ, предъ симъ послѣдне отправленнымъ.

На Александра Матвѣевича Мамонова Бѣлаго Орла орденъ возложенъ гораздо раньше пріѣзда королевскаго, а въ пріѣздъ его никому не было дано кромѣ Вас. Вас. Энгельгарда. Князь ему не далъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ изъ Петербурга прислана Анненская; ибо записка была изъ Кіева послана, сказываютъ, для трехъ: Н. П. Высоцкому и Н. М. Рахманову.

4.

1788 года, 22 Апрѣля, въ С.-Пбгѣ.

21 Апрѣля никакого произвожденія не было. Нынѣшній день звалъ меня Александръ Матвѣичъ ужинать къ себѣ: Ея Величество изволитъ быть.

Третьяго дня Александръ Васильевичъ Храповицкій отдалъ мнѣ письмо Французское. Одинъ кредиторъ [20]) просилъ Ея Величество, чтобъ заплатить за Петра Сергѣича долгъ, объявя, что Государыня соизволила указать мнѣ письмо сіе отдать, чтобъ я раздѣлался съ нимъ. Я написалъ письмо къ губернатору Саратовскому [21]), съ коего

---

[18]) Московскій почтдиректоръ Борисъ Владиміровичъ Пестель.

[19]) Текеллій, Петръ Абрамовичъ, Сербъ, вступившій въ 1747 г. въ Русскую службу. Въ 1787 году онъ командовалъ войсками на восточномъ берегу Чернаго моря.

[20]) Вышеупомянутый капитанъ Фридрихъ Кернъ.

[21]) Правитель Саратовскаго намѣстничества, генералъ-поручикъ Илья Гавриловичъ Нефедьевъ.

Библиотека "Руниверс"

прилагаю копію. Изъ сего увидите обстоятельства. Подробно я для того исторію всего происшествія о долгахъ его написалъ, что буде дойдетъ до Ея Величества, то чтобъ припомнить прежнія рѣшенія. Показалъ я сіе письмо Александру Васильевичу. Онъ сказалъ: ежели изволитъ спросить, онъ эти обстоятельства доложитъ; а ежели нѣтъ, то оно такъ останется. Я бы желалъ, чтобъ вы князю показали и, буде можно, испросить наставленіе, докладывать ли про это мое письмо или нѣтъ. Ежели докладывать, то чрезъ Александра Матвѣича или чрезъ графа Александра Андреевича; и коли такъ оставить, я опасаюсь, въ случаѣ повторенія просьбы, чтобъ не прогнѣвались. «Я получилъ изъ Воспитательнаго Дома пять тысячъ. Ихъ храню. «Болену заплатилъ по вашему векселю тысячу».

Вышли именные указы, чтобъ на мѣсто отряду въ Средиземное море нынѣ изъ набору дьячковъ укомплектовать, которому назначено было наполниться въ будущемъ году; Бѣлорусскія хоругви сформировать, объ оружіи и многія вновь хлопоты. Я еще не видалъ, а слышалъ. Какъ указы получу, тогда буду говорить о недостаткахъ. Еще новыя хлопоты, что, не имѣя никакого повелѣнія въ Украинской арміи, нѣкоторыя войска переформированы, иныя уничтожены. Буде захотите знать, можете видѣть изъ письма моего къ князю.

«Здѣсь слухъ прошелъ, что г. Брюса А. М. Мамоновъ ласкаетъ «для того, что хочетъ жениться на его дочери. Кн. Дашкова будто «отозвалась, что Мамоновъ перемигивается съ княжною Щербатовой. «Все это происходитъ для того, чтобъ его повредить. Я ни во что не «вмѣшиваюсь; а жаль, на это время, что нѣтъ Рибопьера [22]). Разска- «жите князю, буде до него еще не дошло».

Я спѣшу чрезвычайно: вопервыхъ недавно узналъ, что курьеръ къ князю ѣдетъ, а вовторыхъ въ Москву курьера отправляю. Прасковьѣ Андреевнѣ прошу кланяться и сказать, что я сестрицу ея [23]) вчерась на балѣ во дворцѣ видѣлъ. Она здорова. И говорилъ ей, чтобъ она письмо прислала на случай, да не прислала.

«Гарновскій мнѣ жаловался, что многое не такъ дѣлается, какъ «князю надо, потому что Пушкинъ [24]) дѣлъ не разумѣетъ: кто къ «нему забѣжалъ прежде изъ секретарей или изъ его товарищей, такъ «онъ и сдѣлаетъ. Я ему сказалъ: напрасно этому дивиться, это на- «передъ можно было знать, а въ Коллегіи, особливо въ военное вре- «мя, надо быть человѣку съ головой и расторопному».

---

[22]) Иванъ Степановичъ Рибопьеръ, отецъ автора извѣстныхъ Записокъ, напечатанныхъ въ Русс. Архивѣ 1877 года. Онъ былъ адъютантомъ князя Потемкина и другомъ гр. А. М. Дмитріева-Мамонова, на котораго имѣлъ большое вліяніе. Объ ихъ отношеніяхъ Гарновскій говоритъ: «Никогда любовникъ къ любовницѣ не можетъ столько привязанъ быть, сколько графъ Александръ Матвѣевичъ къ Ивану Степановичу». (Р. Старина XVI, 225).

[23]) Елисавета Андреевна Закревская, замужемъ за графомъ Дм. Борисовичемъ Толстымъ.

[24]) Графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, вице-президентъ Военной Коллегіи.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь слухъ дошелъ, что Петръ Александровичъ [25]) ѣдетъ видѣться съ княземъ. Пожалуй увѣдомь о ихъ свиданіи.

5.

Переводъ [26]) съ письма Михаила Сергѣевича 21 Іюля (1789 г.).

Вы пишете, чтобъ васъ увѣдомить о свадьбѣ Мамонова; какъ она была, я обстоятельно къ вамъ писалъ. Зубовъ обходится со мною вѣжливо и ласковъ. Послѣдній разъ я съ нимъ не видался. Левъ Александровичъ [27]) у него былъ и сказывалъ, что онъ не здоровъ лихорадкою. Въ городѣ смѣются всѣ Брюсу [28]): онъ не только часто ходитъ къ Платону Александровичу, но и визиты дѣлаетъ его брату Валеріану въ караульню, ибо сей находится въ Сарскомъ Селѣ на мѣсто брата караульнымъ офицеромъ.

Вы хотите знать, какъ находится теперь партія извѣстная послѣ сей перемѣны. Она тѣмъ только стала сильнѣе, что избавилась своего гонителя. Впрочемъ ничего примѣтнаго нѣтъ. Главный ихъ прибѣгаетъ къ Салтыкову, довольно низко кланяется Зубову. Но въ томъ состоитъ (что̀ я писалъ и къ князю), весь городъ заключаетъ, что князь сюда пріѣхать долженъ, ибо все теперь уже заедино, и партія усиливается.

Я желаю знать, какъ я къ вамъ писалъ, рѣчи Захаровы [29]) объ Зубовѣ и какъ Ея Величество со мною изволила говорить, сказывалиль вы князю, или нѣтъ. Князь ко мнѣ пишетъ письма ласково, поминаетъ о сей свадьбѣ.

Сейчасъ я пріѣхалъ отъ Рибопьерши [30]). Она ѣдетъ къ мужу.

Мамоновъ на другой день свадьбы уѣхалъ въ Москву. Письма, кои князь къ нему присылаетъ, первое было распечатано, и посланъ былъ курьеръ, а послѣдующія посылаются по почтѣ. Изъ писемъ моихъ видѣли, что предузнавалъ я, что Гарновскому будутъ дѣлать шиканства. Нынѣ открывается, онъ самъ мнѣ сказывалъ, что Безбородкѣ Государыня изволила приказать объявить, чтобъ онъ не по прежнему письма ея отправлялъ, а, получа ихъ, съ уваженіемъ и тотчасъ, о чемъ подтвердилъ Храповицкій. Сіе доказательствомъ, что на него насказали.

Вамъ уже извѣстно, и я писалъ, что Шведы разбили Шульца [31]), и онъ насилу могъ пробиться къ Нейшлоту; обозъ, артилерію по-

[25]) Румянцовъ.

[26]) Это письмо, также какъ и №№ 6, 7 и 8, писаны рукою того, къ кому они писаны, т. е. Н. С. Потемкина. Вѣроятно, подлинники были писаны тайнописаніемъ, а потомъ переведены Павломъ Сергѣевичемъ для удобства чтенія.

[27]) Нарышкинъ.

[28]) Перемѣщенный изъ Москвы главнокомандующимъ въ Петербургъ.

[29]) Захаръ — камердинеръ Государыни.

[30]) Аграфена Александровна Рибопьеръ, дочь Бибикова (1755—1812).

[31]) Это сраженіе происходило 8 и 9 Іюля 1789 года. (Дневн. Храповицкаго).

Библиотека "Руниверс"

терялъ. Одинъ нашъ баталіонъ совсѣмъ разбитъ. Отъ г. Пушкина курьеры часто пріѣзжаютъ, но важнаго нѣтъ. Однако все неловко. Генералы-маіоры: Татищевъ, Рекъ, Раутенфельдъ пріѣхали въ Выборгъ лѣчиться, а въ самомъ дѣлѣ всѣ считаютъ себя обиженными отъ Кноринга и Русанова [32]). У принца Насо [33]) ничего еще не происходило. Сказываютъ, что Шведскій король къ нему писалъ, и что онъ будто письмо прислалъ ко двору; но съ сего нижніе чины, да и въ городѣ чернь заключеніе сдѣлали, якобы онъ измѣняетъ.

6.

23 Іюля (1789 г.).

Никогда не бывало, чтобъ Безбородко мнѣ всѣ реляціи княжія давалъ читать. Вчера Государыня была невесела; бесѣда не болѣе часа продолжалась, и уже пятый день такъ продолжается Зубовъ хоть и выходитъ, да нездоровъ: у него флюсъ и лихорадка. Онъ со мной изъяснялся о намѣреніи своемъ, что онъ желаетъ княжей милости, о чемъ я князю писалъ обстоятельно. Князь ко мнѣ писалъ о Купавнѣ [34]), чтобъ я взялъ въ свое вѣдомство. Изъ сего разумѣя, что по случаю перемѣны, можетъ быть, князю не хочется самому о семъ писать, вздумалъ отъ себя поднести Государынѣ записку, съ коей послалъ князю копію. Поднеся оную, переговорю съ Салтыковымъ и Безбородкою, а васъ прошу, коли сами будете у него, провѣдать; а ежели не будете, нельзя ли чрезъ Василія Васильевича [35]) узнать, будетъ ли то угодно князю.

Шведская война идетъ странно. Теперь изъ рѣчей Безбородки видно, что ожидаютъ отъ Насо соединенія съ Крузомъ; а видно, что и тому будутъ рады, если такъ останется, что никто ничего не сдѣлаетъ.

Гарновскій мнѣ сказывалъ, что въ Совѣтѣ почитаютъ, что у насъ противу Шведовъ войскъ мало, будто у Шведовъ противу нашихъ войскъ вдвое. Нетрудно дознаться, къ чему идутъ сіи разсужденія, ибо въ самой вещи нашихъ войскъ противу Шведовъ вдвое, о которыхъ Михельсонъ доказываетъ, что не болѣе четырнадцати тысячъ, а у Насо съ Крузомъ втрое. Вотъ образецъ, какъ идутъ дѣла. Въ Совѣтѣ послѣ неудачи Шульцевой толковали, что все сіе произошло отъ недостатка войскъ. Весьма пробуютъ при новыхъ обстоятельствахъ, удастся ли заскользнуть навѣтами на князя.

---

[32]) Иванъ Ивановичъ Русановъ, военный совѣтникъ и правитель канцеляріи при главнокомандующемъ въ Финляндіи графѣ В. П. Мусинѣ-Пушкинѣ.

[33]) Принцъ Нассау-Зигенъ, вице адмиралъ, р. 1745, у. 1805 г. Вступилъ въ нашу службу въ 1788 г. Въ письмахъ Потемкина онъ постоянно называется Насо, по Французскому произношенію.

[34]) Купавинская фабрика подъ Москвою.

[35]) Энгельгарда, флигель-адъютанта, генералъ-поручика, племянника князя Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

7.

(Октябрь 1789 г.).

О князѣ Репнинѣ заговорили въ городѣ, будто ему отказано отъ команды, по тѣмъ замѣчаніямъ, кои объ немъ князь писалъ къ Государынѣ и о коихъ во всемъ городѣ извѣстно. Другая исторія, что послѣ Ѳедора А. Апраксина [36]) объявлена духовная, что онъ утвердилъ свое имѣніе Степану Степановичу [37]), а Левъ Александровичъ [38]) кричитъ и Анна Никитична [39]) хотятъ войти въ процессъ [40]). Вчера ввечеру великій окрикъ былъ на Чернышова, по донесенію Насо, что Галерный каналъ запущенъ. Гр. Пушкина [41]) поѣхала къ мужу и вмѣстѣ скоро назадъ будутъ: онъ идетъ въ отставку. Дай Господи вамъ быть на его мѣстѣ. Николай Ивановичъ [42]) сказывалъ, что Вяземскій непремѣнно службу оставитъ. Къ князю писано какъ о томъ, кого онъ присовѣтуетъ на мѣсто Пушкина, такъ и спрашивали его мнѣнія и о мѣстахъ, кои по отставкѣ Вяземскаго будутъ.

Княгиня Алена Никитична [43]) подавала письмо, что мужъ ея не въ состояніи править дѣлами; но оно не принято, а сказано, чтобъ она подала письмо именемъ мужа.

Мы ожидаемъ отъ васъ важныхъ извѣстій. О взятіи Цесарцами Бѣлграда вамъ, уповаю, уже извѣстно.

Объ Мамоновѣ говорятъ, что онъ съ ума сошелъ: дерется съ женою [44]).

---

[36]) Графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Апраксинъ, статск. сов. р. 1733 г., у. 29 Сентября 1789 г. Женатъ на Екатеринѣ Владиміровнѣ Салтыковой.

[37]) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, генералъ-маіоръ, флигель-адъютантъ, предводитель Московскаго дворянства (р. 1756, у. 1827).

[38]) Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ, дѣйствит. камергеръ р. 1733 г., у. 1799 г.

[39]) Нарышкина, урожд. Румянцова, жена оберъ-шенка, Александра Александровича Нарышкина, статсъ-дама, другъ Екатерины и повѣренная ея тайнъ.

[40]) Нарышкины и графъ Михаилъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, флота мичманъ, дѣйствительно затѣяли процессъ, считая себя болѣе близкими родственниками покойнаго графа, чѣмъ Апраксинъ, и апеллировали въ Сенатъ на рѣшеніе Московскаго Верхняго Земскаго Суда; но Сенатъ указомъ 16 Окт. 1791 г. утвердилъ завѣщаніе, выдѣливъ только законную часть женѣ покойнаго (Полн. Собр. Законовъ, изд. 1830 г., т. XXIII, № 16,993).

[41]) Анастасія Васильевна, рожд. княжна Долгорукова, р. 6 Апрѣля 1754 г., у. 26 Іюня 1826 г.

[42]) Салтыковъ.

[43]) Жена генералъ-прокурора князя Вяземскаго, рожд. княжна Трубецкая, р. 27 Дек. 1745 г., у. 14 Окт. 1832 г.

[44]) Такимъ образомъ сбылось предсказаніе князя Потемкина, который писалъ Екатеринѣ: «будьте увѣрены, что онъ наскучитъ съ своею дульцинеею» (Р. Старина XVI, 599). Слухъ о супружескомъ несогласіи Мамоновыхъ, передаваемый въ письмѣ М. С. Потемкина, подтверждается Записками графа Рибопьера (Р. Архивъ 1877 г. I, 468).

Библиотека "Руниверс"

8.

16 и 18 Октября 1789 г.

Посолъ Цесарскій [45]) давалъ обѣдъ, получа извѣстіе о взятіи Бѣлграда. Сказывалъ, что Лаудону пожаловали [46]) бриліантовую звѣзду, принцу Линію и фельдмаршалу Валлису 2-го класса Маріи Терезіи. 14 числа былъ во дворцѣ по сему случаю благодарный молебенъ, а въ тотъ же день получено извѣстіе о взятіи Акермана. Я только вошелъ въ уборную, всѣ члены Совѣта меня поздрявляютъ со взятіемъ другаго Бѣлграда. Итакъ, молебенъ былъ за оба вмѣстѣ. Апраксинъ взятъ въ службу бригадиромъ и опредѣленъ въ Счетную Экспедицію. Сверхъ того пожалована ему табакерка и 500 червонныхъ.

Вицеканцлеръ [47]) мнѣ говоритъ, что онъ заранѣе меня поздравляетъ генералъ-казначеемъ. Я вамъ за секретъ скажу, что княжое намѣреніе было отпустить Акерманскаго пашу, для того, что съ нимъ говорено было, быть тому, чтобъ миръ поставить, а онъ придворный человѣкъ. На сей недѣлѣ Ихъ Высочества сюда будутъ. Здѣсь ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о томъ, что Вяземскій долженъ оставить службу и что Пушкинъ идетъ въ отставку. Анна Никитична мнѣ сказывала, что она получила письмо отъ князя. Николай Ивановичъ старается, чтобы на мѣсто Пушкина опредѣлили князя Юрія Владиміровича [48]). Два дни Государыня не весела; но не могу дойтить, какая бы была причина. Кажется, у двора все хорошо: отъ васъ извѣстія все пріятныя.

9.

1790 г., 21 Іюля, С.-Петербургъ.

«Вы пишете въ первомъ письмѣ, что Бароци отъ визиря пріѣхалъ «ни съ чѣмъ: видно, Турки хотятъ насъ проводить. Здѣсь давно знаютъ, что Турки васъ обманываютъ. Я слышалъ, что недоброжела«тели княжіе говорятъ, что князь не хочетъ ничего дѣлать. Ему нель«зя самому не видать, да ему и знать дано, что Турки его прово«дятъ для того, чтобъ сію кампанію ничего не было, а онъ въ об«манъ дается. Сверхъ того писано было къ нему, что Австрійцы тре«буютъ двадцати четырехъ тысячъ, и чтобъ мы защищали наши гра«ницы, то Прусскаго онъ возьметъ на себя. Получили такой отвѣтъ: «ни да, ни нѣтъ. Тѣ изъ терпѣнья выходятъ, и отзывъ былъ: ежели «отъ насъ рѣшенія не будетъ, то они принуждены будутъ особый «миръ сдѣлать, какъ они въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Ког«да жъ намъ доказательство нашей дружбы дѣлать, когда нынѣ не «будемъ другъ за друга вступаться? Когда этотъ планъ не нравит-

45) Графъ Лудвигъ Кобенцель, посломъ въ Россіи съ 1779 по 1797 г.

46) Т. е. Германскій императоръ.

47) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, р. 1725 г., у. 1811 г.

48) На его сестрѣ, Натальѣ Владиміровнѣ, былъ женатъ Н. И. Салтыковъ.

Библиотека "Руниверс"

«ся, скажите вашъ планъ. Мы ему слѣдовать будемъ. И на то пи-«сали князю, нѣтъ отвѣта. Будто послѣ они сказали: когда мы при-«нуждены будемъ особый миръ сдѣлать, то нельзя, чтобъ мы не «сдѣлали союзу съ Пруссіею; тогда нечего имъ будетъ дѣлать. Симъ «случаемъ, говорятъ, всѣ съ великимъ негодованіемъ на князя. Те-«перь они еще больше обробѣли, какъ Лаудонъ умеръ».

Награда единая за мои труды, что я такъ много сидя работаю, и время отъ времени не уменьшается трудовъ, а увеличивается и съ большими неудовольствіями, какъ Комисаріатъ начался, я проходилъ. Во всѣ времена, когда была война, дѣлали ему пособія во всемъ несравненно болѣе, нежели въ мирныя времена; а мнѣ, напротивъ, не только что не дѣлается пособіе, но еще отнимаются всѣ способы. не довольно, что въ достиженіи вещей, даже и въ деньгахъ. Пермская Казенная Палата пишетъ, что отъ Государственнаго Казначейства было назначено изъ нея доставить три года по 500.000, а ею доставлено 100.000. Недоставленные 1 м. 400.000 она выполнить не можетъ, для того, что такія деньги ассигнованы, какихъ доходовъ у нея и нѣтъ; напримѣръ, съ заводовъ, а изъ нихъ...... доставляются въ Кабинетъ. Я требовалъ, чтобъ мнѣ переассигновали; вмѣсто того вышелъ указъ, чтобъ не платить, пока война продолжается, а мнѣ въ военное-то время нужнѣе, нежели въ мирное. Я говорилъ Николаю Ивановичу, что Васильевъ или Хлѣбниковъ [49]) приходятъ съ докладами съ таковыми, а у меня не спросили, могу-ли я измѣститься (?), и вдругъ такъ знатную сумму отняли. Онъ говоритъ, что меня считаютъ богатымъ. Я говорю, конечно, по мѣрѣ моихъ доходовъ я богатѣе г. казначейства; да какъ меня доведете, какъ провіантскую, тогда все.... Сверхъ того, сколько входитъ мнѣ излишняго по моей должности возвышеніемъ цѣнъ на вещи и провозъ! Увеличились госпитали, употребляютъ вездѣ на счетъ суммы экстраординарной, но не возвращаютъ; прибавляютъ войска, кои одѣваю и довольствую на готовыя деньги, и мнѣ не все даютъ; а кои и даютъ-ассигнованіемъ, которыя получаю очень поздно. Онъ говоритъ, что денежная часть теперь вся въ разстройкѣ по болѣзни ею управляющаго. Ежели онъ отвѣта мнѣ на сіе не скажетъ, увѣдомлю князя о семъ.

«Долгоруковъ [50]), думаю, съ княземъ помирился. Барятинскій ска-«зывалъ мнѣ, что князь у него ужиналъ. Это служитъ въ примѣръ «другимъ. О Татищевѣ не такъ идетъ, какъ вы думаете: первое, лѣ-«ченіе не отъ меня, а отъ Фитингофа [51]) зависитъ; второе, сей указъ

---

[49]) Въ Мѣсяцословѣ на 1790 г. на мѣстѣ управляющаго Второю Экспедиціею о государственныхъ расходахъ показанъ ст. сов. Василій Михайловичъ Хлѣбниковъ.

[50]) Вѣроятно кн. Василій Васильевичъ (р. 1752, у. 1812), который незадолго до времени, когда писано это письмо, былъ публично оскорбленъ княземъ Потемкинымъ, о чемъ говорится въ Запискахъ Энгельгарда, стр. 108.

[51]) Иванъ Өедоровичъ фонъ-Фитингофъ, дѣйств. тайн. сов., главный директоръ Медицинской Коллегіи (Мѣсяц. на 1790 г.).

Библиотека "Руниверс"

«написанъ въ самое конфузное время; третіе, оно и во исполненіи «идетъ такимъ образомъ, что онъ выздоровленныхъ только принимаетъ. И многіе съ нареканіемъ о госпиталяхъ указы выходили, и «все это на счетъ морскаго, а я (со) стороны невинно принималъ», буде остальные 700 р. заплатилъ изъ полученныхъ столовыхъ денегъ вашихъ.

«Секретно слышу, что Ея Величество въ Ораніенбаумъ на сихъ «дняхъ ѣдетъ. О Прусской войнѣ опять начали говорить, что будетъ. «Кредитъ Зубова по прежнему, хотя городъ и сказываетъ о его перемѣнѣ; а какъ это часто бываетъ, то и нельзя вѣрить. Кредитъ «отца его умалился въ дѣлахъ. Сказываютъ, Николай Ивановичъ «причиною. Уже мнѣ отецъ и жаловался, что Николай Ивановичъ «поймалъ сына его въ руки».

Я къ вамъ писалъ, что мамзель Шевалье прислала Седерова кондитера въ дядьки и съ великою рекомендаціею. Я бы не совѣтовалъ его брать. Письмо къ ней отослалъ, а когда потребуетъ, и деньги отдамъ 150, кои вы назначаете.

«По запискѣ вашей, что Кречетниковъ писалъ о сраженіи Шведскаго флота съ Крузомъ, это все вѣсти были въ городѣ пустыя: «на биржѣ шкиперы сказывали; но мы вскорѣ узнали, что не такъ, «кто въ Сарскомъ селѣ былъ въ то время».

Сообщеніе ваше въ Коммисаріатъ отослалъ и предписалъ, чтобъ пенсію вашу Георгіевскую на сей годъ ассигновали въ выдачу мнѣ здѣсь.

«Теперь исторія очень ридикюльная идетъ о Вяземскомъ: онъ имѣетъ «болѣзнь, чтобъ всякой день.... Она рапортуется больною иног«да. И такъ, всѣ старики желаютъ сей его болѣзни; и всѣ хохочутъ «и разсказываютъ съ великою насмѣшкою. Иванъ Львовичъ Черны«шевъ [52]), у меня бывъ, разсказывалъ, что онъ у него былъ: такъ «жалокъ, что пересказать невозможно. Игравъ съ нимъ въ вискъ, «не могъ ни одного роберта сыграть не отдохнувши; плачетъ, про«ситъ своихъ лѣкарей, чтобъ избавить его отъ смерти; удивляется «чрезвычайно, какъ возможно ему управлять, въ такомъ жалостномъ «положеніи, такъ важными постами. Не одинъ онъ удивляется, и всѣ. «Часъ отъ часу дѣла въ мѣстахъ имъ занимающихъ идутъ хуже, а «чрезъ то государство терпитъ очень много. Жаль, что въ это не «входятъ, не разбираютъ и не вразумляются. Видно, такъ Богу «угодно» [53]).

---

[52]) Иванъ Львовичъ Чернышовъ (р. 1736, у. 1793), генералъ-поручикъ, сенаторъ, отецъ князя Чернышова (Род. Книга П. Долгорук. II, 103).

[53]) Это служитъ объясненіемъ къ словамъ Екатерины, сказаннымъ ею по поводу смерти Вяземскаго, «что онъ всѣхъ развязалъ и домашнимъ далъ покой». (Дневн. Храповицкаго, стр. 418).

Библиотека "Руниверс"

10.

1790 года, 23 Іюля, Сарское Село.

За мерлушки покорно благодарю. По реестру вашему о продажѣ фарфора буду сказывать. Не надѣюсь скоро охотника сыскать. «Я «уже писалъ къ вамъ, что князю стало у двора хорошо, и по за«пискамъ его все сдѣлано, и Витшѣ [54]) на аренду Бѣлорусскія ты«сяча четыреста душъ безъ платежа пожалованы».

По другому письму благодарю васъ за поздравленіе меня съ рожденіемъ. Увѣренъ въ васъ, какъ самъ въ себѣ, о вашемъ добромъ ко мнѣ расположеніи. 21 числа князь изволилъ у меня на дачѣ ужинать, для того чтобъ съ женою [55]) проститься. «Мнѣ по сю пору ни«какаго отвѣту нѣтъ. Я заготовилъ записку. Буде время удобное «будетъ предъ отъѣздомъ, то подамъ; а когда не успѣю, то письмо «пошлю съ Поповымъ. Васъ увѣдомлю, въ какомъ содержаніи оно «будетъ». Я уже къ вамъ писалъ, что П. В. Завадовскій [56]) отказалъ въ деньгахъ; однако, когда нибудь я къ нему на Кре(сто)вскій островъ поѣду и еще молвлю.

«Я къ вамъ писалъ, что сдѣлано положеніе, на чемъ миръ дѣлать «съ Турками. И Прусскій, и Англійскій министры послали въ Царь«градъ курьера. Ежели Турки согласны, то тотчасъ конгрессъ (же«лаю, чтобъ васъ употребили), а когда не согласятся, то властны «мы какъ хотимъ ихъ принудить, въ чемъ на князя надѣются. По«жалуй увѣдомляй чаще, что̀ будетъ, и вы будете ли употреблены. «Сіе самое меня удерживаетъ отъ поѣздки въ чужіе края, что миръ «скоро будетъ. Г. Николай Ивановичъ сказывалъ мнѣ, что соедине«ніе Комисаріата съ Колегіею отложено; мнѣ и можно безпостыдно «продолжать управленіе, а развѣ или отзывъ будетъ тому противный, «или какія другія обстоятельства, но теперь я въ такомъ положеніи «остаюсь до миру. Всѣ въ городѣ заговорили, что я отпущенъ на «три года въ чужіе краи. Щербачевъ вчера спросилъ у князя, прав«да ли, что я отпущенъ? Князь отвѣтствовалъ: что онъ просится, «я знаю; а чтобъ онъ былъ отпущенъ, я не слыхалъ».

Адресъ: Милостивому государю моему Павлу Сергѣевичу его превосходительству Потемкину, въ соединенной арміи.

---

[54]) Софья де-Витъ, жена Польскаго генерала, потомъ жена графа Феликса Потоцкаго, славившаяся красотою. О ней въ Запискахъ Энгельгарда, стр. 105.

[55]) Татьяна Васильевна, рожд. Энгельгардъ (р. 1767, у. 27 Мая 1841), вышла замужъ за М. С. Потемкина въ 1786 г. 11 Сентября. (Дневн. Храпов., стр. 15—16).

[56]) Главный директоръ Государственнаго Заемнаго Банка.

Библиотека "Руниверс"

11.

1790 года, 11 Августа, С.-Петербургъ.

По прежнему письму взнесъ я вашихъ денегъ три тысячи рублей въ Коммисаріатскую Контору съ выдачею вамъ изъ Оберъ-кригсъ-коммисарской Коммисіи при войскахъ въ Молдавіи, о выдачѣ коихъ указъ при семъ прилагаю. «Теперь осталось сохранной суммы ва-«шей десять тысячъ». Еще вашихъ денегъ выдано: за масло и уксусъ 45 р. 50 к., за ящики и укладку оныхъ 2 р. 50 к., за четверо ножницъ 8 р., за пять кусковъ лентъ 10 р., и того 66 р.

«Я сей день получилъ письмо отъ Попова. Коротко упоминаетъ, «что Турки просятъ мира. Объ васъ извѣщаетъ, что вы въ Фалчахъ «съ корпусомъ. Увѣдомь, развѣ вы къ миру не будете употреблены. «Потому я говорю, что въ Бухарестѣ будетъ конгрессъ, гдѣ быть «нашему министру должно, то кто тутъ будетъ?»

12.

1791 года, 23 Іюня, С.-Петербургъ.

Въ Четвергъ для того къ вамъ не писалъ, что въ тотъ день поѣхалъ вашъ сержантъ съ дядькою. Съ нимъ послалъ къ вамъ записочку, что М. Л. Кутузовъ разбилъ у Бабады 20000 Турокъ. На завтра я ужиналъ у г. Екатерины Петровны Шуваловой. Г. Иванъ Петровичъ [57]) давалъ мнѣ читать реляцію. Написано, что Турокъ было 8000, и они бѣжали отъ удару нашей кавалеріи; лагерь ихъ намъ въ добычу достался. Вчерась я былъ въ Сарскомъ Селѣ, читалъ росписаніе, тотчасъ присланное отъ г. А. А. Безбородки къ графу Н. И. Салтыкову, о генералитетѣ и о войскахъ, съ котораго я надѣюсь скоро получить копію. Тогда и къ вамъ доставлю.

«Въ Среду, сказываютъ, изъ Вѣны пріѣхалъ курьеръ, съ извѣсті-«емъ, что въ Шистовѣ конгрессъ разорвался: императоръ многія зем-«ли себѣ требовалъ. Вчера при мнѣ у Игельштрома Государыня из-«волила спрашивать, видѣлъ ли онъ Шведскаго министра. Онъ до-«ложилъ, что вчерась былъ у него и очень радовался, что конгрессъ «Рехенбахскій уничтожился; потому что онъ тогда угадывалъ, что «Кауницъ Пруссаковъ обманулъ и провелъ для того только, чтобъ «время выиграть, Нидерланды привесть въ повиновеніе, Венгерцевъ «успокоить, что̀ исполня, опять открыли войну. Г. Иванъ Петровичъ «и всѣ его генералы тотчасъ послѣ Петрова дни ѣдутъ въ армію. «Совѣтую, братецъ, поспѣшить въ армію: для того мудрено будетъ «очень, чтобъ Прусскій король не вступился за уничтоженіе Рехен-«бахскаго трактата. А какъ скоро онъ съ Цесарцами вступитъ въ «войну, такъ и наша армія пойдетъ. А объ васъ скажу то: когда «вы будете въ свое время на мѣстѣ, тогда васъ назначатъ по со-«гласію съ вами, а буде бы и не по согласію, то вскорѣ, по вашей

[57]) Салтыковъ, братъ графини Шуваловой.

Библиотека "Руниверс"

«просьбѣ, и перемѣнить могутъ; а заочно куда опредѣлятъ, тамъ и «останешься. Еслибъ сіе не приключилось, надежда была къ миру. «Фокнеръ [58]) нашимъ отзывомъ былъ доволенъ, объявилъ себя ми-«нистромъ. Ему была аудіенція, и онъ дѣлать зачалъ разныя про-«позиціи и очень близкія. Теперь должно всему рушиться. Не знаемъ, «какъ Шведскій рѣшится, и онъ теперь будетъ въ большой цѣнѣ».

«Въ день восшествія, сказываютъ, только будетъ полковничья пе-«ремѣна. Я о себѣ молчу, а послѣ праздника опять о письмѣ сво-«емъ стапу говорить. По совѣту вашему Николаю Ивановичу ска-«залъ о Валентинѣ Платоновичѣ. Онъ говоритъ, чтобы онъ былъ «радъ: лучше бы, чтобы, дескать, князь самъ съ нимъ изъяснился. «Сказывалъ, что онъ уже подалъ статъ новой Военной Коллегіи «князю на разсмотрѣніе. Еще отвѣту нѣтъ, самъ ли онъ подастъ, «или съ своими перемѣнами мнѣ велитъ подать Государынѣ».

13.

1791 года, 14 Іюля, С.-Петербургъ.

Поздравляю васъ съ побѣдами, что М. Л. Кутузовъ разбилъ корпусъ Турецкій, состоящій въ Бабадахъ; Иванъ Васильевичъ Гудовичъ взялъ Анапъ; князь Николай Васильевичъ Репнинъ разбилъ визиря въ Мачинѣ слѣдующимъ образомъ. Въ Галацѣ сдѣлалъ Рибасъ мостъ, по коему наша армія переправилась на ту сторону Дуная, а визирь въ Браиловѣ переправился на сю сторону. Какъ скоро узналъ, что наша армія на той сторонѣ, тотчасъ возвратился и въ Мачинѣ расположился, который съ трехъ сторонъ былъ атакованъ: съ правой стороны князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, съ лѣвой стороны М. Л. Кутузовъ, въ серединѣ князь Г. С. Волконской, гдѣ и самъ князь Николай Васильичъ былъ. Каждая часть въ 5 каре состояла. Началось сраженіе съ 4 часовъ, кончилось въ 12 часу. У нихъ болѣе 5000 человѣкъ убиты, 40 пушекъ взято и весь лагерь. Трехбунчужнаго пашу убили, двухбунчужнаго въ полонъ взяли и еще двухъ чиновниковъ. Вчерась Ея Величество въ городѣ у молебна быть изволила. Еще присланъ бригадиръ Поликарповъ, что И. В. Гудовичъ взялъ Суджукъ-кале, и тамошніе народы прислали аманатовъ, что они просятъ, чтобъ ихъ взять въ протекцію и присягаютъ.

Сожалѣтельно, братецъ, что васъ тамъ не было за Дунаемъ: вы бы участвовали въ сихъ побѣдахъ, кои немаловажны. Ино время случится, я думаю, оныя пособятъ къ миру. Петръ Васильевичъ Завадовскій меня спрашивалъ, скоро-ли вы туда доѣдете. Онъ отказалъ въ дачѣ денегъ на Орлю. Говоритъ, что, право, нѣтъ и скоро быть не могутъ.

«Писалъ я къ вамъ, что князево положеніе у двора было не очень «хорошо. Сіи извѣстія поправили; а для славы его потеря, что онъ «здѣсь: всѣ скажутъ, что Репнинъ визиря разбилъ. Князь отправилъ

---

[58]) Дипломатическій агентъ Великобританскаго кабинета.

Библиотека "Руниверс"

«съ великою поспѣшностію къ Ушакову [59]), чтобъ флотъ скорѣе «шелъ, и я думаю, будутъ стараться принудить Турковъ сдѣлать миръ. «Поспѣши, братецъ, скорѣе въ армію: князь увѣряетъ, что на сей «недѣлѣ туда поѣдетъ.

Прилагаю къ вамъ копію съ письма, изъ коей вы увидите, какое затрудненіе въ отводѣ земель для васъ и для меня. Ежели вамъ что нибудь затрудняетъ, пожалуй, прикажи отмѣнить: я не хочу, чтобъ изъ моихъ интересовъ вамъ было какое нибудь предосужденіе; а когда вы прикажете сіе утвердить, то остеречься надо, какъ я изъ сего письма вижу. Чтобъ казенныя селенія удовольствованы были достаточно, имъ можно дать не по берегу Волги, а въ глубь степей. Мнѣ отдалъ сіе Михайла Михайловичъ Жуковъ [60]) списать. Ежели вамъ надо быть извѣстнымъ, то вы себя по тому расположите; а когда не надо, то чтобъ, изорвавъ, никому не говорили, а онъ и самъ въ томъ интересуется. Обо мнѣ ничего рѣшенія нѣтъ. Князь поласковѣе прежняго. Что будетъ впередъ, не знаю, и какія награжденія будутъ за побѣды, не слыхать.

14.

1791 года, 1 Августа, С.-Петербургъ.

Пять писемъ отъ васъ получилъ. По первому отъ 18 Іюня пишете, чтобъ изъ переведенныхъ чрезъ Комисаріатъ отъ васъ ко мнѣ 1070 отослать къ г. Елизаветѣ Андреевнѣ Толстой [61]) 25, а когда платье будетъ готово, отдать остальные 25; за платокъ шитый 17 и того 63; когда пріѣдетъ Французскій министръ графъ Досмонъ и привезетъ на ваше имя посылку отъ г. Риндоргагена [62]) на 3000 ливровъ, для заплаты ему тысячу рублей, какъ по сему получу съ вѣрною оказіею вамъ переслать. Все исполню, какъ деньги получу, а указъ въ здѣшнюю контору получилъ.

«Я отдалъ письмо Попову, прося его, чтобъ онъ меня увѣдомилъ, «какой будетъ отъ князя отзывъ. Ежели будете въ главной кварти-

---

[59]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ, контръ-адмиралъ, р. 1743, у. 1817 г.

[60]) Дѣйств. ст. сов., гражданскій губернаторъ Кавказской губерніи, правая рука Павла Сергѣевича Потемкина, Кавказскаго намѣстника. О Жуковѣ см. въ Русск. Архивѣ 1873, 769—771.

[61]) См. прим. 23.

[62]) Въ объясненіе приведемъ мѣсто изъ записки Симолина, писанной имъ изъ Парижа 26 Мая (6 Іюня) 1791 года къ Павлу Сергѣевичу Потемкину: J'ai fait exécuter l'éventail en or en conséquence de la commission qu'elle (madame la générale de Potemkin), m'en a donnée Le bijoutier me l'a délivré, et je compte de profiter du prochain départ de m. le c-te d'Osmond, nommé ministre à la place de m. de Segur, pour le lui envoyer. Le prix n'excède pas trois mille livres... Pour faire le remboursement de cet effet, j'ai pris la liberté de tirer sur votre excellence une lettre de change à l'ordre du s-r Rinderhagen, payable à 15 jour...

Библиотека "Руниверс"

«рѣ, то провѣдайте, хотя чрезъ Василья Васильича [63]) объ отзывѣ «князя у Попова. Письмо же слѣдующаго содержанія: «Изволили при-«казать мнѣ быть въ Царское Село, чтобъ дать наставленіе, пода-«вать ли Ея Величеству письмо объ отпускѣ на три года лѣчиться «къ водамъ, но я ничего не получилъ. Предъ самымъ отъѣздомъ не «хотѣлъ напоминать, зная, что нѣкоторымъ препятствіемъ вашего «намѣренія были весьма обезпокоены. И такъ я оставался въ недо-«умѣніи. Обстоятельства мои, вамъ извѣстныя, требуютъ, чтобъ я «удалился; напротивъ того, столь долгое время изготовленное для «подачи Ея Величеству письмо не хотѣли читать, изъ чего разу-«мѣть должно, что вы по своимъ резонамъ не хотите, чтобъ я ѣхалъ «въ чужіе края. Опасался безъ апробаціи вашей онаго письма по-«дать, дабы тѣмъ васъ не раздражить. Г. Николай Иванычъ, уви-«дѣвъ меня, сказалъ, что соединеніе Комисаріата съ Колегіею отло-«жено, почему я и могу безпостыдно по прежнему продолжать упра-«вленіе онаго, и подкомандующіе мои въ равномъ будутъ у меня по-«виновеніи. А между тѣмъ покорнѣйше прошу мѣсто мнѣ доставить «какое нибудь изъ должностей к. Алек. Алек. Вяземскаго, который «никакою управлять не въ состояніи. Не токмо онъ, и вся его фа-«милія неотступно просятъ, чтобъ его отставить, не требуя никако-«го награжденія. Сами чувствуютъ, что препорученныя ему всѣ дѣла «время отъ времени приходятъ въ упадокъ. Я осмѣлился о семъ на-«писать по поводу письма В. С. Попова, коимъ мнѣ объяснилъ, что «ваша свѣтлость никого способнѣе меня не находитъ быть генера-«ломъ-казначеемъ».

«Въ третьемъ письмѣ пишете, чтобъ переговорить съ Безбород-«кой, можно-ли отнестись къ Государынѣ въ такой силѣ, что по ея «манифесту позволено раздавать земли и что вы желаете для себя «и для меня отвести, просите ея соизволеніе, дабы воспользоваться «вамъ выгодами съ другими; а также съ Зубовымъ переговорить, не «отнестись ли въ Сенатъ. Позвольте мнѣ сказать свое мнѣніе: 1) Не «стоитъ того, чтобъ о семъ просить Государыню, а я и не изъ чего «не хочу. 2) Когда вамъ по рескрипту власть дана раздавать, какъ «могутъ смѣть ваши подчиненные препятствовать? Признаюсь вамъ, «что меня за васъ трогаетъ. Я бы желалъ на вашемъ быть мѣстѣ, «чтобъ съ ними въ этомъ сдѣлаться. 3) Я вамъ не совѣтую брать «на свое имя, дабы свободнѣе могли употреблять въ исполненіи сего «строгость; да если нужно будетъ, то и мнѣ отдачу отмѣните, а «можно на чужія имена взять. 4) Я надѣюсь быть миру въ нынѣш-«немъ году, то вы должны будете тамъ сами побывать, то лучше «сіе до того времени оставить».

«Я не знаю, дошло-ли до васъ письмо. Я къ вамъ писалъ, что «князь предъ отъѣздомъ весьма былъ въ неудовольствіи, что камеръ-«юнкеръ Голицынъ, князь Михайла, по просьбѣ его не переимено-«ванъ въ оберштеръ-кригсъ-комисары инспекторскіе инспекторомъ; и

[63]) Энгельгарда, племянника князя Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

«оной экспедиціи вышелъ новый статъ. Я жилъ и съ женою три «дни въ Софійскомъ домѣ своемъ. Зубовъ тотъ день былъ боленъ. «Поповъ у меня спрашивалъ, нѣтъ-ли причины, а самъ и въ уборную не пошелъ; для того, какъ Государыня увидитъ, подумаетъ, «что онъ для отправленія. Зубовъ все таковъ же у двора. Такъ счастливъ, что и въ вискъ меня обыгралъ: по пятисотъ парируетъ на «партію и выигрывалъ до десяти тысячъ. Послѣдній разъ отыгралъ «три тысячи. Графъ Николай Иванычъ сказалъ мнѣ, что князь обо «мнѣ сказалъ, что я хочу ѣхать къ водамъ; но какимъ образомъ сказалъ онъ, сего не знаетъ, а полагаетъ, что во удовлетвореніе мое «соединеніе Комисаріата отложено; и при томъ меня спрашивалъ, «что г. Валентинъ Плат. чѣмъ рѣшился? Я сказалъ, что я болѣе ничего ему не говорилъ, какъ то, что̀ я ему сказывалъ, да и вы знаете. О Прасковьѣ Васильевнѣ Пушкиной великая исторія: Боуръ «въ нее влюбленъ; подарилъ ей жемчуги, кои стоятъ пятнадцати тысячъ. Послѣ вышло, что эти жемчуги Демидова шурина, Львова [64]), «были отданы Дювалю [65]) починить, и Боуръ у Дюваля взялъ, о «чемъ они бранились и кричали передъ комнатами Ольги Александровны [66]) въ Сарскомъ Селѣ. Дюваль говоритъ, что я деньги заплачу, а Львовъ говоритъ, что ему деньги ненадобны: у него старинныя вещи, ихъ надо сохранить. Ольга мнѣ сказывала, что Витша «ей въ Петровъ день за столомъ разсказывала при всѣхъ громко, «какъ княгиня Д . . . . дурно въ арміи себя вела и какъ она цѣловалась на диванахъ, говоря: въ первый разъ отъ роду. Сказывала, «какъ Фокнеръ засталъ ночью Валеріана у ней. Эти послѣднія исторіи можешь сказать В. В. Энгельгарду».

«Я получилъ отъ г. Николая Иваныча, что по Сентябрь Двинская «армія только будетъ. Теперь у насъ съ нимъ идетъ о заведеніи «полкомплектнаго магазейна.

15

1791 года, 10 Августа, С.-Петербургъ.

Я надѣюсь, .что вы уже въ арміи: по сю пору 17 дней прошло, какъ вы выѣхали изъ Москвы. «Боюсь, чтобъ вы не опоздали. Сказываютъ, что Турки давно пріѣхали трактовать о мирѣ. Дай, Боже, «успѣхъ! Это всего нужнѣе. Хорошо бы, чтобъ вы были употреблены». Чрезъ сестрицу получилъ отъ васъ письмо отъ 25 Іюля изъ Тулы. Чтобъ вдругорядь разбили визиря—это не правда, а онъ подлинно былъ въ первый разъ, и писанные ваши слухи несправедли-

---

[64]) Львовъ, Сергѣй Лаврентьевичъ, ген.-маіоръ, фл.-адъютантъ, (р. 1740 г., у. 7 Апр. 1812 г.), женатъ на Екатеринѣ Никитичнѣ (р. 26 Сент. 1772), дочери Никиты Акинѳіевича Демидова. См. Р. Архивъ 1873, 2217.

[65]) Луи Давидъ Дюваль, придворный ювелиръ.

[66]) Можетъ быть Зубова, вышедшая впослѣдствіи замужъ за А. А. Жеребцова и бывшая въ связи съ Витвортомъ. (Р. Арх. 1867 г. стр. 486).

Библиотека "Руниверс"

вы. «Что васъ не было при разбитіи визиря, я крайне сожалѣю. Не «надо женъ слушать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ препятствовать «службѣ».

Я вамъ писалъ о сèбѣ, что князь изволилъ уѣхать [67]), ничего мнѣ не сказавъ. Прочелъ ли мое письмо, и того не знаю; а г. Н И. Салтыковъ мнѣ сказалъ, что соединеніе Комисаріата съ Колегіею отложено. Теперь осталось по старому только то, что присутствуемъ въ Колегіи мы, а потому я и могу продолжать свое управленіе, о чемъ я и князю съ В. С. Поповымъ писалъ. Многіе министры присылаютъ, и вчерась Витвортъ меня просилъ, чтобъ я имъ отдалъ въ наемъ свой домъ. Слухъ прошелъ въ городѣ, что я на два года отпущенъ въ чужіе краи, и до прибытія моего будетъ управлять П. И. Турчаниновъ, но по сю пору это неправда.

Приходили ко мнѣ требовать денегъ Бахерахтъ и Корзинъ, а какъ ихъ въ реестрѣ нѣтъ, то я имъ отказалъ. Ожидаю вашего отзыва о деньгахъ, что я къ вамъ писалъ, «затѣмъ не объявляю о заплатѣ «въ Воспитательномъ Домѣ; да и отъ меня желаете ли принимать, «буде еще не писали ко мнѣ, отпишите скорѣе: и по моимъ обстоя-«тельствамъ мнѣ нужно знать». Посылка ваша еще не бывала изъ Парижа. Я бы писалъ больше, да спѣшу ѣхать въ Сарское Село. И такъ опоздалъ, и везу много бумагъ къ г. Николаю Ивановичу, въ томъ числѣ третье представленіе о сукнахъ.

P. S. «Секретарь вицъ-канцлера [68]) уличенъ. Его послали въ Пензу «въ учители, по тысячи въ годъ жалованья, въ тамошнюю школу. «Какое милосердіе!»

16.

1791 года, 3 Сентября, С.-Петербургъ.

Сей день получилъ я отъ сестрицы Палагеи Сергѣвны письмо, въ коемъ, увѣдомляя, что дѣти ваши здоровы, пишетъ, что вы прислали письмо отъ 13 Августа изъ своей фабрики [69]). Это такъ меня удивило, что не могу узнать, что̀ за причина? Развѣ вы, или невѣстушка были нездоровы, или какое особливое дѣло вышло, что вы принуждены были перемѣнить ваше намѣреніе? Пожалуй, меня увѣдомь.

---

[67]) Кн. Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ 28 Февр. 1791 г , уѣхалъ 24 Іюля.

[68]) Секретарь 8 класса въ Колегіи Иностр. Дѣлъ, слѣд. подъ начальствомъ вице-канцлера, графа Ив. Андр. Остермана, надворн. сов. Иванъ Ивановичъ Вальцъ. Ср. Дневн. Храповицкаго, 458—460 и Р. Архивъ 1876 г., III, 266.

[69]) У Павла Сергѣевича Потемкина была суконная фабрика въ Харьковскомъ намѣстничествѣ. Въ Полн. Собр. Зак., т. XXIII, стр. 278, напечатана «Вѣдомость, сколько при фабрикахъ, получившихъ изъ казны вспоможеніе, числится по 4-й ревизіи мужеска пола душъ... и какое количество которая фабрика должна сдѣлать сукна, полагая по 105 аршинъ на душу въ годъ». Изъ этой Вѣдомости оказывается, что фабрика Потемкина превосходила значительно всѣ другія: число крестьянъ при ней 9103, сукна выдѣлывала 477,907 $^1/_2$ аршинъ.

Библиотека "Руниверс"

«Я прежде пенялъ на князя, что онъ Самойлова на конгрессъ опре-
«дѣлилъ вмѣсто васъ; а теперь вижу, что сіе поневолѣ сдѣлано, по-
«тому что васъ тамъ не было, когда время пришло назначать. Дѣло
«сбыточное, что и въ бытность вашу тамъ вмѣсто васъ назначили;
«но тогда бы вы не могли пенять на себя. При васъ, можетъ бы быть,
«и посовѣстился князь опредѣлить другаго, когда вы въ прошломъ
«году были назначены. Слуховъ вредныхъ для князя было великое
«множество: иные сказали, что его на свѣтѣ нѣтъ; иные говорили,
«что ударъ былъ, а иные, напротиву, что онъ притворился, накле-
«палъ, чтобъ сжалить Государыню, дабы все то сдѣлать, чего онъ
«хочетъ. Полученное извѣстіе, что онъ выздоровѣлъ, прекратило слухи.
«Государыня весьма довольна, и мы съ женою обрадованы».

«Коли вы пріѣхали въ армію, провѣдай, пожалуй, хотя чрезъ
«В. В. Энгельгарда, подалъ ли Поповъ князю письмо мое, и какой
«былъ отзывъ. Коли вы въ Яссахъ, переговорите и съ г. А. В. Бра-
«ницкой и меня увѣдомьте».

«Многіе кредиторы просятъ денегъ, а въ реестрѣ нѣтъ. Какой имъ
«отвѣтъ давать, я не знаю. Князь Барятинской, унтеръ-офицеръ гвар-
«дейскій, присланъ курьеромъ изъ Парижа отъ Симолина, привезъ
«къ вамъ ленты. Я заплатилъ пошлинъ 83 р. Къ вамъ ли ихъ при-
«слать или хранить впредъ до вашего письма?»

17.

1791 года, 14 Сентября, С.-Петербургъ.

Съ удовольствіемъ получилъ я извѣстіе чрезъ графиню Александру Васильевну, что вы въ Яссы пріѣхали, но огорчили меня тѣмъ, что вы лихорадкою больны.

По прежнимъ письмамъ вамъ скажу, что я Полуярославцева искалъ, не могъ отыскать. Надо, чтобъ вы дали знать, какимъ онъ чиномъ, гдѣ служитъ, или гдѣ живетъ; а безъ того найтить невозможно. Сервизъ вашъ фарфоровый не продается. Прилагаю къ вамъ копію съ рапорта отъ Астраханской Думы въ Кавказское Намѣстническое Правленіе, копію съ коей писалъ ко мнѣ на прошедшей почтѣ, чтобъ къ вамъ доставить, а на сей почтѣ на ваше имя присланъ пакетъ, чтобъ какъ можно скорѣе къ вамъ доставить, и оный посылаю. Ко мнѣ-жъ Грибоѣдовъ [70]) пишетъ, что выбрали для меня землю самую дурную; на горной сторонѣ—голый песокъ, несравненно противъ тамошнихъ мѣстъ хуже, а на луговой сторонѣ—поемное мѣсто, съ коего позже всѣхъ вода стекаетъ, и траву косить можно только осенью. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ постарался, чтобъ не отмежевали до пріѣзду вашего туда, какъ вы писали, что будущею зимою сами туда поѣдете.

Андрей Ивановичъ Голохвастовъ привозилъ ко мнѣ письмо Дубровскаго, съ коего копію прилагаю. Онъ мнѣ сказывалъ, что и вы то-

[70]) Никонъ Грибоѣдовъ, чиновникъ служившій подъ начальствомъ П. С. Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

же обѣщали ему, что̀ обѣщалъ кн. Сергѣй Ѳедоровичъ Дубровскому, съ тѣмъ, когда оная фабрика за вами утвердится въ вотчину. Его требованіе было по 1200 р. каждый годъ пенсіи по смерть его, или жены его, да 600(р. вдругъ; а вы обѣщали и 10.000 дать, и пенсію оную давать, лишь бы утвердили ее въ вотчину. Я ему сказалъ, чтобъ писать къ нему, что сіе дѣло быть должно начато тогда, какъ вы изъ арміи возвратитесь, а между тѣмъ надо выдумать, какое условіе въ томъ съ нимъ сдѣлать, и весьма осторожно, дабы тѣмъ не уничтожилось право вашего владѣнія. Нынѣ ваше право тѣмъ крѣпко, что ему отказано, а потому его претензія уничтожена. Если что̀ на сіе пожелаете сказать Андрею Ивановичу, отпишите ко мнѣ.

Получилъ я отъ васъ письмо отъ 12 Августа изъ Глушковской вашей фабрики, на которое вамъ отвѣтствую. Представленіе ваше въ Комисаріатъ я не отдалъ, и нужды не нахожу, потому что Комисаріатъ входить въ сіе не смѣетъ, и на вашемъ счетѣ, хотя бы чрезъ меня и возможно бы было доставить въ Сенатъ, не утвердятся; а разцѣнки получили отъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ и присутственныхъ мѣстъ, также и съ фабрикъ. Я слышу, что въ первомъ департаментѣ положено намѣреніе въ докладъ внесть, чтобъ суконнымъ поставщикамъ сдѣлать прибавку по двадцати процентовъ на прежнія цѣны, почему и выйдетъ: крашеному цѣна 84 коп., бѣлому 72 коп. за каждый аршинъ. Мой совѣтъ: вамъ быть лучше въ сторонѣ; прибавку сдѣлаютъ не по особенной вашей просьбѣ, а по просьбѣ всѣхъ генерально суконныхъ поставщиковъ, и болѣе по недостатку суконъ. Я напоминалъ г. Николаю Ивановичу и г. Александру Андреичу, чтобъ по моей запискѣ въ Совѣтѣ сдѣлать положеніе. Они обѣщаютъ, да ничего не дѣлаютъ. Думаю, не поджидаютъ ли Сенатскаго доклада.

Радуюсь, что вы нашли вашу фабрику достойную вниманія. Желательно, чтобъ вы въ ней пожили, распорядили и возстановили порядочный доходъ. Пора думать по долгу отца, чтобъ оставить дѣтямъ своимъ хлѣбъ насущный. «Позволь сказать чистосердечно: материны «наряды доведутъ, что дѣти будутъ безъ хлѣба; а какъ тяжело оное, «вы сами по себѣ чувствуете. А дѣти ваши [71]), отъ всѣхъ слышу, «предостойныя и стоятъ того, объ нихъ имѣть попеченіе, и за это «вы получите отъ всѣхъ похвалу».

Я выписалъ изъ прейсъ-курантовъ цѣны здѣшнія: лавры пудъ 185—200; поташу лучшаго 37; квасцовъ берковецъ: Англійскіе 28, Датскіе и Шведскіе 24; виннаго камня краснаго 5, 4—75. Крапу въ прейсъ-курантахъ цѣны нѣтъ. Провѣдавъ, дамъ знать.

О здѣшнемъ знаменитаго вамъ сказать нечего. Пріѣхалъ сюда графъ Эстергази, который былъ комнатный у короля и королевы Французскихъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ принцами, выѣхавшими изъ Франціи.

---

[71]) У Павла Серг. было два сына: Григорій, о которомъ упоминалось выше, и Сергѣй, занимавшійся литературою, извѣстный кутила.

Библиотека "Руниверс"

18.

1791 года, 23 Сентября, С.-Петербургъ.

Несказанно я обрадовался, получа ваше письмо отъ 30 Августа изъ Яссъ. Мнѣ извѣстно было, что вы лихорадкою больны, а предъ симъ ни съ однимъ курьеромъ отъ васъ писемъ не было; но совсѣмъ тѣмъ я въ великомъ безпокойствѣ.

Изъ полученныхъ 1070 р. я отдалъ 25 р. свояку вашему графу Толстому [72]). Онъ сказалъ, что платье поспѣетъ чрезъ мѣсяцъ, а платокъ чрезъ двѣ недѣли, и притомъ просилъ, чтобъ я не останавливалъ у него Егорьевской пенсіи. Вы мнѣ не дали знать, а я было потребовалъ изъ Комисаріатской Конторы; а какъ узналъ, что вы ему дали повѣренность о пріемѣ сей пенсіи, то уже я и отступилъ.

«Вчерась мнѣ сказывалъ Турчаниновъ, что великій князь, будучи «у Государыни, говорилъ, что въ Гамбургскихъ газетахъ пишутъ, «что меня на два года въ чужіе краи отпустили, а должностію моею «управлять велѣно ему. А что вы пишете о сей матеріи, я уже къ «вамъ писалъ, что я остаюсь до того времени, какъ соединеніе Ко«легіи будетъ. А что я писалъ князю письмо, то не считайте, чтобъ «я по немъ ожидалъ скоро получить мѣсто. А оное писано въ томъ «намѣреніи: первое, дать знать, что я твердъ въ намѣреніи томъ, «что, по соединеніи Комисаріата, я не останусь съ симъ чиномъ; вто«рое, что я не привязался къ вице-президенту по извѣстному вамъ «изъясненію, а мнѣ нужно получить мѣсто для меня пристойное; «третіе, я прежде говорилъ: ежели князь уѣдетъ, не рѣша моего дѣ«ла, то я дамъ письмо по отъѣздѣ его самъ. Даю знать, что я сего «не исполнилъ, принявъ себѣ въ удовлетвореніе, что отложено соеди«неніе оное, потому я и не ожидаю мѣста, а желаю только знать «княжій отзывъ. Сверхъ того я къ вамъ писалъ, какимъ образомъ «меня графъ уговаривалъ Николай Ивановичъ, чтобъ я остался, и «какое объясненіе было у него обо мнѣ Ея Величеству. По сему «судя, надо думать, какое-нибудь обо мнѣ назначеніе есть; а все то «предать волѣ Господней».

«Писалъ я къ Александрѣ Васильевнѣ, какой слухъ въ городѣ о «сочиненіи романовъ княгини Прасковьи Андреевны Голицыной съ «г. Головиной [73]), коихъ часть читалъ и князь. Они не вредны ни-

---

[72]) Графъ Дмитрій Борисовичъ Толстой, генералъ-маіоръ (р. 1763, у. 1844) былъ женатъ на Елисаветѣ Андреевнѣ Закревской, сестрѣ Прасковьи Андреевны.

[73]) Извѣстныя намъ библіографическія пособія (Словарь Русск. писательницъ кн. Голицына и Les écrivains franco-russes Г. Геннади. Dresde 1874) указываютъ только одно произведеніе кн. П А Голицыной: Mélise, nouvelle, 2-me édition, revue et augmentée. Paris, 1814. Но эта книга составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость, которой мы не видали. О литературной дѣятельности Головиной ничего неизвѣстно.

Библиотека "Руниверс"

«мало, но оборачиваютъ ихъ родомъ пасквиля. Вы о семъ кромѣ «графини Ал. Вас. ни съ кѣмъ не говорите. Здѣсь городъ примѣ«чаетъ, будто у князя новый предметъ затѣянъ».

«По письму вашему изъ вашего капитала ничего не трону до Ап«рѣля, въ то время исполня, какъ вы пишете. Завадовскій къ Ген«варю обѣщалъ дать денегъ на Орлю. Записки ваши читалъ и уди«вился, что написано: на село Веселое получаете десять тысячъ «пятьсотъ. Увѣдомьте, что̀ такое значитъ. Здѣсь все по старому. «Ожидаемъ отъ васъ миру, въ чемъ твердо надѣемся, а занимаемся «о Франціи. Сказываютъ, что по свиданіи своемъ цесарь съ Прус«скимъ королемъ сдѣлали декларацію, включая нашъ дворъ и еще «нѣкоторыхъ, чтобъ королю доставить прежнюю власть и управле«ніе имѣть по-прежнему. Они между собою желаютъ подружиться, «дѣлаютъ связь свойственную супружествомъ наслѣдниковъ. Ежели «возстановятъ, то дальновиднымъ людямъ можно подумать, что Ев«ропейская система будетъ совсѣмъ другая; а потому нужно поду«мать, какъ бы авантажнѣе намъ остаться. Вчерась на балъ Ея Ве«личество выходить не изволила. Платонъ Александровичъ на вечеръ «занемогъ: голова заболѣла, и вмѣсто его въ бостонъ игралъ Ва«лерьянъ Александровичъ».

Представлено было отъ Владимірской Думы 28 кавалеровъ, а вышло 16. Въ томъ числѣ многіе есть безъ представленіевъ, какъ-то: генералъ-поручику артилерійскому Брикману 2 класса, кн. Дмитрію Петровичу Волконскому 3 класса. Сверхъ того никакаго произвожденія не было.

Извѣстіе пришло, что король Французскій конституцію подписалъ.

PS. Петръ Васильевичъ Завадовскій вчерась сказалъ мнѣ, чтобъ я объявленіе прислалъ: деньги дастъ. Я нынѣ въ банкъ послалъ свидѣтельство на Орлю, объявленіе, подписанное сестрицею, и повѣренное письмо. Какъ я деньги приму, отпишите, у себя ли мнѣ ихъ до времени держать, или въ Москву отослать. Два письма вашихъ получилъ: одно изъ вашей фабрики, другое изъ Ольвіополя.

Письма Татіаны Васильевны Потемкиной къ мужу ея М. С. Потемкину [1]).

1.

20 Ноября 1791 года.

Я въ одномъ положеніи, а Фрегантъ увѣряетъ, что скоро все пройдетъ. Дай Богъ, чтобы это было справедливо, и чтобы я видѣла конецъ всему этому.

[1]) Т. В. Потемкина была младшая изъ пяти дочерей Василія Андреевича Энгельгарда и Марѳы Александровны Потемкиной, родной сестры князя Таврическаго. Татьяна Вас. р. 1767 г., вышла за Михаила Сергѣевича Потемкина 11 Сентября 1786, во второмъ бракѣ была за кн. Н. Б. Юсуповымъ, умерла 15 Іюля 1831 г. Печатаемыя теперь письма ея къ первому мужу относятся ко времени пребыванія его на Югѣ по дѣламъ службы. Въ Дневникѣ

Библиотека "Руниверс"

Голубчикъ ты мой, здоровъ ли ты? Нѣсколько дней, что я не имѣла твоихъ писемъ; и печальна, и безпокойна. Я надѣялась, что нынче курьеры часто будутъ пріѣзжать отъ графа Безбородки, но одинъ только пріѣзжалъ; а я бы желала, всякій часъ, чтобы они были.

Великій князь нездоровъ простудою. Фрегантъ [2]) его лѣчитъ и мнѣ сказывалъ сегодня........ Здѣсь слухъ, что будто Государыня ей писала, что ей угодно будетъ, ежели она пріѣдетъ сюда. Ты не объ чемъ ко мнѣ не пишешь, а ты извѣстенъ, какъ я ее много люблю. Также отпиши, пожалуй, «былъ ли какой-нибудь раздѣлъ между на«слѣдниками» [3]). Я ничего не знаю, никого не видала кромѣ Кутузову, которая у меня была съ графинею Бальменшею.

Прости, жизнь моя; я мало пишу: очень голова болитъ. Будь здоровъ и вѣрь, что я не перестаю тебя любить.

2.

21 Ноября 1791 года.

Жизнь моя Мишенька! Здоровъ ли ты? А у меня голова болитъ, и очень скучаю. Боже мой! Когда ты пріѣдешь? Меня твое отсутствіе огорчаетъ и опечаливаетъ.

Бенкендорша уѣхала [4]) совсѣмъ въ Дерпатъ, а потомъ поѣдетъ въ Монбелляръ. Говорятъ, что на ея мѣсто будетъ Аглавира Ивановна Ржеская [5]). «Городъ обѣщаетъ великое произвожденіе въ «Екатериновъ день, или въ новый годъ, а тебя всѣ славятъ на мѣ«сто Вяземскаго [6]). Государыня не такъ огорчена. Нонѣче стала «выходить, а чрезъ нѣсколько время совсѣмъ забудетъ».

Храповицкаго подъ 15 Окт. 1791 г. записано: «Поѣхалъ въ Яссы Михайло Сергѣевичъ Потемкинъ для денежныхъ разсчетовъ, взявъ съ собою изъ экспедиціи о доходахъ вѣдомости о всѣхъ казенныхъ къ умершему князю отпускахъ во время Турецкой войны, до 40 мил. рублей простирающихся» Кромѣ того Екатерина поручила Мих. Сергѣевичу взять всѣ ея собственноручныя письма къ покойному князю и привезти въ Петербургъ. Но не суждено было возвратиться въ Петербургъ: смерть «постигла его внезапно, въ каретѣ, на разстояніи ста верстъ отъ Кіева» (Р. Арх. 1876, г. I, 86).

[2]) Фрейгангъ, Иванъ Өедоровичъ (1755—1815), лейбъ-медикъ.

[3]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о наслѣдствѣ князя Потемкина. Въ письмѣ графа Ө. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 25 Дек. 1791 г. изъ Яссъ говорится: «Раздѣлъ имѣній князя еще не состоялся. Наслѣдники положились на рѣшеніе Императрицы» (Р. Архивъ 1876, I, 86).

[4]) Вѣроятно жена Христ. Ив. Бенкендорфа, ур. баронесса Анна Юліана Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ.

[5]) Глафира Ивановна Ржевская, ур. Алымова. Ея Записки см. Русск. Архивъ 1871 года.

[6]) Въ Дневникѣ Храповицкаго подъ 28 Апрѣля 1792 г.: «Видѣлъ собственноручныя отмѣтки по должностямъ, княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ занимаемымъ: въ государственные казначеи умершій Мих. Серг. Потемкинъ».

Библиотека "Руниверс"

Прости, голубчикъ мой, будь здоровъ и вѣрь навсегда искренности моей дружбы къ тебѣ, которая не престанетъ.

Дѣти ручки твои цалуютъ. Они здоровы, а я примѣчаю, что у меня глаза болятъ нѣсколько дней сряду.

3.

23 Ноября 1791 года.

Я, мой миленькой, получила отъ тебя сейчасъ письмо, которое меня очень обрадовало; но вчерась я была безъ памяти, узнавъ, что тебѣ отправили курьера съ повелѣніемъ, чтобы ты скорѣе сюда пріѣзжалъ. Ты не воображаешь, мой голубчикъ, какъ сіе извѣстіе меня обрадовало. Я передъ тѣмъ была въ великой печали. Князь Волконской у меня былъ и сказывалъ, что будто тебѣ велятъ чрезъ Москву ѣхать и тамъ объ сукнѣ еще поручатъ тебѣ комисію, то бы я лишена была тебя скоро видѣть; но, по счастію, вчерась ко мнѣ Волконской нарочно пріѣхалъ, чтобы увѣдомить меня, что ночью поѣхалъ курьеръ, что тебѣ велѣно пріѣхать въ Петербургъ. Я совсѣмъ не знала, потому ты и не имѣлъ писемъ моихъ. Но я чрезвычайно довольна, что мы скоро увидимся. Не останавливайся, мой голубчикъ мужъ: у тебя много дѣлъ; ты можешь ихъ кончить здѣсь. Прошу тебя, когда ты меня любишь, то поспѣши ко мнѣ пріѣхать. На этихъ дняхъ Ея Величество изволила у Анны Никитичны обо мнѣ спрашивать.

Князь Репнинъ пріѣхалъ и у меня былъ. Я его нашла лучше, нежели когда онъ въ Яссахъ былъ.

Сестрица очень дѣльно сдѣлала, что намѣрена пріѣхать сюда. Я очень рада буду ее видѣть и увѣрена, что она «сдѣлаетъ, что Государыня деревни Польскія прикажетъ ровно раздѣлить».

Прости, мой голубчикъ. Вѣрь, что нельзя больше тебя любить, какъ твой искренній другъ.

(Сообщилъ **А. О. Круглый**).

Библиотека "Руниверс"

Московская старина.

Археологическая прогулка по Московскимъ улицамъ [1]).

VII. УЛИЦА МОХОВАЯ.

Моховая улица начинается отъ Моисеевской площади (что̀ противъ въѣзда на Тверскую со стороны Охотнаго Ряда) и доходитъ до улицы Знаменки. Тянулась она параллельно рѣчкѣ Неглинной, по болотистой мѣстности, покрытой мохомъ [2]).

Лѣвая сторона Моховой улицы.

1. Моисеевскій монастырь. Такъ какъ онъ выходилъ и на Тверскую улицу, то тамъ и помѣщены свѣдѣнія объ этой обители.

2. Въ 1782 г. домъ протодіакона Василія Гаврилова; въ 1793 г. фабрикантши Е. Г. Докучаевой; въ 1802 г. купчихи А. М. Абакумовой; въ 1815 г. купца Н. В. Буянова; въ 1843 г. купчихи А. М. Стрѣкачевой; въ настоящее время почетн. гражд. И. И. Корзинкина.

3. Въ 1785 г. домъ отставн. поруч. Михаила Осиповича Силина; въ 1821 г. купца Василія Назарова; въ настоящее время жены кол. сов. Ю. Д. Засѣцкой.

4. Въ 1793 г. домъ купца Алексѣя Козырева; въ 1802 г. купца С. А. Бекетова; въ 1821 г. купца Столбкова; въ 1835 г. г. Волкова; въ 1852 г. купца П. И. Фру; теперь жены тайн. сов. А. Д. Кохъ.

5. Въ 1785 г. домъ Батыгина; въ 1793 г. купца С. А. Бекетова; въ 1802 г. купца Т. А. Волчанинова; въ 1821 г. мѣщ. В. А. Павлова; теперь купца Н. Г. Куманина.

6. Въ 1738 г. домъ архитектора-иноземца Христофора Кондратьевича Кондратова; затѣмъ иноземца, садовыхъ дѣлъ мастера Ивана Ѳедоровича Вейтера; въ 1782 г. подпоручика И. И. Вейтера; въ 1802 г. подпоручицы А. И. Вейтеръ; въ 1815 г. купца С. В. Бородина; теперь принадлежитъ Всесвятскому единовѣрческому монастырю въ Москвѣ. Рядомъ съ этимъ владѣніемъ стоялъ домъ купчихи А. М. Оленевой, который отошелъ подъ площадь передъ Экзерцисъ-гаузомъ.

7. Экзерцисъ-гаузъ, выстроенный въ 1817 г. по проекту генералъ-лейтенанта Бетанкура, генералъ-маіоромъ Карбоньеромъ. Зданіе это занимаетъ собою пространство казенной десятины.

---

[1]) Улицы: Мясницкая, Большая Никитская, Тверская, обѣ Дмитровки и Петровка описаны въ первой книгѣ (выпуски 1—4) Русскаго Архива 1878 года.

[2]) Рѣчь профессора К. Ф. Рулье о животныхъ Московской губерніи, 1845 г., стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

8. Церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ св. Николая, по коему и называлась, что у Стараго Каменнаго моста, также Знаменская, на Моховой, въ Сапожкѣ, въ Сапожкахъ; разобрана въ 1838 году. Не былъ ли строителемъ этой церкви какой-нибудь Сапожковъ, подобно Башмакову, соорудившему церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы у Всесвятскихъ воротъ и получившей наименованіе въ Башмачкѣ, или въ Башмаковѣ.

Затѣмъ слѣдовали дома причта Знаменской церкви, которые разобраны, и на мѣстѣ оныхъ:

9. Въ 1840 г. домъ купчихи Хавской; въ 1848 г. комерц. сов. А. А. Торлецкаго, которому принадлежитъ и въ настоящее время.

10. Въ 1793 г. домъ купца Василія Полякова; принадлежитъ Поляковымъ и въ настоящее время.

11. Въ 1790 г. домъ купца Саввы Ивановича Цѣлибеева; съ 1802 г. мѣстность эта принадлежитъ Кремлевской Экспедиціи; впослѣдствіи часть этой земли продана, и на ней значатся:

12. Въ 1826 г. домъ тит. сов. Гаврилова; въ 1845 г. купчихъ Царской и Карташевой; теперь вдовы полковника Е. И. Николаевой.

13. Въ 1826 г. домъ жены генер.-лейт. Прасковьи Семеновны Гессе; въ 1845 г. поч. гражд. К. П. Бородина; въ настоящее время мѣщанки А. М. Анучкиной.

14. Въ 1716 г. домовладѣлецъ графъ Никита Моисеевичъ Зотовъ; онъ былъ съ пятилѣтняго возраста Петра Великаго его наставникомъ, впослѣдствіи думнымъ дворяниномъ, печатникомъ, посломъ въ Крыму, генералъ-президентомъ ближней канцеляріи, ближнимъ совѣтникомъ, потомъ тайнымъ совѣтникомъ и 8 Іюля 1710 г. возведенъ Петромъ Великимъ въ графское Россійскаго царства достоинство. Затѣмъ владѣніе это дѣлится, и одна часть переходитъ ко внуку его лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанту Никитѣ Васильевичу Зотову, а въ 1738 г. къ его вдовѣ Аннѣ Логиновнѣ, урожденной Щербачевой, вышедшей впослѣдствіи за мужъ за дѣйств. стат. совѣт. Ивана Христіановича Эйхлера. По смерти ея въ 1786 году домъ переходитъ къ ея сыну отъ перваго брака, полковнику Ивану Никитичу Зотову. При домѣ была церковь во имя Обновленія храма Воскресенія Христова. Въ 1801 г. домъ принадлежитъ гвардіи прапорщику князю Павлу Петровичу Шаховскому и, находясь въ этой фамиліи долгое время, значится въ 1868 г. за почетн. гражд. И. К. Баклановымъ; позднѣе и это владѣніе дѣлится: одна часть остается за Баклановымъ, а другая

15. Принадлежитъ почетн. гражд. К. Н. Голофтѣеву.

16. Въ 1784 г. домовладѣлецъ купецъ Иванъ Степановичъ Епанешниковъ; въ 1831 г. купецъ Н. А. Бетинъ; въ 1850 г. домъ этотъ принадлежитъ академику Императорской Академіи художествъ А. В. Логановскому; въ 1871 г. женѣ стат. сов. графинѣ Толстой; теперь значится за почетн. гражд. П. Г. Шелапутинымъ.

Правая сторона Моховой улицы.

17. Въ 1738 г. домовладѣлецъ князь Алексѣй Ивановичъ Голицынъ; въ 1745 г. вдова его княгиня Дарья Васильевна, урожденная княжна Гагарина; въ 1775 г. купецъ Іосифъ Яковлевичъ Москвинъ; въ 1820 г. именитая

Библиотека "Руниверс"

Бѣлевская гражданка М. Я. Истомина. Истоминымъ принадлежитъ и въ настоящее время.

18. Съ 1780 г. и по настоящее время домъ принадлежитъ Георгіевской церкви.

19. Церковь св. Георгія побѣдоносца, на Красной горкѣ, на Горѣ, что за Неглинною, на Горкѣ, у двора князя Барятинскаго; верхняя церковь была соединена переходами съ княжескими палатами. Этотъ храмъ первоначально былъ построенъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ деревянный, двухъярусный, становится извѣстенъ съ 1625 г.; по прошествіи двухъ лѣтъ церковь сгорѣла, и въ 1629 г. выстроена каменная. Извѣстно, что зданія Императорскаго Московскаго Университета въ 1812 г. сгорѣли вмѣстѣ съ домовою церковью во имя св. великомученицы Татіаны; при постройкѣ послѣ пожара университетскихъ зданій, найдено неудобнымъ по многимъ причинамъ возобновлять церковь внутри дома университетскаго, а потому 18 Сентября 1817 года преосвященный Августинъ утвердилъ опредѣленіе Консисторіи: Георгіевской церкви быть университетскою. Когда же была устроена въ 1837 г. церковь въ пріобрѣтенномъ для университета домѣ Пашкова, тогда Георгіевская церковь осталась, по прежнему, приходскою [3]).

20. Въ 1806 г. домъ надв. совѣт. Ивана Петровича Іевлева, впослѣдствіи присоединенъ къ владѣніямъ университета.

21. Въ 1738 г. домъ подполковника, князя Александра Ивановича Барятинскаго; въ 1785 г. онъ былъ пожалованъ императрицею Екатериною II Московскому университету. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ было оповѣщено объ этомъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: «Императорскій Московскій университетъ, пользуясь всегда отличною милостію Ея Императорскаго Величества прещедрыя своея Покровительницы Екатерины Второй, за пріятнѣйшій считаетъ долгъ излить радость свою въ сердца сограждан своихъ и ихъ увѣдомить, что сего 1785 года, Сентября 26 дня, пекущаяся о просвѣщеніи подданныхъ своихъ Екатерина Великая благоволила оказать новый опытъ своея щедроты, купя домъ генералъ-поручика князя Барятинскаго, что на Моховой, и пожаловавъ оный университету. Сіе распространеніе жилища Музъ будетъ служить новымъ средствомъ къ распространенію наукъ и просвѣщенію; равномѣрно сія милость Ея Императорскаго Величества воспламенитъ въ юныхъ сердцахъ университетскихъ питомцевъ вящее прилежаніе къ наукамъ и вѣчную благодарность къ источнику своего просвѣщенія и своего счастія. Университетъ же, принимая съ благоговѣніемъ и искреннею благодарностію сіе монаршее о себѣ попеченіе, поставляетъ себѣ за долгъ неусыпно стараться споспѣшествовать благимъ видамъ и великимъ намѣреніямъ своея милосердыя Покровительницы» [4]) Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ читаемъ: «Прошлое Воскресенье, т. е. 23 число сего мѣсяца (Августа) ознаменовано здѣсь торжественною закладкою большаго университетскаго корпуса, зиждущагося щедротами премилосердыя Екатерины, Августѣйшей Покровительницы наукъ и Просвѣтительницы своего народа. По учиненнымъ наканунѣ повѣсткамъ, когда всѣ члены Императорскаго Московскаго университета съѣхались въ университетскій домъ, и когда прибылъ

[3]) О Татьянинской церкви Импер. Москов. Университета, соч. Н. П. Розонова. Москва 1862 г.

[4]) Москов. Вѣдомости 1785 г. Октября 11, № 82-й.

Библиотека "Руниверс"

въ оный его превосходительство господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кураторъ Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, то во первыхъ отправлено было благодарственное молебствіе о высочайшемъ здравіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ; потомъ на мѣстѣ закладки совершено водоосвященіе, по окончаніи котораго, при окропленіи святою водою всего начинающагося зданія, положенъ первый камень самимъ его превосходительствомъ, присутствующимъ тутъ же господиномъ кураторомъ, со вложеніемъ въ него мѣдной доски, изображающей высочайшія щедроты Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйше оказанныя университету въ сооруженіи Московскимъ Музамъ толь огромнаго зданія, и нѣсколькихъ монетъ, битыхъ въ благополучное царствованіе Великія Екатерины; послѣ чего также его превосходительство господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и директоръ университета, Павелъ Ивановичъ фонъ-Визинъ, положилъ нѣсколько камней съ присутствовавшими тутъ членами университета, господами профессорами онаго, при радостномъ восклицаніи ура отъ каменьщиковъ, чѣмъ сіе дѣйствіе и кончилось. На мѣдной же доскѣ, положенной при сей закладкѣ въ нарочно изготовленной кубической камень, сдѣлана слѣдующая надпись: «Повелѣніемъ и щедротою Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя начато строеніе сего главнаго корпуса Императорскаго Московскаго университета, царствованія ея въ двадесятъ пятое лѣто, отъ Рождества Христова въ 1786 г., при Наслѣдникѣ Ея Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ и супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ, Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и чадѣхъ Ихъ, Благовѣрныхъ Государей Великихъ Князѣхъ Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ и Благовѣрныхъ Государыняхъ Великихъ Княжнахъ Александрѣ Павловнѣ, Еленѣ Павловнѣ и Маріи Павловнѣ. При главномъ начальствѣ въ ономъ университетѣ, господъ кураторовъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника оберъ-камергера и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Ивановича Шувалова, тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Мелиссино и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Матвѣевича Хераскова. Строеніе производилось подъ смотрѣніемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и онаго же университета директора Павла Ивановича фонъ-Визина, архитекторомъ надворнымъ совѣтникомъ Матвѣемъ Козаковымъ» [5]). Въ 1791 г. это зданіе и въ немъ церковь св. великомученицы Татіаны были освящены, и затѣмъ университетъ переведенъ изъ прежняго своего помѣщенія у Воскресенскихъ воротъ (т. е. изъ того древняго зданія, которое недавно разрушено для возведенія Историческаго Музея Впослѣдствіи къ новому университету прикуплены строенія, стоящія рядомъ по Моховой и выходящія на Никитскую улицу; принадлежали онѣ въ отдаленное время боярину и начальнику Сибирскаго Приказа, князю Ивану Борисовичу Репнину (умеръ въ 1697 г.); въ 1716 г. сыну его, фельдмаршалу, Военной Колегіи президенту и Лифляндскому генералъ-губернатору, князю Никитѣ Ивановичу Репнину, а въ 1738 г. были во владѣніи ротмистра князя Петра Ивановича Репнина. Есть преданіе, что когда императрица Екатерина II приказала архитектору Козакову составить планъ для построенія университета, то Прокопій Акинфіевичъ Демидовъ изъявилъ желаніе построить его своимъ

---

[5]) Московскія Вѣдомости 1786 г., № 63-й.

Библиотека "Руниверс"

иждивеніемъ на Воробьевыхъ горахъ, и назначилъ для этого полтора миліона рублей; но соизволенія на сіе почему-то не послѣдовало [6].

Большая Никитска.

22. Палаты боярина князя Григорія Сунгулеевича Черкаскаго [7]) (скончался въ 1673 г.); въ 1716 г. адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина; въ 1731 г. генералъ-фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукова; въ этомъ же году князь сосланъ въ Нарву, домъ отписанъ въ казну и въ 1737 г. отданъ въ вѣдѣніе Медицинской Канцеляріи для содержанія въ немъ Главной Аптеки. Корпусъ на дворѣ, гдѣ нынѣ университетскія аудиторіи, занятъ былъ аптекою съ матеріальными и конторными палатами. Во флигелѣ, гдѣ теперь университетская церковь, была квартира аптекаря Липольда, въ другомъ, на право отъ воротъ, жили аптекарскіе гезели и ученики; позади устроенъ былъ аптекарскій огородъ. Въ 1738 году присоединены были къ этому огороду дворы: церкви Уара мученика, что при дворцѣ, попа Прокопія Михайлова и Бутырскаго полка капитана князя Ѳедора Ивановича Голицына. Въ 1793 г. все это владѣніе принадлежитъ женѣ кол. ассес. Д. И. Пашковой; въ 1826 г. дѣйств. тайн. сов. В. А. Пашкову; въ 1833 г. домъ купленъ для Императорскаго университета.

23. Въ 1738 г. домъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручика князя Ивана Петровича Дашкова; за тѣмъ капитана князя Михаила Сергѣевича Долгорукова; въ 1738 г. сенатора и президента Комерцъ-Колегіи графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина (сосланъ впослѣдствіи въ Соловецкій монастырь, откуда возвращенъ при императрицѣ Елисавтѣ Петровнѣ); въ 1758 г. генер.-поручика Александра Артемьевича Загряжскаго; затѣмъ сыновей его: генералъ-маіора Бориса, дѣйствительнаго камергера Николая и Каргопольскаго карабинернаго полка бригадира Ивана Александровичей; въ 1786 г. домъ принадлежитъ именитому гражданину Петру Михайловичу Гусятникову. Въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ переходитъ къ гг. Петровымъ, а теперь значится за почетнымъ гражданиномъ Е. М. Скворцовымъ.

Улица Воздвиженка.

24. Въ XVII вѣкѣ дворъ боярина Василія Ивановича Стрѣшнева, съ церковью во имя св. великомученицы Ирины, построенной, вѣроятно, въ память его матери, которую звали Ириною Прокофьевною. Дворъ этотъ потомъ отданъ былъ боярину Кирилу Полуектовичу Нарышкину, отцу царицы Наталіи Кириловны [8]). Этотъ дворъ напоминаетъ намъ родственныя связи Стрѣшневыхъ и Нарышкиныхъ съ царями Михаиломъ Ѳедоровичемъ и Алек-

---

[6]) Москвитянинъ 1853 г. мѣсяцъ Май, книга 2-я, въ смѣси, стран. 76.

[7]) Въ Государ. Архивѣ: „Чертежи разные на Москвѣ", книга 2-я.

[8]) Въ приказныхъ дѣлахъ 1675 г. (связ. 499), хранящихся въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, находится слѣдующій указъ: „Въ нынѣшнемъ 183 году, Ноября въ 9 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, церкви великомученицы Ирины, что на дворѣ боярина Василія Ивановича Стрѣшнева, попу Василію съ причетниками своего Великаго Государя жалованья годовые руги давать не велѣлъ, для того, что тотъ дворъ отданъ со всѣмъ строеньемъ боярину Кирилу Полуектовичу Нарышкину. Записать сей Великаго Государя указъ въ записную книгу".

Библиотека "Руниверс"

сіемъ Михаиловичемъ. По смерти Кирила Полуектовича (1691 г. Апрѣля 30) домомъ этимъ владѣла жена его, Анна Леонтьевна; затѣмъ онъ принадлежалъ племяннику царицы Наталіи Кириловны, Александру Львовичу Нарышкину; въ 1775 г. домъ этотъ значится за камергеромъ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Въ 1712 и въ 1812 годахъ онъ горѣлъ, вмѣстѣ съ домовою церковью. Въ нашествіе непріятелей въ 1812 г. часть утвари и нѣкоторыя иконы поступили въ подмосковное село Кунцово, принадлежавшее Льву Кириловичу Нарышкину, въ церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы. Въ послѣдствіи домъ этотъ былъ проданъ супругѣ генерала отъ инфантеріи Николая Сергѣевича Свѣчина, Софьѣ Петровнѣ. Церковное зданіе отдавалось подъ квартиры мастеровыхъ. Тогдашній Московскій военный генералъ-губернаторъ графъ Тормасовъ сообщилъ объ этомъ преосвященному Августину, и церковь положено было разобрать, а матеріалъ отдать въ Знаменскій монастырь. Свѣчина продала домъ въ вѣдомство департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, и министръ финансовъ увѣдомилъ преосвященнаго, что Горному Правленію предписано возобновить церковь; но она не была возобновлена и за ветхостію была разобрана въ 1842 году [9]). По упраздненіи Горнаго Правленія въ Москвѣ, домъ этотъ 12-го Января 1868 года пожалованъ Государемъ Императоромъ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; зданія перестроены по новому проекту, церковь вновь сооружена на подобіе прежняго своего вида, иконы и утварь обратно получены изъ Кунцова, и храмъ готовится къ освященію.

25. Рядомъ съ бывшими палатами Стрѣшнева стоялъ въ 1738 г. домъ тайн. совѣт. Василія Никитича Татищева, ученѣйшаго мужа своего времени, извѣстнаго своею Россійскою Исторіею; домъ этотъ, находившійся во владѣніи Татищевыхъ долгое время, теперь принадлежитъ женѣ дѣйствительн. статскаго совѣтника М. С. Воейковой.

Подлѣ дома Татищева былъ «непрохожій переулокъ», тупикъ, и далѣе Дворцовая Тургеневская богадѣльня для женщинъ, состоявшая въ вѣдѣніи Приказа Большаго Дворца. Сзади богадѣленныхъ строеній, къ нынѣшнему Ваганьковскому переулку, стояла церковь св. Михаила Малеина, съ придѣломъ св. Апостола Іакова Алфеова, построенная при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ честь его ангела, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворъ боярина Тургенева. Богадѣльня уже давно не существуетъ, разобранъ и храмъ св. Михаила, а мѣсто, которое они занимали, отдано въ 1784 г. подъ выстройку сосѣду, гвардіи капитанъ-поручику Петру Егоровичу Пашкову.

26. Въ 1784 году домъ гвардіи капитанъ-поручика Петра Егоровича Пашкова; въ 1802 году имъ владѣетъ колежскій асесоръ Александръ Ильичъ Пашковъ; въ 1810 г. бригадиръ Алексѣй Александровичъ Пашковъ; въ 1839 году домъ переходитъ къ его дочери, Дарьѣ Алексѣевнѣ Полтавцевой; въ 1852 г. принадлежитъ 4-й гимназіи, и затѣмъ поступаетъ въ собственность Румянцовскаго Музея. Вотъ какъ этотъ домъ описанъ въ «Новомъ Путеводителѣ по Москвѣ», изданномъ въ 1833 году: «Онъ стоитъ на возвышеніи. Отлогость горы къ улицѣ образуетъ прекрасный Англійскаго вкуса садъ. Здѣсь видите выстланный камнемъ прудъ (ихъ было два), тутъ боскетъ, тамъ фон-

---

[9]) Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1876 г. книга третья, статья архимандрита Григорія о домовыхъ церквахъ Московской епархіи.

Библиотека "Руниверс"

танъ, или гротъ, въ иномъ мѣстѣ дикая пещера. Нѣкогда, запомнятъ старожилы, плавали по сему пруду лебеди, ходили журавли, по дорожкамъ павлины разныхъ породъ, бѣгали кролики и, словомъ сказать, домъ и садъ Пашкова приносилъ удовольствіе не только хозяину, но и всѣмъ жителямъ Московскимъ, толпами стекавшимся посмотрѣть на садъ, на освященный плошками домъ, и на рѣдкихъ птицъ и звѣрей, въ саду находившихся. Не спѣшите нынѣ къ сему дому: вы увидите все въ самомъ жалкомъ состояніи; огромный 4-хъ этажный домъ съ двумя по бокамъ флигелями и бельведеромъ, образецъ прекраснѣйшей архитектуры, нынѣ только что не развалины; окошки забиты досками, садъ поросъ мохомъ и густою травою, пруды пусты и, вмѣсто прекрасныхъ птицъ, всѣ боскеты, гротъ и пещеры служатъ убѣжищемъ галокъ и воробьевъ». Пашковскій домъ принадлежитъ къ изящнѣйшимъ произведеніямъ зодчества.

VIII. Улица Воздвиженка.

Начинается она отъ Моховой и доходитъ до Никитскаго бульвара. Названіе получила отъ мужскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, мимо котораго она проходила. Прежде улица эта называлась Арбатомъ [10]) и служила продолженіемъ нынѣшнему Арбату; она также значилась и Смоленскою улицею [11]), сохраняя это названіе до самой Дорогомиловской слободы, расположенной на пути въ губернскій городъ Смоленскъ.

Правая сторона улицы Воздвиженки.

1. Въ 1738 г. домъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручика князя Ивана Петровича Дашкова, что нынѣ Скворцова, выходившій и на Моховую. (Смотри эту улицу № 23).

2. Церковь св. Димитрія Селунскаго, что на Смоленской улицѣ, на Арбатѣ, позади двора боярина стольника Матвѣя Ивановича Пушкина; въ 1778 г. значится отданною на содержаніе г. Загряжскому и, спустя нѣкоторое время, разобрана; церковная земля отошла къ нынѣшнимъ домамъ Скворцова и графа Шереметева.

3. Въ 1738 г. домовладѣлица дѣвица Екатерина Ивановна Нарышкина; въ 1746 г. она же, въ супружествѣ за генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Кириломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; по смерти ея, съ 1771 г. домъ значится за ея мужемъ; въ 1800 г. пріобрѣтенъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, внуку котораго принадлежитъ и по сіе время. На дворѣ этого владѣнія находится каменная церковь въ честь Знаменія Пресвятыя Богородицы; церковь эта въ 1625 году упоминается какъ строеніе боярина Ивана Никитича Романова; въ 1686 г. тоже на дворѣ боярина Никиты Ивановича Романова. Извѣстно, что Романовы и Нарышкины имѣли особенную вѣру къ этой иконѣ Богоматери. Въ 1738 г. церковь эта уже значится на Нарышкинѣ дворѣ. Изъ этого мы можемъ заключить, что упомянутый нами при описаніи Никитской улицы Романовъ дворъ (№ 2) первоначально занималъ все пространство между Большою Никитскою и Воздвиженкою.

Переулокъ Шереметевскій (см. Большую Никитскую улицу).

---

10) Выходы государей, царей и великихъ князей П. Строева. Москва, 1844 г., стр. 169.
11) Тамъ же, стр. 463.

Библиотека "Руниверс"

4. Въ 1738 г. дворъ ея же дѣвицы Екат. Ив. Нарышкиной; въ 1746 г. графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, названный Конюшеннымъ. Въ 1800 г. имъ владѣетъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ.

5. Въ 1725 г. домъ стольника Ивана Петровича Матюшкина; въ 1738 г. сына его, отстав. прапорщ. Ивана Ивановича; въ 1760 г. сына его, перваго гренадерскаго пѣхотнаго полка капитана Петра Ивановича Матюшкина; въ 1775 г. подпор. Матв. Вас. Зиновьева (?); въ 1790 г. вдовы тайнаго совѣтника и сенатора Михаила Яковлевича Маслова, Екатерины Епафродитовны, урожденной графини Мусиной-Пушкиной; въ 1817 г. полковника Ивана Аркадьевича Терскаго; въ 1828 г. генер.-маіора Ѳедора Ивановича Мосолова; въ 1852 году отстав. полков. графа Александра Дмитріевича Толстаго; племянницъ его г жъ Лачиновыхъ, а въ настоящее время принадлежатъ дѣйств. стат. сов. Ивану Ѳедоровичу Базилевскому.

Переулокъ Большой Кисловскій (см. Большую Никитскую улицу).

6. Въ 1790 г. домъ инженеръ-генералъ-маіора Ивана Ивановича Раевскаго; въ 1790 г. вдовы его, Прасковьи Михайловны; въ 1849 г. кол. сов. Г. М. Устинова; въ 1851 г. г. Черевина; въ настоящее время кол. секр. М. П. Азанчевскаго.

7. Въ 1778 г. домъ князя Сергія Никитича Долгорукова; въ 1826 г. сына, его лейбъ-гвардіи коннаго полка отставнаго подпоручика князя Никиты Сергѣевича Долгорукова, потомству котораго это мѣсто, нынѣ порожнее, принадлежитъ и въ настоящее время.

8. Въ 1871 г., на купленной Долгоруковской землѣ, устроенъ циркъ, принадлежащій Баварскому подданному К. И. Гине.

9. Въ 1738 г. домовладѣлецъ дѣйст. ст. сов. князь Яковъ Петровичъ Шаховской; въ 1777 г. вдова его, княгиня Евдокія Егоровна, по первому браку Лопухина, урожденная Фаминцына; въ 1793 г. сынъ ея, дѣйств. камергеръ князь Алексѣй Яковлевичъ Шаховской; въ 1802 г. генералъ-лейтенантъ Сергѣй Андреевичъ Фаминцынъ; въ 1819 г. купецъ И. И. Краузе; въ 1839 г. кол. регистр. О. К. Каратѣевъ; въ 1842 г. поручикъ Н. Я. Колзаковъ; въ 1854 г. кол. сов. Д. Т. Осиповскій, который владѣетъ этимъ домомъ и по настоящее время.

Переулокъ Послѣдній Кисловскій (см. Большую Никитскую улицу).

10. Въ 1737 г. домовладѣлецъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, генералъ-аншефъ, сенаторъ, подполковникъ конной гвардіи и правитель Малороссіи; затѣмъ племянникъ его, генералъ-прокуроръ, князь Яковъ Петровичъ Шаховской; въ 1790 г. вдова генералъ-аншефа Екатерина Григорьевна Племянникова, по первому браку Матюшкина, урожденная графиня Чернышева; въ 1801 г. жена генерала отъ инфантеріи, княгиня Варвара Васильевна Голицына, урожденная Энгельгардъ; въ 1824 г. дѣйств. ст. сов. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ; въ 1846 г. купецъ Ѳ. В. Фрейманъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ Рижскому гражданину А. И. Шмиту. У князей Шаховскихъ была домовая церковь во имя Нерукотвореннаго Образа.

Лѣвая сторона улицы Воздвиженки.

11. Дворъ боярина В. И. Стрѣшнева, что нынѣ домъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; онъ выходитъ и на Моховую улицу, гдѣ и помѣщено его описаніе подъ № 24.

Библиотека "Руниверс"

Переулокъ Ваганьковскій доходитъ до улицы Знаменки. Мѣстность эта занята была нѣкогда великокняжескимъ селомъ Ваганьковымъ, впослѣдствіи вошедшимъ въ составъ города. Назывался этотъ переулокъ Благовѣщенскимъ, по бывшей здѣсь церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, что на Старомъ Ваганьковѣ, разобранной въ 1817 году; земля церковная составляетъ въ настоящее время владѣніе купца Семенова. Назывался этотъ переулокъ и Воздвиженскимъ, какъ выходившій изъ улицы Воздвиженки; именовался и Шуйскимъ по тому случаю, что когда стѣсненный Шуйскій въ 1605 г. ополчался въ самой Москвѣ противъ иноземныхъ враговъ и Русскихъ измѣнниковъ, то здѣсь была застава, охраняемая Григоріемъ Валуевымъ.

12. Въ 1671 г. домовладѣлецъ бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій; въ 1716 г. князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, дѣйств. тайн. сов., посланникъ въ Даніи, въ Польшѣ и въ Курляндіи, потомъ членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. По восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, сосланъ въ 1730 г. въ Соловецкій монастырь, а въ 1739 г. привезенъ въ Новгородъ и тамъ 26 Октября обезглавленъ на полѣ, близъ скудельничьяго кладбища и, вмѣстѣ съ племянникомъ его кн. Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ (см. Тверскую улицу № 40) похороненъ въ кладбищенской церкви. Въ 1769 г. домомъ владѣетъ ген.-лейтенантъ, Грузинскій царевичъ Георгій Вахтангеевичъ, коему домъ этотъ [12]), какъ отписной въ казну, былъ, вѣроятно, пожалованъ; въ 1787 г. генералъ-поручика Петра Ѳедоровича Талызина; въ 1801 г. генералъ-маіора Степана Александровича Талызина; въ 1806 г. кол. асс. М. А. Устинова и, пробывъ долгое время въ этой фамиліи, въ настоящее время принадлежитъ Московской Казенной Палатѣ.

13. Церковь Воздвиженія Честнаго Креста Господня, прежде Крестовоздвиженскій мужской монастырь; извѣстно, что обитель эта существовала уже въ царствованіе Іоанна Грознаго; въ 1814 г. упразднена и обращена въ приходскую церковь.

Переулокъ Крестовоздвиженскій, въ старину Воздвиженскій, доходитъ до Знаменки. Названъ по бывшему монастырю.

14. Въ 1738 г. домъ лейбъ-гвардіи коннаго полку маіора князя Петра Борисовича Черкасскаго. Въ 1738 г. домъ Петропавловскаго собора, что въ Санктпетербургѣ, протопопа Михаила Григорьевича Слонскаго. Впослѣдствіи эти оба владѣнія соединяются въ одно, и въ 1775 году домъ во владѣніи ген. пор. Василія Владиміровича Грушецкаго; въ 1821 г. гвард. поруч. Николая Алексѣевича Бахметева; въ 1841 г. жены ст. сов. Елены Ѳедоровны Рюминой; въ 1876 г. дочери ея, Маріи Николаевны Мухановой; въ настоящее время дѣйст. ст. сов. графа Алексѣя Евграфовича Комаровскаго. У Грушецкаго была домовая церковь Воскресенія Христова.

15. Въ 1560 г. дворъ князя Ѳедора Ивановича Пожарскаго (дѣда кн. Дмитрія Михаиловича); въ 1716 г. тайн. сов. графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина; въ 1725 г. сына его стат. сов. и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-лейтенанта графа Платона Ивановича; въ 1775 г. камеръ-юнкера Василія Семеновича Васильчикова; въ 1790 г. графа Александра

---

[12]) Въ портфеляхъ А. Ѳ. Малиновскаго, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, есть замѣтка, что отецъ царевича Георгія, Грузинскій царь Вахтангъ, просилъ въ 1732 году о пожалованіи ему двора послѣ Василія Лукича Долгорукова.

Библиотека "Руниверс"

Матвѣевича Дмитріева-Мамонова; въ 1824 г. дѣйст. стат. сов. Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина; въ 1842 г. дочери его, Маріи Ѳедоровны Козловой; въ 1847 г. дѣйст. стат. сов. Вѣры Яковлевны Левшиной, урожденной княжны Грузинской; въ 1866 г. дочери ея, жены стат. сов. баронессы Натальи Дмитріевны Черкасовой; въ 1870 г. поруч. Д. А. Колокольцова; въ 1874 г. почет. гражд. Б. К. Халатова; въ настоящее время жены поручика М. Ф. Армандъ.

IX. УЛИЦА ЗНАМЕНКА.

Начинается отъ Арбатской площади и доходитъ до Кремля. Названа по церкви Знаменія Божіей Матери, мимо которой она проходитъ.

Правая сторона улицы Знаменки отъ Кремля.

1. Въ 1784 г. владѣніе купца Епанешникова; въ 1831 г. принадлежитъ купцу Бетину, затѣмъ дѣлится, и одна часть въ настоящее время принадлежитъ купчихѣ М. И. Баклановой.

2. Вторая—почетн. граж. П. Шелапутину (см. Моховую улицу № 16).

Улица Моховая.

3. Въ 1784 г. домъ П. Е. Пашкова (см. Моховую ул. № 26).

Переулокъ Ваганьковскій (см. улицу Воздвиженку).

4. Въ 1738 г. домъ генералъ-аншефа Василія Яковлевича Левашева; принадлежавъ Левашевымъ около ста лѣтъ, въ настоящее время онъ числится за поч. гражд. Д. Н. Арбузовымъ.

5. Въ 1738 г. домовладѣлица вдова графиня Елена Михайловна Апраксина, урожденная княжна Голицына; въ 1763 г. генералъ-аншефъ, сенаторъ, дѣйств. камергеръ, графъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ; въ 1793 г. сынъ его, графъ Александръ Романовичъ; въ 1814 г. штатсъ-дама графиня Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина; въ 1821 г. полковникъ Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ; въ 1831 г. дѣйств. тайный сов. князь Сергій Ивановичъ Гагаринъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ дочери его, вдовѣ генер. отъ инфант. Маріи Сергѣевнѣ Бутурлиной.

Переулокъ Крестовоздвиженскій (см. ул. Воздвиженку).

6. Въ 1793 г. домъ дѣйств. стат. сов. князя Петра Сергѣевича Трубецкаго; въ 1814 г. иностранки Маріи Кроль; въ 1826 г. гвард. прап. Д. А. Макарова; въ 1852 г. кол. секр. С. И. Дорошевича; въ настоящее время жены губ. секр. С. С. Шведовой.

7. Въ 1780 г. домъ вдовы княгини Маріи Алексѣевны Голицыной; въ 1814 г. гвар. прап. Д. А. Макарова; затѣмъ г. Ланге и купца Дмитрія; въ послѣдствіи владѣніе дѣлится и въ настоящее время одна часть принадлежитъ поч. гражд. Н. П. Сергѣеву.

8. Другая, ближайшая къ Арбатской площади, тит. сов. А. С. Розановой.

Затѣмъ слѣдовали дома причта церкви св. Тихона, что у Арбатскихъ воротъ, отошедшіе подъ Арбатскую площадь.

Библиотека "Руниверс"

Лѣвая сторона улицы Знаменки.

9. Въ 1715 г. домъ государыни царевны Екатерины Іоанновны, что у Боровицкаго моста [13]); по кончинѣ ея высочества принятъ въ 1734 г. въ дворцовое вѣдомство; 14 Января 1742 г. отданъ въ вѣчное и потомственное владѣніе великому канцлеру сенатору князю Алексѣю Михайловичу Черкаскому; по смерти князя (4 Ноября 1742 г.) домъ перешелъ во владѣніе супруги его штатсъ-дамы княгини Марьи Юрьевны, урожденной княжны Трубецкой. Въ 1780 г. домъ числится за дѣйст. стат. сов. княземъ Сергіемъ Ивановичемъ Вяземскимъ; въ 1782 г. за княгинею Натальею Александровною Голицыною, урожденною княжною Долгоруковою; затѣмъ владѣніе это дѣлится въ той части, которая выходитъ на Волхонку; въ 1790 г. супруги генералъ-маіора Сергѣя Андреевича Фаминцына, Аграфены Ѳедоровны; въ 1801 г. купца В. И. Соколова; въ 1836 г. жены коллежскаго ассесора, княгини Александры Алексѣевны Оболенской; теперь домъ принадлежитъ дочери ея, женѣ гвард. штаб. ротм., княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Хилковой.

Улица Волхонка.

10. Церковь св. Николая въ Стрѣлецкой слободѣ, на Стрѣлкѣ, что у Боровицкаго моста, у Знаменской рѣшетки; извѣстна съ 1655 года.

11. Домъ церковный.

12. Въ 1738 г. домъ Бутырскаго полка капитана князя Ѳедора Ивановича Голицына; въ 1790 г. дѣйств. стат. сов. Павла Ивановича Глѣбова; въ 1812 г. дѣйств. тайн. сов. князя Сергія Александровича Меньшикова; въ 1822 г. губ. секр. Куликовой; въ 1826 г. тит. сов. Е. Д. Тюрина; въ настоящее время составляетъ два владѣнія, изъ коихъ одно принадлежитъ купчихѣ М. І. Шевелкиной.

13. Другое—женѣ почетн. гражд. В. В. Шевелкиной.

14. Въ 1736 г. домовладѣлецъ генералъ-аншефъ и оберъ-шталмейстеръ графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій; потомъ вдова его Анна Гавриловна, урожденная графиня Головкина; затѣмъ сынъ ихъ генер. поруч. графъ Сергій Павловичъ; въ 1814 г. купецъ М. Головкинъ; въ 1852 г. кол. рег. Н. Н. Ѳеоктистова; въ настоящее время домъ принадлежитъ купцамъ Кузнецовымъ. У гр. Ягужинскихъ была церковь св. Александра Свирскаго съ главою [14]).

Переулокъ Малый Знаменскій идетъ отъ улицы Знаменки, отъ которой и получилъ свое названіе и, пересѣкая Антипьевскій переулокъ, дѣлаетъ колѣно, и входитъ въ улицу Пречистенку.

15. Въ 1738 г. домъ капитана князя Ивана Михайловича Оболенскаго. Въ 1738 г. домъ поручика Ивана Михайловича Измайлова. Впослѣдствіи

---

13) Царевна Екатерина Іоанновна, дочь царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳедоровны, родилась въ Москвѣ въ 1691 году, въ супружество выдана въ Гданскѣ 8 Апрѣля 1716 г. за герцога Мекленбургскаго Карла Леопольда; скончалась 13 Іюля 1733 года и погребена въ Санктпетербургѣ, въ Александроневской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви.

14) Въ этомъ домѣ въ 1757 г. жилъ капельмейстеръ Императорскаго Московскаго Университета Дуній и обучалъ пѣнію и играть на клавикордахъ (Моск. Вѣд. 1757 г. № 76).

Библиотека "Руниверс"

эти оба владѣнія соединяются въ одно и въ 1777 году значатся за секундъ-маіоромъ Новотроицкаго кирасирскаго полка княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Голицынымъ; въ настоящее время принадлежитъ внучкѣ его, женѣ стат. сов. Елисаветѣ Николаевнѣ Михалковой, урожденной княжнѣ Голицыной.

16. Въ 1738 г. домъ бригадира Александра Козмича Петрова-Соловова; въ 1793 г. надв. совѣт. А. А. Семенова, затѣмъ бригадира Г. А. Хомутова; въ 1802 г. кол. сов. А. А. Аѳанасьевой; въ 1812 г. купчихи А. П. Панфиловой; въ 1861 г. инжен.-полк. Н. Н. Львова; въ настоящее время кол. сов. М. М. Ремизова.

17. Церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, извѣстна съ 1625 года.

18. Не доходя церкви—церковный домъ.

Переулокъ Большой Знаменскій начинается отъ улицы Знаменки и, дѣлая дугу, вступаетъ въ улицу Пречистенку. Онъ назывался нѣкогда Малая Знаменская улица. Часть этого переулка, между Антипьевскимъ переулкомъ и Пречистенкою, называлась Ржевскимъ переулкомъ, потому что шла мимо церкви Ржевскія Божія Матери, здѣсь находящейся.

19. Въ 1738 году домъ дѣйств. тайн. сов. полномочнаго посла и министра при разныхъ иностранныхъ дворахъ графа Александра Гавриловича Головкина; въ 1750 году лейбъ-гвардіи капит. пор. графа Ѳедора Алексѣевича Апраксина.

Рядомъ съ нимъ, въ 1758 г., домъ генералъ-аншефа Матвѣя Андреевича Толстова; въ 1766 году сына его, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка премьеръ-маіора Ѳедора Матвѣевича; у нихъ была домовая церковь съ 1764 по 1781 годъ. Въ 1793 г. оба эти владѣнія принадлежатъ генералъ-маіору Степану Степановичу Апраксину. Въ 1832 г. проданы Московскому Воспитательному Дому, и здѣсь устроенъ Александринскій Сиротскій Институтъ для воспитанія дѣтей, оставшихся послѣ родителей, умершихъ отъ холеры, появившейся въ первый разъ въ Москвѣ въ 1830 году. Затѣмъ Институтъ переименованъ въ Александринскій Кадетскій Корпусъ, а въ послѣдствіи—въ Александровское Военное Училище, которому домъ и принадлежитъ въ настоящее время.

Въ концѣ владѣнія С. С. Апраксина шелъ переулокъ, почти параллельно Пречистенскому бульвару; вступалъ онъ въ Антипьевской переулокъ и назывался Арбатскимъ; теперь онъ подъ дворомъ военнаго училища.

X. УЛИЦА ВОЛКОНКА.

Она начинается отъ Моховой улицы и доходитъ до Пречистенки; нѣкоторое время составляла одну улицу съ Пречистенкою; названа Волконкою по домовладѣльцу, въ 1728 г., прапорщику князю Михаилу Дмитріевичу Волконскому, что нынѣ домъ М. А. Спиридоновой (№ 8). Именовалась эта улица и Лѣнивкою, Лѣнивымъ Торжкомъ, Лѣнивымъ Вражкомъ, что заставляетъ предполагать, что тутъ была рѣчка: тогда улица, подъ названіемъ Лѣнивки, доходила до Пречистенскихъ воротъ. За Москвою рѣкою, на Пятницкой, церковь св. великомуч. Параскевы, нарицаемыя Пятницы, значится

Библиотека "Руниверс"

на Лѣнивомъ торжку [15]), и на Пятницкой же, въ Конюшенной Овчинной слободѣ, мы находимъ рѣчку Лѣнивку [16]).

Лѣвая сторона улицы Волконки.

1. Домъ царевны Екатерины Іоанновны, теперь княгини А. М. Хилковой. (См. улицу Знаменку, на которую она выходитъ, подъ № 9).

2. Въ 1785 г. домъ его превосход. Николая Ивановича Маслова; въ 1790 г. вдовы статскаго совѣтника Марьи Петровны Бологовской; въ 1801 г. купца И. И. Соколова; въ 1836 г. купчихи М. Ю. Звѣгинцевой, въ 1852 г. штабсъ капитана В. Б. Пенскаго; въ настоящее время княгини Александры Александровны Друцкой-Соколинской.

3. Въ 1738 г. домъ конной гвардіи поручика (впослѣдствіи Бѣлогородскаго губернатора) князя Григорія Ивановича Шаховскаго; въ 1769 г. вдовы президента Мануфактуръ-Колегіи Алексѣя Петровича Извольскаго, бригадирши Марьи Григорьевны; въ 1793 г. жены генер. поруч. Сергія Андреевича Фаминцына, Аграфены Өедоровны; въ 1819 г. статскаго совѣтника А. Г. Оппель; въ 1842 г. купца В. Д. Баскакова; въ настоящее время вдовы подпоручика Ю. А. Воейковой.

4. Въ 1738 г. домъ полковника Ивана Васильевича Павлова; въ 1760—1793 г. гв. кап. поручика, князя Василія Михайловича Голицына; въ 1802 г. дочерей его дѣвицъ, княженъ Анны и Александры; въ 1834 г. его же дочерей—Марьи Васильевны Талызиной, Елены Васильевны Шереметевой и Настасьи Васильевны Бестужевой-Рюминой; въ 1835 г. тайнаго совѣтника Петра Семеновича Полуденскаго; въ настоящее время купца А. П. Кирьякова.

5. Въ 1738 домъ секретаря Өедора Михаил. Протопопова; въ 1780 статскаго совѣтника Терентія Ивановича Черкасова; въ 1802 г. дочери статскаго совѣтника дѣвицы Ольги Александровны Шуваловой; въ 1806 г. надворнаго совѣтника Епафродита Николаевича Кологривова; въ 1813 г. маіора Ф. К. Михеля; въ 1817 г. купца Е. И. Флорье; въ 1829 г. иностранки А. П. Дегенъ; въ 1842 г. дочери ея, жены коллежскаго ассесора А. К. Гурьяновой; въ 1856 г. г-жъ Евреиновыхъ; въ 1858 г. жены подполковника В. П. Жигаревой; теперь г-жи Ю. Н. Заболоцкой.

Улица Лѣнивка, новѣйшее прозвище, прежде Безымянный переулокъ, доходитъ до Каменнаго моста.

Правая сторона улицы Волконки.

6. Дома причта Николо-Стрѣлецкой церкви, въ настоящее время дома церковный и діаконскій.

7. Въ 1738 г. домъ вдовы Анны Ивановны Головиной; въ 1775 г. статскаго совѣтника князя Сергія Ивановича Вяземскаго; въ 1802 г.

---

15) Журналы и протоколы Полицеймейстерской Канцеляріи, годъ 1727, мѣсяцъ Апрѣль, оборотъ 52 страницы. Въ Архивѣ Мин. Юст. въ Москвѣ.

16) Книга переписная капитана Безобразова 1744 г., въ Архивѣ IV Округа Путей Сообщ. въ Москвѣ. Въ Вологдѣ есть Лѣнивая площадка, на которой производится торгъ.

Библиотека "Руниверс"

подполковника Якова Степановича Есипова; въ 1835 г. принадлежитъ колежскому асесору Геннадію Владиміровичу Грудеву; въ настоящее время женѣ коллежскаго совѣтника Е. Н. Михалковой.

8. Въ 1728 г. домъ отъ кавалеріи драгунскаго Новгородскаго полка прапорщика князя Михаила Дмитріевича Волконскаго; въ 1802 г. принадлежитъ полковнику Ѳеѳиму Ѳеѳимовичу Ренкевичу; въ 1806 г. купцу Н. И. Соколову; въ настоящее время вдовѣ почет. гражд. М. А. Спиридоновой.

Рядомъ стоялъ казенный питейный домъ, называемый Волконка, присоединенный въ настоящее время къ владѣнію Спиридоновой.

9. Церковь св. Іоанна Предтечи, что у большихъ конюшенъ, на Лѣнивомъ Торжкѣ; упразднена въ 1792 году и затѣмъ разобрана; мѣсто, занимаемое ею, отдано подъ постройки и числится въ 1793 г. за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Глѣбовымъ; въ 1806 г. принадлежитъ дочери стат. совѣт. Ольгѣ Александровнѣ Шуваловой; въ 1824 г. полковн. княгинѣ Прасковьѣ Павловнѣ Вяземской, въ 1843 году сыну ея лейбъ гвардіи штаб.-ротмистру, князю Дмитрію Егоровичу Вяземскому; въ настоящее время почетн. гражд. Волковыхъ.

Алексѣй Мартыновъ.

Библиотека "Руниверс"

Кое-что изъ прошлаго.

.... Лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
Передо мной проносятся, какъ тѣни....

Огаревъ.

I.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 185** обстоятельства заставили меня отправиться къ себѣ въ деревню и прожить тамъ дней десять. Тихо и однообразно проходили длинные вечера мои, но они не утомляли меня. Послѣ шумной, суетливой святочной жизни въ Москвѣ, мнѣ нравились тишина и однообразіе глуши деревенской. Кругомъ небольшаго дома, отвсюду занесеннаго снѣжными сугробами—мертвая тишина; изрѣдка лишь съ сельской колокольни донесутся унылые звуки сторожеваго колокола, и опять все замолкнетъ, и снова тихо, какъ въ могилѣ.... Цѣльное стекло оконной рамы покрыто матовымъ узоромъ Декабрьскаго мороза, но все еще остаются на немъ мѣста, сквозь которыя видны и ясное небо съ миліонами звѣздъ, и темный контуръ сельской церкви съ погостомъ. А вотъ изъ почернѣвшей, золоченой рамы смотритъ на меня, на правнука своего, и самъ строитель этой церкви, владѣлецъ села, Екатерининскій генералъ-аншефъ, въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, въ красномъ камзолѣ, съ звѣздою и лентою черезъ плечо и съ маленькой, обшитой галуномъ шляпой подъ-мышкою. Я начинаю припоминать, что, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, этотъ портретъ казался мнѣ свѣжѣе, что красное сукно на камзолѣ было ярче, а золотое шитье виднѣе, и воображеніе переноситъ меня въ ту счастливую пору моей жизни, когда небольшой садъ нашъ казался мнѣ чуть не лѣсомъ, а дворъ—широкой поляной. Около сада стоятъ теперь амбары; но я припоминаю, что въ то время стоялъ тамъ «старый домъ», въ которомъ жила бабушка, дочь моего прадѣда, гордая и чванная старуха, которая неиначе называла себя, какъ генералъ-аншефшей или просто генеральшей. Вотъ няня несетъ меня на рукахъ изъ «новаго дома» въ «старый» къ бабушкѣ; въ передней сидятъ три или четыре лакея и отъ нѣчего-дѣлать дремлятъ. Хорошо помнятся мнѣ и имена ихъ: этихъ дюжихъ и уже не первой молодости людей бабушка звала Петрушкой, Гаврилкой, Степкой и Аѳонькой. Няня вноситъ меня въ залу; меня обдаетъ какой-то особенный запахъ, похожій на запахъ жженаго сахара и чернослива; невольно взглядываю я на предметъ моего ужаса—Богъ знаетъ откуда взявшійся у бабушки, большой, писанный ма-

Библиотека "Руниверс"

слянами красками, портретъ папы Бенедикта XIV. Правая рука его поднята для благословенія; но меня увѣряли, что онъ грозится.... Чувствую, что мнѣ становится не ловко, и что мнѣ не хочется идти дальше; но старушка няня, спуская меня съ рукъ, обдергиваетъ на мнѣ рубашечку, поправляетъ поясокъ и учитъ меня быть умницей. Наконецъ, я прохожу гостиную и тихонько вступаю въ спальню старухи. Меня подводятъ къ рукѣ бабушки и сажаютъ на стулъ. Въ комнатѣ слышится какое-то глухое несвязное бормотанье; робко озираюсь я кругомъ и вижу: у дверей, въ темномъ уголку, сидитъ бабушкина «дура», 70-лѣтняя старуха, Варька, и играетъ въ куклы. Ея черные, какъ смоль, всклоченные волосы, блѣдное, все въ морщинахъ лицо и разорванное затрапезное платье, пугаютъ меня больше, нежели грозящая рука папы, и не понимаю я, для чего оторвали меня отъ моихъ кроликовъ и привели въ старый домъ. Вотъ бабушка что-то спрашиваетъ у Варьки, и та отвѣчаетъ ей, но такъ скоро, такъ несвязно, что я ничего не понимаю; вижу только, что бабушка начинаетъ гнѣваться и строго останавливаетъ Варьку: «ну, полно дура, ты ужъ начинаешь завираться....» Это значило, какъ мнѣ потомъ разсказывали, что «дура» начинала говорить капризной старухѣ колкости. Послѣ замѣчанія, Варька переставала говорить и опять начинала раскачиваться изъ стороны въ сторону, перебирать свои тряпки и напѣвать какую-то пѣсенку, въ которой слышались слова:

Іонъ, Іонъ, Іонъ,
Ѣдетъ онъ,
Шапка на ёмъ....

Бабушка ни о чемъ такъ не заботилась, какъ о внушеніи къ своей особѣ решпекта. Боже сохрани того, кто, бывая въ старомъ домѣ, забывалъ объ установленномъ этикетѣ: упрекамъ, выговорамъ, капризамъ не было конца. Въ высокоторжественные праздники всѣ родные должны были съѣзжаться къ ней съ поздравленіями. Она требовала, чтобы мой отецъ, а ея сынъ, являлся къ ней въ такіе дни неиначе, какъ въ своемъ гвардейскомъ мундирѣ, съ эксельбантомъ, шпагою и шляпою, какъ это дѣлывалъ мой дядя, отставной Гатчинскій генералъ, зять бабушки. Но отецъ мой, сохранившій до послѣднихъ дней своихъ глубокую ненависть къ барству и чванству, сходивъ къ обѣднѣ, являлся поздравлять бабушку въ туфляхъ и спокойномъ байковомъ сюртукѣ. И доставалось же тогда Николкѣ отъ генералъ-аншефши... Въ старомъ домѣ, какъ будто не знали ни имени, ни отчества бабушки. Говоря о ней, неиначе выражались, какъ «генеральша» или «ея превосходительство»; такъ было приказано, и за исполненіемъ барскаго приказанія строго наблюдалъ дворецкій, почтенный, сѣдовласый Захаръ Алексѣевичъ, бывшій въ молодости поваренкомъ на кухнѣ императрицы Екатерины. Этого времени Захаръ Алексѣевичъ никогда не могъ забыть и подчасъ любилъ разсказывать молодежи о томъ, «какія они съ матушкой Екатериной Алексѣевной пиры задавали». Этотъ-то старикъ, измолоду на-

Библиотека "Руниверс"

слышавшійся о придворномъ этикетѣ, раздражался всею силою своего достоинства на какаго-нибудь Петрушку или Степку, если кто изъ нихъ, забывшись, называлъ бабушку, хоть бы между собой, въ передней, Варварой Егоровной или барыней. «Неучи, вскрикивалъ на нихъ Захаръ Алексѣевичъ: до сихъ поръ еще не знаете, какъ господъ называть; не вчера вѣдь лапти-то сняли, дурачье, право....» За то надо было посмотрѣть на самого Захара Алексѣевича, когда онъ, войдя въ сумерки къ бабушкѣ, бывало, спрашиваетъ у нея: прикажете ваше превосходительство свѣчи подавать? Съ какимъ достоинствомъ онъ дѣлалъ этотъ вопросъ, какъ будто дѣло шло Богъ знаетъ о чемъ.

За то родной братъ Захара Алексѣевича—Яковъ Алексѣевичъ, портной по ремеслу, былъ въ постоянной опозиціи къ генералъ-аншефшѣ. Низенькій ростомъ, коренастый и здоровый, бойкій, живой и веселый, онъ еще рѣзче высказывалъ послѣднія свойства свои, когда, бывало, выпьетъ. На сколько старался угодить генеральшѣ Захаръ Алексѣевичъ, на столько братъ его старался раздражать ее. «Отчего ты такъ долго не подаешь земляныя яблоки?» спрашиваетъ съ неудовольствіемъ бабушка у Якова Алексѣевича. «Это картофель, а не земляныя яблоки», отвѣчаетъ тотъ, отворачиваясь отъ старухи. Подобныя выходки сердили Варвару Егоровну, и Яковъ Алексѣевичъ нерѣдко попадалъ въ «стулъ»,—такъ называлась домашняго изобрѣтенія пытка, практиковавшаяся въ старину у нѣкоторыхъ помѣщиковъ: провинившагося приковывали цѣпью къ толстой деревянной колодѣ, такъ что онъ лишался возможности ходить, или же долженъ быть тащить ее за собою, что̀ конечно было неудобно. Но Яковъ Алексѣевичъ умѣлъ находить выходъ изъ этого непріятнаго положенія. Онъ какъ-то ухитрялся поднимать колоду на плечо, послѣ чего выходилъ изъ людской и, прохаживаясь взадъ и впередъ передъ окнами «стараго дома», громко выкрикивалъ: «гречники горячіе!»—Уведите этого разбойника! кричала бабушка.... Мои братья, бывшіе въ то время дѣтьми нѣсколькими годами по-старше меня, на глазахъ которыхъ продѣлывались эти проказы, очень любили разбойника, потому что разбойникъ любилъ дѣтей. Наскучитъ, бывало, ему строчить иголкой, онъ и подзоветъ кого-нибудь изъ братьевъ. «Подите-ко ко мнѣ, Андрей Николаевичъ, я вамъ Шпанскую мушку поставлю». Вслѣдъ затѣмъ онъ оголяетъ руку, приставляетъ къ ней натянутую двумя пальцами нитку и, поднявъ ее, щелкнетъ по рукѣ. Братъ весело смѣется, а Яковъ Алексѣевичъ смѣется вдвое, утѣшаясь, что поигралъ съ ребенкомъ и развлекся отъ наскучившей работы. Я зналъ Якова Алексѣевича уже старикомъ. Онъ былъ все такой же бойкій и веселый, какъ и съ-молоду и попрежнему любилъ выпить. Братья были уже офицерами, когда Яковъ Алексѣевичъ, нѣсколько лѣтъ уже какъ «выпущенный на волю», по старой памяти навѣщалъ насъ. Подадутъ ему, бывало, водочки, напоятъ чайкомъ и усядутся всѣ вмѣстѣ вспоминать прошлое. «А помнишь, Яковъ Алексѣевичъ, какъ ты ставилъ намъ Шпанскія мушки?» спроситъ его кто-нибудь изъ братьевъ. Хихикнетъ добрый старичекъ, махнетъ

Библиотека "Руниверс"

рукой и начнетъ разсказывать о своихъ продѣлкахъ съ генеральшей.... Время бабушки долго сохранялось въ памяти ея крестьянъ, которыхъ, надо правду сказать, она не обижала; за то доставалось же отъ нея бабамъ и въ особенности дѣвченкамъ, которыя поочередно и ежеденно присылались къ ней для побѣгушекъ. Эти, теперь уже ветхія старушки, до сихъ поръ безъ глубокаго вздоха не могутъ вспоминать ея капризовъ, ворчанья и побоевъ. Мужики жили хорошо: работали, какъ хотѣли, а кто былъ на оброкѣ, платили сущую бездѣлицу; они сами хорошо это понимали и потому, возвращаясь домой «изъ степи», возили бабушкѣ для поклона кто рыбы, кто пшена, кто меду, и этой данью временъ Варяжскихъ князей усыпляли въ старухѣ мысль возвысить платимый ими оброкъ. Не разъ случалось мнѣ слышать отъ крестьянъ, что дескать «при бабушкѣ-то вашей вотъ какъ было.... Старики сказываютъ, что время тогда было золотое, всего вдоволь родилось». Разъ какъ-то подошелъ ко мнѣ крестьянинъ и, снявъ шапку, отвѣсилъ низкій поклонъ.—«А, что, батюшка, хочу сказать я твоей милости....»—«Что же, говори».—«Прикажи мнѣ взять ржицы изъ гамазеи мѣръ десятокъ».—Дѣло было еще до объявленія воли.—«Нельзя, старикъ, безъ спросу, говорю я. Надо спросить объ этомъ у Ивана Иваныча, у предводителя—знаешь вѣдь его?»—«Какъ не знать сударь!»—«Ну, такъ вотъ надо его спросить; а то ревизоръ пріѣдетъ, станетъ смотрѣть и увидитъ, что не весь хлѣбъ, дѣло-то будетъ не ладно. А ты лучше вотъ-что, говорю ему, возми изъ моего амбара».—«Ну, много благодарны твоей милости», какъ-то нерѣшительно проговорилъ мужикъ.—«Ну, ступай же къ старостѣ, скажи, чтобъ онъ отмѣрилъ тебѣ ржи». Старикъ Тимоѳей не двигался съ мѣста и вдругъ ни съ того, ни съ сего, живо и бойко отнесся ко мнѣ: «Да ты чтожъ изъ гамазеи-то боишься; на чтожъ ты свой-то хлѣбъ раздаешь?»—»Вѣдь я сказалъ тебѣ, что нельзя; ревизоръ....» Тимоха не далъ мнѣ договорить.—«Э, что левизоръ, сказалъ онъ, махнувъ рукою; я тебѣ вотъ-что скажу: это, какъ при твоей бабушкѣ, при генеральшѣ, дай Богъ ей царство небесное, тоже наѣхалъ левизоръ, да въ гамазею, а тамъ нѣтъ ни зерна.... Онъ было въ господскій домъ, а бабушка-то твоя его и на глаза къ себѣ не пустила.... Только велѣла отворить свои амбары, да показать ему, сколько у нея хлѣба: на всѣхъ, говоритъ, станетъ. Ну, такъ съ тѣмъ и уѣхалъ». Я никакъ не могъ понять цѣли этого разсказа—чего хотѣлъ мужикъ, но видѣлъ, что дикая выходка бабушки въ свое время очень нравилась ея крестьянамъ.

А самое-то село Капустино? Какихъ затѣй тамъ не было! И теплицы, и оранжереи, и заставы кругомъ, и лавки для ярмарочныхъ торгашей, и башня съ часами, свои музыканты, свои пѣвчіе—только псарни не было: этого терпѣть не могли въ Капустинѣ. Передъ домомъ стояли двѣ чугунныя пушки, и въ ночь Свѣтлаго Воскресенья по выстрѣламъ изъ нихъ ударяли къ заутрени.

Я былъ не одинъ. Въ комнатѣ, смежной съ моимъ кабинетомъ, въ старинномъ кожанномъ креслѣ, обложенномъ подушками, доживала вѣкъ свой 94 лѣтняя старушка, моя тетка, сестра моей матушки. Какъ всѣ старые люди, она любила вспоминать прошлое. Между

15*

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ воспоминанія, въ которыхъ я провелъ вечеръ, привели меня въ такое настроеніе, что въ ту минуту я ничего болѣе не хотѣлъ, какъ говорить и слушать о старинѣ. Тихо отворилъ я дверь къ старушкѣ и, пожелавъ ей добраго вечера, усѣлся около нея въ кресло. Но прежде надо сказать нѣсколько словъ о тетушкѣ.

Личность ея ничего не представляла оригинальнаго: старушка, какъ большая часть Московскихъ старушекъ. Переѣхавъ изъ Петербурга въ Москву еще при Екатеринѣ, она почти безвыѣздно прожила 60 лѣтъ въ Бѣлокаменной и отъ такаго долголѣтняго въ ней пребыванія преобразилась вполнѣ въ старую Московскую барыню. Такою я узналъ ее, когда мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать. У нея былъ свой деревянный домъ у Николы на Пескахъ, съ мезониномъ и надворнымъ строеніемъ, выкрашеный желтою краскою, съ зеленою крышею и зелеными ставнями. Въ домѣ жили жильцы, а сама она помѣщалась во флигелѣ. Какъ еще живо помню я внутренность этого флигеля: сперва передняя, потомъ зала, потомъ еще комната, которую не знаю какъ и назвать. Это была и гостинная, по тому что тетушка въ ней всегда сидѣла и принимала гостей; она же вѣроятно была и образная, потому что въ переднемъ углу ея стоялъ огромный кіотъ, сверху до низу наполненный родительскимъ благословеніемъ, съ лампадою, отъ которой всегда пахло деревяннымъ масломъ и съ двумя-тремя церковными книгами, закапанными воскомъ. Тутъ же была и библіотека тетушки, оставленная ея родителемъ. Заглавій книгъ теперь не припомню, но хорошо помню ихъ содержаніе, потому что мнѣ давали читать ихъ. Дѣло въ томъ, что сколько разъ я ни принимался за нихъ, всегда находилъ одно и тоже — неистовыя ругательства на Наполеона: и воръ онъ, и зажигатель Москвы, и разбойникъ, и сатана, и самъ наконецъ антихристъ. На стѣнахъ залы была развѣшана цѣлая коллекція гравированныхъ картинъ, изображавшихъ различныя сраженія достопамятнаго 1812 года. Помню очень хорошо, что особенно интересовала меня одна картинка, гдѣ на первомъ планѣ представленъ былъ графъ Платовъ на конѣ, въ безобразнѣйшемъ киверѣ и съ огромной булавой; вокругъ него роились Донцы и яростно поражали Французовъ. Какъ долго засматривался я на Башкирца, который, нагнувшись къ лукѣ и вытаращивъ глаза, нá смерть пронзалъ пикою Французскаго генерала. Недавно, проходя мимо одной табачной лавочки, я увидалъ эту картинку, и какъ я обрадовался ей! Я остановился и долго разсматривалъ дорогой памятникъ моего дѣтства. Приглядываясь къ фигурамъ, я замѣтилъ однакожъ, что лице пронзеннаго генерала выражало скорѣе желаніе чихнуть, нежели физическое страданіе; но въ дѣтствѣ мнѣ казалось иначе. Рядомъ съ залой была дѣвичья, гдѣ сидѣли дѣвушки, кто за пяльцами, кто съ коклюшками, кто съ чулкомъ, кто за бѣльемъ. Тетушка, какъ истая дворянка, держала у себя большую дворню, доставшуюся ей по наслѣдству отъ ея родителя. Ближайшій надзоръ за дворнею порученъ былъ двумъ лицамъ: за мужскимъ поломъ наблюдалъ старшій лакей Семенъ Иванычъ—добрый старикъ, ходившій въ сюртукѣ изъ толстаго сукна порыжѣв-

Библиотека "Руниверс"

шаго цвѣта, а за женскимъ поломъ Марѳа Григорьевна — добрая и крѣпкая старушка съ румянцемъ на щекахъ, въ темномъ ситцевомъ платьѣ и съ чернымъ платкомъ на головѣ, который она повязывала какъ-то такъ, что у нея всегда торчали какіе-то рожки. Помню, помню васъ, добрые друзья мои. Бывало, войдешь въ переднюю: Семенъ Иванычъ сидитъ на ларѣ въ своемъ порыжѣломъ сюртукѣ, съ мѣдными очками на носу и вяжетъ шерстяной чулокъ. «Дома тетушка?» спросишь у него.—Дома, дома батюшка, отвѣчаетъ Семенъ Иванычъ, — пожалуйте! А самъ все наровитъ поймать барскую ручку, да рабски поцѣловать ее.... Вотъ входишь въ залу: бѣлая болонка съ хохломъ, перевязаннымъ цвѣтною ленточкою, чутко спавшая на диванѣ около тетушки, просыпается и съ пронзительнымъ лаемъ бросается изъ гостиной въ залу прямо къ моимъ ногамъ и звонко, звонко заливается до тѣхъ поръ, пока Семенъ Ивановичъ бережно не подхватитъ ея на руки и не отнесетъ ея на прежнее мѣсто. А между тѣмъ тетушка давно уже приложила руку къ глазамъ въ видѣ зонтика и внимательно всматривается: кто это вошелъ? Я подхожу къ рукѣ, а она все еще не узнаётъ меня. «Здравствуй, батюшка», говоритъ она цѣлуя меня, да сейчасъ же и спроситъ: Да кто же это—Саша или Андрюша? Вѣдь вотъ ужъ я и не знаю»....

— И чтой-то вы барышня, выручаетъ подоспѣвшая Марѳа Григорьевна; неужто не видите—это Алексѣй Николаичъ....

— А это ты Алеша! Ну здоровъ ли, садись-ка, здоровы ли твои батюшка и маменька, а я ужъ совсѣмъ ослѣпла, смѣясь прибавляетъ тетушка.

— А братцы-то не будутъ? какъ-то неистово восклицаетъ Марѳа Григорьевна, закрывая вѣки и протягивая послѣднее слово.

— Да вѣдь ихъ нѣтъ въ Москвѣ, Марѳа Григорьевна, они въ Варшавѣ....

— Охъ вѣдь и правда, поправляется старушка; вотъ вѣдь и я ужъ дура совсѣмъ память потеряла. Да вотъ и ноги-то у меня чтой-то очень слабы становятся, прибавляетъ она пониженнымъ голосомъ.

Начинается разговоръ, въ которомъ непремѣнно участвуетъ и Марѳа Григорьевна; потомъ вдругъ юркнетъ она въ другую комнату и минутъ черезъ десять возвращается съ подносомъ, на которомъ, смотря по времени дня, является или какая нибудь закуска, или сласти, и непремѣнно домашняго приготовленія. Кухня и домашняя аптека—это были двѣ страсти тетушки. Не довольствуясь совѣтами поваренныхъ книгъ, она придумывала еще свои кушанья, да такія, «какихъ не хитрому уму не выдумать и ввѣкъ». Или опять домашнія лекарства: стоило только кому нибудь сказать, что вотъ-молъ, говорятъ, въ такой-то болѣзни хорошо вотъ-то и то, и тетушка сейчасъ же начинала подробно распрашивать, сколько и какихъ снадобьевъ нужно для составленія рекомендуемаго лекарства и тутъ же записывала этотъ рецептъ у себя въ памятной книжкѣ. Кромѣ подобныхъ лекарствъ у нея всегда хранились и были на готовѣ и другія, какъ напр. вата и ленточки отъ чудотворныхъ иконъ, шапочки отъ многоцѣлебныхъ мощей, богоявленская вода, куски артоса и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Знала она также, какому святому надобно особенно молиться въ томъ или другомъ несчастномъ случаѣ, въ какіе дни не слѣдуетъ начинать постройку, или переходить изъ дома въ домъ, въ какіе дни не нужно сѣять и проч. Все это очень тщательно было записано у нея въ книжкѣ. Любопытная книжка эта, по смерти тетушки, осталась у меня, и я берегу ее, какъ драгоцѣнность. Время отъ времени случается мнѣ перебирать листы ея, и въ эти минуты, не знаю отчего, глубокая грусть охватываетъ сердце, и сильно задумываюсь я. Вотъ напр. «Таблица выписана изъ книги Космограѳіи, въ какіе дни не должно ничего важнаго начинать» съ слѣдующимъ объясненіемъ: «Богъ изъявилъ Герасиму черноризцу, въ какіе дни не должно ни сажать, ни сѣять, ни винограду рѣзать, ни крови пускать, ни продавать, ни въ новый домъ переходить, ни въ путь идти, а кто занеможетъ живъ не будетъ, также и бракъ не возрадуется, на судъ идти не оправдится, и всякое дѣло не довольно будетъ. Сіе же дознал̃ъ то не ложно преподобный Герасимъ; не думай, чтобъ сіе было ложно и лживо. Остерегайся, когда сіи дни будутъ, исполняй предписанное и будешь благополученъ».

Потомъ слѣдуетъ «Вторая таблица, коя составлена славнымъ Европейскимъ острономомъ Тихобрагомъ на островѣ Воонтѣнскаго монастыря въ каменной стѣнѣ въ 1616 году, а найдена въ 1660 году, въ коей пишетъ, что въ цѣломъ году находится 32 дни, въ которые не должно ничего важнаго предпринимать; также кто изъ сихъ дней родится, бываетъ не богатъ и не долголѣтенъ, или кто занеможетъ, тотъ не такъ скоро выздоровѣетъ, какъ въ иное время; также кто перейдетъ изо двора во дворъ, или изъ деревни въ деревню, или изъ службы въ службу, счастливъ не будетъ».

А вотъ третья таблица: «когда и въ какое время садить дерева, сѣять сѣмена и лѣсъ рубить». Тутъ же внизу записано: «1806 года варила пластарь шивъгауской, сколько чего пошло и чего стоитъ» съ примѣчаніемъ, что «аптекарскій вѣсъ въ унцѣ полагается 8 зол., а кварта значитъ четверть фунта».

Перевертываю страницу и читаю: «Въ 1834 году Апрѣля 8 числа въ Никольскомъ Пѣснушевскомъ монастырѣ случилось слѣдующее происшествіе....» Здѣсь описывается, какъ какой-то послушникъ, читая у себя въ кельи акаѳистъ Божіей Матери, на шестой пѣсни канона, впалъ въ безчувствіе, во время котораго имѣлъ различныя видѣнія....

Затѣмъ слѣдуютъ благочестивые совѣты въ такомъ родѣ:

«Отъ сна возставъ, помяни архангела Божія Михаила—тотъ день будешь веселъ».

«По водѣ плавающій, воспомяни архангела Божія Гавріила: избавленъ будешь отъ потопа».

«Въ путь пойдешь, воспомяни арх. Бож. Раѳаила: онъ есть путевождь. Начиная хлѣбъ рушить, его воспомяни, тожъ и во время грому его призови».

«Память священномученика Власія, Февраля 11 числа: его молятъ, кому костъ попадетъ въ горло, то Господь того исцѣляетъ. Боже,

Библиотека "Руниверс"

молитвами раба твоего священномученика Власія, помози мнѣ и ускори на помощь мою, исцѣленіе подаждь мнѣ въ славу и честь Святаго Духа Твоего, аминь! Въ день памяти его должно служить ему молебенъ и милостыню подавать».

«Аще воду пьешь во дни, или въ нощи, или иное что, воспомяни ангела Божія Салѳаила: не прикоснется діаволъ къ тебѣ».

«Егда спать ложишься, воспомяни ангела Божія Вароѳіила: тотъ есть стражъ нощный».

«Егда будешь въ печали, или на судъ идешь, воспомяни архангела Божія Уріила: онъ есть въ обидахъ человѣку помощникъ и въ печали утѣшеніе, тожъ Екатерину великомученицу и святителя Николая».

«Егда ставишь домъ новъ, воспомяни архангела Божія Егудіила: онъ есть утвержденіе дому; въ заблужденіи архангела Разоила».

«Егда въ пиру сидишь, воспомяни ангела Божія, даннаго тебѣ отъ святаго крещенія: пиръ тобою возвеселится».

«Егда путемъ идешь, воспомяни арх. Бож. Разоила: не убоишися сопротивника своего. Его-жъ призови и во время заблужденій своихъ».

Далѣе слѣдуютъ начертанные рукою тетушки рисунки небесныхъ знаменій, съ надписями, когда они были видимы.

«1813 года Іюня 1 числа на небѣ было явленіе въ двѣнадцать часовъ по полудни и продолжалось часу до третьяго. Большой кругъ былъ въ чистомъ небѣ бѣлой, а кругъ солнца радужный и отъ него полосы бѣлыя. Нижной Новгородъ».

На послѣдней страницѣ для памяти записано:

«Моръ былъ въ 1771 году, а бунтъ Пугачева былъ въ 1773 году; казнили его въ 1775 году 11 Генваря».

«1776 года кончина великой княгини Натальи Алексѣевны».

«1782 года Августа 7 числа открытіе монумента Петра Перваго».

«1801 года Марта 12 числа кончина Павла».

«1827 года въ Грузинской области вдругъ поднялся необыкновенной высоты огненный столбъ и горѣлъ 3 часа».

И такъ, я вошелъ къ старушкѣ. Она видимо обрадовалась моему приходу и стала было распрашивать о моемъ хозяйствѣ; но этотъ предметъ, такъ мало занимавшій меня въ ту минуту, безъ особеннаго труда былъ обойденъ мною, и скоро у насъ завязался разговоръ на желаемую мною тему.

— Вѣдь вы, тетушка, помните императрицу Екатерину Алексѣевну? спросилъ я только для того, чтобы вызвать ее на воспоминанья, потому что я очень хорошо зналъ, что она помнитъ ее.

— Что ты, батюшка, мнѣ вѣдь девяносто пятый годъ пошелъ, такъ какъ же не помнить-то! Я на балахъ ее видала, въ собраніяхъ, когда мы съ батюшкой жили въ Петербургѣ. Такая красивая была изъ себя.... Одинъ разъ она въ собраніи все время просидѣла за картами, ужъ не помню кто такіе съ ней были кавалеры-то. И великіе князья Александръ Павловичъ да Константинъ Павловичъ бывали на балахъ и въ маскарадахъ, тоже Польской танцовали. Ужъ

Библиотека "Руниверс"

какъ былъ хорошъ собой Александръ-то Павловичъ маленькій. Онъ и послѣ-то, какъ выросъ, такъ былъ красавецъ....

Старушка замолчала и задумалась.

— Какъ поѣдешь въ Москву, пришли мнѣ, батюшка, череды, коли оказія будетъ ... озадачила меня тетушка. Въ аптекѣ не покупай, тамъ дорого, а въ сѣмянныхъ лавкахъ, у Василья Блаженнаго, добавила она.

— На что вамъ, тетушка?

— Сказываютъ, ее отъ золотухи пить хорошо, отвѣчала она.

Какъ ни трудно было удержаться отъ улыбки, по крайней мѣрѣ, при мысли, что 94-лѣтняя старуха хочетъ лечиться отъ какой-то золотухи, да еще чередою, но я сохранилъ на лицѣ серьезное выраженіе и обѣщалъ исполнить ея желаніе. Однакожъ нить начатаго разговора, такъ неожиданно прерванная, грозила вовсе выпасть изъ рукъ. Я рѣшился во что бы то ни стало связать ее.

— Скажите, тетушка, нашъ дѣдушка служилъ въ Петербургѣ?

— Какъ же, онъ служилъ секретаремъ въ Сенатѣ, а въ Москву-то онъ попалъ по мысли кн. Вяземскаго. Призвалъ онъ его къ себѣ и говоритъ, что хочетъ назначить его въ Москву членомъ въ Межевую Канцелярію. Ну, а жалованье-то въ Межевой Канцеляріи было меньше, чѣмъ въ Сенатѣ. Батюшка и говоритъ Вяземскому, что ему при большомъ семействѣ и маломъ состояніи будетъ тяжело. Вяземскій говоритъ, что онъ будетъ просить Государыню, чтобы ему оставили прежнее его жалованье. Батюшка понадѣялся на его слова и поѣхалъ въ Москву; поѣхалъ онъ въ Москву, а Вязямскій-то тѣмъ временемъ и померъ. Такъ докладъ его Государынѣ о прибавкѣ жалованья и остался подъ краснымъ сукномъ. Ужъ черезъ два года какъ-то вспомнили объ этомъ, и Государыня приказала выдавать батюшкѣ тѣже 700 р., которые онъ получалъ въ Сенатѣ. Трудно было жить въ эти два года съ семействомъ,—насъ вѣдь у него немало было, да случай помогъ. У графа Петра Борисовича Шереметева были какія-то дѣла въ Сенатѣ. Батюшка, какъ еще служилъ тамъ, хлопоталъ по этимъ дѣламъ и тѣмъ услужилъ ему. Когда пришлось ему ѣхать въ Москву, графъ и написалъ своему управляющему, чтобы онъ встрѣтилъ насъ и принялъ въ графскомъ имѣніи. Потомъ, какъ Шереметевъ пріѣхалъ въ Москву, батюшка ѣздилъ къ нему благодарить его за ласковый пріемъ, какой мы имѣли у него въ домѣ, а Шереметевъ благодарилъ его за хлопоты въ Сенатѣ. Вотъ тутъ-то Шереметевъ, какъ узналъ, что вашъ дѣдушка былъ въ затруднительномъ положеніи, такъ и сказалъ ему, чтобы онъ нашелъ себѣ въ Москвѣ такой домъ, въ которомъ могъ бы помѣститься со всѣмъ семействомъ. Батюшка говоритъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать по своимъ средствамъ, а графъ и говоритъ: «это ужъ мое дѣло, а ты только найди себѣ домъ, какой тебѣ нужно». Вотъ батюшка и пріискалъ деревянный домъ, вотъ-что на Арбатѣ-то былъ, у Николы на Пескахъ. Графъ купилъ этотъ домъ и подарилъ ему. Тутъ мы и жили до Француза; а тамъ, какъ пришли Французы, онъ уѣхалъ въ Нижній и жилъ тамъ полтора года. Да, какая жа-

Библиотека "Руниверс"

лость: домъ-то вѣдь сожгли разбойники, батюшка ужъ кой-какъ его отстроилъ....

— А Французы не застали васъ въ Москвѣ?

— Нѣтъ, мы за два дня выѣхали.... Когда бишь мы, Наташка, поѣхали-то? Спросила тетушка у своей горничной, тутъ-же сидѣвшей за какимъ-то шерстянымъ чулкомъ. Надо замѣтить, что этой Наташкѣ было уже больше 60 лѣтъ; она сгорбилась уже и, работая, смотрѣла въ какія-то мудреной работы очки.

— Въ Субботу-съ, закричала подслѣповатая дѣвка, жмурясь и вставая съ своего мѣста и подходя ко мнѣ, чтобы я лучше могъ ее слышать. Она начинала уже глохнуть и по обыкновенію глухихъ, говорила громко, думая, что ея не услышатъ.

— Вы выѣхали въ Субботу, а Французъ пришелъ въ Понедѣльникъ-съ.

— Да, въ Субботу, проговорила тетушка.—Ужъ и въ Субботу-то, какъ мы собирались ѣхать, такъ по нашему переулку все гнали Французовъ, знать плѣнныхъ что-ли, ужъ не знаю.... А карета у насъ ужъ совсѣмъ была готова, да пообѣдавши и поѣхали въ Нижній, часовъ въ двѣнадцать....

— Всѣ выѣхали? спросилъ я.

— Нѣтъ, вотъ они оставались; а съ батюшкой поѣхали только матушка, да я, да сестра Анна Львовна, да дворовыхъ человѣкъ семь, ужъ не помню кто такіе были съ нами; вѣдь у батюшки-то во дворѣ жило 30 человѣкъ дворовыхъ.

— Да съ вами тогда поѣхали, закричала Наталья, поваръ Николай, да Семенъ Иванычъ, да Марѳа Григорьевна, еще Гаврила кучеръ, да Агаѳья....

— Какъ жалко, человѣка-то у насъ убили! Это ужъ послѣ намъ сказывали. Былъ у насъ дворникъ Михайла. Какъ Французы пришли къ намъ въ домъ, такъ вишь и приступили къ нему, чтобъ онъ выдалъ имъ припасы. Они приняли его за дворецкаго.... А у батюшки въ подвалѣ оставались наливки,—у насъ ихъ всегда готовили въ запасъ. Ну, приступили Французы къ Михайлѣ, а онъ имъ ничего не даетъ, говоритъ: нѣтъ ничего.... Такъ чтоже? Какъ ни берегъ онъ барское добро—не уберегъ: сами наткнулись на подвалъ, разбили его и всѣ наливки выпили, перепились до пьяна, да тутъ же Михайлу-то и убили....

— Его не тутъ убили-съ, отозвалась Наталья, а въ Осоргиномъ саду-съ....

— Ужъ не знаю, сказала тетушка, махнувъ своей морщинистой рукой. Вотъ она тебѣ разскажетъ: она оставалась въ Москвѣ, сказала тетушка, обращаясь ко мнѣ. Разскажи Наташка.—Наталья, оживленная воспоминаніями молодости, только этого и ждала. Она оставила работу, сняла свои очки и стала разсказывать.

— Когда господа поѣхали изъ Москвы, такъ насъ дворовыхъ осталось въ домѣ больше 20 человѣкъ. Вѣдь дѣдушка-то долго не вѣрилъ, что Французъ будетъ въ Москвѣ. Бывало это, какъ станетъ ваша бабушка говорить о Французахъ, такъ дѣдушка ей и говоритъ: «Пол-

Библиотека "Руниверс"

но тебѣ, матушка, пустяки-то говорить. Бабы болтаютъ, а она вѣритъ. Ну, какіе Французы? Кабы, говоритъ, Французы шли сюда, такъ давно бы было повелѣніе съ дѣлами и съ канцеляріей выѣзжать, а то вишь ничего нѣтъ». Ну, а потомъ, какъ вышло отъ царя повелѣніе ѣхать съ канцеляріей, такъ тогда ужъ и повѣрилъ. Въ ту-пору, какъ сталъ собираться изъ Москвы, такъ онъ послалъ въ деревню сказать, чтобы за дворней пріѣзжали, опричь тѣхъ, что̀ съ нимъ поѣхали; да ужъ поздно было. Мужики выѣхали съ подводами за нами, да только до Пахры доѣхали, а тутъ узнали, что̀ Французъ въ Москвѣ, они и воротились въ деревню. А бабушка ваша, какъ уѣзжала изъ Москвы, оставила намъ барановъ, куръ и хлѣба. Вотъ какъ это въ Субботу-то они выѣхали, барскіе-то покои заперли, а мы перешли жить во флигель. Субботу мы провели спокойно, да и Воскресенье тоже, хоть народъ и ломалъ весь день кабаки....

— Зачѣмъ же кабаки-то ломали? спросилъ я, стараясь вызвать ее на подробности.

— Велѣно было-съ, и магазины съ хлѣбомъ велѣно было жечь: это чтобы Французу-то ничего не доставалось....

— Ну, а Французы-то не жгли домовъ?

— Жгли-съ! Это какъ вошли они, да увидали, что Русскіе жгутъ, такъ и говорятъ: коли сами своего не берегутъ, такъ намъ, говорятъ, и подавно жалѣть нѐчего; тутъ ужъ и они стали жечь. Ну, вотъ-съ, прошло Воскресенье, а въ Понедѣльникъ-то они вошли въ Москву. Мы тоже выбѣжали на уголъ къ лавочкѣ посмотрѣть на нихъ. Много ихъ шло по Арбату-то, все веселые такіе да съ музыкой, и хорошо-таково играла музыка, да какъ будто все выговаривала: наша взяла, наша взяла.... А тутъ съ нами же стоялъ сосѣдъ нашъ, баринъ одинъ, Пѣнкинъ, и домъ-то его былъ недалеко отъ насъ. Подъѣзжаетъ къ нему Французъ, что̀ впереди ѣхалъ, бравый такой, весь въ орденахъ, и спрашиваетъ Пѣнкина: «Отчего это, говоритъ, у васъ во всѣхъ домахъ окна заколочены? Гдѣ, говоритъ, ваши паны?» А Пѣнкинъ и говоритъ ему, что всѣ разъѣхались.— «Да, чего же, говоритъ, они боятся?»—«Да, они, говоритъ, ничего не боятся, а такъ ужъ у насъ всегда на лѣто разъѣзжаются по деревнямъ». А Французъ-то все говоритъ, да все въ книжку какую-то записываетъ. Ну, только этотъ Пѣнкинъ не уцѣлѣлъ; на него надѣли рогожу и угнали куда-то ...

Видимъ дѣло плохо; вернулись мы домой, да изъ флигеля-то въ свѣтелку, заперлись тамъ да и сидимъ, а тутъ смотримъ—къ намъ на дворъ Французы.... Вотъ ужъ тутъ-то они и напали на Михайлу: «давай, говорятъ, ѣсть». Онъ было отговариваться, что ничего нѣтъ; они спрашиваютъ ключи, подалъ имъ Михайла ключи, и пошли они шарить,—все-то они все перешарили и въ подвалѣ-то, и въ погребахъ-то, и на сушильнѣ. А тамъ у бабушки вашей было заготовлено мыло, много таково, вотъ этакіе бруски, да мыло-то все бѣлое; вотъ какъ это забрались на сушильню, и давай рѣзать мыло,—думали сыръ, да что̀ ни въ ротъ, то выплюнутъ.... Барановъ всѣхъ повытаскали, куръ тоже перерѣзали, вошли въ кухню, наложили на пли-

Библиотека "Руниверс"

ту дровъ, а дрова-то у насъ были длинныя, какъ навалили ихъ да зажгли, такъ батюшки мои, какой страхъ напалъ на насъ,—огонь развели пребольшущій, мы такъ и думали, что сгóримъ. Чтò намъ дѣлать? Думаемъ: надо уходить, а то сгоримъ. Вотъ мы потихоньку изъ свѣтелки-то да въ людскую, изъ людской-то на дворъ, а тутъ насъ и замѣтили Французы. Была съ нами столариха наша съ дочкой Сашей, такая хорошенькая была дѣвчонка, да молодая. Французы-то и бросились за ней,—хотѣли ее взять къ себѣ, только мать ея вцѣпилась за нее и кричитъ: хоть убейте, говоритъ, меня сейчасъ на мѣстѣ, не отдамъ; ужъ не знаю, какъ она отбила Сашку.... Мы поскорѣе со двора-то да на улицу, да на Смоленскій рынокъ. Мы всѣ были вмѣстѣ, а тутъ на Смоленскомъ рынкѣ насъ Французы и разбили порознь,—все бросались на молодыхъ дѣвокъ, да этакимъ-то манеромъ насъ всѣхъ и разогнали. А на дворѣ-то ужъ стало темно. Вотъ и стали мы нѣсколько человѣкъ пробираться къ Драгомиловскому мосту; а тутъ опять встрѣчается намъ одинъ Французъ, да и говоритъ: «Куда это вы, дуры, идете? Развѣ, говоритъ, не знаете, что тамъ наши? Вонъ посмотрите, говоритъ, хорошенько— и на мосту, и зà мостомъ, и по рѣкѣ».—Какъ стали мы это присматриваться, такъ и ахнули сколько ихъ тамъ было—видимо-невидимо, и огни у нихъ, а по рѣкѣ-то все разъѣзжали въ лодкахъ съ фонарями.—«На смерть, говоритъ, идете»—это Французъ-то; «ступайте, говоритъ, вонъ въ ту сторону». Вотъ мы пошли, да ужъ и сами не знаемъ, какъ мы очутились въ какихъ-то огородахъ....

— Да, какъ же Французъ-то говорилъ съ вами?

— По-русски, сударь; умѣлъ хорошо говорить по-русски.

— Почему же ты думаешь, что это былъ Французъ? Можетъ-быть, это былъ Русскій?...

— И нѣтъ-съ, какъ же своихъ не узнать? И мундиръ не такой, какъ у нашихъ, да и каска у него была съ хвостомъ назади. Ну вотъ, сударь, какъ попали мы въ огороды, такъ въ нихъ всю ночь и пробыли, да на другой-то день все хоронились по кустамъ, а питались капустой. Да, спасибо днемъ-то встрѣлся нашъ будочникъ съ женой, такъ ужъ онъ насъ вывелъ изъ огородовъ и проводилъ подъ Донской, на Орловъ лугъ. И сколько, сколько тамъ было народу! Около Москвы-рѣки былъ лѣсъ, такъ народъ-то все рубилъ этотъ лѣсъ, да дѣлалъ шалаши. Такъ тамъ и жили въ шалашахъ и огни разводили, скотину били и готовили себѣ пищу; а шкуры-то кто такъ бросалъ, а кто подбиралъ, да прикрывалъ ими шалашъ. И намъ достались двѣ шкуры. Тутъ на Орловскомъ лугу мы всѣ дворовые опять какъ-то сошлись вмѣстѣ....

— Ну, а на Орловъ-то лугъ не приходили къ вамъ Французы?

— Это вотъ видите ли, тутъ стоялъ шефской домъ, а въ домѣ этомъ жилъ Французскій генералъ что ли какой или командиръ, ужъ не знаю—только добрый такой: онъ-то насъ берегъ отъ Французовъ. «Коли, говоритъ, придутъ къ вамъ наши, да станутъ озорничать, такъ бейте, говоритъ, ихъ чѣмъ попало; ну, а коли, говоритъ, придутъ честнымъ манеромъ, такъ не троньте....» Предобрѣйшій

Библиотека "Руниверс"

былъ.... Бывало, какъ если Французы тамъ затѣютъ что-нибудь, такъ ужъ онъ и шлетъ къ намъ сказать: «нынѣшнюю ночь, говоритъ, будьте осторожны: наши выстрѣлютъ къ вамъ бомбу, такъ она можетъ убить».—Ну, всѣ тогда ужъ и знаютъ и остерегаются....

При послѣднихъ словахъ на лицѣ моемъ показалась улыбка. Наталья, замѣтивъ это, принялась было увѣрять меня, что она говоритъ правду; но я тотчасъ же успокоилъ ее, сказавъ, что нисколько въ томъ не сомнѣваюсь.

— Долго ли же вы такъ жили на Орловскомъ лугу?

— Да, до самаго Покрова-съ. А тутъ мы дѣвушки съ моей матерью ходили къ Французамъ въ казармы шить бѣлье.

— Въ какихъ же казармахъ стояли Французы?

— Въ Хамовницкихъ-съ.... Бывало, придетъ за нами Французъ и проводитъ насъ въ казармы, тамъ и шьемъ имъ рубашки, а потомъ обѣдать насъ посадятъ. За обѣдомъ-то они смѣются, шумятъ, говорятъ, поютъ пѣсни, это у нихъ ни почемъ, а впрочемъ, чистоплотны: бывало, возмутъ картофель, тоже очистятъ, въ двухъ водахъ перемоютъ, а тамъ ужъ и крошатъ для похлебки. Говядину намъ давали и не обижали насъ, только вотъ ужъ за обѣдомъ-то они ничего не наблюдали,—тутъ у нихъ и смѣхи, и пѣсни.... Какъ отработаешь, такъ опять тотъ же Французъ проводитъ, бывало, насъ на Орловъ лугъ, и такъ все это продолжалось до тѣхъ поръ, какъ имъ велѣли выходить изъ Москвы....

Тетушка сидѣла съ закрытыми глазами и, кажется, уже заснула. Я тихонько вышелъ изъ комнаты. А. К.

Библиотека "Руниверс"

Изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову *).

1.

8-е Ноября (1831).

Сообщать тебѣ новости значитъ плевать въ колодезь: сторукая почта и братъ твой, у котораго и въ двухъ рукахъ да всѣ новости, и безъ меня извѣстятъ тебя обо всемъ. Чтò за фигура была у Головкина, когда онъ выступалъ ассистентомъ, умора! А между тѣмъ вѣдь онъ иновѣрецъ. Чтò скажетъ о томъ православіе наше? Вѣроятно не подумали объ этомъ. Говорятъ, что и онъ готовитъ балетъ, соблазнясь примѣромъ Кутайсова. Да не его-ли Китайскій балетъ Кіа-Кингъ? Вѣдь онъ ѣздилъ посломъ въ Китай. Съ чѣмъ нибудь да надобно было возвратиться. Кутайсовскаго балета я еще не видалъ. Его многіе не хвалятъ, и вообще немного хвалятъ. Говорятъ, Россіада въ пляскахъ. Читать ее скучно, нечего грѣха таить; не знаю, каковъ Херасковъ въ пируетахъ. Того и смотри, что Малиновскій пустится балетмейстерствовать, глядя на другихъ и думая, что балеты будутъ вноситься въ формулярный списокъ.

Здѣсь говорятъ, что ушко [1]) надѣваетъ обручальное кольцо и идетъ подъ вѣнецъ. Дай Богъ въ добрый часъ! А мы скомпануемъ эпиталаму. За нами дѣло не станетъ. При такомъ торжественномъ случаѣ съ Биржи полѣземъ опять на Парнасъ и, оставя на время прейсъ-куранты, заведемъ на прежній ладъ курантики нашей поэзіи.

2.

(1831).

Поздравляю съ зимою. Снѣгъ такъ и валитъ, или такъ и плюетъ, какъ Сергѣй Львовичъ. Вчера съ курьерами получили здѣсь рѣчь Французскаго короля, при открытіи палатъ. Довольно умѣренности, но и твердости. Слишкомъ длинна. О Беррійской нѣсколько словъ, но и то не именуя ея. При открытіи или въ день открытія, какъ онъ шелъ въ залу, было покушеніе на жизнь его; выстрѣлили въ него изъ пистолета, но не попали. Онъ снялъ шляпу и сказалъ: Vous voyez, messieurs, que je n'ai poins été atteint [2]). Убійцу схватили. Юноша 17 лѣтъ; но не знаютъ, какаго онъ цвѣта, то-есть бѣлаго Вандейскаго, или краснаго республиканскаго. Въ рѣчи сказано, что Фран-

---

*) См. выше, стр. 100.

[1]) Дочь Булгакова Екатерина Александровна, нынѣ Саломирская. См. выше стр. 110.

[2]) Вы видите, господа, что въ меня не попали.

Библиотека "Руниверс"

цузскія войска должны быть теперь подъ стѣнами Антверпена.—Вчера былъ блестящій роутъ у Австрійскаго посланника. Весь городъ тѣснился и пихалъ другъ друга; въ иномъ мѣстѣ было такъ роутно, что и ушку не было бы гдѣ пошевельнуться. Вчера былъ послѣдній концертъ Карадори. Готовь уши свои влюбиться по-уши; впрочемъ могутъ влюбиться и глаза.

Имянинное ушко
Поздравляю я всѣмъ сердцемъ.
Дай ей Богъ прожить легко
И быть скорѣй самъ-другъ съ сердечнымъ одновѣрцемъ.

3.

Царское Село, 2 Іюля (1832).

Мнѣ грустно было выпить сегодня послѣдній стаканъ своей воды [3]). Уже нѣтъ на свѣтѣ подобнаго мнѣ существа привычко-любиваго. Помню, что когда-то вдругъ сдѣлалось мнѣ тяжело и грустно: ищу въ головѣ, въ сердцѣ что̀ можетъ быть тому причиной. Ничего не нахожу. Наконецъ, что̀ же открывается? Я тогда отослалъ извощичью карету, въ которой ѣздилъ нѣсколько мѣсяцевъ, и взялъ другую: вотъ что лежало у меня на сердцѣ и давило его! Шутки въ сторону. Впрочемъ у меня тутъ есть и суевѣріе: всякая перемѣна, всякій переломъ въ жизни, въ ежедневныхъ привычкахъ меня пугаетъ. Я будущаго не люблю и занимаюсь имъ только тогда, когда оно сдѣлается настоящимъ; впрочемъ и тутъ не люблю его: всего сердцу дороже прошедшее. Обнимаю [4]).

4.

5 Декабря 1832.

Въ Пятницу твой братъ далъ намъ прекрасный музыкальный вечеръ. Былъ квинтетъ изъ Ченерентолы упоительный. Карадори была удивительно въ голосѣ и въ духѣ. Я поднесъ ей тутъ же стихи твои и рекомендовалъ ей новорожденнаго поэта. Если поешь, ея не зная; то что̀ же будетъ, какъ узнаешь, увидишь и услышишь? Заржешь! Она списала стихи твои и будетъ благодарить тебя лично и изустно...... Она слыветъ добродѣтелью, и вѣрная жена, какъ и пѣвица вѣрная. Голосомъ чиста, какъ и волосомъ. Прошу передать это князю Владиміру Голицыну, чтобы убѣдить его, что я не поглупѣлъ съ тѣхъ поръ, что Парнасъ на Биржу промѣнялъ. Если станетъ онъ очень просить, то пожалуй я ему подарю мою прибаутку въ вѣчное и потомственное владѣніе. Въ добавокъ могу дать ему еще матеріалъ на каламбуръ: Карадори—коридоры.

[3]) Т. е. минеральной.

[4]) Въ этихъ строкахъ отлично выразилъ себя дорогой нашъ князь Петръ Андреевичъ. Онъ одаренъ былъ удивительною сердечною памятью, такъ что извѣстный стихъ: «Для сердца прошедшее вѣчно», можно бы вырѣзать на его могильномъ камнѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Пускай оправитъ онъ мой дикій камень. Воспламеняй любопытство, уши и щедрость Московскихъ меломановъ и заготовь ей два хорошіе и полновѣсные концерта въ залѣ Собранія.—Третьяго дня былъ Парижскій балъ у Щербатовой - Хилковой. Тѣснота такая, что вмѣсто пляски давили другъ другу ноги; но свѣтло, блистательно, красиво, роскошно. Домъ прекрасно и съ удивительнымъ вкусомъ убранъ. На дняхъ пришлю тебѣ копію выписокъ изъ письма безрукаго Остермана къ Горчакову, нашему повѣренному въ дѣлахъ во Флоренціи. Покажи кн. Дмит. Владиміровичу. Что̀ княгиня его? Вѣрно очень огорчена, а съ нею и Московская молодежь, на которую также падаетъ сей трауръ. Пока прости. Всѣмъ твоимъ мой сердечный поклонъ. Елисаветѣ Петровнѣ Пашковой ни слова обо мнѣ, потому что не люблю напоминать о себѣ и насильно въ память втираться, какъ бобковая мазь, или всюду втирающійся, отгадай кто?

5.

18-го Февраля (1833).

Въ Москву ѣдетъ князь Григорій Гагаринъ съ двумя сыновьями. Отца ты вѣроятно знаешь, а молодежь рекомендую тебѣ. Поподчивай ихъ Москвою, Московскими калачами, подовыми пирогами и проч. Представь ихъ отъ меня твоей дочери, Киндяковымъ, Пашковымъ и такъ далѣе. Они очень любезные молодые люди, а одинъ изъ нихъ рисуетъ прелестно; чтобы убѣдить тебя однимъ словомъ, онъ рисуетъ, какъ Карадори поетъ. Слава Богу, душѣ сегодня немного полегче: вѣсти изъ Дерпта поутѣшительнѣе [5]). А я самъ третій день не очень здоровъ и сижу дома, потому и не могъ прочесть у дочери твоей то, что̀ ты пишешь къ ней обо мнѣ и Финляндкѣ Пушкиной. А въ самомъ дѣлѣ, какъ мила она, и какъ обѣ милы, каждая въ своемъ родѣ [6]). Скажи имъ все, что̀ сердце надоумитъ тебѣ сказать, и я заранѣе приписываю: быть по сему. Я получилъ письмо отъ Жуковскаго. Онъ въ мѣстечкѣ Верне, близъ Веве. Здоровье его не поправляется. Впрочемъ духомъ онъ, кажется, довольно ясенъ и веселъ. Въ Италію ему смерть хотѣлось бы ѣхать, но не ѣдетъ, чтобы не слишкомъ расшевелиться тѣломъ, умомъ и душею; а спокойствіе, неподвижность тѣлесная и душевная всего нужнѣе ему въ его положеніи [7]). Тургеневъ нашъ мурлычетъ, закатываетъ глазки, влюбляется въ пятерыхъ, ѣстъ за десятерыхъ, спитъ за троихъ въ Римѣ. Но все-таки письма его бѣдняжки очень грустны. И въ самомъ дѣлѣ, тяжело его бездомное одиночество и сиротство, и эта кочующая жизнь. Онъ только и живетъ для брата и въ братѣ, а съ нимъ-то жить ему и нельзя.

---

[5]) Въ Дерптѣ жило семейство Карамзиныхъ; одинъ изъ сыновей исторіографа, Николай, былъ въ это время тяжко боленъ и вскорѣ скончался.

[6]) Говорится о графинѣ Эмиліи Карловнѣ Мусиной-Пушкиной.

[7]) Поѣздка Жуковскаго въ Италію состоялась.

Библиотека "Руниверс"

6.

16—17 Апрѣля.

Ты меня дразнишь своими картинными письмами, картинными по картинкамъ, и по слогу вашего превосходительства. Сдѣлай милость, пришли мнѣ нѣсколько листковъ.—Есть-ли видъ Подновинскаго въ продажѣ? А надобно бы. Я очень радъ, что исторія Четвертинскаго кончилась ничѣмъ. Вотъ этимъ только Бѣлокаменная досадна: всегда какая нибудь глупая исторія да есть, и порядочному человѣку нельзя не наскочить или не натолкнуться на дурака. Дураковъ, вѣроятно, и здѣсь найдешь со свѣчею, а можетъ быть и безъ свѣчи, но и дураки какъ-то благопристойнѣе. Въ этомъ отношеніи общество здѣсь очень благочинное, и развѣ искать непріятности и добиваться, а впрочемъ можешь быть совершенно безопасенъ даже и въ публичныхъ мѣстахъ. Я очень радъ, что князю Голицыну дали праздникъ. Москва ему многимъ обязана. Какому Кугушеву собирали подписку? Неужели тому, что̀ служилъ при князѣ по части подороженъ? —Теперь два часа за полночь. Надобно рано завтра встать и нарядиться въ шитый мундиръ: будутъ въ первый разъ представляться Цесаревичу. Каковъ Полевой? Попроси Московскихъ красавицъ заступиться за меня. Онъ въ Телеграфѣ своемъ даетъ мнѣ лѣтъ шестьдесятъ, говоря, что я чрезъ сорокъ лѣтъ все тотъ-же. Между прочимъ говоритъ онъ, что я шучу тяжело. На это я самъ пока отвѣчаю:

Какъ спорить съ Полевымъ, когда сей критикъ чуткій
Разсудитъ охая, что я тяжелъ на шутки?
Быть можетъ. Тяжела-ль иль нѣтъ моя рука,
Вѣрнѣе знаютъ всѣхъ про то его бока.

Сдѣлай милость, доведи это до его свѣдѣнія и сообщи Дмитріеву. Обнимаю. Къ ушку прикладываюсь устами сердца.

7.

2 Августа (1833).

Скажи Жуковскому, что Дмитріевъ сегодня выѣхалъ въ Москву и очень желаетъ тамъ еще застать его.—Наконецъ, видѣлъ я Великаго Князя [8]). Онъ былъ такъ добръ, что забѣжалъ въ избу нашу Царскосельскую. Мнѣ показалось, что онъ очень поправился, веселъ и добръ по прежнему. Вотъ каламбуръ его о Французскомъ министерствѣ [9]): Le ministere devait bien marcher, car il avait de nouveau Molé (nouveaux mollets).

8.

23 Сентября 1833 года.

Что̀ сказать тебѣ о Дерптѣ? А надобно что нибудь сказать. Городъ чистенькій, простенькій, славный университетомъ, шумною молодежью, окрестностями своими, красавицами, между прочимъ дѣви-

---

[8]) Михаила Павловича.

[9]) Минестерство должно пойти ходко, потому что у него опять Моле (новыя икры).

Библиотека "Руниверс"

цею фонъ-Крюднеръ, которую совѣтую зарубить на памяти сердца, на всякій случай, если Богъ приведетъ быть тебѣ въ Дерптѣ. Тамъ видѣлся я съ Жуковскимъ, котораго нашелъ въ цвѣтущемъ положеніи; а на возвратномъ пути нагналъ меня и ужасно перегналъ Государь, который удивился встрѣчѣ со мною, былъ со мною весьма милостивъ, и казался мнѣ очень бодръ духомъ и здоровьемъ, хотя три дня не ѣлъ, почти не выходилъ изъ коляски и летѣлъ стремглавъ, такъ что на 260 верстъ послѣднихъ опередилъ онъ меня 12-ю часами, хоть и я ѣхалъ скоро и нигдѣ задержанъ не былъ, по милости ангела-хранителя Фіалковскаго, даннаго мнѣ братомъ твоимъ.

9.

2 Октября (1834).

Вчера былъ музыкальный вечеръ у Вьельгорскихъ. Скрипачъ Арто молодецъ, въ родѣ Паганини. Много силы и души, много и фокусъ-покусничества новѣйшей школы. Былъ тутъ Люлье, извѣстный композиторъ романсовъ. Онъ морилъ насъ со смѣху и трогалъ до слезъ своими народными романсами. Голосу нѣтъ, а удивительная выразительность. Третьимъ героемъ вечера былъ твой сынъ: онъ представлялъ въ лицахъ Русскую оперу «Робертъ». Я «Роберта» на здѣшней сценѣ не видалъ и здѣшнихъ пѣвуновъ мало знаю, но всѣ хохотомъ провозглашали комическое сходство подражанія. Музыканты надивиться не могли, что сынъ твой [10]) нотъ не знаетъ, а музыку угадалъ. Наконецъ, онъ и хозяина представилъ: такъ и слышишь и видишь Михайла Вьельгорскаго. Жаль, что тебя съ нами не было. И душѣ, и ушамъ, и животикамъ досталось по хорошей долѣ.

10.

Суббота, 19-го Декабря 1836.

Спасибо, премного спасибо за Ростопчина, который очень милъ. Да, кажется, отчего не сказать, что это его? Имя придастъ интересъ и цѣну біографіи, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ историческаго, и узнать могли бы въ ней Ростопчина развѣ по замашкѣ пера его, а не по содержанію. Но многіе ли умѣютъ узнавать у насъ человѣка по перу? На это нуженъ умъ и нѣкоторая утонченность чувства образованнаго; а хотя мы и не такъ тупы, какъ увѣряетъ Чадаевъ, но все большинство наше на сторонѣ дураковъ, или по крайней мѣрѣ безграмотныхъ. Впрочемъ, разумѣется, воля твоя. Буду дѣлать, что̀ прикажешь; но во всякомъ случаѣ позволь мнѣ взять изъ письма твоего исторію сей біографіи, пожалуй и не называя тебя и Бобринской. А лучше всего, если позволишь наименовать Ростопчина, съ оговоркою моею, что нескромность напечатанія остается на моей отвѣтственности.—Вчера было открытіе большаго

---

[10]) Извѣстный «Костя» Булгаковъ, одаренный необыкновенными и разнообразными способностями и погубившій ихъ разгульною жизнію.

Библиотека "Руниверс"

театра и оперы Глинки. Театръ прекрасенъ, биткомъ былъ набитъ, хорошо освѣщенъ, и ничего нѣтъ торжественнѣе театральной залы въ полномъ облаченіи ея. Объ оперѣ поговоримъ въ другой разъ, когда услышу ее раза два или три. Вообще эфектныхъ мѣстъ нѣтъ; въ души и уши нашей братьи профановъ ничего не вбивается разомъ, какъ въ операхъ Россини, Беллини, Мейербера и проч. Слѣдовательно нужно пристально вслушаться и познакомиться съ музыкою на короткомъ ухѣ, чтобы судить о ней. Принята была она вообще хорошо: вызывали Глинку. Либрето довольно холоденъ и блѣденъ, слѣдовательно музыканту было труднѣе вышивать по этой канвѣ узоры. За то графиня Эмилія Пушкина удивительно хороша, и Тургеневъ уже вышиваетъ по ней разные сентиментальные узоры нѣжно-страстно-пронзительными взорами своими.

Прости, моя почтовая бумага, моя почтовая радость, мой почтовый трактъ, станціонный смотритель сердца моего и благосклонный Олива-Добровольскій всѣхъ моихъ нуждъ и порученій.

11.

29 Апрѣля (1836).

Помилуй, развѣ ты не читалъ въ журналахъ исторіи о дамскихъ Туринскихъ бородахъ, barbes, головномъ уборѣ, который въ Сардиніи—принадлежность однѣхъ царскихъ головъ? Обрѣскова надѣла ихъ подъ предлогомъ, что это идетъ къ Русскому костюму и пріѣхала во дворецъ. Видя это, и Французская посланница отпустила себѣ бороду. Тревога при дворѣ, и вслѣдствіе того циркуляръ дипломатическому корпусу, чтобы не пускать козловъ въ огородъ, то есть женъ бородатыхъ. Посолъ отвѣчалъ церемоніймейстеру que la circulaire était absurde [11]). Не знаю, что̀ отвѣчалъ Обрѣсковъ; но знаю, что его посадили въ Сенатъ. Кажется Баварскій отвѣчалъ qu'en fait de barbes, il demandait seulement qu'on lui permît de garder la sienne [12]). Хорошо, что у насъ нѣтъ этой этикеты, а то княгинѣ Наталіи Петровнѣ не бывать-бы статсъ-дамою, и Шевичеву не пускали-бы во дворецъ.

12.

17-го Мая (1836).

Здѣсь все толки о Поповѣ и Татариновой съ компаніею; но порядочно никто не знаетъ, что̀ у нихъ тамъ было. Извѣстно только, что одна изъ дочерей Попова, не соглашавшаяся войти въ расколъ, была имъ часто бита, запираема въ темную комнату и терпѣла отъ отца разныя мученія и истязанія. Не былъ-ли Тургеневъ, до оженотворенія или омамотворенія своего, любовникомъ этой Татариновой, во время о̀но? Здѣсь что̀-то объ этомъ поговариваютъ. Она живала въ Михайловскомъ замкѣ, а Тургеневъ напротивъ и переплывалъ къ ней какъ Леандръ чрезъ Фонтанку. Поразвѣдай-ка!

....

[11]) Что циркуляръ нелѣпъ.—[12]) Что по отношенію къ бородамъ, онъ проситъ только, чтобы ему позволили сохранить свою.

Библиотека "Руниверс"

13.

(1836).

Петръ не съ золотыми ключами рая, а развѣ съ ключами таможни (тѣмъ болѣе, что сейчасъ ревизовалъ я сумму) и Александръ всемірный qui a la clef des champs [13]), получили твою грамоту, Александръ, ключникъ сердецъ.

Вчера былъ многолюдный балъ у Австрійскаго посла, но еще безъ царской фамиліи. Былъ одинъ принцъ Карлъ, который вездѣ и много танцуетъ. Сюда пріѣхала Голицына-Балкъ, Парижская. Красавица, слишкомъ красавица, даже багряница: много блеску и что-то царственное, Іудейская царица. А все жаль блѣдной Финской царицы. Что это она такъ долго ѣхала? Выѣхала 12-го вечеромъ, а 18-го еще у васъ ея не было. Берегись, если ты и твои ухабы виноваты!

14.

26 Января (1837).

J'ai été enchanté d'apprendre que la comtesse Emilie, милая изъ милыхъ (м и л а я, Русскій переводъ Французскаго E m i l i e), comme l'a nommé Joukovski (et c'est le meilleur de ses oeuvres), était enfin arrivée à bon port [14]). Вчера былъ славный балъ у старухи Мятлевой въ честь принцу Карлу. Домъ ея барскій, старинный, и если и не убранъ р о к о к о ш к а м и и побрякушками новаго покроя, то во сто разъ лучше всѣхъ нынѣшнихъ клѣтокъ. Я съ лѣтами дѣлаюсь аристократомъ. Багряница-Голицына была очень хороша, но болѣе всѣхъ занималъ меня шутъ Г р и б а н о в ъ, занимающійся вольными переводами съ Русскаго языка на Французскій... Онъ же перевелъ стихъ Баратынскаго:

Я сплю, мнѣ сладко усыпленье:
Je dors, est douce pour moi la dormeuse.

Сдѣлай одолженіе, свези нѣсколько сенаторовъ въ красномъ мундирѣ къ графинѣ Емиліи въ день ея рожденія, 29 Января. Прекрасная очень любитъ прекрасное. А шутки въ сторону, пошли ей отъ неизвѣстнаго въ день рожденія, или на другой день; если письмо мое не придетъ въ пору, блюдо вареныхъ раковъ.

15.

Письма о поединкѣ и кончинѣ А. С. Пушкина.

5-го Февраля (1837).

Вижу изъ твоего нынѣшняго письма и изъ твоихъ впечатлѣній, что Тургеневъ передалъ тебѣ неполный отчетъ о послѣднихъ дняхъ Пушкина. Впрочемъ, оно и не могло быть иначе: Тургеневъ не былъ

[13]) У котораго ключь отъ полей.—Говорится про А. И. Тургенева.

[14]) Я очень счастливъ, что графиня Емилія, милая изъ милыхъ, какъ ее назвалъ Жуковскій (и это лучшее его произведеніе) наконецъ добралась до мѣста.

Библиотека "Руниверс"

безотлучно при немъ днемъ и ночью, подобно мнѣ, Жуковскому, Вьельгорскому. Постараюсь пополнить разсказъ его. Первыя слова его женѣ, когда внесли его въ комнату раненаго и положили на диванъ, были слѣдующія: «Какъ я счастливъ! Я еще живъ, и ты возлѣ меня! Будь покойна! Ты не виновата; я знаю, что ты не виновата». Между тѣмъ онъ скрылъ отъ нея опасность раны своей, которую докторъ, по его требованію, откровенно объявилъ ему смертельною. «Благодарю васъ, сказалъ онъ тутъ Шольцу, который первый изъ докторовъ видѣлъ его (на мѣстѣ поединка доктора не было, и впрочемъ, по свойству раны имъ полученной, докторъ былъ-бы безполезенъ), что вы сказали мнѣ правду, какъ честный человѣкъ. Теперь займусь дѣлами моими». Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ Арендтъ и подтвердилъ ему мнѣніе перваго доктора о безнадежности положенія его и смертельности раны, имъ полученной. Разставаясь съ нимъ, Арендтъ сказалъ ему: «Ѣду къ Государю; не прикажете-ли, что̀ сказать ему?»—«Скажите, отвѣчалъ Пушкинъ, что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса» (братъ Московскаго, бывшій лицейскимъ его товарищемъ, вѣрнымъ другомъ въ жизни и по смерть, за часъ до поединка попавшійся ему на улицѣ и взятый имъ въ секунданты). Ночью возвратился къ нему Арендтъ и привезъ ему для прочтенія собственноручную карандашемъ написанную Государемъ записку, почти въ такихъ словахъ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки». Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но Государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить. «Скажите Государю, говорилъ Пушкинъ Арендту [15]), что жалѣю о потери жизни, потому что не могу изъявить ему мою благодарность, что я былъ-бы весь его!» (Эти слова слышаны мною и врѣзались въ память и сердце мое по чувству, съ коимъ они были произнесены). Пришелъ священникъ, исповѣдывалъ и причастилъ его. Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ esprit fort, по крайней мѣрѣ не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей: напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство, читалъ и любилъ читать Евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизустъ и часто твердилъ ихъ. Жену призывалъ онъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, потому что боялся въ страданіяхъ своихъ измѣнить себѣ, увѣрялъ ее, что раненъ въ ногу, и доктора, по требованію его, въ томъ-же ее удостовѣряли. Когда мучительная боль вырывала невольно крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ по возможности удерживался, зажимая ротъ свой, онъ всегда прибавлялъ: «Бѣдная жена! Бѣдная жена!» и посылалъ док-

[15]) Въ одномъ современномъ спискѣ съ этого письма слова «говорилъ Арендту» зачеркнуты и рукою князя П. А. Вяземскаго вмѣсто ихъ написано: «сказалъ Жуковскому».

Библиотека "Руниверс"

то́ровъ успокоивать ее. Въ эти два дня онъ только и начиналъ говорить, что о ней и о Государѣ. Ни одной жалобы, ни одного упрёка, ни одного холоднаго, черстваго слова не слыхали мы. Если онъ и просилъ докторовъ не заботиться о продолженіи жизни его и дать ему умереть скорѣе, то единственно отъ того, что онъ зналъ о неминуемости смерти своей и терпѣлъ лютѣйшія мученія. Арендтъ, который видѣлъ много смертей на вѣку своемъ и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго: такое терпѣніе при такихъ страданіяхъ! Еще сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ Арендтъ замѣчательное и прекрасное, утѣшительное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи: «Для Пушкина жаль, что онъ не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его это счастіе, что онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ». Эти слова въ устахъ Арендта, который не имѣлъ никакой личной связи съ Пушкинымъ и былъ при немъ, какъ былъ-бы онъ при каждомъ другомъ въ томъ же положеніи, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его разсѣянность, его привычку къ подобнымъ сценамъ, чтобы понять всю силу его впечатлѣнія. Стало-быть, видимое имъ было такъ убѣдительно, такъ поразительно и полно истины, что пробудило и его вниманіе и имъ овладѣло.—«Простилъ ли Царь моего Данзаса?» спросилъ Пушкинъ у Арендта, и на довольно успокоительный отвѣтъ его, изъявилъ снова преданность и благодарность къ Государю. Кажется, Вьельгорскому сказалъ онъ однажды: «Жду Арендта и царскаго слова, чтобы умереть спокойно». Ожесточенія къ жизни въ немъ вовсе не было. Онъ желалъ смерти, какъ конца мученій и, отчаяваясь въ жизни, не хотѣлъ продолжать ее насильственно, безполезными мѣрами и новыми мученіями. Но на другой день, когда сдѣлалось ему получше и замѣтилъ онъ, что и доктора поободрились, и онъ сдѣлался податливымъ къ надеждѣ, слушался докторовъ, самъ приставлялъ себѣ своеручно піявицы, принималъ лекарства, и когда доктора обѣщали ему хорошія послѣдствія отъ лекарствъ, онъ отвѣчалъ имъ: «Дай Богъ! Дай Богъ!» Но этотъ оборотъ къ лучшему былъ непродолжителенъ, и онъ вновь убѣдился въ неминуемой близкой кончинѣ и ожидалъ ея спокойно, наблюдая ходъ ея, какъ въ постороннемъ человѣкѣ, щупалъ пульсъ свой и говорилъ: вотъ смерть идетъ! Спрашивалъ: въ которомъ часу полагаетъ Арендтъ, что онъ долженъ умереть, и изъявлялъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось въ тотъ же день. Прощаясь съ дѣтьми, перекрестилъ онъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда говорилъ ей съ нѣжностью и любовью. Съ нами прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. У меня крѣпко пожалъ онъ руку и сказалъ: «Прости, будь счастливъ!» Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. Мы за нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что̀ она и исполнила. Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ

Библиотека "Руниверс"

къ Гекерену, спросилъ его: не поручитъ-ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Гекерена? «Требую, отвѣчалъ онъ ему, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ....»

Вотъ все, что̀ на эту минуту могу припомнить изъ всего того, что̀ мы видѣли. Ручаюсь совѣстью, что нѣтъ тутъ лишняго слова и никакаго преувеличенія. Напротивъ, вѣроятно многаго нѣтъ. Собираемъ теперь, что̀ каждый изъ насъ видѣлъ и слышалъ, чтобы составить полное описаніе, засвидѣтельствованное нами и докторами. Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и цѣлости истины. Но и изъ сказаннаго здѣсь мною ты можешь видѣть, въ какихъ чувствахъ, въ какомъ расположеніи ума и сердца своего кончилъ жизнь Пушкинъ. Дай Богъ намъ каждому подобную кончину.

О томъ, что̀ было причиною этой кровавой и страшной развязки, говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Довольно намъ имѣть твердое задушевное убѣжденіе, что жена Пушкина непорочна и что мужъ ея жилъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ, что любовь и ласковость къ ней не измѣнились въ немъ ни на минуту. Пушкина въ гробъ положили и зарѣзали жену его городскія сплетни, людская злоба, праздность и клевета Петербургскихъ салоновъ, безъименныя письма. Пылкая, страстная душа его, Африканская кровь не могли вытерпѣть раздраженія, произведеннаго сомнѣніями и подозрѣніями общества. Il y a deux espèces de cocus, говорилъ онъ Даршіаку, секунданту Гекерена, за часъ до поединка: ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir; le cas de ceux qui le sont par la grâce du public, est plus embarassant, et c'est le mien» [16]). Когда Даршіакъ требовалъ секунданта отъ Пушкина для переговоровъ о причинахъ поединка, онъ письменно отвѣчалъ ему: «Je ne me soucie pas de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes secrets de famille. Je ne consens à aucun pourparler entre les témoins» [17]). Послѣ пришлю я тебѣ всѣ письма, относящіяся до этого дѣла. Покажи пожалуйста мое письмо Ив. И. Дмитріеву и Солнцову [18]), или лучше дай имъ копію съ него, и вообще показывай письмо всѣмъ кому заблагоразсудишь. Повторяю, все въ немъ сказанное есть сущая, но развѣ не полная истина.

Скажи Сергѣю Львовичу, что Наталія Николаевна очень слаба. О горести ея и говорить нечего. Она тотчасъ просила меня написать ему о случившемся несчастіи; но право я ни духа, ни силы физической писать не имѣлъ. Наталія Николаевна ожидаетъ брата старшаго изъ Калужской губерніи и поѣдетъ съ нимъ и съ семей-

---

[16]) Есть два рода рогоносцевъ: настоящіе знаютъ какъ имъ быть; но положеніе тѣхъ, которые рогоносцы по милости публики, затруднительнѣе, и таково мое.—[17]) Я не желаю, чтобы Петербургскіе праздные языки мѣшались въ мои семейныя дѣла, и несогласенъ ни на какіе переговоры между секундантами.—[18]) Матвѣю Михайловичу, женатому на родной теткѣ Пушкина, Елисаветѣ Львовнѣ.

Библиотека "Руниверс"

ствомъ своимъ тотчасъ въ Калужскую деревню. Скажи ему, что всѣ порядочные люди, начиная отъ царской фамиліи, пріемлютъ въ ней живѣйшее участіе, убѣждены въ ея невинности и признаютъ всю эту бѣдственную исторію какимъ-то фаталитетомъ, который невозможно объяснить и невозможно было предупредить. Анонимныя письма—причина всего: они облили горячимъ ядомъ раздражительное сердце Пушкина; ему съ той поры нужна была кровавая развязка.

Пожалуйста дай и мнѣ копію съ письма моего, чтобы сохранить его въ памяти. Прочти Владиміру Пушкину [19]) и, если можешь отыскать, Павлу Войновичу Нащокину, другу покойнаго Пушкина.

Тургеневъ отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ для погребенія въ монастырь Святыя Горы, Псковской губерніи, близъ деревни Пушкина. Не до смѣха было, а нельзя было намъ воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные.

16.

6 Февраля (1837).

И здѣсь много басенъ и выдумокъ клеветы объ этомъ несчастномъ происшествіи, и здѣсь много тайнаго и для насъ самихъ. Что же должно быть у васъ и въ другихъ мѣстахъ? Передай Сергѣю Львовичу, что Наталья Николаевна вчера исповѣдывалась, а сегодня ѣздила причаститься въ домовую церковь кн. Александра Николаевича Голицына. Разумѣется, не отъ того, что она больна тѣломъ, но для успокоенія и услажденія сокрушеннаго духа. Арендтъ ѣздитъ къ ней каждый день и находитъ, что здоровье ея довольно удовлетворительно, но требуетъ большаго спокойствія, такъ что никто кромѣ насъ, т. е. трехъ-четырехъ человѣкъ, ея и не видитъ.

Сдѣлай милость, не замедли выслать мнѣ копію со вчерашняго письма моего: Жуковскій требуетъ его для составленія общей реляціи изъ очныхъ нашихъ ставокъ.

17.

9 Февраля 1837 года [20]).

Сейчасъ прочелъ я твое письмо отъ 3 Февраля и спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ. Понимаю твою скорбь и зналъ напередъ, что ты живо почувствуешь нашу потерю. Чье сердце любило Русскую славу, поэзію, знало Пушкина не поверхностно, какъ зналъ его равнодушный или недоброжелательный свѣтъ, но умѣло оцѣнить все, что было въ немъ высокаго и добраго, не смотря на слабости и недостатки, свойственные каждому человѣку, кто умѣетъ

---

[19]) Графу В. А. Мусину-Пушкину, мужу вышепоминаемой графини Емиліи.

[20]) Это письмо сохранилось въ бумагахъ Булгакова не въ подлинникѣ, а въ спискѣ и, можетъ быть, писано и не къ нему; но очевидно и несомнѣнно оно принадлежитъ князю П. А. Вяземскому.

Библиотека "Руниверс"

сострадать несчастію ближняго, можетъ ли тотъ не содрогнуться отъ участи, постигнувшей Пушкина и не оплакивать его горячими, сердечными слезами? Ясно изложить причины, которыя произвели это плачевное послѣдствіе, невозможно, потому что многое остается тайнымъ для насъ самихъ очевидцевъ. Впрочемъ и тѣмъ, чтò знаемъ, можно объяснить случившееся приблизительно слѣдующимъ образомъ. Анонимныя письма, о коихъ ты вѣрно уже знаешь, лежали горячею отравою на сердцѣ Пушкина. Ему нужно было выбросить этотъ ядъ съ своею кровью, или съ кровью того, который былъ причиною или предлогомъ нанесеннаго Пушкину оскорбленія. Въ первую минуту по полученіи этихъ писемъ, онъ съ яростью бросился на Гекерена и вызывалъ его драться. Со стороны старика Гекерена пошли переговоры, и по его просьбѣ дуэль отсрочена на 15 дней. Въ эти 15 дней неожиданно, непонятно для всѣхъ, уладилась свадьба молодаго Гекерена съ сестрою Пушкиной. Пушкинъ о томъ ничего не зналъ; узнавъ, не вѣрилъ тому и полагалъ, что все это военная или дипломатическая хитрость; но когда помолвка совершилась, онъ обратно взялъ картель, признавая вѣроятно въ душѣ своей эту странную свадьбу (которая во всякомъ случаѣ накидывала неблагопріятную тѣнь на молодаго Гекерена) за достаточную для себя сатисфаксію, и съ другой стороны признавая повидимому несбыточность дуэли за жену свою съ тѣмъ, который женится на сестрѣ ея. Между тѣмъ тутъ же объявилъ онъ, что хотя отъ поединка предложеннаго имъ и отказывается, но семейныхъ и даже общихъ сношеній знакомства съ семействомъ Гекерена имѣть не будетъ; не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ, и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ Гекерена, ни они у него въ домѣ, чтò и было въ точности соблюдено [21]).

Все это замазало рану, но не исцѣлило. Женидьба Гекерена мало чтò измѣнила въ общемъ ихъ положеніи. Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женидьбы. Городскіе толки не умолкли, напротивъ общее вниманіе недоброжелательнаго, убійственнаго свѣта впилось еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь ужасная и кровавая развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ: ему стало не въ терпежъ. Онъ излилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего въ письмѣ къ старику-Гекерену, желая, жаждая развязки. Въ этомъ письмѣ, перомъ омоченнымъ въ желчь, запятналъ онъ неизгладимыми поношеніями старика и молодаго, и отправилъ къ нему письмо въ Понедѣльникъ, 25 Января. Depuis le commemement de cette affaire, говорилъ онъ за часъ до поединка Даршіаку, секунданту Гекерена, le seul moment de répit que j'aie eu c'est celui, où j'ai écrit cette let-

---

[21]) Разрѣшеніе на бракъ Гекерена съ Екатериною Николаевною Гончаровою (старшею свояченицею Пушкина) выдано было тогдашнимъ директоромъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій Ф. Ф. Вигелемъ, 6 Января 1837.

Библиотека "Руниверс"

tre [22]). Старикъ показалъ письмо сыну (или не знаю что онъ ему, ибо никто положительно не знаетъ). Разумѣется, дѣлать было нечего тому, какъ драться. Онъ вызвалъ Пушкина. Вторникъ прошелъ въ переговорахъ. Пушкинъ не хотѣлъ имѣть секунданта, чтобы не компрометировать никого. Они настаивали, чтобъ онъ имѣлъ секунданта. Comme c'est m-r Heckeren qui me provoque, писалъ Пушкинъ Даршіаку, et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance quand il ne serait que son chasseur [23]). Между тѣмъ, все въ мысли не компрометировать Русскаго, онъ адресовался къ Мегенину, совѣтнику Англійскаго посольства, который требовалъ, предварительно до изъявленія согласія, подробнаго изложенія причинъ и обстоятельствъ, вынудившихъ дуэль. Je ne me soucie nullement, говоритъ Пушкинъ въ томъ же письмѣ Даршіаку, de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille. Je me refuse donc à tout pourparler entre seconds [24]). Въ день дуэли нечаянно напалъ онъ на улицѣ на стараго товарища лицейскаго, Данзаса, съ которымъ онъ былъ всегда отмѣнно друженъ, не говоря ему ни слова, посадилъ въ свои сани и повезъ къ Даршіаку. Спустя два часа, они были уже за Черною рѣчкою, близъ комендантской дачи. Пушкинъ, ѣхавъ туда съ Данзасомъ, былъ покоенъ, ясенъ и даже веселъ. Барьеръ назначенъ былъ въ 10 шагахъ, и отсчитано еще 5 каждому: оба подвигались, цѣля другъ въ друга. Гекеренъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ упалъ, сказавъ: Je suis blessé [25]). Онъ лежалъ головою въ снѣгу. Всѣ бросились къ нему, и Гекеренъ также. Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія и неподвижности, онъ приподнялся, опершись лѣвою рукою и сказалъ: Attendez! Je me sens assez de force pour tirer mon coup [26]). Гекеренъ возвратился на свое мѣсто. Опираясь лѣвою рукою въ землю, Пушкинъ сталъ прицѣливаться въ него и твердою рукою выстрѣлилъ. Гекеренъ пошатнулся и упалъ. Пушкинъ кинулъ вверхъ свой пистолетъ и вскрикнулъ: браво! Послѣ, когда оба противника лежали каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ Даршіака: Est-il tué?—Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine.—C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; mais je sens que non [27]). Даршіакъ хотѣлъ сказать

[22]) Съ начала этого дѣла я вздохнулъ свободно только на минуту, именно написавъ это письмо.

[23]) Такъ какъ вызовъ послѣдовалъ со стороны г. Гекерена, который оскорбленъ, то онъ можетъ выбрать мнѣ секунданта, если этого ему хочется; я принимаю его заранѣе, если даже онъ поставитъ своего конюха.

[24]) Я не желаю, чтобы Петербургскіе праздные языки мѣшались въ мои семейныя дѣла, и не согласенъ ни на какіе переговоры между секундантами.

[25]) Я раненъ.

[26]) Подождите! Я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы въ свой чередъ выстрѣлить.

[27]) Живъ ли онъ?—Да, но онъ раненъ въ руку и въ грудь.—Странно: я думалъ, что мнѣ будетъ пріятно его убить; но чувствую, что нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько мировыхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продолжать. Au reste, c'est égal; si nous nous rétablissons tous les deux, ce sera à recommencer [28]). Пуля Пушкина попала въ правую руку Гекерена, которою онъ прикрывалъ грудь свою, пробила мясо, ударилась въ пуговицу панталонъ, на которую надѣты были помочи, и уже ослабленная отскочила въ грудь, отъ чего сперлось дыханіе въ немъ на нѣсколько секундъ, что̀ вѣроятно было причиною паденія. Пуля же роковая, которая отлита была на погибель Пушкина, раздробила боковую кость его, разорвала внутренній сосудъ и оконтузила кишки, такъ что съ перваго взгляда всѣ доктора, и особливо Арендтъ, признали рану его смертельною по двумъ и болѣе свойствамъ ея. Главный résumé [29]) всего этого происшествія есть слѣдующій. Какое-то роковое предопредѣленіе стремило Пушкина къ погибели. Разумѣется, съ бо̀льшимъ благоразуміемъ, съ меньшимъ жаромъ въ крови и безъ страстей, Пушкинъ повелъ бы это дѣло иначе. Но тогда могли бы мы имѣть въ немъ, можетъ быть, великаго проповѣдника, великаго администратора, великаго математика; но на бѣду его, Провидѣніе дало намъ въ немъ великаго поэта. Легко со стороны и безпристрастно, или безстрастно, то есть тупо и деревянно, судить о томъ, что̀ онъ долженъ былъ чувствовать, страдать, и въ силахъ ли человѣкъ вынести то, что̀ жгло, душило его, чѣмъ задыхался онъ, оскорбленный въ нѣжнѣйшихъ и живѣйшихъ чувствахъ своихъ: въ чувствѣ любви къ женѣ и въ чувствѣ ненарушимости имени и чести его, которыя, какъ онъ самъ говорилъ, принадлежали не ему одному, не однимъ друзьямъ и ближнимъ, но Россіи. Cela ne me suffit pas, говорилъ онъ однажды Софьѣ Карамзиной, que vous, que mes amis, que la société d'ici soient aussi convaincus que moi de l'innocence et de la pureté de ma femme: il me faut encore que ma réputation et mon honneur soient intacts dans tous les coins de la Russie où mon nom est connu [30]). Можно ли винить его въ этой щекотливости? Разумѣется, никто здѣсь изъ порядочныхъ людей не сомнѣвался въ непорочности жены его; но все таки въ глазахъ свѣта третье лице стало между мужемъ и ею и набрасывало на нихъ тѣнь свою. Это былъ призракъ; ничего существеннаго, дѣйствительнаго въ немъ не было, это правда; но не менѣе того, и напротивъ именно отъ того, призракъ неотступный и долженъ былъ свести съ ума и бросить въ крайность человѣка пылкаго, раздражительнаго. Конечно, онъ во всемъ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ страстно, но всегда благородно и съ удивительною, трогательною деликатностью къ женѣ своей, которую онъ, можно сказать, полюбилъ нѣжнѣе, почтительнѣе съ самаго начала этой исторіи, въ то самое время, когда

---

[28]) Впрочемъ все равно: если мы оба выздоровѣемъ, то надо начать съизнова.

[29]) Выводъ.

[30]) Мнѣ не довольно того, что вы, что мои друзья, что здѣшнее общество, также какъ и я, убѣждены въ невинности и въ чистотѣ моей жены: мнѣ нужно еще, чтобы доброе мое имя и честь были неприкосновенны во всѣхъ углахъ Россіи, гдѣ мое имя извѣстно.

Библиотека "Руниверс"

онъ рѣшался играть жизнью своею за нее, и не забудьте, какою жизнью, не дюжинною, не темною, но жизнью ущедренною славою и любовью Россіи, жизнью, которая должна была имѣть цѣну и прелесть въ глазахъ его. Твердость, спокойствіе, ясность духа, которыя воцарились въ немъ съ той минуты, когда дуэль, то есть развязка нравственной пытки, была рѣшена, и не измѣнили ему ни на мѣстѣ битвы, ни на одрѣ смертнаго страданія до послѣдняго вздоха, убѣдительно показываютъ, изъ какихъ слоевъ сложена была эта душа, сильная и высокая. Смерть его явила, чѣмъ была истинная сторона жизни его. Все что̀ и было въ ней нестройнаго, необузданнаго, болѣзненнаго принадлежитъ обстоятельствамъ.

Смерть его произвела необыкновенное впечатлѣніе въ городѣ, то есть не только смерть, но и болѣзнь и самое происшествіе. Весь городъ, во всѣхъ званіяхъ общества, только тѣмъ и былъ занятъ. Мужики на улицахъ говорили о немъ. Я недавно спросилъ у своего извощика, жаль ли ему Пушкина?—«Какъ же не жалѣть?» отвѣчалъ онъ мнѣ, «всѣ жалѣютъ: онъ, слышь, былъ умная голова; такихъ и Государь любитъ». Участіе, которое было принято публикою и массою въ этомъ несчастіи, могло бы служить лучшимъ возраженіемъ на письмо Чадаева [31]), и Чадаевъ, глядя на общую скорбь, нанесенную несчастіемъ одного лица, долженъ былъ бы признаться, что у насъ есть отечество, есть чувство любви къ отечеству, есть живое чувство народности. Ибо что̀ говорило тутъ, что̀ выражалось слезами, сѣтованіями, благодарностью къ Государю (усладившему словомъ прощенія, словомъ милости женѣ и дѣтямъ, послѣднія страданія умирающаго), что̀ выражалось тутъ, какъ именно не это чувство патріотизма, которое неминуемо должно сосредоточиваться въ нѣкоторыхъ лицахъ, избранныхъ и посланныхъ Провидѣніемъ на славу народа и современныхъ имъ эпохъ? Многіе этого не поняли или не хотѣли понять. Они не знали, или знать не могли (потому что грамота̀ Богомъ не каждому дается), что публика, что Петербургская Россія оплакиваетъ въ Пушкинѣ творца Полтавы, Бориса Годунова, будущаго историка Петра Великаго, творца сотней произведеній, отличающихся необыкновеннымъ дарованіемъ. Имъ все казалось, мерещилось, или прикидывались они, что ближніе Пушкина и подбитая ими какая-то партія оплакиваетъ въ немъ творца какихъ то старинныхъ, дѣтскихъ его вольнодумныхъ стиховъ, о которыхъ самъ Пушкинъ не помнилъ, коими онъ не дорожилъ, ни онъ, ни друзья его, изъ коихъ многіе даже не имъ были писаны, а ему приписывались литературною полиціею, или полицейскою литературою нашею (ибо у насъ довольно и той, и другой). Отъ сего возникли разные нелѣпые толки, недобросовѣстныя сужденія, полоумныя опасенія между нѣкоторыми людьми и въ нѣкоторыхъ салонахъ высшаго общества, или, лучше сказать, презрительной coterie [32]), въ такихъ людяхъ, у которыхъ ничего нѣтъ Русскаго ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, которые Русскіе развѣ только Русскими деньгами, набивающими ихъ карма-

---

[31]) Незадолго передъ тѣмъ появившееся въ Телескопѣ 1836 года.

[32]) Кружка.

Библиотека "Руниверс"

ны и Русскими лентами, обвѣшивающими ихъ плеча. Для нихъ то, что̀ было чистаго, симпатическаго Русскому чувству въ Пушкинѣ, не существовало. Русская исторія, Русская поэзія, Русская интелектуальная слава, все это для нихъ мертвая буква. Въ нихъ нѣтъ струнъ на всѣ эти священные, родные звуки. Они Пушкина знали по нѣкоторымъ недостаткамъ его, по неосторожнымъ вспышкамъ раздражительнаго ума, по нѣкоторымъ его стихотворнымъ шалостямъ, которыя подслушивала и собирала полиція, подобно ассенизаторамъ, которые только и знаютъ и богатыхъ и порядочныхъ людей, какъ по предмету, который изъ домовъ ихъ ночью вывозятъ они въ кадкахъ своихъ. Они видѣли въ Пушкинѣ политическое лицо. Нелѣпость! Вопервыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ политическихъ лицъ; къ тому же Пушкинъ былъ просто поэтъ. Они ненавидѣли въ Пушкинѣ запѣвалу оппозиціи. Нелѣпость! У насъ нѣтъ и быть не можетъ оппозиціи, потому что оппозиціи не къ чему примѣнить: нѣтъ свободы печатанія, нѣтъ трибунъ. Безъ особенной глупости, безъ мономаніи нельзя постричь себя въ оппозицію келейную. Посвятить себя у насъ оппозиціи тоже что̀ сдѣлаться политическимъ траппистомъ; къ тому же Пушкинъ былъ душею преданъ Государю. Онъ любилъ его по личной благодарности, по влеченію чувства, любилъ характеръ его, Русское его чувство, царское молодечество. Тысячу разъ говорилъ онъ мнѣ о томъ. (На мертваго лгать не буду, даже въ оправданіе ему). Они видѣли въ Пушкинѣ либерала. Нелѣпость! Пушкинъ въ первой молодости могъ быть фрондёромъ. Въ первыхъ вспоминаніяхъ о современной эпохѣ молодости его, стихи его были отголоскомъ мнѣній тогдашней молодежи. Но и въ то время, смотрите въ одѣ его на свободу, что̀ говоритъ онъ о убійцахъ. Въ подтвержденіе тому, 14 Декабря нашло его неприкосновеннымъ и оставило нетронутымъ. Въ послѣдніе годы и менѣе того Пушкинъ былъ либераломъ. Онъ былъ аристократомъ по чувству и убѣжденію. Въ Іюльскую революцію онъ на сторонѣ Генриха V и остался на ней до конца, предавая посмѣянію и пороча новый порядокъ во Франціи. Въ Польскій мятежъ мы видѣли по стихамъ его, былъ ли онъ либералъ въ отношеніи къ Полякамъ и къ Французамъ. Эти стихи—не торжественная ода на случай: они изліяніе чувствъ задушевныхъ и мнѣній и убѣжденій, глубоко вкорененныхъ. Пушкинъ былъ противникъ свободы печатанія не только въ отношеніи къ Россіи, но признавалъ ее гибельнымъ зломъ вездѣ. Это все факты. Всего этого многіе не знали, или знать не хотѣли, и сдѣлали изъ Пушкина какое-то пугало, которымъ вздумали пугать послѣ смерти его.

Но оставимъ всѣ эти гнусности и нелѣпости: онѣ принадлежатъ полиціи; пусть смердятъ и гніютъ онѣ въ поганыхъ архивахъ ея. Исторія упомнитъ о другомъ. Исторія, которая будетъ цѣнить людей не по однимъ ихъ чинамъ и по службѣ по такому-то вѣдомству, или по такому-то кварталу, впишетъ имя Пушкина въ число славнѣйшихъ Русскихъ именъ и придастъ славу его славѣ царствованія Государя. Она не забудетъ, что Государь, по движенію благородной

Библиотека "Руниверс"

царской симпатіи къ великому народному таланту, тотчасъ по восшествіи на престолъ, вызвалъ Пушкина изъ изгнанія и усыновилъ, такъ сказать, талантъ его. Она не забудетъ, что Государь, узнавъ отъ Арендта объ опасномъ и смертельномъ положеніи Пушкина, въ туже минуту послалъ его къ нему, ночью, съ словомъ милости и съ словомъ христіанской любви, убѣждая его умереть христіаниномъ и ждалъ возвращенія Арендта съ скорбью и участіемъ живѣйшаго состраданія. О, эта ночь—великая, прекрасная ночь въ жизни и царствованіи Николая! Тутъ царская душа его, на единѣ, по собственному неприготовленному чувству, незабвенно сказалась Россіи. Она будетъ помнить, что онъ стоялъ ангеломъ-утѣшителемъ при двухъ смертныхъ одрахъ: Карамзина и Пушкина и сдѣлался благодѣтелемъ оставшихся ихъ семействъ. Не всѣ равно оцѣнятъ эти благодѣянія, оказанныя именемъ отечества заслугамъ, принесеннымъ отечеству однимъ перомъ и талантомъ, потому что для нѣкоторыхъ подобныя заслуги не существуютъ; но мы, болѣе или менѣе принадлежащіе этому десятку, чувствуемъ имъ цѣну. Народъ также въ простотѣ чувства своего такъ это понялъ: ему пріятно было видѣть участіе Государя въ общей скорби. Грѣхъ тѣмъ, которые перетолковали это чувство. Они будутъ если не въ здѣшнемъ свѣтѣ, то въ другомъ отвѣчать за то предъ Богомъ и Государемъ.

Вотъ тебѣ вмѣсто нѣсколькихъ словъ, которыя собрался я написать, цѣлая біографія и некрологія Пушкина. Покажи мое письмо Баратынскому, Раевскому, Павлу Войновичу Нащокину, и всѣмъ тѣмъ, которымъ память Пушкина драгоцѣнна. Болѣе всего не забывайте, что Пушкинъ намъ всѣмъ, друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприкащикамъ, завѣщалъ священную обязанность: оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ жилъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней и въ убѣжденіи, что она невинна. И мы, очевидцы всего, что̀ было, проникнуты этимъ убѣжденіемъ. Это главное въ настоящемъ положеніи. Адскія козни опутали ихъ и остаются еще подъ мракомъ. Время, можетъ быть, раскроетъ ихъ. Но пока я сказалъ тебѣ все что̀ намъ извѣстно. «Современникъ» будетъ издаваться нами и на этотъ годъ въ пользу семейства Пушкина. Пришли намъ что нибудь своего. Я все болѣнъ тѣломъ и духомъ. Прости, обнимаю тебя.

18.

10 Февраля (1837).

Я опять нездоровъ. Influenza физическая и моральная меня подъѣла. И горло болитъ, и голова болитъ, и сердце болитъ. Эта гроза, которая надъ нами разразилась, не могла не потрясти души и тѣла. Чѣмъ болѣе думаешь объ этой потерѣ, чѣмъ болѣе провѣдываешь обстоятельствъ, до нынѣ бывшихъ въ неизвѣстности и которыя время начинаетъ раскрывать по немногу, тѣмъ болѣе сердце обливается кровью и слезами. Адскія сѣти, адскія козни были устроены противъ Пушкина и жены его. Раскроетъ ли время ихъ вполнѣ или нѣтъ, неизвѣстно; но довольно и того, что̀ мы уже знаемъ. Супружеское

Библиотека "Руниверс"

счастіе и согласіе Пушкиныхъ было цѣлью развратнѣйшихъ и коварнѣйшихъ покушеній двухъ людей, готовыхъ на все, чтобы опозорить Пушкину. Но теперь, если истина и обнаружится и Божіе правосудіе оправдается и на землѣ, то ужъ бѣднаго Пушкина не воротишь. Онъ палъ жертвою людской злобы. Я отдалъ вчера Тургеневу письмо твое и посылку. Онъ сказалъ мнѣ, что послалъ тебѣ уже реляцію своей поѣздки. Надобно же было этому всемірному путешественнику, живому изданію книги отца твоего [33]), побывать и во Псковѣ, и еще по какому случаю! Такъ судьба и пялитъ его въ историческія лица. Пушкина все еще слаба, но тише и спокойнѣе. Она говѣла, исповѣдывалась и причастилась и каждый день бесѣдуетъ съ священникомъ Бажановымъ, котораго рекомендовалъ ей Жуковскій. Эти бесѣды очень умирили и, такъ сказать, смягчили ея скорбь. Священникъ очень тронутъ расположеніемъ души ея и также убѣжденъ въ непорочности ея. Вѣстей городскихъ, свѣтскихъ, гостинныхъ отъ меня не жди. Нигдѣ не бываю и почти никого не вижу, кромѣ малаго числа добрыхъ людей, которые меня навѣщаютъ, Жуковскій, Вьельгорскій, Люцероде [34]), да и то все у насъ одинъ разговоръ: все поминки. Сейчасъ былъ у меня Закревскій. Добрый, благородный человѣкъ и съ отмѣннымъ Русскимъ здравомысліемъ.

19.

Понедѣльникъ, 15-го Февраля (1837).

Спасибо за доставленную копію съ моего письма, которая пришла вчера очень вò-время и отдана отъѣзжавшему вчера же генералу Философову, для сообщенія великому князю [35]). Я согласенъ съ тобою, что слово соси неблагозвучно и неблаговидно; но въ фразѣ Пушкина оно имѣетъ такую выразительность, проливаетъ такой свѣтъ на положеніе и дѣйствія его, что нельзя измѣнить его. Къ тому же, сказанное умершимъ, оно уже входитъ въ разрядъ ненарушимыхъ историческихъ словъ. Говорятъ: лгать какъ на мертваго. По мнѣ напротивъ, на мертваго лгать-то и не надо. Вообще еще лучше ни на кого не лгать. Но иные кормятся ложью; не умереть же имъ съ голоду! Правды нѣтъ подъ языкъ, а подъ зубы нужно же что нибудь положить: вотъ и состряпаютъ ложь въ видѣ котлетки, стомаха ради. Боже мой, сколько на мои животы состряпано такихъ котлетъ! Подавиться бы имъ окаянникамъ и грѣховодникамъ! Ничуть то было. Имъ все по добру, по здорову. Право, и грѣхъ, и смѣхъ, и досадно, и забавно. А я все еще не очень здоровъ, даже былъ бы и болѣнъ, если мой директоръ былъ бы здоровъ. Но онъ лежитъ, и я за него

---

[33]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ перевелъ и напечаталъ многотомное сочиненіе: «Всемірный Путешественникъ».

[34]) Саксонскій посланникъ, знавшій порусски и любившій Россію.

[35]) Михаилу Павловичу, который въ это время лечился за границею.

Библиотека "Руниверс"

сижу въ департаментѣ. Пушкина отправляется завтра съ братомъ, съ дѣтьми, съ теткою, съ сестрою-дѣвицею [36]) въ Калужскую деревню.

20.

8-го Апрѣля (1837).

Гекеренъ, т. е. министръ, отправился отсюда, не получивъ прощальной аудіенціи, но получилъ табакерку, что̀ значитъ на дипломатическомъ языкѣ: вотъ образъ, вотъ и дверь! т. е. не возвращайся [37]). По крайней мѣрѣ такъ толкуютъ это дипломаты; ибо подарки даются обыкновенно, когда министръ дворомъ своимъ рѣшительно отозванъ, а Гекеренъ объявилъ, что ѣдетъ только въ отпускъ. Спасибо Русскому царю, который не принялъ человѣка, какъ бы то ни было, но посягнувшаго на Русскую славу. Подъ конецъ одна графиня Н. осталась при немъ, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста, и грудиста, и брюшиста.

Что̀ сказать тебѣ о пѣвицѣ Crescini? Право не знаю; голосъ необыкновенный, энергіи, драматическаго много; но рѣшительно ли это хорошо, совершенно ли хорошо, вотъ тутъ и запнешься. Надобно вслушаться еще другой разъ. Вьельгорскій въ восхищеніи, а кажется она иногда слишкомъ бываетъ уже не Crescini, а Кричини и Трещини. Но много южнаго задора въ глазахъ и въ пѣніи.

Сегодня иду на репетицію патріотическаго концерта, гдѣ отличаются Николай Пашковъ и Бартенева. Знай нашихъ Московскихъ!

21.

Я сей часъ съ испытанія глухонѣмыхъ. Очень любопытно и трогательно. Сто воспитанниковъ обоего пола. Жуковскій задавалъ слѣдующіе вопросы, и вотъ отвѣты: «Какая разница между безсмертіемъ и вѣчностью?»—Одно не имѣетъ конца, но имѣетъ начало; а другое ни начала, ни конца. «A quoi sert un nom?—«A distinguer un objet d'un autre [38]). Послѣ того были танцы, а эти глухіе совершенно въ тактъ танцуютъ, такъ что любо. Я совѣтовалъ Петру Новосильцову завербовать нѣсколько кавалеровъ для Московскихъ баловъ.

22.

26 Апрѣля 1837 г.

Вотъ тебѣ афиша и втораго концерта. Изъ семейства гр. Бенкендорфа никто не участвовалъ, потому что здоровье его, сказываютъ,

---

[36]) Александрою Николаевною, нынѣ баронессою Фризенгофъ. Пушкинъ удостоивалъ ее своею отмѣнною дружбою.—Позднѣе, вдова Пушкина жила въ Михайловскомъ, близъ мужниной могилы, и князь Вяземскій нарочно ѣздилъ туда изъ Петербурга навѣстить ее въ ея горѣ.

[37]) Пословица говорится нѣсколько иначе: «Вотъ Богъ, вотъ порогъ». Нынѣ она служитъ историческою памятью нѣкогда общенароднаго обычая не входить въ покои и не оставлять ихъ, не помолившись на святую икону.

[38]) На что нужно имя?—Чтобы различать одинъ предметъ отъ другаго.

Библиотека "Руниверс"

очень плохо. Московскій Соловей-разбойникъ [39]) пѣлъ какъ ангелъ. Я стоялъ возлѣ Crescini, и она восхищалась ея пѣніемъ. Черные глаза ея такъ и вторили нашей пѣвицѣ. Вотъ и Свѣтлая недѣля наша уплыла, и я не разу не былъ подъ качелями, да и погода была не качельная. Холодно и, вмѣсто краснаго солнечнаго яичка, яичница изъ бѣлковъ плыветъ по Невѣ. Грустно и скучно. Ты вѣроятно слышалъ, что пьяный Ю., на праздникѣ Англійскаго клуба, обращался къ Баранту съ тостомъ à la sante de l'empereur des Français [40]). Но сто разъ еще того забавнѣе, что Нессельроде, за обѣдомъ у Баранта въ день Филиппа, впалъ въ туже ошибку, и торжественно и офиціально провозгласилъ заздравный тостъ императору Французовъ. Послѣ обѣда, Киселевъ и Орловъ напали на него за обмолвку, о которой онъ, разумѣется, и не догадывался, и все кончилось миролюбиво объясненіемъ съ посломъ. На другой день былъ у посла Французскій обѣдъ, то есть для здѣшняго Кузнецкаго моста, куда явился и Дургамъ, и держалъ рѣчь о счастливомъ и неразрывномъ союзѣ Англіи съ Франціею. Вотъ тебѣ всѣ мои политическія вѣсти. Почтъ-директору, нечего сказывать, что отъѣздъ Цесаревича отложенъ по крайней мѣрѣ на недѣлю, за дурными дорогами.

23.

30-го Декабря (1837).

Новаго ничего нѣтъ и, слава Богу, ничего новаго не сгорѣло; но Волконскому, какъ ни говори, можно было бы сгорѣть отъ стыда. Въ народѣ большое озлобленіе на него. Вчера ѣхалъ я мимо царскаго пепелища; лакей мой, бывшій гвардейскій солдатъ, говоритъ мнѣ: «Какъ взглянешь на дворецъ, ажъ дурно сдѣлается. Какъ дать сгорѣть такому сокровищу!»

24.

29 Января (1838).

Сегодня годовщина смерти Пушкина. Мы сейчасъ отъ панихиды, и бѣдный отецъ его былъ съ нами. Между тѣмъ сегодня день рожденія Жуковскаго, который нездоровъ. Между тѣмъ ко 2-му Февраля готовимъ пиршество Крылову для празднованія рожденія его и совершившагося пятидесятилѣтія его литературнаго поприща. Государь также заочно участвуетъ въ этомъ празднествѣ. Бездна хлопотъ намъ учредителямъ. Поздно схватились за дѣло, а нужно, чтобы поспѣло. Вотъ какъ радость и горе, смерть и жизнь сливаются въ одну струю, и все уплываетъ, и всѣ мы уплывемъ.

25.

7 Марта (1838).

Позвольте поднести вашему превосходительству мое смиренное донесеніе о пожарѣ [41]). Прочти его и кузинѣ. Это по ея части: она вѣдь

[39]) Прсковья Арсеньевна Бартенева.

[40]) За здоровье императора Французовъ.

[41]) Французская статья князя Вяземскаго о пожарѣ Зимняго дворца издана была отдѣльно.

Библиотека "Руниверс"

также изъ рода Пожарскихъ, и зажигательница сердецъ. Спросить о томъ не только пожарную команду, но и почтовую команду и даже самого почтоваго командира.

26.

8 Апрѣля 1838 года.

Сдѣлай одолженіе, вели отыскать въ Москвѣ доктора Іовскаго (въ домѣ Ив. Ив. Дмитріева знаютъ о жительствѣ его) и перешли къ нему мое письмо. Этого не довольно: отыщи кого нибудь въ Московскомъ Комитетѣ Духовной Ценсуры и уговори этотъ Комитетъ поторопиться разрѣшеніемъ на выпускъ въ свѣтъ Всеобщаго указателя, расположеннаго по днямъ и мѣсяцамъ, который изданъ книгопродавцами Кузнецовыми, уже одобренъ былъ въ 1826 г. и донынѣ держится въ цензурныхъ лапахъ на совершенное раззореніе издателей, положившихъ болѣе 20,000 рублей на составленіе этой книги. Графъ Бенкендорфъ ходатайствовалъ о томъ, графъ Протасовъ также соглашается на выпускъ книги, а Московскій Комитетъ все мямлетъ. Сдѣлай особенную милость, постарайся помочь этому дѣлу и запряги своихъ курьерскихъ лошадей въ Комитетъ, который тянется на долгихъ. Да пошли за Кузнецовымъ; онъ тебѣ объяснитъ дѣло, а ты проясни ему его участь. Димитріевъ скажетъ тебѣ за то спасибо съ того свѣта. Онъ завѣщалъ мнѣ дѣло Кузнецова.—Великій Князь былъ вчера веселъ и любезенъ. Между прочимъ сказалъ онъ: qu'en fait des chiffres Cancrin a sûrement été fort content de celui qu'il a reçu sur ses épaulettes [42]).

27.

12 Апрѣля (1838).

Сейчасъ предали мы землѣ Новосильцова. Государь и великіе князья были на погребеніи.—Сегодня должна была совершиться царская поѣздка въ пароходахъ, и долженъ былъ быть балъ въ Царскомъ Селѣ. Но вчера, когда перевозили царскую услугу и посуду, одинъ пароходъ загорѣлся, перегорѣли серебро, столовое бѣлье, кушанье и, сказываютъ, нѣсколько людей изувѣчено. Не знаютъ еще, отъ чего загорѣлось. Вѣроятно почтовые духи, враждебные пароходамъ, были зажигателями. Пирушка, разумѣется, не состоялась: но слышно, что Государь еще кое съ кѣмъ изъ мущинъ все-таки ѣдетъ, чтобы не совершенно убить Бобринскаго и предпріятіе.

28.

20 Апрѣля (1838).

Ваши почтовыя молитвы не дошли до Господа Бога; послѣ царской поѣздки по желѣзной дорогѣ акціи возвысились, компаніи прибыло золота, и Бобринскому на кафтанъ: онъ пожалованъ въ исправляющіе должность шталмейстера къ великой княжнѣ Ольгѣ.

---

[42]) Что касается до цифръ, Канкринъ, конечно, былъ очень доволенъ тѣми, которыя получилъ на свои эполеты.

Библиотека "Руниверс"

Степанъ Алексѣевичъ Масловъ.

Некрологъ.

20 Апрѣля въ 4 часа по полудни скончался въ Москвѣ на 86-мъ году жизни Степанъ Алексѣевичъ Масловъ.

Сынъ бѣднаго причетника одной изъ Московскихъ церквей, онъ родился 20 Декабря 1793 года [1] и, по окончаніи философскаго класса въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, вступилъ въ число студентовъ Московскаго университета.

Отличныя способности, безупречная нравственность и быстрые успѣхи въ наукахъ обратили на него особенное вниманіе не только ученой корпораціи университета, но и просвѣщенныхъ членовъ высшаго общества столицы, какъ напр. извѣстнаго слѣпца Н. П. Николева [2]) и тогдашняго Московскаго почтъ-директора Ключарева, въ домѣ котораго молодой Масловъ былъ принятъ какъ родной и имѣлъ жительство.

Въ 1812-мъ году, когда Москвѣ угрожало нашествіе непріятеля и когда жители ея, введенные въ заблужденіе извѣстными афишами ея главнокомандующаго графа Ростопчина, который въ свою очередь самъ былъ обманутъ сложившимися тогда обстоятельствами, не прежде двинулись изъ Москвы, какъ почти наканунѣ вступленія въ нее враговъ, Масловъ выѣхалъ съ кѣмъ-то изъ благопріятелей въ Ярославль. Родители Маслова остались въ Москвѣ. Но горячая и нѣжная привязанность сына не дозволила ему оставаться долго въ Ярославлѣ. Слухи о неистовствахъ, совершаемыхъ просвѣщенною націею, и мысль объ опасности, которой подвергались его родители, не давали ему покоя, и онъ рѣшился во что̀ бы то ни стало лично посѣтить ихъ. Онъ отправился для этого въ Москву. Описаніе этого путешествія издано имъ въ особой брошюрѣ «Путешествіе въ Москву во время пребыванія въ оной Французовъ», напечатанной въ 1813 году въ Москвѣ и составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость [3]).

Понятно, что, посвящая эти строки памяти о свѣжепонесенной нами утратѣ, мы не можемъ излагать здѣсь всѣхъ обстоятельствъ

---

[1]) Въ святцахъ, принадлежавшихъ его отцу, рукою послѣдняго написано: «20 Декабря 1793 г. родился сынъ Стефанъ. Крестильный обѣдъ стоилъ 25 рублевъ».

[2]) Императоръ Павелъ особенно отличалъ Николева и за проницательный умъ называлъ его aveugle clairvoyant.

[3]) Она имѣлась въ Чертковской библіотекѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

долгой и дѣятельной жизни усопшаго. Біографія его, которой мы вправѣ ожидать отъ многочисленныхъ почитателей его заслугъ, конечно должна составить не менѣе объемистаго тома. Со всѣмъ тѣмъ мы считаемъ обязанностію хотя въ краткихъ чертахъ сдѣлать бѣглый очеркъ его жизни.

Когда возстановился въ Москвѣ обычный порядокъ и въ университетѣ открылись по прежнему лекціи, Масловъ окончилъ курсъ наукъ и, не смотря на затрудненія, со стороны тогдашняго ректора (Сандунова), получилъ степень доктора этико-политическихъ наукъ и поступилъ на службу въ званіи секретаря при вице-президентѣ бывшей тогда въ Москвѣ Медицинской Академіи Григоріи Ивановичѣ Фишерѣ Фонъ Вальдгеймѣ. Въ тоже время назначенный въ Москву главнокомандующимъ кн. Дм. Вл. Голицынъ вмѣстѣ съ гр. П. А. Толстымъ и кн. С. И. Гагаринымъ возымѣли патріотическую мысль учредить въ Москвѣ Общество Сельскаго Хозяйства. Чтобы сообщить ему внутреннюю жизнь и науко-образное движеніе, они избрали для того ученаго натуралиста, и Фишеръ вступилъ въ новообразуемое Общество съ званіемъ директора, а Масловъ по его рекомендаціи былъ назначенъ непремѣннымъ секретаремъ. Это было въ 1820-мъ году.

Съ этого времени Масловъ вступаетъ на поприще публичной дѣятельности. Серьезное изученіе и близкое знакомство съ современными авторитетами политической экономіи сразу дали ему возможность быть дѣйствительно полезнымъ для осуществленія цѣлей Общества Сельскаго Хозяйства, а неутомимая дѣятельность и безкорыстное усердіе къ общей пользѣ пріобрѣли ему полную довѣренность предсѣдателя, князя Дм. Вл. Голицына. Ободряемый имъ, онъ скоро становится главнымъ двигателемъ дѣлъ Общества. Сознавая въ себѣ недостатокъ практическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству, онъ основываетъ Земледѣльческій Журналъ и такимъ образомъ сближаетъ и знакомитъ практическихъ хозяевъ съ цѣлію и задачами Общества, которое съ своей стороны ближе узнаётъ насущныя потребности хозяевъ.

Отличительную черту характера покойнаго безспорно составляетъ его предпріимчивость, истекавшая изъ пламенной любви его къ отечеству. Онъ быстро и ясно понималъ потребности нашей государственной экономіи и съ рѣдкою у насъ настойчивостію преслѣдовалъ ихъ осуществленіе, не смотря ни на какія препятствія. Такъ Россія обязана ему упроченіемъ свекло-сахарной промышленности, которая въ то время только зарождалась въ видѣ аматёрскихъ опытовъ Бланкенпагеля и Ивана Акимовича Мальцова и встрѣтила въ лицѣ тогдашняго министра финансовъ графа Канкрина не только противника, но и гонителя. Маслову же обязаны мы улучшеніемъ нашего шелководства, которое, не смотря на иниціативу Петра I-го въ Малороссіи и покровительство Екатерины II-й, не только не развивалось, но приходило въ окончательный упадокъ. Южный берегъ Крыма и Закавказье обязаны ему же улучшеніемъ табаководства, а степи Россіи, благодаря его иниціативѣ, населились огромными стадами

Библиотека "Руниверс"

тонкорунныхъ овецъ. Извѣчная зимняя національная одежда изъ овчинъ, хотя употребляемая во всей Россіи, но по несовершенству своей выдѣлки не выдерживавшая сырости, благодаря Маслову, изгнана изъ употребленія, и по его иниціативѣ и содѣйствію замѣнена дублеными овчинами, вошедшими нынѣ во всеобщее употребленіе.

Всѣ эти начинанія хотя были близки задачамъ Общества, но не входили въ кругъ его непосредственной дѣятельности. Чтобы сообщить имъ свободу движеній и предоставить спеціалистамъ духъ предпріимчивости, Общество, по докладу Маслова, учреждало для каждой изъ упомянутыхъ отраслей особые при себѣ комитеты при непосредственномъ участіи покойнаго въ качествѣ или секретаря, или директора и президента. Такимъ образомъ возникли и преобразовались въ самостоятельныя общества: Комитетъ Шелководства, Общество Аклиматизаціи животныхъ и растеній, Общество Любителей Естествознанія и пр.

Въ тоже время, по мысли Маслова, при Обществѣ Сельскаго Хозяйства былъ учрежденъ Комитетъ распространенія всенародной грамотности. Онъ существуетъ и нынѣ, принося несомнѣнную пользу народному просвѣщенію посредствомъ изданія книжекъ и эстамповъ религіозно-нравственнаго содержанія. По примѣру его, и Петербургское Вольно-экономическое Общество учредило у себя отдѣлъ грамотности, дѣйствующій нынѣ съ полнымъ успѣхомъ. Мы помнимъ, съ какою горячностію приводилъ въ исполненіе свою мысль покойный Масловъ. Онъ издалъ въ то время 4 книжки [1]) и въ нихъ излагалъ свои воззрѣнія и руководство къ просвѣщенію народа, почерпая его исключительно изъ христіанскихъ началъ, которыя, къ сожалѣнію, начинали уже изглаживаться изъ народнаго обученія. Мы помнимъ, какъ нѣкоторые даже изъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ съ недоумѣніемъ спрашивали его, откуда заимствовалъ онъ прекрасное педагогичесцое наставленіе, помѣщенное имъ въ одной изъ его книжекъ? А оно взято цѣликомъ изъ предисловія къ церковному Часослову, начинающагося словами: «Искусствомъ повседневнымъ поучаеми есмы» и пр.: Масловъ только перевелъ его на современный Русскій языкъ. Вотъ до какой степени и тогда уже мы были отчуждены отъ знакомства съ церковною нашею литературою!

Масловъ былъ членомъ всѣхъ земледѣльческихъ и экономическихъ обществъ въ Россіи и многихъ въ Европѣ. Какъ секретарь Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, онъ велъ съ ними дѣятельную переписку и три раза ѣздилъ за границу на ученые съѣзды этихъ корпорацій въ качествѣ делегата Московскаго Общества.

---

[1]) Книжки эти были изданы имъ въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. На оберткѣ ихъ былъ напечатанъ подробный счетъ, во что обошлись издателю наборъ, печатаніе, бумага, брошюровка и т. п. Онѣ продавались именно по той самой цѣнѣ, что̀ каждый экземпляръ стоилъ издателю. Это могло бы служить примѣромъ для всѣхъ общеполезныхъ предпріятій.

Библиотека "Руниверс"

Дѣятельность покойнаго, какъ непремѣннаго секретаря, продолжалась во все время предсѣдательства въ Обществѣ кн. Дм. Вл. Голицына и потомъ кн. С. Ив. Гагарина. И тотъ, и другой оказывали ему совершенную и безусловную довѣренность, благодаря которой Масловъ былъ полнымъ хозяиномъ и двигателемъ въ дѣлахъ Общества: онъ былъ его душею. Но въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда большинство членовъ принадлежало уже къ молодому поколѣнію, когда тѣ или другія тенденціи стали окрашиваться политическимъ оттѣнкомъ, противу Маслова возникла оппозиція. Его честная, горячая, христіанская натура многимъ не нравилась.... Мы не станемъ распространяться объ этомъ смутномъ времени въ исторіи Общества Сельскаго Хозяйства, тѣмъ болѣе что главные дѣятели этой эпохи уже сошли въ могилу. Скажемъ только, что Масловъ въ 1859 г. сложилъ съ себя званіе непремѣннаго секретаря, оставя за собою только тѣ должности, которыя занималъ онъ въ основанныхъ имъ комитетахъ.

Литературные труды Маслова, спеціально посвященные экономическимъ предметамъ, также принадлежатъ тому времени, когда онъ былъ секретаремъ Общества. Кромѣ упомянутаго выше Земледѣльческаго Журнала, который издавалъ онъ въ теченіи 12 лѣтъ въ качествѣ редактора и безъ всякой посторонней помощи, и книжекъ о распространеніи грамотности, имъ переведено и издано огромное сочиненіе Тэера «О раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ», обогащенное практическими замѣчаніями Н. Н. Муравьева; а также сочиненіе Фишера «о плодоперемѣнномъ хозяйствѣ», Жатама и Перольта «о шерсти и овцахъ» и Коппе «о разведеніи и содержаніи мериносовъ».

Столь полезная дѣятельность Степана Алексѣевича обратила на него благодарное вниманіе многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, кромѣ членовъ главнаго управленія Москвы, онъ пользовался вниманіемъ и уваженіемъ высшихъ государственныхъ чиновъ въ Петербургѣ [5]) и не разъ былъ осчастливленъ личнымъ вниманіемъ Императора Николая и нынѣ царствующаго Государя, который въ 1870 году, когда праздновался 50-лѣтній юбилей существованія Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, всемилостивѣйше пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла [6]).

---

[5]) Изъ числа государственныхъ людей, особенно цѣнившихъ заслуги и уважавшихъ Степана Алексѣевича, мы можемъ назвать гр. Н. С. Мордвинова, гр. Л. А. Перовскаго, гр. Канкрина, гр. Киселева, М. Н. Муравьева, А. Ир. Левшина, А. М. Княжевича и мн. др. Въ 1839 г. гр. Киселевъ, высоко цѣнившій полезные труды Маслова, приглашалъ его чрезъ посредство пишущаго эти строки занять мѣсто директора департамента Сельскаго Хозяйства въ Мин. Госуд. Им.; но Масловъ рѣшительно отказался, заявивъ, что, единожды посвятивъ себя настоящей своей дѣятельности, онъ никогда ей не измѣнитъ.

[6]) Со времени оставленія званія непремѣннаго секретаря Общ. С. Х. Масловъ состоялъ причисленнымъ къ Министерству Госуд. Имуществъ, но въ

Библиотека "Руниверс"

Годъ спустя послѣ того, праздновался и личный 50-лѣтній юбилей Маслова въ качествѣ члена этого Общества. Мысль сего торжества принадлежитъ Комитету Шелководства, котораго покойный былъ основателемъ и постояннымъ директоромъ до конца своей жизни. Комитетъ на пожертвованную для сего сумму своими членами, при участіи нѣкоторыхъ членовъ Общ. С. Х. и другихъ почитателей заслугъ Степана Алексѣевича, поднесъ ему большое серебряное плато, на которомъ были изящно и художественно представлены разные предметы его многообразной дѣятельности. Тутъ, кругомъ крестьянской избы, окруженной ульями, улучшенными земледѣльческими орудіями, головами сахара, были разостланы дубленыя овчины, принадлежности шелководства и гуляли тонкорунныя овцы. Все это было сдѣлано изъ массивнаго серебра и составляло значительную матеріальную цѣнность; но почтенный юбиляръ конечно цѣнилъ его не по вещественному, а по нравственному его значенію и былъ тронутъ до глубины души оказаннымъ ему вниманіемъ отъ своихъ сочленовъ.

Съ этого времени Масловъ хотя и принималъ живое участіе въ дѣлахъ своихъ комитетовъ, но личное его присутствіе въ нихъ становится рѣже. Онъ начинаетъ постепенно сосредоточиваться въ духовнонравственномъ созерцаніи. Вѣрный въ теченіе всей жизни своей христіанской нравственности, онъ провелъ жизнь монахомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Мы уже видѣли, съ какою неутомимостію и безкорыстіемъ посвящалъ онъ труды свои общей пользѣ; частная польза ближняго была не менѣе близка его сердцу. Онъ помогалъ нуждающимся всѣмъ, чѣмъ только могъ: совѣтами, услугами, деньгами.... Существуя получаемою имъ скромною пенсіею, онъ болѣе половины изъ нея удѣлялъ нуждающимся. Его—особенно въ послѣднее время — какъ будто тяготила собственность [7]), и онъ еще при жизни съумѣлъ разстаться съ нею. Всѣ сколько нибудь цѣнныя вещицы, бывшія у него, онъ роздалъ на память друзьямъ своимъ, а дорогой для него даръ Комитета Шелководства предоставилъ музею Московскаго университета, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ. У него оставалась только небольшая сумма денегъ, отложенная имъ на расходы нужные для его погребенія; но оказалось, что не задолго до своей кончины онъ болѣе половины ея отдалъ на приданое бѣдной сиротѣ.

дѣйствительности никакой коронной службы не несъ и, не выѣзжая изъ Москвы, имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника и ордена Станислава 1-й, Анны 1-й, Владиміра 2 степеней и Бѣлаго Орла.

[7]) Подтвержденіемъ сему могутъ служить слѣдующія слова покойнаго, встрѣченныя нами въ одной его рукописи и написанныя имъ еще въ молодыхъ лѣтахъ: «Не могу отстать отъ собственности и себя, и прилѣпиться къ Тебѣ, Подателю истинной жизни. Сердцевѣдче Господи!... Чтò можетъ безъ Тебя немощная и безумная тварь?» Изъ этого видно, какъ работалъ Масловъ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ. Щедролюбіе его было не безсознательнымъ слѣдствіемъ темперамента, а плодомъ христіанскаго самоотверженія.

Библиотека "Руниверс"

Такова была жизнь Маслова. Она становится особенно поучительною въ настоящее время, доказывая, что правила церкви и христіанской нравственности не только не препятствуютъ практической дѣятельности гражданина, но усугубляютъ ее и дѣлаютъ плодотворнѣе. Современные радѣтели общей пользы проповѣдуютъ ученіе объ общинной собственности, руководствуясь правиломъ «возьми все»; христіанскіе дѣятели, подобные Маслову, говорятъ: «отдай все». Оба правила, повидимому, одинаковы; но кто же не замѣтитъ, что первое истекаетъ изъ насилія, а второе изъ любви?... Такъ и дѣйствовалъ Масловъ.

Послѣдніе годы своей жизни онъ, какъ мы сказали уже, посвятилъ духовно-нравственному созерцанію. Молитвою и строгою бдительностію надъ движеніями души и сердца онъ готовилъ себя къ переходу въ вѣчность. Вѣрный сынъ православной церкви, онъ строго исполнялъ ея предписанія и, кромѣ келейнаго трезвенія, всегда присутствовалъ при церковныхъ богослуженіяхъ и въ теченіи почти 50 лѣтъ ежегодно посѣщалъ лавру Преподобнаго Сергія. Не смотря на то, что память его сильно ослабѣла, онъ помнилъ многія главы изъ посланій апостола Павла и могъ прочитывать ихъ наизустъ, особенно мѣста, въ которыхъ раскрывается ученіе о будущей жизни вслѣдствіе заслугъ Христовыхъ. Любимымъ чтеніемъ его въ послѣднее время были 21 и 22 глава Апокалипсиса. Добрѣ приготовленный къ переходу въ другую жизнь, онъ какъ бы предвкушалъ сладость зиждемаго града, гдѣ не будетъ смерти, ни плача, ни вопля, ни болѣзни.

Съ осени прошлаго года Масловъ началъ ослабѣвать тѣлесно; но, не смотря на очевидную потерю внѣшней, такъ сказать, памяти, сохранялъ память внутреннюю и всецѣло обладалъ душевными способностями. По мѣрѣ разоренія тѣлесной храмины, духовная храмина его созидалась. Но лѣта и смертная человѣческая природа брали свое. 11 Декабря 1878 г. онъ писалъ намъ: «Сами себя и другъ друга и всю жизнь нашу Христу Богу предадимъ, когда Ему благоугодно будетъ призвать насъ въ жизнь вѣчную, для которой мы созданы. И я не надѣюсь пережить день 85-лѣтняго рожденія моего, 20 число Декабря. Да будетъ воля Его святая!» Силы его то слабѣли, то снова оживлялись, и онъ пережилъ день своего рожденія. 2 Января текущаго года онъ писалъ къ намъ уже сильно измѣнившимся почеркомъ: «Моя жизнь длится на 86-мъ году, но силы и зрѣніе, и слухъ слабѣютъ». Это было послѣднее его письмо къ намъ. Употребивъ всю жизнь свою на дѣятельное приготовленіе себя къ переходу въ вѣчность, Масловъ угасалъ постепенно, какъ тихій огонь лампады въ непреклонномъ чаяніи воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, и сошелъ въ могилу тихо и спокойно не отъ болѣзни, а отъ истощенія силъ. Какъ истинно вѣрующій, онъ напутствовалъ себя спасительными таинствами Церкви, за нѣсколько дней до кончины сподобился Елеосвященія и неоднократно причащался Святыхъ Таинъ.

Отпѣваніе его совершалъ преосвященный Алексій, епископъ Можайскій, съ многочисленнымъ духовенствомъ. Множество почетнѣй-

Библиотека "Руниверс"

шихъ жителей столицы, съ княземъ В. А. Долгоруковымъ во главѣ, попечитель университета, члены Московскаго Общества Сельскаго хозяйства и комитетовъ, почтили его память своимъ присутствіемъ.

23 Апрѣля около 7 часовъ по полудни тѣло его привезено было въ Сергіевскій Посадъ и встрѣчено духовенствомъ, назначеннымъ для совершенія его погребенія. Гробъ былъ внесенъ въ трапезную церковь лавры, гдѣ тотчасъ же была отпѣта панихида; а на другой день послѣ заупокойной обѣдни и вторичной панихиды тѣло покойнаго предано землѣ впереди алтаря церкви Св. Духа на мѣстѣ, которое за нѣсколько лѣтъ предъ симъ онъ пріобрѣлъ. Гробъ его былъ украшенъ вѣнками отъ Обществъ: Сельскаго Хозяйства, Аклиматизаціи Животныхъ и Растеній, Любителей Естествознанія, а также отъ многихъ частныхъ почитателей его заслугъ. По опущеніи въ могилу гроба были произнесены въ честь усопшаго рѣчи членомъ Общества Сельскаго Хозяйства Преображенскимъ, членомъ и секретаремъ Комитета Шелководства Левинскимъ, членомъ Общества Аклиматизаціи Исаковымъ, ученикомъ покойнаго графомъ Дм. Н. Толстымъ и директоромъ народныхъ училищъ Московской губерніи Краснопѣвковымъ. Въ этихъ рѣчахъ вкратцѣ излагались его заслуги по разнымъ отраслямъ его дѣятельности и выражалось неподдѣльное чувство благодарности къ полезному для отечества дѣятелю и глубокое, искреннее уваженіе къ мужу чести и добра и къ подвижнику христіанства. Вѣчная ему память!

1-е Мая 1879 года.
Сергіевъ Посадъ.

....

Библиотека "Руниверс"

Томъ XIV. Екатерининская Комиссія объ Уложеніи. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Донесенія барона Мардефельда.—Бумаги князя Репнина. Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги князя Н. В. Репнина за время управленія его Литвою. Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка Екатерины II-й съ Фальконетомъ. Ц 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Переписка Англійскихъ пословъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. Переписка Екатерины II-й съ Фридрихомъ II-мъ. Письма Маріи Θеодоровны и Павла Петровича къ барону Сакену.—Записка А. Н. Оленина 14 Декабря 1825 г.—Сотрудничество Екатерины II-й въ „Собесѣдникѣ". Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышова и князя А. Б. Куракина изъ Парижа (1811 и 1812 гг.). Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Депеши Прусскаго посланника Сольмса 1763—1766 г. Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма Екатерины II-й къ барону Гримму. Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія Голландскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, ч. I-я. Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Бумаги фельдмаршала графа П. Б. Шереметева. Съ гравированнымъ портретомъ Петра Великаго. Цѣна 3 р.

МЕЛОЧИ

ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

М. А. ДМИТРІЕВА.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: Въ Москву, на Садовую, противъ церкви святителя Ермолая, въ домъ Баженовой, № 606, въ Главную Контору Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ можно подписываться на Русскій Архивъ на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородный платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской — 50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородный — 10 копѣекъ.

*

Тамъ же можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877 и 1878 годовъ; остальные годы вышли изъ продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"

Новое помѣщеніе „Рускаго Архива“: Москва, Садовая, противъ св. Ермолая, д. Баженовой.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879. 7.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина.
1879.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Садовой, противъ церкви св. Ермолая, въ домѣ Баженовой, можно получать:

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877 И 1878 ГОДОВЪ.

Въ каждомъ году по три отдѣльныя книги съ особыми указателями. Цѣна каждой книгѣ отдѣльно по 3 рубля, полному годовому изданію 8 рублей.

Тамъ же продается

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Цѣна первыхъ двухъ томовъ по 2 р., остальныхъ по 3 р.; пересылка каждаго тома 40 копѣекъ.

Томъ I. Рескрипты и письма им. Екатерины II къ графу А. Г. Орлову.—Бумаги о самозванкѣ Таракановой. — Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ и къ г-жѣ Жоффренъ. Цѣна 2 р.

Томъ II. Сношенія Россіи съ Швеціею при Александрѣ I.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Автобіографическая записка графа Поццо ди Борго.—Депеши графа Литты.—Изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова.—Записка Димсделя о пребываніи его въ Россіи. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Автобіографія графа I. Каподистріи. —Инструкція Екатерины II-й фонъ-Ребиндеру.—Письма им. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Цѣна 3 р.

Томъ IV. Екатерининская Коммиссія для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I къ Ф. Ц. Лагарпу.—Бумаги князя Н. В. Репнина.—Документы изъ дѣлъ Саксонскаго архива.—Письма гр Н. И. Панина къ сыну его. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. — Записка князя А. Чарторыйскаго им. Александру.—Документы изъ Саксонскаго архива. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II-й. 1744—1764 г. Часть I. Ц. 3 р.

Томъ VIII. Екатерининская Коммиссія объ Уложеніи. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Переписка о бракѣ Густава IV съ Александрою Павловною — Письма кн. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцову. Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги Екатерины II-й. 1765—1771. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го. Цѣна 3 р.

Томъ XII. Переписка Англійскихъ пословъ при Русскомъ дворѣ 1762 — 1769. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги Екатерины II 1771 - 1774. Часть III. Цѣна 3 р.

(См. на оборотѣ).

Библиотека "Руниверс"

О путешествіи по Россіи Голандца Стрюйса.

Кому неизвѣстно, что Петръ Великій, заботясь о просвѣщеніи въ Россіи и о распространеніи реальныхъ наукъ, необходимыхъ государству, на первыхъ же порахъ «желаетъ вѣдать Россійскаго государства исторію» [1]). Заботы его о собираніи историческихъ матеріаловъ выразились въ двухъ указахъ, 20 Декабря 1720 и 16 Февраля 1722 года. Въ первомъ предписывалось губернаторамъ «во всѣхъ монастыряхъ, и епархіяхъ, и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія куріозныя письма оригинальныя, такожде и историческія рукописныя и печатныя книги пересмотрѣть и переписать.... и тѣ переписныя книги прислать въ Сенатъ». Во второмъ указѣ Петръ предписываетъ: «изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ куріозныя, т. е. древнихъ лѣтъ рукописные, на хартіяхъ и на бумагѣ, церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочія имъ подобныя, что гдѣ таковыхъ обрѣтается,—взять въ Москву въ Синодъ и для извѣстія оныя списать, и тѣ списки оставить въ библіотекѣ» [2]).

«Сохранились свидѣтельства тому, что Петръ Великій сильно заботился объ оставленіи на память потомству описанія своихъ дѣлъ» [3]). Давно уже всѣ единогласно утверждали, что «при Петрѣ Великомъ напечатано въ Россіи нѣсколько переводовъ историческихъ сочиненій не только древнихъ, но и новыхъ писателей, имѣвшихъ въ XVI, XVII вѣкахъ большое значеніе» [4]); но менѣе извѣстна другая черта въ геніи Петра Великаго: онъ понималъ исторію, какъ полное изображеніе народа со всѣми проявленіями его характера, какъ выраженіе жизни, представленной не на основаніи только дипломовъ и офиціальныхъ документовъ, медалей и родословныхъ. Въ этомъ отношеніи геній его на сто лѣтъ опередилъ современниковъ. «При Петрѣ Великомъ въ XVII или началѣ XVIII вѣковъ существовалъ переводъ безъ пропусковъ знаменитаго сочиненія Олеарія о Россіи и Персіи, сочиненія, издававшагося много разъ въ Европѣ и до сихъ поръ (т. е. до 1859 года [5]) напечатаннаго у насъ только въ отрывкахъ» [6]).

Такова же участь и другаго сочиненія второй половины XVII вѣка, путевыхъ записокъ Ивана Стрюйса. Этотъ Голандецъ, стра-

---

[1]) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 317.

[2]) Тамъ же, стр. 318.

[3]) Тамъ же, стр. 321.

[4]) Тамъ же, стр. 323.

[5]) Тамъ же, предисловіе, стр. V.

[6]) Тамъ же, стр. 339.

Библиотека "Руниверс"

стный путешественникъ, объѣхавшій весь свѣтъ, посѣтилъ и Россію въ самую любопытную пору. 19 Октября 1668 года, на пути изъ Риги, переѣхалъ онъ чрезъ Русскую границу возлѣ деревеньки Пичоры (Pitsiora), побывалъ въ Москвѣ, оттуда поѣхалъ на Оку, въ селѣ Дѣдновѣ сѣлъ на корабль «Орелъ» и поплылъ по Волгѣ до Астрахани. Отсюда, въ Іюнѣ 1670 г., Стрюйсъ отправился въ Персію, на Дагестанскомъ берегу взятъ въ плѣнъ и, послѣ разныхъ приключеній въ Персіи, посѣтивъ между прочимъ Батавію и объѣхавъ вокругъ мыса Доброй Надежды, возвратился въ Голандію. Между иностранцами, посѣщавшими Россію, онъ выдается простотою, наивностью и въ меньшей степени обладаетъ тѣми качествами, которыя лишаютъ цѣны свѣдѣнія, сообщаемыя о насъ за границею. Въ Западной Европѣ описаніе его путешествій давно уже оцѣнено по достоинству, что̀ засвидѣльствовано многочисленными изданіями, которыхъ въ каталогѣ отдѣленія Rossica Императорской Публичной Библіотеки указано 22, вышедшихъ на Голандскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ [7]. На Русскомъ же языкѣ до сихъ поръ извѣстенъ былъ только небольшой отрывокъ [8], напечатанный въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, гдѣ этотъ отрывокъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: «Вѣдѣніе о строеніи перваго въ Россіи корабля, именуемаго «Орелъ», каковъ построенъ былъ во дни великаго государя царя и великаго князя Ал. Михаиловича всея Россіи, близъ Дѣднова....» [9]. При этомъ переводчикъ указываетъ, откуда приведено это мѣсто: «Вояжъ Іоанна Стрюса въ Москву и Персиду и прочія страны изъ перваго тома, напечатаннаго въ Ліонѣ 1684 года отъ Р. Х., на Французскомъ языкѣ, а по Славенску 1719 г.» [10]. Этотъ отрывокъ не великъ, онъ заключаетъ въ себѣ только IX и X главы перваго тома Ліонскаго изданія 1682 года [11], по формату одинаковаго съ изданіемъ 1684 года. Но и эти двѣ главы переведены съ пропусками и многими ошибками.

Достойно однакожъ удивленія, что уже Петръ Великій обратилъ вниманіе на описаніе путешествій Стрюйса и приказалъ перевести его сочиненіе. Мы смѣло это утверждаемъ, такъ какъ неизвѣстенъ еще случай, при которомъ инициатива какаго-нибудь перевода, совершеннаго при немъ, принадлежала бы другому лицу, кромѣ великаго преобразователя. Даже Дмитрій Михайловичъ Голицынъ «поручалъ ученымъ и студентамъ тамошней (Кіевской) Академіи переводить для себя разныя творенія по идеѣ Петра» [12]. «Всѣ вообще произведенія науки и литературы въ Россіи при Петрѣ Великомъ, говоритъ Пекарскій [13]), зависѣли въ боль-

---

7) Catalogue.... de la section des Rossica, S.-P. 1873, t. II, №№ 2984—3005, pag. 378—379.

8) Авторъ настоящей замѣтки думаетъ напечатать почти готовый уже переводъ.

9) Др. Рос. Вивліоѳика, изд. 2-е, ч. 3-я, стр. 463—471.

10) Тамъ же, стр. 471.

11) Les voyages de Jean Sruys, en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes, et en plusieurs autres païs étrangers.... Lyon. 1682, t. I, pag. 420—455.

12) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, стр. 257.

13) Тамъ же, т. I, стр 378.

Библиотека "Руниверс"

шей или меньшей степени отъ воли правительства, сосредоточившагося въ лицѣ государя». Царь, среди гигантскихъ трудовъ преобразованія, находилъ время раздавать уроки переводчикамъ, самъ выбиралъ то, что̀ считалъ полезнымъ для государства и народа въ области всѣхъ наукъ. Такъ, по приказанію Петра Великаго, царевичъ Алексѣй (какъ писалъ онъ въ Декабрѣ 1708 г.), «Шиллингу переводить отдалъ» [14]) безъ сомнѣнія описаніе путешествія Стрюйса. Странно только то обстоятельство, что переводчикъ Венедиктъ Шиллингъ не назвалъ ни Стрюйса, ни его сочиненія, и поэтому приходится теперь гадать, открывать имя автора. Впрочемъ, можетъ быть, покойный Пекарскій, весьма точный въ своихъ изысканіяхъ, по ошибкѣ сдѣлалъ пропускъ. Провѣрить и дополнить это можно по рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Q, IV, № 71 [15]). Пекарскій, чтобы дать читателямъ понятіе, въ какой степени переводчикъ Шиллингъ владѣлъ письменнымъ Русскимъ языкомъ, представляетъ слѣдующую краткую выписку изъ упомянутой рукописи: «Переводъ съ Голандскаго [16]) языка о разореніи Астраханскомъ чрезъ Стеньку Разина 1701 г., переводилъ иноземецъ Венедиктъ Шиллингъ». Въ свою очередь приведемъ и мы этотъ отрывокъ, чтобы показать, какъ варварски обращались переводчики съ порученными имъ текстами, и наглядно представить, какъ, рядомъ съ искаженіемъ языка, непониманіемъ текста, шло и искаженіе смысла переводимаго, вслѣдствіе произвольнаго сокращенія. Въ подтвержденіе высказаннаго нами приведемъ для сравненія тотъ же отрывокъ по имѣющемуся у насъ подъ рукою Французскому переводу Голандскаго подлинника сочиненія Стрюйса, именно по изданію Ліонскому 1682 года: Les voyages de Jean Struys etc. t. II, pag. 55—59. Здѣсь путешественникъ, разсказавъ въ предъидущей, тринадцатой главѣ, о подвигахъ Разина на Каспійскомъ морѣ, переходитъ къ описанію его возвращенія въ Астрахань. Вотъ нашъ переводъ четырнадцатой главы, которая начинается разсказомъ о возвращеніи Разина на родину изъ Персіи.

Переводъ съ французскаго.

Сентябрь 1669 (года). Разинъ и его (сообщники), оправившись послѣ мученій, претерпѣнныхъ во время своего возмущенія, скучали вслѣдствіе продолжительнаго покоя и помышляли о возвращеніи на берега Дона, гдѣ Разинъ, будучи вполнѣ могущественнымъ,

---

[14]) Письма царевича Алексѣя, изд. Мурзакевичемъ, Одесса, 1849 г., стр. 50. Ср. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, стр. 223.

[15]) „Въ рукописи библіотеки Q. IV. № 71, имени автора, Стрюйса, нѣтъ". На заглавномъ листѣ стоитъ: „1701. Переводилъ иноземецъ Венедиктъ Шиленгъ з Галанскаго языка". Такъ весьма обязательно сообщаетъ глубокоуважаемый А. Ѳ. Бычковъ. За эту справку приношу искреннюю благодарность.

[16]) Сочиненіе Стрюйса было издано въ первый разъ на Голандскомъ языкѣ въ Амстердамѣ, въ 1676 году. Въ томъ же году въ Амстердамѣ послѣдовало второе изданіе на Голандскомъ же языкѣ. См Catalogue.... de la section des Rossica. S.-P. 1873. №№ 2208 и 2209.

Библиотека "Руниверс"

конечно почерпнулъ бы новыя силы. Пока онъ жилъ въ Астрахани, онъ поступалъ такъ, чтобы привлечь самыхъ равнодушныхъ. Такъ какъ у него не было недостатка въ деньгахъ, то онъ пользовался ими для подкупа многихъ чиновниковъ, послѣдовавшихъ за нимъ при его возвращеніи на родину. Большая часть народа и стрѣльцовъ (des soldats) была также расположена въ его пользу. И народъ, и стрѣльцы бѣгали толпою за нимъ, когда онъ показывался на улицахъ; онъ часто бросалъ имъ пригоршнею червонцы. Многіе переходили къ нему и клялись въ томъ, что никогда не измѣнятъ ему и не покинутъ его. Такимъ образомъ, въ сопровожденіи большой вооруженной толпы, безъ вѣдома воеводы, удалился онъ изъ Астрахани (на родину). Такое возвращеніе поразило вѣрныхъ подданныхъ царя, не сомнѣвавшихся въ томъ, что цѣль его—новое разореніе и пролитіе крови своихъ соотечественниковъ. Такъ какъ зло было слишкомъ велико, то воевода думалъ пресѣчь его, запугавъ предводителя мятежниковъ. Онъ послалъ къ нему капитана Ведероса, который представилъ ему прежде всего великую опасность, которой онъ подвергалъ себя своею отвагою, тогда какъ не терпѣлъ никакой обиды, съ тѣхъ поръ какъ его помиловали, что этотъ совѣтъ дается ему по дружбѣ, но, что если онъ презритъ его и не оставитъ своихъ замысловъ, то его принудятъ отослать царскихъ подданныхъ, а въ случаѣ сопротивленія лишатъ милости царя, и тогда пусть покинетъ даже надежду умилостивить его. При этихъ словахъ Разинъ, очень разсердившись, спросилъ капитана, какъ онъ осмѣлился принять подобное порученіе и подумалъ ли хорошенько объ опасности, которой подвергался, знаетъ ли онъ характеръ Разина? Чѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ сильнѣе горячился и едва не изрубилъ капитана; но, на счастье послѣдняго, гнѣвъ его разразился въ проклятіяхъ. «Какъ ты смѣешь, продолжалъ онъ, дѣлать мнѣ такое постыдное для моей славы и столь пагубное для моихъ друзей предложеніе? Неужели ты думаешь, что я на столько подлъ, чтобы принести ихъ въ жертву ярости того, кто тебя послалъ? Если ты такъ думаешь, то на чемъ основываешь столь низкое мнѣніе? Развѣ я сдѣлалъ что-нибудь недостойное моего званія и положенія? Ты ничего не говоришь! Ты молчишь! Какъ! У тебя хватило дерзости явиться ко мнѣ, а нѣтъ духу отвѣчать! Убирайся, несчастный! Милую тебя великодушно. Возвратись къ своему господину и скажи ему, что ни до него, ни до царя мнѣ нѣтъ дѣла. Онъ совѣтуетъ мнѣ привести къ нему своихъ друзей: скажи ему, что таково и мое намѣреніе, что онъ увидитъ меня раньше, чѣмъ ожидаетъ, и что скоро я приду наказать его за наглость. Впрочемъ, ты можешь ему сообщить то, что̀ гораздо умнѣе настоящаго предложенія: я князь прирожденный, и его власть, быть можетъ, слабѣе моей. Навѣрное онъ не знаетъ этого; для того-то, чтобъ доложить ему объ этомъ, я собираюсь къ нему». Затѣмъ онъ говорилъ еще въ томъ же родѣ и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Переводъ Венедикта Шиллинга.

«Стенька Разинъ, воспріемши государеву милость, на Донъ поѣхалъ, и съ нимъ пошли много Русскихъ людей: иныхъде онъ великимъ обѣщаніемъ, иныхъ деньгами и дарованіемъ къ себѣ приласковалъ. Въ Астрахани, чрезъ улицу ходя, людемъ золотыхъ бросалъ, тѣмъ же онъ многихъ государевыхъ служивыхъ людей къ себѣ привлекъ. Воевода, бояринъ кн. Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, о томъ вѣдя, капитана Ведераса къ Стенькѣ послалъ и ему сказать велѣлъ, чтобъ онъ государевыхъ людей тотчасъ отдалъ, и то отрицаючи, снова быть въ государевой опалѣ и гнѣвѣ. Капитанъ, повелѣніе свое управляя, не много, что его саблями на части не срубили. Стенька такой ему отвѣтъ далъ: Какъ ты мнѣ смѣешь такое недостойное прошеніе предложити, чтобъ азъ пріятелей моихъ, которые добровольно со мною ходятъ, измѣнилъ? И, сверхъ того, грозишь мнѣ государевою немилостію! Скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро къ нему приду, и тогда увидимъ, кто мнѣ укажетъ. Онъ мнѣ, яко холопу своему, повелѣвать хочетъ и меня уничижая безъ чести воздаянія въ Астрахань принять»....

Недовольный, кажется, такимъ варварскимъ искаженіемъ, а не переводомъ съ Голандскаго, Петръ I обратился къ другому переводчику съ Французскаго. Трудъ послѣдняго есть уже извлеченіе, сдѣланное по Французскому изданію и касается плаванія корабля Орла. На такую цѣль указываетъ заглавіе [17]) и содержаніе отрывка, помѣщеннаго въ 3-й части Древней Россійской Вивліоѳики (изданіе 2-е, М. 1788—1791 г.). Изъ этого сочиненнаго переводчикомъ заглавія видно, что переводъ съ Французскаго былъ напечатанъ (если только нѣтъ какой-нибудь ошибки въ этомъ указаніи) въ 1719 году. Между тѣмъ у Сопикова, Строева и другихъ библіографовъ не нашли мы этой книги. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что Петръ Великій интересовался описаніемъ путешествія образованнаго Голандца, и переводъ совершался подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ слѣдующее послѣсловіе переводчика: «Конецъ первому тоя книги тому и о плаваніи корабля до Казани. Аще ли же Вашему Царскому Величеству угодно, чтобы и морю описаніе имѣть, то надлежитъ сыскать тоя книги второй томъ, здѣсь ли, или о томъ отписать въ Парижъ» [18]).

П. Юрченко.

От покойнаго С. А. Соболевскаго случалось мнѣ слышать, что бунтомъ С. Разина и описаніемъ его у Стрюйса много занимался извѣстный генералъ Н. Н. Раевскій (младшій), командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка. Сохранилась ли эта его работа? П. Б.

---

17) Стр. 463. Вѣдѣніе о строеніи перваго въ Россіи корабля, именуемаго Орелъ, каковъ построенъ былъ во дни великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Россіи, близъ Дѣднова.... Вояжъ Стрюса въ Москву и Персиду и въ прочія страны; изъ перваго тома, напечатаннаго въ Ліонѣ 1684 года отъ Р. Х., на Французскомъ языкѣ, а по Славенску 1719.

18) Тамъ же, стр. 471.

Библиотека "Руниверс"

Письмо высокопреосвященнаго Иннокентія къ графу Н. А. Протасову.

2-го Августа 1841.

Ваше сіятельство, милостивый государь!

Отправясь изъ Москвы 30 Января, 1-го Февраля я пріѣхалъ во Владиміръ и остановился въ домѣ преосвященнаго Парѳенія. Онъ принялъ меня ласково, и я пробылъ у него до вечера 2 числа. Преосв. Парѳеній, хотя на видъ кажется бодръ и свѣжъ, но жалуется на свое здоровье, которое, какъ онъ говорилъ, только что позволяетъ ему управляться съ его дѣлами. Онъ весьма полюбилъ меня, какъ онъ говорилъ, за мою простоту.

Въ Нижнемъ я пробылъ сутки и останавливался также у преосвященнаго Іоанна, который принялъ меня весьма радушно и ласково. Онъ ѣздилъ со мною во многія мѣста въ городѣ. Въ разговорахъ его сначала замѣтна была особенная отчетливость, но потомъ онъ сталъ говорить со мною проще и откровеннѣе, и тогда между прочимъ въ немъ обнаружилось какое-то предубѣжденіе противъ дѣйствій вашихъ; или, лучше сказать, онъ многія дѣйствія ваши понималъ иначе. Можетъ быть, онъ только искушалъ или выпытывалъ меня, но я принималъ его слова за истину и старался навести его на настоящую точку зрѣнія и не знаю, дѣйствительно ли онъ такъ думаетъ; но, по крайней мѣрѣ напослѣдокъ, онъ сталъ говорить объ вашихъ дѣйствіяхъ такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Онъ много жаловался на строгость управленія преосвященнаго Аѳанасія (нынѣшняго Тобольскаго), слѣдствія коей онъ видитъ еще и теперь: напр., семейства нѣкоторыхъ лишенныхъ священства теперь остаются безъ куска хлѣба, и онъ долженъ давать имъ какіе либо способы къ пропитанію.

Въ Казань я пріѣхалъ на масляницѣ въ Пятницу, и никакъ не могъ выѣхать оттуда ранѣе Вторника первой недѣли поста. Преосвященный Владиміръ, коего личныя достоинства весьма извѣстны вашему сіятельству, можно сказать, обворожилъ меня своею ласковостію, такъ что я почти неотходно былъ при немъ, и во все время пребыванія моего я былъ только въ двухъ монастыряхъ, и то съ нимъ же. Въ разговорахъ и разсказахъ своихъ, изъ коихъ я много почерпнулъ для себя назидательнаго, онъ неистощимъ. Изъ ризницы своей онъ подарилъ мнѣ серебряные трикирій и дикирій. Съ глубокимъ чувствомъ благодарности я разстался съ нимъ.

Въ Перми я пробылъ только сутки. Преосвященный Аркадій уже ждалъ меня, и потому я принятъ имъ былъ какъ свой. Онъ мнѣ показался простымъ по характеру. Викарія своего Анатолія онъ не зоветъ иначе, какъ мой любезный. Не совсѣмъ братски и даже съ какимъ-то негодованіемъ отзывался онъ о преосвященномъ Тобольскомъ относительно обращенія раскольниковъ. Но, какъ я узналъ

Библиотека "Руниверс"

послѣ, преосв. Аѳанасій имѣлъ болѣе справедливыхъ причинъ жаловаться на него самого. На распросы мои касательно управленія епархіею онъ отвѣчалъ мнѣ просто, откровенно и добродушно.

Въ Екатеринбургѣ я только продневалъ. Преосвященный Анатолій обрадовался моему пріѣзду. Пребываніемъ своимъ онъ доволенъ; но только жалуется на то, что власть его, какъ викарія, слишкомъ ограничена и, какъ онъ говорилъ, болѣе чѣмъ благочиннаго. Онъ сказывалъ мнѣ, что дѣлалъ попытки къ обращенію раскольниковъ, но они даже и не хотѣли слушать его.

Изъ Екатеринбурга гораздо ближе ѣхать прямо на Томскъ, минуя Тобольскъ; но я не хотѣлъ этого и былъ въ немъ. Тобольскъ (Сибирская столица бывшая) быстро упадаетъ отъ того, что въ сторонѣ отъ дороги, и особенно нынѣ, когда главною квартирою Сибирскихъ войскъ сдѣлался Омскъ, и никакая сила не поддержитъ Тобольска: чрезъ 50 и менѣе лѣтъ онъ будетъ не болѣе какъ село со множествомъ церквей. Преосвященный Аѳанасій принялъ меня болѣе съ важностію, чѣмъ съ ласковостію. Важность его, которая происходитъ вѣроятно отъ его учености и многознанія (онъ теперь занимается натурою) и которую многіе называютъ гордостію, видна и въ разговорахъ и во всѣхъ поступкахъ. Изъ разговоровъ его видно, что онъ весьма недоволенъ дѣйствіями преосвященнаго Аркадія Пермскаго касательно раскольниковъ; ибо миссіонеры того дѣйствовали и въ его епархіи, и довольно своевольно. Преосв. Аркадій говорилъ: «Дай намъ обратить раскольниковъ и тогда возьми ихъ отъ насъ»; а преосв. Аѳанасій говоритъ: «Ужели у насъ не нашлось бы людей способныхъ къ тому! Это означаетъ недовѣріе къ намъ». На поклонъ, отданный мною преос. Аѳанасію отъ пр. Филар. Московскаго и жалобу, что онъ не пишетъ къ тому, онъ отвѣчалъ мнѣ твердымъ тономъ: «Скорѣе я соглашусь остаться навсегда въ Тобольскѣ и въ Сибири, чѣмъ писать къ нему». О причинахъ я не смѣлъ и не хотѣлъ спрашивать. Очень жаль, что онъ такъ сильно предубѣжденъ противъ преосв. Филарета. О преосвященн. митрополитѣ Іонѣ онъ отзывался самымъ неуважительнымъ тономъ. Жалуется на здоровье и на климатъ, который въ самомъ дѣлѣ есть, кажется, самый худшій по всей Сибири. Касательно управленія духовенствомъ онъ говорилъ, что онъ здѣсь поступаетъ не такъ, какъ въ Нижнемъ: тамъ онъ былъ строгъ, потому что было кѣмъ замѣнить изверженныхъ; а здѣсь онъ начинаетъ изъ подъ-тиха увеличивать свою строгость, по мѣрѣ того какъ находитъ средства замѣнить недостойныхъ. При прощаніи, онъ пожелалъ мнѣ всякаго благополучія и подарилъ панагію (простую).

Въ Томскѣ я пробылъ слишкомъ трое сутокъ, чтобы отдохнуть отъ пути. Преосв. Агапитъ принялъ и обращался со мною братски, тѣмъ болѣе, что наши обстоятельства—его и мои—почти одинаковы, ибо и онъ поступилъ съ открытіемъ епархіи. О преосв. Агапитѣ я имѣлъ понятіе совсѣмъ не то, каковъ онъ есть. Онъ, какъ только могъ я понять его, есть ревнитель совершенной правды и законовъ, и въ особенности христіанскаго. Онъ, не смотря ни на какія обстоятельства и отношенія, отъ всѣхъ требуетъ точнаго исполненія своихъ обязанностей; онъ дѣлаетъ замѣчанія и даже выговоры и властямъ, напр. если они не придутъ въ церковь къ обѣднѣ, и отъ того почти всѣ власти его не любятъ; онъ требовалъ отъ всѣхъ вступающихъ въ бракъ знанія заповѣдей и проч. Это почли и почитаютъ

Библиотека "Руниверс"

притѣсненіемъ. О духовенствѣ и говорить нечего. Онъ требовалъ, чтобы оно было свято и чтобы лучше знать, всѣ ли исполняютъ свои обязанности,—онъ, кажется, имѣлъ уши и, кажется, преимущественно изъ родныхъ. Это оскорбило духовныхъ. И конечно, судя по справедливости, онъ поступаетъ какъ должно и, какъ онъ самъ говоритъ: «пусть, что хотятъ, говорятъ, думаютъ и пишутъ обо мнѣ, а я долженъ дѣлать по своей присягѣ». Малѣйшее послабленіе или снисхожденіе онъ считаетъ нарушеніемъ присяги. Отъ того-то онъ вѣроятно и употребилъ въ послѣднемъ своемъ прошеніи въ Св. Сѵнодъ выраженіе: иначе, я долженъ буду поступить противъ присяги и которое, какъ я вижу теперь, совсѣмъ не значитъ какое-либо важное нарушеніе присяги. Конечно, мѣры и образъ дѣйствованія его хотя и справедливы, но часто неумѣстны и несообразны съ обстоятельствами. Онъ часто гоняется по пословицѣ за мухой съ обухомъ; но при всемъ томъ, этого нельзя ставить ему въ вину и по тому составить объ немъ какое-либо неблагопріятное мнѣніе. Все это происходитъ или происходило отъ неопытности и незнанія свѣта. Ректура и епархія—вещи совершенно различныя, почти тоже что теорія и практика. Мнѣ кажется, что если бы онъ былъ переведенъ на другую епархію (а перевести его нужно, ибо его не любятъ, полюбить себя онъ уже не заставитъ), то онъ, научившись настоящимъ опытомъ и получивъ отъ кого-либо (напр. отъ преосв. Московскаго, котораго онъ уважаетъ) приличные совѣты и наставленія, былъ бы очень хорошій пастырь при его ревности и правдѣ. Надобно сказать, что и духовенство Томское, какъ мнѣ показалось, очень незавидное. Это подтвердилъ мнѣ и Красноярскій протоіерей—человѣкъ достойный всякаго вѣроятія (онъ мой товарищъ по семинаріи и единственный). Преосв. Агапитъ претендуетъ на то, что мѣсто, назначенное имъ въ монастырѣ для архіерейскаго дома, ему не даютъ и отводятъ другое. Въ этомъ я съ нимъ совершенно согласенъ, ибо нѣтъ никакаго сравненія между мѣстомъ нынѣшнимъ и мѣстомъ вновь назначаемымъ.

Въ Иркутскъ я пріѣхалъ 11-го Марта. О преосвященномъ Нилѣ и говорить нечего: вы изволите знать его по его дѣйствіямъ и писаніямъ. Я скажу только, что я, не видавшись съ нимъ, хотя и высокое имѣлъ объ немъ мнѣніе, но гораздо менѣе, чѣмъ теперь, познакомившись съ нимъ лично. Дѣйствительно счастлива Иркутская епархія, имѣя такаго архипастыря, ибо онъ устроитъ ее; и хотя я люблю Иркутскъ и желаю ему всего лучшаго, но, предпочитая большую и общую пользу меньшей, отъ души желаю, чтобы преосвященный Нилъ былъ приближаемъ къ столицамъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, но не ранѣе трехъ лѣтъ. Немного у насъ архіереевъ съ такимъ умомъ, дѣятельностію и опытностію. Я чрезвычайно одолженъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ споспѣшествовалъ и готовъ споспѣшествовать мнѣ во всемъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Епископъ Иннокентій.

Мая 30-го дня 1841 г.

Съ подлинника изъ бумагъ Сербиновича, которому Иннокентій писалъ 12 Апрѣля 1844 г. изъ Новоархангельска: „Прошу васъ содѣйствовать мнѣ въ выборѣ просимыхъ мною двухъ лицъ. Ахъ! Нельзя не имѣть ученыхъ; но я боюсь ихъ, боюсь какъ огня. Но буди воля Божія!“

И. Б.

Библиотека "Руниверс"

Миссіонерская дѣятельность покойнаго митрополита Иннокентія.

Недавно пресѣклась обильная трудами и подвигами жизнь преосв. Иннокентія, митрополита Московскаго. Рожденный 26 Августа 1797 года, въ селѣ Ангинскомъ, Иркутской губерніи, Верхоленскаго уѣзда, онъ былъ сыномъ пономаря того села, Евсевія Попова; въ мірѣ имя ему было Іоаннъ. Въ 1803 году, шести лѣтъ отъ рожденія, онъ остался сиротой, сталъ учиться грамотѣ у діакона своего села и на 7 году читалъ уже въ своей церкви Апостолъ, а девяти съ половиною лѣтъ мальчикъ Іоаннъ былъ принятъ на казенное содержаніе въ Иркутскую Духовную Семинарію, гдѣ въ 1814 г. ректоръ архимандритъ Павелъ перемѣнилъ (по обычаю того времени) Ивану Попову фамилію на Веніаминова, во имя почившаго Иркутскаго епископа Веніамина. Въ 1817 г. Иванъ Веніаминовъ окончилъ курсъ наукъ въ Иркутской Семинаріи, вышелъ изъ нея однимъ изъ первыхъ студентовъ и 13 Мая того же года посвященъ въ діаконы церкви Благовѣщенія, въ городѣ Иркутскѣ, а 18 Мая 1821 года въ священники той же церкви. Въ 1823 году, по вызову Иркутскаго преосвященнаго Михаила, онъ первый откликнулся на призывъ идти проповѣдывать христіанство жителямъ Алеутскихъ острововъ, куда онъ прибылъ 29 Мая 1824 г., совершивъ путь чрезъ Якутскъ и Охотскъ, со всей своей семьей, на суднѣ Американской Компаніи.

Дѣятельность свящ. Веніаминова по обращенію язычниковъ въ христіанство была изумительна. Живя на островѣ Уналашкѣ, неусыпный проповѣдникъ безпрестанно переплывалъ на утломъ челнокѣ, подвергая себя опасности и разнымъ лишеніямъ, на другіе острова и распространялъ христіанство между ихъ жителями. Въ теченіе десятилѣтняго пребыванія своего на островахъ онъ не только окрестилъ всѣхъ, оставшихся тамъ, жителей, но устроилъ имъ церковь, завелъ училище, въ которомъ обучалось до 600 мальчиковъ; кромѣ того онъ перевелъ на Алеутскій языкъ св. Евангеліе отъ Матѳея и необходимыя молитвы, для чего составилъ Алеутскій букварь изъ Славянскихъ буквъ. За таковые труды о. Веніаминовъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ и орденомъ.

Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ о. Веніаминовъ проживалъ на островѣ съ семействомъ своимъ въ убогой землянкѣ и, по недостатку средствъ къ прожитію, выѣхалъ съ острововъ, а въ 1834 г. былъ опредѣленъ священникомъ къ церкви Михаила Архангела на о. Ситхѣ, гдѣ находилось главное управленіе Американской Компаніи. На этомъ островѣ онъ пробылъ пять лѣтъ, изучая языкъ дикихъ Колошей, изъ которыхъ многихъ обратилъ въ христіанство. Наконецъ, убѣдившись, что и здѣсь, по недостатку средствъ, безъ содѣйствія

Библиотека "Руниверс"

Св. Синода, ничего полезнаго сдѣлать нельзя, онъ испросилъ увольненіе отъ служенія своего въ Америкѣ и переѣхалъ въ Иркутскъ.

Преосвященный Нилъ, въ то время епископъ Иркутскій, выслушавъ донесеніе о. Веніаминова, отправилъ его въ Петербургъ съ письмами къ первенствующимъ архипастырямъ, присутствующимъ въ Св. Синодѣ, куда онъ прибылъ 25 Іюля 1839 г. и гдѣ встрѣтилъ къ себѣ самое живое участіе со стороны членовъ Св. Синода, а въ особенности отъ Московскаго митрополита Филарета, который предложилъ Св. Синоду назначить о. Веніаминова начальникомъ духовныхъ миссій въ Сѣверной Америкѣ. Предложеніе это было принято и, въ день Рождества Христова того же года, въ церкви Троицкаго подворья, высокопреосвященный Филаретъ посвятилъ его въ протоіерея.

Находясь въ Петербургѣ, о Веніаминовъ получилъ изъ Иркутска печальное извѣстіе о кончинѣ своей супруги. Вскорѣ, по предложенію высокопреосвященнаго Филарета, онъ принялъ монашество и 29 Ноября 1840 г. былъ постриженъ святителемъ Филаретомъ, при чемъ имя его Іоаннъ было переименовано на Иннокентія, въ честь св. Иннокентія, бывшаго епископа Иркутскаго. 30 Ноября онъ былъ посвященъ Филаретомъ въ санъ архимандрита, а чрезъ двѣ недѣли послѣдовала хиротонія его въ санъ епископа.

Весною 1841 года епископъ Иннокентій со своею свитою отправился на кораблѣ въ Америку. Пастырскіе труды его въ предѣлахъ новой епархіи изображены имъ самимъ въ искреннихъ письмахъ къ митрополиту Филарету. Это даетъ намъ возможность описать апостольскіе подвиги Иннокентія собственными его словами.

Извѣщая о прибытіи своемъ въ Ситху, онъ писалъ отъ 30 Апрѣля 1842 года: «Наконецъ, слава Господу Богу, я, милостію Его, заступленіемъ Пресвятыя Дѣвы и молитвами святыхъ и вашими, въ Америкѣ! Теперь разскажу вамъ о путешествіи и прибытіи нашемъ въ Америку. 20 Августа 1841 г., въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ дней, мы вышли изъ устья рѣки Охоты на бриггѣ Охотскъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и направили путь нашъ къ одному изъ острововъ Курильскаго отдѣла—Симусиру».

«2 Сентября подходили къ острову Симусиру, и я посылалъ священника на берегъ для назиданія живущихъ тамъ Русскихъ и Алеутовъ (природныхъ жителей на семъ островѣ нѣтъ; они всѣ на Шумшу—второмъ островѣ) и для исправленія требъ. Того же дня вечеромъ мы оставили островъ и пошли прямо въ Ситху».

«Почти 20 дней сряду были самые благопріятные вѣтры, при ясной и теплой погодѣ, и корабль нашъ такъ быстро шелъ, что 21 Сентября мы были отъ Ситхи только въ 750 верстахъ, проплывъ отъ Охотска до 6250. Погода была такъ хороша, что мы каждый праздникъ отправляли богослуженіе не въ каютѣ, какъ обыкновенно бываетъ, но всегда на палубѣ. Вы можете вообразить, какое это было чудное зрѣлище: корабль, среди необозримаго океана, подъ парусами, идетъ полнымъ ходомъ, спокойно; на палубѣ народъ, и отправляется богослуженіе! О, это единственная въ своемъ родѣ картина!»

«25 Сентября, въ день препод. Сергія, около 4 часовъ вечера (а по-московски около 4 часовъ утра), молитвами его и вашими, мы увидѣли гору Эчкомъ, находящуюся близь Новоархангельска; а на завтра,

Библиотека "Руниверс"

26 Сентября, въ день возлюбленнаго ученика Христова, которому церковь молится о разогнаніи належащей тьмы языковъ, мы вошли въ гавань Ситхи и въ 10 часовъ положили якорь».

«27 Сентября, въ Субботу, сошелъ я на берегъ, гдѣ встрѣченъ былъ главнымъ правителемъ, всѣми чиновниками и всѣми православными. Въ маломъ облаченіи я пошелъ въ церковь, гдѣ привѣтствовалъ свою новую паству краткою рѣчью и отправилъ благодарственный молебенъ Господу Богу. 28 Сентября отправлялъ я божественную литургію въ первый разъ».

«Церковь въ Новоархангельскѣ, которая впрочемъ приходитъ въ ветхость, и чрезъ 4—5 лѣтъ непремѣнно будетъ нужна новая,—я нашелъ въ весьма хорошемъ состояніи и, сверхъ ожиданія моего, такъ украшенною, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ожидали прибытія архіерея. И все это должно отнести къ усердію г. главнаго правителя Этолина, который въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій, по прибытіи въ колоніи, поставилъ исправленіе церкви».

«Весною я былъ въ Кадьякѣ для, обозрѣнія тамошней церкви, и былъ утѣшенъ ею сверхъ всякаго ожиданія. Кадьякцы теперь стали совсѣмъ не то, какъ были до того. Слухъ о прибытіи моемъ въ Америку, ревность и благочестіе тамошняго священника, прибывшаго въ Кадьякъ въ концѣ 1840, а также христіанское содѣйствіе, словомъ и дѣломъ, и примѣромъ, тамошняго начальника г. Костромитинова, весьма много подѣйствовали на Кадьякцевъ. Впрочемъ они, бѣдные, ни отъ кого ничего не слыхали добраго даже донынѣ и, какъ они мнѣ выразились, нынѣ начинаютъ выходить изъ темнаго мѣста на свѣтъ. Прежде едва сотый изъ нихъ когда-либо бывалъ въ церкви, а о говѣніи они и не знали; нынѣ полна церковь во всякій праздникъ, и въ одинъ великій постъ постниковъ было болѣе 400; для сего пріѣзжали даже изъ дальнихъ мѣстъ. Беззаконныя сожительства (невѣнчанные браки, коихъ было очень много) уничтожаются. До такой степени Кадьякская церковь была запущена, что изъ 3,700 душъ, числившихся по переписи къ 1841 году, было некрещенныхъ болѣе 1000; даже изъ самыхъ Кадьякцевъ есть еще и теперь до 100 душъ дѣтей, отъ 2 до 9 лѣтъ, некрещенныхъ. И сколько таковыхъ умерло, особливо во время оспы, которая унесла изъ Кадьякскаго отдѣла до 2000 человѣкъ!»

«Открыто Духовное Правленіе (14 Октября)—первое присутственное мѣсто въ Америкѣ и, что весьма замѣчательно, прежде всякаго свѣтскаго».

«Чрезъ два дня я отправляюсь въ путешествіе для обозрѣнія моей епархіи, которое продолжится до 16 мѣсяцевъ. Сначала располагаюсь идти по островамъ, а потомъ въ Петропавловскъ, и оттуда, проѣхавъ всю Камчатку, въ Мартѣ быть въ Охотскѣ, гдѣ долженъ буду проживать до половины Іюля, или долѣе».

Во второмъ письмѣ Камчатскаго епископа, отъ 5 Декабря 1842 года, изъ села Милькова, въ Камчатской области, въ 350 верстахъ отъ Петропавловскаго Порта, находимъ свѣдѣнія о Колошахъ и Чучкахъ.

Библиотека "Руниверс"

«Колоши и Чукчи начали принимать христіанство, и принимать совершенно безъ всякихъ видовъ корысти. Вскорѣ по отбытіи моемъ изъ Ситхи, въ одинъ день окрещено 16 человѣкъ Колошъ и до 70 осталось еще готовыхъ. Въ Камчаткѣ въ семъ году начали креститься Чукчи, зашедшіе въ сію область въ 1838 или 1839 году. Чукчи страшны для Камчадалъ, и справедливо: одинъ изъ Чукочъ Чинникъ цѣлую ночь буйствовалъ даже въ Тигильской крѣпости. И этотъ самый Чукча первый явился къ священнику Стефану Веніаминову (брату моему родному), съ которымъ онъ былъ знакомъ и котораго онъ за что-то любилъ (Камчатскій благочинный говоритъ, что за его добрую жизнь: слава Богу!), просилъ и принялъ отъ него св. крещеніе наканунѣ Св. Пасхи. Новокрещенный Чинникъ на завтра привелъ еще одного, а потомъ трехъ Чукочъ, которые всѣ крещены. Священникъ Веніаминовъ надѣется, что всѣ Чукчи, кочующіе въ его приходѣ (до 40 душъ), будутъ окрещены. На западномъ берегу Камчатки священникъ Кокшарскій окрестилъ два семейства Чукочъ».

«Крещеніе Чукочъ, въ Камчатской области, есть дѣло совершенно новое. И потому оно подаетъ надежду, что и прочіе Чукчи, если только обратить на нихъ надлежащее вниманіе, не будутъ глухи къ Слову Божію».

«Изъ Ситхи отправился я 5 Мая и былъ на островахъ: Уналашкѣ, Атхѣ, Унгѣ, Прибыловыхъ и на островѣ Беринговомъ. Въ Уналашку прибыли мы въ день Вознесенія Господня, въ 7 часовъ утра, въ храмовой праздникъ. Это я считаю новымъ знаменіемъ милости Господней ко мнѣ. Здѣсь, до прибытія моего, ничего не знали ни объ открытіи епархіи, ни обо мнѣ, и все это стало извѣстно въ этотъ день, въ который я и отслужилъ. Подобнаго примѣра нѣтъ. Не умѣю высказать всего того, что̀ чувствовали я и добрые Алеуты въ этотъ день».

«Въ Камчатку прибыли мы 18 Августа, гдѣ и проживалъ я до 29 Ноября; ранѣе отправиться не было возможности. Путешествіе наше началось благополучно. Въ Охотскъ я надѣюсь пріѣхать въ послѣднихъ числахъ Марта, не ранѣе».

Въ письмѣ отъ 1 Августа 1843 г. изъ Охотска, нашъ архипастырь-миссіонеръ знакомитъ покровителя своего, митр. Филарета съ качествами и бытомъ инородцевъ, составлявшихъ его новую паству.

«Паства моя хотя не велика числомъ (до 18½ тыс.), но не мала, даже очень не мала добрыми примѣрами. Не одни Алеуты, какъ я думалъ прежде, умѣютъ или умѣли дѣлиться послѣднею рыбою съ голодующими; не одни они терпѣливы, кротки, послушны, миролюбивы, набожны и проч. Почти всѣ народцы (названія народовъ они, по малочисленности своей, не стоятъ), живущіе въ предѣлахъ Камчатской епархіи, имѣютъ такія же качества; только по набожности и приверженности къ вѣрѣ и слышанію Слова Божія Алеуты стоятъ въ первомъ разрядѣ. Даже некрещенные Коряки и Чукчи имѣютъ много добрыхъ свойствъ и обычаевъ. Гостепріимство, уваженіе къ себѣ или къ своему доброму имени, честность въ данномъ словѣ, готов-

Библиотека "Руниверс"

ность помогать голодующимъ безъ всякаго вознагражденія, — есть общимъ обычаемъ едва ли не всѣхъ здѣшнихъ туземцовъ».

«Въ некрещенныхъ и независимыхъ видны слѣды древнихъ обычаевъ. Напр. у Коряковъ нарушеніе цѣломудрія наказывается смертію. Такъ напр. одинъ тоэнъ, узнавъ, что дочь его дѣвица сдѣлалась беременна, не смотря на то, что она была его единственное дитя, велѣлъ ей самой наложить на себя руки, и она повиновалась. Но что у него есть сердце и что онъ отецъ, — онъ доказалъ это тѣмъ, что очень долго жалѣлъ ее и даже плакалъ».

«Чѣмъ болѣе знакомлюсь я съ дикими, тѣмъ болѣе люблю ихъ, и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы съ нашимъ просвѣщеніемъ далеко, далеко уклонились отъ пути къ совершенству, почти не замѣчая того; ибо многіе, такъ называемые, дикіе гораздо лучше многихъ, такъ называемыхъ, просвѣщенныхъ, въ нравственномъ отношеніи. Напр. во всей Камчатской епархіи, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ ни воровства, ни убійства; по крайней мѣрѣ почти не было примѣра, чтобы собственно Тунгусъ, или Камчадалъ, или Алеутъ, были подъ судомъ за сіи преступленія».

«Но кромѣ сего между дикими есть много примѣровъ и добродѣтелей. Напр. первый Тунгусъ, съ которымъ мнѣ пришлось видѣться и говорить (въ Гижитѣ), удивилъ и утѣшилъ меня своею вѣрою и преданностію Богу. Послѣ разсказа его объ ихъ житьѣ-бытьѣ, можно сказать, полубѣдственномъ, когда я сказалъ ему: «за то вамъ тамъ будетъ хорошо, если вы будете вѣровать Богу и молиться Ему»; тогда онъ, видимо измѣнившись въ лицѣ своемъ, съ сильнымъ чувствомъ сказалъ: «Тунгусъ всегда молится; Тунгусъ знаетъ, что все Богъ даетъ. Убью ли я хоть куропатку, я знаю, что Богъ мнѣ далъ, и я молюсь Богу и благодарю Его. Не убью, значитъ: Богъ мнѣ не далъ; значитъ: я худой.... я молюсь Ему». Не могу вспомнить сихъ словъ безъ движенія сердца, и не могу послѣ того не сказать въ духѣ благодарности: благословенъ Господь, открывающій познаніе вѣры и истины младенцамъ и утаевающій оное отъ мнящихся быти мудрыми!»

«Кадьякскій приходъ до 1839 года былъ однимъ изъ послѣднихъ въ отношеніи къ нравственности и исполненію христіанскихъ обязанностей. Бывало, въ цѣлый годъ было исполнившихъ долгъ очищенія совѣсти не болѣе 100 человѣкъ, и былъ годъ, когда было только 8 человѣкъ изъ 5 или 4 тысячъ; а нынѣ нѣтъ ни одного нерадиваго. Церковь была до того слишкомъ пространна, такъ что и въ большіе праздники она была почти полупуста; а нынѣ не только въ Великій Постъ или большіе праздники, но даже въ обыкновенные воскресные дни она бываетъ до того полна, что многіе стоятъ внѣ церкви. Это заставило церковь раздвинуть. И главный правитель, въ бытность его на Кадьякѣ, немедленно приказалъ сдѣлать пристройку съ западной стороны. Изъ Кенайцовъ, Чукочъ и другихъ народовъ, находящихся въ предѣлахъ Кадьякскаго прихода, въ 1841 и 1842 годахъ присоединено къ церкви св. крещеніемъ болѣе 350 душъ. И паки, слава и благодареніе Господу!»

Библиотека "Руниверс"

«Скажу нѣчто и о путешествіи моемъ по Камчатской и Охотской области. Изъ Камчатки выѣхалъ я 29 Ноября 1842 года и 3 Апрѣля прибылъ въ Охотскъ, проѣхавъ болѣе 5000 верстъ на собакахъ и отчасти на оленяхъ и пробывъ собственно въ пути 68 дней; а прочее время проведено въ прожитіи на разныхъ мѣстахъ, а болѣе въ Гижитѣ (13 дней). Повозочка моя, въ которой я проѣхалъ во всю дорогу, была весьма похожа на гробъ, т. е. также узка и длинна и такой же формы, только тѣмъ отличалась отъ гроба, что на полозьяхъ и на задней части оной былъ зонтъ. Нерѣдко случалось ѣхать по узкой дорогѣ, пробитой между глубокими снѣгами, и тогда мнѣ казалось или приходило на мысль, что я ѣду во гробѣ по длинной могилѣ: ибо только стоило остановиться и велѣть зарыть себя. Болѣе 25 дней проведены внѣ всякихъ жилищъ, которыя или проѣзжали мимо, или въ которыя нельзя войти; 7 дней проведены совершенно въ пустыхъ мѣстахъ (при переѣздѣ изъ Олюторской губы въ Пенжинскую). Морозъ (въ 63° сѣв. широты) иногда былъ очень жестокъ. Но благословенъ Господь, хранящій меня во всѣхъ путяхъ моихъ! Не смотря на быстрыя и рѣзкія перемѣны воздуха, воды, пищи и проч., я и всѣ сущіе со мною (ихъ было сначала 6, а подъ конецъ 4) были совершенно здоровы; никто изъ насъ, можно сказать, не видалъ даже непріятности, выключая мороза, всѣ во всю дорогу благодушествовали; словомъ сказать, я готовъ еще не одинъ разъ проѣхать по Камчаткѣ, если только буду здоровъ».

«Въ Камчаткѣ церквей очень много, судя по числу людей (10—на 5,300 жителей), а въ Охотскѣ чрезвычайно мало (3—на 6,000).

Просятъ меня дать священниковъ жители острова Павла, Курильцы, Тунгусы, и я нахожу это необходимымъ. Но нѣтъ денегъ».

Въ 1844 году митрополитъ Филаретъ получилъ отъ преосв. Иннокентія два письма изъ Камчатки. Вотъ первое изъ нихъ, отъ 5 Апрѣля.

«Ежели гдѣ, то, конечно, въ особенности здѣсь можно и должно благодарить Бога за то, что настало время, въ которое я могу бесѣдовать съ отсутствующими; ибо отъ времени до времени писанія писемъ ужасное разстояніе».

«Итакъ благодарю моего Бога за то, что я дожилъ до сего времени и во все время былъ совершенно здоровъ».

«7 Августа прошедшаго 1843 года, отправясь изъ Охотска на одномъ изъ лучшихъ судовъ компаніи, 6 Сентября мы были уже дома. И если бы противные и свѣжіе вѣтры не задержали насъ въ Курильской грядѣ, то мы могли бы прійдти въ Ситху въ 23 или 24 дня. Такъ, наконецъ, становится близка Америка! Прежде, бывало, путешествовали три года».

«15 числа Декабря (въ день рукоположенія моего во епископа) Господь благоволилъ мнѣ совершить освященіе храма въ новомъ домѣ моемъ, въ честь и память Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Этотъ день былъ для меня истиннымъ торжествомъ, такъ что до сихъ поръ не могу нарадоваться моей радости — имѣть въ своемъ домѣ домъ Божій».

Библиотека "Руниверс"

«Домъ для меня выстроенъ внѣ города, подлѣ лѣсу, на сухомъ мѣстѣ, расположеніе комнатъ очень хорошее, строенъ очень прочно».

«Съ 11 Января сего 1844 года, я началъ собирать къ себѣ въ домовую церковь всѣхъ дѣтей обоего пола, не учащихся въ училищахъ, и учить ихъ Закону Божію. Дѣтей здѣсь чрезвычайно много (до 500), считая въ томъ числѣ отъ 1 до 18 лѣтъ. Не смотря на то, что въ дух. училищѣ, въ школѣ компанейской и двухъ заведеніяхъ для дѣвицъ, обучается до 140 человѣкъ, ко мнѣ собирается до 150 человѣкъ. Ученіе сіе бываетъ дважды въ недѣлю: во Вторникъ приходятъ дѣвочки, а въ Среду—мальчики».

«Прошедшаго 1843 лѣта, Уналашкинскій священникъ Головинъ имѣлъ случай быть на Сѣверѣ Америки, близъ Берингова пролива, въ находящемся тамъ Михайловскомъ редутѣ, компаніею устроенномъ (въ первый разъ отъ ознакомленія Русскихъ съ тамошнимъ краемъ), и во время прожитія его тамъ, онъ путешествовалъ по селеніямъ туземцовъ и окрестилъ изъ нихъ 163 человѣка взрослыхъ. Между прочимъ священникъ доноситъ мнѣ, что народъ вообще добрый и кроткій и едвали не многолюднѣйшій изъ всѣхъ здѣшнихъ народовъ. На одной рѣкѣ, Квихпакѣ, находится жителей 3780 душъ, не считая живущихъ по рѣкамъ, впадающимъ въ сію рѣку, и по берегу морскому. А за ними, далѣе къ Сѣверу, говорятъ, еще болѣе народа. Я нынѣ опять послалъ того же священника крестить, а между тѣмъ собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о мѣстности тамошняго края. И если донесенія его будутъ удовлетворительны, и особенно, если Господь благословитъ его новыми успѣхами, то на будущій годъ отправлю туда миссіонера, имѣя теперь къ тому средства и человѣка. Если Господь благоволитъ привести это въ исполненіе, то тамошняя миссія будетъ называться Михайловско-Квихпахская».

«Колоши, сосѣди наши, слава Богу, продолжаютъ креститься. На Свѣтлой недѣлѣ окрещено ихъ 35 человѣкъ, по собственному ихъ вызову, а не по убѣжденію чьему-либо. Крещенные же до сего Колоши, въ прошедшій постъ, всѣ находящіеся подлѣ крѣпости, исполнили долгъ очищенія совѣсти, безъ всякаго съ нашей стороны побужденія; и при этомъ случаѣ они нисколько не отставали отъ Русскихъ, т. е. постоянно ходили въ церковь чрезъ всю недѣлю, въ церкви стояли чинно и пр.».

«Нельзя не радоваться этому. Они крестятся безъ всякихъ приманокъ; кромѣ крестиковъ и образовъ имъ ничего не дается».

«Съ половины 1842 года, по всѣмъ Американскимъ церквамъ, а также и въ Камчатскомъ соборѣ, настоятели церквей, отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю, собираютъ дѣтей обоего пола въ церковь и учатъ Закону Божію и вообще обязанностямъ ихъ; и я надѣюсь, что въ нынѣшнемъ 1844 году, если не всѣ священники по всѣмъ церквамъ епархіи, то большая часть изъ нихъ займутся симъ дѣломъ; а потому предложено занимающимся преподаваніемъ христіанскаго ученія внѣ училищъ составлять краткія записки (цифрами), сколько бываетъ дѣтей, слушающихъ каждый разъ, для составленія вѣдомости. По сіе время, всѣхъ дѣтей, собирающихся въ церковь для слу-

Библиотека "Руниверс"

шанія, по всей епархіи можно считать до 400, кромѣ обучающихся въ училищахъ и школахъ; а съ ними число сіе будетъ простираться болѣе нежели до 600, что̀ составитъ 35-ю часть всего народонаселенія».

Другое письмо, отъ 29 Апрѣля, заключаетъ въ себѣ любопытное донесеніе одного миссіонера.

«Почти предъ самымъ отправленіемъ почты, я получилъ извѣстіе отъ Нушагакскаго миссіонера, который доноситъ, что въ прошедшемъ году (1843), изъ тамошнихъ туземцовъ обратилось въ христіанство 315 человѣкъ, и кромѣ того мvропомазано крещенныхъ до него мірянами 110 человѣкъ, а всего совершено таинствами крещенія и мvропомазанія 425 человѣкъ. Изъ журнала миссіонера видно, что всѣ, кого онъ видѣлъ, слушали его бесѣды, и всѣ слышавшіе его крестились. Въ одномъ селеніи Господь утѣшилъ его и новопросвѣщенныхъ необыкновеннымъ явленіемъ. Одна престарѣлая женщина, принесенная на одрѣ для крещенія, послѣ совершенія надъ нею таинствъ, сама ушла домой съ помощію одного только костыля своего».

Миссіонеръ это описываетъ такъ:

««Когда я (по крещеніи всѣхъ жителей селенія) спросилъ тоэна, нѣтъ ли еще кого некрещеннаго, онъ сказалъ мнѣ, что есть еще одна старуха слѣпая (которой полагаютъ не менѣе 85 лѣтъ), которая потому и не приходила для слушанія бесѣды. Я велѣлъ привести ее къ себѣ въ палатку. Съ помощію двухъ человѣкъ и костыля, она пришла ко мнѣ. Я ей все, что̀ только нужно на первый разъ передать, чрезъ толмача объяснилъ, и предложилъ ей о крещеніи. Она объявила желаніе креститься. Чрезъ два часа, когда все было готово къ совершенію таинства, я послалъ за нею; но посланный, пришедъ, объявилъ мнѣ, что она очень нездорова. Это мнѣ показалось невѣроятнымъ. Я послалъ двухъ человѣкъ, и тѣ, возвратясь, сказали, что она весьма больна и скоро умретъ. Тогда я, опасаясь, чтобъ она не умерла безъ крещенія, такъ какъ уже увѣровавшая въ Бога и объявившая сама принять св. крещеніе, велѣлъ непремѣнно принести ее на одрѣ въ церковную палатку, что̀ и было сдѣлано. Я, посмотрѣвъ на нее, спросилъ ее чрезъ толмача, какова она? Но она мнѣ не могла отвѣтить ни одного слова, и я думалъ, что она не доживетъ и до крещенія. Тутъ нѣкоторые начали роптать, говоря, что ежели онъ окреститъ ее, то она умретъ. Я ихъ увѣрялъ, что если она умретъ крещенною, то будетъ счастлива, а если умретъ некрещенною, то погибнетъ. Послѣ сего я колебался мыслями, крестить ли ее, или нѣтъ? Наконецъ, рѣшился окрестить. Когда, съ помощію двухъ человѣкъ, я совершилъ надъ нею самое таинство крещенія, и когда ее одѣли и принесли въ палатку для мvропомазанія, то она начала сама креститься; а по окончаніи мvропомазанія начала говорить и сдѣлалась веселою, и пошла домой сама съ помощію костыля»». Описаніе сіе миссіонеръ заключаетъ просто: ««Тогда я, увидѣвъ ее совсѣмъ перемѣнившеюся, пришелъ

Библиотека "Руниверс"

въ удивленіе и говорилъ роптавшимъ на меня: вотъ вы говорили, что она умретъ, а на мѣсто того Богъ далъ ей здоровья!».

«Новокрещенные, въ доказательство искренности своего обращенія, всѣ прежнія свои маски и личины и истукановъ, которымъ они иногда приносили жертвы, или бросали въ рѣку своими руками при глазахъ миссіонера, или жгли».

Скромный отзывъ Иннокентія объ успѣхахъ апостольскихъ его подвиговъ изложенъ имъ въ письмѣ къ Московскому митрополиту отъ 1 Іюля 1845 года.

«Слово истины на сѣверныхъ берегахъ Америки начинаетъ распространяться болѣе и болѣе. Священникъ Головинъ былъ тамъ и прошедшаго (1844) года, и въ бытность свою имѣлъ случай видѣть окрещенныхъ имъ въ первое тамъ пребываніе (1843) почти всѣхъ и въ ихъ селеніяхъ. И, благодареніе Господу, ежели не всѣ, то многіе изъ нихъ помнятъ данныя ими при крещеніи обѣщанія. Отступленій на первый путь язычества не слышно; а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе проникнутые словомъ истины, старались передать свои понятія о христіанствѣ своимъ язычествующимъ собратіямъ и тѣмъ убѣдили многихъ къ принятію крещенія. Квихпакская церковь по Сентябрь 1844 года состояла болѣе нежели изъ 270 душъ туземцевъ, а съ заѣзжими до 300; тогда какъ въ 1843 году тамъ не было и 30 христіанъ, и то заѣзжихъ, а туземцевъ было только 4,—тѣ самые, о которыхъ мною было донесено Св. Сѵноду въ бытность мою въ Петербургѣ. Одинъ изъ нихъ особенно много и усердно содѣйствовалъ священнику въ обращеніи. Туземцы, бывъ спрашиваемы священникомъ, единогласно изъявили желаніе имѣть у себя постояннаго священника».

«Послѣ сего мнѣ оставалось только приступить къ открытію тамъ постоянной миссіи и, слава Богу, миссія уже отправлена и на мѣсто прибудетъ нынѣшняго же лѣта. Миссіонеромъ назначенъ священникъ Іаковъ Нецвѣтовъ, тотъ самый, котораго я хотѣлъ опредѣлить въ Кенайскую миссію и который былъ вызванъ для сего; но какъ дѣло на Сѣверѣ важнѣе, то я послалъ его въ Квихпакскую миссію, а въ Кенайскую посланъ пріѣхавшій со мною іеродіакономъ Николай (изъ Виѳаніи), который прибудетъ на мѣсто нынѣшняго же лѣта (1845)».

«Тотъ и другой миссіонеръ снабжены всѣмъ достаточно на счетъ капитала Американскихъ церквей».

«Колоши-сосѣди наши, слава Богу, мало по-малу продолжаютъ присоединяться къ нашей церкви (число всѣхъ крещенныхъ болѣе 200), и, надобно сказать прямо,—почти безъ всякаго нашего дѣйствованія на нихъ. Ибо іеромонахъ Мисаилъ, занимавшійся симъ дѣломъ, по нездоровью своему, не могъ дѣйствовать такъ, какъ бы хотѣлось; мнѣ не приходится, а другіе не могутъ или не умѣютъ. Впрочемъ дѣйствовать, такъ сказать, настоятельнѣе—насъ останавливало и то, что мы не имѣемъ особой церкви для Колошъ, гдѣ бы можно было ихъ собирать и учить на ихъ языкѣ (безъ чего крещеніе не принесетъ всей пользы). Главный правитель, нынѣ выбывшій въ

Библиотека "Руниверс"

Россію, обѣщалъ и желалъ помочь намъ въ этомъ, но построеніе семинаріи не допустило его. Теперь одною изъ главныхъ заботъ моихъ будетъ построеніе церкви для Колошъ, и надѣюсь, что новый начальникъ Ситхи, имѣющій прибыть нынѣ, поможетъ мнѣ, а между тѣмъ прибудутъ и помощники мнѣ, которыхъ я ожидаю нынѣшней осенью».

«Въ Кадьякѣ священникъ Ливенцовъ дѣйствуетъ съ тѣмъ же усердіемъ и искренностію, какъ и прежде. Паства его, слава Богу, болѣе и болѣе укрѣпляется въ духѣ христіанства. Во всѣхъ селеніяхъ Кадьякскаго отдѣла находятся часовни, построенныя усердіемъ самихъ Алеутовъ, при содѣйствіи компаніи и Русскихъ, содержимыя въ чистотѣ и, что̀ всего лучше, въ каждый праздникъ бываютъ полны народу».

«Но надобно сказать, что и врагъ спасенія не дремлетъ. Но козни его, при помощи Божіей, не имѣютъ вредныхъ слѣдствій. Въ нѣкоторыхъ старикахъ и новообращенныхъ проявлялось шаманство; но, при первомъ словѣ священника, виновные искренно раскаявались».

«Нушагинская церковь, при основаніи своемъ (въ 1842) имѣвшая не болѣе 200 душъ и съ пришельцами, нынѣ считаетъ у себя болѣе 600 душъ. Миссіонеръ тамошній хотя и не изъ ученыхъ, но дѣйствуетъ со всѣмъ своимъ усердіемъ и не безъ умѣнья; только средства его были очень ограничены. А что̀ всего утѣшительнѣе — онъ и его подруга всѣ трудности и недостатки отъ мѣстности и обстоятельствъ переносятъ съ благодушіемъ и готовностію переносить и впредъ».

«Въ бытность мою въ Нушагинѣ, многіе изъ крещенныхъ туземцовъ пріѣзжали, чтобы видѣть меня, и нѣкоторые изъ нихъ, спрошенные мною о догматахъ вѣры и о пути спасенія, удивили меня своими разумными отвѣтами; а одинъ изъ нихъ своею набожностію и усердіемъ удивляетъ самого миссіонера. Миссіонеръ сказывалъ мнѣ, что этотъ новообращенный (Василій, и пожилой) при первой исповѣди своей, послѣ обыкновенныхъ отвѣтовъ на вопросы священника, вдругъ сталъ на колѣни и, глядя на образъ Спасителя, горько плакалъ и молился, говоря что-то. Усердіе этого Василія доказывается и тѣмъ, что онъ, оставя прежнее свое жилище со всѣмъ семействомъ своимъ, поселился близъ церкви».

«Нынѣшнее лѣто (1845) я намѣреваюсь, послѣ Петропавловки (гдѣ по милости Божіей нахожусь со 2 Іюня), быть еще на Алеутскихъ островахъ, а на будущее лѣто думаю предпринять водою путешествіе по Камчаткѣ».

За 1846-й годъ не нашлось писемъ Иннокентія къ Филарету. Но отъ 22 Іюля 1847 года первый извѣщаетъ послѣдняго о дѣйствіяхъ своихъ на материкѣ Восточной Сибири.

«Путешествіе мое по Азіи, начавшееся съ 31 Августа 1846 г. (не считая морскихъ плаваній), слава Богу, кончилось благополучно; 5 Іюля 1847 г. я возвратился въ Аянъ, гдѣ и остаюсь въ ожиданіи отхода судна. Нынѣ привелось мнѣ проѣхать лишнихъ двѣ съ половиною ты-

Библиотека "Руниверс"

сячи верстъ, частію отъ того, что Камчатская епархія въ сравненіи съ 1843 годомъ сдѣлалась обширнѣе (предѣлы ея къ Югозападу отъ Охотска касаются Китайскихъ границъ), частію отъ того, что я опасался ѣхать изъ Охотска прямо въ Аянъ: ибо время было позднее, а ѣхать надобно было большею частію по рѣкѣ Маѣ; и оттого я ѣхалъ обыкновенною Охотскою дорогою почти до самаго Якутска; оставалось только 140 верстъ. Оттуда поворотили мы на новоустрояемую компаніею Аянскую дорогу, которая со временемъ будетъ гораздо лучше, чѣмъ Охотская. О лѣтней же дорогѣ изъ Аяна въ Якутскъ и говорить нечего: вмѣсто 30 или 35 дней верховой ѣзды, какъ это было изъ Охотска, нынѣ изъ Аяна надобно проѣхать только 250 верстъ по расчищенной дорогѣ не болѣе какъ въ 6 дней, и потомъ сѣсть въ лодку и плыть даже до самаго Якутска. Очень желательно, чтобы казна обратила вниманіе на Аянъ и Аянскую дорогу, и станціи съ Охотской дороги перенесла на оную».

«Изъ Охотска мы выѣхали 26 Марта и въ Аянъ пріѣхали 5 Мая. Весенняя распутица заставила меня бросить повозку и ѣхать на простыхъ дровняхъ, съ зонтомъ изъ парусины, и ѣхать и на лошадяхъ, и на оленяхъ, и на собакахъ (въ одномъ мѣстѣ кладь везли на быкахъ). Я боялся, что глаза мои сдѣлаются хуже отъ яркаго свѣта солнечнаго, отражающагося отъ снѣгу; но, благодареніе Господу, я не пострадалъ отъ этого нисколько, а всѣ непріятности и безпокойства, какія приходилось испытать, уже забыты, и я опять готовъ ѣхать. И точно, если Господу будетъ угодно, я не отказываюсь и еще сдѣлать третье путешествіе».

«По прибытіи въ Аянъ открылся случай побывать и въ новоотчисленномъ отъ Иркутской епархіи краѣ Удскомъ, и я этимъ случаемъ воспользовался. 6 Іюня отправился я со всею свитою моею въ байдарѣ; 17 прибыли мы въ устье рѣки Уды, а 19 прибыли въ самое Удское, отстоящее отъ устья въ 90 верстахъ. Здѣсь Господь помогъ мнѣ и еще совершить освященіе новосозданнаго храма (Это было уже въ четвертый разъ въ нынѣшнее мое путешествіе). 26 числа выѣхали изъ устья рѣки Уды въ байдаркахъ и лодкахъ, и 5 Іюля прибыли въ Аянъ».

«Неутѣшительно состояніе Удскихъ жителей и духовное, и внѣшнее. Склонность къ пьянству до того сильна въ крестьянахъ и поселенцахъ, что и прогонныя деньги, полученныя отъ меня съ особеннымъ увѣщаніемъ употребить въ пользу свою и своихъ голодующихъ семействъ, почти всѣ употребили на вино».

«Одно утѣшаетъ меня относительно Удскихъ прихожанъ, что число крестьянъ и поселенцевъ не велико, и большую часть составляютъ Тунгусы, которые такъ же добры, какъ и ихъ собратія, живущіе между Гижитою и Охотскомъ».

«Свѣтъ Евангелія начинаетъ распространяться съ нашей стороны и за предѣлы Китайской границы (впрочемъ безъ всякаго моего содѣйствія). Удскій священникъ во время своихъ поѣздокъ по приходу имѣетъ случай видѣться на урочищѣ Буруканъ съ Нигидальцами и другими инородцами, живущими въ предѣлахъ Китайской имперіи,

Библиотека "Руниверс"

которые приходятъ за промыслами и торговлею. При всякомъ свиданіи священникъ бесѣдовалъ съ ними о спасеніи души, и бесѣды его, при содѣйствіи Божіемъ, не остались безъ плода: въ 1845 году (когда Удская церковь была уже причислена къ Камчатской епархіи) окрестилось изъ нихъ 9 человѣкъ; въ 1846—3 человѣка. Одинъ изъ нихъ показалъ рѣдкое усердіе къ принятію св. крещенія».

«Посильныя дѣйствія и труды нашихъ миссіонеровъ Господь благословляетъ видимыми успѣхами. Въ 1845 и половинѣ 1846 года окрещено болѣе 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе ста Чукочъ Азіатскихъ (въ Анадырскѣ). Самое большее число обращено въ Квихпакской миссіи (298 душъ), и осталось много оглашенныхъ. 199 человѣкъ пріобрѣтено Нушагакскимъ миссіонеромъ, который впрочемъ за болѣзнію переведенъ въ Кадьякъ, и мѣсто его остается празднымъ. Кенайскій миссіонеръ, отъ котораго еще не получено оффиціальныхъ донесеній (іеромонахъ Николай, взятый мною изъ Виѳаніи), ревностно подвизается на своемъ поприщѣ, и въ первыя свои поѣздки окрестилъ Кенайцовъ болѣе 200 человѣкъ и мѵропомазалъ 75. Прибытіе въ Ситху священника, вмѣсто іеромонаха Мисаила, дало возможность тамошнему священнику П. Литвинцову (переведенному изъ Кадьяка) заняться бесѣдами съ Колошами, и вслѣдствіе сего окрестилось нынѣшнею весною 36 человѣкъ, и многія женщины, какъ пишетъ священникъ, неотступно просятъ о крещеніи. Церковь, для нихъ устрояемая внѣ крѣпости, приходитъ къ окончанію. При этомъ Колоши показываютъ свое усердіе, — помогая въ доставкѣ лѣса и проч. Это меня очень радуетъ: ибо на построеніе особой для нихъ церкви они долго не соглашались, и потому я не надѣялся, чтобы они стали помогать при устроеніи церкви. Итакъ, по милости Божіей, я надѣюсь и еще совершить освященіе новаго храма, вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Ситху, которое, полагаю, будетъ около 26 Августа. Изъ Аяна намѣрены мы отправиться 24 Іюля».

Окончивъ это путешествіе и возвратясь въ Ситху, преосвященный Иннокентій пишетъ отъ 1 Мая 1848 года:

«Благословенъ Господь Богъ, хранящій меня до нынѣ во всѣхъ путяхъ моихъ, и благоволившій благополучно окончить второе путешествіе мое по Азіи!»

«24 Іюля 1847 г. отправились мы изъ Аяна, и 23 Августа благополучно пришли въ Ситху. Затѣмъ вскорѣ начали собираться суда, бывшія по колоніямъ и въ Камчаткѣ, и привозить къ намъ извѣстія. И слава Богу, вездѣ и во всемъ миръ».

«Изъ полученныхъ мною въ прошедшемъ (1847) Сентябрѣ отъ Кенайскаго и Квихпакскаго миссіонеровъ донесеній видно, что Господь не перестаетъ благословлять дѣйствія ихъ видимыми успѣхами, а миссіонеры дѣйствуютъ со всею ревностію, благоразуміемъ *) и совершеннымъ безкорыстіемъ».

*) Изъ дѣйствій ихъ видно, что они не имѣютъ въ виду стараться увеличивать число крещенныхъ; напротивъ того, со всѣми предосторожностями принимаютъ и приходящихъ къ нимъ креститься.

Библиотека "Руниверс"

«Мѣстопребываніе Кенайскаго миссіонера въ заливѣ того же названія, въ компанейскомъ редутѣ, называемомъ Николаевскимъ».

«Кенайцы вообще принимаютъ христіанство охотно и съ видимою покорностію Слову Божію, поученія слушаютъ съ неутомимымъ вниманіемъ, обязанности христіанскія исполняютъ усердно и со всею заботливостію; а что̀ всего замѣчательнѣе, по одному только желанію миссіонера, они оставляютъ свои національныя пляски и пѣсни, замѣняя послѣднія духовными пѣснями (пока еще на ихъ языкѣ), которыя имъ очень нравятся. Всѣ бывшіе у нихъ шаманы окрестились, и большая часть изъ нихъ сдѣлались лучшими христіанами. Нѣкоторые изъ нихъ, по одному только намёку миссіонера, остригли свои волосы на головѣ, которыми они прежде чрезвычайно дорожили,— въ доказательство того, что они не только слушаютъ, но и стараются исполнять то, что̀ слышатъ отъ миссіонера. Это удивило многихъ, и вообще скорое и усердное оставленіе Кенайцами прежнихъ ихъ суевѣрій и привычекъ удивляетъ всѣхъ, кто зналъ ихъ прежде и видитъ нынѣ».

«О характерѣ Кенайцевъ миссіонеръ замѣчаетъ, что они упрямы, такъ что если не захотятъ чего сдѣлать, то никто ихъ къ тому не принудитъ; но за то̀ въ данномъ словѣ вѣрны и, также какъ и всѣ Алеуты, лѣнивы».

«Мѣстопребываніемъ Квихпакской миссіи миссіонеръ избралъ не Михайловскій редутъ, куда приходятъ компанейскія суда, а одно изъ селеній туземцевъ Икогмютъ, находящееся вверхъ по рѣкѣ Квихпаку въ разстояніи около 200 верстъ».

«Главнымъ препятствіемъ, или общею отговоркою всѣхъ нежелающихъ принять христіанство есть бывшая въ семъ краѣ (1836 и 1837) оспа, очень много истребившая народу и которая, къ несчастью, появилась въ то самое время, когда, по распоряженію колоніальнаго начальства, начали тамъ прививать предохранительную оспу. И потому совершенно во всѣхъ мѣстахъ съ перваго раза смотрѣли и смотрятъ на миссіонера, какъ на оспопрививателя. Но доказательства и убѣжденія миссіонера и самое время, по милости Божіей, начинаютъ убѣждать и самыхъ упорныхъ».

«О приходящихъ къ миссіонеру дѣтяхъ онъ въ журналѣ своемъ говоритъ: ««Нѣкоторыя дѣти съ перваго раза полюбили это занятіе и охотно приходили къ слушанію поученій, а иныя долго дичились. Но наконецъ, благодареніе Господу, Онъ далъ мнѣ грѣшному вкусить сердечное удовольствіе и отсюда. Многія дѣти начали приходить безъ всякаго зова, и всѣ начали внимать и помнить ученіе и произносить на своемъ языкѣ спасительныя истины (для нихъ переведено: Отче Нашъ, и еще нѣсколько молитвъ). Особливо мнѣ пріятно, что они начали хорошо молиться и, кромѣ того, не имѣя прежде обычая мыть руки и лице, нынѣ приходятъ съ чистыми лицами и руками. Родители ихъ говорятъ: дѣти наши уже знаютъ и читаютъ молитвы, а мы еще ничего не знаемъ».

«Если иногда удивляются водворенію миссіонеровъ (западныхъ) среди дикихъ, въ благословенныхъ климатахъ и при всѣхъ средствахъ

Библиотека "Руниверс"

и пособіяхъ; то, конечно, стòитъ замѣчанія водвореніе Квихпакской миссіи въ такой широтѣ (62°) и безъ всякихъ пособій».

«Миссія сія основана совершенно среди туземцевъ необращенныхъ и вдали отъ Русскихъ (ближайшая одиночка въ 120 верстахъ) и своими средствами, безъ всякаго пособія отъ компаніи. Первую зиму миссіонеръ съ причетниками своими провелъ въ самой тѣсной и холодной юрточкѣ. Къ слѣдующей зимѣ они только въ-троемъ и съ нѣкоторою помощію туземцевъ, и главнѣйше при помощи Божіей, построили себѣ довольно просторное жилище, на удивленіе не только туземцамъ, но и Русскимъ. Все заготовленіе къ зимѣ рыбы и дровъ дѣлается самими членами миссіи безъ пособія туземцевъ: ибо туземцы, по непривычкѣ къ постоянной работѣ, ни за что не соглашаются быть работниками; большаго труда и хлопотъ стòитъ найдти работниковъ для путешествій. И вообще можно сказать, что миссія сія существуетъ своими средствами. Но само собою разумѣется, что хлѣбъ и прочіе Европейскіе припасы получаются ими изъ компанейской лавки, находящейся въ Михайловскомъ редутѣ».

«Миссія со стороны туземцевъ рѣшительно не видала никакихъ обидъ, оскорбленій или притѣсненій, тогда какъ многія вещи, принадлежащія миссіи, лежали просто на улицѣ почти цѣлый годъ, а лѣтомъ въ миссіи оставался одинъ только дьячекъ».

«Квихпакскій миссіонеръ пишетъ, что ему одному становится уже очень трудно и даже неисполнимо: едва можно посѣщать ему тѣ только мѣста, гдѣ онъ былъ, а быть въ иныхъ мѣстахъ рѣшительно не можетъ. И потому необходимо открыть еще новую миссію на рѣкѣ Кускоквимѣ».

«Нынѣшняго лѣта я имѣю намѣреніе посѣтить Михайловскій редутъ, видѣться съ миссіонеромъ и узнать о тамошнихъ обстоятельствахъ подробнѣе».

«Слово Божіе, сѣемое миссіонерами на берегахъ моря, безъ всякаго со стороны ихъ посредства, чрезъ новообращенныхъ переносится и къ отдаленнымъ горнымъ жителямъ материка Америки, называемымъ Кольчàнами, никогда не видавшимъ священника».

Весною 1849 года Камчатскій епископъ занимался обозрѣніемъ основанныхъ имъ миссій, о чемъ извѣщаетъ митрополита Филарета въ письмѣ отъ 1 Іюля.

«15 Мая сего года, отправясь изъ Ситхи, 26 Іюня прибылъ я въ Аянъ на компанейско Финляндскомъ суднѣ Ситха».

«Прошедшей осени я имѣлъ честь увѣдомлять о томъ, что я въ то лѣто былъ на Уналашкѣ, въ Кадьякѣ и въ Сѣверѣ Америкѣ; и къ свѣдѣніямъ доставленнымъ мною къ вашему высокопреосвященству въ прошедшемъ 1848 году, касательно миссіи Квихпакской, нынѣ могу присовокупить слѣдующее».

«Исцѣлѣвшій (о коемъ мною было донесено отъ 28 Марта 1848 г.), со дня крещенія своего и по-нынѣ совершенно здоровъ, и его исцѣленіе подѣйствовало и дѣйствуетъ къ обращенію многихъ некрещенныхъ и къ утвержденію въ вѣрѣ новопросвѣщенныхъ. Такъ напр., въ одномъ селеніи, гдѣ до-того одни изъ жителей не хотѣли слу-

Библиотека "Руниверс"

шать проповѣди миссіонера, а другіе подъ разными предлогами не хотѣли принять ученія,—послѣ того, сами изъявили искреннее желаніе креститься, и на вопросъ миссіонера: что̀ ихъ побуждаетъ къ сему, они прямо указали на исцѣлѣвшаго».

«Тоэны и старшины прежде окрещенные по-прежнему продолжаютъ помогать миссіонеру въ дѣлѣ обращенія своимъ примѣромъ, разсказами и убѣжденіями, но отнюдь не властію: ибо власть ихъ надъ ихъ подчиненными весьма незначительна. Такъ напр., одинъ старшина Аналухтахпагмютскаго селенія на рѣкѣ Квихпакѣ (въ которомъ миссіонеръ еще не бывалъ) Константинъ, крестившійся въ 1847 году въ миссіи, по собственному его вызову,—своимъ примѣромъ и убѣжденіями до того расположилъ жителей своего селенія, что лишь только пріѣхалъ миссіонеръ къ нимъ, тотчасъ же всѣ жители отъ мала до велика, числомъ 93, изъявили желаніе креститься, и въ свое время окрещены. Примѣръ ихъ подѣйствовалъ на другаго тоэна Инкалитовъ, бывшаго тамъ случайно, такъ что онъ немедленно окрестился самъ, и по совѣту и примѣру его окрестились 46 человѣкъ изъ его команды. Такаго примѣра въ Квихпакѣ еще не существовало. Сей обратившійся старшина Инкалитовъ приглашалъ миссіонера въ свое селеніе и обнадеживалъ, что и всѣ остальные жители его селенія окрестятся; но миссіонеръ не имѣлъ времени быть у него и едва-ли успѣетъ быть послѣ, — имѣя надобность посѣщать другихъ, прежде крещенныхъ. Число всѣхъ тамошнихъ туземцевъ, принявшихъ св. крещеніе, простирается (по 20 Іюля 1848) до 1064 человѣкъ, не считая 1) дѣтей, рожденныхъ отъ инородцевъ христіанъ, 2) туземцевъ, крещенныхъ мірянами и 3) Русскихъ и Креоловъ, живущихъ въ редутахъ и одиночкахъ, а съ ними число всѣхъ христіанъ на Сѣверѣ Америки простирается до 1250 душъ. Готовыхъ къ пріятію крещенія до 500. Относительно жизни и поведенія новообращенныхъ туземцевъ, миссіонеръ говоритъ, что онъ не имѣетъ возможности быть въ одинъ годъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть крещенные. Но тамъ, гдѣ онъ имѣлъ болѣе случаевъ заниматься съ новокрещенными, какъ-то на Квихпакѣ и отчасти на Кускоквимѣ, и особливо тамъ, гдѣ находится миссія, т. е. въ Икогмютѣ, благодареніе Богу, новокрещенные начинаютъ возрастать въ христіанской жизни: уничтожаются шаманства и самые языческіе, противные христіанству, обычаи; а новопросвѣщенные, дѣлаясь близкими къ нему, съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаются послушнѣе слову и ученію, къ молитвѣ дѣлаются прилежнѣе, и молятся съ благоговѣніемъ. Отъ исполненія обязанности очищенія совѣсти, если только имѣютъ время и случай, они ничуть не отказываются и исполняютъ сіе охотно. Живущіе подлѣ миссіи въ великій постъ безъ всякаго понужденія говѣли цѣлую недѣлю и, не смотря на морозъ, прилежно совершали свое говѣніе и молитвы; въ числѣ говѣвшихъ были двѣ 60-лѣтнія старухи. Но особенно утѣшительно читать въ журналѣ миссіонера описаніе торжества Пасхи, бывшаго въ миссіи въ 1848 году. Ко дню сему, сверхъ чаянія, съѣхалось народу очень много съ разныхъ мѣстъ (безъ всякаго понужденія), и именно съ тѣмъ, чтобы помолиться въ

Библиотека "Руниверс"

церкви. Одно уже это радовало миссіонера; но этого мало: во все время отправленія утрени, начавшейся также съ полночи, всѣ стояли необыкновенно чинно, слушали и смотрѣли внимательно и молились съ особеннымъ благоговѣніемъ и видимою радостію; по примѣру священно и церковно-служителей и нѣсколькихъ Креоловъ, они между собою также христосовались. Очень много способствовала къ совершенію сего торжества и самая погода, которая въ это время была необыкновенно тепла и тиха, такъ что народъ, по тѣснотѣ въ походной церкви, стоялъ на улицѣ съ зажженными свѣчами. Миссіонеръ, при описаніи этой умилительной картины, не находитъ словъ къ выраженію чувствъ, его тогда наполнявшихъ, при видѣ окружающихъ его дикарей, за три года предъ тѣмъ блуждавшихъ во мракѣ язычества, а нынѣ вмѣстѣ съ нимъ съ благоговѣніемъ и усердіемъ во свѣтѣ истинной вѣры поклоняющихся распятому и воскресшему Спасителю своему и—на томъ мѣстѣ, гдѣ за два года предъ тѣмъ совершались дикія шаманства. Миссіонеръ между прочимъ говоритъ: «Могу сказать, что Господь этимъ вознаградилъ меня грѣшнаго за претерпѣнныя мною скорби, болѣзни, затрудненія и прочія препятствія».

«Ученіе и назиданіе дѣтей, начавшееся въ 1846 году, продолжается неизмѣнно. Со стороны родителей нѣтъ къ тому никакихъ препятствій, а при миссіи живущія дѣти охотно изучаютъ молитвы на своемъ языкѣ и постоянно читаютъ ихъ въ своихъ домахъ, чѣмъ возбуждаютъ въ самихъ родителяхъ желаніе слышать что нибудь назидательное».

«Паства Нушагакской миссіи, благодареніе Богу, послѣ двухлѣтняго отсутствія священника, говоря вообще, посѣщавшимъ оную Кенайскимъ миссіонеромъ найдена въ удовлетворительномъ состояніи; изъ всѣхъ до нынѣшняго его прибытія обращенныхъ туземцевъ (925 душъ) не осталось ни одного, который бы отказался отъ слушанія поученій, или отъ совершаемыхъ надъ ними таинствъ и требъ (кромѣ жителей одного селенія, о коихъ будетъ сказано ниже). Напротивъ того, весьма многіе приходили сами къ миссіонеру затѣмъ изъ дальнихъ селеній, а другіе посылали нарочныхъ звать его къ себѣ, и вообще всѣ очень рады были прибытію его. А живущіе вблизи миссіи охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ школу (которая тамъ открыта съ начала водворенія миссіи); число всѣхъ туземцевъ по отбытіи миссіонера осталось 24 человѣка. Желаніе учиться грамотѣ открывается даже у женатыхъ и замужнихъ. Ближайшихъ жителей къ миссіи, Аглегмютовъ, миссіонеръ находитъ лучшими изъ всѣхъ. Они, не смотря на большое разстояніе ихъ селенія отъ церкви, не пропускаютъ ни одного воскреснаго дня, чтобы не быть въ церкви, по крайней мѣрѣ, нѣсколькимъ изъ нихъ. Въ обхожденіи они привѣтливѣе; жилища ихъ, сверхъ общаго обычая, очень опрятны. Почти такое же усердіе въ исполненіи заповѣдей христіанскихъ оказали и жители одного изъ селеній, лежащихъ вверхъ по рѣкѣ Нушагаку—Кіятенцы; они весьма радушно приняли миссіонера, съ радостію исполнили все, что̀ отъ нихъ требовалось и очень благодарили миссіонера за посѣщеніе ихъ».

Библиотека "Руниверс"

«Анадырскій миссіонеръ, съ которымъ я видѣлся въ Гижитѣ въ началѣ 1847 года, въ теченіи того лѣта дѣлалъ поѣздку къ устью рѣки Анадыра, и во время сей поѣздки онъ окрестилъ 74 человѣка, въ числѣ коихъ 22 человѣка (5 семействъ) оленныхъ (кочующихъ) Чукочъ, которыхъ до того миссіонеру не случалось крестить».

«Въ числѣ крестившихся оленныхъ Чукочъ замѣчателенъ одинъ старикъ Мыта, который въ 1845 году не только не показывалъ никакого расположенія къ принятію христіанства, но и съ миссіонеромъ обошелся очень недружелюбно; но нынѣ при свиданіи съ нимъ обошелся ласково, и потомъ крестился самъ и жена его».

«Колошъ въ прошедшемъ 1848 году окрещено только 35 человѣкъ, по ихъ собственному вызову».

«Наконецъ, съ помощію Божіею, къ общему удовольствію всѣхъ крещенныхъ и частію даже некрещенныхъ Колошъ, 26 Апрѣля сего 1849 года совершено мною освященіе построеннаго для нихъ храма, при стеченіи всѣхъ жителей здѣшняго ихъ селенія и нѣкоторыхъ пріѣзжихъ. Очень многіе изъ нихъ приходили къ службѣ, и въ первые семь дней послѣ освященія и послѣдующіе за тѣмъ праздники».

«Замѣтили, что многіе ходятъ съ охотою, но особенно двое—старикъ и молодой, которые кромѣ того усердно молятся во время службы и уходятъ изъ церкви послѣ всѣхъ».

«Съ перваго дня освященія церкви Евангеліе и Апостолъ читаются на ихъ языкѣ, а также Сѵмволъ Вѣры и Молитва Господня, и за каждою литургіею на ихъ языкѣ говорятся поученія».

«Можно надѣяться, что теперь, когда есть у нихъ храмъ, при содѣйствіи Божіемъ, христіанство между ними будетъ распространяться и утверждаться болѣе и болѣе».

Свѣдѣнія о трудахъ и разъѣздахъ Камчатскаго архипастыря въ 1850 году сообщены имъ митрополиту Московскому въ письмѣ отъ 21 Мая 1851 года.

«Паки и многажды слава и благодареніе Господу, хранившему и хранящему меня даже до нынѣ во всѣхъ многообразныхъ путяхъ, и входахъ, и исходахъ моихъ! Онъ помогъ мнѣ совершить и третіе мое путешествіе по Азіатской части ввѣренной мнѣ епархіи благополучно и здорово. Не смотря на разныя перемѣны стихій, времена года и пр., никто изъ бывшихъ со мною не потерпѣлъ въ пути ничего слишкомъ непріятнаго или вреднаго; и какъ я самъ [1]), такъ и бывшіе со мною [2]) во все время были совершенно здоровы».

«8 Августа 1850 я отправился на рѣку Камчатку для обозрѣнія находящихся тамъ церквей; сначала верстъ около 200 ѣхали на верховыхъ лошадяхъ, а потомъ плыли на лодкахъ по рѣкѣ Камчаткѣ. 28 Августа возвратился я въ Петропавловскъ, гдѣ и проживалъ

---

1) Вскорѣ по отбытіи изъ Петропавловска я началъ чувствовать боль въ лѣвой рукѣ, которая не прошла еще и теперь; но она мнѣ пока еще не препятствуетъ дѣлать свое дѣло. Слѣдовательно ее нечего считать и болѣзнію.

2) Взятый мною изъ Ситхи келейникъ (Креолъ), онъ же регентъ, писецъ и иподіаконъ, въ Гижитѣ отморозилъ руки; но онъ уже почти совсѣмъ поправился, и притомъ это съ нимъ случилось на мѣстѣ и не въ пути; слѣдов. нечего считать и его въ числѣ больныхъ.

Библиотека "Руниверс"

безотлучно до 14 Ноября. Съ этого дня началось мое зимнее путешествіе; сначала на собакахъ до Коряковъ, потомъ на оленяхъ, а тамъ опять на собакахъ и, наконецъ, на оленяхъ прибыли въ Аянъ. Съ 18 по 30 Генваря проживалъ я въ Гижитѣ; съ 25 Февраля по 8 Марта—въ Охотскѣ и, наконецъ, 3 Апрѣля прибылъ я въ Аянъ, и тѣмъ кончилось мое путешествіе по твердой землѣ».

«Изъ Охотска въ Аянъ я нынѣ ѣхалъ путемъ новымъ, т. е. по рѣкѣ Маѣ сверху внизъ до Нелькана, гдѣ кочуютъ и бродятъ Тунгусы, принадлежащіе Охотской церкви, слѣдов. по мѣстамъ, принадлежащимъ Камчатской епархіи».

«Говоря о входахъ и исходахъ моихъ, я не хочу умолчать объ одномъ случаѣ весьма для меня утѣшительномъ. Отправляясь въ послѣдній разъ изъ Петропавловска, я, судя по времени года и другимъ обстоятельствамъ, никакъ не могъ думать, что я къ 15 Декабря (т. е. ко дню, въ который я ровно за 10 лѣтъ удостоился рукоположенія въ настоящій санъ) могу пріѣхать въ Драйнинское селеніе, гдѣ отстроивается новая церковь, заложенная въ 1849 году во имя св. Иннокентія, на мѣстѣ ветхой бывшей во имя того же святителя, и даже будучи въ Тигилѣ (6 Декабря), я не надѣялся поспѣть къ этому дню на Драину. Но Господь, удивляющій на мнѣ грѣшномъ милости Своя, благоволилъ явить и сію милость: я, сверхъ всякихъ расчетовъ, пріѣхалъ на Драину 13 числа утромъ, т. е. къ самому времени, и 15 числа Господь сподобилъ меня совершить освященіе новаго храма во имя моего Ангела. Къ тому же, ко времени освященія пріѣхали и всѣ тоэны и старшины всѣхъ Олюторскихъ селеній, которые очень рѣдко бываютъ въ церкви, за отдаленностью, и которые потому никогда не видали архіерейскаго служенія. Это я считаю величайшею, незаслуженною наградою за мое путешествіе».

«Путешествіе мое кончилось. Но что̀ сказать объ немъ вообще?... Много разстоянія пройдено (болѣе 6000 верстъ, не считая морскихъ путей совершенныхъ и предстоящаго, а съ ними всего разстоянія будетъ 19.700 верстъ); много употреблено для сего времени (почти 10 мѣсяцевъ); много истрачено денегъ на прогоны (болѣе 3000 р.), и много причинено трудовъ и хлопотъ обывателямъ, служившимъ мнѣ на путяхъ моихъ; но много ли сдѣлано пользы?... Конечно, не наше дѣло знать объ этомъ; ибо не наше дѣло возращать, а наше дѣло только дѣлать, и я, что̀ могъ и сколько могъ, дѣлалъ. Такъ напр. во всѣхъ церквахъ мною посѣщенныхъ я отправлялъ литургіи, а въ часовняхъ—молебны или бдѣнія и послѣ оныхъ предлагалъ поученія; и также ни одного селенія, чрезъ которыя я проѣзжалъ, не оставилъ безъ того, чтобы не напомнить о главной цѣли существованія нашего на землѣ. И кромѣ того не оставлялъ безъ молитвеннаго благословенія и поученія и встрѣчавшихся мнѣ на пути Тунгусовъ, большею частію въ мѣстахъ пустыхъ и которыхъ я въ нынѣшнюю мою поѣздку видѣлъ довольно много; я служилъ для нихъ молебны подъ открытомъ небомъ».

«Изъ всѣхъ разноплеменныхъ инородцевъ, обитающихъ на пространствѣ Гижитинскаго округа, донынѣ просвѣщены св. крещеніемъ одни

Библиотека "Руниверс"

только Тунгусы (всѣ до одного) и нѣсколько Коряковъ, отдѣльно живущихъ вблизи Гижити (къ Западу); а съ 1844 г. начали креститься Чукчи, живущіе вблизи рѣки Анадыри. Всѣ же прочіе инородцы, какъ то: бродячіе Коряки и другіе, живущіе осѣдло на берегахъ Берингова моря, между Олюторцами и устьемъ рѣки Анадыри, даже Паре́нцы и Ка́менцы, которые болѣе и чаще всѣхъ видятъ Русскихъ, остаются еще во тмѣ и сѣни смертной: ибо до сихъ поръ, можно сказать, еще ни одинъ изъ имѣющихъ право и обязанность проповѣдывать Евангеліе не путешествовалъ съ сею цѣлію не только по Коряцкимъ стойбищамъ, но даже и по ближайшимъ селеніямъ инородцевъ. Причиною тому были разныя неблагопріятныя обстоятельства и въ особенности—опасенія отъ Каменцовъ, живущихъ на устьѣ рѣки Пенжины. Въ настоящее время, когда проѣздъ чрезъ селенія Каменцовъ сдѣлался легче и безопаснѣе, при благоразумномъ и благонамѣренномъ управленіи нынѣшняго начальника Гижити (г. Бреверна, православнаго вѣроисповѣданія), и когда можно имѣть всѣ способы къ путешествію, и притомъ находится человѣкъ, готовый на это дѣло, а мѣстное начальство обѣщаетъ оказать къ тому все содѣйствіе, при такихъ обстоятельствахъ было бы болѣе чѣмъ непростительно не сдѣлать опыта проповѣди Евангелія между вышеозначенными инородцами. И потому, призвавъ въ помощь Спасителя міра, я поручилъ вновь опредѣленному къ Гижитинской церкви священнику Льву Попову проповѣдывать Евангеліе Корякамъ и прочимъ инородцамъ, обитающимъ въ Гижитинскомъ округѣ, дѣлая для сего разъѣзды, когда будетъ удобно. И если не встрѣтится какихъ-либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, могущихъ воспрепятствовать этому дѣлу, то дѣло проповѣди начнется нынѣшнею же весною».

«Съ бывшимъ Анадырскимъ миссіонеромъ я нынѣ лично видѣлся въ Гижитѣ, а быть мнѣ въ самой миссіи рѣшительно невозможно, по чрезвычайной отдаленности».

«Въ 1847 году разнесся слухъ по всему Сѣверу Камчатской области, что изъ глубины Сѣвера идетъ или ѣдетъ на оленяхъ прежній Камчатскій богъ Кутха, который всѣмъ даетъ все новое, т. е. оленей лучшей породы, сѣти, посуду и проч. новые и лучшіе, и гдѣ онъ проходитъ, тамъ исчезаетъ снѣгъ и являются зелень и цвѣты, и проч. Не говоря уже о язычествующихъ инородцахъ, которые этому вѣрили вполнѣ, но и изъ крещенныхъ многіе стали вѣрить, и даже Камчадалы, ближайшіе къ Сѣверу, поколебались, и вслѣдствіе этого одни стали бросать свои вещи, а другіе оставлять въ явномъ небреженіи сѣтки, боты и проч.; а имѣющіе оленей, въ надеждѣ получить отъ Кутхи лучшей породы и въ бо́льшемъ количествѣ, стали убивать и иногда почти безъ всякой надобности лучшихъ оленей, и оттого многіе изъ нихъ лишились большей половины стадъ своихъ. Къ счастію ихъ и самого края, прибытіе Кутхи назначалось прямо и именно въ Мартѣ 1848 г., и когда Мартъ прошелъ, то первые образумились Камчадалы и крещенные Олюторцы, а потомъ и всѣ прочіе. Теперь стыдятся объ этомъ разсказывать не только крещенные, но и самые упорные язычники. Первые слухи

Библиотека "Руниверс"

объ этомъ между крещенными, а особенно между Камчадалами хранились въ глубокомъ секретѣ, и оттого священники могли узнать не скоро, и разумѣется, что они, узнавши объ этомъ, старались разувѣрять, и не безъ успѣха. Такъ напр. одинъ Олюторецъ, имѣющій до 3000 оленей, обращенный въ христіанство симъ же священникомъ Л. Поповымъ, послушался его и безъ нужды оленей своихъ не убивалъ, и онъ теперь очень доволенъ тѣмъ, что послушался священника».

«И въ тоже время, когда доходили слухи, что Кутха уже проѣхалъ такія-то и такія мѣста и приближается къ предѣламъ Камчатской области, сила Слова Божія оказала свое дѣйствіе въ сердцѣ той, въ которой менѣе всего можно было ожидать этого, именно въ древней закоснѣлой Шаманкѣ. Тотъ же священникъ Л. Поповъ доноситъ мнѣ, что въ Сентябрѣ 1847 г., во время путешествія его по приходу для исправленія требъ, онъ въ одномъ мѣстѣ встрѣтился съ Шаманкою, 65-лѣтнею старухою изъ Коряковъ, которую онъ, приглася въ къ себѣ, просилъ между прочимъ разсказать ему про ихъ вѣру. Старуха согласилась и между прочимъ сказала, что и они тоже молятся богу, поднимая глаза вверхъ и проч. и для бога своего убиваютъ собаку или оленя, какъ придетъ на мысль. И на вопросъ: куда дѣваютъ мясо то и другое, она отвѣчала, что мясо собакъ отдаютъ богу, а оленье ѣдятъ сами. Послѣ сего священникъ попросилъ ее выслушать и его и началъ свою рѣчь тѣмъ, что Богъ нашъ, дая намъ все, отъ насъ требуетъ только молитвы, послушанія и повиновенія Его закону; потомъ разсказалъ кратко исторію сотворенія міра и объ Іисусѣ Христѣ. Старуха слушала все со̀ вниманіемъ и безъ отягощенія; но на вопросъ священника, не хочетъ ли она креститься, она отвѣчала, что она уже старуха и что у нея нѣтъ желанія. Тѣмъ дѣло это и кончилось, и они разстались. Но чрезъ три дня, когда священникъ былъ уже въ другомъ мѣстѣ, въ 60 верстахъ ниже по рѣкѣ, та старуха явилась къ нему, приведя съ собою и 20-лѣтняго сына и настоятельно требовала отъ священника, чтобы онъ окрестилъ ихъ. На вопросъ, что̀ ее заставляетъ креститься, она отвѣчала, что она, разставшись съ нимъ, цѣлую ночь не могла спать: ее безпокоитъ ея худая жизнь, и что она убѣждена, что вѣра христіанская лучше и пр. Когда же священникъ сказалъ, что онъ крестить ее не будетъ, пока не увѣрится и т. д., старуха начала упрекать и обвинять его: «зачѣмъ же ты говорилъ со мною о вѣрѣ своей?» и проч. И священникъ, видя ея вѣру и искреннее усердіе, окрестилъ ее и сына ея».

«Послѣ сего нельзя не сказать, что ежели и въ то время, когда всѣ вѣрили и съ часу на часъ ожидали Кутху, проповѣдь Слова Божія имѣла свое дѣйствіе, то нѣтъ сомнѣнія, что теперь, когда ожидавшіе его стыдятся даже разсказывать о томъ, проповѣдь о истинномъ Богѣ Спасителѣ міра не останется совсѣмъ безплодною, при содѣйствіи Его».

Въ 1854 г. преосв. Иннокентій доставилъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о своихъ путешествіяхъ и о дѣйствіяхъ устроенныхъ имъ миссій.

Библиотека "Руниверс"

«Съ 9 Января по 26 Февраля я путешествовалъ по Якутской области для обозрѣнія церквей. Усердіемъ Якутовъ ко мнѣ и, можно сказать, пламеннымъ желаніемъ видѣть меня для того, чтобы принять благословеніе чрезъ меня, я чрезвычайно утѣшался. Доказательствомъ первому служитъ то, что они болѣе чѣмъ на 300 верстъ расчистили дорогу для проѣзда моего, а послѣднему то, что они задолго и изъ неблизкихъ мѣстъ собирались на тѣ станціи, гдѣ я долженъ былъ останавливаться для перемѣны лошадей, и именно для того, чтобы принять мое благословеніе и, принявъ оное, крестились и благодарили Бога за то».

«По послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною нынѣ изъ Америки и Сѣвера Азіи, между прочимъ видно, что Слово Божіе, проповѣдуемое между язычествующими туземцами, благодареніе Господу, распространяется съ довольно значительнымъ успѣхомъ, и въ особенности на Сѣверѣ Америки».

Въ 1859 г. преосв. Иннокентій сообщилъ митрополиту Филарету слѣдующее донесеніе, полученное имъ отъ одного миссіонера съ Курильскихъ острововъ.

««Въ 1858 году, по возложенному на меня послушанію, я вторично былъ посланъ къ Курильцамъ. Проживъ съ этими островитянами немалое время, я могъ довольно ознакомиться съ ихъ бытомъ житейскимъ и обычаями и видѣлъ у нихъ многое достойное христіанской похвалы, но другое—крайняго человѣческаго сожалѣнія. Лѣтній домашній бытъ Курильцевъ, въ переходныхъ палаткахъ и шатрахъ, подъ открытымъ небомъ, среди свѣжей зелени, вблизи моря, доставляющаго имъ пропитаніе, довольно обезпеченъ; во многихъ прибрежныхъ мѣстахъ жить имъ привольно и хорошо подъ заботою и убранствомъ доброй природы и при обильныхъ пособіяхъ роднаго моря. Но зимній бытъ ихъ совсѣмъ иной и достоинъ иногда всякаго сожалѣнія. Грязный безпорядокъ, затруднительная тѣснота, дурной запахъ и безпечная неопрятность: вотъ главныя и почти неразлучныя принадлежности ихъ зимняго быта, хотя они и могли бы наблюдать нѣкоторую чистоту и порядокъ во всѣхъ юртахъ, какъ это живущіе при мнѣ и дѣлали въ большіе праздники, когда я, по обычаю христіанскому, посѣщалъ юрты ихъ съ крестомъ Господнимъ. Немногіе ведутъ жизнь свою нѣсколько опрятно и въ своихъ юртахъ наблюдаютъ сколько-нибудь порядокъ и чистоту. Такіе люди и къ службѣ церковной усерднѣе и постояннѣе, и промыслами житейскими занимаются старательнѣе и успѣшнѣе. Вѣрно и то, что въ чистой и опрятной юртѣ и келейно скорѣе и удобнѣе можно помолиться Богу, и дѣломъ домашнимъ (плетеніемъ травяныхъ цереръ и искатовъ) заняться удобнѣе и охотнѣе, не предаваясь, какъ при небрежномъ безпорядкѣ, всегда вредной и унылой праздности»».

««Еще достойна сожалѣнія въ кроткомъ характерѣ Курильцевъ черта всеобщая—скрытность предъ инородцами. Братской откровенности отъ нихъ, отъ стараго до малаго, трудно, и едвали возможно, иноземцу дождаться; все же иностороннее, какъ волна морская, скоро разливается по всѣмъ юртамъ Курильскимъ, хотя бы то было ска-

Библиотека "Руниверс"

зано въ тайной и довѣренной бесѣдѣ. Зависитъ ли эта скрытность ихъ отъ природной робости и полудикой боязни, или происходитъ отъ хитрости и лукавства,—Богъ знаетъ; но, мнѣ кажется, болѣе происходитъ отъ первой причины, потому что въ жизни своей всѣ Курильскіе островитяне самые кроткіе и послушные, и вообще очень добрые люди. По этой наслѣдственной скрытности, они боятся или не хотятъ быть сердечно откровенными и предъ своимъ духовнымъ отцемъ, на христіанской исповѣди»».

««Отрадно сказать въ похвалу нѣкоторыхъ изъ этихъ островитянъ, что они къ службѣ церковной всегда были усердны, сколько можно было судить по наружности, а сердечное видитъ и вѣдаетъ Одинъ Всевѣдущій. Весьма рѣдко случалось, чтобы кто-либо пропустилъ безъ особенной причины и одно церковное богослуженіе. Въ продолженіе службы они стояли смиренно и безъ малѣйшаго разговора, молились Богу очень низко, слагая на себѣ крестъ, какъ должно по-христіански, а не торопясь и не махая рукою кое-какъ; Слово Божіе и христіанскія поученія слушали съ видимымъ вниманіемъ, хотя, быть могло, нѣкоторые и мало понимали по ихъ плохому разумѣнію языка Русскаго. Но я всегда старался читать для нихъ рѣдко и вразумительно, и выбиралъ поученія изъ христіанскихъ книгъ самыя простыя и понятныя, и было иногда замѣтно по лицу нѣкоторыхъ, что иныя слова понимали они очень ясно. Въ великіе посты, во время говѣнія, для удобнаго положенія земныхъ поклоновъ, мужчины становились рядомъ впереди, а женщины особо назади; малые и великіе поклоны дѣлали всѣ косно и ровно, и всѣ изъ нихъ съ видимою готовностію исполняли непремѣнный христіанскій долгъ. По наружному ихъ усердію и постоянному хожденію къ службѣ Господней видно было, что они не скучали и не тяготились и продолжительнымъ церковнымъ богослуженіемъ, особенно во время Страстной недѣли, въ которую читаны были мною по уставу церкви всѣ четыре евангелія. Въ первую и послѣднюю седмицу великихъ постовъ употребляли пищу изъ земныхъ растеній, безъ жира морскихъ звѣрей, хотя они столько же къ нему привыкли, какъ малыя дѣти къ грудному молоку, и безъ него во всякое другое время никакая пища у нихъ не бываетъ. Еще можно къ чести мужчинъ сказать, что они, когда отлучались изъ своего стана на дальній промыселъ, старались всегда принять на путь благословеніе. Кромѣ того, всѣ они имѣли доброе обыкновеніе въ лѣтнее время каждый день по утру и вечеромъ въ общемъ собраніи приходить на благословеніе. Многіе изъ нихъ знаютъ наизустъ главныя христіанскія молитвы, но, къ сердечному сожалѣнію, очень многіе произносятъ ихъ весьма неправильно, и едва ли что̀ въ оныхъ разумѣютъ, худо понимая языкъ Русскій. Особенно это должно сказать о лицахъ женскаго пола. Есть еще у нихъ общій похвальный обычай: при свиданіи между собою послѣ долгой разлуки и при разставаніи предъ отъѣздомъ на другіе острова, всѣ подходятъ къ старшимъ со сложенными руками и цѣлуютъ съ почтеніемъ положенную въ ихъ руки руку; такъ поступаютъ не одни дѣти малолѣтнія, но и взрослые,

Библиотека "Руниверс"

которые уже сами отцы и матери дѣтей. Отрадно смотрѣть, когда мужчина, самъ уже убѣленный почтенными сѣдинами, и женщина, преклонная лѣтами, отправляясь въ опасный морской путь, со сложенными руками подходятъ ко всѣмъ ихъ еще старшимъ, смиренно цѣлуютъ поданныя имъ маститыя руки и потомъ уже братски цѣлуютъ въ уста. Вотъ, мнѣ кажется, добрый примѣръ христіанской любви, братскаго единенія и почтенія, а вмѣстѣ живой и полезный урокъ для всѣхъ младшихъ!»»

««Послѣднюю зиму я провелъ на островѣ Парамуширѣ. Со мною, на одномъ прибрежьѣ, зимовалъ съ нѣсколькими Курильскими семействами Курильскій тоэнъ, старецъ весьма почтенный и кроткій, знающій Русскую грамоту и очень усердный къ службѣ церковной. Во все время моего здѣсь пребыванія онъ не пропустилъ ни одной службы церковной. Во дни великихъ праздниковъ, когда не было холодно и не было бурныхъ мятелей, у насъ совершались литургіи въ полотняной церковной палаткѣ, которая для защиты отъ вѣтра, въ свое время, устанавливаема была между нанесенными снѣговыми стѣнами, а снѣжный полъ въ церкви всегда устилался чистыми травяными церерами, или зелеными кедровыми вѣтвями. Другія же церковныя службы, по непрестаннымъ затрудненіямъ отъ зимняго времени, постоянно происходили въ моей помѣстительной юртѣ. Но были и такіе дни, въ которые, отъ яростныхъ мятелей, другимъ не было возможности придти къ церковному богослуженію и въ мою юрту, отстоящую только на нѣсколько шаговъ отъ юртъ Курильскихъ»».

««Въ первый день весны, бывшій въ Недѣлю Православія, и моимъ духовнымъ дѣтямъ, православнымъ, послѣ христіанскаго говѣнія и исповѣди, хотѣлось принять въ душевные свои домы Христа Спасителя нашего. Но Святѣйшій изъ Святыхъ не благоволилъ въ этотъ день внити въ домы нашихъ душъ, прокаженныхъ и грѣшныхъ. Хотя и настала уже весна, но здѣшніе яростные вѣтры, не переставая каждодневно свирѣпствовать по-зимнему, лишили всякой возможности отслужить въ свое время божественную литургію въ церковной полотняной палаткѣ. Даже не было никакой возможности укрѣпить оную отъ порывовъ вѣтра на нѣсколько минутъ; и мы, грѣшные и недостойные, послѣ простой церковной службы въ моей юртѣ, въ уповани на милость Божію, только утѣшили себя надеждою на будущія недѣли святаго поста, когда весна, съ своимъ благопріятнымъ временемъ, приблизится и къ нашему острову. Для меня было великою радостію и то, что я, въ настоящее время, при исповѣди нашелъ духовныхъ дѣтей своихъ гораздо болѣе откровенными»».

««Свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія и мы грѣшные встрѣтили съ христіанскою радостію, и всѣхъ насъ Господь Богъ удостоилъ въ сей торжественный день причаститься животворящаго тѣла и крови Христовой. Во всю Свѣтлую Недѣлю Курильцы не были лишены и домашнихъ своихъ радостей; каждый день, послѣ службы церковной, они пиршествовали, поочереди другъ у друга, въ полномъ своемъ собраніи; бесѣды ихъ, при радушномъ гостепріимствѣ хозяина, были всегда тихи и безшумны. Первое мѣсто въ Куриль-

Библиотека "Руниверс"

скомъ угощеніи, во всѣ часы дня, занимаетъ чай, до котораго всѣ они страстные охотники. Въ нужныхъ случаяхъ, когда у нихъ выйдетъ годовой запасъ чайный, они пьютъ настоянную, какъ чай Китайскій, нѣкоторую Курильскую траву, а зимою—голыя вѣтви шиповника; вмѣсто же сахара кладутъ въ свои чашки немного поджаренной муки. Полное угощеніе, въ обильное для нихъ время, состоитъ изъ варенаго мяса морскихъ звѣрей и птицъ и изъ земныхъ кореньевъ, изжаренныхъ съ жиромъ, или сваренныхъ съ ягодами. Въ настоящее время многаго у нихъ не было, но и для нихъ, на ихъ пустынномъ далекомъ островѣ, каждый свѣтлый день внятно слышалась всеобщая и единственная радость христіанская: Христосъ Воскресе,—и мы, слава воскресшему Господу, всѣ были довольны и радостны»».

««Въ половинѣ Мая, во исполненіе указа мнѣ даннаго, я переѣхалъ въ Курильской байдарѣ на Шумшу. На этомъ островѣ ведутъ осѣдлую жизнь нѣсколько Курильскихъ семействъ, часа на два хода отъ гавани компанейской, при которой живетъ постоянно отъ Россійско-Американской компаніи управляющій, и при немъ немного Ситхинскихъ Креоловъ и Кадъякскихъ Алеутовъ. Курильцы здѣшніе понимаютъ и говорятъ по-русски гораздо лучше всѣхъ своихъ единоземцевъ, но по образу жизни и характеру ни мало не отличаются отъ прочихъ туземцевъ, и многіе годы ихъ сношеній съ разными народами не могли измѣнить ихъ скрытнаго характера. Также и въ религіозномъ отношеніи, и по нравственности христіанской они нисколько не превосходятъ многихъ полудикихъ своихъ собратій. Живутъ они въ постоянныхъ юртахъ, при обильной рыбою рѣчкѣ, и каждое почти лѣто имѣютъ сообщеніе съ своими сосѣдами—Камчадалами; отъ нихъ завелись они и домашнимъ рогатымъ скотомъ, и содержатъ для зимней ѣзды много пріученныхъ ѣздовыхъ собакъ».

Въ началѣ 1860 г. преосв. Иннокентій доставилъ между прочимъ извлеченія изъ журнала, веденнаго однимъ изъ его сослуживцевъ.

«Мѣстомъ миссіонерской дѣятельности игумена Николая служилъ полуостровъ Кенайскій, съ прилежащими къ нему островами, а его резиденціей—редутъ святаго Николая, лежащій въ Кенайской бухтѣ».

«Народы, населяющіе Кенайскій полуостровъ, принадлежатъ частію къ Амурскому, частію къ Американскому племени, и живутъ большею частію около морскихъ береговъ, такъ какъ главная ихъ пища—рыба, и главный ихъ промыслъ на морѣ. Только на время нѣкоторые изъ нихъ отправляются въ горы, находящіяся на полуостровѣ, для ловли такъ называемыхъ ямановъ (дикихъ козъ), мясо которыхъ служитъ для нихъ на зиму подспорьемъ къ главной ихъ пищѣ—рыбѣ».

«Посему миссіонеръ, для посѣщенія своей паствы съ проповѣдію Слова Божія ежегодно плаваетъ на байдаркахъ около морскихъ береговъ полуострова, а также по проливамъ, отдѣляющимъ острова, прилежащіе къ сему послѣднему, останавливается въ главнѣйшихъ селеніяхъ, разсѣянныхъ по берегамъ полуострова и островамъ, и призываетъ туда, на время, жителей изъ ближайшихъ селеній, для исполненія церковныхъ требъ и назиданія».

Библиотека "Руниверс"

«Сколько трудностей, сколько опасностей долженъ претерпѣть миссіонеръ на семъ пути, это легко можетъ представить и не испытавшій лично на себѣ подобнаго рода путешествій, а только нѣсколько знакомый, хотя по описаніямъ, съ плаваніемъ по морю на байдаркахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ первый разъ видитъ байдарку, тому невольно западетъ въ голову сомнѣніе, какъ можно плавать на ней по морю, особливо не въ близкомъ разстояніи отъ береговъ. Кажется, стоитъ только подняться вѣтру и небольшимъ валамъ, чтобы затопить этотъ легкій челнокъ, или унести на погибель въ открытое море. То и другое случается, правда, не часто, потому что искусство Алеутовъ и вообще туземцовъ въ управленіи байдаркою изумительно. Скорѣе лошадь можетъ вышибить изъ сѣдла всадника, чѣмъ волна опрокинуть байдарку Алеута. Къ тому же, туземцы до такой степени привыкли къ морю, что и безъ барометра могутъ предугадывать измѣненіе погоды. Въ случаѣ опасности, туземцы, а съ ними и миссіонеръ, обыкновенно пристаютъ къ первому болѣе или менѣе удобному для высадки берегу. Здѣсь, часто на совершенно пустынномъ мѣстѣ, они ожидаютъ измѣненія погоды, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь. Но это не всегда случается скоро: погода дурная можетъ продолжаться иногда нѣсколько сутокъ. Между тѣмъ припасы ихъ выходятъ, или, во время приливовъ, поглощаются моремъ, и они принуждены бываютъ голодать. Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, разсказанный довольно подробно миссіонеромъ въ журналѣ. Чтобы не нарушить трогательной простоты разсказа миссіонера, сдѣлаемъ простую выписку изъ его журнала. Пусть дѣло говоритъ само за себя. Всякое прибавленіе наше совершенно излишне».

«Въ 1856 году миссіонеру надлежало посѣтить своихъ прихожанъ, живущихъ въ Нучекѣ, и онъ отправился туда; дорогою останавливался въ Александровской одиночкѣ, для исправленія требъ. Онъ предполагалъ Св. Пасху встрѣтить въ Нучекѣ, гдѣ есть часовня и гдѣ жителей до 400 человѣкъ; и потому онъ, въ семъ намѣреніи, не всегда ѣхалъ въ благопріятную погоду. ««12 Апрѣля,—говоритъ онъ,—ѣхали въ Нучекъ до вечера, но противиться волѣ Божіей нельзя: вѣтеръ болѣе и болѣе усиливался, и наконецъ насъ выбросило на самомъ неудобномъ мѣстѣ. Едва спасли свою жизнь»».

««Въ Великую Субботу (14 Апрѣля) погода еще болѣе усилилась. Мы изнемогаемъ отъ холода и страха. Ночью сдѣлалось необыкновенное возвышеніе воды (конечно, погодою нагнало). Байдарки унесло всѣ, а съ ними и все имущество наше и церковное, а также и припасы. Поутру стали находить обломки байдарокъ; мое бѣлье разбросало кое-гдѣ по лайдѣ, а прочее все погибло. Не столько жалѣю о своемъ имуществѣ, сколько о церковномъ,—ящикѣ съ церковной утварью, чемоданѣ съ ризницею и о походной церкви. Если я останусь живъ, то въ чемъ буду служить? А сколько времени дожидались Божіей службы Нученцы! Теперь нѣтъ ни провизіи, ни орудія для добычи пищи: все унесло море. Передрогли отъ мокроты и холода, не можемъ перемѣнить одежды: все верхнее платье мое

Библиотека "Руниверс"

и бывшее со мною унесло, даже обогрѣться нечѣмъ. Нашли только мой крестъ *) наперсный между каменьями, бывшій въ желѣзномъ камилавошникѣ и въ футлярѣ, и байдарку бывшаго со мною тоэна, всю изломанную. И за то слава Богу! Можетъ быть, не помремъ съ голоду, дадимъ о себѣ извѣстіе въ Нучекъ. А если бы не нашли байдарку, навѣрное, всѣ померли бы голодною смертію,—потому что сидимъ на пустомъ мѣстѣ: никто объ насъ не знаетъ. Всѣ обратили вниманіе на байдарку и принялись поправлять. Я одинъ только хожу по лайдѣ; мочитъ меня дождемъ, окатываетъ буруномъ. Отъ мокроты и голода совсѣмъ изнемогъ. Весь день провелъ безъ пищи. Съ горькими слезами ложусь спать, но сонъ нейдетъ, уснуть не могу. Прошу Господа и Пречистую Его Матерь и угодника Божія Николая спасти хотя церковныя вещи. На разсвѣтѣ я засыпаю и слышу, кто-то говоритъ мнѣ съ высокаго каменнаго утеса: «Не унывай! Много Богъ утѣшитъ, когда нужно». А кто говорилъ, я не видалъ, и вскорѣ проснулся»».

Выписки изъ журнала, представленныя тѣмъ же игуменомъ Николаемъ (съ Сентября 1858 по 1862 годъ), сообщены митр. Филарету преосв. Иннокентіемъ въ 1863 году. Вотъ извлеченіе изъ нихъ.

«Осень, зиму и весну, по невозможности путешествовать въ это время въ дальнія мѣста, миссіонеръ проводитъ у себя дома въ обычныхъ занятіяхъ: богослуженіи въ праздники, исправленіи духовныхъ требъ у мѣстныхъ жителей, въ разныхъ домашнихъ дѣлахъ и проч. О Кенайцахъ между прочимъ онъ пишетъ, что въ праздники многіе изъ ближнихъ селеній часто ходятъ къ богослуженію; кромѣ воскресныхъ дней, знаютъ, когда бываютъ и другіе праздники, особенно великіе, дѣлаютъ для этого замѣтки на дощечкахъ или палочкахъ, и многіе даже изъ дальнихъ селеній приходятъ въ церковь. Особенно много Кенайцевъ собирается въ миссіи въ день св. Николая (когда миссіонеръ бываетъ имянинникъ), въ праздники Рождества Христова и св. Пасхи—какъ по усердію къ богослуженію, такъ отчасти, можетъ быть, и потому, что миссіонеръ въ эти праздники предлагаетъ отъ себя угощеніе вообще всѣмъ богомольцамъ. Духовныя требы Кенайцы исполняютъ: дѣтей крестятъ, при бракосочетаніи вѣнчаются, многіе имянинники служатъ молебны своему св. покровителю, приглашаютъ миссіонера въ сосѣднее съ миссіею селеніе для напутствія умирающихъ исповѣдью и св. причащеніемъ, и для погребенія покойниковъ по церковному обряду. Прежде, въ язычествѣ, Кенайцы, подобно прочимъ дикарямъ, сожигали умершихъ, кости ихъ поставляли въ ящикахъ на кладбищѣ, ближайшіе родственники по временамъ приходили сюда и производили громогласный плачъ, сострадательные приходили для утѣшенія и дѣлали разные подарки. По случаю поминокъ въ годовщину родственники дѣлали пиршество, кото-

*) Крестъ этотъ былъ въ водѣ, и его увидали потому только, что цѣпочка его была раскинута на камнѣ. Будь она въ другомъ положеніи, креста нельзя было бы видѣть. И потому, можно сказать: крестъ этотъ пожалованъ миссіонеру и Царемъ земнымъ, и Царемъ небеснымъ.

Библиотека "Руниверс"

рое состояло въ угощеніи всѣхъ званыхъ и незваныхъ гостей закомою, ягодами съ жиромъ и всѣмъ, что найдется у хозяина; гости производили пляски, и потомъ хозяинъ долженъ былъ каждому гостю сдѣлать какой нибудь подарокъ,—почетнымъ между ними давалъ болѣе, бѣднымъ меньше, и раздавалъ почти все свое скудное имѣнье. Нынѣ мало по-малу прекращается такой обычай: ближніе Кенайцы приходятъ въ церковь, просятъ отслужить панихиду въ день смерти своего родственника. Миссіонеръ при удобномъ случаѣ внушаетъ, что всякое дѣло надо начинать съ благословенія Божія и по окончаніи его благодарить Бога за помощь. Поэтому ближніе Кенайцы, предъ отправленіемъ на промыслъ рыбы, рѣчныхъ бобровъ или дикихъ барановъ въ горныхъ хребтахъ, часто приходятъ въ церковь, просятъ миссіонера отслужить молебенъ, и по возвращеніи съ промысла часто дѣлаютъ тоже. Въ каждый великій постъ многіе Кенайцы изъ ближнихъ, нѣкоторые и изъ дальнихъ селеній, сами приходятъ въ миссію помолиться, исповѣдаться и причаститься св. Таинъ. Кенайцевъ, говоритъ миссіонеръ, исповѣдывать утомительно, потому что исповѣдь совершается слишкомъ медленно, а торопить совѣстно; нужно приготовить себя къ терпѣнію. На вопросъ священника они отвѣчаютъ не вдругъ, нѣсколько подумавши. По окончаніи вопросовъ и отвѣтовъ священникъ спроситъ: еще чего нѣтъ ли на совѣсти? Исповѣдующійся переберетъ подробно всѣ свои дѣла, слова и помышленія, и сознается еще, что онъ хотѣлъ, напримѣръ, гдѣ нибудь выдернуть гвоздь для своей надобности, или думалъ: о! если бы я былъ Богомъ, почетенъ, какъ такой-то, и тому подобное. На первой недѣлѣ великаго поста 1859 года причастниковъ изъ Кенайцевъ было больше ста человѣкъ. Случается иногда налагать и епетимію на нѣкоторыхъ за болѣе важные грѣхи, напр. полагать земные поклоны въ церкви и дома. Двухъ закоренѣлыхъ шамановъ миссіонеръ на первой недѣлѣ ставилъ на колѣна за каждой службой, и они обѣщали не шаманить больше».

«Отдаленныя селенія, для исправленія духовныхъ требъ и для Евангельской проповѣди, миссіонеръ посѣщаетъ только лѣтомъ. Такъ какъ по огромному пространству, на которомъ разсѣяны селенія дикарей, въ одно лѣто невозможно посѣтить всѣ мѣста: то онъ въ одно лѣто посѣщаетъ западную и южную половину своего прихода, а въ другое лѣто восточную и сѣверную около Кенайскаго залива. О своемъ путешествіи, совершенномъ лѣтомъ 1859 года, миссіонеръ пишетъ слѣдующее».

««12 Мая, отслуживъ напутственный молебенъ, я съ причетникомъ поплылъ въ байдаркахъ на западную и южную сторону своего прихода, заходилъ въ селеніе Ненильчикъ, гдѣ живутъ вольные поселенцы изъ Русскихъ и Креоловъ. 15 числа приплыли мы въ горную экспедицію компаніи, гдѣ добываютъ каменный уголь. Здѣсь исправилъ я только необходимыя требы, потому что считалъ нужнымъ поспѣшить на Югъ къ Нучеку, пока стоитъ хорошая, тихая погода; а для исповѣди и причащенія служащихъ компаніи обѣщался заѣхать на обратномъ пути. 22 числа приплыли мы въ Чугачское селеніе

Библиотека "Руниверс"

Ахмыликъ, и въ тотъ же день я приказалъ повѣстить жителей сосѣднихъ мѣстъ, чтобы собрались для молитвы, исповѣди и причастія. Назначивъ имъ постъ, 23 и 24 числа я совершалъ богослуженіе и говорилъ поученіе, а по исповѣди 25 числа пріобщилъ св. Таинъ 48 человѣкъ. Послѣ того крестилъ младенцевъ, повѣнчалъ бракъ, отпѣвалъ покойниковъ, разбиралъ между Чугачами распри, мирилъ, и въ ночь отправился дальше. До 29 Мая плыли хотя медленно, но благополучно. Когда проплыли Аяликскую бухту и нужно было объѣхать длинный мысъ Воскресенской бухты, къ вечеру поднялся вѣтеръ; дальше плыть было невозможно, воротиться назадъ чрезъ Аяликскую бухту тоже нельзя, пристать негдѣ, вокругъ утесы. Заѣхали въ маленькую бухту, но и тутъ пристать нельзя: вездѣ утесы. Что дѣлать? Страхъ мучительной смерти объялъ всѣхъ насъ. Но надобно же было на что-нибудь рѣшиться. Усмотрѣли одно мѣсто нѣсколько поотложе, подплыли къ нему; но и тутъ бѣда: у самаго утеса глубоко, берегъ очень высокъ и крутъ, изъ байдарки выступить на него неудобно. Но опасность возбуждаетъ къ рѣшительности на все. Одинъ изъ удальцевъ Кенайцевъ рѣшился, что̀ ни будетъ, выскочить изъ байдарки, кое-какъ вскарабкался на верхъ, привязалъ ремень къ камню, конецъ его бросилъ намъ. Взявшись за ремень, я поднялся на верхъ, за мною и прочіе; потомъ поднимали грузъ съ большими затрудненіями. Байдарки втащили также веревками, немного повредивъ ихъ о камни. Слава Богу! Все подняли и сами, хотя всѣ измочились и продрогли отъ холода, но когда развели огонь, обогрѣлись и, оставшись на скалѣ, ждали тихой погоды. Но трудная задача еще впереди: какъ спускаться съ крутаго утеса? 30 числа вѣтеръ сталъ стихать, и мы пошли искать спуска поглаже, чтобы не испортить байдарокъ объ острые камни. На противоположной сторонѣ мыса нашли мѣсто получше, весь свой грузъ перенесли сюда. Но спускаться съ крутаго утеса мудрено. Придумали посадить двухъ гребцовъ въ байдарку, затянули комлейками люки, стали спускать, — байдарка носомъ погрузилась въ воду, но по причинѣ пустоты внутри всплыла на поверхность воды. Гребцы, лежавшіе внутри, развязали люки, потомъ стали принимать прочія байдарки и грузъ, все уложили, какъ надобно, всѣ люди спустились по ремню, только послѣднему уже нельзя было отвязать ремня отъ камня. Спустившись благополучно, поплыли дальше»».

««1-го Іюня приплыли къ мѣсту Чугачскаго селенія Чаниги, но жителей никого не было: вѣроятно переселились въ другое мѣсто, котораго намъ не найдти по причинѣ множества большихъ и малыхъ бухтъ и острововъ, въ которыхъ и природный житель заблудится. 4 числа утромъ приплыли къ Нученскому редуту. Здѣсь послѣ вѣтра очень дурно бываетъ приставать къ берегу. Одна наша байдарка съ толмачемъ опрокинулась отъ бурана; но бывшіе на берегу люди спасли; только все, что̀ было въ байдаркѣ, перемочилось. Отъ Кеная до Нучека мы плыли 23 дня. Въ Нучекѣ все благополучно, мирно, неблагопріятныхъ слуховъ о враждебныхъ Колошахъ нѣтъ никакихъ. На другой день управляющій компанейскими дѣлами послалъ чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣка въ окрестныя Чугачскія селенія повѣстить, чтобы собрались въ редутъ для говѣнія. 6 числа я окрестилъ и мѵропомазалъ 23 человѣка, назначилъ постъ и сталъ служить для жителей редута и находящагося при немъ селенія Чугачъ. 7 и 8, послѣ общаго богослуженія, служилъ молебны, панихиды; 9 числа исповѣдывалъ, а 10 пріобщалъ св. Таинъ. Причастниковъ было 104. Послѣ вечерни служилъ благодарный молебенъ отъ лица причастниковъ. Къ вечеру того дня приплыли Чугачи изъ окрестныхъ селеній. Я назначилъ имъ постъ, окрестилъ 7 младенцевъ. 11 и 12 числъ послѣ службы исповѣдывалъ; пріѣзжіе просили скорѣе отпустить ихъ, потому что у нихъ началась ловля рыбы для заготовленія на зиму. 13 числа пріобщилъ св. Таинъ 103 человѣка; за вечернею службою служилъ для нихъ благодарный молебенъ и отпустилъ. 14 числа совершалъ богослуженіе для прибывшихъ вновь, окрестилъ 16 младенцевъ. 15-го числа повѣнчалъ бракъ Чугачскій, 16-го исповѣдывалъ говѣющихъ, 17-го пріобщилъ св. таинъ 93 человѣка, повѣнчалъ 12 браковъ, за вечернею поучалъ какъ вести себя послѣ причащенія, какъ блюсти себя отъ худыхъ дѣлъ. Да и при каждомъ богослуженіи, по обычаю, я предлагаю приличное поученіе»».

««Слава Богу! Въ Нучекѣ я покончилъ всѣ свои дѣла: немногіе изъ Чугачъ остались безъ исповѣди и причащенія. Теперь нужно плыть дальше на Югъ къ Угаленцамъ. Угаленцы принадлежатъ къ роду свирѣпыхъ Колошъ; языкъ, нравы, обычаи, одежда, образъ жизни— все тоже, какъ и у Колошъ. Но со мною живутъ хорошо. Во время плаванія погода была хотя тихая, но весьма дождливая. 22 Іюня мы приплыли въ селеніе Угаленцевъ. Насъ встрѣтили съ ружейными выстрѣлами въ знакъ радушія. Мои гребцы Кенайцы боялись Угаленцевъ, но мы—бывалые, знакомые, успокоили ихъ. Въ тотъ же день я окрестилъ здѣсь 40 человѣкъ съ младенцами. Но очень затруднительно было записывать окрещенныхъ на открытомъ воздухѣ —комаровъ тьма; да и говорить нужно было черезъ двухъ толмачей, Чугачскаго и Угаленскаго. Этотъ разговоръ продолжался до полуночи, терпѣніе совсѣмъ истощалось отъ усталости и особенно отъ комаровъ, а торопить Угаленцевъ нельзя. 23 числа послѣ богослуженія еще окрестилъ 23 человѣка, 24 и 25 числъ послѣ службы и поученія исповѣдывалъ, 26 числа пріобщилъ св. Таинъ 117 человѣкъ, кромѣ дѣтей. Нѣкоторые просили повѣнчать ихъ, но я не рѣшился на это, зная, что они часто перемѣняютъ своихъ женъ. Послѣ обѣда отпѣвалъ покойниковъ ихъ и объяснялъ, что значитъ это служеніе. Они своихъ покойниковъ также сожигаютъ, чтобы тѣла ихъ черви не точили, отъ чего будто бы родственникамъ умершихъ будетъ стыдно. Я говорилъ имъ, чтобы оставили такой обычай, но много не настаивалъ на томъ, чтобы не разстроить ихъ при нетвердости въ вѣрѣ. 27 числа я утверждалъ ихъ въ вѣрѣ христіанской, говорилъ, какъ крещеннымъ надобно вести свою жизнь и т. п. Благословивъ и предоставивъ ихъ покровительству Божію, отправился обратно въ Нучекъ. Вечеромъ пристали мы къ Чугачскому селенію; здѣсь окрестилъ младенца. 29 числа приплыли въ

Библиотека "Руниверс"

Нучекъ; на другой день я отпѣвалъ покойницу; отпустилъ своихъ Кенайскихъ гребцовъ въ Кенай,—они давно стали проситься домой. Если не отпустить ихъ, то впредъ ни за что не согласятся плавать со мною. Самъ же остался здѣсь съ дьячкомъ въ ожиданіи байдары, которая должна была приплыть въ Нучекъ съ Мѣдной рѣки, чтобы съ Мѣдновцами подняться вверхъ по этой рѣкѣ для проповѣди. Во время пребыванія въ Нучекѣ я совершалъ богослуженіе, служилъ молебны, панихиды, окрестилъ младенца, повѣнчалъ 4 брака, съ управляющимъ повѣрялъ запись Чугачей и Угаленцевъ, разбиралъ распрю мужа съ женой. Жаловались они другъ на друга, говорили, что лучше имъ порознь жить, нежели постоянно ссориться. Что̀ мнѣ было дѣлать въ такомъ случаѣ? Если сказать: пожалуй, живите врознь, — то этимъ можно подать поводъ и другимъ къ разводу. Я рѣшилъ споръ не властію, а увѣщаніемъ примириться и устранить поводы къ ссорѣ. Они послушались, помирились, въ доказательство чего поцѣловались и съ миромъ возвратились домой»».

««Чрезъ нѣсколько дней приплылъ къ намъ Угаленскій тоэнъ съ своими людьми и сказалъ, что они на устьѣ Мѣдной рѣки нашли два байдарныхъ гребка Мѣдновской работы. Это заставляетъ предполагать, что съ Мѣдновцами что нибудь случилось,—не опрокинулись ли, когда спускались? Спускаться по рѣкѣ, особенно въ порогахъ, очень опасно. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, Мѣдновцы, когда спускались по рѣкѣ, опрокинулись, и нѣсколько человѣкъ потонуло. Не мудрено быть тому и теперь. Не безъ важной причины произошло замедленіе спуска байдары: или потонули, или померли зимой отъ голода, который часто тамъ бываетъ, или другое какое нибудь несчастіе случилось. Да и время уже прошло, въ которое удобнѣе бываетъ подниматься вверхъ; теперь невозможно обратиться назадъ, потому что воды спустились съ хребтовъ, быстрота теченія чрезвычайная. Если въ малую воду надобно подниматься до селенія 20 дней, то въ настоящую пору этотъ срокъ удвоится, а съ половины Сентября идетъ по рѣкѣ шуга; слѣдовательно обратно плыть невозможно, зимовать же тамъ нельзя. Значитъ, Богу не угодно удостоить меня окрестить жителей Мѣдной рѣки. Хотя мнѣ и прискорбно, но утѣшаюсь тѣмъ, что такъ случилось не безъ Промысла Божія; а судьбы Божіи для насъ непостижимы; можетъ быть, еще рано крестить ихъ: пусть большимъ огнемъ возгорится въ нихъ ревность къ христіанской вѣрѣ и спасенію. Потому я рѣшился возвратиться въ свой Кенай. 25 Іюля, помолившись Богу, простился съ Нучекомъ, отправился въ Кенай чрезъ переносъ, такъ называемый, Култучный, а вокругъ моремъ плыть гребцы Чугачи не согласились, говорили, что это будетъ слишкомъ долго: погода дурная, а имъ надобно скорѣе возвратиться домой,—у нихъ производится теперь заготовленіе рыбы. Что̀ дѣлать? Надобно уступить имъ. Хотя мнѣ и хотѣлось попасть въ горную экспедицію, гдѣ я обѣщался быть на обратномъ пути для исповѣди и причащенія, но обстоятельства не позволили»».

Библиотека "Руниверс"

Этими извѣстіями оканчивается дошедшая до меня переписка нашего знаменитаго миссіонера-архипастыря съ маститымъ первосвятителемъ Филаретомъ. Прошло еще около четырехъ лѣтъ, и Филарета не стало, а Иннокентій занялъ его мѣсто. Вступая на каѳедру приснопамятнаго Филарета, онъ въ глубокомъ смиреніи воскликнулъ: «Мнѣ ли, наименьшему изъ дѣятелей, быть дѣятелемъ винограда Христова великаго, славнаго и древняго? Послѣ кого становлюсь я здѣсь? Кто мой предшественникъ и кто я? Тутъ не можетъ быть никакаго сравненія!» Но и пребывая въ Москвѣ, онъ не переставалъ заботиться о миссіонерскомъ дѣлѣ, по званію предсѣдателя центральнаго миссіонерскаго общества. Одинъ изъ нашихъ ученѣйшихъ и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ *) сказалъ предъ гробомъ его въ Сергіевой Лаврѣ: «Воспитавшись въ школѣ апостольства, святопочившій архипастырь и въ первопрестольномъ градѣ не покидалъ своей любимой и задушевной мысли о ходѣ дѣла проповѣданія Слова Божія невѣдущимъ Христа и о помощи проповѣдникамъ сего Слова. Съ какою радостію, съ какою теплотою вѣры относился бывшій миссіонеръ къ этому славному учрежденію, видно изъ сочувственныхъ словъ, произнесенныхъ имъ при открытіи общества и произносимыхъ послѣ въ его собраніяхъ. Какъ для него отрадно и дорого было сочувствіе всѣхъ сословій этому новому святому дѣлу! Какъ вожделѣнны были для него добрыя вѣсти объ успѣхахъ апостольской проповѣди съ вершинъ Алтая, съ береговъ Байкала и Амура, съ равнинъ Средней Азіи, изъ степей Киргизскихъ, изъ Кореи и Японіи, съ отдаленныхъ окраинъ Русской Америки, гдѣ онъ самъ столько лѣтъ проповѣдывалъ! Какъ для него сладостно было слышать о дивныхъ дѣйствіяхъ благодати Божіей на грубыя сердца невѣрующихъ, привлекаемыхъ въ лоно Церкви Христовой! Эти радостныя вѣсти исторгали у него слезы благодаренія Господу и приводили его въ благоговѣйный восторгъ. При его неустанной заботѣ о дѣлѣ проповѣданія, при его неоскудѣвающей энергіи, средства помощи проповѣдникамъ и новообращаемымъ стали стекаться отовсюду и скоро возрасли въ значительной степени. До самой смерти святитель лелѣялъ въ сердцѣ своемъ мысль о миссіонерствѣ, и скорбѣлъ онъ, что упадающія силы его не дозволятъ ему довести до вожделѣннаго конца столь благоуспѣшно начатое великое дѣло просвѣщенія, свѣтомъ вѣры Христовой, насельниковъ отдаленной Японіи».

Графъ М. Толстой.

---

*) Ректоръ Московской Духовной Академіи, докторъ богословія, протоіерей С. К. Смирновъ.

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія Московскаго кадета.

На старости я съизнова живу,
Минувшее проходитъ предо мною....
Пушкинъ.

Было свѣжее и ясное Іюньское утро. Безпечно и рѣзво бѣгалъ я по маленькому нашему садику въ Лефортовѣ, когда меня позвали къ матушкѣ. Я нашелъ ее въ спальной у окна съ Московскими Вѣдомостями въ рукахъ. «Ну вотъ, Алеша, и тебя опредѣлили въ Корпусъ», сказала она, опуская газету къ себѣ на колѣни. Это было въ тридцатомъ году, когда открывалось Малолѣтнее Отдѣленіе. Мнѣ шелъ восьмой годъ.

4 Іюля, около 10 часовъ утра, въ гостиной былъ поставленъ столикъ, накрытый чистой скатертью съ образомъ и миской, наполненной водой, тутъ же лежало нѣсколько восковыхъ свѣчей. Пришелъ священникъ отъ Петра и Павла и, раскланявшись съ моими родителями, сталъ зажигать свѣчи. Когда они были прилѣплены къ мискѣ, а отъ раздутаго кадила понеслись струйки ладона, отворилась смежная дверь, и къ намъ вошла бабушка Варвара Егоровна. Отслужили молебенъ, бабушка благословила меня образомъ; перекрестила матушка, крѣпко, крѣпко поцѣловала она меня, еще разъ перекрестила, и мы съ отцемъ вышли на крыльцо, гдѣ уже дожидались насъ дрожки. Батюшка повезъ меня въ Главный Корпусъ, находившійся въ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ меня водили въ лазаретъ для осмотра тѣлосложенія.

Изъ Главнаго Корпуса мы отправились на Нѣмецкую улицу въ Малолѣтнее Отдѣленіе. Какъ теперь помню ту минуту, когда я вошелъ съ отцемъ въ просторную, свѣтлую залу съ четырьмя колонами по угламъ, по которой бѣгали и рѣзвились нѣсколько десятковъ мальчугановъ, будущихъ моихъ товарищей, кто уже въ форменныхъ курточкахъ, а кто еще въ домашнихъ рубашечкахъ. При входѣ нашемъ вся эта пестрая толпа бросилась было къ намъ, но звонокъ класной дамы—такъ назывались надзирательницы—разогналъ ихъ, и я остался съ отцемъ вдвоемъ. Посидѣли, поговорили и, послѣ

Библиотека "Руниверс"

троекратнаго осѣненія меня крестомъ и сердечнаго поцѣлуя, батюшка простился со мною. На другой день въ календарѣ 1830 года, на листкѣ, вклеенномъ для отмѣтокъ, противъ Іюля мѣсяца, явилась замѣтка красными чернилами: «4 Алеша поступилъ въ Малолѣтнее Отдѣленіе». А я, простившись съ отцемъ, бойко вмѣшался въ толпу товарищей и, запряженный кѣмъ-то изъ нихъ въ тройку, получилъ отчетливое наставленіе, какъ, въ качествѣ пристяжной, долженъ былъ гнуть голову, фыркать и бить копытомъ.... Ни толчковъ, ни щипковъ—ничего не было, какъ, говорятъ, бываетъ это съ новичками въ другихъ заведеніяхъ; только нѣкоторые подходили ко мнѣ и спрашивали, не игралъ ли я дома въ бабки?—Нѣтъ, не игралъ, отвѣчалъ я, и спрашивавшіе отходили отъ меня, не сказавъ ни слова. Послѣ узналъ я, что вопросъ этотъ предлагался каждому новичку, и если онъ говорилъ, что игралъ, то надъ нимъ смѣялись. Надо сказать, что первыми кадетами Малолѣтняго Отдѣленія были нѣсколько человѣкъ, переведенныхъ изъ Главнаго Корпуса, какъ недостигшіе 10 лѣтняго возраста: они-то все и спрашивали у новичковъ о бабкахъ. Теперь, вспоминая объ этомъ, я дивлюсь, откуда взялась эта щепетильность между дѣтьми, хотя и дворянскими, но далеко не аристократическими?

Весь день прорѣзвился я, ни разу не вспомнивъ, что нахожусь между чужими; но вотъ солнце стало садиться.... Веселость мою какъ рукой сняло; я задумался, сердце у меня сжалось, и я заплакалъ—по своемъ домѣ, по своемъ садикѣ. Какъ грустно, какъ тяжело мнѣ было тогда!—«К—въ, К—въ! тебя спрашиваютъ», раздалось вокругъ меня нѣсколько голосовъ. Я бросился къ матушкѣ и замеръ въ ея объятіяхъ, въ ея поцѣлуяхъ. Лишь только мы сѣли, какъ передо мной раскрылась бѣлая камышевая корзиночка съ крендельками и булками и свѣжей, душистой малиной, только что поспѣвшей въ этомъ году и въ первый разъ собранной. Я не былъ голоденъ, но ѣлъ и крендели, и булки, и малину, да и какъ было не ѣсть—вѣдь все было изъ-дому!... Заботливо распрашивала меня матушка, каково мнѣ на новосельѣ, и я, забывъ грусть свою, съ живостію бойкаго ребенка разсказывалъ свои дѣтскія впечатлѣнія. Такъ прошелъ мой первый день въ чужой семьѣ. Матушка навѣщала меня часто, а по праздникамъ я ходилъ домой и видѣлся съ батюшкой. Скоро я такъ освоился съ новымъ для меня міромъ, что уже не скучалъ по домѣ. Нашлись у меня и «друзья», съ которыми я больше чѣмъ съ другими проводилъ время въ разговорахъ и больше игралъ: это были Злобинъ и Прохоровъ.

Теперь нѣсколько словъ о заведеніи, куда попалъ я.

Оно помѣщалось на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ, имѣющемъ историческую извѣстность. По учрежденіи въ 1711 г. Сената, который находился въ Петербургѣ, въ этомъ домѣ была Сенатская Контора, почему долгое время и слылъ онъ подъ названіемъ Стараго Сената или просто Сената [1]). При Екатеринѣ II-й здѣсь помѣща-

[1]) Прибавл. къ № 31 Моск. Вѣд. 1776 года.

Библиотека "Руниверс"

лась Канцелярія Конфискаціи [2]). Въ царствованіе императора Александра I домъ этотъ былъ отдѣланъ для цесаревича Константина Павловича, но въ 1812 г. сгорѣлъ. Когда при Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ положено было имѣть отдѣленіе малолѣтнихъ дѣтей, тогда цесаревичъ для помѣщенія ихъ предложилъ свой дворецъ; въ 1827 году онъ былъ отстроенъ вновь инженеръ-подполковникомъ Крештмаромъ, на что было ассигновано 100.000 рублей. По возобновленіи дворца, въ немъ, 1 Іюля 1830 года, въ день рожденія Александры Ѳеодоровны, было открыто Малолѣтнее Отдѣленіе. Память о цесаревичѣ сохранилась въ наименованіи церкви, посвященной именамъ св. равноапостольныхъ царя Константина и матери его Елены. Она построена на счетъ остатковъ суммы, назначенной по смѣтѣ для возобновленія и передѣлки дворца, а Московскій купеческій сынъ Гаврило Буровъ пожертвовалъ для нея утварь и другія церковныя вещи. Обо всемъ этомъ я узналъ, конечно, уже послѣ.

Малолѣтнее Отдѣленіе было учреждено для воспитанія и первоначальнаго обученія дѣтей отъ 7 до 10 лѣтняго возраста, по достиженіи котораго ихъ переводили въ Главный Корпусъ, гдѣ и зачисляли въ самую младшую роту—неранжированную или, какъ тогда называли, резервную. Заведеніе это состояло подъ начальствомъ директора Главнаго Корпуса, ближайшее же завѣдываніе имъ поручалось одному изъ двухъ штабъ-офицеровъ, положенныхъ по штату при Корпусѣ. Кромѣ этого штабъ-офицера, который по отношенію къ Малолѣтнему Отдѣленію былъ также поставленъ, какъ батальонный командиръ въ Корпусѣ, надзоръ за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ дѣтей поручался старшей надзирательницѣ и тремъ ея помощницамъ, такъ точно, какъ въ Корпусѣ тотъ же надзоръ ввѣрялся ротнымъ командирамъ и ихъ помощникамъ—субалтернъ-офицерамъ. Въ лазаретѣ была особая надзирательница. Прислуга была женская, за исключеніемъ нѣкоторыхъ должностей, какъ напр. писаря, двухъ фельдшеровъ, швейцара, нѣсколькихъ поваровъ и дворниковъ—эти всѣ назначались изъ служительской роты Корпуса. Затѣмъ, при Малолѣтнемъ Отдѣленіи былъ священникъ съ двумя причетниками и одинъ изъ помощниковъ эконома Главнаго Корпуса. Въ зданіи Малолѣтняго Отдѣленія жили только старшая надзирательница, ея помощницы, которыхъ мы называли класными дамами и, кажется, еще помощникъ эконома; всѣ прочіе жили на вольныхъ квартирахъ. Для визитаціи больныхъ ежедневно пріѣзжалъ одинъ изъ врачей Главнаго Корпуса.

Во время моего поступленія, директоромъ Корпуса былъ генералъ-маіоръ Петръ Сергѣевичъ Ушаковъ 3-й, который впрочемъ никогда къ намъ и не заглядывалъ, а завѣдующимъ Малолѣтнимъ Отдѣленіемъ—подполковникъ Григорій Артемьевичъ Дорошинскій, служившій прежде въ артилеріи, потомъ въ дворянскомъ полку, откуда, по сформированіи въ Московскомъ Корпусѣ пяти ротъ, былъ переведенъ къ намъ въ Корпусъ въ должность младшаго штабъ-офицера. Это

---

[2]) Описаніе Столичнаго города Москвы В. Рубана 1782 г.

Библиотека "Руниверс"

былъ добрякъ въ полномъ смыслѣ слова. Извѣстно, что воспитанники учебныхъ заведеній имѣютъ привычку давать нѣкоторымъ начальникамъ, также какъ и товарищамъ своимъ прозвища или клички. Помнится мнѣ, что и Дорошинскаго въ Корпусѣ окрестили кличкой—«Горячій», но почему, рѣшительно не понимаю. Кажется, никому такъ не приходилась «не по шерсти кличка», какъ волоокому Григорью Артемьевичу. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не приходилось мнѣ видѣть его горячившимся, кричавшимъ, выходившимъ изъ себя, и если онъ дѣйствительно имѣлъ горячій темпераментъ (не назовутъ же даромъ) и не могъ иногда сдерживать себя, сидя въ классѣ у кадетъ старшаго возраста (онъ преподавалъ имъ «Гарнизонную Службу» и «Малую Войну»), то тѣмъ болѣе было ему чести, что онъ умѣлъ сдерживать себя съ дѣтьми. Правда, онъ посѣкалъ насъ, но никогда въ такихъ случаяхъ не обнаруживалъ ни горячности, ни вспышки, и наказанія его никогда не выходили за предѣлы строгости, обусловливаемой дѣтскимъ возрастомъ. Дѣти не бѣгали отъ него, какъ это случалось съ нами потомъ въ Корпусѣ при видѣ нѣкоторыхъ начальниковъ; напротивъ, они довѣрчиво окружали его и весело пускались въ разговоры. Дорошинскій хорошо рисовалъ и нерѣдко нашивалъ намъ картинки, а одинъ разъ, когда по случаю холеры, мы были заперты въ четырехъ стѣнахъ, устроилъ намъ картонный театръ на подобіе маріонетокъ, и съ тѣхъ поръ нѣкоторые изъ насъ сами принялись за подобныя же издѣлія. Онъ хорошо зналъ башмачное ремесло и ни отъ кого не скрывалъ, что на жену и маленькаго сына шьетъ башмаки самъ.

Старшей надзирательницей была Хомякова — женщина, какъ мнѣ казалось, кроткаго, мягкаго характера, но болѣзненная. Такъ какъ она была вдова генералъ-маіора, то ее называли «генеральшей», къ чему всѣ такъ привыкли, что когда вмѣсто нея (она недолго служила) была опредѣлена баронеса Елизавета Ивановна Корфъ, то и ее величали генеральшей, да еще и директрисой—обстоятельство, ставшее потомъ причиною большихъ для нея непріятностей, вслѣдствіе которыхъ она должна была оставить службу при заведеніи; но это было уже послѣ перевода меня въ Главный Корпусъ. Дѣло въ томъ, что баронеса Корфъ, женщина умная, съ самостоятельнымъ характеромъ и барскими замашками, вообразила себѣ, что она—главное лицо въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи, какъ директоръ въ Главномъ Корпусѣ. Благодаря этому заблужденію, она такъ и держала себя, или по крайней мѣрѣ старалась поставить себя въ положеніе главной начальницы. Дорошинскій или не замѣчалъ этого, или не хотѣлъ обращать на то никакаго вниманія, чрезъ что̀ дѣйствительно какъ-будто стушевывался передъ нею. Была ли тому причиною вѣжливость, которую онъ находилъ нужнымъ оказывать свѣтской баронессѣ и ея хорошенькой племянницѣ (о ней рѣчь впереди), мирный ли нравъ его, или отсутствіе служебнаго самолюбія—не знаю. Еще менѣе могли замѣчать претензіи баронесы Корфъ такіе директоры, какъ Ушаковъ, Годейнъ и Реннепкампфъ; но когда вмѣсто послѣдняго былъ назначенъ Статковскій, то онъ тотчасъ же далъ замѣтить

Библиотека "Руниверс"

ей, что директоръ—онъ, а она, баронеса, не болѣе какъ старшая надзирательница. Баронская гордость не вынесла афронта и величественно удалилась изъ заведенія. Баронесу Корфъ замѣнила сперва кн. Шаховская, а послѣ нея одна изъ надзирательницъ—Матрена Савишна Чурашева, женщина съ неменьшимъ умомъ, какъ и баронеса Корфъ, но безъ ея заносчивости, ловкая, предусмотрительная, съ замѣчательнымъ тактомъ, словомъ сказать, тонкій политикъ въ зеленомъ платьѣ. Благодаря такимъ свойствамъ и умѣнью себя держать, она выслужила не только Маріинскій знакъ, но и всевозможныя пенсіи. Матрена Савишна пережила семь директоровъ и только при восьмомъ оставила службу, да и то лишь оттого, что по преклоннымъ лѣтамъ своимъ лишилась зрѣнія, и самое Малолѣтнее Отдѣленіе было упразднено.

Прежде нежели перейду къ учителямъ и нашему класному обученію, скажу о нашемъ священникѣ Василіѣ Михайловичѣ Полянскомъ. Умный, образованный, общительный, съ характеромъ прямымъ и твердымъ, съ бойкою рѣчью, ласковый съ нами дѣтьми, а подъ часъ и строгій, онъ умѣлъ себя такъ поставить, что пользовался любовью и уваженіемъ не только кадетъ, но и почти всѣхъ, кто зналъ его. Даже Демидовъ, Николай Ивановичъ, главный директоръ кадетскихъ Корпусовъ, этотъ чудакъ и оригиналъ, и тотъ, не только любилъ Полянскаго, но особенно благоволилъ къ нему. Василій Михайловичъ Полянскій поступилъ въ Главный Корпусъ діакономъ въ 1825 году, на мѣсто Геликонскаго, который, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ служенія при корпусной церкви, былъ посвященъ въ священники. Извѣстно, что поступающіе на мѣста священнослужителей посылаются обыкновенно, по распоряженію епархіальнаго архіерея, въ какой либо приходъ, чтобы предварительно ознакомиться съ предстоящими служебными обязанностями. Архіепископъ Филаретъ, вѣроятно усматривая въ Полянскомъ его способности, при назначеніи его на мѣсто, сказалъ: «Никуда не посылаю тебя учиться; возьми Служебникъ и не выпускай его изъ рукъ—самъ научишься». Явясь къ мѣсту своего служенія, молодой діаконъ тотчасъ же обратилъ на себя общее вниманіе поступкомъ, который въ то время, въ средѣ нашего духовенства, представлялъ явленіе если не безпримѣрное, то во всякомъ случаѣ рѣдкое. Желая пополнить полученное имъ въ семинаріи образованіе, онъ исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе посѣщать университетскія лекціи по Русской Словесности, Политической и Естественной Исторіи, которыя и слушалъ у профессоровъ Мерзлякова, Каченовскаго и Двигубскаго. Онъ получилъ, по окончаніи курса, отъ Университета свидѣтельство на право преподаванія этихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и тогда же, кромѣ классовъ Закона Божія, занялъ въ Корпусѣ классы и Русскаго языка и былъ приглашенъ Ушаковымъ давать уроки его сыну. Полезная дѣятельность, какъ хорошаго преподавателя и личныя свойства очень скоро сблизили его съ однимъ изъ достойнѣйшихъ лицъ тогдашняго корпуснаго міра—съ инспекторомъ класовъ, полковникомъ Даниломъ Акимовичемъ Кобылецкимъ и породили между ними самую

Библиотека "Руниверс"

тѣсную пріязнь, не прерывавшуюся и тогда, когда и тотъ и другой оставили уже службу при заведеніи. Репутація, которую снискалъ себѣ Василій Михайловичъ въ Корпусѣ, обратила на него вниманіе и Демидова, и странное дѣло—человѣкъ этотъ, всю жизнь свою питавшій нерасположеніе къ духовному чину и не терпѣвшій его, узнавъ Полянскаго, такъ полюбилъ его, что потомъ не могъ обходиться безъ него ни одного дня. Демидовъ, пользовавшійся особеннымъ, почти дружескимъ расположеніемъ великаго князя Михаила Павловича, обратилъ и его вниманіе на Полянскаго и снискалъ ему рѣдкое благоволеніе будущаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Положеніе, занятое Полянскимъ въ корпусномъ обществѣ вслѣдствіе такихъ отношеній къ высшимъ лицамъ, не замедлило возбудить между нѣкоторыми изъ его сослуживцевъ зависть; но, будучи безсильною, она никому не вредила кромѣ самихъ же завистниковъ, ибо, внося въ ихъ сердце тревогу, лишала ихъ спокойствія. Полянскій продолжалъ идти по тому пути, который прокладывали ему его достоинства. Въ 1829 году въ предполагавшееся къ открытію Малолѣтнее Отдѣленіе нужно было назначить священника. Демидовъ, конечно, не счелъ нужнымъ совѣтоваться въ этомъ случаѣ съ епархіальною властію: прямо отъ себя онъ представилъ великому князю Константину Павловичу на это мѣсто Полянскаго. Цесаревичъ, не думая долго, на представленіи сдѣлалъ резолюцію: «Назначить и посвятить». Когда ген. м. Ушаковъ пріѣхалъ къ архіепископу Филарету для сообщенія этой резолюціи, владыко смиренно сказалъ: «Исполню волю его высочества», и Полянскій былъ посвященъ въ священники. Тяжелая пора настала для отца Василія. На него была возложена обязанность устроить церковь при заведеніи; надо было устроиться и самому. Все это, кромѣ заботъ и труда, требовало времени, большая часть котораго была занята у него уроками и въ Корпусѣ, и въ частныхъ домахъ высшаго Московскаго общества, куда открылъ ему путь великій князь Михаилъ Павловичъ. Вотъ какъ это случилось. Пріѣзжаетъ однажды великій князь къ графу N и поздравляетъ съ опредѣленіемъ его сына въ пажи. Услыхавъ отъ графа, что онъ озабоченъ пріисканіемъ для сына хорошаго преподавателя и въ особенности законоучителя, Михаилъ Павловичъ, слышавшій отъ Демидова о любознательности Полянскаго и о слушаніи имъ университетскихъ лекцій, тотчасъ же указалъ на него, сказавъ: «Возьми отца Василія—онъ все знаетъ, даже артилерію». Шутка осталась шуткой, а Полянскій, благодаря успѣшнымъ занятіямъ у графа, получилъ приглашенія давать уроки въ семействахъ: попечителя Университета Писарева, барона Боде и др., такъ что число учебныхъ часовъ доходило до 60 въ недѣлю! У Демидова Полянскій былъ какъ свой; строптивый старикъ отнималъ у него все свободное время, требуя, чтобы онъ ежедневно являлся къ нему, обѣдалъ съ нимъ, читалъ, велъ бесѣду; случалось даже такъ, что отцу Василію приходилось нерѣдко исполнять у него должность секретаря. Надо же было умѣть сойтись съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ Демидовъ, не теряя своего достоинства! Демидовъ жилъ въ Басманной, близъ

Библиотека "Руниверс"

церкви Никиты Мученика, въ своемъ домѣ, тамъ, гдѣ была Школа Межевыхъ Топографовъ, а теперь Константиновскій Межевой Институтъ, и почти каждое Воскресенье, когда только бывалъ въ Москвѣ, ѣзжалъ къ намъ къ обѣднѣ въ Малолѣтнее Отдѣленіе. Этими посѣщеніями, о которыхъ скажу ниже, мы конечно были обязаны ничему иному, какъ особенному расположенію его къ Полянскому. Въ Корпусъ онъ не ѣздилъ къ обѣднѣ: тамъ онъ неизбѣжно долженъ былъ встрѣчаться съ священникомъ Шавровымъ и съ пріятелемъ его капитаномъ Астафьевымъ, которые, какъ говорятъ, являлись передъ нимъ чѣмъ-то въ родѣ Сильвестра и Адашева, т. е. обличителями. Изъ этого однакоже не слѣдуетъ, чтобы Полянскій потакалъ или, какъ говорили прежніе историки, «льстилъ страстямъ» нашего Грознаго—Демидова; нѣтъ, онъ тоже говорилъ ему правду, но не въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какія употребляли Шавровъ и Астафьевъ, не раздражая его: ибо очень хорошо понималъ, что съ такимъ своебычнымъ характеромъ, каковъ былъ у Демидова, рѣзкостью и колкостью ничего не сдѣлаешь.

Можетъ быть, страннымъ покажется, что я ставлю въ такія невѣроятныя отношенія столь высоко стоявшаго начальника, какъ Демидовъ, съ его подчиненнымъ. Казалось бы, если Шавровъ и Астафьевъ были ему не по нраву, то ему, какъ главному директору, стоило только захотѣть, чтобы ни того, ни другаго не было въ Корпусѣ, и ихъ конечно бы не было; но въ томъ-то и дѣло, что строптивый старикъ былъ чудакъ и что эта «контра» его съ подчиненными была, съ его стороны, такъ сказать, добровольная. Старикъ ссорится съ шалунами дѣтьми: и самъ нейдетъ отъ нихъ, и отъ себя не гонитъ. Демидовъ любилъ богословскія словопренія, а Шавровъ и Астафьевъ не уклонялись отъ нихъ; отъ вопросовъ богословскихъ одинъ только шагъ къ вопросамъ нравственнымъ, житейскимъ, а Демидовъ былъ суевѣренъ до смѣшнаго. Вотъ на этой-то аренѣ и выходили у нихъ пререканія. Здѣсь я долженъ оговориться, что все, что̀ разсказываю о Демидовѣ и его отношеніяхъ къ Шаврову, Астафьеву и Полянскому, мнѣ, какъ ребенку, въ то время, конечно, не могло быть извѣстнымъ, но обо всемъ этомъ мнѣ приходилось слышать уже впослѣдствіи и притомъ отъ такихъ людей, которымъ не вѣрить нѣтъ никакаго основанія; да и трудно, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что всѣ эти разсказы придуманы ни съ того, ни съ сего... Но о Демидовѣ послѣ, а теперь скажу еще нѣсколько словъ о В. М. Полянскомъ. Во все время его служенія въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Михаила Павловича, успѣвшаго обратить на него вниманіе и покойнаго Государя. Почти всѣ награды, которыя удостоился онъ получить за службу свою при заведеніи, были назначены по ходатайству великаго князя помимо епархіальнаго начальства, которое не разъ дѣлало попытку задерживать ихъ, хоть и не всегда успѣшно. Василій Михайловичъ оставилъ службу при Корпусѣ въ сороковыхъ годахъ по неудовольствіямъ съ бывшимъ въ то время инспекторомъ класовъ княземъ В. В. Львовымъ. Узнавъ, что при церкви Рождества въ Палашахъ мѣсто было

Библиотека "Руниверс"

праздно, онъ пожелалъ получить его. Великій князь, убѣдившись въ непремѣнномъ намѣреніи Полянскаго оставить службу въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и при этомъ случаѣ явился его ходатаемъ. Онъ просилъ митрополита Филарета о назначеніи его къ упомянутой церкви; но владыко отвѣчалъ, что мѣсто это уже занято и что Полянскому будетъ предоставлено другое мѣсто, такое же: дѣйствительно, онъ вскорѣ послѣ того былъ назначенъ къ церкви св. Георгія на Красной Горкѣ, что близъ Университета. Когда Полянскій, получивъ приходъ, явился за благословеніемъ къ митрополиту, то Филаретъ спросилъ его: «Скажи, чѣмъ ты заслужилъ такое благоволеніе великаго князя?»—«Думаю, ничѣмъ больше, какъ единственно моей службой», отвѣчалъ Полянскій. Почтенный отецъ Василій скончался 8 Апрѣля 1876 г. въ глубокой старости, пользуясь общимъ уваженіемъ, какъ духовныхъ лицъ, такъ и свѣтскихъ.

Обращаюсь къ нашему ученію въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи. Класовъ было три, изъ которыхъ первый былъ старшій. Я поступилъ въ третій, такъ какъ познанія, пріобрѣтенныя мною дома, были весьма ограниченны. Не смотря на то, что мнѣ шелъ восьмой годъ, я ничего больше не зналъ, какъ только читать порусски и списывать съ прописи, очень плохо—нумерацію, хотя и дѣлалъ сложеніе и вычитаніе цѣлыхъ чиселъ, зналъ кое-что изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта, но за то училъ Пространный Катехизисъ Филарета и прошелъ уже до втораго члена символа вѣры. Нужно ли однакоже говорить, что это было за знаніе? И вѣдь не нашлось же между домашними моими учителями ни одного, который бы догадался, что учить семилѣтнему ребенку Пространный Катехизисъ—вопіющая нелѣпость! Пофранцузски и понѣмецки дома я не учился.

Помнится мнѣ сцена одного осенняго вечера. Третій классъ размѣстили во второмъ, а второй увели въ третій. Въ комнатѣ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, на столѣ горѣли двѣ восковыя свѣчи, а въ креслахъ сидѣлъ сѣденькій старичекъ съ стариннымъ Анненскимъ крестомъ на шеѣ, цвѣтныя части котораго были прозрачны, а по сторонамъ вмѣсто алмазовъ блестѣли стразы. Старичекъ страдалъ удушливымъ катаромъ и потому очень часто закашливался продолжительнымъ судорожнымъ кашлемъ, наклоняясь надъ поставленной у его кресла песочницей; потомъ онъ нѣсколько секундъ тяжело дышалъ и утирался платкомъ, который такъ и не клалъ въ карманъ, а держалъ возлѣ себя на столѣ. Это былъ инспекторъ класовъ Главнаго Корпуса колежскій совѣтникъ Степановъ, въ молодости, какъ мнѣ сказывали, служившій подъ знаменами Суворова, о чемъ онъ и любилъ говорить старшимъ кадетамъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ дѣлать экзаменъ. Степановъ вызвалъ меня и, открывая книгу, спросилъ: умѣю ли я читать пофранцузски?—Нѣтъ, я только азбуку знаю, почему-то отвѣчалъ я, хотя не зналъ и азбуки. Онъ открылъ ту страницу, на которой была азбука и сталъ спрашивать буквы въ разбивку. Послѣ весьма непродолжительнаго опыта оказалось, что я ничего не знаю. «Ну хорошо, душечка, сядь на мѣсто», сказалъ мнѣ Степановъ, и затѣмъ я уже

Библиотека "Руниверс"

ничего не помню, какъ продолжался и чѣмъ кончился нашъ экзаменъ. На другой день надзирательница Дмитріева увела меня въ лазаретъ и стала учить меня пофранцузски; всякій день я ходилъ къ ней и подъ ея руководствомъ научился азбукѣ, складамъ и, наконецъ, сталъ читать. Помню также, что М. С. Чурашева дѣлала намъ маленькія тетради и каждому сама писала своимъ крупнымъ, красивымъ почеркомъ Французскія слова, заставляла учить ихъ и пріучала составлять изъ нихъ самыя обыкновенныя фразы, преимущественно такія, которыя употреблялись въ ежедневномъ нашемъ быту. Все это дѣлалось съ цѣлію пріучить насъ къ разговорному языку; но уча фразы, мы даже и не пытались говорить между собой, не смотря на заведенные и пущенные въ ходъ по распоряженію баронесы Корфъ жестяные билетики съ надписью: Vous parlez russe. Процедура съ этими билетиками извѣстна, а потому о ней и говорить нечего; развѣ только то сказать, что подобныя марки были въ ходу во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, но были плохимъ средствомъ и потому вездѣ оставлены, какъ мѣра безполезная.

Законъ Божій и Русскій языкъ во всѣхъ трехъ класахъ преподавалъ В. М. Полянскій. Въ третьемъ и во второмъ классахъ учили Исторію Ветхаго и Новаго Завѣтовъ по Начаткамъ Христіанскаго Ученія, а въ послѣднемъ—Краткій Катехизисъ по тому же руководству; по Русскому языку—въ младшихъ класахъ чтеніе и письмо, а въ послѣднемъ граматика по Гречу, при чемъ внѣ класовъ должны были приготовлять письменный этимологическій разборъ нѣсколькихъ строкъ, что̀ я весьма охотно дѣлалъ, такъ какъ занятіе это меня интересовало. Не то было съ ариѳметикой, которую преподавалъ И. П. В—въ. Его вспыльчивость, нетерпѣливость и щелчки, которыми онъ удостоивалъ меня у большой черной доски, вселяли въ меня страхъ и отвращеніе въ ариѳметикѣ, отчего, и по переводѣ меня въ Корпусъ, я всегда шелъ по математикѣ плохо. Зачѣмъ судьба не послала мнѣ другой Дмитріевой? Учителя Французскаго языка Жуазель и Реми заставляли насъ читать, писать и заучивать слова, тоже дѣлалъ и Гальслебенъ съ Нѣмецкимъ языкомъ. Спасибо ему, онъ научилъ меня читать понѣмецки. Въ послѣднемъ классѣ учили также Всеобщую Исторію (В. М. Полянскій) и Географію (Егоровъ); но отъ той и другой оставались у меня смутныя понятія, да едвали и умѣстно было преподавать эти предметы въ такомъ раннемъ возрастѣ. Особенно часты были класы чистописанія, что̀, какъ мнѣ кажется, было весьма полезно; ибо съ прописей мы привыкали писать не только чисто и красиво, но и правильно, чѣмъ значительно облегчалась задача преподавателя Русскаго языка. Чистописанію обучали: Милютинъ младшій, Котельниковъ, Пристлей, Ястребиловъ и Линдротъ; двое послѣднихъ имѣли въ Москвѣ свои литографіи, откуда и носили намъ картинки. Не было забыто и церковное пѣніе, которому обучалъ добродушнѣйшій Иванъ Парѳеньевичъ Чижовъ, но училъ онъ безъ нотъ, подъ одну скрипку; все сводилось къ тому, чтобы во время обѣдни мы могли сколь можно согласнѣе пѣть Вѣрую и Отче Нашъ, такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

пѣть ихъ хоромъ было и тогда уже обязательно. На клиросѣ же обыкновенно пѣли наши причетники Виноградовъ и Соловьевъ, къ которымъ нерѣдко прилаживался какой-то старичекъ, прозванный нами почему-то капитаномъ, а также росоноснымъ духомъ, потому что слова эти въ ирмосѣ «Безумное велѣніе» выкрикивалъ онъ своимъ теноркомъ съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ, можно сказать, съ увлеченіемъ. Въ день же храмоваго праздника, 21 Мая, къ обѣднѣ приходили пѣвчіе изъ Главнаго Корпуса, и какъ всенощная, такъ и обѣдня служились съ громогласнымъ діакономъ, что̀ намъ казалось чрезвычайно торжественнымъ.

Въ Августѣ до слуха нашего часто стало доходить слово, котораго до того времени никогда не слыхивали—холера! Мы не могли понять и того страха, который оно наводило на всѣхъ, а потому не мало были изумлены, когда насъ перестали отпускать къ родителямъ, а ихъ къ намъ. Какъ теперь на моихъ глазахъ, отецъ одного изъ нашихъ товарищей, штабъ-офицеръ гарнизоннаго батальона Г—жій Ч—ко, стоялъ на дворѣ и жадно смотрѣлъ на маленькаго своего сына, котораго ему показывали черезъ окно. Нѣжныя улыбки и поцѣлуи передавались со двора въ стѣны зданія, но увы! пропасть между отцемъ и ребенкомъ лежала непроходимая....

Скучно и однообразно потянулись дни наши въ четырехъ стѣнахъ, пропитанныхъ непріятнымъ запахомъ хлора, который разставляли во всѣхъ комнатахъ. Въ предупрежденіе разстройства пищеварительныхъ органовъ, было предписано для питья употреблять одну сухарную воду, а въ пищу—супъ изъ крупъ, дающихъ слизистый отваръ и кашицу изъ Смоленской крупы. Послѣ каждой воскресной литургіи пѣлись молебны Пресвятой Троицѣ. Не помню, чтобы кто нибудь кромѣ добряка Дорошинскаго имѣлъ желаніе развлекать насъ въ нашемъ уединеніи; но онъ забавлялъ насъ, показывая сдѣланный имъ самимъ картонный театръ. Игрушка эта такъ понравилась намъ, что нѣкоторые сами стали пытаться устраивать подобныя же сценки: началось рисованье, вырѣзыванье, клеенье; въ концѣ концевъ вышло то, что мы были заняты и меньше скучали.

Смутно припоминаю, какъ у насъ заговорили о кончинѣ великаго князя Константина Павловича и, кажется, по этому случаю служили панихиду. Кто такой былъ Константинъ Павловичъ, я до того времени не имѣлъ никакаго понятія, а тутъ узналъ, что онъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ. О Польской войнѣ, которая цѣлый годъ занимала Россію, я тоже ничего не зналъ, слышалъ однакожъ, что въ разговорахъ нерѣдко упоминали о Полякахъ, что отъ нихъ холера, что они ядъ подсыпаютъ въ колодцы.... Въ томъ же году привезли къ намъ въ отдѣленіе двухъ маленькихъ Полячковъ братьевъ М—скихъ. На нихъ были синіе мундирчики съ желтыми воротничками и лацканами и бѣлыми пуговицами; синія брюки съ желтымъ же кантомъ, синія фуражки съ желтымъ околышемъ и кантомъ, безъ козырьковъ; припоминается мнѣ и то, какъ молодцовато носили они эти шапки, въ особенности младшій братишка. Это были кадеты Калишскаго Корпуса, который, по оконча-

Библиотека "Руниверс"

ніи Польской кампаніи, былъ упраздненъ, а кадеты его были размѣщены по корпусамъ; изъ присланныхъ къ намъ двое, какъ недостигшіе 10 лѣтняго возраста, были привезены въ Малолѣтнее Отдѣленіе.

Кажется, въ томъ же году, лѣтомъ или въ концѣ его, насъ стали готовить къ пріѣзду Великаго Князя. Это былъ Михаилъ Павловичъ, принявшій начальствованіе надъ кадетскими корпусами. Такъ какъ у всѣхъ на языкѣ было не столько его имя, какъ титулъ «Великаго Князя», то я въ простотѣ своей думалъ, что къ намъ пріѣдетъ большой, высокій князь. На самомъ-то дѣлѣ оно такъ и оказалось, но заблужденіе мое было поводомъ къ тому, что надзирательницы стали разъяснять намъ, что «Великій Князь» есть титулъ братьевъ и сыновей Государя и что въ разговорѣ съ ними называютъ ихъ Ваше Императорское Высочество, что бываютъ свѣтлѣйшіе князья, которыхъ величаютъ свѣтлостію, а то просто князь, которому говорятъ ваше сіятельство и что тоже привѣтствіе дѣлается графу. Это была первоначальная, простѣйшая редакція тѣхъ пунктиковъ, которые потомъ заставляли насъ учить въ Главномъ Корпусѣ, что было извѣстно подъ именемъ «словеснаго ученья». Объ этомъ ученьѣ буду говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу также и то, что, приготовляясь къ посѣщенію Великаго Князя, учили насъ, чтобъ мы непремѣнно цѣловали у него руку, если онъ кого нибудь приласкаетъ изъ насъ. За нѣсколько часовъ до его пріѣзда, на мачтѣ, стоявшей у насъ на заднемъ дворѣ и выкрашенной тремя извѣстными колерами, былъ поднятъ синій флагъ, а къ рѣшеткѣ нашего дома началъ собираться разныхъ сословій народъ. Класныя дамы принарядились въ свѣтлозеленыя платья, осматривали насъ, обдергивали, причесывали, а передъ пріѣздомъ Великаго Князя поставили въ шеренгу по обѣимъ сторонамъ залы. Толпа у рѣшетки все прибывала: съ обоихъ концевъ и изъ переулковъ Нѣмецкой улицы поспѣшными шагами сходились новые зрители, за ними еще и еще, но эти уже бѣжали впереди и съ боковъ и позади быстро катившихся придворныхъ экипажей, съ крикомъ «ура»; толпа подхватила этотъ крикъ и оглашала имъ улицу до той минуты, какъ Великій Князь скрылся на подъѣздѣ параднаго крыльца. Глаза наши обратились къ дверямъ, а между тѣмъ, въ сосѣдней съ залою комнатѣ, гдѣ помѣщался у насъ второй классъ, послышался чей-то громкій и рѣзкій голосъ. Въ залѣ тишина была такая, что прожужжи муха, такъ и то бы было слышно. Прошло еще нѣсколько секундъ — Великій Князь изъ втораго класса повернулъ въ первый, за которымъ была наша маленькая церковь. Тамъ съ крестомъ и св. водой ожидалъ его священникъ. Но вотъ въ дверяхъ залы показался высокій, плотно сложенный, сутуловатый генералъ и тѣмъ же звучнымъ голосомъ, который мы слышали вдали, сказалъ, смотря на насъ сверху внизъ: «Здравствуйте карапузы!»—«Здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество», прозвѣнѣло около сотни тоненькихъ, металическихъ голосковъ. Класныя дамы сдѣлали низкій, почтительный реверансъ. Вотъ онъ какой Великій-то Князь, думалъ я, глядя во всѣ глаза...

Библиотека "Руниверс"

Недолго стояли мы въ шеренгѣ. Окинувъ насъ взглядомъ, Михаилъ Павловичъ позвалъ къ себѣ, и мы, какъ саранча, облѣпили его. Наставленія класныхъ дамъ относительно цѣлованія руки были у всѣхъ въ памяти и исполнялись всякій разъ, какъ только рука Великаго Князя прикасалась къ кому либо изъ насъ; но такое изъявленіе чувствъ, кажется, не очень нравилось Михаилу Павловичу, какъ я могу думать теперь, судя по одному случаю, о которомъ разскажу ниже.

Всякій разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ намъ, всегда подзывалъ къ себѣ, игралъ съ нами, ласкалъ и заставлялъ бѣгать толпою по всей анфиладѣ комнатъ. Помню очень хорошо, что въ такіе дни сильно страдали его шляпа и султанъ; ибо, тѣснясь къ нему плотной массой, мы конечно забывали о его шляпѣ и немилосердно мяли ее, а отъ султана сыпались на полъ перья. Во избѣжаніе этого, Великій Князь сталъ было надѣвать шляпу на кого нибудь изъ толпы; но, замѣтивъ, что это было еще рискованнѣе, ибо въ давкѣ шляпа съ маленькой головы легко могла упасть подъ-ноги, сталъ уже заранѣе передавать ее одному изъ своихъ адъютантовъ, которыхъ тоже помню. Это были капитаны Грессеръ и Алексѣй Іларіоновичъ Философовъ; имя послѣдняго я узналъ изъ визитной карточки, которую онъ однажды далъ мнѣ. Грессеръ былъ всегда серьезенъ, а Философовъ любилъ не менѣе Великаго Князя забавляться съ дѣтьми: онъ возился съ нами и барахтался, при чемъ весьма искусно подражалъ лаю маленькой комнатной собачки. Впослѣдствіи (1842), вмѣстѣ съ прочими товарищами, назначенными къ производству въ офицеры, прикомандированный къ дворянскому полку, я опять увидѣлъ Алексѣя Иларіоновича: онъ былъ тогда уже генералъ адъютантомъ и состоялъ при Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ, которыхъ привозилъ къ намъ въ Петергофскій лагерь. Прекрасное лицо его по прежнему оживлялось добродушіемъ, ласковымъ и кроткимъ взоромъ.

Не припомню, бывалъ ли у насъ покойный Государь, но Императрица Александра Ѳедоровна, главный, такъ сказать, шефъ Александровскаго Малолѣтняго Корпуса и нашего Отдѣленія, была при мнѣ, кажется, раза два или три, и одинъ разъ провела нѣсколько часовъ. Она сидѣла у насъ въ залѣ, долго разговаривала съ баронессою Корфъ и другими надзирательницами, а мы были распущены, т. е. не стояли въ шеренгѣ, какъ это всегда дѣлалось при пріѣздахъ высшихъ начальствующихъ лицъ; потомъ сидѣла за нашимъ обѣденнымъ столомъ, при чемъ во все время обѣда занимала за столомъ мѣсто надзирательницы перваго отдѣленія. Вообще посѣщеніе Императрицы имѣло въ этотъ разъ такой видъ, какъ будто она благоволила быть у насъ дежурной класной дамой. Въ тотъ же день, вечеромъ, намъ прислала Государыня нѣсколько фунтовъ отличнѣйшихъ конфектъ. При отъѣздѣ своемъ она оставила повелѣніе, чтобы, вмѣсто сбитня, которымъ до тѣхъ поръ поили насъ по утрамъ, давали бы габерсупъ. Прекрасныя, правильныя черты лица, непроизволь-

Библиотека "Руниверс"

ное киваніе головой и не совсѣмъ Русское словоударение Государыни остались у меня въ памяти.

Въ 1832 году Отдѣленіе наше посѣтилъ шестнадцатилѣтній Великій Князь Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, портретъ Котораго и тогда еще можно было изобразить стихомъ Жуковскаго: «Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ». Изъ свиты его помню только двухъ молоденькихъ офицеровъ: это были Паткуль и Адлербергъ. Его Высочество былъ въ мундирѣ л. гв. Павловскаго полка и въ оберъ-офицерскихъ эполетахъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Цесаревича намъ привезли отъ него подарокъ—двадцать ружей и два барабана; и тѣ, и другіе были настоящіе, форменные, но только малыхъ размѣровъ. Они были поставлены въ спальнѣ, въ двухъ красивыхъ деревянныхъ ружейныхъ пирамидахъ съ приличною надписью, а между ними потомъ былъ помѣщенъ на пьедесталѣ довольно хорошей работы гипсовый бюстъ императрицы Александры Ѳедоровны. Въ прошломъ году, на юбилеѣ 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, еще разъ и конечно уже въ послѣдній пришлось увидѣть мнѣ эти пирамиды: между декоративными украшеніями тронной залы они занимали одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Сколько воспоминаній, сколько лицъ, сколько сценъ ожило и пронеслось въ памяти моей при видѣ этихъ свидѣтелей дорогаго дѣтства!

Прислуга у насъ была женская; но кромѣ нянекъ, были еще дядьки—отставные унтеръ-офицеры, сперва одинъ почтенный старикъ Шабановъ, а потомъ еще трое: Леоновъ, Алексѣевъ и Карлашевъ. Леоновъ, высокаго роста Семеновецъ, носившій на груди мѣдный знакъ съ вензелемъ императора Александра I, а прочіе изъ армейскихъ полковъ, но всѣ безъ исключенія Георгіевскіе кавалеры. Днемъ они находились при насъ и были какъ-бы помощниками дежурной класной дамы. Кромѣ Алексѣева, отличавшагося чрезвычайно грубымъ обращеніемъ, за что впослѣдствіи онъ и былъ уволенъ, мы любили этихъ стариковъ, въ особенности Шабанова, занимавшаго насъ разсказами о послѣдней Турецкой войнѣ, въ которую онъ, кажется за переходъ черезъ Камчикъ, получилъ Георгіевскій крестъ. Помнится мнѣ, когда бывало строились идти къ столу или въ садъ, дежурная класная дама скажетъ: à droit или à gauche, мы повернемся и пойдемъ за нею, хотя и рядами, по-парно, но немилосердно обтаптывая другъ другу ноги; а тутъ прислали намъ дядекъ; они становились передъ нами и командовали сперва смирно! а потомъ—на пра-во! скорымъ шагомъ маршъ! Дядьки учили насъ «стойкѣ», поворотамъ и маршировкѣ, такъ что мы скоро уже привыкли ходить «въ ногу». Одно только выраженіе добраго нашего Шабанова долго не могли мы понимать на этихъ ученьяхъ: какъ бывало повернетъ шеренгу на право или на лѣво, то все говоритъ намъ: у-косу, у-косу, господа.... Сколько ни приставали мы къ нему, чтобъ онъ растолковалъ намъ, что это значитъ, онъ все твердилъ: да у косу же.... Наконецъ-то узнали мы, что это значитъ въ косу. Оказалось, что Шабанова такъ учили, когда онъ былъ еще рекрутомъ и когда въ нашей арміи носили еще косы;

Библиотека "Руниверс"

въ косу, стало быть, значило тоже самое, что̀ послѣ значило выраженіе равняться въ затылокъ.

Подъ вліяніемъ ли бесѣдъ съ дядьками, или почему другому, только игры наши въ рекреаціонные часы, особенно лѣтомъ, стали принимать иной характеръ, чѣмъ прежде: у насъ появились самодѣльныя знамена, палки замѣняли намъ ружья и пики, на головахъ показались бумажныя шляпы съ такими же султанами; мы играли въ «казаки», въ «Оренбургскіе уланы» и т. п., а вскорѣ завелась и еще одна забава. Однажды, когда мы послѣ утреннихъ классовъ ходили и бѣгали по залѣ, въ нее вошелъ корпусный адъютантъ П. П. Львовъ, а за нимъ маленькій кантонистъ съ барабаномъ. Мы всѣ такъ и бросились къ нему. Тогда Львовъ объявилъ дежурной дамѣ, что барабанщикъ этотъ остается при Отдѣленіи, а намъ, что теперь мы будемъ строиться по барабанному бою, и тутъ же велѣлъ Зиновьеву пробить повѣстку, сборъ къ столу и общій сборъ. Нечего говорить, что нововведеніе это намъ очень понравилось, и скоро многіе изъ насъ обзавелись маленькими барабанами; а у кого ихъ не было, то просто палками, которыми и выбивали старательно разные бои по деревяннымъ скамейкамъ. Разъ пріѣхалъ къ намъ Михаилъ Павловичъ и, по обыкновенію, занимаясь съ нами, спросилъ: умѣемъ ли мы бить въ барабанъ? «Умѣемъ, умѣемъ!» закричали мы, а ловкая Чурашева, видя, откуда дуетъ вѣтеръ, смѣло доложила его высочеству, что вотъ такой-то и очень порядочно научился тому. Великій Князь тотчасъ же потребовалъ искусника, надѣлъ на него барабанъ и сталъ экзаменовать. Должно быть, товарищъ нашъ дѣйствительно оказался искуснымъ барабанщикомъ; потому что Великій Князь думалъ найти въ немъ такія свѣдѣнія по этой части, какихъ онъ, будучи только аматёромъ, но не спеціалистомъ, имѣть конечно не могъ, а именно, взявъ самъ палки въ руки, Михаилъ Павловичъ, сколько мнѣ помнится, по класному столу сталъ что-то барабанить, и потомъ спросилъ: какой это бой? Нашъ искусникъ, зная только обиходные бои, сталъ, конечно, въ тупикъ. Тогда онъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ кантонисту Зиновьеву и получилъ бойкій отвѣтъ: «артилерійскій походъ, Ваше Императорское Высочество». Еще пробилъ онъ одинъ бой, но и этого не умѣлъ назвать мальчикъ, а Зиновьевъ отвѣчалъ за него, что это «гренадерскій походъ». Такъ, мало по малу, втягивались мы въ милитаризмъ....

Разскажу еще о двухъ пріѣздахъ Михаила Павловича. Однажды пріѣхавъ къ намъ, онъ пожелалъ видѣть тѣхъ Полячковъ, которыхъ привезли изъ Калиша. Когда ему ихъ представили (они были уже одѣты, какъ и мы, въ курточкахъ), онъ какъ-то задумчиво посмотрѣлъ на нихъ и проговорилъ: Ces barbares Russes!... [3]). Крѣпко засѣли въ моей памяти слова эти, но я не могъ понять, къ чему они были сказаны. Много лѣтъ спустя, я нашелъ разгадку этихъ словъ и думаю, что не ошибусь, если скажу, что поводомъ къ нимъ были

---

[3]) Эти Русскіе варвары!

Библиотека "Руниверс"

нелѣпые слухи, которые распускали тогда въ Европѣ о нашемъ варварскомъ будто-бы обхожденіи съ дѣтьми Поляковъ, только что покоренныхъ Русскимъ оружіемъ. На мысль эту навелъ меня одинъ случай, бывшій уже въ 1836 году, о которомъ не помню гдѣ прочелъ я.

Въ 1836 г. какой-то Французскій путешественникъ, находившійся въ Петербургѣ, пріѣхалъ въ Петергофъ на Іюльскій праздникъ. Онъ былъ представленъ императору Николаю, который, между прочимъ, сказалъ ему: «Je vois avec plaisir que vous désirez connaître la Russie; visitez là avec soin, mais examinez tout par vous-même, et ne croyez que ce que vous verrez» [4]). При посѣщеніи лагеря военно-учебныхъ заведеній Государю угодно было пригласить съ собой и Французскаго гостя. Приказавъ собрать бывшихъ Калишскихъ кадетъ, Николай, указывая ему на нихъ, съ улыбкою сказалъ: «Vous voyez que je ne les mange pas encore» [5]).

Теперь о другомъ посѣщеніи Великаго Князя. Это было въ Воскресенье, или въ какой-то праздничный день. Его ожидали къ обѣднѣ. Надо сказать, что баронесса Корфъ имѣла обыкновеніе каждый праздникъ брать къ себѣ въ отпускъ изъ Главнаго Корпуса нѣкоторыхъ кадетъ, переведенныхъ туда изъ Малолѣтняго Отдѣленія, что̀, мнѣ кажется, она дѣлала по просьбѣ своей племянницы Анны Александровны Сатиной: потому что въ отпускъ къ баронессѣ всегда ходили одни и тѣже лица, а именно тѣ, которыхъ мы считали любимцами хорошенькой m-lle Annette. На этотъ разъ, какъ ждали Великаго Князя, въ отпуску были также ея фавориты — П* и М*. Пріѣхалъ Великій Князь, началась обѣдня и кончилась. Насъ вывели изъ церкви въ залу и поставили, какъ обыкновенно, въ шеренгу. Выходитъ Михаилъ Павловичъ, поздоровался съ нами, но.... что̀ это? На лицѣ его нѣтъ той улыбки, съ которой онъ всегда обращался къ намъ; между бровями нѣтъ той складочки, которая, какъ я подмѣтилъ, всегда сопровождала эту улыбку: онъ былъ серьезенъ, сурово смотрѣли глаза его.... Недоумѣніе наше скоро разъяснилось. Онъ замѣтилъ, что у П* и М* на мундирахъ не были вычищены пуговицы, и къ тому же у обоихъ были длинные волосы. Подозвавъ ихъ къ себѣ и указывая на эти неисправности бывшему тутъ же директору Корпуса генералу Ренненкампфу, онъ строго и горячо выговаривалъ ему, безпрестанно обращаясь къ нему съ словами вы и ваше превосходительство. Къ довершенію несчастія, Великій Князь, поднимая передъ глазами директора волосы М*, успѣлъ разсмотрѣть еще, что одна пуговица у него была пришита орломъ къ низу. Это было поводомъ къ новой вспышкѣ неудовольствія. Помню высокую, смущенную фигуру бѣднаго Карла Павловича, безмолвно стоявшаго передъ грознымъ начальникомъ. Какую пытку долженъ былъ выносить этотъ тихій, скромный и добродушнѣйшій

---

[4]) Мнѣ пріятно, что вы желаете узнать Россію; ѣздите по ней старательно, но разсматривайте все сами, и вѣрьте лишь тому, что̀ увидите.

[5]) Вы видите, что я ихъ еще не ѣмъ.

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ, привыкшій проводить время въ тиши кабинета за учеными сочиненіями? Не припомню, чтобы гнѣвъ Великаго Князя обрушился также и на батальоннаго командира полковника Святловскаго, который, по всей вѣроятности, былъ тутъ же; но исправляющій должность ротнаго командира резервной роты штабсъ-капитанъ Поляковъ былъ арестованъ и, кажется, на гаубвахтѣ.

Мнѣ приходится сказать еще объ одномъ посѣтителѣ нашего Отдѣленія, который гораздо чаще посѣщалъ насъ, нежели Михаилъ Павловичъ—это главный директоръ Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ корпусовъ и дворянскаго полка: таковъ былъ титулъ генералъ-адъютанта Николая Ивановича Демидова, который своими частыми пріѣздами наводилъ на всѣхъ на насъ страхъ, тоску и уныніе. «Богъ и Великій Государь» были не только наичаще употребляемыми имъ словами, но и темами для скучнѣйшихъ нравоученій, которыя повторялись у него съ замѣчательнымъ однообразіемъ; а кто же не знаетъ, что повтореніе одного и того же всегда бываетъ скучно? Это былъ какой-то пуританинъ, не дозволявшій себѣ никакихъ шутокъ съ дѣтьми и душившій ихъ одними сухими нравоучительными сентенціями. Демидовъ, конечно, слыхалъ объ Ангальтѣ, наставленія котораго съ такой любовью принимались прежними кадетами; ужъ не думалъ ли онъ подражать ему? Если это такъ, то все сходство между ними было только въ томъ, что Ангальтъ называлъ кадетъ дѣти мои, а Демидовъ, обращаясь къ намъ, говорилъ дѣтушки. Нѣсколько ниже средняго роста, довольно полный, съ замѣчательно-большимъ носомъ, какой видимъ на портретахъ Бирона, съ странной прической, состоявшей напереди изъ хохла черныхъ жесткихъ волосъ, съ какими-то косичками вмѣсто висковъ, а сзади съ необыкновеннымъ проборомъ волосъ, онъ имѣлъ привычку поворачиваться во всѣ стороны на каблукахъ и читать, какъ я уже сказалъ, скучнѣйшую мораль.

Какъ-то легче дышалось, когда онъ, по обязанности главнаго директора, уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Не помню, кто-то мнѣ разсказывалъ объ одной продѣлкѣ, которую дѣлали съ нимъ Петербургскіе кадеты въ лагерѣ: вѣрно, онъ и имъ столько же надоѣдалъ, какъ Московскимъ. Въ лагерѣ у него была своя палатка. Говорятъ, что самое вѣрнѣйшее средство удержать его отъ прихода къ кадетамъ было—положить на пути отъ палатки къ лагерю кресты изъ соломинокъ или изъ чего придется. Выйдетъ Демидовъ изъ палатки, увидитъ кресты и тотчасъ же повернетъ назадъ. Разсказывали также (чего не узнаютъ!) о весьма оригинальной манерѣ его мѣнять на себѣ сорочку. Камердинеръ долженъ былъ держать передъ нимъ чистую рубашку такимъ образомъ, чтобы онъ могъ вскочить въ нее. Демидовъ, снявъ рубашку, отойдетъ отъ лакея шага на три, перекрестится, бросится къ сорочкѣ и опять назадъ, и такъ до трехъ разъ, въ третій разъ онъ вскакивалъ въ растопыренную передъ нимъ рубашку и уже оставался въ ней. Въ домѣ у него была образная, наполненная множествомъ иконъ, размѣщенныхъ въ нѣсколькихъ ярусахъ. Однажды захотѣлось ему приложиться къ ка-

Библиотека "Руниверс"

кому-то образу, находившемуся на верху. Демидовъ былъ въ затрудненіи, какъ ему исполнить свое намѣреніе; онъ уже хотѣлъ было приказать снять образъ, но случившійся тутъ Василій Михайловичъ Полянскій замѣтилъ ему, что это совершенно лишнее и что въ подобномъ случаѣ достаточно одного усердія почтить святыню. Что̀ же дѣлаетъ Демидовъ? Онъ складываетъ пальцы, цѣлуетъ ихъ и посылаетъ образу воздушный поцѣлуй. Правду ли, нѣтъ ли, говорили, что онъ имѣлъ у себя фаворитку, съ которой безпрестанно бранился и что, очень любя играть въ карты, онъ будто бы, отправляясь на игру, предварительно входилъ въ свою образную и тамъ передъ образомъ Божіей Матери молилъ о выигрышѣ, обѣщаясь въ такомъ случаѣ принести ей въ жертву какое-либо украшеніе, въ противномъ же случаѣ...... не хочу повторять кощунственной угрозы, какую будто бы произносилъ онъ передъ иконой. Странности Демидова, которымъ не было конца, хорошо были извѣстны Михаилу Павловичу и зачастую подавали ему поводъ къ шуткамъ, конечно безобиднымъ, надъ чудакомъ, въ чемъ нерѣдко помогалъ ему и Башуцкій. Я уже говорилъ, а теперь и еще повторяю, что все это я слышалъ не тогда, когда былъ ребенкомъ, но много лѣтъ спустя и притомъ отъ такихъ людей, которымъ нѣтъ никакаго основанія не вѣрить. Да и кому нужно было бы выдумывать и надѣлять Демидова странностями, еслибъ ихъ у него не было? Вотъ такой-то оригиналъ, благодаря особенному расположенію его къ священнику нашему В. М. Полянскому и близкому сосѣдству Нѣмецкой улицы съ Басманною, повадился ѣздить къ намъ къ обѣднѣ. Послѣ службы онъ входилъ въ залу и обращался къ намъ съ вопросомъ: «Ну, дѣтушки, кто изъ васъ можетъ разсказать мнѣ, о чемъ сегодня читалось въ Евангеліи?» Въ первый разъ, когда былъ предложенъ подобный вопросъ, никто не вышелъ—потому ли, что, можетъ-быть, въ Евангеліи на тотъ разъ излагалось ученіе на столько отвлеченное, что, безъ особаго толкованія, оно не могло быть дѣтямъ доступно, или, можетъ быть, и по невниманію нашему, или наконецъ и страху—не знаю; но только всѣ стояли на своихъ мѣстахъ. Что̀ сказалъ онъ на это, не помню; но послѣ этого уже всякій разъ класныя дамы, передъ обѣдней, читали рядовое Евангеліе, объясняли его, и къ удовольствію Демидова на вызовъ сталъ выхо-ходись сперва одинъ только В—ктовъ, а потомъ и еще по нѣскольку человѣкъ. Затѣмъ, предлагался другой вопросъ: «Кто изъ васъ, дѣтушки, въ теченіи недѣли былъ наказанъ?» Выходило нѣсколько человѣкъ, которые одинъ за другимъ и должны были передавать свои прегрѣшенія. Вотъ тутъ-то, бывало, и потянется ораторская рѣчь нашего Ангальта—до тошноты даже....

Чтобы дать хотя слабое понятіе о взглядѣ Демидова на нравственность и воспитаніе, приведу одинъ примѣръ. Два мальчика: Ок—ковъ и Бр—еръ за что-то поссорились, при чемъ первый назвалъ послѣдняго **чертомъ**. Бр—меръ въ запальчивости возразилъ, что онъ не чертъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ, какъ и генералъ, и что если онъ чертъ, такъ, стало-быть, чертъ и генералъ. Ок., не слушая его

Библиотека "Руниверс"

логики, продолжалъ браниться: чертъ, чертъ.... Разозлившійся мальчишка побѣжалъ къ дежурной надзирательницѣ и пожаловался, горя, что О. бранитъ генерала чертомъ. Не знаю, объяснила ли она Б—ру нелѣпость его заключенія, но дѣло кончилось тѣмъ, что О—ковъ, за неприличное обращеніе съ товарищемъ, былъ поставленъ въ уголъ. Пріѣзжаетъ Демидовъ и спрашиваетъ дѣтушекъ: кто былъ наказанъ? Въ числѣ прочихъ вышелъ и О—ковъ, а когда до него дошла очередь повѣдать свой грѣхъ, то со всею откровенностью ребенка разсказалъ все дѣло, какъ оно было. Какъ же Демидовъ взглянулъ на поступокъ 8-лѣтняго ребенка? Онъ тотчасъ-же отослалъ отъ себя О—кова въ уголъ, велѣлъ его высѣчь и затѣмъ отдѣлить отъ товарищей. Недоставало только одного, чтобы Б—ръ былъ награжденъ похвалою.... Но довольно о Демидовѣ. Въ 1832 г. онъ пріѣхалъ къ намъ проститься, говоря, что ѣдетъ лечиться на Кавказъ, что по дорогѣ заѣдетъ въ Воронежъ, гдѣ у мощей св. Митрофанія будетъ молиться, чтобы мы вели себя хорошо и т. д. Дѣйствительно, это было послѣднее наше свиданіе. Осенью 1833 г., уже въ резервной ротѣ Главнаго Корпуса, я вмѣстѣ съ другими узналъ, что Николай Ивановичъ умеръ, что тѣло его привезли въ Москву, и что на погребеніи долженъ быть весь батальонъ Московскихъ кадетъ. Его похоронили въ Андроньевомъ монастырѣ.

Во время отпуска Демидова, Малолѣтнее Отдѣленіе осматривалъ генералъ-адъютантъ Кутузовъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга для ревизіи Корпуса, о чемъ упоминаю впрочемъ только потому, что какъ-то запечатлѣлась въ памяти его мужественная осанка, высокій ростъ и красивый генералъ-адъютантскій мундиръ, который шелъ къ нему несравненно лучше, нежели къ Демидову.

Изъ частныхъ посѣтителей наиболѣе памятны мнѣ двое: свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ и извѣстный нашъ патріотъ писатель Сергѣй Николаевичъ Глинка. Первый, хотя и былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, но пріѣзжалъ совершенно запросто, какъ домашній гость баронессы Корфъ. И съ нимъ, и безъ него, нерѣдко ѣзжалъ адъютантъ его ротмистръ Новосильцовъ, бывшій потомъ въ Рязани гражданскимъ губернаторомъ. С. Н. Глинка, сынъ котораго воспитывался въ Малолѣтнемъ Отдѣленіи, также былъ коротко знакомъ съ баронессою и, часто бывая у насъ, принималъ участіе въ нашихъ театральныхъ представленіяхъ, указывая, какъ должна была идти піеса, и писалъ для насъ стихи. Такъ помнится, была однажды назначена, къ игрѣ въ день рожденія Михаила Павловича, какая-то піеса, послѣ которой мы должны были пѣть написанный имъ гимнъ съ хоромъ, начинавшійся словами: «Хвала тебѣ, герой». Мы пѣли гимнъ на репетиціяхъ, а вмѣстѣ съ нами, густымъ басомъ, пѣлъ и Сергѣй Николаевичъ, безпрестанно утирая платкомъ, а чаще просто рукою, раскраснѣвшееся отъ удовольствія лицо свое. Какая живость, какая энергія была и въ рѣчи, и въ движеніяхъ этого почтеннаго старика! Какъ онъ ласковъ былъ съ нами дѣтьми, товарищами его сына! Живо сохранился въ моей памяти его образъ съ взъерошенными и на половину сѣдыми волосами, въ синемъ фракѣ

Библиотека "Руниверс"

съ плоскими свѣтлыми пуговицами, въ панталонахъ. опущенныхъ въ полуботфорты съ кисточками. Не даромъ лежала у меня душа къ этому добродушному старику. Спустя слишкомъ тридцать лѣтъ потомъ, я прочелъ его Записки и понялъ, почему такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное имъ на меня въ дѣтствѣ: такая открытая, честная, незлобивая душа могла ли не привлекать къ себѣ простыхъ дѣтскихъ сердецъ и не вызывать ихъ симпатіи? Воспоминаніе о С. Н. Глинкѣ вызвало въ моей памяти и еще одно лицо, о которомъ совсѣмъ было позабылъ. Это былъ тоже писатель «добраго стараго времени», современникъ, а можетъ быть и сверстникъ Глинки, издатель Дамскаго Журнала, князь Шаликовъ. Низенькій, брюнетъ, какъ всѣ Грузины, онъ казался мнѣ чопорнымъ, холоднымъ, надутымъ, почему и не внушалъ во мнѣ симпатіи; но сынъ его, воспитывавшійся тоже въ нашемъ Отдѣленіи, нравился мнѣ по веселому и шутливому нраву. Его часто брали домой, откуда привозилъ онъ тоненькія, желтенькія книжечки «Дамскаго Журнала», которыя и дарилъ мнѣ; помню, что тетрадки эти, послѣ Евангелія, купленнаго мнѣ отцемъ моимъ, были первою моею книжною собственностію, которую я долгое время сберегалъ.

Я заговорилъ было о нашихъ театральныхъ представленіяхъ, да отвлекся. Они были большею частію на Французскомъ языкѣ, и одна піеска, въ которой были только три лица: Товитъ старшій, Товитъ младшій и Ангелъ, особенно какъ-то осталась у меня въ памяти. Роль перваго исполняла надзирательница наша А. Гр. Филипова, втораго—Анна Александровна Сатина, а Ангела—Краснокутскій 1-й, Григорій, кажется; осталась же она у меня въ памяти по блестящимъ библейскимъ костюмамъ и еще по свѣжему и миловидному личику младшаго Товита. Припоминается и другая піеска, но только потому, что въ толпѣ какихъ-то Турокъ, выходившихъ на сцену, участвовалъ и я съ чалмою на головѣ и съ усами, наведенными жженной пробкой. Мотивъ хора. который пѣли Турки, звучитъ въ моихъ ушахъ и до сихъ поръ.

Кромѣ этихъ спектаклей бывали у насъ еще и танцовальные вечера, которые, благодаря большому кругу знакомыхъ баронессы Корфъ, были довольно оживлены и веселы. Хотя они и пріурочивались ко днямъ 8 Ноября и 6 Декабря; но царскіе дни были, кажется, только предлогами: и театры, и вечера не столько были нужны для кадетъ, сколько, кажется, для самой баронессы; ибо, не имѣя большаго состоянія, она затруднялась вывозить въ свѣтъ свою хорошенькую племянницу, а той, конечно, хотѣлось и потанцовать, и повеселиться. Уже не разъ упоминалъ я о племянницѣ баронессы m-lle Сатиной, называя ее «хорошенькой». Она дѣйствительно была такова. Средняго роста, стройная и гибкая, какъ вѣтка, съ ласкающими сѣрыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, она, не смотря на такъ называемый утиный носъ, была чрезвычайно миловидна. Не знаю, сколько ей тогда было лѣтъ, но думаю не болѣе семнадцати; по крайней мѣрѣ въ обращеніи ея съ кадетами, между которыми нѣкоторые считались ея любимцами, было что-то ребяческое, иногда впрочемъ

Библиотека "Руниверс"

не безъ лукавства, свойственнаго ея полу и возрасту. Не стану утверждать, вѣрно ли было мое наблюденіе; она казалась мнѣ насмѣшливой и кокеткой. Само собой разумѣется, что послѣднее качество я придаю по позднѣйшимъ понятіямъ, тогда же конечно не зналъ, какъ назвать въ ней то, что̀ теперь называю кокетствомъ. Къ ней нерѣдко ѣзжала ея подруга Annette Обухова, такая же молоденькая и свѣженькая блондинка, какъ и она, съ весьма тонкими и правильными чертами лица. Помню, что пріятели мои Злобинъ и Прохоровъ, говоря объ этихъ ундинахъ, приходили въ необыкновенный восторгъ, выхваляя передо мною одинъ одну, другой—другую, но я не раздѣлялъ ихъ увлеченія. Въ моемъ воображеніи (это у девятилѣтняго-то ребенка!) рисовался другой идеалъ, Богъ знаетъ откуда и какъ сложившійся. Странно, но по цѣлымъ часамъ носился въ моихъ мысляхъ образъ, прекраснѣе котораго я ничего не могъ себѣ представить. Не только тогда, но и теперь не могу понять—почему онъ такъ упорно держался въ моемъ воображеніи, почему образъ лица никогда и нигдѣ мною не виданнаго такъ ясно и отчетливо представлялся мнѣ... Однажды мы сидѣли за обѣдомъ. Я молча дѣлалъ свое дѣло, глядя къ себѣ въ тарелку; но, и не поднимая глазъ, я замѣтилъ, что противъ меня остановилась Сатина. Въ семьѣ моихъ родителей были одни только сыновья, сестеръ у меня не было; даже кузинъ, которыхъ у насъ было немало, я никогда не видалъ; неудивительно поэтому, что вслѣдствіе отчужденія отъ женскаго общества, я не только въ дѣтствѣ, но и долго пото̀мъ, въ присутствіи молодыхъ дѣвицъ, всегда приходилъ въ робость и смущеніе. По этой-то также причинѣ я никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ толпу, которая, бывало, окружала Сатину, но разсматривалъ и наблюдалъ ее, держась въ сторонѣ. Въ минуту, о которой я заговорилъ, я не зналъ, куда дѣться изъ-за стола. Опустивъ глаза, краснѣя и теребя салфетку, я чувствовалъ однакожъ, что она не отходила прочь и продолжала стоять противъ меня. Такъ прошло минутъ, можетъ быть, пять; но я не видѣлъ имъ конца; мнѣ было неловко отъ этой пытки; но не знаю, какая сила заставила меня вдругъ поднять глаза и.... передо мной, рука объ руку съ Сатиной, стоялъ мой идеалъ.... Это былъ до мельчайшихъ подробностей тотъ самый, нигдѣ и никогда не видѣнный мною, образъ, который съ нѣкоторыхъ поръ преслѣдовалъ меня. Что-то теплое охватило меня, что-то упало во мнѣ, въ головѣ все замѣшалось—я испугался.... Что̀ это—призракъ, видѣніе? Какъ будто одной только этой минуты и ожидала Сатина, когда я подниму глаза: она повернулась и увела съ собой новую свою знакомую. Это была дочь баронессы Марьи Ивановны фонъ Пфейлитцеръ-Франкъ, шестнадцатилѣтня Molly. Ровно черезъ 17 лѣтъ, въ 1849 году, младшая ея сестра Варвара стала моей женой.

Баронесса Марья Ивановна привезла двухъ своихъ сыновей, опредѣленныхъ въ Малолѣтнее Отдѣленіе, и пока она сидѣла съ ними у Елизаветы Ивановны Корфъ, молодыя дѣвушки, представленныя одна другой, познакомились. Сатина, желая показать Molly заведеніе, гдѣ будутъ воспитываться ея братья, предложила ей пройтись по заламъ,

Библиотека "Руниверс"

а такъ какъ кадеты были въ столовой, то онѣ туда и отправились прежде всего. Остановились они противъ меня конечно случайно; но какой однакожъ странный случай!

Такъ какъ это было передъ Николинымъ днемъ, а у насъ въ этотъ день предполагался балъ, то баронесса Корфъ предложила Марьѣ Ивановнѣ не оставлять дѣтей въ заведеніи, а привезти ихъ 6 Декабря прямо на праздникъ, чтобы первымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ облегчить имъ переходъ изъ семьи въ школу. При этомъ, конечно, Марья Ивановна и ея дочь были приглашены на балъ. Помню я этотъ вечеръ, когда въ другой разъ увидалъ Molly. Сорокъ пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а у меня и теперь еще въ глазахъ ея пунсовое крепповое платье и фероньерка, украшавшая русую головку. До сихъ поръ я ничего не сказалъ о ея наружности; не стану говорить и теперь, ибо не могу словами передать той красоты, которую я находилъ въ ней, красоты, выражавшейся не въ одномъ только гармоническомъ сочетаніи очертаній лица и восхитительной улыбкѣ, но болѣе всего въ ея прекрасномъ мягкомъ и кроткомъ взорѣ, производившемъ на меня необыкновенное впечатлѣніе, котораго до того времени я никогда еще не испытывалъ: легко и покойно становилось на душѣ отъ этого взора, обычная рѣзвость моя пропадала, мысли отрывались отъ всего окружавшаго, все что-то думалось, думалось, хотѣлось быть добрымъ.... Во весь вечеръ я не отводилъ отъ нея глазъ и «вглядѣться въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся». Помню очень хорошо, что отъ нея не отходилъ одинъ изъ знакомыхъ баронессы Корфъ, молодой, гусарскій офицеръ М*, которому, казалось мнѣ, она очень нравилась и потому старавшійся ей всячески угождать и оказывать вниманіе. Molly была съ нимъ любезна, но любезность эта была бальная. Трудно было молодому гусару привлечь къ себѣ ея сердце, которое, какъ я узналъ послѣ, принадлежало уже другому. Molly со всей силой молодой души полюбила сына уважаемаго въ Москвѣ пастора К***. Это была первая и послѣдняя ея любовь: черезъ два года она умерла, а тотъ, кому она посвятила свои чувства, еще прежде ея смерти былъ сосланъ въ ссылку по одной исторіи, о которой упоминается въ «Быломъ и Думахъ». Нѣсколько молодыхъ людей, а въ томъ числѣ К*** и, кажется, Соколовскій, авторъ М і р о з д а н і я, Х е в е р и и др. стихотвореній, содержались арестованными и судились въ военно-судной коммиссіи при Московскомъ ордонансъ-гаузѣ подъ предсѣдательствомъ коменданта Стааля, незабвеннаго Карла Густавовича, этого благороднѣйшаго рыцаря, не убоявшагося сказать императору Николаю, что онъ проситъ уволить его отъ обязанности презуса въ коммиссіи, «чтобы не опозорить своихъ сѣдинъ». На мѣсто Стааля былъ назначенъ, кажется, князь Голицынъ, который потомъ долгое время былъ предсѣдателемъ Комиссіи Прошеній.

Въ пятидесятыхъ годахъ, когда я уже былъ мужемъ сестры Molly и когда перваго моего сына няньчила старушка Катерина Кириловна, бывшая горничная Molly, я не разъ слышалъ отъ нея разсказъ, какъ она съ «своей барышней» ходила гулять въ Александровскій

Библиотека "Руниверс"

садъ и какъ на Кремлевской стѣнѣ показывался К***, чтобы хоть издали посмотрѣть на избранницу сердца. Сильно работало воображеніе мое при этомъ разсказѣ и ныло сердце тяжелымъ чувствомъ— зачѣмъ судьба не дала имъ счастья?

Нечего и говорить, что къ братьямъ Molly, Александру и Эдуарду, я питалъ самую нѣжную дружбу, не прерывавшуюся во все время пребыванія нашего въ Корпусѣ, скрѣпленную потомъ родствомъ и продолжавшуюся до самой ихъ смерти.

Molly часто навѣщала своихъ братьевъ и нерѣдко оставалась гостить у баронессы Корфъ и ея племянницы по цѣлымъ недѣлямъ. Такъ продолжалось два года. Много отрадныхъ минутъ и часовъ въ эти два года испыталъ я подъ вліяніемъ новаго чувства, закравшагося въ сердце, чувства, которому я не даю никакаго опредѣленія, никакаго названія. Все это дорого только для меня. Другіе скажутъ—

....дѣтство глупое; какъ и всегда
Бываютъ глупы дѣтскіе годы....

Пусть будетъ такъ! Вы, которые раннее проявленіе чувства въ ребенкѣ всегда готовы назвать глупостью, припомните слова поэта:

Люби прошедшее! Его очарованій
Не осуждай! Подъ старость грустныхъ дней,
Придется жить на днѣ души своей
Весенней свѣжестью воспоминаній. ..

Заключу разсказъ мой повѣствованіемъ о томъ, какъ мнѣ случилось быть во дворцѣ у великаго князя Михаила Павловича. Надо сказать, что когда Великій Князь пріѣзжалъ въ Москву, то приказывалъ по Воскресеньямъ или въ праздники привозить къ себѣ кадетъ, по два, кажется, человѣка изъ роты. Вмѣстѣ съ десятью кадетами Главнаго Корпуса посылались двое и изъ Малолѣтняго Отдѣленія. Вотъ осенью 1832 г. я и еще одинъ—Владиміръ Исаковъ, напутствуемые подробнѣйшими наставленіями Чурашевой, были посажены въ карету и отвезены на Стоженку. Тамъ насъ встрѣтилъ батальонный командиръ полковникъ Святловскій, осмотрѣлъ насъ, повторилъ наставленія и повелъ всѣхъ къ Великому Князю. Я долженъ однакожъ признаться, что воспоминанія объ этомъ днѣ остались у меня весьма смутныя, а потому стану говорить только о томъ, что̀ память сохранила отчетливо. Это начинается съ того времени, какъ мы черезъ нѣкоторое время послѣ обѣденнаго стола были приведены въ кабинетъ Великаго Князя, гдѣ нашли его въ сюртукѣ безъ эполетъ. Кто были собесѣдники Михаила Павловича за столомъ, я не помню; въ памяти осталось только то, что столовая зала была не столько обширна, сколько высока и что карнизы въ ней были лѣпные. Послѣ обѣда насъ водили по дворцу и саду; можетъ быть, Великій Князь отдыхалъ въ это время, или чѣмъ нибудь былъ занятъ. Въ кабинетѣ, гдѣ мы собрались, изъ близкихъ къ Великому Князю лицъ я зналъ только сенатора Башилова и А. И. Философова. Стѣны кабинета были увѣшаны

Библиотека "Руниверс"

картинами, на которыхъ были изображены офицеры и нижніе чины всѣхъ родовъ войскъ въ различныхъ формахъ ихъ обмундированія. Великій Князь, окруженный своими гостями, разсматривалъ эти картинки. Тутъ я какъ-то попалъ подъ руку къ Башилову; онъ приласкалъ меня, спросилъ фамилію, а узнавъ ее, опять спросилъ: не родственникъ ли мнѣ бывшій генералъ-инспекторомъ артилеріи А. И. К*. Я отвѣчалъ, что онъ мнѣ дѣдъ. Тогда Башиловъ подвелъ меня къ Михаилу Павловичу и сказалъ, что я внукъ А. И. К*. Великій Князь, обхвативъ меня рукой за шею, повелъ за собою, продолжая разсматривать солдатиковъ и когда дошла очередь до артилеріи, спросилъ меня: «Какое это войско?»—Разумѣется, я не зналъ; но сзади, должно быть кто нибудь изъ старшихъ кадетъ, подсказалъ: «артилерія», и я повторилъ. Продолжая идти дальше, Михаилъ Павловичъ вдругъ застоналъ и заохалъ: «Охъ, охъ Боже мой! Возмите скорѣе, уберите съ глазъ моихъ». Что̀ же оказалось? На картинкѣ онъ увидалъ пѣхотнаго солдата съ портупеей черезъ лѣвое плечо, тогда какъ она носилась черезъ правое. Картинку тотчасъ же сняли. Послѣ этого осмотра Русской арміи Михаилъ Павловичъ перешелъ съ нами въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ приготовленъ чай, различное печенье, конфеты, фрукты и пр. Философовъ очень усердно угощалъ кадетъ этими лакомствами и набивалъ ими карманы ихъ. Михаилъ Павловичъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни. Ухвативъ одной рукой мое лицо, а другой затылокъ, онъ началъ разкачивать меня изъ стороны въ сторону, а когда я при этомъ, помня данное мнѣ приказаніе, поцѣловалъ у него руку, то онъ съ усмѣшкой сказалъ: «Я не архіерей, только у нихъ цѣлуютъ руки». Послѣ чаю Великій Князь нѣкоторое время продолжалъ еще разговаривать съ бывшими при немъ лицами; рѣчь шла о войскахъ и ихъ обученіи. Помню, что онъ съ негодованіемъ говорилъ о существовавшемъ тогда въ войскахъ обыкновеніи, при выводѣ солдатъ на ученье, снабжать замыкающихъ унтеръ-офицеровъ палками. «Когда братъ приказалъ, чтобы этого не было, говорилъ Михаилъ Павловичъ, такъ что̀ же они канальи выдумали? Палки стали носить въ ружейныхъ стволахъ».... Вспоминая теперь эти слова, я думаю: къ кому они должны были относиться—къ унтеръ-офицерамъ, или къ ближайшимъ командирамъ, которые, не смотря на запрещеніе Государя, по избытку ревности, допускали нарушеніе его?

Въ девять часовъ насъ отвезли домой.

А. К.

Библиотека "Руниверс"

Графъ А. К. Толстой о постановкѣ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“.

I. ПИСЬМО КЪ Г-НУ РОСТИСЛАВУ.

По поводу появленія г. Нильскаго въ роли Іоанна Грознаго *).

Вы принимали такое живое участіе въ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» съ самой ея постановки на сцену (ваши журнальныя статьи служатъ тому доказательствомъ), что я чувствую потребность высказать вамъ мое мнѣніе объ игрѣ г. Нильскаго въ роли Іоанна. По моему убѣжденію, ни одинъ изъ Русскихъ артистовъ не передалъ этого характера такъ удовлетворительно, какъ г. Нильскій. Я знаю, что многіе со мною не согласятся и скажутъ, что я подкупленъ тѣмъ, что г. Нильскій всегда твердо знаетъ свою роль. Сознаюсь, что обстоятельство это расположило меня въ пользу Нильскаго съ перваго моего съ нимъ знакомства. Въ одной Французской поварской книгѣ сказано: чтобъ сдѣлать соусъ изъ зайца, нужно прежде всего достать зайца. Изреченіе мудрое, которое можно перефразировать такъ: чтобъ хорошо сыграть свою роль, нужно прежде всего её выучить. Г. Нильскій выучилъ обѣ свои роли (Годунова и Іоанна) почти безукоризненно. Я говорю почти и этимъ заявляю мое безпристрастіе, но и нѣкоторыя вкравшіяся неправильности въ роляхъ г. Нильскаго доказываютъ только одно: что преданіе строгой драматической школы на нашей сценѣ потеряно. Ни самъ авторъ, ни большинство публики не поражаются перестановкой словъ, искажающей стихи и глубоко оскорбляющей метрическое ухо.

Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ (за исключеніемъ Леонидова) Нильскій одинъ зналъ свою роль наизусть и тѣмъ исполнилъ первое условіе, требуемое отъ драматическаго артиста.

Но онъ не ограничился однимъ знаніемъ: онъ проникнулся характеромъ представляемаго имъ лица, не пренебрегъ ни одной его чертой и разрѣшилъ трудную задачу соединить царственность со всѣми видами страсти. Нѣкоторыя мѣста вышли у него потрясательны. Такъ напримѣръ, при чтеніи синодика онъ превосходно сказалъ:

„Пятнадцать?
„Ихъ было болѣ — двадцать запиши!“

---

*) Изъ „Антракта“ 1868 года, отъ 19 Мая, № 19-й.

Библиотека "Руниверс"

Это мѣсто не только не вызвало у зрителей улыбки, какъ случалось на разныхъ сценахъ, гдѣ давали «Смерть Іоанна», но произвело глубокое впечатлѣніе.

Слушая Нильскаго, я вспомнилъ, что̀ мнѣ сказалъ Веймарскій актеръ Лефельдъ, когда я, опасаясь неудачи, предложилъ выпустить это мѣсто.

— Ни за что! возразилъ Лефельдъ. Ich werde ihnen schon das Lachen vertreiben! (Я отобью у нихъ охоту смѣяться!) Дѣйствительно, никто не улыбнулся. У Лефельда несравненно болѣе природныхъ средствъ, чѣмъ у Нильскаго; но въ томъ и заключается заслуга Нильскаго, что онъ воспользовался всѣми своими средствами, которыя, впрочемъ, далеко не малы. Прекрасно выразилъ онъ ужасъ Іоанна въ словахъ:

„Что̀ тамъ скребетъ въ подпольѣ?“

Прекрасно упалъ на колѣни передъ боярами и прекрасно прервалъ Шуйскаго словами:

„Молчи, холопъ!“

за которыми произнесъ первыя строки своего покаянія голосомъ гнѣва и угрозы. Это намѣренное противорѣчіе голоса съ содержаніемъ словъ произвело эффектъ сильный, психически вѣрный и совершенно новый. Очень тонко выразилъ Нильскій въ сценѣ Іоанна съ волхвами то чувство, которое овладѣваетъ Іоанномъ въ присутствіи недоброй силы. Онъ ее и вызываетъ, и отрекается отъ нея, и боится ея, и хочетъ ее наказать. Все это слышалось въ его голосѣ и видѣлось на его лицѣ. Такихъ тонкихъ чертъ у Нильскаго было много; но были также и недостатки.

Въ сценѣ съ Гарабурдою онъ показался мнѣ нѣсколько однообразенъ. Когда Гарабурда бросилъ ему перчатку, онъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, помолчать, а потомъ начать совершенно тихо и сдержанно, почти шопотомъ:

„Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
„Ты иль король? Къ чему перчатка эта?“

а за тѣмъ уже дать волю своему гнѣву и дойти до бѣшенства.

Въ пятомъ актѣ, когда его вносятъ на креслахъ, онъ былъ не довольно хилъ и изнуренъ. Въ самой послѣдней сценѣ онъ добровольно лишилъ себя того огромнаго эффекта, которымъ такъ удачно воспользовался Лефельдъ, когда, уже лежа на полу, онъ увидалъ скомороховъ и отползъ отъ нихъ въ ужасѣ.

Гримированъ былъ Нильскій, въ день своего дебюта, неудовлетворительно; но за то въ слѣдующій разъ нельзя было желать лучшей фигуры и лучшей маски. Вы видите, что я говорю о Нильскомъ безпристрасно, pro и contra. Повторяю, что, по моему мнѣнію, онъ былъ на Русской сценѣ лучшій изъ всѣхъ Іоанновъ, и предсказываю ему вообще, какъ трагическому актеру, блистательную будущность,

Библиотека "Руниверс"

если онъ, при своемъ пониманіи и при своихъ средствахъ, выработаетъ въ себѣ ту строгую школу, безъ которой невозможна серьезная драма. Какъ ни велики дарованія актера, онъ не достигаетъ совершенства однимъ вдохновеніемъ, какъ не достигаетъ его и пѣвецъ при самомъ прекрасномъ голосѣ, безъ школы и методы. Естественность въ искусствѣ, конечно, необходима; всякое появленіе въ его области, къ какой бы отрасли оно ни принадлежало, должно быть естественно, т. е. должно согласоваться съ законами правды; но сущность искусства есть высшая красота, или высшая правда (что̀ одно и тоже), и потому не всякое естественное проявленіе годится въ искусствѣ, которое отвергаетъ все случайное, все ненужное, и сохраняетъ только то, что̀ ведетъ прямо къ цѣли, т. е. къ выраженію заданной идеи.

Фотографія, воспроизводящая всѣ случайности природы, никогда не войдетъ въ область искусства; но живопись, игнорирующая безполезныя подробности и признающая только тѣ черты подлинника, которыя составляютъ его характеръ, — есть одно изъ высшихъ выраженій искусства. Въ сценическомъ воспроизведеніи характеровъ, болѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ, должно держаться одного необходимаго, одного ведущаго къ цѣли. Сценическое искусство менѣе чѣмъ всякое другое допускаетъ случайности. Каждое лишнее движеніе (я уже не говорю о движеніяхъ фальшивыхъ) не только безполезно, но и вредно. Рама, въ которой вращается драматическое представленіе, такъ узка, время, ему удѣленное, такъ ограничено, что каждая минута драгоцѣнна для артиста, каждое его движеніе знаменательно. Онъ не имѣетъ права не только на что нибудь ложное, но и на что нибудь индиферентное. Индиферентизмъ на сценѣ есть потеря времени, которая ничѣмъ не вознаграждается. Мѣста, произносимыя актеромъ безцвѣтно или въ которыхъ онъ встаетъ, или садится, или ходитъ взадъ и впередъ безъ надобности, равняются мѣстамъ, вычеркнутымъ изъ его роли, если (что̀ еще вѣроятнѣе) они не наводятъ скуки на зрителей.

Сказать, что г. Нильскій вполнѣ созналъ всю важность этого правила, значило бы отклониться отъ истины; но я смѣю утверждать, что онъ созналъ его лучше, чѣмъ другіе, видѣнные мною Іоанны. Могу сказать также, что если не всѣ мѣста были переданы имъ равно знаменательно, онъ ни одного не передалъ фальшиво.

Видѣть и слышать Нильскаго доставило мнѣ художественное наслажденіе, и я сожалѣлъ только объ одномъ, что, пріобрѣвъ въ немъ замѣчательнаго Іоанна, публика лишилась замѣчательнаго Годунова, котораго она не цѣнила по заслугамъ, но котораго достоинство почувствуется чрезъ его потерю.

Библиотека "Руниверс"

II. ПИСЬМО КЪ В. Д. ДАВЫДОВУ.

Петербургъ, 1-го Декабря 1867.

Любезный и многоуважаемый Василій Денисовичъ.

Письмо ваше отъ 27 Ноября получилъ я только третьяго дня, потому что живу теперь не въ Пустынькѣ, а здѣсь, въ городѣ, а именно на Гагаринской пристани, въ домѣ князя Гагарина. Съ недѣлю тому я писалъ къ Бѣгичеву и просилъ его дать мнѣ знать, когда я долженъ пріѣхать въ Москву на послѣднія репетиціи? Дѣло въ томъ, что Смерть Грознаго даютъ въ Веймарѣ въ концѣ нашего Декабря и что я долженъ быть и тамъ. Чтò касается до прибавочной суммы, то это теперь сдѣлать невозможно, потому что смѣта утверждена и что даже по этой смѣтѣ деньги взяты взаймы. Но мнѣ сказали сегодня, что, можетъ быть, къ веснѣ что нибудь прибавятъ, а пока пусть ставится и на 8 тысячъ. Не думàю, чтобъ эта сумма была черезъ-чуръ мала; ибо, по мнѣнію самого Бѣгичева, въ Карлсбадѣ, дѣло должно было обойтись тысячъ въ 5 или 6. Главное то, что въ Москвѣ будутъ (я увѣренъ) играть хорошо, а здѣсь главная роль положительно играется дурно. Мнѣ сообщили распредѣленіе ролей, изъ котораго я увидѣлъ, что Грознаго будетъ играть Шумскій, Годунова — Вильде, Захарьина — Садовскій, а Гарабурду—Самаринъ. Полагая, что это распредѣленіе сдѣлано самимъ Бѣгичевымъ, по соглашенію съ артистами, я отвѣчалъ, что совершенно имъ доволенъ. Къ сожалѣнію, я незнакомъ съ Московской труппой; но здѣсь мнѣнія раздѣляются: иные желали бы, чтобъ Грознаго игралъ Шумскій, другіе хотѣли бы видѣть въ этой роли Самарина. Но, разумѣется, ваше желаніе, которое есть также желаніе Московской дирекціи, будетъ исполнено, и роль Грознаго останется за Шумскимъ.

Завидую вамъ болѣе, чѣмъ могу выразить, что вы будете въ Римѣ; но не раздѣляю вашего воззрѣнія на папу и не желаю его смерти. Не желаю видѣть въ Римѣ Итальянскаго парламента, не желаю видѣть Колизей, обращенный въ казарму, ни сломанія древнихъ Римскихъ стѣнъ для украшенія города, какъ то сдѣлано во Флоренціи. Если вы еще незнакомы со Львомъ Бобринскимъ, то вѣроятно въ Римѣ съ нимъ познакомитесь, и тогда, пожалуйста, скажите имъ que j'ai le mal du pays [1]). Господи, чтò скажутъ К-овъ и А-овъ?

Весь вашъ

Алексѣй Толстой.

---

[1]) У меня тоска по странѣ.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько словъ по поводу постановки на Московской сценѣ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“.

Знакомство мое съ графомъ А. К. Толстымъ началось съ 1842 года, когда мы, оба еще юноши, встрѣчались въ Петербургскомъ свѣтѣ. Въ то время никто изъ современниковъ его не предугадывалъ въ немъ будущаго творца князя Серебряннаго, Смерти Іоанна Грознаго, и т. д. и народнаго поэта съ глубоко-выстраданнымъ, тоскующимъ стихомъ. Казалось, что онъ жилъ тою же общею всѣмъ намъ пустою, свѣтскою жизнію, влюблялся съ увлеченіемъ, волочился съ настойчивостію, плясалъ на балахъ, билъ на охотѣ медвѣдей, словомъ участвовалъ во всѣхъ развлеченіяхъ молодежи. Но зародышъ поэтическаго творчества жилъ въ немъ, сокрытый для насъ, и проявился въ послѣдствіи съ такимъ блескомъ. Въ 1867 году общіе недуги соединили насъ снова въ Карлсбадѣ, гдѣ онъ въ то время оканчивалъ свое любимое дѣтище: Царя Ѳедора Ивановича. Въ томъ же году, зимою, была поставлена въ Петербургѣ его трагедія «Смерть Іоанна Грознаго», встрѣченная съ живымъ сочувствіемъ публикою и литературою. Дирекція театровъ не пожалѣла расходовъ на ея постановку, сборы были полные; но большаго и всесторонняго успѣха піеса не имѣла, что̀ происходило отъ исполненія. Мы Москвичи горько сѣтовали на невозможность видѣть эту трагедію на нашей сценѣ, чувствуя инстинктивно, что при составѣ тогдашней Московской труппы, достигшей своего апогея, при направленіи умовъ общества, при тѣхъ данныхъ, которые не достаютъ Петербургу, постановка «Смерти Іоанна Грознаго» въ Москвѣ завершила бы достойнымъ образомъ успѣхъ этого новаго перла Русской словесности. Преградъ къ тому было множество, и одною изъ самыхъ главныхъ было то, что дирекція, послѣ довольно значительныхъ затратъ въ Петербургѣ еще не покрытыхъ сборами, неохотно рѣшалась произвести новыя затраты въ Москвѣ. Для многихъ изъ насъ всего прискорбнѣе было то, что въ Веймарѣ, Нѣмецкомъ городѣ, уже приготовлялись къ постановкѣ этой трагедіи, переведенной Каролиною Карловною Павловою. Такимъ образомъ Европа и, главное, Нѣмцы увидятъ и оцѣнятъ вполнѣ Русское произведеніе прежде Москвы, заинтересованной въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ города міра. Но всѣ наши аханія были безплодны, пока не пріѣхалъ къ намъ въ Карлсбадъ начальникъ Московскаго репертуара В. П. Бѣгичевъ. Съ отличающею его дѣловитостью и опытностью, онъ, на основаніи имѣющихся данныхъ, сдѣлалъ примѣрную смѣту и вывелъ, что постановка въ Москвѣ не будетъ стоить дороже 5 или 6 тысячъ рублей. Графъ Толстой возликовалъ; надежда возвращалась, преграды рушились въ виду незначительности расхода, и было рѣшено хлопотать настойчиво, по возвращеніи въ Петербургъ, о выдачѣ означенной суммы для Московскаго театра; намъ же, Москвичамъ, передавать ему всѣ пожеланія, слухи, разговоры общества, а Бѣгичеву, какъ должностному лицу, распредѣлить роли артистамъ. Помню, что выборъ между Шумскимъ и Самаринымъ для роли Іоанна подавалъ поводъ къ большимъ спорамъ: авторъ желалъ видѣть въ ней Самарина, Бѣгичевъ и я настаивали на Шумскомъ. Рѣшено было, что въ случаѣ согласія дирекціи, мы все время будемъ съ нимъ въ перепискѣ, для полученія его сообщеній и наставленій.

Библиотека "Руниверс"

По возвращеніи моемъ въ Москву и при свиданіи съ покойнымъ С. В. Шумскимъ, я къ удивленію увидѣлъ, что новая роль, на него возлагаемая, видимо пугаетъ его, и что онъ далеко не увѣренъ въ своихъ силахъ, чтобы достойно передать ее. Онъ тогда же просилъ меня снестись съ графомъ Толстымъ и передать ему, какъ онъ понимаетъ характеръ Іоанна, и какаго желалъ бы графъ исполненія. Я получилъ весьма длинное и подробное письмо отъ графа Толстаго, которое и передалъ Шумскому. Къ сожалѣнію, онъ мнѣ его не возвратилъ, и я не знаю что̀ съ нимъ сталось. Увы! надежды на игру Шумскаго не оправдались. Не смотря на всѣ указанія автора, онъ былъ крайне слабъ почти во всѣхъ мѣстахъ этой великолѣпной и благодарной роли. «Смерть Іоанна Грознаго» была дана въ половинѣ Января 1868 года, при слѣдующемъ распредѣленіи ролей.

Царь Іоаннъ	Шумскій.
Борисъ Годуновъ	Вильде.
Князь Шуйскій.	Владыкинъ.
Захарьинъ	Петровъ.
Князь Сицкій	Самаринъ.
Гарабурда	Садовскій.
Царевичъ Ѳедоръ.	Рябовъ.
Битяговской.	Живокини 2.
Кикинъ	Ѳедотовъ.
Посолъ Курбскаго.	Александровъ.
Якоби.	Колосовъ.
Псковской гонецъ.	Миленской.
Волхвы	Никитинъ и Кремневъ.
Царица Марѳа.	Г. Медвѣдева.
Мамка.	Акимова.
Царица Ирина.	Мухина.
Годунова.	Ѳедотова.

Казалось, что съ такимъ составомъ первокласныхъ артистовъ, трагедія должна была бы имѣть великій успѣхъ; но успѣхъ вышелъ не полный, несмотря на то, что дирекція и въ Москвѣ не поскупилась на постановку. Она была исполнена худо. Отмѣнно роскошныя декораціи, костюмы, аксесуарныя вещи,— все было превосходно, но, увы! исполненіе оказалось хуже постановки. Графъ Толстой, пріѣхавшій для этого въ Москву, былъ крайне огорченъ и не скрылъ этого, высказавши откровенно Шумскому свое неодобреніе на ужинѣ у В. П. Бѣгичева, въ день представленія. Разборъ піесы и игры актеровъ можно найти въ издаваемомъ въ то время журналѣ «Антрактъ» 1868 года отъ 28 Января за № 4, составленный мастерскою рукою редактора В. И. Родиславскаго. Онъ вполнѣ вѣрно, безпристрастно и справедливо отнесся какъ къ автору, такъ и къ исполнителямъ, передаетъ впечатлѣніе, произведенное этою піесою на публику и съ прискорбіемъ сознается, что успѣхъ былъ не полный, по винѣ всѣхъ и нѣкоторыхъ въ особенности. Въ томъ же журналѣ отъ 5 Мая, въ № 17, находится отзывъ объ этой трагедіи покойнаго М. П. Погодина, замѣчающаго тоже, что Шумскій былъ далеко не «грозенъ» и многое передавалъ не соотвѣтственно роли. Кстати замѣтимъ, что за постановку въ Веймарѣ этой трагедіи директору придворнаго театра Теоборину Леону былъ пожалованъ орденъ Анны 2-й степени. Въ Москвѣ «Смерть Іоанна Грознаго» была дана въ первый разъ въ бенефисъ Шумскаго, во второй въ счетъ дирекціи, а въ третій разъ 30 Января въ бенефисъ Медвѣдевой.

Василій Давыдовъ.

Библиотека "Руниверс"

Письмо Д. В. Давыдова къ Н. Н. Раевскому.

Лагерь при Рущукѣ, 14 Іюля 1810.

Съ тѣхъ поръ какъ вы насъ оставили, милостивой государь Николай Николаевичъ, много воды утекло. Курсъ нашего могущества съ часу на часъ упадаетъ. Угрозы, дерзости, бѣшенство противу артилерійскихъ генераловъ не даютъ ни ядеръ, ни бомбъ, ни бранскугелей. Третьяго дня графъ Сиверсъ сказался больнымъ и вслѣдствіе просьбы его лечиться въ Яссахъ отправленъ въ Силистрію. Рѣзваго ожидаютъ сюда съ артилеріею и снарядами и готовятъ ему еще сильнѣе удары. Словомъ сказать, всѣ окружающіе великаго Могола, всѣ бранены, разбранены и ошельмованы по пяти разъ на день. Совсѣмъ тѣмъ, дѣла не только лучше не идутъ, но еще разстроиваются болѣе и болѣе. Время прошло, когда какое-то преимущество, называемое геніемъ, а нами дурацкимъ счастіемъ, давало право дѣлать неистовства безъ возмездія и критики. Нынче мы.... у Рущука. Маска спала, и остался человѣкъ. Да какой? Всѣ глаза открыли и всѣ такъ кричатъ, что и я опасаюсь слушать. Но дабы лучше видѣть геройскіе наши подвиги, я вамъ скажу, что та высота, о которой вы говорили, что возметесь поставить батарею противу Шумлы, была занята Мишо [1], 26-го же числа атакована и отстоена безпримѣрно 28-ымъ егерскимъ полкомъ подъ командою полковника Корнилова [2], ночью же отъ испуга Агамемнона [3] и брата его Менелая [4], срыта до основанія безъ всякой причины. Многіе еще редуты и батареи на центрѣ и на разныхъ мѣстахъ были также сдѣланы, передѣланы и раздѣланы. Дороги, что мы воображали занятыми Войновымъ и Левизомъ [5], не были заняты ни Войновымъ, ни Левизомъ. Наконецъ, видя въ телескопы и подзорныя трубки до 800 верблюдовъ, въ порядкѣ шествующихъ въ Шумлу, непреклонность визиря къ миру и услыша отъ Цызырева о шествіи 15-ти тысячъ человѣкъ изъ Варны на нашъ лѣвый флангъ, владыко рѣшился 4-го Іюля ночью убраться на тѣ высоты, съ которыхъ мы пошли на

---

[1]) Графъ Александръ Францовичъ Мишо де Боретуръ (Michaud de Beauretour), родомъ Сардинецъ, родился въ 1771 г., умеръ въ Палермо въ 1841 г.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Петръ Яковлевичъ Корниловъ родился въ 1770 г., умеръ близъ Рущука въ 1828 г.

[3]) Агамемнонъ—главнокомандующій графъ Николай Михайловичъ Каменскій.

[4]) Менелай—ген. отъ инфат., графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій.

[5]) Ген.-лейт. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Левизъ офъ Менаръ (Levis of Menar), Шотландецъ, родился въ 1767 г., умеръ въ 1824 г.

Библиотека "Руниверс"

атаку 11-го Іюня, оставя тамъ 6-го числа братца съ половиною арміи, какъ всегда водится, въ Разградѣ Ma Foi [6]), въ Базарджикѣ ай да Цызырева, въ Каскуджи Войнова. Самъ ай да Каменской устремился къ Рущуку, думая, соединясь съ Засомъ, занять Рущукъ и тѣмъ по крайней мѣрѣ кинуть пыль въ глаза. Но увы! Бошнякъ-ага, которому послано было сказать, что я пришелъ съ арміею и даю три часа рѣшиться сдаваться или держаться, отвѣчалъ, что онъ поздравляетъ его съ пріѣздомъ, что ему не нужно три часа рѣшаться на то, на что̀ уже онъ давно рѣшился, что онъ даже можетъ отворить ворота города, естьли ему угодно и среди города дать отвѣтъ ему; впрочемъ проситъ Бога, да пріосѣнитъ покровомъ Своимъ всесильное Россійское воинство.

Вотъ наши новости по сію пору. Однако траншеи сдѣланы, сапы въ 25 саженяхъ отъ валу; говорятъ, что на передовой сапѣ нынче поставлена будетъ батарея; лѣстницы дѣлаютъ, фашины сдѣланы, все готовится къ штурму, кромѣ меня, который его не ожидаетъ. Впрочемъ какъ подумаетъ Агамемнонъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, что̀ дѣлать? Въ Шумлу обратно идти? Осмѣютъ, да и не дойдешь: смѣнятъ! Оставить Рущукъ и идти на Тырново? Съ чѣмъ идти? Вѣдь надо и предъ Рущукомъ что нибудь оставить. И вышло: живъ живъ курилка, еще не умеръ, а у курилки ножки тоненьки, душа коротенька. Взявши Рущукъ штурмомъ, онъ конечно ослѣпитъ челядь генераловъ; но всякой, кто мыслитъ хорошо, увидитъ въ движеніи на Рущукъ пустое движеніе. Шумла есть главный пунктъ: Шумлу возмешь, и все падетъ.

Вотъ, любезной и почтенной нашъ генералъ, вотъ наши обстоятельства. Левушка [7]) ѣдетъ къ вамъ, отъ того я пишу такъ откровенно. Онъ велъ себя отлично 23 числа, я имъ радовался; но человѣкъ, покровительствованной генераломъ Раевскимъ, не можетъ уже остаться на поприщѣ брани, гдѣ г. Каменской прячется, и для того велѣно ему отправиться къ вамъ. Я ожидаю штурму или отступу отъ Рущука; тогда сейчасъ переѣзжаю Дунай и ѣду въ Яссы провести съ вашимъ превосходительствомъ нѣсколько пріятныхъ дней, а оттуда ѣхать въ Москву. И такъ до свиданія. Мое почтеніе Софьѣ Алексѣевнѣ [8]). Я думаю, что она пріѣхала уже въ Яссы. Сашеньку [9]) цѣлую. Съ истиннымъ почтеніемъ и извѣстною вамъ преданностію имѣю честь быть вашъ покорный слуга Денисъ.

Левушка собирался, собирался и протянулъ отъ 14 до 24 Іюля. Штурмъ былъ не удаченъ. По всѣмъ свѣдѣніямъ за семь тысячъ

---

6) Ma foi (ей, ей) генералъ отъ инфант., графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ, Французъ, родился въ Парижѣ въ 1763 г., умеръ въ Петербургѣ въ 1831 отъ холеры. Онъ здѣсь названъ такъ по его любимому присловью.

7) Левушка, братъ Дениса Давыдова, ген.-м. Левъ Васильевичъ Давыдовъ, род. 10 Октября 1792 г., умеръ 4 Мая 1848 г. директоромъ 2-го кадетскаго корпуса въ Москвѣ. Онъ состоялъ нѣкогда адъютантомъ при Н. Н. Раевскомъ.

8) Софья Алексѣевна Раевская, урожденная Константинова, супруга Н. Н. Раевскаго, внучка Ломоносова.

9) Сашенька—Александръ Николаевичъ Раевскій, знаменитый Пушкинскій „Демонъ“.

Библиотека "Руниверс"

ранено и убито. Бахметьевъ [10]), Щербатовъ [11]) ранены, Сиверсъ на бруствѣрѣ убитъ. Изъ штабъ-офицеровъ мало осталось. Впрочемъ Левушка вамъ все скажетъ. Простите. Я еще не много подожду, а тамъ дамъ тягу. Уваровъ [12]) ѣдетъ въ Бухарестъ, и все разъѣзжается.

Вашъ покорный слуга

Денисъ.

24 Іюля.

* *
*

Препровождая въ Русскій Архивъ письмо отца моего къ Н. Н. Раевскому, писанное въ 1810 году, въ самый разгаръ Турецкой кампаніи, считаю необходимымъ присоединить къ нему нѣкоторыя примѣчанія.

Письмо написано однимъ изъ участниковъ Турецкой войны Александровскаго царствованія, которая начата въ 1806 году и продолжалась шесть лѣтъ до самаго 1812 года.

Война эта ознаменована геройскими дѣлами, блистательными сраженіями, горькими неудачами, разочарованіями и, наконецъ, полнымъ забвеніемъ вслѣдствіе неудавшихся плановъ и послѣдующихъ великихъ событій. Но если современники могли быть забывчивы къ славнымъ дѣяніямъ, то мы потомки не можемъ не преклониться передъ доблестными дѣятелями и не отдать имъ должнаго. Сравнивая Турецкую войну императора Александра I-го съ послѣдовавшими въ 1828 и 1829 г., въ 1854 и 1855 г. и, наконецъ, съ недавно оконченною войною, приходимъ въ изумленіе отъ совершеннаго въ то время, при тѣхъ ничтожныхъ средствахъ, которыя предоставлялись въ распоряженіе главнокомандующихъ генераловъ: Михельсона, князя Прозоровскаго, князя Багратіона, графа Каменскаго и, наконецъ, князя Кутузова. Въ эти тяжкія шесть лѣтъ все возможное человѣческимъ усиліямъ было исполнено «остальными изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ». Война въ 1806 году началась вслѣдствіе нежеланія Турціи исполнить трактаты 1798 и 1805 годовъ, по наущенію Наполеона, желавшаго отвлечь наши силы отъ Европейской коалиціи. Она кончилась въ Маѣ 1812 г. Букарестскимъ миромъ, даровавшимъ Россіи Бессарабію и Дунайскій берегъ, съ 5 крѣпостями на 130 вер. отъ устьевъ его до Рени. Въ продолженіе шести лѣтъ условія мира измѣнялись ежегодно, завися отъ положенія дѣлъ въ Европѣ и отъ нашихъ успѣховъ. Въ 1806 году требованія нашего правительства были весьма скромны и ограничивались точнымъ исполненіемъ трактатовъ предшествующихъ годовъ. Въ 1807 г. послѣ Тильзитскаго мира предлагаемыя нами условія уже усиливаются требованіемъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи; въ 1808 году—независимости Сербскаго народа подъ покровительствомъ двухъ державъ; въ 1809 и 1810 годахъ (кромѣ всего сказаннаго)—утвержденія за Россіею Грузіи, Имеретіи и Мингреліи съ крѣпостями Анапою и Поти и уплаты 20 мил. піастровъ. Большая часть этихъ требованій была пріобрѣтена Россіею въ послѣдующія войны и въ наше время; но результатъ Букарестскаго мира былъ если не блистателенъ, то вполнѣ полезенъ для Россіи.

---

[10]) Ген. отъ инфант. Алексѣй Николаевичъ Бахметьевъ, род. въ 1774, умеръ въ 1841 г.

[11]) Ген. отъ инфант., князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, бывшій потомъ Московскій ген.-губернаторъ.

[12]) Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, род. въ 1773 г., ум. 24 Ноября 1824 г. командиромъ гвардейскаго корпуса.

Библиотека "Руниверс"

Чтобы возобновить въ памяти «преданія старины глубокой», позволю себѣ сдѣлать очеркъ этой шестилѣтней войны.

Въ 1806 году Михельсонъ, побѣдитель Пугачева, занялъ княжества въ Октябрѣ мѣсяцѣ, съ арміею въ 60,000 ч. Но послѣ пораженія Прусской арміи подъ Іеною, у него взяли обратно половину войска, и потому онъ ограничился оборонительными дѣйствіями. По смерти его, 5 Августа 1807 г. главнокомандующимъ назначенъ фельдмаршалъ князь Прозоровскій, участникъ Семилѣтней, Польскихъ и Крымскихъ кампаній; армія его уже въ 80,000 ч., была подъ начальствомъ испытанныхъ и лучшихъ генераловъ, въ числѣ которыхъ находился помощникъ его (въ родѣ дядьки) генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ и, не смотря на это, по неспособности своей, князь Прозоровскій потерпѣлъ пораженія подъ Браиловымъ, Журжею и Кладовомъ и только съ большимъ трудомъ перешелъ Дунай. Къ счастію, 9 Августа 1808 г. онъ умеръ на походѣ. Принявшій отъ него армію герой Италіянской, Французской и Финляндскихъ войнъ, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, въ 1809 году взялъ Мачинъ, Гирсово и Кюстенджи, разбилъ Турокъ при Рассоводѣ, обложилъ Силистрію, потерпѣлъ пораженіе подъ Татарицею, покорилъ Измаилъ и Браиловъ, и все это исполнилъ съ горстью войска, состоящаго изъ 31 бат., 45 эскадр., 12 казач. полковъ и 59 орудій, всего до 30,000 ч. Къ сожалѣнію борьба съ стихіями, съ министромъ иностр. дѣлъ гр. Румянцовымъ и недостатокъ средствъ заставили его возвратиться за Дунай. Надо замѣтить, что вся кампанія 1809 года совершена въ два мѣсяца отъ 11 Августа по 14 Октября, среди палящаго зноя и внезапно потомъ наступившаго холода, противъ въ пятеро сильнѣйшаго непріятеля, съ крайнимъ недостаткомъ въ продовольствіи и въ боевыхъ припасахъ, съ арміею, изнуренною болѣзнями. Походъ этотъ долженъ считаться поистинѣ блистательнымъ въ военныхъ лѣтописяхъ. Въ 1810 году назначенъ главнокомандующимъ графъ Николай Михайловичъ Каменскій, прославившійся въ Финляндіи и Швеціи. Армія его состояла изъ 84,000 человѣкъ, и онъ овладѣлъ Селистріею и Базарджикомъ, истощился въ безплодныхъ усиліяхъ подъ Шумлою, потерпѣлъ жестокое пораженіе подъ Рущукомъ, разбилъ Турокъ подъ Батаномъ, покорилъ Рущукъ, Журжу, Систово, Турну и Никополь и, не смотря на всѣ эти успѣхи, долженъ былъ отступить въ Валахію, въ виду невозможности продолжать походъ осенью и зимою, по недостатку фуража и провіанта. Ему первому явилась мысль перенести войну за Балканы. Онъ былъ остановленъ въ своихъ дѣйствіяхъ политическими обстоятельствами: въ виду готовящейся войны противъ Наполеона, императоръ Александръ хотѣлъ поручить ему одну изъ армій въ Россіи, но онъ скончался 4 Мая 1811 года, на 34 году жизни. На его мѣсто назначенъ былъ Литовскій ген.-губерн. графъ Кутузовъ, уже 65 лѣтній старецъ, ученикъ Бауера, Румянцева и Суворова, въ то время въ почетной ссылкѣ за Аустерлицкую кампанію и за неудачное исполненіе роли дядьки при своенравномъ и одряхлѣвшемъ фельдмаршалѣ кн. Прозоровскомъ. Ему въ 1811 г. приходилось вести войну въ Турціи съ арміею, уменьшенной до 46,240 ч. и въ тоже время бороться съ кознями уже явно враждебнаго намъ Наполеона. Никто лучше стараго Кутузова не могъ тогда исполнить это трудное дѣло, по его опытности вести дѣло съ Турками и по врожденной способности къ тонкой дипломатіи. Онъ отразилъ нападеніе верховнаго визиря Ахметъ-бея, 2 Октября окружилъ Турецкую армію подъ Рущукомъ, покорилъ весь лагерь, взялъ въ

Библиотека "Руниверс"

плѣнъ всю Турецкую армію и, наконецъ, 16 Мая 1812 года, окончилъ войну Букарестскимъ миромъ, ратификованнымъ императоромъ Александромъ въ Вильнѣ, послѣ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ. Вотъ краткій перечень шестилѣтней Турецкой войны со всѣми ея удачами и неудачами, составленный, какъ послѣсловіе къ печатаемому мною письму. Отецъ мой былъ адъютантомъ безсмертнаго князя Багратіона въ продолженіи 5 лѣтъ, съ 1807 года по 1812 годъ; у стремени этого величаваго героя онъ изучалъ военное ремесло, столь горячо имъ любимое, и участвовалъ во всѣхъ войнахъ, въ которыхъ кн. Багратіонъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Когда князь былъ уволенъ отъ командованія арміею вслѣдствіе ссоры его съ гр. Румянцовымъ, то оставилъ отца моего въ отрядѣ ген. Кульнева, сдавши армію гр. Николаю Михайловичу Каменскому. Этотъ баловень фортуны, назначенный главнокомандующимъ на 33 году отъ рожденія, осыпанный знаками отличій и довѣрія Государя, при сильныхъ и блистательныхъ способностяхъ, имѣлъ характеръ своенравный, раздражительный и дерзкій. По причинѣ физическихъ тѣлесныхъ страданій, которымъ онъ былъ подверженъ, эти недостатки увеличивались вмѣстѣ съ предоставленною ему властію. Зависть наслѣдственная, мстительность и своеволіе его не знали границъ. Служить подъ его начальствомъ дѣлалось пыткою: ни прежняя служба, ни пріобрѣтенная слава, ни годы не спасали подчиненныхъ отъ своенравныхъ и обидныхъ для самолюбія выходокъ его. Гордость и презрѣніе ко всѣмъ выражались въ каждомъ его словѣ, каждомъ взглядѣ, и отталкивали отъ него даже поклонниковъ его возраставшей славы и чаявшихъ милостей отъ всесильнаго полководца. Бывшіе еще недавно его начальники и товарищи, а нынѣ, по волѣ судьбы, подчиненные громко порицали его дѣйствія и приписывали всѣ его удачи слѣпому счастію. Въ такомъ положеніи находились ген. Раевскій и Кульневъ, съ которыми онъ рассорился на первыхъ же порахъ. Гр. Каменскій передъ штурмомъ кр. Шумлы издалъ высокомѣрный приказъ по арміи, въ которомъ онъ кичливо и гордо заявлялъ о будущемъ паденіи крѣпости и которую взялъ только счастливою случайностію. Ген. Раевскій позволилъ себѣ не соглашаться съ выраженіями приказа и, не смотря на его опытность и славу, пріобрѣтенную со временъ покоренія Крыма и въ Персидскомъ походѣ гр. Зубова, былъ отправленъ командовать резервами на мѣсто ген. Олсуфьева, чѣмъ гр. Каменскій лишилъ и себя, и армію блистательнаго дѣятеля. Армія гр. Каменскаго распредѣлялась такъ: 1-й корпусъ генерала Засса, 2-й графа Александра Ѳедоровича Ланжерона, 3-й графа Сергѣя Михайловича Каменскаго, брата главнокомандующаго. Начальниками дивизій и отрядовъ были Воиновъ, Цызыревъ, Бахметьевъ, князь Щербатовъ, графъ Сиверсъ, Рѣзвый и Кульневъ. При штурмѣ горы у крѣп. Шумлы, генералъ Кульневъ встрѣтилъ непреодолимыя препятствія; остановивши атаку, онъ далъ объ этомъ знать гр. Каменскому. Тотъ прискакалъ самъ, въ виду всего войска и штаба осыпалъ Кульнева бранью, съ пѣною у рта, и приказалъ взять гору во что бы ни стало. Ген. Кульневъ, до сего слушавшій молча, наконецъ бросилъ свою саблю къ ногамъ графа, сказался больнымъ и уѣхалъ изъ арміи.

Письмо отца моего (которому въ то время было 26 лѣтъ отъ роду) относится къ этому самому времени и заканчивается извѣщеніемъ о несчастномъ штурмѣ Рущука, гдѣ армія потеряла изъ за своенравія гр. Каменскаго, вопреки мольбы всѣхъ генераловъ, 8515 ч., въ томъ числѣ 4 генераловъ и 363 штабъ и оберъ-офицеровъ. Чтобы понять отношенія отца моего къ генералу

Библиотека "Руниверс"

Н. Н. Раевскому, нужно припомнить, что Левъ Денисовичъ Давыдовъ, родной дядя моего отца, былъ женатъ на Е. Н. Самойловой, бывшей въ 1-мъ бракѣ за Раевскимъ, отцомъ Николая Николаевича. Эти родственныя отношенія еще болѣе скрѣплялись любовью и уваженіемъ къ нему съ ранней молодости. Родъ Раевскихъ, какъ говорятъ, вышелъ изъ Даніи; но, какъ кажется, онъ ничѣмъ не ознаменовался до XVIII вѣка времени, и нужно предполагать, что отецъ Раевскаго имѣлъ какія нибудь вѣскія качества, въ виду того, что онъ женился на гр. Самойловой, родной племянницѣ великолѣпнаго князя Таврическаго. Это родство доставило средство Николаю Николаевичу еще отрокомъ начать свою службу адъютантомъ при могущественномъ магнатѣ; онъ уже при Екатеринѣ командовалъ полкомъ и дѣлалъ походъ съ графомъ Зубовымъ въ Персію. Съ воцареніемъ Павла и въ царствованіе Александра, онъ все болѣе пріобрѣталъ извѣстность, и наконецъ въ 1812 году отраженіе непріятеля подъ Дашковкой, защита Смоленска, битва Бородинская, гдѣ редутъ его имени нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, навсегда обезсмертили его въ лѣтописяхъ нашихъ войнъ.

Раевскій былъ женатъ на Софьѣ Алексѣевнѣ Константиновой, родной внучкѣ М. В. Ломоносова и оставилъ послѣ себя двухъ сыновей и 4-хъ дочерей. Извѣстно, что когда въ 1812 году намъ угрожала невозможность соединенія двухъ армій, князь Багратіонъ рѣшился пожертвовать корпусомъ Раевскаго для достиженія этой цѣли и направилъ его къ Могилеву. У него было въ строю всего 10,000 ч. противъ 5 дивизій маршала Мортье, и Раевскій принялъ бой подъ Дашковкой 10 Іюля. При немъ были два его сына Александръ 16 лѣтъ и Николай 11 лѣтъ, которыхъ онъ записалъ въ одинъ изъ полковъ своего корпуса. Въ минуту самую критическую, когда генералъ Паскевичъ принужденъ былъ отступать къ своимъ резервамъ, генералъ Раевскій сталъ во главѣ Смоленскаго полка, со всѣми офицерами, держа за руки обоихъ своихъ сыновей. Этою атакою онъ остановилъ дальнѣйшія дѣйствія непріятеля и благополучно достигнулъ Смоленска.

Желающихъ ближе ознакомиться съ личностію и дѣйствіями г. Раевскаго отсылаемъ къ некрологіи его, составленной моимъ отцемъ и изданной особою книжкою (1829). Печатаемое нами письмо обязательно доставлено намъ графомъ Александромъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ, нашедшимъ его въ бумагахъ роднаго дѣда своего графа Александра Николаевича Самойлова.

Василій Давыдовъ.

Москва, 8 Іюня 1879.

Библиотека "Руниверс"

Недавняя старина.

Поѣздка въ Сербію въ 1876 году.

Что̀ значитъ существованіе отдѣльнаго человѣка передъ громадою поколѣній, исчезающихъ постепенно въ темной пропасти вѣковъ? Но если онъ присутствовалъ (говоритъ Филаретъ Шаль) при какомъ либо историческомъ движеніи, то онъ долженъ обстоятельно разобрать и повѣдать, что̀ ему пришлось испытать. Онъ скажетъ больше генія, которому ему нужно отгадывать истину въ таинственной мглѣ протекшихъ столѣтій. Убѣжденный въ томъ, что ни одинъ фактъ, ни одно маленькое событіе не будетъ незначительно для всевзвѣшивающей исторіи, я вознамѣрился собрать свои впечатлѣнія о Сербіи въ знаменательный для насъ и для всего Славянства 1876 годъ.

ГЛАВА I.

Finira-t-on par savoir que le caractère est au-dessus de tous les talents, la probité au-dessus de tous les partis, la justice au-dessus de tout?

Philarête Chasles.

«Отчего вы не приходите въ Славянскій Комитетъ?» обратился ко мнѣ секретарь Комитета Янкуліо.

Что̀ мнѣ было отвѣчать ему на такой вопросъ. Мое сочувствіе къ Славянамъ было давнишнее. Воспитываясь въ Германіи во времена всякихъ Turn-и Schützenverein, сильнаго подъема Германской національной идеи, и я сталъ мечтать о панславизмѣ, о Славянской идеѣ, легко осуществимой, если у насъ найдутся люди и средства. Судьба толкнула меня въ Пештъ, и я тамъ познакомился съ Мадьярами и Славянами. Я зналъ о Славянахъ по книжкамъ. Теперь мнѣ пришлось во очію увидѣть, сколько нравственныхъ страданій переиспытываютъ эти несчастные забитые паріи Мадьярскаго общества, именуемые Славянами. Самый талантливый изъ нихъ, если онъ останется Славяниномъ (а ренегатство не возвышаетъ человѣка) не будетъ признанъ за человѣка, за джентльмена. Если между ними появится энергическій характеръ, то нѣтъ клеветы и пакости, которой не испробуютъ на немъ его Мадьярскіе сограждане. Toth nem ember (Словакъ не человѣкъ), говоритъ съ гордостью чистокровный Мадьяръ. Мадьярскіе аристократы, Славянскаго происхожденія, считаютъ это происхожденіе за позоръ и стараются всячески скрыть это пятно отъ своихъ сотоварищей. Съ одной стороны мы видимъ запуганную, забитую массу, въ которой если и попадаются просвѣ-

Библиотека "Руниверс"

щенные люди, то всегда почти подавленные нуждою; съ другой—гордую, исполненную чувствомъ собственнаго достоинства, открытую, рыцарскую и могущественную аристократію, умѣвшую подчинить себѣ даже и династію Габсбурговъ, столь ловкую въ политической борьбѣ. Извѣстно, что каждый Мадьярскій дворянинъ имѣетъ свободный доступъ ко двору: ему не нужно для этого пріобрѣтать какое нибудь придворное званіе или служебное положеніе, какъ это дѣлается въ другихъ государствахъ. На всякое незаконное притязаніе Габсбурговъ гордые магнаты въ палатѣ отвѣчали: ponemus ad acta, и переходили къ очереднымъ дѣламъ.

Я не пишу очерка Венгріи, но намѣчаю нѣсколько характерныхъ чертъ Славянскаго и Мадьярскаго общества, въ которомъ мнѣ пришлось вращаться. Куда должны были клониться мои симпатіи, я оставляю на судъ другимъ. Я сталъ на сторонѣ слабыхъ, перечувствовалъ съ ними ихъ страданія, негодовалъ съ ними на невзгоды, которыя становятся ихъ удѣломъ. Я не ограничился избраннымъ кружкомъ Пештскаго общества, но побывалъ у Сербовъ въ Венгріи, у Словаковъ, у Русскихъ въ Карпатахъ. Вездѣ одна и таже картина — притѣснители и притѣсняемые. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я думалъ найти сочувствіе къ этимъ несчастнымъ, но увы, ошибся. Ихъ не знали совсѣмъ. Нѣкоторыя лица даже совѣтовали мнѣ: «Бросьте вы этихъ Славянъ. Ce n'est pas comme il faut». Общій тонъ—полное равнодушіе, незнаніе и даже какая-то брезгливость къ тѣмъ Славянамъ, которые являлись за пособіемъ въ министерства. Точь въ точь пріѣздъ бѣдныхъ родственниковъ къ знатному барину. Славяне, которые утратили обезпеченное, общественное положеніе на родинѣ, съ горечью отзывались, что они разочарованы въ Русскомъ обществѣ. Имъ казалось, что ихъ примутъ съ открытыми объятіями; на дѣлѣ выходило, что они встрѣчали ласковый пріемъ лишь у нѣкоторыхъ членовъ Славянскихъ Комитетовъ; они охали съ ними и отпускали ихъ, въ тайнѣ думая: когда же отвяжется отъ меня этотъ бѣдный родственникъ! Люди съ наболѣвшимъ сердцемъ по неволѣ односторонни. Потомъ, нѣкоторые изъ Славянскихъ дѣятелей, игравшіе на родинѣ видную политическую роль, оказались въ Россіи не при чемъ. Тамъ передъ ними было широкое поле политической борьбы, а тутъ безразлично-сонливое состояніе общества. Славянскій Комитетъ не пользовался тогда значеніемъ среди нашихъ литературныхъ кружковъ. Дѣлалъ онъ чрезвычайно мало. Это былъ какой-то офиціозный департаментъ внѣшней политики; засѣданія были мертвенны, вялы. Комитетъ ограничивался разсылкою старыхъ ненужныхъ книгъ, иконъ и церковныхъ облаченій въ Славянскія земли. Дѣятельность его въ Австріи была ничтожна. Нужно ли было поддержать какое нибудь общество, какую нибудь Славянскую газету въ Австріи, всегда этому былъ одинъ отвѣтъ «нѣтъ денегъ». Герцеговинцы подняли знамя возстанія, и Комитетъ зашевелился [1]). Пошли аллегри, спектакли и т. д. на пользу Герцеговинцевъ. Сербы и Черногорцы вступили въ борьбу съ Турціею. Теперь или никогда будетъ поднятъ Славянскій вопросъ, подумалъ я: это начало новаго историческаго теченія, которое унесетъ за собою много остатковъ старины и по-

---

[1]) Просимъ читателя твердо помнить, что здѣсь и во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи говорится исключительно о Петербургскомъ Славянскомъ Комитетѣ, и дѣятельности Московскаго Комитета авторъ не касается. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ведетъ къ перемѣнамъ во всемъ политическомъ строѣ Востока. Меня выбрали членомъ коммиссіи по сбору пожертвованій. Общихъ собраній не было. Предсѣдатель отсутствовалъ. Онъ находился въ деревнѣ. Вся дѣятельность въ это тревожное время выпала на долю коммиссіи. Что-то совершенно новое, свѣжее, молодое сказывалось въ сонливомъ Русскомъ обществѣ. Чопорный Павловскъ и тотъ по нѣскольку разъ требовалъ Сербскаго гимна. Азартъ, который проявлялся въ этихъ изъявленіяхъ, ничѣмъ не уступалъ видѣннымъ мною въ Италіи манифестаціямъ. Коммиссія еще не знала, что̀ ей дѣлать, а скучно было сидѣть безъ дѣла. Смерть Кирѣева, какъ электрическая искра, зажгла и разбудила Русское общество[2]). Воззванія были разосланы въ громадной массѣ; явились добровольцы, которые хотѣли послѣдовать примѣру Кирѣева. Въ журналахъ появились статьи воинственнаго характера. Въ этомъ общественномъ возбужденіи были иногда себялюбивыя черты, было желаніе выставить себя на показъ, играть роль. Но гдѣ этого не бываетъ? Возьмите страны съ развитою внутреннею жизнью, и вы увидите только въ фанатикахъ идеи, въ извѣстныхъ избранникахъ исторіи, искренность убѣжденія.

Я встрѣчалъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ изъ западниковъ. Тѣ расхолаживали меня, говоря, что въ обществѣ не можетъ быть настоящаго одушевленія. «Вотъ если будетъ тысяча, другая добровольцевъ изъ Россіи, тогда мы повѣримъ, что Россія созрѣла для политической жизни». Явились добровольцы въ Комитетъ, сначала люди обезпеченные, Петербургскіе. Меня изумило, что многіе изъ нихъ требовали пособія изъ Комитета; но встрѣчались и такіе, которые поднимались безъ шуму, не ища пособія въ Комитетѣ и шли въ Сербію. Особенно серьезно и благоговѣйно къ своему дѣлу относились простые солдаты. «Развѣ можно брать за это деньги?», и имъ выдавали только билетъ на проѣздъ.

Восторженные проводы добровольцевъ, обильные сборы въ кружкахъ, на блюдахъ, разносимыхъ на гуляньяхъ, все это извѣстно всѣмъ, пережившимъ это время. Нѣкоторые члены Коммиссіи являлись, такъ сказать, во главѣ движенія.—«Теперь мы сила, говорили они, и мы можемъ многаго достигнуть». Что̀ подъ этимъ разумѣлось, я и не понялъ. Въ Коммиссіи начались разногласія. Остракизмъ постигъ редактора «Голоса» за одинъ ѣдкій фельетонъ, направленный противъ почтеннаго и весьма полезнаго дѣятеля, профессора О. Миллера. Это изгнаніе отразилось неблагопріятно на самомъ Славянскомъ

---

[2]) Имя покойнаго Николая Алексѣевича Кирѣева (родился въ Москвѣ 10 Августа 1841) навсегда сохранится въ Русскомъ историческомъ преданіи. Кто зналъ или только встрѣчалъ его, тотъ никогда его не позабудетъ. Это былъ младшій сынъ знаменитой красавицы, Александры Васильевны Кирѣевой, урожденной Алябьевой (которую помянулъ еще Пушкинъ въ 1830 г. въ своихъ стихахъ: „Къ Вельможѣ" и которую воспѣвалъ Языковъ). Самъ писанный красавецъ, крестникъ императора Николая Павловича, камерпажъ по своему происхожденію и воспитанію онъ принадлежалъ къ избранному обществу; но, выросши въ богатой и блистательной обстановкѣ, онъ не давалъ ей цѣны, и его всегда тянуло куда-то, на какое-то высшее служеніе. Его сердоболію и любви къ людямъ не было предѣловъ. Отдать всѣ деньги, какія имѣлись, бѣдному было для него самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Подвигъ свой онъ скрылъ отъ самыхъ близкихъ людей и уѣхалъ въ Сербію въ качествѣ дѣятеля Краснаго Креста. Вскорѣ по всему міру разнеслись разсказы о необыкновенной отвагѣ Хаджи-Гирея (имя, которое онъ принялъ въ Сербіи). Онъ палъ 6 Іюля 1876 года, въ дѣлѣ при Изворникѣ. Въ сраженіяхъ, для одушевленія сподвижниковъ, онъ нарочно одѣвался въ бѣлое. Что-то свѣтлое и благородное было въ этомъ человѣкѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ: въ охлажденіи общества къ Славянскому дѣлу редакція «Голоса» принимала потомъ самое дѣятельное участіе.

Другой случай,—ссора одного дѣятеля по кружечной коммиссіи съ казначеемъ,—возбудилъ оживленныя пренія. Казначей, въ глазахъ многихъ членовъ, былъ незамѣнимъ, и вотъ ради него хотѣли пожертвовать господиномъ ***. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ вырѣзалъ на своей печати слова: «уполномоченный Славянскаго Комитета» (выходка для дѣятеля наивная) и оскорбилъ казначея Петрова. Его хотѣли привести къ позорному столбу, пропечатать его въ газетахъ (нигдѣ такъ не злоупотребляютъ этой угрозой, какъ въ Россіи): ступай оправдывайся потомъ, согласно Французской пословицѣ «клевещи, все таки что нибудь останется». Я былъ противъ этого суда (за отсутствіемъ подсудимаго). Къ моему мнѣнію присоединился Орестъ Миллеръ и нѣсколько другихъ, не увлеченныхъ въ эту борьбу. Я могу сказать про себя, что я былъ зрителемъ этихъ сборовъ и пожертвованій. Кружки я не бралъ, блюда не носилъ на собраніяхъ, не потому, что я не хотѣлъ помогать въ этомъ Славянскому Комитету; но на это дѣло было всегда много желающихъ. Я только прилежно посѣщалъ засѣданія Коммиссіи и отказался отъ званія секретаря, имѣя въ виду посѣтить въ скоромъ времени Сербію. У меня давно созрѣла мысль, что между словомъ и дѣломъ не должно быть разницы. Меня всячески отговаривали. Одинъ лишній человѣкъ, что̀ онъ можетъ сдѣлать! Лучше вы возьмите на себя порученіе Комитета. Я согласился исполнить порученіе Комитета, но съ тѣмъ, что, окончивъ это порученіе, поѣду къ Черняеву. Поѣхалъ я туда на собственный счетъ. Если я объ этомъ упоминаю, то единственно въ виду записки Мартьянова и другихъ нападокъ на дѣятелей Славянскаго Комитета. Что я не бралъ ни подъемныхъ, ни прогонныхъ денегъ, напротивъ жертвовалъ по силамъ Славянскому Комитету и прежде въ Венгріи, это можно видѣть по роспискамъ, которыя у меня хранятся и справиться по книгамъ въ Славянскомъ Комитетѣ. Я не говорю о разныхъ теченіяхъ, которыя образовались въ нашихъ оффиціальныхъ сферахъ. Каждый агентъ нашъ за границею велъ особенную политику. Одинъ сообщалъ, что Сербы дрянь, что Черняевъ будетъ побитъ; другой поважнѣе говорилъ: «если Сербовъ побьютъ—такъ имъ и надо». Одного моего знакомаго изъ гвардейскихъ офицеровъ, человѣка съ громкимъ именемъ, спросили: «ты скоро поѣдешь въ Сербію?» Гдѣ тормозили, гдѣ толкали впередъ, трудно было разбирать: не было опредѣленной, заранѣе намѣченной цѣли. Была, что̀ Нѣмцы называютъ Politik von Fall zu Fall. Когда приходила хорошая телеграмма отъ Черняева, все ликовало, и думали, что онъ скоро будетъ у воротъ Константинополя. Пессимисты торжествовали побѣду, когда приходила дурная вѣсть: «Турки церемоніальнымъ маршемъ войдутъ въ Бѣлградъ».

Кто можетъ сказать, что онъ представитель общественнаго мнѣнія, что онъ знаетъ мнѣніе народа—этой громады въ десятки милліоновъ? Можно судить объ общественномъ мнѣніи приблизительно только по тому впечатлѣнію, которое производятъ на васъ рѣчи вашихъ знакомыхъ. Если вы присутствуете въ Павловскѣ при какомъ нибудь шумномъ изъявленіи, если слышите восторженныя рѣчи Ореста Миллера, покрываемыя громомъ рукоплесканій, если видите, какъ охотно жертвуютъ проходящимъ съ кружками: то вы имѣете свидѣтельства довольно полновѣсныя общественнаго возбужденія. Кто же

Библиотека "Руниверс"

можетъ копаться въ душѣ каждаго дающаго, рукоплескавшаго, и сказать, что это былъ не восторгъ, а такъ какое-то недоразумѣніе? Мнѣ казалось, что Русское общество (говорю конечно на основаніи собственнаго опыта) сроднилось особенно съ Славянскою идеею въ то время, когда приходили тяжелыя вѣсти изъ Делиграда. Какъ вырывались тогда телеграммы изъ рукъ газетчиковъ—это я самъ видѣлъ, и какъ радовались, когда узнавали, что Черняевъ держится противъ Турокъ!

Въ чемъ заключалось порученіе Славянскаго Комитета, я разскажу въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

До отъѣзда я просилъ, чтобы мнѣ дали письменное наставленіе. Хотя моя поѣздка и не стоила бы денегъ Комитету, но я желалъ, чтобы очерченъ былъ кругъ предлежавшей мнѣ дѣятельности. «Дѣлайте, что знаете; трудно опредѣлить издалека что тамъ нужно», вотъ былъ общій голосъ. «Но во всякомъ случаѣ пишите, а то поѣдутъ туда и пропадутъ безъ вѣсти!» У насъ въ Коммиссіи пріемъ добровольцевъ былъ порученъ Вульферту, Дандевилю и Лишину. Отправками завѣдывалъ секретарь Коммиссіи, Аристовъ. При этомъ была особенная кружечная коммиссія, особенная для вещевыхъ пожертвованій. Дандевиль отправился впослѣдствіи въ Бѣлградъ для пріема добровольцевъ. Лишинъ набиралъ отрядъ въ Добруджу. Ему хотѣлось подать руку Некрасовцамъ и произвести отвлеченіе Турецкихъ силъ, которое помогло бы Черняеву. Онъ мнѣ объяснялъ свою мысль. Для формированія этого отряда былъ посланъ Абрамовъ въ Кишиневъ. Съ другой стороны существовало намѣреніе войти въ Болгарію, и для этого надо было найти удобный переходъ черезъ Дунай. Черняевъ требовалъ людей къ себѣ. Нарышкинъ хотѣлъ вести 300 казаковъ къ Черняеву. Выходила путаница. Каждая минута могла быть рѣшительною, а тутъ заниматься наборомъ отряда, что требовало нѣсколько мѣсяцевъ времени и отнимало у Черняева нѣсколько сотенъ людей. Это было по моему мнѣнію несвоевременно.

Засѣданія Коммиссіи были шумны. Слышались споры, горячія рѣчи. Всюду чувствовалось оживленіе. Въ послѣднемъ засѣданіи, въ которомъ я присутствовалъ, обсуждался вопросъ о возстаніи Болгаръ. При мнѣ было отвергнуто предложеніе Іонина (не консула, а брата его) о посылкѣ небольшихъ отрядовъ за Дунай, на томъ основаніи, что уже много денегъ истрачено на Болгаръ и ничего не вышло изъ этихъ стараній. Коммиссія сама не знала, чего держаться. Изъ этихъ преній я догадался и о своемъ порученіи приготовить почву для предпріятія Лишина. Мнѣ дали письмо къ Иванову (исправнику въ Кишиневѣ) и сказали: «тамъ вы все узнаете». Ивановъ, оказалось, не зналъ, какимъ путемъ проникнуть въ Добруджу и высказалъ мнѣ свое удивленіе, что отъ Комитета пріѣхали сюда двое офицеровъ (Абрамовъ и Максимовичъ) для собиранія свѣдѣній. Первому было поручено задерживать добровольцевъ и составлять изъ нихъ отрядъ, другому развѣдать о переправахъ черезъ Дунай. Они оба знали о Болгарскомъ проектѣ, и Максимовичъ привелъ ко мнѣ Филипповича и сказалъ: «очень важный планъ не можетъ осуществиться за неимѣніемъ самыхъ пустыхъ средствъ». По мнѣнію Филипповича, мож-

Библиотека "Руниверс"

но было взять Тульчу (въ крѣпости небольшой гарнизонъ). Добровольцы, рѣшившіеся жертвовать своею жизнью, на лицѣ, и только имъ нужно 600 р. с. Посовѣтовавшись съ Максимовичемъ, я рѣшился выдать эти деньги Филипповичу, но съ тѣмъ, что если произойдетъ какая либо остановка, то чтобы онъ передалъ эти деньги въ Болгарскіе комитеты для отсылки добровольцамъ въ Сербію. Филипповичъ такъ и сдѣлалъ, т. е. передалъ деньги въ Болгарскіе Комитеты и доставилъ мнѣ росписку. О причинахъ, почему предпріятіе Филипповича не удалось, я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Отъѣзжая уже за границу, я не разъ наталкивался на неумѣлость нашихъ добровольцевъ. Большинство изъ нихъ ступить не могли на чужой сторонѣ и за каждымъ пустякомъ лѣзли къ своему офицеру. Въ Яссахъ произошла остановка: вдругъ потребовали паспорты. Я проскользнулъ и, взявъ вещи, попалъ во-время на другой поѣздъ. Въ вагонѣ высказывались сочувственные отзывы Русскому движенію. Вообще я не понималъ того обстоятельства, какъ добровольцы цѣлыми партіями переходили черезъ границу и какъ ихъ не останавливали.

Я заѣхалъ въ Букарестъ, гдѣ мнѣ сообщили, что Евлогій Георгіевъ все свое состояніе завѣщалъ на университетъ въ Болгаріи. Свое порученіе я хотѣлъ хранить въ тайнѣ, но, увы! Ивановъ телеграфировалъ Евлогію Георгіеву и Хаджи Христо о моемъ пріѣздѣ.

Многіе изъ добровольцевъ дѣйствительно, переступивъ Русскую границу, облачались въ какіе-то фантастическіе костюмы. Вагонъ пестрѣлъ отъ Русскихъ красныхъ рубашекъ; за поясомъ непремѣнно торчали кинжалы, револьверы и т. д.

На границѣ таможенное начальство предупредительно задержало поѣздъ, имѣя въ виду, что осмотръ вещей (тутъ была огромная кладь, направленная въ Сербію) потребуетъ времени. Румыны рылись въ каждомъ ящикѣ, отыскивая оружіе. Подходитъ доброволецъ и спрашиваетъ таможеннаго начальника: «гдѣ тутъ размѣнять деньги, гдѣ тутъ взять билетъ, гдѣ мой багажъ, гдѣ тутъ поѣсть?» Таможенный начальникъ, желая поскорѣе отправить добровольцевъ, былъ такъ любезенъ, что взялъ всѣмъ билеты и возился съ распаковкою вещей, отсылаемыхъ Черняеву. Ему было не до вопросовъ, потому что онъ занимался спѣшнымъ дѣломъ и объяснялся съ Румынами. Онъ только сказалъ: «ахъ, господа, дайте передохнуть немного, поищите сами!» Въ толпѣ поднялись крики. Нѣкоторымъ болѣе благоразумнымъ удалось успокоить бушевавшихъ, а таможенный начальникъ съ большимъ достоинствомъ замѣтилъ: «Господа, все это я дѣлаю не по обязанности, а по доброй волѣ, для Славянской идеи; а потому ваша брань, ваши претензіи не производятъ на меня впечатлѣнія».

Румыны говорили о своемъ войскѣ, что оно способно только для парадовъ и что денегъ тратятъ на него очень много. Дѣла коммерческія въ рукахъ Болгаръ, которыхъ очень много въ Румыніи. Аристократія вся въ долгахъ. Невеселая картина, думалъ я. Убѣдиться въ томъ, что̀ мнѣ говорили, я не имѣлъ времени. Проходя по вагонамъ, я попалъ не въ свой, а въ другой, и увидѣлъ красиваго старика съ тонкими чертами лица и бѣлой окладистой бородой. Онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами. «C'est un beau mouvement! Un grand gouvernement ne peut ne pas avoir de politique. Только жалко, что намъ не говорятъ, чего собственно хочетъ Россія. Проѣздъ Новоселова возбудилъ цѣлую переписку между нашимъ министерствомъ и

Библиотека "Руниверс"

Англійскимъ консуломъ и Савфетъ-пашею. Я самъ занимаю высокій постъ —я министръ». «Не г-нъ ли Братіано?»

«Да», и онъ продолжалъ «Если бы вы сказали намъ, чего вы хотите, мы знали бы, какъ дѣйствовать. Garantissez nous notre indépendance». Потомъ, говоря о добровольцахъ, онъ сказалъ: «Les sabres ne sont pas des armes. L'arme blanche n'est rien dans ce moment. Вотъ какъ мы смотримъ на поѣздки добровольцевъ». Говоря это, онъ поднялъ руку къ глазамъ и сквозь пальцы хитро высматривалъ меня. Я сообщилъ ему о движеніи въ Россіи. «Oui, vous aviez un gouvernement, maintenant il y a un peuple. Nous Roumains, nous avons été toujours d'accord avec tous les Slaves (surtout les rouges»). Онъ порицалъ Венгерскій походъ: тогда мы могли избавиться отъ Австріи; теперь время прошло, и намъ не позволитъ Германія. «Une lutte est imminente entre la race germanique et la race slave». Я возражалъ ему на это: «Il y a des liens trop amicals qui unissent les deux empires». Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Il n'y a pas de gratitude en politique. Bismarck pourrait vous tromper, comme il a trompé tant d'autres». Я старался доказать ему, что это была бы близорукая политика, на которую онъ неспособенъ. «Nous autres rouges, nous sommes pour le mouvement. Nous vous devons notre indépendance; mais vous pouvez changer, vous pouvez nous sacrifier, comme Napoléon III a voulu le faire pour s'assurer l'alliance de l'Autriche».

Мнѣ особенно нравились его черные выразительные глаза. Манера говорить очень пріятная, любезная. Мы проговорили съ нимъ нѣсколько станцій, касаясь, почти безъ перерыва, de omne re scibili. Выходило оригинально, что Братіано говорилъ съ первымъ встрѣчнымъ о томъ, о чемъ у насъ произносили шепотомъ. Объяснить это легко устройствомъ Румыніи, въ которой для проведенія какой нибудь мысли требуется участіе всей страны, дружное содѣйствіе палатъ и печати. Программа каждаго вывѣшивается на стѣнахъ, появляется въ столбцахъ газетъ. Я зналъ конечно и другіе примѣры, въ парламентарной жизни Венгріи. Тамъ, если графъ Андраши говорилъ что нибудь по секрету въ палатѣ, то это и оставалось тайной между нимъ и палатой. Изъ другихъ источниковъ мнѣ удалось узнать о желаніи Братіано сойтись съ нами. Онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ въ Трансильваніи (для свиданія съ Австрійцами), но оттуда пріѣхалъ разочарованный въ своихъ надеждахъ. Эта была главная причина, отчего онъ обратилъ взоры на Россію и устроилъ поѣздку въ Крымъ.

Изъ послѣдняго разговора съ нимъ и другими я убѣдился, что поѣздка Максимовича (онъ былъ посланъ осмотрѣть удобный пунктъ для переправы) совершенно безполезна. Переправа черезъ Дунай была бы очень легка, если бы Румыны способствовали проѣзду нашихъ казаковъ; но она невозможна, если они не сойдутся съ Россіею и будутъ за каждымъ пустякомъ обращаться къ Европейскому ареопагу. Румынія могла осматривать и задержать каждаго добровольца, и прохожденіе цѣлаго вооруженнаго отряда въ Болгарію не могло пройти незамѣтнымъ для Румынской полиціи. Свинецъ, предназначенный для Сербовъ, лежалъ въ таможнѣ, и объ немъ шла обширная переписка, не принесшая никакой пользы Черняеву. Тоже происходило съ оружіемъ, которое было задержано на Румынской границѣ. Свинецъ и оружіе, какъ мнѣ сказали свѣдущіе люди, должны быть направлены въ Турнъ-Северинъ (а не въ Сербію), а тамъ все дѣло предоставить мѣстнымъ агентамъ, которые за извѣстное воз-

Библиотека "Руниверс"

награжденіе переправятъ его въ Сербію: и волки сыты, и овцы цѣлы. По вопросу объ оружіи выходила разноголосица. Было оружіе Болгарское, было и Сербское. Какъ тутъ разобраться въ этомъ хаосѣ, гдѣ каждый думалъ о своемъ личномъ планѣ, и гдѣ не было одной направляющей руки?

Всего лучше эта разноголосица проявилась въ Болгарскомъ проектѣ; но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Филипповичъ впослѣдствіи разсудилъ, что 600 р. с., присутствіе нѣсколькихъ сотъ голодныхъ ртовъ, неимѣніе оружія суть плохія ручательства за успѣхъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ взятіе Турецкой крѣпости, хотя гарнизонъ ея и былъ незначительный. Абрамовъ былъ посланъ по обоюдному соглашенію съ Максимовичемъ въ Тульчу и долженъ былъ сообщить обо всемъ Липину; но онъ, конечно, вернулся ни съ чѣмъ. Разсказывалъ онъ ужасы. Филипповичъ обратился къ Болгарскимъ комитетамъ въ Румыніи и для успѣха дѣла посвятилъ ихъ въ свои намѣренія. Шумный въѣздъ гурьбы добровольцевъ въ Болградъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Надо предполагать, что комитеты тоже не молчали о своихъ планахъ. Добровольцы разсказывали первому встрѣчному: «вотъ идемъ на Турецкую крѣпость Тульчу!» Слѣдствіемъ всей этой болтовни вышло то, что Турецкое правительство удвоило гарнизоны въ Тульчѣ, и по Дунаю стали крейсировать Турецкіе мониторы.

Въ Турнъ-Северинѣ мы нашли Болгарина, который взялся насъ доставить на лодкѣ въ Кладово. Мы сѣли подальше отъ пристани и имѣли удобство не предъявлять паспортовъ и не подвергаться осмотру багажа.

Максимовичъ былъ очень дѣльный, смышленный офицеръ. Много лѣтъ онъ провелъ на Русской службѣ, но остался Сербомъ въ полномъ смыслѣ слова. На ту пору это былъ великій недостатокъ, такъ какъ ему было поручено все разузнать и приготовить «для Болгаріи». Какъ Сербъ, онъ не могъ переварить мысли, что столько казаковъ (300) перейдутъ въ Добруджу или другое мѣсто въ Болгаріи и будутъ потеряны для Сербскаго дѣла. «Набирать туда добровольцевъ безполезно: Болгары не возстанутъ», говорилъ онъ, «надо сговориться съ Черняевымъ, прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь». Про добровольцевъ можно было сказать, что они охотнѣе пошли бы къ Черняеву; но были и такіе, которые готовы были идти куда угодно, лишь бы подраться съ Туркомъ.

Въ Кладовѣ я узналъ проектъ, такъ сказать, Болгарскаго возстанія. Болгары обидѣлись пріемомъ, который имъ сдѣлалъ Кишельскій въ Делиградѣ. Самолюбіе заговорило у вожаковъ Болгарскаго народа. «Что это все Сербы, да Сербы», говорили они, «Болгаръ всюду суютъ въ опасныя мѣста; мы также имѣемъ право на жизнь!» Предположеній было много. Вотъ одно: если найдутся добровольцы изъ Россіи, то можно будетъ во-первыхъ купить пароходъ для перевозки оружія; во-вторыхъ нанять островъ противъ Рущука и поселить нашихъ и Болгаръ, въ видѣ рабочихъ. Осмотрѣвши мѣстность, можно войти въ соглашеніе съ заговорщиками на томъ берегу Дуная и т. д. Планъ этотъ былъ не хуже другихъ; главное условіе, конечно было, сохранить тайну, добыть деньги и оружіе. Болгары разсчитывали

Библиотека "Руниверс"

на содѣйствіе Евлогія Георгіева и другихъ. «У насъ было оружіе», говорили мнѣ они; «но гдѣ оно запрятано, мы теперь не знаемъ. Напишите обо всемъ Комитету, и пускай онъ это дѣло разсудитъ и поддержитъ насъ».

Пока обсуждался планъ поголовнаго возстанія въ Болгаріи, партія, бывшая подъ предводительствомъ Филипповича, не захотѣла сидѣть безъ дѣла въ Болградѣ и направилась огульно въ Сербію. Я телеграфировалъ обо всемъ въ Комитетъ и просилъ отвѣта. Впослѣдствіи я долженъ былъ убѣдиться, какъ мало успѣха сулила эта Болгарская экспедиція. Вспоминаю тѣ соображенія, которыя я высказывалъ въ засѣданіи Совѣта Славянскаго Общества въ концѣ 1876 года. Что я не ошибся и что это мнѣніе не было придумано post festum (т. е. послѣ нашей войны съ Турками, доказавшей справедливость моихъ словъ) видно изъ записки, прочитанной въ Декабрѣ 1876 г. въ Совѣтѣ.

Сношенія съ Славянскимъ Комитетомъ были затруднительны: я не получилъ ни одного отвѣта на мои письма и телеграммы. Кромѣ того, надо спросить, на что мы могли расчитывать въ Болгаріи. Во-первыхъ, на Русскихъ добровольцевъ? Русскіе добровольцы не охотно шли туда; имъ всѣмъ хотѣлось прійти въ Сербію, стать подъ знамена Черняева (даже въ Дринской арміи было мало Русскихъ). Самое предпріятіе требовало строгой тайны, а какъ сохранить ее, когда предводитель долженъ былъ посвятить каждаго добровольца въ свои планы, а то ему грозилъ поголовный уходъ добровольцевъ? «Я доброволецъ», говорили многіе, «хочу останусь, хочу нѣтъ: меня никто не смѣетъ держать!» Что касается оружія, то для Болгаръ и Русскихъ во всю кампанію не могли отыскать оружія. Оно валялось въ Унгенахъ, было спрятано гдѣ-то, а можетъ быть, оно было миѳическое, неосязаемое простымъ глазомъ. Требовались деньги для обмундировки и провіанта. Все это надо было создать съизнова.

Въ подтвержденіе моей мысли приведу слѣдующее. Вожаки Болгарскаго возстанія сидѣли въ Букарестѣ. Я захотѣлъ узнать, какими нитями они связаны съ своею несчастною родиною и просилъ ихъ разъяснить мнѣ, на кого въ Болгаріи они расчитываютъ. «О! у насъ тамъ есть агенты, цѣлая организація».—Вы сами тамъ были?—«Нѣтъ, туда нельзя ѣхать: тамъ Турки насъ убьютъ».—«Ну а переодѣться Туркомъ?»—«Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!»—«А какъ же вы могли убѣдиться, что тамъ все готово? Гдѣ же, напримѣръ, вы думаете можно начать?» продолжалъ я вопрошать. Назвали мнѣ мѣстечко, гдѣ будто зарыто даже оружіе.—«Покажите мнѣ на картѣ». Принесли карту. Они стали искать, долго всматривались и не нашли. Что̀ же это такое? думалъ я.

Разскажу еще другой случай. Пришли ко мнѣ съ запискою отъ Дандевиля два Болгарина Начовичъ [3]) и Покорный съ предложеніемъ доставить оружіе черезъ Румынію и Австрію. Они говорили о проектѣ взять Рущукъ на счетъ Комитета старыхъ Болгаръ, бранили молодыхъ и высказались, что они не желаютъ вмѣшательства Сербовъ и хотятъ самостоятельно работать для Болгаръ. Я перевелъ разговоръ на вопросъ объ оружіи. Начовичъ, для пользы дѣла, хотѣлъ открыть маленькую лавочку въ Турнъ-Северинѣ, гдѣ будетъ все, что̀ потребуется для Черняева и для Болгаръ. Только

---

[3]) Начовичъ теперь играетъ видную роль въ Болгарскомъ парламентѣ.

Библиотека "Руниверс"

для этого требуются издержки на обзаведеніе (frais d'installation, какъ онъ выразился), по крайней мѣрѣ 1000 рубл. сер. Я спросилъ ихъ самымъ простодушнымъ тономъ: «Вы говорите, что комитетъ вашъ богатъ, что у Евлогія Георгіева сотни тысячъ дохода, и если онъ сочувствуетъ этому дѣлу, то неужели вамъ не выдадутъ впередъ изъ суммъ комитета или изъ собственнаго кармана?» Мои собесѣдники, должно быть, согласились со мною и сказали, что они обо всемъ дадутъ мнѣ знать черезъ вѣрное лице въ Делиградъ. Впослѣдствіи я узналъ, что Славянскій Комитетъ отправилъ на мое имя 15 т. золотомъ въ Букарестъ въ генеральное консульство. Эта сумма казалась многимъ богатствомъ Перу и Голконды, но я просилъ генеральнаго консула хранить ее и изъ нея не потратилъ ни копѣйки. Эта сумма хранилась тамъ, кажется, до половины 1878 года. Меня за это обвиняли, какъ я слышалъ. Скажу въ оправданіе, что деньги Комитета казались мнѣ священными, и экономія не была лишняя. Эта сумма была мала для чего нибудь болѣе важнаго, а раздать ее по рукамъ прожектерамъ,—ея достало бы на нѣсколько дней. Обвинять меня и утверждать, что эти деньги произвели бы вспышку въ Болгаріи, было бы безразсудно.

Я говорилъ съ Евлогіемъ Георгіевымъ, и онъ насчитывалъ, что Болгары выставятъ только до 5 т. человѣкъ; а если Русскіе придутъ, тогда встанутъ всѣ, и то только тамъ, гдѣ Русскіе придутъ большими массами. Излишняя трата денегъ и сотенъ людей для того, чтобы Турки вырѣзали остальное населеніе, вотъ что мнѣ представлялось. Я, можетъ быть, ошибся, но я просилъ генеральнаго консула хранить эту сумму, назначенія которой онъ не зналъ.

Вернемся теперь къ нашимъ добровольцамъ въ Кладово.

ГЛАВА IV.

Дорогою я познакомился съ Ушаковымъ, которому былъ порученъ цѣлый отрядъ. На бѣдномъ лица не было. Онъ все думалъ, какъ бы не растерять, какъ бы устроить добровольцевъ. Ѣхали еще три помѣщика изъ Саратова на свой собственный счетъ; они помогали другимъ, какъ могли. Былъ еще давнишній мой знакомый Б—ій. Этому человѣку въ жизни не повезло. Онъ воспользовался тѣмъ, что комитеты выдавали деньги, чтобы устроить иначе свою жизнь, выбиться, наконецъ, изъ прежней колеи. Много было людей съ тяжелымъ грустнымъ прошлымъ, которые шли подъ первую пулю. Были и такіе, которые оставили все дома, счастье, молодую жену, семью и стремились въ Сербію. «Нельзя газетъ читать: просто такъ и тянетъ туда», сознавались эти господа. Въ этой толпѣ людей съ разбитымъ сердцемъ и разбитою жизнью, неудачниковъ всякаго рода, встрѣчались люди шикующіе своимъ отъѣздомъ въ Сербію, готовящіе себѣ пьедесталъ. Эти люди громче всѣхъ кричали, бранили Сербовъ, роптали на неудобства, требовали особеннаго вниманія къ себѣ. Вообще это былъ народъ хорошій, теплый, немного безтолковый. Большинство изъ нихъ не знало прошлаго Сербіи, плохо училось географіи, не имѣло понятія о разстояніяхъ.

Былъ и санитарный отрядъ съ старшимъ докторомъ, двумя другими докторами, сестрами милосердія. Они держались особнякомъ отъ компаніи добровольцевъ. Ушаковъ, Б—скій и нѣсколько другихъ были приглашены къ нимъ выпить чашку чая. Старшій докторъ

Библиотека "Руниверс"

узналъ о существованіи Турецкой крѣпости Ада-Калэ. Что̀-бы это, господа, вамъ взять Турецкую крѣпость? предложилъ докторъ. Пока еще дойдете до Делиграда, а мы устроимъ вамъ пріемъ здѣсь хорошій; санитарный отрядъ весь въ сборѣ. Ушаковъ сказалъ на это: «Да, съ нашими головорѣзами можно пойти. Но надо сначала осмотрѣть крѣпость».

Нашлись охотники изъ Сербовъ, которые хотѣли подвезти насъ къ самой крѣпости, но они потомъ отказались. Комендантъ заявилъ, что это произведетъ осложненіе съ Австріею, и мы только нашли рыбаковъ, которые захотѣли насъ принять въ свою компанію. Противъ теченія мы шли тихо,—на бичевѣ. Мы скользили по темнымъ водамъ Дуная. Сербы затянули свою заунывную пѣснь о царѣ Лазарѣ, о царицѣ Милицѣ, о братьяхъ Юговитахъ и о Маркѣ Кралевичѣ. Тихій всплескъ волны, заунывная пѣснь, все переносило насъ на далекую родину. У каждаго изъ насъ были свои думы. Сербы перестали пѣть и начали разсказывать, что теперь дѣла идутъ хорошо. «Сербы обколили (окружили) Турокъ, Миланъ будетъ королемъ, а Черняевъ княземъ. Черняевъ хорошій юнакъ и добрый человѣкъ!» Когда они стали тянуть неводъ, то Ушаковъ и я запряглись въ бичеву. Сербамъ показалось это очень смѣшно. Тянули, тянули и вытащили отличной рыбы. Стерлядей, тутъ, было много, и Сербы, вернувшись уже ночью въ Кладово, угостили насъ ухой. (Такой ухи не ѣдятъ, я думаю, и въ Англійскомъ клубѣ). Принесли вина и стали произносить здравицы: за Россію, за царя Александра и пр. Сербы всячески хотѣли намъ угодить, и каждый приносилъ, что̀ у него было лучшаго: кто виноградъ, кто заказывалъ кофею, сластей, и все просили побольше ѣсть. А мы отказывались, не имѣя возможности угодить ихъ щедрому гостепріимству.

На другой день я разстался съ Максимовичемъ. Онъ ѣхалъ въ Кишеневъ на встрѣчу Лишину. Долго ожидали мы парохода; наконецъ, рѣшились идти берегомъ Дуная, до деревни Тэкіэ и дойти пѣшкомъ до Делиграда. Колъ (телѣгъ) не хватило на сестеръ милосердія и на санитарный отрядъ. Я забылъ разсказать, что между добровольцами былъ какой-то Армянинъ. Онъ отрекомендовался членомъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета, и это производило своего рода эффектъ среди Сербовъ. Члену дали коло; онъ усѣлся и поѣхалъ. Комендантъ предложилъ и мнѣ колу; но я отказался, сказавъ, что пойду со всѣми пѣшкомъ до Тэкіэ.

Добровольцы шли цѣлыми партіями и пѣли. Дорога предстояла дальняя; но всѣ глядѣли весело, бодро: кончилось, наконецъ, это сидѣніе безъ дѣла.

Въ виду Турецкой крѣпости стройный хоръ грянулъ: «внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Въ этой пѣснѣ высказывается вся могучая ширь Русскаго народа и, въ отвѣтъ на эти замиравшіе въ отдаленіи звуки, раздался салютъ или выстрѣлъ съ Турецкой крѣпости. Дружное неумолкаемое «ура» прозвенѣло въ воздухѣ. Весело было смотрѣть на этихъ людей. Они почуяли своего врага! Все говорило, что они сдѣлаютъ свое дѣло, съумѣютъ умереть. Да умереть! допытывалъ я самого себя; но отчего они жить не умѣютъ? Такой могучій, сильный народъ, а не живетъ такъ, какъ другіе.

Въ Тэкіэ насъ приняли очень радушно.

Рыба очень хороша и дешева въ Тэкіэ. Мы накупили стерлядей и стали варить общую уху. И тутъ сказалось это неумѣнье жить.

Библиотека "Руниверс"

Распорядитель спрашиваетъ: «господа, довольно ли вина, соли?» Всѣ увѣряютъ, что теперь хорошо. Одному вздумалось въ эту уху налить вдругъ пива. У всѣхъ лица вытянулись, и наше веселое настроеніе отуманилось этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ.

Вечеромъ къ намъ пришли Сербы и принесли вина. Пошли тосты, но наша компанія пила умѣренно, и мы поочередно говорили о Славянствѣ, о Сербахъ. Одинъ Сербъ-старецъ все пѣлъ церковныя пѣсни, и мы всякій разъ снимали шапки (мы были въ саду). Потомъ шли лобызанія другъ друга.

Въ это время меня подозвали два Серба и указали на одного монаха, который сидѣлъ между нами: «то не Сербъ и не Болгаринъ; это шпіонъ». Стоило мнѣ сказать слово дюжему Саратовцу, и отъ монаха остался бы только клобукъ. Я обратился къ монаху и просилъ его поговорить съ нами. По выговору видно было, что онъ не Болгаринъ. Сербы заставили его перекреститься. Онъ это исполнилъ нехотя. Я разсудилъ, что если онъ дѣйствительно Болгаринъ и хочетъ идти къ Черняеву, то онъ останется между добровольцами, несмотря на то, что Сербы говорили ему: «ты не попъ, ты Австріякъ». Монахъ на другой день рано утромъ на лодкѣ переправился на Австрійскую сторону.

Вечеръ не кончился безъ приключенія. Я уже хотѣлъ раздѣваться, какъ одинъ изъ товарищей Саратовца вбѣгаетъ ко мнѣ: «спасайте его, его убьютъ!» Внизу слышенъ былъ гамъ. Первое, что̀ меня поразило, это лужа крови на полу, и нашъ Саратовецъ (а онъ своею дланью могъ убить быка) стоялъ въ позѣ гладіатора и вызывалъ на бой. Оказалось, что когда они подкутили, то затянули «Боже Царя храни!» Между добровольцами были такіе, которые не сняли шапокъ. Саратовецъ сбилъ съ головы шапку. Ихъ постарались помирить, но тотъ нечаянно или нарочно выплеснулъ Саратовцу вино въ лице. Крѣпкое слово и взмахъ могучей руки, и у того вмѣсто лица оказалось какое-то красное пятно. Началась свалка, но борьба кончилась за неимѣніемъ противоборцевъ: Саратовецъ всѣхъ сокрушилъ и стоялъ теперь смущенный передъ разбитою посудой. Хозяинъ вопилъ, что все у него расколотили и требовалъ денегъ. «Уведите его скорѣе на верхъ», шептали мнѣ. Я постарался его успокоить, и онъ съ покорностью ягненка послѣдовалъ за нами.

Только что мы уложили его въ постель, какъ внизу послышались снова крики: «Гдѣ они, эти подлецы, вотъ Кіевская партія пришла». Нечего дѣлать: мы сошли опять внизъ, заперевъ предварительно Саратовца на ключъ. Передъ нами стояла шумная ватага пьяныхъ и кричала: «Мы хотимъ его убить, разстрѣлять». Съ пьяными трудно спорить; также трудно было убѣдить ихъ, что комендантъ завтра назначитъ судъ надъ виновнымъ, а что теперь никого безъ суда нельзя убивать и что мы въ Сербіи должны подчиниться Сербскимъ законамъ. Пожелавъ имъ покойной ночи, мы къ нашему удовольствію видѣли, что партія съ бранью удалилась изъ комнаты. На другой день все, конечно, было забыто.

Вскорѣ я сѣлъ на Австрійскій пароходъ.

На пароходѣ ко мнѣ подсѣлъ какой-то Вѣнскій Жидъ и старался распросить о России. Нечего грѣха таить, я представилъ ему, что движеніе охватило всю Россію и что Европа должна будетъ смириться передъ этимъ благороднымъ порывомъ Русскаго народа. Онъ мало вѣрилъ моимъ словамъ, думалъ, что добровольцевъ посылаетъ

Библиотека "Руниверс"

правительство отъ себя и что Турція въ своемъ правѣ, потому что она—законный собственникъ всего Балканскаго полуострова. Всѣ Славяне дрянь, утверждалъ онъ съ паѳосомъ. На пароходѣ ѣхалъ фельдмаршалъ Скюдье (Scudier). Онъ просто спросилъ меня: «werden wir uns schlagen?» Капитанъ парохода старался навязать мнѣ ружье, системы Верндля, увѣряя, что въ Сербіи ружей нѣтъ. «Какъ же его провезти?» спросилъ я его. «Вѣдь у васъ строгости?» «Ничего, вамъ вынесутъ на берегъ ружье, когда мы причалимъ къ берегу». «Я тогда и заплачу деньги, было моимъ отвѣтомъ». Дѣйствительно, когда мы остановились у пристани, ружье было передано мнѣ, и я вручилъ деньги. Въ Сербіи у всѣхъ спрашивали паспорты; но стоило сказать «Русъ», и васъ пропускали безъ промедленія. На берегу ожидали члены городскаго совѣта и указывали Русскимъ дома, въ которыхъ можно было остановиться.

Не въ первый разъ я пріѣзжалъ въ Бѣлградъ. Я былъ въ этомъ городѣ въ 1874 году. Тогда я хотѣлъ познакомиться съ бытомъ Венгерскихъ Сербовъ. Я попалъ въ Новый Садъ въ самое любопытное время: Сербы должны были избрать своего церковнаго владыку. Мадьяры выставили своего кандидата Груича, но Сербы выказали на этотъ разъ рѣдкую смётку политическую и единодушіе. Они избрали единогласно Стойковича. Изъ Сербскихъ дѣятелей я познакомился тогда съ Костичемъ. Онъ поразилъ меня хорошимъ знаніемъ Русскаго языка. Онъ водилъ меня по Новому Саду и знакомилъ съ другими Сербскими дѣятелями. Милетичъ, разговаривая со мной, высказался неодобрительно о Русской политикѣ и о нашемъ равнодушіи къ Сербскому дѣлу. Въ «Сербской Матицѣ» нашлись Русскія книги; но чтò это былъ за сбродъ всякаго ненужнаго хлама! Надо правду сказать, не любимъ мы показывать себя съ хорошей стороны нашимъ соплеменникамъ. Все, чтò залежалось у нашихъ книгопродавцевъ, все это было отправлено къ братьямъ-Сербамъ. Нельзя забывать при этомъ, что Сербы, зная Нѣмецкій языкъ, могутъ полными руками черпать изъ Нѣмецкой литературы и науки и что они, при видѣ литературнаго хлама, присылаемаго изъ Россіи, должны съ пренебреженіемъ относиться къ Русской образованности. Достаточно упомянуть, что въ этой коллекціи книгъ не было Пушкина, Тургенева, Толстаго, Гончарова и проч. Сербы болѣе знакомы съ Русскими заграничными изданіями, которыя имѣются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Западной Европы. Не мѣсто здѣсь разсказывать о моей поѣздкѣ по Южной Венгріи; но не могу забыть одного эпизода, бывшаго со мной въ Фрушкѣ-Горѣ. Прибытіе Русскаго дипломатическаго чиновника въ Новый Садъ въ самый разгаръ политическаго броженія было конечно не особенно пріятной новостью для Мадьярскихъ властей. Знакомые и незнакомые подходили ко мнѣ и высказывали свое сочувствіе къ Россіи. Мнѣ хотѣлось скорѣе уѣхать отъ разныхъ могущихъ случиться усложненій. Посѣщеніе монастыря въ Фрушкѣ-Горѣ съ незнакомымъ мнѣ Сербомъ (который легко могъ быть агентомъ Мадьярской полиціи) я считалъ вполнѣ невиннымъ и безобиднымъ дѣломъ. Мы пріѣхали въ монастырь и стали дожидаться въ пріемной прихода настоятеля, который вошелъ вскорѣ въ сопровожденіи Груича и Гюбера, коммиссара отъ Венгерской короны при Сербскомъ конгрессѣ. Сначала Сербъ назвалъ свою фамилію; настала и моя очередь. Встрѣча съ этими ярыми Мадьяронами въ Сербскомъ монастырѣ не входила конечно въ мои планы,

Библиотека "Руниверс"

но теперь отступленіе для меня было невозможно. Я назвалъ свою фамилію и свое званіе. Когда Гюберъ услышалъ слово «Russischer»,— то его сначала какъ будто откинуло на другой конецъ комнаты. Но потомъ, сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ впередъ, онъ глядѣлъ на меня, какъ на голову Медузы; казалось, что земля разверзается передъ нимъ и что вмѣсто незначительнаго Русскаго чиновника, передъ мысленными очами его предстала колоссальная 80 милліонная Россія, готовая проглотить Венгрію. Сначала пошли вопросы въ видѣ формальнаго допроса; но потомъ Груичъ, говоря понѣмецки и посербски, разсказалъ намъ о своемъ знакомствѣ съ Гильфердингомъ и съ другими Русскими. Когда мы разстались, я долго не могъ забыть комическаго испуга, выразившагося на лицахъ Гюбера и Груича, отъ одного имени «Россія». За ужиномъ, гдѣ же? на которомъ собрались и депутаты изъ Далмаціи, разсказывали подробности о выборѣ Стойковича. Показывая мнѣ достопримѣчательности монастыря, монахи привели меня къ портрету князя Милана и сказали: «вотъ это нашъ князь». Кто-то указалъ мнѣ на портретъ Франца Іосифа, но другіе остановили его словами: «Ну это не нашъ, это Швабъ». Хорошо было бы вашему Царю дать Милану Русскую княжну и возстановить Сербское царство!» Въ монастырѣ сохраняется портретъ Петра Великаго и его грамота.

Вернемся въ Бѣлградъ, который уже не походилъ на Бѣлградъ 1874 года. Теперь въ Бѣлградѣ были Русскіе добровольцы. Сербія подняла знамя Славянства, и вниманіе всей Европы было обращено на этотъ прежде мирный уголокъ.

Мы отправились съ Б. въ гостинницу, гдѣ нашли санитарный отрядъ, бывшій съ нами вмѣстѣ въ Тэкіэ. Они раньше насъ заняли Австрійскій пароходъ и теперь ожидали, что ихъ отправятъ на театръ военныхъ дѣйствій. У Сербовъ демократизмъ коренится въ нравахъ народа. Пойдете ли вы къ министру, ничто не обязываетъ васъ надѣть фракъ. Министры говорятъ съ селяками за панибрата. Я отправился къ сочлену, а теперь уполномоченному Славянскаго Комитета, генералу Дандевилю. Вѣстовые и адъютанты генерала представляли собою непривычное зрѣлище для Сербовъ. Нѣкоторые добровольцы также высказывали свое неудовольствіе на эту пышность. Въ Комитетѣ я часто слышалъ мнѣніе, что добровольцевъ слѣдуетъ держать въ строгой дисциплинѣ. Князь Черкасскій, выбирая будущихъ управителей Болгаріи, искалъ прежде всего людей исполнительныхъ и привыкшихъ къ военной дисциплинѣ. Къ министру Николичу, правда, всякій приходилъ за просто; но на это можетъ быть сдѣлано возраженіе, что система, которая годится для Сербіи, непримѣнима въ Россіи. Не могу прямо отрицать полезности той обстановки, которую я видѣлъ у генерала Дандевиля, потому что многіе добровольцы своимъ поведеніемъ какъ будто требовали, чтобы къ нимъ примѣнялось правило т а щ и т ь и не п у щ а т ь. Они держали себя, какъ люди непривычные къ свободѣ. Сербскую власть они ставили ни во что, а призракъ Россіи въ видѣ вѣстовыхъ и адъютантовъ заставлялъ ихъ вытягиваться въ струнку, подбираться и вести болѣе приличныя рѣчи.

Какъ много смѣшнаго было въ нашемъ первомъ знакомствѣ съ Сербами, видно будетъ изъ слѣдующей сцены, которой я былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Зашелъ я въ лавку, которая, скажу между прочимъ, принадлежала Землинскому Жиду. Какой-то офицеръ спра-

Библиотека "Руниверс"

шивалъ себѣ галстукъ. Ему сказали цѣну, но она показалась ему высокой, и онъ разразился слѣдующей тирадой. «Мы васъ спасать пришли, а вы съ насъ дерете въ три дорога». Жидъ и его жена преспокойно забирали деньги и вѣрно въ глубинѣ души смѣялись этой наивности. «Кого спасать—Жидовъ?» долженъ былъ спросить всякій, знавшій національность хозяина лавки. Фраза «мы васъ спасать пришли» мнѣ ужасно надоѣла впослѣдствіи; она говорилась при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Вечеромъ мы имѣли случай видѣть одного изъ возвратившихся съ поля битвы. Р. разсказалъ намъ всякіе ужасы про Сербскую трусость и отсовѣтовалъ ѣхать туда. «Вы живыми не вернетесь, офицеры всегда впереди, а Сербы сидятъ въ кукурузѣ». Б—ій совсѣмъ пригорюнился, услышавъ эти разсказы.

ГЛАВА V.

Теперь разскажу о томъ, какъ меня встрѣтилъ министръ Іовановичъ. Живетъ онъ очень просто, слишкомъ просто для такаго высокаго положенія. Входъ въ квартиру былъ со двора. Я ему отдалъ письмо Ламанскаго. Страшный Англоманъ, сначала онъ чуждался Россіи, потомъ круто повернулъ въ другую сторону и высказывалъ свое сочувствіе Россіи. Наружностью онъ похожъ скорѣе на Нѣмецкаго чиновника, чѣмъ на Серба. «Теперь», сказалъ онъ, «только Россія можетъ помочь. Мы надѣялись на нашихъ союзниковъ, но они намъ измѣнили. Теперь только одна надежда на Россію. Намъ нужны деньги и побольше волонтеровъ. Ихъ всего 4500 человѣкъ. Это капля въ морѣ. Мы думали окончить кампанію въ два мѣсяца». (Эта фраза меня поразила, но потомъ объяснилась тѣмъ, что Ристичъ думалъ и насъ вовлечь въ войну). Протичъ, разговаривая съ однимъ моимъ знакомымъ въ моемъ присутствіи, сказалъ (на вопросъ, неужели вы потерпите Турецкій флагъ на Бѣлградской цитадели? Не сдавайтесь!): «Разъ попробовали завлечь насъ. Теперь рискованно, пожалуй пострадаемъ хуже прежняго». «У насъ», продолжалъ Іовановичъ, «приготовлены запасы только на этотъ срокъ». Повернувъ разговоръ на отношенія Сербовъ къ Русскимъ, я высказалъ ему свое удивленіе, что Сербы высылаютъ адресы Англичанамъ, а не Русскому народу. «Совершенно вѣрно», перебилъ меня Іовановичъ, «мэръ Бѣлграда приходилъ ко мнѣ и предлагалъ устроить манифестацію въ честь Англіи?» Я спросилъ его, что вы сдѣлаете для Россіи? «Знаете», говорилъ Іовановичъ: «движеніе въ Россіи насъ поразило. Мы совсѣмъ не надѣялись на Россію. Помощь со стороны Русскаго народа была для насъ неожиданностью».—«На кого же вы разсчитывали? Какъ же вы думали рѣшить такой вопросъ безъ помощи Россіи?» спрашивалъ я. «Мы разсчитывали на Румынію, Грецію и Болгарію. Конечно въ интересахъ Россіи насъ поддержать — мы составимъ оплотъ Россіи противъ Турціи».

Заговорили о необходимости для Сербовъ узнать Россію, а не игнорировать ее, какъ это дѣлалось прежде. «Да», съ горечью сказалъ онъ, «мы пропали теперь безъ Россіи. Намъ нужны деньги и много денегъ. Нашъ заемъ плохо идетъ у васъ. А намъ нужно одѣть и прокормить войско».

Я зналъ изъ очень вѣрныхъ источниковъ, что Ристичъ просилъ у нашего правительства три миліона денегъ и расформированную дивизію.

Библиотека "Руниверс"

Интересенъ также разговоръ съ Николичемъ. Онъ высказался очень презрительно о Румыніи. Когда я замѣтилъ ему, что Румыны, пожалуй, соберутся и тоже ударятъ на Турокъ, онъ сказалъ: «Лишь бы они намъ не мѣшали провезти оружіе, свинецъ, войско, ихъ намъ не нужно! Войско наше ничего не стоитъ, а ихъ еще меньше». Митрополитъ Михаилъ просилъ передать Комитету, что нужно холста для бѣдныхъ Болгаръ и Босняковъ.

ГЛАВА VI.

Снаряженіе добровольцевъ происходило довольно скоро и толково. Въ одинъ день они получали объяву, и имъ тотчасъ же выдавалась одежда. Что касается оружія, то его не было въ Бѣлградѣ (я говорю о ружьяхъ). Ружья были заказаны, но за нихъ требовалось уплатить деньги; а заемъ, какъ мнѣ сказали Сербскіе министры, не удался въ Петербургѣ. «Намъ выдали миліонъ», говорили они, «но что̀ такое миліонъ! Очень мало также добровольцевъ. Надо по крайней мѣрѣ 20 тысячъ». Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что миліонъ слишкомъ незначительная цифра, если нужно заказать 60,000 ружей системы Пибоди по 15 рублей (выходитъ 900,000 рубл.). Предстояло еще обмундировать второй и третій призывъ, Русскихъ добровольцевъ, содержать ихъ, затѣмъ необходимо было закупить свинецъ, пушки. Какъ могло Сербское правительство, въ виду отсутствія денегъ, еще выдавать по 20 франковъ на подъемъ добровольцевъ, для меня непонятно. Въ главной квартирѣ выдавалось какое-то жалованье. Средства комитетовъ были недостаточны. Теперь, когда мы увидѣли, чего стоила война Русскому народу, надо удивляться, съ какими малыми средствами дѣйствовали Черняевъ и Сербское правительство.

Мрачная тѣнь легла на эти предпріятія послѣ всѣхъ разговоровъ съ руководителями Сербіи. Они надѣялись на скорую денежную и военную помощь Россіи; но во мнѣ не было этой увѣренности Были бы деньги, можно было найти контрабандистовъ, которые рискнули бы провезти оружіе. Все кромѣ оружія, въ военное время, было шалостью, празднымъ препровожденіемъ времени. Неутомимая дѣятельность комитетовъ, увлеченіе, охватившее Русское общество, все должно было фатально привести къ неудачѣ.

Сообщу случай довольно знаменательный. Бѣлградское правительство, за неимѣніемъ серьезныхъ фирмъ, заказало сначала ружья какому-то фабриканту зонтиковъ. Тотъ, получивъ заказъ Сербскаго правительства, не нашелъ столько денегъ, чтобы выѣхать изъ Бѣлграда. Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, говорилъ Наполеонъ. Приходится вспоминать также, что для войны нужны деньги, деньги и деньги. Является солидная фирма Фредериксъ и предлагаетъ доставить въ Кладово 20,000 пудовъ свинцу. Все идетъ какъ по маслу. Свинецъ доставленъ въ Кладово. Его провезли черезъ всю Австрію въ Турнъ-Северинъ (минуя Бѣлградъ). Изъ Турнъ-Северина, на лодкахъ, въ одинъ день его перевезли въ Кладово (но это было наканунѣ Дьюнишскаго погрома). Тутъ нужно было подкупить сначала главнаго директора Австрійскаго Ллойда, одного изъ помощниковъ Тиссы и много другихъ второстепенныхъ чиновниковъ. Дѣло сдѣлано, и Фредериксъ является къ Ристичу. Между ними разыгрывается слѣдующее qui pro quo. Фредериксъ: Je viens pour le plomb. Ристичъ: C'est trop tard. Frederix: Pardon,

Библиотека "Руниверс"

mais je viens toucher l'argent; le plomb est livré. Удивленіе со стороны Ристича и фраза: Attendez un peu; nos caisses sont vides.—Компанія эта знала очень хорошо, что за нее заступится Бисмаркъ. Фредериксъ заручился участіемъ Прусскихъ фирмъ, и всякая остановка груза, направленнаго въ Румынію, вызвала-бы вмѣшательство желѣзнаго канцлера. Тотъ же Фредериксъ предлагалъ поставить ружье Шаспо по 25 франковъ, Прусское игольчатое ружье по 35 франковъ. Но такимъ образомъ составлялась колоссальная цифра, которая была не по силамъ Сербскому правительству. Фредериксъ хотѣлъ гарантій Петербургскихъ банковъ, что деньги будутъ ему уплачены.

Я сообщилъ Комитету подробности этой безотрадной картины. Оставалось одно—ѣхать въ Делиградъ и узнать, что̀ думаетъ Черняевъ, и если будетъ битва, не ударить лицемъ въ грязь. Позднѣе я увидѣлъ еще разъ Фредерикса. Онъ сообщилъ мнѣ, что Румыны не имѣютъ денегъ; но они ему сказали, что Россія выдастъ имъ нѣсколько миліоновъ. «Правда-ли это?» спросилъ онъ меня.—«Какъ я могу это знать!» было моимъ отвѣтомъ.—«Что̀ же вы посовѣтуете?»—«Просите у нихъ гарантію Русскихъ банковъ, и тогда вы увидите, брехня-ли это или нѣтъ!» Бельгіецъ удалился, довольный моимъ совѣтомъ.

Выѣхать изъ Бѣлграда было довольно трудно. Не было колъ. Дилижансъ отходилъ, кажется, разъ въ недѣлю, и мѣста̀ всѣ были заняты заранѣе. Мнѣ показалось смѣшно, что за такими пустяками надо было безпокоить чуть-ли не все Сербское министерство, отъ министра финансовъ къ другому министру и все понапрасну: лошади были всѣ въ разгонѣ. Я рѣшился взять свои вещи и ждать отбытія дилижанса. Къ счастію, въ дилижансѣ заняли помѣщеніе гр. Коновницынъ (мой родственникъ), Каразинъ, Мусинъ-Пушкинъ и Хлудовъ, и они были такъ любезны, что уступили мнѣ мѣсто на козлахъ. У меня была курьерская подорожная; но, извѣдавъ, какъ трудно получить колу, я радехонекъ былъ своему мѣсту. Въ Сербіи все бралось реквизиціею: квартира, отопленіе, припасы, средства передвиженія, все это доставлялось населеніемъ до изнеможенія силъ, безъ всякаго вознагражденія со стороны правительства. Можно-ли послѣ этого говорить, что Сербы мало принесли жертвъ? Всѣмъ чиновникамъ было убавлено жалованье: рѣшительно никто изъ нихъ не получалъ свыше 300 талеровъ въ годъ.

Ѣхали мы очень тихо; лошади тащили, но не везли насъ: то одно колесо сломается, то другое. Это давало поводъ къ шуткамъ. Одинъ Хлудовъ спалъ крѣпкимъ сномъ праведника и не выходилъ изъ себя, какъ это случалось съ другими. По близости отъ Делиграда, намъ стали попадаться раненые въ битвѣ 16-го Сентября. Бывали и такіе, которые говорили, что они больны. Какой-то шумъ раздавался вдали. Трудно было разобрать, что это пушечные выстрѣлы. Подъѣзжаемъ къ Делиграду, и глазамъ нашимъ представилась арка, украшенная вѣнками и сооруженная по случаю провозглашенія Милана королемъ Сербіи. Арка уже теперь имѣла поблекшій, мизерный видъ. Сравненіе съ лагеремъ Валленштейна такъ и просилось на языкъ. Какое разнообразіе типовъ, людей, состояній! Тамъ были Албанцы, Сербы изъ Старой Сербіи, Босняки, Черногорцы, всѣ въ своихъ народныхъ одѣяніяхъ. Только первый классъ былъ одѣтъ въ форменныя платья. Слышалась Англійская, Итальянская, Нѣмецкая, Мадьярская, Сербская и Русская рѣчь.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VII.

Прежде чѣмъ я передамъ, что̀ Черняевъ со мною говорилъ, мнѣ нужно установить мою точку зрѣнія на этого дѣятеля. Ему досталось очень много нареканій послѣ Дьюнишскаго погрома. Изъ архистратига Славянской рати его низринули и окунули въ самую глубокую грязь. Если кто прочтетъ внимательно что̀ я сообщилъ выше о вооруженіи Сербовъ, о безденежьи, о томъ, что министры Сербскіе думали въ два мѣсяца покончить всю кампанію, то выводъ будетъ сдѣланъ самъ собою. Можно было-бы спросить, какимъ образомъ такой опытный военачальникъ, видѣвшій съ кѣмъ и съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло, рѣшился поднять на своихъ плечахъ такую непосильную задачу. Съ военной и политической точки зрѣнія онъ былъ, можетъ быть, и не правъ; но съ точки зрѣнія высшей правды Черняевъ, какъ первый Русскій добровлецъ, поспѣшившій подать руку помощи въ этой борьбѣ за свободу, будетъ оправданъ исторіею. Освобожденная Сербія, Болгарія, Румынія, расширенная Черногорія, все это явленія великаго смысла и значенія, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ по праву Черняеву. Онъ былъ знаменемъ, около котораго группировались Русскіе добровольцы. Въ теченіи разсказа, желая говорить одну правду и сохранить полное безпристрастіе, мнѣ придется отмѣчать, когда Черняевъ, по моему мнѣнію, ошибался, когда онъ предавался иллюзіямъ, и вотъ отчего я считалъ необходимымъ высказать свое мнѣніе и свое глубокое уваженіе къ этому дѣятелю, прежде чѣмъ произнесу что нибудь въ его осужденіе.

Черняевъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе своимъ искреннимъ и прямодушнымъ разговоромъ. Онъ выслушалъ внимательно о планѣ Лишина на счетъ Болгаріи. Когда онъ бываетъ недоволенъ (какъ я замѣтилъ впослѣдствіи), онъ стискиваетъ зубы, и въ немъ происходитъ что-то въ родѣ судорожнаго движенія. «Зачѣмъ все это? Скорѣе бы прислали сюда казаковъ!» сказалъ онъ недовольнымъ тономъ. «Оружіе покупаютъ для Болгаръ, а посмотрите, чѣмъ вооружены наши воины!»—«Вы значитъ не вѣрите въ возстаніе Болгаръ?»—«Нѣтъ, и сами Сербы не желаютъ войны. Они только самый покорный, послушный народъ въ мірѣ. Впрочемъ вы поживете здѣсь и сами все увидите. Оружіе давать Болгарамъ безполезно; у насъ у самихъ его очень мало».

Я сообщилъ ему, что Николичъ заказалъ ружья и что можно будетъ, пожалуй, провезти ихъ черезъ границу.—«Гдѣ они?» сказалъ онъ и жестомъ выразилъ нетерпѣніе. «И вы думаете, что они попадутъ сюда? Мнѣ только мѣшаютъ, но не помогаютъ».

Хлудовъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, сообщилъ ему, съ смущеннымъ видомъ, что въ Бѣлградѣ противъ него интригуетъ К.

Черняевъ улыбнулся и сказалъ: «Да, свои и чужіе мнѣ мѣшаютъ. Сюда-бы хорошую дивизію Русскихъ солдатъ, и дѣло было бы кончено».

Изъ того, что̀ я видѣлъ въ военномъ министерствѣ и что̀ происходило въ Делиградѣ, замѣтно было одно—отсутствіе единства дѣйствій и замедленія всякаго рода.

Черняевъ также недовѣрчиво относился ко всѣмъ попыткамъ взять Тульчу, Рущукъ и т. д. «Давайте сюда скорѣе казаковъ!» повторялъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

Оставалось только телеграфировать въ Петербургъ, въ Кишиневъ и торопить Лишина. Вскорѣ прибыли Нарышкинъ съ семидесятью казаками, но безъ ружей. Черняевъ взялъ ихъ съ собою. «Покажу ихъ Туркамъ; они подумаютъ, что казаковъ прибыло много».

Враждебная намъ Neue Freie Presse оказывала намъ услугу, преувеличивая цифру Русскихъ добровольцевъ и раздувая скромное количество казаковъ въ колоссальныя полчища.

Я получилъ отъ Новоселова телеграмму, что Филипповичъ въ Бѣлградѣ и желаетъ меня видѣть. Путаница выходила невообразимая: нѣсколько проектовъ безъ исполнителей, какое-то хаотическое состояніе дѣлъ и молчаніе Коммиссіи.

Не знаю, сколько получилъ Черняевъ денегъ изъ комитетовъ; но онъ долженъ былъ покупать все: ружья, плащи, бараки, выдавать жалованье, а денегъ и въ главной квартирѣ было мало. Черняевъ говорилъ мнѣ, что онъ въ свое распоряженіе получилъ только 200,000 р. с. Сдѣлаемъ приблизительное вычисленіе, что̀ стоили 4000 добровольцевъ. По расчету выходитъ, что каждый доброволецъ получилъ не болѣе 50 р. с. въ теченіи всей кампаніи отъ 15 Іюня до 20 Октября. Эти цифры гадательны. Я не видѣлъ отчета Черняева, но они показываютъ, что у Черняева было очень мало денегъ. Очень возможно, что инымъ офицерамъ, которые были на позиціи, и не доставалось ничего. Я въ этомъ дѣлѣ, въ этихъ пререканіяхъ между штабомъ и офицерами отдѣльныхъ отрядовъ,—сторона, и могу быть безпристрастнымъ, потому что жалованье мнѣ не выдавалось, и я могу сказать, что у меня не было въ рукахъ ни одного Сербскаго рубля.

Былъ одинъ случай, который и на меня навелъ раздумье. Одинъ изъ штабныхъ собирался въ Россію; онъ получилъ «Таково», и надо сказать, что я видѣлъ этого господина въ большомъ свѣтѣ. Между нимъ и товарищами произошелъ слѣдующій разговоръ. «Ты ѣдешь! Какой ты счастливый, ты получилъ деньги на дорогу».—«Нѣтъ, Черняевъ знаетъ, что я человѣкъ не бѣдный; онъ со мной простился и ничего не сказалъ».—«Фу, чудакъ какой! Ты ѣдешь по порученію, и тебѣ должны дать 30 золотыхъ. Вѣдь дали-же Л. на дорогу столько-то».—«Но мнѣ совѣстно; вѣдь у меня есть деньги на дорогу, и дома я также найду деньги». Мнѣ интересно было, на что̀ онъ рѣшится. Но товарищи уговаривали его. «Ты пойди къ Комарову и скажи ему. Это само собою разумѣется, что тебѣ должны дать деньги, по положенію». Потомъ я увидѣлъ этого господина, и онъ уже показывалъ полученные червонцы.

Въ моемъ присутствіи приходили къ Черняеву добровольцы съ позиціи и жаловались, что у одного нѣтъ сапогъ, у другаго нѣтъ плаща, что тому нужна шинель, и просили выдать нѣсколько денегъ изъ жалованья. Черняевъ ко всѣмъ относился съ должнымъ вниманіемъ, даже и къ такимъ вздорнымъ просьбамъ: «я не хочу служить съ такимъ-то; я хочу перейти на такую позицію». Всѣ шли къ Черняеву и избѣгали низшихъ инстанцій, а говорили ему о своихъ нуждахъ. Что штабъ распоряжался деньгами больше на нужды своихъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно; но сумма была не такая уже большая, чтобы излить на нихъ сокровища Голконды. Что они были чище, элегантнѣе другихъ, что у нихъ были деньги для игры въ карты (Черняевъ строго запрещалъ играть въ карты и всякую роскошь, онъ сдѣлалъ выговоръ Л., когда тотъ завелъ себѣ коляску), то это потому, что между ними были люди съ хорошимъ состояніемъ; а вокругъ людей

Библиотека "Руниверс"

съ хорошими средствами другіе могли разжиться на 20 на 30 р., могли выиграть при счастьи хорошую сумму. Вражда коренилась здѣсь глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Богатому гвардейцу, завсегдателю Бореля и Дюссо, попавшему въ штабъ Черняева, приписывалось, что онъ живетъ на деньги Тимоко-Моравской арміи. Что при случаѣ этотъ самый штабный, имѣя тысячи дохода, не отказывался отъ лишнихъ 40 или 50 червонцевъ, очень понятно съ точки зрѣнія общественной морали. Что богатый человѣкъ, занимая важный постъ на государственной службѣ, не откажется отъ разныхъ extra въ видѣ крупныхъ подъемныхъ денегъ, аренды, маіората—это въ порядкѣ вещей. Скажу даже больше: одинъ изъ богатыхъ людей (у него было около 200 т. р. капитала), отправляя своихъ сыновей въ Сербію, выпрашивалъ у Лишина, чтобъ его сыновьямъ, не въ примѣръ другимъ, прибавить денегъ на дорогу. Лишину едва удалось убѣдить этого господина въ неприличіи такаго вымогательства.

Черняевъ въ разговорѣ со мной высказывался очень часто: «Если бы дали мнѣ 6000 скорострѣлокъ, я вооружилъ бы своихъ Русскихъ. Пожалуста, телеграфируйте объ этомъ въ Комитетъ». Я исполнилъ его желаніе, но сознавалъ очень ясно, что это будетъ длиться цѣлые мѣсяцы, пока сойдутся, потолкуютъ, а потомъ пошлютъ. Событія оправдали мое предчувствіе: казаки пришли уже тогда, когда штабъ, послѣ Дьюнишскаго погрома, стоялъ въ Ражанахъ. Передъ самымъ концемъ обѣщали 30,000 ружей системы Кренка.

Меня удивляла медленность дѣйствій противной стороны. Англійскія ружья, Круповскія пушки вѣрно не вдохнули энергіи въ Турецкую армію. Цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія! Въ одномъ лагерѣ происходило освященіе церкви, въ другомъ праздновали Байрамъ. Войско было деморализовано такимъ долгимъ покоемъ.

Вернусь къ Черняеву. Я бывалъ у него по Болгарскому дѣлу. Онъ какъ-то успокоился и расхаживалъ по площадкѣ близъ своего дома, долго вглядываясь въ даль. «Турокъ не слышно», сказалъ Черняевъ; «не ушли-ли они въ Нишъ? Вотъ будетъ штука!» Онъ не хотѣлъ принять продолжительнаго перемирія, предлагаемаго Сербіи Австрійскою и Англійскою дипломатіею. «Я соглашусь только на шестинедѣльное перемиріе; тогда я поѣду въ Россію, наберу волонтеровъ тысячъ тридцать, попрошу для Сербскаго правительства нѣсколько миліоновъ». Не у него одного были такія мирныя мысли. Всѣ потягивались, зѣвали, просились въ отпускъ. Черняевъ высказывался Хлудову: «Бѣда мнѣ съ тѣми, которые получили орденъ; они всѣ подъ разными предлогами хотятъ вернуться въ Россію».

Имѣлось въ штабѣ одно дѣло въ виду—взятіе Зайчара. Комитетъ требовалъ моего присутствія въ Бухарестѣ. Лишинъ телеграфировалъ: «вернитесь обусловить планъ дѣйствій». Я спрашивалъ совѣта у Черняева. Онъ увѣрялъ меня, что теперь военныхъ дѣйствій не будетъ. «Турки предлагаютъ шестимѣсячное перемиріе», сказалъ Черняевъ, но я не согласенъ: тогда войско совсѣмъ деморализуется. И теперь всѣ хотятъ домой, говорятъ, что вши у нихъ завелись». Черняевъ говорилъ о перемиріи съ такою увѣренностію, какъ будто дѣло было въ шляпѣ.

Утомленіе, скука, царившая въ лагерѣ, разныя неисправности, утвердили меня въ той мысли, что Болгарское дѣло едва ли будетъ имѣть успѣхъ. Въ Сербскомъ войскѣ была хоть какая нибудь организація, было участіе Черняева, популярнаго въ Россіи; а гдѣ найти

Библиотека "Руниверс"

для Болгарскаго возстанія опытныхъ администраторовъ, военачальниковъ, добровольцевъ и средства къ содержанію войска? Покорный пріѣхалъ нарочно въ Делиградъ, чтобы повидаться со мною. Онъ просилъ меня не сообщать его плана Черняеву, который не сочувствуетъ Болгарскому дѣлу и держитъ себя какъ Сербскій главнокомандующій. «Хотимъ взять Рущукъ», говорилъ онъ мнѣ, «но денегъ не просимъ». Вскорѣ послѣ его отъѣзда я убѣдился, что взятіе Рущука составляло secret de polichinelle.

Въ штабѣ получались всѣ газеты. Я выражалъ свое удивленіе тому обстоятельству, что никто не просматриваетъ Neue Freie Presse и другихъ газетъ, сочувствующихъ Туркамъ. Вѣдь оттуда можно почерпнуть интересныя свѣдѣнія о Турецкой арміи. Слѣди они за газетами — Турецкое бездѣйствіе объяснилось бы легко тѣмъ, что Турки ждали подкрѣпленій, что пушки большаго калибра проломили своею тяжестью мостъ. Но нужно сказать, что безпечность въ нашемъ и даже въ Сербскомъ характерѣ. Мнѣ случалось часто принимать какое нибудь свѣдѣніе за строгую тайну; а стоило только встрѣтиться съ иностранцемъ, и я узнавалъ отъ него, что это своего рода secret de polichinelle. Не знаю, пріѣздъ-ли Покорнаго въ Делиградъ или другое обстоятельство вызвало между Комаровымъ и мною слѣдующее объясненіе. Онъ началъ съ того: «Я не знаю, кто вы и не съ цѣлью-ли вредить намъ пріѣхали вы сюда. Вы проживаете здѣсь по какому-то Болгарскому дѣлу. Болгары уже стоили Москвѣ 200,000 рублей; изъ этого ничего не вышло. Ружья, купленныя для Болгаръ, куда-то исчезли». Кромѣ того Комаровъ высказалъ опасеніе, что ружья, за которыми будто-бы ѣздилъ Лаврентьевъ, перехвачены Болгарами; что, дѣйствуя за Болгаръ, прямо вредишь Сербскому дѣлу. Изъ дальнѣйшаго разговора выходило, что все обстоитъ благополучно въ Делиградскомъ лагерѣ и ничего не нужно. Когда онъ сталъ сѣтовать на дѣйствія Комитета, я просилъ его высказать мнѣ, какъ довѣренному лицу отъ Комитета (письмами такаго рода къ Черняеву я былъ снабженъ въ Петербургѣ) что собственно и какъ нужно дѣйствовать. «Нѣтъ! вамъ скажешь правду, а вы нагоните панику, какъ это дѣлалъ Висковатовъ. Намъ не нужно уполномоченныхъ Комитета. Комитеты дѣлаютъ все, что требуется, по одной телеграммѣ отъ насъ. Намъ нужны полушубки — высылаютъ, намъ нужны сапоги—высылаютъ».

Хотѣлось мнѣ сказать ему, что не одни сапоги вамъ нужны: необходимо, чтобы Комитетъ ясно понялъ ваше положеніе. Такъ и раздавалось въ моихъ ушахъ: «намъ нужны сапоги — посылаютъ». Выходило, по простонародному выраженію, дѣйствительно сапоги, но только въ смятку, т. е. полный сумбуръ.

Я не берусь утверждать (какъ это говорилось многими), что Комарову принадлежитъ большая часть промаховъ. Послѣ этого объясненія я нарочно поговорилъ съ Хлудовымъ, чтобы узнать, не по инниціативѣ-ли Черняева повелъ Комаровъ со мною такой разговоръ. Послѣдующія событія не оправдали моего предположенія. Комаровымъ были недовольны въ Бѣлградѣ и даже въ Делиградѣ. Что онъ иногда относился поверхностно къ своему дѣлу, былъ слишкомъ довѣрчивъ и убаюкивался тѣмъ, что-молъ вотъ мы какіе, на насъ теперь уповаетъ вся Россія и не глядѣлъ впередъ, не дѣлалъ рекогносцировокъ, объ этомъ писали и, я думаю, не безъ основанія. Съ своей стороны я сообщу только два случая. Сербы особенно не-

Библиотека "Руниверс"

годовали за то, что когда Австрійскій Сербъ Пешихъ предложилъ ввести оптическій телеграфъ (посредствомъ шаровъ, изображавшихъ всю азбуку), то Комаровъ отмѣнилъ всѣ приготовленія къ этому полезному для Делиградскаго лагеря изобрѣтенію вслѣдствіе донесенія одного изъ своихъ офицеровъ. Отчего онъ не назначилъ коммиссію изъ свѣдущихъ людей для разсмотрѣнія этого дѣла? А то пріѣхалъ одинъ ординарецъ, и дѣло съ концемъ [4]). Сербы предлагали взорвать мостъ самодвижущимися торпедами посредствомъ электрическаго тока. «Нѣтъ», сказали въ штабѣ, «одного динамита будетъ довольно». Не смотря на подвигъ Андреева и другихъ, мостъ не былъ взорванъ какъ слѣдуетъ, и Турки его починили черезъ недѣлю. Посѣщая офицеровъ на позиціи, я убѣдился, что между штабомъ и позиціею нѣтъ никакой связи. «Правда-ли, что мостъ взорванъ?» спросилъ я въ Бобовиштѣ.—«Это, вѣрно, говорятъ въ штабѣ?» ѣдко отвѣчали мнѣ. «Много они тамъ знаютъ!» Мнѣ предлагали черезъ Хлудова заняться письменною частью и рисовали какую-то блестящую будущность; но я рѣшительно отказался. Когда я заявилъ о томъ, что мнѣ хочется поступить въ отрядъ, то мнѣ говорили: «Да все теперь кончено, скоро будетъ перемиріе; а тамъ что дальше будетъ—неизвѣстно; можетъ, и Россія вступится за Сербовъ».

Съ пріѣздомъ Монтеверде и его супруги дѣло измѣнилось. Стали поговаривать, что Комаровъ слетитъ. Прочили на его мѣсто Дандевилля. Дандевилль дѣйствительно пріѣхалъ въ Делиградъ, но назначенія не принялъ. Черняевъ получилъ отъ князя Милана категорическое требованіе уволить Комарова.

Теперь вернемся къ Болгарскому дѣлу. Можно было серьезно думать, что дѣло не идетъ объ освобожденіи Славянъ, а о какой то rivalité de clocher. Объясненіе съ Комаровымъ подѣйствовало все-таки на меня. Вдругъ призываютъ меня къ Черняеву. «Мнѣ нужно съ вами переговорить», обратился онъ ко мнѣ, и молча подалъ письмо, которое привожу дословно. Отчего это письмо было написано по-французски, а не порусски или поболгарски, я не могъ понять.

Belgrad, 10 Octobre 1876.

Mon général.

Ayant la conviction que votre excellence reste toujours bienveillante envers nous, pauvres Bulgars abandonnés de tout le monde, j'ose aujourd'hui aussi m'adresser à vous et demander votre concours pour la réalisation d'une de nos entreprises. Il ne nous faut que deux mots de votre part. Ayez la bonté de dire à m. Devolant qu'il soutient avec des moyens qu'il a promis [5]) l'expédition bulgare à Dobroudja. Deux milles Russes et Bulgares sont prêts d'attaquer Toultcha, de se fortifier là bas et faire éclater l'insurrection parmis les habitants dans les alentours Les comités de Belgrad, d'Odessa et Kicheneff prendront part dans cette affaire. Les chefs de l'expédition sont dix officiers russes et bulgars, parmis lesquels se trouve Thilipowitch, Zandrok aussi. Ils ont la munition et les armes nécessaires pour se mettre en route. Il leur faut de 10 à 15 m. roubles qu'on attend reçevoir de m-r Devolant. C'est donc de votre bienveillance de lui parler et de sa générosité qu'il dépend en peu de jours pousser en avant ces

---

[4]) Оптическій телеграфъ пригодился бы во время Дьюнишскаго боя, когда прервано было всякое телеграфное сообщеніе.

[5]). Никакаго обѣщанія не давалъ я.

Библиотека "Руниверс"

gens téméraires. Je voulais venir moi-même à Déligrad pour avoir l'honneur de vous voir et vous parler; mais malheureusement je suis attaqué par une telle fièvre qu'elle ne me laisse ces jours-ci de sortir de la ville.

Vos envoyés en Valachie, Saucheff, les voevodes Panaïoti et Jelu se sont retournés sans rien faire l'affaire des volontaires, comme je l'attendais et je l'avais remarqué dans ma dernière lettre. Si votre excellence trouve nécessaire de nous donner quelques instructions sur l'expédition de Toultcha, daignez nous les remarquer dans une lettre de quelques lignes.

Recevez etc.

Georges A. Jivkoff.

P. S Le télégramme avec lequelle on demande que j'aille à Déligrad est ci-jointe. Si m-r Devolant veuille envoyer de l'argent, il faut l'adresser ou au ministère de la guerre pour moi, ou à l'hôtel Paris, où je demeure.

— «Что-же, вы хотите дать 15 т. на взятіе Тульчи?» спросилъ я главнокомандующаго.—«Да, послѣ, когда они возьмутъ ее у Турокъ. Но это надо дѣлать поскорѣе, а то выйдетъ безтолковщина».

Мнѣ оставалось только, въ виду того, что мнѣ предписано было дѣйствовать въ согласіи съ Черняевымъ, телеграфировать: Accorde dix mille après réussite».

Теперь разстанемся съ Черняевымъ и взглянемъ на то, что̀ дѣлается въ лагерѣ.

ГЛАВА VIII.

Я поселился въ баракѣ Хлудова. Это былъ какой-то родникъ веселыхъ шутокъ, балагурства. Иногда онъ съ грубостью, свойственной неиспорченной натурѣ, какимъ нибудь мѣткимъ словомъ стащитъ человѣка съ пьедестала, на который тотъ хотѣлъ вскарабкаться. Любилъ онъ до смерти ходатайствовать, хлопотать за другихъ. «Голубчикъ, Миша, попроси пожалуйста, чтобы мнѣ выдали жалованье: у меня нѣтъ лошади. Мнѣ нужно получить орденъ». Всѣ эти хлопоты онъ принималъ съ рѣдкимъ добродушіемъ. Иногда ругнетъ крѣпкимъ словомъ того, который занесется въ своихъ претензіяхъ. «За что же тебѣ (крѣпкое слово)? Ты даже не доѣхалъ до того мѣста, гдѣ свистятъ пули?» Многіе кипятились; но посмотрятъ на громадный кулакъ, на богатырскую и сонную фигуру Хлудова и смолчатъ. Хорошо то общество, когда въ немъ заводятся люди, которыхъ можно назвать общественною совѣстью. Хлудовъ иногда ошибался въ своихъ сужденіяхъ, но всегда высказывалъ ихъ рѣзко, безъ всякаго заглядыванія впередъ, что такой-то—племянникъ, сынъ такаго-то. Онъ одинъ признавалъ себя за силу (правду черноземную), и не будь у него необузданности, свойственной человѣку, выросшему среди кутежей и попоекъ, изъ него вышелъ бы характеръ и, можетъ быть, замѣчательный человѣкъ. Со мною онъ не поссорился, никогда мнѣ не сдѣлалъ ни одной непріятности. Живя въ одномъ баракѣ, я рано уходилъ къ себѣ, бралъ книгу и потомъ засыпалъ. Вдругъ, среди ночи, выростаетъ передъ мною фигура Хлудова со свѣчею въ рукѣ.— «Вы спите?» опрашивалъ онъ меня и начиналъ иногда безсвязный, но полный характерныхъ чертъ разсказъ о томъ, что̀ говорилъ Черняевъ, что̀ дѣлали Монтеверде, Комаровъ и другіе.

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторые офицеры на позиціяхъ были недовольны наѣздами Хлудова для ночныхъ рекогносцировокъ. «Никакаго толку изъ этого не выходитъ. Напьются, горланятъ всѣ эти господа, и выйдутъ пустяки!»—Д. увѣрялъ меня, что онъ просилъ главнокомандующаго не присылать къ нему въ отрядъ ночныхъ экспедицій и даже выражался энергически: «Я ихъ пошлю связанными въ Делиградъ, потому что они производятъ одинъ безпорядокъ». Я не берусь судить о цѣлесообразности ночныхъ экспедицій. Въ своемъ мѣстѣ разскажу я объ одной такой экспедиціи.

Черняевъ каждый день объѣзжалъ позиціи въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ. Многіе не могли примириться съ мыслію, что все кончено и расчитывали, что вскорѣ будетъ битва. Оставалось только любоваться природою. Дѣйствительно, луна такъ мягко освѣщала спящій лагерь, эту живописную природу. Только фигуры часовыхъ выдѣлялись среди безмолвія, окликая прохожихъ и требуя лозунговъ. Утромъ раньше всѣхъ поднималась прислуга. Все это мылось, чистилось на воздухѣ (хотя по утрамъ бывало очень холодно, и ночью пробиралъ морозъ). Стаканъ чая и кусокъ чернаго хлѣба была цѣль, къ которой стремились и не всегда достигали. Вмѣсто обѣда вамъ подавали паприкашъ. Въ соусѣ, пропитанномъ перцомъ, плавали кусочки свинаго жира. Отвернешься отъ этой гадости и начнешь уплетать хлѣбъ. Иногда удавалось пообѣдать въ штабѣ; тамъ обѣдъ также не отличался изысканностью, но онъ былъ лучше, чѣмъ въ трактирѣ.

Князь Мещерскій пріѣхалъ въ Делиградъ. Черняевъ поручилъ своему ординарцу Максимову показать ему Шуматовскій редутъ. Мы поднимались все въ гору, и вдругъ крутой спускъ, и внизу веселенькій, чистенькій городъ Алексинацъ. Тамъ сѣли на лошадей и проѣхали на Шуматовскій редутъ. Воспоминанія о Гольштейнѣ были еще живы. Офицеры, бывшіе въ Алексинацѣ, были славные, боевые и храбрые ребята. Они звали меня пріѣхать къ нимъ въ другой разъ и тогда посѣтить Бобовиште. Князь Мещерскій, побывъ два дня въ Делиградѣ, собрался въ обратный путь. Онъ хотѣлъ отвезти въ Россію 12-ти лѣтняго Черногорца, участвовавшаго во всѣхъ битвахъ......

Одинъ изъ членовъ Славянскаго Комитета отправился въ виноградникъ полакомиться (хотя увѣряли тогда, что виноградъ имѣлъ трупный запахъ) и вдругъ присѣлъ на землю. Измайловъ подбѣжалъ къ нему, думая, что онъ спрятался:—«Нѣтъ, я раненъ». Рана оказалась несерьезная; но У—кому было не по себѣ. Онъ призвалъ меня и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія на случай смерти. До смерти было, конечно, далеко. Вотъ и образчикъ шальной пули среди бездѣйствія! Кто жалѣлъ, кто смѣялся, приговаривая: «да какъ это его угораздило?» Когда онъ лежалъ въ больницѣ, то сестра милосердія поднесла свѣчу къ раненной ногѣ и зажгла вату; отъ этого произошло опасное осложненіе болѣзни. Поневолѣ станешь фаталистомъ. Я сопровождалъ Домерчикова, Измайлова и другихъ въ Бобовиште. Мы были, должно быть, на виду у Турокъ, потому что они пустили пушечный выстрѣлъ. «Это они по насъ стрѣляютъ», пояснилъ Домерчиковъ.

Въ лагерь пріѣхалъ Кузьминскій. Онъ служилъ подъ начальствомъ Черняева въ Средней Азіи и былъ извѣстенъ Хлудову.—«Миша, голубчикъ, закричалъ онъ, вотъ и я пріѣхалъ. Я непремѣнно хочу ор-

Библиотека "Руниверс"

ганизовать отрядъ. Надо мнѣ повидаться съ Михаиломъ Григорьевичемъ. Я попрошу его отпустить съ нами отрядъ самыхъ отчаянныхъ, и тогда мы вспомнимъ старину». Его сопровождали нѣсколько молодыхъ людей. Это былъ кадръ будущихъ устрашителей Турокъ. Самъ Кузьминскій имѣлъ 22 раны, Георгія и пользовался репутаціею отчаянно храбраго человѣка. Мнѣ казалось, что жизнь, должно быть, порядкомъ изломала эту энергическую натуру. Онъ былъ въ Герцеговинѣ во время Герцеговинскаго возстанія.

Черняевъ сказалъ ему: «Устраивайте что̀ хотите; но людей своихъ я вамъ уступить не могу».

Кузьминскій все время говорилъ о своемъ летучемъ отрядѣ, такъ что всѣ начали ему вѣрить. «Я все продалъ», сказалъ онъ, «и у меня теперь есть деньги». Пока летучій отрядъ былъ еще въ туманѣ, онъ попросилъ позволенія устроить ночную экспедицію. Охотниковъ было достаточно, въ томъ числѣ Хлудовъ, Максимовъ. Ночью осѣдлали лошадей и проѣхали къ правому флангу нашей арміи. Нашъ предводитель пустился на удачу, безъ проводника. Одному О. С. было очень страшно, и онъ постоянно кричалъ другимъ: ш. ш.— тутъ Турки! (У него впослѣдствіи достало храбрости убить на-повалъ Серба изъ револьвера. Черняевъ тогда былъ въ отчаяніи отъ такаго безобразія). Но вмѣсто Турокъ передъ нами предстали заспанные, безпечные Сербы, разложившіе огонь, противъ всѣхъ правилъ военной науки. Турки могли бить ихъ по выбору; но и тѣ тоже избрали благую часть и не поручали ночи того, что̀ можно дѣлать днемъ.

Кузьминскій долго шумѣлъ на Сербовъ за то, что они развели огонь и требовалъ къ себѣ начальника. Пришла еще какая-то заспанная фигура, но ничего не могла объяснить. Они также не знали, гдѣ находится Турецкій секретъ.—«Что̀-же мы будемъ дѣлать?»— «Ничего»,—отвѣчалъ Кузьминскій; «эти дураки ничего не знаютъ, надо осмотрѣться».....

Стали говорить въ лагерѣ, что мостъ черезъ Мораву цѣлъ и невредимъ. Кузьминскій опять пригласилъ охотниковъ осмотрѣть мостъ. Ѣхали мы берегомъ Моравы и разговаривали. Кузьминскій все говорилъ намъ: тише, тише! Мнѣ было смѣшно, потому что я былъ увѣренъ въ томъ, что противоположный берегъ въ этомъ мѣстѣ принадлежитъ намъ. На наше счастье, кто-то идетъ развалистою, лѣнивою походкою.—«Кто тамъ?» спрашиваетъ Кузьминскій. «Турки? (показывая на противоположный берегъ).—«Нема Турци», отвѣчаетъ Сербъ.

Когда стемнѣло, Кузьминскій съ компаніею вернулся въ Делиградъ. Хлудову, графу Коновницыну и другимъ захотѣлось доѣхать до моста. Подъѣхали мы къ самому руслу рѣки и увидѣли Сербовъ, сидящихъ въ ямахъ. Командиръ отпустилъ съ нами Серба, который не побоялся довести насъ до моста. Правда, онъ заставилъ насъ пробираться ползкомъ. Хлудову, благодаря его тучности, это было не по нутру, и онъ остался немного позади. Дошли туда благополучно, слышали кашель Турецкаго часоваго и голоса̀ Турокъ; но на обратномъ пути Коновницынъ поднялся съ грохотомъ, зацѣпилъ за какую-то вѣтку, она хрустнула, среди глубокой тишины, и раздался одинокій выстрѣлъ. «Сумасшедшіе!» ругался Хлудовъ, «съ

Библиотека "Руниверс"

вами только бѣды наживешь; ну пошла бы пальба по всей линіи. Кому достанется отъ Черняева?»

Мы цѣлый день не ѣли. Подъѣзжая къ механѣ, мы спросили, нѣтъ-ли чего?—«Нѣтъ хлѣба, а есть рыба». Оказались сардинки. Хлудовъ съѣлъ цѣлую коробку.

Мы захватили весь запасъ, бывшій у торговца и повезли въ Делиградъ.

Хлудовъ сообщилъ Черняеву на другой день о томъ, что мостъ черезъ Мораву поправленъ Турками. Черняевъ сказалъ на это: «Пускай они выстроятъ мраморный мостъ: я больше не хочу жертвовать людьми на это дѣло».

Кузьминскій видимо досадовалъ, что онъ вернулся слишкомъ рано. Я видѣлъ, какъ онъ долго бесѣдовалъ съ Комаровымъ и потомъ сіяющій отъ радости, вошелъ въ баракъ, гдѣ была общая чайная. «Господа, мнѣ поручили произвести рекогносцировку. Кто поѣдетъ со мною?»—«Я, я»,—закричали нѣсколько голосовъ, и шумная кавалькада вскорѣ была въ сборѣ.

Мы пріѣхали на Дьюнишъ къ Петерсону. Дорога туда была восхитительна. Петерсонъ прочелъ бумагу, которую передалъ ему Кузьминскій.—«Хорошо», сказалъ онъ, «вы пойдете въ эту деревню; я вамъ дамъ баталіонъ пѣхоты. Если у васъ завяжется атака съ Черкесами, то вы сами справитесь; а если выдетъ пѣхота Турецкая, то мы поддержимъ васъ своими пушками».

Петерсонъ познакомилъ насъ съ Милордовымъ. Этотъ молодой человѣкъ велъ себя истиннымъ героемъ; онъ былъ представленъ къ кресту. Онъ оставилъ на родинѣ старушку мать. Она такъ радовалась, что онъ остался цѣлъ и невредимъ послѣ сраженія. Подали вина, и Петерсонъ обѣщалъ угостить насъ поросенкомъ; но поросенокъ все не являлся (къ счастію для насъ). Наконецъ его разорвали на куски, и Петерсонъ разными изгибами проѣхалъ съ нами, отдавая вездѣ приказанія на счетъ устройства шанцевъ, фашинниковъ и т. д. Нѣкоторые были и этимъ недовольны. Солнце уже стояло на закатѣ. Кузьминскій, Петерсонъ вдругъ свернули направо и приказали намъ ѣхать своею дорогою. Раздался выстрѣлъ, громкій, протяжный. Вотъ и другой. Всѣ переглянулись; это изъ нашихъ орудій. Кто-же приказалъ стрѣлять? Но вотъ и тѣ отвѣчаютъ. Что-то очень часто, а мы молчимъ. На опушкѣ показалась смущенная и растерянная фигура Петерсона. Онъ что-то приказывалъ Милордову, крикнулъ ему, и Милордовъ исчезъ изъ виду. Должно быть, лошадиный инстинктъ выше человѣческаго: моя лошадь (она принадлежала прежде герою Гольштейну) никакъ не хотѣла подвинуться впередъ и все пятилась. Жужжанье лопнувшей гранаты, и лошадь откидывается въ сторону, такъ что я едва усидѣлъ на сѣдлѣ. Поднялся такой концертъ! Турки за двѣ гранаты отсчитали намъ 700 выстрѣловъ. Когда стемнѣло, адская музыка прекратилась. Убитыми оказались Милордовъ и нѣсколько Сербовъ.

Выстроивъ насъ въ рядъ, Кузьминскій повелъ насъ на деревню Любичи. Осторожно пробирались мы по виноградникамъ и пришли въ оставленную деревню. «Есть Черкесы тутъ?» спросили Серба-солдата.—«Има, има». Послали его посмотрѣть, гдѣ они. Но Черкесовъ и баши-бузуковъ не оказалось, и мы должны были вернуться домой. Кузьминскій велѣлъ забрать сѣно, которое онъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ. На что̀ ему понадобилось сѣно, я и теперь понять

Библиотека "Руниверс"

не могу. Я попробовалъ высказать свое мнѣніе, но онъ напомнилъ мнѣ о дисциплинѣ, и я замолчалъ.

Когда мы вернулись въ кофейню, тамъ ожидалъ Кузьминскаго и всѣхъ участниковъ непріятный репримандъ (совершенно справедливый) со стороны одного офицера на позиціи. Онъ обратился къ Кузьминскому и сказалъ: «Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Я донесу объ васъ Черняеву. Если вамъ нужно было сѣно, то мы вамъ прислали бы цѣлый скирдъ; а то теперь изъ за пустяковъ (ничего не увидѣли и не разузнали) мы лишились хорошаго товарища, нѣсколькихъ Сербовъ, и работы наши попорчены, такъ что придется долго поправлять ихъ». Кузьминскій возражалъ съ запальчивостью. Съ невеселыми мыслями возвращались мы домой.

Черняевъ ничего не зналъ о рекогносцировкѣ. Когда Турки стали угощать Дьюнишъ своими выстрѣлами, то со стороны Бобовиште слышна была тоже пальба. Черняевъ думалъ, что Турки хотятъ прорваться въ Бобовиште и поскакалъ со штабомъ туда. Но тамъ разъяснилось все, и Черняевъ вспылилъ ужасно. «Подъ конвоемъ привести ихъ всѣхъ въ Делиградъ», сказалъ онъ, «а Кузьминскаго на другой день выслать изъ лагеря». Черняевъ былъ правъ, потому что будь наши невинные два выстрѣла сдѣланы раньше, то все могло разъиграться въ генеральное сраженіе. Черняевъ-же послѣ 16-го Сентября не рѣшался на генеральное сраженіе. Онъ хотѣлъ съ честью дотянуть до перемирія. За ужиномъ ему сообщили о смерти Милордова, и у него показались слезы на глазахъ. Кузьминскій вѣрно получилъ порядочный нагоняй. Свѣдѣніе о смерти Милордова пришло одновременно съ извѣстіемъ о томъ, что и меня убили. «Ну, долго будете жить», утѣшали меня потомъ.

На слѣдующій день Кузьминскій уже сбирался въ обратный путь. Онъ бранилъ Черняева, говорилъ, что у него нѣтъ прежней отваги: вотъ онъ плачетъ о какомъ-то молодомъ человѣкѣ! За обѣдомъ Черняевъ всталъ и возвѣстилъ всѣмъ, что Комаровъ по семейнымъ обстоятельствамъ покидаетъ лагерь. Его провожали, произносили спичи, братались съ Сербами и наконецъ посадили въ коляску. — Счастливый путь! Le roi est mort—vive le roi! Вмѣсто Комарова назначенъ былъ Дохтуровъ.

ГЛАВА IX.

Грядущія событія бросили передъ собою мрачную тѣнь. Въ лагерѣ стали ловить шпіоновъ. Въ печкѣ, отапливающей комнату Черняева, найдены были бомбы. Прислуга, втаскивая къ нему дрова, замѣтила ихъ присутствіе. Хлудовъ устроилъ себѣ землянку; ее покрыли соломою. Онъ уже приготовился переходить туда и велѣлъ разложить костеръ: показался дымокъ, и пламя быстро овладѣло Хлудовскимъ баракомъ. Занялась столовая, гдѣ были всѣ наши вещи. Пламя, не смотря на всѣ усилія потушить его, точно играло этимъ деревяннымъ баракомъ. Уже было темно, и Делиградъ пользовался блистательнымъ освѣщеніемъ. Въ столовой были снаряды, торпеды, динамитъ Ермолинскаго и Шпаковскаго. Показался дымокъ, и страшный взрывъ раздался въ воздухѣ. Всѣ растерялись. Кто думалъ спасти свои пожитки, кто командовалъ, кто совѣтовался. Сербы какъ-то безучастно растаскивали бревна, Русскіе кричали до хри-

Библиотека "Руниверс"

поты. Хаосъ полнѣйшій воцарился въ лагерѣ. Фантастическимъ, зловѣщимъ свѣтомъ озарялось все окружающее. Точно бѣснующіеся бросались люди въ пожарище и выходили оттуда съ разорванными, обгорѣлыми платьями. Все было возбуждено до нельзя.

Въ то время глухой гулъ сталъ раздаваться издалека со стороны Бобовиште. Точно раскаты грома казались намъ эти выстрѣлы. Сдѣлай Турки тогда нападеніе серьезное, они бы овладѣли безъ труда Делиградомъ. Этотъ вопросъ назойливо работалъ въ каждой головѣ.

Черняевъ быстро шагалъ по комнатѣ. Безпокойство видно было на его лицѣ. Онъ послалъ освѣдомиться въ Бобовиште, не прорываются-ли тамъ Турки. Многіе поспѣшили исполнить его желаніе. Делиградъ пылалъ. О чемъ думали Турки въ это время? Предчувствіе грядущей опасности, чего-то неумолимаго, фатальнаго, надвигающагося на всѣхъ насъ, на всю Сербскую армію, тревожило многихъ изъ насъ, не смотря на то, что перемиріе, какъ говорили, было дѣломъ уже рѣшеннымъ.

Пожаръ кончился къ утру за недостаткомъ матеріала. Уцѣлѣлъ одинъ домъ главнокомандующаго, и онъ одинъ сиротливо выглядывалъ изъ этихъ тлѣющихъ обломковъ, обгорѣлыхъ бревенъ, среди громаднаго пожарища. Дохтурову Черняевъ поручилъ отправиться въ Тимокскую армію. Тамъ предполагалось взять Зайчаръ у Османа-паши (сдѣлавшагося потомъ знаменитымъ въ Русско-Турецкую войну). Дохтурова должны были сопровождать ординарцы Черняева князь Гика и Салисбюри. Послѣдній сказалъ мнѣ: I want to see a good fighting. Всѣ были убѣждены, что въ Делиградѣ все кончено.

Гдѣ опасность, тамъ Хлудовъ былъ на лицо. Передъ отъѣздомъ въ Луково у меня былъ разговоръ съ Черняевымъ, и онъ далъ мнѣ порученіе въ Бухарестъ. «Здѣсь ничего не будетъ; если хотите, поѣзжайте въ Зайчаръ. Я туда посылаю войско; мнѣ сообщили, что можно легко взять Зайчаръ». Какаго труда стоило Хлудову и мнѣ добыть колу, трудно себѣ представить. На каждой станціи насъ ожидали остановки. Безучастіе Сербовъ выводило меня изъ терпѣнія. Теперь относишься хладнокровнѣе къ этому и невольно спрашиваешь себя: къ чему мы всѣ Русскіе съ какой-то стремительностью бросались туда, гдѣ раздаются выстрѣлы? Жаждали-ли мы непремѣнно Турецкой крови? Между нами было много самыхъ добродушныхъ, мягкосердечныхъ людей, которымъ убійство Турка не принесло бы даже удовольствія. Хотѣлось подвергнуться опасности? Нѣтъ, не это чувство вдохновляло многихъ. Выстоять подъ выстрѣлами, исполнить передъ Русскимъ и Сербскимъ народомъ, передъ всѣмъ Славянствомъ какую-то невѣдомую для многихъ, высокую задачу самопожертвованія, отрѣшиться отъ житейскихъ дрязгъ, забыть свое мелкое *я* и на время отдаться служенію великой идеи свободы и человѣчества: вотъ что̀ безсознательно бродило въ тайникахъ нашей души. Я говорю: безсознательно бродило. Не всѣ сознавали, за что̀ они пошли въ Сербію. Одинъ изящный, богатый офицеръ и не думалъ ѣхать въ Сербію. Вся жизнь была для него поприщемъ радости и наслажденія. Онъ сознавался потомъ, что вся эта Сербская исторія—ужасная глупость. Онъ возвращался съ пирушки въ Павловскѣ, послѣ музыки; какое-то грустное чувство овладѣло имъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ него и на другой и на третій день. Все казалось ему безсодержательно, мелко, пусто кругомъ.—«Поѣду

Библиотека "Руниверс"

въ Сербію», рѣшилъ онъ и поѣхалъ. А такихъ было много, и они дѣлали свое дѣло. Когда проходила опасность, они тогда роптали, бранили Сербовъ; но вернуться назадъ, не побывавъ въ серьезной опасности, они не рѣшались. Психологія, какъ наука, еще не существуетъ; она не дошла до точности математики или астрономіи. Понять сложный механизмъ человѣческой души доступно только великимъ художникамъ. Но кто пойметъ всѣ изгибы, всѣ извилины, темныя и свѣтлыя стороны народной души? Въ Сербіи, правда, было много такихъ личностей, которыя обозлились на жизнь, вынесли изъ нея одни только неудачи; но было тамъ много сильныхъ натуръ, не нашедшихъ себѣ дѣла дома. Тутъ были продукты нашего умственнаго развитія за послѣднія 15 лѣтъ. Базаровы, Рудины, Рахметовы и проч. назначали себѣ свиданіе къ Сербіи. Всѣ эти личности искали въ великой задачѣ освобожденія Славянства простора своимъ мыслямъ, своимъ стремленіямъ, искали хорошаго дѣла и борьбы въ смыслѣ «погибающихъ за великое дѣло любви».

А Сербы, какъ отнеслись они къ нашимъ? Сербы не знали Русскаго общества, не знали назрѣвшихъ въ Россіи вопросовъ, не знали стремленій Русской молодежи. Для нихъ впечатлительность Русскаго образованнаго человѣка, требовательность его были новостью. Братья пришли и стали все мѣрить на свой аршинъ. Братьямъ нужно скорѣе поспѣть къ Черняеву, имъ ничего не стòитъ загнать лошадь для такой цѣли. Чтò такое лошадь для Русскаго? А для Серба-поселянина это — все: на этомъ зиждется все благосостояніе его семьи, а онъ любитъ свою семью больше всего. Другіе придутъ и возмутъ колу, припасы, все во имя одной высшей цѣли. Сербъ видитъ одно разореніе впереди, а у иныхъ вырывается жесткое выраженіе: «Лучше Турки, чѣмъ Русскіе». Солдаты наши, сами вышедшіе изъ крестьянской среды, понимали всю важность для Серба его худовки. «Ему и самому ѣсть нечего», скажетъ онъ и успокоится, когда ему скажутъ: «Пане, Бога ми нема». Помнится мнѣ, разъ я потревожилъ одного Серба отъ глубокаго сна и просилъ его накормить меня. Онъ вспылилъ (онъ цѣлый день и цѣлую ночь былъ на ногахъ) и сказалъ: «лучше Турци». Но я понялъ, что онъ это сказалъ подъ вліяніемъ быстро возникшей досады и сталъ говорить ему спокойно: чтò будетъ съ ними, если Турки дойдутъ до Бѣлграда? Увидѣвъ, что я не кричу на него, Сербъ сталъ внимательно слушать меня и потомъ безъ моей просьбы принесъ больше, чѣмъ я просилъ. Такихъ впечатлительныхъ людей, которые первое неосторожное слово, сказанное съ досады Сербомъ, перенесли въ газеты, было много, и въ Русскомъ обществѣ утвердилась мысль, что Сербы насъ не любятъ. Я въ началѣ своихъ записокъ сказалъ: кто можетъ сказать, чтò думаетъ цѣлый народъ? На каждый случай недоброжелательства Сербовъ къ намъ можно привести два-три случая, доказывающіе противное. Меня удивило, напр., что содержатель одной механы отказалъ одному раненому Сербу въ рогожѣ и сказалъ, что она ему нужна. Въ другой разъ я увидѣвъ одну женщину, просилъ ее принести чего-то раненому и прибавилъ: то Сербъ, а не Руссъ. Женщина отвѣчала мнѣ, «что Сербъ онъ или Русскій, для нея все равно, всѣ братья», и принесла очень охотно то, чтò отъ нея требовали. Слышалъ я, наприм., и такой отзывъ изъ устъ Серба: «Чтò имъ жрать что-ли нѣтъ дома, что они всѣ пришли сюда?» Какой случай для великолѣпной тирады противъ неразвитости Сербскаго народа и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Поѣхалъ я въ колѣ съ незнакомымъ мнѣ коморджіемъ. Было темно. Онъ просилъ обождать, но мнѣ не хотѣлось. Мы сбились съ дороги. Темь такая, что возницу не видишь передъ собою. Грязь невылазная. Долго-ли тутъ до бѣды? Бѣда была близка. Кола опрокинулась въ какой-то оврагъ. Я вышелъ съ грѣхомъ пополамъ, шлепая по грязи пошелъ дальше, оставивъ на произволъ судьбы свои вещи и наткнулся на другую колу. «Можно къ вамъ?» спросилъ я неизвѣстнаго мнѣ хозяина этой колы.—«Молимъ васъ», послышался мнѣ отвѣтъ. Я промокъ въ грязи, и мнѣ хотѣлось удобнѣе сѣсть и отдохнуть. Мнѣ было не до политическихъ разговоровъ въ эту минуту; а моему спутнику какъ разъ хотѣлось высказаться. «Спасибо вамъ, Русскимъ: безъ васъ Турки давно были бы въ Бѣлградѣ». И эти слова и это спасибо слышалъ я не одинъ разъ. Когда мы доѣхали до мѣстечка, то всѣ Сербы стали спрашивать меня, не хочу-ли я ѣсть? Я сталъ заказывать одно кушанье за другимъ. Принесли вина, пригласили музыку, и когда я захотѣлъ заплатить содержателю механы, то онъ отказался и сказалъ, что все уже заплачено. «Много вы переносите изъ за насъ», говорили Сербы, «Руссъ все напереди, а Сербы бѣгутъ». Бранили Бѣлградское правительство.

Не разъ мнѣ случалось видѣть эту готовность услужить, быть пріятнымъ брату Руссу. Я только могъ убѣдиться изъ опыта, что крикомъ и бранью съ Серба ничего не возьмешь: тогда онъ упрется какъ волъ и повторяетъ свое нема. Заговорите вы съ нимъ ласково, окажите ему уваженіе, и онъ уступитъ вамъ свою постель, свое кушанье и готовъ все сдѣлать для васъ. Сербъ привыкъ къ свободѣ и къ человѣческому обращенію, и наше башибузучество только озлобляетъ его.

Въ Смедеревѣ я напрасно просилъ о чемъ-то прислугу. Она отмалчивалась, дулась на бушующихъ и кричавшихъ Русскихъ. Къ моему счастью я увидѣлъ одного Серба изъ образованныхъ и обратился уже къ нему: «Прошу васъ сказать ему то и то». Тотъ вразумилъ прислугу гостинницы, цѣлый день не отходилъ отъ меня и повелъ меня ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Во всѣхъ домахъ насъ угощали: гдѣ подавали сладкое, гдѣ старое вино, гдѣ вкусное кушанье. И вездѣ раздавалась хвала Русскому народу. Но и этотъ Сербъ, когда я вызвалъ его на объясненіе, сказалъ мнѣ: «Вотъ эти буяны много вредятъ общему дѣлу. Народъ на нихъ смотритъ съ удивленіемъ и спрашиваетъ: неужели всѣ Русскіе такіе? Мы очень хорошо знаемъ, что эти господа исключеніе не только въ Россіи, но и среди добровольцевъ. Когда мы видимъ Русскаго, который не бранится, не дерется, мы готовы все сдѣлать для него, мы радуемся ему какъ брату».

Былъ я и на Сербскомъ пароходѣ «Делиградъ». Ѣхали тамъ Русскіе. Капитанъ усѣлся со своими знакомыми въ одной изъ комнатъ. Вдругъ раздается голосъ одного изъ добровольцевъ: «Дайте сѣсть Русскимъ; они свое дѣло дѣлаютъ, а не бѣгутъ, какъ Сербы». Капитанъ (хозяинъ на пароходѣ) молча вышелъ, и за нимъ послѣдовали его знакомые.

Многое приписывалось Сербамъ только по незнанію Сербской жизни. Больше всего доставалось всегда содержателю механы, и когда онъ не угодитъ, то доставалось Сербскому народу. Извѣстно, что содержатели по большей части не Сербы, также какъ и лавочники въ Бѣлградѣ.

Библиотека "Руниверс"

Французская поговорка говоритъ: tout comprendre, c'est tout pardonner. Но это разумѣніе всего, знаніе Сербіи, было почти недоступно обыкновенному добровольцу. Изъ какихъ книгъ онъ могъ познакомиться съ Сербскимъ народомъ? Не Каница-же давать ему, когда иной и не знаетъ понѣмецки. Есть сочиненія Гильфердинга, Ровинскаго, Ламанскаго, но они или недоступны по своей цѣнѣ, или разбросаны по разнымъ журналамъ. Никто не потрудился дать хорошую книгу въ путь-дорогу Русскому добровольцу. Человѣку, слѣдящему за журнальною литературою, не трудно отыскать то, что̀ ему нужно; но надо признаться, что популярныхъ книгъ по Славянству у насъ почти нѣтъ. Если въ нашей литературѣ имѣется трудъ Попова о Сербіи, то у насъ нѣтъ такой общедоступной книги какъ Taillandier. Только книга въ такомъ родѣ, составленная непремѣнно Русскимъ (потому что этнографическая сторона всегда страдаетъ у иностранцевъ, описывающихъ Славянскіе народы), розданная даромъ, просвѣтила бы Русскаго добровольца, желавшаго принести свою жизнь въ жертву Сербскому дѣлу.

Мнѣ остается еще сказать о Сербахъ и Русскихъ въ штабѣ Черняева. Каждая народность держалась въ сторонѣ отъ другой. Сходились они за столомъ. Сербы и Русскіе обыкновенно объяснялись другъ съ другомъ понѣмецки. Русскіе негодовали на Сербовъ, что они такъ хорошо знаютъ Нѣмецкій языкъ. Сербы говорили смѣясь, что никогда имъ не приходилось такъ много говорить понѣмецки. «Мы, правда, въ большинствѣ случаевъ знаемъ Нѣмецкій языкъ, а Русскіе и между собою говорятъ пофранцузски». Русскихъ надо по справедливости считать водворителями, распространителями Французскаго языка на Востокѣ. Глядя на Русскихъ офицеровъ, Молдоване и Валахи стали въ 1829 году считать признакомъ хорошаго тона знаніе Французскаго языка. Шахъ Персидскій сказалъ о Французскомъ языкѣ: «если такой могущественный народъ, какъ Русскій, говоритъ больше пофранцузски, чѣмъ порусски, то и намъ Богъ велѣлъ изучать не Русскій, а Французскій языкъ».

Теперь вернемся къ нашей поѣздкѣ въ Зайчаръ.

ГЛАВА X.

Зайчаръ и поѣздка въ Бѣлградъ.

Съ трудомъ добрались мы до стоянки Тимокской арміи. Лошадей и повозки надо было брать съ боя. Хлудовъ, видя неуспѣшность нашихъ исканій, заваливался спать, и его трудно бывало привесть въ бодрствующее состояніе, когда какимъ нибудь чудомъ приводили лошадей. Холодная мгла покрывала землю, и мы шагомъ подвигались къ мѣсту нашего назначенія. Дохтуровъ съ двумя адъютантами показался впереди. Нашъ возница не зналъ дороги и слѣдовалъ за ними. Но вотъ они исчезли изъ виду, и намъ пришлось цѣлый день путаться по незнакомой мѣстности. Когда мы доѣхали до главной квартиры, то при насъ привели шпіоновъ. Все это былъ народъ съ виду тупой, бѣдный. Нельзя удивляться, что Турки знали о нашихъ намѣреніяхъ. По всей Сербіи говорили о предстоящемъ сраженіи.

Библиотека "Руниверс"

Турки, раньше дня, условленнаго для нападенія со стороны Сербовъ, сами затѣяли рекогносцировку.

По диспозиціи графу Келлеру надо было начать сраженіе въ 11 часовъ дня. Наканунѣ вечеромъ я пріѣхалъ къ графу Келлеру. Онъ лежалъ на травѣ вмѣстѣ съ своими ординарцами. Ѣли они медъ съ сардинками. Одна коробка приходилась на всю компанію. Хлѣбъ можно было достать развѣ у солдатъ-Сербовъ. Когда кому-то захотѣлось воды (а воды не было), то другіе сказали: «Ничего, завтра напьемся въ Зайчарѣ, тамъ и лавки есть».

Лагерь располагался на возвышенности; по обоимъ концамъ были батареи. Келлеръ приказалъ мнѣ находиться при немъ и ждать его распоряженій. Въ 6 часовъ лагерь былъ уже на ногахъ. Нашелся добрый человѣкъ, который раздобылся водою, заварили чай, и мы, имѣя много времени до сраженія, стали наслаждаться чаепитіемъ; но не успѣли выпить и по чашкѣ чая, какъ грянулъ одинъ и другой выстрѣлъ съ Турецкой стороны. Графъ Келлеръ вскочилъ на ноги, разставилъ людей, сѣлъ на лошадь. Отрядъ выстроился и понесся впередъ на Турецкіе шанцы. Кавалерійскій отрядъ княгини Наталіи также пошелъ впередъ. Въ воздухѣ раздавалась пушечная пальба, шипѣніе лопающихся гранатъ. Графъ Келлеръ, какъ его ни упрашивали беречься, невозмутимо сидѣлъ на своей лошади и отдавалъ приказанія. Вотъ и Сербъ артилеристъ Недѣльковичъ сидитъ на колѣ и посматриваетъ въ Турецкую сторону. Шипѣніе, и бомба не долетаетъ; слышатся палильники. Вотъ другая, третья... Но это что̀ ударило очень близко? Всѣхъ обдало землею. Лошадь Недѣльковича уже валяется на землѣ въ предсмертныхъ мукахъ, и блѣдный Недѣльковичъ подъ нею. Цѣлая лужа крови вокругъ сѣдока и лошади. Подбѣжали къ нему, подняли лошадь и освободили Недѣльковича. Солдатъ и я взяли раненаго и отнесли его на ближайшую колу. Потомъ вернулись. «Оставьте, бросьте меня», стоналъ раненый.

Стройно двигавшійся впередъ отрядъ уже возвращался бѣгомъ, въ полномъ разстройствѣ. «Турци, Турци!» раздавался испуганный голосъ. «Пушки увезть, а то Турки возьмутъ ихъ», слышалъ я распоряженіе, и артилерія понеслась вскачь. Паническій страхъ овладѣлъ массою дрогнувшаго войска. Кто не могъ бѣжать, хватался за колеса, садился на пушку. «Турци, Турци!» только и слышно было отовсюду. Огонь становился убійственный. Кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ раздавались ружейные залпы. Графъ Келлеръ и Трофимовичъ остановились съ артилеріею на слѣдующей высотѣ. Но бѣгущихъ трудно было удержать: чувство самосохраненія заговорило въ каждомъ такъ громко, что заглушало собою чувство долга и любовь къ отечеству. Войска не было; было нѣсколько человѣкъ, окружавшихъ Келлера и артилерію. Кавалеріи не было видно. Осману стоило только энергичнѣе вести наступленіе, и Сербы потерпѣли бы ужасный разгромъ, но Турки тоже остановились въ нерѣшительности. Пушки загремѣли въ другомъ направленіи, должно быть въ центрѣ. Солдатъ трудно было отыскать. Были, правда, еще цѣлые отряды, не находившіеся въ огнѣ, но они должны были прибыть позднѣе. Вся дорога покрылась бѣгущими. Графъ Келлеръ выходилъ изъ себя, кричалъ, упрашивалъ; но тутъ нужны были другія средства. Сербъ Тонаковичъ увидѣлъ одного бѣгунца и сказалъ мнѣ: «У васъ есть револьверъ, застрѣлите его». Но я безъ разговора подалъ ему револьверъ, не желая брать на свою душу такой грѣхъ. Сербы, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыхъ я видѣлъ въ это сраженіе, держали себя съ достоинствомъ. Но чего можно требовать отъ человѣка, взятаго прямо съ сохи? Его и не одѣли какъ солдата. Онъ сошелъ съ дороги, высыпалъ патроны, бросилъ пушку, ружье [6]), и вы не признаете его за солдата.

Графъ Келлеръ смотрѣлъ въ бинокль. Онъ обратился ко мнѣ: «Вы возьмите двухъ колышниковъ и поѣзжайте осмотрѣть по этому направленію, не заходятъ-ли Турки намъ въ тылъ». Кавалеристы оказались Русскіе. Мы спускались ко всѣмъ крутизнамъ, но не нашли Турокъ. Вотъ возвращаемся назадъ. Между моими провожатыми завязывается разговоръ.—«Смотрите. Турки».—«Нѣтъ, это не Турки, это Сербы».—Когда мы подъѣхали, то увидѣли, что это были наши. Народу было много уже, и войско подымалось на прежнюю позицію. Графъ Келлеръ кричалъ нѣкоторымъ: «напредъ, напредъ, тамъ нема Турци».

Турки дѣйствительно отступили. По дорогѣ валялись трупы людей, лошадей, разный скарбъ, брошенный бѣгущими. Кто рисуетъ себѣ битву какъ какой нибудь торжественный праздникъ съ музыкою, съ одушевленіемъ на всѣхъ лицахъ,—тотъ далекъ въ настоящемъ случаѣ отъ истины. Что можетъ быть поэтическаго, когда околѣваетъ лошадь, когда падаетъ передъ вами человѣкъ и когда на лицахъ видны не то страхъ, не то ужасъ. Слышатся только сигналы противниковъ, наступленіе, отбой, визгъ пуль, лопанье гранатъ и стоны раненыхъ.

Графъ Келлеръ, собравъ свое войско, хотѣлъ опять начать бой. Отъ Медвѣдовскаго былъ посланъ адъютантъ къ Черняеву; но при видѣ Черкесовъ колышники его бросились въ разсыпную, и онъ не могъ найти дороги. Медвѣдовскій просилъ Келлера дѣйствовать артиллеріею, но зарядовъ уже не было. Онъ объяснилъ, что люди его цѣлый день шли и устали. Рѣшено было отложить бой и обо всемъ сообщить Медвѣдовскому.

Одинъ изъ нашихъ военныхъ агентовъ, разговаривая со мной объ этой битвѣ, сказалъ, что взятіе Зайчара съ фронта было немыслимо, потому что Османъ-паша обладалъ слишкомъ сильною позиціею. Пало тогда много Русскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ взошелъ въ Турецкій шанецъ, но солдаты въ самую рѣшительную минуту остановились въ замѣшательствѣ. Офицера Турки взяли руками и, вѣрно, не было ему пощады. Слава Османа-паши прогремѣла на весь міръ. Но тогда взятіе Зайчара считалось неважнымъ дѣломъ. Надо правду сказать, что въ то время Турки стоили Сербовъ. Дохтуровъ сказалъ мнѣ: «Вы теперь сами видѣли все и понимаете, какой подвигъ со стороны Черняева было сдѣлать что нибудь изъ этого войска. Сербія доказала, что Турція—трупъ; но не думайте, что намъ придется его хоронить. Хоронить Турцію будетъ вся Европа».

Военный агентъ нашъ сказалъ о Сербскомъ войскѣ, что это былъ миѳъ и знай Турки раньше это, Черняеву не удалось-бы продержаться. Турки высказывались потомъ о Черняевѣ, что онъ очень хитеръ.

Мнѣ поручили свезти бумагу въ главную квартиру и дали лишь одного провожатаго. Главная квартира и центръ отошли, должно быть, далеко. Метовницы, Щербаловцы, кругомъ вся мѣстность, гдѣ

---

[6]) Селякъ, отправляясь въ битву, въ одной рукѣ держалъ гуся, а на штыкъ воткнулъ курицу. Понималъ-ли онъ, что онъ, какъ солдатъ, идетъ въ бой?

Библиотека "Руниверс"

стояло наше войско, теперь опустѣла. Въ деревняхъ валялись цѣлыя горы кукурузы; на виноградникахъ висѣли кисти винограда. Открывалось широкое поле для Черкесовъ, но ихъ тоже не было. Когда я вернулся опять къ Келлеру, то узналъ, что битва, бывшая при мнѣ, была послѣдній бурный аккордъ передъ перемиріемъ съ Турками. Мы разговаривали мирно; но вдругъ прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Дождь, холодъ и грязь по колѣно не могли развеселить насъ. Всѣ были мрачны, угрюмы, вспоминали Петербургъ и его радости. Потащился я въ обратный путь въ Бѣлградъ въ компаніи одного Серба, раненаго въ ногу. Г-нъ Исаковичъ былъ тихій, скромный и кроткій Сербъ; только разъ онъ вышелъ изъ себя, и вотъ по какому случаю. Ѣхали мы въ колѣ и растянулись во всю длину; мы прикрыли себя одѣялами отъ дождя. Шла по дорогѣ женщина и, увидя насъ въ такомъ положеніи, спросила нашего возницу: «что̀ это вы мертвыхъ везете?» и начала оплакивать насъ. Я хохоталъ до упада; но Исаковичъ, хотя не трудно раненый, принялъ это за худую примѣту и, плюнувъ съ досады, выругалъ женщину. Исаковичъ говорилъ мнѣ о своей завѣтной мысли изучить Французскій языкъ: Франція обаятельно дѣйствуетъ на интелигентнаго Серба, а Россіи они не знаютъ.

Мнѣ и многимъ другимъ, можетъ быть, сдѣлаютъ упрекъ, что мы мало описываемъ мѣстности, въ которыхъ пришлось побывать. Въ оправданіе можно сказать, что, отправляясь въ Делиградъ, каждый имѣлъ въ виду не собираніе свѣдѣній и описаніе мѣстности, а самое дѣло и всѣ его послѣдствія. Если взоръ останавливался на чудномъ ландшафтѣ, то въ большинствѣ случаевъ намъ было не до того, чтобы записать впечатлѣніе и распросить кромѣ того, гдѣ находятся памятники древности. На распросы жители отвѣчали неохотно; если они и приносили монеты, то это было исключеніе. Всѣ Сербы были поглощены войной и разговоромъ о войнѣ, о томъ, придутъ ли Русскіе: это занимало ихъ всецѣло.

Передъ глазами рисуется очаровательная мѣстность Баньи Брестовацкой, Майданпека; но впечатлѣнія эти уступаютъ мѣсто кровавымъ картинамъ войны и оживленной бивуачной жизни.

Когда мы пріѣхали въ Бѣлградъ, то всѣ гостинницы были заняты. На мое счастье я встрѣтилъ Хлудова, который пріютилъ меня въ своей комнатѣ. Я думалъ ѣхать черезъ два дня въ Бухарестъ, но событія рѣшили иначе мою судьбу.

ГЛАВА XI.

Возвращеніе въ Делиградъ.

На слѣдующій день я увидѣлъ Гирса. Онъ спросилъ меня: «Вы ничего не слышали? Нашимъ, кажется, плохо!» Я былъ у Николича, но онъ былъ спокоенъ и желалъ мнѣ счастливаго пути въ Букарестъ. Иду къ Карцеву. Тамъ затѣяли споръ о Черняевѣ. Карцеву докладываютъ, что пришелъ къ нему Ристичъ. Онъ вышелъ послѣ объясненія съ Ристичемъ, озабоченный. Черезъ часъ требуютъ Карцева во дворецъ. Только что онъ вернулся и принялся пить чай, какъ посланный изъ дворца проситъ г. Карцева къ князю Милану. Все это меня изумило, и я спросилъ причину такихъ частыхъ посѣщеній.—«Вы умѣете молчать?» спросилъ онъ.—«Да», сказалъ я ему,

Библиотека "Руниверс"

и сдержалъ слово.—«Турки уже взяли Креветъ, и нашимъ очень плохо. Скверно, что телеграфъ не дѣйствуетъ на Константинополь, и надо телеграфировать черезъ Румынію». Онъ удалился съ секретаремъ дипломатическаго агентства Ладыженскимъ, чтобы заняться дѣлами. Я просидѣлъ въ консульствѣ до 12 часовъ, а Карцева еще разъ потребовали во дворецъ, и я уже вышелъ на улицу. Тяжелыя думы давили меня. «Вотъ оно перемиріе, думалъ я; кажется, теперь только Турки показываютъ свою силу». Иду по пустыннымъ улицамъ Бѣлграда и вижу, что меня догоняетъ кто-то. Оказался солдатъ. Онъ проговорилъ однимъ духомъ: «Всѣхъ Русскихъ требуютъ въ часъ ночи къ военному министру».—«Не случился-ли какой нибудь скандалъ?» подумалъ я. Слухъ мой поразили громкіе голоса и радостный смѣхъ. Это были Австрійцы; но они хохотали на всю улицу, и смѣхъ этихъ Нѣмцевъ болѣзненно отдавался въ моей душѣ. Не на нашу-ли голову хохочутъ они съ такимъ злорадствомъ, не случилась-ли какая нибудь катастрофа съ нашими?

Въ военномъ министерствѣ въ часъ ночи собралась большая толпа Русскихъ офицеровъ. Прибывшіе вновь и вернувшіеся, все это смѣшивалось другъ съ другомъ, и шумный гулъ стоялъ въ комнатѣ. Хлудовъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, въ чемъ дѣло? «Я не знаю», былъ мой отвѣтъ. «Что̀ надо ему сказать, если онъ съ нами заговоритъ?»—«Скажите, что мы готовы умереть за нашего короля» (тогда королевскій титулъ признавался всѣми). Томительное ожиданіе кончилось. Между нами появился Николичъ, разстроенный, блѣдный и въ большомъ волненіи проговорилъ: «Господа, на васъ однихъ теперь надежда. Турки тѣснятъ Черняева со всѣхъ сторонъ; вамъ надо ѣхать туда бржe, бржe. Лошади будутъ готовы завтра утромъ. Получайте объявы». Хлудовъ крикнулъ: «умремъ всѣ за нашего короля»! и громкое «ура» сопровождало эти слова.

Когда я подошелъ къ Николичу взять у него объяву, онъ спросилъ: «Вы развѣ не ѣдете въ Бухарестъ?» — «Нѣтъ, позвольте мнѣ объявку въ Делиградъ».

Отъ Николича я вернулся къ Карцеву. Онъ сообщилъ мнѣ, что князь Миланъ ѣдетъ самъ къ арміи. Войска̀ не хотятъ драться, и на Русскихъ теперь одна надежда. «Если съ вами не случится несчастья, то телеграфируйте; а придется вамъ спасаться отъ Турокъ (прибавилъ онъ съ улыбкою), то консульскій флагъ будетъ вашею охраною». Ладыженскій, читавшій въ это время депешу, прибавилъ: «Ну я не надѣюсь на нашъ флагъ и съ семьею переѣду въ Землинъ. Турки не пощадятъ насъ и нашего флага».

Въ «Сербской Кронѣ» всѣ сидѣли за столомъ и были въ очень возбужденномъ состояніи. Хлудовъ былъ уже совсѣмъ веселъ и хотѣлъ дождаться въ Бѣлградѣ, пока Кузьминскій сформируетъ свой летучій отрядъ. Я уговаривалъ Кузьминскаго ѣхать теперь въ Делиградъ: тамъ его услуги будутъ, вѣрно, очень кстати; но онъ все настаивалъ на своей мысли. «Вотъ сформирую отрядъ и черезъ Дрину проберусь къ Черняеву». Я думалъ, что онъ, какъ говорятъ, былъ не при всѣхъ. При вступленіи нашихъ войскъ въ Румынію, онъ дѣйствительно закончилъ самоубійствомъ. Хлудовъ вѣрилъ ему и хотѣлъ остаться съ нимъ въ Бѣлградѣ; но мнѣ удалось убѣдить Хлудова въ необходимости его присутствія въ Делиградѣ.

Я зналъ, что ссора Николича съ Черняевымъ дошла до апогея. Черняевъ угрожалъ ему своимъ отъѣздомъ и тѣмъ, что онъ возметъ

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ Русскихъ съ собою: пожертвованія сами собою прекратятся. Трудно оправдать Черняева въ этомъ.....

Скучно повторять о томъ, что на другой день, когда мы, по словамъ министра Николича, должны были спѣшить брже, брже, не было колъ и лошадей. Все ограничилось бѣготнею въ штабъ, на почту. Нѣсколько человѣкъ (Максимовъ, гр. Комаровскій) наняли лодку и отправились по Дунаю. Ѣхать и быть ближе къ цѣли—вотъ чтò насъ тревожило. Австрійская береговая стража чуть было не съиграла съ нами въ войну. Она, должно быть, приняла насъ за утокъ, когда мы близко подъѣхали къ берегу и прицѣлилась на насъ. Графъ Комаровскій всталъ въ волненіи и закричалъ на нихъ: «Мы Русскіе, мы не позволимъ». Было очень смѣшно потомъ, но въ данную минуту все это могло кончиться очень трагически. Сербы лодочники отъ страха стали гребсти все дальше и дальше, а стража все стояла, обративъ на насъ свои ружья и выказывая готовность наградить насъ нѣсколькими выстрѣлами. На колахъ мы ѣхали еще тише. Населеніе, объятое паническимъ страхомъ, уже бѣжало намъ встрѣчу. Цѣлые караваны возовъ тянулись по большой дорогѣ. Чего только не было на этихъ возахъ! Тутъ были поломанные стулья, кострюли, всякая домашняя птица, а часто въ торопяхъ забывали ребенка, и онъ тщетно плакалъ и звалъ свою матку. Мѣстами лежалъ снѣгъ. Были такіе, которые не знали куда бѣжать, безъ плана сворачивали съ дороги и углублялись въ лѣса, надѣясь тамъ найти спасеніе отъ Турокъ. Надо признаться, что населеніе, войско, все потеряло голову, и Туркамъ легко было бы тогда дойти до Бѣлграда. А позицій было много, гдѣ можно было бы остановить напоръ Турецкой арміи.

Въ Парачинѣ я встрѣтилъ доктора, съ которымъ видѣлся первый разъ въ Кладовѣ. «Зачѣмъ вы ѣдете туда?» уговаривалъ онъ: «тамъ все пропало; у меня есть мѣсто въ коляскѣ, поѣдемте назадъ. Вы знаете, что въ спорѣ Черняева съ Николичемъ, Николичу дали предпочтеніе. Намъ Русскимъ нечего теперь дѣлать въ Сербіи».

Лишинъ прибылъ съ своими казаками. Мы съ нимъ и съ Максимовымъ отправились въ Ражаны. Максимовъ былъ посланъ въ Бѣлградъ, чтобы заказать для ординарцевъ національные костюмы. Тутъ были Албанскій, Черногорскій, Старо-Сербскій, Болгарскій костюмы. Заказъ былъ исполненъ, но не въ веселую минуту для Черняева. Въ Ражанахъ слышна была пальба. Никто не зналъ, гдѣ главнокомандующій, въ Делиградѣ-ли или въ Алексинацѣ. Мы рѣшились отыскать его и поскакали туда. Тяжелое впечатлѣніе производила вся Сербія въ этотъ моментъ. Всѣ говорили шепотомъ, съ боязнью. Какъ страшная лавина представлялась имъ теперь Турція. Говорили, что Черняевъ боленъ.

Грустно намъ было увидѣть Черняева въ маленькой комнаткѣ, въ которой едва помѣщалось три человѣка. Слезы были у него на глазахъ, волненіе душило его, и онъ отрывисто говорилъ: «Все теперь пропало. У Сербовъ нѣтъ любви къ родинѣ. (Потомъ онъ измѣнилъ свой взглядъ). Я четыре мѣсяца держался противъ Турокъ; наконецъ, и у Сербовъ не стало терпѣнія. Оно и понятно. Ихъ взяло отчаяніе— ни откуда не приходило помощи. Теперь здѣсь все кончено; придутъ Русскіе. Я поѣду въ Ливадію». Затѣмъ онъ высказался довольно мрачно о нашей готовности къ войнѣ. «Разочарованіе въ Болгарахъ

Библиотека "Руниверс"

полное. Имъ теперь не подняться». Увидѣвъ Липина, онъ сказалъ: «Ахъ, вы пришли съ казаками». Схватился онъ за голову и съ досадою выговорилъ: «Боже, какъ все поздно! Все поздно, теперь больше ничего не нужно. Впрочемъ (сказалъ онъ оправясь) мы найдемъ имъ и теперь работу. Разослать ихъ по деревнямъ, чтобы обезопасить населеніе отъ Черкесскихъ набѣговъ».

Въ сосѣдней комнатѣ находился штабъ, и оттуда раздавалось пѣніе. N. прочтя на лицѣ моемъ изумленіе отъ веселаго пѣнія Французскихъ шансонетокъ, поспѣшилъ прибавить шепотомъ: du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.

Не буду описывать возвращенія Черняева среди бѣгущаго населенія. Онъ останавливалъ ихъ и говорилъ, что заключено перемиріе. Въ Парачинѣ ему не поставили караула и не хотѣли пустить его въ конакъ. Это возмутило нашу компанію. Захотѣли поставить ему почетный караулъ, состоящій изъ офицеровъ. Нѣкоторые не соглашались; другіе говорили, что Черняевъ въ данный моментъ является представителемъ Россіи и что если мы Русскіе не окажемъ ему особеннаго почета, то его совсѣмъ втопчутъ въ грязь. Главное, трудно было собрать подписи участниковъ въ этой демонстраціи. Подхожу къ одному добровольцу и подаю листъ. «Что̀ это такое?» Объясняю. Смотритъ на листъ и недоумѣваетъ. «Не хочу я оставаться въ Сербіи».—«Да тутъ ничего объ этомъ не написано».—«А вдругъ скажутъ: подписался въ Сербіи».—«Да полноте, развѣ вы не видите что̀ тутъ написано».—«Ну, вы хорошій человѣкъ; давайте, подпишу. А у меня будутъ хорошія щи; приходите, когда кончите обходъ».

Я помѣстилъ слова: «вы хорошій человѣкъ» не съ цѣлью восхваленія собственной личности, это было-бы слишкомъ наивно съ моей стороны. Нѣтъ, я хотѣлъ только этою маленькою чертою показа̀ть, что у насъ въ Россіи еще долго будетъ имѣть значеніе кто проситъ, но не за что онъ проситъ. Не дѣло, а люди и отношенія къ нимъ будутъ играть первенствующую роль въ нашей исторической жизни.

Когда Черняевъ вышелъ къ добровольцамъ, онъ, послѣ шумныхъ овацій, произнесъ рѣчь, въ которой очень хорошо и справедливо отнесся къ Сербамъ. Эта рѣчь была напечатана въ газетахъ. Я первый ее записалъ и далъ копію одному корреспонденту. Форбсъ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня перевести ее поанглійски. Переводя ее поанглійски, я не помѣстилъ фразы: «Меня примутъ въ Ливадіи, и тогда» и т. д.—Отчего вы выпускаете эту фразу? спросилъ Хлудовъ, который тоже зналъ поанглійски.—«Поѣздка въ Ливадію еще не рѣшена, и Черняевъ скомпрометируетъ себя передъ цѣлою Европою, если послѣ этихъ словъ не будетъ принятъ въ Ливадіи».

Такъ и пошли обѣ рѣчи, Русская и Англійская, безъ заключительной фразы о Ливадіи. Сербамъ, конечно, эта фраза показалась какъ знаменіе неба.

Не знаю, кому пришло въ голову дать обѣдъ Черняеву. Обѣдать съ шампанскимъ было неумѣстно, когда доходили слухи о голодающихъ Сербахъ. Народу набралось много. Всѣ Сербскіе министры пришли на обѣдъ. Мнѣ интересно было видѣть, какъ Черняевъ произнесетъ тостъ, обойдя при этомъ титулъ Милана. Онъ произнесъ тостъ за государя Сербіи, и дипломатическій incident съ королевскимъ титуломъ былъ законченъ.

Нечего говорить о рѣчахъ, произнесенныхъ тогда Ристичемъ и другими; онѣ были переданы газетами. Ристичъ въ разговорѣ со

Библиотека "Руниверс"

мной сказалъ про Сербію: «Вы теперь видѣли, какъ разорена страна войною; но не безпокойтесь, дайте намъ два-три хорошихъ урожая, и вы не узнаете страны. Сербія страна земледѣльческая и скоро залечитъ свои раны».

Случайно, вмѣсто Сербскаго національнаго марша, музыканты заиграли «Боже, Царя храни». Надо было видѣть, какъ воспрянули всѣ съ своихъ мѣстъ и какое громогласное «ура» пронеслось по комнатѣ. Любовь къ Россіи сказалась въ этомъ неумолкаемомъ «ура».

А Сербы на насъ поглядывали съ недовѣріемъ.... На каждаго изъ насъ они смотрѣли какъ на доносчика. Я собирался уже уѣзжать. Дѣйствительно, на каждомъ шагу Сербы чувствовали себя униженными, оскорбленными и втоптанными въ грязь....

Русская партія, какъ видно было, побѣдила. Ристичъ долженъ былъ согласиться на назначеніе Саввы Груича военнымъ министромъ безъ спроса всего министерства. Черняевъ жилъ во дворцѣ князя. Карцевъ напротивъ дворца: Русская рѣчь повсюду. Сербы смотрѣли на все это недовѣрчиво.—«Вы уѣзжаете, сказалъ мнѣ одинъ доброволецъ, а вѣдь здѣсь будетъ рѣзня».—«Я нарочно останусь». «Сербамъ и Русскимъ слѣдовало-бы собраться вмѣстѣ и потолковать. Многое разъяснится между нами», говорилъ другой. Слышалась и такая рѣчь: «Теперь все потеряно. Россія утратила всякое вліяніе на Сербію. Поднимается каймакамская партія, и она насъ ненавидитъ». Сербы устроили овацію Новоселову. У меня были разговоры съ Ристичемъ, и онъ не давалъ никакихъ надеждъ на участіе Сербіи въ будущей войнѣ. La Russie est assez forte pour ne pas demander le secours de la Serbie.

Я ходилъ къ митрополиту Михаилу и предлагалъ ему, въ видахъ благотворительности, собрать Славянскій съѣздъ въ Бѣлградѣ. Митрополитъ только сказалъ: «Узнайте, что̀ скажетъ на это дипломатія», и не рѣшался собрать въ Бѣлградѣ представителей Славянскихъ благотворительныхъ обществъ Россіи, Австріи и Сербіи. Собрать такой съѣздъ было бы тогда очень полезно. Славяне могли бы на этомъ съѣздѣ сговориться на счетъ будущихъ плановъ, разрѣшить недоразумѣнія между Сербами и Болгарами, Сербами и Хорватами и т. д.

«Первый актъ драмы законченъ», говорилъ Черняевъ въ Парачинѣ. Въ этихъ словахъ смутно выражалось, что Сербскою войною не закончится восточная трагедія....

Григорій Деволланъ.

Библиотека "Руниверс"

Томъ XIV. Екатерининская Комиссія объ Уложеніи. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ. — Донесенія барона Мардефельда. — Бумаги князя Репнина. Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги князя Н. В. Репнина за время управленія его Литвою. Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка Екатерины II-й съ Фальконетомъ. Ц 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Переписка Англійскихъ пословъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. Переписка Екатерины II-й съ Фридрихомъ II-мъ. Письма Маріи Ѳеодоровны и Павла Петровича къ барону Сакену. — Записка А. Н. Оленина 14 Декабря 1825 г. — Сотрудничество Екатерины II-й въ „Собесѣдникѣ". Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышова и князя А. Б. Куракина изъ Парижа (1811 и 1812 гг.). Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Депеши Прусскаго посланника Сольмса 1763—1766 г. Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма Екатерины II-й къ барону Гримму. Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія Голландскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, ч. I-я. Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Бумаги фельдмаршала графа П. Б. Шереметева. Съ гравированнымъ портретомъ Петра Великаго. Цѣна 3 р.

МЕЛОЧИ

ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

М. А. ДМИТРІЕВА.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879.

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднимъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

Адресъ: Въ Москву, на Садовую, противъ церкви святителя Ермолая, въ домъ Баженовой, № 606, въ Главную Контору Русскаго Архива.

*

Тамъ же можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877 и 1878 годовъ; остальные годы вышли изъ продажи.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"

Новое помѣщеніе „Русскаго Архива“: Москва, Садовая, противъ св. Ермолая, д. Баженовой.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879. 8.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Газетный переулокъ, домъ Корзинкина
1879.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Садовой, противъ церкви св. Ермолая, въ домѣ Баженовой, можно получать:

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877 И 1878 ГОДОВЪ.

Въ каждомъ году по три отдѣльныя книги съ особыми указателями. Цѣна каждой книгѣ отдѣльно по 3 рубля, полному годовому изданію 8 рублей.

МЕЛОЧИ

ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

М. А. ДМИТРІЕВА.

Цѣна съ пересылкою ДВА рубля.

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Сочиненіе Леопольда Ранке.

Переводъ П. И. БАРТЕНЕВА.

Цѣна съ пересылкою одинъ рубль.

Библиотека "Руниверс"

Яицкое войско до появленія Пугачева.

ГЛАВА IV *).

Въ 1744 г. открыта Оренбургская губернія, и Яицкое войско подчинено ея губернатору, И. И. Неплюеву, знаменитому колонизатору Оренбургскаго края. Въ указѣ Неплюеву изъ Военной Коллегіи, между прочимъ, замѣчено, что о Яицкомъ войскѣ, когда и какъ оно въ здѣшнихъ мѣстахъ завелось и утвердилось и на какомъ основаніи содержится, обстоятельныхъ извѣстій не бывало и нѣтъ, что̀ чрезъ одну переписку съ тѣмъ войскомъ исправить весьма невозможно.

Держась пословицы «свой глазъ—алмазъ», Неплюевъ, 20 Августа 1748 г. донесъ Военной Коллегіи, что считаетъ необходимымъ посѣтить Яицкій городокъ, «и, разсмотря всѣ до того принадлежащія окрестности, Государственной Военной Коллегіи единожды такое представленіе учинить, чтобы оное къ высокому той Коллегіи разсмотрѣнію, елико можно, было достаточно и къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ благонадежно, также бы и съ состояніемъ онаго войска сходственно». Въ Ноябрѣ 1748 г. Неплюевъ прибылъ въ Яицкій городокъ и, собравъ свѣдѣнія, какія было можно, частію на основаніи бумагъ, сохранившихся въ Войсковой Избѣ, частію по изустнымъ разсказамъ стариковъ, представилъ ихъ въ Военную Коллегію, вмѣстѣ съ изложеніемъ своихъ мѣръ и соображеній касательно переустройства Яицкаго войска. О самомъ Яицкомъ городкѣ онъ говоритъ, что «оный городокъ, по его ситуаціи и по нынѣшнему укрѣпленію, во всякомъ случаѣ, мнится довольно оборонительнымъ и артилерію имѣетъ достаточную». Далѣе онъ перечисляетъ службы Яицкихъ казаковъ въ прежнее и въ его время; говоритъ о числѣ и составѣ войска, о жалованьѣ деньгами и натурою, объ отпускѣ вина съ Симбирскихъ казенныхъ заводовъ и пороху изъ канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи, о рыболовствѣ, объ управленіи войска и составѣ должностныхъ лицъ, о казачьихъ кругахъ и вольностяхъ, гдѣ, между прочимъ, замѣчаетъ: «нынѣ тѣ казачьи вольности пообузданы, ибо хотя-бъ кто вопреки что̀ атаманскаго и старшинскаго мнѣнія въ кругу и заговорилъ, но атаманъ со старшинами, не взирая на то, какъ надлежитъ, по указамъ исполняетъ; равномѣрно-жъ и атаманская власть и старшины нынѣ въ лучшее состоя-

*) См. первую книгу Русскаго Архива 1879 г. стр. 273 и 401.

Библиотека "Руниверс"

ніи приведены: ибо напредъ сего бывало то, что они казаковъ сами собою и за малыя вины смертію казнили [1]), нынѣ-жъ, кромѣ что, привязавъ къ кольямъ, бьютъ плетьми, никакихъ другихъ штрафовъ не бываетъ». Изъ мнѣнія, поданнаго Неплюевымъ о переустройствѣ войска, видно, что безпорядки и несогласія въ войскѣ, раздѣленіе казаковъ на два враждебныхъ лагеря, зависѣли отъ того, что въ войскѣ не было ни штата, ни правильно организованныхъ административныхъ учрежденій, ни опредѣленнаго круга дѣятельности должностныхъ лицъ: все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ. Приходо-расходныхъ книгъ, не смотря на указъ 1740 г., не велось; съ казаковъ брали должные и недолжные поборы; о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ письменныхъ документовъ не было и т. п. «Того ради», говоритъ Неплюевъ, «для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ нужнаго корпуса въ лучшій порядокъ, нынѣ учиненъ примѣрный штатъ съ такимъ жалованьемъ, которымъ бы оное войско, при имѣющихся нынѣ и впредъ будущихъ рыбныхъ промыслахъ, безъ нужды содержаться могло, и казаки бы къ службѣ Ея Императорскаго Величества въ лучшей и всегдашней исправности быть могли; а старшины бы, имѣя опредѣленное жалованье, во всемъ, а паче съ подчиненными, справедливо и безкорыстно поступали, и когда наряды случаются, то бы съ казаковъ тѣхъ указомъ запрещенныхъ поборовъ не собирали» [2]).

По штату, предложенному Неплюевымъ, полагалось двое войсковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ, должны были присутствовать при производствѣ всѣхъ дѣлъ войсковымъ атаманомъ; кромѣ того, полагалось два есаула и нѣсколько общихъ служителей, а казачій корпусъ былъ раздѣленъ на 7 полковъ или станицъ, по 500 [3]) въ каждой. На каждый полкъ полагались: одинъ полковой старшина, или станичный атаманъ, писарь, полковой есаулъ и пять сотниковъ безсмѣнно. Полки назывались: первый, второй, третій [4]) и т. д. Каждый полкъ долженъ былъ имѣть особое знамя и «учинить» списки служилыхъ казаковъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть въ войсковомъ приказѣ, а другой въ полковой избѣ у полковаго писаря. При этомъ должны быть переписаны и Калмыки, которые заявятъ желаніе къ службѣ, но списки ихъ предположено вести отдѣльно и хранить у себя каждому станичному атаману. Полки обязывались нести внутреннюю постоян-

---

[1]) Это подтверждается, напр., разстрѣломъ казаковъ: Елисѣева, Мордвинкина и др. На Уралѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе, что у Яицкихъ казаковъ наказаніе за кражу огурца состояло въ томъ, что виновнаго выводили въ поле и, закопавъ въ землю по шею или по поясъ, разстрѣливали, на страхъ собравшемуся народу. Казаки руководились въ этомъ случаѣ тѣми же соображеніями, какъ и древніе Спартанцы.

[2]) П. С. З., XI, 8215.

[3]) Рычковъ говоритъ (ч. II, 81), что въ каждомъ полку было по 508 человѣкъ; но онъ включаетъ, вѣроятно, въ это число и особо назначенныхъ въ каждый полкъ, старшину, есаула, писаря и пять человѣкъ сотниковъ.

[4]) Эти названія сохранились доселѣ.

Библиотека "Руниверс"

ную службу (которая состояла, главнымъ образомъ, въ оборонѣ линіи отъ вторженія Киргизовъ и въ преграждeніи переправы Калмыкамъ за Уралъ) и внѣшнюю, заключавшуюся въ частныхъ командировкахъ въ степь противъ хищниковъ, также на войну, въ содержаніи карауловъ и разъѣздовъ по Сибирской линіи [5]), смотря по надобности правительства. Жалованья на весь штатъ полагалось 7901 р. 41½ коп., въ томъ числѣ на 3500 человѣкъ рядовыхъ казаковъ, на каждаго по 1 р. 50 к. въ годъ [6]). Вообще, по мнѣнію Неплюева, необходимы были коренныя преобразованія въ Яицкомъ войскѣ, и онъ написалъ обширный проэктъ [7]), которому не было суждено осуществиться вполнѣ.

Старанія Неплюева не остались однако совершенно безплодными. Штатъ былъ учрежденъ. Войсковому атаману, по мнѣнію Неплюева, надлежитъ быть «богобоязненну, заслуженну; отъ него особливо требуются совѣстные и справедливые поступки, наибольшая храбрость и искусство; вездѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ долженъ вести себя такъ, чтобы его всѣ старшины и рядовые, какъ главнаго своего командира, любили, почитали и боялись, а при томъ всемъ толь скромнымъ себя показывать, чтобы каждому былъ къ нему свободный приступъ, наипаче же быть правдиву, безпристрастну и не лакому, вспомогательну въ народныхъ нуждахъ и не кичливу въ ихъ прошеніяхъ» [8]). Между многими другими обязанностями войсковой атаманъ долженъ былъ имѣть постоянное попеченіе о томъ, «чтобы всѣ старшины и казаки въ страхѣ Божіи пребывали, въ праздничные и воскресные дни прилежали бы къ церкви Божіей, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что на всѣ дѣла Божеское благословеніе происходитъ». Войсковые старшины, или станичные атаманы, подражая во всемъ хорошемъ главному войсковому атаману, обязаны были каждодневно докладывать своему начальнику словесно, чрезъ посредство есаула о состояніи и комплектѣ своего полка, и разъ въ мѣсяцъ дѣлать о томъ письменныя представленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ лежала обязанность строго смотрѣть за отношеніемъ сотниковъ къ рядовымъ, чтобы они не чинили обидъ своимъ подчиненнымъ и въ нарядахъ соблюдали строгую очередь. Станичный атаманъ смотрѣлъ также за исправностію лошадей, сбруею, за выдачей жалованья и вмѣстѣ съ есауломъ производилъ судъ и расправу по жалобамъ казаковъ его полка; если же случалось какое важное дѣло или одинъ изъ судящихся принадлежалъ не къ его командѣ, въ такомъ случаѣ жалующіеся, послѣ неудавшейся попытки примирить ихъ, передавались въ распоряженіе войсковаго

5) Рябининъ, ч. II, въ прил. № XII, стр. 36—41.

6) По прежнимъ указамъ на все войско опредѣлено и велѣно было отпускать деньгами 4138 р. и 1598 четвертей хлѣбомъ, за который выдавалось деньгами отъ 600 до 1000 р. да 100 вед. вина съ Симбирскихъ заводовъ, такъ что всего въ годъ приходилось до 5000 рубл. См. Рычковъ, II, 86 и 87.

7) Проэктъ Неплюева напечатанъ во второй книгѣ Русскаго Архива 1878.

8) Пунктъ 1-й штата.

Библиотека "Руниверс"

суда [9]). Каждый казакъ, по мысли Неплюева, долженъ быть смѣлымъ и хорошимъ наѣздникомъ, имѣть не меньше двухъ надежныхъ и сытыхъ лошадей, саблю, турку со всѣми принадлежностями или, вмѣсто турки, сайдакъ и копье, а кто можетъ и панцырь. Во время «знатныхъ походовъ и при знатныхъ оказіяхъ» панцырники, раздѣлясь по-ровну, должны были ѣхать впереди полковъ «для лучшей полковой парады» [10]).

Войсковые круги хотя и позволялось собирать, но согласія казаковъ предписывалось спрашивать только на одни ихъ домашнія дѣла, напр., когда и какъ имъ собираться и идти на рыбные и другіе промыслы, относительно постройки и ремонта общественныхъ зданій и т. п. Что̀ касается дѣлъ служебныхъ и различныхъ распоряженій со стороны атамана, по силѣ высочайшихъ указовъ или предписаній различныхъ командъ: то велѣно было только объявлять о томъ кругамъ чрезъ есауловъ, не спрашивая мнѣнія казаковъ.

Вмѣсто службы по найму Неплюевъ проэктировалъ очередную службу. Неплюевъ предписываетъ всѣмъ атаманамъ и войсковымъ старшинамъ строго наблюдать, «чтобы чрезъ позволеніе нанимать за себя другаго богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которые у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ служить всѣмъ поочередно, развѣ кого за болѣзнію командировать будетъ нельзя». Зная, какъ много сбиралось съ неидущихъ на службу казаковъ должныхъ и недолжныхъ поборовъ, Неплюевъ положительно запрещаетъ подобные сборы и представляетъ это дѣдѣло на полную волю и доброжелательство казаковъ, съ устраненіемъ всякаго вмѣшательства со стороны старшинъ. Въ Яицкомъ войскѣ, какъ извѣстно, изстари вѣковъ и понынѣ пользованіе землею, лугами, рыбными и другими соединенными съ природными богатствами страны промыслами—общинное; поэтому казакъ, уходившій на внѣшнюю службу, не имѣя у себя опредѣленнаго участка земли и луговъ, несъ явный убытокъ, ибо лишался возможности получить извѣстную долю въ пользованіи войсковыми угодьями, тогда какъ остающіеся дома, на «льготѣ» или на внутренней службѣ, не мало оттого выигрывали, особенно въ хорошій годъ и при значительныхъ командировкахъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ пользованія войсковыми угодьями, уходящій на службу долженъ быть вознагражденъ со стороны остающихся, которые пользуются и долей уходящихъ на службу, и своей собственной въ войсковыхъ угодьяхъ. Поэтому Неплюевъ и не хотѣлъ отмѣнять права казаковъ, поступающихъ въ составъ различныхъ командъ, на полученіе за то подмоги; иначе бы пришлось измѣнить самый порядокъ пользованія войсковыми угодьями, выработанный болѣе чѣмъ сто лѣтъ назадъ. Кромѣ того, казаки, уходившіе на службу по очереди, если они не имѣли женъ и дѣтей, могли продавать право «багренья» кому-либо

[9]) Пунктъ 8-й.
[10]) Пунктъ 9-й.

Библиотека "Руниверс"

изъ остающихся на мѣстѣ [11]). Такимъ образомъ, строго говоря, Неплюевъ не вводилъ очередной службы въ смыслѣ солдатства [12]), а только видоизмѣнилъ самый способъ наемки, придавъ ей иной видъ, иное назначеніе и ограничивъ ее извѣстными условіями, зависящими отъ экономическаго устройства Яицкой общины и обусловленными историческою необходимостію. Яицкій казакъ, по проэкту Неплюева, имѣлъ право нанимать вмѣсто себя и другаго, если только онъ самъ былъ необходимъ въ общинѣ, какъ торговецъ, мастеровой, промышленникъ и т. п. Это право «наемки», право добровольно располагать собою имѣло важное значеніе, какъ лично для торговаго и промышленнаго казака, такъ и вообще для экономическаго благосостоянія цѣлой общины.

Чтобы добыть отъ земель, водъ и другихъ угодій существенную пользу, необходимо имѣть право располагать своимъ трудомъ, своей судьбой, а безъ этого и большой капиталъ ни къ чему послужить не можетъ. Вотъ почему дорогà для каждаго казака «наемка», не говоря уже объ историческомъ освященіи ея вѣками. Наемка даетъ возможность каждому состоятельному и трудолюбивому казаку располагать собою, своимъ трудомъ и капиталомъ, по желанію и усмотрѣнію. Извѣстно, что ничего такъ упорно и энергично не отстаивали Яицкіе казаки, какъ это право «наемки». Правительство два раза отмѣняло наемку и, затѣмъ, снова возстановляло ее [13]). Новое положеніе о воинской повинности снова коснулось этого облюбленнаго казаками права и снова вызвало неудовольствіе со стороны нѣкоторой части войска. Но замѣчательно, что штатъ, проэктированный Неплюевымъ, и очередная служба въ указанной формѣ не вызвали ни малѣйшаго недовольства со стороны казаковъ: во все время пребыванія въ Яицкомъ городкѣ Неплюева и послѣ, съ его отъѣздомъ, среди Яицкихъ казаковъ все было тихо и спокойно; по крайней мѣрѣ мы не нашли указаній на недовольство казаковъ ни у самого Неплюева, ни у сопровождавшаго его на Яикъ Рычкова. Между тѣмъ, сколько стоило послѣ правительству борьбы, хлопотъ и трудовъ введеніе штатовъ и, какъ мы видимъ, не всегда съ успѣхомъ. Все это, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что сильный своею опытностію и добросовѣстностію, Неплюевъ съумѣлъ разъяснить казакамъ пользу вводимыхъ преобразованій. Зная о раздѣленіи казаковъ на два враждебныхъ лагеря,—на атаманскую или старшинскую партію и партію народную,—онъ не присоединяется ни къ той, ни къ другой сторонѣ, старается по возможности угодить обѣимъ, и чрезъ то примирить враждебные интересы общины, чтобъ такимъ образомъ, приготовивъ благопріятныя для своей реформы условія, достигнуть главной цѣли: экономическаго благосостоянія и болѣе прочнаго устройства казацкой общины въ админи-

---

[11]) Пунктъ 11.

[12]) Желающимъ ознакомиться съ „наемкой“ Яицк. казаковъ можно указать на Военный Сборникъ 1866 г., № 2 и 1873 г. № 3.

[13]) Въ 1766 и 1803 г. наемка была отмѣнена, а въ 1806 г. возстановлена, вопреки проэкту генералъ-лейтенанта Медера, и существовала до послѣдняго времени въ полной силѣ.

Библиотека "Руниверс"

стративно-военномъ отношеніи. Такъ умѣлъ примирять частные интересы съ общественными этотъ достопамятный дѣятель.

Неплюевъ обратилъ также вниманіе и на установленіе внутренняго порядка и благочинія въ Яицкомъ городкѣ, на недостатокъ городскихъ доходовъ, на развитіе грамотности въ войскѣ и на многія другія стороны внутренняго быта казаковъ.

«Наблюдать, чтобы берегли лѣсъ, въ которомъ здѣсь недостатокъ; впередъ всякъ строился бы порядочно и такихъ тѣсныхъ улицъ, какія нынѣ есть, не дѣлать. Также и сего смотрѣть, чтобы на торгу вѣсы и всякія мѣры были справедливы, цѣна на хлѣбъ и всякое харчевое содержаніе умѣренная, и такая, чтобы изъ того народной тягости, также и ни въ чемъ бы никакихъ обмановъ не было; для безопасности же отъ пожарныхъ случаевъ, имѣть особливое учрежденіе и особливые инструменты». Замѣчательно, что Яицкіе казаки, вѣроятно, подъ вліяніемъ раскольническаго фатализма, и теперь не охотно заводятъ у себя гидропульты и другія пожарныя принадлежности, замѣчая, что кто тушитъ пожаръ, тотъ борется съ Богомъ, пославшимъ наказаніе за грѣхи. Такаго убѣжденія особенно держатся низовые казаки. За то и горитъ Уральская община!

Кромѣ откупныхъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и поведерныхъ, у Яицкихъ казаковъ до этого времени другихъ доходовъ и сборовъ не было; «но и сихъ всѣхъ, замѣчаетъ Неплюевъ, больше 435 р. не бывало», именно: кабацкій сборъ равняется 225 р., вѣсовыхъ доходовъ приходилось на годъ отъ 120—140 рубл , поведерныхъ, полагая по рублю съ бочки, отъ 30 до 40 р., такъ что всего выходило отъ 405 до 435 р. въ годъ. Деньги эти шли на общіе городскіе расходы, какъ-то: на отправленіе ко двору презента, на вырубку и сгонъ учугеннаго лѣсу, на прогоны посылавшихся отъ войска лицъ въ Оренбургъ, Астрахань и другія мѣста, на содержаніе и награды пріѣзжавшихъ изъ Киргизской орды пословъ, на покупку лошадей для поѣздки съ экстренными порученіями въ орду, на церковные и канцелярскіе расходы и т. п. Всѣ эти расходы простирались иногда на сумму свыше 2,000 р.; а на приходъ, какъ мы уже знаемъ, поступало не болѣе 435 р., «отъ чего», говоритъ Неплюевъ, «во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскѣ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ не только напередъ сего, но еще и нынѣ чинятъ по міру т. е. съ казаковъ поборы». Иногда войско входило въ такіе долги, что не имѣло даже возможности уплатить занятыхъ на войсковыя нужды денегъ, какъ это видно изъ указа В. Коллегіи Неплюеву 12 Декабря 1745 г. Правда, что у казаковъ былъ еще одинъ источникъ общихъ доходовъ,—такъ называемыя д о м о с ѣ д н ы я д е н ь г и, которыя собирались со всѣхъ казаковъ, участвовавшихъ «в ъ п е р в о м ъ и н а и л у ч ш е м ъ п р о м ы с л ѣ б а г р е н ь я»; но эти деньги шли не на общіе городскіе расходы, а поступали въ пользу священниковъ съ причтомъ, на служащихъ по письменной части при войсковомъ управленіи, на повѣренныхъ, войсковаго толмача, канонировъ и кузнецовъ, въ замѣнъ того, что имъ въ прежнія времена не позволялось участвовать въ упомянутомъ багреньѣ (хотя въ

Библиотека "Руниверс"

другихъ рыболовствахъ могли и они участвовать, если только это не отвлекало ихъ отъ служебныхъ обязанностей). Сумма домосѣдныхъ денегъ равнялась: въ 1754 г. 1312 р., въ 1756 г.—484 р. [14]) 50 коп., въ 1757 г.—2070 р., въ 1758 г.—1884 р. 50 коп., въ 1759 г.—1784 р. 50 коп., въ 1760 г. 4593 р., въ 1761 г. за севрюжій караулъ 18 р., а всего въ семь лѣтъ—12352 р. [15]).

Въ числѣ лицъ, получавшихъ домосѣдныя деньги, были также атаманы, старшины, муллы, отставные и малолѣтніе; число такихъ лицъ въ войскѣ иногда простиралось до 60 и 70 чел. Такимъ образомъ и «домосѣдныя деньги», довольно значительныя по тому времени, не могли пополнить суммъ на общіе городскіе расходы. Неплюевъ прежде всего обратилъ вниманіе на водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ. До этого времени Яицкіе казаки, вслѣдствіе опредѣленія Сената отъ 6-го Октября 1732 года, должны были покупать вино «на домовые расходы и на продажу между собою въ Самарѣ или Сызрани, гдѣ имъ способнѣе, на кружечныхъ дворахъ, по указаннымъ цѣнамъ и брать выписки; а «ежели они вино будутъ покупать не съ кабаковъ», говорится въ указѣ, «и въ томъ изобличены будутъ, за то у нихъ то вино отбирать безденежно» [16]). По окладной книгѣ Камеръ-Коллегіи 1723 г. значится, что съ Яицкихъ казаковъ кабацкаго сбора взималось 708 р. 49 к.; окладъ этотъ приложенъ былъ къ доходамъ Сызранской ратуши, такъ какъ казаки покупали вино въ Сызрани. Неплюевъ чрезъ Коллегію предложилъ Сенату, съ вѣдома Оренбургской губернской канцеляріи, водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ отдать на откупъ, какъ это было въ Оренбургѣ, въ Волжскомъ и Донскомъ казачьихъ войскахъ. Надѣясь чрезъ то увеличить городской доходъ, Неплюевъ видѣлъ въ томъ и облегченіе для народа, такъ какъ водка и вино могли тогда продаваться дешевле; въ то время какъ въ Оренбургѣ ведро простаго вина стоило рубль и меньше, въ Яицкомъ городкѣ оно продавалось почти по два рубля [17]). Кромѣ того, казаки, покупая вино на заводахъ бочками или ведрами, могли производить розничную и чарочную продажу по заключенному съ откупщикомъ контракту. Сенатъ, вслѣдствіе отношенія В. Коллегіи, отъ 8 Декабря 1749 г. и согласія войска (въ лицѣ атамана Ильи Меркульева и старшины Бородина) ежегодно вносить въ казну 708 р. 49 к. акцизнаго сбора, опредѣлилъ: «дозволить Яицкому войску въ ихъ казачьи городки вино и водку брать съ позволительныхъ винокуренныхъ заводовъ, и отъ того Яицкаго войска съ будущаго 1750 г. 708 руб. 49 к. платить повсягодно сполна, бездоимочно, и въ исправномъ по тому числу въ каждомъ годѣ платежѣ

---

[14]) У Данилевскаго (Рыболовство въ Россіи, ч. III, стр. 65) показано 404 р. 50 к., но мы удерживаемъ тѣ цифры, которыя приведены въ указѣ, отъ 15 Дек. 1765 г. Яицкому войску. См. въ Арх. Ур. войска по описи № 67, стр. 8.

[15]) Слѣдовало бы ожидать 12346 р. 50 коп.; но такъ показано въ указѣ Яицкому войску отъ 15 Дек. 1765 г.

[16]) П. С. З., т. XIII, № 9691-й, стр. 164, ст. 1.

[17]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оренбург. губерн. вино продавалось еще дороже, напр., въ Исетской провинціи ведро стоило болѣе 2 р. П. С. З., т. XIV, № 10,497-й.

Библиотека "Руниверс"

отъ того Яицкаго войска взять надлежащее обязательство, или оное имъ зачитать въ положенное годовое жалованье, по сношенію Камеръ-Коллегіи съ Штатсъ-Конторою и Яицкаго войска съ атаманомъ и старшинами». При этомъ казакамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа, «изъ тѣхъ Яицкихъ казацкихъ городковъ вина и водки въ Великороссійскіе города, и гдѣ будутъ поселены Великороссійскіе служилые люди, и никуда, въ Русскія поселенія, не отвозить и не пропускать» [18].

Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ указалъ казакамъ и на другой источникъ общихъ городскихъ доходовъ: онъ предложилъ брать съ пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ иногороднихъ жителей поземельнаго и прорубнаго сбора по 3 коп. съ воза, а съ лавокъ по полтинѣ. Принимая во вниманіе, что число пріѣзжавшихъ иногородцевъ въ Яицкій городокъ, особенно въ зимнее время, было весьма значительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ небольшой самъ по себѣ сборъ могъ достаточно восполнять сумму, потребную на городскіе расходы. Съ цѣлью пресѣчь злоупотребленія и возможность къ неправильному расходу войсковыхъ суммъ, Неплюевъ постановилъ, чтобы всѣ городскіе доходы были записываемы на приходъ въ особыя шнуровыя и за печатью книги, указавъ при этомъ точно самыя статьи расхода, какъ-то: на канцелярскія потребности, на бумагу, сургучъ, свѣчи и дрова, также на посылку курьеровъ и прогоны, въ церковь на свѣчи и ладанъ, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ Киргизъ и Калмыковъ и т. п. О всѣхъ расходахъ войско ежегодно должно было представлять особыя вѣдомости въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Для наблюденія за правильнымъ употребленіемъ войсковыхъ суммъ положено избрать по общему приговору особыхъ блюстителей изъ отставныхъ или служащихъ казаковъ «добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ», которые, по истеченіи каждаго года, обязаны были отдавать отчетъ въ расходованіи войсковыхъ суммъ, будучи повѣряемы двумя выборными членами изъ старшинъ. Постоянный контроль надъ такими блюстителями войсковыхъ суммъ былъ порученъ войсковому атаману и старшинамъ. Заботясь о сбереженіи и должномъ употребленіи войсковыхъ суммъ, Неплюевъ также постановилъ, чтобы командируемымъ на службу казакамъ жалованье выдавалось подъ поручительствомъ надежныхъ и состоятельныхъ лицъ «и ежели кто, не заслужа треть [19], бѣжитъ или умретъ, то оное жалованье взыскивать съ тѣхъ ихъ поручителей; а буде кто, не получа заслуженнаго жалованья, умретъ, то заслуженное его жалованье выдавать женѣ его и дѣтямъ и другимъ законнымъ наслѣдникамъ, по разсмотрѣнію и опредѣленію войсковаго суда». Предписывая не увольнять старшинъ со службы болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, Неплюевъ прибавляетъ: «а ежели который за собственною нуждою болѣе мѣсяца пробудетъ, таковымъ на все то время, сколько онъ отъ команды въ отпускѣ, жалованья не давать

---

18) П. С. З., т. XIII, № 9691, стр. 164 и 165.

19) Жалованье выдавалось по третямъ впередъ.

Библиотека "Руниверс"

и удержанное записывать». О всѣхъ остаткахъ суммъ велѣно было «въ Оренбургскую губернскую канцелярію по третямъ года рапортовать, и безъ указу ни въ какіе расходы ихъ не употреблять, записывая въ книгу».

До этого времени Яицкіе казаки отправляли въ Петербургъ четыре станицы въ годъ, одну зимовую и три легкія, на что отъ В. Коллегіи была назначена особая сумма въ 2638 р. 30 к. Деньги эти шли на награды атаманамъ, есауламъ, старшинамъ и казакамъ, пріѣзжавшимъ въ станицахъ, для чего выбирались всегда заслуженныя и оказавшія особыя услуги лица. Неплюевъ, чтобы умножить окладное жалованье казаковъ, уничтожилъ легкія станицы, оставивъ одну зимовую, и назначилъ на нее сумму въ 1217 р. 41½ коп., да, сверхъ того, на чрезвычайные расходы, т. е. на ковши, сабли и знамена 100 р. Вся эта сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: атаману 80 р., а буде пріѣдетъ войсковой, то 100 р., при немъ есаулу 60 р., старшинѣ 50 р., рядовымъ семнадцати человѣкамъ— каждому по 35 р.; остальное шло на путевыя издержки и на чрезвычайные расходы.

Неплюевъ позаботился и о школахъ. Изъ 218 казачьихъ дѣтей грамотныхъ въ это время было только 26 человѣкъ, а изъ взрослыхъ не болѣе 5 человѣкъ: войсковой атаманъ, писарь да человѣка три старшинъ; но и тѣ, по выраженію Неплюева, «знаютъ недовольно. Почему войсковому атаману съ товарищи его — говоритъ Неплюевъ,—также и полковымъ старшинамъ надлежитъ имѣть попеченіе, чтобы не только ихъ старшинскія дѣти, но и знатныхъ казаковъ обучаемы были грамотѣ и чистому письму; а притомъ не излишне бы для нихъ было и сіе, ежели бы кто зналъ изъ нихъ первыя части ариѳметики и прилежалъ бы въ церквахъ чтенію и пѣнію». Еслибы въ войскѣ не нашлось для обученія дѣтей кого-либо изъ свободныхъ и способныхъ церковно-служителей, то, по мнѣнію Неплюева, можно на войсковой коштъ построить въ пристойномъ мѣстѣ особые покои и содержать особаго же одного или двухъ учителей, употребляя на то деньги изъ остающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы, и чтобы каждаго къ тому потребному и полезному обученію поохотить и понудить, для того отнынѣ грамотныхъ людей, ежели состоянія добраго, хотя-бъ кто службою и моложе былъ, въ произвожденіяхъ въ чины предпочитать, а впредь, какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ». Въ войсковомъ приговорѣ о выборѣ въ атаманы Андрея Бородина въ 1755 г. встрѣчается нѣсколько разъ подпись дѣтей вмѣсто отцовъ и подпись простыхъ казаковъ вмѣсто старшинъ и есауловъ, которые, желая, вѣроятно, скрыть свое безграмотство, заставляли расписываться за нихъ нерѣдко «по приказу», а не «по просьбѣ» такого-то; но въ это время встрѣчается уже болѣе грамотныхъ, чѣмъ за семь лѣтъ, когда Неплюевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ и настаивалъ на учрежденіи школъ; самая подпись дѣтей вмѣсто отцовъ, свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени о томъ, что заботы Неплюе-

Библиотека "Руниверс"

ва о распространеніи грамотности въ Яицкомъ войскѣ не остались «голосомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Неплюевъ указываетъ, какъ должны относиться казаки къ кочевавшимъ близъ ихъ городка Калмыкамъ, и въ частности, къ желавшимъ изъ нихъ креститься; упоминаетъ объ отношеніи къ нимъ Татарскихъ муллъ, опредѣляетъ штатъ Илецкой и Сакмарской станицъ, заканчиваетъ свой проектъ правомъ апелляціи недовольныхъ. Желая устранить вліяніе на Калмыковъ Магометанскихъ муллъ и абызовъ, жившихъ въ Яицкомъ войскѣ, онъ приказалъ отобрать отъ нихъ особыя подписки, подъ страхомъ смертной казни, чтобы «впредъ не только сами они къ превращенію въ свой законъ, ниже къ подговариванію и наученію для того изъ другихъ вѣръ никого и ни подъ какимъ видомъ не отваживались, но и другихъ свою братію Татаръ не допускали». Войсковой атаманъ и старшины обязаны были строго смотрѣть за Татарами и особенно за ихъ муллами и, въ случаѣ малѣйшаго отступленія ихъ отъ данной подписки, сейчасъ же брать ихъ подъ арестъ и немедленно сообщать о томъ Оренбургской канцеляріи. Не отрицая, что тайная пропаганда муллъ продолжала дѣйствовать во всей силѣ, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что страхъ смертной казни съузилъ кругъ магометанскаго вліянія на Калмыковъ, и число желающихъ креститься стало возрастать.

Такъ Неплюевъ весьма близко принималъ къ сердцу интересы Яицкаго войска, цѣня по достоинству силу, храбрость, смѣтливость и необыкновенную выносливость, закалъ этой «сбродной вольницы», стараясь придать ей правильный строй и улучшить экономическое положеніе страны. Еще Кириловъ писалъ Бирону, что Яицкіе казаки люди дѣльные и здѣшнихъ мѣстъ всѣ стёжки знаютъ [20]; Неплюевъ также хорошо понималъ и цѣнилъ тѣ богатые задатки Уральскихъ казаковъ, которые потомъ обнаружили они въ борьбѣ съ Киргизами и другими средне-азіатскими народами. Спустя почти сто лѣтъ послѣ этого, графъ В. А. Перовскій такъ отзывался [21] объ Уральскихъ казакахъ, сопровождавшихъ его въ Хивинской экспедиціи. «Вотъ ужъ чудо—казаки: стужа, бураны для нихъ ничто, больныхъ весьма мало, умершихъ почти нѣтъ; пока шли впередъ, какая бы ни была погода, и днемъ и ночью, распѣвали удалыя пѣсни; теперь [22] молчатъ, радость пропала, но унынія нѣтъ, работаютъ болѣе, лучше и охотнѣе всѣхъ. Безъ нихъ плохо-бы было всему отряду, а заговоришь съ ними о Хивѣ, всѣ и каждый готовы, по первому зову, опять обернуть коня, не справляясь, будетъ-ли имъ пища и конямъ кормъ. Я и прежде уже видѣлъ ихъ въ степномъ походѣ, но то была лѣтняя, веселая прогулка; теперь, при ежедневныхъ, ежечасныхъ трудностяхъ всякаго рода, они кажутся мнѣ во сто разъ удалѣе. Нѣтъ ни одного офицера, ни одного каза-

---

[20]) Рус. Бесѣда 1860 г., II, 199. Письмо 30 Ноября 1734 г.

[21]) См. его письма, отъ 5 Янв. и 7 Февр. 1840 г., къ наказному атаману Ур. войска, Матвѣю Львовичу Кожевникову, помѣщенныя въ Ур. в. вѣд. за 1869 г. № 17.

[22]) Извѣстно, что графъ Перовскій вынужденъ былъ съ полпути вернуться назадъ.

Библиотека "Руниверс"

ка, который-бы не заслужилъ моей душевной благодарности и похвалы [23]). Поблагодарите отъ меня, любезнѣйшій Матвѣй Львовичъ, оставшихся на Уралѣ за тѣхъ Уральцевъ, которые со мною [24]) Безразсудно и грѣшно было-бы мнѣ вести на вѣрную, безполезную и безславную гибель людей, которые вѣрою и правдою послужатъ еще Царю и Отечеству». Тоже самое, только въ другихъ выраженіяхъ, высказалъ объ Уральцахъ и генералъ-лейтенантъ Н. А. Веревкинъ, бывшій 11 лѣтъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска, на обѣдѣ, устроенномъ въ честь его 20 Іюля 1873 г., по возвращеніи изъ Хивинскаго похода. Указавъ на чрезвычайныя трудности, съ которыми сопряженъ былъ походъ Бековича-Черкасскаго въ Хиву, Веревкинъ замѣтилъ: «По истинѣ надобно удивляться, какъ удалось Бековичу достигнуть Хивы и привести туда нѣсколько человѣкъ живыми, изъ которыхъ большинство были Яицкіе казаки». На Уралѣ до сихъ поръ сохранилась пѣсня, которая особенно часто раздавалась въ отрядѣ Перовскаго, во время слѣдованія его къ Хивѣ и о которой никто не смѣлъ заикнуться на обратномъ пути. Пѣсня эта сложилась во время самаго похода и имѣетъ къ нему прямое отношеніе; нѣкоторыя выраженія этой пѣсни довольно вѣрно характеризуютъ закалъ Уральскихъ казаковъ.

Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву
Истребить Хивинско племя;
Наживемъ себѣ хвалу.
Черезъ Хиву перейдемъ,
Къ Усть-Урту подойдемъ;
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ Хивинцы-воры.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны ни-почемъ,
Джибаги прокляты сбросимъ,
Скинемъ теплы сапоги;
Шапки теплыя доносимъ,
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію запьемъ;
Винну порцію запьемъ,
Закричимъ мы въ разъ „Ура!“
Тутъ погибнетъ вся Хива!
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ....

Много-бы можно было привести данныхъ въ доказательство необыкновенной выносливости, смѣтливости и удальства Уральскихъ

[23]) Далѣе Перовскій отзывается съ особенною похвалою о покойномъ генералъ-маіорѣ Ур. войска Ѳедотѣ Григорьевичѣ Бирюковѣ. Сличи отзывъ о немъ Желѣзнова въ его очеркахъ „Уральцы“ ч. II, стр. 166.

[24]) Изъ письма отъ 7 Февраля, когда Перовскій рѣшился вернуться назадъ.

Библиотека "Руниверс"

казаковъ; но это далеко бы отвлекло насъ отъ главной задачи нашего очерка. Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что Уральскій казакъ въ степи незамѣнимъ. Кромѣ удальства и молодечества, какъ общихъ качествъ Русскихъ казаковъ, Уральцы отличаются и другими, которыя развиты въ нихъ сосѣдними степями, и которыхъ не имѣютъ другіе казаки. Какъ же было не цѣнить Яицкихъ казаковъ Неплюеву, которому постоянно приходилось имѣть дѣло съ обитателями средне-азіатскихъ степей!

ГЛАВА V.

Со времени подчиненія Яицкаго войска Неплюеву, начинается и укрѣпленіе Нижне-Яицкой линіи. До Неплюева на всемъ протяженіи нижняго Урала, т. е. на разстояніи болѣе 600 верстъ, отъ Разсыпной крѣпости до Гурьева городка, было только два укрѣпленныхъ пункта: Яицкій городокъ и Гурьевъ. Такая беззащитность Нижне-Яицкой линіи давала Киргизамъ возможность свободно переходить черезъ Уралъ на Самарскую сторону, выше и ниже Яицкаго городка, и производить грабежъ и угонъ скота у самихъ казаковъ и у Калмыковъ, кочевавшихъ на правомъ берегу Урала. Случалось, что Яицкіе казаки нерѣдко попадали и сами въ руки Киргизовъ, которые сторожили ихъ не на одной, такъ называемой, Бухарской сторонѣ, а и на другихъ путяхъ, напримѣръ по дорогамъ въ Самару и Сызрань.

Въ 1713 году партія Киргизъ и Каракалпаковъ, въ числѣ 800 чел., напала на возвращавшихся изъ Сызрани съ хлѣбомъ казаковъ, изъ которыхъ одни были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ. Въ 1725 г. повторилось тоже самое съ казаками, которые возвращались съ хлѣбомъ изъ Самары [25]). Въ 1723 г. Киргизы и Каракалпаки, въ числѣ 300 человѣкъ, явились подъ самый Яицкій городокъ, захватили въ плѣнъ пятерыхъ казаковъ и угнали нѣсколько скота; въ погоню за ними отправилось 150 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Тимофеева; но Киргизы и Каракалпаки успѣли скрыться, и отрядъ казаковъ долженъ былъ вернуться ни съ чѣмъ. На обратномъ пути въ Яицкій городокъ, отрядъ казаковъ встрѣтился на р. Утвѣ съ новой шайкой Киргизовъ, состоявшей изъ 300 человѣкъ, и вступилъ съ ними въ упорный бой, при чемъ казаки были разбиты, и пятеро изъ нихъ попали въ плѣнъ [26]).

Изъ нѣкоторыхъ бумагъ XVIII вѣка, хранящихся въ Уральскомъ войсковомъ архивѣ, видно, что у Яицкихъ казаковъ на рѣкѣ Утвѣ [27]),

---

[25]) Ур. в. вѣд. 1869 г., № 30.

[26]) Смотри доношеніе въ Военную Коллегію казака Михаила Бородина, захваченнаго въ это время въ плѣнъ и проданнаго Каракалпаками въ Хиву, откуда выкупилъ его черезъ пять лѣтъ прикащикъ Яицкаго казака Ив. Сидорова Лобика, Татаринъ Мамбетъ Мергеневъ за полтораста рублей. Ур. в. арх: Сличи въ Ур. в. вѣд. 1869 г., № 32.

[27]) Рѣка Утва впадаетъ въ Уралъ съ лѣвой стороны, между Илецкимъ городкомъ и Уральскомъ; протяженіе ея около 300 верстъ; берега поросли тальникомъ и камышемъ. Киргизы думаютъ, что въ Утвѣ есть золотой камень; но открыто объ этомъ не говорятъ, опасаясь, что Русскіе сами поселятся на Утвѣ осѣдлою жизнію; а Утва дѣйствительно удобна для поселенія: по сторонамъ ея прекрасные луга, а въ самой рѣкѣ довольно рыбы.

Библиотека "Руниверс"

и за Утвою побоища съ Киргизами и Каракалпаками происходили весьма часто. Воспоминаніе объ Утвинскихъ побоищахъ съ Киргизами крѣпко засѣло въ казачьихъ головахъ и доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ Уральскихъ казаковъ; но особенно распространена на Уралѣ слѣдующая пѣсня, отличающаяся плавнымъ, заунывнымъ мотивомъ:

Какъ за славною за рѣчкой
За Утвою,
За Утвинскими-то было
За горами,
Да распахана тамъ пашня
Яровая.
Пашня пахана не плугомъ,
Не сохою,
А распахана та пашня
Яровая
Мурзъ Киргизскихъ да Хивинскихъ
Копіями;
Выборонена та пашня
Яровая
Лишь копытами Киргизскихъ
Дикихъ коней,
И засѣяна не житомъ,
Не пшеницей,
А засѣяна та пашня
Яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ
Головами.
Добрый молодецъ засѣялъ,
Самъ уѣхалъ.
Ты рости, молъ, моя пашня,
Зеленѣйся,
На поливочку ужъ ты, молъ,
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя? Развѣ что
Съ неба дождемъ,
Иль источитъ горьки слезы
Мать родная [28])!

Немало приходилось терпѣть казакамъ и отъ кочевавшихъ близъ Яика Калмыковъ, особенно отъ тѣхъ, которые находились въ улусахъ хана Черендундука, владѣльца Доржи-Назарова и его сына Лобжи. Калмыки особенно донимали казаковъ отгономъ лошадей и рогатаго скота; такъ что казаки, будучи выведены изъ терпѣнія въ 1735 г. обратились съ слѣдующей просьбой къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ:

---

[28]) Смотр. Уральскія пѣсни, записанныя М. И. Иванинымъ въ Отеч. Зап. за 1848 г., № 4, Смѣсь, стр. 142.

Библиотека "Руниверс"

«Сего 735 году подбѣгаютъ подъ насъ нижайшихъ казачій городокъ, лѣтнимъ и осеннимъ временемъ, воровскіе Калмыки и отгоняютъ конные и скотинные табуны многократно, а именно: въ нынѣшнюю весну 735 году отогнали коннаго табуна съ пять сотъ лошадей да коровья скота до четыреста коровъ; да еще которые Калмыки сидятъ на низъ по рѣкѣ Яику, рыбною ловлею насъ обижаютъ и казаковъ нашихъ, которые отпущаются отъ насъ за звѣревою охотою и за рыбною ловлею, воровскіе Калмыки таковыхъ казаковъ нашихъ грабятъ и на смерть побиваютъ и разоряютъ безъ остатку, а безъ повелительнаго Вашего Императорскаго Величества указа надъ оными ворами военнаго промысла чинить не имѣемъ. Того ради Государственную Военную Коллегію мы всенижайшіе войскомъ Яицкимъ просимъ, дабы милостивымъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно было надъ оными воровскими Калмыки чинить намъ военный промыслъ, понеже мы нижайшіе отъ такого Калмыцкаго воровства пришли въ крайную скудность и разореніе [29])». Военная Коллегія 16 Февраля 1736 г. спрашивала Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, «можно-ль онымъ казакамъ позволить противъ показанныхъ воровскихъ Калмыковъ воинскимъ обычаемъ отпоръ чинить», и получила отвѣтъ отъ 9 Марта того же года: «Во время на Яицкій городокъ и казаковъ воровскихъ Калмыкъ нападенія, Яицкимъ казакамъ отпоръ отъ себя чинить и оныхъ воровъ побивать и ловить можно, чтобъ, видя то, и другіе Калмыки такого воровства не чинили и оттого унялись; а чтобъ въ отмщеніе обидъ надъ Калмыцкими улусы (какъ войско Яицкое проситъ) чинить имъ надъ оными Калмыки военный промыслъ, того Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ апробовать не можетъ, и какъ Военная Коллегія разсудить изволитъ, что отъ такого позволенія можетъ произойти между ними явная война; а подлежитъ войску Яицкому объ обидахъ своихъ, какія имъ Калмыки сдѣлаютъ, писать къ Астраханскому губернатору и къ полковнику Беклемишеву, съ явными о томъ доказательствы; а они, губернаторъ и полковникъ Беклемишевъ, Калмыцкимъ владѣльцамъ о томъ представлять и сатисфакцій требовать указы имѣютъ. А нынѣ къ нимъ, въ подтвержденіе прежнихъ, указы посланы будутъ».

Сосѣдство съ Киргизами и Калмыками пріучало казаковъ къ отчаянной храбрости, переходившей иногда за предѣлы всякой осторожности. Нерѣдко случалось, что Яицкіе казаки вступали въ бой съ кочевниками, защищая и охраняя другихъ, Русскихъ или инородцевъ, входившихъ въ составъ Россіи. Въ 1736 и 1737 гг. Киргизы напали на Волжскихъ Калмыковъ и многихъ взяли въ плѣнъ; въ 1738 году повторилось тоже, при чемъ были захвачены въ плѣнъ и Русскіе [30]). Въ 1739 г. пострадали отъ Киргизъ ватаги на Каспійскомъ морѣ [31]). Вслѣдъ за тѣмъ улусы Калмыцкаго владѣльца Бая

29) Ур. в. арх. № 19. Изъ кн. казачья повытья № 9, стр. 115. Прошеніе писано 25 Ноября и послано съ атаманомъ зимовой станицы Никитою Трифоновымъ.

30) Левшинъ, II, стр. 127 и 131.

31) Грамота В. Коллегіи отъ 16 Янв. 1739 г. № 6.

Библиотека "Руниверс"

должны были выдержать нападеніе 2700 Киргизовъ [32]). Въ томъ же 1739 г. на Калмыковъ напали Каракалпаки, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ [33]), а Киргизы, оставивъ на время въ покоѣ Калмыковъ, которые въ свою очередь грабили Русскія селенія около Саратова [34]), продолжали дѣлать набѣги на Илецкихъ казаковъ и Башкиръ [35]) и, увлекая за собою послѣднихъ, обращались къ грабежу Русскихъ селеній, какъ это напримѣръ случилось въ 1740 г. [36]); или же угоняли скотъ и лошадей у самихъ казаковъ. Особенно жутко было пограничнымъ Русскимъ поселенцамъ отъ набѣговъ Киргизъ въ 1743 г., когда толпы ихъ, заключавшія въ себѣ по одной и по двѣ тысячи, нападали на Русскія селенія и увлекали за собой все чтò не могло спастись отъ нихъ или не могло быть истреблено [37]). Главнымъ подстрекателемъ Киргизовъ является Киргизскій ханъ Абулъ-Хаиръ, озлобленный на Петербургскій кабинетъ за то, что онъ отказалъ ему въ замѣнѣ сына его Хаджи-Ахмета, бывшаго заложникомъ у Русскихъ, другимъ, побочнымъ сыномъ Чингизомъ. Яицкіе казаки, какъ пограничная военная стража, должны были не только защищать себя, но и отражать набѣги Киргизовъ, Каракалпаковъ, Башкиръ и Калмыковъ на Русскія селенія, а равно не допускать эти народы и до взаимныхъ столкновеній. Все это, при отсутствіи должныхъ укрѣпленій по линіи, осложняло обязанности Яицкихъ казаковъ. Кромѣ постоянной службы внутри своего городка, Яицкимъ казакамъ приходилось нерѣдко снаряжать особые полки на внѣшнюю службу и довольно значительные отряды на пограничную линію. Такъ, въ 1739 г., казаки должны были защищать отъ Киргизовъ Башкирцевъ Нагайской дороги, при чемъ ими было убито 10 чел., 50 ч. взято въ плѣнъ и отбито до тысячи лошадей [38]). Въ 1740 г. была командирована особая партія Яицкихъ казаковъ на низъ Урала, подъ командою атамана Ивана Осипова и есаула Андрея Бородина «за воровскими Киргизъ-Кайсаками»; въ слѣдующемъ году тотъ же Бородинъ былъ отправленъ на нижнюю дистанцію «за прошедшими подъ Волжскихъ Калмыкъ Киргизами» [39]). Иногда бывали даже такія тяжелыя времена, что у однихъ Яицкихъ казаковъ не доставало силъ для защиты края, семьи и собственной жизни, такъ-что необходима была помощь со стороны ихъ старшихъ братьевъ по оружію—Донскихъ казаковъ или же драгунскихъ ротъ. Такъ, въ 1739 г., указомъ князя Урусова [40])

---

[32]) Указъ Татищева отъ 30 Апр. 1739 г. № 2123.

[33]) Грамота Военной Коллегіи отъ 25 Мая 1739 г. № 132.

[34]) Указъ Оренбургской канцеляріи отъ 25 Мая 1739 г. № 4211.

[35]) Грамота Военной Коллегіи отъ 31 Мая 1739 года № 184; указъ отъ 9 Сентября того же года. Сличи Ур. вѣд. за 1868 г. № 23.

[36]) Указъ кн. Урусова отъ 24 Янв. 1740 г.

[37]) Левшинъ ч. II, стр. 158.

[38]) Указъ Оренб. губернск. канцеляріи отъ 11 Сент. 1739 г., № 4463.

[39]) См. въ Ур. в. арх. приговоръ Яицк. войска о выборѣ въ атаманы Андрея Бородина, по описи № 1.

[40]) Предшественникъ Неплюева по управленію Оренб. краемъ.

Библиотека "Руниверс"

отъ 23 Октября, была выслана рота драгунъ Астраханскаго гарнизона, съ цѣлію удержанія Киргизовъ отъ нападенія на Калмыковъ.

Въ прежнее время жизнь на Яикѣ была далеко не безопасна и требовала постоянной, неусыпной бдительности какъ со стороны казаковъ, такъ и начальства. Немало было пролито казацкой крови, и не даромъ сложилась пѣсня на Яикѣ:

Круты бережки, низки долушки
У нашего славнаго Яикушки,
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючьми слезами матерей и женъ поливаны.

Гдѣ кость лежитъ,—
Тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась,—
Тамъ вязель сплелась;
Гдѣ слеза пала,—
Тамъ озеро стало!

Въ этихъ родныхъ для каждаго Уральца звукахъ слышится выраженіе печальнаго прошлаго, и эта пѣсня—правдивый завѣтъ предковъ потомкамъ. Зная военныя способности и беззавѣтную храбрость Яицкихъ казаковъ, правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы сберечь лучшія силы края. Къ этому его побуждало и то, что число Яицкихъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, простиралось до трехъ съ небольшимъ тысячъ; очевидно, что, при такой малочисленности, трудно было казакамъ охранять и ту часть границы, которая примыкала къ мѣсту ихъ жительства. Поэтому Астраханскій губернаторъ В. Н. Татищевъ подалъ проектъ о поселеніи по Яику, съ цѣлію его обороны, ниже Яицкаго городка, Казанскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытіемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска, Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ. Проектъ Татищева уже былъ утвержденъ 21 Января 1739 г.; но за нѣкоторыми препятствіями рѣшеніе это нѣсколько лѣтъ не приводилось въ исполненіе. Между тѣмъ, казаки, опасаясь, что новые поселенцы будутъ перелавливать на пути идущую къ нимъ рыбу, а также не желая лишиться и пользованія рыболовствомъ въ нижнихъ частяхъ Урала, подали просьбу, въ которой обязывались построить близъ урочищъ Калмыкова и Кулагина Яра двѣ крѣпости и охранять ихъ и всю линію вплоть до Гурьева своими силами, прося, чтобъ на этомъ пространствѣ не заводили предполагаемыхъ селеній, уволили ихъ отъ постороннихъ командировокъ и отворили-бы ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга по 8 саженъ съ каждаго. Мы уже знаемъ, что въ пяти верстахъ ниже теперешняго Гурьева, на мѣстѣ, называемомъ брандвахтою, былъ устроенъ казенный учугъ или перебои изъ бревенъ поперекъ всей рѣки; учугъ этотъ былъ сдѣланъ Астраханскими рыбопромышленниками, которымъ были отданы на откупъ Гурьевскіе рыбные промыслы. Первоначально въ этомъ учугѣ, съ обѣихъ сторонъ его, были открыты ворота, шириною отъ 6 до 8

Библиотека "Руниверс"

саженъ; но впослѣдствіи, вѣроятно откупщиками, ворота эти были заперты или вовсе уничтожены, такъ что рыба изъ моря могла проходить въ Уралъ только его боковыми устьями или рукавами, которыхъ въ то время было довольно и нѣкоторые изъ нихъ были очень глубоки. Къ этому-то учугу, а не къ Уральскому, относятся разсказы, указывающіе на необыкновенное изобиліе рыбы въ то время. По словамъ преданія, рыба такъ напирала на учугъ, что ее приходилось разгонять пушечными выстрѣлами [41]). Эти-то учуги, какъ увидимъ, и сдѣлались впослѣдствіи причиною частыхъ споровъ, весьма затруднительныхъ для начальства, при разбирательствѣ дѣлъ между Яицкими казаками и Астраханскими рыбопромышленниками. Яицкіе казаки весьма были недовольны и тѣмъ, что Гурьевскіе учуги были заперты, особенно когда боковыя устья Яика мелѣли, по причинѣ убыли воды въ Уралѣ; теперь же, когда правительство было намѣрено перевести на берега Яика Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ, казаки должны были завопить. Въ своей просьбѣ они говорятъ: «Отъ такаго заселенія мы придемъ въ крайнюю нищету и разореніе, и рыбные наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ и службу отправляемъ, вовсе уничтожатся; ибо за такимъ поселеніемъ рыба до нашего городка, за тѣмъ, что всегда будетъ пужена, проходить уже не можетъ, и отъ одного оружейнаго выстрѣла или огнища, или же кто не вд время одну рыбу поймаетъ, вся на низъ уходитъ» [42]). Нелѣпость словъ этихъ, замѣчаетъ г. Данилевскій [43]), очевидна: если такое препятствіе, какъ Гурьевскій учугъ, не могъ задержать прохода рыбы въ Уралъ, и она доходила до Яицкаго городка въ такомъ количествѣ, что, по свидѣтельству самихъ же казаковъ, они отъ рыболовства «все свое пропитаніе имѣли», то какимъ же образомъ могла остановить ходъ рыбы вверхъ по рѣкѣ поимка одной рыбы въ какое бы ни было время года, или одинъ оружейный выстрѣлъ?! Все это, разумѣется, были не болѣе какъ выдумки и довольно простоватыя, чтобы только отклонить предположенное поселеніе дворянъ и драгунъ, и въ нихъ-то, по словамъ Данилевскаго, кроется, вѣроятное начало той мысли, которая составляетъ и до сихъ поръ коренное убѣжденіе большей части Уральцевъ, что не только всякое судоходство, но даже всякій малѣйшій шумъ или огонь на берегу Урала пугаетъ рыбу.

Какъ бы то ни было, только Неплюевъ, которому казаки такъ много обязаны, вступился за Яицкое войско, представляя, что предположенное заселеніе по нижнему Уралу драгунъ и дворянъ совершенно раззорило бы казаковъ, тогда какъ, по его выраженію, такой-де «сильный, легкій и исправный корпусъ раззорять весьма неполезно». Неплюевъ представилъ въ 1743 г. особое мнѣніе въ Сенатъ, въ которомъ, докладывая о просьбѣ Яицкихъ ка-

---

[41]) Данилевскій, ч. III, стр. 28.

[42]) Рябининъ, ч. II, 28—29. Сличи П. С. З., т. X, стр. 788—789.

[43]) Данилевскій, ч. III, стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

заковъ, онъ находитъ выгоднымъ уступить желанію войска по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) на устройство промежуточныхъ оборонительныхъ пунктовъ не потребуется отъ казны расходовъ; 2) на содержаніе драгунскаго полка и другихъ поселенцевъ необходимо было бы жертвовать большія суммы, тогда какъ въ способѣ, предлагаемомъ войскомъ, расходъ будетъ равняться только доходу отъ учуговъ и притомъ вознаградится еще тѣмъ, что тогда Яицкіе казаки придутъ въ лучшее положеніе, а слѣдовательно могутъ отъ того принести своею службою и больше пользы государству; 3) Казанскій драгунскій полкъ, Самарскіе и Алексѣевскіе дворяне могутъ быть съ выгодою употребляемы на службу при Оренбургской Коммиссіи; 4) тѣхъ трудностей, которыя бы могли происходить, при поселеніи Казанскаго полка, въ доставленіи провіанта, фуража и полковой амуниціи, не будетъ; 5) разработка Гурьевскихъ учуговъ усилитъ промышленность и торговлю, а слѣдовательно 6) принесетъ казнѣ чистый барышъ чрезъ умноженіе рыбныхъ сборовъ въ Самарѣ и Сызрани, чрезъ которые возятъ рыбу во внутренніе города Имперіи [44]). Въ то же время Неплюевъ писалъ къ Татищеву, стараясь и его склонить на сторону казаковъ. Татищевъ, принимая въ соображеніе доводы Неплюева и ничтожность выгодъ, получаемыхъ казною отъ Гурьевскаго учуга, который съ 1740 по 1742 г. доставилъ всего 5037 р. 66 коп., не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но и предложилъ отдать учугъ казакамъ вмѣсто жалованья, предоставивъ имъ право сломать учугъ или оставить его въ свою пользу, что впослѣдствіи и подало казакамъ поводъ къ просьбѣ объ отдачѣ имъ учуга на откупъ.

Мнѣніе Неплюева, представленное въ Сенатъ, поддержала и В. Коллегія. Императрица отмѣнила резолюцію Кабинета и грамотою 23 Апрѣля 1743 г., данною на имя войсковаго атамана и всего Яицкаго войска, пожаловала ихъ отвореніемъ Гурьевскаго учуга по 8 саженъ съ каждой стороны, для прохода рыбы вверхъ по Уралу «дабы чрезъ то казаки въ службы Ея Величества являлись исправны».

Казакамъ позволено было селиться ниже Яицкаго городка сначала только въ двухъ указанныхъ ими пунктахъ, близъ урочищъ Калмыкова Яра и Кулагина Яра, съ обязательствомъ устроить здѣсь крѣпости и содержать въ нихъ по пятисотенной командѣ, въ первое время ежегодно перемѣняемой, а потомъ, какъ въ упомянутыхъ крѣпостяхъ, такъ и въ промежуточныхъ пунктахъ, «основаться фундаментальными жилищами» и своими разъѣздами между обѣими крѣпостями и начиная отъ нихъ въ одну сторону до Яицкаго городка, а въ другую до Гурьева охранять границу, не допуская до перелазовъ кочующихъ по берегамъ рѣки Калмыковъ и Киргизъ. Такъ возникли двѣ крѣпости: Калмыковская и Кулагина [45]), положившія въ свою очередь начало форпостамъ Нижне-Яицкой линіи и образовав-

---

[44]) Рябининъ, ч. I, стр. 35; ч. II, въ приложеніи стр. 29—30, Х. Сличи П. С. З., т. XII, № 8620.

[45]) Первая въ 200 верстахъ, вторая въ 120 верстахъ отъ Гурьева.

Библиотека "Руниверс"

шія цѣпь укрѣпленныхъ постовъ, передовые пикеты которыхъ содержались на лѣвой сторонѣ Урала.

Укрѣпляя Нижне-Яицкую линію, Неплюевъ, какъ и всегда, старался дѣйствовать не самовластно, а сообразуясь съ мнѣніемъ и доводами самихъ казаковъ, которымъ лучше была извѣстна и мѣстность по р. Уралу, и нравы сосѣднихъ степныхъ барантачей *). Такъ, изъ указа отъ 19 Марта 1746 г. видно, что когда полковникъ Пальчиковъ, при особомъ рапортѣ, сообщилъ Оренбургской канцеляріи мнѣніе Яицкаго войска относительно того, что особенно нуждается въ наилучшемъ укрѣпленіи и наибольшемъ числѣ казаковъ мѣстность около и ниже Индерскихъ горъ, Неплюевъ отвѣчалъ: «Означенное ваше мнѣніе, по разсмотрѣніи, для показанныхъ отъ васъ обстоятельствъ, здѣсь апробуется» [46]). Мнѣніе это состояло въ слѣдующемъ. Такъ какъ, по наблюденіямъ казаковъ, Киргизы чаще всего перебирались на правую сторону Урала, особенно въ лѣтнее время, около Индерскихъ горъ и ниже къ Гурьеву, а зимой проходили даже ниже устья Урала по льду; то Пальчиковъ доносилъ, что войско считаетъ необходимымъ умножить число сторожевыхъ казаковъ въ той части линіи, которая находится между Индерскими горами и Гурьевымъ. Неплюевъ, согласившись съ мнѣніемъ войска, предписалъ, чтобы, какъ только назначены будутъ извѣстные опредѣленные пункты для форпостовъ, войско немедленно указало ихъ кондуктору Куликову, который долженъ былъ измѣрить разстояніе между форпостами, описать мѣстность каждаго изъ нихъ въ отношеніи удобства, составить ландкарту и учинить реестръ поверстнаго ихъ разстоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ распорядился, чтобы и на лѣвой сторонѣ Урала имѣлись караулы и въ степь подъѣзды, желая чрезъ то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны Киргизовъ. При всѣхъ форпостахъ велѣно было устроить на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ «маяки высокіе» и обвязать ихъ камышомъ или другою какою сухою травою. При появленіи хищническихъ шаекъ, если только онѣ были довольно значительны, маяки эти, зажигаясь одинъ за другимъ, въ нѣсколько часовъ давали знать всей полинейной стражѣ о нападеніи Киргизъ-Кайсацкихъ скопищъ. Форпосты, заключавшіе въ себѣ не менѣе ста человѣкъ, должны были имѣть по одной пушкѣ и какое либо укрѣпленіе, а въ двѣ крѣпости велѣно дать по двѣ пушки со всѣми снарядами, чтобы, въ случаѣ нападенія сильной партіи, можно было безопаснѣе и съ бо̀льшимъ успѣхомъ вести оборону. Казакамъ приказано «всякое стараніе имѣть быть доброконнымъ, а во время нужды о дву-конь; ибо Киргизы на воровство всегда поднимаются не меньше какъ о дву или о трехъ-конь,—такъ безъ доброконныхъ лошадей надъ ними учинить и ничего невозможно». Выше Яицкаго городка, гдѣ также нерѣдко являлись Киргизы, Неплюевъ приказалъ вплоть до Илецка-

*) Баранта—набѣгъ, грабежъ, преимущественно въ отместку. П. Б.

[46]) Рябининъ, ч. II, стр. 11—12. Приложеніе IV-е.

Библиотека "Руниверс"

го городка, въ удобныхъ мѣстахъ, сдѣлать зимовки [47]), учредить и содержать при нихъ постоянный караулъ, во время зимы и лѣта. Мѣстà для такихъ зимовокъ и карауловъ, которыя будутъ указаны казаками, кондукторъ Куликовъ также долженъ былъ описать и измѣрить ихъ взаимное разстояніе, занесши все то на ландкарту.

Такимъ образомъ возникла постепенно цѣпь форпостовъ: Сарайчиковъ, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевой, Зеленый Колокъ, Гребенщиковъ, Харкинъ (Харкинская), Красный Яръ, Котельной, Антоновъ, Каменные Орѣшки (Кàленовская), Сахарной, Мергеневъ, Сундаевъ, Кожехаровъ, Бударинъ, Кошъ-Яикъ, Чаганской и крѣпости: Кулагинская и Калмыковская, называвшіяся въ то время городками. Во всѣ эти форпосты казаки ежегодно обязаны были отправлять два полка въ полномъ комплектѣ; число всѣхъ казаковъ вмѣстѣ съ старшинами должно было равняться 1016 человѣкъ.

Въ то время, какъ заселялась и укрѣплялась Нижне-яицкая линія, на южномъ краю ея, въ Гурьевѣ, потребовалось усиленіе внутренняго гарнизона. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Зимой 1747 г. сильная партія Киргизъ-Кайсаковъ, обойдя Яицкіе форпосты Каспійскимъ моремъ, напала на Русскія и Калмыцкія селенія на Волгѣ и произвела въ нихъ «великое раззореніе». Во избѣжаніе подобныхъ набѣговъ на будущее время, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ предписала Неплюеву и Астраханскому губернатору дѣйствительному камергеру Брылкину войти во взаимное соглашеніе относительно обсужденія мѣръ предосторожности отъ Киргизъ-Кайсацкихъ набѣговъ. Неплюевъ и Брылкинъ нашли необходимымъ увеличить Гурьевскій гарнизонъ сотнею казаковъ; но оба они расходились въ мнѣніи касательно источника, изъ котораго могла быть набрана эта сотня. Неплюевъ, за малолюдствомъ Яицкихъ казаковъ, предлагалъ сформировать ее изъ Волжскихъ казаковъ внутренней Царицынской линіи; а Брылкинъ, ссылаясь на малочисленность сихъ послѣднихъ, находилъ болѣе удобнымъ переселить въ Гурьевъ сто семей изъ Донскихъ казаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, получивъ оба эти мнѣнія, въ промеморіи къ Военной Коллегіи сообщила, что, сверхъ находящихся въ Гурьевѣ 120 чел. солдатъ изъ Астраханскаго гарнизона, она вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Неплюева и Брылкина объ увеличеніи Гурьевскаго гарнизона сотнею конныхъ казаковъ и притомъ находитъ необходимымъ укрѣпить слободу, въ которой поселятся казаки, «обнеся острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ». Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не нашла возможнымъ принять мнѣніе Неплюева и Брылкина отно-

---

[47]) Изъ этихъ-то зимовокъ и возникли впослѣдствіи, такъ называемыя реданки и трети, расположенныя цѣпью по правому (отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева) и лѣвому (отъ Бударинскаго форпоста вверхъ по рѣкѣ до Илецкихъ дачъ) берегу Урала. Реданка строится на половинѣ разстоянія отъ одного форпоста до другаго, а трети между реданкою и форпостомъ; слѣдовательно, по обѣимъ сторонамъ каждой реданки находится по трети или третному пикету. На реданкахъ и третяхъ въ прежнее время всегда находилось нѣсколько казаковъ отъ линейной стражи, какъ передовой караулъ; они-то и зажигали маяки, въ случаѣ нападенія Киргизовъ.

Библиотека "Руниверс"

сительно того, откуда взять сотню казаковъ. Мнѣніе Неплюева не было принято потому, что съ выселеніемъ въ Гурьевъ сотни Волжскихъ казаковъ ослабилось бы положеніе Саратова, Царицына, Дмитріевска, Чернаго Яра и другихъ Волжскихъ городовъ. Что же касается до выселенія Донскихъ казаковъ, предложеннаго Брылкинымъ, то, по мнѣнію Коллегіи, на Донскихъ казакахъ должна была лежать обязанность въ охраненіи границъ отъ Крымскихъ и Кубанскихъ Татаръ, при томъ же изъ Донцовъ,—говорится въ промеморіи, — бываютъ частыя командировки къ Персидскимъ границамъ и въ другіе дальніе походы. Отрицая, такимъ образомъ, оба мнѣнія, Иностранная Коллегія спрашивала Военную: не найдетъ ли она возможнымъ и болѣе удобнымъ выселить въ Гурьевъ Дубовскихъ казаковъ или, въ случаѣ препятствій съ этой стороны, изъ Яицкаго войска? Коллегія положила спросить объ этомъ Яицкое войско. 23 Сентября того-же года Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ препроводила къ Неплюеву указъ, изъ котораго видно, что 30 Мая и 22 Іюля Брылкинъ представлялъ, что въ 1746 г. имъ было командировано въ Гурьевъ Красноярскихъ и Астраханскихъ казаковъ 50 чел., а вмѣсто ихъ на форпосты употреблены были Донскіе казаки. Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ приказала Брылкину Донскихъ казаковъ отпустить, а Неплюеву было предписано, до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, содержать въ Гурьевѣ въ зимнее время 50 чел. изъ Яицкихъ казаковъ попеременно и нѣсколько человѣкъ изъ Астраханскихъ городскихъ казаковъ, о чемъ было дано знать и Брылкину, если только ему «тамошняя конъюнктура (обстоятельство) дозволитъ». Такимъ образомъ, сверхъ 1016 человѣкъ, посылаемыхъ на форпосты, Яицкое войско должно было каждую зиму, впредь до новаго указа, посылать въ Гурьевъ 50 чел. да вверхъ по Яику, въ новоучрежденный форпостъ близъ Илецкаго городка, 20 человѣкъ, итого 1086 человѣкъ.

Казаки обязаны были не допускать до перелазовъ на противоположный берегъ Киргизъ и Калмыковъ, раздѣленныхъ нижнимъ теченіемъ Урала; и тѣмъ и другимъ позволялось кочевать не ближе какъ на 20 верстъ отъ береговъ рѣки въ степь. Въ случаѣ если бы казаки встрѣтили у кого-либо отогнанныхъ лошадей или плѣнниковъ, то имъ позволялось убивать виновныхъ на страхъ другимъ, «дабы и тайныхъ перелазовъ не чинили, скотъ не отгоняли и людей не захватывали». Если же казаки замѣчали появленіе сильныхъ и многочисленныхъ партій Калмыковъ или Киргизъ въ недальнемъ разстояніи отъ береговъ Урала, или получали только извѣстіе о приближеніи такихъ скопищъ: то они должны были, сколько возможно, «пересылками съ ними, удерживая ихъ, или безъ всякаго азарту препятствуя имъ», тотчасъ же посылать вѣстовыхъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману, который давалъ немедленно приказъ ударить въ набатный колоколъ, чтобы всѣ, сколько бы ни понадобилось, сейчасъ же скакали на выручку форпостныхъ казаковъ.

Библиотека "Руниверс"

Но, принимая всѣ предосторожности къ обезпеченію линіи, Неплюевъ запрещалъ обижать и Киргизъ съ Калмыками. Полковымъ старшинамъ было строго приказано смотрѣть за подчиненными, чтобы «они безъ ихъ вѣдома никуда отъ команды не отлучались и кочующимъ иногда по близости Киргизъ-Кайсакамъ и Калмыкамъ обидъ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно бы на нихъ худыхъ дѣлъ не затѣвали, чего ради отъ форпостовъ на звѣроловство и ни на какіе промыслы далѣе десяти верстъ ихъ не отпускать». Выбѣжавшихъ изъ Калмыцкихъ улусовъ или Киргизскихъ ауловъ плѣнниковъ велѣно было, послѣ подробныхъ предварительныхъ распросовъ, «не чиня имъ никакихъ обидъ», отсылать къ войсковому атаману, который долженъ былъ, при случившейся надежной оказіи, препроводить ихъ въ мѣстожительство и донести о томъ въ Оренбургскую канцелярію.

Такимъ образомъ Неплюевъ, укрѣпляя и заселяя Нижне-Яицкую линію, не только отстоялъ существованіе казацкой при-Яицкой общины, но на равнѣ съ самими казаками заботился объ ихъ выгодахъ и щадилъ силы казаковъ, постоянно заявляя, что «Яицкіе казаки противу прочихъ различными службами отягощаемы бываютъ», что ихъ и безъ того мало, чтобы брать изъ нихъ еще сто человѣкъ. Но на этотъ разъ обстоятельства сложились такъ, что Яицкимъ же казакамъ пришлось сторожить и Гурьевскихъ поселенцевъ, впрочемъ, не безъ вознагражденія.

Намъ уже извѣстно, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ выразила желаніе, чтобы Гурьевская слобода, въ которой поселятся казаки, была обнесена острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ; поэтому Неплюеву предстояло теперь позаботиться объ укрѣпленіи Гурьева. Въ настоящее время Гурьевъ—городокъ безъ всякихъ укрѣпленій, но въ старину [48]) онъ былъ окруженъ каменною стѣною съ башнями по угламъ, которая въ 1753 г., когда Гурьевъ былъ включенъ въ составъ Уральскаго войска и подчиненъ вѣдомству Оренбургскаго губернатора, вся обвалилась [49]); почему Неплюевъ положилъ устроить новое укрѣпленіе и въ 1754 г. поручилъ инженеръ-капитану Назимову осмотрѣть Гурьевъ и узнать, какъ идутъ тамъ работы по устройству городской стѣны. Назимовъ, по пріѣздѣ въ Гурьевъ, донесъ Неплюеву, что, за недостаткомъ матеріаловъ и недоставленіемъ отправленныхъ изъ Оренбурга, работы не были начаты до его пріѣзда, и что при немъ только приступили къ постройкѣ разобранныхъ прежде каменныхъ стѣнъ по плану, утвержденному Неплюевымъ. Мѣстность [50]), на которой находился тогда Гурьевъ городокъ, Назимовъ

---

48) Рычковъ, ч. II, 23.

49) Сборникъ сатистич. и археологич. свѣдѣній. Уфа, 1868 г., стр. 90, отд. II.

50) Василій Струняшевъ, уговаривая Киргизскую красавицу Алтыну бѣжать съ нимъ въ Гурьевъ, такъ описываетъ ей этотъ городъ: „Городъ этотъ выстроенъ на острову, кругомъ его на сотни верстъ глухія, непроходимыя камышевыя зáросли. Какъ сѣткою, окруженъ онъ глубокими рѣчками, ериками и проранами; какъ моремъ, омывается огромными ильменями и озерами. Тамъ и жители ѣздятъ другъ къ другу на лодкахъ“ и проч. См. Уральцы, ч. II, 49.

Библиотека "Руниверс"

называетъ нездоровою и, находя, что производство работъ можетъ сильно обременить однихъ солдатъ, которымъ было поручено возвести укрѣпленіе, онъ проситъ Неплюева, чтобы въ Гурьевъ назначено было къ производству работъ еще нѣсколько казаковъ [51]. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева и распорядительности инженера Назимова, Гурьевъ былъ обнесенъ высокимъ и частымъ палисадомъ, по четыремъ угламъ котораго возвышались каменные барбеты или фланги (такъ ихъ называли казаки [52]), вооруженные чугунными пушками и мортирами. Въ палисадѣ, какъ и въ прежде бывшей стѣнѣ, было устроено четверо воротъ, изъ которыхъ одни, обращенные къ берегу Урала, назывались Спасскими [53]). Надъ этими воротами прежде находилась каменная церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса, съ двумя предѣлами, Аѳанасія и Кирила Александрійскихъ и Алексѣя Божія человѣка; но при перестройкѣ стѣнъ, при Неплюевѣ, церковь эта, пришедшая въ ветхость, была замѣнена деревянною, во имя Николая Чудотворца. При этомъ замѣтимъ, что прежде Гурьевъ назывался въ дѣловыхъ бумахъ Яикъ-Гурьевымъ городкомъ, а Гурьевская Канцелярія—Яицко-Гурьевской Комендантской Канцеляріей. Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находился Гурьевъ предъ временемъ его поступленія въ вѣдомство Неплюева, приведемъ отзывъ капитана Залѣсскаго, который принялъ его 1 Января 1753 г. въ составъ Оренбургскаго края отъ капитана Астраханскаго гарнизона Племянникова. «Городъ каменной весьма ветхой въ трехъ стѣнахъ и въ восьми башняхъ и болверкахъ, кои до половины развалились и вновь сдѣланы цѣлымъ и половинчатымъ кирпичемъ, а четвертая часть стѣны противъ комендантскаго дому рушилась. У онаго города одни ворота, называемыя Спасскіе, да одна калитка. Величина его по длинѣ отъ Спасскихъ воротъ до Терской башни 132 саж., а поперекъ отъ средней стѣнной башни до башни-жъ Макарьевской 128 саж.».

Но не однихъ Гурьевцевъ должны были защищать Яицкіе казаки; на нихъ возложена была обязанность и относительно лучшаго содержанія Илецкихъ казаковъ. Неплюевъ вмѣнилъ всему Яицкому войску и особенно войсковому атаману въ службу смотрѣть за Илецкими казаками, чтобы они были «небезконны и небезоружны и въ городѣ-бъ добрый порядокъ и осторожность содержали; понеже Илецкая станица, какъ извѣстно, понынѣ еще слабаго состоянія и, въ случаѣ какого на нее немалаго воровскаго приходу, къ охраненію себя еще ненадежна». Всѣ эти мѣры и распоряженія Неплюева, при содѣйствіи самихъ казаковъ, по устройству укрѣпленій Нижне-Яицкой линіи, были утверждены въ Петербургѣ, какъ видно изъ указа Военной Коллегіи 3 Іюля 1747 г. [54]).

---

[51]) Ур. В. Вѣд. 1872 г., № 30.

[52]) Такъ называетъ ихъ и Рычковъ. См. ч. II, 23.

[53]) Рычковъ, ч. II, 23. Въ настоящее время отъ всего этого почти ничего не осталось, кромѣ небольшой валообразной возвышенности, огибающей на подобіе квадрата одинъ кварталъ города съ площадью, гдѣ былъ старый городъ.

[54]) Рябининъ, ч. II, приложеніе VI-е.

Библиотека "Руниверс"

Плохое стратегическое состояніе Илецкой станицы не переставало безпокоить заботливаго начальника, и поэтому въ 1748 г., возвращаясь изъ Яицкаго городка, Неплюевъ пожелалъ лично осмотрѣть эту станицу. Время основанія Илецкаго городка относится къ 1737 году, когда двое Яицкихъ казаковъ Черкасскаго рода, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ обратились въ канцелярію Оренбургской экспедиціи съ просьбою о дозволеніи имъ построить на устьѣ р. Илека городокъ, на что и получили разрѣшительный указъ, отъ 5 Февраля того же года [55]). Въ силу этого указа, они получили право принимать на поселеніе Уфимскихъ Мещеряковъ, Калмыковъ, Татаръ и другихъ инородцевъ, не положенныхъ въ подушный окладъ; Изюмскій былъ назначенъ станичнымъ атаманомъ, а Черкасовъ есауломъ. Не смотря на то, что основателями Илецкаго города были казаки Черкасскаго рода, въ общинѣ Илецкихъ казаковъ не было и тѣни Яицкаго элемента, такъ какъ Илецкая станица образовалась изъ людей, не отличавшихся ни удальствомъ, ни казацкимъ молодечествомъ, изъ крестьянъ, взятыхъ отъ сохи, Чувашъ, ясачныхъ Татаръ, Мордвы, отставныхъ солдатъ и т. п. Неплюевъ не даромъ поручилъ Илецкихъ казаковъ попеченію Яицкаго войска, которое должно было, такъ сказать, оказачить ихъ поияицки.

По прибытіи въ Илецкій городокъ, Неплюевъ осмотрѣлъ мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестностей, вникая во все до мельчайшихъ подробностей. Такъ какъ положеніе крѣпости на лѣвой сторонѣ Яика подвергало Илецкихъ казаковъ большой опасности въ отношеніи Киргизскихъ набѣговъ, во время которыхъ Киргизы неоднократно увозили казаковъ съ пашни и покосовъ въ свои улусы, то Неплюевъ прежде всего намѣренъ былъ переселить казаковъ на правый берегъ Яика. Казаки заявили, что это переселеніе потребуетъ значительныхъ издержекъ и немаловажныхъ усилій съ ихъ стороны, и потому просили о позволеніи остаться на прежнемъ мѣстѣ. Неплюевъ, всегда внимательно относившійся къ мнѣнію казаковъ, согласился на это, но обязалъ ихъ подпискою, что они пашни и покосы, находившіеся также на степной сторонѣ и въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, впредъ будутъ имѣть на правой сторонѣ Яика; здѣсь же долженъ былъ пастись и скотъ, чтобы чрезъ то затруднить угонъ его Киргизами. Чрезъ рѣку Яикъ велѣно было устроить мостъ, для свободнаго проѣзда съ возами и прогона скота; на рабочую пору въ станицѣ должна была оставаться треть всего числа казаковъ, съ цѣлію обороны, въ случаѣ нападенія Киргизовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ постановилъ, что, еслибы кто пожелалъ заводить хутора на правой сторонѣ Яика, то и таковымъ не воспрещать. Прежде казачьи гумна, овины и при нихъ всякій хлѣбъ находились въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости и расположены были въ разбросъ, такъ что иногда могли служить удобнымъ мѣстомъ для укры-

---

[55]) Смотри въ Уральскомъ войск. архивѣ № 14-й.

Библиотека "Руниверс"

вательства подъѣзжавшихъ къ станицѣ воровъ; почему Неплюевъ распорядился, чтобы «всѣ казачьи гумна, овины и при нихъ хлѣбъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, а именно: съ восточной стороны, съ въѣзда въ городокъ, кромѣ Яику, такъ чтобы они могли быть подъ прикрытіемъ пушекъ и не далѣе съ половины города закрывали, гдѣ каждый про себя, какъ и кому надобно, построить и огородить можетъ, а около тѣхъ имѣть плетень для незапнаго нападенія» [56]). Старыя гумна Неплюевъ приказалъ сломать «и, по прежнему, въ разсѣяніи ихъ не имѣть»; огороды также велѣно было завести около крѣпости, «чтобы случающіеся тутъ люди въ виду караульныхъ и подъ прикрытіемъ же были». Осматривая батареи, Неплюевъ нашелъ, что онѣ были покрыты и не такъ крѣпко устроены, какъ бы надлежало; почему онъ приказалъ: «оныя предъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать лучше, срубя ихъ изъ здороваго и нетолстаго лѣсу, и подѣлать на нихъ крѣпкіе полы и крыши, по тому примѣру, какъ оные въ Разсыпной крѣпости сдѣланы, и содержать всегда въ надлежащей исправности». Лафеты подъ пушками также оказались весьма плохи, а казаки, приставленные къ пушкамъ, не умѣли дѣйствовать должнымъ образомъ, почему Неплюевъ распорядился «послать изъ Оренбурга отъ артилерійской команды одного унтеръ-офицера, чтобы онъ при себѣ подъ оныя пушки такъ установилъ и нумерей обучилъ, чтобъ онѣ и стрѣляніе всегда дѣйствительны и къ защищенію города способны были».

Между тѣмъ, чтобы не задержать производства работъ, казакамъ приказано было заготовить и насушить лѣсу для устройства лафетовъ и батарей. Оплотъ, которымъ была обнесена крѣпость, если обветшаетъ или обвалится, казаки обязались исправлять всѣмъ обществомъ; у всѣхъ воротъ въ лѣтнее время и на батареѣ долженъ былъ содержаться караулъ, а ворота, обращенные въ Киргизскую степь, велѣно наглухо запереть. Изъ числа той трети, которая должна была оставаться въ станицѣ на рабочее время, Неплюевъ приказалъ содержать два форпоста: одинъ на рѣчкѣ Заживной, а другой на Киндселѣ [57]). Илецкіе казаки обязались построить въ этихъ мѣстахъ землянки, «только камышемъ не крыть, имѣть въ нихъ по пушкѣ и содержать по 20 человѣкъ». Каждую недѣлю два раза, а еслибы потребовалось и каждодневно, казаки, въ числѣ пяти человѣкъ, должны были дѣлать разъѣзды по двумъ направленіямъ: въ одну сторону къ Разсыпной крѣпости и въ другую—къ Иртеку [58]), съѣзжаясь на полпути съ отъѣзжими караулами, высылаемыми изъ упомянутыхъ мѣстъ. Въ улусы Киргизовъ казаки могли ѣздить только вслѣдствіе особаго приказанія Оренбургской губернской канцеляріи. Впрочемъ,

---

[56]) Рябининъ, ч. II. № VII, стр. 16—17.

[57]) Рѣки Заживная и Киндела начинаются въ предѣлахъ Оренбургскаго войска и входятъ въ Уральскую область, первая близъ Мухрановскаго форпоста, а вторая у хутора Новокиндельскаго, и обѣ впадаютъ въ Уралъ съ правой стороны, между Кинделинскимъ и Бородинскимъ форпостами.

[58]) Иртецкій форпостъ отъ Уральска въ 99½ верстахъ, а Разсыпная въ 167½ в., слѣдовательно разъѣзды Илецкихъ казаковъ обнимали пространство отъ 34—40 верстъ въ длину.

Библиотека "Руниверс"

позволялось отъѣзжать и въ степь, для звѣроловства и рыбныхъ промысловъ, но не болѣе какъ на 20 верстъ [59]), и «ѣздили-бъ, говоритъ Неплюевъ, компаніями съ оружіемъ и немалолюдно, смотря, чтобъ имъ отъ Киргизовъ вреда не было, а при тревогахъ какъ въ городѣ, такъ и въ форпостахъ давать сигналъ изъ пушки». По рѣкѣ Илеку за лѣсомъ позволялось ѣздить и далѣе 20 верстъ, но вооруженными компаніями и съ непремѣннымъ обязательствомъ, чтобы каждый отправлявшійся на промыселъ казакъ нанималъ за себя другаго, для отправленія за него очереди, «дабы оная за тѣмъ не стояла и другимъ бы изъ того тяжести не было». Но заботясь о безопасности Илецкихъ казаковъ, Неплюевъ однакожъ не позволялъ имъ, какъ и Яицкимъ казакамъ, безъ причины обижать и Киргизовъ; онъ даже обязалъ казаковъ подпискою, чтобы «Киргизамъ, которые на ихъ казачьей сторонѣ будутъ ѣздить для звѣроловства, или для чего другаго, а не ради воровства, онымъ никакихъ обидъ не чинить и въ улусы ихъ для воровства не ѣздить». Атаману и его совѣтникамъ-старшинамъ было приказано, подъ угрозою штрафа, за всѣмъ смотрѣть и наблюдать.

Указавъ на мѣры Неплюева въ стратегическомъ отношеніи для Нижне-Яицкой линіи, мы не можемъ пропустить и того грустнаго явленія, что казаки, подъ вліяніемъ неумѣстной и нерѣдко рискованной храбрости, не могли или не хотѣли понять всей необходимости мѣръ предосторожности со стороны начальства, которое всегда старалось беречь пограничныя силы края. Такъ, напр., въ Сентябрѣ 1755 г., поручикъ Ураковъ, занимавшій должность нынѣшняго начальника дистанціи, доносилъ Неплюеву, что Яицкіе казаки, отправляясь за рыбою, ночуютъ иногда въ лугахъ человѣка по два, по три и по четыре, безъ всякой осторожности и караула, и когда Ураковъ, встрѣчая такіе ночлеги, сталъ требовать, «чтобы они при форпостахъ или бы совокупясь человѣкъ по десяти и болѣе ночевали»; «то казаки», пишетъ далѣе Ураковъ, «не только неучтиво, но и съ крикомъ и бранью ему отвѣчали, что слушать его не хотятъ, и дѣла до того якобы ему нѣтъ, да и драться были готовы» [60]). Неплюевъ, въ отвѣтъ на это донесеніе, приказалъ: «сыскавъ виновныхъ, за такое своевольство и грубость, на страхъ имъ и другимъ, учинить въ кругу наказаніе плетьми». Къ этому же времени относится распоряженіе, чтобы за солью на Индерское озеро казаки ѣздили не меньше, какъ партіями въ 50 человѣкъ и ѣздили-бъ съ исправнымъ оружіемъ. Неумѣстная храбрость или казацкое ухарство не всегда даромъ проходили казакамъ: немало было убито ихъ Киргизами и захвачено въ плѣнъ. Изъ донесенія Неплюеву того же Уракова видно также, что Яицкіе казаки имѣли за Ураломъ хутора и зимовки, которые были заведены, какъ можно предполагать, безъ предваритель-

---

59) Яицкимъ казакамъ, служившимъ на форпостахъ, позволено было отъѣзжать въ степь только на 10 верстъ.

60) См. въ Ур. в. архивѣ, по описи № 16. Сличи Ур. В. В. 1868. № 28.

Библиотека "Руниверс"

наго разрѣшенія на то начальства. Ураковъ, какъ дистаночный начальникъ, опасаясь отвѣтственности, въ случаѣ нападенія на эти хутора и зимовки Киргизовъ, писалъ Неплюеву: «ежели паче всякаго чаянія онымъ вредъ какой учинится, того форпостнымъ учинить никакъ невозможно, въ каковомъ бы случаѣ и ему, Уракову, чего не причлось, а у походнаго-де вашего войска полковника никакого о томъ предметѣ наставленія не нашлось» [61]). Вслѣдствіе этого Неплюевъ предписалъ [62]) Яицкому войску обсудить этотъ предметъ, совмѣстно съ капитаномъ Роговымъ, поручикомъ княземъ Ураковымъ и Харьковымъ, и о мѣрахъ, какія признаются необходимыми, для огражденія имѣющихся за Ураломъ казачьихъ хуторовъ и зимовокъ отъ нападеній, немедленно донести». Изъ послѣдовавшаго потомъ донесенія Неплюева въ В. Коллегію видно, что войско сильно отстаивало эти хутора и зимовки, расположенные вверхъ и внизъ по Уралу на протяженіи ста верстъ. При этомъ казаки просили, чтобы, для безопасности хуторовъ и зимовокъ, имъ было позволено «отъѣзжіе караулы на степной сторонѣ полуднѣе содержать». Неплюевъ, согласившись на просьбу казаковъ, писалъ: «Хутора же, которые вы безопасными признаете, то они до дальняго въ томъ усмотрѣнія, для показанныхъ вами необходимыхъ нуждъ, по прежнему оставляются; ибо ежели изъ сего что̀ предосудительное произойдетъ, въ томъ отвѣтственны остаетесь уже сами вы; но съ тѣмъ, чтобы вы, имѣя отъѣзжіе караулы, хуторовъ пустыми не оставляли и никакимъ бродягамъ и раскольникамъ въ нихъ пристанища не давали». Затѣмъ съ этою цѣлію командировано было 60 казаковъ, которые были разставлены въ шести избранныхъ мѣстахъ между Бударинскимъ и Январцевскимъ форпостами [63]).

Такимъ образомъ, Неплюевъ, устраивая линію военныхъ укрѣпленій, старался дѣйствовать согласно мѣстнымъ условіямъ края. Онъ старался входить во все самъ, лично давая полезныя указанія и наставленія. Казаки слушались его.

ГЛАВА VI.

Зная, какъ Яицкое войско охраняло свои права и привилегіи, освященныя народнымъ обычаемъ, Неплюевъ почти по каждому своему распоряженію спрашивалъ мнѣнія казачьяго круга, если только это не противорѣчило общегосударственнымъ цѣлямъ и выгодамъ правительства. Онъ привлекалъ войско къ участію въ обсужденіи вопросовъ, касавшихся его бытоваго и административнаго устройства и заручился сильнымъ вліяніемъ на дѣла казачьей общины и довѣріемъ Яицкаго войска, что̀, безъ сомнѣнія, много способствовало вве-

---

[61]) Отъ 9 и 25 Сент. и 9 Окт. 1754 г. См. въ Ур. в. архивѣ, № 16.

[62]) Указъ Неплюева, отъ 28 Сент. за № 416.

[63]) См. въ Ур. в. архивѣ по описи № 16. Сличи Ур. в. Вѣдом. 1868 г., № 23, и въ очеркахъ Желѣзнова „Уральцы", ч. II, стр. 170, замѣчаніе о реданкахъ и третяхъ.

Библиотека "Руниверс"

денію нѣкоторыхъ реформъ, направленныхъ къ преобразованію войска; отъ того при Неплюевѣ на Яикѣ не происходило никакого волненія казаковъ, хотя поводовъ къ этому было достаточно, особенно отъ приверженцевъ старой вѣры, а такими были почти всѣ Яицкіе казаки. Не смотря на множество запретительныхъ указовъ, число пришлыхъ на Яикъ не уменьшалось: войско по прежнему давало пріютъ бѣглымъ, особенно старовѣрамъ. Являясь на Яикъ, они разсказывали о воздвигнутыхъ противъ нихъ гоненіяхъ и всѣми мѣрами старались подорвать значеніе духовной власти въ глазахъ Яицкихъ казаковъ. Недовѣріе къ духовенству, зародившееся внутри Россіи, проникло и въ среду казачества, приверженнаго къ старинѣ, а послѣдующія событія обратили это недовѣріе въ открытую вражду. Мы видѣли, что время управленія Неплюева Оренбургскимъ краемъ было самое счастливое и во многомъ полезное для Яицкаго войска; но жутко было тогда старовѣрамъ, пришедшимъ на Яикъ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ преслѣдованія со стороны свѣтской и особенно духовной власти. Сыски и розыски «извѣтчиковъ», подобныхъ Карташеву и Гузикову, теперь замѣнились розыскомъ старовѣровъ и ихъ укрывателей. Причина этихъ гоненій кроется не въ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ Неплюева, а въ распоряженіяхъ В. Коллегіи и нѣкоторыхъ изъ духовныхъ властей: Неплюевъ же, всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ, и въ этомъ случаѣ былъ крайне остороженъ, сдерживая, насколько это было умѣстно и возможно, нетерпимость епархіальной власти.

Въ 1736 г. Яицкое войско обратилось къ Казанскому архіепископу Гавріилу съ просьбою о дозволеніи перебрать церковь, во имя свв. Петра и Павла и построить новую, въ честь св. Алексѣя, митрополита Московскаго, на мѣстѣ прежней, пришедшей въ совершенную ветхость. Гавріилъ въ своемъ письмѣ отъ 12 Марта 1736 г. къ атаману Меркульеву, соглашаясь на желаніе войска, высказываетъ неудовольствіе по случаю самовольнаго принятія Яицкими казаками священника села Хрящевки [64]), бывшаго прежде на Яикѣ дьякономъ. Гавріилъ замѣчаетъ, что этотъ священникъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Сильвестромъ [65]) въ Хрящевку съ условіемъ, чтобы онъ въ другую церковь безъ благословенія архіерейскаго отнюдь не переходилъ, а потому (пишетъ Гавріилъ) хотя молитвы исправлены отъ священника и были, и тѣ неправильно, и благодать Св. Духа присутствовать при этомъ не можетъ» [66]). Между тѣмъ, Хрящевскій священникъ, по настоянію Яицкаго войска, отправился въ Казань, въ сопровожденіи другихъ ставленниковъ, съ просьбою о назначеніи его къ вновь строившейся на Яикѣ церкви. По

---

[64]) Хрящевка теперь село Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда; она находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на 50 выше Ставрополя.

[65]) Сильвестръ управлялъ Казанскою епархіею послѣ митрополита Тихона III, съ 1725 по 1731 г.; за нимъ слѣдовалъ архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій (1732—1735), а потомъ этотъ Гавріилъ.

[66]) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 13-й.

Библиотека "Руниверс"

прибытіи ставленниковъ въ Казань, Гавріилъ уступилъ желанію войска, но замѣтилъ, чтобы «впредь такой противности, подъ страхомъ гнѣва Божія, отнюдь не чинили». Этотъ случай указываетъ на желаніе Яицкаго войска имѣть священниковъ по своему выбору или изъ среды казаковъ же, или и другихъ, но извѣстныхъ войску. Слѣдуетъ замѣтить, что архіепископъ Гавріилъ, по свидѣтельству Платона Любарскаго, и самъ отличался нерасположеніемъ къ новизнѣ, «вмѣняя въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку». Поэтому Яицкимъ казакамъ легко было имѣть съ нимъ дѣло [67]). Не такъ сговорчивъ былъ преемникъ Гавріила, Лука Конашевичъ, управлявшій Казанскою епархіею 18 лѣтъ сряду, основатель въ Казани духовныхъ училищъ и семинаріи. Онъ получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи и отличался прямымъ и дѣятельнымъ характеромъ; но, какъ миссіонеръ, Лука иногда доходилъ до непомѣрной ревности къ Православію, почему Яицкому войску трудно было имѣть дѣло съ такимъ рѣшительнымъ пастыремъ. Когда войско обратилось къ нему съ просьбою о назначеніи священника Максима Павлова на должность закащика (по нынѣшнему благочиннаго) и о посвященіи въ іереи казаковъ Петра Денисова и Ив. Желѣзнова, то Лука писалъ войску: «Мы всякое тщаніе прилагали и въ священники наискорѣе произвесть желали, и въ чтецы и діаконы обоихъ и произвели было; но понеже въ самомъ томъ произведеніи церемоніи усмотрѣно отъ насъ, что они неправославнымъ троеперстнымъ, честно и просто Троицу Святую изображающимъ, но злочестивымъ раскольническимъ и Армянскимъ, съ Аріемъ проклятымъ и отъ Святой Троицы Христа Спасителя нашего отдѣляющимъ, двоеперстнымъ крестомъ крестятся; ихъ яко явныхъ клятвопреступниковъ и богомерзкихъ раскольниковъ, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ исправятся и отъ такой богомерзкой ереси своей истинное покаяніе сотворятъ, въ домы ихъ отпустили». При этомъ епископъ замѣчаетъ, чтобы Яицкое войско на будущее время представляло кандидатовъ, воспитанныхъ въ истинномъ благочестіи, христіанствѣ и непричастныхъ расколу, а если таковыхъ мало, то «дайте намъ волю, и мы во всемъ томъ, нелицемѣрно спасенія вашего желающе, обѣщаваемся». Если принять во вниманіе, что почти всѣ казаки крестились двоеперстно, то можно судить, какъ умѣстна и цѣлесообразна была ревность епископа. Очевидно, что избранныя имъ средства были плохо расчитаны и, вмѣсто желаемой пользы, могли принести лишь вредъ. Впрочемъ, неблагопріятныя послѣдствія отъ такого необдуманнаго и рѣзкаго поступка ослаблялись нѣсколько тѣмъ, что Лука не только уступилъ желанію войска относительно священника Максима Павлова; но (какъ онъ самъ выражается) «ради честнѣ издревле пресловутаго войска Яицкаго», нарекъ его протоіереемъ, вмѣнивъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сему по-

[67]) Правосл. Собесѣдн. 1858 г.; т. 2, стр. 571.

Библиотека "Руниверс"

слѣднему «наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а наипаче раскольническаго, которое, какъ слышно, многія души простыхъ и грамотѣ неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжко воздыхаемъ».

Въ 1741 году является на Яикъ маіоръ Дурасовъ, которому поручено было произвести розыскъ старообрядцевъ. Всѣ старцы и бѣльцы, жившіе въ Шацкомъ монастырѣ [68]), были схвачены и арестованы. На допросахъ они показали, что среди Яицкаго войска находится немало и другихъ имъ подобныхъ. Послѣдовало распоряженіе: «наикрѣпчайше изслѣдовать это дѣло, безъ упущенія, подполковнику Шумаеву, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ Казанской Духовной Консисторіи протопопомъ Иваномъ Ѳедоровымъ». Въ распоряженіе этихъ лицъ отдана была и конвоировавшая протопопа команда, изъ 20 человѣкъ Самарскихъ казаковъ и дворянъ. Наказному атаману [69]), старшинамъ и всему войску предписано не только «быть послушными, но и чинить всякое вспоможеніе» подполковнику и протопопу. Расходы на путевыя издержки протопопа Ѳедорова были отнесены на счетъ войска. Подробности этого розыска раскольниковъ намъ неизвѣстны; но знаемъ, что Шацкій монастырь уничтоженъ и кельи монастыря проданы за 46 рубл. и 10 коп., изъ которыхъ 3 р. и $7^1/_2$ к. велѣно выдать за три подводы протопопа отъ Самары до Яицкаго городка, а остальные 43 р. и $2^1/_2$ коп. представить въ канцелярію Оренбургской Комисіи [70]).

Въ половинѣ Ноября 1746 г. Неплюевъ получилъ изъ Военной Коллегіи указъ, которымъ предписывалось отправить на Яикъ особаго штабъ-офицера «съ пристойною командою, которому бѣглыхъ, всякаго званія служилыхъ и другихъ чиновъ шатающихся тамъ людей, кромѣ природныхъ казаковъ, кои въ томъ войскѣ съ 203 года (1695) въ казакахъ служатъ (которыхъ какъ съ Дону, такъ и съ Яика высылать не велѣно), сыскивать и высылать съ конвоемъ на войсковомъ коштѣ, помѣщиковыхъ къ ихъ помѣщикамъ, а служилыхъ людей опредѣлять по прежнему въ полевые и гарнизонные полки» [71]).

Неплюевъ отвѣчалъ, что изъ имѣющейся у него выписки видно, что еще въ 1722 г. полковнику Захарову велѣно было «всѣхъ тѣхъ бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ и прочихъ чиновъ людей включить въ перепись и велѣть имъ служить въ казакахъ по прежнему», а въ 1734 г., когда помѣщики стали жаловаться на побѣги крестьянъ и ихъ укрывательство въ Яицкомъ войскѣ, Сенатъ распорядился, чтобы дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, пришлые на Яикъ послѣ переписи Захарова, были выведены. «И тако, замѣчаетъ Неплюевъ, не опискою-ли означенный въ полученномъ указѣ 203 годъ

[68]) Шацкимъ монастыремъ называлась раскольническая слобода въ Яицкомъ городкѣ.

[69]) Наказными атаманами въ описываемое время назывались лица, исправлявшія должность атамана, но окончательно неутвержденныя въ этомъ званіи; при утвержденіи же они получали титулъ войсковаго атамана.

[70]) Впослѣдствіи деньги были возвращены, а кельи отданы въ награду тѣмъ изъ казаковъ, которые оказали особенную ревность при розыскѣ.

[71]) Ур. в. вѣд. 1870 г., № 13.

Библиотека "Руниверс"

разумѣется?» При этомъ Неплюевъ проситъ В. Коллегію разъяснить, съ какого именно года «оный сыскъ и высылку чинить, съ 203, какъ въ указѣ изображено, или съ 1722 г., какъ сказано въ выпискѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ просилъ, чтобы ему была выслана копія съ переписи Захарова, приводя въ основаніе, что безъ нея производить розыскъ и разбирать могущія встрѣтиться затрудненія будетъ невозможно. Въ началѣ Марта 1747 г., Неплюевъ, извѣщая Яицкое войско [72]) о вышеизложенномъ распоряженіи Военной Коллегіи, предупреждаетъ атамана и старшинъ, чтобы они «учинили все должное исполненіе, какъ означенные въ той выпискѣ указы повелѣваютъ».

Войсковой атаманъ вскорѣ донесъ Неплюеву, что всѣ пришлые на Яикъ послѣ переписи полковника Захарова, въ силу указа 1743 г., отвезены, куда слѣдовало, на коштъ держателей. Что же касается тѣхъ, которые во время переписи Захарова находились уже въ войскѣ, но за отлучкою не вошли въ списки, какъ о томъ они сами показали: то положительно увѣриться въ этомъ, за неимѣніемъ въ войскѣ переписныхъ книгъ Захарова, невозможно. Неплюевъ, получивъ такой отвѣтъ, обратился въ В. Коллегію съ просьбою дать ему указъ, какъ поступать ему въ этомъ случаѣ.

Между тѣмъ, войсковое начальство въ слѣдующемъ году донося о произведенной на Яикѣ переписи, представило самые списки вошедшихъ въ перепись лицъ; въ числѣ записанныхъ оказались и такіе, которые при Захаровѣ были уже на Яикѣ, но вошли-ли тогда въ перепись, не помнятъ. Изъ этихъ вѣдомостей, представленныхъ Неплюеву, оказывается: 1) вошедшихъ въ перепись Захарова и рожденныхъ послѣ того дѣтей въ Яицкомъ войскѣ, въ Сакмарской и Илецкой станицахъ, 4037 душъ; 2) бывшихъ въ казакахъ, но не вошедшихъ въ перепись Захарова за отлучками, на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 176 чел., 3) во всѣхъ трехъ мѣстахъ явившихся послѣ переписи, посадскихъ, дворцовыхъ, ясашныхъ, бобылей, непомнящихъ родства и изъ ямщиковъ 194 чел.; синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ 42 чел., помѣщичьихъ 81, разночинцевъ 149, недопрошенныхъ на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 53, всего же 519, а со включеніемъ 176 не вошедшихъ въ списки за отлучками, 695 человѣкъ. Замѣчательно по этому дѣлу мнѣніе самого Неплюева. Стараясь о колонизаціи Оренбургскаго края, весьма еще малолюднаго, онъ, вопреки стремленіямъ и желанію В. Коллегіи, высказывается за оставленіе бѣглыхъ на Яикѣ. «Государственной Военной Коллегіи не безъизвѣстно, какой *важный военный корпусъ* есть помянутое Яицкое войско не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ, но и для другихъ государственныхъ пользъ, и какая немалая потребность всегда того наблюдать, дабы оный въ добромъ состояніи содержать, *который что люднѣе, то лучше*», писалъ онъ въ Петербургъ. Коллегія почему-то смолчала, и дѣло о розыскѣ раскольниковъ, пріютившихся на Яикѣ, было на время забыто. Оно, вѣроятно, не скоро бы возобновилось, если-бы не напо-

[72]) Чрезъ полковника Пальчикова, который въ это время находился въ Яицкомъ городкѣ.

Библиотека "Руниверс"

мнилъ о немъ старецъ Вареоломей, пойманный въ Донскомъ войскѣ [73]. Онъ указалъ В. Коллегіи, гдѣ находились главные тогдашніе притоны раскольниковъ. На Яикѣ, по его заявленію, скрывалось болѣе 200 раскольническихъ старцевъ [74]) и старицъ. Главное значеніе между ними принадлежало старцу Аврамію, который всѣхъ Яицкихъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей причащалъ и исповѣдывалъ. Этотъ Аврамій въ 1752 г. удалился на Вѣтку, а его замѣнилъ бѣглый попъ Тимоеей, получившій при постриженіи имя Тихона; по осени этого года пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ Казанскій протопопъ для розыска раскольниковъ и обязалъ атамана и старшинъ подписками, чтобы впредъ такихъ старцевъ и старицъ не держали, при чемъ «оному протопопу, чтобы вдаль не разыскивалъ, дали войскомъ сто сорокъ рублей». Между тѣмъ, атаманъ и старшины скрыли Тихона на одномъ островѣ, гдѣ онъ и жилъ, покуда протопопъ находился въ Яицкомъ городкѣ. Въ тоже время раскольники собрались въ келью Іоакима для совѣщанія о томъ, какъ удалиться имъ на Кубань. Совѣтъ состоялъ изъ старцевъ: Евстафія, Іоакима, Никодима, самого Вареоломея и какого-то бѣльца, знавшаго Татарскій языкъ, подъ предсѣдательствомъ расколоучителя Тихона. При обсужденіи вопроса о побѣгѣ на Кубань, мнѣнія раздѣлились: Тихонъ предлагалъ отправиться на Кубань чрезъ Вѣтку, откуда онъ уже проводилъ туда одного попа и 3 старцевъ, или на Харьковъ и Крымъ; Вареоломей же стоялъ за путь чрезъ р. Сарпу, степью. Рѣшено было отправить Вареоломея, для совѣщанія по этому вопросу, къ Дубовскимъ раскольникамъ, казакамъ Венюкову и Ситникову, пользовавшимся содѣйствіемъ и покровительствомъ атамана Персидскаго. По прибытіи въ Дубовку, Вареоломей былъ арестованъ и 23 Декабря представленъ въ Черкасскъ, гдѣ и былъ допрошенъ атаманомъ Ефремовымъ [75]), котораго особенно не любили и боялись старообрядцы. Вареоломей въ разговорѣ съ казакомъ Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: «Онъ насъ христіанъ такъ немилосердо гонитъ, что нигдѣ отъ него и мѣста нѣтъ, и буде хотя гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали, то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находитъ и искореняетъ.... Уже нигдѣ отъ него отцамъ скрытца невозможно» [76]).

---

[73]) Смотри о поимкѣ и допросахъ Вареоломея въ Тургайскомъ архивѣ книгу указовъ за 1752 г., № 25, стр. 179—187; тамъ же кн. указовъ за 1753 г., № 26, стр. 28 и далѣе.

[74]) Нѣкоторыхъ изъ постригшихся старцевъ Вареоломей назвалъ даже по именамъ и обозначилъ количество жившихъ при нихъ раскольниковъ, напр: Аврамій съ 10 чел., Іаковъ съ 2, Евстафій съ 3, Іоакимъ съ 10, Арсеній съ 1, Давидъ съ 2, Өаддей съ 3, Ааронъ съ 3, Сергій съ 3-мя.

[75]) Смотри Уральск. в. арх. по описи № 41, извл. изъ кн. секр. пов. № 6, стр. 32. Сличи Ур. в. вѣд. 1870 г., № 14.

[76]) См. въ Тург. арх. указы 1752 г., кн. № 25, стр. 181. Сличи характеристику Ефремова у Соловьева въ его „Исторіи Россіи", т. XIII, стр. 223—224.

Библиотека "Руниверс"

не любили и боялись старообрядцы. Варѳоломей въ разговорѣ съ казакомъ Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: «Онъ насъ христіанъ такъ немилосердо гонитъ, что нигдѣ отъ него и мѣста нѣтъ, и буде хотя гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали, то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находитъ и искореняетъ.... Уже нигдѣ отъ него отцамъ скрытца невозможно» *).

Ефремовъ, допросивъ Варѳоломея, показанія его препроводилъ въ В. Коллегію, которая была озадачена намѣреніемъ старообрядцевъ бѣжать на Кубань, и тотчасъ-же предписала Оренбургскому губернатору, чтобы чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ людей наведены были секретныя справки о всѣхъ скрывающихся на Яикѣ ересенаставникахъ, и «ежели сыщутся, оныхъ всѣхъ главныхъ тотчасъ забрать подъ крѣпкій караулъ и о той ихъ богомерзкой ереси и о намѣреніи къ побѣгу на Кубань распрося, всякими образы истины доискиваться и что явится, также и самихъ ихъ, ежели сыщутся, прислать въ Коллегію, заковавъ руки и ноги, подъ крѣпкимъ карауломъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно было секретно разузнать, что за протопопъ и откуда пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ, и кто именно далъ ему 140 р., чтобы онъ «вдаль не разыскивалъ». Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ. 11 Декабря онъ немедленно препроводилъ этотъ указъ къ бригадиру Тевкелеву, прося его въ своемъ письмѣ обсудить это дѣло вмѣстѣ съ бригадиромъ Бахметьевымъ, совѣтникомъ Рычковымъ и атаманомъ Яицкаго войска Меркульевымъ. Неплюевъ предлагалъ Тевкелеву или вызвать Меркульева въ Оренбургъ или же, чтобы дѣло не разгласилось, отправить Рычкова налегкѣ въ Илекъ и выписать туда атамана, «якобы для нѣкотораго тамошняго важнаго дѣла». «Буде атаманъ Меркульевъ до полученія сего въ Москву отъѣхалъ, то чрезъ Митрякова-ль или инаго начать, то зависитъ отъ общаго вашего разсмотрѣнія; а Бородины, сколько мнѣ извѣстно, хотя люди добрые и въ другомъ во всемъ вѣрные, но вышеозначеннымъ суевѣріемъ паче другихъ заражены» [77]).

Тевкелевъ, какъ видно, медлилъ отвѣтомъ; между тѣмъ 15 Января 1753 г. Неплюевъ получилъ вторичный указъ изъ В. Коллегіи, которымъ настоятельно требовалось, чтобы уже «всѣхъ живущихъ въ Яицкомъ войскѣ раскольнической ереси наставниковъ и укрывателей, также какъ и въ войскѣ Донскомъ, забрать подъ крѣпкій караулъ и о той ихъ богомерзкой ереси и о побѣгѣ на Кубань разспрося съ пристрастіемъ, прислать въ В. Коллегію подъ крѣпкимъ карауломъ» [78]). Неплюевъ въ тотъ же день писалъ къ Тевкелеву, прося поспѣшить изслѣдованіемъ дѣла о раскольникахъ и послалъ ему копію съ допросовъ Варѳоломея; о томъ,

*) См. въ Тург. архивѣ указы 1752 г. кн. № 25, стр. 181. Сличи характеристику Ефремова у Соловьева въ его „Истор. Россіи, т. XXIII, стр. 223—224.

77) Указы 1752 г. въ Тург. арх., кн. № 25, стр. 176—177, письмо 1006-е.

78) Указы 1753 г. въ Тург. арх., кн. № 26, стр. 21—28.

Библиотека "Руниверс"

что̀ будетъ происходить, Неплюевъ просилъ увѣдомлять его съ каждою почтою обстоятельно.

Такимъ образомъ воздвигнуто снова гоненіе на старообрядцевъ, скрывавшихся на Яикѣ и гоненіе едвали ни одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ. Тевкелевъ, получивъ второе письмо Неплюева, составилъ особую комиссію, которая отправила 17 Февраля въ Яицкій городокъ капитана Ивана Тимашева. Изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи, 28 Февр. 1753 г., видно, что И. Тимашевъ не оправдалъ надеждъ комиссіи, почему и былъ отозванъ въ Оренбургъ, а на его мѣсто назначены маіоръ Артемьевъ, капитанъ Михаилъ Тимашевъ и поручикъ Полябинъ. Новые сыщики получили неограниченную власть и регулярную команду изъ 120 человѣкъ солдатъ. Кромѣ того, Яицкому войску было предписано, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности и штрафа, всѣми мѣрами содѣйствовать сыщикамъ въ отысканіи и поимкѣ скрывавшихся на Яикѣ расколоучителей и безпрекословно исполнять всѣ требованія Артемьева. Новые сыщики могли дѣйствовать свободно и вполнѣ самостоятельно; и дѣйствительно, они оказались гораздо дѣятельнѣе своего предшественника: ими переловлено и вывезено изъ Яицкаго городка, включая и виновныхъ въ укрывательствѣ, 144 человѣка, изъ которыхъ 42 старца были отправлены въ В. Коллегію, одинъ въ Нижегородскую Духовную Консисторію, а прочіе опредѣлены на каторжныя работы въ Оренбургѣ. Кромѣ того, утонувшихъ и замерзшихъ въ степи было найдено 9 человѣкъ; нѣкоторые же, находясь подъ арестомъ, добровольно уморили себя голодомъ. Гоненіе на старообрядцевъ распространилось въ это время и за предѣлы Яицкаго войска: вскорѣ отправлены изъ Яицкаго городка сыскныя команды въ сосѣднія съ войскомъ степи; на берегахъ рѣкъ Чижей, Большаго и Малаго Иргизовъ поймано 243 чел. обоего пола. Впрочемъ, не смотря на изворотливость и быстроту дѣйствій сыщиковъ, нѣкоторые изъ старообрядцевъ успѣли скрыться, въ числѣ ихъ и бѣглый попъ Тихонъ. На допросахъ во многомъ не подтвердились показанія Варѳоломея; такъ старообрядцы отреклись отъ намѣренія бѣжать на Кубань, а заявили лишь, что попъ Тихонъ звалъ ихъ въ Польшу, на Вѣтку, гдѣ онъ прежде жилъ самъ. Протопопъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ изъ Оренбурга, по распоряженію Казанскаго архіерея; но денегъ ему никто не давалъ. Варѳоломей, какъ намъ извѣстно, показалъ, что Тихонъ всѣхъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей исповѣдывалъ и причащалъ, оговоривъ при этомъ въ укрывательствѣ Тихона самого войсковаго атамана; но все это по произведенному слѣдствію не подтвердилось. Вообще по дѣлу видно, что изъ природныхъ Яицкихъ казаковъ прикосновенными къ расколу оказались немногіе, разумѣется, de jure, a не de facto. Въ первой половинѣ Марта того же 1753 г. Тевкелевъ и Бахметьевъ донесли Неплюеву о поимкѣ 65 человѣкъ, въ томъ числѣ семи ересеначальниковъ, между которыми были Карповъ и Утятниковъ. Въ отвѣтъ на это доношеніе, Неплюевъ, 23 и 26 Марта, писалъ: «Старшину Карпова, бывшаго комиссара Утятникова и дру-

Библиотека "Руниверс"

гихъ грамотныхъ, хотя бы изъ простыхъ, выслать въ В. Коллегію, а казака Логинова и другихъ пристанщиковъ взять на работы въ Оренбургъ до указу, а въ прочемъ того слѣдствія въ войскѣ Яицкомъ не расширять: ибо извѣстно, что они тою слѣпотою суевѣрія заражены; токмо имъ указомъ подтвердить, чтобы впредь, подъ опасеніемъ неупустимаго по указамъ штрафа, такихъ лжеучителей и бродягъ не принимали, и никакого пристанища имъ не давали, и сообщенія съ ними не имѣли, а опредѣлили-бъ особливыхъ двухъ старшинъ, чтобъ того безпрестанно наблюдали, дабы у нихъ таковыхъ и никакихъ бѣглыхъ въ Яицкомъ городкѣ не было; такоже и на хуторахъ, и между форпостовъ въ лѣсахъ ежегодно осматривали, и на форпостахъ стоящему атаману накрѣпко подтверждали, чтобъ и онъ тогожъ наблюдалъ» [79]). Пойманныхъ на Иргизѣ Неплюевъ предписалъ до указу также взять въ Оренбургъ «и употреблять на казенныя работы скованныхъ съ крѣпкимъ смотрѣніемъ, чтобъ утечки имѣть не могли, а между тѣмъ, что̀ произойдетъ, обстоятельно доносить, не мѣшая Иргизскаго дѣла съ Яицкимъ» [80]). Изъ письма Неплюева видно, что сыщики, преслѣдуя бѣглыхъ расколоучителей, не оставили въ покоѣ и Яицкаго духовенства: всѣ церковныя ризы, богослужебныя книги и нѣкоторыя другія вещи, показавшіяся имъ почему либо еретическими, были отобраны и унесены изъ церквей. Неплюевъ предписалъ, чтобы всѣ эти вещи были «до указу» возвращены и отданы въ соборную церковь подъ особую росписку, а «соборному протопопу съ священники стараться увѣщевать раскольниковъ и къ святой церкви въ общеніе приводить, о чемъ къ нимъ письменно предложить». Въ заключеніе своего письма Неплюевъ проситъ передать капитану Тимашеву съ командою и казакамъ Пономареву и Харкину, что, «за ревнительное и искусное въ томъ дѣлѣ производженіе» они достойны похвалы и награжденія, и что онъ постарается не забыть этого [81]). Неплюевъ выражаетъ удовольствіе и войсковому атаману Меркульеву, замѣчая, что онъ особенно долженъ слѣдить за тѣмъ, дабы «такихъ лжеучителей, и бродягъ, и никакихъ бѣглыхъ въ войскѣ и нигдѣ въ ихъ предѣлахъ не было». Тевкелевъ, получивъ это письмо, снесся съ войсковымъ атаманомъ, прося его увѣдомить, на кого бы можно было возложить обязанность наблюдать за раскольниками; войсковой атаманъ указалъ на старшину Андрея Мостовщикова и есауловъ Пономарева и Вострякова, какъ оказавшихся особенно дѣятельными въ розыскѣ и поимкѣ раскольниковъ. Тевкелевъ, увѣдомляя объ этомъ Неплюева, спрашивалъ его мнѣнія, а 29 Апрѣля

---

[79]) Въ Тург. арх. указы 1753 г. кн. № 26, стр. 49—50.

[80]) Тамъ же. Сличи Исторію Россіи, т. XXIII, стр. 223. Здѣсь замѣчено, что всѣхъ причинныхъ людей было поймано 481.

[81]) Пономаревъ и Харкинъ, какъ подсудимые, были прощены и изъ простыхъ казаковъ произведены въ есаулы; Пономаревъ получилъ, кромѣ того, въ собственность оставшіяся въ Шацкомъ монастырѣ кельи игумена Іоакима и бѣглаго попа Тихона. (См. въ Тург. арх. кн. № 26, стр. 54).

Библиотека "Руниверс"

того же года Неплюевъ писалъ изъ Москвы: «Я со мнѣніемъ вашего высокоблагородія согласенъ, а затѣмъ въ войскѣ Яицкомъ того слѣдствія не распространять; но, какъ возможно, стараться окончить и маіора (Артемьева), ежели другихъ обстоятельствъ нѣтъ, оттуда отозвать». Неплюевъ явно желалъ покончить розыскъ надъ раскольниками въ предѣлахъ Яицкаго войска, будучи убѣжденъ, что сыски и розыски людей, предпочитавшихъ добровольную смерть голодомъ желаніямъ В. Коллегіи, ни къ чему хорошему не приведутъ; но къ сожалѣнію, это дѣло зависѣло не отъ одного губернатора, отличавшагося вѣротерпимостію: впереди его были Военная Коллегія и епархіальная власть.

Въ началѣ Мая того же года, Яицкое войско получило изъ Оренбургской губернской канцеляріи указъ, въ которомъ, отъ имени губернатора, высказывается благодарность войсковому атаману за оказанное имъ содѣйствіе въ поимкѣ раскольниковъ; но при этомъ подтверждается, чтобы войско на будущее время никакихъ бѣглыхъ и раскольниковъ не держало и никакого общенія съ ними не имѣло; что съ пойманными, равно какъ и съ укрывателями, будетъ поступлено по всей строгости законовъ, какъ съ нарушителями духовныхъ и гражданскихъ постановленій, «ибо ежелибы такому ихъ заблужденія укорененію пристанищемъ и попущеніемъ поводу тамо давано не было, то-бъ отъ нихъ толь не малаго плутовства быть не могло, какъ тому и здѣшнее мѣсто примѣромъ есть: какъ скоро они въ руки дошли и стараніе объ нихъ употреблено, то не только прельщеніе кругомъ отпало, но и сами, что наипущіе наставники и послѣдователи ихъ, всѣ почти къ святой соборной апостольской церкви обратились». Впрочемъ, въ дѣйствительности успѣхъ былъ не такъ блистателенъ: обратившихся было только 40 чел. и тѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлали это изъ боязни пытокъ; прочіе же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ. Коноводы препровождены были въ духовныя консисторіи и Сыскной Приказъ. Между послѣдними нашлись такіе, которыхъ ни краснорѣчіе консисторскихъ ораторовъ, ни страшныя пытки Сыскнаго Приказа не могли поколебать въ ихъ убѣжденіяхъ; таковыми, напримѣръ, оказались старцы Досиѳей, Макарій и Пахомій, пойманные въ Яицкомъ городкѣ и представленные въ Московскую Духовную Консисторію. Сыскной Приказъ, извѣщая о нихъ войсковаго атамана, замѣчаетъ, что означенные старцы были увѣщеваемы «съ достаточными отъ Священнаго Писанія доводы», но увѣщаніе не подѣйствовало; «оные старцы и были присланы въ Приказъ, гдѣ объ оставленіи ими помянутой ереси и къ обращенію ихъ къ св. церкви отъ присутствія увѣщеваемы были съ угроженіемъ пытокъ; но, аки закоснѣлые отъ той ереси, склонности къ обращенію не показали и остались на предписанномъ суевѣріи» [82]).

---

[82]) Уральск. в. вѣд. 1870 г , № 15.

Библиотека "Руниверс"

Изъ показаній этихъ старцевъ, между прочимъ, видно, что старообрядцы, кромѣ Шацкой слободы, жили при урочищѣ Кошъ-Яикъ [83]), на Мергеневой Лукѣ, на рѣчкѣ Барбашевой (верстахъ въ 10-ти отъ Яицкаго городка) и на нѣкоторыхъ островахъ по рѣкѣ Яику. Мы уже знаемъ, что Неплюевъ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы розыскъ на Яикѣ былъ прекращенъ; однакожъ, не смотря на это, преслѣдованіе ихъ въ Яицкомъ войскѣ продолжалось до 1756 г. Въ предѣлахъ войска поймано и отправлено въ Оренбургъ еще 165 раскольниковъ и бѣглыхъ обоего пола. На этотъ разъ виновниками въ укрывательствѣ оказались не только казаки, но и нѣкоторые изъ старшинъ. «Хотя», писалъ Неплюевъ, «они за такіе, въ противность многихъ запретительныхъ указовъ, поступки вящшему штрафу подлежали; но, снисходя къ ихъ закоснѣлости, слабости и глубокой старости, старшинъ—однихъ лишить чиновъ, другихъ отставить отъ службы, иныхъ арестовать и учинить имъ строгій выговоръ въ кругу, а рядовыхъ наказать плетьми» [84]). Грозные указы, запрещавшіе пріемъ и укрывательство, не достигали цѣли. Неплюеву приходилось защищать не только гонимыхъ старцевъ и старицъ, но и все Яицкое войско, и не предъ одной В. Коллегіей, но и предъ епархіальною властію.

Казанскій архіерей рѣшился принять противъ распространенія раскола на Яикѣ рѣшительныя мѣры. Изъ его переписки съ Неплюевымъ видно, что онъ хотѣлъ основать на Яикѣ особое духовное правленіе. «Понеже его преосвященство»,—говорилось въ промеморіи Казанской Духовной Консисторіи,—«нынѣ чрезъ присылку изъ Оренбургской Духовной Консисторіи пойманныхъ въ Яицкомъ городкѣ раскольниковъ извѣстился, что многіе изъ оныхъ Яицкихъ казаковъ тайныя и явныя чинятъ церкви святѣй противности и законопротивныя и христіанству вредныя и весьма соблазнительныя дѣйства, и содержатъ раскольническихъ лжеучителей, въ своемъ душепагубномъ развратѣ сокровенныхъ, отъ нихъ же нѣкіе, враждуя на св. церковь, отходя въ лѣсные ихъ раскольническіе скиты, якобы нѣкіимъ мvромъ перемазываются и съ женами своими перевѣнчиваются и другія многія, въ хульность православнымъ святымъ таинствамъ и догматамъ, содѣваютъ безчинства: и того ради его преосвященство, наблюдая по своей пастырской должности, въ прекращеніе таковыхъ, происходящихъ въ томъ Яицкомъ городкѣ, богопротивныхъ и душепагубныхъ раскольническихъ дѣйствъ, намѣренъ учредить въ самомъ томъ Яицкомъ городкѣ особливое Духовное Правленіе» [85]).

Лука Конашевичъ предполагалъ послать въ Яицкій городокъ особаго ученаго протопопа, который долженъ былъ завѣдывать духов-

---

[83]) Кошъ-Яикъ—островъ, находившійся противъ устья рѣки Илека. (См. „Книга больш. чертежу", Спб., изд. 1838 г., стр. 69), а Кошъ-Яицкій форпостъ былъ расположенъ противъ Индерскихъ горъ, гдѣ и жили старообрядцы.

[84]) Доношеніе Неплюева въ В. Коллегію 19 Февр. 1756 г.

[85]) См. Уральск. в. вѣд. за 1870 г., № 19.

Библиотека "Руниверс"

ными дѣлами, а для производства письменной части назначить къ нему одного канцеляриста и одного копіиста, съ опредѣленнымъ жалованьемъ каждому, равно какъ и самому протопопу; кромѣ того, протопопъ долженъ былъ получить въ свое распоряженіе нѣсколько отставныхъ солдатъ для присмотровъ и розысковъ, также на жалованьѣ; сумму денегъ, какая должна была идти на протопопа и его служащихъ, епископъ Лука думалъ разложить на Яицкихъ казаковъ, а прежнихъ священниковъ изъ природныхъ казаковъ или изъ пришлыхъ, рукоположенныхъ по желанію войска, замѣнить учеными изъ Казани, «дабы въ заблужденіяхъ они могли преподать должное наставленіе».

Спрашивая объ этомъ мнѣнія Неплюева, Казанскій архипастырь распорядился, чтобы Яицкое войско, до приведенія задуманнаго имъ плана въ исполненіе, состояло въ вѣдѣніи Оренбургскаго Духовнаго Правленія, а Оренбургскому протопопу Василью Иванову предписалъ немедленно отправиться въ Яицкій городокъ и, въ силу высочайшаго указа отъ 4 Февраля 1737 г., «учинить жителямъ того городка по приходно перепись съ именнымъ въ каждомъ дворѣ жительствующимъ мужеска и женска пола, даже до ссущаго младенца, описаніемъ, и объявить всѣмъ онымъ того Яицкаго городка жителямъ, чтобы въ слѣдующіе дни нынѣшнія Святыя Четыредесятницы ко исповѣди церковной и къ пріобщенію Христовыхъ Таинъ пріуготовлялись, не отлучаясь ни за какими партикулярными нуждами; а кто изъ нихъ имѣетъ куда отлучиться, то таковыхъ, прежде исповѣдавъ и пріобщивъ, внести въ реэстръ. И того ради, при начатіи первой седмицы Святаго Поста, приказать, дабы всѣ старшины и казаки съ женами и дѣтьми въ церкви святыя къ утренямъ, часамъ и къ прочимъ службамъ церковнымъ непремѣнное хожденіе имѣли, и кто изъ нихъ ходитъ и кто ходить не будетъ, тѣмъ ему протопопу имѣть особливыя записи, раздѣля по седмицамъ, по приходно, ихъ какъ ему протопопу, такъ и тамошнимъ священникамъ исповѣдать и Св. Таинъ причастить, и о всѣхъ бывшихъ и небывшихъ составить должнымъ порядкомъ росписи, приславъ съ нарочнымъ въ Казань» [86]. Протопопъ обязывался изготовить росписи въ двухъ экземплярахъ: одинъ, за подписомъ своимъ и приходскихъ священниковъ, представить къ архіерею, а другой въ Оренбургское Духовное Правленіе.

Неплюевъ, какъ и раньше, не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать самостоятельно, а обратился съ просьбой въ В. Коллегію, чтобы Оренбургская губернская канцелярія и войсковой Яицкій атаманъ были снабжены на этотъ счетъ указами [87]. В. Коллегія въ отвѣтъ на это предписала: «по возвращеніи атамана изъ Москвы, спросить его мнѣнія и, разсмотрѣвъ оное, учинить должное исполненіе».

Между тѣмъ, епископъ Лука, 17 Февраля 1754 г., писалъ Неплюеву, что всѣхъ жителей Яицкаго городка, въ предстоящій же Великій

---

[86]) Тамъ-же.

[87]) Смотр. доношеніе Оренб. губернской канцеляріи въ В. Коллегію отъ 17 Февр. 1754 г. Сличи Ур. в. вѣд. 1870 г., № 19.

Библиотека "Руниверс"

Постъ, слѣдуетъ принудить къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, для чего изъ Оренбурга и долженъ немедленно отправиться протопопъ, а чтобы предохранить его отъ могущихъ встрѣтиться непріятностей, епископъ Лука просилъ Неплюева отправить съ протопопомъ въ Яицкій городокъ команду, подъ начальствомъ особаго офицера. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіерей замѣчаетъ, что полезно-бы было учредить въ Яицкомъ городкѣ школу, о чемъ Неплюевъ думалъ еще раньше. Учителемъ этой школы, по мнѣнію архіерея, могъ быть священникъ изъ Казанскихъ ученыхъ или хотя бы дьяконъ. Но Казанскій владыка рѣшился дѣйствовать противъ Яицкихъ старовѣровъ не увѣщаніемъ только, а и силою: онъ желалъ, чтобы командируемый имъ протопопъ принудилъ всѣхъ жителей Яицкаго городка къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, подъ охраною команды съ офицеромъ. Это необдуманное рвеніе было своевременно и благоразумно сдержано вначалѣ самимъ Неплюевымъ, а потомъ, вслѣдствіе его же настоянія, и В. Коллегіей. Неплюевъ предлагалъ архипастырю назначить въ Яицкій городокъ постояннаго протопопа, посылать же Оренбургскаго протопопа, а тѣмъ болѣе команду съ офицеромъ, онъ находилъ излишнимъ. Что же касается духовной переписи, то Неплюевъ совѣтовалъ поручить произвести ее мѣстнымъ священникамъ и только, въ случаѣ ослушанія казаковъ, соглашался на болѣе строгія мѣры.

Преосвященный отвѣчалъ, что «войсковой атаманъ и старшины, при бывшемъ розыскѣ о раскольникахъ, оказались въ наибольшемъ подозрительствѣ, и поэтому отъ нихъ надлежащему исполненію того порядка, если принужденія имъ отъ канцеляріи не будетъ, весьма быть нечаятельно». Относительно назначенія особаго протопопа Лука указывалъ на затрудненіе, которое могло встрѣтиться въ назначеніи и отпускѣ ему содержанія; а о переписи мѣстными священниками онъ замѣчаетъ, что, не смотря на неоднократныя подтвержденія, Яицкіе священники не исполняютъ данныхъ имъ на этотъ счетъ предписаній; что «у нихъ писцовъ не имѣется, а отъ станичной Войсковой Избы писарей не даютъ, сами же писать мало умѣютъ» [88]). Вслѣдъ за тѣмъ, преосвященный снова настаиваетъ на томъ, чтобы изъ Оренбурга непремѣнно былъ отправленъ въ Яицкій городокъ назначенный имъ протопопъ и замѣчаетъ, что онъ снабженъ уже отъ него и инструкціей, какъ производить перепись жителей этого городка. Въ заключеніе, Лука просилъ Неплюева дать протопопу подорожную и подводы до Яицкаго городка; «если же того учинить будетъ невозможно, то хотя отъ крѣпости до крѣпости на церковническихъ подводахъ его отправить».

Неплюевъ на этотъ разъ рѣшился уступить желанію ревнителя и 10 Марта писалъ къ нему: «Отцу протопопу препятствія никакого не показано; но еще онъ подорожною безъ прогонъ снабженъ». При этомъ Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя и есть указы, опредѣляющіе мѣру относительно небывающихъ у исповѣди и Св. Причастія; но что

---

[88]) Уральск. войск. вѣд. 1870 г., № 32.

Библиотека "Руниверс"

здѣсь дѣло касается не одного и не двухъ человѣкъ, а цѣлаго общества.

Между тѣмъ, Яицкое войско, не жаловавшее вообще никакихъ переписей, постаралось и на этотъ разъ отклонить задуманное архіереемъ дѣло. Собравшись въ кругъ, казаки рѣшили: «отправить къ преосвященному Казанскому есаула Уфимцева и казака Михаила Севрюгина, и съ ними послать для поклона 400 рублей и просить его преосвященство, не уважитъ ли онъ по прежнему обыкновенію безъ переписи мужеска и женска пола жить, и о небытіи здѣсь Духовной Канцеляріи (Правленія) и о небраніи повѣнечныхъ денегъ» [89]) и проч. Не смотря, на то, что посольство израсходовало на консисторскихъ чиновниковъ до 120 р. [90]) и подарило «краснаго желѣза ружье въ 6 рублей» дворецкому его преосвященства, епископъ не принялъ 400 р. войсковыхъ денегъ и просьбы Яицкихъ казаковъ не уважилъ.

Не желая подвергать себя отвѣтственности предъ правительствомъ, Неплюевъ, какъ и раньше, отнесся въ В. Коллегію, прося снабдить его на этотъ счетъ указами, при чемъ представилъ точныя копіи съ писемъ къ нему епископа Луки и своихъ къ нему отвѣтовъ. Въ своемъ доношеніи отъ 10 Марта 1754 г., онъ писалъ: «Понеже то дѣло непартикулярное до одного или до двухъ, но до всего общества касается, то Оренбургская губернская канцелярія паки проситъ и имѣетъ на то ожидать отъ Государственной Военной Коллегіи опредѣленія; ибо онымъ преосвященнымъ предположенное средствіе съ легкими способы дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (т. е. имъ Неплюевымъ) не принято, а каковыхъ онъ требуетъ, то безъ указу собою учинить опасно, дабы въ такомъ невѣжественномъ и закоснѣломъ народѣ конфузіи не учинить, причины не подать къ побѣгу, или къ таковому отчаянію, какъ въ недавнихъ годѣхъ въ Исетской провинціи случилось, что сами себя жгли» [91]).

Въ ожиданіи отвѣта В. Коллегіи, Неплюевъ вызвалъ къ себѣ войсковаго атамана Меркульева для личныхъ переговоровъ и показалъ ему экстрактъ изъ своей переписки съ Казанскимъ архипастыремъ, требуя, чтобы атаманъ сообщилъ, какія, по его мнѣнію, нужны тутъ мѣры. Меркульевъ, не спросивъ объ этомъ войска, заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно хорошо бы было имѣть въ Яицкомъ городкѣ одного ученаго протопопа, какъ предлагалъ Лука, и при немъ одного писца, въ караулъ же могутъ быть назначаемы казаки изъ отставныхъ; а чтобы искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить расколъ въ войскѣ, необходимо дѣйствовать проповѣдію и наставленіемъ. Вопросъ о размѣрѣ жалованья протопопу и вновь назначаемымъ священникамъ Меркульевъ предоставилъ на благоусмотрѣніе самого губернатора, а «какимъ быть священникамъ въ

---

[89]) Постановленіе Войсковой Канцеляріи 27-го Марта 1754 г.

[90]) Секретарю Аѳанасьеву 100 р., подканцеляристу 10 р., повытчику, протоколисту и копіисту по 2 р. 50 коп. каждому.

[91]) Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 32

Библиотека "Руниверс"

Яицкомъ городкѣ, изъ тамошнихъ или изъ постороннихъ, это зависитъ болѣе отъ его преосвященства». При этомъ Яицкій атаманъ сообщилъ губернатору, что въ войскѣ въ это время были четыре священника и протопопъ, которые получали отъ войска особое жалованье: протопопъ 15 р., а священники по 10 р. каждый и что, сверхъ того они имѣютъ право участвовать въ рыболовствахъ, пользуются мірскими доходами; что «священники, по присланнымъ отъ его преосвященства указамъ, какъ о родившихся, такъ и о бракосочетавшихся, умирающихъ, исповѣдывающихся и прочемъ перечневыя вѣдомости сочиняютъ и о всемъ чинятъ исполненіе».

Неплюевъ немедленно (24 Сент. 1754 г.) сообщилъ это мнѣніе войсковаго атамана въ Казань архіерею, представивъ при этомъ и самый рапортъ къ нему Меркульева. «Изъ онаго рапорта», писалъ Неплюевъ, «изволите усмотрѣть, что помянутый войсковой атаманъ самъ за весьма потребное признаетъ, чтобы быть у нихъ ученому протопопу, а о священникахъ предаетъ на разсмотрѣніе вашего преосвященства, что̀ все и по моему мнѣнію, въ разсужденіи тамошняго народнаго состоянія, на нынѣшній первый случай, кажется ненесходно: ибо по тамошней замерзѣлости, о которой ваше преосвященство сами небезъизвѣстны, всего вдругъ превратить неудобно и едвалъ возможно, а по мнѣ полезнѣе и надежнѣе легкими средствы отъ времени и одно за другимъ поправляя, все въ надлежащій порядокъ привести». Тутъ же Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя денежное жалованье, получаемое протопопомъ и священниками, незначительно; но, участвуя въ рыболовствахъ и пользуясь церковными доходами, они, какъ онъ самъ въ этомъ убѣдился въ бытность въ Яицкомъ городкѣ, могутъ жить безбѣдно, такъ какъ въ Яицкомъ городкѣ одних жалованныхъ [92]) казаковъ 4000 чел., «да отставныхъ и пріѣзжихъ также немалое число наберется». Въ случаѣ назначенія протопопа и священниковъ изъ ученыхъ, Неплюевъ полагалъ назначить протопопу 100 р., а священникамъ каждому по 36 р. [93]) съ условіемъ, чтобы за требы они, кромѣ добровольныхъ приношеній, ничего не брали. Казанскій архипастырь соглашался съ губернаторомъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями: жалованье протопопу онъ считаетъ достаточнымъ въ томъ только случаѣ, если протопопъ, кромѣ того, будетъ получать извѣстную часть хлѣбомъ и рыбою; жалованье же священниковъ считалъ необходимымъ уравнять съ жалованьемъ служащихъ при Ставропольскомъ соборѣ [94]), т. е., вмѣсто 36 р., назначенныхъ Неплюевымъ, увеличить до 75 р. Что̀ же касается караула изъ отставныхъ казаковъ, то епископъ соглашался на это подъ условіемъ,

---

[92]) Состоявшихъ на жалованьѣ.

[93]) Впослѣдствіи, по указу 15 Декабря 1765 г., жалованья полагалось: протопопу 60 р., священникамъ по 30 р., дьяконамъ по 25, псаломщику и пономарю по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р., да 100 р. въ годъ на ремонтъ храма.

[94]) Т. е. при соборѣ г. Ставрополя, бывшаго резиденціею крещеныхъ Калмыковъ и находящагося теперь въ Самарской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

если они будутъ подчинены вѣдомству Духовной Консисторіи, а не Войсковой Канцеляріи, которая бы ихъ не смѣла мѣнять по своему желанію. Онъ просилъ Неплюева, чтобы, для рѣшенія вопроса о содержаніи священниковъ изъ ученыхъ, были присланы къ нему отъ войска человѣка два старшинъ, дабы съ ними «надлежащее опредѣленіе о томъ учинитъ»; съ ними же Казанскій архипастырь предполагалъ отправить въ Яицкое войско и избраннаго протопопа. Неплюевъ, 20 Октября 1754 г., отвѣчалъ, что «хотя имъ (Лукою) въ жалованьѣ священникамъ и прочемъ и сдѣлана, по его благоусмотрѣнію, прибавка, но что онъ (Неплюевъ) на все то согласенъ и что указъ по этому поводу къ Яицкому войску уже посланъ, которымъ опредѣлено, чтобы они избрали изъ среды себя и отправили двухъ старшинъ для принятія въ томъ отъ него опредѣленія и наставленія» [95]).

Между тѣмъ, когда дѣло близилось уже къ концу, оказалось, что атаманъ Меркульевъ поступилъ самонадѣянно, не спросивъ мнѣнія войска относительно такого важнаго вопроса. Нельзя при этомъ отнестись сочувственно и къ довѣрчивости всегда осторожнаго Неплюева, которому, безъ сомнѣнія, хорошо было извѣстно, что дѣло касается «не одного, не двухъ человѣкъ», какъ онъ самъ выражался, «а цѣлаго войска». Яицкое войско, получивъ указъ Оренбургской губернской канцеляріи о приведеніи въ исполненіе предположенныхъ Меркульевымъ мѣръ, не только не пожелало отправить въ Казань старшинъ, но открыто заявило, что оно вовсе не желаетъ принимать ни ученаго протопопа изъ Казани, ни ученыхъ Казанскихъ священниковъ, ссылаясь на то, что въ Яицкомъ городкѣ, при соборной церкви, протопопъ имѣется, что и при прочихъ церквахъ есть священники, которыми войско довольно и которые исполняютъ все предписанное; что въ присылкѣ другихъ войскъ нужды не видитъ кромѣ излишняго отягощенія. Казаки собрались въ кругъ и положили отправить въ В. Коллегію прошеніе. Меркульевъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, просилъ Неплюева написать Казанскому епископу, дабы тотъ удержался отъ присылки ученаго протопопа и священниковъ, «дабы тѣмъ не придать большее смятеніе и не учинить конфузіи». Меркульевъ предлагаетъ уладить дѣло такимъ образомъ: такъ-какъ Яицкій протопопъ Діонисовъ былъ уже старъ; то, въ случаѣ его смерти, преосвященный можетъ безпрепятственно прислать на его мѣсто новаго, по своему выбору. Неплюевъ немедленно сообщилъ въ Казань о рѣшительномъ нежеланіи войска принять новаго протопопа и священниковъ изъ Казанскихъ ученыхъ, замѣтивъ при этомъ, что причины этого можетъ объяснить ему само войско. Вообще видно, что Неплюевъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что, въ то время какъ онъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры къ выполненію плановъ Казанскаго архіерея, сей послѣдній, вопреки своему желанію, посвящалъ въ Яицкій городокъ протопопа и священниковъ изъ казаковъ и тѣмъ не менѣе самъ былъ недоволенъ ими и

---

[95]) Ур. в. вѣд. 1870 г.

Библиотека "Руниверс"

старался замѣнить ихъ другими; словомъ, епископъ Казанскій говорилъ и писалъ одно, а дѣлалъ другое.

Получивъ послѣднее письмо Неплюева, Лука счелъ нужнымъ объяснить Оренбургскому губернатору, что находящіеся въ Яицкомъ городкѣ протопопъ и священники определены по необходимости; что они дѣла своего не исправляютъ и что протопопъ имъ уже отрѣшенъ и будетъ вызванъ въ Казань. Неплюевъ лаконически отвѣчалъ, что въ Казань, какъ увѣдомилъ его войсковой атаманъ, отправлены войскомъ два сотника для личныхъ переговоровъ съ преосвященнымъ, и что ему остается только ждать, чѣмъ кончится это объясненіе. Лука, получивъ это письмо, немедленно увѣдомилъ Неплюева, что никакихъ сотниковъ изъ Яицкаго войска въ Казань не являлось. Неплюевъ старался увѣрить архипастыря, что сотники дѣйствительно отправились, но, вѣроятно, находятся еще въ пути,—и что онъ будетъ ждать увѣдомленія, какъ и чѣмъ кончитъ съ ними преосвященный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ предлагалъ Лукѣ слѣдующій планъ дѣйствій, по отношенію къ Яицкому войску: отрѣшеннаго и вызваннаго въ Казань протопопа Неплюевъ совѣтовалъ не отпускать на Яикъ, а вмѣсто него опредѣлить другаго, равно и священниковъ, по случаю, «пристойнымъ образомъ одного за другимъ, хотя черезъ годъ или черезъ два, по разнымъ винамъ выводить и на мѣста ихъ изъ казаковъ не посвящать, а присылать изъ ученыхъ, вслѣдствіе чего, если Яицкіе казаки не окажутся ослушниками, чего нельзя ожидать, они, не имѣя священниковъ, волей-неволей должны будутъ принять назначенныхъ его преосвященствомъ». При этомъ губернаторъ проситъ архіерея, чтобы онъ строго подтверждалъ поставляемымъ священникамъ за требы ничего не вымогать и «чтобы въ должности своей и людямъ страха не употребляли, но проповѣдію по искусству своему ихъ вразумлять и въ познаніе истины приводить старались, какъ въ томъ и званіе ихъ состоитъ» [96]). Казанскій архипастырь, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Неплюева, увѣдомилъ его, что къ нему являлся сотникъ Голубовъ съ просьбою отъ всего Яицкаго войска, чтобы «все то до времени отмѣнить и оставить, какъ ихъ желаніе есть», на что преосвященный отвѣчалъ, «что если они въ упрямствѣ продолжать себя будутъ, то можетъ воспослѣдовать самимъ имъ безславіе и неполезныя обстоятельства».

Провѣдавъ, что Яицкое духовенство совершаетъ службу по старопечатнымъ книгамъ, Лука предложилъ ему слѣдующіе 6 вопросныхъ пунктовъ:

1) «Въ ономъ городкѣ въ церкви Св. Богородицы Казанскія, да въ часовнѣ апостоловъ Петра и Павла служба отправляется по какимъ книгамъ: по старопечатнымъ или по новоисправленнымъ?»

2) «Въ Сѵмволѣ вѣры, во время чтенія въ церквахъ: «и въ Духа Святаго Господа».... прибавленіе читается-ли?»

3) «На утренѣ, въ шестопсалміи и въ каѳизмахъ по «сла́вамъ» на часахъ и на вечеріи «аллилуіа» по дважды или по трижды читается?»

---

96) Смотри Уральск. в. вѣд. 1870 г., № 33.

Библиотека "Руниверс"

4) «Въ «Честнѣйшую Херувимъ», вмѣсто «безъ сравненія», вмѣстительная рѣчь «воистину» употребляется-ли?»

5) «Сложеніе креста какъ онъ протопопъ, такъ и прочіе священники, обрѣтающіеся при церквахъ въ ономъ городкѣ, и церковные причетники какъ изображаютъ: двуперстное или трехперстное?»

6) «Служба божественной литургіи въ воскресные и праздничные дни въ церквахъ совершается-ли?»

На всѣ эти запросы духовенство Яицкаго городка отвѣчало:

1) «Въ церквахъ Пресвятыя Богородицы и часовнѣ апостоловъ Петра и Павла службы отправляются по старопечатнымъ книгамъ, которыя, какъ книги, такъ и прочая церковная утварь, войску Яицкому жалованы отъ прежде бывшихъ государей, отъ великаго государя, царя и князя Алексѣя Михайловича, и тако оныя съ того времени донынѣ въ церквахъ имѣются».

2) «Въ Сvмволѣ вѣры, во время чтенія по тѣмъ старопечатнымъ книгамъ, прибавляется слово «истиннаго».

3) «Въ сказанныхъ мѣстахъ «аллилуіа» читается подважды».

4) «Въ «Честнѣйшую Херувимъ» вмѣстительная рѣчь «воистину» употребляется».

5) «Сложеніе креста, какъ я нижайшій (протопопъ), такъ и прочіе священники всѣ изображаютъ трехперстное, а не двуперстное».

6) «Служба божественной литургіи во всѣхъ церквахъ не только во всѣ воскресные и праздничные дни, но и въ рядовые дни совершается, кромѣ того, когда развѣ не достанетъ вина, или за какою священническою богословскою виною» [97]).

Такимъ образомъ, «протопопъ и священники сами себя въ томъ противномъ церкви мудрованіи изобличили и порочными признались», какъ писалъ о томъ преосвященный губернатору. Кромѣ того, Лука вмѣнилъ въ вину Яицкому духовенству и то, что въ представленныхъ имъ духовныхъ росписяхъ почти всѣ казаки показаны небывшими у Св. Причастія; но священники стараются оправдать ихъ подъ разными благовидными и уважительными предлогами. Все это давало преосвященному возможность замѣнить протопопа и священниковъ (опредѣленныхъ на мѣста, какъ онъ объяснилъ Неплюеву, по необходимости) новыми священноцерковнослужителями; но привелъ ли въ исполненіе свои намѣренія Казанскій архипастырь, намъ неизвѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы думаемъ, что если Лукѣ и удалось назначить кого-либо изъ Казанскихъ ученыхъ священниковъ въ Яицкій городокъ; то они не могли удержаться въ той общинѣ, которая всегда старалась выдѣлять духовныхъ лицъ изъ своей же среды, какъ и гражданскихъ чиновниковъ, и ревниво охраняла ихъ права и привилегіи, если только они были согласны съ общественными стремленіями и интересами войска; въ противномъ случаѣ община сама низводила ихъ въ рязрядъ обыкновенныхъ людей, поглощая въ себѣ же.

97) Отвѣты Яицкаго духовенства подписаны протопопомъ, 4 священниками и 3 дьяконами.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ принудительныя мѣры со стороны епархіальной власти, гоненія и преслѣдованія Военной Коллегіи, направленныя противъ старообрядцевъ, не только не достигали цѣли, но еще болѣе способствовали росту и укрѣпленію раскола на Яикѣ. Неплюевъ хорошо понималъ непоколебимую вѣру старообрядцевъ и стойкость въ убѣжденіяхъ, но не могъ идти открыто противъ распоряженій Военной Коллегіи. Онъ дѣйствовалъ здѣсь вполнѣ благоразумно, вѣротерпимо и осторожно. Намъ извѣстно, что дѣдъ Неплюева по его матери (Маѳѣ Петровнѣ) Петръ Петровичъ, князь Мышецкій, былъ горячій приверженецъ старины и, когда его хотѣли арестовать, онъ нисколько не поколебался добровольно сжечь себя на кострѣ съ сотнею другихъ старообрядцевъ, изъявившихъ на то желаніе. Неплюевъ не могъ не знать о томъ отъ своей матери; слѣдовательно онъ имѣлъ достаточныя основанія опасаться подобнаго самосожженія въ Яицкомъ войскѣ и питать къ тому кровное отвращеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы онъ былъ совершенно равнодушенъ къ расколу и его антиправославнымъ преданіямъ. Замѣчая въ Яицкомъ войскѣ невѣжество и зараженіе расколомъ, онъ старался дѣйствовать чрезъ лучшихъ людей изъ среды самихъ же казаковъ, рекомендуя предъ правительствомъ болѣе честныхъ и добросовѣстныхъ изъ нихъ, для занятія вліятельныхъ должностей. Такъ, когда, напр., умеръ войсковой атаманъ Илья Меркульевъ [98]), Неплюевъ, указывая на войсковаго старшину Андрея Бородина, замѣчаетъ, что если бы даже и войско отказалось избрать его, Бородина, въ атаманы: то все таки, по его мнѣнію, «во всемъ томъ войскѣ лучше Бородина [99]), а за нимъ старшины Андрея Миронова и писаря Суетина нѣтъ. Хотя и они придерживаются раскольническому ученію, однакожъ они смышленѣе и подобострастнѣе всѣхъ и люди честные, а потому-то, только при помощи ихъ, можно руководить войскомъ и время отъ времени приводить его въ благочестіе. А инаково они народъ сумасбродный и къ шалостямъ и къ вольностямъ склонный, а особенно въ раскольническомъ плутовствѣ зараженный, такъ и для руководства своего рады себѣ подобнаго выбирать, который бы, кромѣ потворства имъ, ничего не смыслилъ, какъ то имъ и нынѣ знатно, ласкаясь надеждою на нихъ о томъ выборѣ, войсковой старшина Митрясовъ, яко также мужикъ сумазбродный и невѣжа безграмотный, больше всѣхъ въ томъ раскольничествѣ угождаетъ, для чего и въ С.-Петербургъ сына своего съ товарищи челобитчикомъ отъ нихъ посылаетъ. А тако ежели бъ таковаго въ атаманы выпросить имъ удалось, то оное войско не только въ лучшее состояніе не можно будетъ привесть, но со временемъ и въ подобное тому легкомысліе можетъ дойтить, какъ у нихъ во время

---

98) Меркульевъ умеръ 5 Января 1755 г. См. указъ В. Коллегіи отъ 24 Ноября 1749 г. и рапортъ Неплюева въ В. Коллегію, отъ 12 Января 1755 г.

99) Къ сожалѣнію, какъ увидимъ, Бородинъ увлекся властію и не оправдалъ мнѣнія о немъ Неплюева въ глазахъ Яицкаго войска, хотя В. Коллегія всегда была имъ довольна.

Библиотека "Руниверс"

полковника Захарова было»[100]). Вообще нужно замѣтить, что Неплюевъ, живя вблизи Яицкаго войска и имѣя постоянныя сношенія съ нимъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше и вѣрнѣе понималъ строй и духъ общественной жизни на Яикѣ, чѣмъ Казанскій архипастырь и В. Коллегія, а потому и дѣйствовалъ осторожнѣе и благоразумнѣе въ дѣлѣ ослабленія раскола въ Яицкомъ войскѣ. Будь на мѣстѣ Неплюева такой же ревнитель Православія, какъ Казанскій епископъ Лука, казаки не удержались бы отъ бунта и если бунта не послѣдовало, то благодаря только опытности и сдержанности, вѣротерпимости и осторожности Неплюева, который, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ было прекращено. В. Коллегія, во многомъ раздѣляя мнѣніе Неплюева, тѣмъ охотнѣе согласилась пріостановить гоненія и розыски, что ей предстояла теперь другая важная забота: на Западѣ начиналась Семилѣтняя война, а въ Оренбургской губерніи въ Маѣ 1755 г. вспыхнулъ Башкирскій бунтъ, подъ руководствомъ муллы Батырши Алѣева, отличавшагося извѣстною ненавистію противъ Русскихъ властей. Съ 1756 года розыски пріютившихся на Яикѣ старообрядцевъ прекращаются; но, несмотря на это, старовѣры изъ казаковъ, представляя себѣ съ понятіемъ старины свободу, вольности и вообще золотой вѣкъ казачества, до того сдѣлались подозрительными и недовѣрчивыми, что вездѣ и во всемъ были склонны видѣть посягательство на свои права и убѣжденія.

Среди Яицкихъ казаковъ расколъ является по преимуществу протестомъ противъ реформъ гражданскихъ, которыя они всегда ставили въ связь съ реформами церковными. Отсюда вытекаетъ и то устойчивое недовѣріе и противодѣйствіе, съ какими казаки относились и относятся къ каждому нововведенію, ко всякой новой реформѣ. Отстаивая интересы Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ старался поставить на видъ и выяснить то важное значеніе, которое принадлежало Яицкому войску въ борьбѣ Россіи съ ея внѣшними и внутренними врагами.

Чтобы видѣть, на сколько справедливо такое мнѣніе почтеннаго начальника Оренбургскаго края, мы приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ, наряды Яицкихъ казаковъ на внѣшнюю службу[101]), съ указаніемъ тѣхъ расходовъ, которыхъ стоила войску бо́льшая часть этихъ командировокъ.

Въ 1591 г., противъ «непослушника царскаго» Шевкальскаго было командировано 500 Яицкихъ казаковъ съ атаманомъ[102]).

---

100) См. рапортъ Неплюева въ В. Коллегію отъ 18 Мая 1755 г. Въ Мартѣ 1755 г. Бородинъ былъ выбранъ въ наказные атаманы, а въ Іюлѣ того же года утвержденъ въ должности.

101) Указаніе на командировки Яицкаго войска мы считаемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что Левшинъ, на котораго ссылаются Пушкинъ, Рябининъ и другіе, считаетъ первою службою Уральскихъ казаковъ походъ 1655 противъ Поляковъ, тогда какъ о походахъ 1591, 1629, 1634, равно какъ и о походахъ 1656, 1684, 1685, 1695, 1697 Левшинъ вовсе не упоминаетъ.

103) См. Акт. Истор. т. I, № 230.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1629 г. Яицкіе казаки находились въ тогдашнихъ Русскихъ войскахъ [103]) князя Солнцева-Засѣкина и Благова, дѣйствовавшихъ противъ Крымскихъ Татаръ [104]).

Въ 1634 году, при осадѣ Смоленска Поляками, въ отрядѣ Шеина [105]) находилось около 400 [106]) Яицкихъ казаковъ.

Въ 1655 и 1656 г. Яицкіе казаки принимали участіе въ войнѣ съ Поляками, подъ командою князя Хованскаго [107]).

Въ 1681 году изъ Яицкаго войска командировано 100 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Прокопья Семенова, подъ Чигиринъ въ команду князя Булата Мусаиловича Черкасскаго.

Въ 1682 г. туда же командировано 200 казаковъ съ атаманомъ Иваномъ Бѣлоусовымъ [108]).

Въ 1683 г., въ Іюлѣ мѣсяцѣ, для усмиренія бунтовавшихъ Уфимскихъ Башкиръ послано 500 Яицкихъ казаковъ, при особомъ атаманѣ [109]).

Въ 1684 г., въ Крымскій походъ князя Василья Васильевича Голицына, отправленъ атаманъ Прокопій Тагаевскій и съ нимъ 150 казаковъ.

Въ 1685 г., туда же командировано вновь 200 казаковъ съ атаманомъ Яковомъ Васильевымъ [110]).

Въ 1695 г., съ Яика отправилось 500 казаковъ, съ атаманомъ Андреемъ Головачемъ, въ составѣ 75 тысячной Русской арміи, которой командовалъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ [111]) при осадѣ и взятіи Азова.

Въ 1696 г., подъ Азовъ, въ команду кн. Бориса Алексѣевича Голицына, командировано 300 казаковъ съ атаманомъ Ѳедоромъ Семеновымъ.

Въ 1697 г., во вторичный походъ Шеина подъ Азовъ, отправлено 200 казаковъ, при атаманѣ Андреѣ Аѳанасьевѣ.

---

103) Въ какомъ числѣ—неизвѣстно.

104) Наказъ царя Михаила Ѳеодоровича 29 Марта 1629 г. См. Акт. Археограф. Экспед. т. I, №№ 187, 220, 229 и 246.

105) Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, казненный, по ненависти бояръ, за неудачный походъ подъ Смоленскъ.

106) Изъ договора съ Поляками 24 Февраля 1634 г. видно, что во время заключенія мира Яиц. казаковъ было 380 человѣкъ, изъ коихъ 36 остались въ Смоленскѣ за болѣзнію, а прочіе 344 человѣка вышли изъ осажденнаго города въ числѣ остальнаго Русскаго войска.

107) Объ этой службѣ Яицкихъ казаковъ въ Польшѣ и подъ Ригою упоминается, какъ о первой, въ инструкціи, данной войскамъ, отправленнымъ въ С.-Петербургъ, въ Іюлѣ 1767 года, депутатамъ: Тамбовцеву, Акутину и др.

108) Оба Чигиринскіе похода были противъ гетмана Дорошенки, отдавшагося подъ покровительство Турецкаго султана.

109) За усмиреніе Башкирцевъ въ этотъ походъ, Яицкіе казаки стали получать, сверхъ жалованья деньгами и сукномъ, и артилерійскіе снаряды. См. въ Ур. в. арх. № 8. Сличи также Левшина.

110) Крымскій походъ объявленъ былъ въ 1686 году, но Голицынъ выступилъ въ него съ стотысячнымъ войскомъ 22 Февраля 1687 года.

111) Устряловъ. Истор. ц. П. Великаго, ч. II.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1701 г., въ Шведскій походъ командировано 600 Яицкихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Витошнова [112]).

Въ 1703 г., туда же отправленъ походный атаманъ Матвѣй Мироновъ съ 500 казаковъ.

Въ 1704 г., туда же—атаманъ Матвѣй Рекуновъ съ 500 казаковъ [113]).

Въ 1707 г., туда же командировано вновь 500 казаковъ съ атаманомъ Митрофаномъ Пименовымъ.

Въ 1708 г., противъ бунтовавшихъ Башкиръ, отправился атаманъ Ѳедоръ Семенниковъ, во главѣ 1,225 чел. Яицкихъ казаковъ,

Въ 1711 г., въ Кубанскій походъ съ бояриномъ Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, командировано 1,000 казаковъ при атаманѣ Кононѣ Никѣевѣ [114]).

Въ 1713 г., при томъ же бояринѣ Апраксинѣ, въ Харьковскомъ походѣ [115]), находилось 1,500 чел. Яицкихъ казаковъ съ атаманомъ Матвѣемъ Ивановымъ.

Въ 1714 г., на Каспійское море, къ Бековичу Черкасскому отправлено 100 казаковъ съ особымъ атаманомъ Иваномъ Котельниковымъ.

Въ 1715 г., туда же командировано 500 казаковъ при атаманѣ Зиновіи Михайловѣ.

Въ 1716 г., къ нему же для Хивинской экспедиціи—1,102 человѣка, подъ начальствомъ походнаго атамана Никиты Бородина [116]).

Въ 1717 г., къ Бековичу Черкасскому отправлено было еще 368 чел. казаковъ [117]).

Въ томъ же году, какъ это видно изъ дѣла казака Карташева, командировано съ Яика 1,500 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Матвѣя Иванова, въ Украинскій походъ съ бояриномъ Апраксинымъ.

И такъ Яицкое войско въ теченіи 124 лѣтъ имѣло 24 похода, въ которые командировано, по указамъ правительства, около 12,000 казаковъ и болѣе 20 походныхъ атамановъ. Въ среднемъ выводѣ каждая командировка приходилась черезъ пять лѣтъ и 4 мѣсяца; въ частности же случалось и такъ, что войско нѣсколько лѣтъ [118]) сряду обязано было снаряжать и отправлять въ походъ извѣстное

---

[112]) Яицкими и Малороссійскими казаками въ это время начальствовалъ наказный атаманъ Лизогубъ, при содѣйствіи полковниковъ Ободовскаго и Искры; главнокомандующимъ же всей Нарвской арміей былъ Шереметевъ.

[113]) Въ 1703 и 1704 гг. всѣ казаки въ числѣ 30 т. челов. находились подъ начальствомъ гетмана Мазепы.

[114]) Въ Кубанскомъ походѣ Яицкіе казаки, какъ и Малороссійскіе, находились подъ командою гетмана Скоропадскаго, съ цѣлію удержанія Крымскаго хана отъ помощи Турецкимъ войскамъ въ неудачной войнѣ Петра Великаго съ Турціей въ 1711 году. Левшинъ говоритъ, что въ Кубанскомъ походѣ было 1,500 казаковъ; но это противорѣчитъ челобитной войска.

[115]) Яицкіе казаки находились въ это время въ составѣ дивизіи фельдмаршала Шереметева, расположенной на квартирахъ въ Малороссіи, для наблюденія за Днѣпровскою Малороссіею, бывшей прежде подъ покровительствомъ Швеціи и Порты.

[116]) Бековичъ 500 казаковъ вернулъ изъ Гурьева въ домы, а 1,500 взялъ съ собой въ Хиву, гдѣ они почти всѣ и погибли.

[117]) Указъ предписывалъ выставить 448 чел.; но казаки не могли собрать болѣе 368, безъ сомнѣнія, за малолѣтствомъ, вслѣдствіе частыхъ и значительныхъ командировокъ.

[118]) Напр. походы съ 1681—1685 и съ 1713—1717 годъ.

Библиотека "Руниверс"

число казаковъ, а иногда и на одномъ году бывало по двѣ командировки [119]).

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что особенно часты и значительны по численности были походы при Петрѣ Великомъ: въ теченіи 17 лѣтъ Яицкое войско имѣло одинадцать походовъ, въ составѣ 8,170 человѣкъ и одинадцати походныхъ атамановъ. Наиболѣе чувствительны и достопамятны Яицкому войску «Свейскіе» походы и экспедиція въ Хиву Бековича Черкасскаго: командированный съ Яика полкъ Матвѣя Рекунова въ Шведскій походъ находился на службѣ болѣе 17 лѣтъ сряду [120]), а 1,500 Яицкихъ казаковъ, сопровождавшихъ Бековича въ Хиву, почти всѣ легли тамъ костьми.

Послѣдній нарядъ на службу былъ въ 1717 г. До 1721 г. правительство, вѣроятно, вслѣдствіе большой убыли казаковъ въ Хивинскую экспедицію, не требовало отъ войска никакихъ нарядовъ, хотя въ 1720 г. именнымъ указомъ предписано всему Яицкому войску быть въ готовности. Съ 1721 года, вслѣдствіе особаго указа, половина войска была постоянно въ командировкѣ по линіи, для предосторожности отъ Киргизовъ, а другая оставалась при Яицкомъ городкѣ, въ случаѣ же нужды велѣно дѣлать наряды и изъ этой половины [121]).

Съ 1724 по 1774 г. Яицкое войско безпрерывно должно было отправлять отъ 400 до 1,000 чел. въ низовый корпусъ, или на Кавказъ [122]).

Не говоря уже о потерѣ людей, во время этихъ службъ, походы стоили Яицкому войску и значительныхъ денежныхъ затратъ или расходовъ, такъ какъ войско отбывало военную повинность на свой счетъ, въ видѣ наемки шедшихъ на службу и подмоги имъ отъ всего войска. Приведемъ нѣкоторыя числовыя данныя изъ челобитной Яицкаго войска, 12 Октября 1720 года, поданной Петру Великому отъ имени двухъ тысячъ шести сотъ казаковъ и Яицкаго атамана Ивана Иванова [123]). Первый Чигиринскій походъ стоилъ войску 2,026 рубл.; второй—3,621 р.; первый Крымскій походъ—3,016 р., второй—3,929 р.; первый Азовскій походъ—4,544 р., второй—3,540 р.; первый Шведскій походъ—11,442 р., второй—9,173 р., третій—8,044 р., четвертый—4,036 р.; походъ на Башкиръ въ 1708 г.—3,875 р.; Кубанскій походъ—14,126 р.; Харьковскій—22,642 р.; походы съ Бековичемъ Черкасскимъ—всѣ вмѣстѣ—25,207 р.; одни снаряженія для Хивинской экспедиціи стоили Яицкимъ казакамъ 21,597 р. и т. д.

Такимъ образомъ на свои походы Яицкое войско израсходовало болѣе 119,000 р. [124]): сумма по тому времени весьма значительная, если взять при этомъ въ расчетъ численность войска, которое

---

119) Въ 1717 г. командировано 1,500 въ Хиву и 1,500 въ Украинскій походъ.

120) См. выше походъ 1704 г. Сличи Ур. В. В. 1869 г. № 36, стр. 6.

121) См. Ур. В. Вѣд. 1869. г., № 36.

122) Тамъ же № 25, стр. 7; № 37 стр. 6.

123) Урал. В. Вѣд. 1869 года (См. №№ 35 и 36). Вмѣсто атамана и всего войска подписалъ священникъ Михайлоархангельской церкви Яковъ Артемьевъ.

124) 119,221 р. Въ Ур. В. Вѣд. (1869 г., № 36) значится 119,528 р.; но этотъ итогъ больше суммы означенныхъ частныхъ расходовъ попоходно.

Библиотека "Руниверс"

по переписи Захарова не превышало 5,772 ч. [125]), включая сюда дѣтей и отставныхъ казаковъ. Размѣръ этой суммы, безъ сомнѣнія, увеличится еще болѣе, если принять во вниманіе и цѣнность тогдашняго рубля, когда на 10 р. можно было имѣть домъ со всѣмъ пристроемъ, такъ что едва ли будетъ преувеличеннымъ, если мы скажемъ, что вышеозначенные походы стоили Яицкому войску до полмилліона рублей на нынѣшнія деньги, а между тѣмъ здѣсь указаны не всѣ расходы [126]). Присоедините къ этому бывшій по временамъ недоловъ рыбы, отъ которой главнымъ образомъ зависѣло благосостояніе казаковъ, угонъ у казаковъ скота сосѣдними Киргизами и Калмыками, отсутствіе въ войскѣ земледѣлія въ описываемое время, когда казакамъ приходилось хлѣбъ покупать или мѣнять на рыбу и ея продукты въ Самарѣ, Сызрани и другихъ мѣстахъ; не забудьте и общихъ городскихъ расходовъ, простиравшихся иногда до 2000 р. въ годъ [127]); припомните наѣзды и взятки разныхъ сыщиковъ и фискаловъ, ихъ содержаніе на войсковой счетъ и т. п., и вамъ понятно будетъ, почему войско входило иногда въ неоплатные долги [128]), и почему оно такъ полюбило и воспѣло родной Яикъ, служившій долгое время почти единственнымъ источникомъ его существованія. Понятно будетъ и слѣдующее челобитье Петру Великому: «Всемилостивѣйшій государь! Просимъ вашего величества, вели, государь, намъ, рабамъ твоимъ, на двѣ тысячи на шесть сотъ человѣкъ своимъ царскаго величества денежнымъ жалованьемъ и сукнами, порохомъ и свинцомъ, и ядрами, и пушками, и знаменами, и колоколами [129]), и за пріѣзды наши, когда въ которое время для вашихъ царскаго величества дѣлъ ни пріѣдемъ, такожъ и подъемнымъ своимъ великаго государя жалованьемъ, за скудость нашу, дабы намъ чѣмъ впредь твоего великаго государя службу было служить и насъ, рабовъ твоихъ, пожаловать по своему царскаго величества милостивому разсмотрѣнію, понеже мы выѣзжаемъ чрезъ степь и въ службахъ бываемъ на своихъ лошадяхъ и на своемъ коштѣ» [130]).

Неплюевъ, хорошо все это знавшій, не могъ не цѣнить Яицкаго войска, не смотря на его грубость и склонность къ расколу. Помимо тѣхъ важныхъ услугъ, которыя оказывало Яицкое войско государству въ его войнахъ съ внѣшними и внутренними врагами, жертвуя имуществомъ и жизнію, Неплюевъ хорошо сознавалъ и то важное стратегическое положеніе, какое принадлежало Яицкимъ ка-

---

[125]) Годныхъ же къ службѣ, какъ мы знаемъ, было только 3,196 чел. и съ атаманомъ.

[126]) Напр., мы не знаемъ, чего стоили войску походы 1591, 1683, 1655, 1656, 1695 гг. и походъ въ Украйну 1717 г., а также командировки въ низовый корпусъ, начиная съ 1724 г.

[127]) См. проэктъ Неплюева въ Ур. в. арх., по описи № 3, стр. 12—13.

[128]) См. указъ В. Колл. къ Неплюеву, отъ 12 Дек. 1745 г.

[129]) Въ 1725 г. Яицкому войску дано было 12 колоколовъ, въ которыхъ вѣсу было во всѣхъ 103 пуда, а въ 1734 г. — шесть колоколовъ вѣсомъ 45 пудовъ (всѣ шесть вмѣстѣ). См. Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 13.

[130]) См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 36, стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

закамъ на восточной окраинѣ Россіи, не говоря о развитіи скотоводства, промысловъ соляныхъ и рыболовныхъ, а также торговли [131]) въ этомъ малонаселенномъ тогда уголкѣ Россіи. Предлагая дѣйствовать на раскольниковъ проповѣдью, увѣщаніями и школами, онъ былъ противъ всякаго насилія и крутыхъ мѣръ въ отношеніи старообрядцевъ. Мы видѣли также, что и Казанскій епископъ Лука Конашевичъ заботился о томъ, чтобы въ Яицкомъ городкѣ были открыты школы, и чтобы пастыри были люди ученые. Платонъ Любарскій [132]), правдивый и безпристрастный историкъ Казанской, Вятской и Астраханской іерархій, отдавая полную справедливость заслугамъ Луки Конашевича въ дѣлѣ просвѣщенія Казанской паствы, безпристрастно замѣчаетъ о его миссіонерскихъ распоряженіяхъ: «Какъ особливо Татары не столь преклонны къ благочестію; то онъ иногда убѣждалъ ихъ къ тому и нѣкоторыми утѣсненіями, созидая насильно въ срединѣ селеній ихъ церкви и часовни, избирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенныя имъ новокрещенскія училища, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія и другія многія причиняя имъ противности, чрезъ что сильно ихъ огорчалъ, что они нерѣдко отъ нетерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія» [133]). Подобную нетерпимость проявилъ Лука Конашевичъ и къ Яицкимъ раскольникамъ. Недовольство, которое выказывали иновѣрцы и преимущественно Татары, по поводу крутыхъ мѣръ архипастыря, равно какъ и недовольство Яицкаго войска, вызванное преслѣдованіемъ раскольниковъ, не могли не озабочивать правительства, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Оренбургской губерніи среди Башкиръ вспыхнулъ сильный мятежъ противъ Русской власти, имѣвшій, по выраженію профессора Ѳирсова, «всѣ признаки борьбы за вѣру Магомета и стремившійся охватить и магометанское населеніе Приволожья» [134]). Для подавленія этого мятежа, нужны были военныя силы, и прежде всего, силы Яицкихъ казаковъ, какъ ближайшихъ сосѣдей магометанскаго населенія Оренбургскаго края; слѣдовательно идти противъ желанія Яицкаго войска теперь было бы неумѣстно, и вотъ почему В. Коллегія охотно согласилась на представленіе Неплюева прекратить всякое преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ и оставить казаковъ въ покоѣ.

Находя неудобнымъ поддерживать духовную пропаганду въ томъ видѣ, какъ она доселѣ была ведена подъ наблюденіемъ Казанскаго епископа, правительство рѣшилось пріостановить такую пропаганду, а «епископъ Лука, какъ замѣчаетъ Любарскій, въ томъ же (1755) году переведенъ былъ въ Бѣлогородскую епархію (гдѣ по немногихъ годахъ скончался)—въ предвареніе всеобщаго

---

131) Яицкіе казаки вели торговлю и съ непріятельской Хивой.

132) Платонъ Любарскій былъ 1772 — 1778 г. ректоромъ и учителемъ богословія въ Казанской Семинаріи, а потомъ архіепископомъ Астраханскимъ.

133) См. его Исторію Казанской іерархіи, рукопись въ библ. Каз. Дух. Академіи. Сличи Прав. Собес. за 1858 г., т. III, стр. 498.

134) См. инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. Н. А. Ѳирсова. Казань, 1869 г., стр. 210.

Библиотека "Руниверс"

смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій» [135]). Впрочемъ, не смотря на это, мы далеки отъ того, чтобы не признать за умнымъ и дѣятельнымъ Лукою его заслугъ на пользу Казанской епархіи. Стремленіе этого пастыря къ просвѣщенію духовенства, попеченіе объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи и въ самой Казани новокрещенскихъ школъ и, наконецъ, пріобрѣтеніе для церкви нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ [136]), обращенныхъ изъ инородцевъ въ Православіе, хотя бы въ большинствѣ случаевъ наружно,—все это заставляетъ насъ мириться съ запальчивостію и религіозной нетерпимостію Луки въ его миссіонерской дѣятельности и питать къ нему должное уваженіе. Любарскій, хорошо знавшій Луку и его дѣятельность, замѣчаетъ о немъ: «Казанская епархія своимъ просвѣщеніемъ, благочестіемъ и должнымъ во всемъ порядкомъ ему первому должна, такъ что сначала архерействованія его Казанская епархія историческій хорошаго нынѣшняго состоянія періодъ начинаетъ» [137]).

В. Витевскій.

(Окончаніе будетъ).

---

[135]) Тамъ же, стр. 209. Сличи Прав. Собесѣд. 1868 г., № 8, стр. 103.

[136]) Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка крещеныхъ иновѣрцевъ въ Казанской епархіи считалось 15,000 душъ, а въ 1747 г. ихъ было уже болѣе 100,000 душъ. См. Пр. Соб. 1858 г., т. III, стр. 477.

[137]) Прав. Собесѣд. 1858 г., т. II, стр. 564.

Библиотека "Руниверс"

Письма къ графу П. С. Потемкину.

I. ОТЪ КРЫМСКАГО ХАНА ШАГИНЪ-ГИРЕЯ.

13 Октября 1776 г. изъ лагеря при Кара-су.

Искренній пріятель Павелъ Сергѣевичъ!

Письмо ваше искренняго пріятеля имѣлъ я честь получить съ совершеннымъ обрадованіемъ, при чемъ позвольте увѣрительно сказать, что за чистосердечныя въ немъ выраженія обязанъ я вашему превосходительству признательнѣйшею благодарностію. Но несчастливъ я однакожъ, что чрезъ посредство искренняго пріятеля не удостоился получить давно желаемыхъ строкъ отъ брата вашего, свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича, которыхъ нетерпѣливо ожидалъ въ разсужденіе обѣщаннаго вашимъ превосходительствомъ ходатайства. Впрочемъ, хотя и не въ состояніи сомнѣваться на добродѣянія ваши ко мнѣ, испытавши оныя вашимъ же представительствомъ у его свѣтлости о господинѣ полковникѣ Филипѣ Ивановичѣ Фричѣ, но какъ и донынѣ не удостоенъ сей, отмѣнно похвальными качествами одаренный, штабъ-офицеръ благоволеніемъ толь великодушнаго мужа, свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича: то, представляя его лично вашему превосходительству, усерднѣйше прошу не лишить милостивымъ вашимъ ходатайствомъ и благопризрѣніемъ, чѣмъ чувствительно обяжете искренне васъ почитающаго.

Крымскія происшествія, думаю, вашему превосходительству во всей точности извѣстны. Они относятся больше произволу судьбы, коей во всемъ повинуясь, благодарю Бога. Впрочемъ, здѣсь благополучно; что жъ впредь воспослѣдуетъ—одна десница вѣсть.

Въ заключеніе прилежно прошу васъ искренняго пріятеля не предавать меня забвенію частѣйшими извѣщеніями о благополучномъ здоровьи вашемъ, о которомъ усердно слышать желаю и, поручивъ себя однажды на всегда непоколебимой вашей дружбѣ, есмь съ непремѣннымъ почитаніемъ и доброхотствомъ вашего превосходительства усердный пріятель Шагинъ-Гирей-ханъ [1]).

II. ОТЪ ГРАФА А. А. БЕЗБОРОДКИ.

Апрѣля 10-го 1783 г.

Не можно мнѣ было лучшаго дождаться случая какъ отъѣздъ Александра Николаевича [2]), чтобъ паки поблагодарить вашему превосходительству за ваше дружеское стараніе о доставленіи мнѣ земель,

---

1) Послѣдній Крымскій ханъ, въ 1782 г. отрекшійся отъ престола и переѣхавшій на житье въ Россію.

2) Самойлова.

Библиотека "Руниверс"

коимъ и планъ я получилъ. Мы теперь будемъ ожидать отъ васъ извѣстій о вашихъ подвигахъ. Радуюся, что взялися за умъ думать о такой сторонѣ, которая для насъ поистинѣ нужнѣе всѣхъ Нѣмецкихъ дѣлъ, гдѣ для насъ ни пользы, ни большой чести нѣтъ, буде только здраво подумаютъ, что пріобрѣтеніе инфлюенціи въ Германскихъ дѣлахъ, играніе роли арбитра между двумя естественными соперниками, то-есть Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами и раздѣленіе со Франціею ручательства Нѣмецкой конституціи [3]) суть одно политическое пустословіе. Никто не сомнѣвается, что отъ стороны вашей ожидать будетъ надобно не только распространенія нашей силы къ сторонѣ Персіи, но даже, въ случаѣ войны, и самой сильной диверсіи Туркамъ. Я желаю, чтобъ ваше только здоровье снесло и одолѣло всѣ невыгоды тамошняго климата.

У насъ впрочемъ тихо. Министерство въ Англіи хотя и было составлено, но король, свѣдавъ, что оно помышляетъ всѣ среднія мѣста занять мимо его своими, не объявилъ своего на выборъ его утвержденія. И такъ господа Фоксъ и Нортъ остаются теперь въ сомнѣніи, попадутъ ли въ дѣло; а думаютъ, что король отъ себя самъ его наполнитъ, и что г. Питтъ молодой будетъ шефомъ казначейства или первымъ между министрами. Миръ съ Голандіею еще не заключенъ; но видно, что сама Франція понуждаетъ ихъ согласиться на кондиціи Англійскія, кои въ сущее разореніе Остиндской компаніи клонятся. Не имѣемъ мы ничего важнаго изъ Царяграда, да и не ожидаемъ; а вѣдаемъ только, что пріуготовленія ихъ идутъ сильнымъ образомъ.

III. ОТЪ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

1.

29 Октября 1782 г.

Я бы желалъ, братецъ Павелъ Сергѣевичъ, чтобъ ты какъ можно скорѣй былъ на своемъ мѣстѣ, дабы я могъ отъ тебя получить точное свѣдѣніе о тамошнихъ мѣстахъ и о народѣ и о слухахъ, что̀ въ Персіи происходитъ. Я послѣ подписанія къ тебѣ ордера вздумалъ, что царь Ираклій подсылаетъ людей своихъ, конечно, для того, чтобы узнать о царевичѣ Александрѣ, котораго и ты не долженъ допущать дѣлать успѣхи; а еслибъ его царь Ираклій поймалъ да заперъ, сіе бы всего было лучше [4]). Вѣрный братъ князь Потемкинъ.

---

[3]) Напечатанное въ разбивку подчеркнуто въ подлинникѣ.

[4]) Въ 1782 году начались сношенія Россіи съ Грузіею по поводу выраженнаго царемъ Иракліемъ II-мъ желанія отдаться подъ покровительство Россіи. Екатерина поручила всѣ дѣла на Востокѣ князю Г. А. Потемкину, а онъ назначилъ своего двоюроднаго брата Павла Сергѣевича Потемкина для переговоровъ съ царемъ Ираклiемъ. (См. г. Дубровина: „Братья Потемкины на Кавказѣ“ въ Русск. Вѣстникѣ 1878 и 1879 г.).

Библиотека "Руниверс"

2.

Января 7 дня 1783 г.

Милостивый государь мой Павелъ Сергѣевичъ! [5]

По случаю опредѣленія нынѣ командиромъ въ Кабардинскій егерскій батальонъ принца Гессенъ-Рейнсфельскаго, въ разсужденіи незнанія имъ языка нашего, нужно имѣть ему товарища, понѣмецки и порусски разумѣющаго. Для того ваше превосходительство извольте прикомандировать къ помянутому батальону штабъ-офицера, оба сіи языка знающаго, и меня о немъ увѣдомить, дабы по тому могъ я надлежащее объ опредѣленіи его дать повелѣніе, а теперь состоящаго помѣстить на другую ваканцію, пребывая, впрочемъ, съ отличнымъ почтеніемъ и доброжелательствомъ вашего превосходительства покорнымъ слугою, князь Потемкинъ.

3.

16 Іюня 1783 г., изъ Херсона.

Братецъ Павелъ Сергѣевичъ!

Отрядъ войска къ царю Ираклію приготовь, но не посылай еще; ибо когда и кончится съ нимъ трактованіе, то еще приславши все ко мнѣ получишь объ отсылкѣ войскъ. Что ты въ Дербентъ посылаешь Александра Николаевича это случится, можетъ быть, и нехудо; но воздержи его отъ глупыхъ маневровъ, что онъ передъ пустой линіей Перекопской дѣлалъ. Растолкуй ему, что и большія силы, раздѣленныя на части, слабѣютъ. Скажи ему также, что попустому викторію палить смѣшно и что еще смѣшнѣй наполнять враньемъ реляціи. Дай ему познать, что честно служить вправду, а подло выслуживаться разсказами и, наконецъ, малымъ душамъ только свойственно искать лавровъ во штяхъ, а большія души больше дѣлаютъ, нежели говорятъ.

Содѣйствіе твое въ верхней части Кубани долженствуетъ быть сильно. Я желалъ бы, чтобъ ты изъ Кабардинцевъ въ случаѣ упорства напустилъ и чрезъ то бы ихъ между собой поссорилъ, а они пойдутъ для добычи; а ежели кто неспоря пожелаетъ за-границу, таковыхъ не держать въ силу плаката, и противъ Фетъ-али-хана [6]) сосѣдей можно поссорить. Въ разсужденія дѣланія дороги увѣрить жителей, что имъ не перестанутъ плату производить за сбереженіе ея, и надо съ ними поглаже обходиться, а то всѣхъ огорчимъ.

Вѣрный братъ твой князь Потемкинъ.

4.

Февраля 4 дня 1784 г.

Братецъ Павелъ Сергѣевичъ!

По извѣстному участію, которое вы во всемъ до меня касающемся пріемлете, увѣренъ я, что пріятно для васъ будетъ извѣстіе о по-

---

5) Письмо офиціальное.

6) Фетъ-али-ханъ Дербентскій опасался связи Грузіи съ Россіею.

Библиотека "Руниверс"

жаловании меня въ президенты Военной Коллегіи. Сообщая вамъ сіе, присовокупляю къ тому и поздравленіе съ препорученіемъ вамъ Саратовской и Кавказской губерній. Турки согласились уступить Крымъ и признать оный нашимъ, и на сихъ дняхъ присланы сюда формальные о томъ акты. Такимъ образомъ спокойствіе и тишина утверждаются по прежнему.

Весьма теперь надобно мнѣ дынныхъ сѣмянъ Эриванскихъ и Бухарскихъ: оныя были у доктора Рейнегса [7]). Пожалуйста, постарайтесь достать ихъ сколь можно скорѣе и пришлите ко мнѣ по крайней мѣрѣ хоть однихъ Эриванскихъ Я съ искреннимъ вамъ доброжелательствомъ и отличнымъ почтеніемъ пребуду всегда вашъ покорный слуга князь Таврическій.

5.

Островки, 4 Августа 1785 г.

Братецъ Павелъ Сергѣевичъ!

Мнѣ жаль Піерія [8]), но не столько, какъ людей, ибо вся потеря произошла отъ его безразсудной запальчивости. Да притомъ еще Чеченцы правы: имъ въ силу моего предписанія не было объявлено, чтобы выдали бродягу, а пришли прямо воровски; то какъ же имъ не обороняться отъ разорителей? Я нетерпѣливо желаю твоего на мѣстѣ пребыванія. Постарайся произвесть въ Чеченцахъ раскаяніе. Въ то время можно имъ дать чувствовать, что сіе дѣло исполнено было своевольнымъ предпріятіемъ, а не по повелѣнію.

Вѣрный другъ и братъ князь Потемкинъ.

6.

16 Октября 1785 г.

Братецъ Павелъ Сергѣевичъ!

Видѣлъ я письмо Шемякина [9]), объ тебѣ писанное. Не ясно описаны въ немъ обстоятельства, ниже вѣрныя есть у нихъ свѣдѣнія о сосѣдяхъ, но все основано на слухахъ и гаданіяхъ, такъ какъ бы между ними разстояніе тысяча верстъ. Видно однакоже ясно, что все въ разстройкѣ, даже до умовъ ихъ. Я изъ Петербурга въ первомъ моемъ ордерѣ описалъ ихъ состояніе и предписалъ вамъ средства объ одобреніи, требуя и теперь такимъ образомъ расшевелить спящихъ. Долго ли будемъ придавать Піеріеву дѣлу титулъ несчастливаго и какъ бы вся уже армія въ семи стахъ потерянныхъ истреб-

---

7) Докторъ Яковъ Рейнегсъ былъ отправленъ Потемкинымъ въ Тифлисъ и оттуда писалъ на Французскомъ языкѣ сообщенія о тамошнихъ дѣлахъ и исполнялъ различныя порученія его. Есть его книга о Кавказѣ.

8) Въ 1785 году на Кавказѣ явился лжепророкъ Мансуръ, возбуждавшій магометанскій фанатизмъ и стремившійся соединить всѣхъ горцевъ въ одно цѣлое. Полковнику Піери поручено было требовать выдачи лжепророка и въ случаѣ сопротивленія дѣйствовать силою. Піери пренебрегъ непріятелемъ и, не дождавшись отряда бригадира Апраксина, двинулся противъ Чеченцевъ, былъ окруженъ ими и потерпѣлъ пораженіе. (Р. Вѣстникъ 1878 г. № 12, стр. 513 и сл.).

9) Генералъ Шемякинъ дѣйствовалъ противъ Горцевъ въ 1785 г.

Библиотека "Руниверс"

лена? Сочтите, пріѣхавши на мѣсто, людей; вы увидите, что̀ есть. Простые и преградные съ другими еще ненужными постами, въ степи расположенными, растаскиваютъ людей много и больше раздѣляютъ заботу командира, нежели служатъ къ какой-либо пользѣ. Я строго буду осматривать полки. Сообщите полковникамъ, что сей смотръ будетъ не на шутку. Изъ приложенной рапортиціи войску вы усмотрѣть можете, что̀ составить долженствуетъ главный вашъ корпусъ.

Недоволенъ я былъ, что и вы, писавъ въ Комисаріатъ требованіе, дали Алдинскому дѣлу [10]) плачевное названіе. Прошу сіе впредь называть глупымъ дѣломъ. Не знаю, пріѣхали ли вы на линію, чего я нетерпѣливо желаю. Вѣрный вашъ другъ и братъ князь Потемкинъ.

PS. При отправленіи сего курьера получилъ я, братецъ, послѣдніе твои рапорты. Радъ, что ты уже на мѣстѣ. Благодарю за поздравленіе съ моими имянинами. Много-бы ты меня успокоилъ приведеніемъ всего въ порядокъ. За симъ курьеромъ еще будетъ отъ меня другой, съ которымъ пришлю раздѣленіе войску, какъ я полагаю на линіи твоего корпуса. Я письма твои, братецъ, получилъ. Удивляюсь, что письмо Государыни къ принцу еще не дошло. Меня здѣсь не было.

Я тебѣ совѣтую извѣщать прямо Государыню письмами и присылай ихъ ко мнѣ для врученія. Что Государыня приказала черезъ вицъ-канцлера сказать о пріѣздѣ принца къ 26 числу, сіе для того, что зимній дворецъ не можетъ готовъ быть для въѣзда Ея Величества прежде. Прощай. Вѣрный братъ князь Потемкинъ.

7.

19 Октября 1786 г.

Братецъ Павелъ Сергѣевичъ!

Сердиться я на тебя причины не имѣю, но чтобы апробовать равно дурное и хорошее, сего я не могу. Ты командуешь на мѣстѣ, всѣ успѣхи, конечно, отдаю тебѣ, но въ худыхъ обстоятельствахъ терплю я. Не сердись за то, что я нахожу распредѣленіе войскъ не по моей мысли. Это—правда и, какъ буду на мѣстѣ, то докажу. Впрочемъ, описаніе своихъ трудовъ мнѣ дѣлаешь ты излишнее: я всѣмъ отдаю больше, нежели кто-нибудь. На что мнѣ возносишь труды свои? Я ихъ знаю, какъ цѣну, такъ и возможность. Привлеченіе и другихъ—это должность ваша, и на то вамъ даны предписанія. Я не думаю, чтобъ на сіе вы имѣли какой другой секретъ кромѣ страха приближенія новыхъ силъ и моего имени, которое вѣрно больше вѣситъ, нежели твои пышнаго слога письма, коихъ никто изъ нихъ не понимаетъ. Если ты открылся мнѣ чистосердечно, то и я отвѣчаю тѣмъ же. Впрочемъ, вѣрь, что я не сердитъ и, конечно, не упущу къ твоей пользѣ употребить стараніе, но по случаю, какой я найду достойнымъ.

---

[10]) Піери былъ разбитъ близъ селенія Алды.

Библиотека "Руниверс"

Въ разсужденіе твоего отпуска сіе весьма легко; но подумай напередъ: ежели замѣнитъ твое мѣсто какой ни есть полный генералъ, то уже послѣ трудно мнѣ будетъ ввести тебя главнымъ командиромъ, наипаче при начинающихся теперь предпріятіяхъ.

Положеніе, какое сдѣлано о горскихъ народахъ, подастъ случай привести все въ порядокъ и согласіе, если при семъ будетъ поступаемо съ ними гладко или, лучше сказать, безъ презрѣнія. Прости, братецъ! Вѣрный твой братъ и другъ князь Потемкинъ. Прасковьѣ Андреевнѣ мое почтеніе.

IV. ОТЪ В. С. ПОПОВА.

1.

1 Октября 1784, С.-Петербургъ.

За нѣсколько дней рѣшено дѣло комисаріатское. Всѣ почти по оному отрѣшены отъ мѣстъ, и барону Осипу Андреевичу [11]) досталось намѣстничество Симбирское и Уфимское на мѣсто А. П. Апухтина, въ Крымъ же посылается М. В. Каховскій для командованія корпусомъ.

Слухъ о перемѣнѣ мѣста моего дошелъ къ вамъ несправедливый, тѣмъ не менѣе однако благодаренъ я за милостивое ваше участіе. Василій Степановичъ Тамара совсѣмъ готовъ и конечно менѣе трехъ дней отсюда поѣдетъ; а съ нимъ же, я думаю, отправится и Шушинскій посланникъ, которому все здѣсь чрезвычайно полюбилось, особливо же адмиралтейство съ Кронштадтомъ, оружейные и пороховые заводы. Царевичъ [12]) на сихъ дняхъ будетъ имѣть счастіе представленъ быть Ея Императорскому Величеству, а между тѣмъ его здѣсь поознакомливаютъ. Царевича Антонія [13]) самъ князь изволилъ познакомить съ Гавріиломъ, а меня послалъ съ нимъ къ Иннокентію.

Графиня Александра Васильевна [14]) теперь въ Бѣлой Церкви, а Катерина Васильевна въ препровожденіи Цейтенъ (?) поѣхала въ Неаполь. Я имѣю письмо уже изъ Бродовъ отъ 9—20 Сентября.

2.

31 Октября 1784, С.-Петербургъ.

Царевичи Грузинскіе къ Петербургу уже привыкли и начинаютъ говорить порусски. Имъ пожаловано: вопервыхъ, на другой день послѣ представленія, Антонію бархату и атласу на одежду, а Миріану табакерка съ бриліантами; потомъ каждому по четыре тысячи рублей; наконецъ, опредѣлено въ годъ Антонію двѣ тысячи, а Миріану тожъ, но сему еще на свиту тысячу рублей. Царевичъ Миріанъ одѣтъ уже въ мундиръ, волосы острижены и съ великимъ

---

11) Игельстромъ.

12) Грузинскій царевичъ Миріанъ, младшій сынъ царя Ираклія, отдавшагося подъ покровительство Россіи.

13) Антоній—четвертый по старшинству сынъ Ираклія, поступившій въ монашество.

14) Браницкая, а потомъ говорится о гр. Скавронской, которой мужъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ.

Библиотека "Руниверс"

успѣхомъ учится танцовать и фехтовать. Онъ на сихъ дняхъ будетъ писать свой портретъ, который пришлетъ къ вашему высокопревосходительству для доставленія къ царю. Весьма часто бываетъ онъ на балахъ, и нѣтъ у него совсѣмъ застѣнчивости. Особливо доволенъ онъ домомъ Льва Александровича [15]). Капитанъ артилеріи Грузинскій также обмундированъ, а равно и два его канонера, на сихъ же дняхъ отправляющіеся къ вашему высокопревосходительству.

Здѣсь всѣ теперь занимаются открывающеюся войною у Императора съ Голандцами за непропускъ судна его изъ Антверпена въ море и за стрѣльбу по оному. Иные выводятъ всеобщую изъ того войну въ Европѣ, но другіе надѣются, что пламень сей далеко не распространится.

3.

Черкаскъ, 21 Генваря 1787.

Вчера я сюда пріѣхалъ и сегодня отправляюсь обратно въ Кременчугъ, дабы быть тамъ прежде прибытія его свѣтлости изъ Тавриды. Я оставилъ его свѣтлость въ Карасбазарѣ, откуда князь намѣренъ былъ ѣхать въ Судакъ, Кефу, Еникаль и оттуда чрезъ Херсонъ въ Кременчугъ, и въ сіе самое время препоручить мнѣ изволилъ здѣшній вояжъ, дабы удостовѣриться въ готовности войска Донскаго къ принятію высочайшей гостьи.

Ея Величество 7-го дня сего мѣсяца изволила отправиться въ путь сей изъ Царскаго Села. Два курьера, пріѣхавшихъ при мнѣ въ Кременчугъ, имѣли счастіе видѣть Ея Величество въ 300 верстахъ отъ Петербурга. Ихъ высочества великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ остались въ Петербургѣ по причинѣ болѣзни младшаго. Въ губерніяхъ свѣтлѣйшаго князя все теперь въ превеличайшемъ движеніи. Строеніе дворцовъ, наряды лошадей, многія другія приготовленія и собраніе всѣхъ отвсюду вмѣсто отягощенія новыхъ нашихъ поселенцевъ, кажется, умножаютъ ихъ бодрость и охоту къ трудамъ. Сами Татары крайне озабочены, чтобъ наилучшимъ и достойнѣйшимъ образомъ встрѣтить свою Монархиню.

Князю теперь сопутствуютъ принцъ Нассау и Гишпанецъ графъ Миранда [16]), исключая Петербургскихъ Евграфъ Александровичъ [17]), графъ Михайла Петровичъ [18]) и Киселевъ [19]) съ Рибасомъ. Я считаю, что его свѣтлость въ Кременчугѣ не болѣе пробудетъ недѣли и отправиться изволитъ въ Кіевъ.

Можетъ быть, не изволите еще знать о новой его свѣтлости покупкѣ: знатное Польское имѣніе князя Любомірскаго перешло теперь его свѣтлости за два миліона рублей. Я думаю, что сіи два миліона, занятые изъ новаго банка, скоро могутъ быть заплачены; по крайней мѣрѣ такъ всѣ заключаютъ, удивляясь дешевой покупкѣ и

---

15) Нарышкинъ.

16) Лицо очень любопытное. См. о немъ въ Архивѣ Князя Воронцова, томы XI и XIII по указателямъ.

17) Чертковъ.

18) Румянцовъ, старшій сынъ Задунайскаго.

19) Ѳедоръ Ивановичъ, дядя графа Павла Дмитріевича.

Библиотека "Руниверс"

полагая, что безъ всякаго труда дастъ то имѣніе доходу годоваго 400 тысячъ.

Мы теперь ожидаемъ извѣстій отъ васъ, надѣясь, что по принятымъ вами мѣрамъ не могутъ оныя быть иначе, какъ пріятны. Ѳедоръ Иванычъ Кишенской просрочилъ болѣе мѣсяца: онъ далъ слово въ Декабрѣ еще воротиться, а вотъ уже и Генварь проходитъ.

Его свѣтлости угодно бы было, чтобы къ прибытію Ея Величества въ Черкаскъ пріѣхало туда человѣкъ двадцать Кабардинцевъ, лучшихъ наѣздниковъ во всѣхъ своихъ воинскихъ доспѣхахъ. Я донесъ вамъ о сей волѣ его свѣтлости. Покорнѣйше прошу меня увѣдомить, будутъ-ли они въ Черкаскъ, или нѣтъ-ли отъ того какаго затрудненія.

Графиня Катерина Васильевна теперь въ Бѣлой Церкви, въ ожиданіи туда князя Григорія Александровича: пріѣхала недавно изъ Москвы. Михайла Сергѣевичъ думаю я, что будетъ въ Кременчугъ весною. Еслибъ не заняли васъ какія дѣла у Кавказа, то не изволите-ли попросить дозволенія пріѣхать въ Черкаскъ къ высочайшему прибытію?

V. ОТЪ КНЯГИНИ В. В. ГОЛИЦЫНОЙ [20]).

I.

Апрѣля 2-го дня 1786 года, Москва.

Батюшка Павелъ Сергѣевичъ!

Я на сихъ дняхъ писала къ вамъ съ курьеромъ вашимъ и послала прошеніе объ отведеніи мнѣ и дѣтямъ моимъ земель [21]) въ Саратовской губерніи и теперь тоже подтверждаю. Я просила дядюшку васъ о семъ попросить, и онъ обѣщалъ мнѣ написать къ вамъ и просить, дабы сіи земли за нами остались. И неравно письмо сіе прежде дойдетъ до рукъ вашихъ, то я и посылаю записку, какія земли мы себѣ просимъ. Вы увидите ихъ и въ доношеніи моемъ. Бога ради, батюшка, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ: вы на вѣкъ меня обяжете.

Теперь прошу васъ, сдѣлайте милость, усовѣстите господина Огарева [22]): приступаетъ къ намъ, проситъ денегъ и говоритъ, что онъ долженъ въ казну. Вмѣсто того мы сдѣлали справку, что онъ въ провіантской ни полушки не долженъ, а ему еще должна провіантская 12000. Еще пишетъ, что будто за Абрамово заплатить надобно 16000, а мы справлялись, то слѣдуетъ только заплатить 4600, мы

[20]) Княгиня Варвара Васильевна Голицына, рожд. Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина, жена князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына. Письма, печатаемыя здѣсь, подтверждаютъ справедливость замѣчаній Вигеля о характерѣ княгини. (Воспоминанія. М. 1864 г. ч. I, стр. 118, 125, 127, 130—133).

[21]) П. С. Потемкинъ, назначенный въ 1784 году правящимъ должность Саратовскаго генералъ-губернатора, завѣдывалъ раздачею казенныхъ земель въ этой губерніи. Изъ писемъ кн. Голицыной и другихъ лицъ къ нему видно, какъ производилась раздача и насколько былъ правъ Державинъ въ своемъ „Мнѣніи". (Соч. Державина, изд. ак. Грота, СПБ. 1872 г. т. VII, стр. 333 и сл.)

[22]) Дѣдъ писателя Николая Платоновича Огарева, богатый Пензенскій помѣщикъ

Библиотека "Руниверс"

же за него уже и такъ заплатили 10700. Разсчету съ нами никакого не дѣлаетъ. Уже довольно и сего подозрѣнія, что гдѣ только должно 4000, тамъ онъ требуетъ 16000, а мы не намѣрены ни полушки дать. Жалѣю и о томъ, что имѣла когда нибудь съ нимъ дѣло. Нонеча мнѣ дядюшка открылъ глаза на счетъ его. Вамъ же самимъ извѣстно больше всѣхъ, я и отдаю на вашъ судъ. Безчестнѣе быть не можно, каковъ онъ противъ насъ. Пожалуйте, скажите ему, чтобы онъ перестал къ намъ писать, а разсчитался бы съ нашимъ повѣреннымъ, котораго мы нарочно послали въ Саратовъ.

Да еще прошу васъ, мой любезный другъ, сдѣлать мнѣ одолженіе: Казенная Палата Саратовская представила къ вамъ объ награжденіи чиномъ коллежскаго ассесора Ростова, ибо онъ намъ знакомый, представьте о немъ поскорѣй.

Еще моя просьба: извѣстный вамъ человѣкъ, совѣтникъ Сомовъ, который за всѣми нашими дѣлами ходитъ и по необходимости оныхъ долженъ былъ пріѣхать къ намъ въ Москву, былъ отпущенъ отъ губернатора на 8 дней, теперь лежитъ боленъ лихорадкою. Я и просила Поливанова въ проѣздъ его, дабы представилъ въ Сенатъ объ отпускѣ его, но и по сю пору не добьюсь толку; то сдѣлай милость, батюшка, не взыщи на немъ, что просрочилъ: истинно умираетъ. Лѣкарь говоритъ, что сомнѣвается, будетъ ли живъ. Затѣмъ прости, голубчикъ. Ежели не останутся земли за нами, тогда я вѣкъ съ вами незнакома. Прасковьѣ Андреевнѣ мое почтеніе. Попроси, моя жизнь, чтобы она васъ за меня попросила. Малютку своего поцѣлуйте за меня. Простите, голубчикъ; дай Боже вамъ столько благополучія, сколько я имѣю къ вамъ дружбы, съ которой я вѣчно буду ваша покорная услужница Варвара княгиня Голицына.

2.

1786 года Мая 7 дня, Москва.

Батюшка Павелъ Сергѣевичъ!

Я никакого свѣдѣнія не имѣю, дошли ль мои до васъ письма, въ которыхъ я послала и доношеніе или прошеніе о земляхъ раздающихъ (sic) въ Саратовской губерніи; между прочимъ одна изъ нихъ и та, которой вѣчно крестьяне наши владѣли, но какъ сія деревня была нѣсколько лѣтъ безъ помѣщика, то и не знаю, какимъ манеромъ называется теперь казенною землею. При семъ прилагаю письмо дядюшки. Онъ васъ также проситъ обо мнѣ. Бога ради, голубчикъ, не откажите намъ сего и дайте намъ всѣ земли, о которыхъ я васъ просила. Я увѣрена, что вы не захотите отказать той, которая на вѣкъ будетъ вамъ благодарна. Прасковьѣ Андреевнѣ прошу сказать мое почтеніе, малютку вашего поцѣлуйте за меня. Желала бы вамъ сказать что-нибудь новаго, но ничего, право, не знаю. Дядюшка пишетъ ко мнѣ, что, можетъ быть, онъ и чрезъ Москву поѣдетъ, но не навѣрное, а сбирается въ Крымъ и вѣрно поѣдетъ. Ваши всѣ здоровы. Прости, голубчикъ мой, желаю вамъ очень много всякаго добра. Пребываю вѣчно ваша покорная слуга Варвара княгиня Голицына.

Библиотека "Руниверс"

3.

1786 года Мая 24 дня, Москва

Батюшка Павелъ Сергѣевичъ!

Мнѣ чрезмѣрно совѣстно, что каждое письмо мое къ вамъ заключаетъ въ себѣ какую-нибудь просьбу, но, будучи увѣрена въ вашей ко мнѣ дружбѣ, увѣрена и въ томъ, что вы мнѣ великодушно сіе простите. Будучи сама, можно сказать, охотница дѣлать добро, по той самой причинѣ и приступаю къ вамъ съ просьбою, сказавъ вамъ напередъ, что исполненіемъ оной вы чрезмѣрно меня обяжете. Есть въ Кавказскомъ корпусѣ, въ Астраханскомъ полку пѣхотномъ, сержантъ Мина Рейхъ. Сдѣлай милость, голубчикъ, не оставь его своею милостію и покровительствомъ. Онъ уже восемь лѣтъ какъ въ этомъ чинѣ, то не можно ль сдѣлать его офицеромъ? Братъ его здѣсь подлѣкаремъ, которымъ я несказанно довольна: онъ мнѣ дѣлалъ разнаго рода услуги, то хочу симъ ему показать мою благодарность. Я увѣрена по дружбѣ вашей, что просьба моя не будетъ вами оставлена, такъ и васъ прошу вѣрить, что мое къ вамъ почтеніе и дружба прежде не кончится, какъ вмѣстѣ со мною. Прасковьѣ Андреевнѣ прошу сказать мое почтеніе. Гришу поцѣлуйте за меня и не забудьте ту, которая вѣчно желаетъ быть вашею покорною слугою. Варвара княгиня Голицына.

Адресъ: Его превосходительству милостивому государю Павлу Сергѣевичу Потемкину въ Егорьевской крѣпости.

4.

Отъ 19 Іюня 1786 года, Зубриловка [23]).

Милостивый государь мой Павелъ Сергѣевичъ!

Пріѣхавъ въ свою деревню, нашла предложеніе ваше о дачѣ мнѣ земель по моему прошенію, но только съ разницею, что изъ просимыхъ мною приказали дать мнѣ только 7 тысячъ десятинъ, а всю себѣ взять изволили. Я, читая въ предложеніи вашемъ, счисляла всѣ тѣ земли, которыя вы, какъ на имя свое и родныхъ вашихъ, такъ и для Прасковьи Андреевны и ея родныхъ набрать изволили, думала, что уже вы не будете имѣть надобности взять и ту, о которой я просила, но очень ошиблась и вижу, что вашему превосходительству и сія самая земля полюбилась. Въ опредѣленіи жъ вашемъ назначено для васъ противъ устья рѣки Вороны, а тамъ уже мнѣ отдать. Я, увидѣвъ по плану назначенную мнѣ землю, покорно прошу васъ, милостиваго государя моего, избавить меня вашего сосѣдства, а такъ какъ вамъ уже и кстати, то я совѣтую взять всю себѣ. Я весьма сожалѣю, что безпокоила моего дядюшку просить васъ, не менѣе жъ и о томъ, что, понадѣясь на увѣреніе дружбы вашей,

---

[23]) Зубриловка или Архангельское, село въ Саратовской губерніи Балашевскаго уѣзда, принадлежавшее кн. Голицыной. О немъ см. Соч. Державина, изд. ак. Грота, т. I, 1864 г. стр. 223.

Библиотека "Руниверс"

адресовалась прямо къ вамъ Я думаю, еслибъ я просила съ прочими на ряду, какъ должно, вамъ бы сего и сдѣлать было не можно; ибо нѣтъ другаго резону не дать мнѣ всѣхъ сихъ земель, коихъ я просила, какъ тотъ, что вы ихъ себѣ взять изволили. И такъ я отказываюсь и земли сей не беру, и инако имѣть ея не хочу, какъ либо всѣ просимыя мною 14219 десятинъ подъ № 16 и литерою А, либо ничего.

Чтожъ принадлежитъ до просьбы моей къ вашему превосходительству о капитанѣ Шевелевѣ, которому вы отказать изволили и приказали дать землю сію сыну моему, отъ сего также отказываюсь и не хочу, чтобы кто-нибудь былъ обиженъ для сына моего, тѣмъ болѣе, что онъ меня просилъ, дабы чрезъ мое стараніе получилъ онъ сію землю: то каково жъ мнѣ имѣть то самое для себя, о чемъ меня просили другіе? Вы меня знаете, что я не въ состояніи ни противъ кого сдѣлать столь безчестное дѣло: того ради и прошу вашего превосходительства назначенную землю сыну моему подъ литерою Ж отдать господину Шевелеву; и, такъ какъ я ни сама не люблю быть обижена, ни другимъ дѣлать обиды, то лучше не хочу имѣть ни одного лоскута земли и отказываюсь отъ всѣхъ пожалованныхъ мнѣ вами по дружбѣ вашей ко мнѣ, пребывая всегда ваша, милостиваго государя моего, покорная слуга Варвара княгиня Голицына.

5.

(Безъ означенія времени и мѣста).

Письмо ваше, батюшка Павелъ Сергѣевичъ, я получила. По чести вамъ скажу, что не одинъ разъ я на себя сердилась, что ссорилась съ вами понапрасну. Вы знаете меня. Если бы я васъ не столько любила и не считала бы васъ себѣ искреннимъ другомъ, была ли бы я къ вамъ столь чистосердечна и написала ль бы такой вздоръ, какой мнѣ тогда въ голову пришелъ. Я была чрезмѣрно огорчена: меня увѣрили, что вы мнѣ отвели только болота и степи, а лѣсъ взяли на имя свое, дабы отдать послѣ кому то, что̀ меня и взорвало. Ежели бы это было точно для васъ, то мнѣ бы не такъ и прискорбно было; но теперешнее ваше письмо меня увѣряетъ, что я великую ошибку сдѣлала, усумнясь въ вашей дружбѣ и что вы, не смотря на то, дѣлаете мнѣ добро. Помиримся, мой голубчикъ, и забудь мое дурачество. Я, право, тебя искренно люблю, теперь же мы съ тобою родня по Танюшѣ [24]). Благодарю, батюшка, за послѣднюю землю. Повѣрь мнѣ, что вѣчно благодарность моя не кончится.

Просили мы за своихъ пріятелей, а именно: за князь Сергѣя Николаевича Голицына, за князь Дмитрія Васильича Голицына, за Репина, за Шевелева, за Чубарова, за Настасью Ивановну Плещееву и прошенія ихъ къ вамъ послали. Если возможно, сдѣлай, голубчикъ мой, для нихъ; да еще прошу для самого Бога, не оставь Сомова, который погибаетъ отъ разбойническаго поступка Огарева. Защити его. Ей Богу, онъ безвиненъ: всѣ могутъ засвидѣтельство-

[24]) Сестрѣ княгини Голицыной: она вышла за мужъ за брата П. С. Потемкина.

Библиотека "Руниверс"

вать, сколько Сомовъ правъ. Прости, батюшка; Бога ради, напиши мнѣ другимъ штилемъ письмо и тѣмъ меня успокойте, что вы на меня уже не сердиты. Божусь вамъ, что я на вѣкъ буду вашъ искренній другъ Варвара княгиня Голицына.

Вамъ, моя жизнь, Прасковья Андреевна, сказавъ мое почтеніе, прошу васъ, чтобы вы меня помирили съ Павломъ Сергѣевичемъ и попросили бы его, чтобы онъ меня простилъ. Ты знаешь, матушка, сколько я всегда тебя любила и люблю, и ничто меня противъ васъ перемѣнить не можетъ. Прости, моя красавица. Гришу цѣлую.

Рукою П. С. Потемкина приписано: «Надурила, а теперь плачетъ».

6.

1787 года Февраля 2 дня, Москва.

Батюшка Павелъ Сергѣевичъ!

Я не могу надивиться, что сколько я къ вамъ ни писала, ни на одно мое письмо отвѣта не имѣю. Ежели бы только по почтѣ, могла бы думать, что пропали, а писала я чрезъ вашихъ курьеровъ; но видно, что я уже вамъ наскучила моими письмами, и вы вашимъ молчаніемъ даете мнѣ знать, чтобы я болѣе васъ не безпокоила.

Позвольте мнѣ въ послѣдній разъ васъ безпокоить двумя просьбами и, ежели вы когда-нибудь имѣли ко мнѣ хоть мало той дружбы, въ коей всегда меня увѣряли, докажите мнѣ исполненіемъ по моимъ просьбамъ. Первое, такъ какъ я уже просила о капитанѣ Кернѣ [25]), дабы опредѣлить его въ Саратовъ, о немъ уже къ вамъ и представлено и отъ васъ сіе зависитъ, а мы вамъ его рекомендовали, какъ добраго и честнаго человѣка. Сдѣлай, батюшка, какъ ему, такъ и намъ сію милость и опредѣлите его поскорѣй. Вторая просьба та, что у насъ въ Зубриловкѣ есть однодворцы, которыхъ, мы слышали, что сводятъ въ другое мѣсто, слѣдовательно земля ихъ останется пустая, которую мы и просимъ дабы отдать намъ, ибо очень непріятно имѣть у себя розно помѣщиковъ.

VI. Отъ князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына.

1786 г. 20 Іюня, село Зубриловка.

Милостивый государь мой Павелъ Сергѣевичъ!

Въ Саратовскомъ намѣстничествѣ нынѣча мода просить земель и хотя уже сіе и давно, но такъ какъ я пятой мѣсяцъ уже боленъ и сюда черезъ силу на сихъ дняхъ пріѣхалъ, то до меня она только что теперь дошла; и потому, слѣдуя оной, и я васъ, яко благодѣтеля всѣхъ, оною награждающаго, прошу мнѣ побольше и получше оной отвести. Для меня же все равно, тутъ ли, или въ Астраханскомъ намѣстничествѣ, лишь бы только, коли можно, съ рыбными ловлями: ибо я по болѣзни своей сдѣлалъ обѣщаніе по постамъ не ѣсть мяса, то слѣдственно только долженъ буду ѣсть, коли своей не

25) Ср. Русск. Архивъ 1879 г. I, 187.

Библиотека "Руниверс"

будетъ рыбы, одинъ хлѣбъ; а изъ присланнаго предложенія въ Саратовъ вижу, что вы, если захотите, выбирать умѣете: то надѣюсь, что и для меня нѣсколько минутъ возьмете на себя трудъ по планамъ пошарить и сыскать хорошенько, а я вамъ за это весьма буду благодаренъ.

При семъ еще прилагаю прошенія отъ капитанши Настасьи Михайловны Шевелевой, отъ князя Сергѣя Николаича Голицына, отъ князя Димитрія Васильича Голицына, отъ надворнаго совѣтника Репина и отъ маіора Чубарова. Сдѣлайте милость, прикажите имъ просимое отвести, а ежели уже въ тѣхъ мѣстахъ зачѣмъ либо сего сдѣлать не можно, то хотя въ другихъ мѣстахъ. Вы симъ чувствительно обяжете пребывающаго съ отличнымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя моего, вѣрнопокорный слуга Сергѣй князь Голицынъ.

PS. Еще было забылъ одну желательницу, которой также прошеніе прилагаю, а именно Настасью Ивановну Плещееву, о которой, по настоящему, надлежало было просить женѣ, но она весьма считаетъ себя вами огорченною, и для того уже я сіе взялъ на себя.

VII. Отъ князя А. Голицына.

5 Апрѣля 1795 г.

Милостивый государь мой графъ Павелъ Сергѣевичъ!

Искреннѣйшее благодареніе вашему сіятельству приношу за доставленіе ко мнѣ драмы на взятіе Измаила [26]), а паче за означенныя въ письмѣ вашемъ благосклонныя выраженія вашего добраго и для меня весьма лестнаго мнѣ расположенія.

Копіи съ Французскихъ писемъ князя Линія къ фельдмаршалу графу Суворову и съ отвѣта сего послѣдняго, о коихъ я вчерась вамъ говорилъ, при семъ прилагаю, прося васъ, прочтя или снявъ списки, соблаговолить оныя ко мнѣ возвратить.

---

26) „Зельмира и Смѣлонъ, или взятіе Измаила“, драма въ 3 д. Соч. Россійское. Спб., въ тип. Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ, 1795 г. 4°. По каталогамъ (Сопиковъ № 3364, Смирд. № 7504) анонимно. Митроп. Евгеній говоритъ, что эта драма „приписывается“ графу П. С. Потемкину; письмо князя Голицына подтверждаетъ это показаніе.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

ЕГО ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Читатели Русскаго Архива уже знакомы съ достопамятнымъ дѣятелемъ, бумаги котораго ниже слѣдуютъ: превосходная записка графа В. А. Перовскаго о 1812 годѣ и о томъ какъ онъ находился во Французскомъ плѣну напечатана нами въ 1865 году, а дружескія письма его къ А. Я. Булгакову изъ Хивинскаго и Акъ-Мечетскаго походовъ украшаютъ собою наше изданіе прошлаго года. Его служебная дѣятельность, пріемы управленія обширнымъ краемъ, подробности мѣропріятій, обстановка жизни и пр. живо сохраняются въ памяти мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій и людей, имѣвшихъ какія либо сношенія съ этимъ по истинѣ необыкновеннымъ человѣкомъ; но все это до сихъ поръ почти не оглашено въ печати. Въ Оренбургскомъ краю о графѣ Перовскомъ до сихъ поръ поются народныя пѣсни, его имя памятно Уральскимъ казакамъ, Башкирамъ и Киргизамъ; о немъ сложились сказанія въ Средней Азіи; но мы—т. е. читающій и образованный людъ—«лѣнивы и равнодушны» (какъ выразился Пушкинъ по поводу біографическихъ извѣстій о Грибоѣдовѣ). Друзья и люди близкіе одержимы бываютъ въ этомъ случаѣ какою-то застѣнчивостью, весьма почтенною и высоко-нравственною (имъ не хочется выносить на рынокъ сердечную святыню); но они забываютъ, что отъ этого терпитъ Исторія, и величавый образъ графа Перовскаго до сихъ поръ обрисованъ въ нашей исторической словесности лишь въ немногихъ, общихъ и не совсѣмъ опредѣленныхъ чертахъ. Между тѣмъ сдается намъ, именно въ наше время, должны быть ближе изучаемы во всѣхъ отношеніяхъ такіе люди, какъ графъ В. А. Перовскій, человѣкъ желѣзной воли и пламеннаго сердца.

Мы много благодарны профессору Петербургскаго Университета И. В. Помяловскому, приславшему въ Русскій Архивъ случайно доставшіяся ему (кажется, при распродажѣ имущества Я. В. Ханыкова) нижеслѣдующія письма графа Перовскаго. Къ нимъ присоединяемъ письмо къ одному высокопоставленному помѣщику переданное намъ, тоже въ черновомъ подлинникѣ, покойнымъ правителемъ его канцеляріи, Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ. П. Б.

I. ПИСЬМА ГР. ПЕРОВСКАГО КЪ ВОЕННОМУ МИНИСТРУ КН. В. А. ДОЛГОРУКОВУ.

1.

Секретно.

17 Іюня 1853 г. № 384. Лагерь при урочищѣ Казалы на Сыръ-Дарьѣ.

Отъ 9 числа сего мѣсяца я имѣлъ честь увѣдомить ваше сіятельство о причинахъ, по коимъ экспедиціонному отряду необходимо было остановиться на время при Аральскомъ укрѣпленіи. Съ тѣхъ поръ

Библиотека "Руниверс"

производились и окончены всѣ работы, потребныя для обезпеченія дальнѣйшаго безостановочнаго слѣдованія: артилерійскій и инженерный парки приведены въ готовность къ дѣйствію, переформированы три роты 4-го линейнаго баталіона, поступающія окончательно въ составъ Акъ-Мечетскаго отряда; нѣкоторые предметы, слѣдовавшіе до Аральска на телѣгахъ, перевьючены на верблюдовъ; исправленъ весь обозъ, испытаны на водѣ и усовершенствованы паромы, лодки и другія переправочныя средства [1]). Означенныя работы и перевозка вьюковъ съ мѣста на мѣсто отправлялись большею частію людьми, такъ какъ лошади находились на пастбищѣ за 60 и болѣе верстъ отъ лагеря, и все это въ жаръ, который доходилъ уже до 49° Р. на солнцѣ. Выбирать для работы часы дня менѣе жаркіе не было возможности, ибо черезъ часъ по восхожденіи солнца термометръ показываетъ отъ 30° до 32°, даже и ночью никогда почти не опускался ниже 23°. Въ настоящее время жары достигли той степени, гдѣ и самыя дневки не могутъ способствовать къ отдыху людей и лошадей: при такой температурѣ движеніе едва ли утомительнѣе пребыванія на мѣстѣ безъ другой защиты отъ палящихъ лучей солнца, кромѣ войлока натянутаго на пики или на штыки ружей, составленныхъ въ ко̀зла. Поэтому до Акъ-Мечети намѣренъ я идти не останавливаясь, тѣмъ болѣе, что въ 4-ю роту, остающуюся гарнизономъ въ Аральскѣ, сданы всѣ какіе имѣлись въ отрядѣ слабые, и отрядъ по пути къ Акъ-Мечети выступилъ не имѣя ни одного больнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилъ я производившіяся на дневкахъ до самаго Аральска стрѣлковыя ученья для пѣхоты, и пѣшія по конному для казаковъ и Башкировъ.

Изложеніе всѣхъ этихъ подробностей считаю я прямою моею обязанностію, ибо вмѣстѣ съ приготовленіями къ походу составляютъ они отличительный характеръ всѣхъ военныхъ въ здѣшней степи дѣйствій. Какія бы препятствія ни противупоставилъ непріятель нашему отряду, какія бы собственно-военныя трудности ни предстояло намъ преодолѣвать, все это не можетъ быть сравнено съ ежечасными трудностями похода, проистекающими отъ условій климата здѣшняго и мѣстности: жаровъ, безкормицы, безводія или воды дурнаго качества, миріадъ комаровъ, оводовъ, слѣпней, и проч.; а между тѣмъ преодолѣвать эти трудности или отвращать ихъ по возможности необходимо подъ опасеніемъ лишиться, въ противномъ случаѣ, всякой возможности къ движенію. Не могу не припомнить при этомъ замѣчательнаго отзыва покойнаго герцога Веллингтона [2]) по поводу неблагополучнаго исхода Хивинской экспедиціи 1839 года: что, какъ ни велики трудности зимняго похода по степи, трудности подобнаго

---

[1]) Для переправы чрезъ протоки и глубокія канавы имѣются при отрядѣ: 1) паромъ на бударкахъ, 2) два парома на бочкахъ, 3) три плашкоута составные изъ шести половинокъ и 4) три парома изъ Англійскихъ резинковыхъ мѣшковъ надуваемыхъ воздухомъ. Этими средствами можно поднять по 800 пудовъ. Кромѣ того, везутся матеріалы для настилки мостовъ чрезъ канавы.

[2]) Въ 1845 году въ Лондонѣ Веллингтонъ выражалъ Государю Николаю Павловичу свое удивленіе дѣятельности графа В. А. Перовскаго во время Хивинскаго похода. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

похода въ лѣтнее время представляются, какъ при благопріятныхъ, такъ и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, несравненно значительнѣе. Для большихъ массъ лѣтній походъ по степи, какъ убѣдился я теперь лично, невозможенъ рѣшительно. Предпринято и исполнено съ успѣхомъ, при способствующей къ тому погодѣ, можетъ быть подобное движеніе только малочисленнымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, отрядомъ.

Но что̀ въ настоящемъ походѣ замѣчательнѣе самыхъ трудностей его—это неутомимая бодрость и превосходное нравственное расположеніе чиновъ отряда. Въ продолженіе непрерывнаго марша подъ раскаленнымъ небомъ пѣсельники впереди колонны не умолкаютъ; пѣснями-же сопровождаются на привалахъ всѣ работы въ отрядѣ, а Уральцы поютъ еще (когда имъ это дозволяется) и послѣ вечерней зари. Уральскіе казаки, отслужившіе двухъ-годовой срокъ свой въ Аральскомъ укрѣпленіи и которымъ пришла теперь смѣна, вмѣсто того чтобы торопиться возвращеніемъ на родину, просили всѣ какъ милости сходить прежде въ Акъ-Мечеть, и я не могъ отказать имъ въ этомъ. У нихъ и у всѣхъ одна забота, одно опасеніе: чтобъ не пропали даромъ труды похода, то-есть чтобы непріятель не бѣжалъ прежде нашего прибытія къ Акъ-Мечети или не оказалъ слабаго только сопротивленія. Доказательствомъ хорошаго духа въ нижнихъ чинахъ отряда можетъ служить, равнымъ образомъ, и то, что во все продолженіе похода не было донынѣ случаевъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Въ предстоящемъ пути однимъ изъ главныхъ затрудненій является отсутствіе торной дороги и проложеніе ея чрезъ кочкарникъ, поросшій густымъ и высокимъ кустарникомъ; повозкамъ нельзя уже слѣдовать нѣсколькими рядами, какъ было это въ открытой степи. Поэтому изъ двухъ маршевыхъ колоннъ сформировалъ я три и, кромѣ того, вагенбургъ. Число повозокъ и верблюдовъ въ каждой колоннѣ, сколько позволяла возможность, ограничено; взято съ собою только то, что̀ понадобится на первыхъ порахъ для овладѣнія крѣпостію и провіантъ на одинъ мѣсяцъ: все прочее и продовольствіе для отряда на другой мѣсяцъ слѣдуетъ при вагенбургѣ, который расположится на полпути отъ Акъ-Мечети при протокѣ Кара-Усякъ, противъ Кошъ-Кургана, прикрытый полевымъ укрѣпленіемъ. По такомъ устройствѣ вагенбурга, всѣ порожніе телѣги и верблюды возвращаются въ Аральскъ и вторично везутъ оттуда тяжести и припасы въ Кошъ-Курганъ; въ тоже время телѣги и верблюды колоннъ, прибывшихъ подъ Акъ-Мечеть, отправляются для подвоза тяжестей къ отряду—въ Кошъ-Курганъ.

Изъ Аральска колонны выступили, послѣдовательно, эшелонами въ слѣдующемъ составѣ.

Библиотека "Руниверс"

	1 Эшелонъ.	2 Эшелонъ.	3 Эшелонъ.	Вагенбургъ.	При корпусномъ команд.
Оренб. линейнаго баталіона № 4. . . .	250	250	250	—	—
Уральскаго казачьяго войска	150	50	50	—	150
Оренбургскаго казачьяго войска. . . .	—	50	50	50	—
Башкирскаго войска .	50	50	50	150	—
Верблюдовъ	90	60	86	1015	25
Повозокъ	77	60	55	324	40
Орудій	Двѣ 6 фун. пушки и одинъ 3 фун. единорогъ.	Два $^1/_2$ пуд. два $^1/_4$ пуд. единорога и двѣ Кегерновыхъ мортиры.	Одна 12 фунт. пушка, два $^1/_4$ пуд. единорога и три Кегерновыхъ мортиры.	Два 3 фун. единорога.	Одинъ $^1/_4$ пуд. единорогъ.

Самъ я со штабомъ моимъ и конвоемъ при легкомъ транспортѣ буду находиться гдѣ признаю полезнѣйшимъ, отставая отъ той или другой колонны или опереживая ихъ посредствомъ двойныхъ переходовъ, какъ дѣлалъ это и до сихъ поръ.

Въ заключеніе остается мнѣ упомянуть съ нѣкоторою подробностію объ участіи, какое будутъ принимать въ настоящей экспедиціи пароходы Аральской флотиліи, о чемъ въ отношеніи отъ 9 Іюня за № 32 сказано было вскользь. Тутъ прежде всего долженъ я засвидѣтельствовать, что, зная ограниченность мѣстныхъ средствъ къ устройству означенныхъ судовъ, я при первомъ посѣщеніи Аральской верфи нашей былъ столько-же удивленъ, сколько и порадованъ превзошедшимъ ожиданія мои отличнымъ исполненіемъ дѣла. Оба парохода отдѣланы совершенно и находятся въ такомъ видѣ, что смѣло могли бы быть представлены даже на высочайшій смотръ. Не знаю, какъ выхвалить достаточнымъ образомъ капитанъ-лейтенанта Бутакова и подчиненныхъ ему офицеровъ. Съ быстротою и совершенно-удовлетворительно построены были имъ, сверхъ того, по приказанію моему, и плашкоуты для переправъ, слѣдующіе теперь съ первымъ эшелономъ отряда. Съ сожалѣніемъ можно замѣтить только, что барказъ «Обручевъ», по малосилію и не совсѣмъ удачной постройкѣ, оказывается безполезнымъ не только въ настоящемъ случаѣ, но и для всякаго другаго употребленія: онъ почти не можетъ идти противу теченія и оставленъ мною въ Аральскѣ. Напротивъ

Библиотека "Руниверс"

того пароходъ: «Перовскій» оправдалъ все, что можно было ожидать отъ него. На пароходѣ этомъ и буксируемомъ имъ прамѣ везется до Кошъ-Кургана (рѣкою — 400 верстъ) посаженная въ Аральскѣ рота (250 человѣкъ) съ десятидневнымъ провіантомъ и мясною порціею 20 барановъ [3]); по высадкѣ десанта пароходъ возвратится въ Аральскъ, чтобы забрать тамъ нѣкоторыя тяжести, назначенныя къ доставкѣ въ Кошъ-Курганъ, а потомъ безъ груза пойдетъ уже вверхъ по рѣкѣ до Акъ-Мечети, куда к. л. Бутакову приказано подойти не прежде какъ по обложеніи укрѣпленія береговымъ отрядомъ.

Для ясности изложенныхъ распоряженій честь имѣю приложить маршрутную карту отъ Аральска до Акъ-Мечети.

Впрочемъ на имѣющіеся въ распоряженіи нашемъ карты и маршруты, также по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ, полагаться съ увѣренностію и располагать по нимъ свои дѣйствія невозможно. Съ одной стороны, мѣстность измѣняется здѣсь по временамъ года: гдѣ весною рѣка или озеро, тамъ посереди лѣта не найдется и капли воды; гдѣ переходъ показанъ въ 25 верстъ, тамъ приходится дѣлать иногда болѣе 40-ка, затѣмъ что слѣдованіе затрудняется вырытыми вновь Киргизами канавами для орошенія полей, которыя съ каждымъ годомъ перемѣняются. Это случилось со мною недалѣе какъ вчера при слѣдованіи отъ урочища Айгерикъ къ урочищу Казалы, гдѣ нахожусь я теперь.

Подробности объ этой мѣстности относительно къ возводимому здѣсь укрѣпленію буду я имѣть честь сообщить вашему сіятельству впослѣдствіи.

2.

9 Іюля 1853, № 512. Лагерь подъ Акъ-Мечетью.

Съ урочища Кармакчи на Кара-Усякѣ, откуда имѣлъ я честь писать вашему сіятельству 25 Іюня, выступилъ я на другой день, слѣдуя впереди перваго эшелона, и не далѣе какъ на второмъ переходѣ встрѣтился съ одною изъ тѣхъ неблагопріятныхъ неожиданностей, которыя могутъ разрушить всѣ самые обдуманные планы: надъ головами нашими, въ направленіи отъ N къ Z, показались и летѣли цѣлый день густыя тучи саранчи. Мѣстами проходили мы по толстому слою этого отвратительнаго насѣкомаго; трава и камышъ были истреблены имъ до тла на протяженіи всего перехода, такъ что на ночлегѣ не найдено никакаго корму, и всѣхъ лошадей отряда надо было поддержать въ этотъ день сухимъ фуражемъ. Къ счастію, изъ опустошенной саранчею полосы вышли мы довольно скоро и на другой день нашли уже порядочный подножный кормъ.

Впереди насъ, двѣ ночи сряду, огромное зарево, а днемъ черный столбъ дыма предвѣщали, что скоро придемъ мы на мѣсто, гдѣ горитъ умышленно или случайно зажженный кустарникъ и камышъ.

---

[3]) Весь отрядъ пользуется ежедневно мясною порціею, для чего при каждой колоннѣ имѣются волы.

Библиотека "Руниверс"

Первое изъ этихъ предположеній было правдоподобно потому, что отъ самаго Кошъ-Кургана замѣчали мы уже, что высланные отъ непріятеля насъ высматриваютъ. И дѣйствительно, на переходѣ отъ урочища Бергунды къ могилѣ Тюря-Тамъ, нѣсколько разъ попадались намъ поляны выжженнаго камыша, съ запахомъ свѣжей гари. Если бы пущенный здѣсь палъ взялъ силу, отрядъ встрѣтилъ бы непреодолимое препятствіе къ дальнѣйшему слѣдованію и могъ подвергнуться значительной опасности; но особенная благость Божія спасла насъ и отъ этой напасти: въ теченіи двухъ дней нѣсколько разъ была гроза, и сильный дождь залилъ пламя, которое перемѣнившійся вѣтеръ погналъ въ разливы и болота Кара-Усяка.

Затѣмъ, постоянно оставались при насъ только неотлучные спутники наши, слѣпни и комары, да на послѣднихъ переходахъ вода отъ весеннихъ разливовъ была дурнаго качества, такъ что нѣсколько разъ приходилось рыть колодцы.

Наконецъ, три послѣдніе перехода до Акъ-Мечети надобно было переносить трудности предвидѣнныя, но которыя стоили намъ большихъ работъ. Узкая тропа дороги пролегаетъ здѣсь равниною, густо-заросшею разнымъ колючимъ кустарникомъ и пересѣченною во всѣхъ направленіяхъ большими и малыми, сухими и водяными канавами, изъ коихъ многія имѣютъ довольно сильное теченіе. Съ одной стороны надо было вырубать и вырывать колючки, а съ другой—останавливаться безпрестанно, чтобы засыпать канавы и сравнивать насыпи. Отрядъ шелъ по двѣ и менѣе версты въ часъ; но за то переправа чрезъ пять протоковъ Бишъ-Арны, которая при половодіи въ прошломъ году такъ затрудняла слѣдованіе г. Бларамберга, для насъ не существовала: вода въ Сырѣ не успѣла еще возвыситься до такой степени, чтобы наполнить эти канавы, и мы перешли ихъ по суху.

2 Іюля, выступивъ съ Бишъ-Арны въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра, въ 2 часа по полудни прибылъ я подъ Акъ-Мечеть и расположился лагеремъ на берегу Сыра, въ 600 саженяхъ отъ стѣнъ укрѣпленія.

Въ продолженіе года съ экспедиціи прошлаго лѣта Коканцы не теряли времени даромъ и, въ ожиданіи новаго прихода Русскихъ, сдѣлали въ укрѣпленіи большія улучшенія. Наружный валъ, который могъ бы облегчить апроши къ цитадели и прикрыть расположеніе батарей, нашли мы срытымъ, а строенія, внутри его находившіяся, уничтоженными. Два рва, окружавшіе цитадель, соединили они въ одинъ, шириною въ $1\frac{1}{2}$ или 2 сажени, а глубиною, по собраннымъ свѣдѣніямъ, до 10 футовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и очертаніе самой цитадели: входящіе углы ея Коканцы уничтожили, вывели другіе, новые и, увеличивъ еще болѣе толщину стѣнъ, дали всей постройкѣ видъ гораздо правильнѣйшій прежняго. Теперь цитадель представляется четвероугольникомъ съ 8 башнями по угламъ и по серединѣ фасовъ. Стѣны ея имѣютъ болѣе 4-хъ саженъ вышины и, должно полагать, судя по распроснымъ свѣдѣніямъ, такую же въ основаніи толщину. Гребень стѣны прикрытъ на фасахъ зубцами толщиною до $1\frac{1}{2}$ аршина, а на башняхъ—брустверомъ. Амбразуры

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ брустверѣ, сложенномъ, какъ и всѣ стѣны, изъ смазанныхъ кусковъ глины, продѣлываются и закрываются весьма удобно. Столь же скоро и удобно, по матеріалу, изъ котораго возведена цитадель, исправлять въ ней и всѣ производимыя непріятелемъ поврежденія. Ворота цитадель имѣетъ одни, продѣланныя въ южномъ фасѣ, подъ сводомъ, прикрытые снаружи стѣнкою и выведенные по ломанной линіи.

Внутри цитадели расположены, по словамъ Киргизовъ, мазанки, образующія нѣсколько проулковъ. Отъ навѣснаго огня гарнизонъ имѣетъ, по видимому, укрытіе въ самой тблщѣ стѣнъ. Состоитъ онъ въ настоящее время, какъ говорятъ тѣже Киргизы, изъ 300 человѣкъ, при коихъ имѣется до 100 лошадей. Провіанта и фуража заготовлено осажденными примѣрно на мѣсяцъ; орудій на цитадели три, изъ коихъ одно имѣетъ калибръ нашего 3-хъ фунтоваго единорога, а другія два стрѣляютъ ядрами въ $1^1/_2$ вершка діаметромъ. Снарядовъ и пороху, сколько извѣстно изъ распросовъ, доставлено было сюда изъ Ташкента на 60 верблюдахъ. Кромѣ орудій, осажденные имѣютъ до 20 крѣпостныхъ ружей. Для обороны противъ штурма гарнизономъ приготовлены на стѣнахъ куски глины и толстыя древесины, чтобы сбрасывать на атакующихъ.

Но, желая потерять при взятіи Акъ-Мечети наивозможно меньшее число людей, располагалъ я и прежде прибѣгнуть къ штурму лишь въ такомъ случаѣ, если не представится никакаго другаго способа завладѣть крѣпостью; по личномъ же осмотрѣ ея убѣдился я въ этомъ еще болѣе, что и калибръ орудій экспедиціоннаго отряда съ одной стороны, и количество снарядовъ имъ взятыхъ съ другой, едва ли позволятъ сдѣлать брешь въ глиняной стѣнѣ толщиною до 4 саженъ, а идти штурмомъ безъ бреши на стѣну 5-ти саженной (со рвомъ) высоты съ одними фашинами и лѣстницами подвергнуло бы слишкомъ большой потерѣ людей. Поэтому я рѣшился не спѣшить приближеніемъ къ стѣнамъ крѣпости и, если навѣсные наши выстрѣлы не заставятъ гарнизонъ сдаться, то идти на приступъ не прежде взрыва башни миною.

Начать осадныя дѣйствія можно было только съ прибытіемъ всего отряда, эшелоны котораго стянулись подъ крѣпость не ранѣе какъ къ 6 Іюля. Между тѣмъ приступлено было къ предварительнымъ распоряженіямъ и работамъ. Рекогносцирована и снята на планъ мѣстность около крѣпости, съ юго-западной стороны ея бывшая совершенно-неизвѣстною, а за тѣмъ сдѣлана съемка всего Акъ-Мечетскаго острова въ размѣрѣ одной версты въ дюймѣ, обнаружившая, что карта этого острова, составленная въ прошломъ году наскоро, по распросамъ у Киргизовъ, весьма ошибочна. Рекогносцированъ и занятъ партіею казаковъ, для наблюденія за крѣпостію, противоположный ей берегъ Сыра. Опредѣлена ширина этой рѣки, оказавшаяся противу крѣпости отъ 308 до 318 саженъ. Устроена на лѣвый берегъ переправа изъ лагеря на плотахъ и лодкахъ. На большой, вытекающей изъ Сыра передъ лагеремъ, канавѣ сдѣлана плотина, необходимая для провоза орудій на предположенныя батареи подъ крѣ-

Библиотека "Руниверс"

пость. Начато заготовленіе фашинъ, исправлены повредившіяся отъ перевозки гранатныя трубки, и приступлено къ приготовленію втораго комплекта зарядовъ для орудій.

Немедленно по прибытіи къ крѣпости съ однимъ отрядомъ моимъ, 2 числа, послано было къ начальнику съ предложеніемъ сдаться; но Коканцы, подпустивъ парламентеровъ на весьма близкое отъ крѣпости разстояніе, открыли по нимъ вдругъ, коварнымъ образомъ, ружейный, а потомъ и пушечный огонь. Случай этотъ впрочемъ не сопровождался ни малѣйшимъ для людей вредомъ, и ранены были только двѣ лошади. Съ тѣхъ поръ ежедневно Коканцы продолжаютъ стрѣлять изъ пушекъ по направленію къ лагерю.

Къ 6 Іюля, какъ сказалъ я выше, весь экспедиціонный отрядъ находился уже подъ крѣпостью. Честь имѣю сообщить вашему сіятельству слѣдующій журналъ осаднымъ дѣйствіямъ его за послѣднюю недѣлю.

4 Іюля. Сто человѣкъ разработывали дорогу отъ лагеря до предположенной батареи № 1. Изъ крѣпости стрѣляли по рабочимъ изъ 3-хъ орудій, и одному рядовому 4-го батальона оторвало руку.

5 Іюля. Ночью, въ 250 саженяхъ отъ крѣпости, построена батарея № 1; но какъ занятіе оной предполагалось не ранѣе слѣдующей ночи, то и была она оставлена безъ прикрытія. Днемъ, такъ какъ воротъ крѣпости изъ лагеря не видно, гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и, пользуясь покрытою кустарникомъ мѣстностію, разрушилъ часть нашихъ ночныхъ работъ.

6 Іюля. Осмотрѣна на лѣвомъ берегу Сыра мѣстность для предположенной батареи № 2 и переправлены туда, по частямъ, два $^1/_2$ пудовыхъ единорога, мѣшки для построенія батареи и 100 человѣкъ рабочихъ. Къ разсвѣту дорога для орудій черезъ высокій кустарникъ и глубокія канавы была прочищена и самая батарея устроена незамѣтнымъ для непріятеля образомъ.

7 Іюля. Приступлено къ заложенію батареи № 3 на разстояніи 200 саженъ, и батареи № 4 въ разстояніи 250 саженъ отъ крѣпости; работа окончена была благополучно безъ выстрѣла со стороны непріятеля; къ разсвѣту 4 орудія, ракетные станки и 3 мортирки были уже на мѣстѣ. Въ туже ночь отвезено 3 орудія на батарею № 1, и произведенное въ ней поврежденіе исправлено.

Въ этотъ же день произведена рекогносцировка для предположенной батареи № 5, гдѣ въ 140 саженяхъ отъ крѣпости, оказались ровъ и земляная насыпь — остатокъ стѣны, окружавшей прежде цитадель. Для обложенія крѣпости съ сѣверо-западной стороны послана была къ ночи рота пѣхоты при двухъ мортиркахъ и полсотни казаковъ при двухъ 3-хъ фунтовыхъ единорогахъ; командованіе этимъ отрядомъ поручено состоящему при мнѣ маіору Кузьмину-Караваеву. Замѣтивъ, что изъ крѣпости вышло нѣсколько человѣкъ въ направленіи къ водяному рву, гдѣ хранились у гарнизона лодки, маіоръ Кузьминъ-Караваевъ, съ частію солдатъ и казаковъ своихъ, подвинулся къ крѣпости на самое близкое разстояніе, чтобы захватить вышедшихъ и сжечь лодки. Съ крѣпости, вслѣдствіе этого движенія,

Библиотека "Руниверс"

открыли по нимъ сначала сильный оружейный огонь, а потомъ начали бросать огненные шары. Говорятъ, будто бы снарядъ этотъ есть порохъ, завернутый въ кожу, которая крѣпко и толсто обматывается потомъ стеклядью или струнами, и, со вставленною гранатною трубкою, покрывается смолою. Одинъ изъ такихъ шаровъ, брошенный изъ фальконета, попалъ въ резервъ и разрывомъ своимъ сильно опалилъ лицо маіору Кузьмину-Караваеву и нѣсколько слабѣе—командовавшему мортирками гарнизонной артилеріи подпоручику Корнилевскому, четыремъ артилеристамъ и одному казаку Уральскаго войска. Вскорѣ затѣмъ огонь съ крѣпости прекращенъ былъ удачнымъ дѣйствіемъ единороговъ съ лѣвой стороны рѣки.

8 Іюля. Въ $3^1/_2$ часа утра открытъ былъ огонь со всѣхъ нашихъ батарей, и выпущено по 10 зарядовъ. Для перваго раза дѣйствіе было довольно удачно: въ стѣнахъ и башняхъ крѣпости оказались довольно значительныя поврежденія. Послѣ нѣсколькихъ часовъ Коканцы приступили къ исправленію ихъ съ удивительною быстротою. Въ эту же ночь батарея № 4 подвинута на 150 саженъ; работы производились съ соблюденіемъ глубочайшей тишины.

9 Іюля. Только съ разсвѣтомъ увидѣли Коканцы новую столь близкую къ нимъ батарею и открыли по ней сильный огонь изъ ружей, а потомъ и изъ орудій. Перестрѣлка эта продолжалась до 2-хъ часовъ по полудни. Съ нашей стороны выпущено по 10 зарядовъ на орудіе и снова прекращенъ огонь. Хотя это и даетъ время гарнизону починивать нѣкоторыя поврежденія, но за то непріятель, утомленный дневною работою, не мѣшаетъ намъ приближаться къ крѣпости. Въ будущую ночь на лѣвомъ флангѣ батареи № 4 предполагается устроить новую батарею для орудій, перевезя оныя съ батарей № 1 и 3; тогда, находясь всего въ 150 саженяхъ отъ крѣпости и прикрытые брустверомъ, я надѣюсь, кончимъ мы дѣло, не потерявъ людей до послѣдняго рѣшительнаго дѣйствія.

—

К. л. Бутаковъ, которому поручено было изслѣдовать теченіе Кара-Усяка, а послѣ того, воротясь, идти къ Акъ-Мечети по Яманъ-Сыру, поднялся Кара-Усякомъ только на 15 верстъ отъ Кошъ-Кургана; далѣе, по причинѣ крутыхъ заворотовъ съ сильными быстринами, послана была лодка съ топографами, которые, проплывъ еще 30 верстъ, нашли, что Кара-Усякъ сливается тутъ изъ двухъ рукавовъ. Глубина была не менѣе 2-хъ, а мѣстами доходила до 7 саженъ. Опасаясь изслѣдованіемъ этихъ рукавовъ замедлить порученную ему доставку тяжестей къ отряду подъ Акъ-Мечетью, к. л. Бутаковъ возвратился за симъ къ Кошъ-Кургану и потомъ оттуда вверхъ по Яманъ-Сыру. Подъ Акъ-Мечеть пароходъ прибылъ 4-го Іюля и остановился въ двухъ верстахъ ниже крѣпости. Такимъ образомъ теперь положительно извѣстно, что до Акъ-Мечети Сыръ-Дарья судоходна.

—

Библиотека "Руниверс"

Больныхъ въ лагерѣ находится 13, отъ ранъ умерло 2 человѣка. Во всѣхъ отношеніяхъ состояніе отряда не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нижніе чины всѣ вообще исполнены усердія и бодрости, въ особенности же неутомимо работаютъ каждую ночь саперы подъ начальствомъ штабъ-капитана Орловскаго, который отдѣлываетъ батареи подъ пулями и ядрами съ отчетливостью требуемою на практическомъ ученьѣ. Прапорщикъ гвардейской артилеріи Іогансенъ, когда, во время дѣйствія ракетами, замѣчаетъ, что онѣ не долетаютъ, переноситъ станокъ изъ за бруствера на удобнѣйшую позицію и продолжаетъ стрѣлять безъ прикрытія. Но преимущественно передъ всѣмъ обязанъ я упомянуть о назначенномъ по высочайшему повелѣнію въ распоряженіе мое г.-м. Хрулевѣ [1]). Тотчасъ по прибытіи сюда занялся онъ приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ артилерійскихъ снарядовъ, изъ коихъ особенно единорожные пострадали отъ перевозки; всѣ трубки были осмотрѣны имъ и приведены въ надлежащую мѣру, а заряды передѣланы для дѣйствія навѣсными выстрѣлами на разныя дистанціи. Съ тѣхъ же поръ, какъ открыли мы огонь, г. Хрулевъ дѣлаетъ личныя рекогносцировки въ ближайшемъ разстояніи отъ крѣпости, назначаетъ мѣста для батарей, присутствуетъ при возведеніи оныхъ, ставитъ батареи на позиціи, неопытнымъ моимъ офицерамъ и артилеристамъ объясняетъ практическія правила и хладнокровіемъ своимъ вселяетъ мужество въ каждаго солдата. Въ лицѣ этого отличнаго офицера Его Императорское Величество соизволилъ дать мнѣ такого помощника и совѣтника, какого въ настоящемъ дѣлѣ только могъ я желать, но имѣть не надѣялся.

—

9 Іюля. Въ продолженіе дня построена между батареями № 1 и 3 въ 180 саженяхъ отъ башни батарея № 4 для ракетъ, одного $^1/_2$ пудоваго единорога и 3 мортирокъ. Съ крѣпости стрѣляли на рабочихъ изъ крѣпостныхъ ружей; раненыхъ не было.

Вечеромъ снова начались работы на батареѣ № 4 для помѣщенія на оную орудій съ батарей № 1 и 3, съ цѣлію отвлечь вниманіе гарнизона; пѣхота праваго фланга, порученнаго начальству Уральскаго войска войсковаго старшины Бородина, начала пальбу, и послана партія съ прапорщикомъ Эйсмонтомъ, которая отвела изъ подъ крѣпости двѣ лодки. Непріятель производилъ частую и продолжительную пальбу; но раненыхъ не было.

10 Іюля. Къ разсвѣту батарея № 4 окончена; начата отъ нея апрошь *a* и переведены на батарею эту орудія съ №№ 1 и 3. На прежнихъ мѣстахъ оставлено по одному 3 фунтовому единорогу съ пѣхотнымъ прикрытіемъ.

Во всю ночь непріятель стрѣлялъ по работамъ изъ ружей, исправляя поврежденія въ башняхъ земляными мѣшками и плетнемъ; на башнѣ же *A* сдѣлалъ высокую насыпь. Съ нашихъ батарей сдѣлано по непріятельскимъ работамъ въ продолженіе дня нѣсколько выстрѣ-

[1]) Знаменитый впослѣдствіи Севастополецъ. Сличи ниже стр. 458. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ловъ, и отъ большой канавы F зигзакомъ къ батареѣ № 4 проведено прикрытое сообщеніе.

11 Іюля. Въ продолженіе ночи непріятель исправилъ всѣ сдѣланныя нами поврежденія, разбитыя амбразуры задѣлалъ, а на башняхъ *А* и *Д* возвысилъ брустверъ.

Апрошъ *а* [5]) доведена на 140 саж. до рва, для соединенія же праваго фланга съ батареею № 4, начата съ того фланга паралель *б* и проведена на 60 саженъ. Въ продолженіе дня непріятель изрѣдка перестрѣливался съ пѣхотою. Около полудня Башкирцы и казаки работали продолженіе паралели, которая поведена также и отъ батареи № 4. Въ $4^1/_2$ часа Коканцы открыли по этой паралели сильный ружейный огонь и успѣли ранить легко 7 человѣкъ рабочихъ, преимущественно изъ Башкировъ. На этотъ огонь съ батареи № 4 сдѣлано 9 залповъ по башнѣ *А*, которая вслѣдствіе того значительно обвалилась; брустверъ ея со стороны батареи разрушенъ совершенно, а при подошвѣ башни образовалась отсыпь вышиною до $1^1/_2$ сажени.

Послѣ залповъ, Коканцы сдѣлали нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ изъ башни *Д*; но наши орудія заставили ихъ замолчать; и затѣмъ до сумерекъ уширивали и разбивали брешь въ башнѣ *А* одиночными выстрѣлами. Во время самаго дѣйствія Коканцы принялись устраивать на верху башни, поперекъ обвала, ложементъ. Между тѣмъ продолжалась и наша работа въ апроши *а*. Въ сумерки перевезенъ съ батареи № 2 на батарею № 4 одинъ $^1/_2$ пуд. единорогъ, и пѣхота съ лѣваго берега возвращена въ лагерь. На ночныя работы наряжено 150 человѣкъ. Коканцы сдѣлали при началѣ работъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ по паралели, но три удачно брошенныя гранаты заставили ихъ замолчать на остатокъ ночи.

Отъ праваго фланга паралель *б* продолжена на 178 саж., дальнѣйшее соединеніе ея съ паралелью, веденною отъ батареи № 4, затруднено было водяною канавою съ разливомъ шириною въ 60 саженъ. На разсвѣтѣ устроенъ въ траншеѣ *а* ложементъ для штуцерныхъ стрѣлковъ [6]).

12 Іюля. Въ продолженіе ночи непріятель окончилъ завалъ поперекъ башни, изъ кулей, кольевъ и земли.

Утромъ штуцерными стрѣлками ранено нѣсколько работавшихъ на стѣнѣ Коканцевъ, послѣ чего они не показывались уже, и производства работъ съ ихъ стороны замѣтно не было.

Въ 6 часовъ вечера сдѣланъ залпъ съ батареи № 4 по бреши и потомъ до поздняго вечера орудія дѣйствовали по одиночкѣ. Въ башнѣ произведены новыя поврежденія, со стѣнъ не сдѣлано между тѣмъ ни одного выстрѣла. Мортирки, поставленныя въ траншеѣ, продолжали весьма удачно бросать гранаты въ крѣпость.

---

[5]) Апроши не могли быть ведены правильно, потому что съ одной стороны представлялась возможность пользоваться канавами, ровиками и насыпями на пашняхъ, а съ другой—канавы съ водою и топкія мѣста не дозволяли вести ихъ въ надлежащемъ направленіи.

[6]) Съ парохода взято 6 матросовъ-охотниковъ съ штуцерами подъ командою лейтенанта Эрдели, и кромѣ того 6 штуцеровъ роздано лучшимъ стрѣлкамъ изъ пѣхоты и казаковъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 8 часовъ выслано на работу 150 человѣкъ пѣхоты для соединенія паралели *б*.

13 Іюля. Въ продолженіе ночи паралель сведена на разстояніе 50 саж., по топкому мѣсту настланы фашины; къ сторонѣ крѣпости сдѣлано изъ нихъ же прикрытіе; противъ башни *B* устроена батарея № 6 на 3 орудія, для дѣйствія по башнѣ *C*, въ 100 саженяхъ отъ нея.

Работа въ апроши *а* встрѣтила затрудненіе отъ грунтовой воды и топкаго мѣста, почему работа тутъ и пріостановлена, съ тѣмъ чтобы пріискать съ западной стороны болѣе удачное мѣсто для апрошей; въ концѣ траншеи помѣщена часть штуцерныхъ стрѣлковъ съ лучшими стрѣлками изъ пѣхоты.

Во время перевозки трехъ батарейныхъ орудій съ батареи № 4 по фашинной дорогѣ Коканцы открывали сильный ружейный огонь, но орудія провезены благополучно. Съ праваго фланга поведена новая траншея *в* къ башнѣ *C* и къ разсвѣту доведена до 28 саж. отъ стѣны; въ концѣ ея устроенъ ложементъ для штуцерныхъ стрѣлковъ. Во время пальбы ранено въ траншеѣ два рядовыхъ линейнаго № 4 баталіона.

Ночью партія изъ роты, расположенной на правомъ флангѣ, завладѣла барказомъ, находившимся въ канавѣ противъ южнаго фаса крѣпости; барказъ имѣетъ до 9 саженъ длины, и до 4-хъ ширины.

Въ $4^1/_2$ часа утра открыта пальба съ батареи № 6 по башнѣ *C*, выпущено по 5 зарядовъ изъ каждаго орудія, а въ башнѣ сдѣланы небольшія поврежденія; ракетная батарея перенесена была саженъ на 30 вправо отъ № 4 и дѣйствовала оттуда. Съ крѣпости отвѣчали рѣдкими ружейными выстрѣлами.

Въ $10^1/_2$ часовъ посланъ въ крѣпость Киргизъ изъ Коканскихъ лазутчиковъ, захваченныхъ въ Кошъ-Курганѣ, съ предложеніемъ сдаться и доставить отвѣтъ къ вечеру; посланнаго впустили въ крѣпость со стороны воротъ, и до вечера огонь прекращенъ былъ съ обѣихъ сторонъ. Вечеромъ посланный возвратился изъ крѣпости съ письмомъ отъ коменданта. Отвѣтъ заключался въ томъ, что теперешнее правительство Коканское не обязано отвѣчать за несправедливости, сдѣланныя въ управленіе страною Кипчаками, что Русскіе подошли къ крѣпости безъ объявленія войны, что это самое и заставило Коканцевъ стрѣлять въ парламентеровъ, посланныхъ Русскими; что, наконецъ, начальникъ крѣпости готовъ очистить оную, но съ тѣмъ, чтобы Русскіе дали ему на это 15 дней сроку, и на все время это отошли за Бишъ-Арну; иначе же гарнизонъ будетъ сопротивляться, пока «ружья у него останутся на ложахъ, ефесы сабель и древки копій не переломятся, и не истощатся въ крѣпости кисяки» (твердые куски глины, бросаемые на осаждающихъ).

14 Іюля. Ночью начата новая апрошь *г* [7]) лѣвѣе батареи № 6, и

---

[7]) Апроши в и г начаты съ тѣмъ, чтобы по приближеніи ко рву устроить вдоль онаго противъ западнаго и сѣвернаго фаса 2-ю паралель и, соединивъ всѣ три апроши, избрать мѣсто для производства изъ нея блиндированной галереи черезъ ровь и берму, которая имѣетъ ширины отъ 5 до 6 саженъ, а равно и для того, чтобы облегчить подноску матеріаловъ и вообще движеніе вдоль атакуемыхъ фронтовъ.

Библиотека "Руниверс"

выведена саженъ на 20 къ башнѣ *В*. Апрошь *в* подъ прикрытіемъ мантелета доведена къ разсвѣту всего на двѣ сажени отъ рва. Непріятель стрѣлялъ изрѣдка по работамъ: раненъ Оренбургскаго линейнаго баталіона № 4 подпоручикъ Лифляндъ.

Въ 6 часовъ утра съ средней башни фаса *ВС* сдѣлано два пушечныхъ выстрѣла по работамъ праваго фланга, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ батареи № 6, непріятель скрылъ орудіе и стрѣлялъ только изъ ружей.

Въ часъ пополудни начата работа въ апроши *в;* изъ крѣпости открыта вслѣдствіе того ружейная пальба, на которую отвѣчали штуцерные стрѣлки наши, помѣщенные въ этой апроши. Перестрѣлка продолжалась до 2 часовъ; въ это время съ батареи № 4 открыта пальба по башнямъ *А* и *Д*, на которую непріятель отвѣчалъ изъ одного орудія; въ башнѣ *А* сдѣланы новыя поврежденія, которыя Коканцы начали исправлять немедленно послѣ пальбы; другое ихъ орудіе стрѣляло съ средней башни фаса *АВ* по батареѣ № 4.

Въ 6 часовъ вечера открыта пальба съ нашихъ батарей въ особенности по башнямъ *А* и *Д*. Непріятель отвѣчалъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ со всѣхъ трехъ атакуемыхъ фасовъ и пушечнымъ съ башни *Д* и среднихъ башенъ фасовъ *АВ* и *ВС*. Часть штуцерныхъ стрѣлковъ въ траншеѣ *а* усилена пѣхотою, которая дѣйствовала по непріятельскимъ стрѣлкамъ фаса *АД*. Въ $7^1/_2$ часовъ пальба прекратилась; исправленія въ башнѣ *А* были частью разрушены.

Въ башню *Д* сдѣлано нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, повредившихъ находящееся надъ нею строеніе.

Въ сумерки продолжалась ружейная перестрѣлка.

Въ 4 часа по полудни переправлена на лѣвый берегъ рабочая команда для заготовленія туровъ, фашинъ и проч. Мантелеты, изготовленные въ Оренбургѣ и съ большими трудами доставленные подъ крѣпость, оказались неудобными къ употребленію по тяжести своей и по трудности передвигать ихъ на поворотахъ.

*

II. ОТЪ ОРЕНБУРГСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА

НАЧАЛЬНИКУ АКЪ-МЕЧЕТСКОЙ КРѢПОСТИ.

По приказанію Государя моего, Императора Всероссійскаго, пришелъ я взять Акъ-Мечеть, построенную Коканцами на Русской землѣ для притѣсненія Киргизъ, нашихъ подданныхъ.

Акъ-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до единаго.

Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена; назадъ они не пойдутъ.

Хотите остаться живы—просите пощады; хотите умереть въ Акъ-Мечети—и это въ вашей волѣ. Мнѣ не къ спѣху, я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться съ вами, а бить, покуда не отворите ворота.

Библиотека "Руниверс"

Все это сказалъ бы я вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подъѣзжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, если бы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не водится между честными воинами.

*

Акъ-Мечеть взята приступомъ 28 Іюля 1853 года. Нынѣ это Фортъ Перовскій.

*

III. ПРИКАЗЪ ПО ОТДѢЛЬНОМУ ОРЕНБУРГСКОМУ КОРПУСУ.

Г. Оренбургъ, Сентября 12 дня 1853 года.

По всеподданнѣйшему моему донесенію Государю Императору о покореніи Коканской крѣпости Акъ-Мечети, о мужествѣ и объ отличной храбрости, оказанныхъ войсками отряда, дѣйствовавшаго при осадѣ и штурмѣ этой крѣпости, я удостоился счастія получить слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Василій Алексѣевичъ! Получивъ донесеніе ваше о покореніи крѣпости Акъ-Мечети, я поспѣшаю выразить вамъ душевную мою признательность за блистательный этотъ подвигъ, покрывшій новою славою Русское оружіе. Онъ вполнѣ увѣнчалъ всѣ распоряженія ваши, отъ коихъ я не могъ не ожидать успѣха, зная примѣрное ваше рвеніе и военную вашу опытность; но вы не ограничились общимъ направленіемъ дѣйствій. Вы пренебрегли трудность предстоявшаго при слѣдованіи къ Акъ-Мечети похода, не щадя слабаго вашего здоровья, приняли лично начальство надъ отрядомъ, для взятія этой крѣпости назначеннымъ, и не преставали раздѣлять съ нимъ всѣ лишенія и опасности. Столь похвальное самоотверженіе служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ вашей ко мнѣ привязанности, которую я оцѣняю въ полной мѣрѣ. Повторяя вамъ сердечную мою благодарность и желая увѣковѣчить память вашего подвига, повелѣваю, чтобы крѣпость Акъ-Мечеть именовалась отъ нынѣ Фортомъ Перовскимъ».

«Вмѣстѣ съ симъ поручаю вамъ объявить всѣмъ чинамъ храбрыхъ войскъ, находившимся подъ вашимъ предводительствомъ, особенное мое благоволеніе за твердость ихъ, соревнованіе другъ предъ другомъ и отличное мужество въ бою. Пребываю вамъ навсегда благосклонный».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Николай».

Петергофъ, 26 Августа 1853 года.

Въ тоже время увѣдомилъ меня г. военный министръ, что Его Императорское Величество, во вниманіе къ лишеніямъ и трудамъ, преодолѣннымъ войсками экспедиціоннаго отряда и къ мужеству ихъ, повелѣть соизволилъ: 1) разрѣшить мнѣ войти съ представленіемъ о чинахъ, заслужившихъ право на всемилостивѣйшее вниманіе; 2) въ награду нижнимъ чинамъ болѣе отличившимся раздать 25 знаковъ отличія военнаго ордена, въ дополненіе къ 25 таковымъ же прежде розданнымъ и кромѣ того 12 такихъ же знаковъ установленныхъ для

Библиотека "Руниверс"

чиновъ мусульманскаго исповѣданія и 3) всѣмъ чинамъ отряда выдать не въ зачетъ годовое жалованье по окладу, каждымъ изъ нихъ получаемому.

Объявляя симъ высочайшую волю, выраженную во всемилостивѣйшемъ ко мнѣ рескриптѣ, считаю при томъ долгомъ благодарить участвовавшихъ въ экспедиціи и отъ своего имени: мужеству ихъ и честной службѣ обязанъ я величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни— достойно исполнить священную волю Государя Императора, порадовать тѣмъ отеческое его сердце и видѣть, вмѣстѣ съ сотрудниками моими, столь многомилостивое къ намъ изъявленіе монаршаго его благоволенія.

Пріемля съ благоговѣніемъ великія милости, излитыя на насъ щедрою рукою Царя, потщимся и впредъ всѣ силы тѣла и духа нашего полагать на службу Государю и Отечеству.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ Перовскій.

*

IV. ПИСЬМО ГРАФА ПЕРОВСКАГО КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

24 Іюня (1853). Притокъ Кара-Усякъ, противъ Кошъ-Кургана.

Твое письмо отъ 11-го получилъ я сегодня. Спасибо, но старайся писать такъ, чтобы можно было прочесть безъ большаго труда; бери примѣръ съ Ханыкова, который на этотъ счетъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ, исправился. Ты пишешь не торопясь, тебѣ не мѣшаетъ ни вѣтеръ, ни песокъ, ни комары, и столъ не качается какъ камышъ; оправданій нѣтъ чертить такіе каракулы, надъ которыми я долженъ себѣ портить глаза и ломать голову.

Наконецъ, доползъ я до Кошъ-Кургана! Такого безплодія, или правильнѣе сказать безтравія какъ на берегу Сыра, я не воображалъ. Кара-Кумъ въ сравненіи съ этою голою степью—роскошный садъ. Здѣсь если пройдетъ послѣ насъ еще нѣсколько сотъ лошадей, то возвращающіеся изъ Акъ-Мечети рѣшительно поколѣютъ отъ голода: придется добывать траву или отыскивать ее съ того берега, что̀ неудобно и не всегда возможно на такой рѣкѣ; а замѣтить должно, что нынѣшній годъ особенно благопріятенъ, и мы находимъ отличный кормъ тамъ, гдѣ прошлаго года голодалъ отрядъ Бларамберга. Здѣсь прекращаются слабыя услуги, которыя могъ намъ оказать до сихъ поръ пароходъ, подвозкою одной роты отъ Аральска на 4 перехода, а потомъ вмѣсто ея нѣкоторыхъ тяжестей изъ перваго эшелона, въ которомъ лошади слабѣе прочихъ,—слабѣе до того, что̀ я боюсь, чтобы не дотащились до Акъ-Мечети. Овесъ я берегу; но придется кормить всѣхъ тамъ, гдѣ не будетъ травы. Троеконныхъ подводъ невозможно будетъ употреблять, какъ предполагалось;—причина объяснена выше.

Чрезъ семь дней придемъ въ Акъ Мечеть. По свѣдѣніямъ, впрочемъ еще не вѣрнымъ, тамъ не болѣе двухсотъ человѣкъ. Авось не уйдутъ, авось прибудутъ къ нимъ другіе изъ Туркестана; въ про-

Библиотека "Руниверс"

тивномъ случаѣ наведетъ это уныніе на весь отрядъ. И въ самомъ дѣлѣ будетъ горько перенести всѣ труды и взять за все это одинъ пустой глиняный горшокъ.

Не слишкомъ радуйся моему здоровью. Я не могу довольно благодарить Бога, это правда; не надѣялся перенести походъ такъ, какъ переношу, и всего болѣе боялся за свою голову, а она исправнѣе прочаго:но остальное также: трубочки съ креазотомъ не выходятъ у меня изъ носу ни днемъ, ни ночью. Этимъ только и держусь [8]. Бѣда, если наживу себѣ какой-нибудь простудный кашель, кромѣ своего обыкновеннаго—съ двумя не справлюсь, и тогда поминай какъ звали! На берегахъ какаго-нибудь Кара-Усяка возвысится новая глиняная могилка, дастъ имя новому урочищу, которое будетъ оставлять проходящимъ кочевымъ, крещенымъ и некрестамъ, доброе или худое впечатлѣніе, судя по тому, хорошъ или плохъ будетъ при ней подножный кормъ, большая же часть проходящихъ не будетъ, да и не должна знать, кто лежитъ подъ этой кучкой глины: потому что я умру начальникомъ секретной экспедиціи, о которой военное министерство запретило говорить даже въ приказахъ по корпусу. Изъ Аральска взялъ я съ собою священника, такъ онъ мнѣ понравился; я не встрѣчалъ еще никогда священника, который бы служилъ такъ хорошо и никогда не слушалъ обѣдни такъ, какъ слушалъ ее въ Аральскѣ въ алтарѣ. Завтра будетъ у насъ дневка, молебствіе съ пушечной пальбой [9], а послѣ завтра выступимъ.

Орлову [10]) отвѣчать о дуэлистахъ нельзя прежде полной справки, но высоч. резолюція даетъ право пріостановить дальнѣйшій ходъ.

О Шелашниковѣ слѣдуетъ сказать, гдѣ онъ служилъ; о Шишковѣ, что вышелъ въ отставку для поддержанія семейства и престарѣлой матери; о секундантахъ не знаю, что̀ и кто они.

Благодари отъ меня Герна за его старанія о ввѣренной ему части; еслибы не общественная запашка [11], которую надо будетъ заводить вновь, я послалъ бы его на годъ въ степь для учрежденія хозяйственной части въ новыхъ и старыхъ укрѣпленіяхъ: онъ обдѣлалъ бы это отлично.

Поселенія при степи, укрѣпленія даже въ настоящемъ ничтожномъ масштабѣ—вещь не только безполезная, но совершенно вредная, а почему? сказать некогда: мѣшаютъ комары.

Въ приказѣ начальника штаба 8 Іюня № 112 перепечатана изъ высочайшаго приказа сентенція объ Ибрагимовѣ, отставленномъ отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь въ оную не употреблять. Напиши мнѣ объ этомъ дѣлѣ, къ чему былъ онъ приговоренъ военнымъ судомъ и мною? Надѣюсь, что не я придумалъ

---

[8]) Графъ Перовскій страдалъ сильнѣйшею одышкою, и лишь могучее сложеніе давало ему возможность быть дѣятельну, выносить лишенія степнаго похода и ободрять къ труду своихъ подчиненныхъ.

[9]) Въ день рожденія Государя Николая Павловича.

[10]) Князю Алексѣю Ѳедоровичу, тогдашнему шефу жандармовъ.

[11]) Графъ Перовскій признавалъ чрезвычайную пользу общественныхъ запашекъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которыя нынѣ къ сожалѣнію рѣдко гдѣ удержались. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

это смѣшное наказаніе и даже не утвердилъ, если оно было постановлено военнымъ судомъ вашимъ. Это было бы съ моей стороны непростительный промахъ.

Изъ присланныхъ тобою сегодня вещей, болѣе всего пришли кстати сѣтки для лошадей, а для меня сигары. Ты говоришь, что получилъ по почтѣ посылку съ оловянною посудою; не жестяная ли? Это не мороженицы, какъ ты ихъ называешь, а особаго устройства кострюли для варенія мяса; жаль очень, что испортились. Сегодня со слезами началъ я послѣднюю бутылку рейнъ-вейну, а мадера была! Нарочные могли бы привозить бутылокъ по 6-ти; придетъ скоро пора, что и испорченное вино будемъ пить съ наслажденіемъ. Клюковный морсъ оказывается очень хорошимъ дѣломъ. На дняхъ спросилъ я макаронъ, которыхъ въ описи значилось $1^1/_2$ пуда; но вмѣсто ихъ оказался вермишель, а бывшіе нѣсколько фунтовъ макаронъ доѣла артель, расчитавъ, что для меня остается еще 60 фунтовъ. Теперь въ присланныхъ тобою кострюляхъ буду самъ варить кашицу изъ гречневыхъ крупъ съ грибами: это избавитъ меня отъ ожиданій обѣда, который повара, люди непоходные, стряпаютъ по нѣскольку часовъ. Впрочемъ, до сихъ поръ жаловаться на пищу могутъ только прихотливые, а я не изъ числа ихъ. Фонтону [12]) не по шерсти, что я адресую почту не на его, а на твое имя; можешь объяснить ему, что командиръ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса есть лице совершенно ничтожное, если отдѣлить отъ него генералъ-губернаторство и оставить батальоны и казаковъ, наряженныхъ на службу,—не важнѣе того и исправляющій должность командира такаго отдѣльнаго корпуса. Вотъ почему адресую я бумаги въ штабъ черезъ тебя. Притомъ же въ степи церемониться и переписываться съ безтолковымъ народомъ некогда; пишу только къ грамотнымъ. Присылку Хр. никогда не прощу Фонтону и желаю очень, чтобы онъ Фонтонъ ощетинился за мое по этому объясненіе. Глупость сносна только при отсутствіи самолюбія; но умничанье, соединенное съ глупостью, производитъ смѣсь невыносимую для моего желудка. Ихъ Хр. не иное что какъ банный листъ и ничѣмъ другимъ здѣсь быть не можетъ; особенно непріятенъ будетъ онъ мнѣ въ Акъ-Мечети, что̀ бы тамъ ни происходило [13]). Посылаю тебѣ частнымъ образомъ мое предпослѣднее отношеніе военному министерству; прочитай, перешли Ханыкову вмѣстѣ съ настоящимъ письмомъ. Сегодня писать мнѣ ему некогда, да и ты впередъ не жди отъ меня такихъ длинныхъ писемъ, какъ нынѣшнее. Первая посылка будетъ изъ подъ Акъ-Мечети.

Мои офиціальныя сообщенія министру отдаляются отъ обыкновенной формы военной и немного сбиваются на impressions de voyage [14]);

---

[12]) Михаилъ Львовичъ Фонтонъ де Верайонъ былъ начальникомъ штаба при графѣ Перовскомъ, какъ командирѣ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса.

[13]) Говорится о С. А. Хрулевѣ, который присланъ былъ въ экспедицію по высочайшему повелѣнію. Познакомившись ближе съ Хрулевымъ, графъ Перовскій оцѣнилъ его достоинства и немедленно свидѣтельствовалъ военному министру объ его заслугахъ. См. выше стр. 451 и ниже стр. 461 и 462. П. Б.

[14]) Путевыя впечатлѣнія.

Библиотека "Руниверс"

но еслибы держаться обыкновенной, то должно ограничиваться словами: пошелъ, пришли, выступили; было бы слишкомъ сухо и скучно! Многое можно бы въ этихъ донесеніяхъ сказать интереснаго о степи, но времени нѣтъ; притомъ разбросавъ главное въ отдѣльныхъ листахъ, пропало бы все въ архивахъ. Дѣло въ томъ, что я дивлюсь и не надивлюсь, какое неполное и невѣрное понятіе имѣютъ о степи даже въ Оренбургѣ; описанія степи рѣшительно не существуетъ. Шесть лѣтъ теперь какъ мы посылаемъ отряды и транспорты на Сыръ-Дарью, и стыдно сказать, не знаемъ и первыхъ условій формированія и слѣдованія маршевыхъ колоннъ. Фонтонъ наприм. увѣренъ, что военная хитрость состоитъ въ томъ, чтобы повозки шли въ четыре ряда, а по бокамъ патрули. Если я когда нибудь пойду еще въ степь (отъ чего Боже сохрани), то со мною не будетъ ни одной кибитки, еще менѣе палатокъ, а одни джуламейки; но за то, если можно, на весь отрядъ.

Дормезъ оказался дѣломъ практическимъ и очень полезенъ; но что̀ бы было со мною, еслибы я не хватился во время, и повезли бы меня въ выдуманной тобою колесницѣ!

25-го Іюля. Сегодня въ 9-ть часовъ утра отслужили мы молебенъ съ пушечною пальбою при 39° тепла. Тринадцать лѣтъ тому назадъ 6 го Декабря молились мы въ степи при 32° мороза. Чего не переживетъ человѣкъ, не говоря уже о смерти, которую тоже удалось мнѣ съ тѣхъ поръ пережить два раза!

Поблагодари отъ меня Богданова за успѣшное производство хозяйственныхъ работъ. Мнѣ непремѣнно хочется построить цейхгаузъ для склада всѣхъ возможныхъ матеріаловъ, запасовъ и припасовъ для степныхъ укрѣпленій и пароходовъ, на подобіе того какъ существуютъ подобные склады въ Кронштатѣ для кораблей [15]). Все должно быть въ нихъ сложено по сортамъ и въ порядкѣ, какъ книги въ библіотекѣ. Нужно только выбрать мѣсто для этого строенія, которое будетъ довольно обширно; я полагаю вблизи караванъ-сарая.

Въ слѣдствіе высоч. резолюціи на моемъ отчетѣ о Тептеряхъ должна быть пріостановлена, какъ мнѣ кажется, переписка о нихъ же, послѣдовавшая по резолюціи на отчетъ Ханыкова о передачѣ ихъ нынѣ же въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Но можно ли слить Тептярей съ Башкирами, имѣющими совершенно иныя права, и кромѣ того изъ какихъ доходовъ содержать управленіе Тептерями, когда весь почти съ нихъ сборъ имѣетъ уже свое назначеніе?

Отъ Сенявина [16]) по извѣстному дѣлу не получилъ ни полслова, и вообще не писалъ онъ мнѣ ни разу. Впрочемъ имъ теперь не до насъ несчастныхъ инфузорій: у нихъ идутъ переговоры покрупнѣе нашихъ [17]).

Поднимающійся каждый день около полудня довольно сильный вѣтеръ имѣетъ свое неудобство, но безъ него жаръ былъ бы совершенно невыносимъ.

---

[15]) Надо припомнить, что нѣкогда графъ Перовскій служилъ по морскому вѣдомству подъ начальствомъ князя Меншикова.

[16]) Льва Григорьевича, бывшаго товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

[17]) Вспомнимъ, что это писано всего за пять мѣсяцевъ до Синопскаго боя.

Библиотека "Руниверс"

Надѣюсь, что Эверсманъ дождется нашего возвращенія; я ему наловилъ много букашекъ. Пока у Николая не было чирья, онъ превосходно ловилъ ящерицъ, которыя бѣгаютъ какъ молнія, но уйти отъ него не могутъ, потому что онъ бросается на земь всѣмъ корпусомъ по длинѣ стени, покрываетъ огромное пространство и потомъ ищетъ ящерицу подъ собою.

Племянника твоего видѣлъ я въ первый разъ на Аральской пристани; тогда походъ какъ-то покривилъ его, и онъ имѣлъ наружность довольно мизерную, но отдохнулъ нѣсколько дней на пароходѣ; теперь идетъ хорошо въ первомъ эшелонѣ.

А еслибъ зналъ ты, какъ мнѣ хочется на кочевку и какъ страшно думать, что для этого неизбѣжно долженъ буду пройти опять по этой дорогѣ, на которой тогда не будетъ уже зеленой травки!!

Прощай, пора честь знать, обнимаю тебя и хозяйку и еще кто изъ своихъ попадется подъ руку [18]).

*

Приложеніе.

Письмо неизвѣстнаго лица въ Оренбургъ изъ подъ Акъ-Мечети.

14 Іюля (1853) Лагерь подъ Акъ-Мечетью.

Осадныя работы наши приближаются уже къ концу. Мы дошли уже сапою до самаго рва крѣпости: остается только перейти его и заложить мину—дѣло, какъ извѣстно вашему превосходительству, самое трудное; но дастъ Богъ совершится оно столь же благополучно, какъ и все, что̀ дѣлалось до сихъ поръ. При осадныхъ работахъ, подъ жаркимъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ гарнизона, ранено у насъ всего 14 человѣкъ, и то большею частію неосторожныхъ, которые избѣгли-бы этой участи, если-бы сами не высовывались изъ траншей. Въ госпиталѣ больныхъ разными недугами всего 15 человѣкъ; на 2500 человѣкъ въ отрядѣ это менѣе нежели ничего. Духъ солдатъ и казаковъ—какого только можно желать: работающіе въ траншеяхъ и составляющіе прикрытіе батарей просятъ какъ милости, чтобы ихъ не смѣняли, и пѣсни подъ свистомъ пуль и ядеръ поются такъ же стройно, какъ въ казармахъ. Башкиры въ особенности оказываютъ совершенное презрѣніе къ опасности: подъ носомъ у непріятеля дерутся между собою за лопаты; одушевленные Филатовымъ, они готовы полѣзть на 5 саженную стѣну съ одними кирками. Василія Алексѣевича это весьма радуетъ; но за то очень огорчаетъ его недостатокъ способныхъ и знающихъ людей между штабъ и оберъ-офицерами, отсутствіе у нихъ усердія къ дѣлу и быстрой, точной исполнительности. Приказываетъ ли онъ заняться вязаньемъ фитиля, изготовленіемъ туровъ, или велитъ вести какую постройку, все это и тому подобное идетъ несоотвѣтственно его желанію, и за всякою мелочью принужденъ надзирать онъ самъ, а сильное движеніе при

---

[18]) Сличи 20-е письмо къ Булгакову, писанное въ тотъ же самый день. Р. Архивъ 1878 II, 320.

Библиотека "Руниверс"

постоянномъ безпокойствѣ и маломъ снѣ изнуряетъ его силы. Въ комъ нашелъ онъ себѣ хорошаго и усерднаго помощника — это генералъ Хрулевъ, которому вслѣдствіе того и далъ онъ начальство надъ всею артилеріею отряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему и завѣдываніе осадными работами. Но это не мѣшаетъ Василію Алексѣевичу ѣздить безпрестанно на батареи и собственнымъ примѣромъ одушевлять солдатъ. Я, признаюсь, трушу за него каждый разъ, какъ онъ поѣдетъ подъ крѣпость; и хорошо еще, что ѣздитъ онъ теперь въ фуражкѣ, а то въ первые дни носилъ онъ, одинъ въ отрядѣ, Черкескій папахъ, который отличалъ его ото всѣхъ. Что при заботахъ Василія Алексѣевича о ходѣ осады, объ обезпеченіи гарнизона нашего, имѣющаго остаться въ Акъ-Мечети, и проч. и проч., мучитъ его еще—это необходимость писать въ тоже время разныя фразы военному министру и поправлять бумаги, которыя пишу я по необходимости дурно, не зная военнаго дѣла. Внѣ всего этого, здоровье начальника нашего было-бы въ хорошемъ состояніи: когда все окончится благополучно, и возвратимся мы въ Оренбургъ, я увѣренъ, что вы найдете въ немъ перемѣну, которой порадуетесь.

Съ настоящею почтою посылается вамъ и Михайлѣ Львовичу краткій журналъ осадныхъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда; не сердитесь, если не посылаемъ вамъ и копіи съ отношенія къ военному министру: рѣшительно некогда переписывать.

Къ числу предметовъ, сильно заботящихъ Василія Алексѣевича, принадлежитъ и дума о томъ, кого оставить ему комендантомъ въ Акъ-Мечети. Тутъ нужно человѣка, который кромѣ знанія военнаго дѣла былъ бы и инженеромъ, и хозяиномъ. Лучше Герна на мѣсто это трудно найти человѣка, и В. А. весьма жалѣетъ, что не взялъ его съ собою. Равнымъ образомъ весьма-бы пригодился теперь и Бутлеръ: артилеристовъ у насъ вообще мало, а хорошихъ—и того менѣе. Впрочемъ Іогансономъ В. А. совершенно доволенъ, равно какъ и Орловскимъ; но тутъ опять бѣда: убьютъ или ранятъ этого офицера, и мы остаемся безъ единаго сапера. Но дастъ Богъ, всѣ нужные намъ люди останутся цѣлы, и все дѣло окончится вполнѣ успѣшно.

Подкрѣпленія изъ Ташкента крѣпость ожидать не можетъ. По полученнымъ вчера свѣдѣніямъ въ Коканскихъ владѣніяхъ опять заварилась каша нерасхлебная: правитель Ташкента, братъ хана, поссорился съ нимъ и хочетъ быть независимымъ; его между тѣмъ осаждаютъ въ Ташкентѣ Кипчаки, и осаждаютъ такъ плотно, что пришедшій на помощь ему комендантъ Туркестана не могъ проникнуть въ городъ и долженъ былъ возвратиться во свояси, куда его также не пустили, потому что оставленный имъ комендантомъ въ Туркестанѣ, на время отсутствія своего, Коканецъ въ свою очередь захотѣлъ сдѣлаться независимымъ и заперъ ворота города. Кромѣ того, одинъ изъ Коканскихъ сановниковъ, бѣжавшій къ Бухарскому эмиру, осадилъ съ войскомъ послѣдняго и взялъ Уратюпе съ окрестными городами. Впрочемъ быть можетъ, что все это неболѣе какъ слухи.

Библиотека "Руниверс"

V. ПИСЬМО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ ОРЕНБУРГЪ КЪ ГРАФУ ПЕРОВСКОМУ [19]).

La lettre et l'office que vous m'avez adressés, mon cher général, du Fort Peroffsky (ci-devant Akh-Metchet), ont répandu une joie inexprimable parmis tous ceux qui étaient dans le secret de votre expédition. Vous l'avez terminée de la manière la plus glorieuse, et je vous en félicite du fond de mon coeur. L'Empereur vous est reconnaissant au suprême degrès de l'abnégation avec laquelle vous l'avez conduit; il est enchanté que Хрулевъ vous ait bien servi et ne saurait assez admirer la valeur de troupes que vous avez dirigées d'une manière si éclatante.

Ce que vous avez demandé pour Хрулевъ, Dandeville, Eversmann et Padouroff a été accordé par Sa Majesté avec satisfaction. Vous êtes autorisé en outre à reclamer par le chapitre la croix de S-t Georges pour Orlofsky et à présenter pour de recompenses ceux de vos autres officiers qui en sont dignes. Eversmann vous transmettra 25 croix d'honneur en complement aux 25 qui vous avaient déjà été envoyées et 12 décorations pour les musulmans. Officiers et soldats de votre brave troupe recevront en sus l'équivalent de leur appointement d'une année.

J'espère que vous et tous vos compagnons d'armes, vous serez contents de la galanterie avec laquelle notre Auguste Maître apprécie vos beaux exploits.

Sa Majeste sera ravie de vous revoir à Pétersbourg. Arrivez nous, cher général: vous serez reçu à bras ouverts, et je suis presque sûr que vous obtiendrez la conservation de l'общественная запашка dans le pays que vous aimez et qui vous aime tant.

Recevez l'assurance etc.

*

Переводъ. Любезный генералъ! Письмо и бумага, которыя вы мнѣ прислали изъ Форта Перовскаго (бывшей Акъ-Мечети) распространили невыразимую радость во всѣхъ, кому извѣстна была тайна вашего похода. Вы кончили его достославнѣйшимъ образомъ, съ чѣмъ я васъ поздравляю отъ глубины сердца. Государь чрезвычайно вамъ признателенъ за то, что вы совершали его съ такимъ самопожертвованіемъ. Онъ въ восторгѣ, что Хрулевъ хорошо у васъ служилъ и не можетъ достаточно надивиться доблести войска, которымъ вы распоряжались такъ отлично. Его Величество охотно утвердилъ ваши представленія о Хрулевѣ, Дандевилѣ, Эверсманѣ и Падуровѣ. Кромѣ того, вамъ дозволено истребовать у капитула Георгіевскій крестъ Орловскому и представить къ наградамъ остальныхъ вашихъ офицеровъ, которые заслужили ихъ. Эверсманъ доставитъ вамъ 25 крестовъ въ дополненіе къ 25-ти прежде посланнымъ, и 12 почетныхъ значковъ для мусульманъ. Кромѣ того офицеры и солдаты вашего храбраго войска получатъ годовое жалованье. Надѣюсь, что вы и всѣ ваши сподвижники останетесь довольны щедротою Августѣйшаго

[19]) Печатается съ копіи, которая сдѣлана самимъ графомъ Перовскимъ и на которой не означено, кѣмъ и когда это письмо писано. Вѣроятно писалъ его тогдашній военный министръ князь В. А. Долгоруковъ.

Библиотека "Руниверс"

Монарха, умѣющаго цѣнить прекрасные ваши подвиги. Его Величество будетъ чрезвычайно радъ увидать васъ снова въ Петербургѣ. Пріѣзжайте, любезный генералъ: вы будете приняты съ распростертыми объятіями, и я почти увѣренъ, что вамъ сохранятъ «общественную запашку» въ странѣ, которую вы любите и которая васъ такъ любитъ. Примите увѣреніе и пр.

VI. ДВА ПИСЬМА ГРАФА ПЕРОВСКАГО КЪ КОМЕНДАНТУ ФОРТА ПЕРОВСКАГО.

1.

С.-Петербургъ, 10 Февраля 1854.

Вмѣстѣ съ симъ получите вы официальный отвѣтъ на вашъ рапортъ отъ 31 Декабря № 1588, коимъ вы доносите мнѣ о послѣдствіяхъ побѣды, одержанной гарнизономъ Форта Перовскій надъ Коканцами 19 числа того же мѣсяца. Но въ официальной бумагѣ было-бы слишкомъ неудобно входить въ тѣ непріятныя объясненія, къ которымъ вынуждаетъ меня содержаніе вашего послѣдняго рапорта, и потому я долженъ замѣнить этими строками то, что̀ сказалъ бы вамъ, если бы имѣлъ возможность васъ видѣть. Теперь вы уже знаете, какъ была принята Государемъ Императоромъ первая вѣсть о славномъ подвигѣ ввѣреннаго вамъ гарнизона и какъ Его Императорское Величество высоко оцѣнилъ оный и безпримѣрно щедро наградилъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, въ особенности самихъ васъ. Въ тоже время видѣли вы изъ моего письма, съ какою поспѣшностью и радостью и я, съ моей стороны, отдалъ вамъ ту справедливость, которая принадлежала вамъ за рѣшимость, увѣнчанную полнымъ успѣхомъ. Дѣйствительно, награды Царя, похвалы начальника, лестное общее мнѣніе, все это получили вы подъ вліяніемъ, произведеннымъ первымъ вашимъ донесеніемъ о совершенномъ разбитіи многочисленнаго Коканскаго отряда, при чемъ непріятель, пришедшій съ артиллеріею и огромными запасами атаковать нашу крѣпость, потерялъ не только всѣ свои пушки и 2 т. чел. убитыми, но сверхъ того весь лагерь и все имущество, послѣ чего былъ преслѣдуемъ нашими казаками и Киргизами, которые при этомъ должны были еще нанести ему большой вредъ. Съ тѣхъ поръ Государь Императоръ неоднократно изволилъ спрашивать меня о подробностяхъ, обѣщанныхъ вами въ первомъ донесеніи; я и самъ ожидалъ ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, радуясь заранѣе и расчитывая, сколько, благодаря вамъ, облегчится на этотъ разъ столь трудное снабженіе форта. И конечно, если бы сбылись ожиданія, на которыя, казалось, можно было полагаться съ полною достовѣрностію, съ линіи бы будущею весною выслалъ я менѣе провіанта, Коканскіе верблюды поступили-бы въ наши транспорты съ значительною для казны выгодою, тоже самое и относительно лошадей и барановъ; юламейки также были-бы очень полезны для нашихъ укрѣпленій, не говоря уже объ оружіи, этой неотъемлемой собственности казны (отборное готовился я поднести Государю Императору и Его Высочеству Цесаревичу)...... И чѣмъ же всѣ это кончилось! Я получилъ вашъ рапортъ 31 Декабря, прочелъ его съ негодованіемъ и со стыдомъ. Содержанія его не смѣю довести не только до высочайшаго свѣдѣнія, но желалъ бы скрыть его отъ самого себя. Кто можетъ повѣрить, что, послѣ такой рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шительной побѣды надъ 12-ти тысячнымъ непріятелемъ, послѣ взятія лагеря и проч. и проч., въ рукахъ побѣдителей осталось 10 ружей, 3 мушкета, 4 сабли, нѣсколько паршивыхъ лошадей и нѣсколько верблюдовъ, оставленныхъ вамъ изъ милости Киргизами!! Какъ! Мы напали на Коканскій лагерь въ расплохъ, верблюды ихъ были развьючены, лошади разсѣдланы, мы положили на мѣстѣ до 2 тысячъ Коканцевъ, они бѣжали, бросивъ даже всю свою артилерію, мы ихъ преслѣдовали нѣсколько верстъ, и кромѣ брошенныхъ ими пушекъ получили только 10 ружей и 4 сабли? Куда же дѣвалось все остальное? Позвольте мнѣ сказать вамъ безъ обиняковъ, что побѣда ваша 19 Декабря, представлявшаяся послѣ перваго вашего донесенія въ столь блистательномъ видѣ, принимаетъ теперь самый неблагопріятный образъ. Ваши два рапорта между собою несогласны, и согласовать ихъ трудно, потому что неправда кроется по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ двухъ: или дѣло происходило не такъ какъ вы его описали, или послѣдствія были не тѣ, какія вы сообщили. Неоспоримо справедливо только то, что 17 непріятельскихъ оружій остались въ нашихъ рукахъ; но устрашенные неожиданною, смѣлою вылазкою гарнизона, Коканцы могли бросить пушки безъ боя: въ такомъ случаѣ не было 2 тысячъ убитыхъ, не было, можетъ быть, и двухъ сотъ. Этимъ до нѣкоторой степени объясняется, почему досталось намъ только 10-ть руж. и 4 сабли, и остается только разгадать, какъ обращенный въ бѣгство, застигнутый въ расплохъ непріятель успѣлъ навьючить верблюдовъ, осѣдлать и запрячь лошадей, и какъ посланная за нимъ погоня не отбила у него ни повозокъ, ни вьюковъ, ни плѣнныхъ? Дѣло могло также происходить и слѣдующимъ образомъ. Вылазка дѣйствительно застала Коканцевъ въ расплохъ, но они, опомнившись, сопротивлялись болѣе или менѣе упорно и потеряли много людей; когда же маіоръ Шкупъ бросился въ штыки и отбилъ орудія, то Коканцы бѣжали безъ оглядки, думая, что за ними гонятся, какъ бы этому и должно быть; но мы, вмѣсто погони, принялись купно съ Киргизами грабить лагерь; солдаты, казаки, все разбрелось въ безпорядкѣ, не слушаясь ни офицеровъ, ни главнаго начальника, такъ что, если бы Коканцы не совсѣмъ потеряли голову, а опомнившись вздумали-бы воротиться на лагерное мѣсто, то по всей вѣроятности не только отбили бы свои орудія, но взяли бы и наши и, изрубивъ казаковъ и солдатъ, побросавшихъ оружіе, навьюченныхъ Коканскими пожитками, ворвались бы въ фортъ безпрепятственно. Но Коканцы не возвратились, и мы, проведши цѣлый день въ грабежѣ, только вечеромъ собрались за ними въ погоню; отъ того и не догнали никого, отъ того же и принадлежность казны (непріятельскіе запасы, верблюды, лошади, скотъ) расхищены самымъ наглымъ, постыднымъ образомъ. Я полагаю, что послѣднее мое предположеніе довольно близко подходитъ, а можетъ быть и совершенно согласно съ дѣйствительнымъ происшествіемъ. Вамъ остается рѣшить мое недоумѣніе, возстановить мое къ вамъ довѣріе и успокоить справедливыя мои опасенія на счетъ дисциплины гарнизона и вліянія нашего на Киргизъ, нарушенныхъ, какъ мнѣ кажется, въ самомъ ихъ основаніи.

Библиотека "Руниверс"

Относительно гарнизона, безпокойство мое началось со дня полученія перваго вашего донесенія. Зная личный составъ войска, вамъ ввѣреннаго, я не могъ не удивиться, видя, что въ вылазкѣ 19 числа не участвовали тѣ изъ офицеровъ, которые, по качеству и достоинству, должны были непремѣнно быть употреблены при исполненіи столь важнаго и рѣшительнаго предпріятія; это обстоятельство и теперь для меня не объяснено. Отъ васъ жду разгадки, не понимая, какъ вы до сихъ поръ не увѣдомили меня обо всемъ во всѣхъ подробностяхъ. Изъ содержанія вашего втораго рапорта, я къ крайнѣй моей скорби долженъ былъ вывести заключеніе, что теперь въ фортѣ господствуетъ безначаліе; что, не смотря на изгнаніе непріятеля, я не могу быть спокоенъ на счетъ будущности крѣпости и гарнизона, такъ какъ внутренніе безпорядки несравненно опаснѣе Коканскихъ приступовъ. Когда войско, не смотря на присутствіе начальника, дозволило себѣ (не довольствуясь законною частію, ему принадлежащею) расхитить собственность казны: трудно ожидать отъ него порядка и повиновенія, составляющихъ всю силу нашего малочисленнаго отряда на Сыръ-Дарьѣ. Вы, кажется, и сами послѣ побѣды чувствуете себя слабѣе, чѣмъ были прежде и просите подкрѣпить васъ 4-ю ротою. Не такъ-бы было, если-бы отбитое у непріятеля имущество, собранное въ одно мѣсто, раздѣлили вы по справедливости между нижними чинами отряда.

Обращаясь къ Киргизамъ, я вижу тѣже вредныя послѣдствія и отъ той же причины: отъ допущеннаго между ними безпорядка. Киргизы должны находиться въ совершенной отъ насъ зависимости, въ безусловномъ намъ т. е. вамъ повиновеніи: безъ вашего дозволенія Киргизъ не долженъ смѣть приблизиться къ крѣпости или удалиться отъ оной; безъ вашего разрѣшенія онъ не можетъ ни прикочевать, ни откочевать; казака, вами посланнаго, долженъ слушать цѣлый аулъ. Если по недавнему занятію нами Акъ-Мечетскаго острова и не дошли мы еще до такого порядка, то по крайней мѣрѣ мы шли по этому пути до пораженія Коканцевъ 19 Декабря, а послѣ этого дѣла, которое могло на всегда упрочить намъ Киргизовъ, мы сбились съ дороги: Киргизы за одно съ Русскими расхитили добычу, оставленную намъ Коканцами, а можетъ быть взяли себѣ самую богатую долю. Послѣ этого въ глазахъ не только самихъ Киргизовъ, но и въ глазахъ прочихъ Азіатцевъ, нашихъ сосѣдей, настоящими побѣдителями Коканцевъ являются не Русскіе, а Киргизы. Притомъ же, допустивъ Киргизовъ расхитить оружіе, вы гарнизону и вообще степному нашему управленію приготовили хлопоты въ будущемъ. До сихъ поръ Киргизы имѣли только копья, да и то не всѣ изъ нихъ; теперь, благодаря послѣдствіямъ побѣды нашей, можетъ быть нѣсколько тысячъ Киргизовъ имѣютъ ружья и сабли, которыя когда нибудь обратятъ противъ насъ, нападая на транспорты; присоединяясь къ степнымъ мятежникамъ, будутъ грабить безоружныхъ мирныхъ Ордынцевъ. Изъ вашего рапорта я долженъ заключить, что и теперь уже, даже въ собственныхъ вашихъ глазахъ Киргизы получили какое-то значеніе, котораго конечно предъ тѣмъ не имѣли. Вы доно-

Библиотека "Руниверс"

сите, какъ вещь совершенно обыкновенную, нисколько васъ не поразившую, что Киргизы отогнали взятыхъ нами у Коканцевъ 500 верблюдовъ. Вы, какъ видно, находите, что такъ и быть должно и не принимаете никакихъ мѣръ къ возвращенію верблюдовъ и къ наказанію виновныхъ! Сыръ-Дарьинскіе Киргизы, какъ я уже сказалъ это выше, должны состоять въ полной, безусловной зависимости нашего военнаго на С. Дарьѣ начальника. Какое же понятіе будутъ имѣть теперь эти дикари не только о власти вашей надъ ними, но и вообще о могуществѣ Русскихъ, убѣдившись на самомъ дѣлѣ, что они безнаказанно могутъ, подъ выстрѣлами нашей крѣпости, насъ грабить самымъ дерзкимъ образомъ? Неужели не имѣли вы никакой возможности остановить Киргизское хищничество при самомъ началѣ? Если ваши словесныя приказанія были не дѣйствительны, то что̀ препятствовало вамъ употребить мѣры строгости? Въ полномъ вашемъ распоряженіи казачьи нагайки, тупые концы ихъ копій и, наконецъ, шашки и картечь. Сколь ни желательно избѣгать послѣднія два средства, но все же лучше прибѣгнуть къ нимъ въ подобномъ случаѣ, чѣмъ уронить власть, опору нашей на Сыръ-Дарьѣ будущности.

Странное противорѣчіе въ вашихъ дѣйствіяхъ. Вы нашли въ себѣ довольно рѣшимости на дѣло отважное, на отчаянную вылазку, и когда она увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ, въ васъ не нашлось ни твердости, ни распорядительности для извлеченія пользы изъ этого успѣха, такъ что дѣло славное потеряло двѣ трети своего значенія и въ иныхъ отношеніяхъ имѣло даже вредныя послѣдствія. Вы конечно согласитесь, что если бы оба ваши донесенія были доведены до высочайшаго свѣдѣнія единовременно, то послѣднее повредило бы первому, и конечно монаршее благоволеніе выразилось бы въ иномъ размѣрѣ и на васъ, и на вашихъ подчиненныхъ.

Говоря о подчиненныхъ вамъ офицерахъ, я долженъ и въ этомъ отношеніи выразить вамъ мое неудовольствіе. Въ первомъ рапортѣ, говоря болѣе о себѣ, вы ихъ почти забыли, едва назвали, хотя все достоинство исполненія, взятіе орудій, словомъ весь успѣхъ дѣла неоспоримо принадлежитъ Шкупу. Вы отличіе, имъ оказанное, не выставили въ надлежащемъ свѣтѣ, не сдѣлавъ никакого о немъ представленія. Не поименовавъ офицеровъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, вы лишаете меня до сихъ поръ возможности о нихъ ходатайствовать.

Я полагаю, что вамъ самимъ не должно быть пріятно носить генеральскіе эполеты, доколѣ тѣ, которые вамъ ихъ доставили, остаются безъ заслуженной ими награды. Прошу васъ безъ малѣйшаго замедленія доставить мнѣ списки объ особенно отличившихся. Надѣюсь также, что вы догадаетесь принять неотлагательныя мѣры къ отобранію похищеннаго нашими и Киргизами оружія. Относительно послѣднихъ требуйте содѣйствія Осмоловскаго, которому я вмѣстѣ съ симъ пишу объ этомъ. Тоже самое и объ угнанныхъ у васъ Киргизами верблюдахъ, лошадяхъ и проч.

Длинное это письмо докажетъ вамъ, какое я принимаю участіе во всемъ, что̀ относится до ввѣреннаго вамъ командованія. Я не теряю надежды, что вы приложите все стараніе, употребите всѣ силы ваши,

Библиотека "Руниверс"

чтобы изгладить впечатлѣніе, которое произвело на меня содержаніе послѣдняго вашего донесенія отъ 31 Декабря.

Василій Перовскій.

2.

24 Апрѣля 1854 г. Оренбургъ.

Я получилъ ваше письмо отъ 21 прошлаго Марта и рапортъ № 889 отъ 20 числа.

Письмо это не могу я признать удовлетворительнымъ отвѣтомъ на то, которое я писалъ къ вамъ отъ 10 Февраля. Письмо и рапортъ ваши противорѣчатъ одно другому въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, а обстоятельства эти такъ важны, что, предположивъ ихъ справедливыми, не представляется никакой возможности объяснить себѣ, какъ могло о нихъ быть умолчано вами до самаго полученія моего запроса.

Напримѣръ, на мой вопросъ о пропавшемъ безъ вѣсти Кокансконъ имуществѣ вы въ послѣднемъ рапортѣ отвѣчаете положительно, что все сгорѣло во время завладѣнія нами непріятельскимъ лагеремъ, и въ тоже время въ вашемъ письмѣ говорите, что, прибывъ въ лагерь, вы уже не нашли ничего, все было разобрано. Которому изъ этихъ совершенно различныхъ показаній долженъ я вѣрить? Трудно себѣ представить это ужасное пламя, которое нещадно и безъ остатка истребило все имущество казны, не тронувъ того, что̀ могло быть присвоено солдатами, казаками, Киргизами. Нелегко также понять, почему провіантъ и войлочныя джуламейки, неудобосгараемыя, сгорѣли до тла, а шелковые и бумажные товары, легко воспламеняющіеся, уцѣлѣли; почему на пожарищѣ не отыскано ничего металическаго, хотя бы фунтъ свинца, который не горитъ и котораго конечно у Коканцевъ были запасы; почему, наконецъ, имѣя достаточное число людей, не было принято никакихъ мѣръ ни къ пресѣченію огня, ни къ спасенію отъ него провіанта и пр.? Не смотря однако же на все это непонятное, я готовъ бы вѣрить пожару, тѣмъ болѣе, что ваше пр—во въ этомъ случаѣ, безъ предварительнаго, какъ полагать надобно, сношенія съ г. Осмоловскимъ, повторяете отъ слова до слова то, что̀ онъ пишетъ мнѣ о томъ же предметѣ, защищая Киргизъ, обвиненныхъ вами въ грабежѣ лагеря и угонѣ верблюдовъ; но здѣсь рождается вопросъ, о которомъ сказано было выше: если лагерь и вся принадлежность казны, въ немъ находившаяся, дѣйствительно истреблены были огнемъ, то по какому поводу объ этомъ замѣчательномъ событіи, объясняющемъ просто и удовлетворительно безъ того совсѣмъ невѣроятную ничтожность нашей добычи, почему, говорю, объ этомъ не упомянули вы ни въ первомъ, ни во второмъ и ни въ одномъ изъ всѣхъ послѣдующихъ вашихъ донесеній? Что пожаръ въ Кокансконъ лагерѣ былъ, это мнѣ давно извѣстно; отъ него сгорѣло лишь нѣсколько палатокъ и джуламеекъ, поэтому я не находилъ удивительнымъ, что вы нигдѣ не сказали объ этой подробности; но тотъ пожаръ, о которомъ вы доносите теперь

Библиотека "Руниверс"

въ первый разъ, совсѣмъ другихъ размѣровъ: онъ истребилъ весь лагерь, всѣ запасы, все имущество казны, нанесъ ей значительный ущербъ. Какъ же не спросить у васъ, съ какою цѣлію скрыли вы объ этомъ предъ начальствомъ и, зная, что все уничтожено уже огнемъ, писали еще, что приводится въ извѣстность имущество, отбитое въ непріятельскомъ лагерѣ?

Въ рапортѣ № 889 вы говорите: «При овладѣніи нами непріятельскимъ лагеремъ, онъ былъ покрытъ пламенемъ, отъ котораго сгорѣли не только джуламейки, палатки, но и съѣстные припасы». Между тѣмъ изъ перваго вашего донесенія, писаннаго тотчасъ послѣ разбитія Коканцевъ, видно, что въ ихъ лагерѣ найдено нами и перевезено въ крѣпость 150 пудъ пороха. Какъ при этомъ случаѣ вы не догадались ничего сказать о пожарѣ? Вытащить порохъ изъ огня есть дѣло не совсѣмъ обыкновенное; это подвигъ замѣчательный, молчать о немъ вправѣ только виновники его, изъ скромности. Почему же молчали объ этомъ вы, когда о собственныхъ заслугахъ донесли безъ всякой скромности и съ такою торопливостью, что смыслъ и содержаніе вашего перваго рапорта подверглись совершенному измѣненію по полученіи послѣдующихъ?

Я не стану разбирать въ подробности вашъ рапортъ отъ 20 Марта; онъ не отвѣчаетъ прямо и чисто ни на одинъ изъ моихъ вопросовъ, иные же изъ нихъ оставлены совсѣмъ безъ отвѣта. Такъ и должно быть: сбившись однажды со стези правды, нельзя иначе возвратиться на нее, какъ по прямому кратчайшему пути, твердымъ шагомъ. Я ждалъ этого и откровенное сознаніе въ ошибкѣ готовъ былъ принять со всевозможнымъ снисхожденіемъ; вмѣсто того вы, колеблясь, ищете дорогъ окольныхъ, болѣе и болѣе отдаляющихъ васъ отъ истины и, наконецъ, въ оправданіе себѣ не находите инаго средства, кромѣ обвиненія подчиненныхъ, даже тѣхъ, которые, жертвуя жизнію, доставили вамъ безпримѣрную царскую награду; тѣхъ, о которыхъ вы забыли говорить, когда дѣло шло о доставленіи имъ славно-заслуженныхъ ими наградъ.

Ваше пр—во еще 11 Марта, до полученія моего письма отъ 10 Февраля, письмомъ къ генералу Балкашину просили его ходатайства объ увольненіи васъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ занимаемаго вами мѣста. Я поспѣшаю исполнить ваше желаніе, и вы вмѣстѣ съ симъ получите предписаніе о сдачѣ должности вашей полковнику Фитингофу.

Библиотека "Руниверс"

VII. Письмо графа В. А. Перовскаго къ одному помѣщику [20]).

Я не виноватъ, но долженъ просить у васъ прощенія: все это время мнѣ было столько хлопотъ, что не успѣлъ отвѣчать на второе письмо ваше; а первое осталось безъ отвѣта, потому что тогда не получилъ я еще контракта, о которомъ въ немъ упоминалось. Теперь разсмотрѣлъ я условіе моихъ Башкировъ съ вашимъ управляющимъ, и къ сожалѣнію долженъ васъ увѣдомить, что никакъ не могу на это условіе согласиться. Разсудите сами: 150 десятинъ лѣсу за 900 рублей! Сознайтесь, что это черезъ мѣру дешево, и что я былъ бы плохой опекунъ моихъ недорослей, если бы одобрилъ такую для нихъ разорительную сдѣлку.

До сихъ поръ, вы довольствовались (по крайней мѣрѣ на бумагѣ) валежникомъ, да буреломникомъ, да суховершинникомъ, и я могъ смотрѣть сквозь пальцы, когда до меня доходило, что на вашемъ заводѣ жгутъ дрова не такъ-то сухія; а теперь вы уже и въ контрактѣ рубите все съ плеча. Если бы на Башкирскіе лѣса лакомились одни вы, ну, такъ бы и быть: для чего бы, не въ примѣръ другимъ, не покривить вѣсами въ пользу стариннаго пріятеля? А то вѣдь охотниковъ много: отдамъ вамъ лѣсъ за такую цѣну на срубъ, то отъ другихъ не отдѣлаюсь; всѣ захотятъ рубить по 6 р. десятину, сирѣчь дешевле, чѣмъ бы слѣдовало продавать сажень. Вотъ почему, почтеннѣйшій Денисъ Васильевичь, не могъ я утвердить условія Воробьева съ Башкирами деревни Каракашлова, и возвратилъ условіе кантонному начальнику; а вы прикажите вашему управителю сдѣлать другое: исключить статью о вырубкѣ всего лѣса безъ остатка, и замѣнить ее по прежнему суховершинникомъ и проч., да хоть немного надбавить цѣну; такъ и дѣло будетъ въ шапкѣ.

Я уже пересталъ надѣяться видѣть васъ на берегу Урала. Зимою думаю быть въ Петербургѣ, авось либо тамъ удастся мнѣ подтвердить вамъ изустно увѣреніе въ совершенной моей къ вамъ преданности и уваженіи.

Василій Перовскій

21 Іюня 1836.

---

[20]) Списано въ 1868 году съ черноваго подлинника, находившагося у В. И. Даля.

Библиотека "Руниверс"

Письма князя П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину [1]).

Князь Вяземскій, связанный близкимъ знакомствомъ съ родителями великаго поэта и тѣсною дружбою съ его дядею, извѣстнымъ Василіемъ Львовичемъ, вѣроятно зналъ Пушкина еще ребенкомъ въ Москвѣ. Позднѣе, въ Московскій дружескій кружокъ Карамзиныхъ, Пушкиныхъ, Жуковскаго, стали приходить извѣстія изъ Царскаго Села о необыкновенномъ стихотворческомъ дарованіи лицеиста-Пушкина, который въ школьномъ своемъ номерѣ уже былъ что̀ называется записнымъ литераторомъ: онъ тогда еще познакомился съ тѣмъ что̀ было до него писано по части Русской словесности, перечитывалъ съ Дельвигомъ сочиненія М. Н. Муравьева, чтобъ научиться изящной простотѣ изложенія мыслей, зналъ наизусть цѣлыя страницы Ломоносова, Державина, Карамзина и т. д. Уже это одно должно было привлечь къ нему князя Вяземскаго, который тоже страстно любилъ словесность и занимался ею съ младенчества до гробовой доски. Знакомство началось весною 1816 года: князь Вяземскій, на пути изъ Петербурга въ Москву, навѣстилъ лицеиста, который вслѣдъ за тѣмъ вступилъ съ нимъ въ переписку и обратился къ нему со стихами. Единство вкусовъ и занятій тотчасъ ихъ сблизило, не смотря на то, что одинъ на шесть лѣтъ былъ старше другаго, и этимъ сближеніемъ князь Вяземскій уплачивалъ долгъ дружбы своему пріятелю Василью Львовичу Пушкину, которому значительное старшинство не мѣшало относиться къ нему потоварищески. Дружба заключена была прочно, и со втораго письма (отъ 1 Сентября 1817), Пушкинъ уже пишетъ князю Вяземскому ты. Юноша, еще не достигшій двадцати лѣтъ, одаренъ былъ удивительнымъ проницаніемъ и въ надписи къ вышедшему въ то время гравированному портрету князя Вяземземскаго сдѣлалъ такую характеристику своего пріятеля, лучше и выразительнѣе которой мы до сихъ поръ не имѣемъ:

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный умъ съ плѣнительнымъ умомъ,
И добродушіе съ язвительной улыбкой.

Князь Вяземскій принадлежалъ къ числу людей, которые, разъ полюбивъ человѣка, уже на всю жизнь остаются ему вѣрны. Его чудесное сердце, даже и въ глубокой старости, когда мы его знали, было необыкновенно дѣятельно. Когда Пушкина сослали, онъ непрестанно заботился о немъ и, находясь

[1]) Списаны съ подлинниковъ, полученныхъ отъ князя П. А. Вяземскаго въ Гомбургѣ, въ 1873 году, и съ его словъ сдѣланы нѣкоторыя примѣчанія. Въ Русскомъ Архивѣ 1874 года находятся письма А. С. Пушкина къ князю Вяземскому и одно большое письмо сего послѣдняго къ Пушкину (1825), въ которомъ князь Вяземскій рисуетъ опальному поэту его положеніе относительно общества и правительства и подаетъ дружескіе совѣты. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

самъ подъ правительственной опалою, всячески старался объ освобожденіи Пушкина, объ улучшеніи его участи. Несомнѣнно, что Пушкинъ отчасти обязанъ ему позволеніемъ жить гдѣ угодно. Изъ Ревеля, лѣтомъ 1826 года, мать Пушкина послала новому Государю въ Москву письмо съ просьбою о дарованіи свободы ея сыну. Письмо это до сихъ поръ не найдено; но оно конечно подѣйствовало, отличаясь въ ряду всякаго рода прошеній убѣдительнымъ краснорѣчіемъ искренняго сердца: его сочинялъ князь Вяземскій.

Все это сочли мы нужнымъ предпослать нижеслѣдующимъ письмамъ. Нечего напоминать читателямъ про значеніе писемъ вообще. Эти мимолетныя фотографіи быстротекущей жизни не выражаютъ собою всей полноты отношеній, какія существовали между писавшимъ и получавшимъ ихъ; но они безцѣнно дороги, сохраняя на себѣ всю непосредственность, все, такъ сказать, тепло старины. Не даромъ Гёте изо всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе письмамъ. П. Б.

1.

Секретное.

(1823).

Сдѣлай милость, будь осторожнѣе на мысли и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что̀ тебѣ въ Петербургѣ? Дай мнѣ отдѣлаться отъ дѣлъ своихъ, но такъ, чтобы можно было все бросить на нѣсколько лѣтъ и ѣхать въ чужіе краи, я охотно поселился бы у васъ [2]). Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотрятъ, какъ на champ d'asyle [3]); а въ этомъ полѣ, вѣрно, никакая ягодка болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой нибудь непогоды, Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что онъ подозрѣваемъ въ подозрительности. Да къ тому же, признаюсь откровенно, я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человѣкъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкишотствовать противъ власти ни за лице, ни за мнѣнія, какія бы онѣ ни были, если власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нихъ или противъ нея. Ты довольно сыгралъ пажескихъ шутокъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно. А вся наша опозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ que par des espiègleries [4]). Намъ не дается мужествовать противъ него: мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться надоѣстъ.

2.

(1824).

Вяземскій, видя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе о продажѣ новаго изданія Кавказскаго Плѣнника, писалъ къ Жуковскому,

[2]) Первая поѣздка князя Вяземскаго въ чужіе края состоялась лишь въ Августѣ 1834 года, ради болѣзни его дочери, княжны Прасковьи Петровны, которая и скончалась въ Римѣ, въ слѣдующемъ 1835 году.

[3]) Поле для убѣжища

[4]) Какъ только проказами.

Библиотека "Руниверс"

чтобы узнать, съ дозволенія-ли Сергѣя Львовича и въ слѣдствіе-ли какой-нибудь сдѣлки съ нимъ прислалъ сюда свое изданіе Ольдекопъ. Жуковскій, переговоривъ съ Дельвигомъ, отвѣчалъ Вяз., что никакой сдѣлки нѣтъ и что продажа новаго изданія беззаконная. Въ слѣдъ за симъ Вяз. послалъ за книгопродавцемъ Ширяевымъ, который отвѣчалъ ему, что Ольдекопъ заплатилъ Сергѣю Львовичу за право продавать свое изданіе. Спрашивается, которое изъ двухъ обстоятельствъ справедливо: если право не дано Ольдекопу, то пусть Александръ Пушкинъ пришлетъ формальную довѣренность на имя Василья Львовича, или на имя Вяземскаго, для остановленія продажи въ Москвѣ, или въ данной довѣренности кому нибудь въ Петербургѣ упомянетъ о 200 экземплярахъ, купленныхъ отъ Ольдекопа Московскимъ книгопродавцемъ Ширяевымъ.

3.

(Въ Михайловское).

Москва, 6 Ноября (1824).

Здѣсь въ Москвѣ остановить продажу Ольдекоповскаго Плѣнника нельзя, потому что здѣшніе книгопродавцы его сами купили, и вѣдаться должно съ продавцемъ, а не покупщикомъ. Я писалъ о томъ Тургеневу; онъ началъ уже хлопотать съ Дельвигомъ. По моему, лучшее средство, хотя на первый взглядъ и странное, есть написать министру Шишкову, объяснить тебѣ ему свое положеніе и просить его о защитѣ, какъ министра и старѣйшину литтературы нашей и потому вдвойнѣ заступника твоего въ такомъ дѣлѣ. Я почти увѣренъ, что онъ, по крайней мѣрѣ изъ любочестія, уважитъ твою просьбу и поможетъ тебѣ. А права искать правому трудно; къ тому же у насъ, я думаю, и въ законахъ ничего не придумано на такой случай, и каждое начальство скажетъ: это не по моей части. Вотъ что совѣтую сдѣлать; впрочемъ я радъ съ своей стороны хлопотать, если мое предложеніе тебѣ не улыбнется. Твое «Море» [5]) прелестно! Я затвердилъ его наизусть тотъ часъ, а это по мнѣ великая примѣта. Вообще стихи потеряли для меня это очарованіе, это очаровательство невыразимое. Прежде стихи дѣйствовали на меня почти физически, щекотали чувства, les sens; теперь надобно имъ задѣть струны моего ума и сокровенныя струны души, чтобы отозваться во мнѣ. Ты играешь на мнѣ на старый ладъ. Спасибо, мой милый виртуозъ! Пожалуйста, почаще брянчи, чтобы я не вовсе разсохся. Твое любовное письмо Тани: я къ вамъ пишу, чего же болѣ? прелесть и мастерство. Не нахожу только истины въ слѣдующихъ стихахъ:

По говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,
А мы ничѣмъ здѣсь не блестимъ!

---

5) Оно тогда было напечатано въ Москвѣ, въ Мнемозинѣ, изданіи Кюхельбекера и князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Библиотека "Руниверс"

Нелюдиму-то и должно быть не скучно, что они въ глуши и ничѣмъ не блестятъ. Тутъ противумысліе.—Сдѣлай милость, пришли скорѣе своихъ Цыганъ и дай мнѣ ихъ напечатать особенно. Давай мнѣ все печатать. Ты женѣ совралъ, когда говорилъ, что я съ тобою барничалъ; я ни копѣйки отъ себя не бросилъ въ Бахчисарайскій Фонтанъ, клянусь честію, а напротивъ, кажется, жена не додала тебѣ нѣсколькихъ рублей [6]). Въ споръ съ Лже-Дмитріевымъ [7]) также не отъ тебя вступилъ, и во всемъ спорѣ о тебѣ и помина не было... Теперь буду умнѣе. Вообще въ Москвѣ печатать лучше, вѣрнѣе, дешевле. Петербургская литтература такъ огадилась, такъ исшельмовалась, что стыдно имѣть съ нею дѣло [8]). Журналисты другъ на друга доносятъ, хлопочутъ только о грошахъ и то ищутъ ихъ въ грязи и въ заходахъ. И тебѣ не худо хлопотать о грошахъ, или денежкахъ на черный день; но это дѣло другое! Собери всѣ свои элегіи и пришли мнѣ ихъ; можно ихъ отдѣльно напечатать. Потомъ три поэмы, тамъ отрывки изъ Онѣгина, а ужъ подъ конецъ полное собраніе. Вотъ тебѣ и славная оброчная деревня! А меня наряди своимъ бурмистромъ. Тебѣ времени теперь много: есть досугъ собрать, переписать. Да и я безъ дѣла и безъ охоты дѣлать; а твое занятіе будетъ для меня: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Сдѣлай милость для меня и для себя, займись моимъ предложеніемъ. Въ Москвѣ готовится новый журналъ: Полевой и Раичъ главные издатели. Они люди честные и благонамѣренные. Дай имъ что нибудь на зубокъ. Они подносятъ тебѣ билетъ на свой журналъ, который буду пересылать. Жена писала тебѣ изъ Одессы на имя Псковскаго губернатора. Скажи мое почтеніе Сергѣю Львовичу; не отвѣчалъ я ему на его письмо потому, что побоялся безпокоить въ горести по смерти Анны Львовны. Жена тебѣ очень кланяется и ожидаетъ твоего письма. Присылай стиховъ, всѣ стихи. Ради Бога стиховъ!

4.

Остафьево, 27-го Іюня (1825).

Я получилъ вторую часть Онѣгина и еще кое-какія бездѣлки. Онѣгинымъ я очень доволенъ, т. е. многимъ въ немъ; но въ этой главѣ менѣе блеска, чѣмъ въ первой и потому не желалъ бы видѣть ее напечатанною особнякомъ, а развѣ съ двумя, тремя, или по крайней мѣрѣ еще одною главою. Въ цѣломъ или въ связи со слѣдующимъ она сохранитъ въ цѣлости свое достоинство; но боюсь, что-

---

[6]) Супруга князя Вяземскаго, лѣтомъ 1824 года, привезла Пушкину въ Одессу нѣсколько тысячъ рублей, вырученныхъ за изданный въ Москвѣ подъ надзоромъ князя Вяземскаго Бахчисарайскій Фонтанъ.

[7]) Такъ называетъ князь Вяземскій извѣстнаго писателя М. А. Дмитріева, который былъ разныхъ мнѣній съ своимъ славнымъ дядею о литературѣ, что́ и заявлялъ въ Вѣстникѣ Европы. Князь Вяземскій возражалъ ему въ своемъ предисловіи къ Бахчисарайскому Фонтану. Гораздо позднѣе они познакомились ближе, и взаимное уваженіе было слѣдствіемъ этого знакомства.

[8]) П. А. Плетневъ, бывало, разсказывалъ, какъ онъ, Дельвигъ, Баратынскій и пріятели ихъ были оскорблены, узнавъ, что цензору дана денежная взятка за пропускъ чего-то въ Полярной Звѣздѣ.

Библиотека "Руниверс"

бы она не выдержала сравненія съ первою въ глазахъ свѣта, который не только равнаго, но лучшаго требуетъ. Говорятъ, что Цыгане твои прелесть; а я все ихъ не вижу, я, который имѣю столько правъ и на стихи твои, и на Цыганъ, потому что безъ ума отъ тѣхъ и отъ другихъ: я упивался твоими стихами и часто бывалъ у Цыганъ.... Что̀ скажетъ объ этомъ признаніи потомство, если письмо попадется ему въ руки и если оно будетъ такой же чопорный Бригадиръ, какъ и настоящее? Ce qui me dégoute de l'histoire, disoit madame Sevigné, c'est que ce que nous voyons aujourd'hui, sera un jour de l'histoire [9]). 12 числа отправляюсь въ Петербургъ, или лучше сказать въ Царское Село, проживу тамъ до 29-го, а послѣ отправлюсь въ Ревель купаться въ морѣ. Говорятъ, что и тебя готовятся въ прокъ посолить. Правда-ли, что у тебя аневризмъ въ ногѣ? Дай Богъ, чтобы не въ правой рукѣ. Охота тебѣ была печатать une réclamation [10]) на Телеграфа у п.... Булгарина! Телеграфъ очень огорчился, а виноватъ былъ во всемъ я. Мнѣ казалось осторожнѣе прибавить журнальнымъ, потому что у тебя пріятелей много и могли бы попасть не въ попадъ [11]). Надобно совершенно разорвать съ Петербургскими журналистами. Вотъ тебѣ письмо отъ Телеграфа. Давай ему стиховъ и скажи, чего хочешь; только не дорожись и не плутуй. Я буду вашимъ сводникомъ. Отдаю ему твоего Курилку [12]); только боюсь, чтобы цензура не уморила его. Я очень радъ твоимъ стихамъ Козлову, и какъ стихамъ, и какъ чувству. Если: «Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна!» попадется на глаза Василью Львовичу, то заготовь другую пѣсню, потому что онъ вѣрно не перенесетъ удара. Сказываютъ, у васъ умеръ еще добрый человѣкъ Петръ Львовичъ и оставилъ хорошее наслѣдство. Смотри, не перестань писать съ счастія: наслѣдства такъ и падаютъ вамъ на голову. А напротивъ, тебѣ надобно теперь еще прежняго быть умнѣе и одному поддерживать славу Пушкинскаго рода. Бѣдный и любезный нашъ Алексѣй Михайловичъ умеръ и снесъ въ могилу неистощимый запасъ шутокъ своихъ на Василья Львовича. Не видавши ихъ вмѣстѣ, ты точно можешь жалѣть объ утратѣ оригинальныхъ и высоко-комическихъ сценъ. Намъ ужъ такъ сладко не смѣяться! Были выходки классическія.— Что̀ скажешь ты о глупой войнѣ за и противъ Грибоѣдова? Наши умники такъ глупы, что моченьки нѣтъ....

Прощай, голубчикъ! Что же ты, голубчикъ, не весело поешь? [13]) Жена тебѣ дружески кланяется, а я тебя обнимаю и желаю здоровья, терпѣнія и благоразумія; хорошихъ стиховъ желать нечего, потому что они и сами напрашиваются. Каково тонко и сладко сказано?

---

[9]) Госпожа Севинье говорила: я чувствую отвращеніе къ исторіи, потому что то что̀ мы теперь видимъ, будетъ со временемъ принадлежать исторіи.

[10]) Возраженіе.

[11]) Относится къ эпиграммѣ Пушкина: „Враги мои, покамѣсть я ни слова“, которая въ рукописи была имъ озаглавлена просто: Пріятелямъ.

[12]) Какъ, живъ еще курилка-журналистъ!

[13]) Стихъ изъ народной пѣсни.

Библиотека "Руниверс"

5.

Ревель, 4 го Августа (1825).

На дняхъ получилъ я твое письмо отъ 15-го Іюля, а передъ тѣмъ еще. Я радъ, что ты ѣдешь въ Псковъ, во первыхъ для здоровья, а во вторыхъ и для будущаго. Только ты, сдѣлай милость, не ступи этого перваго шага лѣвшею, какъ Людовикъ XVIII-й, выходя изъ корабля въ Кале, такъ что говорили que c'était la première gaucherie de la Restaration [14]. Пусть будетъ этотъ первый шагъ правый, твердый и прочный. Ты довольно вилялъ, но какъ ни виляй,

Все придешь къ тому же горю,
Что̀ велитъ намъ умереть!

Право, образумься и вспомни собаку Хемницера, которую каждый разъ короче привязывали; есть еще и такая привязь, что̀ разомъ угомонитъ дыханіе. У султановъ она называется почетнымъ снуркомъ, а у насъ этотъ поясъ называется Уральскимъ хребтомъ [15]. Надѣюсь, а пуще желаю, чтобы Псковъ принесъ тебѣ пользу. Я Русскихъ журналовъ здѣсь не вижу и потому ни себя, ни тебя не читалъ въ Телеграфѣ. Вѣрно, и меня пощипала цензура. Я полагалъ, что буду здѣсь много заниматься и много творить: выходитъ, что ничѣмъ и ничего. И мой Бай или Бей-ронъ бай бай! За то самъ байронствую, сколько могу. Ныряю и прядаю. Здѣсь есть природа, а особливо для насъ плоскихъ Москвичей, есть будто море, будто солнце, суть будто скалы.

И тайною тоской, и тайной нѣгой полный,
Гляжу на облака, луга, скалы и волны!

Здѣсь есть и Льва Сергѣича сестра [16], милое, умное, доброе созданіе, съ которою видимся разъ десять въ день и говоримъ о племянникѣ Василья Львовича. У меня до сей поры твоихъ стиховъ только вторая часть Онѣгина, вторая часть Хвостова [17] и еще двѣ бездѣлки. О другихъ стихахъ слышу, но рука не иметъ. Недѣли черезъ двѣ буду въ Питерѣ и вырву ихъ самъ изъ когтей Львиныхъ [18]. Его величество, царь звѣрей и царь твоихъ стиховъ, читалъ мнѣ Цыганъ. Ты ничего жарче этого еще не сдѣлалъ, и можешь взять въ эпиграфъ для поэмы стихи Державина изъ Цыганской пѣсни:

Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

---

14) Первая неловкость Реставраціи.

15) Князь Вяземскій хорошо зналъ отъ Карамзиныхъ обстоятельства первоначальной ссылки Пушкина 1820 года: его предположено было послать въ Соловки. Карамзинъ и Каподистрія спасли его.

16) Пародія стиха Пушкинскаго на кончину тетушки Анны Львовны: „Василья Львовича сестра“.

17) Что это такое, намъ неизвѣстно.

18) Т. е. у Льва Сергѣевича Пушкина.

Библиотека "Руниверс"

Шутки въ сторону, это, кажется, полнѣйшее, совершеннѣйшее, оригинальнѣйшее твое твореніе. Твоего Шенье въ темницѣ не знаю, но благодарю уже за одно заглавіе. Предметъ прекрасный. Шенье въ своей школѣ единственный поэтъ Французскій: онъ показалъ, что есть музыка, т. е. разнообразіе тоновъ въ языкѣ Французскомъ. Спасибо и за трагедію, о которой мнѣ Жуковскій уже говорилъ: тутъ есть ночь знаменитая! Впередъ! Неужели Дельвигъ сердился на меня за молчаніе? Я хоронилъ [19]) и умиралъ: вотъ причины моей невѣжливости. Онѣ достаточны. Оправдай меня передъ нимъ, хотя и самъ я съ нимъ видѣлся и извинялся. Для Цвѣтовъ дамъ ему своей ромашки. Вотъ пожалуй чтò вылилось у меня здѣсь. Только надобно кое-что исправить. Замѣть и доставь мнѣ замѣчанія [20]).

Я доволенъ тутъ однимъ нравственнымъ примѣненіемъ, но стихи чтò-то холодны! Я совсѣмъ отвыкъ отъ стиховъ. Я говорю, какъ на иностранномъ языкѣ: можно угадать мысли и чувства, но нѣтъ для слушателей увлеченія краснорѣчія. Не такъ-ли? Признайся! Я въ стихахъ Франклинъ на Французскомъ языкѣ: сдается какое-то чужеязычіе.—Жены со мною нѣтъ. Она въ Остафьевѣ, гдѣ и я буду въ началѣ Сентября. Авось тамъ примусь баять о Байронѣ. Между тѣмъ все эта мысль гнѣздится у меня въ головѣ, и собираю всѣ возможные матеріалы. Прости. Пиши и лѣчись; вылѣчись, но не выпишись, развѣ выпишись изъ ссылки. Объ Одессѣ ничего не знаю, кромѣ того, что графъ Воронцовъ навезъ съ собою изъ Петербурга дождь милостей и что Яковъ Сабуровъ къ нему опредѣлился.

Здѣсь есть пріятельница сестры твоей, Дорохова, въ которую влюбись и которую воспой непремѣнно, когда познакомишься. Бѣлокурая Вакханка, полуденная нѣга на сѣверной почвѣ, виноградъ на снѣгу; чего-то нѣтъ, но многое что есть. Небрежность, голосъ пріятный, а постъ, то есть сказываетъ стихи, на Русскій ладъ нашихъ барышень. На примѣръ изъ твоей Молдавской пѣсни:

Однажды я сòзвалъ нежданыхъ [21]) гостей.

Это сочетаніе двухъ словъ самое нельзя прелести! Я сказывалъ ей, что увѣдомляю тебя о поправкѣ стиха. Сдѣлай одолженіе, душа, напечатай его такъ въ полныхъ своихъ стихотвореніяхъ.

6.

Я получилъ твое письмо, а Горчакова видѣлъ только мелькомъ. На дняхъ ѣду въ Костромскую деревню дней на 15-ть, а ты чтò сдѣлаешь съ жилой [22]) и жильемъ? Только не жилься, чтобы не лопнуть. Телеграфъ получилъ отъ тебя письмо, уполномочивающее его взять у меня твоихъ стиховъ мелкихъ. Я все боюсь, потому что ты превздорный на этотъ счетъ. Того и смотри, что разсердишься послѣ, моя капризная рожица! Не дашь-ли прочесть сво-

---

[19]) Князь Вяземскій схоронилъ передъ тѣмъ А. М. Пушкина.

[20]) Приложено стихотвореніе „Нарвскій водопадъ“.

[21]) Вмѣсто „веселыхъ“.

[22]) Пушкинъ получилъ тогда дозволеніе ѣздить въ Псковъ, чтобъ совѣтоваться съ врачами о своей болѣзни: расширеніи жилы на ногѣ.

Библиотека "Руниверс"

его Бориса? Брюхомъ хочется! Мухановъ анти-Сталевскій [23]), не Раевскаго, а Закревскаго адъютантъ, не большой рыжикъ, а маленькой рыжикъ. Твоя статья о Лемонтеѣ очень хороша по слогу зрѣлому, ясному и по многимъ мыслямъ блестящимъ. Но что̀ такое за представительство Крылова? Слѣдовательно и Орловскій представитель Русскаго народа. Какъ ни говори, а въ умѣ Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань изъ-за угла, трусость передъ господами, все это перемѣшано вмѣстѣ. Можетъ быть, и тутъ есть черты народныя, но по крайней мѣрѣ не намъ признаваться въ нихъ и не намъ ими хвастаться передъ иностранцами. Назови Державина, Потемкина представителями Русскаго народа, это дѣло другое, въ нихъ и золото и грязь наши par excellence; но представительство Крылова и въ самомъ литтературномъ отношеніи есть ошибка, а въ нравственномъ, государственномъ даже и преступленіе de lèze-nation, тобою совершенное.

Здѣсь Баратынскій на четыре мѣсяца. Я очень ему радъ. Ты, кажется, меня почитаешь какимъ-то противоположникомъ ему, и не знаю съ чего. Вполнѣ уважаю его дарованіе; только не соглашаюсь съ твоимъ смиреніемъ, когда ты мнѣ говоришь, что послѣ него не будешь писать элегій. Здѣсь есть Погодинъ, университетскій и по видимому хорошихъ правилъ: онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ на будущій годъ и проситъ у тебя Христа-ради. Дай ему что нибудь изъ Онѣгина, или что нибудь изъ мелочей. Прости, голубчикъ.

7.

(Москва, 10 Мая 1826).

Ты жалуешься на мое молчаніе: я на твое. Кто правъ? Кто виноватъ? Оба. Было время не до писемъ [24]). Потомъ мы опять имѣли несчастіе лишиться сына 3-хъ лѣтняго. Изъ пяти сыновей остается одинъ. Тутъ замолчишь по неволѣ. Теперь я былъ боленъ недѣли съ двѣ. Вотъ тебѣ бюджетъ моего времени незавидный. Скучно, грустно, душно, темно. Я радъ, что ты здоровъ и не былъ растревоженъ. Сиди смирно, пиши, пиши стихи и отдавай въ печать! Только не трать чернилъ и времени на рукописное. Я надѣюсь, что дѣло обойдется для тебя хорошо. Ты вѣроятно знаешь, что Карамзины отправляются въ чужіе краи за болѣзнію Ник. Мих., Жуковскій также. А Хвостовы и Булгарины здравствуютъ! Что̀ ты давно ничего не печатаешь? А Цыгане? А продолженіе Евгенія? Ты знаешь, что твой Евгеній захотѣлъ продолжиться и женится на сосѣдкѣ моей Енгельгартъ, дѣвушкѣ любезной, умной и доброй, но не элегіаческой по наружности. Я сердечно полюбилъ и уважилъ Баратынскаго. Чѣмъ болѣе растираешь его, тѣмъ онъ лучше и сильнѣе пахнетъ. Въ немъ кромѣ дарованія и основа плотная и прекрас-

---

[23]) Т. е. писавшій статью о сочиненіяхъ г-жи Сталь и не одобрившій ихъ.

[24]) Здѣсь разумѣется тревожное состояніе всего общества послѣ 14 Декабря, время сысковъ и задержаній.

Библиотека "Руниверс"

ная. Прощай, ma chair à beaux vers [25]). Какъ Василій Львовичь потѣетъ вѣковѣчно, такъ и отъ тебя идетъ испарина хорошихъ стиховъ. Тебѣ не нужно для того топить бани: ты вездѣ въ банѣ. Въ концѣ мѣсяца думаю съѣздить въ Петербургъ проститься съ Карамзиными.

10 Мая.

8.

12 Іюня (1826. Спб.).

Ты знаешь о печальной причинѣ пріѣзда моего въ Петербургъ. Хотя ты и шалунъ и грѣшилъ иногда епиграммами противъ Карамзина, чтобы сорвать улыбку съ нѣкоторыхъ сорванцовъ и подлецовъ, но безъ сомнѣнія ты оплакалъ его смерть сердцемъ и умомъ: ибо всякое доброе сердце, каждый Русскій умъ сдѣлали въ немъ потерю невозвратную, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія. Говорятъ, что святое мѣсто пусто не будетъ; но его было истинно святое и истинно на долго пустымъ останется. Завтра ѣдемъ съ Карамзиными въ Ревель. Не знаю, долго ли тамъ останусь съ ними, но буду тебѣ писать оттуда, а теперь писать нѣтъ ни времени, ни мысли, ни духа. На твоемъ мѣстѣ написалъ бы я письмо къ Государю искреннее, убѣдительное: сознался-бы въ шалостяхъ языка и пера съ указаніемъ однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоихъ словъ, ибо ты остался цѣлъ и невредимъ въ общую бурю; обѣщалъ-бы держать впредь языкъ и перо на привязи, посвящая все время свое на однѣ занятія, которыя могутъ быть признаваемы (а пуще всего сдержалъ бы свое слово) и просилъ бы дозволенія ѣхать лѣчиться въ Петерб., Москву или чужіе краи. Вотъ мой совѣтъ! [26]) Обнимаю тебя.

Приписка барона Дельвига.

Третьяго дня получилъ отъ Муханова это письмо и по первой почтѣ тебѣ посылаю его, милый Пушкинъ. Чтожъ ты не присылаешь Цыганъ? Мы бы издали ихъ. Плетневъ тебѣ кланяется. Онъ живетъ теперь на Кушелевой дачѣ, верстъ 7 отъ городу, и я довольно рѣдко съ нимъ видаюсь. Его здоровое очень плохо. Теперь, кажется, началъ поправляться, но до сихъ поръ мы думали и его проводить къ отцу Ломоносову. Баратынскій другимъ образомъ плохъ: женился и замолчалъ; вообрази, даже не увѣдомляетъ о своей свадьбѣ! Гнѣдичу лучше. Онъ тоже живетъ на дачѣ и тебѣ кланяется. Въ комнатахъ, въ которыхъ онъ живетъ, жилъ въ послѣднее время Батюшковъ. До сихъ поръ видна его рука на окошкахъ. Между прочимъ на одномъ имъ написано: «Есть жизнь и за могилой!» А на другомъ: ombra adorata! [27]) Гнѣдичъ въ восторгѣ меланхолическомъ по цѣлымъ часамъ смотритъ на эти строки. Вяземскій у меня былъ въ проѣздъ свой въ Ревель. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ увѣрилъ В. Л., что «Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна» написано мною и тѣмъ успокоилъ его родственную досаду. Мы очень смѣялись надъ этимъ. Отецъ твой ничего объ

---

[25]) Мое мясо съ прекрасными стихами.

[26]) Пушкинъ послѣдовалъ этому совѣту; но его письмо не подѣйствовало.

[27]) Обожаемая тѣнь.

Библиотека "Руниверс"

этомъ не говорилъ и не говоритъ. Тебѣ напрасно его оклеветали. Изъ Онѣгина я взялъ то, что̀ ты мнѣ позволилъ; только у меня и переписано было. Прочее у Вяземскаго. Что̀ ты не издаешь его! Ежели тебѣ понадобятся деньги гуртомъ, продай его мнѣ и второе изданіе твоихъ поэмъ. Только цензура пропуститъ ихъ, деньги ты получишь. Отъ «Эды» деньги скоро накопятся. Отдамъ ихъ Плетневу или кому велишь. Прощай, душа моя, будь здоровъ и вспоминай обо мнѣ. Весь твой Д.

ПИСЬМА ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ПУШКИНА ИЗЪ ССЫЛКИ.

9.

Какъ доѣхалъ? Что̀ няня? Что̀ любовь? Когда возвратишься? Пишешь-ли? Вдался ли въ запой стиховъ, или не можешь еще справиться съ Московскаго похмѣлья? Здѣсь все по старому; одинъ только Завальевскій не пишетъ и не поетъ, а растянувшись лежитъ больной. Кривцовъ, проѣздомъ въ свой новый пашалыкъ, живетъ съ нами, жалѣетъ, что тебя уже не засталъ и дружески обнимаетъ. А. Тургеневъ и Жуковскій просятъ изъ Дрездена посылать имъ съ каждою почтою по нѣскольку стиховъ изъ Годунова. Пишу имъ, что твой Борисъ не Французскій рагу, что̀ можно подавать въ разбивную, а добрая штука мяса Англійская, которую должно подать за столъ цѣликомъ.

Прощай, батюшка. Не заживайся, а пріѣзжай, или въ Питеръ, или въ бѣлокаменную.

19 Ноября (1826).

10.

26 Іюня (1828 г.)

Гдѣ ты, прекрасный мой, гдѣ обитаешь?
Тамъ-ли, гдѣ пѣсни поетъ князь Голицынъ,
Ночи пѣвецъ и картежникъ?

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ ты, какъ ты, что̀ ты? Съ самаго отъѣзда изъ Петербурга не имѣю о тебѣ понятія; слышу только отъ Карамзиныхъ жалобы на тебя, что ты пропалъ для нихъ безъ вѣсти; а несется одинъ гулъ, что ты играешь не на животъ, а на смерть. Правда-ли? Ахъ, голубчикъ, какъ тебѣ не совѣстно! Ради Бога облегчи меня: вотъ уже второй день что̀ меня пучитъ и мучитъ стихъ:

Быть можетъ, нѣкогда восплачешь обо мнѣ,

который ты же мнѣ натвердилъ. Откуда онъ? Чей онъ? Перерылъ я всего Батюшкова, Озерова, тебя и нигдѣ не нахожу; а тутъ есть что-то Озеровское, Батюшковское. Помнится мнѣ, что это переводъ стиха Французскаго, который кончается такъ:

l'amant qu'elle a perdu.

Библиотека "Руниверс"

Да и подлинника сыскать не могу, ни припомнить. Ради Бога, сжалься и наведи меня на слѣдъ.... Здѣсь тебѣ поклоняются и тебя обожаютъ. Шутки въ сторону, пріѣзжай. Что̀ тебѣ сто̀итъ прокататься? А лучше всего пріѣзжай въ концѣ Августа въ Нижній на ярмарку и ярмонку (какъ лучше?), и возвратимся вмѣстѣ въ Пензу. Что̀ тебѣ сиднемъ приrости къ гранитамъ Петербургскимъ?... Я всю зиму проведу въ здѣшнемъ краю. Я говорю, что я остепенился, потому что зарылся въ степь. Я говорю que je suis dans la Saratovie petrée (отъ Петра Александровича Кологривова), que je me suis empétré, по тому же словопроизводству [28]). Здѣсь есть милая бабочка Всеволожская, Пелагея Николаевна, и одинъ Вигель, который влюбленъ въ нее. Его въ Пензѣ прозвали: Мосье Финмушъ отъ твоихъ стиховъ:

У Пелагеи Николаевны
Все тотъ же другъ мосье Финмушъ.

Въ провинціяхъ прелесть. Здѣсь только, какъ въ древности или въ Китаѣ, поэтъ сохраняетъ свои первобытныя права и играетъ свою роль не хуже капитана-исправника или дворянскаго засѣдателя. Въ столицахъ мы считаемся по арміи въ человѣческомъ родѣ. Вотъ портретъ Всеволожской, на дняхъ написанный:

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурныхъ глазъ,
И своенравная уловка,
И блажь затѣйливыхъ проказъ
*
Все въ ней такъ молодо, такъ живо,
Такъ не похоже на другихъ,
Такъ поэтически-игриво,
Какъ Пушкина веселый стихъ ..

Сдѣлай милость, на эту тему напиши мнѣ что нибудь и на листочкѣ формата письма моего: я обѣщалъ ей дать твоего письма въ альбумъ; да пришли еще что нибудь своего неизданнаго для того же альбума. Только прошу, не убивать меня въ своемъ отвѣтѣ: тебѣ прибыли издали никакой не будетъ, а меня только погубишь.

11.

(Въ Петербургъ).

Остафьево, 18 Сентября 1828.

Вотъ тебѣ посланіе отъ одной Костромитянки. Эта Готовцова точно милая дѣвица тѣломъ и душою. Сдѣлай милость, батюшка Александръ Сергѣевичъ, потрудись скомпоновать мадригалецъ въ отвѣтъ. Нельзя-ли напечатать эти стихи въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ? Надобно побаловать женскій полъ. Вотъ и мои къ ней стихи.

---

[28]) Князь Вяземскій жилъ тогда въ селѣ Мещерскомъ, въ имѣніи вотчима своей супруги П. А. Кологривова.

Библиотека "Руниверс"

А приписка— Бартенева, умнаго, образованнаго и великаго чудака, настоящаго Квакера! [29]) Чтò ты дѣлаешь, моя радость? Въ Костромѣ узналъ я, что ты проигрываешь деньги Каратыгину. Дѣло не хорошее. Онъ же пріятель Сибирякову. По скверной погодѣ, я надѣялся, что ты уже бросилъ карты и принялся за стихи. Я разъѣзжаю по губерніямъ и плѣняю дворянство своимъ извѣстнымъ талантомъ, какъ столичные артисты, которые спадутъ съ голоса и выѣзжаютъ на провинціи. Знаешь ли, что ремесло не худое. Самолюбіе, какъ пьяница: сперва пои его хорошимъ виномъ, Моэтомъ, а тамъ, какъ хмель позаберетъ, подавай и полушампанское и Цымлянское; на старые дрожжи все покажется хорошо. Пьянство одно, назюзься Варною или Костромою; дѣло въ головѣ, а не въ бутылкѣ, изъ которой пилъ. Спроси у Junior: менѣе ли онъ сла́дко блаженствовалъ на пароходѣ отъ водки и пива, чѣмъ за роскошнымъ столомъ, гдѣ по выраженію Ломоносова (также Junior), за урядъ стоитъ Лафитъ 12-ти рублевый? Былъ-ли ты наконецъ у Карамзиныхъ? У нихъ золотой анекдотъ про золотой мундиръ Сонцова. Я отдалъ его Софіи, чтобы заманить тебя этимъ золотомъ. Василья Львовича я еще не видалъ и потому ничего не могу сказать тебѣ о твоемъ новомъ двоюродномъ братѣ, «Капитанѣ Храбровѣ». Надобно теперь тебѣ и этого двоюроднаго братца оффиціально признать, какъ и Буянова. Чтò дѣлаетъ Авраамово лоно? Бываешь ли на немъ хотя во снѣ? Я пробуду въ Москвѣ дней 15-ть, а тамъ возвращусь въ свои степи довершать побѣды и раздавать стихотворческіе знаки отличія заслуженнымъ красавицамъ. На дняхъ доставлю я тебѣ эти знаки; выбери изъ нихъ, чтò вздумаешь и отдай въ Цвѣты.

12.

25 Сентября (1828, Москва).

Сейчасъ получилъ я твое письмо отъ 1 Сентября; спасибо за успокоеніе поэтическаго недоумѣнія моего. Дельвигъ здѣсь: мы были съ нимъ у дяди, который, по добротѣ сердца своего и дружбѣ къ намъ, читалъ кое-что изъ «Капитана Храброва», съ которымъ познакомишься и породнишься въ Цвѣтахъ. Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ по поводу Гавріила; но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ...

Ты говоришь, что ты безпріютенъ: развѣ уже тебя не пускаютъ въ Пріютино? Мы на дняхъ занимались текущею словесностію у Полевова съ Дельвигомъ и Баратынскимъ. Тутъ былъ цензоръ Глинка, который уморителенъ и стòитъ Снигирева; отказывается отъ Минина, Пожарскаго и Гермогена и говоритъ: «Чертъ знаетъ за что наклепали на меня какую-то любовь къ отечеству? Чертъ бы ее взялъ!» и тому подобное. Онъ насъ смѣшилъ чрезвычайно, и я жалѣлъ, что тебя нѣтъ съ нами. Ты что-ли накормилъ Воейкова бѣшеною травою? Онъ точно съ цѣпи сорвался. Il a atteint le sublime de l'impertinence.

---

[29]) Говорится про тогдашняго директора Костромской гимназіи Ю. Н. Бартенева.

Библиотека "Руниверс"

Какіе твои стихи, гдѣ ты сравниваешь мѣдную Грацію (а не мѣдную Венеру) съ беззаконною кометою? Покажи ихъ. Я изъ нихъ знаю, и то ошибочно, только четыре стиха.

13.

Въ концѣ Января думаю быть у васъ. Что̀ нашъ Современникъ пойдетъ-ли со временемъ? У насъ здѣсь N** глупѣйшій изъ современниковъ, съ которымъ ничего писать нельзя. Онъ поступаетъ съ нами, какъ поступилъ съ Филоктетомъ Лагарпа, то-есть бьетъ лежачихъ. Ты счастливъ: твой цензоръ даетъ тебѣ дышать и рѣжетъ только Аббазъ-Мирзу въ горахъ и жжетъ Ибрагима на морѣ. Мнѣ хочется иногда просить тебя подпустить въ свой жемчугъ мои буски для свободнаго пропуска. Я вчера обѣдалъ у дяди твоего; онъ умиленнымъ и потѣющимъ взоромъ указывалъ намъ на Маргариточку свою, играющую на фортепіано. Кстати! Часто ли обѣдаешь дома, то-есть въ нѣдрахъ Авраама? Сдѣлай милость, обѣдай чаще. Сергѣй Львовичъ вѣрно въ брата хлѣбосолъ и любитъ кормить. Родительскою хлѣбъ-солью надобно дорожить. Извини мнѣ, что даю тебѣ совѣтъ; но ты знаешь, какъ я люблю тебя.

14.

(Въ началѣ 1829 года. Мещерское).

Спасибо за письмо, которое меня нашло уже здѣсь больнаго, или по крайней мѣрѣ нездороваго. Теперь ты уже долженъ знать отъ Жуковскаго о томъ, что̀ я сдѣлалъ. Что̀ изъ этого выдетъ? Увидимъ. Можетъ быть и ничего: и то въ порядкѣ [30]). Что̀ мнѣ за дѣло, когда запрещаютъ мнѣ издавать газету, о которой мнѣ и во снѣ не снилось. Все равно какъ бы вдругъ запретили мнѣ въѣздъ въ Пекинъ. Но если, по поводу Пекина, или газеты, при сей вѣрной оказіи наговорятъ мнѣ тьму оскорбительныхъ ругательствъ, то дѣло другое. Тутъ уже вступаешься не за запрещеніе, а за слѣдствія. Каковъ Раичъ? Булгаринъ изъ плутовства хвалитъ меня, а тотъ изъ глупости меня ругаетъ. Хорошо напечаталъ онъ и твои стихи къ Ушаковой! Мы замѣтили съ Баратынскимъ и съ Дмитріевымъ, что Башиловъ иначе рѣчи не начинаетъ какъ: «а Полевой, а Шаликовъ, а Невскій Альманахъ». Ce sont des idées fixes en lui. Какова твоя Татьяна пьяная въ Невскомъ Альманахѣ! Если видаешь Аладьина (хотя на блинной недѣлѣ), скажи ему, чтобы онъ мнѣ прислалъ Невскій Альманахъ въ Пензу: мнѣ хочется вводить имъ въ краску нашихъ Пензенскихъ барышень. Въ Москвѣ твоя Татьяна всѣхъ пугала. Да скажи также Плетневу, чтобы онъ прислалъ мнѣ послѣднее изданіе Озерова. Имѣю же я право на экземпляръ, когда меня печатаютъ. Прости, я слабъ и глупъ, какъ Галатея; потѣю, какъ Раичъ. Дай собраться съ силами.

Пиши сюда, не давай нищимъ, не давай стиховъ альманашникамъ, а пиши къ намъ бѣднымъ заключеннымъ. Скажи и Сергѣю Голицы-

[30]) Говорится о намѣреніи князя Вяземскаго вновь поступить на службу, которое исполнилось въ слѣдующемъ году

Библиотека "Руниверс"

ну, чтобы онъ написалъ мнѣ. Что̀ дѣлаетъ Киселевъ юнѣйшій? Мой сердечный поклонъ Дельвигу. Правда ли, что онъ издастъ къ краснымъ яицамъ Подснѣжникъ? Если нѣтъ, то пускай возвратитъ онъ мнѣ стихи оставшіеся мои. Мы хотѣли также съ Баратынскимъ издать къ Маю нѣчто альманашное, періодическое. Вѣдь и ты пойдешь съ нами?

15.

(Изъ Москвы въ Петербургъ)

2 Февраля 1830.

Сдѣлай милость, откажись отъ постыднаго членства Общества Люб. Русской Слов. Мнѣ и то было досадно, что тебя и Баратынскаго выбрали вмѣстѣ съ Верстовскимъ, а вчерашнія Московскія Вѣдомости довершили мою досаду. Тутъ увидишь: Предложеніе объ избраніи въ члены Общества корифеевъ словесности нашей, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынскаго, Ѳ. В. Булгарина и отечественнаго композитора музыки А. Н. Верстовскаго.

NB. Это написано не Шаликовымъ, потому что въ этой статьѣ хвалятъ исторію Полевова. Воля твоя, не надобно спускать такія наглыя дурачества. Мы худо дѣлаемъ, что пренебрегаемъ званіемъ литтераторскимъ. Это званіе не то, что̀ христіанина. Тутъ нечего давать свои щеки на пощечины. Мы не поѣдемъ къ вельможѣ, который станетъ насъ принимать наравнѣ съ канальями, съ Б...... .ми и другими нечистотами общественнаго тѣла. Развѣ здѣсь не то же? Гордиться пріемами нашихъ вельможъ и нашихъ литтературныхъ обществъ смѣшно и невозможно человѣку съ здравымъ смысломъ; но не спускать ни тѣмъ, ни другимъ, когда они поступаютъ съ вами невѣжливо, должно, неотмѣнно должно. Сатурналіи нашей литтературы дошли до того, что нельзя, по крайней мѣрѣ отрицательно, если не дѣйствительно, не протестовать противъ этихъ изступленій безчинства. Читалъ ли ты предисловіе Полевова къ Исторіи? «Когда же думалъ историкъ?» говоритъ онъ о Карамзинѣ. И въ чемъ же находитъ онъ свидѣтельство недуманія? Въ томъ, что первыя четыре главы XII тома были уже переписаны, а 5 глава еще не дописана. Во-первыхъ, вся жизнь Карамзина была обдуманіемъ Исторіи его: онъ не выкидывалъ какъ Полевой, онъ рожалъ послѣ беременности здоровой, исполнившей законный срокъ свой; во-вторыхъ, если переписка на чисто отрывковъ отдѣльныхъ до написанія тома цѣлаго и есть свидѣтельство чего-то такого, котораго не понимаю, то и тутъ есть другое объясненіе: Карамзинъ давалъ обыкновенно Государю, цензору своему, тетради на дорогу, потому что въ дорогѣ онъ имѣлъ болѣе свободнаго времени, и эти четыре главы были переписаны къ отъѣзду въ Таганрогъ. Сдѣлай милость, сообщи эти замѣчанія въ редакцію Литтературной Газеты и просматривай то, что̀ въ ней будутъ говорить про Полевова. Я никакъ не могу рѣшиться писать противъ него: огрязненный своею журнальною полемикою и лобызаніемъ съ Булгаринымъ, онъ сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лался неприкосновеннымъ. Другіе плюютъ на блюдо, чтобы оно никому не досталось, а онъ себя оплевалъ поступками и словами, да и вышелъ съ Исторіею своею, говоря: ну-ка суньтесь! Впрочемъ намъ позволено быть брезгливыми; за то должно другихъ за себя ставить, которые не боялись бы ослюниться. Вотъ однако же и моя маленькая дань:

Есть Карамзинъ, есть Полевой,
Въ семьѣ не безъ урода;
Вотъ вамъ въ строкѣ одной
Исторья Русскаго народа.

А что за картина была въ картинахъ [31]) Гончарова!

16.

Спб. 26-го Апрѣля (1830).

Я сей часъ съ обѣда Сергѣя Львовича, и твои письма, которыя я тамъ прочелъ, убѣдили меня, что жена меня не мистифируетъ и что ты точно женихъ. Гряди, женихъ, въ мои объятья! А болѣе всего убѣдила меня въ истинѣ женитьбы твоей вторая экстренная бутылка Шампанскаго, которую отецъ твой розлилъ намъ при полученіи твоего послѣдняго письма. Я тутъ ясно увидѣлъ, что дѣло не на шутку. Я могъ не вѣрить письмамъ твоимъ, слезамъ его, но не могъ не повѣрить его Шампанскому. Поздравляю тебя отъ всей души! Дай Богъ тебѣ счастья, и засіяй отнынѣ въ жизни твоей новая эра! Я слышалъ, что ты будто писалъ къ Государю о женитьбѣ. Правда-ли? Мнѣ кажется, что тебѣ, въ твоемъ положеніи и въ твоихъ отношеніяхъ съ Царемъ, необходимо просить у него позволенія жениться. Жуковскій думаетъ, что хорошо-бы тебѣ воспользоваться этимъ обстоятельстомъ, чтобы просить о разрѣшеніи печатать Бориса, представивъ, что ты не богатъ, невѣста не богата, а напечатаніе трагедіи обезпечитъ на нѣсколько времени твое благосостояніе... Я также со вчерашняго дня женился на Канкринѣ. Твоя невѣста красивѣе. Гдѣ ты будешь жить? Я вѣроятно, по крайней мѣрѣ на годъ, останусь въ Петербургѣ. Что̀ впередъ будетъ, Богъ вѣсть. Надобно бы намъ затѣять что нибудь литтературное въ прокъ. Тебѣ съ женою, мнѣ безъ жены, а съ Канкринымъ въ Петербургѣ предстоятъ новыя издержки. Должно ихъ прикрыть. На Литтературную Газету надежды мало. Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только sur sa bête de somme ou de Somoff. Въ Маѣ пріѣду на нѣсколько времени въ Москву: тогда переговоримъ. Когда твоя свадьба? Скажи, я постараюсь къ ней пріѣхать. Прости, обнимаю тебя отъ всего сердца. Прошу рекомендовать меня невѣстѣ, какъ бывшаго поклонника ея на балахъ, а нынѣ преданнаго ей дружескою преданностью моею къ тебѣ. Я помню, что, говоря съ старшею сестрою, сравнивалъ я Алябьеву avec une classique; а невѣсту твою avec une beauté romantique. Тебѣ, первому нашему романтическому поэту, и слѣдовало жениться на первой романтичеекой красавицѣ нынѣшняго поколѣнія. Признаюсь, хотѣлъ бы хоть въ щелочку посмотрѣть на тебя въ качествѣ жениха.

[31]) Т. е. въ живыхъ картинахъ.

Библиотека "Руниверс"

17.

(Изъ Остафьева въ Москву).

Я третьяго дня и позабылъ попросить тебя побывать у князя Юсунова и отъ меня поразвѣдать его о Ф. Визинѣ. Вижу по письмамъ, что они были знакомы. Не вспомнитъ-ли князь какихъ нибудь анекдотовъ о немъ, острыхъ словъ его? Нѣтъ ли писемъ его? Поразвѣдай его также о Зиновьевѣ, бывшемъ министрѣ нашемъ въ Мадритѣ и Мусинѣ-Пушкинѣ, нашемъ послѣ въ Лондонѣ: они были общіе пріятели Ф. Визину. Узнай, кто говорилъ: chez nous mieux. Скажи князю, что я самъ не адресуюсь къ нему, чтобы не обезпокоить письмомъ: на словахъ легче переспросить и отвѣчать. Пожалуйста съѣзди и пришли мнѣ протоколъ твоего слѣдственнаго засѣданія.

19-го Дек. 1830.

Нѣтъ-ли у князя на памяти чего нибудь о Стакельбергѣ, бывшемъ въ Варшавѣ, о Марковѣ? Все это изъ Ф. Визинской шайки.

18.

(Изъ Остафьева въ Москву).

Хорошо, дай Пушкина Дельвигу, и скажи Максимовичу, что пришлю къ нему нѣсколько выдержекъ изъ записной книжки. Я уже писалъ ему, что у тебя есть малая-толика прозы моей для него. Отолгись, какъ умѣешь. Постарайся пріѣхать завтра. Что̀ ты выдаешь себя за такого нѣжнаго любовника и вѣрноподданнаго жениха? Что это за новое дополненіе къ цензурѣ, что всѣ статьи въ журналахъ должны быть за подписью автора или переводчика? Ужъ и это не штука-ли Булгарина противъ Литтературной Газеты, чтобы заставить насъ демаскироваться? Иначе растолковать не умѣю. Булгарину съ братьею огласки бояться нечего; а между тѣмъ надѣются они, что намъ иногда стыдно будетъ безъ маски пройти между ими. Что нибудь, а придумать надобно, чтобы вырвать литтературу нашу изъ рукъ Булгарина и Полевова. Что̀ за разборъ Дельвига твоему Борису? Начинаетъ послѣднимъ монологомъ его. Нужно будетъ намъ съ тобою и Баратынскимъ написать инструкцію Дельвигу, если онъ хочетъ, чтобы мы участвовали въ его газетѣ. Смѣшное дѣло, что онъ не подписывается ни на одинъ иностранный журналъ и кормится сказками Бульи и Петерб. Польскою газетою. При томъ нужно обязать его, чтобы по крайней мѣрѣ черезъ № была его статья дѣльная и проч. и проч., а безъ того нѣтъ возможности помогать ему. Прости, пріѣзжай-ка завтра!

19.

(Истыкано было въ карантинѣ; писано въ Царское Село).

Москва, 17 Іюня (1831).

Ты жалуешься на молчаніе мое, а я писалъ тебѣ недавно. Я очень радъ, что Жуковскій опять сбѣсился, но не радъ тому, что онъ остается въ Петербургѣ. Онъ, говорятъ, очень боленъ. Убѣди его куда нибудь

Библиотека "Руниверс"

съѣздить, хоть въ Москву къ искуственнымъ водамъ. Высылайте скорѣе и Тургенева. Боюсь, онъ выдохнется въ Петербургѣ и уже не ошибетъ меня своимъ Европейскимъ запахомъ. А здѣсь никого изъ порядочныхъ людей не вижу. Баратынскій въ деревнѣ; не знаю гдѣ и что Языковъ. Карамзины съ женою моею въ Остафьевѣ; ѣзжу къ нимъ по Субботамъ отдыхать отъ бремени государственныхъ дѣлъ. Прошу теперь читать меня въ Коммерческой Газетѣ. Отъищи мой взглядъ на выставку. Читалъ-ли ты о Борисѣ Годуновѣ разговоръ, напечатанный въ Молвѣ? Прочти, моя радость. Университетъ не позволилъ Погодину прочесть на актѣ похвальное слово Мерзлякову. Каченовскій сказалъ, что это не стоитъ вниманія. Пусти же въ свѣтъ моего Адольфа [32]). Когда будешь въ Питерѣ, передай мой сердечный поклонъ Элизѣ и Долѣ [33]). Я съ удовольствіемъ узналъ тебя въ Делормѣ. Цалую тебя и милую.

20.

Остафьево, 14 Іюля 1831.

Ты такъ сталъ аккуратенъ въ перепискѣ своей, что по неволѣ подозрѣваю тебя въ боязни холеры: ты не хочешь умереть съ долгами на совѣсти. Вотъ и холера къ чему нибудь пригодится. Пожалуй, давай готовить альманахъ: дорожная котомка нашего маленькаго Гримма пилигрима [34]) у меня въ рукахъ. Пили Гримма, да и полно! Страницъ двадцать или тридцать напилимъ славныхъ. Я изготовлю литтературный отчетъ о примѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ нашего книжнаго урожая и, такъ и быть, по поводу сему прочту и Рославлева, котораго еще не читалъ и потому не бранилъ и не браню. Между тѣмъ ты собирай стихи свои и другихъ. Напишемъ къ Баратынскому, который удралъ въ Казань съ Энгельгардтовскимъ семействомъ. Дай повѣсть, одну изъ повѣстей своихъ, закажи другаго Бетговена Одоевскому, поставимъ на ноги Кирѣевскаго, запоемъ Иже Херувимы предъ Кликушею-Жуковскимъ, и что нибудь изъ него выломаемъ. Войдешь-ли въ переговоры съ Сомовымъ и будешь ли требовать его интервенціи или нонъ-интервенціи? Только не откладывай дѣла въ длинный ящикъ и приступимъ къ работѣ. Составимъ и некрологическій списокъ за нынѣшній годъ. Матушка холера поможетъ, и сохрани насъ Боже попасть самимъ въ этотъ списокъ. Между тѣмъ ты и Баратынскій заготовьте статью о Дельвигѣ. Разговоръ о Годуновѣ, сказываютъ, Филимонова: онъ Филимонами и пахнетъ.

Мой другъ! не хочешь-ли лимоновъ?
Тьфу, что за гадость Филимоновъ!

---

[32]) Адольфъ, романъ Бенжамена Констана, переведенный княземъ Вяземскимъ. Нынѣ рѣдкая книга.

[33]) Елизаветѣ Михайловнѣ Хитровой и ея дочери, Дарьѣ Ѳедоровнѣ Опочининой.

[34]) Т. е. А. И. Тургенева.

Библиотека "Руниверс"

Мой Фонъ-Визинъ еще не въ Ценсурѣ. На досугѣ хочу его пересмотрѣть и исправить. Богъ знаетъ, когда я къ вамъ. Пока есть и дѣло въ Москвѣ, да и въ Петербургѣ дѣло безъ меня обойдется. Прости, моя душа; продолжай бояться холеры, то есть писать ко мнѣ. Жена моя и всѣ наши, въ томъ числѣ и Мещерскіе, тебѣ и женѣ твоей сердечно кланяются. Какъ ты ни милъ и ни уменъ, а все женѣ твоей, я думаю, скучно, то есть грустно въ Царскомъ Селѣ.—Тургеневъ не спѣшитъ также къ холерѣ. Дмитріевъ былъ совсѣмъ на мази къ вамъ ѣхать, и дормезъ только что не заложенъ и уложенъ, но за холерою остался. Здѣсь кто-то былъ призванъ въ судъ за оскорбительныя слова на счетъ холеры. Это не шутка, а фактъ. Чадаевъ выѣзжаетъ: мнѣ все кажется, что онъ немного тронулся. Мы стараемся приголубить его и ухаживаемъ за нимъ.

21.

Остафьево, 31 Августа (1831).

Изъ «Гирлянды» узналъ я, что Адольфъ мой вышелъ. Родительскому сердцу не терпится обнять его. Напиши Плетневу, чтобы онъ выслалъ на мое имя, или книгопродавца Салаева экземпляровъ сто или по крайней мѣрѣ поскорѣе одинъ мнѣ на показъ. Тебя въ Москвѣ, слава Богу, уморили. Это добрый знакъ и многія лѣта!

22.

11 Сентября, Москва (1831).

.... На Сѣверные Цвѣты я совершенно согласенъ и соберу все, что̀ могу по альбумамъ. Какимъ же быть модамъ, когда ты помышляешь о четырехмѣсячномъ или третейскомъ журналѣ? Куда же поспѣютъ наши моды, развѣ въ Камчатку? А о мѣсячномъ журналѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни. Вчера у новорожденнаго Дмитріева читали мы Косичкина и очень смѣялись. Я ничего не зналъ о немъ, потому что живу въ деревнѣ и не велѣлъ присылать себѣ никакого вздора, слѣдовательно и Телескопъ. Дмитріеву минуло вчера 71. Славная старость! Онъ тебя очень любитъ и очень тебѣ кланяется. Вчера утромъ приходитъ къ нему шинельный поэтъ и, вынимая изъ-за пазухи тетрадь, поздравляетъ его. Дмитріевъ, занятый мыслью о днѣ своего рожденія, спрашиваетъ его: а почему вы узнали? Шинельный поэтъ заминается и, наконецъ, говоритъ: признаться, вчера въ газетахъ прочелъ. Дѣло въ томъ, что онъ поздравлялъ съ Варшавою и приносилъ оду Паскевичу.

Надписывая адресъ на письмѣ къ тебѣ, мнѣ всегда хочется сказать:

Спросить въ Лицеѣ, въ Пантеонѣ [35]).

---

35) Стихъ Дмитріева про Василья Львовича Пушкина: „Я былъ въ Лицеѣ въ Пантеонѣ“.

Библиотека "Руниверс"

Клейменая бумага.

Въ 1624 году Голландцы, находясь въ большомъ денежномъ разстройствѣ, открыли новый источникъ доходовъ, а именно: введеніе гербовой бумаги. Нововведеніе это нашло мѣсто и въ другихъ Европейскихъ государствахъ. Въ 1699 г. Петръ I-й повелѣлъ имѣть при всѣхъ приказахъ гербовую бумагу; цѣна листу простиралась отъ одной до пятидесяти копѣекъ [1]). Продавалась эта бумага на Ивановской площади. Здѣсь находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой площади. Она занимала пространство между Ивановской колокольнею, отъ которой и получила свое названіе, и бывшимъ соборомъ св. Николая Гостунскаго противъ нынѣшняго Малаго дворца. На этой площади объявлялись царскіе указы во всеуслышаніе громкимъ голосомъ дьяковъ, отъ чего, безъ сомнѣнія, и произошла поговорка: кричать во всю Ивановскую, т. е. площадь. Здѣсь совершались разные акты, площадные подъячіе писали для желающихъ челобитныя; поэтому тутъ и продавалась, какъ мы выше замѣтили, гербовая бумага. При продажѣ находилось постоянно одно лицо, въ родѣ нынѣшняго присяжнаго унтеръ-офицера. Въ архивныхъ документахъ мы нашли челобитную одного изъ продавцевъ клейменой или гербовой бумаги. Проводимъ ее слово въ слово.

«Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой Васька Ульяновъ. По твоему великаго государя указу изъ Оружейныя Палаты продается на Ивановской площади твоя, великаго государя, гербовая бумага, и у той, государь, гербовой бумаги на Ивановской площади я холопъ твой днюю и ночую по вся дни Декабря съ 1 числа 207 (1699) году по нынѣшній 1700 годъ Іюня по 4 число. И на Декабрь, Государь, мѣсяцъ мнѣ холопу твоему твоего великаго Государя жалованья выдано рубль, а Генваря съ 1 числа по нынѣшній Іюнь мѣсяцъ по 4 число не выдано. А я холопъ твой человѣченко скудной и бѣдной, и прокормиться кромѣ твоего великаго Государя жалованья нечѣмъ. Милосердый великій Государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй меня холопа своего для своего государскаго многолѣтняго здравія: вели, государь, мнѣ свое великаго государя жалованье, заслуженное на вышеписанные мѣсяцы выдать, чѣмъ тебѣ великому Государю обо мнѣ бѣдномъ Господь Богъ возвѣститъ, великій Государь, смилуйся» [2]).

Вслѣдствіе этой челобитной потребована была справка, и оказалось, что въ 207 (1699) году велѣно клейменую бумагу продавать цѣловальникамъ на Ивановской площади, а для береженія и былъ въ сторожахъ помянутый Васька

[1]) Энциклопедич. лексиконъ А. Плюшара. Томъ XIV, стр. 115.
[2]) Архивъ Оруж. Палаты, столбецъ 319, годъ 1700-й.

Библиотека "Руниверс"

Ульяновъ въ найму у подъячихъ Ивановской площади, которые писали всякія крѣпости, но съ 9 Декабря 208 (1700) года не велѣно подъячимъ быть на Ивановской площади и крѣпостей никакихъ не писать, а Васькѣ Ульянову приказано для продажи клейменой бумаги остаться въ сторожахъ на Ивановской площади. Затѣмъ велѣно изъ доходовъ бумажной продажи выдать ему за истекшіе 5 мѣсяцевъ жалованье 5 рублей.

Не знаемъ, хорошо ли торговалъ горемышный Васька Ульяновъ; но, должно быть, торговля была не блестящая, когда не выдавалось ему такое ничтожное жалованье, и уже по просьбѣ его, въ видѣ милости царской, велѣно удовлетворить его пятью рублями за истекшіе пять мѣсяцовъ: содержаніе и по тому времени крайне скудное [3]).

Но вотъ 19 Іюня 1701 года пламя пожара охватываетъ столицу; городъ, Кремль и дворецъ выгорѣли, горитъ и клейменая бумага въ Печатной Палатѣ; но стоящіе при ней на сторожѣ Герасимъ Семеновъ и Гаврила Фроловъ «съ самымъ великимъ трудомъ, бывши при самой смерти», тушатъ огонь и сами едва отъ смерти спасаются. Подвигъ этотъ повергается на воззрѣніе великаго государя, и царь приказываетъ выдать Семенову и Фролову изъ неокладныхъ доходовъ Оружейной Палаты по три рубли человѣку [4]).

Мы видѣли, что въ 1699 г. цѣнность гербоваго листа была отъ 1 до 50 копѣекъ, въ настоящее же время гербовый листъ начинается отъ 60 коп. и доходитъ до 825 рублей. Не знаемъ, какъ велика была продажа гербовой бумаги на Ивановской площади; но извѣстно, что теперь въ Московскомъ Казначействѣ продается гербовой бумаги и марокъ, ее замѣняющихъ, ежегодно на сумму около двухъ милліоновъ рублей.

Алексѣй Мартыновъ.

....

---

[3]) Впрочемъ и теперь присяжный унтеръ-офицеръ получаетъ при готовой квартирѣ въ годъ только 120 рубл. жалованья и продаетъ ежедневно почти на пять тысячь рублей разныхъ гербовыхъ бумагъ и марокъ.

[4]) Архивъ Оруж. Палаты, столбецъ № 464, годъ 1701.

Библиотека "Руниверс"

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1879 Г.

(Тетради 5, 6, 7 и 8).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

*

Библиотека "Руниверс"

*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1879 ГОДА.

(Тетради 5, 6, 7 и 8).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Тамъ же продается

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Цѣна первыхъ двухъ томовъ по 2 р., остальныхъ по 3 р.; пересылка каждаго тома 40 копѣекъ.

Томъ I. Рескрипты и письма им. Екатерины II къ графу А. Г. Орлову.—Бумаги о самозванкѣ Таракановой. — Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ и къ г-жѣ Жоффренъ. Цѣна 2 р.

Томъ II. Сношенія Россіи съ Швеціею при Александрѣ I.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Автобіографическая записка графа Поццо ди Борго.—Депеши графа Литты.—Изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова.—Записка Димсдаля о пребываніи его въ Россіи. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Автобіографія графа I. Каподистріи. —Инструкція Екатерины II-й фонъ - Ребиндеру.—Письма им. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Цѣна 3 р.

Томъ IV. Екатерининская Комиссія для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I къ Ф. Ц. Лагарпу.—Бумаги князя Н. В. Репнина.—Документы изъ дѣлъ Саксонскаго архива.—Письма гр. П. И. Панина къ сыну его. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. — Записка князя А. Чарторыйскаго им. Александру.—Документы изъ Саксонскаго архива. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II-й. 1744—1764 г. Часть I. Ц. 3 р.

Томъ VIII. Екатерининская Комиссія объ Уложеніи. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Переписка о бракѣ Густава IV съ Александрою Павловною. — Письма кн. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцову. Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги Екатерины II-й. 1765—1771. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го. Цѣна 3 р.

Томъ XII. Переписка Англійскихъ пословъ при Русскомъ дворѣ 1762 — 1769. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги Екатерины II. 1771—1774. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Екатерининская Комиссія объ Уложеніи. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ. —Донесенія барона Мардефельда.—Бумаги князя Репнина. Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги князя Н. В. Репнина за время управленія его Литвою. Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка Екатерины II-й съ Фальконетомъ. Ц 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Переписка Англійскихъ пословъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. Переписка Екатерины II-й съ Фридрихомъ II-мъ. Письма Маріи Ѳеодоровны и Павла Петровича къ барону Сакену. — Записка А Н. Оленина 14 Декабря 1825 г.— Сотрудничество Екатерины II-й въ „Собесѣдникѣ". Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышова и князя А. Б. Куракина изъ Парижа (1811 и 1812 гг.). Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Депеши Прусскаго посланника Сольмса 1763—1766 г. Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма Екатерины II-й къ барону Гримму. Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія Голландскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, ч. I-я. Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Бумаги фельдмаршала графа П. Б. Шереметева. Съ гравированнымъ портретомъ Петра Великаго. Цѣна 3 р.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

1879.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1879 года изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ доставкою на домъ, равно и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

Адресъ: Въ Москву, на Садовую, противъ церкви святителя Ермолая, въ домъ Баженовой, № 606, въ Главную Контору Русскаго Архива.

*

Тамъ же можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1877 и 1878 годовъ; остальные годы вышли изъ продажи.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанномъ мѣстѣ.

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"